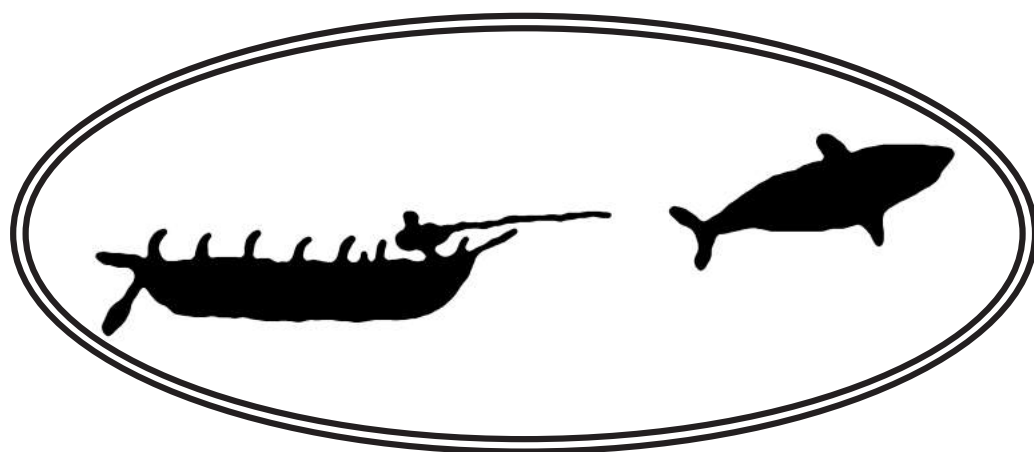

Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям

Программа фундаментальных исследований
Президиума Российской академии наук

Адаптация народов и культур к изменениям природной
среды, социальным и техногенным трансформациям

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям

Программа
фундаментальных исследований
Президиума
Российской академии наук

МОСКВА
РОСПЭН
2010

Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям

Программа
фундаментальных исследований
Президиума
Российской академии наук

Ответственные редакторы
А. П. Деревянко,
А. Б. Куделин, В. А. Тишков

МОСКВА
РОССПЭН
2010

УДК 930.85
ББК 71.04
А28

Публикуется в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Адаптация народов и культур к изменениям природной среды,
социальным и техногенным трансформациям»

Ответственные редакторы:
А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков

Утверждено к печати Отделением историко-филологических наук РАН

A28

Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков ; Отд.-ние ист.-филол. наук РАН. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 544 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-1276-8

Книга познакомит читателей с результатами Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (2006–2008 гг.). В рамках программы были интегрированы усилия историков, археологов, этнологов, антропологов и лингвистов, работы которых велись по шести направлениям: Механизмы и формы культурной адаптации человека к изменениям природно-климатической системы; Экологические аспекты культурогенеза в древности и Средневековье; Адаптация как фактор формирования антропологического своеобразия древнего и современного населения Евразии; Этнические общности и мигранты; Культурная и языковая динамика в исторической ретроспективе; Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах. Исследованы исторические и современные формы, механизмы и последствия социально-культурных адаптаций.

Для археологов, историков, антропологов, социологов, лингвистов и широкого круга читателей.

УДК 930.85
ББК 71.04

ISBN 978-5-8243-1276-8

© Отделение историко-филологических наук РАН, 2010
© Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2010
© Коллектив авторов, 2010
© Оформление. Издательство «Российская политическая энциклопедия», 2010

ВВЕДЕНИЕ. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ АДАПТАЦИИ: ТЕОРИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Социальные перемены являются условием человеческого развития, но эти перемены оказываются возможными в силу универсального механизма адаптации, через который сохраняется и передается человеческий опыт и осваиваются новые общественные практики. Современная эпоха с ее мощными унифицирующими тенденциями и сохраняющимся разнообразием между странами и культурами со всей остротой выдвинула проблему исследования процессов адаптаций населения и отдельных человеческих популяций и обществ как в условиях заселения и освоения территорий Земли, так и в условиях нынешних социальных трансформаций.

Мировая гуманитарная наука обратилась к вопросам адаптации еще в начале XX в. Изучение проблем адаптации, в первую очередь социальной, в настоящее время становится за рубежом своеобразным научным мейнстримом, в русле которого активно сотрудничают историки, социологи и психологи, философы и культурологи, социальные работники и педагоги, ученые и управленцы разных стран и континентов. В российском общественном сознании накоплены отдельные научные разработки самого высокого уровня, но до сих пор не было сделано попыток интегрированного междисциплинарного подхода. Слабо изучены опыт и текущая практика адаптационных процессов в условиях современных общественных трансформаций после распада СССР, прежде всего в России, где эти изменения носят наиболее глубокий и радикальный характер.

Адаптация – междисциплинарный, полисемантический термин, использующийся во многих областях знаний естественнонаучного и гуманитарного профиля как инструмент познания отдельных аспектов взаимодействия социальных и природных систем, т. е. так называемой коэволюции. Решение проблем адаптации имеет важное теоретическое значение. Оно связано с вопросами разработки методологически эффективных средств познания общих и индивидуальных параметров культурно-исторических процессов, потенциалов инновационного развития того или иного общества, а также представляет интерес для проведения международных сравнительно-исторических исследований.

Оценивая степень взаимосвязанности истории, археологии и этнографии, демографии, философии, лингвистики, психологии в исследованиях адаптивной проблематики, необходимо отметить, что комплексный (интеграционный) подход еще не стал здесь ведущим типом системной организации знаний. Требуется координация усилий и разработка общего для них понятийного аппарата и банка данных.

Комплексное исследование адаптации на основе археологических, исторических, этнографических и лингвистических источников в условиях заселения и освоения новых территорий, философское осмысление и социологическое изучение этого процесса являются актуальной исследовательской и научно-образовательной темой. Выработанные человеком и человеческими популяциями адаптивные практики как биологического, так и историко-культурного характера с разной степенью воздействия на человеческую эволюцию сохраняли свое значение на всех этапах истории. Некоторые созданные в глубоком человеческом прошлом эволюционные механизмы адаптации на генетико-биологическом и этологическом (поведенческом) уровнях имеют ключевое значение для решения ряда важнейших медицинских, хозяйственных и социальных проблем современного развития.

В рамках проблем адаптации необходимо рассматривать также некоторые вопросы исторической динамики народонаселения, внутренних и внешних миграций населения как на вновь осваиваемых территориях, так и миграционных перемещений трудового или вынужденного характера. Отдельная актуальная проблема, особенно для России и других развитых стран, – это взаимоотношения новоселов и старожилов, а также разных социальных, религиозных и этнических групп; это создание адекватных новым условиям форм материальной, духовной и соционормативной культуры в ситуациях демографических кризисов и миграционных перемен.

В настоящее время центр научных интересов смещается от изучения функционирования структур и институтов к анализу поведенческих стратегий на микроуровне – ценностных ориентаций и мотиваций деятельности отдельных людей и

малых групп (семья, община, землячество, корпорация и т. д.). В России и за рубежом распространение получили концептуальные подходы и методический инструментарий направления социальной истории, в рамках которой осуществляется изучение процессов и последствий адаптации личности и малых групп как к эволюционным, так и к чрезвычайным, экстремальным условиям существования.

Таким образом, новизна и важность темы выполненной в 2006–2008 гг. данной Программы фундаментальных исследований Президиума РАН обусловлена ее конкретно-историческим содержанием и теоретическим потенциалом, а также возможностями практического использования для осуществления эффективной управленческой политики в социальной и культурно-образовательной сферах, для предотвращения конфликтов и напряженности в ходе экономических и социальных реформ, при осуществлении демографической и миграционной политики в современной России.

Программа ставила своей целью выделить исторические этапы адаптационной эволюции человека и современные формы адаптации: технологические, экологические, экономические, демографические, культурологические, социально-психологические, политические и другие. При этом в центре внимания исследователей были как общемировые закономерности, так и российская специфика. Во многих случаях в формах и практиках адаптации рассматривались своего рода стадии или этапы: *преадаптация* – использование уже «готовых» элементов внутренней структуры адаптанта, приспособленных заранее форм при внезапных изменениях среды; *инадаптация* – собственно адаптация, *постадаптация* – частное совершенствование, дофилировка приобретенной адаптации.

Большую научную значимость имеет выявление характера адаптаций, которые могут обладать гиперинновационными, инновационными и традиционными характеристиками. Не менее важно было выявить также совокупность средств, с помощью которых приводится в действие и самореализуется адаптивный потенциал субъекта для восстановления нарушенного равновесия в системе «адаптант – адаптирующая среда» или в условиях глубоких социальных реформ и реализации крупных проектов общественного развития.

Правильность положений об адаптации, разрабатываемых на уровне общесоциологических тео-

рий, подтверждает вся историческая практика человечества. Человек, освоивший все земное и даже часть внеземного пространства, действительно обладает уникальными адаптивными возможностями и тем самым радикально отличается от всего остального живого мира на планете Земля. Где пределы этой адаптивности, всегда ли она была успешной и может ли человек, а вместе с ним и все человечество утратить свои адаптивные возможности или они могут оказаться недостаточными в случае с новыми вызовами своего собственного существования и окружающего мира? Это один из глобальных вопросов общественнознания, и это своего рода философская, экзистенциальная проблема. Но есть масса других, более частных вопросов, которые подвергаются научному анализу. Например, гипотетические положения об адаптациях этнических и других сообществ к модернизирующейся среде, культурно отличительных переселенцев к новым местам проживания можно эмпирически проверить на основе сравнительных исследований, характеризующих общее и особенное в закономерностях адаптации социальных систем в различных странах, а также в различных регионах одной страны.

Важнейшей задачей выполненных исследований являлось выявление механизмов и последствий социально-культурных адаптаций в условиях современных трансформаций. Остается до сих пор невыясненной во всей своей полноте картина демографических и миграционных перемен на территории бывшего СССР, и прежде всего в России. Необходимы срочные исследования миграционных процессов, механизмов и форм адаптации иммигрантов в принимающей среде, а также реакции принимающей среды на новожителей крупных городов и малых населенных пунктов.

В рамках программы исследованы адаптационные стратегии разных социальных и возрастных групп населения к радикальным изменениям в сфере отношений собственности и условиям рыночной экономики. Большой научный интерес представляет изучение прошлого опыта хозяйствования, традиций частного и коллективного землепользования в разных природных средах и регионах России. Это имеет огромное значение для решения проблем аграрной реформы и обеспечения стабильности в таких регионах, как Северный Кавказ.

Важные и мало изученные адаптационные аспекты общественного поведения заключаются в таких сферах жизни, как обеспечение гражданского согласия, правопорядка и законопослушания на основе традиционных социальных норм и

правил регулирования общественной жизни (особенно на уровне местных сообществ), а также на основе централизованного государственного правопорядка, включающего большое число постоянно появляющихся правовых новаций. Это тоже своего рода адаптация правовых норм и институтов к быстро меняющимся реалиям жизни. В рамках этого направления важно было изучить явления массового выхода из правового пространства отдельных групп населения (по религиозному, этническому или возрастному принципу), которые представляют собой в том числе проявления недостаточной адаптации людей к новым политическим, социальным и культурным явлениям.

Крупные адаптационные изменения произошли в России в сфере культурно-ценностных ориентаций, в стратегиях частного и группового поведения, в отношении к здоровью и духовно-нравственным ценностям жизни, в семейно-родственных отношениях. Все эти изменения требовали своего изучения для лучшего понимания российского общества и обеспечения более эффективного управления. Эта последняя сфера, возможно, потребует отдельной научной программы в следующем цикле программ Президиума РАН.

Общее руководство программой выполнял Научный совет, в который вошли руководители и некоторые члены Отделения историко-филологических наук, а также директора ряда институтов. Базовым научно-исследовательским институтом являлся Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Структура программы включала в себя шесть разделов, хотя итоговая публикация ее научных результатов сделана в трех более крупных частях. Для лучшей ориентации читателя книги приведем эту структуру с указанием координаторов направлений и научных проектов.

№	Направления	Координаторы	Число проектов
I	Механизмы и формы культурной адаптации человека к изменениям природно-климатической системы	<i>акад.</i> <i>Деревянко А. П.,</i> <i>чл.-кор.</i> <i>Амирханов Х. А.</i>	28
II	Экологические аспекты культурогенеза в древности и Средневековье	<i>акад.</i> <i>Молодин В. И.,</i> <i>д-р ист. наук</i> <i>Гуляев В. И.</i>	32

№	Направления	Координаторы	Число проектов
III	Адаптация как фактор формирования антропологического своеобразия древнего и современного населения Евразии	<i>акад.</i> <i>Алексеева Т. И.,</i> <i>чл.-кор.</i> <i>Бужилова А. П.</i>	10
IV	Этнические общности и мигранты	<i>д-р ист. наук</i> <i>Губогло М. Н.,</i> <i>д-р ист. наук</i> <i>Трепавлов В. В.</i>	22
V	Культурная и языковая динамика в исторической ретроспективе	<i>чл.-кор.</i> <i>Гацук В. М.,</i> <i>чл.-кор.</i> <i>Корниенко Н. В.</i>	41
VI	Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах	<i>акад.</i> <i>Поляков Ю. А.,</i> <i>чл.-кор.</i> <i>Тишков В. А.</i>	28
	Всего		161

Таким образом, всего по программе был выполнен 161 проект, приняли участие ученые 27 академических институтов из разных научных центров РАН. За три года работы опубликовано 216 монографий, коллективных трудов и сборников статей и еще 71 книга должна выйти в ближайшее время. При такой широте охвата проблем и с учетом ряда еще не вышедших в свет научных публикаций едва ли возможно в нашем Введении изложить основные научные результаты программы. Публикуемые в данном труде краткие статьи-отчеты дают достаточно полное представление. Однако кое-что из вновь добытого научного знания заслуживает упоминания.

Среди важнейших научных результатов можно выделить следующие.

Проекты в рамках направления «**Механизмы и формы культурной адаптации человека к изменениям природно-климатической системы**» были посвящены первобытной археологии обширных регионов Восточной Европы, Кавказа, Прибалтики, а также района Арктики на северо-востоке России. Хронология изучавшихся памятников охватывает время от среднего палеолита до бронзового века включительно. В качестве наиболее значимых результатов можно отметить, что установлены важнейшие характеристики хроностратиграфии

и культурной динамики средне- и ранневерхнепалеолитических культур Евразии. Осуществлена оценка фактора социокультурной адаптации как важнейшей движущей силы становления и развития верхнепалеолитических традиций в регионах Старого Света.

На Алтае установлено, что в конце верхнего палеолита человек заселял все формы рельефа, развитые в долинах крупных рек и их притоков. Система организации стоянок включала выбор исходного сырья вблизи мест обитания, создание искусственных сооружений и возможности эксплуатации биоресурсов в среде видового разнообразия мегафауны, приспособленных к условиям различных ландшафтных зон. Культура населения этой части региона Северной Азии, отраженная в наборах каменного и костяного инвентаря, формирует часть унифицированной культуры конца верхнего палеолита Южной Сибири и Центральной Азии.

Завершено формирование базы данных по всей совокупности радиоуглеродных дат палеолитических памятников Восточной Европы и Северной Азии. На основании полевых работ установлена хронология памятников рубежа плейстоцена – голоцена на Валдайской возвышенности. Суммированы результаты исследований, посвященных развитию культур финального палеолита и мезолита лесной зоны на пространстве от Западной Европы до Западной Сибири. На Северо-Западном Кавказе впервые для этой территории изучены материалы, отражающие процесс смены культур палеолитического облика культурой мезолитического типа. На основе обобщения археологических и палеоэкологических данных разработана новая концепция заселения северо-востока Европы в каменном веке.

Проекты направления **«Экологические аспекты культурогенеза в древности и Средневековье»** охватывали широкий круг проблем, связанных с рассмотрением тесного взаимодействия и взаимовлияния природных и социально-экономических, политических, идеологических факторов в качестве одной из главных движущих сил в развитии древних и средневековых обществ. Географически рассматриваемые проекты включали почти всю территорию России – от Приморья на востоке до Карелии на западе, хронологически – время от мезолита до XVII в. н. э.

В Западной Монголии впервые обнаружены и исследованы памятники пазырыкской культуры, в которых благодаря мерзлоте сохранились одежда, деревянные украшения и оружие скифского воина. На основе полученной коллекции древесины из погребальных сооружений с помощью дендрохронологии удалось надежно определить

календарные даты для пазырыкских памятников Северо-Западной Монголии и связать их с однокультурными курганами Российского Алтая.

К числу значимых результатов относится создание наиболее точной хронологии культур Центральной Азии от неолита до раннего Средневековья, по реконструкции на основе экологических материалов палеоклимата в регионе на протяжении последних 6 тыс. лет и адаптации местного населения к изменяющимся природным условиям. Заслуживают внимания исследования по выделению адаптивных элементов в материальной культуре Карелии от эпохи мезолита до Средневековья, исследования городов киданей, прямой связи судьбы городских центров Северного Кавказа в X–XV вв. н. э. с природными катаклизмами (землетрясения, трансгрессия моря и т. д.).

В направлении **«Адаптация как фактор формирования антропологического своеобразия древнего и современного населения Евразии»** обработан и введен в научный оборот огромный массив антропологических данных, характеризующих население Западной Сибири от эпохи неолита до раннего железного века. Впервые изучаемое население охарактеризовано по нескольким независимым системам антропологических признаков, что позволило объективно оценить степень влияния на выработку его адаптационных стратегий различных факторов: природно-климатических и ресурсных характеристик вмещающего ландшафта, воздействия миграционных потоков, эволюции культурных характеристик. Для реконструкции сложения адаптивных норм в популяциях Евразии (в т. ч. групп Дальнего Востока и Японских островов) проведены комплексные исследования современного и древнего населения. Продемонстрирована тесная взаимосвязь биологической адаптации коренного населения с культурной адаптацией как мощным компенсаторным механизмом.

Сравнительные антропогенетические исследования некоторых сельских и городских популяций выявили значительное усиление миграционного давления в городах. Отмечаются рост пропорций аутбредных браков (процессы метисации) и изменения генетической структуры исследованных групп. Методика прогнозирования живого лица на основе черепа позволила проследить хронологическую изменчивость физического облика некоторых групп Западной Сибири и Казахстана. В числе прочих причин изменчивости рассматривается и адаптация к специфическим природным условиям. На примере нескольких европейских групп смоделирован процесс эстетического восприятия антро-

пологического разнообразия в ситуации временных миграций, межэтнических контактов и смене возрастных категорий. На примере племени хадза (Северная Танзания) прослежена трансформация социальных отношений охотников-собирателей как следствие культурной адаптации к современным условиям жизни.

В направлении **«Этнические общности и мигранты»** наряду с большим объемом новых этнографических материалов наиболее ценным результатом стали выводы о многообразии вариантов адаптационных процессов и их влиянии на динамику социально-этнических ситуаций в различных регионах России. Установлено, что на особенности процесса адаптации людей к меняющейся среде немаловажное влияние оказывают некоторые черты их этнической культуры. В частности, растущее в условиях распада Советского Союза этническое самосознание оказалось во многих случаях фактором, способствующим адаптационным процессам, как и знание языков титульных народов, ставших государственными.

Исследования, проведенные на Алтае, в Туве и Хакасии, показали, что в адаптационных процессах к новым условиям жизни для основных этнических групп этих республик гораздо большее значение имеют различия регионального характера, обусловленные особенностями социально-экономического развития регионов, нежели этнические факторы. В то же время для представителей титульных народов всех трех республик в сфере культурных преобразований довольно существенна роль этнического фактора, значимость этнической идентичности. На новой источниковой базе проведено комплексное исследование процессов массовой миграции и особенностей адаптации мигрантов и беженцев в период глубоких политических и социальных трансформаций XX в., раскрыта картина их жизнедеятельности (быт, культура, образование, религия, занятость, взаимоотношения с властью, с коренным населением, интеграция в общество, сохранение традиции и появление новаций).

На примере Сибирского федерального округа удалось установить, что неорганизованная международная трудовая миграция постсоветского общества имеет нерегламентированный долговременный характер; адаптация мигрантов ориентирована на групповые формы и происходит по схеме депривации, которая сопровождается изменением традиционных этносоциальных отношений, но не имеет конфликтной составляющей в сфере межнациональных отношений. Международная трудовая миграция в Сибирском федеральном округе

является этнической по форме и экономической по содержанию.

На основе широкого круга источников осуществлено комплексное исследование традиционной медицинской культуры ряда народов России и определено ее значение в системе адаптации к окружающей природной среде. Показано состояние народно-медицинских практик в период постсоветских социально-экономических трансформаций, народный медицинский опыт использован при создании лекарственных препаратов для улучшения качества жизни и коррекции адаптивных реакций организма в условиях Севера.

По направлению **«Культурная и языковая динамика в исторической ретроспективе»** важнейшие результаты достигнуты лингвистами в области исследования языков мира. Проведена работа по созданию базы данных по лексике урало-алтайского праязыка, которая на сегодня включает 630 сближений. В этом направлении достигнут значительный прогресс в выделении контактной части урало-алтайских сходжений и построении адекватных фонетических реконструкций отдельных языковых групп. Одной из центральных проблем стала проблема контактов на основе новых аспектов и данных. Так, проанализирована роль контактов родственных и неродственных языков Африки в определенных ареалах. На материале миноритарных языков иранской группы (таких регионов, как Афганистан, Иран и КНР), а также миноритарных романских языков и языков кельтской группы рассмотрен ряд ключевых вопросов языкознания: проблема «распада» и характер «ветвления» индоевропейской языковой общности.

Исследована этноязыковая специфика процессов взаимодействия языков в разных регионах мира (Европа, Азия, Америка) на материале языков разных структур – славянских, монгольских, тюркских, балтийских, германских, романских. Разработаны принципы социолингвистической типологии, в связи с чем были установлены общие знаменатели, позволяющие провести адекватное сопоставление функционирования и взаимодействия языков в разных социальных условиях. Завершена работа по подготовке очередного тома энциклопедии «Языки мира», посвященной дравидийским языкам. Применение единой типологической схемы позволило вывести на новый уровень понимание грамматической основы дравидийских языков, изучение их взаимосвязей с другими языковыми семьями Южной Азии и проблемы формирования южноазиатского языкового союза.

Особое внимание уделено русскому языку, его истории, контактным связям и взаимодействию

с языками России и других ареалов. Новые методики применены при изучении более широких связей между славянскими языками. Так, выявлена стратификация черт, характеризующих разные временные слои развития славянских языков – общеиндоевропейские, балто-славянские, собственно славянские и относящиеся к периоду после распада общеславянского языка. Ранее неизученные материалы и данные о межъязыковых связях получены в экспедиционных исследованиях топонимики и межэтнических взаимодействий. Проведена работа по созданию оригинального сводного словаря заимствованной тюркской лексики в русском языке, который отражает исторические и современные контакты русского языка с тюркскими языками народов России и ближнего зарубежья.

В цикле литературоведческих проектов выделяются следующие результаты. Нетривиальное решение достигнуто в освещении современного статуса фольклора с точки зрения архаики и инновации; это осуществлено на материале фольклорных жанров балканских и балтийских традиций. Расширен анализируемый материал, изучено отражение фольклора в литературных произведениях прежде не изучавшихся в этом аспекте, уделено внимание связям апокрифов с фольклором. Исследования подтвердили большую стабильность и консервативность заговорно-заклинательных жанров в их нынешней сохранности. На основе актуальных собирательских программ осуществлено большое число фольклорных экспедиций. Особенно интересны результаты по центральной части России. Оригинальны также результаты изучения современной литературы на восточнославянских языках пограничья Беларуси, России, Украины. Успешно исследовано развитие комплексного подхода в изучении взаимодействия музыкальной, устно-поэтической и художественно-изобразительной традиций народов Дагестана, функционирования культурного наследия в современной духовной и языковой культуре адыгских и карачаево-балкарских народов.

Анализ дискурсных взаимодействий позволил выявить механизмы адаптации русской литературы в общей системе словесной культуры и показал, что данные механизмы непосредственно связаны с социокультурными условиями исторической эпохи и направлениями социальных сдвигов и перемен. Было показано, что посредством прямых связей с нехудожественными дискурсами и включением в художественный текст субтекстов иной дискурсной природы литература оптимизи-

рует свои социокультурные контексты в коммуникативной системе общества.

По направлению **«Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах»** выявлены адаптационные ресурсы и практики населения различных регионов России к особенностям природного и ландшафтного окружения; индивидуальные и групповые механизмы хозяйственной, социально-культурной и социально-психологической адаптации основных социальных и этнических групп к коренным сдвигам, происходившим в ходе масштабных трансформаций как в историческом прошлом, так и на рубеже XX–XXI вв.

Рассмотрены различные аспекты проблемы сохранения культурных традиций народов России в условиях глобализации. В частности, проведен анализ последствий модернизационных процессов среди народов Кавказа. Предметом исследований стали трансформации культурных стереотипов, проявляющиеся в системе жизнеобеспечения, в религиозных и языковых практиках, в поведенческих стереотипах публичной личности. Исследованы основные тенденции в становлении современной идеологии на Северном Кавказе, духовных ценностей и морали, формировании этнической идентичности, а также роль профессиональной культуры.

Раскрыты различные аспекты демографических процессов европейского Севера, Приуралья, Западной Сибири, Дальнего Востока и других регионов России, а также ближнего и дальнего зарубежья. Изучены и обобщены документальные (архивные) и полевые материалы, прослеживающие влияние политических и экономических факторов на этническое хозяйствование и социальные процессы у аборигенных народов Севера в XX – начале XXI в.

Впервые комплексно исследована проблема социально-психологической адаптации населения Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Рассмотрено взаимовлияние политики местных властей и процесса выработки новых адаптационных практик населением. Выявлены общие черты и особенности протекания процесса социально-психологической адаптации у различных социальных групп.

Таким образом, объединение в рамках программы усилий специалистов академических научных центров позволило получить новые важные для развития гуманитарной науки практически значимые результаты, которые были обсуждены на Итоговой научной конференции (г. Москва, 27–28 октября 2008 г.), а наиболее интересные исследования представлены в данном итоговом томе.

РАЗДЕЛ 1. АРХЕОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Деревянко А. П., Анойкин А. А., Зенин В. Н.

ДРЕВНЕЙШИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПОПУЛЯЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИКАСПИЙСКОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ЭВОЛЮЦИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Территория предгорной зоны Восточного Кавказа оставалась до недавнего времени одной из наименее изученных в палеолитическом отношении областей кавказского региона. Находки ранних гоминидов в Грузии (Дманиси, пещера Кударо-1) и Азербайджане (пещера Азых), а также многочисленные стоянки разных этапов палеолита свидетельствуют, что на протяжении всех ранних этапов мировой истории Кавказ являлся одним из основных транзитных коридоров при расселении человеческих коллективов по Евразии¹. Вместе с тем все основные известные палеолитические объекты, за редким исключением, сосредоточены в центральной части Кавказа или вдоль его черноморского побережья, хотя при меридиональном пересечении региона западное побережье Каспийского моря является не менее, если не более, логичным и удобным маршрутом. Предгорная равнина позволяет быстро передвигаться на большие расстояния, а близость низкогорной зоны обеспечивает возможность постоянного пополнения ресурсов в предгорных участках с богатой и разнообразной биотой. Реки на прикаспийской равнине, как правило, не имеют сильного течения и мелководны, что позволяет их легко преодолевать. Конечно, на протяжении неоплейстоцена геоморфологическая ситуация в прибрежной зоне сильно изменялась, однако в периоды крупных регрессий Каспия на контакте моря и горных областей должны были существовать обширные равнинные участки, являющиеся удобной территорией для заселения и передвижения древних человеческих коллективов. Тем не менее вплоть до начала XXI в. археологические материалы палеолитического времени на западном побережье Каспия были известны в основном только для горных районов Азербайджана и освещали развитие древних культур на данной территории очень фрагментарно, преимущественно оставаясь в рамках мустьерского времени². Территория Дагестана была изучена в плане палеоли-

товедения еще слабее, и набор известных объектов ограничивался несколькими местонахождениями с поверхностным залеганием артефактов. Археологические изыскания последних лет, проводившиеся совместными экспедициями ИЭАТ СО РАН, ИА РАН и ИЭА РАН, позволили значительно увеличить объем наших знаний о древнейших этапах истории этого района Кавказа, в первую очередь благодаря данным, полученным в ходе работ на палеолитических объектах в долинах р. Рубас и Дарвагчай (Южный Дагестан) (*рис. 1*).

Первые сведения о существовании палеолита на территории Дагестана были получены М. З. Паничкиной в конце 30-х гг. XX в. (сборы у с. Геджух, среднее течение р. Дарвагчай)³. Дальнейшие поиски палеолитических местонахождений осуществлялись в 1950–1960-х гг. В. Г. Котовичем. В ходе работ на территории предгорной зоны им было обнаружено около десятка местонахождений с поверхностным залеганием археологического материала палеолитического облика. Наиболее древние материалы были обнаружены В. Г. Котовичем на местонахождении Чумус-Иниц (среднее течение р. Дарвагчай) и предположительно датированы ашельским временем⁴. Новый этап исследования палеолита Дагестана берет отсчет с 2003 г. и связан с работами совместной экспедиции нескольких институтов РАН под общим руководством академика А. П. Деревянко⁵. В ходе археологических исследований за шесть последних лет в бассейнах р. Дарвагчай и Рубас было открыто более 20 памятников палеолита, в т. ч. несколько стратифицированных и многослойных объектов. Хронологический интервал обнаруженных и изученных индустрий охватывает все основные этапы древнего каменного века — от ранних стадий нижнего палеолита, маркирующих этапы первоначального заселения территории Кавказа, до развитого верхнего палеолита и позволяет создать общую схему эволюции древнейших культур на данной территории.

Наиболее ранние стратифицированные палеолитические комплексы были обнаружены на стоянках Дарвагчай-1 и Рубас-1 (нижний комплекс)⁶. Местонахождение Рубас-1 расположено по правому берегу р. Рубас (Табасаранский р-н Республики Дагестан) на 30-метровом террасовидном уступе, имеющем следующее геологическое строение⁷.

В основании разреза залегают горизонтально-слоистые темно-серые глины (слой 6). Осадки морского генезиса, предположительно имеют плиоценовый возраст ($N_2^3_{ak}$ или древнее, до N_1^2 , устное сообщение Лецинского С. В.). На глинах с большим хронологическим разрывом залегает нижний культуросодержащий (ранний палеолит) слой (слой 5), представленный тонкой гравийно-галечной прослойкой с зеленовато-серым алеврито-песчаным заполнителем. Слой 5 перекрывают мелкозернистые карбонатные пески светло-коричневого цвета с прослоями светлых желтовато-коричневых глин, в которых встречаются отпечатки листьев и стеблей травянистых растений (слой 4). Мощность ~8 м. Палинологический анализ образцов, полученных из слоя 4, показал изменяющуюся систему доминирования от пыльцы древесных таксонов (*Carpinus orientalis*, *Betula*, *Alnus*, *Quercus*) к пыльце трав (*Artemisia*, *Chenopodiaceae*, *Asteroidae*) вверх по разрезу, что может характеризовать распространение открытых ценозов в это время в окрестностях памятника. Также обращает на себя внимание присутствие в образце из средней части слоя большого количества хламидоспор эндомикоризного гриба *Glomus*, который является показателем почвенной эрозии, что может свидетельствовать о существовании в данное время сухопутных условий в окрестностях стоянки. Возможно, это была прибрежная зона, характеризующаяся эрозионными процессами⁸. Выше слоя 4 с большим хронологическим разрывом залегают гравийно-галечно-валунные отложения речного генезиса, местами слабо сцементированные до конгломерата (слой 3). Мощность ~3,5–3,8 м. В слое присутствует археологический материал среднепалеолитического облика. Галечники перекрывает аллювиальный песок с прослоями светло-серого алеврита (слой 2). Мощность ~0,3–0,6 м. Венчает разрез пачка светло-коричневых супесчано-суглинистых отложений сложного генезиса (совокупность коллювиальных, делювиальных и эоловых процессов) — слой 1. В слое выявлено несколько уровней залегания каменных артефактов, относящихся к финалу среднего — верхнему палеолиту. Мощность — до 4 м.

В 2006 г. в гравийно-галечной прослойке (слой 5), накопление которой проходило, по-видимому, в бурунной зоне древнего пляжа в начальную фазу трансгрессии моря, был обнаружен комплекс древ-

них каменных артефактов⁹. Среди угловатых обломков кремня, представляющих незначительную часть гравийно-галечной составляющей, которая включает в основном известняки и песчаники, часть предметов была определена как артефакты. Диагностика изделий затруднена сильной «сглаженностью» поверхности предметов, что скорее всего связано с абразионным воздействием на них песка в пляжно-прибрежных условиях, в которых формировался слой, и особенностями самого кремневого сырья (сильная внутренняя трещиноватость, следствием которой являются частые случаи природного раскалывания отдельностей кремня с последующим образованием псевдоорудий).

Площадь раскопок в настоящее время составляет 110 м². Общее количество обнаруженных кремневых отдельностей превышает 1500 экз.¹⁰. Предметы в основном имеют размеры до 5 см, хотя встречаются единичные экземпляры желваков до 20 см по длинной оси. В общей сложности около 60 экз. кремня имеют признаки искусственного расщепления разной степени выраженности. Сохранность и облик предметов определили разделение коллекции на две группы: типологически выраженные изделия и предметы с возможным антропогенным воздействием. Изделия первой группы представлены в основном сколами, легко диагностируются, имеют четкие следы антропогенного воздействия и выраженную системность обработки. Предметы из второй группы представлены обломками и осколками, видимая вторичная обработка которых не имеет четкой системы, не образует выраженных рабочих элементов и может носить естественный характер. Также в эту категорию попадает группа мелких сколов, с большой долей вероятности образованных при естественном расщеплении кремневых галек вследствие соударения. Особенностью индустрии является ее микролитичность (средние размеры ~2–3 см), предпочтительное оформление орудий на несколовых основах (осколки, обломки), малое разнообразие орудийных форм (шиповидные, выемчатые и скребковые формы) и развитая техника ретуширования. Относительный возраст и морфологический облик основных категорий орудий позволили отнести эти материалы к числу микроиндустрий начальных этапов раннего палеолита. На сегодняшний день наиболее близкие аналогии данным артефактам прослеживаются в материалах стоянки Дарвагчай-1, датируемых бакинским временем (Q_1b), однако, исходя из имеющихся данных, для индустрии Рубаса-1 можно предполагать более древний возраст.

Стационарные исследования раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-1 (Кайтагский р-н Республики Дагестан) проводятся с 2005 г.¹¹ Древнейшие палеолитические комплексы этого многослойного памятника приурочены к прибрежно-

морским осадкам бакинской террасы раннего неоплейстоцена (~750–550 тыс. л. н.). Их формирование проходило в пляжно-береговых условиях в период одной из ранних неоплейстоценовых трансгрессий Каспийского моря. В ходе исследований на значительной площади была вскрыта цементированная толща четвертичных отложений Бакинско-го времени.

В стратиграфическом разрезе стоянки представлено три пачки отложений. Пачка 1 (слой 1) — тонкослойчатый алеврит и тонкозернистый песок, сформированные в акчагыльское (N_{2ak}^3) (?) время. Пачка 2 (слои 2–9) образована в субаэральных условиях морского побережья и на глубинах до 10–15 м. Представлена отложениями бакинско-го времени (Q_b). Пачка 3 (слои 10–13), вероятно, сформирована в постбакинское время в субаэральных условиях. Нижняя и средняя пачки отложений весьма насыщены микрофауной — во многих образцах обнаружены сотни раковин и створок остракод и фораминифер прекрасной сохранности, что включает возможность переотложения остатков.

Анализ стратиграфического распределения остракод показал, что часть видов известна с плиоцена. Другие впервые появляются в бакинское время, но известны и позднее. Некоторые виды соотносятся только с бакинским интервалом (*Leptocythere aff. maehae* Stepanaitys, *L. pauca* Stepanaitys). По изменению состава остракод для бакинских отложений Дарвагчая-1 можно выделить два комплекса: 1) ассоциацию с доминированием *Cyprideis littoralis* (Brady) и *Tyrrhenocythere pseudoconvexa* Livaltal (слои 3 и 5); 2) с господством *Leptocythere* и участием пресноводных таксонов (слой 7). В верхней части разреза (со слоя 9) происходит резкое снижение численности остракодовой фауны и замена ее фораминиферой. Результаты анализа остракодовой и фораминиферой фауны в целом согласуются с данными по фауне морских моллюсков. В основании разреза (слой 3) определены раннебакинские виды (*Didacna parvula* Nal., *D. cf. catillus* Eichw.). Выше по разрезу (слои 5 и 8) определены раковины моллюсков верхнебакинского подгоризонта.

Палинологический анализ в целом показал, что основная часть (~87 %) спорово-пыльцевого спектра принадлежит травам — маревым, занимающим до 70 % в группе, а также осокам, злакам, зонтичным и цикориевым. Деревья — сосна, береза и дуб — занимают ~13 % общего состава. Данный спорово-пыльцевой спектр позволяет реконструировать обширные открытые, достаточно сухие и, вероятно, сильно расчлененные ландшафты¹².

За все время исследования вскрыты четвертичные отложения на площади 90 м² и выделено 5 горизонтов залегания каменного материала.

Культурные материалы зафиксированы в слоях 5, 6, 7 (прослой 7/2, 7/4) и 8. Общее число каменных изделий составляет 6656 экз., включая 1984 орудия. При этом 98 % предметов в разной степени окатаны, что связано с приуроченностью стоянки к прибойно-береговой полосе и, как следствие, перемещением археологического материала в субаквальных условиях пляжа.

При анализе состава сырья отмечается абсолютное преобладание кремня как в первичном расщеплении, так и для изготовления орудий (более 99 %). Исходным материалом служили хорошо окатанные гальки, желваки, аморфные обломки и плитчатые отдельности. Их размер колеблется в пределах от 4 до 15 см. Хотя обилие кремня на участке расположения стоянки позволяло древним мастерам отбирать желваки и обломки сырья, пригодные для изготовления орудий размером более 5 см, индустрии Дарвагчая-1 характеризуются преобладанием микролитического инвентаря. Средние размеры орудий не превышают 30 мм, отщепы и орудия на сколах крупнее 50 мм единичны. В группу изделий размером более 50 мм входят в основном гальки со сколами, нуклеусы и орудия из целых галек. Микролитический облик артефактов сохраняется на всем протяжении существования индустрии. Кроме того, устойчиво-постоянными остаются приемы вторичного оформления заготовок и набор основных категорий орудий. Исключением является появление в слое 8 единичных ручных рубил¹³.

Первичное расщепление характеризуется колотыми гальками, малочисленными нуклеусами, преобладанием аморфных и угловатых обломков над сколами. Скалывание отщепов производилось в основном с двусторонних нуклеусов с естественными или гладкими площадками. Фасетированные площадки не установлены. Преобладают массивные сколы, полностью или частично сохраняющие галечную корку, однонаправленные, укороченных пропорций. Присутствуют отщепы с перекрестной, бипродольной огранкой спинки и сколы с гладкой лицевой поверхностью. Единичны долечные сколы.

Во вторичной отделке преобладает краевая, грубая, однорядная, зубчатая, крутая и вертикальная ретушь. Широко применялась оббивка, подтеска, ретушь встречная и альтернативная, мелкая краевая ретушь. Использовались техника резцового скола и приемы получения клетонских анкошей. Случаи использования двусторонней ретуши единичны.

В качестве заготовок для орудий чаще использовались различные обломки, фрагменты плиток и осколки. В численном выражении им уступают орудия на сколах и галечных материалах. Среди выделенных категорий орудий преобладают скребловидные (скребки, скребла) и остроконечные (шиповидные, клювовидные, острия) инструменты.

Следующую позицию занимают выемчатые и зубчатые орудия. Крупные изделия из галек и желваков единичны и создают лишь определенный контраст на фоне технико-морфологического облика индустрии в целом. Особенностью индустрии является многообразие и неустойчивость типологических форм внутри выделенных категорий орудий. Высокий процент орудий (более 20 %) позволяет рассматривать индустрии как остатки разновременных поселенческих комплексов¹⁴.

Раннепалеолитические комплексы Рубаса-1 и Дарвагчая-1 являются одними из древнейших на Кавказе и, видимо, предшествуют появлению здесь классических ашельских индустрий, отличаясь от них по ряду важных технологических особенностей. Индустрии этого, более позднего периода находят, судя по всему, отражение в части материалов слоя 8 со стоянки Дарвагчая-1, поверхностных сборов со стоянки Тинит-1 (3 экз.) (верхнее течение р. Рубас), с местонахождения Чумус-Иниц (4 экз. ± 11 экз. из коллекции 1953 г.), повторно обследованного в 2005 г., из балки Шор-Доре (83 экз.), а также разовые находки ашельских рубил в бассейне р. Дарвагчай¹⁵. Эти материалы, относящиеся, видимо, к ашельскому времени, характеризуются присутствием простейших нуклеусов, массивных скребел и грубых скребков, а также чопперами и рубящими орудиями с бифасиальной обработкой. При этом наиболее ранние свидетельства появления бифасов (рубил) на территории Прикаспия отмечены в слое 8 стоянки Дарвагчая-1 и в аналогичных отложениях местонахождения Дарвагчай-залив-2. Из четырех найденных здесь рубил три орудия — галечные, симметричные, с необработанным основанием, одно — на очень крупном массивном сколе. Стратиграфически более поздние бифасы известны из местонахождений Дюбекчай, Дарвагчай-карьер, Чумус-Иниц и имеют явный ашельский облик. Однако их периодизационный статус в границах аше-ля пока неясен.

Финальный ранний палеолит (ранний средний палеолит) представлен в основном комплексе находок с местонахождений Рубас — 2–5 (всего 85 экз.) и Рубас-1 (средний комплекс) (всего 77 экз.), расположенных в среднем течении р. Рубас. Данный археологический материал связан с древней галечно-конгломератной толщей аллювиального происхождения¹⁶. Видимо, в этих же культурно-хронологических рамках находится часть коллекции поверхностных сборов с памятников Тинит-1 (10 экз.), Чумус-Иниц (49 экз. ± 60 экз. из коллекции 1953 г.), а также из строительного карьера в нижнем течении р. Количи (20 экз.)¹⁷. В этих коллекциях наряду с большим количеством простейших форм плоскостных нуклеусов хорошо представлены дисковидные, радиальные и левал-

луазкие ядрища для острий и отщепов. В инвентаре присутствуют интенсивно ретушированные скребла, шиповидные орудия, значителен процент зубчато-выемчатых изделий, есть единичные экземпляры леваллуазских целевых (острия) и технических сколов, мустьерских остроконечников и крупных изделий с элементами бифасиальной обработки. Верхнепалеолитическая группа орудий, в основном представленная атипичными скребками, как правило, невыразительна и малочисленна.

Поздние этапы палеолитического времени (финал среднего палеолита/развитый верхний палеолит) характеризуют артефакты, связанные с мощными лессовидными суглинками, венчающими разрезы на стоянках Рубас-1 и Тинит-1¹⁸. Возможно, к верхнему палеолиту относится и незначительная часть коллекции поверхностных сборов на Тините-1 (3 экз.) и Чумус-Инице (недефлированный комплекс, 4 экз.), где присутствуют нуклеусы с элементами торцового расщепления, скребки и долотовидные орудия.

Верхний палеолитический комплекс находок на памятнике Рубас-1 изучался серией из 5 удаленных друг от друга шурфов (шурф 1–12 м², шурфы 2–5 — по 2 м²) перекрывающих участок общей площадью около 1000 м². В ходе раскопочных работ была вскрыта толща отложений мощностью до 7 м (слои 1–2 в сводной стратиграфической колонке местонахождения, см. выше)¹⁹. Наиболее полная литология участка представлена в стратиграфическом разрезе шурфа 1. Всего здесь было выделено 10 основных литологических подразделений (нумерация стратиграфических подразделений независима от общей сводной колонки для местонахождения в целом), содержащих 7 уровней залегания археологического материала палеолитического облика. В целом разрез отложений состоит из трех основных пачек литологических слоев²⁰.

- *Слой 1.* Серо-коричневая супесь с включениями мелкого щебня и гальки выветренного карбонатного песчаника — современный почвенный горизонт. Мощность слоя — до 0,3 м.
- *Слои 2–9.* Мощная толща сложного генезиса в основном состоит из элювиально-делювиальных отложений, по-видимому, с большой эоловой составляющей и, возможно, пролювиальным материалом. Отложения представлены светлым серо-коричневым с белесым оттенком алевритом. Единично встречаются гравий и дресва выветренного карбонатного песчаника, иногда в виде едва читаемых тонких прослоек и линз. Внутри пачка отложений преимущественно субаэрального образования содержит горизонты коллювиально-пролювиально-делювиального происхождения в виде гравийно-дресвяных, галечно-щебнистых отложений, со светло-

коричневым песчанистым заполнителем, включающим алеврит, окатыши карбонатных стяжений, обломки раковин моллюсков, а также полуокатанные плоские валуны и глыбы. Состав обломков — сильно выветренный разномзернистый карбонатный песчаник. Местами толща разбита гравитационными трещинами отрыва различной протяженности и ширины, максимально видимое вертикальное смещение блоков достигает 0,4 м. Мощность пачки слоев — до 5 м.

- *Слой 10.* Тонко-слоистый, разномзернистый песок с прослоями и линзами светло-серого алеврита, который подстилают гравийно-галечниковые отложения аллювиального происхождения. Вскрытая мощность — более 1,5 м.

Археологический материал связан с пачкой слоев 2–9 и в основном залегал в гравийно-щебнисто-галечных горизонтах. Стратиграфические разрезы остальных шурфов в целом повторяют данную схему. Основным отличием является увеличение в направлении от края террасоуступа, на котором расположен памятник, мощности отложений пачки слоев 2–9 и уменьшение в них количества гравийно-дресвяных, галечно-щебнистых горизонтов.

Всего в ходе работ на объекте было обнаружено 1224 экз. каменных артефактов, в т. ч.: шурф 1–821 экз., шурф 2–31 экз., шурф 3–106 экз., шурф 4–66 экз., шурф 5–200 экз.

Отличительной особенностью индустрии является наличие в коллекции большого количества обломков и осколков (более 600 экз., их количество сильно варьируется по горизонтам и шурфам, но не ниже 40 %), а также достаточно частое использование их в качестве орудийных заготовок. Возможно, это связано с особенностями используемого сырья, т. к. кремневые отдельности, утилизируемые древними обитателями долины Рубаса, имеют (при визуальном анализе) много внутренних дефектов и развитую внутреннюю трещиноватость. Видимо, этим же в определенной степени объясняются небольшие размеры реализованных сколов. Одинаковый для всего использовавшегося древними мастерами кремневого материала характер внутренних включений в основную породу позволяет считать, что утилизирувавшееся сырье происходит из одного источника, а исходя из анализа необработанных участков поверхности артефактов, можно утверждать, что исходным для производства изделий материалом была галька кремня, извлекаемая из русла реки или из разрушающихся конгломератов.

Практически во всех случаях использовался кремнь светло-серого цвета. Отмечены также случаи переоформления или использования для дальнейшего расщепления более древних артефак-

тов. Среди ядрищ доминируют простые нуклеусы параллельного принципа расщепления, но встречаются также торцовые и подпризматические разновидности, а также в нижних горизонтах отмечены 2 изделия, возможно, использовавшиеся в производстве леваллуазских заготовок. Примечательно, что хотя большинство ядрищ предназначалось для получения пластинчатых сколов, процент пластин в полученных из раскопа ассамбляжах незначителен. Небольшой процент сколов со следами желвачной корки и естественными ударными площадками, при частых случаях наличия на ядрищах галечно-го контрфронта, а также малом количестве технических сколов, свидетельствует о том, что деятельность, связанная с первоначальным оформлением нуклеусов, осуществлялась вне пределов изученной зоны.

Анализ сколов показал общую для всех горизонтов тенденцию на преобладание предметов с гладкими остаточными ударными площадками и субпараллельной, гладкой и продольно-поперечной огранкой дорсала. Изменение в характере огранки и типах ударных площадок по горизонтам практически не заметны, что в определенной степени связано, видимо, с небольшой выборкой предметов, однако естественные и поперечные дорсалы наряду с фасетированными площадками лучше представлены в нижних горизонтах, а точечные и линейные ударные площадки — в верхних.

Кроме того, можно отметить высокую степень встречаемости приемов технической подработки, редукиции карниза (в среднем около 40 % среди определяемых площадок для сколов). В нижних горизонтах основными приемами являются удаление карниза сколами и обратное сколовое редуцирование ударной площадки (примерно по 25 % от всех определяемых площадок по горизонтам), в верхних — прямое редуцирование ударной площадки сколами. Термины «снятие карниза», «редуцирование площадки» и «обратное редуцирование» используются в значениях, предложенных П. Е. Нехорошевым в книге «Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита»²¹.

Помимо основных морфологических характеристик сколовой индустрии, использующиеся на стоянке техники расщепления камня характеризуют такие категории сколов, как технические и леваллуазские. Количество идентифицируемых технических сколов не велико, и среди них преобладают краевые. Леваллуазские сколы представлены в коллекции не только итоговыми заготовками, но и сколами оформления рельефа леваллуазских ядрищ. О присутствии в индустриях нижних горизонтов памятника острой разновидности леваллуазской техники свидетельствуют как несколько

леваллуазских остроконечников, обнаруженных при поверхностных сборах, которые проведены на участке раскопок непосредственно перед началом работ, так и находки технических леваллуазских снятий и нуклеусов непосредственно в слое.

К сожалению, немногочисленность кремневых изделий и отсутствие сколько-нибудь значительных серий законченных орудий не позволяют точно определить культурно-хронологическую позицию индустрии, однако общая характеристика продуктов первичного расщепления, облик ядрищ и орудийного набора, а также стратиграфическое положение позволяют отнести археологический материал к верхнепалеолитическому времени. Об этом, помимо всего прочего, может свидетельствовать и достаточно широкое применение такого специфического технологического приема, как редуцирование ударной площадки. При этом нижние горизонты, возможно, относятся к финалу среднего — рубежу среднего/верхнего палеолита. В пользу этого может свидетельствовать выраженное присутствие леваллуазской техники в ассамбляже нижних горизонтов. Примечательно то, что сколы здесь имеют более крупные размеры, а часть их выполнена из более качественного темного кремня, не имеющего внутренних дефектов. Кроме того, именно в нижних горизонтах фиксируется прием снятия карниза сколами, более характерный для среднепалеолитических техник расщепления. Фиксируемое переживание среднепалеолитических традиций в технике обработки кремня вряд ли свидетельствует о каком-либо своеобразии данной индустрии, а является скорее хронологическим показателем, указывающим на существование культурно-исторических, преемственных связей с предшествующей эпохой. Общий верхнепалеолитический возраст комплекса косвенно подтверждается также резким отличием его по составу орудийного набора от индустрий, характерных для среднего палеолита региона в целом и долины р. Рубас в частности (бифасы, ретушированные остроконечные формы, специфические формы скребел). Вместе с тем отсутствие в орудийном наборе Рубаса-1 геометрических микролитов, ретушированных микропластин, стандартизированных микронуклеусов и других специфических форм, а также присутствие среднепалеолитических техник и приемов расщепления не позволяют предполагать более поздний возраст стоянки и относить ее к финальным этапам каменного века.

К тому же культурно-хронологическому интервалу, что и индустрии верхнего комплекса Рубаса-1, принадлежат, видимо, материалы многослойной стоянки Тинит-1, расположенной в 14 км северо-западнее, в верхнем течении р. Рубас. Стоянка была открыта в 2007 г., и ее изучение находится в начальной стадии²².

Участок местности, в пределах которого расположен памятник, представляет собой глубоко врезанную узкую долину небольшого ручья (правый приток р. Рубас), по бортам которой фиксируется серия разновысотных нечетко выраженных террасовидных поверхностей, местами сливающихся друг с другом. Осмотр обнажений и придорожных карьеров, а также имеющиеся описания геологического строения района²³ позволяют предполагать для них следующее строение. Цоколь террасовидных поверхностей сложен прибрежно-морскими отложениями акчагыльского возраста ($N_2^3_{ak}$), представленными преимущественно глинами и песчаниками. Морские осадки перекрыты мощным (до 20 м) чехлом склоновых отложений, обильно насыщенным крупнообломочным (глыбово-щебнистым) материалом. Толща крупнообломочных склоновых отложений, в свою очередь, перекрывается пачкой лессовидных суглинков с единичными включениями щебня. Венчает разрез современная почва, также незначительно обогащенная щебнистым материалом. Ее мощность на отдельных участках составляет более 0,5 м.

Первые артефакты в пределах предполагаемых границ памятника были обнаружены в поверхностном залегании на обширной осыпи на склоне одной из таких высоких террасовидных поверхностей, по левому борту ручья. Здесь долина ручья выработана в толще отложений пролювиально-склонового шлейфа, вытянутого вдоль северо-западных отрогов хребта Карасырт и полого понижающегося к долине р. Рубас. Особенностью участка расположения памятника является то, что он представляет собой эрозионный останец, отделенный от основного тела предгорного пролювиально-склонового шлейфа врезом временного водотока. Это прервало поступление грубо обломочных отложений со склонов хребта и способствовало непрерывному накоплению лессовидных суглинков на данном участке. В результате венчающая останец пачка лессовидных отложений имеет большую мощность (до 12–15 м) и в ней отсутствуют следы каких-либо денудационных перерывов. Изоляция лессовидных суглинков от пролювиально-склоновых процессов способствовала надежной консервации попадающего в них разновременного археологического материала, что выгодно отличает данный участок от схожих площадок на близлежащих возвышенностях, где осадконакопление и в настоящее время определяется преимущественно пролювиально-склоновой деятельностью²⁴.

В ходе работ 2007–2008 гг. на объекте был раскопан участок площадью 6х5 м. Толща рыхлых отложений вскрыта по всей площади раскопа на глубину \approx 3 м, а на участке 2х2 м — до 5 м. На объекте выделено 8 литологических слоев, содержащих 11 горизонтов залегания археологического материала. В стратиграфическом разрезе отложения представ-

ляют собой толщу субгоризонтально залегающих, переслаивающихся монотонных темно-коричневых и серо-коричневых суглинков, с незначительным содержанием мелкого обломочного материала, на отдельных участках сильно биотурбированных (большое количество нор грызунов). Фиксируется увеличение глиняной составляющей вниз по разрезу. Генезис отложений эолово-делювиальный²⁵.

Все обнаруженные при раскопках каменные артефакты (466 экз.) изготовлены из кремня и сильно окремненных пород (желвачный кремень, сильно окремненный известняк наружной части кремневых желваков и пластовый кремень), залегающих в коренных условиях на расстоянии 1–2 км от стоянки и прослеженных в нескольких обнажениях. Пластовый кремень использовался менее интенсивно, т.к. имеет сильную внутреннюю трещиноватость. Стоит отметить, что подобные внутренние дефекты характерны в различной степени для всех видов местного каменного сырья, что определяется геологической историей района (данные Н. А. Кулик).

Планиграфический анализ условий залегания археологического материала, наряду с данными стратиграфии, свидетельствуют о том, что он залегает *in situ* и претерпел минимальные пространственные перемещения в постседиментационный период. Практически все изделия имеют горизонтальную или близкую таковой ориентацию, небольшой вертикальный разброс внутри археологических горизонтов и согласное залегание относительно вмещающих геологических тел. Также в ходе работ выделено два четко локализованных крупных скопления артефактов с маленьким вертикальным диапазоном разброса, а часть находок внутри наиболее насыщенных горизонтов апплицируется между собой. Основной массив находок (археологические горизонты 2–6) связан со средней частью разреза (слои 3–4), и его насыщенность резко снижается к подошвенной части. Вместе с тем и на самых нижних уровнях вскрытой толщи отложений, даже при резком сокращении площади раскопочных работ (с 30 до 4 м²), фиксируется присутствие археологического материала. Это позволяет надеяться, что в дальнейшем здесь будут обнаружены и более древние технокомплексы.

Кроме археологического материала во всех отложениях, вмещающих культурные остатки, отмечалось присутствие примазок древесного угля и разрозненных угольков, иногда достаточно крупных (археологические горизонты 2–10). Остатки позвоночных в раскопе не обнаружены, что, по-видимому, связано с низкой скоростью седиментации и разрушением костей и зубов на дневной поверхности до захоронения.

Особенности распределения каменного материала в археологических горизонтах, его качествен-

ная и количественная характеристика позволяют определить памятник Тинит-1 как многократно посещаемый кратковременный охотничий (?) лагерь. Это может подтверждаться такими фактами, как малое количество артефактов в пределах горизонта, их небольшое распространение по площади, крайне низкий процент орудий, среди которых преобладают сколы с ретушью, остроконечные формы и ножи, насыщенность отложений мелкими частицами древесного угля. В пределах стоянки велась эпизодическая деятельность по первичному расщеплению камня, что подтверждает наличие локализованных рабочих площадок и большой процент апплицирующихся изделий.

Технико-типологический анализ обнаруженных индустрий позволяет отнести их к широкому культурно-хронологическому интервалу в рамках верхнего — финала среднего палеолита. Среди ядрищ преобладают простые нуклеусы параллельного принципа расщепления. Орудийный набор количественно представлен слабо, в его состав входят скребки, резцы, ножи, выемчатые изделия, пластины с ретушью. Материалы первых пяти археологических горизонтов по технико-типологическим характеристикам соответствуют периоду позднего палеолита. Об этом, кроме состава орудий, свидетельствует применение верхнепалеолитической техники скола — редуцирование края ударных площадок подтеской и пришлифовкой. В нижних горизонтах (с археологического горизонта 6), напротив, фиксируется использование среднепалеолитических техник расщепления (фасетированные и двухгранные площадки у части заготовок; сколы оформления леваллуазских ядрищ; целевые заготовки, близкие леваллуазским формам). Остальные характеристики каменного материала изученных археологических горизонтов — типология нуклеусов, особенности вторичной обработки, характер орудийного набора, не позволяют на данном этапе уточнить культурно-хронологическую позицию полученного материала, однако не противоречат предложенному на основании технических параметров делению коллекции. Таким образом, в настоящий момент можно соотносить ассамбляжи археологические горизонты 1–5 с верхним палеолитом, а археологические горизонты 6–11 — с финалом среднего и, возможно, более ранними его этапами.

Таким образом, исследования последних лет, проводимые на территории прикаспийской зоны Северного Кавказа, позволили получить новые материалы по древнейшей истории этого региона и представить общую картину эволюции каменных технологий на всем протяжении палеолитического времени, начиная с самых ранних его этапов (рис. 2).

Раннепалеолитические комплексы стоянок Рубас-1 и Дарвагчай-1 дают основание рассматривать Кавказ как один из очагов развития доашельских микроиндустрий. Эти материалы значительно дополняют существующие представления о начальных этапах освоения человеком пространства Евразии, а также о происхождении и распространении древнейших микролитических индустрий, предположительно возникших около 2 млн л. н. в Африке (Омо и др.), а затем распространившихся на территорию Леванта (Бизат Рухама), Европы (Изерния ла Пинета и др.) и Центральной Азии (Кульдара)²⁶.

Более поздние материалы демонстрируют появление на этой территории комплексов с классическими ашельскими рубилами, хорошо известными по находкам с памятников центральной части Кавказа и его черноморской зоны. Развитые среднепалеолитические индустрии характеризуются применением двух разновидностей леваллуазской техники — черепаховидной и конвергентной острой, а также присутствием в ассамбляжах интенсивно ретушированных скребел и мустьерских остроконечников, наряду с представительной группой зубчато-выемчатых изделий. Для верхнепалеолитических технокомплексов характерна

подпризматическая, а также простая параллельная техника получения пластинчатых заготовок, с редуцированием ударной площадки подтеской и шлифовкой. Орудийные наборы слабо выразительны, однако в них фиксируется присутствие таких позднепалеолитических форм, как концевые скребки, резцы и проколки с выделенным жалом.

Имеющиеся на настоящий момент коллекции, несмотря на свою малочисленность, позволяют изучать появление и развитие верхне- и среднепалеолитических индустрий в предгорной зоне западного каспийского побережья на более качественном уровне. Это в первую очередь связано с тем, что большая часть полученных материалов имеет четкую стратификацию и относительную хронологию, т. к. они происходят с многослойных стоянок с залеганием материала *in situ*. Переотложенный характер более ранних материалов (древний комплекс Тинита-1 и Чумус-Иница связан с пролювиально-делювиальными отложениями, а Рубаса-1 и Дарвагчай-1 — с прибрежно-морскими отложениями) демонстрирует наличие в этом районе разрушенных стоянок раннего — начала среднего палеолита и ставит проблему поиска стратифицированных памятников этого времени с инситу залеганием археологического материала.

Аникович М. В.

АДАПТАЦИИ К ПРИРОДНЫМ УСЛОВИЯМ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Вопрос о роли природной среды в культурогенезе человеческих коллективов далеко не нов. Точки зрения колебались и до сих пор колеблются от так называемого географического детерминизма до утверждения, что в процессе развития человечества доминирующую роль играет именно социальная среда. Так, А. Н. Рогачев еще в 1969 г. высказывался по данному вопросу прямо и недвусмысленно: «Успешное освещение любой стороны этой проблемы возможно только при тесном взаимодействии палеогеографической, археологической и социальных наук, причем решающим является социологический подход, так как законы общественного развития наиболее сложны и преобладают над другими факторами, влиявшими на развитие первобытного общества»²⁷.

Наблюдая текущий исторический процесс, современниками и участниками которого все мы являемся, можно найти немало аргументов в пользу

данного утверждения. Так, ни природные катаклизмы, ни изменения экологической обстановки не лежат в основе такого поворотного момента в истории человечества, как возникновение христианства. Не они спровоцировали такие трагические события прошлого столетия, как Октябрьский переворот, Первая и Вторая мировые войны и т. д. Да и сейчас цунами, тайфуны, смерчи и пр. приходят и уходят, а короткое время спустя пострадавшие от них люди возвращаются к привычному образу жизни.

На первый план выступают иные проблемы: взаимодействие Востока и Запада; христианства и ислама; духовная деградация «общества потребления»; поведенческие стратегии, приводящие к экологическим катастрофам; терроризм и т. д., и т. п. Даже если глобальное потепление, которым нас усердно пугают, и в самом деле произойдет, никто не может сказать заранее, в какой мере оно повлияет на грядущие пути человечества. Во всяком случае не решающим

образом. В вопросах о взаимоотношении человеческого и природного в широком смысле слова вполне я солидарен с одним из наиболее выдающихся генетиков современности Т. Добжанским. «Биологическая эволюция, — писал он в 1960 г., — породила ту генетическую основу, которая сделала возможной новую специфическую фазу эволюционного процесса. Но эта новая эволюция, включающая в себя культуру, протекает по своим собственным законам, не выводимым из законов биологических... Способность человека свободно выбирать идеи и действия — одна из основных особенностей человеческой эволюции. Вероятно, свобода есть даже нечто более важное, чем все специфические свойства человека. Человеческая свобода обширнее, чем осознанная необходимость... Этика проистекает из свободы и немыслима без свободы...»²⁸

Таким образом, если использовать термин «адаптация», то в истории человечества на первый план неизменно выступает адаптация человека к человеку, социума к социуму. Только на этом фоне можно правильно понять и оценить характер и степень адаптации человека к природной среде. Однако в палеолитоведении в последнее время стало традицией объяснять едва ли не каждую культурную инновацию исключительно экологическими причинами. Термин «адаптация» обычно понимается лишь как приспособление человеческой культуры к тем или иным ландшафтно-климатическим условиям. Так, может, для столь отдаленного прошлого это и в самом деле справедливо? А социокультурная адаптация выступает на первый план только с возникновением цивилизации?

Против такой постановки вопроса решительно возражал А. Н. Рогачев. Он подчеркивал несостоятельность «укоренившегося представления о “естественном человеке”, который на протяжении всего палеолита или, по крайней мере, на протяжении раннего и среднего палеолита был полностью подчинен природной среде»²⁹. По его словам: «Древнее население Европы раннемустьерского времени отгородилось стенами своего жилища не только от сурового климата, но и от законов животного мира, переставших благодаря возникновению нового социального качества оказывать свое определяющее воздействие на жизнь людей и их культуру»³⁰. Детально и вместе с тем емко проанализировав весь накопившийся к 1960-м гг. материал, А. Н. Рогачев сумел показать, что «не только в масштабах материков, но и в пределах очень небольших районов... часто в одних и тех же ландшафтных условиях, при охоте на одних и тех же животных и в одно и то же время существовали поселения с инвентарем, несомненно, относящимся к различным культурам»³¹. Вывод неизбежен: накопленные археологические материалы признаются «достаточными»

для вывода об «определяющей роли общественной среды в развитии первобытной культуры, по крайней мере, начиная со среднего палеолита»³².

За полвека, протекавшие после выхода цитированной статьи, материалы по палеолиту Евразии возросли многократно. Наша исследовательская группа попыталась, насколько возможно, проанализировать и осмыслить указанные материалы в рамках своей работы по программе Президиума РАН, последовательно увязав их со своей работой по предыдущей программе. Помимо статей, опубликованных в 2006–2008 гг., выступлений на ряде научных форумов, а также организованных и проведенных конференций, результаты нашей работы оказались обобщены в трех монографиях³³.

Конечно, было бы глупо полностью отрицать адаптацию человеческой культуры к тем или иным природным условиям. На Крайнем Севере нагишом не походишь, а в тропических условиях глупо носить малицу и унты. Однако нужно исходить из того, что изначально, с самого начала своей истории человек не только адаптировался к определенной природной среде. Самое главное: он создавал вокруг себя некую искусственную среду обитания, названную позднее «культурой». В это понятие входят весьма сложная система сознательных представлений об окружающем мире и о себе, социальная структура и иерархия социума, различные поведенческие стратегии, особенности восприятия новшеств и т. д. Приспособление к этой искусственной среде, т. е. адаптация человека к человеку, социума к социуму, играет для исторического познания более важную роль, чем адаптация к природным условиям. Покажем это на примерах.

Становление верхнего палеолита Евразии как результат социокультурной адаптации

Несостоятельность попыток объяснения перехода от среднего к верхнему палеолиту исключительно природными факторами

Едва ли можно усомниться в том, что переход от среднего к верхнему палеолиту являлся одним из важнейших рубежей в истории человечества. Как же происходил этот процесс и в чем заключались его движущие силы? Этим проблемам была посвящена одна из наших монографий³⁴.

По современным данным, процесс становления верхнего палеолита в Евразии происходил в течение кислородно-изотопной стадии-3 (КИС-3). К концу этого периода неандертальцы полностью исчезли. Чтобы объяснить эти события, представляющие собой один из важнейших поворотных моментов

в человеческой истории, предложено множество гипотез, и в некоторых из них роль главного катализатора перемен отводится именно климатическим факторам.

Пожалуй, самое любопытное то, что одни и те же события, а именно распространение в Европе людей современного физического типа и исчезновение неандертальцев, объясняются прямо противоположными причинами. Так, по К. Лероюе и А. Леруа-Гурану³⁵, распространению людей современного физического типа способствовало потепление Хенгело-Ле Кот, поскольку люди, принесшие ориньякские культурные традиции, были лучше приспособлены к более мягкому климату. Какое-то время они сосуществовали с местными неандертальцами, но к концу стадиала, сменившего Хенгело-Ле Кот, те вымерли, по крайней мере, на территории Франции. Сходных взглядов с незначительными вариациями придерживается П. Мелларс³⁶. А вот Ф. Джинджан, также отводящий природно-климатическим условиям решающую роль в становлении верхнего палеолита и распространении в Европе *Homo sapiens sapiens*, рисует прямо противоположную картину. Он рассматривает ориньяк как результат приспособления *Homo sapiens* к холодному климату и объясняет его распространение не потеплением, а напротив, наступлением стадиала. При этом предполагается, что распространение шло с севера на юг: сначала неандертальцы и их культуры (селет, линкомб и т. д.) были вытеснены из Центральной Европы и с Британских островов и лишь затем из районов ниже 50-й параллели³⁷.

Решающая роль при объяснении вымирания неандертальцев отводится изменениям климата и в работах К. Финлэйсона с соавторами³⁸. В них проводится мысль, что экологическая база существования неандертальских популяций на европейских равнинах была серьезно подорвана сначала в результате значительного похолодания в начале верхнего плейстоцена (КИС-4), а затем вследствие нестабильности климата и ландшафтов в течение КИС-3. Там, где эта нестабильность была менее выражена и отчасти сглажена за счет большого разнообразия ландшафтов (юг Пиренейского п-ова), неандертальцы продержались дольше всего. Предполагается, что *Homo neanderthalensis*, в отличие от *Homo sapiens*, не смогли адаптироваться к меняющимся природным условиям посредством культурных инноваций, а времени на биологическое приспособление было слишком мало.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что палеогеографические данные постоянно используются некорректно. Пока можно говорить не столько об их действительном анализе и детальном сопоставлении с археологическими и антрополо-

гическими данными, сколько о подборе отдельных фактов для подкрепления загодя сконструированных гипотез. В результате, как справедливо было замечено Ф. д'Эррико, и неандертальцы, и люди современного физического типа выступают в зависимости от теоретических предпочтений того или иного автора то как холодолюбивые, то как теплолюбивые гоминиды, а одни и те же события в их биологической и культурной истории объясняются то потеплениями, то похолоданиями³⁹.

Определение ранней поры верхнего палеолита

Переход от среднего к верхнему палеолиту мы ассоциируем с ранней порой верхнего палеолита (РВП). В археологическом отношении этот период отличается, с одной стороны, чрезвычайно многообразием культурных традиций, проявляющихся в формах и технике изготовления каменных орудий, в украшениях и произведениях искусства. С другой стороны, все это многообразие может быть сведено к трем основным вариантам: 1) пережиточное мустье (типично мустьерские индустрии, сосуществующие с двумя другими вариантами); 2) симбиотические («архаичные») верхнепалеолитические индустрии, основанные, как правило, на верхнепалеолитической технике скола, но содержащие, особенно в типологии наряду с верхнепалеолитическим, ярко выраженный среднепалеолитический компонент; 3) типичные верхнепалеолитические индустрии, не содержащие сколько-нибудь выраженных среднепалеолитических компонентов.

Анализ хронологии памятников РВП показал:

1. Начало и конец этого процесса в разных частях ойкумены не одновременны. Начало колеблется от 50–45 тыс. л. н. (Горный Алтай, Костенковско-Борщевский район) до 32–26 тыс. л. н. (юг — юго-запад Восточной Европы), конец этого процесса фиксируется от 28–25 тыс. л. н. (Северная Азия, Западная Европа, Костенковско-Борщевский район) до 22–20 тыс. л. н. (юг — юго-запад Восточной Европы). Уже это одно показывает, что ни о каком единообразии природно-климатических условий в процессе перехода от среднего к верхнему палеолиту на территории Евразии не может быть и речи.
2. В хронологическом отношении три названных типа индустрий РВП не могут быть выстроены в логическую последовательность: пережиточное мустье — симбиотические индустрии — типичный верхний палеолит. Все три типа сосуществуют на протяжении всего РВП, хотя и не всегда на одной и той же территории.

3. Древнейший верхний палеолит (50–45 тыс. л. н.) появляется в Европе отнюдь не в местах концентрации среднепалеолитических памятников. Так, на Среднем Дону, где столь древний возраст верхнего палеолита может считаться доказанным, никаких следов мустьерских индустрий до сих пор не обнаружено.
4. Напротив, в местах концентрации среднепалеолитических памятников (например, юг — юго-запад Восточной Европы) переход к верхнему палеолиту совершается значительно позднее, по современным данным не ранее 32 тыс. л. н.

Относительно происхождения трех выше названных вариантов индустрий РВП можно сказать следующее: 1) «пережиточное мустье» является естественным продолжением «обычного» мустье, отличаясь лишь более поздним возрастом: от 28–25 до, возможно, 20–18 тыс. л. н.; 2) для ряда симбиотических культур (костенковско-стрелецкая, городцовская, бачокиршен, шательперрон и др.) удастся обосновать технико-типологические связи с различными вариантами Европейского среднего палеолита. Генезис каменных индустрий РВП Горного Алтая из местного мустье можно считать установленным. Необъяснимым остается здесь внезапное и очень раннее (ок. 50 тыс. л. н.) появление высокоразвитой костяной индустрии и набора украшений; 3) возникновение древнейших (50–45 тыс. л. н.) типично верхнепалеолитических индустрий типа ориньяк-0, Костенки-14/IVб и др. не объяснено. Большинство исследователей сходятся на том, что в Европе это явление чужеродное, пришлое, но его истоки не выявлены.

Проведенный нами анализ среднепалеолитических индустрий Европы и Ближнего Востока показал, что они эволюционировали отнюдь не в направлении усиления верхнепалеолитических черт, но, напротив, в сторону усиления именно «своих» мустьерских традиций. Лишь какая-то их часть все-таки оказалась охвачена процессом лептолитизации, но скорее всего за этим стоял такой фактор, как культурное влияние (см. ниже).

Сказанное позволяет утверждать, что процесс перехода от среднего к верхнему палеолиту уже в силу своей продолжительности (не менее 20 тыс. лет), различным ландшафтно-климатическим условиям никоим образом не может интерпретироваться как адаптация к природной среде. Налицо именно социокультурные адаптации как определяющий фактор этого процесса. Становление верхнего палеолита протекало по разным сценариям. Для Европы важнейшим из них являлась аккультурация. Пришельцы извне, принеся в Европу высокоразвитые верхнепалеолитические культурные традиции, вступили в достаточно тесные продолжительные контакты с частью местно-

го мустьерского населения. В результате чего возникли так называемые симбиотические культуры. В местах компактного проживания местного мустьерского населения (Крым, Иберийский п-ов) «чужаки» длительное время отторгались. Местное население сумело здесь сохранить свои культурные традиции по крайней мере до 28 тыс. л. н., а в Крыму, возможно, до 20–18 тыс. л. н. В конце концов эти неандертальские рефугиумы исчезли. На смену пришло население, освоившее уже вполне сложившуюся верхнепалеолитическую культуру. Были ли эти пережиточные неандертальцы уничтожены или вымерли сами, но в любом случае здесь можно говорить о сценарии замещения.

Классическая эволюционистская модель постепенной «естественной» трансформации местного мустье в местный палеолит действует сейчас, пожалуй, только на территории Горного Алтая, но с существенной оговоркой, касающейся внезапного взрывообразного появления техники обработки кости, о чем упоминалось выше. Может быть, и здесь имело место культурное взаимодействие, а древнейшие типично верхнепалеолитические индустрии попросту не выявлены?

На сегодняшний день предприняты попытки рассмотреть все имеющиеся гипотезы относительно причин одного из важнейших процессов в истории человечества, нередко именуемого «верхнепалеолитической революцией»⁴⁰. Выводы неутешительны: можно в той или иной мере описать процесс становления верхнего палеолита на рассматриваемой территории Евразии, но невозможно объяснить его, указать его истоки. Ни одно из естественноисторических объяснений причин «верхнепалеолитической революции» не может считаться удовлетворительным с научной точки зрения. И это не удивительно. Наука пока не докопалась до корней, из которых выросли древнейшие «развитые» индустрии РВП. Не зная истоков, мы не можем судить и о причинах их возникновения.

Древнейшие известные нам индустрии типичного верхнего палеолита (Костенки-14/IVб, спицынская АК, ориньяк-0 и др.) явно разнокультурны и в то же время имеют между собой нечто общее, определяемое мной через термин «ориньякоидность». Выраженной ориньякоидностью характеризуются и древнейшие проявления усть-каракольской традиции Горного Алтая, обладающей, несмотря на ее в целом симбиотический облик, ярким комплексом признаков, свойственных уже типичному верхнему палеолиту (высокоразвитая обработка кости, украшения).

Все это позволяет предположить, что указанные древнейшие развитые индустрии РВП имеют некую общую индустриальную основу, возникшую намного раньше рубежа 50–40 тыс. л. н. и, вероятно,

за пределами Евразийского континента. Поиск этой гипотетической прасновы является особой задачей палеолитоведения. Для решения этой задачи требуется координация деятельности ведущих специалистов в рамках специальных программ.

Итак, в культурно-историческом смысле РВП есть не что иное, как процесс становления верхнего палеолита, протекавший в разных регионах Евразии в разное время и по разным сценариям. Завершение этого процесса знаменуется полным или почти полным исчезновением как пережиточного мустье, так и симбиотических культур. Чисто верхнепалеолитические технико-типологические характеристики становятся абсолютно господствующими.

Средняя пора верхнего палеолита

Общие положения

На смену РВП приходит новый период — средняя пора верхнего палеолита (СВП). В различных районах Евразии этот рубеж опять-таки имеет разные хронологические границы: от 28 до 22–20 тыс. л. н. Культурная вариабельность СВП также весьма высока, хотя и уступает вариабельности РВП. Достаточно сказать, что индустрии СВП основаны уже исключительно на пластинчатой технике скола. Это касается даже индустрий с развитой техникой тонкого бифаса (солотрейская культура).

Особенности СВП Восточной Европы

На территории Восточной Европы археологические культуры СВП достаточно отчетливо группируются в три историко-культурные области (ИКО). Это:

1. Южная ИКО охотников на бизонов.
2. Юго-Западная ИКО охотников на северных оленей.
3. Центральная (Днепро-Донская) ИКО охотников на мамонтов.

Каждая из трех ИКО характеризуется:

- 1) преобладающим объектом охоты, ярко выраженным в списках фауны и, очевидно, определяющим различия в моделях поведения;
- 2) своеобразными чертами в организации поселений и жилых объектов;
- 3) специфическими особенностями инвентаря, в т.ч. рядом общих и некоторыми частными технико-типологическими характеристиками производства каменных орудий;
- 4) особенностями культурно-исторического развития.

ИКО охотников на мамонтов

Сосредоточимся на Днепро-Донской ИКО охотников на мамонтов, ибо здесь, в отличие от РВП, наиболее ярко прослеживается адаптация человеческой культуры именно к природным условиям. Как будет показано ниже, и возникновение данной ИКО, и ее конец напрямую связаны с резкими изменениями природной среды.

Общие характеристики

Общие характеристики Днепро-Донской ИКО выглядят следующим образом.

На стоянках этой ИКО мамонт занимает первое место в списке фауны: по меньшей мере от 65 до 90 %. Хотя данные эти по разным причинам не полны и не точны, бесспорно, что на подобных стоянках только минимально определимое число особей мамонта составляет многие десятки и даже сотни животных⁴¹.

В рассматриваемой ИКО мамонт обеспечивал все основные стороны жизнедеятельности местного населения: пищу, сырье, строительный материал, топливо. Особенно показательны долговременные сложно организованные поселения с различными типами жилых и хозяйственных конструкций, при строительстве которых активно использовались крупные кости этого животного.

Инвентарь памятников, входящих в данную ИКО, в особенности костяные и бивневые орудия, украшения, произведения искусства, по сравнению с двумя соседними ИКО, отличается богатством и разнообразием. Подавляющее большинство индустрий (но не все) относятся к граветтоидному технокомплексу. По специфическим технико-типологическим характеристикам достаточно отчетливо выделяются разные культурные традиции (разные АК). Однако на втором этапе эти характеристики заметно упрощаются, нивелируются.

История формирования и существования Днепро-Донской ИКО весьма специфична и характеризуется, с одной стороны, коренными изменениями всего жизненного уклада аборигенов, а с другой — активным участием пришлого населения. По-видимому, имели место как минимум две крупных волны миграции; во всяком случае здесь отчетливо выделяются два основных этапа: первый 24–21 тыс. л. н. и второй 20–14 тыс. л. н.

В настоящее время границы Днепро-Донской ИКО определяются следующим образом. Западная граница определяется тем, что памятники второй половины верхнего палеолита, расположенные на Вольно-Подольской возвышенности, относятся к Юго-Западной ИКО охотников на северных оленей, тогда как стоянки Радомышль и Жорнов по основным показателям уже входят в ИКО охот-

ников на мамонтов. Южная граница проходит по Южному Бугу — порожистой части Днепра. Расположенные там памятники: Анетовская группа, Осокоровка, Дубовая Балка, Кайстрова Балка и пр. — по всем своим характеристикам явно входят в Южную ИКО охотников на бизонов. Северная граница проходит по бассейну Оки. На это указывает расположенная там Зарайская стоянка, бесспорно, входящая в данную ИКО. Судя по наличию мегафауны (мамонт, носорог), а отчасти и по типологическому облику инвентаря, к той же ИКО относится и Карачаровская стоянка. Памятники, расположенные севернее (северо-восток Русской равнины — Урал), либо относятся к предшествующему периоду (Сунгирь, Русаниха, Бызовая стоянка, грот Близнецова, Гарчи-1), либо обнаруживают тесную связь с культурами этого периода по своим технико-типологическим характеристикам (стоянка Талицкого, Медвежья пещера). Все названные стоянки (как и иные, хуже изученные местонахождения данного региона) не обнаруживают признаков, присущих культурам ИКО охотников на мамонтов. Восточная граница проходит по Среднему Дону (Костенковско-Борщевский р-н). Восточнее, в бассейне Волги, не обнаружено ни одного памятника с характеристиками Днепро-Донской ИКО.

Природные предпосылки возникновения ИКО охотников на мамонтов

Можно утверждать, что периодизационный скачок от РВП к СВП, по крайней мере в центре Русской равнины, оказался напрямую связан с ландшафтно-климатическими изменениями, происходившими в Европе в позднем валдае. По мнению А. А. Величко и Э. М. Зеликсона, в КИС-2 «в экстрааридных условиях в пределах Восточно-Европейской равнины на месте современных зон тундр, бореальных лесов и степей возникла обширная гиперзона (криогиперзона) перигляциальных, преимущественно открытых ландшафтов, внутри которой проявлялась ослабленная широтная дифференциация...»⁴².

В соответствии с последней данная гиперзона подразделяется на 3 полосы. Из них нас в данный момент интересует средняя: «Средняя полоса гиперзоны, представленная перигляциально-лесостепной подзоной, включала бассейны Припяти, Среднего Днепра и Десны, Оки, Верхней и правобережья Средней Волги, Вятки...»⁴³ Нетрудно заметить, что за исключением бассейна Волги и Вятки эта выделяемая А. А. Величко средняя полоса гиперзоны соответствует определяемым выше пространственным границам ИКО охотников на мамонтов. Это неудивительно. По мнению соавторов, «...оптимальными для обитания мамонтов по

своей продуктивности и комфортности оказывались районы средней полосы позднелепистоценовой перигляциальной гиперзоны. Ей соответствовал так называемый южный пояс криолитозоны, имевший наибольшие запасы воды не только в реках, но и в виде снега и запасов воды и льда в криогенном комплексе. И главное, на этих же широтах распространялась наиболее богатая кормовой массой перигляциальная растительность, где наряду со степными сообществами сохранялись участки, преимущественно по долинам и балкам, древесно-кустарниковой растительности...»⁴⁴.

Таким образом, казалось бы, ухудшившиеся природные условия (резкое сокращение осадков, резкое снижение температуры, в особенности зимней) не только не препятствовали, но, напротив, стимулировали распространение на данной территории мамонтовых стад. В течение столетий или даже первых тысячелетий КИС-2 мамонты постепенно перемещались из Центральной Европы на северо-восток, в центр Русской равнины. Вместе с ними перемещались и люди, жившие на Среднем Дунае и в Моравии уже 28–26 тыс. л. н. в тесном симбиозе с мамонтами. Это были носители виллендорфских и павловских культурных традиций. Примерно 24–23 тыс. л. н. они появились в центре Восточной Европы, сформировав здесь две родственные археологические культуры: виллендорфско-костенковско-зарайскую и павловско-хотылевско-гагаринскую.

Культурно-исторические предпосылки возникновения ИКО охотников на мамонтов

Жители Центральной Европы (виллендорфцы и павловцы) пришли и обосновались в центре Русской равнины, который был хорошо обжит еще в РВП. В этот период местное население охотилось преимущественно на диких лошадях и обитало в относительно легких жилых конструкциях типа шалашей или чумов. Как уже было показано выше, суровые климатические условия позднелепидиковья (КИС-2) отнюдь не привели к сокращению потенциальной охотничьей добычи. Скорее наоборот, способствовали ее расширению за счет увеличения популяции мамонтов. Видимо, в сложившейся ситуации местное население отнюдь не стремилось откочевывать в теплые края. При наличии богатой добычи открытые ландшафты и холодные малоснежные зимы не представлялись людям чрезмерно суровыми. Но, чтобы выжить в этих условиях, было необходимо создать соответствующую культурную базу, отличную от той, которую имели охотники на диких лошадях, ранее обитавшие в этом регионе. Этого удалось достичь, хотя и не сразу.

«Промежуточным пластом» между культурами РВП и действительно глобальными культурными изменениями, связанными с переходом к СВП, явился так называемый ориньякский эпизод, датируемый по М. В. Аниковичу 26–23 тыс. л. н.⁴⁵. Жилые сооружения и, вероятно, планировка поселка становятся более сложными по сравнению с предшествующим периодом. На Костенках-4/І и 8/І были раскопаны остатки настоящих полуземлянок с большим очагом в центре, наличием большого количества пекарных ямок и ямок-хранилищ. Эти жилища можно выделять в особый александровско-тельманский тип⁴⁶, знаменовавший собой начало сложной строительной деятельности, которую вели обитатели Днепро-Донской ИКО охотников на мамонтов.

Второй тип достаточно сложных жилых конструкций представляют собой длинные дома, открытые в Костенках-4/ІІ. Длина южного жилища — 34 м, северного — 23 м. Ширина их одинакова — 5,5 м. Оба жилища были углублены в землю не более чем на 20–30 см. Очаги внутри жилищ расположены по центральной оси, но не по единой прямой, а тремя группами, что позволяет считать эти жилища трехкамерными. По мнению А. Н. Рогачева, александровские длинные дома имели двускатную кровлю, опирающуюся непосредственно на землю и на коньковую жердь.

Кроме очажных лунок, в полу жилищ было вырыто довольно много ямок разного назначения. Часть их служила для установки опорных столбов, другие же представляли собой пекарные ямки и ямки-хранилища для охры, сырья, орудий труда.

Два этапа истории ИКО охотников на мамонтов

Наиболее сложные жилые конструкции и структурно организованные поселения возникают в центре Русской равнины с появлением здесь пришельцев из Центральной Европы.

Самые выразительные материалы по виллендорфско-костенковской АК на Русской равнине дает стоянка Костенки-1/І. Здесь открыты жилые комплексы, представляющие собой овальные в плане скопления культурных остатков площадью свыше 500 м² каждый. Вдоль овала располагаются восьмеркообразные полуземлянки, для перекрытия которых использовались крупные кости мамонта, а также ямы-кладовые, заполненные такими костями. Их глубина ~1 м. По центральной линии овала располагался ряд крупных очагов до 1 м в диаметре. Очаги заполнены только костным углем. В полуземлянках нет следов очагов, однако на полу всегда фиксируется россыпь костного угля.

Костенковские полуземлянки отнюдь не являлись темными спальными камерами. В них велась активная трудовая деятельность, о чем свидетельствуют находки, сделанные на полу этих землянок: орудия труда, фрагменты обрабатываемой кости и бивня и т. п. Помещения освещались жировыми лампами, изготовленными из головок бедренных костей мамонта.

Центральная часть жилых комплексов была изрыта многочисленными ямками-хранилищами различной величины, глубины и конфигурации. Не исключено, что здесь находился длинный дом. На Костенках-1/І известны четыре таких комплекса. Третий и четвертый пока только разведаны шурфами. Первый был полностью раскопан еще в 1930-е гг. Результаты этих раскопок опубликованы монографически⁴⁷. Второй жилой комплекс не обследован, и имеется мало публикаций по нему.

Приблизительно с начала валдайского климатического минимума (~20 тыс. л. н.) в центре Русской равнины (Среднее — Верхнее Поднепровье, бассейн Десны, Средний Дон) широко распространяются культуры охотников на мамонтов, соорудивших с помощью костей этого животного сложные конструкции — округлые наземные жилища. Развалины таких жилищ зафиксированы на ряде восточноевропейских стоянок: Мезин, Межиричи, Добраничивка, Юдиново, Гонцы и Костенки-11/Іа, Костенки-2 и др. По совокупности радиоуглеродных дат эти памятники датируются в пределах 20–14 тыс. л. н. Отдельные, более древние и более молодые датировки могут быть оспорены.

Указанные памятники не обнаруживают прямых связей ни с виллендорфско-костенковской, ни с другими, более ранними индустриями ориньякоидного и граветтоидного облика на территории Восточной Европы. Культуры с округлыми костно-земляными жилищами возникают внезапно, как бы из ничего. Характерно, что появление новых культурных традиций не означало исчезновения виллендорфско-костенковской культуры на Русской равнине. Существование этой культуры в бассейне Оки в период 20–16 тыс. л. н. (Зарайская стоянка) можно считать твердо установленным фактом. Правда, стоянок с жилищами аносовско-мезинского типа в Поочье не обнаружено, поэтому здесь пока нельзя говорить о сосуществовании различных культурных традиций на одной территории. Однако в бассейне Среднего Дона виллендорфско-костенковские и аносовско-мезинские традиции, по-видимому, именно сосуществовали в течение нескольких тысячелетий. Большинство археологов игнорируют так называемые молодые радиоуглеродные даты (порядка 20–14 тыс. л. н.), полученные для Восточно-Европейских памятников виллендорфско-костенковской АК (Костенки-1/І, Костенки-14/І, Костенки-18, Авдеево,

Бердыж, Гагарино). До недавнего времени так поступал и автор данной статьи⁴⁸. Однако результаты исследования Зарайской стоянки, а также проведенный мною анализ весьма представительной совокупности дат, полученных для Костенок-1/1, второй жилой комплекс⁴⁹ заставили меня отказаться от такого подхода и признать все даты в пределах указанной выше совокупности объективно отражающими время существования данных памятников. Таким образом, в течение нескольких тысячелетий сосуществовало разнокультурное население: в Покровском логу — носители костенковско-виллендорфских культурных традиций, а в соседнем Аносовом логу — строители округлых костно-земляных жилищ из крупных костей мамонта.

На территории Восточной Европы культуры охотников на мамонтов с их высокоразвитым домостроительством, совершенной техникой обработки кости, рога, бивня и кремня, с исключительными по разнообразию и своеобразию произведениями мобильного искусства, бесспорно, представляли собой вершину развития палеолитической культуры как таковой.

Причины исчезновения ИКО охотников на мамонтов

Возникает закономерный вопрос: почему же столь высокоразвитые культуры вдруг бесследно исчезли, вместо того чтобы и дальше развиваться и совершенствоваться?

Ответ: исключительно в силу своей специализации. Люди, чья жизнь во всех отношениях была теснейшим образом связана с мамонтами, при исчезновении или даже значительном сокращении последних были обречены на деградацию. Им оставалось либо исчезнуть, либо вновь резко изменить свой жизненный уклад.

Природные ситуации, не благоприятствовавшие существованию мегафауны, сложились в позднеледниковье примерно к 16–14 тыс. л. н. А. А. Величко, равно как и ряд других ведущих специалистов, занимающихся проблемой мамонта (Н. К. Верещагин, Г. Ф. Барышников, И. Г. Кузьмина и др.), отмечали, что условия потепления отнюдь не благоприятствовали распространению мамонтов. «Потепление климата и связанная с ним деградация многолетней мерзлоты привели к неустойчивости поверхности, росту термокарста и заболоченности. Одним из примеров гибели целого стада мамонтов в западине термокарстового характера в условиях позднеледникового потепления (около 14 тыс. л. н.) является судьба мамонтов под Севском»⁵⁰.

По мнению А. Л. Чепалыги, природные изменения, приведшие к деградации позднеледникового ледника, имели воистину катастрофический

характер. Согласно его воззрениям, «в позднем плейстоцене в связи с деградацией и таянием последнего (валдайского) оледенения наступила Эпоха Экстремальных Затоплений. Значительные обводнения склонов, междуречий и речных долин привели к сверхполоводьям в руслах рек и морским трансгрессиям в приморской зоне бассейнов Понто-Каспия»⁵¹. Такие сверхполоводья не только приводили к массовой гибели мегафауны, но и делали некоторые районы, хорошо освоенные в прежние периоды, малопригодными для существования человека. В качестве примера можно привести Костенковско-Борщевский р-н, где палеолитические памятники моложе 15 тыс. л. н. фактически неизвестны.

ИКО охотников на мамонтов и социокультурная адаптация

Внимание на регион, где и начало и конец СВП интерпретируются в первую очередь как адаптация к меняющимся природным условиям, намеренно сосредоточено. Но даже здесь нельзя все сводить исключительно к взаимодействию человеческой культуры и природной среды.

Если взглянуть на те же материалы ИКО охотников на мамонтов под углом социокультурной адаптации, можно сделать некоторые любопытные наблюдения. В период 26–23 тыс. л. н. (ориньякский эпизод) в Костенках сосуществовали носители как типично ориньякоидных, так и типично граветтоидных традиций обработки кремня. Наличие индустрий со смешанным инвентарем (Костенки-9, Борщево-5/1) показывает, что социумы с разными культурными традициями были открыты для контактов. Ситуация в некотором роде сходная с РВП, когда само становление верхнего палеолита происходило в первую очередь за счет социокультурных контактов (процесс аккумуляции).

В последующий период картина резко меняется. Памятники виллендорфско-костенковской АК на протяжении нескольких тысячелетий (23–16 тыс. л. н.) существовали на территории Костенок исключительно в Покровском логу. Параллельно в соседнем Аносовом логу 22–21 тыс. л. н. существовало поселение аносовско-гмелинской АК (Костенки-11/II), а в Александровском логу — ориньякоидные, граветтоидные и смешанные индустрии конца ориньякского эпизода — Костенки-4/1, II; Костенки-9.

В самом начале появления здесь виллендорфцев можно предполагать какие-то контакты между разнокультурным населением на основе совершенно идентичных мергелевых изображений мамонтов и носорогов, найденных на Костенках 1/1, 4/1 и 11/II.

Однако впоследствии, с появлением около 20 тыс. л. н. в Костенках строителей округлых наземных жилищ из костей мамонта, уже невозможно проследить сколько-нибудь серьезных археологических следов их взаимодействия с виллендорфцами. Единственное исключение — находка в Костенках-11/1а костяной рукояти, которую можно трактовать как грубое подражание изящным рукояткам лопаточек с головчатым навершием из Костенок-1/1. Видимо, по крайней мере в период 20–16 тыс. л. н., виллендорфцы волей или неволей вели в Костенках замкнутый образ жизни. Они не покидали пределов Покровского лога. С соседями, видимо, не враждовали, но и не вступали в контакты.

О ведущем значении социокультурной адаптации в первобытном обществе

Если выйти за пределы ИКО охотников на мамонтов, на соседние и более отдаленные территории, то прямая обусловленность культурогенеза

меняющейся природной средой в периоды после РВП станет еще более проблематичной. Какими природными условиями можно объяснить внезапное появление и столь же внезапное исчезновение в Западной Европе такого яркого культурного феномена, как солютрейская АК? Какими естественными причинами вызвано опять-таки внезапное исчезновение мадленской культуры, достигшей необычайно высокого уровня духовного развития, отраженного и в пещерном, и в мобильном искусстве? Здесь-то, во всяком случае, ни о каком подрыве хозяйственной основы не может быть и речи; северные олени и бизоны продолжали существовать и в последующий период.

Вопросов такого рода можно задать великое множество. Все это свидетельствует о том, что, сколь бы ни были значительны в отдельных случаях адаптивно-адаптационные процессы взаимодействия человеческой культуры и природы, главный движущий фактор исторического развития человечества изначально внеприроден. Он в самом человеке.

Синицын А. А.

КУЛЬТУРНЫЕ И АДАПТИВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПАЛЕОЛИТА КОСТЕНОК

Начиная со времени первых открытий следов существования первобытного человека в геологических отложениях ледниковой эпохи вместе с останками ископаемых животных, традиция рассмотрения культурной изменчивости совокупно с изменениями ландшафтно-климатических условий остается неизменной как основа хронологии и периодизации палеолита. Качественные изменения культуры прослеживались внутри климато-стратиграфических подразделов и их границы априорно рассматривались как совпадающие. Археологическая периодизация следовала за геологической, тем самым полностью от нее зависев. Поиск внешних причин культурной изменчивости всегда играл принципиальную роль в их объяснении, вплоть до признания его единственным определяющим.

Ситуация изменилась благодаря широкому внедрению в археологию методов абсолютного датирования, в первую очередь радиоуглеродного, и получению статистически репрезентативных серий датировок. Хронология палеолита постепенно становится радиоуглеродной хронологией, оперирую-

щей цифрами, вместо геологических подразделов и климатических колебаний. Это не всегда способствует основной задаче хроно-стратиграфического аспекта археологического исследования — созданию основы для корреляции культурных слоев, но позволяет рассматривать проблему соотношения археологической и геологической периодизации как два независимых аспекта.

Костенковская модель является в этом плане наиболее показательной, поскольку ее геологическая основа выражена предельно четко.

Костенковская модель

Пришедшая на смену стадиальной в 1950–1960-е гг. Костенковская модель была сначала четырехчленной, в окончательном варианте трехчленной⁵². В ее основе лежала геологическая периодизация: стоянки поздней хронологической группы связывались с отложениями покровных суглинков; двух древних — с отложениями двух гумусовых толщ, разделенных вулканическим пеплом.

В 1980–1990-е гг. на основании радиоуглеродных датировок были определены временные рамки хронологических групп: I (древней) — 36–32 тыс.; II — 32–28/27 тыс.; III — 27–20 тыс. л. до н. д.⁵³ Эти рамки условно признавались и для стратиграфических подразделов, хотя проблемы несоответствия возникли одновременно с получением серийных датировок. Возраст пепла определялся 32–35 тыс. лет; причем он считался более древним, чем пепел Темнаты⁵⁴, несмотря на близость химического состава и стратиграфической позиции. Верхняя граница верхней гумусовой толщи определялась возрастом II культурного слоя Костенок-8 (Тельманская ст.) по разрезу шурфа 1979 г., показавшего, что гумусовый горизонт, с которым он был связан, фиксирует конечный этап его накопления и смещения, а поселение этого слоя является самым молодым памятником этой хронологической группы.

Во многом, как сейчас представляется, это было связано с проблемой корреляции с палеолитом Западной и Центральной Европы: нижняя гумусовая толща сопоставлялась с интерстадиалом Хенгело; верхняя — с Арси-Денекамп. Несоответствия были, но совершенно обоснованно связывались со значительно более высокой степенью обеспечения палеолита Западной Европы естественнонаучными данными, в первую очередь радиоуглеродными датировками. Более половины радиоуглеродных дат памятников древних хронологических групп Костенок не укладывались в эти рамки, что также вполне обоснованно связывалось с проблемами абсолютного датирования в целом, проблемами становления метода. Открытым оставался вопрос верхней и нижней границы III хронологической группы. До сих пор для отнесенных к ней памятников нет дат древнее 23 тыс. лет, т. е. хронологический отрыв памятников (и отложений) II и III хронологических групп мог достигать 4–5 тыс. лет. Определение верхней границы I хронологической группы периодом до начала ледникового максимума определялось отсутствием выраженных признаков мерзлотных деформаций, несмотря на наличие в сериях более молодых радиоуглеродных датировок.

В рамках традиционной модели структура древней хронологической группы определялась сосуществованием стрелецкой и спицынской археологических культур; средней — ориньяка типа III культурного слоя Костенок-1, граветта типа II культурного слоя Костенок-8 и памятников, объединенных в городцовскую культуру; поздней — сосуществованием граветта по крайней мере четырех разновидностей, культуры I слоя Костенок-8 и культуры типа Костенок-2, 3, Ia слоя Костенок-11, иногда объединяемых в зямтнинскую АК (рис. 3).

Раскопки последних лет Костенок-14 (Маркина гора) показали более сложную, чем это казалось ранее, структуру древней и средней хронологических групп и по-новому заставили относиться к проблеме их разделения. Принципиальное значение имели два момента:

- 1) открытие культурного слоя ориньякской атрибуции, связанного с вулканическим пеплом, частично им перекрытого, т. е. формально относящегося к древней хронологической группе;
- 2) открытие ранее неизвестной культурной традиции с выразительным кремневым и костяным инвентарем, вдобавок относящейся к наиболее раннему периоду распространения верхнепалеолитического технокомплекса в Восточной Европе.

К двучленной структуре древней хронологической группы, таким образом, было добавлено сразу два новых компонента: ориньякский и новый, типа IVб слоя Маркиной горы. Из двух возможных вариантов интерпретации — увеличения количества компонентов группы или ее расчленения на две подгруппы — предпочтение было отдано второму. Основанием этому послужило:

- 1) более древний возраст внутри группы II культурного слоя Костенок-17 и IVб слоя Костенок-14 на основании их залегания на уровне (в первом случае) и ниже (во втором) отложений с палеомагнитным экскурсом Лашамп-Каргополово (~42 тыс. л. н.);
- 2) соответствие двучленной структуры древней группы Костенок (ориньяк «слоя в пепле» Костенок-14 — стрелецкая культура) общеевропейской бинарной структуре раннего верхнего палеолита (ориньяк кросс-континентального распространения — серия локальных «переходных» культур);
- 3) необычным «развитым» относительно современных представлений обликом материальной культуры обоих комплексов, не имеющих аналогов в памятниках раннего верхнего палеолита Центральной и Западной Европы.

К выделенному на этой основе пласту начального или зачаточного верхнего палеолита⁵⁵ был отнесен ряд памятников Восточной и Центральной Европы. При практически полном отсутствии общих технико-типологических показателей основой объединения остается их хронологическая (все они являются наиболее древним для своих регионов проявлением верхнего палеолита) и таксономическая позиция (все они не относятся ни к ориньяку, ни к переходным культурам). Все они имеют необычный инвентарь, не укладывающийся в традиционные представления о структуре

и облике раннего верхнего палеолита. Выделенный сначала как пласт археологических памятников, предшествующий и не вписывающийся в бинарную структуру раннего верхнего палеолита, сейчас он реально приобретает статус отдельной единицы периодизации верхнего палеолита, отличный по структуре и содержанию от традиционного раннего верхнего палеолита⁵⁶.

В развитии традиционных представлений о структуре II хронологической группы на основании серии радиоуглеродных дат ориньякские и стрелецкие памятники занимают внутри группы нижнее положение (32 тыс. л. н. для III слоя Костенок-1 и 32 тыс. л. н. для Ia слоя Костенок-12). Стоянки, отнесенные к городцовой культуре и граветту, — верхнее (28 тыс. л. н. для II слоя Костенок-14 и 27–28 тыс. л. н. для II слоя Тельманской стоянки)⁵⁷. Это является основанием для разделения хронологической группы на две с границей на уровне 28–29 тыс. л. н. (рис. 4).

В рамках этой группы принципиальным является то, что появление граветтской индустрии, с формированием и распространением которой в Европе связывается перестройка структуры палеолитического мира, смена двучленной структуры раннего верхнего палеолита, унифицированной граветтской структурой среднего этапа, проявляется внутри одного климато-стратиграфического подраздела, вне связи с изменением внешних условий.

Расцвет и разнообразие граветтских индустрий приходится в Костенках на период 23–21 тыс. л. н., когда они представлены по крайней мере четырьмя разновидностями, связанными со специфическим типом адаптации, определяемым охотой на мамонта⁵⁸.

Модели адаптации

Данные по памятникам «начального» верхнего палеолита, представленного единичными памятниками II культурного слоя Костенок-17 и IVb культурного слоя Костенок-14, при их очевидной разнокультурности свидетельствуют о наличии у них разных адаптивных моделей. Спицынская культура моносырьевая, ориентированная на использование черного мелового кремня, выходы которого в окрестностях Костенок остаются неизвестными. Для нижнего слоя Маркиной горы характерно использование широкого спектра сырьевой базы, включающей практически все разнообразие сырья, с очевидным преобладанием единственной местной породы — кремневого известняка. Существование на обеих стоянках полного цикла утилизации кремня от преформ и пробных нуклеусов до полностью утилизированных свиде-

тельствуется о сходном типе эксплуатации сырьевых ресурсов в условиях их относительного дефицита. Связь технологии и типологии инвентаря с сырьевой базой отсутствует: для обработки всех типов сырья использовались одни технические приемы, и наоборот: все типы изделий представлены на разных типах сырья. В обеих культурах прослеживается ориентация на охоту на лошадь. К чисто адаптивным показателям это отнесено быть не может, поскольку в экологической ситуации того времени лошадь скорее всего была единственным промысловым видом.

Адаптивные модели культур следующего, раннего этапа верхнего палеолита района, при несомненных культурных различиях, представляются сходными, основанными на полисырьевой базе и высокой степени утилизации сырья. Распространение ориньякского технокомплекса в Европе свидетельствует о высоких адаптивных возможностях ее носителей к различным экологическим условиям, пищевым ресурсам, изменяющейся сырьевой базе в сочетании с высоким уровнем стабильности и консерватизма материальной культуры, техники обработки камня и кости. Распространение ориньяка в горных областях, литоральной зоне, тундре, лесной и степной зоне Европы свидетельствует об отсутствии у населения жесткой привязки к определенным экологическим условиям. Пространственное распространение стрелецкой культуры от Урала (Гарчи-1) до Причерноморских степей (Бирючья Балка) также свидетельствует о высоких адаптивных возможностях ее носителей к внешним условиям и пищевым ресурсам, при значительно более высокой, чем у ориньяка, вариабельности материальной культуры. Наибольшей стабильностью в ее контексте обладает наиболее яркий культурный показатель — треугольный двусторонне обработанный наконечник с вогнутым основанием.

Составляющие следующую хронологическую группу, или раннюю стадию среднего этапа верхнего палеолита, памятники городцовой культуры и граветта II слоя Тельманской стоянки дают пример различной адаптации в отношении использования сырьевых ресурсов. Индустрия II слоя Костенок-8 моносырьевая, хотя круг использовавшихся для производства орудий пород охватывает многие разновидности, включая экзотический горный хрусталь. Памятники городцовой культуры полисырьевые, при значительном участии импортных пород, в первую очередь черного мелового кремня и не имеющего аналогий серого матового кремня II культурного слоя Костенок-14. Высокое содержание в инвентаре городцовских памятников костяных изделий может рассматриваться не только как культурный пока-

затель, но и как проявление специфических адаптивных механизмов, включающий костяное сырье в число основных ресурсов. Характер поселений, их компактность, локализация на небольшой площади позволяют считать их остатками обитания небольших коллективов, а значительную мощность культурных слоев стоянок рассматривать как свидетельство долговременного, скорее всего круглогодичного обитания.

Появление граветтской индустрии II культурного слоя Костенок-8 свидетельствует об иной модели адаптации с широким спектром объектов охоты и иным характером освоения территории. Особенно отчетливо это проявляется в моносырьевой базе кремневой индустрии, основанной на использовании высококачественного мелового кремня нескольких разновидностей неместного происхождения. Отличным от стоянок предшествующего этапа является и тип поселения — значительно большее по площади, со следами нескольких жилых конструкций, с развитой инфраструктурой бытовых объектов, в т. ч. культурных.

При том что появление граветтского технокомплекса ок. 28 тыс. л. н. одновременно на широких пространствах Европы от Атлантического побережья до Костенок связывается с началом нового, среднего периода верхнего палеолита и с изменением структуры палеолитического мира, в Костенках оно имеет место в контексте и на фоне неграветтских памятников и вне связи с изменениями климатических условий.

Предлагаемая модель верхнего палеолита Костенок на настоящий момент представляется как многолинейная структура, сочетающая разные культурные традиции и типы адаптации⁵⁹. Принципиальное значение имеет то, что ее качественные изменения происходят внутри климато-стратиграфических подразделов и не могут быть поставлены в зависимость от изменений внешних условий.

Археологическая корреляция

Корреляция костенковских моделей и геологических отложений, лежащих в основе их построения, с моделями палеолита соседних территорий Восточной Европы, а также с палеолитом Центральной и Западной Европы составляла отдельную проблему на протяжении всего периода ее формирования⁶⁰. Всегда принципиальным оставался вопрос ее соответствия существующим климато-стратиграфическим схемам, основанным на периодизации четвертичных отложений.

Более 40 лет она существовала практически без изменений на фоне также относительно ста-

бильной ситуации в построениях четвертичной геологии. Согласно сложившимся в третьей четверти прошлого века представлениям⁶¹ конец среднего валдая был представлен в Восточной Европе брянским (дунаевским) интерстадиалом в хронологических рамках 32–24 тыс. л. до н. д., внутренне неоднородным, но стратиграфически нерасчлененным. Для археологии как пользователя это создавало определенные проблемы, затрудняющие корреляцию с археологическими материалами, ранжированными в соответствии с более дробными климато-стратиграфическими схемами Западной Европы.

Постепенные изменения этих представлений предсказуемо определялись магистральным направлением развития любой науки в сторону детализации и уточнения дефиниций на основании увеличения количества и качества аналитической базы исследования. В первую очередь это нашло выражение в формировании изотопной основы для реконструкции климатических колебаний (сначала OIS, позднее MIS), создании нескольких калибровочных кривых для радиоуглеродных определений возраста, увеличении количества методов абсолютного датирования, их точности и серийности.

В этих условиях естественно было бы ожидать сложение более детальных хроно-стратиграфических схем климатических колебаний последнего оледенения для Восточной Европы, как это имело место на Западе. Этого не произошло скорее всего потому, что сложившиеся в середине третьей четверти прошлого века представления остаются работоспособными, соответствующими запросам современной четвертичной геологии и палеоклиматических реконструкций. Потребности археологии в более детальных построениях для изменения существующих явно недостаточно. Тем не менее развитие в этом направлении шло постоянно. Наиболее детальной остается схема, разработанная для севера Восточной Европы⁶²; для приледниковой зоны и южных областей основания для детализации ограничиваются результатами локальных исследований, недостаточными для изменения общих представлений.

Для целей археологической корреляции принципиальное значение имеют два момента: 1) появление возможности детального представления климатических изменений внутри средневалдайского интерстадиала; 2) удревнение хронологических рамок событий, особенно для периода более 20 тыс. л. н., что находится в прямом соответствии и зависимости от увеличения точности методов абсолютного датирования. Как правило, современные даты оказываются более древними, чем даты, полученные 20–30 лет назад; даты по образ-

цам древесного угля в целом дают более древние значения, чем даты по кости и костному углю, а вместе они дают более древний возраст, чем даты по почвам.

По современным представлениям⁶³ внутри брянского интервала фиксируется как минимум два ритма потепления, разделенных кратковременной осцилляцией. Вопрос в их статусе, широте распространения и степени: насколько их характеристики достаточны для выделения в отдельные климатические ритмы.

Также появляются данные, свидетельствующие о более древнем возрасте брянского интервала и, возможно, меньшей его продолжительности. В основе определения хронологических рамок дунаевского потепления и брянской почвы лежат радиоуглеродные даты по почвам, причем даты в лучшем случае третьей четверти прошлого века. Их корреляция с датировками последнего времени, с учетом материала, методик очистки образцов и корректировок является одной из наиболее актуальных задач⁶⁴, поскольку исключены из оборота они быть не могут, но не могут и использоваться на одном уровне достоверности с современными определениями возраста. Аргументация, основанная на этих данных⁶⁵, сейчас выглядит по меньшей мере странно, поскольку есть современные данные и современные тенденции в развитии проблемы.

Широкий, продолжительностью 7 тыс. лет, неоднородный, но стратиграфически единый брянский интервал продолжает существовать в современных представлениях многих исследователей⁶⁶. Особенно это характерно для перешедших на изотопную шкалу климатических изменений, поскольку граница MIS³-MIS² сейчас проводится на уровне 25 тыс. л. н.⁶⁷ Наряду с этой позицией имеет место другая, основанная на членении брянского интервала на стратиграфические горизонты, соответствующие хроно-климатическим эпизодам статуса отдельных климатических событий⁶⁸ (рис. 5). Как тенденцию можно отметить популярность этих представлений среди археологов⁶⁹, наиболее соответствующих потребностям корреляции археологических материалов на естественнонаучной основе, а верхнюю границу брянского интервала на уровне 27 тыс. л. н., в соответствии с наиболее распространенными климато-стратиграфическими схемами Западной Европы⁷⁰.

Новая костенковская модель находится в русле этих тенденций, и ее роль в развитии современных представлений не только археологии, но и палеогеографии, со временем может стать значительной.

Значение любой модели определяется в первую очередь ее работоспособностью. При том что ни одна модель не в состоянии охватить всего разнообразия материала и учесть всю совокупность накопленной информации, основным критерием целесообразности ее использования является способность к получению нового знания и развитию научной проблематики.

Основу разрабатываемой модели составляют следующие положения:

- 1) принципиальные изменения в структуре археологического материала происходят внутри климато-стратиграфических (здесь — геологических) подразделов, что рассматривается как свидетельство отсутствия связи между культурной и природной изменчивостью;
- 2) это является основой для предположения о том, что именно стабильность, а не изменения природной среды является условием, катализатором культурной изменчивости;
- 3) принципиальными рубежами культурной периодизации палеолита Костенок являются: 36–37 тыс. л. н. — время появления ориньяка и стрелецкой АК; 27–29 тыс. л. н. — время появления граветта и городцовой АК; 23–21 тыс. л. н. — время распространения культур граветтского круга;
- 4) единицами периодизации признаются: начальный верхний палеолит (42–36 тыс. л. н.), ранний верхний палеолит (36–27 тыс. л. н.), средний верхний палеолит (27–20 тыс. л. н.);
- 5) для начального этапа и нижнего подраздела среднего палеолита наряду с культурными различиями фиксируются две различные модели адаптации, основанные на ориентации населения на различные источники сырьевых ресурсов.

Предложенная модель акцентирует сосуществование разных культурных традиций и способ адаптации к природному окружению на узкой территории в пределах изохрон, для внутреннего членения которых современных данных недостаточно. Она не является противопоставлением традиционной модели, но является ее развитием.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ОСВОЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ В КАМЕННОМ ВЕКЕ

Исследования в рамках проекта «Основные этапы освоения человеком северо-востока Европы в каменном веке: палеоэкологический аспект» были направлены на комплексное изучение одной из важнейших проблем современной науки о человеке — истории глобальной колонизации. Регион, в котором проводились исследования, включает северо-восточную часть Русской равнины (восточную часть бассейнов Северной Двины (р. Вычегда) и Мезени (южный Тиман), бассейны Печоры и Верхней Камы) и западные предгорья Урала (от северной части Среднего до Полярного) 58–68° с. ш. и 50–60° в. д. (рис. 6).

Исследовательская задача проекта заключалась в определении времени, путей и характера колонизации северо-востока Европы, а также в установлении исторической динамики форм и методов адаптации человека к изменявшимся природным условиям субарктической зоны Евразии на протяжении всего каменного века. В результате проведенных в рамках проекта исследований были определены основные этапы освоения человеком северо-востока Европы в каменном веке, выяснены особенности расселения, природного окружения и систем жизнеобеспечения древнего населения этого региона.

Основные этапы освоения человеком северо-востока Европы в эпоху верхнего палеолита

Современный этап исследований верхнего палеолита региона характеризуется значительным расширением источниковедческой базы исследований (как в количественном, так и в качественном отношении), полученной в результате систематических исследований, проведенных в основном на Камском водохранилище.

Комплексные исследования новых стоянок позволили получить большой объем ранее неизвестной информации о природном окружении стоянок, типе памятников, образе жизни и системах жизнеобеспечения палеолитического населения северо-востока Европы.

Эти данные позволили существенно скорректировать разработанные ранее культурно-хроно-

логические схемы развития палеолитической культуры в регионе, а также времени, путей, этапов и характера первоначального заселения севера Восточной Европы.

В настоящее время в регионе выявлено свыше 30 верхнепалеолитических памятников, которые относятся к началу верхнего палеолита и позднему и финальному палеолиту.

На северо-востоке Европы выделяются две хронологические группы памятников начальных этапов верхнего палеолита.

К памятникам начальной поры верхнего палеолита (38–33 тыс. лет) относятся две стоянки — Мамонтова Курья и Заозерье (рис. 6). Вторую хронологическую группу (29–28 тыс. лет) составляют стоянки ранней поры верхнего палеолита — Гарчи-I (верхний слой), грот Близнацова (?) и Бызовая (рис. 6).

Определяющей чертой каменного инвентаря памятников начальных этапов верхнего палеолита (Мамонтова Курья, Бызовая, Гарчи-I и Заозерье) является сочетание в гомогенных индустриях двух технико-морфологических групп изделий — верхнепалеолитической и среднепалеолитической (рис. 7)⁷¹. Таким образом, их можно отнести к архаичным и симбиотическим индустриям начала верхнего палеолита Восточной Европы⁷². К архаичным в целом могут быть отнесены индустрии стоянок Гарчи-I и Бызовая и, вероятно, Мамонтова Курья. К симбиотическим, безусловно, относится индустрия стоянки Заозерье⁷³.

Памятники позднего и финального палеолита датируются второй половиной позднего валдая и позднеледниковьем (19–9 тыс. (?) лет)⁷⁴.

К позднему палеолиту (18–15 тыс. лет) относятся: стоянка Талицкого, Ганичата-II, Шированово-II, Медвежья пещера и 4–5-й слои грота Большой Глухой. К финальному палеолиту (11–9,5 тыс. (?) лет) — грот Столбовой, Пымва-Шор-I, Горная Талица, Усть-Пожва-I и 3-й слой грота Большой Глухой.

Анализ коллекций позднепалеолитических памятников северо-востока Европы свидетельствует об их несомненном и существенном сходстве. Их материалы обнаруживают наибольшее сходство с комплексами среднего этапа (от 27 до 24–18–17 тыс. л. н.) позднего палеолита Сибири (рис. 8).

Этот этап характеризуется появлением микропластинчатой индустрии⁷⁵.

Вероятно, в конце позднего валдая на основе позднепалеолитических комплексов (Талицкого, Широфаново-II, Медвежья пещера, Гари) сформировалась региональная уральская культура⁷⁶.

Природное окружение палеолитических стоянок

Памятники начальных этапов верхнего палеолита датируются серединой — второй половиной среднего валдая. Природные условия, существовавшие на северо-востоке Европы в это время, могут быть охарактеризованы как умеренно холодные. В бассейне Верхней Камы были развиты лесостепные ландшафты. В растительном покрове существенную роль играла древесная растительность, приуроченная в основном к речным долинам. На водоразделах были распространены открытые степные ландшафты. Более холодные природные условия существовали в это время в бассейне Печоры. Здесь доминирующим видом ландшафтов были тундростепи.

Первая половина позднего валдая отличалась на северо-востоке Европы крайней суровостью климата. В это время формируются многолетнемерзлые толщи, широкое развитие получили морозное растрескивание пород и солифлюкционные процессы. Не удивительно поэтому, что стоянки первой половины позднего валдая в регионе в настоящее время не выявлены.

Данные по природному окружению позднепалеолитических стоянок северо-востока Европы, относящихся ко второй половине позднего валдая, показывают, что климатические условия времени их существования были значительно холоднее, чем в среднем валдае. Как на севере, так и на юге региона позднепалеолитические стоянки существовали в суровых криоксеротермических условиях и тундровых ландшафтах.

Промысловая фауна, типы памятников и особенности хозяйства

Видовой состав основных промысловых животных на всем протяжении верхнего палеолита практически не претерпевал изменений и включал лошадь, северного оленя, мамонта, носорога, бизона, овцебыка и зайца.

Большая часть стоянок верхнего палеолита, выявленных в регионе, относится к числу временных охотничьих лагерей. Долговременных поселений с мощным, насыщенным культурным слоем на северо-востоке Европы, как, впрочем, и на всей тер-

ритории севера Евразии, до настоящего времени не найдено.

Отчетливо выделяются различия в типах верхнепалеолитических памятников, расположенных на юге и севере региона. Если стоянки бассейна Верхней Камы являются охотничьими лагерями с жилыми структурами, то памятники бассейна Печоры (Мамонтова Курья и Бызовая) представляют особый тип стоянок на природных кладбищах мамонтов⁷⁷.

Прослеживается и взаимосвязь видового состава фауны и типов памятников. Для стоянок — охотничьих лагерей характерно доминирование останков крупных копытных (лошадь, северный олень — до 90 %) с минимальным присутствием костей других животных. Для стоянок на природных захоронениях крупных млекопитающих, расположенных на севере региона, доминирующим видом (более 90 %) является мамонт.

Таким образом, данные по типам памятников и составу фауны промысловых животных свидетельствуют о том, что на протяжении всей верхнепалеолитической эпохи в регионе был представлен один хозяйственно-культурный тип — охотники на крупных стадных копытных⁷⁸.

Основные этапы освоения человеком северо-востока Европы в эпоху мезолита

В настоящее время с учетом новых данных можно представить следующую картину развития мезолита северо-востока Европы (рис. 9).

Постоянное население на данной территории на протяжении эпохи мезолита, как и последующей, отсутствовало. Сюда проникали небольшие группы населения с территорий, находящихся на западе, юго-западе (Волго-Окское междуречье и др.) и с территории, находящейся на юге (Прикамье). Сейчас не важно, являлся ли северо-восток Европы промысловой базой, кормовой территорией или проходной дорогой преследования стад северных оленей при сезонных перекочевках. Важно другое — выделенные здесь мезолитические культуры имеют очень высокую степень сходства с таковыми в означенных регионах. Например, парчевская и бутовская культуры, средневычегодская и камская мезолитическая культуры.

Эти культуры и культурные общности в известной степени носят условный (служебный) характер, т. к. не обладают таким существенным признаком — распространением на единой (в культурном отношении) территории. Поэтому предлагается выделение двух традиций мезолита северо-востока Европы — западной и приуральской⁷⁹.

К первой из них относится парчевская культура (стоянки Парч-1, 2 и некоторые другие), представляя раннюю стадию развития традиции, и более поздняя топыднуровская (стоянки Топыд-Нур-5, 7, Чергас-2), а также Висский-1 торфяник. Очевидны аналогии с бутовской культурой Волго-Окского междуречья, особенно на ранней стадии. Для данной традиции характерно наличие конусовидных нуклеусов при полном отсутствии карандашевидных, незначительная доля микропластин — 5 % и менее от общего числа пластин, равное соотношение узких и средних пластин при довольно высокой доле широких. Среди сечений пластин преобладают короткие. Общий процент пластин по отношению к сумме пластин и отщепов 50 % и менее. Высока доля орудий в коллекциях (5–15 %). Значительно чаще, чем на памятниках приуральской традиции, встречаются орудия, изготовленные из отщепов. В их числе не только скребки, но много и других форм. Орудийный набор стоянок (рис. 10) отличается разнообразием форм (типов), их серийностью. В него входят наконечники стрел, вкладыши, скребки, резцы, изделия с резцовым сколом, выемчатые и зубчато-выемчатые орудия, перфораторы (острия, проколки, сверла, развертки, орудия с шипом), орудия с усеченным концом, долотовидные орудия, ретушеры, скребла. Из этого числа лишь наконечники стрел и вкладыши изготовлены исключительно из пластин, остальные изготавливались как из пластин, так и из отщепов. Наконечники стрел черешковые на пластинах, очень различающиеся по размерам. Среди целых экземпляров наименьший имеет длину 3,7 см, а самый длинный — 7,7 см. В качестве заготовок использованы довольно массивные пластинки и пластины. Черешки орудий обработаны крутой ретушью по вентральной поверхности пластины. Общая черта наконечников стрел, судя по сохранившимся экземплярам, асимметричность жала.

Приуральскую традицию составляют средневычегодская культура (по Г. М. Бурову — стоянки Ульяново, Курьядор-1 и некоторые другие), памятники типа Евдино р. Вымь (по Л. Л. Косинской) и Лек-Леса-1 и др. на р. Ижма. Они имеют высокую степень сходства с камским мезолитом, камской мезолитической культурой (по О. Н. Бадеру), а также мезолитом Среднего Зауралья. Стоянка Лек-Леса имеет дату — 9010 ± 70 (ЛЕ-3607)⁸⁰.

Особо следует отметить мезолитический памятник Пезмогты-6, исследованный в 2007–2008 гг. (42 м²; 3739 экз. находок) в пезмогском георхеологическом районе. Он, бесспорно, относится к средневычегодской культуре, для которой характерно присутствие карандашевидных нуклеусов, камский тип распределения пластин по ши-

рине, ограниченный набор орудийных форм при отсутствии наконечников стрел, обилие специфических орудий, так называемых долотец. Впервые эти орудия описаны Г. М. Буровым⁸¹. Причем была отмечена их серийность в коллекциях памятников, что является достаточно большой редкостью для орудий средневычегодской культуры. Они изготовлены из массивных пластин дугообразного профиля, нижние, суженные концы которых имеют мелкую кругую ретушь; ширина рабочего конца колеблется в пределах от 0,25 до 0,9 см; он или прямой, или скошенный. Часто в качестве заготовок использовались ребристые пластины. На вычегодских памятниках, исследованных Г. М. Буровым, они составляют 0,7–2 % от всего количества кремневых изделий⁸². Что интересно, эти орудия не так заметны на других памятниках приуральской традиции.

Вместе с тем Пезмогты-6 — первый памятник с такой индустрией, исследованный после полувекового перерыва и с использованием новейших методик. Сравнение коллекций, полученных Г. М. Буровым, и нового памятника позволит охарактеризовать понятие «средневычегодская культура». Орудийный набор памятника представлен резцами (47), вкладышами составных орудий (41), пластинами с ретушированными и усеченными концами (31), долотцами (28), отщепами с ретушью (8), пластинами с ретушью и ретушью утилизации (10), остриями (4), скребками и микроскребками (10), ножами (2), выемчатыми орудиями (2), орудием с выступом, ретушером (?). Еще восемь изделий представлено обломками или рассеченными частями. Подавляющее число орудий — 177 изготовлено на пластинах и лишь 11 — на отщепах.

Диагностируемые как технологически значимые сколы и продукты расщепления представлены 223 изделиями, в т.ч. ребристыми сколами (98 экз.), сколами подживления площадки нуклеуса (48), первичными сколами (44), нуклеусами и их фрагментами (15), сколами удаления проблемных участков (5), заготовками нуклеусов (2), сколами оформления фронта нуклеуса (2), снятиями с ребра желвака (2), сколом с ребра куска, сколом обработки ребра нуклеуса, угловым сколом, фрагментом площадки нуклеуса, сколом переоформления и подправки фронта нуклеуса (2). Можно предположить, что памятник являлся кратковременной неспециализированной стоянкой-мастерской. Камнеобработка на памятнике велась практически в полном объеме, за исключением этапов отбора сырья и оформления заготовок нуклеусов.

Графики распределения пластин по ширине совпадают с таковыми у памятников приуральской

традиции мезолита региона. Это так называемый камский тип распределения⁸³.

Помимо этих двух традиций, в регионе исследованы памятники, в материалах которых сочетаются их черты. Наиболее показательны в этом отношении стоянки Чердыб-1 и Чердыб-2, исследованные в 2003–2005, 2007–2008 гг. на Верхней Вычегде.

Стоянки Чердыб-1 и 2 открыты в 2003 (Чердыб-1) и 2004 гг. (Чердыб-2) в границах парчевского геoarхеологического района. Располагаются они в прикраевой части останца флювиогляциальных отложений, отделенного от Вычегды 300 м поймы. Границей между двумя стоянками является долина безымянного ручья. На стоянке Чердыб-1, примыкающей с левой стороны к ручью, было выявлено два участка. На первом, где сохранились нетронутыми современной хозяйственной деятельностью человека отложения, раскопано 58 м² (количество находок 810 экз.). Вскрыты сохранившиеся две трети остатков легкого наземного жилища. Это часть округлого пятна находок диаметром 4–5 м.

На стоянке Чердыб-2 выявлено шесть пунктов находок. На двух из них проведены раскопочные работы. Это Чердыб-2, пункт 2 (12 м², 617 экз.) и Чердыб-2, пункт 6 (4 м², 850 экз.). Особый интерес вызывают нуклеусы коллекции последнего пункта. Их количество и стадия расщепления позволяют судить о функциональной принадлежности памятника. Все нуклеусы (отметим, что они конусовидные и лишь один из них карандашевидный) находятся в заключительной стадии расщепления. Многочисленны так называемые технические сколы переоформления и подправки. Вероятнее всего, на памятнике производилось интенсивное расщепление нуклеусов с целью получения пластин, среди которых преобладали узкие. То есть это стоянка-мастерская или домашняя мастерская с преобладанием первичного расщепления.

На всех чердыбских памятниках обнаружены немногочисленные некремневые находки, среди которых отбойники, абразивы, а также отщепы и осколки. Имеются мелкие фрагменты костей. Они чаще всего неопределимые, принадлежат крупным млекопитающим. Единично определен лось.

Накопленный в результате исследований материал показывает отсутствие находок каких-либо других эпох, кроме мезолитических. Технотипологические показатели инвентарей всех пунктов однородны. Более того, с достаточной долей определенности выявлено, что материалы сходны настолько, что можно утверждать, что они оставлены одной и той же группой населения в течение нескольких теплых сезонов, осваивающих эту терри-

торию. Очевидно, мы имеем дело с самым крупным по площади (около 50 тыс. м²) мезолитическим памятником на территории европейского северо-востока.

Тип распределения пластин по ширине чердыбских коллекций имеет выраженный пик узких пластинок, совпадает с таковым у памятников приуральской традиции⁸⁴. Наличие конусовидных и карандашевидного нуклеусов свидетельствует также в пользу сходства техники расщепления с памятниками указанной традиции. Вместе с тем орудийный набор чердыбских инвентарей отличается большим разнообразием форм, и его доля среди находок выше, чем у стоянок приуральской традиции. Особенно стоит отметить серийность пластинок с притупленным краем, пластинок с усеченным концом и резцов на коротких сечениях и проксимальных сегментах пластин. Эти черты сближают стоянки Чердыб-1 и 2 с парчевскими, т. е. западной традицией в мезолите региона. Дата чердыбских материалов по углю — 7520±90; 7460±70 (ГИН 13 357–13 358)⁸⁵. Вероятно, стоит предположить, что появление комплексов с чертами, сочетающимися признаки двух традиций, произошло на заключительной стадии мезолита. Стоянки, сходные с чердыбскими, были распространены достаточно широко. Это памятники типа Ветью на Выми, а также Филичаевские 1–5 стоянки на Северной Двине. Среди последних наиболее представительна Филичаевская 5-я стоянка. Ее инвентарь сравнивается со средневычегодской и сухонской культурами одновременно⁸⁶. Сухонская же культура, как известно, сопоставляется с бутовской⁸⁷.

Заметное сходство чердыбских материалов наблюдается с каменной индустрией култинской культуры Поочья⁸⁸. Очевидно, сходны механизмы их формирования.

Таким образом, в позднем, а затем и финальном мезолите региона, на территорию региона продвигались группы населения западной традиции (Топыд-Нюр-5 и 7 на Печоре, Чертас-2 на Вычегде, Висский-1 торфяник в бассейне Выми), а также имевшие индустрию смешанного типа.

Основные этапы освоения человеком северо-востока Европы в эпоху неолита

Изучение процесса освоения региона в неолите тесно связано с проблемой так называемой неолитизации, которая традиционно понимается как процесс распространения производящих форм хозяйства или навыков изготовления керамической посуды — гончарства (для лесной зоны Восточной Европы). Последний показатель хотя и признает-

ся формальным, но ему все же придается огромное значение, поскольку «изобретение посуды было вызвано переходом к оседлости и особенно изменением всей экономики и образа жизни населения»⁸⁹.

В настоящее время можно утверждать по крайней мере о двух периодах заселения региона в неолите (рис. 11). В ранний период, в первой половине 5-го тысячелетия до н. э., здесь выявлены стоянки типа Дугово-1 и Черной Вадьи, чернорборской группы, камской неолитической культуры и эньгтыйского типа (рис. 11, 12). При их анализе обращает на себя внимание то, что все стоянки разбросаны на огромной территории. Так, памятники чернорборской группы занимают долины Ижмы, Мезени, Вычегды и Северной Двины. Расстояние между двумя крайними пунктами (Прилукская и Чернорборская-III) составляет по прямой 550 км. Кроме того, аналогии материалам чернорборских памятников обнаружены в бассейне р. Сухона (Березова Слободка-II, III, VI), расстояние до которой от стоянки Чернорборская-III — 720 км по прямой. Дистанция между памятниками камской неолитической культуры (Кочмас Б на нижней Вычегде и Хуторская в Прикамье), а конкретнее хуторско-бороозерского типа составляет также около 500 км, а поселения эньгтыйского типа — Эньты-1 на Средней Вычегде и Векса на р. Вологда — удалены друг от друга на 650 км.

Коллекции стоянок раннего неолита северо-востока Европы сравнительно малочисленны и включают в среднем около 100 орудий и фрагменты 1–5 сосудов, а в орудийных наборах, как правило, доминируют наконечники стрел. В регионе не выявлены достоверные бескерамические комплексы, кремневый инвентарь которых бы соответствовал материалам памятников с керамикой. Исключение составляет стоянка Ревью-1, где керамика не обнаружена, а кремневый инвентарь аналогичен таковому на стоянке Эньты-1. В технике расщепления камня, типологии орудий и керамики отсутствуют показатели, позволяющие объединить их в рамках одного культурного образования или выявить какую-либо генетическую преемственность между их обитателями. Судьба каждой из групп населения, оставившего эти памятники в настоящее время, не прослеживается.

Аналогии материалам памятников этих групп позволяют включить в ареал их распространения бассейн Камы, Сухоны, Средней и Верхней Волги. В связи с этим можно говорить по крайней мере о двух направлениях заселения региона в раннем неолите. Первое — юго-западное — территория Верхней и Средней Волги и второе — юго-юго-восточное — ареал камской культуры.

Следующий этап освоения региона связан с появлением здесь в начале 4-го тысячелетия до н. э. носителей гребенчато-ямочных традиций, генезис которых связан с населением льяловской культуры (рис. 11, 12). Сравнительно-типологический анализ материалов северо-востока Европы и сопредельных территорий позволяет говорить о том, что известные памятники с гребенчато-ямочной керамикой представляют довольно узкий хронологический отрезок, ограниченный первой половиной 4-го тысячелетия до н. э. и соответствующий первым двум этапам существования льяловской культуры⁹⁰.

По сравнению со стоянками раннего неолита памятники среднего периода более многочисленны и расположены на всей территории северо-востока Европы, включая Большеземельскую тундру. Расстояние между двумя крайними пунктами (Мармугино и Печорская) в пределах региона составляет около 900 км. Однако распространение наиболее выразительных из них ограничено с северо-востока Тиманским кряжем, а основная масса концентрируется у старичных (стоянки средней Вычегды) и водораздельных озер (памятники у оз. Синдор, Ямоозеро, Косминские, Пинежские, Красный Окунь). Выделяются памятники средней Вычегды, характеризующиеся наличием поселений, состоящих из 1–5 жилищ, и расположенные на отрезке около 60 км. Предпочтения в выборе места обитания существенно не изменились. В большинстве случаев памятники среднего неолита приурочены к тем же формам рельефа и занимают те же высотные отметки, что и памятники мезолита и раннего неолита.

Наиболее существенные изменения происходят в способах обработки камня, основные усилия которой теперь направлены на бифасиальное расщепление. Инвентарь стоянок, в т. ч. и жилищных комплексов, также немногочислен. Отмечается лишь увеличение количества мелкого дебитажа, что естественно для бифасиальных технологий расщепления камня. В этой связи следует отметить четко прослеживаемую на материалах северо-востока Европы тенденцию к бифасиальному виду расщепления. Выражается она в появлении приемов утончения массивных или извилистых участков вентрального фаса (Дугово-1), бифасов с полностью обработанным дорсальным фасом и избирательной обработкой массивных участков вентрального (Чернорборская-III). В индустрии стоянки Эньты-1 изготовление бифасов выделяется уже в самостоятельный вид расщепления при сохранении пластинчатых сколов-заготовок. На памятниках льяловского типа бифасиальный вид расщепления становится основным, хотя сохраняется техника скалывания пластин, которые,

однако, утрачивают такой показатель как серийность и скорее относятся к стадии избирательного расщепления. В литературе эта тенденция характеризуется как «деградация техники производства пластин»⁹¹ или «регресс производства пластинчатых сколов-заготовок»⁹². Для поселений Волго-Окского междуречья называются и конкретные причины — условия недостатка качественного кремня⁹³.

В ходе исследований памятников среднего неолита с гребенчато-ямочной керамикой северо-востока Европы отмечено, что для их коллекций характерно разнообразное сырье, представленное кремневыми гальками, плитками и кусками различной морфологии и качества. Сравнительно высока доля некачественного кремня с большим количеством разнообразных некремневых включений и естественной трещиноватостью. Отсюда высокий процент осколков, кусков с пробными снятиями и неудачных заготовок, по всей видимости, не подвергшихся дальнейшему расщеплению из-за низкого качества сырья. Однако орудия и мелкий дебитаж (чешуйки и мелкие отщепы) производственных площадок свидетельствуют об использовании иного качественного пластичного материала, о более экономном использовании сырья и неприхотливости бифасиальных технологий расщепления камня к морфологии (но не к качеству) отдельностей сырья. В этой связи отмеченное явление не «деградация» техники скола пластин из-за отсутствия качественного сырья, а переход к более экономному, гибкому, а следовательно, с технической точки зрения прогрессивному способу расщепления камня. И наряду с таким показателем, как распространение навыков изготовления керамики, эти данные могут быть использованы в качестве маркеров неолитической эпохи.

Для памятников льяловского типа отмечено изменение в структуре орудийных наборов в сторону увеличения количества орудий для обработки продуктов охоты (резцы, скребки и ножи). Причем в большинстве случаев резцы доминируют среди морфологически выраженных орудий. Вместе с тем число сосудов в комплексах существенно не возросло и в среднем составляет 5–6. В эту статистику не включены материалы поселений водораздельных озер, где такие подсчеты затруднительны. Данные анализа видового состава фауны, остатки которой представлены в виде фрагментов кальцинированных костей, также не демонстрируют отличий от памятников предшествующего периода. Триада лось — бобр — северный олень остается неизменной.

Дальнейшая судьба носителей льяловских традиций в регионе не прослеживается. Источники,

которые служили основанием для выделения культур⁹⁴, в создании которых они могли бы принять участие, неполноценны, неоднозначны и требуют верификации.

Анализ данных, а именно численности памятников, объема коллекций, характеристики культуровмещающих отложений, типологического состава инвентаря позволяет сделать вывод о кратковременной жизнедеятельности населения на известных стоянках северо-востока Европы. На всем протяжении неолита они носят преимущественно промысловый сезонный характер, базовые долговременные поселения отсутствуют. В среднем периоде хотя и появляются свидетельства сооружения наземных жилищ, но материал в них также немногочислен. Отметим сравнительно низкую плотность населения региона и периодичность заселения его территории. Так, период середины 4-го — начала 3-го тысячелетия до н. э. источниками не документирован вовсе. Таким образом, он отличается от других периферийных участков Восточной Европы, например Кольского п-ова, где прослежена преемственность развития керамического производства от неолита до эпохи раннего металла⁹⁵.

Таким образом, источники свидетельствуют о том, что в регионе исследуются лишь фрагменты культурных образований, базовая территория которых находится за его пределами. Поэтому изучаемый район не являлся целью крупных и продолжительных по времени миграций человеческих коллективов и не представлял собой единое культурное поле с разнонаправленными связями. Скорее он должен рассматриваться как территория природопользования населения конкретных археологических культур, основная территория которых лежит за пределами региона.

Слабая заселенность региона в неолите обусловлена палеоэкологической ситуацией в среднем голоцене. По данным палеогеографов, на протяжении всего голоцена большая часть территории входила в зону темнохвойной тайги⁹⁶, а широколиственные леса были характерны только для пойм⁹⁷. И климатические изменения не сказались здесь так благоприятно, как в южной части лесной зоны Восточной Европы, где происходило значительное улучшение природно-климатической обстановки, характеризующееся как «климатический оптимум голоцена». Кроме того, значительную роль сыграло отсутствие в регионе развитых озерных систем, которые, согласно данным по сопредельным территориям, являлись основными местами обитания неолитического населения⁹⁸. Однако палеогеографические реконструкции в настоящее время проведены на макроуровне без корреляции с этапами заселения северо-востока

Европы в неолите. Комплексное и детальное изучение среды обитания неолитического населения начались с 2006 г.

Изучение памятников северо-востока Европы демонстрирует неоднозначность процесса неолитизации лесной зоны Восточной Европы. Учитывая периодичность заселения и кратковременность обитания здесь населения, этот термин для некоторых территорий этого региона не применим. Появление керамики — признака, которому придается наиболее значительное место в этом процессе, не повлияло значительно на образ жизни древнего населения, продолжавшего традиции мезолитических охотников и собирателей. Наиболее существенные изменения произошли в технологии расщепления камня. Происходит переход к бифасиальному виду расщепления. Основываясь на материалах региона, это можно утверждать только для отрезка рубежа 6–5-го — середины 4-го тысячелетий до н. э. — времени бытования памятников верхневолжской, камской, архаичного и раннего этапов льяловской культуры.

Таким образом, процесс неолитизации региона был дискретным и его изучение не ограничивается рамками раннего неолита. Картографирование памятников конкретных культурных образований и сопоставление радиоуглеродных дат позволяют говорить о том, что регион должен рассматриваться как территория природопользования населения этих образований. На материалах северо-востока Европы определен еще один возможный источник распространения идеи керамического производства в лесной зоне Восточной Европы. Это памятники камской неолитической культуры гребенчатой керамики, которая, согласно новым данным, синхронна верхневолжской культуре.

Исследования последнего десятилетия указывают на то, что динамика природно-климатических событий позднего плейстоцена — раннего голоцена оказывала существенное влияние на процесс первоначального освоения севера Восточной Европы.

В эпоху верхнего палеолита заселение региона носило волнообразный характер и в этом полностью соответствовало основной особенности этого процесса, установленной А. А. Величко⁹⁹ для европейского сектора Евразии. Отчетливо выделяются две волны заселения региона в эпоху верхнего палеолита. Одна соотносится с началом верхнего палеолита, вторая — с позднепалеолитическим временем. Стоянки начальных этапов верхнего

палеолита (38–28 тыс. лет) входят в круг культур европейской зоны, в то время как позднепалеолитические (18–15 тыс. лет) имеют общие черты со стоянками средней поры верхнего палеолита Северной Азии. Стоянки средней поры верхнего палеолита (27–20 тыс. лет) в регионе отсутствуют. Таким образом, важнейшим рубежом в развитии палеолитической культуры в регионе явился период максимума поздневалдайского оледенения (LGM).

Очевидно, что в эпоху верхнего палеолита климатический фактор играл роль фильтра и оказывал решающее значение на процесс заселения северо-востока Европы в позднем плейстоцене.

Постоянное население на данной территории на протяжении эпохи мезолита, как и последующей, отсутствовало. Сюда проникали небольшие группы населения с территорий, находящихся на западе, юго-западе (Волго-Окское междуречье и др.) и с территории, находящейся на юге (Прикамье). Выделенные на северо-востоке Европы мезолитические культуры имеют очень высокую степень сходства с культурами этих регионов.

Данные культуры и культурные общности, в которые их включают, в известной степени носят условный (служебный) характер, т. к. не обладают таким существенным признаком, как распространение на единой (в культурном отношении) территории. Поэтому предлагается выделение двух традиций мезолита северо-востока Европы — западной и приуральской¹⁰⁰.

В регионе изучены довольно ранние мезолитические памятники (даты по стоянке Парч-2, а также Лек-Леса) и памятники заключительной поры мезолитической эпохи (даты стоянок Чердыб-1 и 2, Топыд-Нюр-7, Висского-1 торфяника). Имеется хронологический разрыв величиной в тысячелетие. Объясняется ли это климатическими условиями второй половины бореального периода, довольно суровыми, или какими-либо другими, сейчас невозможно решить однозначно.

Данные изучения неолитических стоянок европейского Северо-Востока свидетельствуют о том, что в регионе исследуются лишь фрагменты культурных образований, базовая территория которых находится за его пределами. Поэтому изучаемый район не являлся целью крупных и продолжительных по времени миграций человеческих коллективов и не представлял собой единое культурное поле с разнонаправленными связями. В эпоху неолита северо-восток Европы должен рассматриваться как территория природопользования населения конкретных археологических культур, основная территория которых лежит за пределами региона.

РАССЕЛЕНИЕ И АДАПТАЦИЯ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ АЗИИ В ПОЗДНЕМ НЕОПЛЕЙСТОЦЕНЕ

Предполагается, что появление в Северной Азии людей современного вида связано с расселением генетически единой волны кавказоидной популяции, продвигавшейся 50–40 тыс. л. н. первоначально в широтном¹⁰¹, а впоследствии и в меридиональном направлении в соответствии с особенностями оро- гидрографии региона. В хроностратиграфическом выражении этот процесс охватывает отрезок, отличавшийся весьма контрастными климатическими изменениями (каргинский мегаинтерстадиал, сар- танский криохрон и голоцен).

Археологических свидетельств, относящихся к этому интервалу, известно очень немного не только в пределах Северо-Восточной Азии (СВА), но и в Сибири в целом. В особенности это относится к надежно документированным памятникам каргинского времени, общее число которых в Сибири не превышает двух десятков объектов, расположенных в основном в ее южных областях (с учетом алтайских стоянок, в строгом географическом смысле расположенных за пределами региона). Там же известны единичные докаргинские памятники.

Благодаря недавнему открытию Янской стоянки летопись событий, связанных с проникновением человека на арктические территории Восточной Сибири, удлинилась более чем вдвое¹⁰². Ранее древнейшим памятником на севере СВА считалась стоянка Берелех¹⁰³ с возрастом 13–12 тыс. л. н.

Группа памятников, известных как Янская стоянка, находится на левом берегу р. Яна приблизительно в 100 км по прямой от ее устья и в 30 км выше села Казачьего, на ее левом берегу (рис. 13). Участок берега, к которому приурочена стоянка, активно разрушается процессами термоэрозии и термоденудации, и в среднесрочной перспективе стоянка может быть полностью утрачена.

Выявлено в общей сложности шесть участков (рис. 13), в пределах которых распространен культурный материал. Три из них (участки ТУМС, Северный и Яна-В) имеют культурные слои различной степени сохранности и соответствующие им шлейфы подъемного материала на бечевнике и склонах второй террасы левого берега р. Яна. Наиболее изучены культурные отложения, открытые на участке Северном (основной раскоп). По естественным береговым обнажениям и расчисткам на участке от пункта ТУМС до скопления Южного прослежен уровень поверхности обитания. В пере-

рывах между стоянками он имеет незначительные вариации по высоте положения в разрезе (рис. 14) и охарактеризован фаунистическими остатками и единичными осколками камня.

Вблизи скопления Южного культурный материал *in situ* обнаружить не удалось, однако в 2008 г. в нижней части разреза, обычно недоступной для изучения, открыт костеносный горизонт, содержащий в т. ч. и артефакты. Скорее всего с его размытием связано формирование шлейфа подъемного материала, зафиксированного как скопление Южное. Пункт АСН содержал незначительное количество находок, поступивших из пачки отложений, формировавшихся после 17 тыс. л. н., и в которую они оказались включены в результате перебива какого-то участка культурного слоя. Пункт Верхний, расположенный в начале обнажения третьей террасы, также представлен исключительно сборами. Материал, собранный на бечевнике, заметно окатан. В результате сортировки представлены наиболее крупные, грубо оббитые артефакты и массивные сколы, соответствующие по размерности отлагающемуся на данном участке материалу (крупная галька). Его источник не выявлен.

Разрезы всех уровней комплекса низких террас, изученных в районе Янской стоянки, представлены многолетнемерзлыми породами с высокой льдистостью и содержат повторножильные льды (ПЖЛ), что определяет особенности строения самих разрезов, условия нахождения артефактов и стратегию работ на ней¹⁰⁴. Все террасовые уровни выражены на этом отрезке долины фрагментарно. Выделяются следующие высотные уровни: III н/п терраса — 40–30 м, II н/п терраса — 18–16 м, I н/п терраса — 8–10 м.

В разрезе II н/п террасы (рис. 14) присутствуют ПЖЛ трех генераций. Ледяные жилы основной генерации пробивают всю толщу отложений террасы и уходят ниже уровня реки. В нижней части их ширина составляет 1,5 м, увеличиваясь вверх до 3–5 м. Сверху прослеживаются ледяные жилы второй генерации, идущие до 6 м над урезом реки (ширина 0,3–0,4 м), и современные в верхней части разреза (рис. 14). Отложения, слагающие II н/п террасу, характеризуются преимущественно аллювиальным генезисом и сингенетическим промерзанием. Это достаточно монотонная расшлюбованная толща, сложенная песчаными, глинисто-

песчаными и песчано-глинистыми алевритами с убывающей вверх по разрезу размерностью зерен и опесчаненностью. Ее накопление началось после 40 тыс. л. н.

В разрезе отмечено три возможных уровня почвообразования, свидетельствующих о стабилизации поверхности. Нижний из них соответствует уровню залегания культурного слоя стоянки (рис. 14). Разрезы террасы охарактеризованы ^{14}C определениями возраста, последовательность и значения которых говорят об относительно равном темпе седиментации (видимо, несколько более быстром на ранних этапах), а также отсутствии явных значительных перерывов. Датировка $18,100 \pm 340$ (JE-6445) из разреза ТУМС-1 является инверсионной (несинхронной осадконакоплением). Верхний метр разреза террасы представлен отложениями голоценового покровного комплекса. По разрезам второй террасы в районе стоянки получены материалы, позволяющие оценить природные условия, соответствующие времени обитания человека на Янской стоянке. Общий облик материала и ^{14}C определения возраста для слоев, изученных в раскопах и на расчистках, дают основания думать, что выявленные участки представляют собой отдельные стоянки, отмечающие близ-

кие по времени эпизоды заселения. Каждая из них скорее всего возникла в результате нескольких циклов обитания.

Палеогеографические реконструкции основаны на процентной спорово-пыльцевой диаграмме (рис. 15). Выделенные палинозоны характеризуют развитие растительности от второй половины каргинского времени позднего плейстоцена до раннего бореального периода голоцена¹⁰⁵. По видовым определениям пыльцы и макроостатков растений методом реконструкции скалярных климатических показателей по флористическим материалам¹⁰⁶ получены значения температур самого теплого месяца и среднегодового количества осадков. Реконструированные изменения представлены в отклонениях от современных ($\Delta t_{\text{VII}}^{\circ}$ и ΔP) и контролируются палеоэнтомологическими данными (рис. 16). Палинокомплекс УТ2а соответствует времени Янской стоянки и характеризует среду обитания верхнепалеолитического человека на заключительном отрезке каргинского интерстадиала. Отмечены теплые и сухие по отношению к современным условия и гемикриофитостепные ландшафты, что подтверждается дополнительно геохимией отложений и фаунистической характеристикой стоянки (табл. 1).

Таблица 1

Предварительная характеристика фаунистической коллекции Янской стоянки (по обработанной части материала)

Фаунистические находки	Число в сборах	Число в КС in situ	Общее число	% в сборах	% в КС in situ	% от общ. числа фаун. находок (включая неопред.)
Заяц	2	321	323	5,1	21,0	13,24
Суслик						0,12
Бобр	0	1	1	0,0	0,1	0,04
Лемминг	0	1	1	0,0	0,1	0,04
Волк	1	62	63	2,6	4,0	2,58
Песец	0	6	6	0,0	0,4	0,25
Медведь бурый	0	3	3	0	0,2	0,12
Росомаха						0,04
Благородный олень	0	3	3	0,0	0,2	0,12
Лось	0	1	1	0,0	0,1	0,04
Северный олень	6	359	365	15,4	23,4	14,96
Бизон	10	595	605	25,6	38,9	24,80
Овцебык	0	1	1	0,0	0,1	0,04
Лошадь	6	104	110	15,4	6,8	4,51
Носорог шерстистый	0	2	2	0,0	0,1	0,08
Мамонт	14	67	81	35,9	4,4	3,32
Рыбы	0	1	1	0,0	0,1	0,04
<i>Общее число определенных</i>	<i>39</i>	<i>1531</i>	<i>1570</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>64,34</i>
Неопределимые	21	849	870			35,66
<i>Общее число фаунистических находок</i>	<i>60</i>	<i>2380</i>	<i>2440</i>			<i>100,0</i>

Возраст культурного слоя определяется в интервале 27–28,5 тыс. л. н. серийными ¹⁴C датами, полученными по фаунистическим остаткам, прямым датированием органических артефактов и очажных масс (рис. 17, 18). Все вместе они служат надежным обоснованием хронологической позиции этого древнейшего в пределах СВА материала. Возрастные определения образцов из культурного слоя дополнительно контролируются датами подстилающих и перекрывающих отложений¹⁰⁷. Взаимоотношение дат, полученных по различным материалам (рис. 18), представляется весьма показательным. На его основании можно сделать вывод о том, что наиболее достоверным способом определения возраста для любых позднеплейстоценовых объектов, возраст которых измерим с помощью ¹⁴C, является получение рядов датировок по костным материалам (рис. 18). Коллаген обожженных костей дает при этом омоложенные датировки. Даты по растительным макроостаткам дают, очевидно, средневзвешенное значение возраста в районе ~27,5–28 тыс. л. н. Парное датирование AMS ¹⁴C методом по растительным макроостаткам и гуминовым кислотам вмещающих отложений показывает устойчивое расхождение на

уровне примерно 2 тыс. лет с удревнением в сторону дат, полученных по гуминовым кислотам.

Складывается впечатление, что на стоянке представлено два выраженных на уровне современных возможностей радиоуглеродного метода цикла обитания, один из которых тяготеет к нижнему (~28,5 тыс. л. н.), а второй соответственно к верхнему хронологическому пределу обитания, в промежутках между которыми она посещалась спорадически¹⁰⁸. Данное наблюдение подкрепляется фактами перекрытия жилых площадок с очагами шлейфами фрагментированных и целых костей. Парное датирование фаунистических остатков из нижней и верхней части слоя (при мощности в 15–20 см) также подтверждает данное наблюдение.

Необходимо отметить, что среди датированных материалов из Янской стоянки, принадлежащих культурному слою, имеются в т. ч. радиометрические и AMS ¹⁴C определения возраста образцов дерева, оказавшиеся за пределами или очень древними — >47,000 (JE-7446), >45,200 (Beta-216802) и 44,010±1100 (Beta-216803). Остатков дерева (щепок, волокон, небольших кусков) в культурном слое стоянки довольно много (табл. 2,

Таблица 2

Основные категории находок из культурного слоя Янской стоянки (раскопки 2002–2007 гг.)

Название	Количество
<i>Изделия из камня</i>	7058
Галька	160
Куски и обломки сырья, грубо оббитые каменные изделия	267
Отщепы и осколки камня	4975
Отщепы и осколки кварца	84
Пластины, пластинки	23
Нуклеусы	465
Каменные предметы со вторичной обработкой, функционально или типологически неопределимые, чаще всего обломки	46
Орудия из камня, функция или тип которых неясен	235
Скребла	685
Высокие скребки	9
Изделия с распространенной двусторонней обработкой	21
Долотовидные орудия	37
Единичные формы (рубящее, комбинированное)	2
Абразивные камни	2
Микроорудия	47
<i>Изделия из кости и бивня мамонта (в т. ч. отщепы, осколки, щепки, стружка бивня), всего</i>	1576
<i>Прочие характеристики культурного слоя, всего</i>	22 488
Фаунистические остатки (определимые кости и их обломки)	21 016
Волосы, шерсть	5
Дерево	196
Охра	680
Обожженный камень	350
Расслоившийся камень	32
Шлакоподобные образования	209
<i>Всего</i>	31 122

рис. 19). Его появление в слое связано, очевидно, с деятельностью человека, использовавшего в условиях безлесой местности ископаемое дерево (происходящее, например, из древнего старичного торфяника). Если бы это было единственное определение ^{14}C возраста стоянки (или группа из трех, как в данном случае), то на основании приведенных значений он мог бы быть неоправданно (почти вдвое) удревнен.

Результаты датирования различных материалов из Янской стоянки были сопоставлены с результатами датирования других элементов разрезов и проанализированы с учетом их гипсометрического положения. В качестве сравнительного материала были изучены аналогичные данные для стоянок Ихине-II, Усть-Миль-II в долине Алдана, где известны ^{14}C определения возраста образцов дерева около 30 тыс. л. н. и более, использованные¹⁰⁹ для обоснования нижнего предела возраста памятников дюктайской культуры. Сомнения в надежности этих датировок высказывала ранее З. А. Абрамова¹¹⁰, в чью пользу и разрешился спорный вопрос. Следует заключить, что нижний хронологический предел дюктайской культуры может быть достоверно определен на основании анализа совокупности имеющихся данных на уровне 18–17 тыс. л. н. по датировкам стоянок Эжанцы, Ихине-I и Верхне-Троицкой¹¹¹.

На основании ^{14}C определений возраста, типологии и морфологии предметов из раскопок и сборов, материалы, полученные на Янской стоянке, можно рассматривать как единый комплекс. Он характеризует компактный эпизод обитания на северном фазе низкогорного обрамления современной Яно-Индибирской низменности, имевший место в конце каргинского времени, и отвечает липовско-новоселовскому потеплению по климатостратиграфической схеме Сибири¹¹².

Раскопочные работы на Янской стоянке проводились преимущественно в пределах пункта Северный (рис. 13, 14), где было вскрыто около 400 м² культурного слоя. Было установлено, что вследствие роста ПЖЛ основной генерации, сингенетичных отложений второй террасы культурный слой некогда единых жилых площадок оказался разорван на отдельные разобщенные участки, отстоящие друг от друга на 3–5 м (рис. 18). Материал в пределах таких фрагментов слоя находится в полностью инситном состоянии, за исключением положительного вертикального перемещения части находок в краевых зонах грунтовых столбов. Этот эффект хорошо известен¹¹³. Высота переноса может быть весьма значительной и достигать 5–6 м, благодаря чему единичные предметы могут быть вынесены вдоль края жилы практически к современной дневной поверхности.

Таким образом, лишь участки слоя, приуроченные к центральной области грунтовых столбов, полностью инситны и сохраняют изначальное положение и планиграфию.

Можно отметить, что планиграфически выявляются рабочие площадки, связанные с производством каменных орудий и изделий из бивня и кости. Как интересный факт следует упомянуть, что приочажные пространства (в тех случаях, когда площадка не перекрыта шлейфом фаунистических остатков, принадлежащих другому циклу обитания) часто содержат малое количество находок. Это в основном единичные отщепы и изделия из камня или бивня либо осколки костей и мелкие кости. Фаунистические остатки составляют существенную часть материалов из раскопок на участке Северном (табл. 2, рис. 20), их количество в разы превышает объем коллекции артефактов, однако последняя при этом все же довольно значительна и составляет около 7 тыс. единиц (из них около 1,5 тыс. — в сборах). Специфической характеристикой культурного слоя является присутствие большого количества обожженных камней и шлакоподобных образований.

В археологическом плане материал Янской стоянки весьма интересен. Это выдержанная технологически и морфологически индустрия с выраженным галечным расщеплением. Видимой примеси чужеродного материала не имеется даже в коллекциях из сборов подъемного материала, которые составляют около 5 % от общего количества артефактов Янской стоянки. Распределение материала по основным категориям инвентаря повторяет таковое для коллекций из инситных горизонтов, за исключением, по понятным причинам, почти полного отсутствия в сборах подъемного материала отщепов, сколов и изделий из камня с максимальным линейным размером менее 3 см и изделий из кости. Данные наблюдения позволяют рассматривать коллекцию Янской стоянки как единое целое.

В материалах Янской стоянки отчетливо различимы четыре основных контекста: 1) производство многофункциональных орудий (скребел) для обработки охотничьей добычи и различных материалов; 2) производство микроорудий для обработки бивня и кости; 3) производство изделий из бивня и кости; 4) производство краски. Соответственно представлено и ограниченное число категорий инвентаря: ядрища и продукты расщепления, принадлежащие к первому и второму контекстам, и конечные формы; предметы из бивня, кости и рога (охотничье снаряжение, бытовые инструменты, предметы неутилитарного назначения); сырье для производства красителя, орудия и комочки готовой красной краски¹¹⁴.

Сырьем для производства орудий в янской индустрии служили гальки окремненных алевролитов, образующих наиболее заметную группу в петрографическом составе русловых галечников поблизости от стоянки. Они формируются в результате сноса из обширной области бассейна р. Яна, а также за счет переработки древних галечников, обнажающихся местами на урезе воды. В коллекции имеется большое количество отщепов и сколов с галечной коркой и нерасщепленные гальки (табл. 2, рис. 19–21). Можно отметить, что чаще всего использовались гальки размером 10–15 см. Кремнеподобное сырье в коллекции представлено слабо и, возможно, является результатом транспортировки из какого-то другого источника. Заметную роль в производстве микроорудий играл горный хрусталь, но в общем составе коллекции его доля незначительна. Кристаллы горного хрусталя могли быть собраны из речных галечников, но скорее всего их источником служат склоны первых отрогов Куларского хребта в 15–20 км к югу от стоянки.

Характер каменной индустрии подчеркнута отщеповый (отщепы составляют более 70 % коллекции каменного инвентаря), что нормально для любой индустрии, в которой доступ к сырью неограничен, а качество его разнообразно и в среднем не очень высоко. Имеются удлиненные сколы, однако ни их количество, ни оформление не позволяют говорить о намеренности получения таких заготовок в качестве серийных форм. Скорее можно предполагать стремление к получению жестким отбойником относительно коротких и широких заготовок с заметной массивностью. Пластины и пластинки (почти исключительно двугранные, хотя есть и фрагменты сколов с негативами пластинчатых параллельных снятий) представлены 1,5 % изделий и практически никогда не используются в качестве заготовок, насколько об этом позволяет судить огранка дорсальных поверхностей готовых изделий.

Расщепление в ряде случаев можно определить как ситуационное (или бессистемное), но в целом индустрия основана на принципах радиального и ортогонального расщепления. Соответственно ведущими формами являются ортогональные (часть из которых может быть классифицирована как чоперы и чоппинги) и дисковидные ядрища (моно- и бифронтальные), а также пирамидальные и бессистемные (рис. 22). Параллельное расщепление обитателям Янской стоянки было определено известно, однако использовалось значительно реже, преимущественно в торцовом варианте. Как редкую форму следует отметить клиновидные ядрища, изготовленные на массивных сколах, — по одному из сборов и из раскопа (рис. 22: 3). Торцовые ядрища оформлены, как правило, на рассеченных вдоль небольших гальках удлиненной формы. Для отдель-

ностей горного хрусталя отмечается бифронтальное радиальное расщепление (рис. 23: 20) и, возможно, плоскостное параллельное, что предопределялось формой исходного материала и его способностью к раскалыванию.

Характерной чертой янской индустрии является долечная техника, направленная на получение заготовок для обушковых скребел — одной из наиболее часто встречающихся в инвентаре Янской стоянки форм. Среди каменных изделий присутствует также заметное количество удлиненных галек с односторонним уплощением (ядрищ плоскостного расщепления?) и так называемые усеченные гальки со сформированной ударной площадкой, скошенной по отношению к длинной оси исходной отдельности сырья (гальки примерно одного размера и формы, с подчетырехугольным сечением). Тщательный характер обработки площадки, выполненной, как правило, путем последовательного снятия нескольких формирующих сколов, встречающееся на них ретуширование поверхности краевой зоны и высокие пропорции позволяют предполагать в них заготовки ядрищ параллельного принципа скалывания, однако ни одно из изделий не имеет следов таких снятий. Впрочем, допустимо предполагать, что в условиях неограниченного доступа к сырью изготавливались именно заготовки ядрищ, которые затем транспортировались куда-то, а нужды в их использовании на месте просто не было.

Несмотря на несомненное использование приемов двусторонней обработки, в целом индустрия Янской стоянки является унифасиальной. Среди ее формальных орудий абсолютно преобладающей является категория скребел (табл. 2, рис. 19, 21), в которой представлены как простые, так и многолезвийные разновидности (рис. 24, 25). Наиболее обычны простые однолезвийные обушковые скребла с прямым или слабовыпуклым лезвием скребла. Часто они изготовлены на массивных долечных сколах и сохраняют на обушке естественную поверхность. Имеется также значительная группа скребел, обушки которых сформированы крутой или отвесной ретушью, а рабочий край ретуширован с бруска на спинку. Эти крупные массивные орудия с асимметричным поперечным сечением составляют, пожалуй, наиболее характерную группу орудий янской индустрии.

Имеется также значительная группа скребел (в основном многолезвийных), изготовленных на значительно менее массивных заготовках, часто округлой или овальной формы, с лезвиями, созданными в различных вариантах обработки — дорсальной, вентральной и противоположной, а также двусторонней (рис. 25). Характерной формой являются также угловатые и многолезвийные скребла с тщательно оформленным приострением, об-

разованным стыком двух конвергентных лезвий, а также скребла с дугообразным лезвием (*рис. 25: 5*) и остроконечники (*рис. 24: 1, 3, 5*). Единичными предметами представлены двухконечные односторонне-выпуклые острия (*рис. 24: 2*), а также скребки, комбинированные орудия, рубящие и крупные долотовидные орудия. В коллекции имеется три округлых в плане бифаса, однако скорее всего это остаточные дисковидные ядрища. Для крупных орудий в целом можно отметить, что вклад в формообразование операций вторичной обработки был минимальным. Чаще всего можно говорить о формировании лезвий и обушков, иногда просто на подходящей по форме и размеру гальке (*рис. 24: 7, 8, 9*). Соответственно основным приемом являются преимущественно краевое ретуширование и, возможно, фрагментация сколов простейшими способами. Техника резцового скола нехарактерна и представлена единичными (возможно, и ненамеренными) случаями. Как весьма характерный, следует отметить прием вентральной подтески.

Микроорудия представлены в индустрии Янской стоянки довольно значительной серией (*табл. 2, рис. 19, 21*). Их часто изготавливали из горного хрусталя или кремнеподобного сырья с высокой твердостью, значительно реже из обычных для данной индустрии окремненных алевролитов. Среди них представлены долотовидные орудия, микроскребки, изделия с притупленным краем, изделия со скошенным лезвием и микроострия, являющиеся ведущей формой. Резцы единичны. Для долотовидных орудий и микроскребков использовался достаточно редкий, но характерный прием — оформление рабочего края на месте ударной площадки (*рис. 23: 17*).

О форме заготовок для большинства микроорудий судить трудно, но скорее всего были использованы удлиненные или пластинчатые сколы, а также фрагменты отщепов. Форма микроострий образована путем нанесения по одной из сторон отвесной ретуши и приострения противоположного края, иногда притупляющей ретушью по обоим краям. Связь этой категории инвентаря с контекстом производства предметов из бивня и кости доказывается их планиграфией — они всегда присутствуют на участках, характеризующихся наличием осколков, щепок и стружки бивня, часто в сопровождении незавершенных предметов или их заготовок, находящихся в различной стадии обработки.

Весьма интересно в этой связи отметить, что серия похожих микроорудий была выявлена при раскопках западносибирской стоянки Шестаково¹¹⁵, несколько более молодой. Они найдены в гор. 7 и 6. Возраст гор. 7 определен серией радиоуглеродных определений около 22–21 тыс. л. н., гор. 6 — око-

ло 20 тыс. л. н. Стоянка приурочена к скоплению остатков мамонтовой фауны (прежде всего собственно мамонтов) близ зверового солонца. Можно предположить, что комплекс микроорудий, функция которых не была определена¹¹⁶, связан с обработкой бивня, а само посещение этой местности — со сбором ценного сырья, находившегося в поверхностном залегании в результате гибели больных животных.

Подобные острия подтреугольных очертаний известны и в других памятниках, в т.ч. и более близких Янской стоянке по времени — например, в материалах стоянки Каменка-Б¹¹⁷ или Толбор-4¹¹⁸. Выразительный набор микроорудий на пластинах и пластинках известен также в несколько более поздней Мальте¹¹⁹. В материалах стоянок Афонтовой Горы характерной чертой является наличие микроскребков и долотовидных орудий¹²⁰. Формы микроорудий и в перечисленных памятниках, и в других объектах достаточно разнообразны. Например, в ряде средиземноморских памятников имеются серии сегментовидных изделий, известных как индустрия улуццо¹²¹. Можно предположить, что во всех этих случаях комплексы микроорудий появляются в связи с конкретной трудовой операцией — обработкой бивня и кости, осуществлявшейся на этих памятниках (по крайней мере для части этих объектов можно утверждать, что изделия из бивня и кости представлены в них в значительном количестве). Следовательно, комплексы микроорудий являются технологически обусловленной, а не культурно значимой составляющей археологического материала тех или иных памятников.

Костяные орудия Янской стоянки весьма разнообразны (*рис. 26–28*). Интересны клиновидные изделия из расколотых вдоль длинных костей, с сильным износом рабочей части (*рис. 28: 7, 8*). Среди изделий из бивня мамонта выделяются острия с уплощенными основаниями и стержни из бивня мамонта и рога носорога с уплощением обоих концов (*рис. 27: 4, 5*). Изделия подобной морфологии и тех же размерных классов известны в памятниках культуры Кловис на американском континенте, где обоснованно соотносятся с охотой на представителей мегафауны, прежде всего мамонта. Часто указывают на сверхэффективность этого приспособления¹²². Овладение этой технологией, как считается, быстро привело к перепромыслу и закономерному вымиранию в Новом Свете ряда представителей мегафауны конца плейстоцена.

Так ли это, сказать трудно, и скорее всего человек не внес решающего вклада в ее исчезновение ни на американском суперконтиненте, ни в Евразии. Тем не менее эта технология была, видимо, эффективной и существовала долго, а впо-

следствии трансформировалась в эскимосский гарпунный комплекс¹²³. Место и время ее изобретения в Сибири неизвестно, но идея такого метательного снаряда (нанести глубокое поражение и сберечь древко), несомненно, одна и та же и в эскимосской культуре, и в комплексах Кловис, и на Яне 28 тыс. л. н. Подбор заготовки древка был скорее всего непростой задачей в условиях открытых пространств, и по этой причине им, очевидно, дорожили.

Можно полагать, что создание замечательных образцов оружия наподобие сунгирских копий¹²⁴ или берелехского «ассега»¹²⁵ из бивня мамонта являлось вынужденным практическим действием. Средой обитания этих людей на протяжении тысяч лет были в прямом смысле открытые, безлесые ландшафты, практически не предоставляющие возможностей для восполнения убыли предметов из дерева. Жители тундры повсеместно дорожат ими и используют их годами. Использование бивней нарвала в качестве материала, заменяющего дерево, и применение их для изготовления древков описано у гренландских эскимосов¹²⁶. Такое поведение, по-видимому, становилось обычной практикой в безлесых местностях, адаптивной реакцией на условия дефицита дерева.

Заостренные стержни (наконечники копий, в т. ч., очевидно, метательных) в инвентарях Янской стоянки представлены исключительно широко. Имеются целые и фрагментированные предметы, очень много обломков представлено базальной частью со скошенным основанием. В отношении тех, размер и форма которых опознается уверенно, можно заключить, что они характеризуют три группы острий — мелкого (15–20 см), среднего (25–35 см) и крупного размера (до 50 см, возможно, и более), наиболее массивная часть поперечного сечения изменяется пропорционально линейному размеру орудий, достигая в крупных экземплярах ~2 см. Это игловидные острия со скошенным основанием (рис. 26), поверхность которых тщательно заполирована не столько из эстетических соображений, сколько для повышения боевых свойств предмета, его проникающей способности. Скошенные площадки основания оформлены поперечными насечками, обеспечивающими надежность скрепления с древком или форешафтом. Это простейший и, очевидно, наиболее массовый, универсальный тип был распространен необыкновенно широко, составляя основу комплексов вооружения охотников палеолита на протяжении огромного времени — от верхнего палеолита Европы¹²⁷ и палеолита Сибири¹²⁸ до предголоценовых памятников Кловис в Америке¹²⁹.

В материалах Янской стоянки имеются и следы боевого применения таких орудий при охоте на се-

верного оленя (рис. 29) в виде костей с пробоинами, в одной из которых застрял обломленный кончик наконечника из бивня мамонта (рис. 29: 1, А). Поражения зверям были нанесены скорее всего с помощью легких метательных копий. Тафономия культурных остатков раннего верхнего палеолита и недолговечность предметов из органических материалов серьезно влияют на доступность информации о предметах охотничьего вооружения этой эпохи, которую М. В. Аникович¹³⁰ справедливо охарактеризовал как эпоху кости. Именно этот материал (а еще точнее, бивни мамонтов) становится в раннем верхнем палеолите важным сырьевым ресурсом, роль которого лишь возрастает с течением времени и не сводится только к созданию украшений и прочих предметов неутилитарного назначения.

Фаунистическая коллекция Янской стоянки (объединяет материал из раскопок на участках Северный, Яна-В, ТУМС и сборов, в основном из первых лет работ на стоянке) насчитывает тысячи единиц материала (табл. 1, рис. 30, 31) и находится в начальной стадии обработки. По этой причине все предлагаемые заключения носят предварительный характер.

Закономерным образом в коллекции представлены костные останки крупных травоядных, включая представителей мегафауны, таких как мамонт и носорог (все определения здесь и далее выполнены П. А. Никольским, ГИН РАН). В ее обработанной части высока доля неопределимых обломков. Видимо, и в целом можно ожидать, что неопределимые кости составят не менее 30–40 % общего объема коллекции. Культурный слой стоянки наполнен большим количеством мелких фрагментов костей и костной крошки, что указывает не только на кухонную утилизацию добычи, но и на целенаправленное измельчение костей дроблением, осуществлявшееся с какой-то целью. Подавляющее большинство костей повреждено в той или иной степени, разбито. Крупные длинные и плоские кости мамонта в культурном слое встречаются единично, а наибольшее число находок костей этого зверя содержится в коллекциях из сборов. В фаунистическом комплексе стоянки он представлен значительно слабее, чем бизон, лошадь, северный олень и заяц (табл. 1, рис. 31). Помимо перечисленных животных, встречаются в малом числе носорог, овцебык, лось, благородный олень, бобр и некоторые другие виды (табл. 1). Находки бобра и благородного оленя косвенным образом указывают на наличие лесных ландшафтов на относительно небольшом удалении от стоянки, скорее всего в межгорных котловинах к югу от нее.

Хищники представлены волком, песцом, росомахой и медведем (последние два — единично).

Беглая характеристика фаунистического материала стоянки показывает, что здесь найдены практически все виды крупных млекопитающих, обитавших в северной области СВА в конце каргинского времени.

В первоначальных публикациях сообщалось¹³¹, что основным пищевым ресурсом обитателей Янской стоянки был северный олень. В настоящий момент можно говорить о преобладании бизона, промысел которого существенно дополнялся охотой на северного оленя и лошадей. По-видимому, важное значение имела добыча зайца, который был также источником легкого и теплого меха. Планиграфически выявляются участки, где костей этого зверька особенно много. Часто это сохранившиеся в анатомической связи кости почти полных скелетов, что косвенным образом указывает (для этого вида) на возможный сезон промысла, поскольку его добыча на шкурку имеет смысл в период, когда мех крепкий и теплый, т. е. поздней осенью и ранней зимой. В костяном инвентаре стоянки заметное место занимают иглы, проколки и шилья (*рис. 28*), что свидетельствует об изготовлении одежды, в т. ч., видимо, и из меха зайца. Большое количество костных останков этого животного (т. е. свидетельство постоянного промысла), видимо, следует рассматривать как признак наличия развитой системы пассивного лова — силков, петель, с помощью которых возможен значительный объем добычи. Отмечаемое на памятниках конца среднего — начала верхнего палеолита повышение роли промысла мелких, но многочисленных представителей фауны¹³², видимо, следует рассматривать в этом же контексте¹³³.

Фаунистическая характеристика Янской стоянки на данный момент не предполагает вывода относительно сезона обитания. В любом случае ясно, что здесь открыты следы нескольких лагерей долговременного обитания. Весь комплекс данных, полученных при исследовании стоянки, показывает, что это культура охотников открытых пространств, полностью овладевших всем набором умений и навыков, необходимым для успешного выживания в условиях ландшафтов конца каргинского времени Приморских низменностей СВА. Именно эти качества носителей янской культуры, археологически зримые, позволяют предполагать, что янские находки фиксируют не первоначальное освоение территории, а эффективную стратегию освоения Северо-Восточной Азии.

Необходимо отметить, что людей эпохи верхнего палеолита часто представляют как охотников на мамонтов. Фаунистические материалы из Янской стоянки не подтверждают этого. Более того, изучение характеристик распределения датированных останков мамонтов на севере Яно-

Индигирской низменности¹³⁴ показывает, что присутствие в этих районах человека 28 тыс. л. н. не оказало на местную популяцию мамонтов никакого влияния — на этот хроносрез приходится один из пиков относительной численности этих животных. Наибольшее значение для обитателей Янской стоянки имели бизон, лошадь и северный олень. В отношении немногочисленного костного материала стоянки, относящегося к мамонтам, существует предположение, что они являются результатом собирательства.

Памятники раннего верхнего палеолита Сибири немногочисленны и разнообразны технико-типологически, что, видимо, исключает возможность их объединения в единую археологическую культуру, однако развивались они на основе культурных традиций, ранее всего фиксирующихся в памятниках Алтая¹³⁵. Ранние этапы этого процесса отмечены за пределами СВА по немногочисленным памятникам Забайкалья, где исследователями по признакам технологии первичного расщепления выделены так называемые пластинчатая и отщеповая линии развития¹³⁶. В приенисейской области к ранним памятникам отщеповой традиции могут быть отнесены Куртак-4¹³⁷ и в какой-то степени нижний комплекс Усть-Ковы¹³⁸. Материалы из этих стоянок, так же как и некоторых других, в целом могут быть сопоставлены янским, однако лишь в самом общем смысле. Янская стоянка занимает свое место в панораме этих памятников, являясь вместе со многими другими тем субстратом, на основе которого возникают впоследствии различные культуры заключительного этапа верхнего палеолита Сибири, прежде всего афонтовская.

В инвентаре янской культуры есть различные формы, находящие точные аналогии в хронологически различных материалах стоянок Приангарья и Енисея — например, пикообразные орудия (*рис. 25: 10*), подобные изделию из пластинчатой Мальты¹³⁹, где вполне представлены также и дискообразные ядрища, или унифасиальные двуконечные острья (*рис. 24: 2*), подобные находкам из Игетейского Лога I¹⁴⁰. Можно указать и другие черты сходства, например в категории скребел — обушковые и с вентральной подтеской (*рис. 24, 25*), которые представлены в различных памятниках палеолита Сибири исключительно широко. Как представляется, эти разновременные аналогии не случайны и оказываются закономерным отражением как сходства трудовых процессов и внешних условий (т. е. адаптацией материальной культуры человека верхнего палеолита Сибири к природным обстановкам каргинского и сартанского времени), так и свидетельством определенного культурного единства этих территорий.

Формы орудий и их серии, рассматриваемые как элементы сходства, являются свидетельством какой-то идентичной поведенческой реакции на скорее всего сходные потребности, связанные, например, с обработкой бивня. Таковы серии микроорудий Яны, Шестаково и Мальты, хотя в последней они преимущественно представлены изделиями на пластинках, что не могло не отразиться в формообразовании, в котором, помимо ретуширования, широко применялась техника резцового скола. Тем не менее можно предполагать, что между комплексами Янской стоянки, Мальты и стоянок Афонтовой Горы (а также и другими родственными им объектами) определенно имеется эволюционная связь. Индустрия Мальты в плане обработки камня все же мало похожа и на янскую, и на афонтовскую, но в ней имеется несколько техник расщепления, в т. ч. и такие, которые свойственны «отщеповым» индустриям¹⁴¹.

В этой связи можно напомнить, что, обращаясь к вопросам эволюции культуры позднего палеолита Сибири, А. П. Окладников¹⁴² рассматривал материалы Афонтовой Горы как связующее звено между культурой Мальты и последующими памятниками заключительного этапа сибирского палеолита. Взаимоотношение этих объектов неоднократно пересматривалось А. П. Окладниковым впоследствии, но, видимо, такое объединение материала все же имеет смысл. Он может быть сгруппирован в последовательности Янская стоянка — Мальта/Буреть — Афонтова Гора — Бирюса в рамках линии развития «афонтовского технокомплекса», если воспользоваться терминологией М. В. Аниковича¹⁴³.

Эту мысль подкрепляет определенное сходство в весьма консервативной категории инвентаря (украшениях), являющихся средством самоидентификации. Выявленные параллели указывают на возможное родство ряда памятников от Яны до Верхнего Енисея, при этом эти памятники заметно различаются по технико-типологическим показателям¹⁴⁴. Обилие локальных культурных разнообразий (адаптаций) может быть связано с разнообразием локальных природных обстановок в теплые эпохи, что и наблюдается в памятниках палеолита Сибири, относящихся к каргинскому времени. Холодные условия сартанского криохрона, нивелирующие природные обстановки на значительных территориях, оказывали также выравнивающее действие и на материальную культуру людей, которые населяли эти пространства. В археологическом смысле время последнего (сартанского) ледникового максимума в Сибири по праву может быть названо эпохой клиновидных ядрищ. На заключительных его стадиях, после начала по-

тепления, культурное разнообразие позднего палеолита Сибири заметно возрастает.

На ряде территорий так или иначе прослеживается сосуществование пластинчатых и отщеповых традиций расщепления каменного сырья, многократно отмеченное и для приенисейских¹⁴⁵, и забайкальских памятников¹⁴⁶, причем различие в технологиях расщепления признается в качестве основного повода для их разграничения. В качестве объяснения этого явления часто рассматриваются культурные различия. Однако можно предположить, что выбор основной стратегии расщепления был в ряде случаев сезонно обусловленным либо управлялся дополнительно другими внешними факторами, определяющими отношение к запасам доступного сырья и/или конкретными потребностями, которые предполагалось удовлетворить с помощью изготовления тех или иных орудий.

Именно в сартанское время возникает, развивается и распространяется необыкновенно широко идея торцово-клиновидного расщепления. Ее появление и распространение связывают с селемджинской археологической культурой¹⁴⁷, где эта технология представлена в окончательно оформленном виде уже 22–23 тыс. л. н. На ее зарождение и распространение не могли не повлиять (прямо или косвенно) природные условия сартанского криохрона — малая доступность сырья на значительном протяжении года и связанная с этим необходимость его экономить, необходимость в новых инструментах и орудиях в связи с природными изменениями, изменениями в промысловой базе и хозяйственном цикле. Изменение природных условий на громадной территории не могли не вызвать необходимости в перемещении населения — возрастание аридизации, изменение профиля температур означали заметную перестройку ландшафтов, обуславливавших изменения в промысловой базе в связи с изменением ареалов охотничьих видов.

В это время, около 18 тыс. л. н., в долине Алдана появляются памятники дюктайской культуры. Насколько она была распространена вне пределов бассейна Алдана, остается неизвестным, поскольку следы населения позднего палеолита на СВА весьма фрагментарны. Очень поздние, датируемые возрастом после 12 тыс. л. н., следы пребывания людей на Берелехе и Аччагый-Аллаихе по облику инвентаря не дают оснований для соотнесения их с дюктайской культурой. Скорее, может быть поставлен вопрос о длительном сохранении на равнинах Яно-Колымской низменности традиций янской культуры конца раннего верхнего палеолита.

ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ И ПРИРОДНАЯ СРЕДА ПОЗДНЕГО НЕОПЛЕЙСТОЦЕНА (ЗАПАДНО-СИБИРСКАЯ РАВНИНА И ГОРНЫЙ АЛТАЙ)

Изучение природных факторов имеет важное значение как для реконструкции палеоэкологических условий существования древнего человека, так и для попыток воссоздания адаптационных систем человеческих сообществ, обитавших в различных палеоландшафтных и палеоклиматических условиях. Вариабельность среднепалеолитических индустрий на территории Северной и Центральной Азии связана с процессами адаптации местного населения к различным палеогеографическим условиям и особенностям сырьевой базы.

В данной публикации обобщаются результаты изучения природной среды позднего неоплейстоцена применительно к условиям существования палеолитического населения двух регионов Сибири — Западно-Сибирской равнины и Горного Алтая. В последние годы коренным образом пересмотрены взгляды на палеогеографию и историю развития этих регионов в позднем неоплейстоцене¹⁴⁸, что делает необходимым ревизию взглядов на роль природных обстановок Западной Сибири в жизни палеолитического человека. Ранее авторами была опубликована серия работ в данном направлении, имевших предварительный характер¹⁴⁹.

Эволюция и вариабельность среднего палеолита Горного Алтая

Горный Алтай является единственным регионом Сибири, где прослеживается непосредственная смена мустьерских (в классическом, выработанном на материалах Западной Евразии понимании) комплексов верхнепалеолитическими. Таким образом, материалы палеолитических комплексов Горного Алтая являются очень важным объектом для осмысления эволюционных процессов развития среднепалеолитических и верхнепалеолитических индустрий Северной и Центральной Азии.

Выделявшиеся ранее в среднем палеолите Горного Алтая индустриальные варианты (мустье типичное, денисовский и карабомовский варианты)¹⁵⁰ скорее всего представляют собой различные проявления одной культурной традиции. Технология и типология орудий свидетельствуют о связях (скорее всего генетических) этих комплексов, аналогии выявляются на уровне применения как специфиче-

ских острейных и пластинчатых технологий, так и редких групп орудий. Распределение основных технических и типологических индексов демонстрирует отсутствие выявленных отличий между индустриями, предположительно относящихся к разным вариантам.

Подавляющее большинство комплексов основывалось на использовании материала из местного аллювия, дававшего заготовки, очень различавшиеся по своему качеству и исходным формам. Кара-Бом, единственный на Горном Алтае памятник, базировавшийся на высококачественном желвачном сырье, дает наибольший индекс пластинчатости, что отличает этот объект от других индустрий Горного Алтая, где процент технического брака, отходов расщепления и доли ситуационного раскалывания нуклеусов намного выше, чем на Кара-Боме. Вместе с тем, несмотря на различное по своим характеристикам сырье, прослеживается явное стремление к достаточно гибкому его использованию и применению в своей основе очень близких методов расщепления.

Фаунистический анализ костных останков крупных млекопитающих, найденных в среднепалеолитических отложениях стоянок Горного Алтая, демонстрирует присутствие животных, относящихся к различным палеоэкологическим нишам. Зооархеологический анализ показывает значительное влияние деятельности хищников на формирование фаунистического набора пещерных стоянок и относительно невысокую степень переработки человеком фаунистических остатков. Это может свидетельствовать о том, что на протяжении среднего палеолита человеку приходилось делить пещеры с хищниками и периоды заселения были довольно краткими.

Анализ фаунистических ансамблей со стоянок открытого типа и Усть-Канской пещеры, где представлены все части скелетов промысловых животных, позволяет предположить существование неспециализированных охотничьих стратегий в среднем палеолите Алтая. За исключением индустрии стоянки Кара-Бом, во всех памятниках использовалось местное сырье, доставляемое с расстояния не более 1–2 км от места использования. Используемое сырье, в основном плохого и среднего качества, в незначительной степени влияло на

применявшуюся технологию расщепления, которая, несмотря на все различия исходного минерального субстрата, демонстрирует применение одних и тех же методов раскалывания. Прослеживается явное стремление к достаточно гибкому использованию камня и применению в своей основе очень близких методов расщепления; количественное различие между комплексами состоит в доле удлиненных сколов; максимальные показатели индекса пластинчатости Кара-Бома напрямую связаны с особенностями высококачественного сырья.

Среднепалеолитические комплексы, данные по которым доступны для анализа, исходя из особенностей структуры индустрий и морфологии основных категорий артефактов, разделены на три группы:

- 1) кратковременные специализированные стоянки по переработке добычи и использованию орудий (пещера Окладникова, Ануй-3);
- 2) кратковременные неспециализированные стоянки, где производилась деятельность как по расщеплению камня, так и по производству орудий (комплексы СП2 Кара-Бома, 18-го слоя Усть-Каракола-1, 10-го слоя предвходовой площадки Денисовой пещеры);
- 3) периодически посещавшиеся стоянки, возможно, более продолжительно заселяемые, где производилась неспециализированная деятельность по раскалыванию камня и производству орудий (комплексы Денисовой пещеры).

Проведенный анализ показывает сложную картину поселенческих систем в среднем палеолите Горного Алтая. Большинство комплексов невелико по размеру. Лишь около трети индустрий имеют количество артефактов, превышающее 1000 предметов, что, учитывая длительность существования культурной традиции, может свидетельствовать о низкой интенсивности заселения и высокой мобильности человеческих групп, оставивших эти комплексы. Таким образом, продолжительность заселения стоянок была кратковременной. Особенности жизнедеятельности человека накладывали сильный отпечаток на применявшиеся методы утилизации камня и характеристики орудийного набора (интенсивность обработки орудий и их типологический состав).

Выделенные группы комплексов включают как пещерные стоянки, так и поселения открытого типа, в составе одной группы могут находиться памятники как денисовского, так и карабомовского варианта среднего палеолита. Одни и те же группы населения, обладавшие общими технологическими традициями, оставляли наборы артефактов, типологические различия которых отражали как различные поселенческие системы, так и использование различного сырья.

Ни в одном из многослойных памятников Горного Алтая невозможно проследить переслаивание индустрий с резко отличными друг от друга характеристиками. Близкая последовательность развития прослеживается на материалах всех среднепалеолитических индустрий Горного Алтая. На примере наиболее протяженной хроностратиграфической колонки Денисовой пещеры отмечается накопление леваллуазских технологических приемов, в т. ч. возрастание значения встречного раскалывания и увеличение доли верхнепалеолитических орудий¹⁵¹. В наиболее позднем 12-м среднепалеолитическом слое центрального зала пещеры и слое 9 предвходовой площадки особенности индустрий обнаруживают значительную близость к слою СП2 Кара-Бома, что в целом хорошо согласуется с более поздним возрастом карабомовских индустрий. Слой 8 предвходовой площадки Денисовой пещеры, вероятно, отражает этап перехода от среднего к верхнему палеолиту при некотором преобладании в облике комплекса среднепалеолитических элементов.

Средний палеолит Алтая не являлся статичной структурой, хотя проблемы абсолютных датировок являются очень актуальными для понимания процессов перехода от среднего к верхнему палеолиту. Имеющиеся данные позволяют предположить нарастание темпа изменений в начале каргинского (ОИС-3) этапа верхнего неоплейстоцена, изменений, в итоге приведших к формированию сходных в своих проявлениях комплексов начальной поры верхнего палеолита.

Природная среда палеолита Западной Сибири

Западно-Сибирская равнина

На *рис. 32* представлено распределение памятников среднего палеолита (досартанских¹⁵²) и позднего палеолита Западно-Сибирской равнины. Памятники и местонахождения среднего палеолита (Некрасовское, Арышевское-1, Воронино-Яя, Большой Улуй, Усть-Большой Улуй, Большой Кемчуг) обнаружены только в юго-восточной части региона, на юге Чулымо-Енисейского плато¹⁵³. В. Н. Зенин¹⁵⁴ связывает это с наличием в данном районе выходов каменного сырья, которое использовалось населением в среднем палеолите. Памятники позднего палеолита распределены более широко — от Среднеобской низменности на севере (объект Луговское и местонахождения бассейна р. Тавда — Гари, Рычково, Евалга) до предгорных равнин Урала (Троицкое), Кузнецко-Салаирской (Томск, Шестаково) и Саянской (Березовый Ручей-1, Березовский Раз-

рез-1, Ачинск) горных систем. Ряд памятников находится в пределах равнинного Обь-Иртышского междуречья (Венгерово-5, Новый Тартас, Волчья Грива). Достоверные памятники палеолита к северу от устья р. Иртыш (61° с. ш.) на Западно-Сибирской равнине в настоящее время неизвестны.

Согласно новейшим результатам исследования палеогеографии Западной Сибири¹⁵⁵, в течение позднего неоплейстоцена природные условия были наименее благоприятными для обитания человека в интервале 90–50 тыс. л. н. В это время, особенно около 90–80 и 60–50 тыс. л. н. (максимальные подвижки ледников¹⁵⁶) и 80–70 тыс. л. н. (максимум существования подпрудных озер¹⁵⁷), на севере Западной Сибири существовали покровные ледники, а непосредственно южнее них — подпрудные водоемы. По южной окраине Западно-Сибирской равнины природная среда была более благоприятна для существования людей и животных практически на всем протяжении позднего неоплейстоцена (120–10 тыс. л. н.).

Одной из важнейших проблем в изучении роли природной среды в жизни древнего человека в Западной Сибири является природная обстановка времени максимума последнего (сартанского в работах до начала 1990-х гг.¹⁵⁸ и поздневейхельского¹⁵⁹ или сеяхинского¹⁶⁰ в работах последующих лет) оледенения, около 20–18 тыс. радиоуглеродных л. н. Существуют две полярные точки зрения по этому вопросу:

- 1) обширный ледниковый покров на севере Западной Сибири и связанный с ним гигантский подпрудный бассейн в центре и на юге Западно-Сибирской равнины (так называемое Мансийское озеро-море)¹⁶¹ (рис. 33);
- 2) небольшие ледниковые покровы на севере Уральских гор, на плато Путорана и в северной части архипелага Новая Земля¹⁶² (рис. 34).

Проведенный анализ пространственного положения археологических памятников позднего палеолита и местонахождений мамонтов, датированных радиоуглеродным методом в интервале 17,7–20,6 тыс. л. н. (рис. 33–34), показал, что палеогеографический сценарий с обширным ледниковым покровом на севере и Мансийским озером-морем в центре и на юге Западно-Сибирской равнины совершенно не укладывается в имеющийся фактический материал, степень надежности которого весьма высока¹⁶³. Существование ледников и подпрудных озер выглядит в таком случае невероятным, и данную палеогеографическую реконструкцию следует считать устаревшей и неверной¹⁶⁴. Этот вывод хорошо согласуется с данными, полученными в последние 10–15 лет¹⁶⁵.

Таким образом, сценарий ограниченных ледниковых покровов и субэаральной обстановки на

всей Западно-Сибирской равнине полностью соответствует картине пространственного положения надежно датированных объектов, для которых исключено существование в условиях ледникового покрова или подпрудного бассейна — палеолитических памятников и мамонтов (рис. 34).

Похолодание и иссушение климата в начале сартанского времени, которые, по мнению С. С. Макарова¹⁶⁶, не способствовали обитанию человека и животных в центральной (средней по С. С. Макарову) части Западно-Сибирской равнины, на наш взгляд, не были лимитирующими факторами. Местонахождения мегафауны (мамонт, бизон) на Западно-Сибирской равнине в это время хотя и немногочисленны, но и не единичны¹⁶⁷. Таким образом, прогрессивное ухудшение природных условий не было причиной того, что древний человек не смог освоить центральные районы Западно-Сибирской равнины в раннесартанское время. Причину, видимо, следует искать во все еще недостаточной степени археологической изученности — стоянки этого времени скорее всего ждут своего открытия.

Горный Алтай

В настоящее время существует несколько точек зрения по палеогеографии позднего неоплейстоцена Горного Алтая, которые могут быть сведены в две основные концепции:

- 1) значительное по размерам последнее (аккемское или сартанское) оледенение¹⁶⁸ и широкое развитие подпрудных бассейнов, периодически прорывавшихся по магистральным долинам (главным образом р. Чуя и Катунь)¹⁶⁹ (рис. 35);
- 2) незначительное по размерам (горно-долинное) последнее оледенение и отсутствие в это время (23–10 тыс. л. н.) подпрудных бассейнов и гляциальных суперпаводков; подпрудные озера в котловинах и гляциальные суперпаводки имели место в более ранний отрезок позднего неоплейстоцена (100–60 тыс. л. н.)¹⁷⁰.

Очевидно, что выбор палеогеографического сценария напрямую влияет на стратегию изучения палеолита региона. Так, Г. Я. Барышников и А. М. Малолетко¹⁷¹ считают, что катастрофические паводки в долинах Чуи и Катуни, имевшие место около 25 тыс. л. н., привели к уничтожению имевшихся там археологических памятников. Если допустить существование в сартанское время обширных ледников полупокровного типа и связанных с ними подпрудных бассейнов, то существование достартанских археологических памятников в магистральном долинах и котловинах невозможно — они должны были быть уничтожены при прохождении гигантских паводков при опустошении этих бассейнов. Таким образом,

пространственный анализ стоянок палеолита Горного Алтая может дать дополнительные материалы к решению проблем палеогеографии региона в позднем неоплейстоцене. К настоящему времени изучены основные археологические комплексы среднего и позднего палеолита Горного Алтая, в общих чертах установлена их хронология¹⁷².

В качестве опорного района выбрана долина р. Чуя, в которой в последние годы проведены комплексные геолого-геоморфологические исследования¹⁷³, а также сделана попытка оценить возраст террасовых уровней с помощью археологических данных¹⁷⁴. На *рис. 36* представлено пространственное положение памятников среднего и позднего палеолита в долине р. Чуя и прилегающей части долины р. Катунь. Их положение *in situ* зафиксировано в результате стационарных раскопок¹⁷⁵ и рекогносцировок¹⁷⁶. Ненарушенная позиция данных объектов говорит о том, что в среднем и позднем палеолите в данном районе не имели место значительные природные катаклизмы, способные разрушить археологические памятники. Время существования указанных памятников оценивается как вторая половина позднего неоплейстоцена (60–10 тыс. л. н.).

Наиболее вероятный возраст существования значительных по размерам ледников и подпрудных бассейнов, с которыми неразрывно связано явление катафлювиала (гигантского паводка, вызванного разрушением ледовой плотины подпрудного озера¹⁷⁷), — первая половина позднего неоплейстоцена (100–60 тыс. л. н.).

Таким образом, геологические данные и пространственный анализ палеолитических стоянок Горного Алтая позволяют подтвердить точку зрения об отсутствии обширных ледников, подпрудных водоемов в межгорных котловинах и их прорывов по долинам рек в сартанское время.

Обобщение новых результатов исследований по стратиграфии и палеогеографии позднего неоплейстоцена Западной Сибири и анализ пространственного размещения памятников палеолита позволяют создать внутренне непротиворечивую концепцию взаимосвязи местообитаний древнего человека и обстановок природной среды. Отмеченные ранее археологами несоответствия между палеогеографическими сценариями позднего неоплейстоцена¹⁷⁸ и данными по палеолиту Западно-Сибирской равнины¹⁷⁹ и Горного Алтая¹⁸⁰ могут быть объяснены, если принять представление о незначительных размерах последнего оледенения Западной Сибири (как в горах, так и на равнине).

Таким образом, сопряженный анализ геологических, палеогеографических и археологических данных позволяет получать достоверные результаты по проблемам взаимодействия древнего человека и природной среды, а также адаптации палеолитического населения Сибири к природному окружению.

Дервянко А. П., Шуньков М. В., Агаджанян А. К.

АДАПТАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДРЕВНЕЙШЕГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ: РАЗВИТИЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ И ДИНАМИКА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Материалы палеолитических стоянок русского Алтая демонстрируют наиболее подробную картину становления культурных традиций первобытного населения Северной и Центральной Азии. В этом районе исследованы многослойные стоянки, которые в совокупности представляют достаточно протяженную во времени стратиграфическую колонку нижнего, среднего и верхнего неоплейстоцена, отражающую развитие культуры древнего человека и окружающей природной среды от ранней поры до заключительной стадии палеолита. Самыми содержательными в этом отношении являются палеолитические стоянки, расположенные в северо-западной части Алтая, в пределах долины

р. Ануй — Карама, Денисова пещера, Усть-Каракол и др. На этих стоянках получен значительный объем археологических, литолого-стратиграфических и палеонтологических данных, позволяющих решать вопросы хронологии и динамики культурно-исторических процессов, моделировать природную обстановку и условия жизни первобытного населения¹⁸¹.

Первоначальное заселение Алтая связано скорее всего с северной миграционной волной африканских *Homo erectus* на территории Азии¹⁸². Согласно биостратиграфическим данным из нижнеплейстоценовых отложений раннепалеолитической стоянки Карама, проникновение человека на северо-запад

Алтая относится к 600–800 тыс. л. н.¹⁸³ В настоящее время это наиболее древние культуросодержащие слои с надежным литологическим и биостратиграфическим обоснованием, выявленные в Северной и Центральной Азии.

В строении разреза плейстоценовых отложений Карамы выделены три одновременные толщи. Нижняя часть разреза представлена аллювиально-пролювиальной толщей переслаивающихся супесчаных и глинистых осадков с линзами и прослоями выветрелого галечно-гравийного материала и с хорошо выраженным педокомплексом из двух горизонтов пойменных монтмориллонитовых почв типа слитоземов. Средняя часть образована красноцветной толщей грубо обломочных валунно-глыбовых отложений пролювиального генезиса. Верхняя часть разреза сформирована лессовидными суглинками серовато-желтых и палевых тонов с гумусовыми горизонтами погребенных почв.

По результатам палинологического исследования, проведенного Н. С. Болиховской¹⁸⁴, установлено, что пыльцевые спектры из нижней и средней части разреза содержат значительное число экзотических элементов дендрофлоры. В их числе бореальные — *Picea sect. Omorica*, *Pinus sect. Strobus*, *Pinus cf. koraiensis*, *Betula sect. Costatae* и неморальные европейские и дальневосточные таксоны — ольха черная *Alnus glutinosa*, ольха серая *A. incana*, лещина обыкновенная *Corylus avellana*, орех маньчжурский *Juglans mandshurica*, граб обыкновенный *Carpinus betulus*, граб сердцелистный *C. cordata*, грабинник *C. orientalis*, хмелеграб *Ostrya sp.*, дуб черешчатый *Quercus robur*, липа сердцелистная *Tilia cordata*, липа амурская *T. amurensis* и липа маньчжурская *T. mandshurica*, вяз мелколистный *Ulmus pumila* и шелковица *Morus sp.* Наличие пыльцы этих растений и эколого-ценотические особенности обнаруженных экзотических таксонов позволяют определить возраст этого флористического комплекса нижним плейстоценом.

Климатостратиграфическое расчленение разреза Карамы и полученные палеоклиматические реконструкции свидетельствуют о формировании этих отложений во время четырех различных в климатическом отношении палеогеографических этапов нижнего плейстоцена, отвечающих сменам двух теплых и двух холодных эпох межледникового и ледникового рангов.

В эпохи межледниковий северо-западная часть Алтая входила в трансконтинентальный пояс неморальных лесных и лесостепных формаций, занимавших южные районы Северной Евразии. В это время в составе алтайских растительных ассоциаций преобладали березовые и сосновые леса с участием темнохвойных пород, а также европейских и маньчжурских видов дуба, вяза, граба, липы, ореха.

Основой существования древнейших обитателей стоянки являлись охота и собирательство. Охотились главным образом на мелких и средних млекопитающих, таких как барсук, сурок, суслик, заяц. Кроме того, древний человек постоянно промышлял сбором остатков добычи хищных животных — волка, гиены, медведя.

Археологические материалы Карамы представлены раннепалеолитическими индустриями галечного типа. В техническом отношении для них характерны приемы бессистемного и параллельного скалывания заготовок. Среди продуктов первичного расщепления представлены нуклевидно обколотые гальки с гладкими или грубо подправленными ударными площадками, а также сколы с субпараллельно ограниченным дорсалом и подготовленной площадкой.

Самой представительной категорией инвентаря являются скребла, выполненные в продольном, диагональном и поперечном вариантах, как правило, с естественным или затесанным обушком. К другой ведущей группе орудий относятся чопперы с прямым, выпуклым или вогнутым контуром рабочего края и массивным основанием. Следующую по значению группу образуют зубчатые, выемчатые и близкие к ним по морфологии клювовидные орудия, оформленные главным образом клетонскими анкошами. Остальную часть инвентаря составляют крупные галечные орудия с выделенным шиповидным выступом в виде носика, нуклевидные скребки с очень крутой или отвесной оббивкой рабочего края, массивные острия с широкоугольным рабочим элементом, ножи на долечных сколах с обушком-гранью и отчетливыми следами утилизации на лезвии, сколы с признаками локальной ретуши.

Совокупность геоморфологических, литолого-стратиграфических, археологических, палеоботанических и других данных свидетельствует об обитании на Караме популяции древнего человека на протяжении почти всего раннего плейстоцена. Затем последовал длительный промежуток времени, связанный, видимо, с господством на этой территории холодного климата. Общее ухудшение природной обстановки заставило представителей первой миграционной волны скорее всего уйти в южные районы Центральной Азии или, если они не смогли выработать новую адаптационную стратегию, обрекло их на вымирание.

Следующий документированный период четверичной истории Алтая представлен археологическими и палеонтологическими материалами из базальных отложений (слои 22, 21) Денисовой пещеры, а также из аллювиальных осадков (слой 19), выполняющих основание разреза стоянки Усть-Каракол. Физическими методами датирования возраст этих отложений определен в пределах 133–

282 тыс. л. н., что соответствует второй половине среднего плейстоцена¹⁸⁵.

Согласно данным палеоботаники и микротермологии¹⁸⁶, в это время в долине Ануя доминировала лесная растительность. Днище долины занимали галерейные рощи из ольхи *Alnus* с участием ели *Picea obovata*. У подножья склонов на хорошо прогреваемых участках произрастали граб *Carpinus betulus*, вяз *Ulmus laevis*, маньчжурский орех *Juglans manshurica*. Вдоль реки тянулись кусты ивы *Salix alba*, смородины *Ribes*, на песчаных и галечниковых отмелях росла облепиха *Hippophae rhamnoides*.

Северные склоны долины покрывали смешанные березовые и сосново-березовые леса с включением широколиственных пород — липы *Tilia sibirica*, дуба *Quercus*, клена *Acer*. В подлеске, особенно по опушкам лесных массивов, были распространены лещина *Corylus avellana*, кизильник *Cotoneaster*, жимолость *Lonicera*, смородина. Травянистый покров носил лугово-степной характер. В затемненных влажных ложбинах росли зеленые мхи и мелкие горные папоротники. Участки смешанных лесов с темнохвойными породами и лиственницей *Larix sibirica* были приурочены к верхнему ярусу горных хребтов. Кедровые леса поднимались скорее всего выше современной границы.

По склонам южной экспозиции расселялись горно-степные травянисто-кустарниковые сообщества и остепненные группировки, состоящие из желтой акации *Caragana arborescens*, крушины *Rhamnus*, волчника *Daphne mesereum* и степного разнотравья с участием нескольких видов злаковых. Среди древесных пород преобладала береза *Betula pendula*, по распадкам встречалась лещина, а у подножья — липа и вяз. Хорошо дренированные крутые склоны с мелким щебнем занимали нивальные биотопы. На пологих склонах, покрытых мелкоземом, располагались разнотравные луга, но их доля была невелика по сравнению с лесными и отчасти нивальными ассоциациями.

В сообществе мелких млекопитающих доминантом и индикатором лесных формаций являлись рыжие полевки *Clethrionomys*. Типичными представителями лесной биоты были также землеройки рода *Sorex*, крот, белка *Sciurus vulgaris*, летяга *Pteromys volans*, бурундук. На южных склонах, непосредственно под скалами обитали суслик и горные полевки рода *Alticola*. Разнотравно-луговые ассоциации заселяла узкочерепная полевка *Stenocranius gregalis*, пойму — полевка-экономка и водяная полевка.

Среди крупных млекопитающих характерными обитателями смешанных лесов были косуля *Capreolus pygargus*, бурый медведь *Ursus arctos*, соболь *Martes zibellina*, рысь *Lynx lynx*. На лесных полянах, в зарослях кустарника, у подножья склонов

и в пойме паслись первобытный бизон *Bison priscus*, шерстистый носорог *Coelodonta antiquitatis*, марал *Cervus elaphus*, лошадь *Equus ferus*, плейстоценовый осел *Equus hydruntinus*. В то же время основным местом выпаса бизона и других копытных являлись разнотравно-злаковые остепненные луга. К вершинам горных склонов на солонцы поднимались марал и косуля. На крутых склонах, ближе к гребням хребтов обитали сибирский горный козел *Capra sibirica*, архар *Ovis ammon*, солонгой *Mustela altaica*.

Многие хищники, в отличие от растительноядных животных, были распространены в долине более равномерно. Бурый медведь, малый пещерный медведь *Ursus rossicus*, гиена *Crocota spelae*, корсак *Vulpes corsac*, красный волк *Cuon alpinus*, волк *Canis lupus*, лисица *Vulpes vulpes*, степной хорь *Mustela eversmanni*, горноста́й *Mustela erminea* не имели жесткой биотопической приуроченности, хотя, как и человек, предпочитали свои участки охоты. Только гиена и отчасти медведь были привязаны к скальным полостям в период размножения, нуждаясь в защищенном убежище для выведения потомства.

Из отложений второй половины среднего плейстоцена получены небольшие, но типологически устойчивые наборы каменных изделий, которые по морфологии и стратиграфической позиции соответствуют ранним этапам среднего палеолита. Для индустрий из нижних слоев Денисовой пещеры характерны признаки леваллуазского и параллельного расщепления, преимущественное использование отщепов в качестве заготовок орудий, преобладание в орудийном наборе скребел различных модификаций и зубчато-выемчатых форм. В наиболее древней индустрии стоянки Усть-Каракол большинство сколов, в т. ч. со следами вторичной обработки, имеет параллельные грани на дорсале и специально подготовленную ударную площадку. В составе орудий присутствуют скребла с продольно и конвергентно расположенными лезвиями, шиповидные изделия и выемчатые формы с клетонскими и ретушированными анкошами.

Активное заселение первобытным человеком территории Алтая началось в эпоху верхнего плейстоцена. Согласно палеонтологическим данным, этот период подразделяется на два крупных палеогеографических этапа. Первый этап охватывает основную часть верхнего неоплейстоцена, с его начала (изотопная подстадия 5e) до наступления последнего крупного похолодания (изотопная стадия 2). Ему соответствует формирование пачки слоев 20–11 в Денисовой пещере и слоев 18–5 на стоянке Усть-Каракол. Данные палинологического и палеозоологического анализов свидетельствуют о том, что в это время в бассейне Ануя произошли крупные изменения природной обстановки. Площа-

ди лесной растительности значительно сократились, степные и нивальные сообщества расширились, увеличились участки, занятые луговым разнотравьем. Существенно изменилось соотношение древесной и травянистой растительности. Доля древесных пород в растительных ассоциациях постепенно уменьшилась примерно в 3 раза по сравнению с предшествующим периодом. Принципиально перестраивалась и структура лесных формаций. Менялось соотношение хвойных пород. Ель стала одним из основных лесообразующих видов, заметно возросла роль кедра. Существенно сократились численность и видовое разнообразие березы, в 2–3 раза снизилась доля сосны. Резко уменьшилось количество и разнообразие широколиственных видов деревьев. Травянистые и кустарничковые ассоциации, напротив, расширились как по занимаемой площади, так и по таксономическому разнообразию.

Смена ландшафтной обстановки отразилась и на составе животных сообществ. Экологический облик фауны мелких млекопитающих определяла высокая численность скальной полевки *Alticola*, узкочерепной полевки *Stenocranius* и степной пеструшки *Lagurus* при относительно небольшом количестве лесных полевок *Clethrionomys* и древесных форм грызунов — белки и летяги.

Сокращение лесных массивов, увеличение луговых и степных биотопов привело к формированию обширных площадей с густым травянистым покровом и, следовательно, к значительному росту численности копытных животных. Среди крупных травоядных преобладали животные степных и лесостепных пространств — сайга *Saiga tatarica*, дзерен *Procapra gutturosa*, як *Poephagus mutus*, плейстоценовый осел, шерстистый носорог, первобытный бизон, лошадь, архар, марал. Высокой была численность сибирского горного козла — типичного обитателя скальных склонов. Среди хищников доминировали гиена и волк, часто встречались лисица, медведь и красный волк, реже — степной хорь, корсак и ласка.

Археологические материалы из Денисовой пещеры (слои 20–12) и Усть-Каракола (слои 18–13) свидетельствуют о том, что на протяжении первой половины верхнего плейстоцена развитие древних технологий проходило в рамках единой среднепалеолитической культуры. Вместе с тем разное соотношение технических и типологических показателей внутри единой культурной традиции позволяет разделить эти комплексы на два индустриальных варианта — с преобладанием мустьерского компонента в индустрии Денисовой пещеры и с хорошо выраженным леваллуазским инвентарем в индустрии Усть-Каракола¹⁸⁷.

В среднепалеолитической индустрии Денисовой пещеры первичная обработка камня велась

главным образом в традициях параллельного и радиального раскалывания. Леваллуазский метод расщепления представлен в достаточно развитом виде, хотя существенного влияния на технологический процесс он не оказал. Подавляющее большинство орудий изготовлено на средних и укороченных сколах. В составе типологически разнообразного инвентаря преобладают мустьерские и зубчатовыемчатые формы. Изделия леваллуа отличаются четкой морфологией, однако их удельный вес относительно невелик. Ведущей категорией орудий являются разнообразные скребла, в т. ч. шарантские, диагональные и угловатые формы.

Для индустрии Усть-Каракола характерно преобладание признаков леваллуазского расщепления; высокий уровень техники пластинчатого скола; большой удельный вес орудий, оформленных на пластинах и сколах леваллуа; относительно небольшой типологический набор инвентаря, среди которого доминируют пластины и остроконечники леваллуа, а собственно мустьерские формы в составе орудий занимают подчиненное положение. Другой особенностью этой индустрии является присутствие в составе инвентаря нуклеусов параллельного принципа расщепления и бифасиальных изделий листовидной формы.

Сейчас нет достаточно веских оснований связывать эти технические варианты с обособленными группами древнего населения, носителями самостоятельных культурных традиций. На современном уровне исследований можно предположить, что дифференциация каменных индустрий в пределах единой среднепалеолитической культуры была связана скорее всего с конкретным сочетанием различных сезонных, ландшафтных, производственных, хозяйственных, петрографических и других факторов.

Одна из причин индустриальных различий кроется, видимо, в специфике производственно-хозяйственной деятельности первобытного населения на долговременных стоянках в пещерах и сезонных охотничьих стойбищах. Так, распределение каменных артефактов по отдельным стратиграфическим уровням на многослойной стоянке Усть-Каракол указывает на достаточно регулярное, но относительно непродолжительное пребывание здесь палеолитического человека. Вместе с тем, учитывая состав каменного инвентаря, эту стоянку вряд ли следует рассматривать как место кратковременных остановок древних людей типа охотничьего лагеря. Практически на всех уровнях обитания обнаружены наборы артефактов, отражающие полный цикл утилизации каменного сырья. В их составе отмечены инструменты для обработки камня, основные продукты его расщепления и типологически разнообразный инвентарь. Сопоставление

структурных особенностей каменной индустрии и вмещающих отложений позволяет рассматривать этот многослойный объект как комплекс последовательных поселений сезонного характера.

Такое заключение хорошо согласуется с топографией стоянки Усть-Каракол, расположенной на участке речной долины, оптимально удобном для организации сезонного охотничьего стойбища. Кроме того, оно подтверждается очевидной производственной направленностью среднепалеолитической индустрии этой стоянки на изготовление специального охотничьего инвентаря в виде леваллуазских остроконечников и листовидных бифасов. Данные ремонтажа каменных изделий и петрографического анализа скоплений расщепленного камня на стоянке Усть-Каракол свидетельствуют о том, что эти орудия были целенаправленно изготовлены на месте, а не доставлены на стоянку в готовом виде.

Для среднепалеолитической индустрии долговременного поселения в Денисовой пещере также характерны орудия со следами бифасиальной обработки и каменные изделия, выполненные в классических канонах техники леваллуа. Однако в целом леваллуазская и бифасиальная традиции в индустрии базовой стоянки выражены менее отчетливо, чем на сезонном стойбище. Скорее всего здесь подобные технико-типологические проявления растворялись в более монотонном индустриальном контексте долговременного поселения.

Около 50 тыс. л. н. на Алтае началось становление культурных традиций верхнего палеолита путем последовательной трансформации среднепалеолитического технокомплекса¹⁸⁸. Каменные индустрии ранней поры верхнего палеолита из Денисовой пещеры (слой 11) и Усть-Каракола (слои 11–8) демонстрируют широкое использование в процессе первичного расщепления вместе с техникой параллельной редукции леваллуазских и простых площадочных нуклеусов приемов серийного снятия удлиненных заготовок с призматических, конусовидных и торцовых нуклеусов, в т. ч. клиновидной формы. Прямым следствием прогрессивных технологических процессов явилось зарождение техники микропластинчатого расщепления, применявшейся как для получения собственно микропластин, так и для подготовки специальных форм верхнепалеолитических орудий. В типологических списках этих индустрий заметную роль играют скребла, в основном продольных вариантов, и зубчато-выемчатые орудия. В небольших количествах присутствуют изделия леваллуа.

Самую выразительную часть орудийного набора образуют изделия верхнепалеолитических типов. Среди них наиболее показательны так называемые ориньякские формы — концевые скребки на пластинах; скребки высокой формы типа каре-

не, оформленные микропластинчатыми снятиями; срединные резцы, в т. ч. многофасеточные; крупные пластины с регулярной ретушью по периметру, а также микропластины с притупленным краем. Характерным признаком этих индустрий служат орудия со следами двусторонней обработки, в первую очередь выразительные бифасы листовидной формы. Дополняет коллекцию каменного инвентаря уникальный набор костяных орудий — миниатюрные иглы с просверленным ушком и острия-проколки из обломков трубчатых костей крупных млекопитающих.

Среди разнообразных ранних верхнепалеолитических материалов особое внимание привлекают изделия, отражающие духовную и социальную стороны жизни первобытного человека — индивидуальные украшения и предметы символической деятельности. Среди них подвески из зубов марала и лисицы, костяные пронизки с симметричными рядами глубоких кольцевых нарезок, бусины из бивня мамонта, кости и скорлупы яиц страуса. Еще один примечательный компонент этой коллекции составляют бусины и подвески из мягкого поделочного камня и раковины моллюсков с искусственным отверстием.

Особое место в коллекции индивидуальных украшений занимают каменный браслет из темно-зеленого хлоритолита и кольцо из белого мрамора, обнаруженные в Денисовой пещере¹⁸⁹. Детальное трасологическое и технологическое изучение этих изделий показало, что при их изготовлении использовались приемы обработки камня, традиционно считавшиеся нехарактерными для эпохи палеолита. Применялись шлифовка на абразивах, полировка кожей и шкурой, а также уникальные для палеолитического времени технологии — скоростное станковое сверление и расточка инструментом в виде рашпиля. Эти изделия демонстрируют достаточно развитые трудовые навыки и устойчивую практику подобных работ у населения Алтая на ранней стадии верхнего палеолита.

Другой вариант развития ранней верхнепалеолитической традиции представлен индустриальным комплексом стоянки Кара-Бом. Его технические особенности носят отчетливо выраженный пластинчатый характер. Большая часть нуклеусов имеет параллельные грани и предназначена для получения удлиненных сколов, в т. ч. с помощью техники леваллуа. Вместе с тем отмечены новые технические приемы, характерные для скалывания микропластин с торцовых разновидностей нуклеусов. Основным продуктом расщепления являются крупные пластины, на которых оформлено более половины орудий. В орудийном наборе заметное место принадлежит зубчато-выемчатым формам. Однако ведущее положение в составе инвентаря

занимают орудия верхнепалеолитической группы, оформленные главным образом на крупных пластинчатых заготовках — концевые скребки, срединные резцы, ножи с ретушированным обушком, удлиненные остроконечники с вентральным уплощением основания и пластины с ретушью продольных краев. В этих индустриях отмечены также единичные образцы бифасиальных орудий и украшений из зубов животных, однако они встречаются эпизодически и не образуют устойчивых наборов изделий. В целом облик этой индустриальной традиции определяется серийным производством крупных пластин и орудий на их основе.

Относительно ранняя хронологическая позиция алтайских комплексов начальной поры верхнего палеолита позволяет предположить, что выделенные на Алтае технологические тенденции во многом предопределили основные пути развития верхнепалеолитических традиций в Северной и Восточной Азии.

Характер следующего, среднего этапа верхнего палеолита на Алтае лучше всего отражают материалы культурных горизонтов 12–6 многослойной стоянки Ануй-2, чей абсолютный возраст определен серией радиоуглеродных дат в диапазоне от 23 до 27 тыс. л. н. Основная часть нуклеусов этой индустрии выполнена в традициях параллельного расщепления, в т. ч. призматической и торцовой. Особую группу составляют небольшие нуклеусы торцовой, клиновидной и призматической формы, предназначенные для снятия микропластин. О развитой пластинчатой технике свидетельствует также относительно высокая доля удлиненных заготовок, среди которых широко представлены микропластины.

В составе типологически выраженного инвентаря наибольшим разнообразием отличаются изделия верхнепалеолитической группы — скребки, резцы, долотовидные орудия, проколки. Не менее значимую группу составляют зубчато-выемчатые изделия, образованные в основном ретушированными анкошами. Еще одну характерную черту индустрии представляют скребла различных модификаций — от простых продольных до двойных конвергентных типа лимасов. Главной типологической особенностью индустрии является выразительная серия микроизделий, в число которых входят острия с притупленным краем граветтийского типа, миниатюрные скребки, проколки и микропластины с лезвиями, отделанными крутой краевой ретушью.

С наступлением последнего крупного похолодания верхнего плейстоцена (изотопная стадия 2) связано максимальное ухудшение климатической и биотопической обстановки в долине Ануя. Судя по спорово-пыльцевым спектрам и составу фауни-

стических останков из верхних культурных слоев палеолитических стоянок, в это время в окружающих ландшафтах резко возросла доля травянистых растений и кустарников. Небольшие лесные участки на склонах долины состояли в основном из темнохвойных пород — ели и кедра с примесью сосны и березы. Постоянными компонентами лесной растительности стали лиственница и пихта. Это было связано скорее всего с формированием локальных ледников на склонах северной экспозиции, значительным расширением нивального пояса и вытеснением кедров, пихты и лиственницы на нижние уровни долины. Площади ледников, судя по размерам каров, были незначительными, а их мощность составляла первые сотни метров¹⁹⁰.

Основные площади открытых биотопов занимали разнотравно-злаковые остепненные луговые ассоциации. Облик разнотравья определяли полыни, маревые, гвоздичные, сложноцветные, злаки и зонтичные. На каменистых прогреваемых склонах развивались низкотравные сухостепные группировки, в состав которых входили шиповник, спирея, барбарис, карагана, эфедра, различные виды полыни, сложноцветных, свинчатковых. В верхнем ярусе речных долин распространялась растительность гольцового типа с мелкодерновинными злаками и куртинами степняков — представителей семейства губоцветных, бобовых, сложноцветных и характерным для каменистых россыпей низкорослым спирейником.

Процесс регрессивных преобразований природных условий отчетливо выражен в составе ископаемой фауны. В сообществе мелких млекопитающих доминировали представители горно-степных петрофильных группировок — скальная полевка, степная пеструшка, узкочерепная полевка, длиннохвостый суслик. Заметно снизилась численность землероев — крота и цокора, а популяция лесных полевок *Clethrionomys* находилась в состоянии депрессии. Среди крупных копытных преобладали обитатели скал и сухих степей — сибирский горный козел, архар, сайга, дзерен. Костные останки лесных видов животных в отложениях этой эпохи не обнаружены.

Позднепалеолитический этап на Алтае наиболее полно характеризуют материалы из слоя 9 в Денисовой пещере¹⁹¹ и слоев 14–11 в пещере Каминная¹⁹². Каменные индустрии из этих отложений демонстрируют развитие технических приемов пластинчатого расщепления. В них по сравнению с более ранним этапом заметно увеличилось количество удлиненных сколов, среди которых возросла доля микропластин. Пластины служили в качестве основ для изготовления продольных разновидностей скребел, концевых скребков, резцов, долотовидных, зубчатых и выемчатых орудий. В составе

орудий особенно выразительны микропластины с притупленным краем и листовидные бифасы. Дополняет коллекцию достаточно яркая серия орудий и украшений из кости и зубов животных — иглы с ушком, острия-проколки, подвески из зубов оленя, обработанные костяные пластины, костяная основа вкладышевого орудия с пазом, цилиндрические бусины-пронизки и плоские бусины-колючки, изготовленные из скорлупы яиц страуса.

В целом каменные индустрии заключительной стадии верхнего палеолита мало отличаются от технокомплексов предшествующего этапа. Эта преемственность выражается в сочетании некоторых архаичных (радиальные и леваллуазские нуклеусы, мустьероидные скребла и зубчатые орудия) и хорошо выраженных верхнепалеолитических (призматические и торцовые нуклеусы, концевые скребки, срединные резцы, микропластины с притупленным краем, вкладышевые инструменты) элементов как в системе первичного расщепления, так и в типологическом составе каменного и костяного инвентаря. Вместе с тем эти материалы отражают дальнейшее развитие палеолитических традиций, которое проявлялось в последовательном расширении базы пластинчатого расщепления, прежде всего за счет более активного использования микропластинчатых технологий.

Таким образом, археологические материалы многослойных памятников долины Ануя, отражая длительный процесс постепенной эволюции каменных индустрий, свидетельствуют о преемственности технологических традиций древнейшего населения Алтая на основных культурно-хронологических этапах палеолитического времени.

В природном отношении в плейстоцене для этой территории было характерно достаточно широкое разнообразие растительных и животных сообществ. Многокомпонентные природные условия были обусловлены контрастным строением рельефа, различной ориентацией горных склонов и значительным перепадом относительных высот. На одном участке речного бассейна одновременно существовали долинские леса с участием широколиственных пород, смешанные сосново-березовые леса, массивы темнохвойной тайги, степные и луговые ассоциации, нивальные биотопы с полупустынными и тундровыми элементами. Пространственное соотношение этих природных комплексов постоянно менялось, прежде всего под воздействием колебаний климата.

В целом на этой территории на протяжении плейстоцена сохранялись относительно стабильные и многокомпонентные природные условия, которые откладывали свой отпечаток на историю становления и развития палеолитических культурных традиций.

Лисицын С. Н.

КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА НА РУБЕЖЕ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА КАК ФАКТОР КУЛЬТУРОГЕНЕЗА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Экосистема позднего верхнего палеолита и специфика охотничьего вооружения человека в перигляциальной зоне

В заключительный период последнего оледенения, закончившегося примерно 10,3 тыс. л. н., восточноевропейские охотники эпохи верхнего палеолита в центральных и северо-восточных областях Восточной Европы обитали в суровых перигляциальных условиях. Удивительное и во многом неподдающееся до сих пор объяснению богатство животного мира в конце позднего плейстоцена обеспечивало человека всем необходимым. Судя по количеству известных находок этой эпохи на территории Восточной Европы, с задачами жизнеобеспечения люди справлялись успешно. В позднеледниковое

время области постоянного обитания палеолитического человека располагались к югу и к востоку от ледникового щита. Группа поздневалдайских памятников известна в бассейне р. Десны, Днепра и Сейма. Другая группа памятников конца верхнего палеолита относится к бассейну р. Оки и Дона, третья располагалась в бассейнах р. Камы и Печоры.

Интенсивное таяние ледника, начавшееся 15–14 тыс. л. н., положило конец устойчивости экосистемы перигляциальной флоры и фауны и привело к постепенному вымиранию крупных животных, на которых охотились люди палеолита, — мамонта, овцебыка, первобытного бизона, плейстоценовой лошади и смещению ареалов обитания северного оленя, песца и других холодолюбивых животных.

Вместе с тем освобождение от ледникового гнета обширных пространств северо-запада откры-

вало возможности колонизации новых территорий для флоры и фауны, а следовательно, и для человека. Археологические данные довольно скупо освещают процесс заселения первобытными людьми бывших ледниковых территорий в промежутке времени 14–10 тыс. л. н. На это время, соответствующее в археологической периодизации финальному палеолиту, приходится окончательная деградация ледникового покрова валдайского (вюрмского) оледенения в Северной Европе и формирование природных условий, близких к современным.

Абсолютная хронология восточноевропейского финального палеолита (13–10 тыс. л. н.) на настоящее время, в отличие от позднего верхнего палеолита (19–13 тыс. л. н.), имеющего относительно полную радиоуглеродную колонку дат, изучена крайне фрагментарно, т. к. природные условия на рубеже плейстоцена и голоцена способствовали разрушению культурного слоя, а песчаные почвы не позволили сохраниться органическим материалам, пригодным для абсолютного датирования. Отдельные финальнопалеолитические памятники относительно надежно датированы в Юго-Восточной Прибалтике, а также в южной части Русской равнины, где сохранность органических остатков позволила сделать палинологические и радиоуглеродные определения¹⁹³.

Для большей части Восточной Европы такие данные единичны. Поэтому материалы финального палеолита часто датируются в широком временном диапазоне. Его нижний предел определяется исчезновением наиболее поздних памятников верхнепалеолитического облика, имеющих радиоуглеродные определения 14–13 тыс. л. н.¹⁹⁴ Верхним хронологическим репером служит появление надежно датированных мезолитических культур: кундской в Восточной Прибалтике, бутовской и иеневской в Верхневолжье, которые имеют наиболее ранние абсолютные датировки порядка 10,3–9,6 тыс. л. н.¹⁹⁵ Таким образом, хронологически промежуточные финальнопалеолитические памятники попадают во временную лагуну длительностью порядка 4 тысячелетий, что для позднего каменного века является весьма ощутимым пробелом в археологической летописи.

Территория Русской равнины в поздневалдайское время находилась под доминирующим влиянием ледника. Ледниковый щит, краевая зона которого занимала бассейны современных р. Немана, Западной Двины и верховьев Волги, был главным фактором, определявшим устойчивость уникальной системы конца ледниковой эпохи¹⁹⁶. Палеогеографические данные свидетельствуют о том, что климат, хотя и был суровым, со среднегодовыми температурами более чем на 10 градусов ниже со-

временных, но отличался необычайной сухостью, сильными ветрами и малоснежными зимами¹⁹⁷. При этом солнечная активность находилась примерно на нынешнем уровне, что благоприятно сказывалось на объеме фитомассы и обусловило повсеместное распространение тундростепи — типа ландшафта, который не известен в современности. Для тундростепи было характерно господство травянистой степной растительности при постоянном присутствии кустарничковых и тундровых ассоциаций, а также смешанных лесных сообществ в защищенных от ветра балках и поймах рек. Непрерывный процесс накопления лёсса, происходивший вследствие ветровой активности, а также мощный цикл водосброса в бассейнах крупных рек — Днестра, Днепра, Волги и Дона, питавшихся от подпруженных моренными образованиями крупных приледниковых озер, обеспечивали устойчивость такого мозаичного ландшафта.

В данном природном окружении существовал специфичный состав фауны, известный как мамонтовый (верхнепалеолитический) териокомплекс, включавший виды животных, которые соответствуют разным ландшафтно-климатическим зонам: тундровой (мамонт, шерстистый носорог, северный олень, лемминг, песец, овцебык), лесной (заяц, благородный олень, лось, бобр) и степной (лошадь, бизон, тур, сайгак)¹⁹⁸.

Средообразующим животным, который определял стабильность всей сложившейся экосистемы на большей территории Русской равнины, на заключительном этапе плейстоцена был мамонт. Доминирование мамонта в фауне позднего плейстоцена региона (кроме самых южных районов в Северном Причерноморье, где преобладал бизон и юго-западных районов Днестра и Прута с преобладанием северного оленя) во многом еще трудно поддается объяснению. Мамонт сосуществовал с намного более плодовитыми видами травоядных — северным оленем, бизоном и лошастью, т. е. стадными животными, которые обладали возможностью быстрого воспроизводства и были способны на протяженные миграции. Считается, что частота воспроизводства мамонта была примерно на уровне современных слонов (рождался один детеныш не чаще одного раза в 3 года), многократно уступая копытным¹⁹⁹.

При всем при этом мамонт успешно конкурировал с копытными до самого финала позднего плейстоцена. Возможное объяснение данного феномена кроется в том, что мамонт занимал нишу обитателя богатых кормом речных долин, где поддерживал наиболее пригодную для своего обитания пастбищную экосистему. Сходная по типу картина наблюдается в африканской парковой саванне, где слоны также являются средообразующим видом: они вытаптывают молодой кустарник и пробивают све-

товые бреши в зарослях, удобряют почву, ускоряя тем самым рост травяной растительности — своей основной пищи.

Стадные копытные животные ледниковой эпохи на Русской равнине в каком-то отношении были зависимы от господствовавших в плодородных долинах травоядных гигантов. Там, где проходили пути их миграций, оставалась преимущественно мало пригодная для стадных копытных растительность. Поэтому рост численности копытных часто напрямую зависел от возможностей кормовых территорий, преимущественно на водоразделах, поросших ксерофитными травянистыми ассоциациями, кочкарником, лишайниками и редкими кустами. Кроме того, контроль над численностью травоядных видов в позднем плейстоцене осуществлялся хищниками, среди которых были такие опасные звери, как пещерный лев и медведь, гиена, а также плейстоценовый волк. Единственным же серьезным врагом мамонта был человек²⁰⁰.

Во второй половине верхнего палеолита на Русской равнине обитали группы населения, которые специализировались на охоте на мамонта²⁰¹. Собирачество костей (использовавшихся для домостроительства, отопления и как поделочный материал), так же как и других ресурсов, однако, играло очень важную роль, о чем свидетельствуют находки выветренных костей и большой разброс ¹⁴C датировок по мамонтовым костям на поселениях. Занимая нишу специализированного и вместе с тем высокоадаптированного хищника, человек конца верхнего палеолита, безусловно, был необходимой частью пищевой цепочки и выполнял функцию регулятора численности травоядных в их системе природопользования.

Следовательно, распад мамонтового териокомплекса на рубеже плейстоцена и голоцена неминуемо влек за собой и кризис в экономике первобытного человека, особенно в центральной части Русской равнины, где добыча копытных многократно уступала охоте на мамонта. Перестройка источников основных пищевых ресурсов, связанная с таянием ледника 15–11 тыс. л. н., и постепенное замещение холодолюбивой флоры и фауны на теплолюбивую не могло пройти для первобытных коллективов безболезненно.

Люди в самом конце ледниковой эпохи оказались в совершенно новом для них природном окружении. Изменилось соотношение продолжительности теплых и холодных периодов в году, а также привычный водный баланс рек и количество дней с сухой погодой. Происходило массовое вымирание крупных стадных млекопитающих, и одновременно началась миграция новых лесных видов с иным жизненным циклом и стратегией поведения. Основы материальной культуры охотников верхнего па-

леолита оказались подорваны. Состав каменного и костяного инвентаря у поздневалдайских культур в конце верхнего палеолита на Русской равнине в значительной степени был технологически и типологически снивелирован. Для каменной индустрии было характерно простое ударное расщепление каменным и реже мягким отбойником, нацеленное на получение регулярных пластин средних размеров. Микроинвентарь состоял из простых вкладышевых форм (вариаций пластин и острий с притупленным краем), а основной орудийный набор — из ординарных и комбинированных форм резцов и скребков. Каменные наконечники метательного вооружения в позднюю пору верхнего палеолита (в отличие от средней поры) не были в ходу, но зато набор наконечников копий, дротиков и стрел включал разнообразные формы острий из кости, рога и бивня, в т. ч. пазовые, а также богато орнаментированные изделия. Среди них, однако, отсутствовали зазубренные орудия (гарпуны, остроги, рыболовные крючки).

В целом упрощение набора охотничьего вооружения к концу верхнего палеолита было завершающим этапом в развитии историко-культурной области охотников перигляциальных равнин Восточной Европы. Сходный процесс со своей спецификой происходил и в Западной Европе, где также широкое пространственное распространение получили мадленские культуры, основанные на добыче стадных копытных, прежде всего северного оленя.

В условиях стабильности ледниковой обстановки и постоянства фаунистического окружения охотники на мамонтов Русской равнины выработали эффективную стратегию жизнеобеспечения, основанную на эксплуатации пространства, ограниченного с севера ледником, а с юга — степной зоной. Поселения с мощным культурным слоем, свидетельствующим как минимум о регулярном, а возможно, и постоянном обитании людей на одних и тех же местах, были расположены не далее 150 км от выходов каменного сырья, что отражает степень эффективности транспортировки и утилизации последнего в рамках использовавшейся техники расщепления.

При этом наличие полного цикла расщепления даже на максимально удаленных от выходов каменного сырья поселениях (классический пример: Костенки) говорит о том, что трудностей с его доставкой или обменом первобытные люди не испытывали. С этой точки зрения странно выглядит отсутствие в их инструментарии каменных наконечников метательного вооружения — элементарного в смысле изготовления и переоформления, а также легко возобновляемого охотничьего ресурса. Тогда как трудоемкое изготовление наконечников из кости (особенно крупных изделий из бивня),

а также их избыточная орнаментация может свидетельствовать о глубоком консерватизме и, возможно, о ритуализации связанных с ними культурных норм. Переоформление и возобновление таких орудий в случае утраты было сопряжено с гораздо большими трудностями, чем в случае с каменными наконечниками.

Не исключено, что доминирование среди метательных снарядов именно костяных изделий непосредственно связано со способом охоты, которая обычно рассматривается как коллективная и загонная. Действительно, в случае преобладания такого способа добычи зверя, особенно в окружении открытых пространств и при доскональном знании поведения стадных видов животных, шанс утраты такого копья или дротика должен быть намного меньше аналогов, оснащенных хрупкими наконечниками из кремня. Эффективность применения последних для охоты на мамонта выглядит весьма проблематичной. Вымирание ледниковой фауны неизбежным образом положило конец как прежней охотничьей стратегии людей верхнего палеолита, так и традиционной технико-типологической структуре их каменной и костяной индустрии.

Климатические изменения позднеледниковья и материальная культура человека в финальном палеолите

Среди проблем, которые очевидным образом решал человек позднеледниковья в условиях перестройки животного и растительного мира, были:

- 1) поддержание высокой степени мобильности и быстрого перемещения на значительные расстояния, т. к. обеднение пищевых ресурсов и возросшая сезонно-климатическая изменчивость не позволяли поддерживать традиционное природопользование;
- 2) техническое и технологическое переоснащение, непосредственно связанное с мобильным образом жизни и новыми принципами организации охоты — применение эффективных способов утилизации каменного сырья и внедрение инноваций в составе охотничьего вооружения.

Если первая задача не требовала революционных изменений, но логичным образом приводила к необходимости миграции за пределы прежних территориально-племенных границ, то решение второй задачи кардинально меняло весь облик материальной культуры первобытных охотников. Постоянные перемещения и периодическая удаленность от выходов кремня требовали совершенствования техники расщепления, изначально основанной на избирательном подходе к качеству сырья,

а также стандартизации форм орудий охотничьего инвентаря (т. е. их взаимозаменяемости). Иной путь предполагал бы адаптацию на новых неосвоенных территориях к разнообразному местному, но не обязательно всегда качественному каменному сырью. Результатом последнего должно было стать появление каменных индустрий с недифференцированным подходом к доступности качественного кремня, а следствием — массовое производство нерегулярных заготовок, возрастание роли крутой формообразующей ретуши и минимализация роли микропластинчатой техники.

Таким образом, необходимость выживания в новых условиях предоставляла человеку два совершенно противоположных варианта технического развития. Интересно отметить, что оба эти варианта реализовались в финальном палеолите в виде регулярно-пластинчатой свидерской индустрии и нестандартизированной индустрии бромме (лингби), а в раннем мезолите нашли конечное воплощение в стандартизованных кундской и бутовской культур и нерегулярных отщепово-пластинчатых — гренской, песочно-ровской и иеневской.

Новые типы орудий в охотничьем вооружении в каменном и костяном инвентаре, судя по восточно-европейским находкам периода финального палеолита, были следствием прямого заимствования из западноевропейского культурного мира. К ним относятся костяные и роговые наконечники метательного вооружения с зубцами (простые, двурядные гарпуны и остроги), а также каменные наконечники стрел черешкового типа. Гарпуны из рога северного оленя известны по случайным находкам в торфяниках Прибалтики и Восточной Пруссии²⁰². Их формы соответствуют позднемадленским изделиям с характерными клювовидными зубцами. Черешковые наконечники метательного вооружения также имеют прототипы в позднемадленских индустриях (гамбургской, крезвельской). Самые восточные гамбургские памятники исследованы на территории Польши, а отдельные находки наконечников гамбургского типа известны на территории Литвы²⁰³.

Черешковые наконечники считаются свидетельством широкого распространения лука и стрел. Для финального палеолита, судя по находкам в Аренбургском торфянике, широкое употребление лука для охоты на северного оленя доказано²⁰⁴. Лук был, вероятно, известен первобытному человеку уже в верхнем палеолите, но не играл первостепенной роли. В западноевропейском мадлене он с успехом совмещался с копьеметалкой. В Восточной Европе находки копьеметалок не известны, но кремневые наконечники, не могущие быть ничем иным, кроме наконечников стрел, например, известны в стрелецкой, гмелинской и костенковско-авдеевской индустриях, а бивневые

мелкие «стрелки» являются общим фоном в категории костяных острий. Распространение черешковых наконечников в финальном палеолите Восточной Европы сопровождалось, как считается, не столько миграцией идей, но и миграцией самих носителей этого культурного комплекса с запада на восток. Прослеживается две разнокультурных и одновременных волны переселенцев — памятники типа бромме (лингби) и свидер.

На северо-западе Русской равнины наиболее раннему технокомплексу финального палеолита, согласно североευропейской хронологии, находящему аналогии в аллередских стоянках Польши и Дании, соответствуют памятники с характеристиками кремневого инвентаря типа бромме. Для данного технокомплекса было характерно первичное раскалывание с использованием жесткого отбойника, направленного на получение массивных пластинчатых заготовок, которые скалывались с призматических одноплощадочных подконусовидных нуклеусов и в меньшей степени двухплощадочных. Орудийный набор включал крупные черешковые наконечники типа лингби, скребки на широких пластинчатых отщепках (в том числе высокой формы) или укороченных пластинах, крупные аморфные рубящие-нуклеовидные изделия, резцы на отщепках и пластинах с множественными резцовыми сколами — двугранные, многофасеточные, а также ретушные.

К технокомплексу бромме относятся несколько памятников на северо-западе Русской равнины в бассейне Немана, Днепра и Волги, но абсолютные датировки у них, так же как у более многочисленных памятников бромме на территории Украины, отсутствуют²⁰⁵. Стоянки на территории Польши, имеющие определения ¹⁴C, маркируют период обитания населения с традициями технокомплекса бромме в пределах второй половины — конца аллереда²⁰⁶. Распространение с запада на Русскую равнину носителей технокомплекса бромме, следовательно, происходило не позднее финала аллереда и начала позднего дриаса 11–10,5 тыс. л. н. Области распространения мигрантов охватывали современные территории Литвы, украинского Полесья, Поднепровья и Валдая. Таким образом, можно реконструировать пути продвижения населения бромме из пределов Повисленья в Восточную Прибалтику и Среднее Поднепровье, а затем в верховья Днепра и Волги. Скорее всего восточную часть северо-запада Восточной Европы они осваивали уже в позднем дриасе — тогда, когда технокомплекс бромме на западных территориях уже полностью исчез (рис. 37).

Второй и более поздний технокомплекс памятников финального палеолита на нашей территории связан со свидером. Свидерский технокомплекс характеризуется развитой технологией получения пластин с помощью мягкого отбойника,

скалывавшихся с ладьевидных двухплощадочных и одноплощадочных призматических нуклеусов. В орудийный набор входят свидерские наконечники с вентральным уплощением насада, скребки и резцы (среди которых преобладают ретушные и двугранные), изготовленные на пластинах, а также двусторонне обработанные рубящие орудия четких форм. К свидерскому технокомплексу на северо-западе Русской равнины относятся стоянки в Литве, Латвии, белорусском Поднепровье, Подесенье и Подвинье²⁰⁷. На территории белорусского и украинского Полесья и юго-восточной Балтики, которые составляют коренную область свидера, в настоящее время зафиксировано порядка тысячи стоянок и местонахождений, относящихся к этой культурной общности. Близок к свидерскому кремневый комплекс находок из 2-го раскопа Подола-III на Валдае²⁰⁸. Возможно также отнесение к нему комплексов находок со стоянок Дорки-6 на Валдае и Марьино-4 в бассейне р. Мологи²⁰⁹.

К сожалению, подавляющее число находок свидерского облика, так же как и большинство остальных памятников рубежа плейстоцена и голоцена, представлено местонахождениями с разрушенным культурным слоем и стоянками без естественнонаучных определений и абсолютных дат. Но для решения вопроса о времени и путях проникновения свидерского населения на Русскую равнину имеется больше аналитических данных.

Свидерские находки слоя С на стоянке Кабяляй-2 в Южной Литве²¹⁰ датируются палинологически и по серии радиоуглеродных дат концом позднего дриаса и до начала пребореала. На территории Польши известно несколько сотен свидерских памятников, среди которых лишь единичные имеют радиоуглеродные датировки (Цаловане, слои ба-6b, Рыдно-1 и 3, Войново-2); именно они и определяют рамки существования этого технокомплекса в Польше с середины позднего дриаса и до самого начала пребореала 10,5–10 тыс. л. н.

Геохронологический контекст имеет также свидерская стоянка Саласпилс Лаукскола в Латвии. Время существования береговой морской линии в Саласпилсе определяется периодом существования Балтийского ледникового озера в позднем дриасе. Сама стоянка приурочена к древней дельте Даугавы, сформировавшейся не ранее середины позднего дриаса, а культурные остатки могут быть отнесены к концу этого периода (11–10 тыс. л. н.)²¹¹.

Для стоянки Иванцов Бор в Верхнем Подвинье, расположенной на ледниковом песчаном всхолмлении, имеется геологическое определение — конец позднего дриаса, когда материалы культурного слоя были перевезены и переотложены на низком уровне (дунная фаза)²¹².

На Валдае из раскопа 2-й верхневолжской стоянки Подол-III имеется палинологическое определение заполнения ямы с кремневым инвентарем смешанного облика (типа бромме и свидероидного характера) финалом позднего дриаса²¹³. Однако присутствие в заполнении ямы двух разнокультурных комплексов кремневого инвентаря не позволяет связать датировку только с одним свидероидным комплексом.

Наконец, геоморфологическая привязка стоянки Марьино-4 с переходным к мезолиту позднесвидерским инвентарем к краю первой надпойменной террасы р. Мологи²¹⁴ позволяет отнести время ее функционирования к рубежу плейстоцена и голоцена в широком смысле (порядка 10 тыс. л. н.).

Судя по имеющимся естественнонаучным данным, свидерцы продвигались с запада на восток начиная с середины — второй половины позднего дриаса 10,5–10 тыс. л. н. Пути их распространения несколько отличаются от направления миграции носителей традиций бромме. Находки технокомплекса бромме отсутствуют в Латвии и Подвинье — регионах, в которых представлены лишь свидерские памятники, но имеются в верховьях Днепра, где свидерский технокомплекс получил развитие лишь в мезолите (наиболее северным проявлением свидера в белорусском течении Днепра пока является комплекс стоянки Яново, выполненный на импортном сером кремне)²¹⁵. Южные территории распространения свидера охватывают Подесенье, Вольты, Прикарпатье, доходят до горного Крыма²¹⁶.

Хронология свидерских памятников заходит в пребореал, и если на раннем этапе они сосуществовали с населением технокомплекса бромме, то на позднем — с раннемезолитическими культурами. Большое количество свидерских находок на столь огромной территории вне хронологических привязок, а также фактическая невозможность выделить поздние и ранние черты в развитии свидерской индустрии затрудняют реконструкцию путей расселения свидерского населения в позднем дриасе. Судя по данным, имеющимся для северной части ареала распространения свидерского технокомплекса, люди двигались вдоль побережья Балтики — через Понеманье и Полесье проникли в бассейны черноморских рек, а через Подвинье — в бассейн Волги (рис. 37).

Таким образом, носители черешкового комплекса и бромме, и свидера принесли на северо-запад Восточной Европы готовый комплекс охотничьего вооружения, резко отличный от местного верхнепалеолитического. Различия проявляются как на категориальном уровне (черешковые наконечники, рубящие орудия), так и на технологическом (крупные пластинчатые заготовки, подконусовидные нуклеусы бромме и ладьевидные

свидера). В обеих индустриях отсутствует традиционная микропластинчатая вкладышевая техника (пластинки с притупленным краем), а костяное вооружение, судя по сохранившимся находкам в Прибалтике, включало гарпуны и остроги, которые не характерны для позднего верхнего палеолита Русской равнины.

Преемственность местного верхнего палеолита с памятниками рубежа плейстоцена отстаивается рядом исследователей²¹⁷, но пока не подтверждена соответствующими радиоуглеродными датировками. Возраст археологических находок древнее, чем поздний дриас определен по данным палинологического анализа для некоторых материалов стоянок Баранова Гора (беллинг) и Подол-3 (аллеред) на оз. Волго, а палеомагнитным — для стоянки Вышегора-1 (беллинг/аллеред) на Верхнем Днепре²¹⁸. Финально плейстоценовый возраст, согласно стратиграфической позиции находок, предполагается для стоянок Золоторучье-1 и Федюково-1 в Ярославском Поволжье²¹⁹ и Вашана в Тульской обл.²²⁰ При этом кремневые изделия Подола-3, Вышегоры-1 и Федюково-1 относятся к черешковому комплексу, а материалы Золоторучья-1, Барановой Горы и Вашаны содержат материалы мезолитического облика с развитой техникой отжима пластин. Временной разрыв между поздними стоянками верхнепалеолитического облика (~13,5–13 тыс. л. н.) и памятниками финальнопалеолитического черешкового комплекса (11–10 тыс. л. н.) составляет не менее 2,5 тыс. лет. Хронологическая лагуна падает именно на тот период, в течение которого происходила кардинальная ломка экосистемы первобытных охотников в конце ледниковой эпохи и формирование новой природной обстановки.

Особенности формирования лесной зоны на северо-западе Восточной Европы на рубеже плейстоцена и голоцена

Таяние ледника на территории Русской равнины имело катастрофическое влияние на изменение флористического и фаунистического окружения первобытного человека. Процесс дегляциации не был моментальным и нашел отражение в так называемом дриасовом периоде — кратковременном по геологическим меркам (4–5 тысячелетий), но вобравшем в себя революционные перемены во всех аспектах природного окружения человека. Наиболее отчетливые следы дегляциации и освобождения значительной территории Восточной Европы от ледника фиксируются около 15–14 тыс. л. н. Ледник в краевой зоне тогда распался на множество микроязыков (вепсовская стадия).

В раннем дриасе 13–12,8 тыс. л. н., сопровождавшемся суровыми климатическими условиями и распространением полярной флоры, ледник частично сохранял контроль над междуречьем Западной Двины и Волги.

В беллинге 12,8–12,3 тыс. л. н. льды отступили до Карелии. Похолодание среднего дриаса 12,3–12 тыс. л. н. на Русской равнине отмечено несколькими поясами конечноморенных образований, свидетельствующих о последовательном регрессивном характере дегляциации на этом этапе. Многие современные исследователи склонны не выделять средний дриас в отдельный стадиал, а рассматривать его как завершение беллинга²²¹.

В период аллередского потепления 12–11 тыс. л. н. ледник сократился до внутренней части Скандинавии. Климатические условия тогда почти не отличались от современных, что способствовало распространению на большей территории влажного климата.

Последнее наиболее значительное похолодание в позднем (молодом) дриасе 11–10,3 тыс. л. н. ознаменовалось последним наступлением ледника до южной Финляндии и кратковременным возвращением перигляциальных условий²²².

Наступление раннего пребореального потепления 10,3–10 тыс. л. н. и окончательное сокращение ледника до пределов Центральной Скандинавии положило конец господству холодного сухого климата. На рубеже плейстоцена и голоцена формируется климат, близкий к современному²²³.

Важным событием в дриасовое время было изменение экологической зональности. В ледниковое время природно-климатические пояса были радиально-зональными. От ледникового щита, центр которого располагался в Скандинавии, радиально-последовательно располагались следующие ландшафтные зоны: ледниковая пустыня, приледниковая тундра, тундростепь, лесотундра, лесостепь и степь. Эти зоны опоясывали ледниковую шапку по окружности, радиально расходясь от

центра, располагавшегося в Скандинавии, к периферии.

В период дриасовой перестройки климата эколого-климатическое районирование начинает очень постепенно приближаться к современному широтному, но благодаря позднеледниковым осцилляциям, периодическому возвращению холодных условий этот процесс носил колебательно-поступательный характер. Определяющими векторами природных изменений было увеличение среднегодовых температур вместе с резким ростом влажности и постепенное облесение территории²²⁴. Распространение лесной растительности на огромных пространствах, как следует из палиноспектров финальноплейстоценовых разрезов, происходило главным образом за счет кустарников и березы — наиболее адаптивных древесных пород²²⁵. Вторым эшелонем выступал хвойный лес, причем в относительно ксерофитных районах первое место среди хвойных принадлежало сосне, а во влажных условиях первенствовала ель. В оптимум аллереда северо-восточная часть Русской равнины приближалась по растительному покрову к темнохвойной тайге, а средняя полоса — к борovým лесам. Широколиственные еще породы не являлись постоянной составляющей лесных массивов, кроме южных районов, т. к. неустойчивость климатической обстановки сдерживала поступательность их роста.

Леса распространялись очень неравномерно, т. к. ледниковая зональность, а также погребенный мертвый лед в бывшей краевой зоне оледенения все еще оказывали серьезное влияние на распространение древесной растительности. Мозаичный состав и поступательно-регрессивный характер распространения лесной растительности обусловил общую неустойчивость экологических условий на северо-западе Восточной Европы в финале плейстоцена, но в региональных особенностях тех или иных районов сохранялась определенная преемственность ландшафтов на протяжении всего дриасового времени (*табл. 3*).

Таблица 3

Динамика изменения растительности на рубеже плейстоцена и голоцена на северо-западе Восточной Европы

	Польская низменность ²²⁶	Восточная Белоруссия ²²⁷	Лубанская низина ²²⁸	Южная Карелия и Ленобласть ²²⁹	Верхняя Волга ²³⁰
Беллинг	Редкостойные березовые леса с элементами парковой тундры	Березово-сосновые леса с подлеском из ели, ольхи, ивы и орешника		Редкостойные березовые и сосново-березовые леса в сочетании с открытыми тундро-степными сообществами	Елово-сосновые леса, полынно-маревые и кустарничковые группировки

	Польская низменность ²²⁶	Восточная Белоруссия ²²⁷	Лубанская низина ²²⁸	Южная Карелия и Ленобласть ²²⁹	Верхняя Волга ²³⁰
Аллеред	Березово-сосновые и сосновые леса. На юге с примесью ели, кедра, лиственницы	Хвойные и березово-хвойные леса с незначительной примесью широколиственных	Сосново-березовые леса с участием лиственницы	Березово-сосновые и елово-сосновые таежные леса	Сосново-березовые и сосновые леса с примесью ели, широколиственных пород и разнотравья
Молодой Дриас	Травянистые тундро-степные сообщества (до 50 %). Разрозненный березовый лес с сосновыми островками	Редкостойные сосновые и березово-сосновые леса с открытыми остепненными участками	Березовые редколесья с незначительной примесью сосны. Тундростепные и субарктические травяные сообщества	Лесо-тундровые сообщества с преобладанием кустарниковой растительности	Березовые леса с участием сосны и господством травянисто-кустарничковых группировок
Пребореал	Березовые леса. На юге бореальные и таежные сообщества и с участием лиственницы, кедра, широколиственных	Сосново-березовые леса с примесью ели на равнинах, сосновые леса с примесью широколиственных на возвышенностях	Сосново-березовые леса с кустарничковыми группировками	Редкостойные березовые леса	Березовые и сосново-березовые леса, луговая растительность

В беллинге на территории Восточной Балтики сохранялись природные условия предтундровых редколесий, а в Верхневолжье уже существовали елово-сосновые леса северо-таежного типа. Флора этого периода еще плохо изучена на восточно-европейской территории. Судя по видовому многообразию, она варьировала в крайних проявлениях от лесотундры на западе до лесостепи на востоке на одних и тех же умеренных широтах, а в бассейнах крупных рек Русской равнины была представлена островными лесами²³¹.

В аллереде лесная растительность уже доминировала во всем регионе, но имела территориальные особенности. В западной части Восточной Европы среди древесных пород были наиболее распространены сосна и береза, а в восточной внутриматериковой области стояли смешанные леса с заметной примесью ели и широколиственных пород. Климатические условия в Восточной Европе в это время были мягче, чем на востоке Западной Европы. Так, в Южной Балтике тундровые и лесотундровые группировки были представлены до 51° с. ш., а на нашей территории не опускались ниже 58° с. ш.²³² Между 50 и 53° с. ш. на северо-западе Восточной Европы преобладали сосново-березовые и еловые леса с участками полынно-типчаковых степей и кустарниковых тундр, а между 47 и 50° с. ш. ландшафты состояли из комбинации сосново-березовых лесов

с отдельными группировками тундровых ассоциаций и разнотравных степей. Южнее располагались лесостепные злаково-разнотравные степные фитоценозы с байрачными лесами по долинам рек²³³.

В период похолодания молодого дриаса резко возросла континентальность климата, вновь усилившая дифференциацию растительного покрова с запада на восток. В Восточной Балтике восстановились условия березово-сосновой лесотундры, но во внутренних районах сохранялись крупные лесные массивы северо-таежного типа. В бассейнах Днепра и Волги были распространены разреженные хвойные леса с участием реликтовых широколиственных пород. Специфика растительного покрова в позднем дриасе заключалась в том, что бореальные леса простирались далеко на восток, а лесостепные и степные фитоценозы достигали Западной и Южной Европы. Южная граница криолитозоны (многолетнее сезонное промерзание грунтов) в Восточной Европе доходила до 53° с. ш.²³⁴, но природная обстановка в целом была благоприятнее аналогичных в широтном отношении территорий северо-европейских равнин, где из-за продвижения ледника на юг Швеции доминирующим видом ландшафта стала перигляциальная лесотундра²³⁵.

Лишь наступление голоцена кардинально изменило общую картину. В пребореале началось формирование современной растительной зональности,

причем в западном ареале резкое потепление из-за соединения Балтики с Мировым океаном (спуск Балтийского ледникового озера и образование Иольдиевого моря) способствовало достаточно быстрому распространению деревьев широколиственных пород, тогда как в внутриконтинентальной области этот процесс шел медленнее. Сосново-березовые леса позднего дриаса в Восточной Европе постепенно трансформировались в сосново-елово-березовые леса с участием широколиственных пород. Началась экспансия лесной растительности как на север, в зону тундр, так и на юг в степной пояс²³⁶.

Таким образом, можно сделать следующие выводы по обзору истории формирования лесного пояса на северо-западе Восточной Европы:

1. Начало широкого распространения лесов было положено в уже беллинге и обрело устойчивость в аллередское потепление.
2. Открытые участки незалесенных пространств (реликты тундростепей) сохранялись на протяжении всего позднеледниковья вплоть до раннего голоцена, но, кроме западных и северных районов, они не способны были вытеснить лесные сообщества (даже в холодный экстремум позднего дриаса) и имели тенденцию к резкому сокращению в периоды потеплений.
3. В позднеледниковое время флористическое окружение первобытного человека во внутриконтинентальных областях отличалось большим разнообразием лесной растительности, чем в западной приморской провинции, причем как в период потеплений, так и похолоданий климата.

Динамика изменения состава фауны как вектор хозяйственной адаптации охотников финального палеолита

Не менее, а скорее более важным, чем перестройка ландшафтов на границе плейстоцена и голоцена, для первобытного человека являлась динамика изменения фаунистического окружения. Тенденция смены фаунистического комплекса прослеживается довольно явно — это исчезновение основных гиперзональных видов мамонтового териокомплекса и замещение их животными, приспособленными к обитанию в эконишах, формирующихся на бывшей приледниковой территории зон леса, лесостепи и степи.

Общее увлажнение и облесение территорий стало основным фактором, определившим вымирание мамонта. Вслед за исчезновением основного конкурента стадные копытные животные получили возможность резкого увеличения популяции. На первичном этапе распространения лесов, представлявших собой

сосново-березовые редколесья на фоне сменившихся тундростепей луговых сообществ, северный олень и лошадь стали основными обитателями огромных пространств. Следует отметить, что эти виды, прежде обитавшие в составе мамонтового териокомплекса фактически чересполосно, стали постепенно разделяться по ареалам формировавшихся климатических зон: северный олень занял резко сузившийся ареал тундростепей и лесотундру, а лошадь — более южные лесостепные области, поделив на тебеневке степь с бизоном. Постепенно разрастающийся пояс лесов в конце концов полностью разделил эти виды травоядных. Параллельно происходило увеличение роли собственно лесных видов — лося, кабана, благородного оленя, зубра и бобра.

Формирование современной широтно-зональной экосистемы охватывало период времени около 4 тысячелетий. Какие же животные являлись основной промысловой добычей человека в дриасовый период, когда новая экосистема еще не обрела стабильность? К сожалению, археологические памятники финального палеолита на северо-западе Восточной Европы не дают ответа на этот вопрос, т. к. органические материалы на них не сохранились. Поэтому реконструкции промысловой фауны охотников позднеледниковья строятся на параллелях с финальнопалеолитическими стоянками Южной Скандинавии и Северогерманской низменности, на некоторых из которых такие материалы имеются.

Однако для региональных реконструкций по огромной территории Восточной Европы при многообразии позднеледниковых ландшафтов таких данных явно недостаточно. Ключом к решению данной проблемы может стать обращение к данным палеозоологических реконструкций, позволяющих проследить распространение ареалов обитания тех или иных животных сообществ на основании находок так называемых видов-эдификаторов, которые могут обитать лишь в определенном природном окружении. Так, мамонт является эдификатором плейстоценовой тундростепи, северный олень и песец — тундры и лесотундры, кабан и бобр — сомкнутых лесов, а лошадь и бизон — лесостепи и степи.

Попытаемся соотнести данные по путям расселения человека в позднеледниковье и ареалы обитания некоторых наиболее важных из них — мамонта и северного оленя, т. к. первый из них считается основным промысловым животным верхнего палеолита, а второй — финального палеолита.

Мамонт

В беллинге-аллереде находки мамонта известны преимущественно в периферийных районах его прежнего обитания. Наиболее южные находки сде-

ланы на Южном Буге²³⁷, а наиболее северные с радиоуглеродной датировкой $12\ 620 \pm 500$ л. н. (GIN-8676) — в нижнем течении р. Шексны²³⁸. Поздние ¹⁴C датировки по костям мамонта в пределах 12–11 тыс. л. н. известны в средней части Русской равнины лишь из верхнепалеолитических памятников Десны и Днепра, но они крайние в сериях дат, относящих эти поселения к еще поздневалдайскому времени²³⁹.

Случайная находка зуба мамонта была сделана Л. Л. Зализняком на свидерской стоянке Березно-6 на р. Случь на Волыни в отложениях ниже слоя, относящегося к позднему дриасу. Полученные по нему даты — $11\ 200 \pm 110$ л. н. (Ki-6262) и $10\ 560 \pm 200$ л. н. (Ki-5511), возможно, доказывают доживание здесь поздних мамонтов до рубежа аллереда/позднего дриаса²⁴⁰. Существует точка зрения об общем стрессовом состоянии мамонтовой популяции накануне окончательного ее исчезновения, что подтверждается свидетельствами измельчания вида в позднеледниковье на Русской равнине²⁴¹ и в голоцене на крайнем северо-востоке Сибири²⁴².

В молодом дриасе и в начале голоцена находки костей мамонта обнаружены лишь в северной части его прежнего ареала (рис. 38). В Эстонии финалом позднего дриаса — началом голоцена датирован мамонт из Пуурмани: $10\ 100 \pm 100$ л. н. (Hela-423) и $10\ 200 \pm 00$ л. н. (Hela-423)²⁴³, а в Вологодской обл. пребореалом — 2 находки: в районе г. Череповца: 9760 ± 40 л. н., (GIN-8885c), 9810 ± 100 л. н. (GIN-8676a), 9840 ± 50 л. н. (GIN-8885b)²⁴⁴ и вблизи пос. Большая Сельменга $10\ 000 \pm 800$ л. н. (LE-5521)²⁴⁵.

Северный олень

Находки северного оленя в фауне поздневалдайского времени на территории Русской равнины (рис. 39), за исключением Поднестровья, довольно редки, что объясняет отсутствие специализированной охоты на него²⁴⁶. В беллинге и аллереде количество находок северного оленя, по-видимому, не увеличивается, хотя абсолютные датировки этого времени по его костям, в отличие от мамонта, неизвестны или не опубликованы²⁴⁷.

Ранним аллередским временем $11\ 900 \pm 230$ л. н. (ГИН-8) по кости и беллингом $12\ 300 \pm 140$ л. н. (ГИН-9) по углисту суглинка датируется 2-культурный слой Молодова-5 на Днестре, в котором северный олень составляет большинство фаунистических останков²⁴⁸. В верхних слоях Молодовы-1 и 5, залегающих в кровле плейстоценового лесса и основании голоценовой почвы, северный олень также преобладает²⁴⁹, что свидетельствует об устойчивости условий его обитания в Прикарпатье до начала голоценового потепления. Интересно отме-

тить, что местный плейстоценовый северный олень отличался более мелкими размерами по сравнению с западноевропейским и по особенностям строения костей конечностей был приспособлен к обитанию в местностях с невысоким снежным покровом²⁵⁰.

В позднем дриасе находки северного оленя еще более редки, как, впрочем, и останки других млекопитающих. На севере Западной Европы, где северный олень обнаружен в археологическом контексте, он был главным промысловым видом, на который охотились в финальном палеолите²⁵¹. Все известные позднеледниковые находки костей северного оленя в восточных прибалтийских странах были недавно опубликованы, а по 12 из них получены радиоуглеродные даты в промежутке от $12\ 085$ до 9970 л. н., которые укладываются в поздний дриас и начало пребореала²⁵². Морфологически прибалтийские северные олени близки датским и северо-германским находкам.

Поздние даты были получены и для стоянки Вашана в Тульской обл., фауна которой представлена северным оленем, бизоном и зайцем: 9680 ± 160 л. н. (LE-6644) по кости и 9600 ± 450 л. н. (LE-6285) по древесному углю²⁵³. Однако столь поздние даты противоречат залеганию культурного слоя в плейстоценовом суглинке на глубине 3,5 м от поверхности. Аналогичная фауна была обнаружена на стоянках Федюково-1 (северный олень) и Золоторучье-1 (северный олень, бизон) под Ярославлем, относящихся по геологическим условиям к позднеледниковью и датирующихся, по мнению М. Г. Жилина, поздним дриасом²⁵⁴.

Фауна начала пребореала в мезолитических памятниках Прибалтики и Волго-Окского междуречья представлена уже полностью сложившимся лесным комплексом животных (лось, кабан, бобр и др.)²⁵⁵, а северный олень встречается эпизодически. Наиболее ранний возраст находок северного оленя из 3-го культурного слоя Станового-4 и нижнего культурного слоя Ивановского-7 по палинологическим и радиоуглеродным датам относится ко второй половине пребореала, когда отмечается похолодание климата.

Судя по тому, что позднеледниковый тундровый олень (*Rangifer tarandus tarandus*) не переживает начало голоцена, поздние пребореальные и бореальные находки связаны генетически с другим, лесным подвидом (*Rangifer tarandus fennicus*). По мнению П. Укконена²⁵⁶, современный северный олень Фенноскандии имеет своим предком не плейстоценового, а именно этого лесного северного оленя, который расселялся в лесном поясе от Приуралья на запад, и достиг Лапландии к началу атлантикума. Он отличался от тундрового собрата чуть более мелкими размерами и нестанным образом жизни.

Таким образом, имеющиеся данные к палеозоологической реконструкции обитания мамонта и северного оленя практически совпадают: оба вида вымирают к началу голоцена повсеместно на северо-западе Русской равнины. Следовательно, ни тот, ни другой вид не могли быть объектом специализированной охоты, способной поддерживать стабильность материальной культуры человека в позднеледниковье. Именно здесь нужно искать объяснение культурного хиатуса на рубеже плейстоцена и голоцена на северо-западе Русской равнины.

Разрастание лесов в беллинге, а особенно в аллереде, способствовало формированию экониши лесных охотников бореальных лесов. В финале аллереда в процессе постепенного освоения лесной зоны на северо-запад Русской равнины пришло население технокомплекса бромме. Памятники этой культурной традиции и в Западной, и в Восточной Европе остаются в пределах лесного пояса, и на датских стоянках содержат типичную лесную фауну²⁵⁷. Поэтому связывать первый этап проникновения черешкового комплекса в Восточную Европу с охотниками на северного оленя нет оснований.

Иная картина сложилась в период похолодания позднего дриаса. Восстановление перигляциаль-

ных условий в приморской области Восточной Европы способствовало тому, что сюда проникла популяция западно-европейского северного оленя, за которым устремились свидерские охотники по границе лесной и тундровой зоны. Рефугиум позднеледниковой фауны, по-видимому, сохранялся и в Прикарпатье, что также совпадает с расселением в украинском Полесье свидерского населения на стыке ландшафтов — по краю лесов. Скорее всего свидерская колонизация восточноевропейских территорий была быстрой в связи со стремительностью климатических изменений. На втором этапе, к началу голоцена, когда северный олень стал исчезать, свидерское население тоже успешно освоило эконишу охотников бореальных лесов, о чем говорит его проникновение далеко на восток в Волго-Окское междуречье.

Поздние верхнепалеолитические культуры не имели культурных наследников на северо-западе Русской равнины в финальном палеолите. В конце плейстоцена в лесном поясе наряду с населением бромме и свидера, по-видимому, существовали памятники типа Золоторучья-1 и Вашаны, аналогии которым нужно искать в Приуралье²⁵⁸. Культурный симбиоз отжимной технологии получения пластин и наконечников стрел черешкового комплекса, характерный для мезолита региона, может иметь свои корни в переплетении всех этих традиций.

Сорокин А. Н.

ПИОНЕРЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

(по материалам исследований могильника Монино 2 в 2006–2007 гг.)

В конце плейстоцена — начале голоцена, на переломе геологических эпох, в северном полушарии Евразии происходили радикальные изменения природной обстановки, вызванные общепланетарным потеплением климата. Эти природные явления привели к изменению ландшафтных зон, способствовали продвижению лесных формаций на север, вплоть до Скандинавии и побережий Ледовитого океана. Радикально изменяется уровень водоемов и стока основных гидрографических систем. Вместе с улучшением и постепенной стабилизацией природной обстановки в средней полосе Восточной Европы происходит становление лесной зоны, развитие лесных формаций и биоценозов, которые изменялись на протяжении всего голоцена, причем особенно радикально в начале периода.

В результате освоения человеком в позднее ледниковье центра Русской равнины и продвижения населения на освободившиеся от ледников территории Северной Европы возникли этнокультурные образования, известные в литературе под терминами «восточный граветт», «постсвидерская» и «постаренбургская» общности. В одних случаях следы миграционных процессов на рубеже исторических эпох — палеолита и мезолита представлены невыразительными стоянками, от которых в песчаных почвах зандровой зоны остались дисперсные пятна культурного слоя и бедный каменный инвентарь. В других, особенно в отложениях торфяников, сохранились насыщенные разнообразными артефактами культурные слои, которые дают представление о разнообразных сторонах жизни населения и общем высоком уровне их развития.

Во время работы над проектом «Пионеры Европейской России на переломе эпох» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» были изучены и те, и другие. В итоге было подготовлено и издано пять монографий, в которых излагаются основные результаты аналитической обработки данных по территории Центральной России, Прионежья и Республики Коми²⁵⁹.

В результате синтеза региональных изысканий и корреляции археологических материалов заложен фундамент общетеоретической и методологической базы. Следует особо подчеркнуть тот факт, что был собран и систематизирован не просто разрозненный региональный материал, но и удалось выйти на уровень его обобщения, понимания причинных связей и объяснения общих закономерностей. Разработка адаптационных моделей и применение их к конкретным условиям Европейской России в таком масштабе произведена впервые. Внутренняя непротиворечивость концепции позволяет видеть в ней универсальное средство, которое может быть использовано применительно ко всей территории страны. Необходимо отметить и тот факт, что ряд предложенных разработок являются пионерными в своей области. Благодаря этому создана фундаментальная основа, позволяющая рассматривать ключевые проблемы палеолито- и мезолитоведения на широком общеевропейском фоне и полноценном источниковедческом материале. Нет сомнения, что эти разработки будут востребованы и мировым сообществом.

В ходе проекта произведена дальнейшая разработка концепции постсвидерских культур Европы. Намечены основные закономерности в развитии материальной культуры первобытных обществ на переломе геологических эпох с учетом специфики археологических источников и роли воздействия на них природных факторов. Особую значимость имеет анализ стандартных ошибок в интерпретации данных, построенных без учета почвенного фактора, оказывающего решающую роль в трансформации культурных слоев археологических памятников²⁶⁰. Почвенное воздействие служит главным механизмом культурогенеза. Неучет феномена натурации²⁶¹ стандартно приводит к появлению схем, далеких от действительности и объективности. Научно-практический результат этих изысканий заключается в необходимости пересмотра традиционных схем культурного развития практически всех регионов Европейской России.

В ходе работы над проектом в 2006–2008 гг. были проведены полевые исследования на территории Центральной России (А. Н. Сорокин, С. В. Ошибкина) и Республики Коми (А. В. Во-

локитин). В силу естественных публикационных ограничений в данной статье будут изложены предварительные результаты исследований Окской экспедиции ИА РАН в пределах Заболотского торфяника в Подмосковье, где основным объектом изучения была стоянка-могильник Минино 2. Помимо прочего, на этом памятнике в 2006 и 2007 гг. были раскопаны два уникальных погребения людей, относящиеся к рубежу плейстоцена — голоцена, а также в 2008 г. исследовано захоронение собаки. Ранее на территории Центральной России погребения этого времени известны не были, что придает названным открытиям особое и, без преувеличения, выдающееся значение.

Заболотский торфяник располагается в 100 км к северу от Москвы, на границе Сергиево-Посадского и Талдомского р-нов. Он приурочен к южной оконечности Верхневолжской низменности. Около 17–18 тыс. л. н. в эпоху максимума валдайского оледенения эта территория была покрыта водами Тверского приледникового озера²⁶². Отступление Валдайского ледника привело сначала к падению уровня приледникового Тверского озера, а позднее и к его исчезновению. В результате в юго-восточной части Верхневолжской низменности около 14,5–15 тыс. л. н. произошло формирование цепочки озер, дренируемых руслом р. Пра-Дубны. Одним из них и было Заболотское палеозеро²⁶³.

Время первого появления человека в окрестностях Заболотского озера пока не установлено. Вторая терраса была пригодной для освоения уже около 15 тыс. л. н. Формирование первой террасы произошло не позднее лужской стадии (13 тыс. л. н.), и, следовательно, это нижний рубеж ее первоначального освоения. Наиболее ранние из имеющихся в настоящее время в Заболотской котловине находок относятся к рубежу плейстоцена — голоцена. Они датируются возрастом не менее 10–10,5 тыс. л. н. и относятся к рессетинской культуре. Однако материалы этого времени пока представлены в водных отложениях и шлейфах, поэтому их точную хронологическую позицию еще предстоит уяснить. Позднее, в пребореале, здесь появляется население заднепильевской культуры²⁶⁴, а далее, начиная с раннего неолита, прослеживается последовательность культур, традиционная для Волго-Окского бассейна. Необходимо отметить, что практически для всех голоценовых культур, известных в регионе, на Заболотском торфянике имеются слои с находками костяных и роговых изделий, а для части из них — и артефакты из древесины и растительных волокон. Все это определяет их исключительную источниковедческую значимость и информативность.

Начиная с 1984 г. в акватории Заболотского палеозера было открыто 25 многослойных стоя-

нок и два могильника. Хронологический диапазон памятников охватывает весь голоцен, т. е. последние 10 тыс. лет. Главной особенностью этого геoarхеологического полигона является сохранение того, что в других местах уже безвозвратно утрачено, — изделий из органических материалов: древесины, кости и рога. Благодаря идеальной сохранности органических материалов и своим уникальным находкам они приобрели широкую известность не только в России, но и за рубежом. Это неудивительно, т. к. по разнообразию и уникальности находок из органических материалов они в ряде случаев превосходят датские, скандинавские, швейцарские и другие мировые аналоги.

Минино 2 (рис. 40, 41) было открыто в 1997 г. в ходе реализации проекта по почвенно-стратиграфическому зондированию местности и раскапывалось Окской экспедицией Института археологии РАН под руководством А. Н. Сорокина в 1997–2001 и 2005–2008 гг. Памятник располагается в 1,2 км к востоку от д. Минино и в 2,5 км к северу–северо-востоку от д. Сквородино, на расстоянии 100 м от левого современного искусственного берега р. Дубны. Судя по результатам зондирования, памятник приурочен к мысу, образованному левым берегом палеореки и южным берегом Заболотского палеозера.

Всего начиная с 1997 г. на памятнике было заложено три раскопа и вскрыто около 500 м², причем 198 м² из них были раскопаны в 2006–2008 гг. в процессе изысканий по проекту. Все раскопы в настоящее время соединены в общую площадь. В результате получен поперечный профиль отложений памятника (по линии восток-запад) длиной 60 м и изучены напластования жилой площадки (суходола) и берегового склона (левый берег Пра-Дубны). На суходоле (раскопы 1 и 3) выделено два культурных слоя, верхний из них делювиального происхождения образовался в результате катастрофического обводнения торфяника около 2,6–1,9 тыс. л. н. Сюда спроецированы артефакты, начиная от эпохи мезолита до эпохи поздней бронзы включительно. Нижний слой сложен сапропелем. Его возраст определен в диапазоне 10,2/10,5–8,5 тыс. л. н. Из него происходят исключительно мезолитические изделия. Материком служит алеврит, представляющий собой донные отложения Тверского приледникового озера. В раскопе 2, приуроченном к склону левого берега Пра-Дубны, также присутствует верхний делювиальный слой, однако в отличие от раскопов 1 и 3 здесь имеются два мезолитических слоя.

В процессе геоморфологических изысканий на памятнике зафиксировано две погребенные почвы²⁶⁵. Обе они сочетают в себе признаки древних природных процессов, антропогенных турбаций и

позднейших болотных процессов, изменивших их палеооблик. В пределах всей вскрытой площади мезолитические слои, включающие обе палеопочвы, и верхи материка разбиты системой трещин, имеющей в плане полигональный рисунок. Трещины и их иллювиальное заполнение, приуроченные к культурным слоям и почвам, в отличие от криогенных трещин в толще материковых озерных суглинков, не могут быть унаследованы от позднеледникового и древнеголоценового криогенеза. Их формирование происходило позднее времени образования и захоронения мезолитических слоев. Однако не вызывает сомнения, что все они имеют криогенный генезис и служат индикаторами холодных сухих условий, характерных для разных периодов сокращения озерного водоема, обсыхания озерного дна и формирования первой озерной террасы²⁶⁶.

Помимо наличия трех поселенческих слоев в Минино 2 самым выдающимся является факт открытия могильника. Минино 2 — это первый на территории Центральной России могильник рубежа палеолита — мезолита, материалы которого содержат уникальную информацию о погребальном обряде, верованиях и антропологическом составе первобытного населения Русской равнины. По существу, это единственный памятник, по которому возможно изучение проблем палеоантропогенеза всего этого огромного региона, что определяет высочайший научный интерес к нему. Ближайшие на территории России могильники этого времени известны лишь в Вологодской обл. и Карелии²⁶⁷.

Захоронения людей обнаружены исключительно в раскопах 1 и 3, которые располагаются в сухой части памятника. Здесь же сосредоточены почти и все ямы. Однако и во всех культурных слоях раскопа 2, приуроченного к древнему береговому склону, присутствовали разрозненные человеческие кости, в т. ч. и со следами повреждений, что говорит о многообразии погребального обряда, характерного для обитателей Минино 2. Часть собранных здесь останков может относиться к так называемым воздушным захоронениям, другая — быть следами совершения ритуальных действий, которые производились с расчлененными костяками.

В процессе выполнения проекта на площади раскопа 3 было открыто два погребения — № 3 и 4. Погребение № 3, обнаруженное в 2006 г., было приурочено к яме 4. Могильная яма в плане имела восьмеркообразные очертания. Ее размеры — 165×120 см, длинная ось вытянута в направлении восток-запад. Форма неправильная, глубина — около 12 см. Дно неровное и состоит из двух небольших углублений. Не исключено, что в действительности мы имеем дело со случайным наложением друг на друга двух разных ям, однако из-за монотонности

окраски заполнения с достоверностью утверждать это невозможно.

Погребенный располагался как бы поперек длинной оси ямы, в ее западной половине, которая по основанию была несколько глубже, чем восточная часть этой же ямы. Костяк был перекрыт прослойкой зеленоватого материкового алеврита, четко различимого в момент раскопок и на фотографиях. Основание могильной ямы в точности соответствовало размерам тела человека. Погребение было ориентировано по линии юг–юго-восток — север–северо-запад. Костяк скорчен, лежит на правом боку, ноги и руки сильно согнуты и подтянуты к груди. Судя по всему, погребенный был туго связан, отчего бедренные кости расположены параллельно позвоночнику и выпали из тазового отдела (рис. 42, 43). Интересно, что череп не был заполнен грунтом полностью, и в его затылочной части оставалась свободная полость. Внутренняя часть черепной коробки и заполнение были значительно ожелезнены. Учитывая, что черепная коробка погребения № 3 была лишь частично заполнена грунтом, можно предположить, что внутрь попало только то, что синхронно времени погребения. А, кроме того, мало перемешано впоследствии землероющими животными и тем более корнями растений. Хотя отрицательного воздействия дождевых червей и другой мезофауны и в этом случае исключить нельзя. Изучение содержимого с помощью фитолитного анализа, по-видимому, поможет внести ясность в этот вопрос.

Особой концентрации находок в заполнении ямы 4 не отмечено, хотя здесь и найдены довольно выразительные скребки и резцы, а также обломки костяных изделий. Судя по всему, погребальная яма была впущена в материк из основания нижнего культурного слоя. Это позволяет предположить, что погребение относится к начальному этапу функционирования памятника.

При разборке погребения в камеральных условиях М. В. Добровольской и А. Н. Сорокиным удалось отобрать образцы различных слоев грунта, заполнявших могильную яму и череп, а также собрать даже самые мелкие фрагменты скелета. Степень сохранности костяка оказалась не столь идеальной, как это предполагалось при первоначальной полевой расчистке погребения. Практически все кости были раздавлены тяжестью грунта. Однако большая часть повреждений позволяет провести реставрацию и реконструкцию. Вероятно, одно из наиболее ранних посмертных повреждений — раскол затылочной кости. Края раскола не позволяют предполагать, что это была прижизненная травма. На всем скелете и на внутренней поверхности костей свода черепа в течение многих лет происходила аккумуляция окислов железа, так что эти поверхно-

сти имеют яркую рыжую окраску. Импрегнация активными минеральными веществами из грунтовых растворов крайне велика, что, вероятно, ухудшит перспективу исследований состава скелета.

Несмотря на все приведенные замечания, следует отметить относительно хорошую сохранность костяка, который может быть изучен по различным измерительным и описательным программам. Сохранились все отделы скелета — череп с нижней челюстью и зубами; позвоночник, правда, большая часть позвонков во фрагментах; парные ключицы, парные лопатки во фрагментах; ребра целиком и во фрагментах; тазовые кости во фрагментах; парные плечевые, локтевые и лучевые кости; парные бедренные; большие и малые берцовые кости в крупных фрагментах; наконец, кости кисти и стопы.

По заключению М. В. Добровольской на основании развития рельефа черепа можно судить, что погребение № 3 принадлежит мужчине. Швы черепа облитерированы полностью, что соответствует возрастной когорте *senilis* (старческий возраст) и возрасту старше 50 лет. Однако степень поротизации компакты длинных трубчатых костей, губчатого вещества тел позвонков, губчатого и компактного вещества ребер позволяет предполагать более ранний возраст — 45–49 лет. На этот же возраст указывают незначительно развитые краевые разрастания суставных поверхностей крупных суставов конечностей, не слишком значительна стертость эмали жевательных зубов (стерта только сама эмаль, дентин не затронут). Более точная возрастная диагностика может быть проведена после выполнения рентгенографирования скелета. В любом случае, люди каменного века достаточно редко доживали даже до второй половины пятого десятилетия жизни.

Обнаруженный скелет, безусловно, должен стать предметом подробного и разностороннего изучения, однако уже сейчас можно отметить некоторые его характерные особенности. Строение черепа, по свидетельству М. В. Добровольской, соответствует европеоидному облику и лишено каких-либо архаичных черт. Судя по рельефу, человек обладал прекрасно развитой мускулатурой конечностей. Сильная стертость резцов и значительное развитие мест прикрепления жевательной мускулатуры (*m. masseter*) позволяет предполагать, что индивид использовал передние зубы для каких-то рабочих операций (примеров такого использования много в этнографии народов с традиционным экономическим укладом охотников-собирателей). На лобной кости индивида слабо прослеживаются следы благополучно заросшей травмы, полученной задолго до кончины. Кости левой ноги имеют следы хронического воспалительного процесса, который мог быть спровоцирован как переохлаждением, так и механическими травмами. На телах позвонков

слабо выражен возрастной симметричный остеопитоз. Для самой общей характеристики физического развития индивида рассчитана длина тела, полученная на основании измерения длины большеберцовой кости по формуле Троттер-Глезер. Она составляет около 172 см. Разработанные методики определения длины тела дают лишь приблизительный результат, поэтому в самом общем виде можно судить о том, что данный индивид был мужчиной среднего роста.

Костяк сохранился практически целиком, что позволяет перейти к его комплексному антропологическому изучению, а также создает возможность радиоуглеродного анализа образцов костного материала, ибо никаких углей в погребении не содержалось. А почвенные образцы, как правило, дают омоложенный возраст. К сожалению, на костяке не было никакого погребального инвентаря в виде бус, привесок или ожерелий, а все немногочисленные каменные изделия могли и не иметь к нему прямого отношения, являясь лишь элементами засыпки могильной ямы.

Яма 22 раскопа 3, в которой было обнаружено захоронение 4, открытое в 2007 г. в непосредственной близости от погребения № 3, имела вытянутую подовальную форму размером 1,5×0,5 м, покатые около основания стенки и ровное дно. Зафиксированная глубина составила около 11 см. Длинная ось ориентирована по линии северо-запад–юго-восток. Заполнение ямы 22 состояло из вивианитового суглинка и линз алевролита — материкового выкида. На уровне локтей человека могила в виде узкой щелевидной ямы немного расширена дополнительно по размерам тела и одеяний усопшей, что свидетельствует, вероятно, о проведении похорон зимой. Костяк ориентирован головой на северо-запад. В отличие от скорченного погребения № 3, вскрытого в 2006 г., он лежит в вытянутом положении на спине (рис. 44–46). Обе руки располагаются вдоль туловища, а кисти покоятся на лобке. Кости стоп и частично правой кисти отсутствуют. Преднамеренность или случайность этого факта необходимо подтвердить специальными исследованиями. Рядом с левым бедром лежит сильно расслоившееся роговое изделие, возможно вставка рубящего орудия. Кроме того, в засыпке имеется несколько кремневых изделий. Явного погребального инвентаря и здесь обнаружить не удалось. Это контрастирует с присутствием на памятнике ям-хранилищ, в которых встречены подвески, орнаментированные предметы (чуринги) и другие неординарные изделия, явно связанные с поминальными культами. Две аналогичных ямы зафиксированы и рядом с погребением № 4.

Скелет принадлежит молодой женщине. Судя по размерам могильной ямы, рост индивидуума был менее 1,5 м. Возраст погребенной определен

М. В. Добровольской в диапазоне 20–29 лет, антропологическая принадлежность — европеоид. Степень сохранности позволяет надеяться, что удастся восстановить внешний облик и этой древней обитательницы Русской равнины.

Погребение № 4, вскрытое в 2007 г., отличается по обряду от встреченных на памятнике ранее, и вносит новое содержание в погребальную практику населения Центральной России, жившего в эпоху раннего голоцена. Интересно, что в двух первых захоронениях, хотя их могильные ямы были довольно крупными, обнаружены, в силу не совсем ясных причин, лишь черепа, тогда как третий погребенный был туго связан, отчего кости нижних конечностей оказались параллельны позвоночнику и выпали из тазового отдела. Открытие захоронения № 4, представленного, как и погребение № 3 2006 г., полным краниологическим набором, в значительной мере дополняет и изменяет имеющиеся представления о погребальном обряде населения Менино 2. Если же еще вспомнить, что в раскопе 2, на береговом склоне, вне каких-либо ям тоже встречались разрозненные человеческие кости со следами дробления и обугливания, то можно предположить, что названные факты указывают еще и на случаи парцелляции костяков или некие ритуальные действия, возможно связанные с поминальным культом.

Реконструированная по изотопному составу кислорода фосфатов человеческих зубов из погребения № 1 среднегодовая температура на 10°С ниже современной, что соответствует концу ледникового²⁶⁸. Судя по предварительным данным, погребение № 1 принадлежит особи женского пола в возрасте 13–15 лет (определение М. В. Добровольской). Правая лобная кость черепа имеет следы проникающей травмы, которая, возможно, явилась причиной смерти. Среди сопровождающего инвентаря присутствуют кремневые и костяные изделия, в т. ч. наконечник стрелы с плоской ретушью на брюшке, резцы, скребки, нуклеусы, технологические сколы, пластины и отщепы, а также подвески из медвежьего клыка и резцов бобра, уплощенный костяной наконечник стрелы, обломки орудий, а также многочисленные рыбьи кости. Судя по отсутствию рыбьих костей в культурном слое вне могильных ям, они были помещены сюда преднамеренно.

Погребение № 2, открытое в 1999 г., расположено выше погребения № 1 по глубине и не выходит за пределы погребенной почвы (культурного слоя). Радиоуглеродный возраст образца почвы, отобранного из могильной ямы непосредственно рядом с останками с глубины 70–80 см от поверхности и представленного темно-серым минеральным материалом с примесью древесного детрита, составляет 7760±300 лет (ИГАН-2070), или 8982 cal. bp. Поскольку могильная яма погребения № 2 находилась

еще в пределах основания нижнего культурного слоя, выделение погребального инвентаря представляет отдельную задачу.

Исходя из глубины могильных ям погребений № 3 и 4, которая не уступает погребению № 1, имеющему изотопно-кислородную дату, можно предполагать, что оба они относятся к начальному этапу освоения территории и, возможно, датируются еще рубежом плейстоцена — голоцена. Остается уповать на то, что анализы все же позволят внести ясность в данный вопрос.

Ни в одном из захоронений, как отмечалось выше, достоверных изделий, соотносимых с погребенными, встречено не было. Вместе с тем, помимо вещей, которые могут быть интерпретированы в качестве ритуальных, в заполнении ям, окружающих все погребения Менино 2, присутствовали как разнообразные предметы охотничьего вооружения, так и обломки орнаментированных костяных орудий, подвески из зубов животных, чуринги и другие неординарные изделия. Возможное погребение отдельных черепов и присутствие ям с тризнами свидетельствует, что перед нами довольно развитый погребальный обряд, особенности которого еще предстоит прояснить.

Полученные в ходе исследований 2006–2007 гг. материалы позволяют существенно пополнить представления о материальной культуре и погребальных традициях населения, жившего на территории Волго-Окского междуречья на рубеже плейстоцена — голоцена. Результаты этих изысканий позволяют утверждать, что погребальный обряд единственного в Центральной России мезолитического могильника Менино 2 отличается значительной сложностью. Для него характерно сочетание преднамеренных захоронений в могильных ямах и сооружение особых ям-тризн с воздушными захоронениями или даже выбрасыванием костных останков людей без их погребения в землю, а также вероятными случаями парцелляции костяков. На это указывает то, что во всех трех слоях раскопа 2 тоже были найдены разрозненные антропологические находки, причем большинство из них принадлежит детям. Некоторые кости носят следы дробления и обугливания, хотя погребения № 1 и 2, безусловно, свидетельствуют о том, что детей хоронили в могилах так же, как и взрослых. Последующей задачей исследований должно стать выяснение обоснованности наблюдаемых различий в погребальном обряде, прослеживаемом по материалам разных раскопов. Для детализации обряда, выявления его особенностей, корреляции данных и получения обоснованных выводов необходимо увеличение числа наблюдений. Но это задача на ближайшую перспективу.

Всего, не считая разрозненных антропологических остатков из раскопа 2 от 3–6 индивидуумов, в Менино 2 за все годы работ было открыто и изучено четыре человеческих захоронения и свыше 50 ям, часть из которых, без сомнения, связана с заупокойной тризной или поминальными культами. Первые два захоронения по не совсем понятным причинам представлены лишь черепами, тогда как погребения № 3 и 4 — полнокомплектные. Если в двух первых могилах захоронены особи женского пола сравнительно юного возраста (12–15 лет), практически не представленные в других восточно-европейских выборках этого времени, то погребение № 3 принадлежит взрослому мужчине (около 50 лет). А возраст погребенной № 4 определен в диапазоне 20–29 лет.

Таким образом, представлены практически все возрастные группы, и это расширяет возможности сравнительного антропологического анализа. Судя по разной стратиграфической приуроченности погребенных и могильных ям, а также имеющимся датам, могильник существовал в диапазоне 10,2/10,5–8,5 тыс. л. н.²⁶⁹ Для уточнения времени его бытования наиболее актуально в ближайшее время определить возраст погребений, открытых в 2006–2007 гг.

Не вызывает сомнения, что для населения Менино 2 характерен развитый и сложный погребальный обряд, в котором захоронения в могильных ямах, сопровождаемые ямами-тризнами и кенотафами, сочетаются с «воздушными» погребениями и присутствием случаев парцелляции погребенных. С открытием погребений № 3 и 4 появились весомые основания для их полномасштабного сравнения с краниологической серией, полученной ранее С. В. Ошибкиной в могильниках Попово, Песчанца и Сухое в Восточном Прионежье²⁷⁰. А также ныне исследуемым А. В. Суворовым могильником Менино II на Кубенском озере²⁷¹. Введение этих данных в научный оборот актуально для развития и палеоантропологии, и археологии. Оно тем более насущно, что сведения по восточно-европейским материалам отрывочны, разрознены и требуют своей скорейшей аналитической обработки.

Погребальные и ритуальные ямы представляют собой углубления черного цвета, вырытые в погребенной почве и впущенные, как правило, в материк — донные отложения ледникового озера. Особенность памятника такова, что те ямы, которые сооружались в пределах культурных слоев, крайне трудно, если вообще возможно, различить. Это связано с почвенной переработкой слоев и высокой ожелезненностью отложений, когда проникновение в них свободного кислорода приводит к резкой активизации восстановительных процессов и практически мгновенному (за 2–3 дня) уничтожению любой цветности ржавчиной²⁷².

Однако имеются и редкие исключения, как погребение № 2 или ямы 5 и 8 в раскопе 1, которые посчастливилось различить в слое. Те же ямы, которые впущены в материк, благодаря контрастности их заполнения читаются на фоне зеленоватого алевролита достаточно хорошо. Например, яма погребения № 1 была заглублена своей нижней частью в оливково-серый озерный суглинок на 20 см, а ямы погребений № 3 и 4 — на 12–15 см. Материал заполнения представлен преимущественно черным, слабо разложившимся детритом, частицами угля, а в нижней части — механической смесью детрита с материалом подпочвы — оливково-серым алевроитовым суглинком. Содержание гумуса, так же как и содержание фосфора, выше, чем во вмещающем материале, а узкое отношение C/N — такое же, как в подпочве, говорит о другом составе гумуса по сравнению с гумусом вмещающей почвы.

Для материала заполнения погребения № 1, из нижней части ямы, получена дата 9460 ± 110 (ГИН-12024). Эта дата несколько противоречит прямому изотопно-кислородному датированию зубов погребенного и позволяет со всей очевидностью предполагать, что заполнение погребальной ямы представляет собой переработанный педотурбацией материал грубогумусовой, кислой почвы, сформированной не позднее рубежа пребореала и бореала. Она же хорошо оттеняет факт омоложения погребенного, если исходить из ее слепой оценки. В верхней части ямы заполняющий материал разбит трещинами и слегка осветлен. Почвоведомы и геоморфологами высказано мнение об их криогенном генезисе. Однако трещины и их иллювиальное заполнение в исследованном случае никак не могут быть унаследованы от позднеледникового и древнеголоценового криогенеза, и их формирование происходило позднее времени захоронения и формирования основного культурного слоя. Их присутствие — еще один негативный результат природного воздействия на археологические слои и объекты.

Погребение № 2 расположено, как отмечалось, несколько выше по глубине погребения № 1 и по уровню не выходит за пределы нижней погребенной почвы. Материал заполнения имеет выраженный темно-серый, почти черный цвет. К сожалению, прямое изотопно-кислородное датирование костного образца из данного погребения оказалось неудачным²⁷³. А радиоуглеродные даты образцов почвы, отобранных из заполнения непосредственно рядом с человеческими останками с глубины 70–80 см от поверхности, представленные темно-серым минеральным материалом с примесью древесного детрита, имеют существенный разброс: 7760 ± 300 (ИГАН-2070), 6040 ± 90 (ГИН-12026) и даже 2690 ± 40 (Grn-21292)²⁷⁴. Совершенно очевидно, что при выборе образцов и в погребальных ямах

нужно учитывать активную деятельность почвенной мезофауны в рыхлом органоминеральном субстрате погребений, которые омолаживают органический материал и возраст конкретных изотопных образцов.

Погребение № 3, открытое в 2006 г., было первым, костяк которого сохранился практически целиком. Сравнительно хорошо сохранился и скелет погребения № 4, найденный в 2007 г. Это, безусловно, очень большая удача, т. к. есть возможность их полного антропологического изучения. Немаловажно и то, что часть костей можно отдать на радиоуглеродный анализ, ибо никаких достоверных углей в обоих погребениях не содержалось. Почвенные же образцы дают, как правило, омоложенный возраст.

К сожалению, на костяках не было никакого достоверного погребального инвентаря в виде бус, привесок или ожерелий, а все немногочисленные каменные изделия могли и не иметь к ним прямого отношения. Это резко контрастирует с тем, что наблюдалось ранее, когда даже в ямах-тризнах или ямах-кенотафах присутствовали вещи, вполне корректно ассоциировавшиеся с погребальным инвентарем. Сюда относятся как украшения из зубов млекопитающих, так и каменные чуринги, а также отдельные, явно нерядовые предметы обихода и вооружения.

Поражает в погребениях № 3 и 4 характер могильных ям, точнее то обстоятельство, что они по габаритам практически соответствовали размерам скелетов, тогда как яма погребения № 1 была очень крупной (1,6×2,1 м). И значительно превышала размеры тела одного человека, тем более черепа, который только и сохранился для изучения. Если исключить какие-либо мировоззренческие обстоятельства и попытаться осмыслить эти факты на бытовом уровне, то их можно объяснить тем, что погребения № 3 и 4 совершались в мерзлом грунте. Это и определило минимум вынутого. Впрочем, подобные различия могут иметь и мировоззренческие свойства.

Дат для погребений № 3 и 4 пока нет, однако, исходя из глубины могильных ям, которая почти не уступает погребению № 1, можно предполагать, что они относятся к начальному этапу функционирования могильника, возможно рубежу плейстоцена — голоцена. Для изучения и детализации погребального обряда, выявления его особенностей, корреляции данных и получения обоснованных выводов необходимо увеличение числа наблюдений.

Каждое новое погребение, которое удастся отыскать и изучить в Минуно 2, не только добавляет, но расширяет и усложняет наши познания по погре-

бальному обряду. Этот обряд разнопланов и многообразен, но пока непонятно, до какой степени. Только тогда, когда полевые наблюдения начнут повторяться, можно будет сказать, что все его разнообразие установлено, зафиксировано и создана база для восстановления погребального обряда во всей его полноте. Нет сомнения и в том, что подобная реконструкция возможна лишь при максимальном составе исходных данных, а это, в свою очередь, базируется на непрерывном полевом изучении памятника.

Учитывая катастрофическое убывание органики в результате техногенного воздействия, охранное исследование могильника Минино 2 должно быть очевидным программным приоритетом. Его утрата станет невосполнимой потерей для науки. Исследование финально-палеолитических и мезолитических могильников на территории Восточной Европы и в мире проводится крайне редко. В первую очередь из-за того, что их чрезвычайно тяжело обнаружить. Во вторую — потому что их раскопки непросты в техническом отношении. Очевидно также, что этот источник по сути своей уникален и невосполним никакими другими категориями археологических памятников.

Изучение и введение в научный оборот данных о погребальном обряде населения Минино 2 в Подмосковье позволит заполнить лауну в имеющихся представлениях о финале палеолита и мезолите Восточной Европы, получить сведения, которые не могут быть получены никакими массовыми раскопками традиционных «дюнных» стоянок.

Таким образом, речь идет не столько об удовлетворении конкретного научного интереса, сколько о

реальном практическом сохранении феноменального объекта археологического наследия — могильника Минино 2. Источниковедческие возможности торфяниковых памятников значительно богаче по сравнению с тем, что дают традиционно изучаемые «дюнные» стоянки. Правда, их оборотной стороной является существенная сложность как самих источников, так и трудоемкость их поиска, добывания, интерпретации и сохранения. Да и финансовые затраты для их полноценного изучения необходимы большие. Тем не менее любые затраты значительно быстрее оправдывают себя, т. к. дают и более полноценный, и более надежный источник. Особенно, когда речь идет о могильниках.

Главной целью полевых исследований феноменального первобытного могильника Минино 2 в Подмосковье служит в конечном итоге реконструкция погребального обряда населения Восточной Европы на рубеже плейстоцена — голоцена и в эпоху мезолита. Совершенно очевидно, что для полноценной реконструкции погребального обряда и понимания заупокойных культов насущно осмысление добытого и дальнейшее пополнение материалов. Осложняется это тем, что могильник расположен на пограничном участке торфяника, где из-за нестабильного гидрологического режима во все прогрессирующей степени происходит катастрофическое уничтожение всех органических остатков и уничтожение стратиграфии, т. е. неуправляемый процесс выхолощивания источника. Поэтому проведение охранных исследований является не просто приоритетным, но и прямо служит физическому сохранению памятника, его воскрешению из забвения.

*Зайцева Г. И., Семенов А. А., Бурова Н. Д., Лебедева Л. М., Дергачев В. А.,
Дирксен В. Г., Лохов К. И., Капитонов И. Н.*

ЗАСЕЛЕНИЕ СТЕПНОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ В ЭПОХИ БРОНЗОВОГО — ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ (2-е тысячелетие до н. э. — 1-е тысячелетие н. э.): ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ, ИЗМЕНЕНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И МИГРАЦИИ

В настоящей статье приводятся данные по исследованию степных регионов Северной Евразии. Исследование этого региона проводилось с целью выяснения влияния различных факторов окружающей среды на заселение территорий. Выбраны были степные регионы, поскольку они наиболее чувствительны к изменениям окружающей среды. Естественно, что при этом большое значение имеют вопросы хронологии, которые

позволяют определить хронологическую последовательность смены археологических культур, выявить имеющиеся хронологические лауны, связать вопросы заселения и смены культур с изменениями окружающей среды. Здесь важным является проводить хронологические сопоставления на единой хронологической шкале, в основе построения которой лежат данные радиоуглеродных определений.

С конца 1990-х гг. в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН начато создание компьютерной базы данных, которая сейчас включает около 8 тыс. определений, выполненных как в лаборатории ИИМК РАН, так и взятых из литературных источников. В настоящее время более 2 тыс. определений относятся к памятникам бронзового — железного веков Евразии, включая регионы европейской части России, Западной и Восточной Сибири и Монголии. Исследуемые памятники расположены между 42–54° с. ш. и 28–11° в. д., охватывая практически весь пояс евразийских степей. Данные базы данных использованы для хронологических сопоставлений. Кроме того, определены позиции ключевых памятников исследованных регионов на календарной временной шкале.

Для характеристик природной среды прошлого использовались как теоретические данные, основанные на изменениях солнечной и космической активностей, так и палинологические данные образцов озерно-болотных отложений степных регионов Южной Сибири, включая Туву и Хакасию.

Впервые для исследования памятников были использованы стабильные изотопы углерода и азота. Наибольший интерес представляло использование изотопов стронция в костных остатках, позволяющее определить место рождения индивида и возможную миграцию.

Хронология культур и памятников эпох бронзы и железного века Северной Евразии

Хронологические исследования играют ключевую роль при реконструкции различных событий прошлого, позволяя решать вопросы, связанные с хронологическими соответствиями культур и памятников, взаимодействием культур, их происхождением, миграцией и др. В заселении европейской и азиатской территорий в эпохи от мезолита до железного века есть определенные различия. Если европейская территория степей заселялась непрерывно от палеолита, то в азиатской части степей есть регионы, в которых пока не найдены памятники мезолита-неолита, а первые носители эпохи энеолита не имели местных корней. К таким регионам относятся Минусинская и Уюксакая котловины. Носители афанасьевской культуры эпохи энеолита пришли из других регионов, из которых нельзя исключить и европейскую территорию.

Наиболее активно азиатские регионы стали заселяться, начиная с эпохи бронзы, и особенно в скифское время. Это можно видеть из *рис. 47*, на котором приведены датированные памятники от мезолита до железного века степной Евразии. Несомненно,

что привлекательность региона для древнего населения связана с условиями окружающей среды, что будет рассмотрено далее.

В последнее время датированных памятников стало больше как для европейской, так и для азиатской территорий, но в целом тенденция сохраняется. Список датированных памятников и их даты приведены ранее²⁷⁵. В настоящее время датированы памятники Монголии. Сейчас имеется более 100 дат для этой территории. Основные даты памятников приведены в работах А. А. Ковалева, Г. И. Зайцевой с соавторами²⁷⁶.

Гистограмма распределения радиоуглеродных дат памятников эпохи бронзы приведена на *рис. 48*. Основная масса дат для памятников южных регионов европейской части попадает на более ранний интервал (4 000±100 л. н.), чем для памятников южных регионов Сибири (около 3,5 тыс. л. н.).

Для памятников азиатской части особое внимание было уделено датированию опорных памятников железного века, в частности памятника Оглахты-6 таштыкской культуры, которая следовала за тагарской и хронологические позиции которой до сих пор являются дискуссионными.

Оглахтинский могильник находится в Хакасии, на левом берегу Енисея, внутри горной группы Оглахты примерно в 50 км севернее Абакана. Он относится к раннему этапу таштыкской культуры, так называемому этапу грунтовых могил. К настоящему времени раскопано более 300 погребений этого типа, но ни одно из них не сравнимо с оглахтинскими по сохранности материалов. Сухой грунт и герметичная изоляция погребальных камер создали условия для сохранения изделий, выполненных из меха и тканей, дерева и бересты, а также тел погребенных. Предметы одежды и утвари представляют яркую палеоэтнографическую культуру, что крайне редко встречается в памятниках археологии.

Памятник был случайно открыт в 1902 г., в 1903 г. А. В. Адрианов исследовал 17 могил на его двух участках. Три погребения на одном из участков оказались удивительно хорошей сохранности²⁷⁷. Раскопки на памятнике возобновились в конце 1960-х гг.: в 1969–1973 гг. одно погребение раскопала Э. Б. Вадецкая и семь — Л. Р. Кызласов. По данным Э. Б. Вадецкой, могильник включает более 200 таштыкских погребений и, возможно, поминов²⁷⁸, т. е. его большая часть еще не исследована.

Один из комплексов, исследованных Л. Р. Кызласовым, содержал нетронутое погребение хорошей сохранности (могила 4). В яме размещался сруб, герметично закрытый со всех сторон полотнищами березовой коры. В срубке размером 2,5×1,5 м находились мумии мужчины и женщи-

¹⁴С даты образцов лиственницы. Возраст скорректирован на изотопное фракционирование

Лабораторный индекс	Годичные кольца	¹⁴ С возраст, ВР, A ₀	¹³ С, ‰	Скорректированный возраст, A _{кор}
ЛЕ-7349	41–50	1875±50	-20,14	1953±50
ЛЕ-7344	51–60	1878±35	-19,90	1960±35
ЛЕ-7346	71–80	1810±30	-20,41	1884±30
ЛЕ-7353	81–90	1813±40	-20,49	1885±40
ЛЕ-7352	91–100	1806±30	-20,58	1877±30
ЛЕ-7359	101–110	1761±25	-20,04	1841±25
ЛЕ-7357	111–120	1797±20	-19,95	1878±20
ЛЕ-7355	121–130	1755±30	-20,16	1833±30
ЛЕ-7361	131–140	1818±25	-20,87	1884±25
ЛЕ-7358	141–150	1804±20	-20,33	1879±20
ЛЕ-7360	151–160	1775±20	-20,05	1855±20
ЛЕ-7350	161–170	1741±20	-19,78	1825±20
ЛЕ-7348	171–180	1736±20	-20,07	1815±20
ЛЕ-7354	181–190	1708±25	-19,21	1801±25

ны. Комплекс могилы 4, включая сруб, был передан в Государственный Эрмитаж. Его полная публикация планировалась Л. Р. Кызласовым по завершении реставрации вещей и кукол. К настоящему времени существует серия предварительных публикаций, каталоги выставок с фотографиями отдельных предметов и несколько небольших специальных статей²⁷⁹.

В 2005–2007 гг. по согласованию с автором раскопок началось радиоуглеродное исследование бревен сруба из могилы 4 методом wiggle matching. Весной 2007 г. были опубликованы первые результаты этих работ²⁸⁰. В настоящем сообщении представлены итоговые материалы по датировке памятника.

Выбор бревен для датирования определялся как их сохранностью, так и возможностью собрать сруб без ущерба для его экспозиционного вида при возобновлении экспозиции.

Образцы спилов были разделены на 10 годичных колец, которые были использованы для датирования. В образцах также определяли соотношение ¹³С/¹²С. Результаты были согласованы с калибровочной кривой. Для достоверности полученных результатов были использованы методы математической статистики. Результаты датирования приведены в табл. 4, 5.

Таблица 4

¹⁴С даты образцов сосны. Возраст скорректирован на изотопное фракционирование

Лабораторный индекс	Годичные кольца	¹⁴ С возраст, ВР, A ₀	¹³ С, ‰	Скорректированный возраст, A _{кор}
ЛЕ-7338	1–10	1884±70	-24,99	1884±70
ЛЕ-7337	11–20	1934±30	-26,65	1907±30
ЛЕ-7332	21–30	1885±40	-24,03	1901±40
ЛЕ-7340	31–40	1885±25	-24,06	1900±25
ЛЕ-7336	41–50	1918±30	-23,99	1934±30
ЛЕ-7339	51–60	1752±20	-23,86	1770±20
ЛЕ-7341	61–70	1775±80	-24,26	1787±80
ЛЕ-7326	71–80	1773±25	-24,51	1781±25
ЛЕ-7334	81–90	1775±35	-25,25	1771±35
ЛЕ-7335	91–100	1836±35	-24,62	1842±35
ЛЕ-7342	101–110	1835±30	-23,99	1851±30
ЛЕ-7333	111–120	1810±35	-24,07	1825±35
ЛЕ-7329	121–130	1752±25	-23,26	1780±25
ЛЕ-7327	131–140	1763±25	-23,06	1794±25
ЛЕ-7330	141–150	1737±35		1766±35
ЛЕ-7328	151–160	1845±80	-23,19	1874±80
ЛЕ-7331	161–166	1670±80		1699±80

Полученные данные были согласованы с калибровочной кривой. Метод wiggle matching, заключающийся в датировании совокупности древесных колец и последующем согласовании результатов с калибровочной кривой, широко используется в литературе для определения календарного интервала²⁸¹.

Калибровочная кривая для интервала 2,2–1,6 тыс. л. н., на который попадают даты Оглахты, имеет сложный характер, обусловленный колебаниями солнечной активности и интенсивности космических лучей, поэтому однозначный вывод о дате постройки сруба делать трудно. На кривой имеются два участка, с которыми могут быть согласованы полученные результаты.

На рис. 49 и 50 показано согласование данных с калибровочной кривой. Как можно видеть, имеется два календарных интервала для полученных дат: ранний (рис. 49) и поздний (рис. 50). Средняя линия на рисунках — сглаженная калибровочная кривая, проведенная в рамках коридора ошибок (параллельные кривые). Сплошная вертикальная линия указывает на положение наиболее вероятного значения даты постройки. Пунктирные линии — левая и правая границы 95 %-го доверительного интервала дат. Для получения достоверных значений календарного возраста были использованы методы математической статистики. Подробно этот подход описан в статье С. С. Васильева

и Г. И. Зайцевой²⁸². Результаты калибровки приведены в *табл. 6*.

Для погрешности указано два стандартных отклонения (2). В последней строке представлены взвешенные средние значения для ранней и поздней дат. Среднее вычислялось по двум образцам — лиственнице и сосне. В колонке «Статистика» указана вероятность случайного соответствия радиоуглеродных данных и калибровочной зависимости. Результаты калибровки неоднозначно определяют дату постройки сруба Оглахты-6, могила 4. Это обстоятельство связано с существованием систематической погрешности лабораторных измерений и свойствами калибровочной зависимости.

Таблица 6

Результаты калибровки данных по лиственнице и сосне

Образец	Левое положение		Правое положение	
	Дата	Статистика	Дата	Статистика
Лиственница	280±16	P=0,1	387±17	P=0,01
Сосна	275±21	P=0,28	387±14	P=0,002
Среднее	278±18		387±15	

Получено два возможных интервала постройки сруба: ранний, 278±18 гг. н. э. и поздний, 387±15 гг. н. э. (95 % вероятности). При значении критерия статистики $P > 0,95$ данные следует считать не соответствующими калибровочной кривой. В соответствии с этим поздний интервал является более предпочтительным, что в общем подтверждает вывод Э. Б. Вадецкой²⁸³ о датировке комплекса могилы 4 не ранее конца III–IV вв., основанной на дате шелковых импортов. Для подтверждения этой даты требуются дальнейшие исследования.

Применение стабильных изотопов в исследованиях памятников Южной Сибири

В последние годы различные стабильные изотопы все шире начали применяться для археологических исследований. Изотопы углерода 13 и азота 15 стали использоваться для реконструкции палеодиеты с конца 1970-х гг.²⁸⁴ В своих исследованиях, кроме этих изотопов, были использованы изотопы свинца для анализа бронзовых предметов²⁸⁵.

Изотопная систематика по свинцу основана на том, что в природных минералах, в част-

ности в рудах, всегда присутствует некоторое количество долгоживущих изотопов урана и тория — ²³⁵U, ²³⁸U, ²³²Th. За счет их радиоактивного распада с момента образования той или иной горной породы или минерала образуются радиогенные изотопы свинца — ²⁰⁷Pb, ²⁰⁶Pb и ²⁰⁸Pb соответственно. Поскольку константы распада изотопов урана различны, в геологических объектах разного возраста наблюдаются различные величины отношений ²⁰⁷Pb/²⁰⁶Pb, а из-за различий Th/U отношений соответственно и разные величины отношений ²⁰⁸Pb/²⁰⁶Pb.

В процессе обработки руд и последующего металлургического процесса получения бронзы изотопные составы свинца не изменяются и сохраняются изотопные метки различных месторождений. С другой стороны, если при изготовлении различных бронзовых изделий использовались сплавы, полученные за счет смешения металла, полученного из различных месторождений, будет наблюдаться и соответствующее смещение по изотопам свинца с образованием неких промежуточных изотопных составов.

Разработана методика локального изотопного анализа свинца (изотопы ²⁰⁶Pb, ²⁰⁷Pb и ²⁰⁸Pb) методом LA-ICPMS в материалах изделий из бронзы и золота.

Анализы были выполнены во ВСЕГЕИ (Санкт-Петербург) при помощи измерительного комплекса, который состоит из ICP масс-спектрометра NEPTUNE (производство Thermo Finnigan), оснащенного источником ионов с индуктивно-связанной плазмой и системы лазерного пробоотбора DUV193 (производство New Wave Research, США), а также ультрафиолетовым эксимерным лазером COMPEX-193.

Для исследования были выбраны бронзовые артефакты из памятников скифского времени Минусинской (Хакасия и юг Красноярского края) и Уюкской (Тува) котловин. Проанализированы бронзовые изделия из элитного кургана Аржан-2 (Тува) — бронзовые котлы, молот, наконечники стрел; из могильников Теплая и Баданка-III–IV (юг Красноярского края) — зеркала, ножи, удила, псалии; из могильников тагарской культуры (Минусинская котловина) Иптыг, В. Аскиз, Казановка-II–III, Б. Ерба-I, Шаман Гора и Колок — боевые топоры, чеканы, кинжалы, ножи, зеркала и украшения одежды.

Полученные данные приведены на *рис. 51*. Среди всей совокупности исследованных бронзовых изделий можно выделить две основные группы, различающиеся по изотопному составу свинца:

$$0,860 < ^{207}\text{Pb}/^{206}\text{Pb} < 0,885 \text{ и } 2,10 < ^{208}\text{Pb}/^{206}\text{Pb} < 2,13;$$

$$0,850 < ^{207}\text{Pb}/^{206}\text{Pb} < 0,865 \text{ и } 2,07 < ^{208}\text{Pb}/^{206}\text{Pb} < 2,09;$$

$$0,875 < ^{207}\text{Pb}/^{206}\text{Pb} < 0,880 \text{ и } 2,11 < ^{208}\text{Pb}/^{206}\text{Pb} < 2,12.$$

Исследования позволяют наметить две рудные провинции и центры металлообработки: одна тяготеет к горной системе Западного Саяна, другая — к северной части Кузнецкого Алатау. Большинство исследованных бронз попадает в первую группу. Сюда попадают изделия, найденные в кургане Аржан-2, в памятниках Усинской котловины и Среднего Енисея (от Минусы до подтаежной зоны), в Алтайском могильнике (Камень-2). Вторая группа, характеризующаяся менее радиогенным изотопным составом свинца, значительно малочисленнее и более аморфна, сюда попали отдельные бронзовые изделия из могильников Минусинской котловины (Большая Ерба, Колок), Усинской котловины (Теплая, Баданка-VI), Красноярского края (Усть-Шилка-2), Алтайского края (Камень-2).

Вполне возможно, что с проведением дополнительных исследований материалов Саяно-Алтая произойдет объединение этих двух групп. Основанием для такого предположения может служить то, что 3 предмета из кургана 16 могильника Баданка-VI расположились в трех равноудаленных точках на одной прямой: псалии среди максимальных точек первой группы, нож — среди минимальных точек той же группы, а удила (которые скорее всего производились в одном комплекте с псалиями) — среди бронз второй группы. Аналогичные результаты по соотношению изотопов свинца получены для бронз Дальнего Востока²⁸⁶.

Еще некоторое количество бронз выходит за пределы выделенных групп — это третья, смешанная, группа. Среди них можно отметить, что зеркало, найденное на могильнике Баданка-III (подъемный материал), оказалось близко по соотношению изотопов свинца с ворворкой из алтайского могильника Камень-2 (курган 11, могила 5).

Данные по бронзовому сосуду из погребения 5 могильника Усть-Шилка-2 выходят далеко за пределы приводимого графика, что говорит о сильной степени отличия предмета на фоне исследованных саяно-алтайских бронз, но и он выделяется не только по этому показателю, но и имеет специфический состав сплава²⁸⁷.

Пока что это первый опыт исследования в данной области, который не предполагает получение немедленного результата, но показывает его перспективность в анализе археологического материала.

Исключительно информативные и интересные результаты получены по применению изотопов стронция. Соотношение изотопов стронция может идентифицировать провинции проживания древнего населения, поскольку это соотношение определяется двумя факторами: начальным соотношением Rb/Sr в породах и их геологическим возрастом, поэтому почвы и воды в различных регионах должны быть различны по изотопному составу

стронция, который фиксируется в костной ткани живых организмов, как и кальций.

Отличительной биогеохимической чертой стронция является его фиксация в костной ткани во время роста скелета, и в дальнейшем, при смене места обитания, в котором изотопный состав стронция может быть отличен, не происходит изотопного обмена по стронцию, если костная ткань уже не растет. Таким образом, изотопный состав стронция может служить индикатором места рождения и достижения зрелости и индикатором миграции племени, если в различных скелетах соответственно разного возраста наблюдаются отличия в изотопном составе. Масс-спектрометрический анализ производился при помощи термоионизационного масс-спектрометра ThermoFinnigan TRITON.

База археологических материалов для настоящего исследования — образцы человеческих костей из захоронений Минусинской котловины и Тувы, найденные в погребальных памятниках эпохи поздней бронзы и скифского времени.

Основу серии составляют антропологические материалы из захоронений погребально-поминального комплекса Аржан-2, исследованного российско-германской экспедицией в Турано-Уюкской котловине на севере Тувы²⁸⁸. Этот памятник может считаться опорным для раннескифского времени всей восточной зоны степей, т. к. помимо представительных археологических материалов, происходящих из не потревоженных погребений, он имеет значительное количество независимых хронологических определений. Образцы костей из впускных могил Аржана-2 расширяют хронологические рамки тувинской серии, т. к. эти захоронения совершены в кургане раннескифского времени позже. Вещи, найденные вместе с некоторыми погребенными, позволяют отнести их как к гунно-сарматской эпохе (могилы 1, 4, 18, 29), так и к монгольскому времени (могила 3).

Серия образцов костей из археологических памятников Среднего Енисея также представлена комплексами широкого временного диапазона. Могильник Анчил-чон относится к карасукской культуре эпохи поздней бронзы и расположен в юго-западном районе Хакасии²⁸⁹. Здесь же, в северных предгорьях Западного Саяна, локализуются и могильники Хыстаглар и Казановка-2, но исследованные здесь комплексы относятся к тагарской культуре скифского времени, причем к наиболее ранним этапам. Центральные районы Хакасии представлены образцами из раннетагарских могильников подгорновского этапа: Шалгинов-2, Багульная-2, Пригорск-1 и курганами сарагашенского этапа этой культуры в могильнике Белый Яр. Наиболее северные комплексы

с территории Хакасии, представленные в исследовании, — подгорновский могильник Печище-1 и раннесарагашенский у пос. Сарала²⁹⁰.

Кроме того, был проанализирован образец из могильника Теплая, расположенного в долине р. Ус. Эта долина, отделенная от Турано-Уюкской котловины Тувы (места расположения кургана Аржан-2) Куртушибинским хребтом и соединенная с ней невысокими проходимыми перевалами, в культурно-историческом плане всегда входила в центрально-азиатский регион. Кургана 2 могильника Теплая также содержал богатое захоронение, близкое по археологическому материалу тувинским древностям скифского времени²⁹¹.

Данные по содержанию стронция в костных остатках исследованных памятников показаны на *рис. 52*.

Рассмотрим данные по изотопному содержанию стронция более подробно.

В могильнике Анчил-чон как останки людей, так и животных характеризуются двумя типичными и весьма выдержанными величинами соотношений изотопов стронция: относительно низкая величина для захоронения в кургане 3 и более высокое и практически одинаковое значение для остальных исследованных захоронений в курганах 5, 7 и 8. Это может свидетельствовать о разных ареалах предположительно оседлого проживания популяций, оставивших различные курганы в пределах данного памятника.

Исключительно информативный анализ изотопов стронция для захоронения памятника Аржан-2, открытого в 2001 г. российско-германской экспедицией²⁹². Это неграбленное захоронение с изобилием археологического материала, позволяющего по-новому взглянуть на историю культур скифского времени. В центральной могиле 5 захоронены мужчина и женщина с большим количеством артефактов, в т. ч. и предметов из золота, что позволяет предположить, что это царское захоронение.

Изотопный состав стронция в костных останках людей из кургана Аржан-2 имеет достаточно большой разброс. Наиболее значительно отличается величина отношения изотопов стронция в костях женщины. По-видимому, она родилась и проживала ранее в другом регионе, чем все остальные люди, погребенные в кургане и, по всей видимости, она являлась мигранткой. Поскольку изотопный состав стронция в ее костях отличен от такового в костных останках из районов Хакасии, то вероятнее всего она являлась уроженкой мест, не охваченных нашим исследованием.

Интересно также, что состав стронция в скелете монголоида близок к другим скелетам, что свидетельствует о том, что он родился и проживал вместе с другими погребенными.

Изотопный состав стронция в костях мужчины из царского захоронения близок к составу в костях других погребенных. Исключением являются кости молодой женщины из более позднего захоронения в могиле 7, которые по изотопным параметрам близки материалам из курганов 5, 7 и 8 Анчил-чона, а также Казановки-2.

Необходимо отметить, что исследования по определению соотношения изотопов стронция в костных остатках только начались. Полученная информация позволяет сделать ряд выводов и предположений. Отметим, что для скелетов людей из большинства изученных захоронений характерен большой диапазон разброса величин отношений $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$, чем в костях современных и древних домашних животных из соответствующих территорий (*рис. 52*). Это говорит о том, что кочевые племена постоянно перемещались в пределах своих пастбищ, что естественно приводит к некоторой «размытости» величин изотопных соотношений.

Важно, что методика позволяет выявить мигрантов из отдаленных территорий достаточно уверенно, как это удалось продемонстрировать на примере погребенной женщины из Аржана-2. Однако сравнительная исследовательская база еще очень мала и охватывает незначительную территорию, не позволяя пока гарантированно установить место происхождения мигранта. Пока что нет характеристик регионов на содержание стронция. С целью получения этих характеристик были собраны кости современных животных с коротким временем жизни и без длительных перемещений при выпасе. Этим требованиям удовлетворяют овцы. Первые результаты по характеристике регионов Южной Сибири приведены на *рис. 53*.

По предварительным данным пока можно сказать, что женщина могла происходить из районов Алтая, однако требуются новые исследования, которые могут пролить свет на проблемы, связанные с перемещением и миграцией древнего населения.

Реконструкция природной среды

Калибровочная кривая и природная среда

Для интервалов 5–4,2 тыс. л. н. и 2,7–2,2 тыс. л. н. калибровочная кривая имеет сложный характер (*рис. 54*). В общем, калибровочная кривая отражает глобальные климатические изменения, обусловленные солнечной и космической активностями в соответствии тезисом В. А. Дергачева о цикличности, продолжительностью около 2–2,4 тыс. лет²⁹³.

Так, в соответствии с характером кривой, можно утверждать, что определенные природные изменения происходили в течение раннего бронзового века (5–4,5 тыс. л. н.) и скифского времени (2,7–22 тыс. л. н.) как в Европе, так и в Азии.

Основываясь только на форме калибровочной кривой, трудно судить о характере этих изменений, но вполне можно допустить, что они могли способствовать миграции культур эпохи ранней бронзы. Во время скифского периода климатические изменения обусловили привлекательность Южной Сибири для культур кочевников, что и привело к значительному увеличению памятников этого периода.

Интересно было сравнить параметры палеосреды во время Аржана-1, датируемого IX в. до н. э., и Аржана-2, датируемого второй половиной VII в. до н. э., т. е. они различаются по времени примерно на 100 лет²⁹⁴. ¹⁴C даты Аржана-1 попадают на пропорциональный участок кривой, а даты Аржана-2 — на гальштатское плато (рис. 54: 2). Оба памятника расположены в Уюкской котловине Тувы на расстоянии примерно 9 км друг от друга. Можно предположить, что бревна лиственницы, используемых для сооружения погребальных камер, произрастали в близких лесных массивах. Поскольку в нашем распоряжении имелись образцы древесных спилов с четко фиксируемыми годовыми кольцами, которые были выделены, интересно было определить в них концентрацию ¹³C. Определение проводилось на масс-спектрометре Delta X в лаборатории Университета г. Хельсинки. На рис. 55 приведена зависимость ¹³C от номера кольца, считая от центра спила. Полученные данные были математически обработаны и после удаления тренда рассчитаны спектры мощности, которые показали, что период времени, попадающий на время сооружения Аржана-2, характеризуется сильным воздействием климатообразующих факторов, т. е. палеосреда во время постройки Аржана-1 и Аржана-2 отличается²⁹⁵.

Это еще дополнительный аргумент в пользу того, что постройка этих курганов отличается во времени не менее чем на столетие. Это показали и палинологические исследования, проведенные на основе данных озерно-болотных отложений.

Палинологические исследования

Межгорные котловины Южной Сибири и Центральной Азии издревле осваивались человеком. При этом орографические и ландшафтно-климатические особенности каждой из котловин определяли интенсивность заселения территории, пути миграций, характер среды обитания челове-

ка, род его занятий и т. п. Несмотря на длительную историю археологических и географических исследований в центре азиатского материка, экологические аспекты регионального культурогенеза и, в частности, устойчивость и динамика экосистем межгорных впадин под воздействием глобальных климатических колебаний голоцена, до сих пор остаются малоизученными.

Чтобы восполнить этот пробел, на протяжении последних лет проводилось комплексное изучение колонок озерных отложений, обеспечивающих детальную летопись изменений природной среды в прошлом. Карта расположения изученных разрезов приведена на рис. 56. Наиболее полные записи для данного региона были получены по колонкам озер Большой Кызыкуль в Минусинской котловине [11,7 тыс. л. н. (рис. 57) и Белого озера в Турано-Уюкской котловине (более 12 тыс. л. н.) (рис. 58)]. Новые данные получены по оз. Мюн (52° 14' с. ш., 96° 00' в. д., 930 м над у. м.) в Тоджинской котловине, Республика Тува. Озеро расположено в пределах области распространения вечной мерзлоты, возраст отложений составил 6,8 тыс. л. н. Палинологические диаграммы для разрезов Большого Кызыкульского озера, Шушенского озера и Белого озера приведены на рис. 57–59 соответственно. Характеристика природной среды на основе палинологического анализа приведена в статье В. Г. Дирсен с коллегами²⁹⁶.

В 2006–2007 гг. произведен отбор отложений из озера Мюн, расположенного в южной части Тоджинской котловины, Северо-Восточная Тува, в истоках р. Бий-Хем (Большой Енисей). Озерная котловина окружена горными хребтами Академика Обручева и Таскыл и расположена в пределах высотного пояса горной тайги, с преобладанием кедрово-лиственничных и лиственничных лесов. Озеро проточное, его площадь невелика, около 3–4 км в диаметре; на тех участках, где нет выходов коренных пород, низкие берега заболочены. Наличие вечномерзлых грунтов, а также сезоннооттаивающего слоя водонасыщенных текучих лессовидных грунтов выше кровли вечной мерзлоты, существенно затруднило опробование отложений для дальнейших исследований. Тем не менее с использованием русского торфяного бура нам удалось отобрать две колонки озерных отложений. На основе радиоуглеродных данных для двух озерных колонок Мюн-I и Мюн-II были построены глубинно-возрастные модели в календарном летоисчислении (рис. 60, 61). Датирование осуществлялось методом ускорительной масс-спектрометрии в лабораториях Университетов Гронингена и Глазго (табл. 7).

Необходимо отметить существенное различие в возрасте прибрежной (Мюн-I) и донной колонки

Радиоуглеродные датировки колонок отложений озера Мюн

Глубина, см	Лабораторный индекс	¹⁴ C возраст, л. н. (¹⁴ C yrs BP)	Календарный возраст, л. н. (Cal yrs BP), 2	Усредненный календарный возраст, л. н.
<i>Мюн-I</i>				
3–4	GU 13438	3460±40	3630–3840	3735±105
9–10	GU 13439	3345±35	3470–3690	3580±110
19–20	GU 13440	4325±40	4830–5030	4930±100
28–29	GU 13441	5745±40	6410–6660	6535±125
<i>Мюн-II</i>				
29–31	GrA 30254	1290±35	1140–1300	1220±80
36–37	GrA 30252	1445±35	1290–1410	1350±60
64–66	GrA 30250	1525±40	1330–1520	1425±95

отложений (Мюн-II). Возрастные колонки указывают на очень низкие скорости осадконакопления в данном районе в целом, возможно за счет развития мерзлоты. Продление кривой на *рис. 60* путем экстраполяции до пересечения со шкалой календарного возраста дает не нулевой возраст уровня современной поверхности, а ~2,5 тыс. л. н. Это позволяет предположить смену относительно теплых климатических условий среднего голоцена неблагоприятными, возможно, очень холодными и суровыми условиями позднего голоцена в Тоджинской котловине, при которых накопление озерных отложений еще более замедлялось.

Результаты комплексного изучения трех разрезов позволяют реконструировать изменения природной среды за последние 11,7 тыс. лет. Все разрезы были отобраны в низкогорье, что облегчает корреляцию диаграмм. Мы полагаем, что близкие по характеру региональные сигналы, зафиксированные в разных диаграммах, являются ответом на одинаковые по знаку климатические колебания. Необходимо отметить, что температурные изменения во всех изученных разрезах менее выражены, чем изменения влажности, что связано с повышенной чувствительностью геокомплексов аридной зоны к колебаниям уровня влагообеспеченности²⁹⁷. С другой стороны, температурный режим контролирует баланс эффективной влажности (атмосферные осадки минус испарение), который, в свою очередь, определяет продуктивность биоценозов в аридной зоне²⁹⁸, и поэтому даже косвенные оценки уровня температур имеют несомненное значение.

Аридный период с 11,7 до 7,6 тыс. л. н. ясно выражен в диаграмме ВКЗ из Минусинской котловины. Холодный климат начала периода (зона ВКЗ-I) становится более теплым после ~10,6 тыс. л. н., что обеспечивает экспансию водорослей и накопле-

ние органосодержащих сапропелей в озере (зона ВКЗ-II). Наибольшая концентрация дальнезачносной пыльцы пихты, поступающей из горно-таежного пояса, фиксирует период термического максимума (~9–8,5 тыс. л. н.). Это прекрасно согласуется с другими региональными данными.

Так, на Алтае между 9,5–7,5 тыс. л. н. пихта доминировала в составе горно-таежного пояса на уровне современной верхней границы леса²⁹⁹. В горах вокруг озера Байкал между 11–7,5 тыс. л. н. отмечается максимальное расширение темнохвойной тайги с участием пихты³⁰⁰. В горном обрамлении Турано-Уюкской котловины пихта в это время полностью отсутствует. В зоне WL-I отмечается нарастание аридности, и в период регионального термического максимума около 8,5 тыс. л. н. биоценозы котловины характеризуются наименьшей продуктивностью.

Контрастность природных условий, выраженная как по вертикали (сухие степи Минусинской котловины и развитие лесов в ее горном обрамлении), так и в широтном направлении (сухие степи Минусинской котловины и полупустыни Турано-Уюкской котловины), можно объяснить различными проявлениями раннеголоценового потепления в конкретных обстановках. Усиление аридности в котловинах, по-видимому, было обусловлено отрицательным балансом влажности, а вверх по склонам горных хребтов эффективная влажность могла повышаться за счет высотного температурного градиента. Рост влагообеспеченности в Минусинской котловине начался после 7,6 тыс. л. н. В Турано-Уюкской котловине в это время (зона WL-II) по-прежнему преобладают аридные условия, однако после ~8 тыс. л. н. в горном обрамлении появляются кедровые леса, что связано с постепенным ростом увлажнения.

Начало влажной фазы 5,1 тыс. л. н. (~4,4 ¹⁴C тыс. л. н.) зафиксировано в обеих диаграммах из Минусинской котловины практически синхронно. В это время в Шушенском водоеме начинается накопление органогенных осадков (зона SHU-III), вокруг Большого Кызыкульского озера появляются леса, а озерная экосистема характеризуется максимальной биологической продуктивностью (зона BKZ-V). Это хорошо коррелирует с таким необычным в аридных условиях явлением, как начало торфообразования: самые древние торфяники в пределах современной степной зоны Минусинской котловины датируются около 4,5–4,3 ¹⁴C тыс. л. н.³⁰¹ Косвенные показатели диаграмм позволяют предположить, что начало влажной фазы совпадает с похолоданием климата. Это подтверждается данными из Западного Саяна, где около 4,7 ¹⁴C тыс. л. н. на верхней границе леса произошла замена пихты кедровой сосной³⁰².

Данные о растительных сменах хорошо согласуются с гляциологическими данными, фиксирующими подвижки ледников в горах Центральной Азии около 4–3 ¹⁴C тыс. л. н.³⁰³ Максимальное количество датировок термокарста на Алтае также относится к периоду 4,8–1,9 ¹⁴C тыс. л. н.³⁰⁴ Похолодание, по-видимому, обеспечило значительное повышение эффективной влажности за счет снижения испарения. С другой стороны, понижение температуры воздуха могло выразиться в повышении сезонной контрастности и нарастании континентальности климата. Такие изменения могли иметь место прежде всего в более высокогорных и континентальных условиях Тувы. Повышение уровня влажности и понижение температуры в Турано-Уюкской котловине отмечается несколько позже, около 4,6 тыс. л. н. (подзона WL-III а). Однако максимум похолодания здесь мог выразиться в резком снижении темпов озерной аккумуляции и, принимая во внимание невысокое временное разрешение диаграммы WL-2, нижнюю границу зоны WL-III можно рассматривать как субодно-временную с таковыми зон SHU-III и BKZ-V в диаграммах Минусинской котловины.

В период между ~3,2–2,6 тыс. л. н. в Турано-Уюкской котловине формируется мощная почва черноземно-каштанового типа, что, по-видимому, фиксирует период максимального увлажнения. Весь комплекс данных позволяет заключить, что похолодание на рубеже среднего и позднего голоцена сопровождалось увлажнением климата и ростом влагообеспеченности низкогорных геоконплексов котловин.

Аридный интервал между ~3,6–2,8 тыс. л. н. четко выражен в зоне SHU-IV. Однако он отсутствует в диаграммах BKZ (из-за искажения спектров обилием локальной пыли) и WL-2 (по-видимому, из-

за невысокого временного разрешения). В диаграмме, полученной недалеко от разреза Шушенское³⁰⁵, также было зафиксировано уменьшение влажности климата около 3,5 ¹⁴C тыс. л. н., что может подтвердить наши данные. Тем не менее возрастные рамки этого интервала, допуская возможный перерыв в осадконакоплении, остаются неясными так же, как и температурный тренд.

Новая фаза увлажнения, сменившая аридный интервал, отмечена между 2,8–1,5 тыс. л. н. (2,7–1,6 ¹⁴C тыс. л. н.). В это время на дюнах в районе разреза Шушенское появляются сосновые леса (на ~2,5 тыс. лет позже, чем они появились в районе Большого Кызыкульского озера), а в горах отмечается новое усиление позиций темнохвойной тайги с участием пихты (зона SHU-V). Увеличение влажности происходило в условиях потепления и снижения континентальности климата. Сочетание тепла и влаги в этот период было, по-видимому, оптимальным для аридной зоны, что выразилось в повышении продуктивности и биоразнообразия как высокогорных, так низкогорных геоконплексов. Наши выводы прекрасно согласуются с данными по региону, полученными ранее³⁰⁶. В диаграмме из Турано-Уюкской котловины две позднеголоценовые фазы увлажнения, разделенные более аридным интервалом, не выражены из-за невысокого временного разрешения. Однако формирование погребенной почвы в котловине и органогенных сапропелей в Белом озере, несомненно, свидетельствует о влажности климата около ~3–2,6 тыс. л. н.

Климат последнего периода в целом был более сухим и теплым. После ~1,5 тыс. л. н. отмечается деградация озер в котловинах и темнохвойной тайги в горах. Усиление позиций березы и лиственницы в низкогорных лесах и лесостепи свидетельствует о повышении континентальности климата.

В целом полученные данные согласуются и с периодами климатических изменений, отраженных на калибровочной кривой (рис. 54).

Наши палеоклиматические данные существенно отличаются от таковых, полученных для районов азиатской умеренной зоны. Однако они прекрасно согласуются с материалами из аридных областей Китая и Монголии, расположенных за пределами современной границы распространения азиатского муссона. Принимая во внимание достаточно тесную связь между природными изменениями и динамикой археологических культур, выявленную в регионе, можно не только говорить о специфике климатического сценария развития азиатской аридной зоны в голоцене, но и предположить существование единой культурно-экологической области в центре азиатского материка.

Изменения природной среды и динамика археологических культур

Полученные палеоклиматические результаты довольно хорошо согласуются с динамикой археологических культур региона в целом и их локальной спецификой. Малое количество памятников мезолита и неолита, их приуроченность к горным районам и крупным речным долинам можно объяснить аридными условиями котловин в начале — середине голоцена (рис. 62). Тренд к увлажнению после 7,6 тыс. л. н. можно соотнести с началом заселения человеком межгорных котловин на севере региона в эпоху бронзы, в то время как все еще засушливые южные впадины остаются малообитаемыми. Похолодание на рубеже среднего и позднего голоцена и последующий эпизод аридизации сильнее всего проявились в высокогорной Тувано-Уюкской котловине, что также препятствовало заселению ее котловин. Начало наиболее интенсивного освоения территории скифскими культурами хорошо совпадает с началом гумидной фазы около 2,8 тыс. л. н., обеспечившей максимальную биопродуктивность горно-лесных, лесостепных и степных геоккомплексов котловин региона.

Первой заметной культурой голоцена, появившейся в Минусинской котловине, является афанасьевская энеолитическая культура (4–3-го тысячелетия до н. э.; ~6–5 тыс. л. н.). Это самая восточная из скотоводческих культур Евразии с населением европеоидного типа³⁰⁷. Афанасьевская культура скорее всего не имела местных корней, ее представители мигрировали в Минусинскую котловину из других территорий. Появление этой культуры хорошо соотносится с палеоклиматическими данными (рис. 53). После ~7,6 тыс. л. н. эффективная влажность начинает расти, что выражается в продвижении горных лесов в низкогорья и распространении более продуктивных степных сообществ в котловине. Ландшафтные и климатические изменения обеспечивают более привлекательные условия для поселения человека и его хозяйственной деятельности (в частности, скотоводства). Археологические памятники этого времени в Тувано-Уюкской котловине не обнаружены. Различия в темпах освоения соседних территорий также можно попытаться объяснить на основе полученных палеоклиматических данных: в Тувано-Уюкской котловине продолжают действовать аридные условия и преобладают полупустыни, и только в горном обрамлении начинают появляться леса.

Окуневская культура эпохи ранней бронзы появилась в Минусинской котловине в конце 3-го тысячелетия до н. э., т. е. около 5 тыс. л. н.³⁰⁸ Ее население не было генетически связано с населением афанасьевской культуры и, по-видимому, проис-

ходило из неолитических племен таежной зоны Сибири. Обе культуры соседствовали в котловине, при этом их хозяйственный уклад различался: в отличие от афанасьевцев-скотоводов, окуневцы занимались охотой. Появление окуневской культуры в Минусинской котловине практически совпадает с началом влажной фазы около 5 тыс. л. н. (рис. 62), обусловившей появление лесов по периферии котловины и общий рост биопродуктивности низкогорных экосистем. Однако начало увлажнения сопровождалось значительным похолоданием и усилением континентальности климата.

Таким образом, природные условия периода появления и развития окуневской культуры, по-видимому, были достаточно суровыми. Нарастание континентальности климата при похолодании могло прежде всего выразиться в более высокогорной Тувано-Уюкской котловине, и, возможно, именно с неблагоприятными местными условиями связано отсутствие в котловине археологических памятников этого времени. Культура окуневского типа здесь появляется значительно позже, около 3,2 тыс. л. н.

Памятники андроновской культуры эпохи средней бронзы (XVIII–XIV вв. до н. э.; ~3,7–3,3 тыс. л. н.)³⁰⁹ обнаружены только в северной половине Минусинской котловины, и их в целом меньше, чем на соседних территориях Казахстана и Западной Сибири. Эта часть котловины была южной окраиной расселения андроновских племен. В Тувано-Уюкской котловине археологические памятники андроновской культуры отсутствуют. До настоящего времени неизвестно, что помешало продвижению андроновского населения далее на юг, по крайней мере в южную часть Минусинской котловины. Мы предполагаем, что усиление аридности и континентальности климата около 3,6 тыс. л. н. (рис. 62) могло выступать одним из лимитирующих факторов. Вполне вероятно, что аридизация нарастала в пределах Минусинской котловины с севера на юг и выражалась в дифференциации условий по горизонтали, и это, в свою очередь, ограничивало освоение человеком ее южной части.

Карасукская культура (XIV–X вв. до н. э.; ~3,3–2,9 тыс. л. н.)³¹⁰ является наиболее представительной археологической культурой конца эпохи бронзы в Южной Сибири. Тысячи карасукских памятников и артефактов были обнаружены в степных котловинах региона; найдены также и поселения. Влияние этой культуры зафиксировано на огромной территории от Казахстана до Монголии и Северного Китая³¹¹. Карасукское население постепенно осваивало лошадей под верховую езду и от пастушеской системы переходило к кочевому скотоводству. Согласно нашим данным, появление и развитие карасукской культуры произошло в конце сухого

периода, при ослаблении аридности и тренде к повышению влажности, и, таким образом, природные условия Минусинской котловины были в целом более благоприятные, чем таковые в андроновское время. В Турано-Уюкской котловине памятники карасукской культуры отсутствуют. Следы культуры окуневского типа появляются около 3,2 тыс. л. н., однако в целом котловина оставалась малозаселенной. Можно предположить, что, несмотря на рост влагообеспеченности и значительное повышение биопродуктивности локальных экосистем, природные условия этого времени были более суровыми и холодными, чем в низкогорной Минусинской котловине.

Наиболее интенсивное освоение Турано-Уюкской и Минусинской котловин начинается практически субсинхронно на рубеже эпохи поздней бронзы и железного века и связано с появлением скифских культур (IX в. до н. э.; ~2,8 тыс. л. н.) В Минусинской котловине на рубеже IX–VIII вв. до н. э. тагарская культура сменяет карасукскую, при этом раннетагарские памятники обнаруживают генетическую связь с карасукской культурой. В Турано-Уюкской котловине был открыт древнейший памятник скифского типа Аржан-1³¹², датированный рубежом IX–VIII вв. до н. э.³¹³

Другой знаменитый памятник в котловине Аржан-2 принадлежит алды-бельской культуре раннескифского периода³¹⁴ и датируется серединой VII в. до н. э.³¹⁵ Кочевые скифские культуры региона отличались сложной системой погребально-

го обряда, совершенством форм оружия, конского снаряжения и искусства. Время появления культур прекрасно согласуется с началом второй фазы влажности (~2,8 тыс. л. н., *рис. 62*), которая характеризовалась теплыми и менее континентальными условиями. Мы предполагаем, что это было время регионального климатического оптимума, выразившегося в максимальном расширении площадей лесов в горах и господстве наиболее продуктивных степных сообществ в котловинах. Коренные изменения в степной зоне Южной Сибири могли выступать одним из факторов, обеспечивших развитие и расцвет кочевых скифских культур региона.

Таким образом, заселение исследованной территории в эти эпохи было неравномерным. Наиболее активно заселение территорий азиатской части началось с конца бронзового века и особенно активно продолжалось в железном веке, в скифское время.

Несмотря на современный подход к определению календарного времени памятника Оглахты-6, могила 4, принадлежащего к такштыкской культуре, с использованием радиоуглеродного датирования совокупности годичных колец срубов лиственницы и сосны и с применением математических подходов, однозначного решения не найдено. Памятник может быть датирован как концом III в. н. э., так и концом IV в. н. э., хотя последний период исходя из параметров статистики предпочтительнее.

Гуляев В. И.

АДАПТАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ДОНА К ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ V–IV вв. до н. э.

Скифская эпоха (время с VII по III в. до н. э.) — одна из наиболее ярких страниц в истории племен и народов Восточной Европы, обитавших на территории Северного Причерноморья, от Дуная на западе до Дона на востоке. Именно тогда здесь появилось первое военно-политическое объединение государственного типа. Господствовали в нем скифы — кочевые ираноязычные племена, пришедшие в богатые причерноморские степи не позднее VII в. до н. э., по сообщению греческого историка Геродота, откуда-то «их глубин Азии». Правда, при этом следует помнить, что по представлениям ученых античной эпохи границей между Европой и Азией служила р. Дон (древнегреческий Танаис), тогда как в действительности азиатский континент начинался почти на 1500 км восточнее.

Поэтому вопрос о точном местонахождении прародины скифов с азиатских пределов остается предметом оживленных дискуссий в современной науке. Называются самые разные, в т. ч. весьма отдаленные регионы: от Тувы, Северной Монголии, Алтая и Казахстана до южноуральских и заволжских степей. В 1-м тысячелетии до н. э. в степном (а частично — в лесостепном и предгорном) поясах обитали родственные кочевые племена, говорившие на различных диалектах древнеиранского языка. Археологи подтверждают, что многие черты скифской культуры — знаменитой триады (предметы вооружения, конской сбруи и искусства «звериного стиля») — уходят своими корнями в азиатскую почву. Таким образом, скифов вполне можно считать наиболее

яркими представителями ранних евразийских кочевников.

Проблемы скифской археологии и истории всегда находились в центре внимания отечественной науки. Однако с распадом СССР большая часть археологических памятников (курганов и городищ), связанных со скифами Северного Причерноморья, осталась в пределах суверенной Украины. В России же древности европейских (т. е. живших между Дунаем и Доном) скифов, и особенно древности эпохи расцвета Скифии — V–IV вв. до н. э. — есть лишь на Среднем и Нижнем Дону, на территории Воронежской, Белгородской и Ростовской областей. Донские земли в тот период служили восточной окраиной скифских владений, но это не значит, что они были лишь далекими и захудалыми провинциями скифского государства. Именно по этой территории проходили важнейшие торговые пути древности, включая знаменитый Северо-Восточный путь из античной Ольвии на Урал, описанный Геродотом и археологически обоснованный известным скифологом Б. Н. Граковым. Здесь же происходили и крупные этнокультурные процессы 1-го тысячелетия до н. э. (миграции, торговые, культурные и политические контакты, военные столкновения) самых разных этнических групп и племен того времени: предков угро-финнов, скифов, савроматов, меотов и др.

Теперь перейдем непосредственно к Среднему Дону.

Историко-географический термин «регион Среднего Дона» в территориальном смысле включает ряд современных административных делений Центральной и Южной России: Воронежская и Белгородская обл. — целиком, а Ростовская, Волгоградская и Липецкая обл. — частично.

Центральное положение р. Дон в системе трех крупнейших (наряду с Волгой и Днестром) рек Восточно-Европейской равнины, пересекающих ее с севера на юг, а также природно-географические условия лесостепи и степи во многих отношениях определяют его специфическую роль не только в археологии Восточной Европы, но и в археологии Евразии в целом. По своим экологическим условиям Средний Дон относится к лесостепной и частично степной зонам. Эта территория — обширная холмистая равнина, покрытая в ряде мест довольно густыми широколиственными лесами и орошаемая многочисленными реками и ручьями. Данные особенности местного рельефа, равнинный характер и развитая речная система открывали сравнительно легкий доступ к природным ресурсам региона практически со всех сторон.

В целом экологический потенциал лесостепи был значительно выше, нежели в соседних природно-географических зонах — лесной и степной. Не уди-

вительно поэтому, что данная территория весьма интенсивно эксплуатировалась в прошлом различными этническими группами и племенами, в т. ч. и в скифскую эпоху.

Характерный признак современной среднедонской лесостепи — чередование открытых безлесных пространств со значительными массивами лесов, имеющих искусственное происхождение. Они расположены не только по долинам рек, но и на водоразделах. Главные лесообразующие породы — дуб и сосна. По мнению специалистов, в девственном состоянии лесистые участки составляли не менее половины рассматриваемой территории. Естественный травяной покров сохранился по берегам рек, балок и оврагов и представляет собой остатки древних луговых и ковыльно-разнотравных степей. По климатическим условиям Средний Дон относится к атлантико-умеренному поясу: лето — со значительными запасами тепла и регулярным увлажнением, зима — достаточно холодная и с устойчивым снежным покровом толщиной до 12–15 см.

Таким образом, по характеру растительного покрова и рельефу Средний Дон относится в основном к лесостепной зоне. Соотношение степи и леса здесь, безусловно, менялось на протяжении тысячелетий. По наблюдениям специалистов, само образование черноземов было связано с наступлением степей далеко на север (вплоть до Тулы и Орла). Последующее же облесение региона относится к более поздним временам. Однако в дальнейшем с началом массовой русской колонизации в XVI в. и позднее многие девственные лесные массивы были начисто вырублены или значительно уменьшились в своих размерах.

Вполне понятно, что без глубоких исследований природно-климатических условий региона на протяжении значительного отрезка времени (от конца ледникового периода до современности) никакие историко-культурные реконструкции здесь будут невозможны.

Донская археологическая экспедиция ИА РАН ведет исследования памятников скифской эпохи на Среднем Дону с 1990 г. За этот период было изучено 5 городищ и два курганных могильника (около 80 курганов) на территории Воронежской и Белгородской обл. Основными объектами исследований стали городище V–IV вв. до н. э. у с. Россошки Хохольского р-на Воронежской обл. и большого курганного могильника V–IV вв. до н. э. между селами Терновое и Колбино (в 90 км к югу от Воронежа).

С самого начала этих работ нам удалось наладить тесное сотрудничество с представителями естественных наук — палеозоологами, палеоботаниками, антропологами (они работают в экспедиции постоянно). Общую реконструкцию природно-

климатических условий в скифскую эпоху в районе изучаемых курганов и городищ осуществил (по погребенным почвам) известный отечественный географ-почвовед В. В. Добровольский — автор монографии «Почвы в СССР», удостоенный Государственной премии.

Особенно усилилась активность этих естественных исследований с получением гранта по программе Президиума РАН «Адаптация». Для последнего — субатлантического периода голоцена (2,5 тыс. л. н. — настоящее время) — вывод учебного такта: «Поверхность водораздельного плато, на котором расположены курганные захоронения, находится на высоте 180–190 м над уровнем моря. Почвенный покров плато распахан, природная растительность давно уничтожена. За границами распаханых площадей, вблизи балок и по их склонам, сохранилась редуцированная растительность ковыльной степи с представителями разнотравья и эфемероидов... Следовательно, в южной части Среднерусской возвышенности в период сооружения курганов существовали степные ландшафты, чуть более аридные, чем современные, но отличающиеся от них не более чем современные ландшафты Полтавской области от ландшафтов Воронежщины».

Не менее важен и вывод В. В. Добровольского по поводу давно дискутируемой проблемы о соотношении растительности и почв степной и лесостепной зон Восточно-Европейской равнины (особенно о роли черноземов) — о наступлении степи на лес и, наоборот, в разные периоды голоцена: «Не происходило сдвигов северной границы степей на север до широтного течения Оки или южной границы сплошного распространения лесов на юге до долины Северского Донца. Можно предполагать, что такое положение поддерживалось на протяжении второй половины голоцена, с момента возникновения зоны степей».

Много споров вызывает и роль антропогенного фактора в формировании древней, средневековой и современной экологии рассматриваемого региона. На основании многочисленных работ географов и биологов можно сделать вывод о том, что до XVII–XVIII вв., т. е. до начала широкой русской колонизации территория Среднего Дона, его природа почти не испытывала на себе сколько-нибудь значительного воздействия человека.

Племена эпохи бронзы (3–2-е тысячелетия до н. э.) с их комбинированным скотоводческо-земледельческим хозяйством довольно умеренных масштабов вряд ли могли нанести существенный урон местным природным ресурсам (охота, и особенно рыболовство, играли в их жизнеобеспечении немаловажную роль). Тем более что земледелие у них было мотыжным, а обрабатываемые участ-

ки невелики. То же самое, видимо, имело место и в скифскую эпоху (V–IV вв. до н. э.). Отгонно-пастбищное скотоводство и довольно скромные размеры земледелия (выращивание простых зерновых культур — проса, ячменя и пшеницы-двухзернянки), даже при наличии деревянного плуга или сохи, сохраняли природу почти в девственном состоянии.

Итак, плодородные черноземные почвы, обширные массивы лесов с ценными породами древесины, полезными плодами, грибами и ягодами, с обилием разнообразных зверей и птиц, гигантские пастбища (травянистые в поймах рек и ковыльно-типчаковые и разнотравные на открытых пространствах степного типа, полноводные, богатые ценными видами рыб реки) обеспечивали в целом надежный и прочный фундамент для достойной обеспеченной жизни древних обитателей региона — и рыболовов-охотников, и земледельцев, и скотоводов.

Таков был природно-климатический фон, на котором возникла и развивалась на Среднем Дону культура скифской эпохи.

К началу работ Донской экспедиции ИА РАН, т. е. к 90-м гг. прошлого века, общая картина этнокультурной ситуации на Среднем Дону в скифскую эпоху рисовалась следующим образом. Археологические раскопки ведутся здесь с начала XX в., т. е. более 100 лет. За этот период исследовано профессиональными археологами около 200 курганных комплексов скифской эпохи и примерно 15 городищ. В дореволюционный (до 1917 г.) период крупнейшие российские археологи — А. А. Спицын, Н. Е. Макаренко, М. И. Ростовцев и в первые четыре десятилетия советской эпохи (1917–1950-е гг.) — В. А. Городцов, С. Н. Замятин — всю территорию Среднего Дона, с ее богатейшими курганами V–IV вв. до н. э. типа «Частых курганов» и могильника у с. Мастюгино, безоговорочно включали в состав Европейской Скифии, а местные курганные погребения приписывали скифам. Поселения и городища данного времени тогда не исследовались.

В 1954 г. в регионе начала свои работы по изучению древностей раннего железного века археологическая экспедиция ИИМК АН СССР, возглавляемая П. Д. Либеровым. После более чем 15 лет интенсивных раскопок в Воронежской и Белгородской областях он, основываясь на новых значительных по объему материалах (до 80 курганов и около 10 городищ), высказал мнение о существовании в Лесостепном Подонье особой скифоидной среднедонской культуры и приписал ее нескифским племенам будинов и гелонов, упоминаемым Геродотом. Будинов ученый отнес к предкам угрофиннов по этносу и языку. Палеозоология и палеоботаника в области изучения древностей скифской эпохи делала тогда лишь первые шаги. Антропологи

требовали для своих определений только целые, хорошо сохранившиеся черепа. Находки в культурном слое местных городищ костей животных (и среди последних изредка костей свиньи), фрагментов керамики и каких-то скудных следов другой хозяйственной деятельности (в т. ч. земледелия) дали повод П. Д. Либерову заключить, что на Среднем Дону в VII–III вв. до н. э. (ранние два столетия надежными фактами не подкреплены) жили сугубо оседлые земледельческо-скотоводческие племена, ничего общего со скифами не имевшие. Он считал их автохтонным населением, происходящим от местных племен предшествующих культур эпохи бронзы — срубной и абашевской (правда, без особой аргументации).

Последующие исследования (в основном это работы воронежских археологов) показали, что между периодом поздней бронзы и началом скифской эпохи на Среднем Дону никакой стыковки нет. Более того, культура скифской эпохи появляется в данном регионе уже во вполне сложившемся виде, не ранее рубежа VI–V — начала V вв. до н. э. Это доказывают и курганные и городищенские материалы.

Тем не менее в 90-е гг. прошлого века концепцию П. Д. Либерова поддержал и развил воронежский археолог А. П. Медведев. Он также отдал Средний Дон будинам и гелонам Геродота, но будинов объявил автохтонным оседлым населением, жившим на городищах и хоронившим своих умерших в не найденных пока грунтовых могильниках, а гелонов — ираноязычными кочевниками, похороненными в местных курганах.

Таким образом, речь идет здесь о двух разных этносах и культурах, существовавших несколько веков бок о бок. Никаких веских аргументов в пользу своих взглядов (с одной стороны, кроме несоответствия большого числа городищ и поселений, с другой — малого количества курганов скифского времени, отсутствия местной лепной керамики в курганных гробницах и заметной локальной специфики культуры обитателей городищ) воронежский ученый не привел.

Сам П. Д. Либеров никогда культуру городищ и курганов Среднего Дона в скифскую эпоху не разделял и считал ее единой. Так же считает и наиболее крупный исследователь местных городищ в 1950–1970-е гг. А. И. Пузикова. Кроме того, она всегда связывала среднедонские древности VI–IV вв. до н. э. только со скифами. Ею также убедительно доказано, что археологические находки из курганных могил и из культурного слоя городищ (конечно, с учетом отличий вещевого комплекса поселенческих и погребальных памятников) абсолютно одинаковы: в обоих местах есть все элементы скифской триады — вооружение, конское снаряжение и предметы «звериного стиля».

Уже не раз приходилось высказываться и на всевозможных научных конференциях, и в печати о большом сходстве, даже родстве, находок из среднедонских курганов V–IV вв. до н. э. с инвентарем, находимым в гробницах Степной и Лесостепной Скифии. Поэтому вновь обратимся к данным естественных наук и к исследуемым Донской экспедицией городищенским комплексам.

Палеоботанические исследования по материалам из промывки культурного слоя ряда местных городищ раннего железного века, особенно по отпечаткам зерновых на лепной керамике как с поселений, так и из курганных погребений, четко показывают, что населению Среднего Дона в V–IV вв. до н. э. был присущ в земледелии хорошо известный общескифский комплекс возделываемых растений — просо (всегда преобладает), ячмень и полба (пшеница-двузернянка). На основе полученной информации работающая многие годы в нашей экспедиции палеоботаник Е. Ю. Лебедева пришла к следующему важному заключению: «Причиной столь явной бедности культурного слоя некоторых из исследованных нами памятников (Мостище-I, Архангельское и Россошки) может быть кратковременный период их существования и функциональное назначение. Нельзя исключать, что эти городища не были поселениями в классическом виде, т. е. местом постоянного проживания значительных групп людей. Такие укрепленные пункты могли служить для укрытия населения близлежащих селищ только в период грозящей опасности, а постоянно там проживал (да и то, видимо, не круглый год) лишь небольшой гарнизон. Именно этим можно объяснить слабую насыщенность слоя не только зернами культурных растений, но также углем и костями животных».

Палеозоолог Е. Е. Антипина произвела изучение всего доступного по Среднему Дону археозоологического материала скифской эпохи, в т. ч. костей животных из шурфов городищ Мостище-I и Архангельское из раскопок городища Россошки-I, а также костей животных из курганов могильника у сел Терновое и Колбино. Она же осуществила пересмотр по новой методике старых коллекций со среднедонских городищ из раскопок П. Д. Либерова.

В результате анализа этих довольно представительных материалов выяснилось, что в качестве мясной пищи у обитателей местных городищ на первом месте стоит лошадь (от 46,5 до 57,5 %). Далее идут овца-коза и крупный рогатый скот. Свинья (если это не дикие особи) составляет менее 1 % стада. Важные выводы сделаны и по костным останкам животных из курганов могильника Терновое-Колбино (напутственная пища в могилах, тризны и жертвоприношения в насыпи и кольцевом культовом ровике вокруг кургана). Е. Е. Антипина отмечает: «Прежде всего на основе доминирования остатков лошади в

погребальных комплексах была показана ее огромная роль как ритуального животного (до 95 % всей паутственной пищи в курганах. — *Примеч. авт.*). По этой характеристике материалы изучаемого могильника действительно оказываются похожими на погребальные памятники степных районов Северного Причерноморья (т. е. скифов. — *Примеч. авт.*). Кроме того, объясняя причины слабой насыщенности костями животных культурного слоя большинства исследованных в регионе Среднего Дона городищ скифской эпохи, она высказала предположение о подвижной скотоводческой модели хозяйства у этих племен. «Сочетание кочевого, и особенно полукочевого скотоводства с земледелием, хорошо известно по многочисленным этнографическим наблюдениям», — отмечает Е. Е. Антипина.

В полном согласии с вышесказанным находят ся и результаты работ антрополога М. В. Добровольской, изучившей останки около 100 индивидов разного пола и возраста из могильника Терновое-Колбино: «Уже проведенные исследования материалов памятников Терновое и Колбино позволяют характеризовать “курганное” население как *степное* (курсив мой. — *Примеч. авт.*)... с демографическими особенностями, типичными для кочевого населения, достаточно высокими показателями качества жизни, структурой питания кочевого скотоводческого общества». И далее: «Палеодемографические характеристики указывают на ярко выраженный кочевой образ жизни населения, на специфическую социальную роль женщин, в известном смысле приближенную к мужской. Единичные краниологические данные указывают на более вероятное сближение описываемой среднедонской группы со степными вариантами, нежели с лесостепными. Крупные размеры длинных костей посткраниального скелета характерны для населения евразийских степей раннего железного века... В большинстве случаев были определены пол и возраст погребенных (около 100 индивидов. — *Примеч. авт.*)... Средняя продолжительность жизни мужчин приближается к 36 годам, а женщин — к 33. Эти цифры можно рассматривать как свидетельство достаточно ранней смерти большинства погребенных в курганах, а отсутствие следов тяжелых заболеваний на скелетах склоняет к мнению о том, что гибель этих людей была связана с различного рода военными столкновениями...»

Об этом же говорит и наличие боевых ран на некоторых останках погребенных — колото-резаных и от стрел. Часть ран имеет следы заживления, а часть — нет, т. е. они явились причиной смерти. О военизированном образе жизни этой группы говорит и необычайное обилие в могилах предметов вооружения и конской сбруи. Железные чешуйчатые панцири встречаются в каждом пятом погребении, что намного чаще, чем в других областях Скифии.

Обилие наконечников копий, дротиков и стрел, мечей и кинжалов также весьма показательны.

В начале V в. до н. э. какая-то довольно многочисленная группа кочевого или полукочевого скифского населения (место их исхода пока неизвестно, но оно наверняка находилось в пределах Европейской Скифии) утвердилась в Лесостепном Подонье, возведя там родовые курганные могильники и устроив в защищенных самой природой местах (крутые мысы по берегам рек, окруженные оврагами и т. д.) укрепленные городища (валы, рвы, деревянные стены). Это были кочевые или, точнее, полукочевые скотоводы, обладавшие известными навыками земледелия. Они вели следующий образ жизни: в теплое время года (весна — лето — ранняя осень) обитали в среднедонских благодатных краях, а на зиму уходили со стадами и имуществом на юг, в более благоприятные для зимовки табунов, отар овец и стад крупного рогатого скота места (возможно, к низовьям Дона и побережью Меотиды — Азовского моря). Городища-крепости служили в основном убежищами в момент обитания всей орды на среднедонской земле, а на зиму покидались даже гарнизоны. Для контроля за всем регионом в это время года особых усилий не требовалось. Но в нескольких ключевых пунктах такие гарнизоны и часть обслуживающего их населения все же оставались постоянно: например, городище Большое Сторожевое на правом крутом берегу Дона. Там культурный слой имел толщину 60–80 м, на большинстве же других городищ слой составлял 40 см и даже меньше.

Тот факт, что скифы прекрасно освоили степные пространства Восточной Европы и ту часть лесостепи, в которую далеко на север проникали степные «языки», позволил какой-то их группе без труда освоиться и в Лесостепном Подонье. Но, учитывая крайнюю удаленность региона от главных центров Скифии и его пограничное положение на стыке нескольких больших этнокультурных областей (финно-угры на севере, савроматы на востоке), политическое положение этой скифской группы было довольно неустойчивым, и ей пришлось почти два столетия вести упорную борьбу за обеспечение безопасности своих владений. На рубеже IV–III вв. до н. э. в силу не выясненных пока до конца причин культура скифского времени на Среднем Дону (как, впрочем, и в остальной Скифии) прекращает свое существование: не возводятся больше курганы, затухает жизнь и на городищах. Спустя еще одно столетие, во II в. до н. э., на этих землях прочно утверждаются близкие родственники скифов — воинственные ираноязычные племена кочевников-сарматов.

ФИНАЛЬНЫЙ НЕОЛИТ ПРИМОРЬЯ: К ИТОГАМ РАЗРАБОТКИ НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ

В археологии Приморья имеется еще достаточное количество нерешенных и дискуссионных вопросов. К их числу относится и проблема атрибуции финального неолита как особой стадии в археологической периодизации региона. Имеющиеся концепции не дали окончательных ответов на такие остро дискуссионные вопросы, как определение критериев и признаков границ между эпохой неолита и палеометалла и как это проявляется в археологических источниках, прежде всего в артефактах.

Активные исследования последнего десятилетия позволили получить большой массив данных по проблемам освоения региона на рубеже неолита и эпохи палеометалла, которые вынуждают внести корректировки в существующие концепции и схемы культурного развития населения Приморья в этот период — период, знаменательный переходом от присваивающего типа хозяйства к производящему, появлением ряда инноваций в технологии изготовления орудий труда (главное среди них — знакомство с металлом), новых керамических традиций.

Исследователями неоднократно отмечалась достаточно резкая смена многих компонентов материальной культуры носителей маргаритовской, лидовской, синегайской культур эпохи бронзы в Приморье. Появление новых традиций в камнеобработке, керамическом производстве, наличие свидетельств знакомства с металлом, земледелием, скотоводством, особенности в пространственном размещении памятников — все эти факты указывают не только на существование тесных культурно-исторических связей населения Приморья на рубеже неолита — эпохи бронзы с соседними и более отдаленными районами Азии, но и вероятном распространении на этой территории носителей иных культурных традиций. К настоящему времени известен ряд археологических памятников, интерпретация которых пока не может быть однозначно связана с определенным культурно-хронологическим периодом. Требуется дополнительные исследования.

Зайсановская археологическая культура

Долгое время исследования позднего и финального неолита в Приморье были связаны исключительно с изучением памятников зайсановской археологической культуры.

В свое время опорными для зайсановской культуры стали материалы трех памятников — Зайсановка-1, Кроуновка-1 и Кировское. Акцент при определении комплекса ее признаков делался на коллекцию поселения Зайсановка-1, т. к. она единственная оказалась в полном объеме проанализирована и опубликована³¹⁶. Исходя из этой же коллекции решались вопросы включения в рамки зайсановской культуры вновь открываемых памятников. Присутствие в материалах последних черт, характерных для поселения Зайсановка-1, считалось достаточным для установления их зайсановской атрибуции. При этом сравнительная характеристика новых памятников между собой не проводилась. В результате чем шире становился круг ее памятников, тем острее вставала проблема выяснения ее внутреннего единства.

Первоначально разночтения в материалах памятников, связываемых с зайсановской культурой, интерпретировались как следствие хронологических различий. Было предложено хронологическое членение культуры на два³¹⁷, три³¹⁸, пять³¹⁹ этапов. Первыми, кто взглянул на проблему в ином ключе, стали авторы монографии «Валентинперешеек — поселение древних рудокопов»³²⁰. Они обратили внимание на неравнозначность информации о памятниках зайсановской культуры, на отсутствие в литературе развернутой ее характеристики. Сопоставляя зайсановские памятники, авторы монографии поставили вопрос о необходимости выведения за рамки этой культуры поселения Валентинперешеек как принадлежащего самостоятельной культуре, одновременной зайсановской³²¹.

Со временем ситуация еще более осложнилась. Число памятников зайсановской культуры настолько увеличилось, а комплекс ее признаков настолько расширился, что в литературе стали высказываться мысли о том, что признаки, объединяющие зайсановскую археологическую культуру, имеют главным образом стадийный характер³²². Сложившаяся ситуация оставляла открытыми практически все основные вопросы ее изучения: хронология, генезис, культурное и хозяйственное своеобразие, место в археологической периодизации и т. п. Решение любой задачи, связанной с исследованием зайсановской культуры, так или иначе упиралось в проблему неоднородности ее памятников. Возникла своего рода проблемная ситуация, когда имеющиеся практические знания о культуре всту-

пили в противоречие с предложенными ранее методологическими и методическими критериями ее выделения и обоснования. Перед исследователями встал принципиальный вопрос: что понимать под термином «зайсановская археологическая культура» — единую культуру, представленную в Приморье несколькими вариантами и прошедшую ряд этапов в своем развитии, или неолитическую общность, объединяющую самостоятельные культуры, имеющие в то же время черты сходства по ряду стадильных (временных) признаков.

Наиболее последовательным сторонником первой точки зрения выступил Д. Л. Бродянский³²³. По его мнению, ряд устойчивых признаков подтверждают единство зайсановской культуры на всем протяжении ее существования. Той же позиции в целом придерживается и В. И. Дьяков, хотя этот исследователь считает преждевременным вычленение в рамках зайсановской археологической культуры отдельных хронологических этапов³²⁴. Вторая точка зрения подвергает сомнению утверждение о единстве зайсановской культуры в силу явной неоднородности памятников³²⁵.

За последние 20 лет открыто и раскопано значительное количество памятников зайсановской культуры (Боголюбовка-1, Новоселище-4, Анучино-14, Анучино-29, Алексей-Никольское-1, Реттиховка-геологическая, Зайсановка-7 и др.)³²⁶. С учетом современных требований науки проведены дополнительные исследования ряда известных ранее памятников этой культуры: Зайсановка-1, Кроуновка-1, Перевал, Сопка Большая, Рудная Пристань³²⁷. Результаты привели к существенным изменениям взглядов у специалистов на основные проблемы в изучении зайсановской археологической культуры, а именно в определении ее основных признаков, круга памятников, географии их распространения, хронологии, форм хозяйственной деятельности и пр.

Так, к настоящему времени на базе памятников зайсановской археологической культуры выделяется несколько самостоятельных их групп (культур): прибрежная, зайсановская, приханкайская. Некоторая их общность вызвана стадильной близостью и принадлежностью к одной культурной зоне. Именно поэтому авторы в свое время предложили использовать термин «зайсановская неолитическая общность»³²⁸.

Исследования показывают, что памятники зайсановской неолитической общности распадаются на два хронологических этапа. Первый, более ранний, связан с памятниками прибрежной группы, а также частью памятников зайсановской группы — поселениями Зайсановка-7 и Кроуновка-1. Имеющиеся радиоуглеродные датировки ориентировочно определяют этот этап — 3-е тысячелетие до н. э.

Второй этап, более поздний, связан с появлением в Приморье приханкайской группы памятников, а также некоторыми изменениями в зайсановской группе, в частности появлением комплексов типа поселения Зайсановка-1. Хронология второго этапа по радиоуглеродным датировкам определяется 2-м тысячелетием до н. э.

Наступление второго этапа маркируют собой следующие признаки — появление меандра в орнаментации посуды, появление и широкое распространение сосудов низких форм типа мисок, а также возникновение тенденции к дифференциации керамической посуды на группы «нарядных» и «грубых» сосудов. Особого внимания в предложенном списке заслуживают меандр. Дело в том, что сам по себе меандр и близкие к нему композиции присутствует и в памятниках первого этапа, но на втором этапе меандр существенно видоизменяется. По манере исполнения он существенно отличается от меандра предыдущего этапа. Этот узор складывался из узкой ленты, образованной двумя прочерченными линиями, пространство между которыми заполнялось мелкоэлементным узором. Именно такой меандр исследователи сопоставляли с андроновским. На заключительной, финальной стадии неолита такой меандр появляется на территории Кореи, где исследователи называют его узором типа «молния». Это происходит во второй половине 3-го тысячелетия до н. э.³²⁹ Наиболее ранние образцы такого типа меандра дает территория Северо-Восточного Китая, где его появление ориентировочно связывается с концом 4-го — первой половиной 3-го тысячелетия до н. э.³³⁰

Приханкайская группа

Приханкайская группа характеризует финальный этап неолита Приморья. В эту группу включены такие поселения, как Кроуновка-1, Новоселище-4, Боголюбовка-1, Реттиховка-геологическая, Анучино-14, Анучино-29, Мустанг, Синий Гай А и Синий Гай Б, Шекляево-7, Алексей-Никольское-1. Перечисленные памятники расположены в континентальной части Приморья, главным образом на территории Приханкайской низменности или в прилегающих к ней районах. Большинство специалистов по археологии Приморья согласны с выделением указанных памятников в одну группу³³¹.

Для поселений обычна южная экспозиция и расположение на пологом склоне или на вершине невысокой сопки (Новоселище-4, Боголюбовка-1, Реттиховка-геологическая, Анучино-14, Анучино-29, Мустанг). Некоторые местонахождения обнаружены на речных террасах или берегах озер (Кроуновка-1, Синий Гай Б). Своей топографией выделяются поселения Синий Гай А и Алексей-

Никольское-1. Первое из них занимает крутой склон высокой сопки, а второе — вершину скалистого отрога сопки.

Все раскапывавшиеся памятники дали остатки жилищ — полуземлянок. Принципы планировки различны — линейный (Синий Гай А, Реттиховка-геологическая); гнездовой (Боголюбовка-1, Анучино-14, Новоселище-4); дисперсный (Мустанг). Размеры памятников и количество жилищ на них различно. Поселение Шекляево-7, например, состояло из одного жилища. На наиболее крупном памятнике — Синий Гай А насчитывалось около 150 сооружений, из которых 30 раскопано. Рельеф местности, близкие к поверхности скальные выходы обусловили разнообразие форм жилищ на этом поселении. Различна была и их площадь (от 6 до 70 м²). В некоторых жилищах пол был ступенчатым. Найдены очаги, хозяйственные ямы. Следы опорных столбов шли вдоль стен, могли и пересекать пол жилища по продольной или поперечной³³². Для других памятников характерны прямоугольные в плане полуземлянки со сглаженными углами. Очаги располагались в центре жилищ или были смещены к стене. Опорные столбы чаще шли по периметру сооружений. Показательна в этом плане полуземлянка площадью около 45 м² на памятнике Новоселище-4³³³. Интересный тип жилища был выявлен на памятнике Алексей-Никольское-1. Оно имело овальные очертания и было сооружено на скальной поверхности, что обусловило характер его пола и стен. Пол представлял собой сплошную скальную плиту, а стены были сложены из ее обломков. Высота бортиков не превышала 30 см. Очага в жилище обнаружено не было. Площадь жилища составляла около 25 м²³³⁴.

Данные вертикальной стратиграфии показывают, что в памятниках приханкайской группы культурный слой, содержащий комплексы неолитического времени, располагается ниже культурных комплексов эпохи палеометалла. На поселениях Синий Гай А, Новоселище-4, Анучино-14 вышележащие культурные слои представляют группу памятников анучинско-суворовско-лидовского круга; на поселениях Мустанг, Кроуновка-1 — континентальную группу памятников раннего железного века. На поселении Реттиховка-геологическая вышележащий слой принадлежал носителям польцевской (ольгинской) культуры.

Поселения Боголюбовка-1, Алексей-Никольское-1, Анучино-29 и Синий Гай Б — однослойные памятники.

Абсолютная хронология приханкайской группы определяется серией радиоуглеродных дат. Для нижней части заполнения жилища поселения Реттиховка-геологическая получены даты: 3280±45 л. н. (СОАН-4238); 3390±55 л. н. (СОАН-

4239); 3310±45 л. н. (СОАН-4240)³³⁵. Культурный слой памятника Новоселище-4 дал возраст 3840±70 л. н. (АА-13400) и 3755±35 л. н. (АА-36748). Близка к нему и дата из поселения Боголюбовка-1 — 3890±60 л. н. (SNU-07-260)³³⁶. Для нижнего слоя поселения Мустанг получены две даты: 4660±60 л. н. (КИ-3151) и 4050±70 л. н. (КИ-3152)³³⁷. Ранняя дата с поселения Мустанг явно выпадает из общего контекста.

Наиболее отчетливо культурную специфику группы определяют технико-технологические показатели керамики. В керамике памятников приханкайского типа отмечается присутствие двух групп керамической посуды, различающихся технологией изготовления, способами формовки венчиков и декором. Общей особенностью форм сосудов и первой и второй групп является их сравнительная приземистость, закрытый контур и высокое расположение максимального диаметра тулова.

Первая группа отличалась грубостью выделки (толстые стенки, средняя и крупная примесь, низкое качество обработки поверхности), имела венчики, оформленные с внешней стороны подтреугольными в сечении валиками и более вытянутые по вертикали формы. Зоной орнаментации служили тулово и венчики сосудов. Тулово украшалось вертикальным зигзагом или дугообразными прочесами, выполненными в технике протаскивания многозубыми инструментами, венчики — наклонными насечками по стыку верхней и нижней грани валиков. Вторая группа сосудов отличалась тщательностью выделки (тонкие стенки, мелкая примесь, лощение), имела более приземистые формы и простые отогнутые наружу венчики с приостренными очертаниями обреза. Зоной орнаментации служило тулово сосудов, украшалось оно меандром в верхней трети емкости. Все памятники приханкайской группы отличаются удивительной выдержанностью комплекса. Этот факт хорошо подтверждается результатами раскопок последних лет на памятниках Боголюбовка-1 и Анучино-29.

Археологические исследования поселения Боголюбовка-1 проводились в 2006–2007 гг. Памятник занимает уплощенный северо-восточный склон невысокого водораздела между мелкими притоками р. Осиновки, на местности прослеживается в виде компактно расположенных 11 неглубоких западин.

К настоящему времени изучена западная периферия памятника на площади 179 м². Вскрыты два жилища и прилегающая околоселищная площадка на юго-западе. Раскопанные жилища имеют пол прямоугольных очертаний, площадь их 30 и 24 м². Сооружения, построенные на склоне, частично заглублены в грунт и имеют котлован, стенки которого понижаются, сходя на нет, по направлению склона. Остатки внутренней конструкции в виде

ямки позволяют предполагать каркасно-столбовую конструкцию жилищ. Очаги четко не фиксируются. Округлые прокаленные пятна (D — около 60 см), возможные остатки очагов, фиксируются в южной части сооружений.

Археологический комплекс представлен в основном лепной керамикой и небольшим количеством орудий из камня, изготовленных с использованием техники ретуширования, оббивки и шлифования. Основным сырьем служили местные сланцы темно-серого цвета, кремнистые породы, черный обсидиан, халцедон. Процесс расщепления представлен единичными аморфными желваками из светло-серой кремнистой породы и расколотыми мелкими обсидиановыми гальками. Они свидетельствуют об использовании техники прямого раскалывания и биполярной техники. Полученные аморфные отщепы служили заготовками для изготовления мелких орудий, в т. ч. наконечников стрел. Они имели треугольную форму с приостренным, прямым или слабовогнутым насадом, обрабатывались бифасиальной или краевой ретушью. Заготовки, полученные при раскалывании обсидиановых галек, часто использовались в качестве орудий (ножей, скребков) без специальной обработки или с минимальной обработкой рабочих кромок. Шлифованные орудия представлены плоскими удлиненными наконечниками стрел, теслами, овальными в сечении, и некрупными плоскими стамесками. Из массивных плиток сланца оббивкой изготовлены мотыги. На памятнике многочисленны фрагменты терочников и абразивов из разнозернистых песчаников, выходы которых отмечены в районе памятника.

Керамический материал составляют большое количество фрагментов лепных глиняных сосудов. Своеобразие керамического комплекса памятника, как и многих памятников, относимых к приханкайской группе памятников, состоит в наличии двух основных групп сосудов, различающихся по ряду параметров. Это керамика с грубой текстурой (крупными и средними примесями) и керамика тонкотекстурная. Керамика 1-й группы изготавливалась из гончарного теста двух основных рецептов: глина+крупная минеральная примесь в виде дробленого кварца и глина+песок+дробленый кварц. Керамика второй группы производилась из формовочной массы, приготовленной также по двум рецептурам: глина+мелкий (сеяный) песок и глина+мелкий песок+мелкий дробленый тальк.

Технологически эти группы сближаются по основному приему формовки сосудов и обработки стенок. Все сосуды изготовлены способом кольцевого ленточного налепа. Хорошо прослеживаются два основных приема донных начинов. При первом к дну в виде круглой лепешки нижним повернутым краем крепились нижняя лента тулова. Второй

способ состоял в том, что доньшко изготавливалось в виде чашечки с невысокими краями, к которым крепились ленты тулова. Дополнительные подлепы в области дна не фиксируются; они не имеют закраин. Венчики моделировались из края верхней ленты. Сходные приемы прослеживаются в обработке стенок, которые заключаются в том, что за послеформовочным заглаживанием стенок следовал прием обмазывания стенок слоем мелкодисперсной глины. Хрупкость, ломкость, сыпучесть черепка свидетельствуют о недостаточно высокой температуре обжига.

Керамика первой группы составляет большую часть коллекции — более 86 % от всего количества. В этой группе выделяется керамика с крупными примесями (дробленый кварц: с зернами 2–4 мм — 48 % от общего количества) и средними примесями, составляющими около 38 % от общего количества (песок и кварц: зерна 0,5–1–2 мм). Сосуды этой группы более крупные, толстостенные (черепок: 0,6–0,9 см); они имеют грязновато-желтый и желто-коричневый цвет. Стенки сосудов покрывались слоем мелкодисперсной глины и заглаживались. По форме это были емкости с широким устьем, невысоким горлом и туловом с максимальным расширением в верхней трети или на половине его высоты. Венчик плавно отогнутый, снаружи оформлен в виде уплощенного карнизика, треугольного в сечении. У сосудов небольшого размера венчики оформлялись простым отгибом верхнего края ленты и уплощением ее снаружи. У более крупных изделий он формировался из подлепленного снаружи узкого жгута. В целом сосуды имеют вытянутый слабо профилированный контур. Дно сосудов плоское, иногда слабовогнутое, с четким контуром. Размерные параметры емкостей полностью не реконструируются, однако отдельные фрагменты позволяют судить, что по размерам они могут быть разделены по крайней мере на три размерные группы — крупные, средние, мелкие.

Вторую, малочисленную, группу составляют фрагменты сосудов, изготовленные из тонкотекстурной формовочной массы, в т. ч. с примесью талька (14 % от общего количества). Внешне эта группа резко отличается от первой тонкостенностью (толщина 0,3–0,4 см) высоким качеством отделки черепка, цветом. Посуда этой группы ангобировалась, а затем ложила. Она часто имеет темно-серый, а также красновато-коричневый и желто-коричневый цвет. Изделия с примесью талька имеют характерный серо-коричневый цвет. Сосуды этой группы по размерам можно соотносить с мелкими.

По форме они близки изделиям первой группы: со слабо отогнутым венчиком, невысоким горлом-перехватом, выпуклым в верхней трети

туловом. Различия прослеживаются в оформлении венчиков. Они также моделировались из края верхней ленты и слабо отгибались наружу, но никогда не усложнялись налечами, а были несколько заостренными к краю. Плечики в основном более крутые, чем у сосудов первой группы. В целом сосуды более приземисты. Донышки сосудов этой группы этой группы вогнутые. Они двух разновидностей. Одну составляют донышки с плавным, слабым прогибом. К другой разновидности относятся образцы с более плоской поверхностью дна, несколько углубленной, образующей кольцевой поддон. В обоих случаях внутренняя часть дна имеет заметную выпуклость. Значительная часть керамики орнаментирована (48 % от общего количества).

Декор изделий первой и второй групп различен. Основными зонами орнаментации сосудов первой группы были венчик и тулово; часто на одном сосуде они сочетались. На уплощенную поверхность венчика наносились неглубокие удлиненно-овальные оттиски, а иногда на ней располагался неглубокий желобок. На нижний край венчика наносились неглубокие насечки, что создавало эффект волнистости. Стенки емкостей декорировались прочерченным орнаментом, который располагался широкой полосой, занимая большую часть тулова, иногда доходя до придонной части. Наиболее многочисленны изделия с прямолинейным узором по мотиву вертикального зигзага (94 % от общего числа орнаментированной керамики). В небольшом количестве встречены фрагменты сосудов, украшенные узором из дугообразных линий, но композиция их пока не ясна (4 % от общего числа орнаментированных фрагментов). Прочерченные орнаменты наносились орудиями типа заостренной палочки или орнаментирами с двумя и более зубцами.

Специфичен характер орнаментации керамики второй группы. Прежде всего декор наносился узкой полосой (бордюром) в верхней части, на плечиках, сосудов. Основу орнаментальных композиций составляют мотивы прямоугольного меандра и треугольные фигуры (2 % от орнаментированных фрагментов). Эти узоры наносились прочерчиванием: контуры декора выполнялись «лентой» из двух прямых, пространство между которыми заполнялось короткими наклонными линиями или насечками. Встречаются варианты исполнения описанных орнаментов техникой тиснения, так называемой «отступающей» палочкой. Среди фрагментов изделий этой группы встречены образцы с несколько другой орнаментацией: с орнаментальным бордюром, состоящим из нескольких горизонтально прочерченных линий, выполненных тонким орнаментиром, а также из горизонтального пояса, ограниченного с двух сторон прочерченными прямыми, пространство между которыми заполнено

короткими наклонными оттисками, расположенными в несколько рядов.

Объединяет обе группы керамики общий технико-технологический уровень ее изготовления: ручная лепка способом кольцевого ленточного налеча, ангобирование поверхности сосудов, низкотемпературный обжиг, сходная форма.

Состав археологического комплекса, полученного в результате исследования памятника, показывает, что он однослойный.

В результате применения метода водной флотации культурных отложений получен органический материал (в виде остатков растений), который расширяет комплекс памятника Боголюбовка-1. Одним из наиболее интересных результатов применения этого метода было выявление в культурных отложениях памятника зерновок культурного проса *Panicum miliaceum L.*, свидетельствующих о том, что население поселка занималось его возделыванием. Среди других полученных органических остатков удалось идентифицировать небольшое количество желудей, скорлупу ореха-лещины, плод бархата амурского, плод яблони-дички и фрагменты паренхимной ткани, а также фрагменты карбонизированной коры, вероятнее всего бересты³³⁸.

Раскопки поселения Анучино-29 производились в 2006 г. Характер расположения поселения в ландшафте типичен для памятников приханкайской группы и сходен с такими памятниками, как Анучино-14, Новоселище-4, Боголюбовка-1, а также ряда других. Поселение занимает вершину одного из мысовидных отрогов хребта Казачий, являющегося водоразделом между реками Арсеньевка и Муравейка. Высота мыса над урезом ручья не превышает 20 м.

На поверхности памятника имеются признаки древнего поселения в виде семи сильно оплывших западин (остатков углубленных в землю сооружений). Их диаметр колеблется от 4 до 9,5 м, а глубина — от 0,2 до 0,35 м. Раскопом площадью 42 м² были вскрыты остатки хозяйственной постройки. Выявленный после окончательной зачистки ее котлован имел небольшие размеры 3,6×2,5 м и овальную в плане форму. Сама постройка представляла собой легкий односкатный навес, открытый с фронта и боков, в качестве тыльной стенки которого использовался вертикально подрезанный склон сопки.

Археологический материал представлен разрозненными фрагментами лепной посуды, развалами сосудов, отщепами и каменными орудиями. Артефакты распределялись в раскопе двумя скоплениями, сконцентрированными в основном за пределами котлована, с его северо-восточной и юго-восточной сторон. Собранная коллекция насчитывает 4690 единиц массового материала, из которых 4014 составляют фрагменты стенок сосудов,

287 фрагментов венчиков, 85 доньшек и их фрагментов, а также 304 единицы отходов каменного производства. Индивидуальные находки представлены 62 артефактами.

Наиболее значимые и интересные находки обнаружены в скоплении, приуроченном к очагу. Среди них три шлифованных топора, тесло и развалы шести сосудов, располагавшихся дугой у западного края очага. В развале одного из горшков находилось 16 ретушированных наконечников стрел и их фрагментов.

Всего найдено 26 ретушированных наконечников стрел и их фрагментов, а также один наконечник дротика; 4 ложила, 7 шлифованных топоров и их фрагментов, 1 ретушированное сверло, 6 шлифованных тесел и их фрагментов, 5 абразивов, 2 отбойника и 1 наковальня.

Необычной выглядит находка в очаге зуба белой акулы, учитывая тот факт, что кратчайшее расстояние от поселения до моря составляет более 120 км.

Как и для памятника Боголюбовка-1, в керамической коллекции выделяется две группы сосудов, отличающихся по тем же технологическим признакам.

Сосуды обеих групп украшены прочерченным орнаментом. Он представлен вертикальным зигзагом (75 %), дугообразными прочёсами (1 %), а также различными видами меандра (24 %). Выделяются две области орнаментации: венчик и верхняя часть тулова, включая плечики. Венчик украшался в основном частыми косыми насечками, пересекающими валик. Реже к насечкам добавлялись ногтевые вдавления под валиком в сочетании с оттисками отступающей палочки.

На памятнике обнаружен новый тип посуды для приханкайской группы — сосуды с ручками-держателями.

Маргаритовская археологическая культура

Вторая археологическая культура, которая относится к финальному неолиту Приморья, является маргаритовская.

Приоритет в выделении маргаритовской культуры принадлежит Ж. В. Андреевой и А. В. Гарковик. Она была открыта в 1960–1970-е гг. и сразу отнесена к эпохе бронзы. Основания для обособления культуры дали материалы поселений Моряк-Рыболов, Синие Скалы, Пермское-2, а также поселения с гrotами у подножья Синих Скал. Сложная стратиграфическая ситуация на всех этих памятниках привела к тому, что комплекс признаков культуры был определен главным образом типологически. Его составили каменные реплики бронзовых на-

конечников копий и кинжалов, шашки из камня, в керамической коллекции гладкостенные сосуды с воротничковым венчиком, украшенным оттисками гребенчатого штампа, а также горшки, орнаментированные в традициях зайсановской культуры (вертикальный зигзаг, меандр и др.)³³⁹.

Сочетание в комплексах маргаритовских памятников керамики зайсановского облика и керамики с гладкими стенками и орнаментированными венчиками, составлявшими, как считалось, своеобразие уже следующего культурно-хронологического этапа в развитии древнего Приморья — эпохи бронзы, вызвало несогласие у ряда исследователей. По мнению В. И. Дьякова и Д. Л. Бродянского, маргаритовская культура стала результатом смешения комплексов зайсановской культуры неолита и лидовской культуры эпохи бронзы³⁴⁰. Такая двойственность в оценках сохранялась вплоть до второй половины 1990-х гг. С этого момента стали активно проводиться исследования, благодаря которым удалось во многом преодолеть отмеченные разногласия и даже расширить круг представлений о рассматриваемой археологической культуре. Так, за последние годы был существенно увеличен круг ее памятников, были открыты и раскопаны, в т. ч. и хорошо стратифицированные, поселения Глазковка-2, 3, Монастырка-3, Заря-1, 3, Преображение-1, получена серия радиоуглеродных дат³⁴¹.

Типологический анализ керамических коллекций ряда памятников маргаритовской археологической культуры (Моряк-Рыболов, Киевка, поселение с гrotами у подножья Синих Скал, Глазковка-2) показал существенное отличие находимой в них керамики с гладкими стенками и орнаментированным венчиком, получившей название «керамика пхусунского типа», от керамики с гладкими стенками и орнаментированным венчиком лидовской археологической культуры³⁴². Кроме того, было установлено, что на всех названных памятниках керамика пхусунского типа составляла единый комплекс с керамикой зайсановского облика³⁴³.

Вывод о возможности сочетания в одном комплексе керамики с типично пхусунскими и зайсановскими элементами был подтвержден стратиграфическими наблюдениями на поселении Глазковка-2³⁴⁴. Здесь были раскопаны остатки сторевшего жилища. На его полу обнаружены сосуды как с гладкими стенками и воротничковыми украшениями в типично пхусунской манере венчиками, так и сосуды со стенками, покрытыми прочерченным меандровидным узором.

Важной вехой стали работы на поселениях Монастырка-3 и Преображение-1. Здесь исследователям фактически впервые удалось обнаружить стратиграфически четкие по условиям залегания комплексы маргаритовской культуры, где была

представлена только керамика пхусунского типа. Кроме того, подтвердилось своеобразие этой керамики на фоне керамических коллекций лидовской культуры. С этим были вынуждены согласиться даже те исследователи, считавшие выделение маргаритовской культуры ошибкой³⁴⁵.

Исследования последних лет, таким образом, доказали правомерность обособления в самостоятельный культурный контекст памятников, относимых к маргаритовской археологической культуре. В то же время многие аспекты ее выделения остаются до конца не понятыми. С одной стороны, имеются памятники, содержащие только керамику пхусунского типа (Монастырка-3 и Преображение-1); с другой стороны, памятники, где керамика пхусунского типа сочетается с керамикой зайсановского облика (Моряк-Рыболов, поселение с гротами, Глазковка-2, Киевка). Не ясно пока, стоит ли объединять и те, и другие в рамках одной археологической культуры — маргаритовской или же более правомерно соотносить с ней только памятники типа Монастырка-3 и Преображения-1.

Поселения обычно занимали оконечности невысоких мысов, высота которых редко превышала 20 м (Преображение-1, Монастырка-3, Евстафий-Олег-1 и др.). Часть памятников расположены на речных и морских террасах высотой до 5–8 м (Глазковка-2, Водораздельная). Обнаружен один пещерный памятник — поселение с гротами у подножья Синих Скал. Отмечается тенденция локализации памятников по берегам морских палеолагунов. Характерной чертой для большинства поселений является наличие наземных жилищ и жилищ, имевших слегка углубленное основание. Число раскопанных жилищных объектов невелико (не более 10 на всю группу). Площадь сооружений была небольшой. На поселении Монастырка-3 раскопаны остатки сгоревшего жилища, квадратного в плане, площадью 12 м². Вдоль одной из стен и в центре сооружения располагались два очажных углубления³⁴⁶. На поселении Преображение-1 выявлено 14 неглубоких западин от жилищ, расположенных двумя группами с линейной и гнездовой планировкой. Одно из раскопанных жилищ было округлым в плане и имело площадь 12–14 м². По углам сооружения выявлены следы ям от опорных столбов; по центральной оси жилища находила еще одна яма. Все они были забутованы мелкими камнями. Наиболее крупное жилище раскопано на поселении Глазковка-2 (до 40 м²). Опорные столбы располагались вдоль стен и по центру жилища. В средней части сооружения находился очаг³⁴⁷. Как и на поселении Преображение-1, столбовые ямы были забутованы камнями. На обоих памятниках рядом с жилищами были обнаружены большие хозяйственные ямы.

Стратиграфические позиции маргаритовских памятников выглядят следующим образом: в ряде случаев культурный слой с комплексом маргаритовской культуры залегает ниже комплексов эпохи палеометалла — янковской культуры (Глазковка-2), кроуновской культуры (Киевка), суворовская группа памятников (Водораздельная). На поселении Преображение-1 слой маргаритовской культуры перекрывался отложениями с находками ольгинской культуры. Нижележащие слои представлены разными кондонской неолитической культурой (Моряк-Рыболов), комплексами, не имеющими однозначной культурной атрибуции, но близких к прибрежной и зайсановской группам памятников позднего неолита (Киевка, Водораздельная и др.).

Хронология памятников маргаритовской культуры укладывается в рамки 2-го тысячелетия до н. э. Время сопоставимо с датами приханкайской группы памятников. По углю с пола жилища поселения Глазковка-2 получены даты: 3605±35 л. н. (AA-37114) и 3580±40 л. н. (UCR-3773). Близкие даты получены и с других памятников: Евстафий-Олег-1 — 3615±80 л. н. (ГИН-6948), Преображение-1 — 3510±70 л. н. (Beta-172568), Заря-3 — 3570±80 л. н. (Beta-133846), 3520±40 л. н. (Beta-172570), 3540±70 л. н. (Beta-172573). Образцы угля от конструкций жилища и из очага на памятнике Монастырка-3 дали даты 3420±40 л. н. (ГИН-10218), 3340±40 л. н. (ГИН-10219) и 3400±40 л. н. (ГИН-10220)³⁴⁸.

Сырьем для изготовления каменного инвентаря служили кремнистые породы. Характерны ретушированные наконечники стрел листовидной и треугольной формы удлинённых очертаний, концевые скребки, удлинённые асимметричные ножи, вкладыши, шлифованные тесла, прямоугольные в сечении³⁴⁹. Своего рода визитной карточкой маргаритовских памятников являются шлифованные каменные «шашки». Общей особенностью керамической посуды маргаритовских памятников является ее общая непрофилированность и приземистость. Сосуды представляли собой либо открытые формы, когда стенки в верхней части емкости были практически прямыми, а на уровне 1/2 высоты резко суживались к дну, либо слегка закрытые формы, у которых максимальный диаметр тулова приходился на уровень 1/2 высоты сосуда или выше. В коллекциях почти всегда присутствуют в незначительном количестве миски. Венчики сосудов оформлялись с внешней стороны подтреугольными в сечении валиками. Простые венчики были редки и связывались, как правило, с мисками³⁵⁰.

Самой яркой чертой маргаритовской группы памятников является присутствие в ее керамическом комплексе двух сравнительно обособленных групп керамики, которые было предложено обозначить

как пхусунский и приханкайский ее компоненты³⁵¹. Различия между ними прослеживаются главным образом в декоре и в некоторой степени — в морфологии. Специфику пхусунского компонента составляют приуроченность орнамента только к зоне венчика и использование для нанесения декора только верхней грани валика. Узор представлял собой вертикально ориентированные оттиски, выполненные в отступающе-накольчатой или накольчатой технике гребенчатыми инструментами или палочкой. Специфику приханкайского компонента составляют наличие двух зон орнаментации — тулова и венчика. Венчик украшался узкими наклонными вдавлениями, рассекающими ступа верхней и нижней граней валика, тулово сосудов прочерченным вертикальным зигзагом, горизонтальными рядами наклонных прочерков, реже — меандром. Для пхусунского компонента отмечена связь с открытыми формами сосудов, для приханкайского компонента — с закрытыми.

По всем своим показателям приханкайский компонент маргаритовского керамического комплекса тяготеет к керамике восточной группы приханкайских памятников — типа поселения Евстафий-4. Это позволило предположить участие последней в формировании маргаритовской группы памятников. Пхусунский компонент специфичен и не имеет аналогов в других памятниках Приморья³⁵².

Существенно изменились в последние годы и представления исследователей относительно стадийного положения маргаритовской группы памятников. Основания для сопоставления их с эпохой палеометалла в свое время давали находки реплик. Они были сделаны в Моряке-Рыболове, Синих Скалах, поселении с гротами и Пермском. Однако ни одну из этих находок нельзя однозначно связывать именно с маргаритовскими комплексами последних, они в равной степени могли входить там и в состав комплексов эпохи палеометалла³⁵³. Анализ других категорий артефактов свидетельствует скорее о неолитическом облике материальной культуры маргаритовского населения. Так, каменная индустрия маргаритовских памятников всегда оценивалась как архаичная и неолитическая по своему облику³⁵⁴, а исследования керамической посуды показали, что в гончарстве маргаритовских памятников отсутствуют те черты, которые обычно присущи культурам, знакомым с металлом, и по всем основным показателям оно укладывается в рамки неолитического круга памятников Приморья: температура обжига, показатели развития морфоструктуры керамических емкостей, особенности декора³⁵⁵. К таким же выводам пришли и другие исследователи, анализируя новые памятники маргаритовской культуры: их стратиграфию, типологию материала, полученные серии радиоуглеродных дат³⁵⁶.

Ареал маргаритовской культуры традиционно связывался с побережьем Восточного Приморья, однако работы участников проекта позволили существенно его расширить. В Центральном Приморье был открыт памятник Ясная Поляна-3, раскопки которого позволили его отнести к названной культуре.

Поселение располагается в 3,5 км к югу от с. Ясная Поляна в Анучинском р-не Приморского края. Занимает оконечность вершины мысовидного отрога сопки с довольно крутыми склонами, выходящего к правому берегу р. Поперечной. Высота мыса около 35 м над уровнем реки.

Памятник имеет внешние признаки в виде трех круглых западин, вытянутых вдоль мыса в один ряд. Две западины имеют диаметр около 5 м, а одна — 7 м. Они оплывшие, и их глубина не превышает 40 см. Площадь памятника оценивается в 250 м².

В 2007 г. раскопана одна из западин. Площадь раскопа составила 48 м². В результате были выявлены остатки небольшого сооружения, представлявшего скорее всего легкую наземную конструкцию со слегка заглубленным основанием.

На памятнике получена небольшая коллекция, состоящая из керамического материала и каменных артефактов. Керамическая часть коллекции представлена в основном мелкими обломками глиняной неорнаментированной посуды.

Группу изделий из камня составляют небольшое количество ретушированных орудий, их обломков и заготовок, а также отходов производства каменных орудий — отщепов.

Обломки сосудов дают лишь некоторое представление об их форме, декоре и технологии изготовления. Визуальное исследование черепков показывает, что керамические емкости изготавливались из гончарного теста с высоким содержанием минерального отощителя — мелкодробленого кварца.

Сосуды изготовлены вручную без применения гончарного круга или поворотных устройств. Формовка изделий производилась, вероятно, способом ленточного налета. Признаки его фиксируются на некоторых обломках в виде следов расслаивания, а также в виде неровной (ребристой) поверхности, возникающей при интенсивном сминании (сжатии) теста в местах соединения лент. Расстояние между этими неровностями дает представление, что ширина керамических лент, из которых формировался сосуд, равнялась 2–2,5 см. Толщина стенок керамических емкостей в основном была 0,5–0,6 см.

Фрагменты более тонкостенных изделий (0,3–0,4 см) и более толстостенных (0,7–0,8 см) немногочисленны. Имеющиеся в коллекции фрагменты свидетельствуют о высоком качестве отделки

стенок: основная масса их имеет ровный плотный черепок, наружная и внутренняя поверхности тщательно заглаживались, по всей вероятности, жестким лоцилом. Сосуды имели коричневый — красно-коричневый цвет, изнутри стенки часто были темно-серыми или темно-коричневыми, в изломе — темно-коричневыми или темно-бурыми. Высокая плотность черепка, чистые тона окраски говорят о достаточно высокой температуре обжига.

Сильная фрагментированность керамического материала дает мало информации о форме и размерах керамических емкостей на памятнике. Среди 392 образцов керамики встречено лишь 15 мелких фрагментов венчиков и 12 обломков донышек, которые позволяют судить о том, что сосуды были не крупные, слабо профилированные. Они имели слабо отогнутый венчик, чуть намеченную горловину, покатые плечики. Дно плоское с четким абрисом и хорошо выраженным ребром соединения дна со стенками. Величина угла между стенкой и дном варьировала от 100 до 130°, что также свидетельствует о слабой профилировке контура сосудов. Среди размерных параметров наиболее достоверно к настоящему времени устанавливаются диаметры донышек. Реконструированные по крупным фрагментам они равнялись 4,5–5 см и 7–7,5 см.

Венчики сосудов образованы узким наlepным валиком, прикрепленным к верхнему обрезу снаружи. В результате в сечении венчик имеет Г-образные очертания. На верхнем обрезе сосудов, на стыке между стенкой и наlepным валиком часто имеется узкий желобок. На наружной (торцовой) части наlepного валика располагаются короткие наклонные насечки. Это единственный регулярный вид декора изделий. Встречены четыре фрагмента стенок с орнаментом. На одном фрагменте — оттиски штампа, рисунок которого плохо читается. На трех фиксируется прочерченный декор: в виде горизонтальной прямой, из сочетания горизонтальной прямой с наклонными и разнонаправленными короткими прямыми.

Другие керамические изделия представлены черепком округлых очертаний. Это изделие напоминает подобные, изготовленные из мягкого сланца на памятниках маргаритовской культуры (так называемые «шашки»).

Другое изделие — пряслице конической формы. Оно изготовлено из теста с добавлением большого количества дробленого кварца. Орудие украшено узором из наклонных прямых, образующих орнамент в виде нескольких вписанных углов вершинами вверх.

Изделия из камня представлены 468 единицами. Основную массу их составляют отщепы. Набор артефактов свидетельствует, что для изготовления использовались в основном местные плохого качества жильные кремни разного цвета и черный обсидиан.

И лишь единичные предметы изготовлены из качественной кремнистой породы — окремнелого туфа белого и светло-бежевого цвета (импортного для данной территории). Преобладание в коллекции мелких отщепов и чешуек указывает на то, что первичная обработка камня производилась ограниченно. Имеющиеся артефакты — остаточные желваки, крупные осколки, а также заготовки нуклеусов из жильного обсидиана дают представление о том, что первичное раскалывание производилось с использованием контрударной техники и прямым скалыванием.

Орудийный комплекс показывает, что основным типом заготовок служили не крупные тонкие отщепы. В обработке ведущее место занимала отжимная ретушь. Орудия оформлялись сплошной бифасиальной ретушью, краевой ретушью, часто сплошная ретушь на одной стороне изделия сочеталась с краевой обработкой на другой стороне. Наконечники стрел составляют наиболее многочисленную группу орудий. В нее входит 23 изделия. Преобладают наконечники каплевидной формы (21 экземпляр). Это не крупные артефакты: верхняя часть треугольных очертаний, часто оформленная лишь по краю, постепенно расширяется к округлому основанию. Другую форму наконечников представляют две заготовки треугольных очертаний с выпуклыми боковыми стенками в нижней части. Орудия с бифасиальной обработкой включают в себя узкий нож с прямой спинкой и слабо выпуклым лезвием, три заготовки на удлинённых отщепах. Одна из них, прямоугольных очертаний, вероятнее всего является вкладышем, а остальные две другие — заготовки наконечников.

В число скребков входят два изделия, имеющих целенаправленно оформленный рабочий край. Оба они изготовлены на первичных (с галечной коркой) сколах светлого кремня и черного обсидиана.

Небольшую группу составляют три артефакта, которые можно интерпретировать как заготовки сверел или проколов.

В коллекции также зафиксировано около 20 не крупных отщепов и их обломков со следами обработки или утилизации.

Кроме орудий, обработанных ретушью, встречено небольшое количество абразивных инструментов. Один из них, по-видимому лоцило, представляет собой уплощенную округлую гальку из желтого кварцита. Другой инструмент — изделие из тонкозернистого светло-бежевого кремнистого сланца в виде четырехгранной пирамиды с вогнутым основанием, которое и является функциональной частью. На одной из широких боковых плоскостей расположена бороздка — желобок треугольного сечения.

Описанная коллекция, состоящая из обломков лепных керамических сосудов, отходов производ-

ства артефактов из камня и небольшого количества орудий, составляет единый комплекс. Ряд признаков, отмеченных как для керамического материала, так и для каменного инвентаря, позволяют судить о его хронологической и культурной привязке. Такие черты в керамике, как присутствие орнамента на стенках сосудов, оформление верхней части изделий налепным валиком с насечками на внешней стороне, характерны для памятников маргаритовской культуры (ее приханкайского варианта). В маргаритовских комплексах, известных в основном в Восточном Приморье, налепной валик, образующий венчик, имеет форму треугольного в сечении карнизика. Оформление верхней части керамических изделий на памятнике Ясная Поляна-3 напоминает венчики зайсановских сосудов. Однако хорошо известно, что сосуды этой культуры обильно украшены прочерченными узорами, чего не отмечено для раскопанного памятника. С другой стороны, некоторое своеобразие оформления венчиков сосудов может свидетельствовать о том, что население могло испытывать культурное влияние зайсановской культуры.

Топография памятника (поселение располагается в труднодоступном и защищенном месте), использование для производства каменных орудий неместного сырья, вероятно, принесенного с собой, весь облик археологического комплекса, ранее не встречавшегося в Центральном Приморье, говорят о том, что обитатели поселения Ясная Поляна-3 были пришельцами в данной местности. Ответить на вопрос, откуда они мигрировали — одна из актуальных задач дальнейших исследований.

В ходе раскопок памятника были отобраны образцы для радиоуглеродного датирования. Были получены даты 3567 ± 30 л. н. (Wk-22311) и 3602 ± 30 л. н. (Wk-22312). Ясная Поляна-3 — однослойное поселение, что повышает надежность датировок.

К настоящему времени определен круг памятников двух культур финального неолита Приморья — маргаритовской и приханкайской. Дан анализ их археологических комплексов. Выявлены две принципиально отличные модели хозяйственной деятельности носителей этих культур. Ни на одном памятнике *маргаритовской* культуры не зафиксировано следов производящего хозяйства. Топография памятников, анализ археологического материала и имеющихся органических остатков показывают, что в основе хозяйственного уклада носителей культуры лежали отрасли присваивающего хозяйства — охота, собирательство, рыболовство. Иная картина фиксируется для памятников *приханкайской* культуры. На них неоднократно отмечены прямые свидетельства производящего хозяйства — земледелия. Оно не было еще господствующим, но играло важную роль в жизнеобеспечении носителей культуры.

Исходя из имеющихся данных, можно говорить о том, что маргаритовская и приханкайская культуры были пришлыми в Приморье. Более ясны истоки последней из них — территория Южной Маньчжурии, где фиксируются аналогичные по материалу памятники.

**Зах В. А., Волков Е. Н., Зимина О. Ю., Скочина, С. Н., Чикунова И. Ю.,
Усачева И. В., Цембалюк С. И.**

АДАПТАЦИЯ, ТРАНСФОРМАЦИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В ГОЛОЦЕНЕ ТОБОЛО-ИШИМЬЯ В ПЕРЕХОДНЫЕ ПЕРИОДЫ

В данной работе представлены результаты исследований, направленных в основном на выявление особенностей историко-культурного развития и механизмов адаптации населения Тоболо-Ишимья в переходные периоды, которые совпадают с коренными изменениями природной среды в голоцене.

Наиболее представительные перестройки климата и ландшафта отмечаются в атлантический и суббореальный периоды голоцена, способствующие в эти периоды притокам населения в Тоболо-Ишимье и западно-сибирскую лесостепь в аридные фазы из южных и юго-западных регионов, в гумидные из таежных, северных территорий³⁵⁷.

В конце бореального начале атлантического периода в среду лесостепного и южно-таежного населения еще с мезолитическими традициями из южных и юго-западных регионов начинают проникать носители (боборыкинская культура) керамического производства и ряда других новаций.

Толчком к миграции могло стать ухудшение экологической обстановки вследствие изменения климатических условий — сильной аридизации или гумидизации в середине голоцена. Низкий уровень Каспийского моря (–50 м от уровня океана) и совпадающая с ним аридизация климата отмечаются в период мангышлакской регрессии, пик

которой приходится на середину 7-го тысячелетия до н. э. Миграцию могли вызвать и последствия трансгрессии водных бассейнов — подтопление жизненно важных пространств. Некалиброванные радиоуглеродные даты боборыкинских комплексов из лесостепного и южно-таежного Притоболья позволяют определить их существование в пределах начала 8-го — середины 6-го тысячелетия.

Наиболее вероятные пути продвижения мигрантов на север — долины рек Тобола, Тургая и Ишима. Наряду с южным направлением миграционного потока, не исключена возможность проникновения носителей отступающе-прочерченной орнаментальной традиции и с юго-запада — вначале по долине р. Урал, а затем по р. Тобол.

В пользу предположения о миграции инородного в этнокультурном плане населения, принесшего технологию изготовления керамики на лесостепные и южно-таежные территории Тоболо-Ишимья, и распространении ее дальше на север в пределах бассейна Иртыша и Оби могут свидетельствовать следующие доводы:

- 1) в период становления неолита в Тоболо-Ишимском регионе резко возрастает численность населения, вероятно, как местного, так и пришлого;
- 2) боборыкинская посуда имеет явно южные черты и в форме, и в орнаментации;
- 3) на привнесение керамического производства в западно-сибирскую лесостепь и тайгу мигрантами из степного Поволжья (Северный Прикаспий) указывают общие морфологические признаки сосудов (плоскодонность и наплыв с внутренней стороны венчика) в кошкинских, козловских, полуденковских комплексах, с одной стороны, и материалах Орловской, Варфоломеевской стоянок, первом слое поселения Джангар — с другой;
- 4) о миграции говорит проникновение в лесостепь и южную тайгу в пределах ареала боборыкинской культуры, наряду с керамикой, некоторых категорий инвентаря, в частности геометрических микролитов и выпрямителей древков стрел («утюжков»);
- 5) население степного Прикаспия и Приаралья, составившее, на наш взгляд, основной поток мигрантов, скорее всего составляли охотники, рыболовы и собиратели, которые могли без какой-либо длительной адаптации осваивать лесостепные и таежные территории, в отличие, например, от скотоводов.

Несомненно, становление неолита на территории Западной Сибири было сложным, продолжительным процессом. Внедрение и распространение гончарства, новых технологий в изготовлении инвентаря, новых способов охоты и рыболовства

сопровождалось смешением аборигенного и пришлого населения на протяжении достаточно длительного времени. Группы переселенцев были немногочисленными и, видимо, вначале достаточно замкнутыми. Постепенно замкнутость пришлых коллективов разрушалась, мигранты стали вступать с местным населением в контакты, в т. ч. брачные. Экзогамность приводит к ассимиляции и перениманию навыков изготовления глиняной посуды аборигенами, которые орнаментировали ее по-своему, возможно, адаптируя к керамике используемые для других материалов (дереву, бересте и пр.) приемы декорирования. Так, в Тоболо-Ишимье начинает складываться наряду с принесенной мигрантами отступающе-прочерченной гребенчатая орнаментальная традиция.

Переселенцы принесли на новые территории в среду аборигенов — мезолитических охотников, рыболовов и собирателей навыки строительства округлых в плане углубленных жилищ, новшеством для обитателей лесостепного и южно-таежного Тоболо-Ишимья явились геометрические микролиты, каменные наконечники стрел и «утюжки».

Последние являются специфической поликультурной категорией изделий с поперечным желобком («утюжков»), распространенных в степной и лесостепной зоне Евразии, куда входит и территория Тоболо-Ишимья, в 10–9-м — первой трети 2-го тысячелетия до н. э. В частности, изменение ареала «утюжков» с выраженными изменениями природной среды (экологические кризисы). В результате выявлено, что палеоклиматические изменения не только оказывали постоянное влияние на процессы распространения поперечно-желобчатых изделий, но во многом определяли направления этого движения. Помимо экологических причин, на распространение «утюжков», особенно на последних этапах, влиял экономический фактор (распространение земледелия и скотоводства). Утверждение производящей экономики в данной ландшафтной нише явилось причиной прекращения их использования. Принадлежность «утюжков» технологической новации, связанной с изготовлением стрел из единственно доступных в безлесых и слабозалесенных ландшафтах материалов (тростник, камыш), приводит к выводу, что поперечно-желобчатые изделия представляют чрезвычайно показательный способ адаптации человека к кардинальным изменениям природной и экономической среды в первой половине голоцена. Сравнение «утюжков» из археологических памятников Тоболо-Ишимья с экспериментальными образцами выявило определенное сходство следов сработанности, что подтверждает гипотезу об использовании их для выпрямления тростниковых древков стрел (рис. 63: 1, 2).

Изучение декора «утюжков», важнейшего культурно-диагностирующего показателя, с использованием принципов системного подхода, рассматривающего отдельные элементы структуры в их взаимосвязи (структурирующими блоками при изучении поперечно-желобчатых изделий выступили техника выполнения декора и декор как иерархическая структура изобразительных составляющих), позволило установить наличие ограниченного числа (38) графических декоративных сюжетов, имеющих точное место локализации на «утюжке» (продольная осевая линия, торцы, периметр желобка, концы желобка, желобок, верхняя плоскость т. д.).

Совокупный анализ морфологических и декоративных особенностей «утюжков» применительно к территории Тоболо-Ишимья позволил выявить здесь наличие не менее пяти разных культурных традиций и проследить динамику их распространения. Гумидизация климата, начавшаяся в конце 4-го тысячелетия до н. э., приводит к сворачиванию ареала распространения «утюжков» в пограничье лесостепной и таежной зоны Тоболо-Ишимского междуречья и способствует оттоку традиции их изготовления вслед за отступающими степными и лесостепными ландшафтами на юг, в северо- и центрально-казахстанские степи (Моинты) и отчасти, по-видимому, на восток, в Прииртышье (Боровянка-17). В этот период «утюжки» с декором и морфологическими особенностями, присущими боборыкинской и кошкинской культурам, начинают активно проявлять себя в материалах ботайской и терсекской культур (Казахстан), где они доживают до 3-го тысячелетия до н. э.

Пришельцы, смешиваясь с местным населением, постепенно адаптировались к ландшафтам и природным ресурсам. Наиболее представительным и показательным является многослойное поселение Мергень-6, расположенное на мысу у истока р. Мергеньки из оз. Мергень³⁵⁸.

Наиболее привлекательным мыс оказался в неолитическое время, когда на берегу речки, недалеко от ее истока функционировал поселок носителей кошкинской посуды.

О культурной принадлежности поселения (кошкинский этап боборыкинской культуры) прежде всего свидетельствует керамика. В отличие от посуды боборыкинского поселения Мергень-3³⁵⁹ в рассматриваемом керамическом комплексе больше сосудов круглодонной формы появляются венчики с напылом на внутренней стороне и карнизиком на внешней. Орнамент в большинстве случаев покрывает всю поверхность сосуда. Сокращается количество посуды без орнамента. Уменьшается количество орнаментов, выполненных неглубокой ямкой и глубокими ямками под

венчиком. Резко увеличивается количество орнаментов отступающей палочкой и раздвоенной отступающей палочкой. Увеличивается количество сосудов, орнаментированных гребенчатыми вдавлениями. Орнаментация посуды (замена отступающе-прочерченных узоров гребенчатыми) свидетельствует об углублении экзогамных связей и нарастающем процессе ассимиляции между пришельцами и аборигенами.

Судя по палинологическим данным, этот период (атлантический период голоцена) отличался достаточно аридным климатом и низким стоянием грунтовых вод, что позволяло сооружать на мысу углубленные в грунт жилища. Обилие в культурном слое и заполнении неолитических жилищ 1, 3, 7, 8, 9, 10, 12 мелких костей рыбы, гарпуна может свидетельствовать об огромной роли рыболовства в хозяйстве кошкинского поселка. Этому скорее всего способствовали природные условия. Озеро Мергень проточное, весной в него заходила рыба на нерест. Население могло это использовать, перегородившая неширокую речку запором, как это делают современные обско-угорские народы, а затем вылавливало стремящуюся выйти из озера рыбу гамгами, фитилями и прочими рыболовными приспособлениями, что обеспечивало долговременную оседлость. Наличие гарпуна свидетельствует об умении бить крупную рыбу у берега. Основными промысловыми породами были карась, щука, язь и окунь.

Наличие в неолитическом слое костей диких животных и собаки говорит о достаточно развитой охоте. Поселение Мергень-6 практически единственный памятник неолитической эпохи в Тоболо-Ишимье, на котором в культурном слое сохранились костные останки. Палеозоологический материал поселения представлен костями и фрагментами костей конечностей, челюстей и отдельных зубов. В связи с тем что большая часть остеологического материала пока не опубликована, данные носят предварительный характер без абсолютных количественных характеристик.

По костям и минимальному количеству особей доминируют дикие виды животных: лось, медведь, волк, куница, барсук и выдра. Судя по костям, принадлежащим крупной собаке, охота велась с их помощью скорее всего на крупных копытных животных, в основном лося.

Помимо млекопитающих, охотились на боровую и водоплавающую дичь: тетерева, лебедя-кликун, тундряного лебедя, серого гуся, свиязя и чирка. Среди костей водоплавающих присутствует значительное количество костных останков нырковых — поганок, что, возможно, свидетельствует о применении при ловле рыбы сетей, в которые они попадались³⁶⁰.

Сырьевые ресурсы и продукты охоты перерабатывались орудиями, изготовленными из камня, кости и дерева.

Сырьем для орудий служили мелкозернистые и среднезернистые кварцевые песчаники различных оттенков, кварцевые туфопесчаники (яшмокварциты), кремнистые и ожелезненные туфы и туффиты (яшмоиды), коричневый серпентинит с прожилками, мелкозернистый песчаник, коричневый крупнозернистый песчаник.

Кварцевые песчаники с опаловым, опалово-халцедоновым, халцедоновым цементом представляют местные русловые или делювиальные отложения. Яшмоиды, представляющие собой в основном окварцованные туфы, туффиты и туфопесчаники, принадлежат к отложениям иредыкской свиты, сложенной кремнистыми туфами, туффитами, яшмами. Месторождения этого типа расположены в основном в верховьях р. Миасс (приток р. Исеть) и р. Уй (приток р. Тобол). Серпентиниты имеют коренные массивы, приуроченные к Уралу, в основном его осевой части, и простираются от Северного Урала (Кытлымский массив и др.) до Южного (Хабарнинский, Халиловский). Поскольку в целом подобные породы являются неустойчивыми к процессам выветривания, их наличие в аллювиальных отложениях рек являются редкостью.

На поселении преобладают одноплощадочные монофронтальные нуклеусы различных форм — конической, клиновидной, призматической. Практически все обнаруженные нуклеусы оставлены на средней и последней стадии сработанности с негативами снятия шириной от 0,5—1 см.

Сколы представлены площадками с нуклеусов, продольными сколами и аморфными обломками.

В целом индустрия характеризуется микропластинчатой техникой расщепления. Преобладают пластины с прямыми параллельными краями, трапециевидной или треугольной в сечении формы. Практически у всех пластин ровные продольные края либо параллельные, либо конвергентные.

Основной тип заготовки — пластина и ее части, среди пластин преобладают медиальные сечения, использующиеся в качестве составных частей ножей, они редко обрабатывались ретушью, чаще всего было достаточно острого режущего края. Следует отметить такой прием, как усечение поперечного (торцевого) края пластин, характерный и для приобольских комплексов³⁶¹. Усеченные пластины представляют собой изделия с ретушированным, чуть скошенным поперечным краем, угол скоса варьирует от 90 до 80°. Данный тип изделий типологически относится к геометрическим микролитам 1-го типа³⁶².

Скошенные острия единичны, мелкая краевая отвесная ретушь наносилась со стороны спинки,

угол скоса составляет 30—45°, иногда ретушь наносилась на два продольных края.

Концевые скребки являются неотъемлемой частью неолитических инвентарных комплексов. Скребки выполнены на пластинах, у которых один, реже два поперечных края обработаны крутой или приостряющей ретушью со стороны спинки, использовались для обработки шкур, дерева и кости.

Преобладают сверла, использующиеся для ремонта керамических сосудов, реже те, которые использовались при работе с деревянными изделиями.

Два наконечника стрел подтреугольной формы, изготовленные на пластинах из красного туфопесчаника. Продольные края с двух сторон обработаны краевой приостряющей ретушью, этой же ретушью намечены слабые выемки.

Отщепы и аморфные обломки являются результатом подготовки готовых нуклеусов к расщеплению, подработкой площадок и ретуширования.

Отщепы и сколы часто использовались в качестве орудий, в частности скребков. Лезвия, обработанные крутой или отвесной ретушью, чаще всего полукруглые, реже ровные, занимают $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ периметра орудия.

Шлифованные орудия редки. Абразивы представлены шлифовальными плитками из средне- и тонкозернистого песчаника (4 экз.). На поселении обнаружена половинка бруска из крупнозернистого коричневого песчаника подпрямоугольной в плане и овальной в сечении формы со скругленными углами с желобком шириной около 1 см для заточки стержневидных изделий. Абразивы использовались для окончательной доводки костяных заготовок, ими пришлифовывали края кочедыков, шпателей, острый прокол, иглок и т. п.

Технология изготовления костяных орудий включала в себя следующие операции: рубку, строгание, скобление, на завершающем этапе использовали пришлифовку рабочих лезвий. Сверление использовалось только для изготовления иглок, из архаичных приемов отмечается обивка рабочей части массивных заготовок. Орудия изготовляли практически из всех видов костей, рог шел на изготовление рубящих изделий и поделок.

Предметы, связанные с охотой и рыболовством, малочисленны. Охотничье вооружение представлено тремя стреловидными и биконическими наконечниками стрел, впоследствии использовавшимся в качестве проколки, обломками ножей и кинжалов. О рыболовстве свидетельствует гарпун с одним рядом зубцов.

Орудия, предназначенные для обработки кожи, представлены стругами, проколками, иглами, скребками, ножами, стругами-лощилами.

Проколки изготавливались из грифельных (шилья), из трубчатых костей птиц и из резцов грызунов.

Иголки представляют собой стерженьки толщиной около 0,2 см, округлые в сечении, острие оформлялось пришлифовкой.

Скребки выполнены на обломках лопаток, их продольные края скруглены, кромка лезвия овальная в сечении. Один из скребков использовался и как нож: дополнительным срезом у него оформлено асимметричное лезвие.

Струги-лощила выполнены на длинных изогнутых массивных ребрах, имеют один скругленный край, оформленный на абразиве. Струги, предназначенные для волососгонки, выполнены из массивных расщепленных диафизов, с внутренней стороны путем обивки оформлялись два плоских рабочих лезвия.

Группа деревообрабатывающих орудий состоит из роговых топориков, костяных долот, стругов, стамесок и скобелей из клыков медведя.

Топорики прямоугольной в плане и призматической в сечении формы, вырезаны из массивной роговой пластины. Лезвие и частично один продольный край оформлены срезами.

Долота изготовлены из массивных длинных костей, имеют овальное или линзовидное сечение. Лезвия различаются по форме — широкие выпуклые, прямые и выпуклые сужающиеся к низу. Несколько долот использовались в качестве стругов.

Струг выполнен из расщепленной трубчатой кости крупного млекопитающего, на одном из продольных краев визуально наблюдаются зубчатая выщербленность, образующая вогнутое лезвие, и линейные следы, пересекающиеся и перпендикулярные длинной оси изделия.

Представляют интерес скобели из расщепленных клыков медведя, изготовленные из расколотых продольно зубов, у которых сохранялась не только эмаль, но и корневая часть. На внутренней поперечной стороне зуба обивкой с последующей пришлифовкой оформлялась воронкообразная выемка, совпадающая с каналом зуба, или же неширокое поперечное вогнутое лезвие. Единично встречено орудие из нижней челюсти, у которой коренной зуб служил лезвием. Верхняя часть зуба сточена пришлифовкой, образуя вогнутое лезвие, а челюсть являлась рукояткой.

Орудия, связанные с изготовлением глиняных сосудов и обработкой поверхности, представлены шпателями, шпателями-лощилами, шпателями-стеками, лопаточками, орнаментиром.

Для обработки волокон и плетения использовались кочедыки и иглы для вязания сетей (?). Кочедыки изготовлены из трубчатых костей и ребер. Изделия из ребер в профиле имеют несколько

изогнутую форму, особенно ближе к заостренному острию. Трубчатые кочедыки прямые в профиле, узкий рабочий край скруглен.

«Иглы» для вязания представлены тремя экземплярами, две из них выполнены из нерасщепленных, чуть изогнутых ребер. Тупое острие косо срезано, губчатая структура удалена. Ближе к острию на одной из плоскостей вырезано овальное отверстие размерами около 0,6 см, расположенное у продольного естественного желобка кости. Третий предмет представляет собой расщепленную костяную пластину, со скругленным поперечным краем и вырезанным отверстием. На одной «игле» нанесен узор в виде зигзага. Подобные находки, для которых характерно наличие отверстия или кольцевой канавки, являются достаточно редким явлением. Иглы для вязания сетей известны на территории Восточной Европы, распространяются с эпохи мезолита и бытуют вплоть до периода раннего металла³⁶³.

К изделиям неясного назначения относятся стержни, орнаментированные насечками по продольным краям. Украшения представлены подвесками из резцов грызунов и жаберной крышки рыбы.

Переходный период от неолита к раннему металлу на рассматриваемой территории достаточно слабо исследован. Хотя отмечаются определенные изменения в климате и ландшафтах, которые приводили к незначительной подвижке населения, в частности проникновения населения ямной культуры до степного Притоболья, что способствовало распространению металла на лесостепных и южнотаежных территориях.

Хозяйство населения эпохи раннего металла базировалось на присваивающих отраслях — рыболовстве и охоте, причем, судя по расположению поселений по берегам озер и рек и обилию глиняных грузил, рыболовство доминировало. Наиболее активно использовались берега проточных озер, а также территории смешанных лесов и боров, богатых промысловой фауной и рыбой. Поселения существовали непродолжительное время — не более 2–3 лет. Не исключено, что община имела несколько сезонных поселений, на площади каждого из которых проводила определенный отрезок календарного года. Происходят значительные изменения в домостроительной традиции, появляются простые постройки, скорее всего временные.

Изучение каменного и костяного инвентаря эпохи раннего металла (по материалам поселений Липихинское-5, Малый Байрык-2, Мергень-6, могильников Чепкуль-21, Бузан-3 и святилища Велижаны-2) позволило установить адаптивную стратегию в производстве каменных орудий в период раннего металла Тоболо-Ишимья, которая претерпевает изменения по сравнению с эпохой

неолита. В этот период население в большей степени использует сырье местного происхождения. Скудность местной сырьевой базы приводит к сокращению ассортимента каменных орудий, их реутилизации и использованию отходов производства. Тем не менее трасологический анализ показал, что набор орудий для охоты и домашних видов работ остается стандартным, изменяются лишь некоторые формы и приемы обработки. В период раннего металла нарушается устойчивая типологическая связь, характерная для неолита, выраженная в формуле «форма орудия — функция», что связано не только с дефицитом сырья, рациональным использованием отходов, но и с использованием новых видов сырья (например, керамических скребков, металлургических орудий и др.). Наряду с типичным для неолита Приишимья набором костяного инвентаря широко используются орудия, связанные с керамическим производством и плетением.

С начала до середины 2-го тысячелетия до н. э. (суббореальный период голоцена) в Западной Сибири начинается аридизация климата, аналогичная той, которая происходила на этой территории в атлантический период. Обитавшие в Тоболо-Ишимье носители ташковской культуры в целом восприняли принципы освоения территории, выработанные в предшествующий хронологический период. Основным отличием от эпохи раннего металла можно считать появление поселений с круговой планировкой жилищ, что, вероятно, было обусловлено военной опасностью, исходившей от мигрантов-скотоводов.

В условиях усиливающейся аридизации климата и прогрессирующего остепнения территории скотоводы осваивали открытые участки, благоприятные для пастбищ. Ташковские коллективы, которые являлись (как показывает анализ керамического материала по жилищам на полностью исследованных поселениях) симбиозными, сохраняли экономическую модель, базировавшуюся на охоте и рыболовстве.

Как и в неолитическое время, мигранты вступают в брачные отношения с аборигенами как две экзогамные группы, постепенно ассимилируют друг друга. Этот процесс приводит к трансформации алакульской культурной традиции, формированию вначале коптяковской, а позднее федоровской культур. В настоящее время при исследовании поселений Чепкуль-5 и Чепкуль-20 открыты коптяковские поселенческие комплексы с жилищами, что ставит под сомнение гипотезу об их формировании на основе аятских.

Остатки жилищ, керамические комплексы, во многом аналогичные материалам коптяковской культуры горно-лесного Зауралья, свидетельствуют, что они являются результатом межкультурного взаимодействия пришлого (алакульского) и,

вероятнее всего, ташковского населения. Наряду с характерным для алакульской посуды уступом на сосудах нередко присутствуют меандровые геометрические узоры, выполненные мелкой гребенкой, что сближает данную посуду с федоровской (рис. 64).

В конце 2-го тысячелетия до н. э. единая федоровская культурная традиция, простиравшаяся на степных и лесостепных территориях от р. Урал до р. Енисей, распалась на ряд культурных образований, специфика которых определялась местным компонентом. Об этом свидетельствует наряду с керамическим поселенческим комплексом (присутствие в еловских и сузгунских материалах разнотипных гребенчато-ямочных комплексов, в ирменских — кротовских) и погребальный обряд.

Трасологическое изучение инвентаря (галек и керамических скребков) с поселений эпохи бронзы — раннего железного века (поселения Ольховка, Черемуховый Куст, Мулашинские Юрты-7 и др.) показывает, что в эти периоды каменные орудия практически утрачивают свое значение и продолжают использоваться лишь в форме макроорудий (топоры, шлифовальные плиты и др.). Орудийный набор кожевного производства представлен керамическими скребками и гальками (рис. 63: 3–6), в отличие от ранних периодов (неолит, ранний металл), когда широко использовались каменные и костяные изделия.

Можно отметить, что постепенно, начиная с конца неолита, в устоявшийся ассортимент каменных и костяных орудий включаются изделия из других материалов — фрагментов керамики, галек, сколов от шлифованных орудий. Вероятно, это связано с накоплением знаний о рабочих свойствах различных естественных и искусственных (керамика) материалов. Например, керамика обладает хорошим абразивным свойством, камень и галька усиливают уплотнительный эффект при лощении и полировке сосудов. Кроме этого, отметим использование различного рода отходов, в т. ч. и зубов животных. На поселении Черемуховый Куст найдены зубы с проточкой на границе эмали коронки и кости корня. Практически аналогичные следы были обнаружены при анализе зубов, но человека из могильника Гилево (Локтевский р-н, Алтайский край, раскопки В. А. Могильникова в 1976 г., андроновская культура). В местах стыковки эмали и корня на шейках зубов были зафиксированы стертость и желобки с характерным блоком следов, что может свидетельствовать о протаскивании сухожилий при изготовлении нитей для шитья (рис. 63: 7, 8).

Исследования немногочисленных захоронений могильников эпохи поздней бронзы на территории Тоболо-Ишимья свидетельствуют, что в При-тоболье функционировали скорее всего грунтовые

могильники с захоронением в почве или в слегка углубленных в материк ямах. Отсутствие (по данным на настоящее время) здесь курганного способа погребения скорее всего связано с достаточно ощутимым в позднебронзовых комплексах, особенно сузгунских, местного доандроновского компонента. Начиная от Приишимья и далее на восток, курганный обряд начинает доминировать, в карасукских комплексах сменяясь на захоронения в оградках.

Рассмотренные выше переходные периоды имеют много сходных черт, их сближают в первую очередь климатические условия (аридизация), направление миграционных потоков (с запада и юго-запада), а также механизмы и последствия ассимиляционных и адаптивных процессов. Отличие заключается лишь в том, что неолитическое население с присваивающим хозяйством интенсивнее осваивало северные таежные территории и в меньшей степени продвинулось на восток западно-сибирской лесостепи. В эпоху бронзы, наоборот, скотоводы лишь слегка углубились в южно-таежные регионы, заселив лесостепные пространства до Енисея.

Распад федоровского культурного единства был неслучаен. После глубокой аридизации, пик которой приходится на середину 2-го тысячелетия до н. э., начинается постепенная гумидизация климата, что приводит к началу кризиса придомного скотоводства, когда стадо преимущественно состояло из крупно- и мелкорогатого скота. В конце 2-го — начале 1-го тысячелетия до н. э. кризис углубляется в связи с сокращением пойменных пастбищ, которые все чаще остаются при разливах под водой до конца лета. Это приводит к освоению пастбищ на водоразделах и увеличению количества лошадей в стаде.

На перестройку хозяйства и соотношение местных и пришлых традиций в позднебронзовых культурах повлияли продвинувшиеся из таежных районов на южно-таежные и лесостепные пространства Западной Сибири носители крестовой орнаментации на посуде и таежных керамических традиций.

В силу географических причин Приобье, Бараба, Прииртышье, Приишимье и Притоболье в разной степени как в количественном, так и в культурном отношении подверглись экспансии северного населения. Движение мигрантов происходило в основном по крупным водным артериям, протекающим в меридиональном направлении — Оби, Иртышу, Ишиму и Тоболу. Эти районы ощутили наибольшее влияние мигрантов.

Территория Барабинской лесостепи, которую пересекают реки с широтным направлением — Каргат, Чулым, впадающие в оз. Чаны и Омь — приток Иртыша, а с севера граничащая с труднопроходимыми Васюганскими болотами, была изолирована от основных потоков и подверглась проникновению лишь незначительного инокультурного ком-

понента, что привело к своеобразию ее историко-культурного развития.

В Приобье в среду позднебронзового населения по Оби и ее притокам проникает северное экзогамное население, орнаментировавшее посуду оттисками гребенки и креста, которое, вступая в брачные отношения с ирменцами, сформировало гибридную завьяловскую культуру с несколькими этапами развития³⁶⁴. Наряду с новыми элементами (домостроение, хозяйство), проявившимися в культуре завьяловского населения в керамическом комплексе, особенно на раннем (линевском) этапе, сохраняются черты позднебронзовой эпохи (позднеирменские) и северные в виде крестовой орнаментации, которые на последнем большебереченском этапе практически исчезают. На смену в VI–V вв. до н. э. приходит в основном посуда бийского этапа баночной и горшковидной формы, украшенная одним рядом «жемчужин», разделенных оттиском уголка палочки или коротким гребенчатым штампом.

В Приртышье и Приишимье (в области с гребенчато-ямочной орнаментальной традицией) отмечается очень похожая ситуация. Пришельцы с севера — носители посуды с крестовой и гребенчатой орнаментацией в силу своей экзогамности сливались с позднебронзовым населением сузгунской культуры. В результате слияния складывается симбиозная красноозерская культура, развитие которой приводит к формированию журавлевских, а затем и богочановских комплексов³⁶⁵. Богочановская посуда горшковидной и баночной формы, орнамент занимает верхнюю часть сосуда, это «жемчужины» разделенные оттисками гребенки или оттиском уголка заостренной палочки.

В переходные периоды все культурно-исторические процессы протекают в ускоренном темпе и, как правило, в результате миграций происходит взаимодействие двух или нескольких этносов. Все это характерно и для рубежа эпох бронзы и железа Притоболья, который по времени мы склонны рассматривать от начала формирования симбиозных комплексов типа Усть-Утяк-1, ставшими скорее всего основой для формирования иткульской культуры с тремя этапами ее развития, когда происходит полная постепенная ассимиляция таежных пришельцев, до становления баитовской культуры (VIII–VI вв. до н. э.).

Для переходного времени в Притоболье характерны поселения с кольцевой системой укрепления, наземными жилищами и посудой, сочетающей бархатовские и гамаюнские черты. Наиболее ранним из данных памятников является городище Усть-Утяк-1, расположенное южнее г. Кургана³⁶⁶. В керамическом комплексе городища присутствуют как бархатовская и гамаюнская посуда, так и явно

сочетающая керамические традиции этих культур. То есть на сосудах по форме венчика и составу теста, близких бархатовским, под краем венчика нанесен ряд двойных ямок и, наоборот, на гамаюнских по форме нанесены элементы бархатовского орнамента. Таким образом, мы видим, что далеко на юг лесостепи не только проникает гамаюнское население, но и активно взаимодействует с позднебронзовыми коллективами бархатовской культуры.

Результатом такого взаимодействия (ассимиляции) явилось формирование комплексов восточного варианта иткульской культуры, этапность развития которой наглядно отмечается в материалах укрепленных поселений, расположенных на мысу при впадении р. Тап в Тобол у д. Юртобор³⁶⁷. Выделено несколько этапов (иткульский, карагай-аульский и вак-куровский), соответствующих хронологическим изменениям в форме, размерах укрепленных площадок, расположении жилищ на поселениях, а также социальной структуре общества и орнаментации керамики³⁶⁸. Уже на карагай-аульском этапе в керамическом комплексе наряду со второй группой иткульской посуды на обеих укрепленных площадках поселения Карагай-Аул-1, правда, в разных количествах, встречаются фрагменты, близкие по орнаментации бархатовским и байтовским традициям. На следующем этапе в жилищах за пределами укрепленных площадок поселения Вак-Кур-2 посуда, близкая байтовской, практически преобладает.

Судя по всему, на территории Притоболья, представленной в основном долиной Тобола, на песчаных террасах которого и останцах — «островах» в пойме растут сосновые боры, открыты памятники разных этапов иткульской культуры, в т. ч. у г. Кургана городище Усть-Утяк-1, положившее начало ее формированию.

Практически по всей долине Тобола встречаются комплексы как с толстостенной байтовской посудой (лесостепной), так и с тонкостенной — лесной. Встает несколько вопросов, наиболее важным из которых является вопрос об основах формирования этих двух типов посуды и вообще формирования байтовских материалов.

Существует два мнения по поводу формирования байтовских комплексов. Первое — гипотеза, высказанная Н. П. Матвеевой и А. В. Матвеевым, по которой байтовская культура формируется непосредственно на основе бархатовской. Для доказательства приводятся материалы поселения Заводоуковское-9, которые, по мнению А. В. Матвеева и коллег, свидетельствуют о генетической связи бархатовских и байтовских комплексов³⁶⁹.

Вторая точка зрения высказана нами, по которой бархатовская культура в процессе ассимиляции с гамаюнской, пройдя через ряд этапов иткульских

(восточный вариант) комплексов, трансформируется в байтовскую. Этот процесс, судя по материалам, далеко не однозначен и сложен. Как и любой процесс, в переходные периоды достаточно интенсивен и быстротечен и, как нам представляется, вольно или невольно направлен на изживание традиций инородных, в данном случае лесных групп населения, некогда смешавшихся с бархатовским. Планиграфия поселений и керамические комплексы позволяют выделить несколько этапов в процессе ассимиляции: период механического смешения, когда сосуществуют узнаваемые бархатовские, гамаюнские и комплексы, сочетающие их керамические традиции (Усть-Утяк-1), образования нового комплекса (иткульского), где в составе посуды сохраняются некоторые элементы, сопоставимые с бархатовскими (Карагай-Аул-4).

Особо выделяется этап, когда появляются соприкасающиеся или расположенные рядом друг с другом укрепленные площадки, керамические материалы которых представляют разные культурные традиции, с одной стороны — бархатовские, а с другой — лесные гамаюнские³⁷⁰. Уже на вак-куровском этапе культуры, на наш взгляд, происходит практически полная интеграция гамаюнской культуры в бархатовскую, появляется новый комплекс («лесной» байтовский) при сохранении незначительного количества посуды с иткульской орнаментацией (Вак-Кур-2).

Выделяя комплексы, которые обозначены как «лесные» байтовские, мы допускали, что в лесостепи в отличие от лесных районов могли происходить иные этнокультурные процессы. Конечно же, теоретически вполне можно допустить, что комплексы байтовской культуры сформировались непосредственно из бархатовских, как об этом пишут Н. П. Матвеева, А. В. Матвеев и соавторы. Это могло происходить при условии, что определенная часть бархатовского общества проживала на обособленной территории и была закрыта от внешнего мира в условиях активного проникновения на юг северных, вероятно, экзогамных групп населения, т. е. брачные союзы заключались бы только внутри определенной эндогамной группы — нескольких родов, фратрий и т. д. При этом скорее всего бархатовская керамическая традиция постепенно могла бы трансформироваться в байтовскую.

Однако в настоящее время ни переходных бархатовско-байтовских керамических комплексов, ни тем более обособленной территории не обнаружено. Основная жизнедеятельность как населения бархатовской, так и байтовской культур проходила в пределах долин крупных рек, их притоков и озер, и, учитывая последние исследования, можно с определенной достоверностью говорить о том, что лесостепные и «лесные» байтовские комп-

лексы встречаются на одних и тех же территориях. Комплексы, близкие лесостепным байтовским, встречены на поселении Чепкуль-86 на севере Андреевской озерной системы, территории, где обнаружены и укрепленные иткульские поселения. Аналогичная керамика присутствует в материалах городища Калачик-1. С другой стороны, иткульские комплексы встречены на лесостепных территориях, в т. ч. на памятниках, расположенных в так называемой Ингальской долине.

Таким образом, вопрос о соотношении лесостепных и «лесных» байтовских материалов встает не в плане хронологического сосуществования двух типов, сформировавшихся на разных культурных основах, а в плане поиска грани между еще иткульскими и уже байтовскими комплексами. Судя по материалам, эта грань лежит между временем существования так называемых «лесных» и лесостепных байтовских древностей. Керамика «лесных» байтовцев по своей орнаментации практически ни чем не отличается от орнаментации посуды лесостепного населения, различия прослеживаются лишь в форме сосудов, толщине их стенок и примесях к тесту. По этим признакам керамика «лесных» байтовцев ближе всего стоит к посуде вак-куровского этапа иткульской культуры. Лесостепная байтовская посуда по форме и толщине стенок сопоставима с некоторыми саргатскими аналогами.

Скорее всего формирование байтовской культуры происходит по всему ареалу однозначно восточного варианта иткульской культуры, которая сложилась в результате синтеза бархатовских и гамаюнских комплексов в процессе постепенной ассимиляции бархатовцами лесных групп населения. То есть непосредственной основой при формировании байтовского керамического типа стали, на наш взгляд, комплексы «лесных» байтовцев, которые следует рассматривать еще в рамках иткульской культуры, вероятно ее финального этапа.

На всех рассмотренных территориях прослеживается похожая этнокультурная ситуация, заключающаяся в следующем: на фоне кризисного состояния позднебронзовой экономики все регионы испытали достаточно мощное влияние мигрирующего северного населения — носителей посуды с крестовой орнаментацией. Во-вторых, на протяжении 2–3 столетий происходит процесс ассимиляции пришлого населения местными носителями позднебронзовых культур. Все гибридные культуры прошли несколько этапов развития, закончившегося в VI — начале V в. до н. э. с появлением очень похожих керамических комплексов — бийского этапа, богочановских и байтовских. Несколько позднее предшествующие материалы сменяются на посуду березовского этапа в Приобье и саргатскую в Приитышье, Приишимье и Притоболье.

В Барабе, в силу изолированности от непосредственного проникновения северных мигрантов, происходит продолжение развития позднебронзовых ирменских комплексов лишь при незначительном влиянии инородных комплексов, что приводит к раннему формированию саргатских материалов (VII в. до н. э.).

Материалы исследований позволяют выявить некоторые закономерности в развитии обществ, их адаптационных возможностей и взаимосвязи с климатическими изменениями. Можно определенно говорить о закономерности, которая формулируется так: при аридизации климата и остепнении лесостепных пространств направление миграционных потоков имеет направление с юга или с юго-запада на восток. И, наоборот, при гумидизации и залесении лесостепи и степи происходят миграции с севера и востока на запад.

Мигрирующее с юга и юго-запада население несло с собой в западно-сибирскую лесостепь передовые технологии, производящее хозяйство и новые социальные институты. Мигранты с севера и востока возвращали в среду лесостепного населения пережитки в традициях (например, в переходное время от бронзы к железу появляется незначительное количество посуды, орнаментированной отступающей палочкой), присваивающие формы хозяйства и развитые родовые отношения.

Механизмы социальной адаптации пришлого населения во всех случаях одинаковы. Мигранты после непродолжительной замкнутости среди инокультурного окружения вступали во взаимобрачные отношения с аборигенами, поскольку их экзогамные связи с партнерами в метрополии были нарушены.

Эти закономерности подтверждаются и материалами раннего железного века и средневековья.

Так были уточнены северная и западная границы ареала кашинской культуры раннего железного века, что позволило высказать предположение о первоначальном проживании населения кашинской культуры в междуречье Тобола и Исети, а позднее смещении центра ареала расселения кашинского населения в бассейны Туры и Ницы и дальше на север. Расцвет кашинской культуры пришелся на II в. до н. э. — II в. н. э., а сосуществование на одной территории кашинских и саргатских общин в процессе их адаптации к природным условиям северной лесостепи и южной тайге относится скорее всего к III в. до н. э. — V в. н. э. Судя по имеющимся материалам, контакты между этими группами населения были мирными и выглядели скорее всего как сосуществование двух экзогамных половин саргатского и кашинского населения внутри саргатского общества. Об этом свидетельствуют традиции домостроительства кашинцев, например возведение

однокамерных построек, в отличие от саргатских многокамерных жилищ в одном поселке, орнаментальные и погребальные традиции. О брачных отношениях позволяют судить материалы погребального комплекса неграбленного кургана 7 могильника Чепкуль-9, где выделяются две группы захоронений, расположенные в разных частях погребальной площадки, которые одновременны, но имеют инвентарь в одной группе, близкий саргатским комплексам, в другой — кашинским.

Анализ орнаментальных традиций посуды кашинской (Прыговское, Рафайловское, Коловское городища, поселение Муллашинские Юрты-7) и юдинской культур (посуда со шнуровой орнаментацией) свидетельствует о достаточно большом сходстве их керамических комплексов. Это факт позволяет предположить участие кашинского компонента в формировании юдинских древностей эпохи средневековья.

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод, что в переходные археологические периоды, которые во многом были обусловлены климатическими изменениями, происходили наиболее значимые миграционные подвижки населения, приводившие к необходимости глобальной адаптации

пришлого населения к климатическим условиям, ландшафтам и социальной структуре аборигенов и, наоборот, местного населения к новациям и хозяйству мигрантов. В остальное время адаптационные процессы не выходили за пределы, которые ограничивались прогрессом общества и его культурными связями.

Выявляются некоторые закономерности в развитии обществ, их адаптационных возможностей и взаимосвязи с климатическими изменениями. При аридизации климата и остепнении лесостепных пространств миграционные потоки направлены с юга или с юго-запада на восток. И, наоборот, при гумидизации и залесении лесостепи и степи происходят миграции с севера и востока на запад.

В первом случае население несло с собой в Западно-Сибирскую лесостепь передовые технологии, производящее хозяйство и новые социальные институты. Мигранты же с севера и востока возвращали в среду лесостепного населения пережитки в традициях, присваивающие формы хозяйства и родовые отношения.

Во всех случаях механизмы социальной адаптации пришлого и аборигенного населения представляли собой взаимобрачные экзогамные отношения двух или нескольких групп, в результате которых происходили адаптационные и ассимилятивные процессы.

Курчо Л. Б., Коробкова Г. Ф.

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТЫН-ДЕПЕ

Археологические исследования XX в. показали, что на территории Южного Туркменистана и, вероятно, всего Северного Хорасана находился один из очагов древнеземледельческих культур эпохи палеометалла (5–3-е тысячелетия до н. э.), историческое развитие которого привело к появлению в последней трети 3-го тысячелетия до н. э. древнейшей раннегородской цивилизации эпохи бронзы на Алтын-депе³⁷¹. В истории становления и развития культуры оседло-земледельческих общин юга Средней Азии важное значение имела природная среда северной подгорной равнины Копетдага³⁷², освоенной первыми земледельцами и скотоводами джейтунской неолитической культуры в 6-м тысячелетии до н. э. (возможно, уже в конце 7-го тысячелетия до н. э.).

Современной климатической обстановке в Средней Азии предшествовал более влажный атланти-

ческий период, причем наиболее теплая и влажная половина климатического оптимума голоцена приходится на 6–4-е тысячелетия до н. э.³⁷³ По мнению большинства исследователей, аридизация климата началась в конце атлантичного периода (около 5 тыс. л. н.³⁷⁴) и продолжается до настоящего времени³⁷⁵. О постепенном ухудшении палеоэкологических условий на протяжении 3-го тысячелетия до н. э. свидетельствуют и палинологические данные, полученные на Алтын-депе³⁷⁶.

Таким образом, энеолитическая анауская культура Южного Туркменистана, которая складывается в середине 5-го тысячелетия до н. э. на основе джейтунского неолита и комплексов типа Анау-IA³⁷⁷, развивалась в благоприятных климатических условиях вплоть до конца 4-го тысячелетия до н. э. Археологический комплекс на раннеэнеолитическом этапе (вторая половина 5-го — первая треть 4-го тысячеле-

тия до н. э.) соединил в себе как джейтунские традиции, так и инновации комплексов типа Анау-IA³⁷⁸.

Основой экономики анауской культуры было земледелие, которое в период раннего энеолита сочетало в себе неполивные и орошаемые формы³⁷⁹. В это время на подгорной равнине Копетдага растет количество поселений, расположенных в конусах выноса почти всех водных артерий, стекавших с гор, а на позднем этапе (в первой трети 4-го тысячелетия до н. э.) ранние земледельцы на востоке осваивают древнюю дельту р. Теджен³⁸⁰. Фактически к концу периода формируется оазисная система расселения и резко повышается плотность населения.

В результате экономического и культурного развития раннеэнеолитических общин в середине — второй половине 4-го тысячелетия до н. э. на территории северной подгорной зоны Копетдага сформировались два локальных варианта анауской культуры периода среднего энеолита, представленные комплексами типа Намазга-II в центральной части и комплексами ялангачского и раннегеоксюрского типов в Юго-Восточном Туркменистане³⁸¹.

О росте уровня культуры и усложнении организации общества свидетельствуют строительство ограждающих стен поселений с включенными в их периметр круглыми помещениями; организованная система застройки отдельными домохозяйствами, состоявшими из однокомнатных домов с внутренним членением пространства и прилегающих дворов (хозяйственных и парадных); яркие комплексы материальной культуры (расписная керамика с монохромными и бихромными орнаментами, разнообразные металлические изделия, глиняная пластика, каменные скульптура и орудия труда).

Экономической основой этого подъема культуры являлись земледелие, которое было уже «исключительно поливным и основанным как на паводковых разливах, так и на регулярном орошении с помощью каналов и арыков»³⁸², развитое скотоводство (сложная стратегия содержания стада мелкого и крупного рогатого скота) и специализированная охота на копытных животных³⁸³, а также технологически отработанные домашние производства по изготовлению изделий из глины, металла, камня, кости и дерева³⁸⁴.

Количество поселений в период среднего энеолита несколько уменьшается, но при этом складывается их иерархическая структура с выделением крупных центров площадью до 8–14 га (Геоксюр-1, Илгынлы-депе, Кара-депе, Намазга-депе, Улуг-депе). Таким образом, плотность населения продолжает расти. Основываются новые поселения (Елен-депе), а отдельные группы населения из Южного Туркменистана продвигаются на восток и северо-восток — в дельту Мургаба³⁸⁵ и в верховья Зеравшана³⁸⁶.

В период позднего энеолита, в конце 4-го — начале 3-го тысячелетия до н. э. система расселения в Южном Туркменистане начинает меняться. В результате миграции водных русел идет концентрация населения на ограниченном числе средних и крупных поселений. Фактически в каждом оазисе остается по одному или два поселения. В середине периода позднего энеолита полностью заустевает Геоксюрский оазис, население которого перемещается вверх по Теджену и основывает Хапуз-депе, а в конце периода прекращает существование центр Артыкского оазиса — Кара-депе.

Культурные комплексы времени позднего Намазга-III представлены почти исключительно на самых крупных поселениях подгорной зоны — Намазга-депе, Улуг-депе, Хапуз-депе и Алтын-депе. Совершенно ясно, что обеспечение потребностей в продуктах питания населения таких центров площадью до 25 га возможно только при ирригационном земледелии и серьезных изменениях в технологии основных видов производств и, вероятно, организации производства и общества. Эти изменения, которые четко прослеживаются на материалах Алтын-депе, совпадают с началом процесса аридизации и, вероятно, в значительной мере отражают адаптацию южнотуркменистанских общин к новым условиям природной среды.

Стратиграфическое изучение Алтын-депе, проводившееся Каракумской экспедицией ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) с 1965 г., показало, что это многослойное поселение возникает по крайней мере в конце 5-го — начале 4-го тысячелетия до н. э. и первоначальный поселок находился, вероятно, в восточной части памятника (рис. 65). В период среднего энеолита (около 3650–3300 гг. до н. э.) поселение постепенно увеличивалось в размерах (осваиваются северо-восточная и, видимо, центральная его части), а активный рост в южном и западном направлениях и соответствующий демографический сдвиг происходят в конце периода среднего — начале позднего энеолита (около 3300–3150 гг. до н. э.). Население Алтын-депе растет, вероятно, за счет жителей, покидавших соседнее Илгынлы-депе. В это же время формируется и сквозная транспортная артерия, прослеженная в рельефе³⁸⁷ и соединявшая юго-западный и северо-восточный въезды на поселение. В период позднего энеолита (около 3150–2800/2700 гг. до н. э.) обжитая площадь увеличивается еще по крайней мере в 1,5 раза. Целевое и, видимо, почти одновременное освоение новой территории позволило осуществить строительство обводных стен, образующих в западной части Алтын-депе прямую линию.

В конце периода позднего энеолита Алтын-депе стабилизируется в своих размерах, представляя собой очень крупное (до 25 га) поселение, отдель-

ные участки которого, в т. ч. въезд, были укреплены мощными сырцовыми стенами и где, вероятно, имелась по крайней мере одна магистральная улица. В целом мощность культурных слоев эпохи энеолита на Алтын-депе составляет около 13 м, а изученные на широкой площади напластования времени позднего Намазга-II — Намазга-III толщиной до 4,6 м представлены строительными остатками 6–7 горизонтов.

Структурной единицей застройки Алтын-депе периода позднего энеолита были жилищно-хозяйственные комплексы, которые состояли из двухкомнатных домов площадью 20–43 м², с прилегавшими участками-дворами³⁸⁸. Внутри домов находились основные (жилые или парадные) помещения (7,5–15,5 м²) и подсобные помещения — вестибюли (5,5–15 м²). Двухкомнатные дома, видимо культового назначения (домашние святилища?) выделяются большими размерами, правильностью планировки, специальными приемами постройки, отделки и наличием в центре основного помещения очага на круглом сырцовом основании с бортиком по краю. Прослежены следы особого ритуала захоронения домов-святилищ: засыпка полов золой или сожжение хвороста внутри помещений, размещение на слое золы целых или специально разбитых сосудов³⁸⁹. Аналогичные следы ритуального сожжения святилища впервые были выявлены на Геоксюр-1³⁹⁰.

Обширные пространства дворов периода позднего энеолита Алтын-депе, судя по характеру находок и заполнения, служили для коммуникационных и производственно-хозяйственных целей. Выявлен также парадный двор святилища (?) со специально выровненной поверхностью и таким элементом благоустройства, как водосток. В центре одного из дворов найдено сырцовое основание зернохранилища, которое могло вместить до 30 т зерна, т. е. (по древнешумерским нормам) годовой запас для 100 взрослых мужчин и женщин. В некотором отдалении от жилых комплексов и отгороженные от них отрезками стен располагались производственные участки, на которых найдены двухкамерные одноярусные гончарные печи. Дворы, видимо, использовали не только обитатели конкретного дома, а скорее целые коллективы. Так, зернохранилище, безусловно, было рассчитано на хранение запасов группы семей.

Изучение строительных остатков, орудий труда и изделий свидетельствует, что в эпоху энеолита на Алтын-депе идет интенсивное развитие основных видов производств, причем наиболее ярко прогрессивные изменения техники и технологии проявляются в период позднего энеолита.

Строения времени Намазга-III на Алтын-депе возведены из стандартного прямоугольного сырцо-

вого кирпича (8–12×19–22×39–46 см; соотношение сторон 4:2:1). На постелистую сторону кирпичей наносили простые знаки-метки, которые свидетельствуют об учете количества кирпича, потребного для строительства. Все стены возведены правильной кладкой в перевязку. Специально готовили горизонтальные строительные площадки, а под полы подводили фундаменты из утрамбованного слоя обломков кирпичей. Оштукатуривание стен и заглаживание полов производили каменными или керамическими мастерками. Налицо высокий уровень квалификации, наличие системы учета и планирования, а также кооперации групп строителей. Возведение обводных стен толщиной до 1,5 м было явно коллективным делом.

В развитии гончарства в широком смысле слова как совокупности производственной деятельности человека по изготовлению изделий из глины в эпоху энеолита на Алтын-депе выделяются два этапа. На первом этапе (период раннего и среднего энеолита) для гончарного производства характерно: использование глины с большим количеством органического или крупного минерального отощителя; ленточный способ формовки — и в результате бедный набор форм сосудов; покрытие изделий слоем плотного ангоба и широкое распространение лощения; декорирование их краской до обжига; обжиг преимущественно в однокамерных гончарных печах; ограниченное количество категорий изделий — посуда, антропоморфные и зооморфные изображения, колесовидные предметы, пряслица и «навершия», «ядра для пращи».

Второй этап (период позднего энеолита) характеризуется полным преобладанием новой технологии, появляющейся еще в период среднего энеолита: использование глиняной массы с очень мелкими примесями и изготовление посуды на шаблоне или путем соединения из нескольких частей ведет к разнообразию вариантов форм сосудов; пластичное сырье дает возможность нанесения не только расписного, но и рельефного декора глиняных предметов, а равномерный и длительный обжиг в двухкамерных гончарных печах позволяет получать прочные и не теряющие формы сложные изделия. В результате этой технологической «революции» к концу периода позднего энеолита полностью формируется технологическая основа гончарства эпохи бронзы. Выросший уровень квалификации и специализации мастеров ярко проявляется в новых категориях предметов (печати, коробочки-«реликварии», модели одноосных повозок — *рис. 66*) и их резном декоре, детализированной системе геометрической расписной орнаментации посуды и великолепных образцах терракотовой антропоморфной пластики.

Основную роль в производственных процессах в эпоху энеолита продолжает играть каменный и дру-

гой неметаллический инвентарь. Каменные орудия труда и изделия дают многоплановую информацию о хозяйственно-производственной системе, раскрывая технологию изготовления и развития орудий труда, функциональные назначения каждого инструмента. Комплексное исследование артефактов методами морфологического, технологического, трасологического и экспериментального анализов позволяет осуществить привязку функций орудий к конкретным производствам и тем самым восстановить как наборы инструментов, так и технологию производств, с которыми они были связаны. Анализ функциональных групп свидетельствует, что традиционные виды производств, известные еще в неолитическую эпоху, в энеолите оснащены уже новыми орудиями и новыми технологиями. Коллекция изделий из Алтын-депе эпохи энеолита, сделанных из неметаллического сырья (3054 экз.), включала орудия, в т. ч. полифункциональные, оружие, престижные, культовые и бытовые предметы.

Сырьем для изготовления каменных изделий служили известняки, песчаники, кварц, кремнистый сланец, алебастр, халцедон и др. В основном это галечники, не требующие специальной обработки для таких орудий, как лоцила, гладилки-выпрямители для раскатки металла, разнообразные молотки дляковки, абразивы, отбойники и др. Поэтому большая часть использованных предметов типологически выглядит естественными гальками, плитами и их обломками. И только трасологический анализ, верифицируемый экспериментами, позволил обнаружить на их поверхности следы утилизации от разного рода работ.

Земледельческий комплекс Алтын-депе эпохи энеолита представлен 283 орудиями. Для землепашных работ население пользовалось каменными мотыгами хассунского типа и деревянными палками с каменными кольцами-утяжелителями. На легкость и простоту обработки полевых почв указывала в своих исследованиях Г. Н. Лисицына. Для этих целей вполне подходили обычные палки-копалки с утяжелителями, каменные и деревянные мотыги³⁹¹. В то же время редкость землеобрабатывающих орудий и находки моделей одноосных повозок, которые, вероятно, тянула пара быков (волов?), позволяют предположить, что земледельцы Алтын-депе в период позднего энеолита использовали уже пахотные орудия типа сохи. Сцена пахоты деревянной сохой с парной запряжкой быков представлена и на серебряном кубке 3-го тысячелетия до н. э. из Афганистана³⁹².

Среди зернообрабатывающих инструментов преобладают зернотерки (116 экз.) и двуручные куранты ладьевидной формы для растирания зерна (87 экз.), часть из которых изношена с двух сторон. Представлены также песты (42 экз.) и ступки

(29 экз.) для обрушивания половы и размельчения зерен злаков. Уборка урожая скорее всего производилась уже медными серпами, которые известны по единичным находкам из поселений эпохи бронзы. Однако металлические изделия редко сохраняются на памятниках эпохи палеометалла не только в силу природных воздействий, но в первую очередь из-за ценности этих инструментов, которые после слома пускали в переплавку.

Большое количество зернообрабатывающих орудий и специальное сооружение-зернохранилище свидетельствуют о значительных объемах зерна, получаемых земледельцами Алтын-депе на обширных посевных участках. Не случайно в комплексе эпохи энеолита преобладали наиболее эффективные орудия для измельчения — двуручные куранты, рабочие поверхности которых захватывали больший объем зерна, чем песты с их микроплощадками. В процессе работы они требовали значительно меньших усилий, чем одноручные инструменты. То есть энеолитические зернообрабатывающие орудия выигрывали в скорости обработки, меньшей затрате физических сил, увеличении объема обрабатываемой продукции.

Земледельческо-скотоводческое хозяйство населения Алтын-депе дополняла и охота, на что указывает палеогеография района и остеологические останки диких животных³⁹³. Охотничье оружие эпохи энеолита представлено глиняными ядрами для пращи (195 экз.), единичными кремневыми наконечниками стрел и вкладышем метательного оружия. Найден также абразив для полирования древков стрел.

Комплекс орудий труда и изделий свидетельствует об огромной роли камня на поселении в энеолитическое время. С его обработкой были связаны 573 инструмента (20,9 % всех орудий труда). Среди них определяющее значение имели отбойники (225 экз.) и абразивы для шлифования каменных изделий (202 экз.). Набор инструментария включал отжимники, ретушеры, сверла, развертки, накопальники (101 экз.).

Перечисленные орудия служат ярким примером разнообразия технических приемов обработки камня. Отбойники, например, представлены множеством морфологических типов (округлые, подшаровидные, клиновидные, овальные, подтреугольные, пальцеобразные и др.) дифференцированного размера и веса (от 50 до 2300 г), имевшими разное конкретное назначение. Среди них были орудия, использованные при пикетажной обработке каменных изделий, и образцы, употреблявшиеся при разбивании крупных кусков и глыб сырья (тяжелые, двуручные и одноручные отбойники) или при расщеплении нуклеусов для получения отщеповых заготовок. В позднем энеолите при

изготовлении косметических сосудов из мягкого алебаstra применяли техники отески и скобления, с помощью которых обрабатывали наружную поверхность заготовки и формировали емкость будущего сосуда. При сложности и разнообразии морфологических форм каменных предметов потребовалось использование пассивных (на которых производилась обработка плоских поверхностей) и активных (с помощью которых оформлялись объемные, рельефные части) абразивов. Пикетажной и абразивной техниками нанесен также рельефный орнамент на сосуд-ступку, а при изготовлении бус, подвесок, статуэток и сосудов применяли пиление абразивными пилками и одностороннее и двустороннее сверление.

Все это позволяет говорить о значительном прогрессе в технологии обработки камня, наступившем в эпоху энеолита, и росте уровня профессионализма. Последнее касается всех производств, практиковавшихся населением Алтын-депе, поскольку в них были задействованы в основном каменные орудия и изделия.

Деревообрабатывающее производство характеризуется большим разнообразием функциональных типов, выполнявших сложный многоактный комплекс технологических операций (34 экз.). Особенно широко использовали отеску и долбление (долота, тесла, стамески) и расщепление дерева (клинья и противовесы). Набор плотницкого инструментария Алтын-депе свидетельствует о заметных прогрессивных изменениях, которые произошли в деревообработке по сравнению с неолитом: появляется новая операция членения дерева на доски и повышается качество обработки поверхности деревянных изделий, отделанных техникой отески. Судя по составу специализированных орудий, плотницкое дело Алтын-депе было тесно связано со строительными работами.

Костообрабатывающее производство было оснащено разнообразными орудиями (34 экз.), занятыми в конкретных операциях. Преобладающее значение имели крупные и мелкие песчаниковые абразивы (16 экз.) для обработки поверхностей и рабочих концов костяных шильев, игл. В обработке костяных и роговых изделий участвовали абразив для шлифования поверхностей долот и небольших тесел, скобели, долота и лоцило. Широко использовали и ручные рубящие орудия для раскалывания костей, изготовленные из плиток и кусков галек с заостренными рабочими краями, оформленными ударной техникой (14 экз.). Судя по набору, костообрабатывающие инструменты были задействованы в быту и кожевенном производстве и сохраняли консервативные технологии. В то же время зафиксированы приемы оформления изделий металлическими орудиями: ножами из метал-

ла наносили резной орнамент на поделки из кости (печати-пуговицы, «палочки»).

Некоторые изменения претерпела в эпоху энеолита и технология кожевенного дела, в котором было занято 503 инструмента (18,4 % орудий труда). Обработку шкур и выделку кож осуществляли крупными каменными, в т. ч. двуручными скреблами с круговым лезвием (34 экз.), скребками и скреблами, изготовленными на фрагментах керамики (364 экз.), и в меньшей степени каменными скребками концевой, округлой и боковой форм (14 экз.). Обнаружены каменные кожевенные ножи и проколка для шкур, костяные шилья и иглы. Прогрессивным явлением оказалось лощение большинства выделанных кож, о чем свидетельствует значительное количество лоцил, сделанных в основном из галек (76 экз.). Это значит, что скорняки Алтын-депе внедрили новую технологию в кожевенное дело, отразившуюся на качестве и эстетике выпускаемой кожевенной продукции.

Высокого уровня достигла обработка краски, в которой было задействовано 57 орудий и изделий (2,1 %). Найдены крупная краскотерка для широкого использования и мелкие — для индивидуального (26 экз.), на которых растирали красную и черную краску с помощью пестов и миниатюрных пестиков (18 экз.). Для изготовления большого количества краски использовали также двуручный курант. Нередко употребление ступочек с яркими следами изнашивания (9 экз.). Есть даже миниатюрные емкости, в которых разводилось небольшое количество краски. Словом, мастера обладали полным арсеналом краскообрабатывающих инструментов и обеспечивали население энеолитического Алтын-депе красящим сырьем, которое применялось при изготовлении керамики, культовых («реликварии», статуэтки) и бытовых предметов, в кожевенном деле. Количество и набор инструментов говорят о большой значимости краскообрабатывающего производства, масштабности его востребования, повлекшими внедрение в трудовой цикл крупных краскотерок и пестов, двуручных курантов, ускоряющих процесс технологической обработки и удовлетворяющих возрастающие нужды населения в краске.

При изготовлении лепной глиняной посуды применяли шпатели из обломков керамики и каменные лоцила для доводки поверхности сосудов. Использовался также прием ремонта сосудов путем просверливания сквозных отверстий и привязывания разбитых частей через эти просверлины.

О прогрессивных технологических изменениях в прядении свидетельствует широкое распространение в период позднего энеолита терракотовых наверхий (300 экз.), предположительно, стопоров на шпульки, использовавшихся при соединении

нескольких тонких нитей в одну. Помимо терракотовых пряслиц (167 экз.), в комплексах времени Намазга-III изредка представлены и каменные маховики-напрясла на веретена.

Наиболее заметный прогресс в производственной деятельности энеолитического населения Алтын-депе связан с появлением инновационных производств — металлургии и металлообработки, повлекших за собою возникновение новых технологий. Прежде всего население обратилось к использованию особого вида сырья при изготовлении разного рода орудий и изделий из металла. Исходным материалом для него послужила руда, отдельные кусочки которой были найдены на территории Алтын-депе эпохи бронзы. В энеолитических слоях обнаружено 40 рудообрабатывающих орудий: рудотерки (4 экз.), молоты и молоток для дробления и разбивания кусков рудосодержащей породы (17 экз.); двуручные куранты и тяжелые песты для дробления и растирания руды (18 экз.) в целях обогащения, кирка для извлечения породы. В типологическом плане все названные орудия идентичны таковым, задействованным в переработке продуктов земледелия и краски. В трасологическом резко отличаются интенсивными, желобчатыми, глубокими, разнокалиберными следами сработанности, имеющими свои специфические признаки изнашивания. Кроме того, появились особые орудия типа молотов, кирок, в которых не было надобности в зернообрабатывающем и краскообрабатывающем производствах.

Совершенно новые технологии были введены в металлообрабатывающей отрасли. Орудия металлообработки (375 экз. — 13,7 % от числа инструментария) изготовлены из дифференцированных пород камня и были задействованы в разных технических операциях, образующих в целом сложный технологический процесс. Последний включал холодную ковку различных металлических изделий на крупных и небольших наковальнях с использованием молотов тяжелого, молотков среднего и молоточков легкого действия. Такое подразделение орудий на большие и малые формы обусловлено существованием двух параллельно действующих металлообрабатывающих производств — кузнечного и ювелирного дела, обладающих своим конкретным набором инструментария. Помимоковки, в трудовых операциях использовали выглаживание поверхности металла, увеличение его размеров за счет разгонки, раскатку тонкого листового металла (фольги) с помощью новых орудий — гладилок-выпрямителей с гладкой естественной или специально зашлифованной поверхностью, изготовление на матрицах изделий полусферической формы из фольги, шлифование поверхности, заточку и наплавку лезвий металлических изделий типа ножей,

кинжалов и топоров, тесел, заострение рабочих концов шильев, игл, осуществлявшееся с помощью дифференцированных абразивов и оселков.

При изготовлении металлических изделий использовали 15 функциональных типов орудий. Среди них преобладают абразивы для обработки металлических изделий с плоской поверхностью типа ножей, кинжалов (196 экз.). Вторую группу по количеству находок образуют подставки-наковаленки для холоднойковки (26 экз.) и раскатки фольги (21 экз.), оселки для заточки и наплавки лезвий ножей, кинжалов (30 экз.), молотки среднего действия для холодной разгонки иковки (26 экз.), гладилки-выпрямители (17 экз.), молоточки легкого действия для холоднойковки ювелирных изделий (13 экз.). В третью группу входят абразивы для шильев, игл (11 экз.), молоточки легкого действия для выдавливания на матрицах изделий из фольги (10 экз.) и сами матрицы (11 экз.). Четвертую позицию занимают абразивы для топоров, тесел, долот (5 экз.), молоты тяжелого действия для холоднойковки (3 экз.), наковальни (4 экз.), оселки для наплавки лезвий ножей, кинжалов и заострения шильев, игл (2 экз.).

Большая часть орудий металлообработки была занята в изготовлении ножей, кинжалов, топоров, тесел, долот, шильев, игл. Меньшая была задействована в изготовлении ювелирных изделий, в т. ч. из фольги, выполненных на матрице.

Вместе с тем, несмотря на появление металлических изделий, основная нагрузка в хозяйственно-производственной системе энеолитического населения Алтын-депе приходилась на каменный инструментарий. Даже металлургия и металлообработка полностью обслуживались орудиями из камня. Каменные и другие неметаллические изделия являлись важным технико-технологическим и функциональным фактором в развитии всех видов производств и прогрессе культуры в целом. Изучение орудий труда и изделий из неметаллического сырья свидетельствует о дифференциации производств, среди которых выделяются особенно прогрессивные — металлургия, кузнечное и ювелирное дело, изготовление изящных алебастровых сосудов, престижных и культовых предметов из камня и терракоты (печати, статуэтки, «реликвари»).

Анализ распределения орудий труда и изделий эпохи энеолита по данным стратиграфии и топографии Алтын-депе позволяют наметить динамику развития и локализацию основных видов производств.

При всем ограниченном объеме исследований культурных слоев периодов раннего и среднего энеолита даже небольшие имеющиеся материалы достаточно показательны. В комплексе периода раннего энеолита представлено восемь терракотовых

пряслиц, костяное шило для прокалывания шкур, а также каменные тесло и долото для обработки дерева. Орудия для обработки дерева достаточно редки — и на Алтын-депе эпохи позднего энеолита — средней бронзы³⁹⁴, и на Илгынлы-депе периода среднего энеолита³⁹⁵ их количество не превышает 2 % всех каменных орудий труда. Возможно, что в период раннего энеолита, при наиболее благоприятном климате и сравнительно редком населении, дерево жители Алтын-депе использовали шире, чем в последующие эпохи, и, соответственно, орудия для обработки дерева играли большую роль. В комплексе периода среднего энеолита также преобладают орудия прядения — терракотовые пряслица. Среди каменных изделий обнаружены орудия трех основных видов производств — обработки зерна, металла и краски.

Наиболее полно на Алтын-депе представлены орудия труда периода позднего энеолита, в первую очередь из раскопов 1, 5 и 15.

Орудия земледельческого комплекса найдены во всех строительных горизонтах времени Намазга-III и составляют 10–16 % каменных орудий труда, а в 11-м и 10-м горизонтах раскопа 5, где исследованы жилые дома и прилегающие к ним хозяйственные помещения и дворы, — даже свыше 26 %.

Яркую картину дает распределение орудий и отходов камнеобработки. По материалам 12-го и 11-го горизонтов раскопа 5 можно говорить о большой роли камня в быту и системе производства: в каждом горизонте орудия камнеобработки составляют около 30 % каменных орудий труда, а заготовки, бытовые предметы и отходы расщепления представлены значимыми по количеству сериями.

В 10-м и 9-м горизонтах раскопа 5 обработку камня производили на специализированных участках. Так, в 10-м горизонте в южной и юго-западной части двора А обнаружено 9 отбойников, 28 абразивов, наковальня и 2 сверла для камня, а еще свыше 40 орудий находилось в прилегавшем ко двору А с юго-востока хозяйственном комплексе (рис. 67). Здесь же найдено 10 нуклеусов и 52 отщепа, обломки изделий со следами пришлифовки, заготовки поделок и каменного сосуда, отходы изготовления алебастровых сосудов. Таким образом, в 10-м строительном горизонте в южной части раскопа находилась мастерская по изготовлению орудий труда и изделий из камня.

В 9-м горизонте на раскопе 5 выделяются по крайней мере три участка, связанных с обработкой камня, причем специализированные по-разному. В южном углу раскопа продолжают изготавливать каменные орудия труда — здесь найдено 52 орудия (отбойники, наковальни и абразивы), а также 6 нуклеусов и 10 отщепов (рис. 68). В противоположном, северном углу раскопа обнаружено 64 орудия кам-

необработки, 4 нуклеуса, несколько отщепов, обломки заготовок сосудов и изделий из известняка. Наконец, в северо-восточной части раскопа, на территории двора (помещение 10/22) и в прилегающих с юго-запада хозяйственных помещениях 13/27, 23 и 25 изготавливали алебастровые сосуды и предметы. Специализированный характер этого производства определяется как наличием заготовок из алебаstra разных стадий обработки (рис. 69), так и набором орудий — именно здесь найдено огромное количество разнообразных отбойников и абразивов.

Для изготовления сосудов использовали естественные конкреции природного гипса (алебаstra) беловатого, кремового и розового цвета. Обработка включала несколько этапов: удаление корки оббивкой, придание грубой подцилиндрической формы отеской, формовку основного объема сосуда с помощью узкой стамески. Затем верхнюю часть болванки спиливали и высверливали внутреннюю емкость сосуда³⁹⁶, которая также оформлялась дополнительно косыми срезами орудия с узким лезвием. С помощью стамесок и абразивных пилкок намечали и декорировку поверхности (в виде вертикальных или горизонтальных желобков или пропилов) и оформляли профилированный венчик. Окончательную обработку сосуда проводили с помощью абразивов, в т. ч. и фигурных, которыми доформовывали рельефные детали. В результате такого сложного многоактного процесса получались изящные, полупрозрачные сосуды, которые, судя по находкам их в богатых женских захоронениях³⁹⁷, использовали для хранения косметики.

Алебастровые сосуды появляются в культурных комплексах южнотуркменистанских поселений в период позднего энеолита и являются четким хронологическим индикатором. На тщательно исследованном Илгынлы-депе периода среднего энеолита нет ни одного алебастрового сосуда, зато они широко представлены на Кара-депе³⁹⁸ и на поселении Геоксюр-1³⁹⁹ с самого начала периода позднего энеолита. Этим же временем датируется и единственный сосуд из алебаstra в могильнике Пархай-II Юго-Западного Туркменистана⁴⁰⁰.

Технология изготовления алебастровых сосудов путем срезания и скобления находит явные прототипы в технологии изготовления деревянных сосудов. Судя по приемам изготовления, косметические алебастровые сосуды, терракотовые коробочки-«реликварии» и модели повозок периода позднего энеолита заменяют или дополняют (?) деревянные прототипы таких изделий. Вероятно, в условиях начинающейся аридизации и антропогенного воздействия на ландшафт запасы годного для сложных поделок дерева становятся все более ограниченными.

Каменные орудия металлообработки стабильно представлены на всех участках Алтын-депе, где исследованы напластования периода позднего энеолита. Набор инструментов включает три группы изделий: 1) абразивы и оселки для шлифовки и заточки металлических изделий составляют свыше 65 % всех орудий металлообработки, что связано с их использованием и при изготовлении металлических изделий и при дополнительном затачивании и подправке рабочих лезвий; 2) орудия кузнеца — молотки и наковальни встречаются гораздо реже (около 9 % орудий металлообработки)⁴⁰¹ и найдены почти исключительно в 9-м горизонте раскопов 1, 5 и 15; 3) орудия ювелирного производства (26 % орудий металлообработки).

Анализ стратиграфического распределения орудий металлообработки на раскопе 5 показывает, что в период позднего энеолита их количество и относительная доля среди каменных орудий труда стабильно растет. Исключением является комплекс орудий из 10-го горизонта, где в исследованной части поселения полностью преобладала каменная обработка. Наибольшее количество орудий по обработке металла обнаружено в 9-м горизонте, где они составляют около 30 % всех каменных орудий труда.

Планиграфия находок в 9-м горизонте показывает, что абразивные инструменты довольно равномерно представлены по всей площади раскопа, а наибольшее их число (20 экз.) найдено вокруг зернохранилища и в прилегающей части двора А (рис. 70). Орудия ювелирного производства концентрируются в южной части двора А и в помещении 23. Это небольшое помещение вообще представляло собой некий склад каменных орудий труда — на площади менее 6 м² находилось 50 орудий и изделий, включая 22 орудия металлообработки. Кроме помещения 23, кузнечные орудия найдены преимущественно в северо-западной части раскопа, где на полах помещений 6 и 9 обнаружены и почти все орудия для обработки руды (рис. 70).

В целом в 9-м горизонте на территории раскопа 5 намечается три производственных участка металлообработки, два из которых (в южной и юго-западной частях двора А и в помещении 23) совпадают с участками, на которых изготавливали каменные изделия и сосуды. Третий участок — северо-западный дом (помещения 1, 5, 6, 9), видимо, представлял собой жилище или мастерскую кузнеца и металлурга. Еще один специализированный участок кузнечного и литейного дела намечается на территории раскопа 1 и частично раскопа 15 в горизонте Алтын-9. Здесь, на северном краю поселения, где отсутствовали жилые строения, обнаружена концентрация кузнечных орудий (5 молотков дляковки) и орудий по измельчению и добыванию руды (18 экз.).

На этом же участке поселения находилась и гончарная печь.

Орудия кожевенного дела (скребла, скребки, лощила) обнаружены в основном во дворах, т. к. работа по обработке шкур, вероятно, велась на открытом воздухе. Многочисленные орудия прядения и глиняные «ядра для пращи» также представлены преимущественно в мусорном заполнении дворов. Орудия других видов производств периода позднего энеолита относительно малочисленны и особых закономерностей в их распределении не прослеживается.

Таким образом, к концу периода позднего энеолита выделяется по крайней мере три вида специализированных производств: изготовление каменных сосудов и изделий; кузнечное дело и металлургия, тесно связанные единым производственным процессом; ювелирная металлообработка. Эти производства не только были обеспечены сложным профессиональным набором инструментов, но и территориально обособлены и вместе с гончарством являлись наиболее технологически и организационно развитыми обрабатывающими отраслями экономики населения Алтын-депе.

В целом в развитии технико-технологического потенциала населения Алтын-депе эпохи энеолита выделяются два этапа.

Первый этап соответствует периоду раннего и среднего энеолита, когда медленно эволюционирующие основные виды производств носили, вероятно, в основном домашний характер и были направлены на удовлетворение потребностей жителей сравнительно небольшого поселения. Прогрессивное развитие технологии гончарства — внедрение двухкамерных обжигательных печей и постепенный переход на новые виды отошителей, начало специализированной металлообработки и предположительное появление первого колесного транспорта в период среднего энеолита были, вероятно, обусловлены как активными влияниями и, возможно, инфильтрацией населения технологически более развитых иранских центров, так и широкими культурными взаимодействиями, связанными с усилением межрегиональных связей и формированием северного лазуритового пути во второй половине 4-го тысячелетия до н. э.⁴⁰²

Второй этап — период позднего энеолита, когда Алтын-депе становится крупным центром. Изменяется сама структура поселения — на ряде участков появляются мощные ограждающие и подпорные стены толщиной до 1,5 м. Оформляются юго-западный въезд на поселение и магистральная улица, протянувшаяся с юго-запада на северо-восток. По этой улице, вероятно, двигались двухколесные повозки со втульчатыми вращающимися колесами, которые тянули быки (волы?).

Основу сельского хозяйства составляет ирригационное земледелие, а для вспашки земли с помощью сохи (?) также, видимо, использовалась тягловая сила быков. Система индивидуального хранения зерна в каждом жилище заменяется коллективной — появляются сооружения-зернохранилища, рассчитанные на хранение запасов группы индивидуальных семей, при этом поступление и выдача (?) запасов учитываются с помощью разнообразных печатей — персональных (?), семейных (?) знаков собственности.

При изготовлении строительных материалов (кирпича) также используется система маркировки продукции, видимо, для ее учета.

Судя по сложному специализированному набору орудий труда, выделению специальных производственных участков и высокому техническому и художественному уровню изделий, в гончарстве, камне- и металлообработке, металлургии начинают выделяться профессиональные мастера — гончары и специалисты по изготовлению глиняной пластики статуэток, «реликварию», печатей (?), алебастровых и каменных сосудов и украшений (бус), а также кузнецы и ювелиры по металлу.

Впервые локализуется металлургическое производство, связанное с импортом руды, а не только медных заготовок.

Новые виды сырья используются и при изготовлении культовых и бытовых изделий — деревянные модели повозок, коробочки, косметические сосуды заменяются или дополняются (?) глиняными и алебастровыми.

Изменяется структура жилища — на смену однокомнатным домам эпохи раннего и среднего энеолита приходят двухкомнатные дома, состоявшие из жилой комнаты и помещения-«вестибюля», т. е.

усиливается защита жилого пространства от атмосферных воздействий.

В погребальном обряде, кроме индивидуальных захоронений в культурном слое поселения, распространяются коллективные захоронения в наземных погребальных камерах, причем на Карадепе и Геоксюр-1 захоронения (как индивидуальные, так и коллективные) группируются в небольшие обособленные могильники. Появляются богатые захоронения женщин со стандартным туалетным набором из каменных косметических сосудов, медных стержня с навершием-лопаточкой и зеркала.

Таким образом, в период позднего энеолита происходят изменения в технологии и организации основных видов производств, а также в системе расселения, размерах и внутренней структуре самого поселения, которые свидетельствуют, с одной стороны, об усилении коллективных связей (в сельском хозяйстве и строительстве) и, с другой стороны, о выделении индивидуального начала — специализации мастеров-профессионалов в ряде производств, дифференциации погребального обряда, появлении знаков собственности.

Судя по имеющимся данным, эти процессы, обусловленные изменениями природной среды и интенсивными межрегиональными контактами конца 4-го — начала 3-го тысячелетия до н. э.⁴⁰³, связаны с переходом общества на новую ступень развития и формированием культурной и технико-технологической основы древнейшей раннегородской цивилизации эпохи бронзы Средней Азии на Алтын-депе.

***Боковенко Н. А., Килуновская М. Е., Красниенко С. В., Кулькова М. А.,
Лазаретов И. П., Семенов Вл. А.***

РАЗВИТИЕ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ (по материалам Минусинско-Хакасских котловин и Тувы)

Центральная Азия — особый горностепной регион, наиболее удаленный от океанов, являлся одним из центров культурогенеза в древности, имеющим локальное своеобразие в процессе освоения и адаптации древнего населения двух больших районов — Минусинско-Хакасские котловины и Тува.

Минусинско-Хакасские котловины

Минусинско-Хакасские котловины расположены в центральной части Азии и занимают степные пространства, которые окружены с востока и юга горами Саян и с запада — горами Алтая, с севера их закрывает тайга, вплоть до Северного Ледовитого

океана. С юга на север их пересекает крупнейшая река мира — Енисей.

Климат в этом регионе до последнего времени был резко континентальный, местами засушливый. Естественные степные пастбища являются основной кормовой базой животноводства, земледелие же требует искусственного орошения.

Но так, видимо, было не во все исторические периоды, о чем убедительно свидетельствуют данные палеоклимата и археологические материалы.

Окружение горными системами степных пространств способствовало тому, что древние культуры были в меньшей степени подвержены внешнему влиянию со стороны других культур и развивались в большей степени на основе местных традиций и в особой экологической нише.

Если палеолит (афонтовская культура) в этом регионе представлен несколькими десятками стратифицированных памятников, с хорошим археологическим материалом, что свидетельствует об определенном уровне заселения его древним населением, то большой период раннего голоцена (мезолита и неолита) (примерно 8–4-е тысячелетия до н. э.) практически не представлен археологически⁴⁰⁴. Хотя этот регион исследовался многими экспедициями, начиная с XVIII в. Отдельные памятники мезолита и раннего неолита (такие как, например, пещера Еленева, Няша, Усть-Минжуй, Красноярская, Унюк, Корасево, Голубая, Сизая, Майна, Уй-II, Усть-Хемчик-III, Тоора-Даш и др.) также практически все сосредоточены в предтаежной и прегорной зонах. Степная зона практически совершенно пуста, что требует своего осмысления. Скорее всего особые климатические условия, аридизация климата этого региона в среднем голоцене препятствовали интенсивному его заселению. Только в конце неолита древнее население, видимо, начинает осваивать степные котловины Среднего Енисея, о чем свидетельствуют отдельные находки на степных озерах Хакасии⁴⁰⁵. И только с энеолита, видимо, степи заселяется более интенсивно.

Для уточнения климатических особенностей этого региона в разные исторические периоды была разработана международная программа с участием российских, голландских и финских специалистов. Исследовались 25 озер и два стратиграфических разреза с территории Назаровской и Минусинских котловин, а также Тувы (рис. 71). Были взяты многочисленные пробы образцов погребенных почв и озерных отложений голоценового возраста для датирования радиоуглеродным методом и для исследований с использованием комплекса методов (спорово-пыльцевого, микрофоссильного и геохимического). Наиболее хорошие образцы были взяты из Кутужековского озера, около с. Шушенское и в Шарыповском р-не

(рис. 71–72). Совокупность методов позволила суммарно реконструировать климатические изменения в голоцене для Центральной Азии в определенные исторические периоды⁴⁰⁶.

В среднем голоцене прослеживается аридизация климата, что не способствовало заселению степных долин; в период резкого похолодания 5–3 тыс. л. н. и последующих потеплений адаптация населения проявлялась по-разному. Так, в более аридной и высокогорной Туве понижение температуры могло выразиться прежде всего в усилении сезонной контрастности, мозаичности заселения территории, приуроченности его к лесным массивам. В Минусинской котловине, напротив, начало холодной и влажной фазы совпадает с началом накопления органического вещества, свидетельствуя о повышении продуктивности биоценозов, что, в свою очередь, обеспечило привлекательность территории котловины для заселения древними племенами.

В середине 4-го тысячелетия до н. э. здесь появляются племена афанасьевской культуры, имеющие скотоводческую форму хозяйства. В этот период климат был жарким и влажным, что способствовало развитию скотоводства.

Афанасьевская энеолитическая культура (4–3-е тысячелетия до н. э.) как раз прослежена в степной зоне горной системы Саяно-Алтая. Это первая курганная культура этого региона с древнейшим европеоидным населением, которая являлась самой восточной в системе скотоводческих культур Евразии, носители которых говорили на индоевропейских языках. К востоку от нее, за горами Восточного Саяна жили монголоиды. Могильники немногочисленны, обычно не более десяти курганов и в основном сосредоточены у рек. Поселения и стоянки были временные (сезонные), остатков жилищ не обнаружено. Сохранились кострища и очаги, вокруг которых обнаружены остатки каменной индустрии.

Палеозоологический материал убеждает, что афанасьевцы имели производящее скотоводческое хозяйство с преобладанием крупного рогатого скота. Судя по накипи на внутренних стенках глиняных горшков, в пище преобладали овощи или мясо. На земледелие прямых указаний нет. Найденные роговой молот, камни, похожие на зернотерки, могли применяться в домашнем обиходе для растирания корнеплодов и дикорастущих злаков.

Антропологические наблюдения позволяют говорить, что продолжительность жизни у них была достаточно низкой: немного обнаружено стариков, достигших 60 лет, обычный возраст взрослых в могильниках был 40–50 лет, самая высокая смертность установлена для детей, особенно младенцев⁴⁰⁷.

Афанасьевская культура существовала очень долго. И хотя памятники относительно однообраз-

ные, но по совокупности признаков выделяются два хронологических этапа: ранний — памятники типа Малиновый Лог и поздний — типа Черновая-VI и Карасук-III. Основные тенденции в развитии культуры — улучшение конструкции ограды, увеличение погребенных в могилах, совершенствование форм и качества изготовления посуды, появление черт, связывающих ее со следующей, окуневской культурой эпохи ранней бронзы.

На происхождение афанасьевской культуры существуют три точки зрения:

- 1) пришедшая с запада с территории Северного Причерноморья, где обитали носители ямной культуры (С. А. Теплоухов, С. В. Киселев, А. П. Окладников, Э. Б. Вадецкая, Ю. Ф. Кирюшин, Вл. А. Семенов и др.);
- 2) пришедшая с запада с территории Юго-Восточного Прикаспия (И. Н. Хлопин);
- 3) автохтонное (центрально-азиатское) происхождение культуры в целом, с возможным притоком с запада (из Прикаспия и предгорий Тянь-Шаня) части населения (В. И. Молодин, Н. А. Боковенко, П. Е. Митяев).

Радиоуглеродные датировки наиболее архаичных афанасьевских комплексов Алтая и Енисея свидетельствуют, что они существовали уже в начале — середине 4-го тысячелетия до н. э., т. е. ничуть не позже памятников ямной культуры⁴⁰⁸. Этот факт вступает в противоречие с традиционным представлением о приходе афанасьевцев с далекого запада, где в это время в ямной культуре Северного Причерноморья многих архаичных черт афанасьевской культуры мы не наблюдаем. Таким образом, проблема сложения афанасьевской культуры остается открытой и требует новых подходов и комплексных исследований памятников в евразийской зоне степей.

К середине 3-го тысячелетия до н. э. наступила аридизация климата, что могло привести к частичному кризису и переориентации скотоводческого хозяйства. Сильная аридизация климата отмечается в период 4,3–2,4 тыс. л. до н. э. также в Монголии и Китае⁴⁰⁹.

Окуневская культура (конец 3-го — первая половина 2-го тысячелетия до н. э.) в основном сосредоточена в этом же регионе Центральной Азии, но, видимо, генетически с афанасьевской не была связана. Погребенные в окуневских могилах принадлежали иному расовому типу, чем афанасьевцы, и генетические связи обоих типов, несомненно, различны, что указывает на сложность этнокультурных процессов. Население имело некоторую долю монголоидной примеси. На различие этих культур уже неоднократно обращалось внимание. Тем не менее нельзя отрицать, что в некоторых деталях обряда и керамики улавливается определенное сход-

ство (орнаментации, формах курильниц и т. п.). Также различные наблюдения позволяют говорить, что некоторые поселки состояли из представителей разнокультурных племен, хоронивших своих родственников каждый по-своему. В археологическом материале это явление отражено в окуневских могильниках, в которых похоронены люди афанасьевского антропологического типа (Аймырлыг).

Соседство и совместная жизнь афанасьевцев-скотоводов и окуневцев, где существенную роль в хозяйстве играло охота и рыболовство, изменили хозяйственный уклад последних. Происхождения культуры остается пока не ясным: с одной стороны, широкое распространение окуневских образов вплоть до Амура, с другой — древний пласт искусства составляют образы лесных животных, а приемы изготовления скульптур указывают на таежные районы возникновения этого вида памятников⁴¹⁰. Необычайно высокий уровень развития изобразительного искусства (наскального и монументального), в котором существенная роль отводится солярной символике и культу солнца, скорее всего является реакцией на значительную аридизацию климата в этот период.

Минусинская котловина составляет самую восточную окраину расселения андроновских скотоводческих племен (XVI–XIV вв. до н. э.), при этом не вся котловина, а лишь северная ее половина. Андроновских памятников на Енисее меньше, чем на других территориях (Казахстане и Западной Сибири). Почти полностью раскопаны могильники Орак-I, Новая Черная-II и более чем наполовину Сухое Озеро-I⁴¹¹. Могильники расположены около озер или по берегам крупных рек и состоят из нескольких десятков (до 50) плиточных оград. Памятники найдены в Назаровской, Чулымо-Енисейской и Сыда-Ербинской котловинах и практически полностью не известны южнее Абакана, хотя эта территория хорошо изучена, что скорее всего связано с долгим проживанием здесь постокуневских племен. Пока трудно определить, что помешало продвижению андроновцев в южные районы. Многие исследователи предполагают индоиранскую языковую принадлежность андроновцев (данные гидронимии и топонимии).

Что касается окраин Минусинской котловины, северной и южной, то вопрос остается открытым и не исключено, что на севере андроновская культура существовала дольше, чем в центральных районах, а на юге постокуневская культура сменилась карасукской.

Андроновскую культуру сменяет карасукская (XIV–X–IX вв. до н. э.), которая распространена в основном в Хакасско-Минусинских межгорных степных котловинах Среднего Енисея. Это самая мощная культура конца эпохи бронзы в Южной

Сибири и Центральной Азии. Тысячи погребальных памятников и прекрасных различных бронзовых вещей обнаруживают в степях Енисея. Осваиваются многие рудные источники и формируются центры металлообработки. В этот период климат относительно сухой и прохладный. Археологические памятники карасукской культуры представлены как могильниками (учтено более 150), насчитывающие более 1–2 тыс. в могильнике (сейчас создан банк данных для исследованных более 3 тыс. могил), так и поселениями (около 10).

Могильники расположены в удобных котловинах, часто недалеко от воды и бывают разные: небольшие, состоящие из десятка или нескольких десятков оград, и несколько сотен и тысяч каменных оград, что свидетельствует о значительном увеличении населения по сравнению с предыдущими эпохами. Погребальный обряд в классических карасукских могильниках однообразен (захоронение в каменных ящиках, окруженных квадратной или реже круглой оградой). Могильники позднего этапа значительно меньше и погребальные сооружения выполнены значительно хуже. По углам ограды имеют угловые камни, как в последующую эпоху.

Поселения исследованы хуже. Население этого времени жило в небольших полуземлянках прямоугольной формы глубиной до 1 м. Пол был обмазан глиной, стены укреплены деревом. Внутри жилищ находились хозяйственные ямы и очаги. На поселении Торгажак обнаружены материалы бронзолитейного производства, различные трепала, обломки сосудов, орудия труда и произведения искусства⁴¹². Скотоводство было смешанным, в зависимости от региональных условий: крупный рогатый скот в стаде по количеству особей уступал мелкому рогатому скоту и лошадям. В этот период постепенно осваивался конь под верховую езду и переходили к более кочевому скотоводству.

Наскальные изображения в этот период очень схематичны и условны, сюжеты достаточно просты, но доминируют сюжеты с конями: бегущие кони, сцены охоты, «мировое дерево», изображение колесницы. Стилль изображений схематичен и отличается от реалистических высокохудожественных литых скульптур на ручках бронзовых ножей.

В социальном отношении карасукское общество пока не исследовано, но среди сотен одинаковых небольших оград встречаются большие, весьма сложные по конструкции, где, видимо, захоронены лидеры рода или семейства⁴¹³.

Распространение отдельных бронзовых изделий зафиксированы на огромной территории от Центрального Казахстана до Монголии и Северного Китая. Обилие источников послужили основой для создания различных гипотез на происхождение культуры, частично приведенные Э. Б. Вадецкой⁴¹⁴:

- 1) автохтонное (местное) происхождение карасукской культуры и ее компонентов на базе андроновской культуры и при участии западных импульсов⁴¹⁵;
- 2) центрально-азиатское (юго-восточное)⁴¹⁶;
- 3) китайское или ордосское происхождение⁴¹⁷;
- 4) западное, из Казахстана⁴¹⁸ или Ирана и прилегающих областей⁴¹⁹.

Разрабатываются гипотезы о возможной миграции населения с юга на позднем карасукском этапе⁴²⁰.

Антропологический аспект этой проблемы также противоречив. Хотя ученые единодушно приходят к выводам о европеоидности основной массы населения карасукской культуры, но незначительный монголоидный компонент также присутствует. Последние исследования А. В. Громова показывают близость некоторых серий карасукцев с андроновцами Казахстана и Верхнего Притоболья⁴²¹.

По карасукской культуре существовало достаточно много периодизаций, но в настоящий момент практически всеми исследователями принята периодизация М. П. Грязнова, подтвержденная последними многочисленными раскопками и радиоуглеродными датировками (рис. 73). Сейчас культура разделяется на два этапа: 1) карасукский (классический) этап — XIV–XI вв. до н. э.; 2) каменнолоужский (или лугавский) этап — XI–IX вв. до н. э. Естественно, что абсолютные датировки в процессе анализа огромных материалов карасукской культуры будут уточняться и корректироваться.

Примерно 2,8 тыс. л. н. устанавливается более влажный и относительно теплый климат, и в этот период биопродуктивность степных и лесостепных экосистем региона была, по-видимому, очень высокой, что способствовало расцвету кочевых скифского типа. Глобальное увлажнение степей в начале 1-го тысячелетия до н. э. могло стимулировать переход к новым формам скотоводства в этом регионе и миграции древних кочевников на большие расстояния, вплоть до Китая и Восточной Европы.

Тагарская культура (IX–I вв. до н. э.) — одна из культур скифского типа Центральной Азии, хотя ее памятники сосредоточены исключительно в Хакасско-Минусинских котловинах, но многие бронзовые металлические вещи встречены на широкой территории. В раннетагарских памятниках прослеживаются элементы, генетически связанные как с карасукской культурой, так с западными районами, и позволяющие усматривать казахстано-среднеазиатский импульс культурных инноваций на Среднем Енисее в первой половине 1-го тысячелетия до н. э.⁴²² Характерный облик тагарских памятников в виде прямоугольной ограды из вертикальных плит с высокими стелами по углам постепенной трансформируется

в сторону увеличения количества размеров курганов и стел. Также формируется тенденция создания коллективных захоронений в виде долговременных склепов⁴²³.

На основе стратиграфических наблюдений, анализа археологического материала и серии радиоуглеродных датировок была создана уточненная периодизация тагарской культуры, важным аспектом которой является объективное удревнение до IX в. до н. э. ее начального этапа (баиновского). Также удревнились подгорновский и сарагашенский этапы этой культуры (рис. 74–75). Была проведена работа по синхронизации с памятниками северного региона (Кемеровская обл.) и памятниками Тувы (Аржан-1 и 2)⁴²⁴.

Для исследования места проживания и трассирования возможных миграций населения использованы современные изотопные методы (стронций $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ и азота и углерода $^{15}\text{N}/^{13}\text{C}$), позволяющие по костным остаткам (людей и овец, коров, лошадей) определить место рождения⁴²⁵. Удалось показать, что, например, население раннетагарского времени Юго-Западной Хакасии (памятники Хыстаглар, Казановка) проживало здесь с конца эпохи бронзы (памятники Анчил-чон, к. 5, 7, 8). А люди и лошади, захороненные в некоторых могилах кургана Аржан-2, родились или выросли к северу от Тувы, в Хакасии (рис. 76–77). Царица Аржана-2 не являлась уроженкой Хакасии или Тувы, возможно, нужно искать объекты с таким низкорациогенным стронцием в памятниках скифского времени Алтая или Монголии.

Необходимо также отметить, что по антропологическому типу тагарцы были европеоиды и весьма близки скифам Европы, лишь к концу тагарской эпохи монголоидная примесь увеличивается⁴²⁶.

Искусство весьма разнообразно, отражает сложные системы миропонимания общества и является одним из важных центров сосредоточения скифосибирского звериного стиля⁴²⁷.

К рубежу эр происходят также значительные изменения в тагарской культуре и обществе, что можно объяснить целым рядом причин: во-первых, бронзовые изделия сменяются железными; во-вторых, наряду со склепами появляются большие грунтовые могильники и частично меняется погребальный обряд, что, видимо, связано с притоком нового более монголоидного населения. Начинается новая эпоха — эпоха Великого переселения народов, связанная с мощными миграциями кочевых народов (хунну-гуннов, позднее тюрков и др.) из Центральной Азии на запад, вплоть до Черного моря и Центральной Европы. Причины этих мощных миграций пока не ясны, но не исключено влияние глобальных природных факторов в Евразии.

Тува — горная область в центре азиатского континента, представляет собой замкнутую экосистему, в меридиональном направлении разделенную большими реками, составляющими бассейн Верхнего Енисея, на северную и южную части, в свою очередь расчлененными на замкнутые межгорные котловины, в которых формировались различные культурно-хозяйственные типы. В конечном итоге в эпоху ранних кочевников они были сnivelированы, но формы хозяйства все равно оставались различными. Так, в верховьях р. Бий-Хем и Каа-Хем преобладало домашнее оленеводство, в высокогорьях Западной Тувы — разведение сарлыков (яков), тогда как в низкогорных долинах, степях и полупустынях доминировало овцеводство.

Заселение человеком Тувы началось в среднеашельское время (около 200 тыс. л. н.), о чем свидетельствуют находки рубил ашельского типа с местонахождения Торгалык А. Это местонахождение расположено на аллювиальной равнине, имеющей вид широкого мыса, образованного одним из восточных русел р. Торгалык⁴²⁸. Поверхностный характер залегания обнаруженных изделий не позволяет установить палеоклиматические условия обитания ашельского человека в Туве, но споро-пыльцевой спектр отложений гравелисто-галечникового аллювия на местонахождении Торгалык А, по мнению Г. Ю. Ямских, соответствует ландшафтам лесостепного облика.

Средний палеолит (мустьерская эпоха) изучена в Туве по местонахождениям в долине р. Саглы, вдоль южных склонов хребта Тану-Ола, в Хемчикской и Улуг-Хемской котловинах⁴²⁹. Это также сборы поверхностного залегания, не содержащие остатков фауны и датированные типологическим методом и по данным геохронологии.

Верхнепалеолитические памятники представляют, по данным С. Н. Астахова, многочисленную серию, соотносимую с сартанским оледенением. Раскопанная в верховьях р. Ус стоянка Иджир-1 с сохранившимся культурным слоем демонстрирует специализацию охоты на сибирского козерога, т. к. фаунистические остатки принадлежат только этому виду. Вероятно, Иджир-1 был охотничьим лагерьем с жилищем, в центре которого сохранился очаг. Возраст памятника 17 200+70 л. н.⁴³⁰

В 2003–2007 гг. Вл. А. Семеновым исследовался грот в долине р. Куйлуг-Хем. Куйлуг-Хемский грот находится в нижней части скалистого правого борта долины и одноименной речки, на границе скалы и делювиального шлейфа. Абсолютная отметка устья пещеры — 1000 м. Превышение над руслом реки составляет около 25 м. В районе р. Куйлуг-Хем известны стоянки каменного века, приуроченные

к низкогорью, преимущественно к приустьевым участкам правых притоков Улуг-Хема⁴³¹.

На изучаемой площади, относящейся к среднегорью, в 1992 г. В. И. Кудрявцевым были обнаружены палеолитические стоянки-мастерские в долине ручья Тостеек (левый приток р. Куйлуг-Хем). Три стоянки находятся на правом берегу ручья и одна — в его устье. Среди артефактов преобладают обломки, отщепы, пластины (иногда с ретушью), встречаются скребла, скребки, выемчатые орудия и др., все из микрокварцитов⁴³². Восточнее, в южной части высокогорного плато горы Бура, в 1984 г. В. И. Кудрявцевым были найдены две пластины со следами подработки и ретушью, материал — красная яшма⁴³³.

Таким образом, признаки обитания древнего человека на южном склоне Западного Саяна имеются от его подножья до высокогорья. Вполне вероятно обнаружение стоянок каменного века и в окрестностях Куйлуг-Хемской пещеры. В пользу этого свидетельствует широкое распространение здесь нижнекембрийских микрокварцитов — основного вида сырья для каменных индустрий на территории не только Тувы, но и всей территории Алтая — Саянской обл. Коренные выходы и свалы микрокварцитов прослеживаются от Орта-Хема до Эйлиг-Хема и далее к востоку в полосе длиной 16 км и шириной до 2 км (общая площадь 15–20 км²); они обычно чередуются с выходами зелено- и сероцветных, обычно грязно-зеленовато-серых основных эффузивов и их туфов, а также песчаников, сланцев и известняков.

В окрестностях пещеры, на обоих берегах Куйлуг-Хема, нами обнаружены многочисленные артефакты — от серых до черных, иногда с голубоватым оттенком микрокварцитов. Представлены они преимущественно нуклеусами и отщепами, что характерно для стоянок-мастерских; реже встречаются орудия — скребла, ножевидные отщепы, остроконечники, комбинированные орудия и пр. Размер нуклеусов достигает 25х25х10 см; в одной глыбе (30х20х11 см) обнаружен раковистый негатив снятия размером 10х10х2 см. Изделия патинизированы, имеют архаичный облик и, по-видимому, произведены обитателями пещеры, оставившими после себя палеолитический культурный слой.

Как отмечено выше, в составе валунно-галечного материала ордовикских конгломератов существенная роль принадлежит кремнистым породам. Некоторая часть из них вполне пригодна в качестве сырья для каменных индустрий. Поэтому долины всех рек района, особенно на террасовых уступах вблизи от устьев постоянных или временных водотоков, перспективны для обнаружения древних стоянок.

Таким образом, район среднего течения р. Орта-Хем, Куйлуг-Хем и Эйлиг-Хем благоприятен для

поисков пещерных и открытых стоянок людей, живших здесь в каменном веке и позднее.

Предварительный осмотр материалов из первого Куйлуг-Хемского грота показал, что изделия из камня в хорошем состоянии и могут быть подвергнуты трасологическому анализу с целью выяснения способов изготовления и утилизации. Поскольку большинство из них не имеет вторичной обработки, число типологически выраженных предметов незначительно, то результаты анализа будут иметь значение для интерпретации этого многослойного памятника. В особенности вызывают интерес предметы из кварцита, имеющие хорошо различимые следы использования, что редко встречается из-за специфики этого сырья.

Для пяти культурных слоев Куйлуг-Хемского грота получена серия радиоуглеродных дат — два верхних горизонта относятся к голоцену, три нижних, отделенных от вышележащих напластований слоем тектонической «муки», датируются поздним плейстоценом:

- 1-й горизонт (неолит, верхнеенисейская культура): 6710±90 (ЛЕ-6902);
- 2-й горизонт (неолит, верхнеенисейская культура): 3540±75 (ЛЕ-6900);
- 2-й горизонт (неолит, верхнеенисейская культура): 9260±100 (ЛЕ-8062);
- 3-й горизонт (верхний палеолит): 12 880±90 (ЛЕ-8063);
- 3-й горизонт (верхний палеолит): 15 500±180 (ЛЕ-6901);
- 4-й горизонт (верхний палеолит): 23 600±400 (ЛЕ-6999);
- 4-й горизонт (верхний палеолит): 18 740±300 (ЛЕ-7612);
- 4-й горизонт (верхний палеолит): 24 800±400 (ЛЕ-8064);
- 5-й горизонт (верхний палеолит): 20 300±500 (ЛЕ-7610);
- 5-й горизонт (верхний палеолит): 26 100±800 (ЛЕ-8065).

Все даты сделаны по костям животных, собранным при расчистке культурного слоя. В целом они отражают достаточно объективно возраст палеолитических слоев в Куйлуг-Хемском гроте; что же касается неолитических горизонтов, то их, вероятно, можно датировать в пределах 7–5 тыс. лет до н. э. Они содержат керамику, сопоставимую с нижними слоями (первым-третьим) стоянки Тоора-Даш.

Предварительное изучение почв из отложений Куйлуг-Хемского грота, проведенное Г. Ю. Ямских, позволяет сделать заключение о том, что в нижних горизонтах (в 3–5 культурных слоях) состав пыльцы отражает развитие растительности, близкой к тундростепям. С глубины 1,32 м (голоценовые отложения) растительный покров отли-

чается смешанным составом и отражает развитие растительности, соответствующей современному растительному покрову.

Остеологические останки животных, исследованные А. К. Каспаровым, позволяют очертить как объекты охотничьего промысла, так и общий видовой состав фауны, обитавшей на территории Центральной Тувы в эпоху позднего плейстоцена — раннего голоцена. В 1-м культурном слое встречены кости дикого козла или барана, косули, марала, кости мышевидных грызунов, лисы, зайца, собаки и различных птиц. Во 2-м слое обнаружены кости крупного быка или яка, которые использовались в качестве топлива для костра. Слой 3 содержал обломок черепа и челюсть с зубами, а также берцовую кость собаки, кости зайца, пищухи, дикого козла или барана. В 4-м слое встречались кости кулана, дикого быка (зубра или бизона), дикого козла или барана, зайца, пищухи, мышевидных грызунов, косули. В 5-м слое найдены останки козерога или архара, кулана, оленя, хищника типа медведя, кости мелких птиц, пищухи, полевок и т. д. Также обнаружен фрагмент дентина от зуба крупного животного типа мамонта или носорога и кости собаки. Если определение костей собаки из 3-го и 5-го слоев Куйлуг-Хема подтвердятся, то это будет одна из самых ранних разновидностей собаки, демистифицированной на территории Евразии. Кости животных — архара, козерога, косули, марала, медведя и др. — свидетельствуют о том, что видовой состав практически не отличался от современного, за исключением кулана, в настоящее время на территории Тувы не встречающегося.

Памятники переходного этапа от палеолита к неолиту в Туве не имеют четкой идентификации. Верхние горизонты (1 и 2) с неолитической керамикой сопоставимы с материалами многослойной стоянки Тоора-Даш (слои 1–3), находившейся на берегу Енисея приблизительно в 30 км от Куйлуг-Хемского грота. Не исключено, что и в Тоора-Даше, и в гроте обитали представители одного коллектива. Тоора-Даш был летним лагерем, Куйлуг-Хемский грот — местом зимовки.

Стоянка Тоора-Даш представляет уникальный случай адаптации населения различных культур в течение примерно 5–6 тысячелетий — от неолита до современности (рис. 78–79). На памятнике было исследовано 13 культурных слоев, многие из которых расчленялись на горизонты, свидетельствующие о сезонном заселении данного локуса одним и тем же социумом в течение длительного времени. Так, например, 2-й культурный слой (эпоха неолита) делится на 3 горизонта, разделенных тонкими прослойками аллювиальных наносов. Планиграфия стоянки не позволяет сомневаться в том, что она посещалась в эти три периода одним и тем же

коллективом. Очажные пятна, которые находились, по-видимому, в центре двух легких переносных жилищ, располагаются в вертикальной стратиграфической последовательности один над другим. Вокруг очагов концентрировалась повседневная жизнь обитателей Тоора-Даша. Фрагменты разбитых горшков, декорированных гребенчатым штампом, продукты расщепления камня и кости животных локализованы вокруг кострищ. Затем более мощный паводок оставил слой суглинка, и новое неолитическое стойбище возникло здесь спустя сравнительно длительный отрезок времени.

Последующий период остепнения Саяно-Алтайского нагорья, возможно, пришедшийся на суббореальный период, отмечен мощным слоем эоловых отложений на Тоора-Даше, перекрывшим остатки неолитических стойбищ. Пользуясь сложившейся благоприятной ситуацией, сюда проникают ранние скотоводы — носители афанасьевской культуры.

Должно быть, пришельцы контактировали с сохранившимся неолитическим населением, о чем свидетельствуют возникшие в древности приемы орнаментации керамики, а также смешение погребальной обрядности. В неолите, как об этом можно судить по раскопкам каменных надмогильных сооружений на стоянках Тоора-Даш и Азас-2, усопших хоронили на горизонте или в неглубокой выемке (ямой ее назвать нельзя) и закладывали сверху камнями. В этом сооружении встречались обломки керамики и другие артефакты. Так, на Тоора-Даше по каменной насыпи был найден гарпун. В афанасьевское время выкапывалась неглубокая яма, куда помещали погребенных в скорченном положении. Вокруг ямы сооружалась кольцеобразная выкладка. Керамика в обломках обнаружена на горизонте под такими курганами, но ее не было в могилах (например, на могильнике Хайыракан — раскопки А. М. Мандельштама 1978 г. и Л. И. Ревы 1988 г.). В то же время сохранялась и неолитическая традиция захоронений.

На Азасе-2 обнаружено три каменных сооружения, перекрытых смешанным культурным слоем, включающем окуневскую и неолитическую керамику. Под курганчиками найдены фрагменты человеческих костей. В одном случае погребальный обряд можно было реконструировать. Погребение было парциальным. Здесь находился череп без нижней челюсти и тазовые кости в сочленении с костями ног. Грудная клетка отсутствовала. Размеры кургана и положение черепа примерно в 20 см от таза не позволяют допустить позднейшее разрушение костяка. Туловище было захоронено, вероятно, в другом месте. К этому кургану была пристроена детская могила (рис. 80–81). Антропологический тип погребенной — афанасьевский.

В процессе аккультурации неолитического населения афанасьевцами в Туве формируется культура окуневского облика. Посуда становится плоскодонной, дно которой часто декорировано. На первом этапе окуневской культуры, выделенном по материалам 6-го слоя стоянки Тоора-Даш, близкородственные группы обитают в горностепных и таежных стациях Восточной Тувы, в Усинской и Уюкской котловинах, а также в Саянском каньоне Енисея. Об этом можно судить по распространению определенных типов керамики со специфическим декором. Охота в их экономике все еще играет заметную роль, тогда как кости домашних животных на поселениях немногочисленны. На втором этапе окуневской культуры (XIV–XII вв. до н. э.) можно говорить о сложении определенных скотоводческих культов (захоронение голов быка и барана на Тоора-Даше в 7-м культурном слое, что находит аналогии на памятниках Минусинской котловины). Это отразилось в наскальном искусстве и изменении погребальной обрядности (захоронение в каменных ящиках могильников Аймырлыг-13 и 27) (рис. 82–84). У погребенных сохраняется афанасьевский антропологический тип. Целый ряд признаков погребальной обрядности доживает, по наблюдениям А. М. Мандельштама, до скифского времени⁴³⁴.

В мифологической картине мира населения эпохи бронзы большую роль играет культ быка, что запечатлено в многочисленных наскальных рисунках. Именно в искусстве находит яркое отражение переход к скотоводческому хозяйству, т. к. изменяется образная схема по сравнению с предшествующими периодами, когда доминировали охота и собирательство. Наиболее интересным памятником является святилище Ямалык в Эрзинском р-не, в котором сохранились рисунки быков, баранов и лошадей, выполненные охрой. Доминирующим образом был бык, выполненный в определенном каноне: заостренные ноги, треугольные выступы на животе и на спине, массивное туловище, заостренный выступ сзади, маленькая морда с приоткрытым ртом, листовидное ухо и S-образный рог. Ближайшие аналогии этим фигурам известны в Монголии, Гобийском Алтае, а также в пещерах в окрестностях г. Алтай в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, которые также датируются неолитом или энеолитом.

Эти памятники сближают также нарисованные охрой знаки в виде косых крестов. Ямалыкские рисунки располагались двумя компактными скоплениями — одно в естественной нише, а другое неподалеку на восточной стороне скал с отрицательным уклоном. Около скал с рисунками был сделан раскоп, по материалам из которого можно судить, что местность возле ямалыкских рисунков была обитаема на самых ранних стадиях неолита вплоть до рубежа нашей эры.

В Туве отмечены отдельные памятники, на которых фигуры быков представлены в разных стилистических традициях, которые можно связать с разными этапами эпохи бронзы (Кара-Булун, Шолде-Тей, Догээ, Саамычыр и др.). Эти местонахождения находятся в особых местах, по которым проходят тропы через горные перевалы или речные долины. На всех памятниках встречаются фигуры быков с прямоугольными конструкциями на спине. В этой конструкции иногда изображаются антропоморфные фигуры или линии. На поводу быков ведут женщины в широких одеждах с геометрическим орнаментом — такое шествие представлено на Бижиктиг-Хая, уникальном памятнике петроглифического искусства, где сохранился большой пласт рисунков бронзового века, среди которых значительное место занимают разнообразные фигуры быков с вьюками (рис. 85–86). Перед нами сцена перекочевки, только не реальной, а мифологической — из одного мира в другой. Возникновение этого образа относится к индоарийской волне миграции. Об этом говорит древний иранский миф о быке Сарсаок. Это был гигантский бык, на котором люди при сотворении мира передвигались из одного мира в другой через моря и океаны времени, а при конечном воскрешении из него готовили напиток бессмертия. На скалах Центральной Азии видна четкая иллюстрация данного мифа.

С культом быка можно связать антропоморфные личины и антропоморфные фигуры в грибовидных головных уборах. Антропоморфные личины в Туве — явление локальное. Во-первых, они связаны с Улуг-Хемом — большой рекой. Самое большое их количество зафиксировано на святилище, расположенном в самом узком месте Енисея, на обеих сторонах реки — Мугур-Саргол — Алды-Мозага⁴³⁵. Камень с личинами был найден на берегу Бий-Хема в ур. ДогээБаары⁴³⁶. В данном случае они связаны с культурами воды, реки, переправы. Их отличают большие бычьи рога, что говорит о принадлежности их к культу быка. В другом случае, на местонахождении Бижиктиг-Хая, мы видим личины с бычьими рогами под фигурой гигантской птицы. Здесь они наполняются другим семантическим содержанием — первотворение, создание Вселенной и т. п. Одна из личин имеет бычьи рога, с которых вниз свисают отростки. Такие большие рога с отростками имеются у фантастических фигур в широких платьях, выбитых на соседней плоскости слева. Они несут в обеих руках какие-то жезлы. Аналогичные фигуры в колоколовидных одеждах с небольшими бычьими или козлиными рогами и человеческими ногами встречаются на скалах Монгольского Алтая (Цаган-Салаа, Бага-Ойгур) и в горах Иньшаня⁴³⁷. Некоторые из них в руках держат предмет, который можно интерпретировать как посох.

На связь антропоморфных фигур с грибовидными головами с культом быка указывают их хвосты, имеющие разную форму — широкие длинные или с круглым окончанием. Такие же хвосты есть у быков. Иногда встречаются рисунки, на которых показаны стычки между круглоголовыми и грибовидными существами. И те, и другие изображаются также на колесницах (Калбак-Таш, Устю-Мозага и другие памятники). Но в то же время они есть и в композициях с личинами. Это говорит о том, что данный образ существует на всем протяжении бронзового века. Они есть на всех памятниках.

Наиболее яркое иконографичное воспроизведение обнаружено на памятнике Орта-Саргол в Улуг-Хемской котловине. Две фигуры следуют друг за другом. У них большие головы грибовидной формы (хотя можно сказать, что это форма головы в виде перевернутого месяца), на длинной тонкой шее, прямоугольные туловища с выделенными плечами, одна рука согнута в локте и лежит на бедре или скорее на «хвосте» — прямая линия с кругом, другая рука — прямая вытянутая — вперед держит изогнутый лук. Самая характерная деталь — это присогнутые в коленях ноги с выделенными ступнями, по которой их можно назвать пляшущими человечками. Подобные фигуры, поражающие своим сходством, найдены в различных частях Центральной Азии — на Алтае, в Казахстане и Монголии.

С эпохой поздней бронзы — вторым этапом окуневской культуры связывается распространение новой волны миграции кочевников, которая в наскальном искусстве приносит с собой изображение колесниц и доминирование образа оленя в особой стилизованной манере (различается три стиля в искусстве эпохи поздней бронзы — чыргакский, чайлагский и варчинский) (рис. 87–88). В это время в Туве распространяются носители культуры монгун-гайгинского типа. К этой культуре относится большой пласт петроглифов, который хорошо атрибутируется по оленным камням. Главный персонаж — олень с гипертрофированно удлиненной мордой, туловищем и непропорционально маленькими конечностями. С ним связаны изображения хищников, сцены охоты, колесницы. Образ оленя становится преобладающим, что говорит о смене мифоритуальной парадигмы, связанной с изменившимися представлениями о картине мира, в которой большую роль стали играть солнечные культы, характерные для индоевропейских народов.

На раннем этапе монгунцы хоронили усопших в неглубоких ямах, на позднем — в цистах на древней дневной поверхности. Иногда в курганах с цистами встречаются захоронения коней или их черепа. К этой традиции относятся и керексуры, планиграфию которых можно сопоставить с деревянной конструкцией кургана Аржан. В этот период фор-

мируются культуры ранних кочевников. В Туве на основании наличия скифской триады в Аржане и в наскальном искусстве можно говорить принадлежности этих памятников к культурам скифско-сибирского мира.

В Туве формируются несколько культур скифского типа. Уникальность кургана Аржан, датированного IX–VIII вв. до н. э., позволяет говорить о наиболее ранней евразийской культуре, выделившейся из культур эпохи поздней бронзы, сопоставимой с ираноязычными этносами, которые известны из античных источников под этнонимом саки или скифы. Аржанцы являлись, безусловно, ранними кочевниками, освоившими коня под верх, что позволило распространить новый тип хозяйства и культуры на огромных территориях Центральной Азии. Наследниками аржанцев в Туве были, вероятно, носители алдыбельской культуры, элитный памятник которых курган Аржан-2 содержал огромное число золотых и ювелирных украшений; их специфика свидетельствует о разносторонних связях Тувы в VII в. до н. э. Алды-бельские памятники, вопреки точки зрения А. М. Мандельштама, были распространены не только на узколокальном участке правобережья Улуг-Хема. Теперь они известны и на левом берегу Улуг-Хемской котловины, притоках Каа-Хема и Бий-Хема, на Хемчике, в то время как характерные наборы конского снаряжения, обнаруженного в алды-бельских курганах, находят аналогии на Алтае и в могильнике Уйгарак.

Приблизительно с конца VII в. до н. э. в Туве появляются носители уюкской культуры, признаки которой были выявлены Вл. А. Семеновым⁴³⁸, а затем саглынской, отличной от уюкской по конструкции погребальных камер (срубов), керамике и некоторым чертам погребального обряда. Саглынды и уюкцы некоторое время сосуществуют друг с другом, но затем образуют одну общность, хотя традиции уюкской культуры иногда сохраняются в саглыньских памятниках. Вероятно, уюкцы были представителями восточно-сакских племен Казахстана, а саглынды усунями⁴³⁹. И те, и другие во II–I вв. до н. э. были, вероятно, сметены волнами экспансии сюнну и мигрировали в среднеазиатское Семиречье. Оставшиеся в Туве носители саглынской культуры подвергались ассимиляции центрально-азиатскими монголоидами, археологически подтверждаемой погребениями так называемой улуг-хемской культуры.

Сосуществование всех этих различных этносов было невозможным из-за единого культурно-хозяйственного типа — именно кочевого скотоводства, что и привело либо к их вытеснению, либо к взаимной аккультурации. Лесные народы — охотники и самодийцы-оленоводы продолжали существовать в то время, когда степи меняли свой этнический состав в процессе различных социальных потрясений.

КРОУНОВСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ОДИН ИЗ СЮЖЕТОВ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ В ПРИМОРСКОЙ ЗОНЕ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Во второй половине 1-го тысячелетия до н. э. происходили знаменательные события, отразившиеся на направлениях и темпах культурной эволюции населения региона бассейна Японского моря. Это время рассматривается как один из поворотных моментов, когда земледелие начинает доминировать в системах жизнеобеспечения, меняя весь образ жизни населения и приводя к появлению ранних государственных образований в регионе⁴⁴⁰. Эти события связаны с экспансией земледельцев-рисоводов культуры яёй на юге региона и земледельцев-культураторов ячменя, пшеницы, просяных кроуновской культуры на севере. Миграция населения культуры яёй и ее социокультурные последствия хорошо описаны в литературе⁴⁴¹, в то время как экспансия населения кроуновской культуры освещалась исследователями недостаточно, в основном в культурно-исторической парадигме. В настоящей работе сделана попытка рассмотреть данные по кроуновской археологической культуре в экологической парадигме и предложить реконструкцию процессов культурной адаптации населения в региональном контексте в рамках объяснительной модели продвижения земледелия, предложенной ранее⁴⁴².

Культурное разнообразие и природные изменения периода, предшествовавшего появлению кроуновского населения в Приморье

Начиная с неолита и в период бронзы выделяются культурные группы, локализующиеся на побережье и в континентальной зоне. Вероятно, что такое ярко выраженное разделение обусловлено формированием двух различных линий культурной адаптации населения, при этом стоит отметить, что эти культуры не изучались как собственно культурные адаптации. При вступлении в эпоху железа ситуация остается такой же. На побережье залива Петра Великого примерно с VIII по III в. до н. э. наблюдается хорошо идентифицируемая янковская культура в виде нескольких локально-хронологических вариантов, а в континентальных районах — большее культурное разнообразие, которое пока не удастся надежно описать, поскольку прослеживаются скорее отдельные отложения на

многослойных памятниках, чем ясно очерченные ареалы. По-видимому, это своеобразие и культурная мозаичность континентальных памятников указывает на инфильтрацию различных групп населения эпохи палеометалла Восточной Маньчжурии и Приамурья в континентальные районы Приморья в конце теплой климатической фазы. О. В. Яншина выделяет предварительно как минимум три такие культурные группы⁴⁴³.

В конце V в. до н. э. в западных континентальных районах Южного Приморья, на границе с КНР и КНДР появляется население кроуновской культуры (конец V в. до н. э. — около II–III вв. н. э.). Китайские ученые называют эту культуру «туанцзе» и связывают ее с народом воцзюй (в корейских летописях — окчо), который в той или иной мере последовательно подпадал под влияние государственных образований Чосон, Хань, Когурё, Фуюй, а позднее, вероятно, вошли в состав государства Бохай⁴⁴⁴.

Корреляция сведений по культуре кроуновская-туанцзе с различными летописными данными может быть темой отдельного исследования, мы же рассмотрим только те, которые могут выступать как индикаторы для реконструкции адаптивных процессов. В связи с этим необходимо остановиться на упоминаниях о происхождении культуры кроуновская-туанцзе. Летописные сведения указывают на то, что население воцзюй «по языку, еде и питью, жилищу и одежде сходны Когурё (Гаоли)», с которыми они граничили на юго-востоке. Когурё, в свою очередь, родственны с населением Фуюй, с которыми воцзюй граничили на востоке и северо-востоке.

Для нас важно, что огромная территория от бассейна верхнего и среднего течения р. Сунгари до побережья Восточного моря заняли родственные группы населения. Как и на какой основе произошло формирование такой большой группы родственного населения и почему они постоянно расселялись на восток и юго-восток?

Начнем с населения Фуюй, которое, согласно летописям, сформировалось на бывших землях народа Вэй и были его потомками. Народ Вэй связывается с культурой ситуаньшань, возникшей в конце 2-го тысячелетия до н. э., и исчезает около III в. до н. э. с появлением новых форм керамики и захо-

ронений и введением железоделательной технологии⁴⁴⁵. Памятники этой культуры широко распространялись в центральной части Цзилинь и имели максимальную концентрацию в долине р. Сунгари около г. Цзилинь. Ее влияние прослеживается на соседние культуры⁴⁴⁶.

Определены четыре периода существования культуры ситуаньшань. Рассмотрим их с точки зрения социальных изменений, выделенных М. Байингтоном, который отмечает тенденцию постепенного увеличения социальной сложности⁴⁴⁷. Население этой культуры представляло собой оседлые сообщества, экономика которых включала развитое земледелие, охоту, рыболовство и животноводство. Большая роль свиноводства прослеживается как в диете, так и в религиозных верованиях. Изменения социальной сложности происходили нелинейно, и, видимо, они коррелируют с природными изменениями.

В ранний и средний периоды (X–VIII вв. до н. э.), вероятно, существовал чифдом. Вождь и элита монополизировали производство бронзовых и престижных товаров. Погребальная практика демонстрирует существование классового и экономического неравенства.

В третий период (VIII–V вв. до н. э.) социальное неравенство достигает наибольшей степени.

Четвертый период (V–III вв. до н. э.) обнаруживает свидетельства статусных различий отдельных индивидов в элитарных группах, расцениваемых как появление аристократии в элите (элитном классе). В конце четвертого периода культуры ситуаньшань, около III в. до н. э., наблюдаются свидетельства широкого спектра очень быстрых социальных изменений, прослеживаемых в погребальной практике, технологии и формах керамики, в создании укрепленных поселений, интенсификации земледелия, увеличении населения в нуклеарном районе, нововведении определенных ключевых ресурсов, таких как железо и лошадь. Катализатором этих явлений М. Байингтон рассматривает последовательное влияние китайцев, захвативших Ляодун около 280 г. до н. э., и продолжение экспансии в эпоху Хань⁴⁴⁸.

После четвертого периода сформировалась так называемая постситуаньшаньская культура (по М. Байингтону). В обществе этой культуры происходит еще более ускоренная социальная и экономическая дифференциация, приведшая к образованию около III в. до н. э. государства Фуюй, которое связывают с памятниками типа Паоцзынянь в Центральной Цзилинь. Не позднее середины I в. до н. э. Фуюй становится высокостратифицированным, централизованным государством, характеризующимся более высокой социальной сложностью, чем его предшественники двумя столетиями ранее⁴⁴⁹.

Таким образом, в течение тысячелетия наблюдается культурная преемственность на большой территории. Нуклеарный район этой общности совпадает с лучшими землями от верхнего и среднего бассейна Сунгари. На этом культурном пространстве происходили быстрые и неравномерные социокультурные изменения, приведшие к образованию ранних государств, при этом по археологическим материалам не прослеживается значительных миграционных процессов. М. Байингтон рассматривает как один из факторов этих изменений разного рода влияния более развитого соседа — Китая. Однако он отмечает, что существовали и другие факторы, влиявшие на эти процессы, в т. ч. и территориальные ограничения их последствий⁴⁵⁰.

Территориальные ограничения могут обуславливаться различными и многообразными факторами как природного, так и социального происхождения, которые так или иначе сводятся к уменьшению ресурсной базы сообщества. В связи с этим необходимо перейти к рассмотрению природных факторов, которые являются первичными, т. е. анализу экологической обстановки в изучаемый период. Очень важно понять, какие природные изменения и каким образом влияли на культурные события региона.

Около IX в. до н. э. заканчивается продолжительная теплая климатическая фаза и начинается фаза направленного похолодания климата, продолжающаяся примерно до III в. до н. э. Что это значит для земледельческого населения? Во время похолоданий в континентальных районах происходят важные процессы: разбалансировка климата, выражающаяся в нестабильности погодных условий, усиление засух в первую половину лета, увеличение катастрофических разливов рек и наводнений во вторую половину лета, усиление промерзания почвы в зимнее время. Все эти факторы приводили к сокращению вегетационного периода, и так короткого в Южной Маньчжурии. Кроме того, в периоды похолодания происходила трансгрессия внутренних водоемов (увеличение площади озер) и, как следствие, заболачивание пойм нижних течений рек в них впадающих.

Внутреннее палеозеро, площадь в 3–4 раза превышавшее современное оз. Ханка, существовало в районе слияния р. Сунгари и Нонни, в северо-западной части ареала культуры ситуаньшань⁴⁵¹. Трансгрессия этого палеозера приводила к постепенному заболачиванию нижних частей пойм рек, в него впадающих, в т. ч. и современной верхней р. Сунгари, что, в свою очередь, способствовало сужению ресурсной базы земледелия в пределах Маньчжурии в целом и сокращению северо-восточной и восточной части ареала высокоплодородного земледелия населения культуры ситуаньшань в частности.

Такие природные изменения население ощущало физически. Рост населения приводил к обострению конкуренции за агроклиматические ресурсы внутри его культуры и с соседними культурными группами населения. Соответственно, наблюдались рост конфликтности, социальная сложность и расселение избыточной части населения в районы с меньшей конкуренцией за ресурсы земледелия и социального давления со стороны соседей. Не удивительно, что именно в этом интервале направленного похолодания климата в восточной части Цзилинь и Юго-Западном Приморье, с их высокими агроклиматическими ресурсами, появляется население, оставившее памятники типа Харинская, и затем население культуры кроуновская-гуаньцзе. Керамика этих культур имеет некоторое сходство как между собой, так и с ситуаньшаньской, свидетельствующее об их принадлежности к единому культурному миру земледельцев Южной Маньчжурии.

Другая волна расселения в интервале направленного похолодания климата проходила в юго-восточном направлении. Она прослеживается на Корейском п-ове и севере о. Кюсю около VI в. до н. э. как культура яёй, одним из компонентов которой была гладкая керамика, некоторые типы таких сосудов обнаруживают удивительное сходство с кроуновской керамикой.

Все эти процессы расселения инициированы сужением ресурсной базы земледелия, вызванной направленным похолоданием климата. Существовали, вероятно, и факторы социального давления соседних культурных групп населения в ходе конкуренции за ресурсы земледелия, но их следует считать вторичными, хотя они более заметны и прослеживаемы по летописным и археологическим данным.

О том, что расселение происходило разнонаправленными волнами, свидетельствует, формирование в нуклеарном районе культуры кроуновская-гуаньцзе двух групп памятников — приханкайской и кроуновской⁴⁵². Эти группы различаются по чертам материальной культуры и, вероятно, системе жизнеобеспечения, расселения и социо-демографическим параметрам и, возможно, датировке.

В результате примерно за два-три столетия сложилась такая ситуация, когда на побережье Приморья обитало население янковской культуры, в центральных районах Приморья — население, представленное континентальными памятниками, родственными янковской и урильской культурам, а в западных районах Приморья продвинулось население кроуновской культуры. Так, три культурные группы населения с разными моделями адаптации сосуществовали в течении нескольких столетий на территории Южного Приморья.

Ареал янковской культуры включает северную часть провинции Северная Хамгён (КНДР) и побережье залива Петра Великого (рис. 89), на котором известно более 150 памятников янковской культуры, и примерно половина из них содержит раковинные кучи. Согласно летописным данным, янковскую культуру можно соотнести с племенами Восточные Вэй (Е). Хронология этой культуры разработана слабо. Большинство авторов на основании типологических аналогий относят время ее существования к VIII–III вв. до н. э.⁴⁵³ Материальные остатки янковской культуры демонстрируют как отличие, так и заметную культурную однородность по сравнению с континентальными памятниками раннего железного века Приморья. Обращает на себя внимание сходство моделей адаптации, основанных на эксплуатации морских ресурсов, в культурах финального неолита (дзёмона) Японии⁴⁵⁴ и янковской культуры, так же как и синхронность их существования, что обусловлено синхронностью природных изменений в регионе. Система расселения, планировка поселений и наличие престижных изделий и вооружения свидетельствуют о существовании социальной стратификации у янковцев.

Культурная адаптация населения и периодизация памятников кроуновской археологической культуры

Время существования кроуновской культуры укладывается в интервал с конца V в. до н. э. по II–III вв. н. э. (рис. 89). Согласно летописным сведениям, которым не противоречат археологические данные, это были развитые земледельческие сообщества без заметной социальной стратификации. Для культивации просяных, бобовых, ячменя и пшеницы⁴⁵⁵ практиковалась грядковая система земледелия, следы которой обнаружены на поселении Кроуновка-1 в 2003 г.⁴⁵⁶

Всего известно около 200 памятников (подсчеты Н. А. Клюева).

В настоящее время условно можно выделить два этапа существования кроуновской культуры. Внутри первого этапа, когда кроуновское население занимало нуклеарный район, можно отметить между кроуновской и приханкайской группами поселений ряд отличий, которые проявляются в ландшафтной приуроченности, системе расселения, жилищах, социодемографических параметрах и других чертах материальной культуры, обусловленных различиями в ландшафтно-климатических условиях, агроклиматических ресурсах и территориальной удаленностью. Внутри второго этапа, в котором (II–I вв. до н. э.) произошло расселение носителей кроуновской культуры, наблюдается во всех пара-

метрах значительное разнообразие. Детализация этого разнообразия — задача дальнейших исследований.

Внутри обоих этапов на территории Приморья в настоящее время можно выделить шесть групп памятников по хозяйственным или экологическим признакам. Это кроуновская, приханкайская (нуклеарный район — *рис. 89: I*), субконтинентальная (*рис. 89: III, A*), прибрежная (*рис. 89: III, B*), анучинская (*рис. 89: IV*) и туманганская (*рис. 89: II*) группы памятников. Из них исследованы только четыре, которые отражают расселение кроуновского населения из континентальных районов в приморские. Расположение поселений в экологических районах с разными сырьевыми базами отразилось на системах жизнеобеспечения, материальной культуре, структуре поселений и социодемографических характеристиках⁴⁵⁷.

Природные и социальные мотивы расселения кроуновцев после III в. до н. э.

Важнейший вопрос нашего исследования состоит в том, чтобы выяснить: что заставило кроуновское население расселяться в восточном и юго-восточном направлении? Можно предположить несколько взаимосвязанных причин как экологического, так и социального порядка, которые могли инициировать начало расселения. Для начала необходимо отметить, что в нуклеарном районе кроуновские памятники достигли невероятно высокой плотности⁴⁵⁸, трудно представимой при грядковой системе земледелия. Даже если учесть, что кроуновское население обитало в долине р. Раздольной около двух столетий, все равно плотность населения была очень высокой. Базовым толчком к началу миграции могло послужить резкое похолодание климата около III в. до н. э., сопряженное с понижением уровня моря до 0,8–1,5 м ниже современного и радикальными изменениями прибрежных ландшафтов.

С одной стороны, последствия проявились в разрушении морской экономики, спаде численности и плотности населения янковской культуры, значительном уменьшении ареала культуры. Поселения янковской культуры сохранились только вдоль наиболее продуктивного участка побережья — от устья р. Туманган до устья р. Раздольной (*рис. 89*).

С другой стороны, некоторые участки побережья стали привлекательными для земледельцев, поскольку произошло осушение болот, появились аллювиальные долины в устьях рек, впадающих в море. В прибрежных районах риск засух был меньше по сравнению с континентальными районами, где климат стал холоднее и засушливее, т. е. уси-

лились отмеченные выше негативные факторы для занятий земледелием. Эти факторы явились экологической причиной выдавливания части населения кроуновской культуры из континентальных районов в прибрежную зону, уже почти свободную от янковского населения.

Кроме природных, существовали и иные, вторичные, мотивы для начала миграции кроуновского населения. Вероятно, имело место социальное давление более северных и западных групп населения, обусловленное также негативными экологическими изменениями этого времени, связанными с резким похолоданием климата, увеличением внутренних водоемов и заболачиванием долин рек. Все эти факторы могли выдавливать население, в т. ч. и в восточном направлении.

Кроме того, можно достаточно уверенно предположить, что еще одним, вторичным, фактором для расселения кроуновцев был простой рост численности и плотности населения. Тем не менее надо иметь в виду, что этот мотив работал и в относительно стабильной природной обстановке мог привести к расселению в континентальные районы со сходными природными условиями, как, например, в район анучинской группы поселений (*рис. 89: IV*). Но только в условиях похолодания климата такой фактор мог привести к расселению земледельцев в субконтинентальные и прибрежные районы с иной ландшафтно-климатической обстановкой (*рис. 89: III, A, B*).

Реконструкция расселения поздних земледельцев и его социокультурные последствия

В заключение попытаемся объединить все полученные данные и на их основе реконструировать процессы культурной адаптации населения кроуновской культуры, связанные с природными изменениями изучаемого интервала.

В нуклеарном районе известно две основные группы поселений — кроуновская и приханкайская, проживавшие в районах с различными агроклиматическими ресурсами. Эти две группы представляли собой две близкие сельскохозяйственные адаптации, несколько различающиеся по культурным и социодемографическим параметрам. В иных, этнографических терминах их можно охарактеризовать как две эколого-хозяйственные группы кроуновского населения в рамках одного хозяйственно-культурного типа грядковых земледельцев.

Поселения кроуновской группы, куда включены все памятники бассейна р. Раздольной (Суйфун), занимали районы наиболее благоприятные для земледелия и животноводства на территории в Примор-

рье, обе эти отрасли доминируют в хозяйственной системе. Население культивировало голозерный ячмень, карликовую пшеницу, просо обыкновенное и просо итальянское (чумиза), вероятно, бобовые, используя при этом грядковую систему земледелия. Просовидные злаки представлены в меньшем количестве. Разнообразие злаков и наличие бобовых позволяют предполагать существование севооборота — одного из необходимых условий грядковой системы земледелия. Население кроуновской группы занималось разведением свиней, собак, коров и лошадей.

Численность населения поселков доходила, вероятно, до 500 человек (Кроуновка-1). Поселки располагались вдоль рек, близко друг от друга, компактными группами, а система поселений была большей частью линейной. Есть предположение о существовании нескольких простых иерархических групп⁴⁵⁹. Здесь наблюдается наиболее высокая численность и плотность кроуновского населения в пределах ареала.

Кроуновская группа выделяется и разнообразием в социальной структуре. Можно выделить два типа социальной единицы, занимающей отдельное жилище. В некоторых жилищах (Кроуновка-1) обитает 3–4 малых семьи или одна большая, что ведет к некоторому увеличению жилищной плотности (4–5 м² на человека). В таких домах отличается архитектура и планировка жилища — это удлиненно-прямоугольные в плане постройки с вертикальными, обмазанными с глиной стенами, и с двускатной крышей. В то же время сохраняются и квадратные в плане пирамидальные жилища (Корсаковское-2), типа нивхского торыфа, рассчитанные на одну малую семью, но с низкой жилищной плотностью, что указывает на высокое благосостояние обитателей.

Расположение жилищ позволяет предполагать существование линейного типа застройки поселений, что обычно при грядковой системе земледелия. В жилищах кроуновской группы наблюдаются наиболее развитые для данного периода формы кановой отопительной системы, фиксирующейся почти во всех жилищах, и появление полусферических глиняных печей (Кроуновка-1, жилище 12 (3)). Здесь также выделяется наиболее разнообразный типовой набор форм керамических сосудов⁴⁶⁰, металлических орудий и украшений.

Поселения приханкайской группы располагались по обрамлению западного и южного берегов озера Ханка (рис. 89). Это районы с менее высокими (средневысокими) агроклиматическими ресурсами (рис. 90). Население из-за отсутствия долин достаточно крупных рек селилось по распадкам сопкок — падам, тем самым образуя гнездовой рисунок расселения. Земледелие занимало ведущее место в хозяйственной системе — известна культивация

голозерного ячменя и проса (?). Это позволяло населению селиться компактно в поселках, численность которых достигала 100–120 человек (рис. 91). Планировка поселков, вероятно, была свободная, обусловленная рельефом мысов, на которых они локализовались. Поселки состояли из жилищ, аналогичных по конструкции нивхскому торыфу, рассчитанных на малую семью, с низкой жилищной плотностью (9 м² на человека).

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на высокие агроклиматические показатели районов обеих групп поселений, структура этих показателей различалась. Эти различия должны были бы проявиться в действии разных негативных факторов, обуславливавших спад агроклиматических ресурсов во время похолодания климата после III в. до н. э. Так, для кроуновской группы населения наиболее существенным фактором давления среды были разливы рек и заболачивание их пойм. Для приханкайской группы наиболее ощутимыми могли быть засухи и сокращение вегетационного периода за счет усиления промерзания почвы. С началом похолодания действие этих факторов давления среды, вероятно, происходило не одновременно и с разной интенсивностью, поэтому трудно предсказать, из каких районов раньше началось расселение кроуновцев.

Процесс и направления расселения

Расселение из нуклеарных районов проходило в трех направлениях. Первое простиралось на юг, в устьевую зону р. Туманган (рис. 89: II). Второе связано с миграцией на восток (рис. 89: IV), в бассейн р. Арсеньевки. Для этих районов характерны средние показатели агроклиматических ресурсов. Ресурсная база близка таковым как у кроуновской, так и приханкайской групп. Третье направление расселения — на юго-восток (рис. 89: III, А, В) в районы с иной ресурсной базой, в связи с чем население испытало экологический стресс.

Движение в этом направлении изучено наиболее подробно для того, чтобы исследовать его как определенную модель. Рассмотрим его социально-экономические последствия. На рис. 90 показано изменение соотношения потенциальных ресурсов в пределах районов, окружающих поселки (радиус 5 км) в ходе миграции (нумерация поселков соответствует принятой на рис. 89). В нуклеарном районе (рис. 89: I) доминировали ресурсы земледелия. В процессе миграции на юго-восток (рис. 89: III, А, В) при переходе в субконтинентальную зону изменился баланс ресурсов в пользу собирательства, охоты и рыболовства. Такая ситуация, которая рассматривается как стрессовая, заставила мигрантов принимать новые адаптивные решения, которые

отразились в изменении системы расселения и жизнеобеспечения.

Часть населения (*рис. 89: III, А; рис. 91: III, А*) осела в субконтинентальных районах средних течений рек, в закрытых долинах. Возникли небольшие (до 2000 м²) поселения, обитатели которых продолжили заниматься земледелием. Изменилась его направленность. Если в нуклеарных районах доминировало выращивание голозерного ячменя и карликовой пшеницы, то во вновь освоенных преобладали просяные злаки, более стабильные в субконтинентальной зоне. Увеличилась роль сбора разнообразных диких растений, таких как маньчжурский орех (*Junglans manshurica*), лещина (*Corylus sp.*), и речного рыболовства⁴⁶¹.

Другая часть населения заняла в основном эстуарные районы в прибрежной зоне (*рис. 89: III, В; рис. 91: III, В*). Здесь возникли отдельные небольшие поселения (до 3000 м²). Население продолжило заниматься земледелием, роль которого в системе жизнеобеспечения оценить пока сложно. Можно констатировать возрастание роли речного и появление морского рыболовства с достаточно интенсивной технологией.

Таким образом, изменения в системе жизнеобеспечения соответствуют особенностям окружающей среды. Земледелие как основной компонент жизнеобеспечения сохранился. Социально-демографические последствия миграции на восток выглядят следующим образом. В нуклеарных районах (*рис. 89: I*) население обитало в крупных поселках, растянутых вдоль долин рек, численность их жителей варьировала от 120 до 500 человек, проживавших в крупных жилищах (48–115 м²), рассчитанных на большую семью с жилищной плотностью 7–9 м² на человека. Перечисленные показатели коррелируют с уровнем ресурсов земледелия (*рис. 90, 91: I, II*).

В ходе миграции на юго-восток (*рис. 89: III, А, В; рис. 91: III, А, В*) структура поселений изменилась. Они стали небольшими по площади и не образуют скоплений. Предполагаемая численность населения в каждом поселке достигала 50–70 чел. Жилища невелики и рассчитаны на одну нуклеарную семью с высокой жилищной плотностью (2–4 м² на человека). Произошло снижение разнообразия в материальной культуре: уменьшилось количество украшений и железных вещей; заметно упростились орудия, керамика. Другая переменная в изменении в материальной культуре соотносится с ассимиляцией янкоидного населения в районах, где оно частично сохранилось. Наиболее выразительно янковские признаки прослеживаются у анучинской группы, потому что на континентальное население, близкое янковской культуре, не оказали столь катастрофического воздействия экологические измене-

ния, вызванные похолоданием климата, как на прибрежные группы. В то же время как в прибрежной, так и субконтинентальной зонах признаки ассимиляции менее выразительны, а стратиграфические наблюдения указывают, что кроуновцы селились на местах, заброшенных янковцами, как на поселениях Кроуновка-1⁴⁶², Булочка⁴⁶³, Олений-А⁴⁶⁴ и Киевка⁴⁶⁵.

Кроме того, не исключено расселение кроуновцев около III в. до н. э. и в более южном направлении на территорию Корейского п-ова, где они принимали участие в формировании культуры чундо⁴⁶⁶.

Таким образом, расселение кроуновцев было связано с ассимиляцией остатков населения янковской культуры, изменением систем жизнеобеспечения и системы расселения, спадом в материальной культуре и уменьшением численности и плотности населения на освоенных землях. Наибольшего адаптивного успеха кроуновское население достигло в нуклеарных районах, где его потомки продолжали обитать, вероятно, вплоть до образования государства Бохай (698 г. н. э.).

Насколько реконструированные нами процессы культурной адаптации к меняющимся природным условиям согласуются с событиями, происходившими в соседних районах? В конце интервала направленного похолодания климата (VIII–III вв. до н. э.) комплекс негативных экологических изменений, описанных выше, побуждал земледельцев к расселению из центральных районов Цзилинь. Так, около V–III вв. до н. э. появилась кроуновская культура в виде двух вариантов — приханкайской и кроуновской групп поселений на континентальной части Российского Приморья и поселения в среднем течении р. Туманной (КНР), а также культура чундо, близкая кроуновской культуре, в бассейнах р. Пукханган и Имджинган на Корейском п-ове⁴⁶⁷. Примерно в это же время произошла миграция населения яёй на север о. Кюсю, в материальной культуре которого прослеживались признаки контактов с кроуноидными группами. Все упомянутые перемещения земледельцев вызваны природными изменениями, суть которых была в сужении ресурсной базы земледелия. Кроме того, несомненно, миграции вызывались и группой вторичных социальных факторов, обусловленных природными изменениями. Так, наблюдается постоянное, но нелинейное увеличение социальной сложности населения культуры ситуаньшань. Рубежи наблюдаемых социальных изменений коррелируют с природными и могут объясняться как адаптивная реакция сообщества на уменьшение ресурсной базы.

В начале резкого похолодания климата после III в. до н. э., когда ресурсная база земледелия еще

более сузилась, адаптивные реакции проявились более наглядно в многочисленных культурных и социальных изменениях. В это время произошло дальнейшее и более быстрое усложнение социальной структуры и культурные изменения у населения культуры ситуаньшань вплоть до образования государства Фуюй. Вероятно, это сопровождалось также активизацией миграционных процессов и давления на соседей и могло быть одним из социальных факторов начала миграции кроуновского населения на побережье.

С резким похолоданием также началась миграция и населения яёй на побережье в поисках

стабильных ресурсов земледелия. Обращает внимание, что чуть позже, на пике похолодания около II–I вв. до н. э., произошло формирование государства Когурё, усложнение социальной структуры у населения Фуюй и яёй. Также этим рубежом маркируется появление в среднем течении р. Муданьцзян культуры дункан, родственной кроуновской, вероятно, ее приханкайской группе. Список синхронных явлений может расширяться. Этот природный рубеж маркируется различными культурными изменениями, которые можно интерпретировать как адаптивные реакции в разных регионах мира.

Длужневская Г. В., Савинов Д. Г.

КОМПЛЕКСНЫЕ ОБЩЕСТВА СЕВЕРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОЙ СИБИРИ В ДРЕВНЕТЮРКСКУЮ ЭПОХУ (вторая половина 1-го — начало 2-го тысячелетия н. э.)

В древнетюркскую эпоху на территории севера Центральной Азии и Южной Сибири обитало большое количество народов, данные о которых сохранились в письменных источниках. В плане рассматриваемой темы главными являются переводы китайских династийных хроник и сочинений арабо-персидских авторов этого времени. Наряду со сведениями политического характера, рассказами о войнах и поражениях, дипломатических посольствах и именами представителей правящих династий, в них содержатся очень интересные и важные материалы о хозяйственно-культурных особенностях этих народов, позволяющие представить их палеоэтнографический, ныне не сохранившийся, облик. Вместе с тем археологические материалы для большинства районов Центральной Азии по разным причинам (главные — это малая степень изученности поселений и проблема локализации носителей известных из письменных источников этнонимов) оказываются в этом отношении менее информативными, хотя в ряде случаев они являются достаточно выразительными.

Обширное пространство рассматриваемой территории определяется в литературе по-разному: Центральная Азия и Южная Сибирь; север Центральной Азии (имея в виду масштабы центрально-азиатского региона в целом⁴⁶⁸); Саяно-Алтае-Хангайское нагорье (определение Л. П. Потапова). Принципиальной разницы между этими наименованиями нет. Особое значение в интересующем нас плане имеет хозяйственно-культурная

характеристика населения Саяно-Алтайского нагорья, «пограничной зоны между глухой горной тайгой и горными степями и полупустынями Центральной Азии»⁴⁶⁹.

В эпоху раннего Средневековья этот мир был густонаселенным. Разные группы народов, определяемые в письменных источниках соответствующими этнонимами (или политонимами), занимали различные экологические ниши — степные, пустынные, горно-степные, горно-таежные, лесостепные. По разнообразию физико-географических зон территория севера Центральной Азии и Южной Сибири уникальна.

В методическом отношении рассмотрение хозяйственных особенностей древних и средневековых обществ возможно, исходя из теории хозяйственно-культурных типов (ХКТ) — одного из основополагающих понятий в этнологии. В законченном виде оно было сформулировано в известной работе М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова: «Под культурно-хозяйственным типом следует понимать исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях при определенном уровне их социально-экономического развития»⁴⁷⁰. В дальнейшем это определение было несколько изменено: «Под хозяйственно-культурными типами понимают определенные комплексы особенностей хозяйства и культуры, которые складываются исторически у различных народов, находящихся

на близких уровнях социально-экономического развития и обитающих в сходных естественно-географических условиях». Суть определения, за исключением перестановки слов в определяемой дефиниции, от этого не меняется. Историческая обусловленность появления ХКТ в определенное время и в определенном месте делает применение этого понятия адекватным возможностям использования как письменных, так и археологических источников.

Наиболее спорным в этом случае является вопрос об этнической специфике того или иного ХКТ, по поводу чего существуют различные точки зрения. Но, так или иначе, безоговорочное отрицание этнического содержания понятия ХКТ, вырывающее его носителей из ауры культурной среды, сформировавшейся в определенных экологических условиях, представляется излишне категоричным (или чересчур формализованным). Вероятно, можно говорить о каких-то эталонных хозяйственно-культурных комплексах, имеющих изначально некое этническое содержание. В пределах каждого крупного географического региона они должны были иметь своих создателей и носителей, которых можно назвать «первопроходцами» в освоении данного ХКТ.

В этой связи наиболее оправдано, с нашей точки зрения, мнение А. П. Окладникова. Подводя итоги изучения наскальных изображений Северной Азии, он писал о том, что «одним из важных достижений советской этнографической школы... является разработка положения о так называемых хозяйственно-культурных типах и соответствующих им «провинциях». В основе этих исследований лежит материалистический взгляд на взаимодействие культуры того или иного общества с природой, о влиянии естественно-географических условий на все стороны культуры.

Было бы, однако, неправильно полагать, что выявление таких типов и провинций может быть противопоставлено поискам собственно этнической специфики... В действительности те общие для населения определенных ландшафтных областей элементы культуры, которые так или иначе можно назвать производными от природных условий и обусловленного ими образа жизни и хозяйства, вовсе не безразличны для этнографической «диагностики»... Выбросите эти элементы, зависящие от природных условий и хозяйства, с ними связанного, из этнической характеристики (например, тунгусов и их культуры), и это будут уже не тунгусы, а только обедненная их общая характеристика, где в конечном счете, пожалуй, останется только язык!»⁴⁷¹. То есть именно то, что в археологических, да и в письменных источниках остается наименее определенным.

Как известно, горностепные районы Центральной Азии и Южной Сибири традиционно считаются одной из основных областей распространения кочевого скотоводства. Именно так, начиная с хуннского времени, характеризуется большинство из обитавших здесь народов в китайских письменных источниках. Сложившиеся представления о северных соседях земледельческого Китая как постоянно мигрирующих кочевниках (классическая формула — «постоянно передвигаются в зависимости от обилия в воде и еде») приходится принимать как данность, т. к. никаких подробностей более о них не сообщается. Именно так (и не более!) характеризуется большинство крупных народов древнетюркского времени, создавшие свои этнополитические объединения — тюрки-тугю, уйгуры (до кыргызского завоевания 840 г.), сеяньто и др. Естественным образом это переносится на их палеоэтнографический облик.

На карте географического распространения различных хозяйственно-культурных типов в статье Б. В. Андрианова и Н. Н. Чебоксарова выделяется в общей сложности более 30 ХКТ. Из них только два скотоводческих — кочевники и полукочевники — скотоводы аридной зоны (правда, с большим количеством подтипов по географическим и климатическим областям)⁴⁷². На карте в книге Н. Н. и И. А. Чебоксаровых данная область — север Центральной Азии и Южная Сибирь — входит в ареалы двух ХКТ: скотоводы-кочевники степей и полупустынь, высокогорные скотоводы-кочевники. В том и другом случае севернее располагаются охотники и рыболовы таежной зоны. Такое контрастное противопоставление кочевников Центральной Азии и охотников тайги является известной данью историографической традиции. На самом деле внутренняя дифференциация скотоводства и хозяйственно-культурная характеристика средневекового населения указанных территорий оказываются гораздо более сложными и интересными.

Начало рассмотрения этой проблемы было заложено исследованиями С. И. Вайнштейна и Л. П. Потапова. Так, С. И. Вайнштейном выделены три основных хозяйственно-культурных типа по этнографическим материалам Тувы: 1) кочевые скотоводы горностепной зоны; 2) охотники-оленоводы горно-таежной зоны; 3) кочевые и полукочевые охотники-скотоводы горной таежно-степной зоны⁴⁷³. Отдельные работы С. И. Вайнштейна посвящены проблеме происхождения и генезису кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии⁴⁷⁴. Сделанные при этом наблюдения и выводы прекрасно экстраполируются на раннесредневековый материал.

Л. П. Потапов впервые определил географические границы той историко-этнографической об-

ласти, которую мы называем севером Центральной Азии, дав ей очень точное наименование — Саяно-Алтае-Хангайское нагорье, где «сложился своеобразный тип комплексного хозяйства (с вариантами), наложивший отпечаток на культуру и быт населявших его племен и народов»⁴⁷⁵. В качестве ведущих признаков этого комплексного хозяйства Л. П. Потапов выделил триаду, включающую пастбищное скотоводство, охоту на мясного и пушного зверя, мелкое, преимущественно мотыжное, земледелие⁴⁷⁶. Носителей данного ХКТ он определил как «горные кочевники скотоводы-охотники Саяно-Алтае-Хангайского нагорья». По мнению Л. П. Потапова, их хозяйственный комплекс, сложившийся «в пограничной географической зоне между глухой горной тайгой и горными степями полупустынями... был, безусловно, более прогрессивным в экономическом отношении по сравнению с узкоспециализированными формами натурального хозяйства степняков-скотоводов или таяжных охотников»⁴⁷⁷.

Именно в этом ключе следует рассматривать выделяемые нами комплексные общества на севере Центральной Азии и в Южной Сибири, к которым в первую очередь относятся енисейские кыргызы, кимако-кыпчаки, гулигань (курыканы), бома (алаты), возможно байегу (байырку); причем в реальной жизни скорее всего носителей этого хозяйственного уклада могло быть значительно больше.

Енисейские кыргызы

Государство и общество енисейских кыргызов Минусинской котловины, т. е. до выхода их на историческую арену Центральной Азии, описаны в источниках достаточно подробно. Значительная часть приведенных сведений непосредственно касается их хозяйственной деятельности. Достаточно информированы в этом плане и археологические памятники, характеризующие культуру и быт кыргызов Среднего Енисея.

Как сообщают письменные источники, во главе древних кыргызов находился правитель с титулом Ажо: «У него водружено знамя... Ажо зимою носит соболью шапку, а летом шляпу с золотым ободочком, с коническим верхом и загнутым низом. Прочие носят белые валяные шляпы». Особое положение Ажо подчеркивается и тем, что «к его пище добавляют хлебцы», и только он употребляет хлебное [вино], тогда как остальные квасят вино из каши»⁴⁷⁸. «Ажо имеет пребывание у Черных гор. Стойбище его обнесено надолбами. Дом состоит из палатки, обтянутой войлоками, и называется Мидичжы. Начальники живут в малых палатках». В «Тайпин Хуаньюй цзи» уточняется, что «ограду делали, установив деревья,

внутри которой ставили большую войлочную палатку, назвав ее цзаодычжи (другое прочтение мидичжы). Начальники и нижние чины жили в войлочных палатках, но также делали дома из дерева и кожи»⁴⁷⁹.

Много данных, касающихся различных элементов материальной культуры енисейских кыргызов. «Все жители обнажают головы, заплетают волосы. Зимой делают шапки из соболя, летом золотом украшают шапки, заостряют маковку и свертывают ее конец (что напоминает описание шапки Ажо)... Подчиненные делают шапки из белого войлока, в остальном покроем в общем одинаков. Для одежды берут парчу или шерстяную материю смешанного (разного) цвета, к поясу привешивают ножи и брусочки»⁴⁸⁰. «Низшие (простолюдины) одеваются в шкуры», т. е. их одежда сшита из овчинных шкур и шерсти.

Особо отмечается, что кыргызы «обычно производят хорошее железо, называют его цзяша. Делают оружие, крайне острое, и постоянно вывозят его к тукюе (тюркам)»⁴⁸¹. Очевидно, железо кыргызами добывалось в отрогах Саян, Алтая, Кузнецкого Алатау и даже в центре минусинских степей. Добытая руда переправлялась в центральные районы, где на дюнных холмах и в сосновых борах на берегах Енисея, Абакана, Тубы и др. встречаются остатки горнов для выплавки железа. Судя по тому, что вокруг мест выплавки железа нет следов постоянных обиталищ, мастера приходили сюда только на время плавки. Получив нужное количество криц, ремесленники возвращались в свои поселки, где и занимались изготовлением изделий. Подобные оседлые поселки с кузнечными горнами находились на дюнах вдоль Енисея и его притоков, из чего следует, что ремесленники жили обособленно. Кузнецы изготавливали орудия сельскохозяйственного производства и множество предметов вооружения — мечи, кинжалы, редко — копья, наконечники стрел разных форм, а также большое количество различных принадлежностей конской сбруи — удила, стремяна, подпружные пряжки, украшения сбруйных ремней»⁴⁸².

Мастера соединяли, по-видимому, кузнечное ремесло с ювелирным делом — изготовлением предметов украшения из бронзы, золота и серебра (личные украшения, украшения поясов и сбруи). Изделия из рядовых погребений особенно близки с алтайскими — уздечные бляхи, тройники-распределители ремней, обоймы, пряжки уздечных ремней, так же как и поясные бляхи общетюркского облика (мог. Капчалы-I и др.).

Кроме поселков кузнецов существовали и другие сельские поселения, из которых самым крупным являлось Копенское поселение, расположен-

ное на левом берегу Енисея у с. Малые Копены. Несмотря на то что жилищами служили юрты, можно говорить о достаточно длительном пребывании обитателей на одном месте. Исследованы углубленные выемки диаметром до 12–15 м, глубина одной из них достигала 60 см, сохранились остатки наклонных сходов. В целом открыто около 50 подобных жилищ, близ которых находились ямы (диаметром 1–3 м) для кухонных остатков: в них обнаружены расколотые кости коровы, овцы, лошади и фрагменты так называемых кыргызских ваз. Очевидно, что скотоводство в жизни копенцев играло достаточно важную роль, но оно скорее всего было пастушеским. На занятия земледелием указывает находка нижней части ручного жернова. Проведенные эксперименты позволили установить, что такие жернова были предназначены для производства крупы. Для получения муки существовали ручные мельницы (диаметром до 50–70 см), позволявшие получать до 50 кг муки за 12 часов⁴⁸³.

Судя по имеющимся сведениям письменных источников и археологическим данным, хозяйство кыргызов в Минусинской котловине было комплексным: основу его составляли скотоводство и земледелие. Жители «питаются мясом и кобыльим молоком»⁴⁸⁴. «Лошади плотны и рослы. Лучшими считаются, которые сильно дерутся. Есть верблюды и коровы; но более коров и овец. Особенно много быков. Богатые земледельцы водят скота по несколько тысяч голов»⁴⁸⁵. Лошадей, по сообщению арабского автора XII в. ал-Идриси, использовавшего данные более ранних источников, выращивают много, так же как быков и овец. Быков использовали в основном для перевозки тяжелых грузов. Знаменитые кыргызские лошади, прекрасные скакуны, «белые лошади», наряду с мехом пушных зверей и соколами, составляли предмет посольских даров при сношениях со Средним государством (Китаем)⁴⁸⁶.

Мясо верблюдов, как отмечает арабский автор X в. Абу Дулаф, в пищу не употребляли, но использовали верблюдов как транспортное средство — запрягали их в кибитки; перевозили на них грузы. То, что верблюд мог служить верховым животным, показывает один из рисунков Сулекской писаницы, на котором изображен верблюд под верховым седлом, но без стремян⁴⁸⁷. Присутствие в стаде значительного количества крупного рогатого скота, вероятно, ограничивало кочевой образ жизни наиболее богатых членов общества, делая его полукочевым. Они скорее всего перемещались на небольшие расстояния, «ища воды, травы (благоприятной), погоды и лугов», о чем сообщается в сочинении «Худуд ал-Алам» («Книга о пределах мира от востока к западу»)⁴⁸⁸.

Земледелие в Минусинской котловине, благодаря относительно благоприятным условиям, было достаточно развито. Китайские хронисты отмечают, что «отсутствуют пять хлебов, нет ни плодов древесных, ни овоща огородного. Имеются только гималайский ячмень, пшеница, темное просо, конопляное семя. В 3-ю луну (в апреле) пахут и сеют, в 8-ю и 9-ю луну (в октябре) собирают [урожай], варят кашу, чтобы делать напиток, также чтобы перебродить [на] водку. Для пшеницы имеется пеший (т. е. приводимый в действие людьми) жернов, [которым] делают муку»⁴⁸⁹. В степных районах, обладающих недостаточной влажностью почвы, устраивались оросительные каналы, на некоторых из них производились специальные археологические исследования⁴⁹⁰. Обработка земли осуществлялась деревянными сохами и плугами с железными сошниками и китайскими плугами с чугунными отвалами, которые имеются среди случайных находок из Минусинской котловины. Для уборки урожая применялись железные втульчатые и черешковые серпы. Кроме серпов, употреблялись косы-горбуши, особенно удобные при косьбе травы в лесных районах, где нельзя применять инструмент на длинной рукояти, препятствующей размаху среди деревьев⁴⁹¹. Для получения муки из различных видов зерновых культур кыргызы использовали ручной жернов, но, видимо, устраивались и сложные водяные мельницы. Крестьяне, занимавшиеся земледелием, жили в избах, покрытых древесной корой, и, вероятно, сочетали земледелие с пастушеским разведением скота.

Охотой на диких животных занимались преимущественно в горно-таежной зоне. Изображениями сцен охоты в Минусинской котловине богата упомянутая выше Сулекская писаница, или «Писаная гора» у Соленого озера. Представлена облавная охота на косуль, горного козла. Среди рисунков имеются изображения медведей, лисиц, барса⁴⁹². Для охоты на пушных зверей употребляли специальные наконечники стрел в виде тупых цилиндров или даже шариков, чтобы не испортить ценный мех⁴⁹³. То, что охота на пушного зверя была значительной, по-видимому, даже основным занятием населения горно-таежных районов, говорят китайские источники: «Ясачные вносят подать соболями и белкою»⁴⁹⁴.

В целом хозяйственно-культурный тип енисейских кыргызов до начала их широких завоеваний в середине IX в., включая подчиненное население соседних горно-таежных областей, можно определить как пастушеско-скотоводческий — земледельческий — охотничий. Это не позволяет согласиться с мнением Ю. С. Худякова, относившего кыргызов Среднего Енисея к таким же кочевникам-

скотоводам, какими были древние тюрки или уйгуры⁴⁹⁵. Наоборот, комплексное хозяйство кыргызов, воспринятое на Енисее еще с таштыкской древности⁴⁹⁶, представляет собой наиболее яркую модель именно такой экономики.

Кимако-кыпчаки

Государство кимако-кыпчаков — самое позднее этносоциальное объединение, созданное тюркоязычными кочевниками на севере Центральной Азии. Территория расселения кимако-кыпчакских племен охватывала западные и северные предгорья Алтайской горной системы с выходом в Казахстанские степи и южные районы Западной Сибири. Центр объединения традиционно находился на Иртыше, куда вели караванные маршруты из Средней Азии.

Основные виды хозяйственной деятельности кимаков — скотоводство, охота, рыболовство, земледелие, а также торговля и ремесло — по данным письменных источников, подробно рассмотрены Б. Е. Кумеквым⁴⁹⁷. В результате этого обзора автор приходит к вполне обоснованному выводу, что «в кимакском племенном союзе можно фиксировать наличие нескольких хозяйственно-культурных типов, связанных с преобладанием кочевого скотоводства или земледельческого хозяйства при полуоседлом скотоводстве или промысловой охоте. Возможно, существовала межплеменная специализация, но в любом случае утвердившееся положение об однородности хозяйства кимаков неверно»⁴⁹⁸. С последним положением можно полностью согласиться; однако, разделяя основные виды хозяйственной деятельности кимаков, Б. Е. Кумекв не рассматривает их как хозяйственно-культурные комплексы, представленные в различных областях расселения кимако-кыпчакских племен, и в большей степени идет по пути анализа, чем синтеза.

Возвращаясь к этому вопросу, следует привести выдержки из основных источников, касающихся хозяйственных занятий кимаков, хотя ясно, что четкие границы между ними провести трудно. Так, по данным Гардизи, «никаких строений у них нет; все живут в лесах, ущельях и степях; все владеют стадами коров и баранов, верблюдов у них нет... Летом они питаются кобыльим молоком, которое называется у них кумысом; на зиму заготавливают сушеное мясо, баранье, лошадиное или коровье... В этой стране много снега; бывает, что толщина снежного покрова в степи достигает высоты копыя. Зимой они уводят лошадей в отдаленную страну, в место Ок-таг (Монгольский Алтай)».

По ал-Марвази (XII в.), «это народ, у которого нет ни селений, ни домов; они владеют только чащами, лесами, водами и пастбищами... Зимние жилища у кимаков — землянки или полуземлянки, зимой кимаки занимаются промысловой охотой в тайге на соболя и горностая, передвигаясь на лыжах»⁴⁹⁹. И о тех же кимаках в «Худуд-ал-Алам» (X в.): «Люди живут в войлочных шатрах, зимой и летом кочуют в поисках пастбищ, воды и лугов». При этом Тамим ибн Бахр (первая половина IX в.) посетил царя кимаков в его ставке близ «селений и возделанных земель»⁵⁰⁰. Аналогичные сведения содержатся в «Худуд-ал-Алам»: «И эта область такова, что в ней [только] один город, и все. В ней множество племен, и жители ее селятся в шатрах и кочуют [в поисках] сухой травы, воды и зеленых лугов, летом и зимой. [Статьи] их дохода являются соболя и овцы, а пища их летом — молоко, а зимой — высушенное мясо... И всегда, когда между ними и гузами бывает мир, зимой они переходят к гузам»⁵⁰¹.

Другие отрывочные, но тем не менее существенные сведения приведены в уже упоминавшейся книге Б. Е. Кумеква «Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам» (1972). Кимаки «переходят с места на место, следуя за пастбищами» (у ибн Бахра); какая-то группа кимаков в северо-восточном Семиречье стала заниматься верблюдоводством (у ал-Идриси); все тюрки, в т. ч. и кимаки, занимаются охотой и «больше всего едят дичь» (у ал-Масуди и ал-Йакуби) и т. д.

Приведенные сведения письменных источников как будто распадаются в определении хозяйственной деятельности кимаков, но при соотношении с различными с географической точки зрения районами обитания племен кимако-кыпчакского объединения приобретают определенную выразительность. Большинство из них характеризуют кимаков как скотоводов-кочевников, но, так или иначе, отмечают и другие виды занятий (охота, земледелие и пр.). Разделение их «посужетно» (скотоводство отдельно, охота отдельно, земледелие отдельно), проведенное Б. Е. Кумеквым, верно с источниковедческой точки зрения, но не определяет хозяйственно-культурного типа (или нескольких хозяйственно-культурных типов) кимаков как комплексного явления, в котором происходила контаминация различных элементов производящей и присваивающей экономики.

Исходя из всех имеющихся данных основной и ведущий ХКТ племен кимако-кыпчакского объединения — это скотоводы и охотники предгорий Алтайской горной системы, включающий как сезонные (весенне-осенние) занятия земледелием, так и определенную подвижность населения, связанную с необходимостью сезонного выпаса скота.

С этим ХКТ тесно связано специализированное коневодство как отдельная отрасль скотоводческого хозяйства, имеющая важнейшее значение не только в бытовой, но и в социально-экономической сфере отношений. Наиболее полное и законченное описание этого хозяйственно-культурного типа содержится в сочинении Гардизи. Вообще создается впечатление, что в отрывке из «Украшения известий» Гардизи можно видеть описание какой-то одной конкретной («центральной»?) группы кимакских племен, составленное на основе рассказов очевидцев.

Второй ХКТ, характерный, возможно, для большинства степных племен кимако-кыпчакского объединения, — полукочевое скотоводство степных (или опустыненных) областей, в описании которого письменные источники придерживаются стереотипной формулы «перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде»; сравним приведенное выше — «переходят с места на место, следуя за пастбищами» (по Тамим ибн Бахру). В ареале расселения кимако-кыпчакских племен к этому хозяйственно-культурному типу относилось прежде всего население степных областей, непосредственно прилегающих к Алтайской горной системе. В определенных условиях в цикл скотоводческого хозяйства могло включаться верблюдоводство (Семиречье), но, судя по отрывочным сведениям письменных источников, это происходило эпизодически.

И для скотоводов-охотников предгорий, и для скотоводов-кочевников открытых степных пространств неотъемлемым атрибутом была охота: в первом случае, по-видимому, больше, во втором — меньше. Объекты охоты, естественно, могли меняться в зависимости от места проживания того или иного племени. Указание на то, что кимаки охотились не просто на диких животных («больше всего едят дичь»), но и на пушного зверя («предметы охоты кимаков — соболи и горностаи»), свидетельствует о сезонной охоте, более характерной для предгорных областей, а в ряде случаев отодвигающей охотничьи угодья в более далекие, подтаежные районы Западной Сибири.

Наконец, третий ХКТ, который выстраивается по материалам сообщений письменных источников о кимаках, — это земледелие. Так же как и скотоводство, оно могло иметь различные формы. Подсобное мотыжное земледелие характерно для всех скотоводческих обществ, и в этом отношении кимаки не должны были представлять исключение, хотя конкретных сведений именно об этой форме земледелия у кимаков не имеется. В источниках говорится о выращивании зерновых культур (пшеница, просо, ячмень), что подразумевает наличие плужного земледелия. Такое плужное земледелие

могло развиваться, например, как и у енисейских кыргызов, в долинах рек и в условиях лесостепной зоны. Как ответвление этого земледельческого хозяйства можно рассматривать такие экзотические для севера Центральной Азии виды занятий, как разведение риса и виноградарство (поливное земледелие). И то, и другое самым тесным образом связаны с оседлым образом жизни, скорее всего в оазисных условиях, приближенных к земледельческим центрам Средней Азии.

Все вместе выделенные виды занятий образовывали комплексный хозяйственно-культурный тип, обеспечивающий экономику племен кимако-кыпчакского объединения в целом. Ассоциируемые с ними археологические материалы сросткинской культуры середины IX — начала XI в., хотя и малоинформативны с точки зрения хозяйственной диагностики, в принципе не противоречат такому определению.

Гулигань (куруканы)

К обществам с комплексной экономикой, по всей видимости, следует относить и самое дальнее из телеских племен — гулигань (куруканы рунических надписей), обитавших на территории Западного Прибайкалья. Сведения о них немногочисленны, но достаточно информативны. Говорится, что «гулигань кочевало по северную сторону Байкала. Оно имело 5000 строевого войска. Страна производила превосходных лошадей, которые с головы походили на верблюда, сильны, росли; в день могли пробегать по несколько сот ли»⁵⁰². Близкий перевод приводит Ю. А. Зуев: «Гулигань находится от Ханхай (Хентейское нагорье в центральной части Монголии) на севере... Разводят прекрасных лошадей, головой похожих на верблюдов, сильных и рослых, могущих в день пробегать по несколько сот ли»⁵⁰³.

Об этносоциальной истории гулигань (курукан) можно судить на основании отрывочных косвенных сведений. Известно, что во второй половине 1-го тысячелетия н. э. курыканы представляли собой объединение трех племен. Уч-куруканы («три племени курыкан») упоминаются в памятнике Кюль-Тегина среди других народов, приславших своих представителей в качестве «плачущих и стонущих» по поводу кончины каганов Первого тюркского каганата — Бумыня и Истеми. Трижды (в 629, 647 и 694–695 гг.) гулигань направляли своих послов ко двору китайского императора. Из этих посольств наиболее значительным было посольство 647 г. с выражением покорности и дарами основателю династии Тан императору Тайцзуну. В орхонских надписях курыканы упоминаются в числе врагов Второго тюркского каганата при

Ильгерес-кагане. Приведенные данные позволяют предполагать, что до определенного времени гулигань обладали определенной политической силой и независимостью: участвовали в погребениях тюркских каганов, посылали свои посольства к Танскому двору и т. д.

Главная достопримечательность племени гулигань (куруккан), имеющая непосредственное отношение к их хозяйственной деятельности, — это коневодство. Описание курыканских коней, которые «с головы походили на верблюда, сильны, рослы; в день могли пробегать по несколько сот ли», очень красочно и явно свидетельствует о непосредственном знакомстве с ними автора этого описания. Именно таких коней курыканы доставили к императорскому двору во время посольства 647 г. Император выбрал десять из них, которым были даны «громкие названия»: 1) парящий, белый как иней; 2) пегий, блестящий как снег; 3) пегий, как застывшая роса; 4) пегий, как висящий снег; 5) прекрасный конь, разрезающий волну; 6) желтый конь, как летящая заря; 7) красный, как стремительная молния; 8) желтый конь с черной мордой, как текучее золото; 9) темно-красный, как реющий цилинь; 10) красный, как убегающая радуга⁵⁰⁴. Уже одно перечисление этих замечательных имен показывает, как высоко ценились подобные кони. В специальном сочинении, посвященном коням иноземцев, говорится: «Лошади [племени] гулигань по обычаю тамг не имеют, а вместо клейма отличаются по ушам и морде. На гулиганьских лошадях похожи лошади [племени] цзегу (то есть кыргызов); разница в малом»⁵⁰⁵.

А. П. Окладников идентифицировал с историческими курыканами (гулигань) письменных источников археологические памятники так называемой курумчинской культуры Прибайкалья⁵⁰⁶, что значительно расширяет возможности хозяйственно-культурной интерпретации этого народа. Археологические памятники курумчинской культуры представлены городищами, могильниками (шатровые гробницы), поминальными сооружениями, петроглифами. На поселениях чаще всего находятся следы развитого железодельного производства (шлаки, горны, тигли, фрагменты глиняных сопел и пр.), что послужило основанием для более развернутого определения этой культуры, как культуры курумчинских кузнецов. Абсолютное большинство памятников курумчинской культуры, судя по картам их распространения, сосредоточено в Северном Прибайкалье и на о. Ольхон⁵⁰⁷. Единство времени и места позволяют считать этническую атрибуцию курумчинской культуры как культуры исторических курыкан, предложенную А. П. Окладниковым, достаточно убедительной.

О скотоводческом компоненте свидетельствуют находки костей домашних животных на поселениях (лошадь, корова, овца). Изображения верблюдов и сцен перекочевков на курыканских писаницах⁵⁰⁸ говорят о том, что скотоводческое хозяйство курыкан было открыто в сторону степного Забайкалья. Наряду с этим на поселениях встречаются и кости диких животных (лось, косуля), свидетельствующие о значении охотничьего промысла. На Шишкинских писаницах — главной «инсталляции» палеоэтнографии курыкан — изображены различные виды охоты (облавная охота, охота сетью, арканом и др.). О земледельческом компоненте говорят находки сошников на поселениях, следы древних пашен и оросительных каналов около городищ и др. Но главное, конечно, в хозяйстве курыкан (гулигань) — это развитое коневодство, отмеченное в письменных источниках и еще более ярко представленное на Шишкинских писаницах, по праву считающихся курыканскими.

В целом ХКТ курыкан можно определить как равнинный скотоводческо-охотничье-земледельческий с преобладанием специализированного коневодства. Наличие в Западном Предбайкалье межгорных котловин (типа обширной Тункинской котловины), где комплексность хозяйства наиболее обеспечена природными условиями, сближает его с енисейскими кыргызами Минусинской котловины (до начала эпохи великодержавия).

Байегу (байырку)

Еще одно «особое поколение» теле, относительно которых в китайских источниках содержатся сведения об их хозяйственной деятельности, — это байегу (или байырку древнетюркских рунических текстов), обитавшие скорее всего в Восточном Забайкалье и смежных районах Северной Монголии.

Описание байегу (байырку) в письменных источниках крайне лапидарно. Помимо того что «они рассеянно кочевали по северную сторону Великой песчаной степи», говорится: «Сия страна богата травами, производит хороших лошадей, превосходное железо... Страстно любили звериную ловлю; землепашеством мало занимались. Гонялись по льду на лыжах за оленями. Обычай их по большей части сходствовал с тйэлэскими; в разговоре есть небольшая разница»⁵⁰⁹.

Из приведенного описания следует выделить слова о том, что страна байегу «производит хороших лошадей». Яркое подтверждение этого — рассказ о знаменитом походе 711 г. древних тюрков через Кёгмен (Западные Саяны) против енисейских кыргызов. В надписи Кюль-Тегина, одного из героев этого похода, говорится: «С их каганом мы

сразились в Черни Сунга. Кюль-Тегин сел на белого жеребца из Байырку, бросился в атаку, одного мужа он поразил стрелой, двух мужей заколол [копьем] одного после другого. При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломал ему бедро. Кыргызского кагана мы убили и племенной союз его взяли». В данном случае белый конь из страны байырку такой же эпический персонаж, как и легендарный герой древнетюркской истории принц Кюль-Тегин. Учитывая эти сведения, можно предполагать, что именно страна байырку, «богатая травами», производила таких великолепных боевых скакунов.

В целом хозяйственно-культурный тип байегу (байырку) можно определить как горный охотничье-скотоводческий с преобладанием коневодства. И опять «рядом» упоминается «превосходное железо»! В этом отношении сведения о байегу перекликаются с кырыканами.

Бома (алаты)

Наконец, последний из народов с комплексной экономикой, о которых подробно сообщается в письменных источниках, — это бома (или алаты). Относительно локализации их страны высказаны различные точки зрения, но скорее всего области расселения бома (или алатов — пеголошадников) — это лесостепные районы южной части Красноярского края с выходом на западе в Обь-Енисейское междуречье и на востоке в отроги Восточных Саян, уходящие на юг в сторону Прибайкалья.

По Н. Я. Бичурину, «Бюньма, иначе Била и Йелочжи, от тукое прямо на севере, от столицы (Чанань) в 14 000 ли; перекочевывали смотря по достатку в воде и траве; но предпочитали жить по горам. Имели 30 000 строевого войска. Там всегда идут снега. Хвоя с деревьев не опадает. Пахали землю лошадьми. Лошади более были саврасые, от чего и название государству дано. Жили на севере близ моря. Хотя содержали лошадей, но верхом не ездили на них, а пользовались молоком для пищи. Часто дрались с хягасами (кыргызами). Обликом похожи на хягасов, но говорили другим языком. Брили голову, носили берестяные шляпы. Связывали деревья наподобие колодезных срубов и покрывали берестой. Это были их жилища. Каждая община имела своего начальника»⁵¹⁰.

Из приведенного описания складывается несколько противоречивое впечатление — сочетание стереотипной формулы, характерной для определения кочевых/скотоводческих народов («перекочевывали смотря по достатку в воде и траве»), и остальные этнографические детали, несвойственные для мобильного быта кочевников. По Н. В. Кю-

неру: «Их страна крайне холодна. [Жители] любят ловить рыбу и охотиться. Ловят рыбу, оленей, выдр, соболей; [мясо] употребляют в пищу, из шкур делают одежду. Мало железных орудий, употребляют глиняную черепицу, котлы и бересту, из которой делают блюда и чашки». Другие сведения о бома: «Употребляют лук, стрелы, меч, копье, щит... Лошади масти одинаковой — пестрые [саврасые]. Поэтому так и называют [этот народ]. Их лошади не служат для езды, берут их молоко, употребляют в пищу кумыс и только. С цзегу [кыргызами] часто взаимно воюют. Наружностью походят на цзегу, но язык их им непонятен»⁵¹¹.

Некоторые нюансы имеются в источнике VIII в. «Тундянь» в переводе Ю. А. Зуева: «Земли Бома (пегие кони) близки к северному морю, отстоят от столицы [Китая] на 14 тыс. ли... Пределы их страны: с востока на запад один месяц хода, с юга на север 50 дней хода... С помощью коней и людей вспахивают землю плугом; сеют пять [видов] злаковых. Любят рыбную ловлю. Промышляют рыбу, оленя, выдру, соболя. Мясо идет в пищу, а их шкура на одежду. Мало железных сосудов, поэтому вместо блюд и чашек используют котлы из обожженной глины и основания березовой коры. Следуют за травой и водой (т. е. кочуют). В местах остановок складывают деревья на манер колодезного сруба, делают берестяную крышу и используют под жилье. Лежанки земляные, тюфяки из травы, вроде войлочных, и так спят. Когда трава [вокруг стоянки] кончается, перекочевывают; нет твердого местожительства. Лошади все пегие; поэтому и взято наименование (ала ат — пегие кони). Еще говорят, что на тех лошадях не ездят, делают кумыс, пьют его, вот и все. Они с цзегу (кыргызами) много раз воевали друг друга и взаимно вторгались. Внешностью из группы цзегу, но их языки друг другу непонятны... В середине годов девиза юнхуй (652–653 гг.) при династии Великая Тан отправили ко двору посланника с данью»⁵¹².

Из приведенных данных складывается образ далекого северного народа, обитавшего на весьма обширной территории, в хозяйстве которого гармонично сочетались охота, рыболовство, пашенное земледелие и коневодство (но не всадничество, а разведение лошадей для внутреннего потребления и, вероятно, определенных культовых целей). Население это вело относительно подвижный образ жизни и строило каркасные конические жилища с берестяным покрытием и травяными тюфяками-«нарами». Они имели 30 тыс. строевого войска, были хорошо вооружены и постоянно воевали с енисейскими кыргызами («взаимно вторгались») и, следовательно, имели с ними общую границу. Поскольку «Тундянь» — источник VIII в., при составлении которого использовались

дорожники середины VII в.⁵¹³, то все сведения, многократно повторенные впоследствии, относятся ко времени до начала широкого расселения кыргызов, т. е. до середины IX в. Хозяйственно-культурный тип бома с учетом всех приведенных данных можно определить как комплексный охотничье-земледельческий с наличием коневодства и рыболовства.

Исходя из всего сказанного, можно сделать следующие выводы.

1. Комплексные общества, сложившиеся в определенных географических условиях, сыграли очень большую роль в этнокультурогенезе севера Центральной Азии и Южной Сибири. Созданные ими на этой экономической основе социальные структуры с полным основанием могут быть названы потестарными (раннегосударственными) объединениями, успешно противостоящими более узкоспециализированным кочевым империям, а в случае с енисейскими кыргызами, разгромившими Уйгурский каганат, и побеждавшими их.

Показательно, что большинство из этих народов — кыргызы на Енисее, кимаки на Иртыше, бома-алаты в лесостепной полосе севернее Минусинской котловины, курьканы и байырку в Прибайкалье — занимали периферийные районы Саяно-Алтае-Хангайского нагорья, что позволяло им, находясь в стороне от бурных событий, происходивших в собственно Центральной Азии, последовательно развивать свою социально-экономическую систему в рамках одного и того же иноэтничного окружения.

Показательно, что вместе они образуют огромную дугу обществ с комплексной экономикой с заключенным в ней Саяно-Алтайским нагорьем, где всегда преобладающую роль играло скотоводство. Судя по всему, эта модель до уровня этнографической современности не сохранилась.

2. Специального рассмотрения заслуживает вопрос о взаимосвязи железоделательного производства с развитым коневодством как условием социально-экономической легитимности обладавших этим качеством обществ. В рассмотренных выше материалах письменных источников эта ситуация повторяется несколько раз — при описании

культуры курькан, байегу или байырку, енисейских кыргызов.

В этой связи нельзя не вспомнить известную историю о победе тюрков над жуань-жуанями, для которых тюрки Ашина «плавил железо». «Ты мой плавильщик, как же осмелился сделать такое предложение!» — воскликнул хан жуань-жуаней Анахуань в ответ на предложение предводителя древних тюрков Бумыня, просившего руки его дочери⁵¹⁴. И проиграл. Потому что в руках тех, кто «плавил железо», находится производство предметов вооружения и снаряжения верхового коня, т. е. главных культурных ценностей, обеспечивающих в условиях горностепной зоны успешное существование и независимость (или победу над иноплеменниками). Но и это преимущество невозможно без развитого коневодства.

3. Можно предполагать, что именно общества с комплексной экономикой, сведения о которых впервые появляются в письменных источниках древнетюркского времени, могли быть той питательной средой, из которой при определенных обстоятельствах выходили кочевники-скотоводы, создатели «кочевых империй». В этом плане, безусловно, заслуживает внимания легенда об Эргунэ-Кун, исторической родине монголов, в которой рассказывается следующее: «И [вот] они [т. е. монголы] нашли одно место, бывшее месторождением железной руды, где постоянно плавил железо. Сбравшись все вместе, они заготовили в лесу много дров и уголь целыми харварами, зарезали семьдесят голов быков и лошадей, содрали с них целиком шкуры и сделали [из них] кузнечные меха. [Затем] сложили дрова и уголь у подножия того же косогорья и так оборудовали то место, что разом этими семьюдесятью мехами стали раздувать [огонь] до тех пор, пока тот [горный] склон не расплавился. [В результате] оттуда было добыто безмерное [количество] железа и [вместе с тем] открылся и проход. Они все вместе откочевали и вышли из той теснины на просторы степи»⁵¹⁵.

Так монголы, бывшие до этого «лесным народом»⁵¹⁶, стали кочевниками, завоевателями Великой степи.

Фотографии некоторых экологических ниш Саяно-Алтае-Хангайского нагорья представлены на *рис. 92–103*.

**ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРИРОДНЫХ АНОМАЛИЙ И КАТАСТРОФ
НА ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В КОНЦЕ 1-го ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ до н. э. — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
1-го ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н. э.**

На протяжении периодов древней и средневековой истории существенное воздействие на процессы этнокультурного развития кочевых народов, населявшие степные и горные ландшафты Центральной Азии, оказывали аномальные климатические и другие природные явления и события. В некоторых случаях эти события имели тяжелые негативные и даже катастрофические последствия для жизнедеятельности кочевого населения и скотоводческого хозяйства. Для изучения таких явлений и их последствий на этнокультурную историю древнего и средневекового населения в разных регионах мира привлекаются археологические, мифологические и фольклорные материалы.

Однако наиболее важное значение имеет привлечение для анализа сведений о подобных событиях, содержащихся в древних и средневековых летописных источниках из стран с длительной и устойчивой письменной традицией, в которых упоминаются и описываются разные виды аномалий. Предпринятый ранее опыт анализа таких материалов из летописных источников Кореи, Маньчжурии и Северо-Восточного Китая продемонстрировал, что некоторые аномальные явления оказали определенное воздействие на этнокультурные процессы в этих странах в периоды древности и Средневековья⁵¹⁷.

Привлекались для анализа и сведения о природных аномалиях на сопредельных территориях Центральной Азии⁵¹⁸. Изучение различных видов источников, предпринятое зарубежными исследователями в разных странах в течение последних десятилетий, позволило оценить возможности обобщения разнородных сведений о природных аномалиях и катастрофах, нашедших отражение в исторической памяти человечества, и смоделировать катастрофические события глобального масштаба, оказавшие существенное воздействие на ход исторического процесса⁵¹⁹.

Ввиду отсутствия собственной письменности и устойчивой устной исторической традиции в государствах центрально-азиатских кочевников основным корпусом источников, в которых представлены данные о необычных явлениях природной среды, могут служить исторические сочинения соседнего Китая. Китайцы на протяжении

многих столетий были вынуждены постоянно обращать внимание на положение дел в кочевом мире, чтобы строить свои отношения с государствами номадов, поскольку от стабильности этих отношений во многом зависела безопасность северных окраин, а в определенные периоды истории и всей Китайской империи. В китайских летописях, описывающих исторические события, которые происходили на территории Центральной Азии в эпохи поздней древности, в период правления в Китае династии Хань, охватывающий около 400 лет (со II в. до н. э. до II в. н. э.), содержатся различные сведения о климатических и других природных аномалиях, в определенные моменты истории имевших тяжелые негативные, а иногда и катастрофические последствия для хуннского кочевого населения и скотоводческого хозяйства. В XIX в. эти сведения были собраны, переведены на русский язык и введены в научный оборот Н. Я. Бичуриным⁵²⁰. В дальнейшем, в XX в., эти переводы были уточнены Н. В. Кюнером и В. С. Таскиным⁵²¹.

Китайские летописцы неоднократно приводят в своих описаниях сведения о необычных природных явлениях, прежде всего о климатических колебаниях, в т. ч. о сильных морозах и обильных снегопадах, засухах и нашествии саранчи, которые приводили к бескормице и массовому падежу скота, а вслед за этим к голоду, заразным болезням и гибели значительной части кочевого населения в Центральной Азии. По оценке современников эти природные явления имели негативные последствия для номадов и оказали определенное воздействие на ход исторических событий в кочевом мире и сказались на отношениях с китайцами. Судя по описанию этих событий, источником сведений о них для китайских хронистов были люди, хорошо осведомленные о положении дел в кочевом мире, дипломаты, или военные, либо пленные и перебежчики из числа номадов.

В период существования Хуннской державы (с конца III в. до н. э. по II в. н. э.) подобные стихийные бедствия были зафиксированы в китайских летописях не менее девяти раз. Эти события нередко влекли за собой тяжелые негативные последствия для скотоводческого хозяйства и, как

следствие, значительную убыль хуннского кочевого населения и ослабление государственности хуннов.

Особенно тяжелыми и неблагоприятными для хуннов в отношении аномальных колебаний климата выдался период с начала I в. до н. э. до конца I в. н. э. В течение этих двух столетий на территории державы Хунну произошло по 3–4 таких события. В 89 г. до н. э. в течение зимы несколько месяцев подряд шел снег, что привело к бескормице и падежу скота и вызвало заразные болезни среди людей. В ханьской летописи по этому поводу говорится: «Случилось, что сряду несколько месяцев шел снег, и это произвело падеж скота, заразные болезни между людьми, и хлеб на полях не созрел»⁵²². Народная молва связала эти природные явления с казнью плененного за несколько лет до этого китайского военачальника Ли Гуанли. «В это время начался снегопад, длившийся несколько месяцев подряд, скот падал, среди населения начались болезни, хлеба не вызрели»⁵²³. Хуннский шаньюй, напуганный этими событиями, был вынужден принести жертвы в память о казненном ханьском военачальнике, после чего, по сведениям китайского источника, снегопад прекратился. Массовый падеж скота, голод и эпидемии повлекли за собой значительную убыль кочевого населения и ослабили Хуннскую державу в ее борьбе с внешними врагами, усилили недовольство правлением правящего рода Силуаньди со стороны других кланов, что привело к междоусобицам в самом хуннском обществе.

В последующие десятилетия, неоднократно, в 72 и 68 гг. до н. э., в 46 и 88 гг. н. э., в степях Центральной Азии происходили сильные морозы, засухи, нашествия саранчи, падеж скота и голод, которые привели к тому, что в степях Центральной Азии погибло от одной до двух третей хуннского населения. В 72 г. до н. э. «в продолжение одного дня выпал снег глубиной до десяти футов. От мороза столько погибло людей и скота, что и десятой части не возвратилось»⁵²⁴. Ослаблением хуннов вследствие этих природных катаклизмов воспользовались их противники: динлины, ухуани и усунь, жившие на периферии хуннских владений, в Притяньшанье и Маньчжурии. Вероятно, в эти годы их земли не подверглись стихийным бедствиям. В результате одновременного наступления этих племен с запада, северо-запада и востока среди хуннов было убито несколько десятков тысяч человек и захвачено «великое множество» скота. Эти поражения усугубили природные катаклизмы, в результате которых три десятых всего хуннского населения — «людей и скота от голода погибло», после чего хуннская государственность пришла в «крайнее бессилие»⁵²⁵.

В другом варианте перевода китайского источника об этих событиях сказано: «В это время пошел сильный снег, причем высота снежного покрова, выпавшего за день, превысила 1 чжан. Люди и скот замерзали от холода, из каждого десятка возвратился один человек, и уцелела одна голова скота». После нападения кочевых соседей убыль населения и скота у хуннов значительно возросла. По оценке ханьских летописцев, «от голода у сюнну умерло из каждого десятка три человека, а из каждого десятка скота пало пять голов»⁵²⁶.

В 68 г. до н. э. снова «в земле хуннов был голод», в результате которого погибло шесть десятых хуннского народа и домашнего скота⁵²⁷. Согласно уточненному переводу В. С. Таскиным, этих сведений из ханьского источника: «В том году в землях сюнну был голод, от него из каждого десятка населения умерло шесть-семь человек, а из каждого десятка скота пало шесть-семь голов»⁵²⁸.

И после распада хуннского объединения в I в. н. э. на две орды, северных и южных хуннов, центрально-азиатские кочевники продолжали страдать от неблагоприятных погодных условий. При этом природные аномалии обрушивались и на земли как северных, так и на южных хуннов, проживавших на землях, расположенных севернее или к южнее от пустыни Гоби. В ханьских летописях 46 г. н. э. отмечено, что аномально жаркие сезоны обрушились на земли, населенные южными хуннами. В это время «в земле хуннов сряду несколько лет были засухи и саранча; земля на несколько тысяч ли лежала голая. Деревья и травы посохли. Голод произвел заразу, которая похитила большую половину народа и скота»⁵²⁹.

В другом переводе китайского источника по этому поводу сказано: «Между тем сюнну несколько лет подряд страдали от засухи и саранчи, земля на несколько тысяч ли лежала голая, травы и деревья засохли, люди и скот голодали и болели, большинство их умерли или пали»⁵³⁰.

В 88 г. н. э. у северных хуннов «происходили великие замешательства, к которым присоединился голод от саранчи»⁵³¹. Эти несчастья способствовали бегству части кочевого населения из степей. «В это время среди северных варваров происходили большие смуты, к тому же начался голод из-за нашествия саранчи, а поэтому то и дело приходили люди с изъявлением покорности»⁵³².

На протяжении существования единой державы Хунну, а после ее распада государств северных и южных хуннов, китайские наблюдатели и летописцы неоднократно отмечали аномальные климатические явления в степях Центральной Азии, которые имели тяжелые негативные последствия для кочевого населения и скотоводческого хозяйства. Они описывали сильные засухи, снегопады

и холода, приводившие к негативным последствиям для кочевого населения. В источниках нет сведений о каких-либо иных природных аномалиях и данных о том, предпринимались ли хуннскими правителями — шаньюями какие-либо меры для облегчения участи подвластного кочевого населения, исключая эпизод с принесением жертв после казни пленного ханьского военачальника.

В последующие века природные аномальные явления в центрально-азиатских степях фиксировались значительно реже, что было связано с внутривластными проблемами в самом Китае, который распался на несколько государств, а его северные районы были завоеваны сяньбийцами, поэтому внимание к северным кочевым соседям у китайцев значительно ослабло. В летописных сведениях, относящихся к периоду существования в Северном Китае империи, во главе которой стояла сяньбийская династия Вэй, неблагоприятная ситуация для кочевого населения в степях Центральной Азии упомянута только однажды.

В 523 г. в китайских летописях был отмечен сильный голод в государстве жужаней. Кочевники перешли границу с Китаем и начали грабить китайское население пограничных областей. Каган Анахуань обратился к китайскому императору с просьбой предоставить просо для посева. Он задержал китайского посла, угнал две тысячи человек, «захватил несколько десятков тысяч голов казенных и частных почтовых лошадей, крупного рогатого скота и овец, после чего бежал на север»⁵³³.

В китайском источнике ничего не сказано о причинах голода среди жужаней. Вполне вероятно, что голод был вызван падежом скота — основного источника существования кочевников. Однако в китайском источнике указаны меры, которые предпринял каган Анахуань для преодоления голода среди своих подданных. Он обратился за помощью к своему сюзерену, китайскому императору, поскольку представители жужаньского каганского рода считались в родстве с сяньбийской по происхождению династией Вэй, с просьбой о поставке семенного зерна, чтобы обеспечить урожай будущего года. Однако, не дождавшись удовлетворения своей просьбы, напал на северные пограничные районы Китая и угнал домашний

скот в количестве нескольких десятков тысяч голов. Данный способ восполнения потерь от падежа скота за счет соседей был основным средством для номадов Центральной Азии.

Как показал опыт анализа источников, аномальные природные события и явления весьма негативно сказывались на внутренней социально-экономической и политической стабильности в кочевых государствах Центрально-Азиатского региона и вели к ослаблению военных сил, падению авторитета центральной власти шаньюев и каганов, обострению междоусобиц, усилению натиска со стороны внешних врагов. В государствах хуннов и жужаней стихийные бедствия и их последствия послужили прологом для последующего ослабления и крушения государственности.

Хотя материалы о необычных природных явлениях, происшедших в степях Центральной Азии в рассматриваемый период, фиксировались в китайских летописях нерегулярно, их можно считать достаточно информативными. Судя по этим данным, китайцев интересовали события, послужившие причиной для военных нападений и грабежа со стороны кочевников на северные районы Китая. В китайских летописях упоминаются обращения кочевых государей к китайским императорам за продовольственной и иной помощью, или набеги номадов на пограничные районы Китая. В некоторых случаях создатели китайских династийных историй пытались объяснить причины крушения кочевых государств несчастливым стечением обстоятельств, в числе аномальными явлениями, эпизоотиями и эпидемиями.

Несмотря на отмеченную выше неполноту данных, материалы о природных аномальных явлениях в Центральной Азии, зафиксированные в китайских летописных сочинениях, представляют определенный интерес для создания базы данных о подобных событиях. Формирование такой базы может стать основой для выявления причинно-следственных связей в истории природных аномалий в данном регионе⁵³⁴. Анализ этих событий позволит проследить последовательность и периодичность необычных климатических и иных явлений и выявить долговременные тенденции в истории природных аномалий и катастроф в Центрально-Азиатском регионе.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КУЛЬТА ЦАРЕЙ НА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ ВОСТОКЕ

Итоговая научная конференция по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» показала, что основное внимание исполнителей программы, работающих над проблемами древнейших и древних обществ, было сосредоточено только на одном из направлений, предусмотренных программой, — на проблеме взаимодействия между обществом и его природным окружением. Проблемы, порожденные иными причинами, оставались на периферии внимания.

Данная работа касается одного из аспектов адаптации общества к кардинальным и быстрым изменениям условий его существования, происшедшим в результате политических перемен — завоеваний и формирования новых типов государственности. Имеются в виду те изменения, которые происходили в результате завоеваний Александром Македонским Востока и последующих за этим событий: борьбы диадохов и становления государства Селевкидов.

Объектом исследования в данном случае, естественно, является не весь Восток, но только его часть. Она, однако, была достаточно обширна и охватывала следующие историко-культурные области: Мидию, Гирканию, Парфию, Бактрию, Согдиану, Арею, Паропамисады, Арахосию⁵³⁵. Эти области в целом ряде отношений представляли определенное единство, порожденное целым рядом факторов⁵³⁶. Они были населены родственными ираноязычными народами, при этом, кажется, их языки были настолько близки, что их носители могли понимать друг друга. Кроме того, у них был очень сходный уровень общественного развития, близкая культура, наконец, их объединяла общность исторических судеб — все они в начале или середине VI в. до н. э. вошли в состав государства Ахеменидов⁵³⁷ и играли в нем весьма заметную роль — отсюда, в частности, поступали в армию значительная часть лучших контингентов воинов⁵³⁸.

Исторический период, начавшийся во время Александра Македонского, привел к столь значительным изменениям, что настоятельная потребность адаптации к новым условиям стала императивом для всех этносов и социальных слоев общества этого региона. Хотелось бы подчеркнуть, что именно всеобщность была основной отличительной чертой этого кризиса.

Для основной массы местного населения новизна ситуации определялась несколькими значимыми факторами. Прежде всего завоевание Александра Македонского и создание достаточно жесткой границы привело к разрыву экономических связей с окружающим миром кочевых племен. П. Бриан, в частности, подчеркивал, что орошаемое земледелие оазисов и скотоводство кочевой степи ранее составляли единый хозяйственный организм, что в известной мере гармонизировало отношения между двумя мирами⁵³⁹. Создается впечатление, что наследники Александра Македонского унаследовали это неприятие контактов с кочевниками, что находило свое выражение в весьма напряженной ситуации на границах. Всем обществам этого региона (в особенности же пограничным, таким как Бактрия, Согдиана, Маргиана, Парфия) необходимо было адаптироваться к новым условиям хозяйственной жизни, созданным фактом завоевания и создания новой государственности, отделившей их родственных кочевых народов степей.

Вторым фактором, вызывавшим резкое и ожесточенное сопротивление основной массы местного населения, явилась градостроительная политика Александра. Именно в этом регионе началось основание новых городов в массовом масштабе. До этого Александр на огромном пространстве захваченных им территорий основал только один город — Александрию Египетскую. В данном же регионе их было создано несколько. Причина сопротивления со стороны местного населения в данном регионе этому аспекту политики завоевателя заключалась не в неприятии ими городской цивилизации, как иногда утверждается, а в более конкретном обстоятельстве. Создание новых городов приводило к изъятию огромных земельных массивов у местного населения⁵⁴⁰. Естественно, что и местная элита, и рядовые члены общества отнеслись к этому сугубо отрицательно. По всей видимости, длительное и яростное сопротивление в Бактрии и Согдиане греко-македонянам в первую очередь объяснялось именно этой причиной, а не какими-либо другими.

Однако масштабы градостроительства Александра были далеко перекрыты масштабами градостроительных программ Селевкидов⁵⁴¹. Следовательно, перераспределение земли в начале владычества этой династии происходило в еще больших масштабах. Таким образом, местному населению необходимо было адаптироваться к новым условиям

жизни, когда часть земель (видимо, лучшего качества) у него изымалась.

Еще более сложной оказывалась ситуация для тех коллективов местных земледельцев, которые оказывались на земле, «приписанной» к греческим полисам. Они оказывались в зависимости от полисов и стали объектами эксплуатации со стороны последних⁵⁴². Соответственно, земледельцам необходимо было также адаптироваться к новой ситуации, новым, ранее им неизвестным формам зависимости.

Новая эпоха ознаменовалась появлением еще одного чрезвычайно важного фактора, резко изменившего характер общества в данном регионе: начавшуюся здесь чеканку монеты и, соответственно, развитие товарно-денежных отношений. В ахеменидское время это явление здесь было неизвестно, хотя в западных частях империи оно было достаточно широко распространено. Эпоха Александра не внесла сколько-нибудь серьезных изменений⁵⁴³, но в последующее время в силу политических и экономических причин во всех областях начался активный выпуск монеты⁵⁴⁴. Данный процесс приобрел очень серьезные масштабы в эпоху владычества Селевкидов. В силу этого местному населению нужно было адаптироваться к этому новому явлению, что, как всегда в аналогичных обстоятельствах, сложно и явно сопровождалось многими коллизиями⁵⁴⁵.

Греческая колонизация региона означала распространение здесь не только товарно-денежных отношений, но и других институтов, свойственных эллинскому миру, в частности рабства классического типа, ранее практически неизвестного здесь. Естественным результатом новой ситуации становилась возможность превращения местного крестьянина в раба⁵⁴⁶. Конечно, и к этой ситуации необходимо было приспособляться.

Наконец, необходимо указать еще на одно обстоятельство. На территории большей части региона, в первую очередь на территории собственно среднеазиатских сатрапий, практически не зафиксировано памятников изобразительного искусства периода от начала раннего железного века до прихода греков — в отличие от эпохи бронзы. Видимо, справедливо мнение, согласно которому исчезновение изобразительного искусства связано с распространением маздеизма, в число основных идей которого входил последовательный аниконизм⁵⁴⁷. Греки же не могли даже представить себе жизни вне атмосферы искусства. Местному населению необходимо было приспособляться к соседству с обществом, где изобразительное искусство занимало важнейшее место в жизни.

Особую проблему представляла адаптация к новым условиям местной элиты. В период жизни

Александра Македонского персы (и, видимо, вообще иранцы) занимали достаточно прочное место в государственной иерархии. В рамках проводимой им политики смешения народов лояльные ему и деятельные представители местной элиты могли занимать и занимали самые высшие посты в государстве. Александр начал создавать из молодых иранцев новую армию (Arrian. VII, 6, 1; Plut. Alex. XVII, 1; Diod. XVII, 108, 1–3), которая в случае необходимости могла быть противопоставлена ветеранам⁵⁴⁸. Однако сразу же после его смерти ситуация кардинально меняется. Мы ничего не слышим о «молодой армии», сатрапы-иранцы лишаются своих постов (за единственным исключением — свою сатрапию сохраняет отец Роксаны, вдовы Александра).

Уже при Александре Македонском часть местной элиты лишилась своего привилегированного положения, но другая, доказавшая свою преданность Александру, его сохранила⁵⁴⁹. Теперь же пришла пора и для этой части. Хотя в исследовательской литературе часто звучит тезис о каком-то компромиссе между новой властью и местной элитой, однако свидетельства источников не подтверждают этого положения. Сравнительно недавняя публикация хозяйственных документов из царской сокровищницы в Ай-Ханум дает первые документальные материалы для суждения по этому вопросу. Судя по этим документам, все высшие посты в сокровищнице занимали греки, представители же местного населения (персы и бактрийцы) — только самые низшие. Вдобавок все документы были выполнены на греческом языке⁵⁵⁰. Следовательно, само включение в местную административную систему требовало от бактрийцев и персов определенной степени знания этого языка, т. е. включения в процесс эллинизации.

Подводя некоторый итог, можно сказать с известной долей уверенности, что местная элита также должна была адаптироваться к новой ситуации, в которой она лишилась привилегированного места в общественной структуре и заняла подчиненное положение.

Особое место в рассматриваемой проблеме занимают вопросы, связанные с адаптацией к местным условиям греков-колонистов. Как известно, создание новых городов, частично населенных греками, началось еще при Александре Македонском. Однако в гораздо больших масштабах колонизация осуществлялась при первых Селевкидах. Важность новых городов, которые при Селевкидах населялись уже практически только греками, была очень велика. Эти города стали своего рода каркасом государства, обеспечивающим его стабильность⁵⁵¹.

В силу этого роль греческого компонента среди населения эллинистического Востока была очень

велика. Но этой категории населения государства также необходимо было адаптироваться к новым условиям. Прежде всего грекам нужно было приспособиться к природным условиям, поскольку из страны с мягким средиземноморским климатом они переселились в страну с суровым континентальным климатом, с иным животным и растительным миром, наконец, с иными, много большими масштабами. Грекам точно так же необходимо было освоить совершенно новые для них приемы хозяйствования. Основой экономики этого региона было ирригационное земледелие, практически неизвестное в метрополии. Освоение методов ведения хозяйства в этих условиях было, конечно, очень большой и сложной задачей. Грекам необходимо также было приспособиться к иноэтничному окружению, которое, видимо, часто было достаточно враждебным.

Наконец, особую, чрезвычайно сложную проблему представляли взаимоотношения между центральным правительством и вновь основанными греческими городами. Градостроительная политика Александра Македонского потерпела крах. Его модель — с населением, состоящим из трех компонентов (македоняне, греки, туземцы) и прямым контролем над ним назначенными им правителями — вызвал столь резкое недовольство греков, что при известиях о смерти царя все греческое население, находившееся в «верхних сатрапиях», немедленно восстало. Причиной восстания было желание греков, как свидетельствуют источники, «жить согласно греческому образу жизни»⁵⁵². Селевкиды, как показывают результаты их колонизации, нашли определенный *modus vivendi* — мы ничего не знаем о каких-либо конфликтах между греками-колонистами и династией вплоть до середины III в. до н. э.

Однако проблема оставалась. Колонизация Селевкидов проходила путем основания полисов — основной формы государственной организации греков этой эпохи. Но полис по своей сути представлял не только самоуправляемый, но и суверенный коллектив. Естественно, что таковым он в рамках авторитарного государства быть не мог. Хотя внешние формы общения между центральной властью и полисами напоминали отношения равноправных союзников, реальная действительность была иной: полис оказывался в постоянной зависимости от центральной власти с самого момента своего основания⁵⁵³. Соответственно, грекам в этих новых условиях необходимо было адаптироваться к новой ситуации, что представляло большую и сложную проблему.

Хотелось бы обратить внимание еще на один аспект проблемы адаптации — адаптации самой рождающейся царской власти (основателя династии, его наследников, их непосредственного окру-

жения и армии) к той новой ситуации, в которой они оказались. На этот аспект проблемы обычно не обращают достаточного внимания, хотя он того заслуживает. Дело в том, что в самом начале борьбы диадохов за наследие Александра определяющая роль принадлежала сторонникам сохранения единства державы во главе с представителями династии Аргеадов.

Другое дело, что каждый из главных «наследников» рассчитывал получить в качестве регента реальную власть над всей империей. Кажется, что в этот начальный период только один Птолемей уже четко осознал основную тенденцию и, не гоняясь за химерой власти над всем государством, осознанно укреплял свой контроль над Египтом и прилегающими территориями. В дальнейшем по пути Птолемея пошло все большее число полководцев. Однако в общественном мнении македонян еще долго мысль о единстве государства и безусловном праве Аргеадов властвовать над ним продолжала жить. Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что прошло 5–6 лет с момента гибели последних представителей законной династии, прежде чем диадохи (Антигон Одноглазый и его сын Деметрий Полиоркет, Лисимах, Селевк, Птолемей) провозгласили себя царями. Можно предполагать, что всем им необходим был этот период, чтобы интеллектуально и практически адаптироваться к своему новому положению — превращению из удачливого полководца-кондотьера в законного владыку, обладающего статусом царя. Столь же необходимо было и приучить своих подданных к этому новому статусу.

Таким образом, можно с достаточно большой уверенностью утверждать, что время после смерти Александра было периодом, в ходе которого господствующей была тенденция к становлению нового общественного порядка и, соответственно, различные этносы и социальные слои были вынуждены адаптироваться к новым условиям существования.

В этой краткой статье у авторов, естественно, нет возможности рассмотреть все стороны данной проблемы. Сосредоточимся только на одном вопросе — вопросе о взаимоотношениях между царской властью и ее греческими подданными, разумеется, в рамках проблемы взаимной адаптации. Обращение именно к этой стороне проблемы объясняется несколькими причинами. Как отмечалось выше, греческие полисы представляли собой костяк государства Селевкидов, и, следовательно, от их взаимоотношений с царской властью зависела в огромной степени его устойчивость. Основная масса восточных подданных державы столетия (а некоторые и тысячелетия) существовали в условиях монархической власти, и для них в этом отноше-

нии приход новой династии ничего не менял. В то же самое время греческое мировоззрение было ориентировано на совсем иные ценности. Для греков идеалом было народовластие и господство закона. Настоятельно необходимо для новой династии было снять это явное противоречие двух концепций (монархии и народовластия) и тем самым обеспечить свою легитимность в глазах греков (а вместе с ней и лояльность этой категории подданных).

Обычно считается, что главным правовым обоснованием для власти Селевкидов было право завоевания, хорошо знакомое и принимаемое греками⁵⁵⁴, но при этом забывается, что право завоевания не имело отношения к грекам. Основная масса их полисов не была завоевана Селевком I и Антиохом I, но основаны ими. Право завоевания было хорошим обоснованием власти для восточных подданных, но не могло быть серьезным аргументом для этой категории греков. Конечно, сам факт основания полиса царем создавал определенные сакральные связи между ктистом (основателем) и гражданами полиса⁵⁵⁵. Ктист, как правило, удостаивался статуса «героя» и как таковой почитался в полисе⁵⁵⁶. Известно значительное число полисов, носивших династийные имена (Селевкия, Антиохия, Апамея и т. д.), что свидетельствует о том, что официально ктистами этих городов считались представители правящего дома.

Таким образом, некоторые из вновь основанных полисов имели известную сакральную связь с династией в лице ее определенных представителей. Однако этого было явно недостаточно для того, чтобы обеспечить полную лояльность полисов династии. Для этого нужны были более глобальные средства, связывающие все греческие полисы, а не только отдельные из них.

Такое средство было найдено в царском культе⁵⁵⁷. Источники достаточно надежно зафиксировали наличие этого культа, начиная с Селевка I. Культ правителей эллинистической эпохи старые исследователи считали унаследованным от религиозных представлений Древнего Востока⁵⁵⁸. Однако в настоящее время эта концепция отброшена⁵⁵⁹. Достаточно сказать, что Ахемениды, являвшиеся непосредственными предшественниками Селевкидов, не претендовали на божественный статус. Сакральное обоснование их власти базировалось на формуле «волею Ахурамазды». Маздеизм ранней поры с его ориентацией на чисто духовное понимание божественных существ был не очень подходящей почвой для культа правителя, поскольку последний в высшей степени антропоморфен.

С другой стороны, греческое религиозное мировоззрение с его богами, столь похожими на людей, было готово предоставить свой инструментарий для воплощения этой идеи. В греческом мире уже

в начале IV в. до н. э. появились некоторые элементы представлений, которые можно рассматривать как прямых предшественников эллинистического культа правителей⁵⁶⁰. Как и во многих других случаях, Александр Македонский со свойственной ему отвагой сделал решающий шаг, провозгласив себя богом и потребовав поклонения от греков⁵⁶¹. Этот культ, ставший посмертным, поддерживали некоторые из диадохов, в частности Евмен, а затем — Птолемей, Селевк, Лисимах, даже Кассандр⁵⁶².

Таким образом, у Селевка были предшественники, в первую очередь такой авторитетный, как Александр. В позднейшей перспективе Александр стал своего рода эталоном идеального царя, той моделью, которой в той или иной степени должен был соответствовать каждый из эллинистических правителей⁵⁶³. В этой связи необходимо обратить внимание на одну особенность в культе Александра, которая недооценивается исследователями. Македонский царь, создавая свой культ, придавал ему двойственный характер, требуя, с одной стороны, поклонения, полагающегося божеству, но, с другой стороны, всячески подчеркивая другую сторону — героическую.

Герой в греческом мировоззрении характеризуется прежде всего своей двойственной сущностью: человеческой, полученной от матери, и божественной, приданной ему отцом — божеством. Именно этому служили и легенды об Олимпиаде и гигантском змее и об ответе жреца бога Аммона и др. Точно так же придание образу Александра черт Геракла на лицевой стороне его монет служило этой цели, поскольку Геракл, самый прославленный из греческих героев, будучи, согласно мифам, сыном Зевса и смертной женщины, удостоился после своей смерти прямого обожествления — он был взят богами на Олимп. У культа Геракла, как свидетельствует Геродот, была одна особенность, уникальная, неизвестная в других культах. В ряде полисов имелось два святилища Геракла. Одно из них было посвящено ему, как герою (героон), другое — как божеству (храм) (Herod. II, 44). Таким образом, акцентируя двойственную природу своего культа, уподобляясь Гераклу, Александр стремился сделать его приемлемым (в той или иной форме) для всех греков.

Унаследованный Селевкидами принцип обожествления царской власти служил важной идеологической связующей цепью, объединяющей царскую власть с ее греческими подданными. Он, в частности, должен был снять противоречие между главным принципом греческой политической мысли конца классической эпохи о безусловном господстве закона в человеческом общежитии⁵⁶⁴ и принятием нового принципа — воля повелителя — выше закона⁵⁶⁵. Теоретики эллинистической эпохи пытались снять

это противоречие путем введения в практику тезиса «царь — это одушевленный закон», в котором в неразрывном единстве соединялись концепции царя и закона⁵⁶⁶. Однако эта концепция была слишком умозрительной, далекой от обыденного сознания. Необходимой ступенькой на переходе к нему становилось обожествление царя, поскольку божество, особенно Зевс, воспринималось в греческом сознании как «царь богов и людей» и одновременно — воплощение высшего закона. Только став божеством, царь мог претендовать на то, что его суждения и решения являются действительно воплощением законности и справедливости.

Таковы были теоретические и идеологические предпосылки создания царского культа в государстве Селевкидов. Этот культ существовал в двух основных разновидностях: 1) собственно царский (точнее династийный) культ, существовавший как государственный институт; 2) культы, возникшие и существовавшие в различных греческих полисах, организованные по инициативе граждан этих полисов.

Свидетельства о существовании второго культа происходят исключительно из старых греческих полисов Малой Азии, которые были подчинены Селевкидами, но так и не стали до конца органической частью державы. Внешние формы взаимодействия между царской властью и этими полисами напоминали взаимоотношения равноправных союзников (хотя реальная картина была несколько иной)⁵⁶⁷. Как таковые, они имели полное право учреждать свои культы и проявлять свое отношение к династии различными способами⁵⁶⁸. Но эти культы имели локальный характер. Как справедливо отметил Э. Бикерман, тот факт, что граждане Милета называли Антиоха I богом, не имел никакого значения для жителей остальных полисов⁵⁶⁹.

Что касается государственного династийного культа, то он зафиксирован небольшим количеством текстов, рядом надписей, одним пергаменом и монетами.

На первом месте среди наших источников стоит свидетельство Аппиана об учреждении культа Селевка после его смерти и создании его святилища в основанной им столице — Селевкии Приморской⁵⁷⁰. Для более позднего времени показательным является свидетельство Иосифа Флавия. Он приводит текст письма «сидонян из Сихема», адресатом которого является Антиох IV. Царь определяется следующим образом: «Царь Антиох Теос (Бог)» (Jos. Antt., XII, 257)⁵⁷¹.

Особая группа источников — несколько надписей совершенно аналогичного содержания, в которых различались только адресаты⁵⁷². В этих надписях содержался царский декрет о введении культа его супруги, что, естественно, предполагает существование до этого культа самого царя. Следова-

тельно, можно предполагать, что с момента смерти Селевка I и вплоть до данного декрета произошла определенная модификация царского культа: из посмертного он стал прижизненным.

Необходимо также отметить, что все эти надписи происходят из полисов, расположенных во внутренних областях государства, т. е. из тех полисов, которые были созданы в результате селевкидской колонизации. Естественным будет предположение, что, в отличие от старых греческих полисов Малой Азии, в новых полисах царский культ был обязателен. Важны также указания надписей на существование специальных жрецов его и их определенной иерархии. Декретом предусматривалось размещение царского декрета в важнейшем храме города. Важна также надпись времени Антиоха IV из Вавилона⁵⁷³, в которой он назван Богом Спасителем. Характерно, что он также определяется как ктист (основатель) полиса⁵⁷⁴. Кроме того, несколько надписей упоминают о существовании царского культа (и его жрецов) еще в нескольких полисах: Селевкия Приморская⁵⁷⁵, Антиохия в Персиде⁵⁷⁶; Дура-Европос⁵⁷⁷, Селевкия на Тигре⁵⁷⁸, Скифополь⁵⁷⁹, Самария⁵⁸⁰.

В отношении монет селевкидских царей как источника для понимания царского культа необходимо сделать три замечания. Во-первых, монеты, как средство пропаганды, ориентированы прежде всего на греков⁵⁸¹. Во-вторых, необходимо обратить внимание на саму эволюцию монетного дела государства. В-третьих, необходимо различать монетные дворы старых полисов от монетных дворов, расположенных в полисах, основанных Селевкидами.

Насколько известно, впервые слово «Бог» появляется на монетах, выпускавшихся Антиохом IV. Конечно, это не означает, что до этого не существовало обожествления царя, а свидетельствует только о том, что была осознана необходимость прокламирования этого культа и посредством монет. Достаточно позднее появление надписей на монетах, говорящих о царском культе, связано с сильным влиянием александровской традиции в монетном деле⁵⁸². Как правило, вплоть до Антиоха IV вся легенда состояла только из двух слов: слова «царя» и имени правящего монарха. Такая «минималистская» традиция окончилась только при этом царе.

Что касается различий в монетном деле собственно селевкидских полисов (основанных ими) и старых полисов, ставших «союзниками», то явно бросается в глаза то обстоятельство, что последние обладали большей свободой в выборе типа и легенды, чем первые. Именно это обстоятельство объясняет ту разницу, которая имеется в легендах на монетах Антиоха IV, выпущенных в Антиохии на Оронте и в Тире. Если на монетах столицы царь первоначально имеет титул «царь Антиох», затем

«царь Антиох Бог Явленный (Эпифан)» и, наконец, «царь Антиох Бог Явленный Победоносный (Никефор)», то на монетах Тира он всегда остается только «царем Антиохом»⁵⁸³.

Это различие ставило несколько в тупик Э. Бикермана, но если принять во внимание различие статусов городов, из которых первый был селевкидским основанием, а второй — старым городом, входившим в государство на договорных основаниях, то необходимо признать, что, по всей видимости, царский культ был строго обязателен только для первой категории городов.

Подводя некоторые итоги, можно с определенной уверенностью сделать следующие выводы. В раннем периоде на эллинистическом Востоке в результате коренного изменения политической и социальной ситуации все этносы и социальные слои оказались перед необходимостью быстрой и решительной адаптации к новым условиям. Обычно недостаточное внимание уделяется тому обстоятельству,

что и сам институт царской власти в это время находился в процессе становления и адаптации.

Важнейшим условием существования государства Селевкидов стала обширная программа греческой колонизации. Создание сети греческих полисов обеспечило определенную устойчивость государства. Но в этих условиях решающую роль должна была сыграть лояльность граждан греческих полисов по отношению к династии. Незрелость общественной структуры, отсутствие выработанных юридических норм, которые бы связывали государство и полис, заставляли искать иные средства гармонизации их отношений.

Видимо, важнейшим инструментом обеспечения лояльности стало создание царского культа. Этот метод полностью находился в рамках греческого мировоззрения и уже был опробован в период жизни Александра Македонского. Трудно судить о формах этого культа и его эффективности, но можно предполагать, что в конечном счете он сыграл свою роль. В период парфянской экспансии греческие города даже в самых тяжелых условиях сохраняли свою лояльность Селевкидам.

Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л.

БОХАЙЦЫ В МОНГОЛИИ В ЭПОХУ ЛЯО

Экологическая и экономическая адаптация кочевников к внешнему миру предполагала широкий комплекс различных вариантов, которые позволяли бы получать растительную пищу, богатую протеином, разнообразную продукцию ремесел и другие предметы, которые не могли производиться в силу тех или иных обстоятельств в степной среде. При этом нужно оговориться, что кочевники в принципе могли обходиться без земледельческих рынков и городов. Само по себе кочевое скотоводство является достаточно независимым и сбалансированным типом адаптации в аридных экологических зонах. Другое дело, что такая адаптация вынуждает от многого отказываться. Образ существования чистых кочевников всегда прост и даже скуден, чем быт кочевников, использующих дополнительные источники существования. «Бедный кочевник — чистый кочевник» («Poor nomad who is the pure nomad»), — сказал в свое время О. Латтимор⁵⁸⁴.

Казалось бы, проще всего дополнять свою экономику иными видами хозяйственной деятельности, в первую очередь земледелием, тем более что многочисленные факты свидетельствуют о наличии у самих кочевников зачатков собирательства и

земледелия⁵⁸⁵. Но оседлость и земледелие в массовом масштабе невозможны на большей части степных пространств Евразии. Занятие земледелием возможно только там, где количество годовых атмосферных осадков не менее 400 мм или имеется разветвленная речная сеть⁵⁸⁶. Большая часть территории Монголии под эти условия не попадает⁵⁸⁷. Там всего 2,3 % земель пригодны для занятия земледелием.

К тому же отказ от пасторального образа жизни рассматривался кочевниками как крайне нежелательная альтернатива. Психология кочевника отрицательно относилась к стационарности как к оскорбляющей самолюбие свободного кочевника. Не случайно, например, у позднесредневековых татар существовала поговорка: «Чтоб тебе, как христианину, оставаться всегда на одном месте и нюхать собственную вонь»⁵⁸⁸. Поэтому перешедшие к занятию земледелием кочевники рассматривали свое состояние как вынужденное и при первой же возможности возвращались к подвижному скотоводству⁵⁸⁹.

По мнению А. М. Хазанова, адаптация кочевников могла осуществляться самыми раз-

нообразными способами, среди которых могли быть: 1) посредническая торговля между земледельческими цивилизациями и соучастие в ней; 2) широкие обменные и торговые связи с соседними оседло-земледельческими обществами; 3) периодические набеги, нерегулярный грабеж и разовая контрибуция с земледельческих обществ; 4) данническая эксплуатация и навязывание вассальных связей земледельцам; 5) завоевание земледельческих государств в качестве зависимой, неполноправной части социума⁵⁹⁰.

Впервые подобная ситуация встречается в эпоху существования в монгольских степях империи хунну (209 г. до н. э. — 48 г. н. э.). В этот период в Восточной Азии сложилась биполярная картина мира, которая в тех или иных масштабах и вариациях просуществовала около 2 тыс. лет: китайские династии на юге и кочевые империи на севере. Хунну стали создавать городища и поселения на территории своих владений⁵⁹¹. Самый изученный из памятников хуннской оседлости — Иволгинское городище, расположенное неподалеку от современного г. Улан-Удэ⁵⁹². Большую часть жителей Иволгинского городища составляло нехуннское население. Они занимались земледелием и ремеслом и снабжали продукцией своего хозяйства кочевников хунну. Исходя из экологической продуктивности прилегающих угодий и площади застройки городища, было сделано предположение о том, что максимальная численность населения могла составлять 3 тыс. чел.⁵⁹³

Важная информация о потребностях элиты кочевых империй в развитии седентеризации в степном мире содержится в древнекитайских источниках относительно следующей степной империи после хунну, сяньбийской (примерно 155–180 гг.): «Численность сяньбийцев увеличивалась с каждым днем, скотоводство и охота уже не могли удовлетворить их потребностей в пище, поэтому Таньшихуай (основатель империи. — *Примеч. авт.*) выехал осмотреть свои земли. Он увидел реку Ухоуцин, тянущуюся на несколько сотен ли. Там, где были заводи, встречалось много рыбы, но ловить сяньбийцы не умели. Услышав, что жители владения Вожэнь искусны в ловле рыбы сетями, Таньшихуай напал на востоке на это владение, захватил более 1000 семей и переселил их на берега Ухоуцин, приказав ловить рыбу, чтобы восполнить недостаток в пище»⁵⁹⁴.

Пожалуй, только правители Тюркских каганатов (552–630, 683–734 гг.) резко отрицательно относились к идее создания крепостей и земледельческих факторий внутри собственной империи. Более того, известна тюркская доктрина антиурбанизма, которая с точки зрения Тоньюкука — одно-

го из выдающихся политических деятелей эпохи Второго каганата — являлась главным стратегическим преимуществом номадов перед китайцами: «Тем, что мы всегда могли оказывать сопротивление, мы обязаны как раз тому, что кочуем в поисках травы и воды, не имеем постоянного жительства и живем охотой. Все наши люди опытные в военном искусстве. Если мы сильны, мы снаряжаем наших воинов в набеги, если становимся слабыми, бежим в горы и леса и прячемся там. Когда мы построим замки, чтобы жить в них, и изменим наши старые привычки, тогда в один прекрасный день мы будем побеждены»⁵⁹⁵.

В отличие от тюрок уйгуры (745–840 гг.) уделяли развитию оседлости большое внимание. Они активно возводили крепости и города. Известен ряд городищ уйгурского времени, расположенных по долинам Селенги и Орхона, на территории Тувы. Принципиальным новшеством уйгуров стало создание крупного столичного города — Кара-Балгасуна (Орду-Балыка). Это был настоящий средневековый мегаполис, общая площадь которого составляла около 25 км². Столица включала массивную и впечатляющую своими размерами и сегодня крепость-цитадель, многочисленные кварталы жителей города. Город был разгромлен и сожжен енисейскими кыргызами в 840 г., которые уничтожили и ненавистный им каганат уйгуров.

Степь на несколько столетий оказалась без единовластия, несколько позже разрушилась традиционная биполярная система «север — юг», которая определяла ход геополитических процессов в регионе. Это дало возможность поднять голову народам Маньчжурии, которых до этого кочевники и китайцы держали на вторых ролях.

Кидани тоже были кочевники, но обитали к востоку от степного центра, на территории современной Маньчжурии и Внутренней Монголии КНР. В 902 г. они вторглись на территорию Китая, разрушили 9 городов и взяли в плен 95 тыс. чел. Вернувшись домой, они построили город со стенами, где была размещена часть угнанного населения. Кидани открыли новый этап во взаимоотношениях между Китаем и соседними народами. Впервые под властью так называемых восточных варваров оказалась почти вся территория Северного Китая. В киданьской империи Ляо (907–1125 гг.) номады кидани составляли всего пятую часть населения (750 тыс. чел.). Кроме них в состав империи входили земледельцы-китайцы — более половины населения (2400 тыс. чел.), бохайцы (450 тыс. чел.), некиданьские (так называемые варварские) скотоводческие и охотничьи (200 тыс. чел.) народы. Общая численность населения державы составляла 3 млн 800 тыс. чел.⁵⁹⁶

Первоначально династия Ляо представляла собой классическую данническую империю кочевников. Дань и вымогаемые от китайских государств «подарки» приносили огромную прибыль. Так, например, после подписания мирного договора в 1005 г. Сунская династия согласилась выплачивать ежегодно Ляо 100 тыс. монет серебра и 200 тыс. кусков шелка. После новой военной кампании 1042 г. выплаты были увеличены до 200 тыс. монет и 300 тыс. кусков шелка⁵⁹⁷. Длительное время эти доходы оставляли основу бюджета престижной экономики империи. С варварских народов дань взималась лошадьми, мехами, охотничьими соколами, жемчугом, рыбой и пр.⁵⁹⁸ Дань собиралась с завидной регулярностью. Так, например, с начала X по начало XII в. с чжурчжэней дань взималась 69 раз, с тели — 43 раза, с уго — 18 раз⁵⁹⁹.

По мере включения в состав империи значительных земледельческих территорий появилась потребность создания более сложного управленческого механизма. Традиционные предгосударственные институты управления конфедерации «восьми племен» киданей не были приспособлены для управления сложной экономикой земледельческой цивилизации с многочисленными городами (к 938 г. в Ляо было уже 24 города). Это привело к созданию уже в 947 г. дуальной системы администрации, разделенной на Северную (для управления кочевниками) и Южную (для управления завоеванными территориями) части. Северная администрация считалась по рангу выше Южной, хотя как по численности аппарата, так и по квалификации бюрократии уступала последней.

В империи Ляо было большое количество городов различного уровня и статуса. Самый высокий статус имели пять столиц. Считается, что институт пяти столиц был заимствован киданями у бохайцев, хотя истоки этой системы в китайских представлениях о пространстве и власти. Верхняя столица империи находилась неподалеку от р. Шара-Мурэн в окрестностях современного г. Боро-Хотон во Внутренней Монголии КНР. Средняя столица была расположена около места впадения Шара-Мурэн в Ляохэ. Это зоны обитания киданей и других скотоводческих народов империи. Восточная столица располагалась около г. Ляоян в местах расселения бохайцев. Два последних столичных города были расположены в пределах проживания китайского населения. Западная столица — это современный г. Датун в провинции Шэнси, а южная — современный г. Пекин.

Чем интенсивнее шли процессы аккультурации седентеризации в киданьском обществе, тем труднее им приходилось противостоять набегам шивэйских кочевников с севера. Если раньше кидани решали эти проблемы посредством активных

карательных походов в степь, то в процессе ассимиляции завоевателей, будучи завоеванными, они переняли от китайцев пассивную стратегию обороны. Именно тогда был сооружен так называемый северный вал Чингисхана протяженностью около 700 км по территории Северо-Восточной Монголии, КНР и Забайкалья. Кроме этого, кидани построили для поддержания своего присутствия на территории монгольских степей серию крепостей в бассейне р. Керулен и Тола.

Благодаря тщательному обследованию бассейна р. Толы монгольскими археологами имеется точная карта киданьских городищ и их топографические планы⁶⁰⁰. Интересно, что четыре самых крупных городища — Харбухын балгас, Чинтолгой балгас, Улан хэрэм и Хэрмэндэнж — расположены почти по одной линии, которую зрительно можно провести, если смотреть на карту или снимок из космоса. Как это удалось древним строителям, остается только гадать. Однако с горы Чинтолгой в хорошую погоду можно разглядеть пагоду городища Харбухын балгас. По всей видимости, на каждом городе были построены сигнальные башни и в случае необходимости, с помощью огня информация моментально распространялась на всю территорию округа.

Особенный интерес вызывает самый крупный памятник — Чинтолгой балгас. Городище расположено в Булганском аймаке (Дашинчилэн сомон) Монголии (примерно в 200 км к северо-западу-западу от Улан-Батора). Городище представляет собой почти правильный прямоугольник со сторонами 1,2 км на 0,6 км, ориентированный почти по сторонам света, вытянутый в направлении север-юг. Городище окружено двумя валами и ровом между ними. Высота основного вала — 3–5 м, ширина — до 30 м у основания и 2–4 м вверху. Высота внешнего вала — до 0,5 м. На городище имеется 35 выступающих наружу башен и 5 ворот, по двое ворот с западной и восточной сторон и одни ворота примерно посередине южного вала. Все ворота имеют Г-образный захаб. Городище делится на две части (северную и южную) внутренним валом. Внутри городища имеется длинная улица, пересекающая городище по линии север-юг и две поперечные улицы внутри каждой из частей по линии запад-восток. В месте пересечения длинной улицы и внутреннего поперечного вала имеется П-образное укрепление, защищающее ворота с юга.

Подобная планировка достаточно типична для городищ империи Ляо⁶⁰¹. Ее истоки в китайской градостроительной традиции. Строгие геометрические формы валов, применение фронтальных и угловых башен, четкая планировка по линии север-юг с делением города на кварталы идущими от ворот улицами — все это характерно для городов китайских династий. Со времени династии Тан

(618–907 гг.) сложились обязательные каноны, согласно которым дворцовый комплекс должен был располагаться в северной части города, с северной стороны отсутствовали ворота, путь во дворец прокладывался от южных ворот, которые считались главными, улицы должны были быть ориентированы строго по сторонам света. Все эти принципы характерны и для городов империи Ляо.

На городище Чинтолгой балгас имеется большое количество холмообразных возвышений различной высоты и разной формы. На поверхности многих из них встречены фрагменты черепицы. На основании изучения рельефа внутри городища можно вычленил на его территории отдельные сооружения и кварталы, которые окружены валами высотой не более 1 м. Большинство подобных конструкций находится в северной части городища, что позволяет идентифицировать ее как административную часть данного населенного пункта.

В разные годы городище посещали и обследовали различные исследователи (Д. Д. Букинич, С. В. Киселев, Х. Пэрлээ и др.). Начиная с 2004 г. на городище ведутся стационарные раскопки международной российско-монгольской экспедицией. Российскую сторону в полевых исследованиях за эти годы представляли Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (д-р ист. наук Н. Н. Крадин, канд. ист. наук А. Л. Ивлиев, Ю. Г. Никитин), Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д-р ист. наук С. В. Данилов), Кемеровский государственный университет (канд. ист. наук С. А. Васютин). С монгольской стороны партнерами являются Институт изучения кочевых цивилизаций ЮНЕСКО (проф. Очир, Анхбаяр, Батболд), Национальный исторический музей Монголии (канд. ист. наук Эрдэнэболд), Институт археологии МАН (д-р Энхтур). В раскопках принимали участие студенты антропологи Дальневосточного государственного технического университета и студенты монгольских вузов.

В качестве первоначального объекта раскопок был избран один из холмов, расположенный в северной части городища в непосредственной близости от «длинной» улицы. При выборе объекта для раскопок мы исходили из того, что это должно быть строение средних размеров, находящееся в непосредственной близости от улицы, с тем чтобы можно было изучить не только само сооружение, но и прилегающую к нему улицу.

Площадь раскопа 2004–2005 гг. составила 384 м². С восточной стороны к раскопу была прирезана траншея 16×2 м, частично пересекающая городскую улицу по линии запад–восток. В центральной части раскопа в наиболее возвышенной части были обнаружены остатки глинобитного

здания квадратной формы. В западной части раскопа было вскрыто несколько хозяйственных ям, насыщенных горелостями, золой, костями животных и рыб, чешуей, обгорелыми зернами. В северо-западном углу раскопа были найдены остатки наземного жилища с отопительной системой из камней — каном. Это сразу навело на мысль о параллелях с бохайской и чжурчжэньской археологическими культурами.

Трехканальный кан был ориентирован по линии север–юг. В его южной части находился очаг. С восточной стороны от кана было зафиксировано скопление из более чем 400 игральные альчииков. С севера за пределами жилища располагались три больших сосуда (хума), врытых в землю. Еще чуть дальше к северу была зафиксирована кирпичная стенка, идущая по линии запад–восток. По всей видимости, она отделяла жилище (и/или квартал) от улицы.

В 2006–2008 гг. исследования велись на другом раскопе площадью 180 м², расположенном к западу от раскопа первых двух лет. Здесь были найдены остатки еще двух жилищ верхнего строительного горизонта с Г-образными канами в каждом из них. Граница между жилищами была определена по кладке черепицы, расположенной на уровне пола. Основание южных стенок обоих жилищ были укреплены крупными камнями. Кроме того, с этой стороны были зафиксированы большие плоские камни, являвшиеся основанием для столбовых конструкций.

Это дает основание говорить, что город имел компактную квартальную застройку. Жилые районы города состояли из кварталов, которые должны были делиться улицами и переулками. Внутри кварталов достаточно скученно располагались жилища. Именно такую ситуацию удалось выяснить в процессе исследований последнего года.

После выборки дымоходов и разборки канов обоих жилищ были найдены следы еще одного кана, относящегося к нижнему строительному горизонту. Также были зафиксированы вертикально поставленные плоские камни, которые, вероятно, укрепляли северную стенку одного из жилищ более раннего строительного горизонта в этом же секторе. Под полом того же жилища были найдены три большие хозяйственные ямы. В одной из ям был врыт большой хум.

Ниже другого жилища найдены несколько археологически целых больших сосудов — хумов. В самом низу на материке были выявлены остатки большого котлована. Возможно, это жилище самого начального этапа существования городища. Однако точных выводов на этот счет сделать нельзя, поскольку не были зафиксированы следы от столбовых конструкций (найден всего две ямки),

а также не удалось найти следы очага. Впрочем, не исключено, что жилище было полностью разобрано, а потом этот котлован использовался как яма для мусора. Однако совершенно очевидно, что жилища перестраивались внутри кварталов, по всей видимости, примерно на том же месте, где стояли более ранние жилые строения.

В процессе раскопок было обнаружено большое число керамики и черепицы, предметов материальной культуры, фаунистические остатки, предметы искусства. Керамика представляет собой наиболее массовый материал. Фарфоровая посуда в основном представлена фрагментами преимущественно чаш, покрытых белой глазурью. На стенках некоторых чаш есть оттиснутый с помощью шаблона растительный орнамент. В целом такая посуда соответствует продукции керамических печей типа диньяо Северного Китая. Глазурованная посуда в основном представлена нижними частями плавно сужающихся к днищу высоких бутылевидных сосудов, с грубоватым каменного качества черепком, содержащим большое количество частиц камня, преимущественно кварца, и покрытых оливковой глазурью разных оттенков — от бледно-серого до почти черного. Утолщающиеся к днищу стенки на поверхности имеют характерную горизонтальную волнистость.

Металлические изделия, к сожалению, сохранились очень плохо. К числу предметов из железа относятся гвозди, пробои, наконечники стрел, панцирные пластины, пряжки, детали конской упряжи и др. Найдены также фрагменты чугунных котлов, чугунные втулки ступиц тележных колес, ножка бронзового ритуального сосуда, бронзовая отливка двух соединенных рыбок, бронзовые кольца и др. Все найденные монеты относятся к китайским династиям Тан и Суй.

Изделия из кости представлены целой серией предметов, включая игральные альчики, орнаментированные накладки на лук, другие изделия. Архитектурные украшения представлены фрагментами вылепленных из серой глины голов животных (львов, либо драконов). Есть клык длиной 6,5 см, вытянутый миндалевидный глаз длиной 9 см, часть морды какого-то животного с зубастой пастью и большими глазами диаметром около 5 см. Последняя сохранила следы красной краски на своей поверхности.

Черепица представлена большим количеством фрагментов плоской (нижней) и желобчатой (верхней). Особый интерес представляют фрагменты, на выпуклой поверхности которых оттиснуты рельефные изображения различных знаков. Концевые диски украшены оттиснутыми с помощью шаблона зооморфными ликами, обрамленными жемчужником. Из индивидуальных находок следует отме-

тить фарфоровую фигурку человека с собакой под мышкой, фигурку лошадки, зубные щетки из кости и дерева, костяные и глиняные игральные кубики, фрагменты тушечниц.

В целом полученные материалы создают фундамент для эталонной коллекции различных категорий артефактов городской культуры империи Ляо на территории монгольских степей. По сути дела, можно сказать, что это наиболее изученный в настоящее время город империи Ляо.

Помимо канов, в процессе раскопок были найдены многочисленные категории артефактов, имеющие аналогии в культуре существовавшего на территории Маньчжурии, Северной Кореи и Приморья раннесредневекового государства Бохай (698–926 гг.). Рассмотрим их подробнее.

Среди находок на городище Чинтолгой балгас имеется большое количество так называемых фишек — кружков диаметром от 1 до 7 см, сделанных из стенок глиняных, глазурованных и фарфоровых сосудов, фрагментов черепицы и камня. Такие же фишки из стенок глиняных сосудов и черепицы весьма часто встречаются на бохайских памятниках Приморья. При этом до сих пор наличие фишек на киданьских памятниках в публикациях не отмечалось.

Аналогично горизонтальные ленточные ручки никогда не отмечались в качестве характерной черты киданьской керамики. На городище Чинтолгой балгас отмечено большое количество находок таких ручек. Наиболее хорошо сохранившийся экземпляр такой ручки от сделанного на гончарном круге сосуда был найден в 2004 г. Горизонтальная ленточная ручка имеет длину 82 мм, ширину — 34 мм. Сам сосуд был покрыт гребенчатым штампом. Ручка крепилась к тулову сосуда в районе его наибольшего диаметра. Под ручкой есть горизонтальная линия шириной 2 мм. Видимо, после проведения данной линии был накатан роликом киданьский штамп в виде рядов коротких вертикальных насечек, а затем сверху приложена ручка. На внутренней стенке сосуда видны следы выбивки. Ручка расширяется к верхнему и нижнему краям. Изнутри нижний край был заглажен внутрь, так что есть наплыв глины. Тесто отмученное, серое с крупинками кварца диаметром до 0,4 мм. Толщина стенок 4–4,5 мм. Технология изготовления типичная для бохайской керамики. В Бохае же эти ручки явно были заимствованы вместе с другими гончарными традициями Когурё. При этом на бохайских сосудах имелось по две таких ручки, тогда как на когурёских сосудах их бывает четыре.

Наряду с горизонтальными ленточными ручками, на круговой керамике Чинтолгой балгаса встречается и другая разновидность горизонтальных ручек — козырьковые. Эти ручки в виде го-

ризонтовых, слегка наклоненных вниз козырьков с волнистым наподобие петушиного гребня краем располагались на тулове сосуда. В ходе раскопок в зоне жилых кварталов идентифицируемого с бохайским округом Яньчжоу Краскинского городища в Хасанском р-не Приморского края в сезоны 2006–2007 гг. тоже были найдены козырьковые ручки, правда, трапециевидной или овальной форм с ровными без волнистых вдавленных краями.

Однако и гребенчатого вида козырьковые ручки тоже известны на бывшей территории Бохая. Один экземпляр такой ручки хранится в краеведческом музее расположенного недалеко от Краскинского городища поселка Посъет, другой экземпляр один из авторов этой статьи видел в коллекциях материалов из бохайских памятников восточной части провинции Цзилинь, собранных японскими археологами в 30–40-х гг. прошлого века, хранящихся в музее Сеульского государственного университета.

Среди найденных в ходе раскопок городища Чинтолгой балгас костяных изделий обращают на себя внимание вырезанные из рога игральные кубики с нанесенными на грани в виде высверленных ямок-точек числами от 1 до 6. Интересно, что у двух кубиков, найденных в 2008 г., точки четверки выкрашены в красный цвет. Аналогичный чинтолгойским по размерам и исполнению кубик найден в 2007 г. на бохайском Абрикосовском селище в Уссурийском районе Приморского края.

Наконец, еще одним следом присутствия бохайцев в районе долины Толы на западной границе Ляо может служить специфическая фортификация киданьского городища Эмгэнтйин хэрэм, расположенного в 20 км с лишним от городища Чинтолгой балагас, на левом берегу р. Харбухын-гол. Городище прямоугольной, почти квадратной формы со сторонами 320x310 м, ориентировано почти по сторонам света. Главной особенностью фортификации этого городища является устройство его валов и рвов. Высота валов с восточной стороны — от 0,5–0,7 м, с северной и западной сторон — до 2–32,5 м. Ширина вала вверху — 3–4 м, у основания — до 15 м. В отличие от подавляющего большинства городищ в Монголии валы этого городища сложены из камня. При этом каменные кладки наблюдаются на внешней и внутренней сторонах вала, а пространство между кладками заполнено землей.

Такое устройство вала наблюдается на целой серии бохайских городищ в Приморье: на Краскинском городище, на городище Горбатка, Николаевском-2, на городище Синельниково-1 и на близком по времени к ним Смольнинском городище. Каменные кладки прослежены и в валах Верхней столицы Бохая — городище Дунцинчэн в уезде Ниньань

провинции Хэйлунцзян КНР. При этом для городищ западной части Бохая и для чжурчжэньской фортификации характерные земляные валы.

Другой чертой, сближающей его с бохайскими городищами, является технологические принципы сооружения ворот. На городище имеются одни ворота с северной и двое ворот с южной стороны. Все ворота без каких-либо дополнительных укреплений, внешне выглядят как простые прорывы в стенах.

Вследствие чего на киданьском памятнике были найдены признаки бохайской археологической культуры? Ответ на этот вопрос можно найти в письменных источниках того времени. Государство Бохай пало в результате киданьского вторжения в 926 г. Кидани первоначально приняли решение править завоеванными территориями посредством косвенного управления. Для этих целей на бохайских землях было учреждено государство Дундань (Восточное кидань). Правителем государства был поставлен Туюй — старший сын первого киданьского императора Абаоцзи. Был установлен размер официальной дани в объеме 50 тыс. кусков тонкого полотна, 100 тыс. кусков грубого полотна и 1000 лошадей⁶⁰². Однако яростное сопротивление бохайцев⁶⁰³ вынуждало киданьский двор держать большие гарнизоны в Бохае, а это отвлекало их силы от новых завоевательных походов.

Выход из создавшегося положения был предложен в представленном императору докладе второго правого министра Дундани Елюя Юйчжи. Согласно плану Елюя Юйчжи⁶⁰⁴, следовало, воспользовавшись ослаблением бохайцев в результате недавно одержанной победы над ними, переселить их и перенести центр государства Дундань в бассейн р. Ляохэ, что позволит в дальнейшем осуществлять эффективный контроль над ними и не допустить их усиления. Дэгуан «с радостью утвердил» план Елюя Юйчжи.

Началась крупномасштабная депортация бохайцев. Бохайцы переселялись с большей части бывшей территории своего государства, в т. ч. из расположенных в Приморье восточных областей Хуайюань и Аньюань⁶⁰⁵. Процесс переселения, по-видимому, растянулся на довольно длительный период. Так, в географическом разделе «Ляо ши» сообщается, что население области Шуайбинь (в бассейне р. Суйфун) было переселено в округ Канчжоу, в районе современного уезда Цзиньсянь в Ляонине, только в середине X в. Видимо, вплоть до этого времени кидани сохраняли непосредственный контроль над долиной р. Суйфун (в то время Шуайбинь, или Субин).

Переселение явилось тяжелым бедствием для бохайцев. Даже официальная история киданьской империи «Ляо ши» сообщает, что многие бохайцы

бежали в Корею (Синьло) и к чжурчжэням⁶⁰⁶. По данным Тань Хэцзы (1934), полученным в результате изучения «Ляо ши», 5 из 31 уезда в губернии Верхней столицы занимали пленные и переселенные бохайцы, здесь проживало 12,5 тыс. бохайских семей. По численности они были на втором месте после китайцев (18 уездов, 33 тыс. семей), составляя около 30 % оседлого земледельческого населения этой губернии. Бохайцы занимались добычей руды и плавкой железа в округе Теличжоу (с 1018 г. Гуанчжоу), на подворье Люхэ и в уезде Чанлэ округа Жаочжоу, расположенных соответственно в губерниях Восточной, Центральной и Верхней столиц⁶⁰⁷. Ляоские бохайцы занимались и другими ремеслами. Они упоминаются среди работавших в государственной шелкоткацкой мастерской в Цзучжоу⁶⁰⁸.

Несмотря на насильственную депортацию бохайцев, и на новом месте они не отличались особой политической лояльностью. В 1029–1030 гг. Восточная столица киданьской империи была потрясена новым крупным восстанием. К этому времени относятся попытки ляоской администрации усилить налоговый гнет на территории бывшего Бохая. По данным «Ляо ши», до этого времени киданьское правительство не осмеливалось обложить бохайское население налогами на торговлю вином, солью и винными дрожжами, торговые пошлины на внутренних таможах в губернии Восточной столицы тоже были довольно низки. Когда же правительство попыталось ввести налогообложение, аналогичное тому, что практиковалось на завоеванных киданями китайских землях, бохайцы ответили на это восстанием. Последнее известное в истории восстание бохайцев произошло уже во время войны образовавших новое государство чжурчжэней против империи Ляо. В 1116 г. в Восточной столице Ляо бохаец Гао Юнчан провозгласил себя императором Великого Бохая. За десять дней вос-

ставшие овладели пятьюдесятью с лишним округами Восточной столицы, однако в дальнейшем были разгромлены чжурчжэнями.

Кидани переселяли бохайцев не только на территорию Маньчжурии. В письменных источниках имеются данные о том, что в рамках усиления своего влияния на монгольские племена кидани построили на Керулуне и Толе целую сеть пограничных крепостей. В 1004 г. на месте старого города Кэдунь был построен город-крепость Чжэньчжоу — самый северо-западный рубеж киданьской империи. Данный город обычно связывается исследователями с самым крупным киданьским памятником на этой территории — городищем Чинтолгой балгас. Сюда было отправлено для несения воинской службы 20 тыс. киданьских всадников, а для обеспечения их продовольствием было выделено 700 семей бохайцев, чжурчжэней и ханьцев, которые были расселены в Чжэньчжоу и подчиненных ему городах Фанчжоу и Вэйчжоу⁶⁰⁹. Гарнизоны и население пограничных городов-крепостей занимались сельским хозяйством, чтобы обеспечить себя провизией.

Подводя итоги, необходимо констатировать, что данные «Ляо ши» о наличии среди населения Чинтолгой балгаса бохайцев подтверждены археологическими материалами. К ним относятся такие характерные для бохайской археологической культуры вещи, как круглые «фишки» из стенок сосудов, горизонтальные ленточные ручки на керамике, каны.

Таким образом, следы бохайского населения обнаружены в монгольских степях, в нескольких тысячах километров от их исторической родины.

Иванова М. Г., Журбин И. В.

СТРУКТУРА И ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДИЩА ИДНАКАР ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В рамках актуальных проблем взаимодействия человека, общества и природной среды важное место занимает исследование динамики освоения коллективами различных территорий, социокультурной адаптации к определенным ландшафтам. В этом контексте особое значение приобретает изучение процессов застройки крупных поселений, формирования планировки и этапов их развития. Не случайно в последние десятилетия наблюда-

ется неуклонное возрастание устойчивого интереса исследователей к укрепленным поселениям Волго-Камья. Планомерные исследования на ряде городищ бассейна р. Чепцы (Иднакар, Гурьякар, Восьякар, Поркар), Вятки (Еманаевское), Верхней Камы (Верх-Саинское, Шудьякар, Кыласовское, Анюшкар, Рождественское), Волги (Васильсурское, Важнангерское/Малосундырское) предоставили огромные фонды источников для разработки

различных аспектов социально-экономического и этнокультурного развития населения эпохи средневековья. Однако неудовлетворительная сохранность сооружений из дерева в слое поселений лесной зоны, а также ограниченные исследованные площади значительно затрудняют реконструкции их планировочной структуры.

С точки зрения реконструкции процесса развития поселений значительный объем информации получен при изучении одного из значительных памятников Прикамья — древнеудмуртского городища Иднакар IX–XIII вв. В отличие от других синхронных поселений Прикамья его площадь наиболее полно охвачена раскопками, и, что особенно важно, активное внедрение широкого спектра методов естественных наук в практику исследований открыло новые возможности для интерпретации археологических материалов и выполнения историко-ландшафтных изысканий. К одному из существенных достижений можно отнести результаты реконструкции планировки памятника, позволивших аргументированно обосновать этапы его формирования и развития, сжатое обобщение опыта которого рассматривается в настоящей статье.

Следует отметить, что в отечественной археологии реконструкции планировок памятников выполнены по материалам древнерусских городов, болгарских и других памятников по четко прослеживаемым остаткам построек в виде углублений, оснований срубов или каменных фундаментов. В средневековой археологии Приуралья и Поволжья опыта подобных исследований детального анализа культурного слоя на больших площадях пока нет. В последнее время оригинальная методика реконструкции планов сооружений на основе зон концентрации находок в сопоставлении с постройками, сохранившими следы наземных конструкций в виде тлена, активно разрабатываются в рамках выполнения проектов по изучению сельской Руси в X–XIII вв.⁶¹⁰

Поэтому исследования, ориентированные на обоснованную реконструкцию планировки памятников с детальным изучением содержания культурных напластований с целью выделения стратиграфических периодов функционирования, закономерностей возникновения, функционального зонирования, находятся в русле современных изысканий и представляются актуальными для выявления особенностей культуры и условий формирования сети расселения в контексте адаптационных процессов в лесной зоне Восточной Европы.

Городище Иднакар занимает обширный мыс высокой коренной береговой террасы, образованный долинами р. Чепцы и ее правого притока р. Пызел,

в настоящее время эта территория включена в пределы административных границ г. Глазова Удмуртской Республики. С востока, с напольной стороны, визуальными фиксируются два мощных вала (внешний ограничивает площадку, средний делит ее на две примерно равные части), при раскопках выявлен еще один, не просматриваемый ныне внутренний вал. Таким образом, городище состоит из трех структурных частей — внутренней, средней и внешней, и общая площадь достигает 40 тыс. м². При возведении городища были максимально учтены топографические особенности высокого (до 50 м) мыса с крутыми обрывистыми склонами, которые обеспечивали неприступность и позволяли контролировать окружающую территорию, в последующем расширять его площадку. Прекрасно обозреваемый со стороны р. Чепцы и г. Глазова, этот памятник и сегодня являет собой эталон средневековой крепости лесной зоны.

В округе в пределах 5-километровой экономической зоны расположены синхронные городища 3 селища, 4 могильника, ряд отдельных местонахождений и клад серебряных слитков⁶¹¹. Этот фактор открывает перспективы системных историко-культурных реконструкций в рамках микрорегиона.

Первые обстоятельные описания городища как археологического памятника содержатся в работах А. А. Спицына и Н. Г. Первухина⁶¹². Значительные раскопки методом взаимно-перпендикулярных траншей в 1927–1928 гг. провел С. Г. Матвеев (результаты исследований не опубликованы). С 1974 г. памятник исследует археологическая экспедиция Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН под руководством М. Г. Ивановой. В первое десятилетие раскопки проводились в охранных целях, к концу 1980-х гг. с накоплением материалов, имеющих исключительно важное значение в историко-культурных и социально-экономических реконструкциях эпохи средневековья, исследования были расширены и продолжают до настоящего времени.

В итоге сегодня Иднакар — один из немногих памятников финно-угорского средневековья, наиболее полно охваченных раскопками, здесь изучено более 9 тыс. м² площади. Богатейшие материалы, полученные в результате исследований памятника, изучение отдельных категорий источников методами естественных наук открыли новые возможности для более глубокого изучения земледелия, животноводства, металлургии и металлообработки, этнокультурных и торговых связей, создали базу для реконструкции системы жизнеобеспечения, многих сторон материальной и духовной культуры средневекового населения. Культурно-стратиграфический анализ сооруже-

ний, в т. ч. и оборонительных укреплений, позволил раскрыть особенности развития городища и укрепленных поселений Прикамья на широком фоне градообразовательных процессов лесной зоны Восточной Европы. Материалы раскопок 1974–1993 гг. получили отражение в ряде статей и обобщающей монографии⁶¹³.

В последние годы раскопки были ориентированы в первую очередь на решение методических и технологических проблем. При этом основными направлениями являлись: выбор и апробация методики полевых исследований, формата документирования и технологических приемов компьютерной обработки полевых материалов. Именно поэтому в изучении памятника особое внимание уделялось детальному анализу содержания культурных напластований, характера изменения их структуры и мощности. Выделение отдельных слоев, их устойчивых сочетаний, относящихся к конкретным объектам, дало возможность определения последовательности изменения параметров отдельных объектов, выявления комплексов сооружений, выделения стратиграфических периодов функционирования, закономерностей возникновения и локализации участков производственной и хозяйственной деятельности⁶¹⁴.

В рамках методического направления к основным результатам можно отнести разработанный формат полевой документации и создание баз данных находок и слоев. База данных находок в настоящее время содержит более 50 тыс. единиц. Многообразие выделенных слоев (до 30) на основе цветности и структуры с уточнением лабораторными исследованиями образцов потребовало создания отдельной базы⁶¹⁵. Важным технологическим моментом является документирование результатов археологических раскопок на основе компьютерного картографирования (ГИС MapInfo), позволяющее создавать цифровые карты планиграфических и стратиграфических разрезов слоя. На основе составленных цифровых карт производились выделение объектов планировки и их интерпретация.

Развитием этого направления является построение пространственной модели культурных напластований памятника, которая включает все слои, зафиксированные в процессе раскопок, с максимально точным отражением их формы, геометрических параметров и взаимного расположения. Созданная компьютерная модель является трехмерным образом культурного слоя памятника. Очевидно, что исходными данными для виртуальной реконструкции являются цифровые карты разрезов. Для реализации пространственной модели слоя разработано специализированное программное обеспечение⁶¹⁶. Кроме объектов плани-

ровки и напластований, модель культурного слоя включает информацию обо всех находках — их координаты в трехмерном пространстве, назначение, материал, технология изготовления, культурно-историческая принадлежность и пр. С целью выявления тенденций в распределении вещевого материала разработан программный комплекс создания карт распространения находок⁶¹⁷.

По сути, оба указанных программных модуля решают единую задачу. Пространственная привязка археологических данных предоставила возможность комплексного анализа материалов городища не только на основе визуально фиксируемой информации, но и структурной, выраженной во взаимном расположении всех элементов культурного слоя. В настоящее время такой подход успешно используется при комплексных исследованиях поселений⁶¹⁸.

Существенный блок методических разработок связан с применением геофизических методов. Основная проблема, которая решалась с использованием археогеофизики, состояла в реконструкции планировки той части площадки Иднакара, на которой не предполагались раскопки. В дальнейшем, в результате совмещения геофизической «карты» и археологических планов, появилась возможность восстановить планировку внутренней и средней частей городища (*рис. 104*).

На первом этапе исследований проведено картирование территории поселения методом электрометрии. Общая площадь измерений — более 8000 м². Задача состояла в оперативном поиске археологических объектов. Основой для археологической интерпретации результатов геофизических измерений являлась форма аномалий и их взаимное расположение на участке исследований. Было определено расположение внутреннего оборонительного вала, нескольких глинобитных площадок — оснований сооружений и ям⁶¹⁹. Таким образом, по результатам геофизических исследований в общих чертах была определена планировка центральной части памятника.

Безусловно, интерпретация носила предварительный характер. Именно поэтому второй этап был связан с раскопками на ключевых участках планшета электрометрических измерений (предположительно содержащих внутренний вал, основания сооружений и ямы). Это позволило соотнести наблюдаемые аномалии с реальными археологическими объектами и создать эталоны аномалий, вызванных различными типами археологических объектов поселения. Результаты раскопок в целом подтвердили предварительную реконструкцию планировки. Было показано, что протяженная аномалия, ориентированная по линии север–юг, вызвана сохранившимся основанием внутреннего

оборонительного вала, а глинобитные площадки сооружений отображаются на геофизической «карте» как аномалии подпрямоугольной формы (рис. 104).

Следующий этап заключался в проведении комплексных геофизических исследований, предполагающих проведение измерений по различным методикам⁶²⁰. Было доказано, что методика реконструкции геофизической планиграфии (метод электропрофилирования) — высокоскоростной и эффективный способ картирования. Он обеспечивает достоверное выявление местоположения археологических объектов в плане и грубую оценку глубины их залегания. Электротомография позволяет изучать стратиграфию культурного слоя — построение карты возможного распределения удельного сопротивления в вертикальной плоскости, расположенной вдоль выбранного профиля. Экспериментальные исследования показали, что планиграфические карты и стратиграфические разрезы взаимно дополняют друг друга. Сравнительный анализ разноплановой геофизической информации позволяет уточнить геометрические параметры объектов и повысить достоверность реконструкции планировки археологических памятников. Используемая методика требует существенного (более чем в 10 раз) увеличения объема полевых измерений, для эффективного ее применения необходима современная многоэлектродная аппаратура. При проведении комплексных измерений был использован автоматизированный многоэлектродный электроразведочный комплекс «Иднакар», разработанный в Физико-техническом институте УрО РАН⁶²¹.

В целом мультидисциплинарный подход при изучении городища Иднакар (археология, геофизика, геоморфология и почвоведение, биология, археозоология, компьютерные технологии и пр.), детальный анализ содержания культурных напластований позволил определить последовательность изменения параметров отдельных объектов, выявить комплексы сооружений и выделить стратиграфические периоды функционирования.

Комплексный анализ археологических материалов со всех структурных частей городища подтвердил, что освоение площадки началось с мысовой части в конце IX в. Первоначальная территория поселения, ограниченная внутренней линией обороны, составляла 10 тыс. м². Здесь на площади 4126 м² изучены остатки 45 сооружений. По характеру слоя мощностью до 120 см (в ямах до 200 и более) выделено два основных строительных периода, хотя на отдельных участках стратиграфическое залегание прослоек позволяет определить три и четыре этапа. Безусловно, за период функционирования сооружения неодно-

кратно перестраивались, обновлялась и насыпалась глинобитная основа, в разрезах которой в большей степени отражаются перестройки. Новая постройка возводилась примерно в прежних границах. Лишь в некоторых случаях постройки позднего периода несколько смещены или основаны на новом месте. Имеются также случаи, когда на месте сооружений раннего периода поздние уже не фиксируются.

Но в целом общая закономерность их размещения сохранялась. К раннему этапу относятся 28 объектов, среди которых выделено 17 жилых, 7 производственных и 4 хозяйственных. Из них 13 жилых и 2 хозяйственные постройки продолжали функционировать и на более позднем этапе, вновь построены 4 жилых, 5 производственных и 5 хозяйственных. Следует отметить, что с самого начала территория городища, ограниченная внутренним валом, была распланирована населением с максимальным учетом природно-климатических ресурсов. Жилая застройка занимала центральную часть склона площадки, наиболее оптимальную по показаниям ветрового режима. Жилища располагались рядами, вытянутыми вдоль городища от мысовой части к валу. Хозяйственные объекты для хранения припасов и производственные сооружения размещались на участках, где возможные выбросы и стоки могли обходить жилые постройки. Более поздние объекты вписывались в уже существующую систему планировки. Застройка поселения с самого начала была очень плотной, поэтому развитие его было возможно только за счет расширения территории.

Вскрытая площадь на средней части составляет 1853 м², культурный слой аналогичен внутренней части. Первоначально в результате исследований 1993–2006 гг. здесь выделено 27 разновременных построек, 41 яма и 3 одиночных очага, не привязанных к сооружениям. Детальная идентификация слоев и вещевого материала позволила еще дополнительно выделить 5 объектов планировки. Некоторые из них основательно перестраивались до 3 раз, располагаясь на одном и том же месте, иногда перестройка производилась со смещением в какую-либо сторону. При практически одинаковой мощности культурного напластования на внутренней и средней площадках количество уровней, связанных с кардинальными перестройками или перепланировками, различается: на средней части их фиксируется 4, а в стратиграфических срезах внутренней — не более 3. Предположительно это можно объяснить более стабильным и консервативным развитием внутренней части и активным динамичным использованием средней.

Наглядным примером перестроек и перепланировок является изученный в 1999–2002 гг. комп-

лекс сооружений, где выделены 4 самые ранние ямы, которые были заброшены, их заполнение постепенно перекрыл почвенный слой. Кроме того, обнаружены еще 2 одиночных очага. В X в. начинается интенсивное производственное использование этого участка, когда возводятся постройка 2, связанная с железоделательным производством, и 4 новые ямы. Комплекс перестал функционировать к X в., что было, по-видимому, связано с увеличением населения, расширением жилой части городища и перенесением хозяйственных и производственных комплексов на вновь формирующуюся окраину. В дальнейшем, вплоть до конца функционирования поселения во второй половине XIII в., жилые помещения (рис. 105) перестраивались в большей степени в рамках сложившейся структуры.

Таким образом, стратиграфический и планиметрический анализы распределения слоев и находок (преимущественно массовых категорий) позволили выделить четыре этапа функционирования средней части, проследить изменения планировочной структуры на каждом хронологическом этапе⁶²².

Культурные напластования внешней части значительно меньше в сравнении с внутренней и средней. Незначительный по южному склону, к середине площадки слой достигает 60 см. Здесь на площади 1683 м² изучены остатки 8 построек, 64 ямы, свидетельствующих об активном функционировании этой части. Постройки расположены ближе к центру площадки и состоят из площадки сухой глины, в той или иной степени окрашенной включениями гумуса и золы, к которым примыкали хозяйственные ямы, прослежены также углесто-зольные прокаленные участки — остатки очагов. Не исключена возможность использования части из них в качестве жилых помещений, хотя больше вероятности, что жилая застройка на этой части не успела сформироваться, она осталась застроенной постройками, ямами хозяйственного и производственного характера.

Безусловный интерес представляет собой группа ям, выявленных на южном склоне мыса под пахотой на уровне предматерика или материка. Они расположены группами, зачастую вплотную друг к другу. По форме, размерам, устройству стенок, характеру заполнения, содержащегося в нем инвентаря, ямы подразделены на две основные группы: хозяйственные (30) и производственные (13). Анализ состава коллекции позволяет утверждать, что территория между средним и внешним валами начала застраиваться не ранее XI в., возможно, даже в середине, и функционировала весь XII в. и

отчасти XIII в. В XIII в. интенсивность жизнедеятельности на городище угасла, возможно, жилые сооружения были вынесены за пределы границ поселения, зафиксированные в письменных источниках XVII в.⁶²³

Анализ огромных фондов источников убеждает, что развитие Иднакара в течение четырех столетий с многократным расширением территории, усилением фортификационных возможностей, безусловно, свидетельствует об интенсивном развитии производительных сил и демографическом росте населения, укреплении внутреннего потенциала общества. Но оно было обусловлено преимущественно потребностями внутреннего развития общества; экспорт, в сравнении с импортом, в целом менее выразителен. Относительная удаленность от международных торговых путей, с одной стороны, не способствовала активному включению в торгово-экономическую систему Восточной Европы, но с другой — позволила в тот период сохранить относительную стабильность и этническое своеобразие вплоть до середины XIII в.

Закономерным следствием внутреннего развития удмуртского общества в этот период являлось то, что в материалах Иднакара археологические признаки-критерии, определяемые для древнерусских городов⁶²⁴, проявляются в ослабленной форме. Вероятно, именно эти обстоятельства и определили особенности развития городища Иднакар:

1. При развитом сельском хозяйстве, ремесле и торговле все же не все виды ремесла получили достаточно высокое развитие. К примеру, гончарство оставалось на уровне ручной лепки; как показало металлографическое исследование значительной серии ассортимента изделий, начавшаяся специализация кузнечного ремесла не получила дальнейшего развития.
2. Основной планировочной и социальной единицей оставалось жилище с примыкающей ямой для хранения припасов, усадебная застройка не выявлена.
3. Нет монументальных сооружений культового назначения, религия оставалась языческой.
4. Не выявлено явных свидетельств наличия письменности, хотя единичные предметы, аналогичные древнерусским писалам, обнаружены.

Можно отметить и особенности в соотношении функций структурных частей поселения. На внутренней части, соответствовавшей детинцу древнерусских городов, наблюдается средоточие ремесла (кузнечного, ювелирного, косторезного). С застройкой в конце XI–XIII вв. террито-

рии между средним и внешним валами, по всей вероятности, доля ремесленного производства на внутренней и средней частях сократилась, о чем могут свидетельствовать как значительное уменьшение доли орудий кузнецов-ювелиров в верхних горизонтах, так и преимущественно производственный и хозяйственный характер сооружений внешней части. Во второй половине XIII в. в связи с монголо-татарским нашествием и вызванным им перемещением населения окружающих территорий жизнь на Иднакаре угасла, внутренние процессы развития были прерваны, процессы формирования городских черт, как и у других финно-угров, завершения не получили.

Сравнительный анализ наиболее крупных городищ Прикамья (Иднакар, Анюшкар и Елабужского) выявляет их исключительную близость по форме площадок, топографии, размещению открытых поселений и погребальных памятников в округе. Кроме того, на Иднакаре, Анюшкаре, отчасти Рождественском городище идентичны характер культурного слоя и сооружений, вещевого комплекса. Анюшкар уступает Иднакару по площади, высоте мыса и мощности оборонительных сооружений, но по динамике развития с расширением площади за пределы внутреннего вала, утратившего свое значение, наличием слоя за вторым валом они аналогичны⁶²⁵. Рождественский комплекс X–XIII вв. на Верхней Каме, ассоциируемый с древней Афкулой, по структуре отличается от вышеназванных мысовых городищ Прикамья прямоугольной планировкой укрепленных частей, но его материалы во многом близки иднакарским и, безусловно, отражают динамику развития прикамских поселений в русле градообразовательных процессов⁶²⁶.

Елабужское городище, содержащее слои ананьинского, пьяноборско-именьковского времени и эпохи средневековья, традиционно включается в число болгарских городов. Но исследования последних лет выявили в слое выразительные коллекции керамики с раковинной примесью прикамско-приуральской этнокультурной группы; вблизи вала обнаружено женское захоронение, в южной части третьего мыса — могильник (Елабужский-IV некрополь). Их материалы имеют самые близкие аналогии в древнеудмуртских памятниках бассейна Чепцы, по которым собственно и определена начальная дата освоения памятника в средневековье (X в.).

Исследователи полагают, что начало средневековому поселению дало смешанное тюрко-финское население, с освоением Предкамья волжскими

болгарами оно стало укрепленной крепостью, контролировавшей Камский торговый путь⁶²⁷. В связи с этим следует заметить, что культурный слой памятника разрушен, сохранность сооружений неудовлетворительна, хронологические определения этапов развития поселения, возведения оборонительных укреплений предположительны, степень присутствия тюркского населения в начальный период освоения площадки в эпоху средневековья не убедительна. Имеющиеся источники позволяют рассматривать формирование Елабужского городища как в начальный период в общем русле развития финно-угорских укрепленных поселений, позднее — болгарских городов.

Материалы наиболее значительных городищ убеждают в том, что на рубеже 1–2-го тысячелетий н. э. Прикамье развивалось в общем русле процессов градообразования. Но исторические судьбы укрепленных поселений оказались разными. В Елабуге, оказавшейся в составе Булгарского государства, преобладающим стало болгарское население, город получил дальнейшее развитие. На верхнекамских городищах, расположенных в непосредственной близости от Камского торгового пути, в большей степени выражен болгарский компонент (особенно в доле керамики); на Чепце, несмотря на динамичные удмуртско-булгарские и отчасти удмуртско-русские взаимодействия, развиваются традиции, восходящие к местным финно-пермским истокам без заметных иноэтнических включений. Здесь не обнаружены опорные пункты болгарского или русского населения, комплексы в погребальных памятниках, хотя, по всей вероятности, места регулярных контактов имелись. В XIII–XIV вв. жизнь на верхнекамских и чепецких городищах угасает.

В целом использование новых методов на этапах выборки культурного слоя и фиксации материалов, их документирования, хранения и обработки, разработка механизмов определения функциональной специализации отдельных участков расширили возможности детального изучения, интерпретации объектов и реконструкции городища Иднакар на всех этапах развития с проработкой хронологических рамок структурных частей и периодов, представить обоснованную динамику его развития.

Комплексное исследование различных категорий источников позволит в перспективе представить развернутое содержание этнических, демографических и социальных процессов, происходивших в Прикамье в конце 1-го — начале 2-го тысячелетия н. э.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС — КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ СЕМАНТИКИ ЭПИЧЕСКОГО СЛОВА

Одна из наиболее важных проблем эпоса — объяснить функционирование различных обозначений одного и того же денотата. Чтобы приблизиться к ее решению, рассмотрим примеры подобного рода, широко представленные в древнеисландском поэтическом памятнике — «Старшей Эдде», сохранившейся в составе нескольких рукописей конца XIII — начала XIV в. и в значительной мере отражающей языческую модель мира.

Для того чтобы сравнительный анализ эпических синонимов был наглядным и информативным, следует составить список мини-контекстов каждого из них и расценить их с точки зрения носителя мифопоэтической традиции как ассоциирующиеся с космосом или хаосом, т. е. положительно (+) или отрицательно (–), добавив элементарную грамматическую информацию (сведения о количестве словоупотреблений, категории числа, падежа, синтаксических функциях, атрибутах и предикатах).

Общие обозначения деревьев

1. **бадмр** (4 (3+1)⁶²⁸; только **ед. ч.**; **им. пад.** (2), **дат. пад.** (2); субъект (*стоять, быть созданным*); локус (*вырезать на дереве; прятать под деревом*); объект (*нести славы дерево*); атрибуты: *высокий, священный, привыкший к ясному небу; славы* дерево):

- мировое дерево — ясень Иггдрасиль (Vsp. 19; 27) +;
- первое дерево, созданное в результате космогонического акта (Grm. 40) +;
- на дереве вырезают сакральные знаки — руны (Sd. 11) +;
- «высокое славы дерево» — побег омелы, орудие убийства бога Бальдра (Bdr. 9) –.

2–4. **eldi, hlíð-þang, vöndr** (Alv. 28) — окказионализмы, поэтические обозначения дерева в разных мирах; только **ед. ч. им.** или **вин. пад.**; функция субъекта (*дерево называется*) — объекта (*дерево называют*);

- первое дерево в мифе творения +.

5. **lundr** (2 (1+1)); в значении «дерево» только в **ед. ч. дат. пад.** (1), **вин. пад.** (1); локус (*лежать под деревом, стоять у дерева*):

- мировое дерево — ясень Иггдрасиль (Vsp. 35) +;
- дерево & птица (HNv. проз. 12) 0.

6. **meiðr** (7 (4+3); 1 (*vindga-meíðr* «ветренное дерево»⁶²⁹); только **ед. ч.**; **род. пад.** (1), **вин. пад.** (1), **дат. пад.** (5); объект (*строгать дерево, становиться из дерева*), локус (*сидеть, висеть, находить, кричать на дереве*); атрибуты: *высокий, знаменитый* (→ *опасный*):

- мировое дерево — ясень Иггдрасиль (Grm. 34) +;

- орудие убийства Бальдра (Vsp. 32) –;
- «ветренное дерево» — виселица (Háv. 138; Hm. 17) –;
- дерево для тканья (Rþ. 15) 0⁶³⁰;
- ворон на дереве (HN. I 5; Br. 5) 0.

7. **tré** (5 (3+2); 4 (*tré-mann* «дерева человек» (= идол); *möndul-tré* «мельницы дерево» (палка для вращения жернова), *scap-tré* «рукоятки дерево» (древко рукоятки для вращения жернова), *varg-tré* «преступника дерево» (= виселица)); только **ед. ч.**; **им. пад.** (3), **дат. пад.** (2); субъект (*быть, шуметь, гнутья*), локус (*качаться на дереве, плести при дереве*); атрибуты: *сильный, старый*:

- мировое дерево — ясень Иггдрасиль (Vsp. 47) +;
- дерево — мертвец / преступник (Háv. 157; *varg-tré* «преступника дерево») –;
- дерево без корней (Am. 73) –;
- дерево — мачта (HN. I 26) 0;
- дерево — элемент мельницы (HN. II 3; Grt. 23) 0.

8. **þollr** (2); только **ед. ч. дат. пад.**; объект (*целый от дерева*); локус (*стоять под деревом*):

- мировое дерево — ясень Иггдрасиль (Vsp. 20) +;
- столб, опора жилища (Hym. 13) +.

9. **viðr** (8 (7+1); 3 (*gagl-viðr* «виселицы дерево», *hlaut-viðr* «жребия дерево», *miot-viðr* «меры дерево»); **ед. ч.** (6), **мн. ч.** (1 (Grm. 44)); **ед. ч. им. пад.** (3), **род. пад.** (3), **дат. пад.** (1), **мн. ч. род. пад.** (1); субъект (*дерево называется* (2), *быть*), объект (*верить дереву*), атрибуты: *лучший, лишенный корней, сырой*:

- мировое дерево — ясень Иггдрасиль (Grm. 44); *miot-viðr* «меры дерево» +;
- первое дерево / первый лес в мифе творения (Alv. 27-28) +;
- корни каждого дерева в магическом напитке (Gðr. II 23) +;
- на корнях дерева вырезают руны (Háv. 151) +;
- «жребия дерево» (*hlaut-viðr*) +;
- «виселицы дерево» (*gagl-viðr*) –;
- дерево без корней (Háv. 85–88); дерево без листвы (Hm. 5) –;
- на корнях дерева дают козью мочу (Skm. 35) 0.

На основании анализа обозначений *дерева* в «Старшей Эдде» обнаруживается, что с точки зрения носителя эддической мифопоэтической традиции для данного денотата выделялось шесть ключевых позиций — три положительные (*первое дерево* в мифе творения; *мировое дерево*; *дерево* в магии) и три отрицательные (*дерево — орудие убийства Бальдра*; *висельное дерево*; *дерево без корней — символ изоляции, лишения поддержки рода*).

Исходя из этого тезиса, оказывается возможным упростить семантическую схему, базирующуюся

щуются на соотношении контекстов: в частности, для др.-исл. *viðr* вместо зафиксированного в тексте варианта ++++-- постулируется +++--, так как Gðr. II 23, Háv. 151 и *hlaut-viðr* реализуют одну позицию — *дерево в магии*.

Интерпретацию результатов исследования необходимо снабдить некоторыми комментариями. Особого внимания заслуживают два обстоятельства:

- 1) в отдельных случаях невозможно разделить значение «дерево» и «лес», например в др.-исл. *viðr* из «Речей Альвиса», где одни обозначения отчетливо указывают на дерево (*fagrlimi* «прекрасные ветки (имеющий)», *vöndr* «прут»), а другие — на лес (*vallar fax* «равнины грива», *hlíðþang* «склона поросль»). Ср.: *hvé sá viðr heitir, er vex fyr alda sonom // heimi hveriom í. // Viðr heitir með mönnum, enn vallar fax með goðom, // kalla hlíðþang halir, // eldi iotnar, álfar fagrlima, // kalla vönd vanir* (Alv. 27; 28) «Как *дерево / лес* называется, который растет для людей // в каждом из миров? // *Дерево / Лес* зовется у людей, а у богов — грива равнины, // называют склона порослью люди, // дровами — великаны, альвы — с прекрасными ветками, // называют ваны прутом» (дословный перевод автора. — *Примеч. ред.*);
- 2) в семантической структуре др.-исл. *viðr* помимо значений «дерево» и «лес» репрезентировано значение «древесина, дрова» (ср.: Háv. 60; 82; 100; Vkv. 9; Hlr. 10; Gðr. II 12), здесь не рассматриваемое.

Информация, отраженная в *табл. 8*, свидетельствует о некоторых тенденциях:

- 1) **ед. ч.** значительно преобладает по сравнению с **мн. ч.**, зафиксированным всего один раз в суперлативе *æztr víða* «лучшее из деревьев», синонимичном выражении «лучшее дерево» (т. е. **мн. ч.** изофункционально **ед. ч.**); следовательно, в «Старшей Эдде» дерево преимущественно воспринимается как уникальный объект (ср.: образы первого дерева в мифе творения или мирового дерева);
- 2) максимальной частотностью отличаются **дат.** (12) и **им. пад.**⁶³² (11), минимальной — **вин. пад.** (2), в промежуточном положении оказывается **род. пад.**, управляющий как глаголом, так и именем (5);
- 3) синтаксические функции распределяются следующим образом: субъект (11: *eldi, hlíð-þang, vöndr, tré* (3), *baðmr* (2), *viðr* (3)), локус (11: *lundr* (2), *þollr, tré* (2), *meiðr* (4), *baðmr* (2)), объект (4): *þollr, meiðr* (2), *viðr* (1)), т. е. дерево в равной мере трактуется как субъект и как локус, и значительно реже как объект;
- 4) минимальная семантическая структура состоит из одного элемента (*eldi, hlíð-þang, vöndr, lundr*), максимальная — из пяти (*viðr*), зафиксированы также модели с двумя (*þollr*), тремя (*meiðr, tré*) и четырьмя (*baðmr*) элементами; одинаковую структуру имеют помимо односоставных *eldi, hlíð-þang, vöndr, lundr* трехкомпонентные *meiðr, tré*; отрицательных позиций (7) репрезентировано вдвое меньше, чем положительных (14), т. к. для

Таблица 8

Результаты исследования

Лексема	Структура значения	Число	Падеж	Функция	Атрибуты
eldi	+	ед. ч.	им. пад.	субъект	—
hlíð-þang	+	ед. ч.	вин. пад.	объект ⁶³¹	—
vöndr	+	ед. ч.	вин. пад.	объект	—
lundr	+	ед. ч.	дат. пад. (1), вин. пад. (1)	локус (2)	—
þollr	++	ед. ч.	дат. пад.	объект (1) локус (1)	—
tré	+++	ед. ч.	им. пад. (3) дат. пад. (2)	субъект (3) локус (2)	сильный, старый
meiðr	+++	ед. ч.	род. пад. (1), вин. пад. (1), дат. пад. (5)	объект (2), локус (4)	высокий, знаменитый (→ опасный)
baðmr	+++--	ед. ч.	им. пад. (2), дат. пад. (2)	субъект (2), локус (2)	высокий, священный, привыкший к ясному небу; славы дерево
viðr	++++--	ед. ч. (6), мн. ч. (1)	ед. ч. им. пад. (3), род. пад. (3), дат. пад. (1), мн. ч. род. пад. (1)	субъект (3), объект (1)	лучший, лишенный корней, сырой

мифопоэтической традиции типична установка на идеализацию, причем удельный вес положительных позиций превышает отрицательные в пределах лексемы, исключение составляют лишь отрицательные на две трети др.-исл. *meiðr* и *tré*.

Подводя итоги изучения эддических обозначений деревьев, можно расположить их на аксиологической шкале, которой руководствовались носители соответствующей мифопоэтической традиции, в порядке нарастания негативных коннотаций (от условно позитивного к негативному): *eldi*, *hlíð-þang*, *vöndr*, *lundr*, *þollr*, *baðmr*, *viðr*, *meiðr*, *tré*.

Общие обозначения леса

1. **holt** (4 (2+2); 1 (*holt-rið* «рощи горный хребет»)); только **ед. ч.**; **род. пад.** (1), **дат. пад.** (3); локус (*скрываться в роще*), направление (*в рощу идти*):

- в роще Ходдмимира скрываются Жизнь и Пышущий жизнью (Vm. 25)⁶³³ +;
- идти в рощу за «волшебной ветвью» (Skm. 32) +;
- «свой (член коллектива)» — «чужой (пришедший из рощи)» (Vkv. 16) —;
- осина в роще (Hm. 5) 0.

2. **hrís** (2 (0+2)); только **ед. ч.**; **вин. пад.** (2); объект (2); атрибуты: *знаменитый, ценный*:

- иметь рощу как ценный объект (Акв. 5; Hunn. 8–9) +.

3. **lundr** (3 (2+2); 4 (*fjotur-lundr* «оков роща», *glasis-lundr* «стекла роща», *gnipa-lundr* «скалы роща», *scata-lundr* «воинов роща»)); только **ед. ч.**; **им. пад.** (2), **род. пад.**, **дат. пад.**; субъект (2: *роща называется*), локус (*расти в роще*), направление (*идти к роще*); атрибуты: *тихий*:

- роща невесты (Skm. 39; 41) +;
- игры в роще (Am. 72) +;
- битва — роща (= война — мир) (Hunn. 20) +.

4. **scógr** (13 (5+8)); **ед. ч.** (10) — **мн. ч.** (3); **ед. ч. род. пад.** (4), **дат. пад.** (4), **вин. пад.**, **мн. ч. дат. пад.**, **вин. пад.** (2); объект (*называть леса*), локус (*жить в лесах, убивать в лесу, на юг от леса*), направление (*двигаться в лес / из леса* (6), *прогнать из леса, отвоевать из леса*):

- лес — могильный курган (Hrbl. 44–45) —;
- пир — лес (Ls. проз. 15) —;
- лес — эсхатологические силы (ср.: *iárn-viðr* «железа лес», *myrc-viðr* «темный лес»);

- дом (внутри) — лес (снаружи) (HNv. 30 проз. 7; Bg. 19 проз. 5) —.

5. **viðr** (14 (6+8); 4 (*i-viðia* «ведьма», *iárn-viðr* «железа лес», *myrc-viðr* «темный лес», *úlfíði* «волка лес»)); **ед. ч.** (11) — **мн. ч.** (3); **ед. ч. им. пад.** (2), **род. пад.** (3), **вин. пад.** (6), **мн. ч. дат. пад.** (2), **вин. пад.**; субъект (*называться* (2)), объект (*рубить лес, жечь лес*), локус (*быть в лесу, стоять в лесах, привыкать в лесах*), направление (*скакать в лес, стремиться в лес, повернуть в лес, послать через лес*); атрибуты: *березовый, темный, высокий, неизведанный* (*myrc-viðr* «темный лес»):

- первое дерево / первый лес в мифе творения (Alv. 27–28) +;
- идти в лес за «волшебной ветвью» (Skm. 32) +;
- лес — дом (Rf. 37; HN. I 41) —;
- лес — преступник (HN. II 33) —;
- лес — долина (HNv. 28) 0;
- лес уничтожает огонь (Hgr. 10) 0;
- лес — волк (Gðr. II 11, 12) 0;
- лес рубить (Háv. 82) 0.

Прежде чем сформулировать выводы, необходимо иметь в виду, что:

- 1) для денотата *лес* выделяются четыре ключевые позиции — две положительные (*первый лес* в мифе творения или *лес* в возрожденной после «гибели богов» вселенной (ср.: др.-исл. *holt*); *лес* в магии) и две отрицательные (*лес — иной мир*; *лес — чужое пространство*);
- 2) оппозиции *пир — лес*, *дом — лес* представляют собой варианты фундаментальной антиномии *свой* (находящийся внутри, принадлежащий коллективу) — *чужой* (находящийся снаружи, за пределами коллектива), а ассоциация леса с эсхатологическими чудовищами (потомством волка Фенрира или сыновьями великана Муспелля) или преступниками реализует его трактовку как враждебного человеку топоса;
- 3) руководствуясь приведенными выше соображениями, семантическую структуру исследуемых лексем можно упростить, например др.-исл. *lundr* содержит два компонента, т. к. игра в роще рассматривается как воплощение одного из аспектов противопоставления *война — мир*, *scógr* также двухкомпонентен (*лес — иной мир*, *лес — чужое пространство*), а *viðr* трехкомпонентен (*лес* в мифе творения, *лес* в магии, *лес — чужое пространство*).

Таблица 9

Результаты исследования

Лексема	Структура значения	Число	Падеж	Функция	Атрибуты
hrís	+	ед. ч.	вин. пад. (2)	объект (2)	знаменитый, ценный

Лексема	Структура значения	Число	Падеж	Функция	Атрибуты
lundr	++	ед. ч.	им. пад. (2), род. пад., дат. пад.	субъект (2), локус, направление	тихий
holt	++-	ед. ч.	род. пад., дат. пад. (3)	локус, направление	–
viðr	++-	ед. ч. (11) – мн. ч. (3)	ед. ч. им. пад. (2), род. пад. (3), вин. пад. (6), мн. ч. дат. пад. (2), вин. пад.	субъект (2), объект (2), локус (3), направление (4)	березовый, темный, высокий, неизведанный
scógr	--	ед. ч. (10) – мн. ч. (3)	ед. ч. род. пад. (4), дат. пад. (4), вин. пад., мн. ч. дат. пад., вин. пад. (2)	объект, локус (3), направление (8)	–

Факты, зафиксированные в табл. 9, свидетельствуют об определенных закономерностях. Можно констатировать, что в эддических обозначениях *леса*:

- 1) **ед. ч.** доминирует над **мн. ч.**, которое либо вообще отсутствует (ср.: *holt*, *hrís*, *lundr*), либо почти втрое менее распространено, чем **ед. ч.** (ср.: *scógr*, *viðr*); иными словами, в «Старшей Эдде» лес чаще воспринимается как нечто единичное (ср., в частности, «темный лес» (*myrc-viðr*), «железный лес» (*íárn-viðr*), сакральную «оков рощу» (*fjotur-lundr*) или «рощу Хвоя» (*barri... lundr*), где назначена встреча жениха с невестой – уникальные локусы космизированной Вселенной);
- 2) о категории падежа позволяют судить следующие данные: **им. пад.** (4), **род.** (9), **дат.** (11), **вин.** (12);
- 3) синтаксические функции распределяются таким образом: субъект (4), объект (5), локус (8), направление (14);
- 4) положительных позиций отмечено больше, чем отрицательных (7 против 4), исключительно положительная семантика типична для односоставного *hrís* и двусоставного *lundr*, она образует две трети объема у изоморфных *holt* и *viðr*, а исключительно отрицательная семантика характерна для двусоставного *scógr*;
- 5) при сравнении эддических обозначений леса и дерева обнаруживаются существенные различия, а именно:

– *лес* обладает более узким спектром позиций, чем *дерево* (4 *vice versa* 6), поэтому его максимальная семантическая структура короче (3 (*viðr* «лес», *holt* «роща») на фоне 5 у др.-исл. *viðr* «дерево»);

– только у леса зафиксирована исключительно отрицательная семантика (ср.: др.-исл. *scógr*);

– отрицательные позиции выступают у *дерева* в космогонической плоскости (омела – орудие убийства Балдра и «ветреное дерево»,

на котором повесился Один ради познания магических знаний (рун) – варианты орудия жертвоприношения), а у *леса* – в социальной (в рамках оппозиции *свой – чужой*);

– если судить по соотношению **ед.** и **мн. ч.**, то *дерево* в «Старшей Эдде» более уникально и одушевлено, чем *лес*;

– для *дерева* ключевая функция – субъект (11) и локус (11) – их обслуживают им. (11) и дат. (12) пад., а для *леса* – направление (14), реализуемое вин. пад. (14); специального упоминания заслуживает то обстоятельство, что самая частотная для *леса* функция направление вообще отсутствует у *дерева*, а одна из самых частотных для *дерева* функций субъект (11), что неудивительно, если иметь примеры персонификации дерева (ср.: мотив происхождения первого мужчины из *ясея*, а женщины – из *вяза*), редуцирована у *леса* (4); следовательно, точкой пересечения семантической структуры обозначений *леса* и *дерева* является функция локус.

Обозначения ветки

1. **hæfing** (1); **мн. ч. вин. пад.**; объект (*грызть от побегов*):

• олени грызут от побегов мирового дерева (Grm. 33) +.

2. **lim** (5 (2+3); 4 (*af-limi* «без веток» (= «неспособный (помочь)»), *asc-lim* «ясея ветка», *fagr-limi* «красивые ветки (имеющий)», *lim-rúnar* «ветвей руны»); **мн. ч. им. пад., дат. пад. (3), вин. пад.**; субъект (ветки (= следствия) ведут), объект (*наклонять ветки, кусать от веток* (2)), локус (сидеть в ветках); атрибуты: *красивый* (*fagr-limi* «красивые ветки (имеющий)»):

• коза, олень кусают от веток мирового дерева (Grm. 25; 26) +;

- ветки в магии (Sd. 11) +;
 - птица сидит в ветках (ННv. 13 проз.) 0;
 - ветки (= следствия) ведут — метафора (Rm. 4) 0.
3. **qvistr** (5 (2+3); 2 (*qvist-scaðr* «ветке вредящий» (= «буря»), *il-qvistr* «ступни ветка» (= «палец»)); **ед. ч.** (3) — **мн. ч.** (2); **ед. ч. дат. пад.** (3), **мн. ч. им. пад., вин. пад.**; субъект (*ветки сохнут*), объект (*грызть ветки, лишаться ветки*), локус (*сидеть на ветке, стоять на ветке*):
- змеи грызут ветки мирового дерева (Grm. 34) +;
 - сосна без веток — символ одиночества (Hm. 5) —;
 - птица сидит на ветке (Rþ. 47; Hm. 30) 0;
 - ветки сохнут (Am. 73) 0.

4. **svigi** (1; 1 (*svigna* «ветвиться, сгибаться», метафорически «уступать»); **мн. ч. род. пад.**; объект (*веток гибель*):

- веток гибель — огонь в эсхатологии (Vsp. 52) —.

5. **teinn** (4 (1+3); 2 (*gamban-teinn* «волшебная ветка», *mistil-teinn* «омелы ветка»); **ед. ч.** (2) — **мн. ч.** (2); **ед. ч. дат. пад.** (2), **мн. ч. вин. пад.** (2)⁶³⁴; субъект (*стоять, расти* (*mistil-teinn* «омелы ветка»), падать), объект (*давать, получать* ((2) *gamban-teinn* «волшебная ветка»), *трясти*), локус (*жарить на ветке* (2)); атрибуты: *высокий, красивый, стройный* (*mistil-teinn* «омелы ветка»):

- боги трясут ветки-жребии (Нум. 1), «волшебная ветка» (Skm. 32; Hrbl. 20) +;
- «омелы ветка» — орудие убийства Бальдра (Vsp. 31–32) —;
- сосна без веток — символ одиночества (Hm. 5); упавшие ветки — символ гибели (Gðr. II 40) —;
- жарить на ветке (Fm. 31 проз. 1; Am. 83) 0.

Для эддических обозначений *ветки* актуальны две положительные позиции (*ветки мирового древа; ветки в магии*) и две отрицательные (*сжигание веток* в эсхатологии; *отпадение веток* — символ одиночества или гибели). Количество позиций в пределах лексемы варьируется от одной (*hæfing, svigi*) до двух (*lim, qvistr*) или трех (*teinn*).

Приводимые выше данные позволяют извлечь некоторые выводы из анализа обозначений ветки в «Старшей Эдде» (табл. 10):

- безусловно, положительная семантика зафиксирована у др.-исл. *hæfing* (+) и *lim* (++) , отрицательная у *svigi* (–), смешанная — у *qvistr* (+–) и *teinn* (+––), причем в последнем случае отрицательный компонент превышает положительный, занимая две трети объема содержания;
- **ед. ч.** (5) уступает почти вдвое **мн. ч.** (11), и этот феномен объясняется особенностями денотата (ветки дерева образуют *множество*), хотя засвидетельствованы и уникальные в мифопоэтической модели мира модели — знаменитая «ветка омелы», превратившаяся в коварное оружие, поразившее Бальдра, и «волшебная ветка», фигурирующая в заговорном контексте;
- в падежной парадигме репрезентированы **им. пад.** (2+1 (*mistil-teinn* «омелы ветка»)), **род. пад.** (1), **дат. пад.** (8), **вин. пад.** (5+3 (*gamban-teinn* «волшебная ветка»)), т. е. максимальной частотностью отличаются **дат. пад.** и **вин. пад.**;
- синтаксические функции распределяются следующим образом: субъект (2+1 (*mistil-teinn* «омелы ветка»)), объект (12), локус (5), следовательно, чаще всего ветка выступает в «Старшей Эдде» как объект;
- при сопоставлении обозначений *ветки* с обозначениями дерева и леса обнаруживаются интересные детали:
 - исключительно отрицательная семантика зафиксирована у *svigi* «ветка» (–) и *scógr* «лес» (––), а перевес отрицательного у *teinn* «ветка» (+––) и *meiðr, tré* «дерево» (+––);
 - доминирующая функция *дерева* — субъект и локус, *леса* — направление, *ветки* — объект.

Таблица 10

Результаты исследования

Лексема	Структура значения	Число	Падеж	Функция	Атрибут
hæfing	+	мн. ч.	вин. пад.	объект	–
lim	++	мн. ч.	им. пад., дат. пад. (3), вин. пад.	субъект, объект (2), локус	красивый
qvistr	+–	ед. ч. (3) — мн. ч. (2)	ед. ч. дат. пад. (3), мн. ч. им. пад., вин. пад.	субъект, объект (2), локус (2)	–
teinn	+––	ед. ч. (2) — мн. ч. (2)	ед. ч. дат. пад. (2), мн. ч. вин. пад. (2)	субъект (1: <i>mistil-teinn</i> «омелы ветка»), объект (3+3 (<i>gamban-teinn</i> «волшебная ветка»)), локус (2)	высокий, красивый, стройный
svigi	–	мн. ч.	род. пад.	объект	–

Обозначения корня

1. **rót** (5 (4+1); 1 (*rót-lauss* «корней лишенный»); **мн. ч. им. пад., дат. пад.** (4); субъект (*корни стоят*), объект (*происходить от корней, рвать с корнями*), локус (*давать на корнях, ранить на корнях*):

- корни ясеня Иггдрасиля стоят в три стороны (Gm. 31) +;
- вырезать на корнях руны (Háv. 151) +;
- корни «ветреного дерева» — виселицы (Háv. 138) —;
- побеги, вырванные с корнями, — символ гибели (Gðr. II 40) —;
- давать мочу на корнях (Skm. 35) 0.

2. **tág** (1 (0+1)); **ед. ч. вин. пад.**; объект (*рубить корень*):

- рубить корень (Am. 73) 0.

3. **urt** (1 (0+1)); **мн. ч. им. пад.**; субъект (*корни были*):

- корни были в магическом напитке (Gðr. II 23) +.

Для эддических обозначений *корня* релевантны две положительные (*корни мирового дерева, корни в магии*) и две отрицательные (*корни «ветреного дерева»* — виселицы, *вырывание с корнями* — символ гибели) позиции, максимально семантическая структура может объединять четыре компонента (*rót*), минимально — один (*urt*) или она нейтральна по отношению к выделенным дифференциальным признакам (*tág*).

Краткость сведений о наименованиях корня в «Старшей Эдде» не препятствует возможности обобщения данных (табл. 11):

Таблица 11

Результаты исследования

Лексема	Структура значения	Число	Падеж	Функция	Атрибут
urt	+	мн. ч.	им. пад.	субъект	—
rót	++--	мн. ч.	им. пад., дат. пад. (4)	субъект, объект (2), локус (2)	—
tág	0	ед. ч.	вин. пад.	объект	—

- 1) зафиксированы лексеммы либо с исключительно положительной семантикой (ср.: однокомпонентное *urt*), либо положительные и отрицательные компоненты уравнивают друг друга (ср.: четырехкомпонентное *rót*);
- 2) **мн. ч.** (6) превосходит **ед. ч.** (1), причина этого явления мотивируется особенностями денотата (дерево, как правило, имеет не один, а несколько корней); употребление ед. ч. наблюдается в необычном контексте, весьма напоминающем пословицу («дерево сгибается, если под ним рубят корень»), т. е. в нем идет

речь не о конкретном дереве, а о дереве как таковом и акцент ставится на типичном, а не частном аспекте;

- 3) доминирует дат. пад. (4) на фоне им. пад. (2) и вин. пад.;
- 4) по количеству словоупотреблений обозначения *корня* незначительно отличаются друг от друга: объект (3), локус (2), субъект (2), т. е. корень воспринимается в эддической модели мира чаще всего как объект;
- 5) обнаруживается далеко идущее сходство между обозначениями *корней* и *веток*, проявляющееся в преобладании форм мн. ч., обусловленных спецификой денотата, воспринимаемого как множество однотипных объектов, доминировании дат. пад. и функции объекта.

Обозначения коры

1. **bast** (3 (1+2); **ед. ч. вин. пад.** (2), **дат. пад.** (1); объект (3):

- вязать лыко (Rf. 9) 0;
- на лыко надеты кольца; снять с лыка кольцо (Vkv. 7; 16) 0.

2. **börçr** (2 (1+1)); **ед. ч. им. пад., дат. пад.**; субъект (*кора не защищает*), локус (*на коре вырезать*):

- на коре вырезают руны (Sd. 11) +;
- кора не защищает сосну (Háv. 50) 0.

3. **naefr** (1); **род. пад.**; объект (*мера бересты*):

• знать меру бересты (Háv. 60) 0.

Для обозначений *коры* выделяется всего одна положительная позиция — использование в магии, поэтому какие-либо комбинации отсутствуют, ср.: *börçr* vice versa нейтральных *bast* и *naefr*. Падежная парадигма представлена **род., дат.** (2) и **вин.** (2), а среди синтаксических функций доминирует объект (4) — как и у *ветки* и *корня* — на фоне субъекта и локуса, представленных всего одним словоупотреблением.

Чтобы изучение синонимов в «Старшей Эдде» было исчерпывающим, следует обратиться к оставшимся примерам. В фокусе внимания оказываются прежде всего «Речи Альвиса» как бесценный источник множества наименований одного и того же объекта. Обратимся к обозначениям посева.

Ср.: Segðu mér þat, Alvíss... // hvé þat sáð heitir, er sá alda synir // heimi hveriom í (Alv. 31). // Bygg heitir með monnom, enn barr með goðom, // kalla vaxt vanir, // æti iotnar, álfar lagastaf, // kalla í helio hnipinn (Alv. 32) «Скажи мне, Альвис... // как посев называется, который сеют люди // в каждом из миров? // Ячмень зовется у людей, а хвоя — у богов, // называют растением ванны, // съедобным — великаны, альвы — порядка шестом, // называют

вхельсгибающимся» (дословный перевод автора. — Примеч. ред.).

Механизм поэтической номинации раскрывается здесь с предельной ясностью: в вопросе фигурирует гипероним *posev* (*sáð*), внутренняя форма которого актуализируется благодаря этимологически родственному глаголу *sejать* (*sá*), а в ответе на первом месте оказывается самое распространенное общезыковое название конкретного злака — *ячменя* (*bygg*), за которым следуют окказионализмы, отбор которых диктуется двумя факторами, вступающими в тесное взаимодействие, — коммуникативными намерениями и аллитерацией, поддерживающей нужный звук. Исходя из этих тезисов, можно установить, что своим появлением *vaxt* обязано необходимости упоминания ванов (т. е. нужно было найти лексему с аллитерацией на *v*, как и начальный звук ванов (*vanir*)), а *hnipinn* — *hel*.

О решающей роли поэтических приемов, главным образом аллитерации, маркирующей созвучные слова и создающей между ними и притяжение на уровне содержания, при подборе синонимов убедительно свидетельствуют и обозначения куста: др.-исл. *hrís*, *kiarr*, *runnr*. Два последних обозначения особенно показательны, поскольку они встречаются в одной и той же «Песне о Риге».

С Ригом ассоциируется аллитерирующая лексема *runnr* (Rþ. 36), вовлеченная в утонченную поэтическую игру (ср.: переключку с рунами (*rúnar*)), и при этом выстраивается семантический ряд: *куст* — бог *Rig* — магические знания (*руны*). Потребность во введении нового персонажа — Кона определяет употребление именно аллитерирующего с ним *kiarr* (46), а не какого-либо иного названия куста. Что же касается функционирования *hrís*, то в значении «куст» (а не «древесина» или «роща») эта лексема представлена либо в составе эпической формулы с аллитерирующими компонентами «кустарником и высокой травой» (*Hrísí... oc há grasi* (Grm. 17), *hrísí ... oc hávo grasi* (Háv. 119)), взаимно ориентированными благодаря звуковым повторам *r-s-i*, либо использованием в повествовании глагола *слышать* (*heyrði*), мотивирующего выбор аллитерирующего имени (*hrísino*) даже в прозаическом тексте (Fm. 31 проз. 6).

Таким образом, на основании проведенного исследования можно установить у каждого члена синонимического ряда определенный *семантический рейтинг*, или *ранг*⁶³⁵, обусловленный его функционированием в соответствующем мифологическом контексте, расцениваемом положительно или отрицательно носителем данной модели мира. Иными словами, *мировоззренческий* комплекс, в частности мифологические представления, детерминирует, с одной стороны, выбор конкретной лексем, с дру-

гой — придает ей статус согласно принятой в данном архаическом коллективе системе ценностей.

Существенным преимуществом предлагаемого подхода к исследованию семантики эпического слова можно считать *антропоцентризм*, т. е. ориентацию на логику именования объектов самими носителями традиции; иначе говоря, появляется уникальная возможность взглянуть изнутри на формирование языкового значения.

Сокращения названий эддических песен

Alv.	Alvíssmál	«Речи Альвиса»
Akv.	Atlaqviða in grœnlenzca	«Гренландская песнь об Атли»
Am.	Atlamál in grœnlenzco	«Гренландские речи Атли»
Bdr.	Baldrs draumar	«Сны Бальдра»
Fm.	Fáfnismál	«Речи Фафнира»
Ghv.	Guðrúnarhvöt	«Подстрекательство Гудрун»
Grm.	Grímnismál	«Речи Гримнира»
Grp.	Grípisspá	«Пророчество Грипира»
Grt.	Grottasöngur	«Песнь о Гротти»
Gðr. I	Guðrúnarqviða I	«Первая песнь о Гудрун»
Gðr. II	Guðrúnarqviða önnor	«Вторая песнь о Гудрун»
Gðr. III	Guðrúnarqviða in þriðja	«Третья песнь о Гудрун»
Háv.	Hávamál	«Речи Высокого»
Hdl.	Hyndlóljóð	«Песнь о Хюндле»
HN. I	Helgaqviða Hundingsbana in fyrri	«Первая песнь о Хельги убийце Хундинга»
HNv.	Helgaqviða Hiorvarðssonar	«Песнь о Хельги сыне Хёрварда»
HN. II	Helgaqviða Hundingsbana önnor	«Вторая песнь о Хельги убийце Хундинга»
Hlr.	Helreið Brynhildar	«Поездка Брюнхильды в Хель»
Hm.	Hamðismál	«Речи Хамдира»
Hrbl.	Hárbarðzljóð	«Песнь о Харбарде»
Hunn.	Hunnenschlachtlied	«Песнь о битве готов с гуннами»
Hym.	Hymisqviða	«Песнь о Хюмире»
Ls.	Lokasenna	«Перебранка Локи»
Od.	Oddrúnargrátr	«Плач Оддрун»
Rm.	Reginmál	«Речи Регина»
Rþ.	Rígsþula	«Песнь о Риге»
Sd.	Sigrdrífomál	«Речи Сигдривы»
Sg.	Sigurðarqviða in scamma	«Краткая песнь о Сигурде»
Skm.	For Scírnis	«Поездка Скирнира»
SnE	Edda Snorra Sturlusonar	«Младшая Эдда»
Vkv.	Völundarqviða	«Песнь о Вёлунде»
Vm.	Vafþrúðnismál	«Речи Вафтруднира»
Vsp.	Völuspá	«Прорицание вёльвы»
Prk.	Þrymsqviða	«Песнь о Трюме»

АДАПТАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ КАРЕЛИИ

Проект «Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита — Средневековья» был разработан как археологическое исследование и выполнялся группой из семи сотрудников сектора археологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Если говорить о методике и содержании проведенных исследований, то разработка адаптационной тематики была несколько запоздалой, однако новой и весьма полезной. Археологи в Карелии обычно применяли культурно-исторический подход, который санкционирует подмену этнической истории историей элементов культуры или их комбинаций. Типичной ошибкой был выбор адаптивных признаков, обычно видов минерального сырья, в качестве критериев разграничения археологических культур и типов, которые получали явный или скрытый статус этнических общностей. Таким путем здесь были выделены кварцево-сланцевая и кремневая культуры эпохи мезолита⁶³⁶, неолитическая карельская культура со сланцевыми орудиями⁶³⁷, культура асбестовой керамики позднего энеолита⁶³⁸, их локальные варианты⁶³⁹ и типы поселений⁶⁴⁰.

Но остается открытым вопрос о единстве таких искусственно разграниченных, якобы однородных таксономических единиц, т. е. внутренней связи в сочетаниях разных элементов культуры, потому что ареалы и временные рамки различных, в т. ч. адаптивных признаков чаще всего взаимно не совпадают. Культурно-исторический подход этнически детерминирован и односторонне объясняет ряд локальных особенностей в древней материальной культуре.

В работах некоторых палеоклиматологов и археологов проявилась другая крайность. Различные изменения в древней культуре Карелии они упрощенно объясняют как следствие стандартных автоматических реакций людей на сравнительно небольшие колебания климата в позднем голоцене. Например, утверждают, что «самые значительные изменения в культуре совпадают с контрастной сменой в природных комплексах», потому что «при увлажнении климата возникла сеть миграционных путей... [и] условия для передвижения населения и обмена опытом», а в сухом климате «развитие культуры протекало в обста-

новке затрудненных связей и даже некоторой изоляции»⁶⁴¹. В общем, «неустойчивость природной обстановки... вызывала к жизни новые виды культур и т. д.»⁶⁴². Такой довольно жесткий подход с позиций климатического детерминизма в условиях Карелии заметно противоречит имеющимся археологическим данным.

Многофакторный подход более пригоден для практического применения. Можно признать классификацию элементов культуры Л. Бинфордом⁶⁴³, который разделяет их как минимум на три группы: 1) элементы в традиционной сфере, изменения которых определяли внутренние факторы; 2) элементы взаимодействия с соседними и субстратными культурами, т. е. культурной адаптации; 3) элементы экологической адаптации, т. е. приспособления культуры к природной среде.

Между тем разные причины и факторы тесно переплетаются и синтезируются в человеческой деятельности. Поэтому адаптивные черты следует рассматривать на фоне природного и культурного контекста. Количественный анализ позволяет выявить соотношение компонентов разного происхождения и динамику формирования культуры в различных ее сферах. На этой основе можно сравнивать модели сложения обширных культурных ареалов и локальных вариаций в их пределах.

Имеются достаточно широкие возможности и перспективы археологического исследования адаптационных процессов в древней культуре Карелии. Территория Республики Карелия находится в северо-западной России, занимает восточную часть крупного природного региона — Фенноскандии и отличается особенностями природной среды от соседних областей Русской равнины. Здесь преобладают водно-ледниковые, местами скалистые формы рельефа и малопригодные для земледелия почвы. Кроме пресноводных озерно-речных систем есть Белое море с другой фауной и иными условиями, которые требовали особых форм приспособления. Специфичен и состав минеральных ресурсов. Это кварц, сланец, асбест, слюда, самородная медь, озерная железная руда, а также отсутствие кремня, орудия из которого широко использовались в древности. Суровый климат таежной зоны и ограниченное количество земельных площадей с плодородными почвами, особенно на севере Карелии, способствовали кон-

сервации присваивающих форм экономики, ощутимо сдерживая внедрение и развитие земледелия и животноводства. В Карелии четко выступают специфические черты адаптации к этой природной среде, которые отличают местные древности от культур Русской равнины.

Черты экологической адаптации многообразны и проявляются во всех основных категориях материальной культуры. Приспособление древнего населения к изменениям в природной среде не протекало пассивно и автоматически. Адаптационные процессы всегда, но в разной мере были опосредованы активным выбором людьми конкретных приемов и средств приспособления вплоть до смены форм хозяйства и отказа заселять неблагоприятные территории.

Выбор определяли хозяйственно-культурные традиции, предпочтения, исторические обстоятельства и, разумеется, особенности природного окружения. Поэтому наблюдаются разные модели и степень приспособления популяций и локальных групп как охотников-рыболовов, так и земледельцев-животноводов. Их можно выявить путем сравнения динамики экологической адаптации с динамикой изменений в неадаптивной сфере и соответствующими результатами классификации материальной культуры, т. е. с условными археологическими культурами, выделенными в Карелии. Тогда становится более понятной общая динамика хронологических изменений в сфере экологического приспособления, которое здесь тоже не отличается плавной эволюционной последовательностью. Культуры разного происхождения неодинаково адаптировались к местным природным условиям.

Освоение различных сфер природной среды тоже проходило неодинаково. При более детальном рассмотрении можно различить прямые и косвенные адаптивные черты. Признаки непосредственного приспособления заметны в использовании местных видов минерального сырья, освоении ресурсов животного мира, распространении культур разного происхождения на территории Карелии, размещении поселений на побережье водоемов и реакциях людей на изменения их береговой линии. Косвенные черты отражают большей частью специфику образа жизни, связанную с формами адаптированной экономики. Они проявляются в характере и планировке поселений, видах жилищ, ассортименте орудий.

Кроме того, различаются относительно кратковременные и долговременные адаптивные элементы культуры. Кратковременные признаки зачастую отражают конкретные формы приспособления археологических культур, выделенных по неадаптивным чертам, нередко совпадают с их

хронологическими рамками и на практике обычно используются в качестве дополнительных опознавательных черт этих типов или периодов. В Карелии к их числу относятся использование меди, бронзы, железа, сооружение жилищ-полуземлянок и железоделательных горнов. Долговременные межкультурные адаптивные черты наблюдаются в топографическом расположении поселений охотников-рыболовов, использовании некоторых видов местного минерального сырья и в разных периодах и культурах отличаются лишь количественными характеристиками.

Эффективное приспособление к природной среде было жизненно важным не только для обеспечения внутреннего потребления, но и для внешних связей местного населения. Поэтому экологическая и культурная адаптация тесно переплетаются. Население Карелии не жило в изоляции, и нехватка тех или иных изделий и ресурсов, например кремня, янтарных, бронзовых изделий, позднее продуктов земледелия и других товаров, восполнялась путем торгового обмена с жителями других регионов. Эквивалентом при обмене служили местные товары, пользовавшиеся спросом.

Хозяйственно-культурная адаптация не происходила автоматически. Конечно, природные особенности, в частности наличие или недостаток ресурсов и географическая ориентация водных путей, влияли на общие контуры взаимосвязей с другими регионами. Но культурная адаптация гораздо сильнее зависела от традиций и исторических обстоятельств и всегда была обусловлена предпочтениями взаимодействующих групп населения, если речь не идет об иных формах внедрения чужеродных элементов культуры. Так, находки импортных янтарных украшений, бронзовых изделий поволжского, позднее камско-уральского происхождения, стеклянных бус и т. д. связаны с определенными культурными типами разных периодов и отражают предпочтения местных популяций. Внешний спрос оказывал обратное влияние на формы и степень экологической адаптации жителей Карелии и служил стимулом усиленной эксплуатации соответствующих видов местных природных ресурсов, например развития пушного промысла в раннем Средневековье или позднее морских промыслов и солеварения у поморов южного и западного Беломорья.

Карелия впервые была заселена в эпоху мезолита. Адаптивные черты культур этого периода наиболее отчетливо проявляются в геотопографическом размещении поселений, типах жилищ, использовании местных минералов для каменных орудий. В. Ф. Филатова⁶⁴⁴ выделяет два культурных ареала. Помимо прочего, их отличают осо-

бенности приспособления к местным природным условиям и соседним культурам.

Северо-карельская культура (более 40 пунктов) распространена в западной части бассейна Белого моря. По всей видимости, она принадлежала выходцам из Северной Фенноскандии, вероятнее всего с Кольского п-ова. Переселенцы хорошо адаптировались к сходной природной среде Северной Карелии. Для этой культуры характерны небольшие поселения без стационарных полуземляночных жилищ. Некоторые группы мигрантов, видимо, приспособились к условиям приморской зоны, другие вели подвижный образ жизни охотников на крупных копытных животных. Для изготовления каменных орудий использовались местные минералы, главным образом кварц. Контакты с жителями соседних южных и восточных регионов здесь были крайне слабыми, судя по единичным предметам из импортного кремня и сланца.

Онежская культура (более 170 пунктов) занимает бассейн Онежского озера и сложилась в результате продвижения населения из соседних южных областей Русской равнины. Форму ее адаптации отличает сочетание крупных поселений со стационарными, в т. ч. оригинальными полуземляночными жилищами и небольших стоянок с легкими наземными постройками. В. Ф. Филатова полагает, что это признаки оседлого образа жизни рыболово-охотников, который к концу эпохи мезолита постепенно стал подвижным. Население онежской культуры использовало местные породы камня, отдавая предпочтение сланцу, а также импортному кремню, изделия из которого преобладают на юго-востоке Карелии, поблизости от его месторождений. Уровень приспособления этой культуры к условиям пресноводных озер был высоким. Однако на Белом море не выявлены ее отчетливые следы, что, видимо, отражает негативные предпочтения носителей онежской культуры при выборе среды обитания.

Н. В. Лобанова характеризует природную среду и дает сведения об адаптации населения раннего и среднего периодов эпохи неолита, представленных культурами сперрингс, Сяряисниemi 1 и ямочно-гребенчатой керамики. Культура сперрингс раннего неолита занимает Южную и Центральную Карелию (около 160 пунктов), а ее северное ответвление, культура Сяряисниemi 1 (около 60 пунктов), распространено на севере края, в западной части бассейна Белого моря. Формальные критерии их разграничения пока остаются очень нечеткими; во всяком случае, между ними наблюдается широкая переходная зона.

В последнее время исследователи акцентируют миграционную модель сложения этого пласта древностей, связывая его генезис с переселением из Верхнего Поволжья⁶⁴⁵. Исчезновение жилищ-

полуземлянок Н. В. Лобанова⁶⁴⁶ объясняет благоприятными изменениями климата в атлантическом периоде, однако механизм воздействия климатических колебаний на распространение и облик материальной культуры остается неясным.

Обе культуры представлены главным образом небольшими поселениями, жители которых вели сравнительно подвижный образ жизни и сооружали наземные жилища. Глиняная посуда не имеет специфических адаптивных черт, если не считать отдельные технические средства нанесения узоров, наподобие позвонков рыб. Каменный инвентарь сделан большей частью из местного сырья, а импортный кремень использовался в ограниченном количестве. Все это свидетельствует о сравнительно высокой адаптации населения раннего периода неолита к местной сырьевой базе, но связи с соседними южными и восточными регионами лесной зоны, по-видимому, были слабыми.

Культура ямочно-гребенчатой керамики отличается многочисленностью поселений (более 300). Ранние поселения обнаружены только на юго-восточном побережье Онежского озера; позднее эта культура распространилась на всей территории Карелии. На нескольких поселениях обнаружены следы наземных жилищ. Керамика не имеет особых адаптивных признаков. В каменном инвентаре наблюдается относительное обилие орудий из импортного кремня. В целом культура ямочно-гребенчатой керамики была хорошо приспособлена к природной среде Карелии. Вместе с тем она демонстрирует более высокий уровень связей с населением в зоне месторождений кремня по сравнению с культурами раннего неолита. Локальные адаптивные особенности отражены и в наскальных изображениях эпохи неолита. На Белом море есть многочисленные фигуры морских животных и сцены прибрежной гарпунной охоты с лодок, отсутствующие среди петроглифов Онежского озера⁶⁴⁷.

В культурах эпохи металла адаптивные различия выступают более полно. И. Ф. Витенкова рассматривает адаптивные черты культур гребенчато-ямочной (30 пунктов) и ромбо-ямочной керамики (около 300 пунктов) периодов позднего неолита — раннего энеолита, а также культуру позднего энеолита с посудой, имеющей примеси асбеста или органики (более 400 пунктов). В целом эти культуры сложились на базе ямочно-гребенчатой керамики, и, возможно, только ромбо-ямочная посуда распространилась в Карелию из более южных областей лесной зоны⁶⁴⁸.

Общей чертой этих культур является наличие крупных, видимо, зимних поселений с прямоугольными жилищами-полуземлянками. Обычно они расположены в глухих озерных заливах и сочетаются с небольшими поселениями

в устье рек без таких жилищ. Это модель хорошо адаптированного полуоседлого образа жизни рыболовецко-охотничьих популяций с сезонной сменой мест обитания. Между культурами позднего неолита — раннего энеолита есть частные различия. Так, население с ромбо-ямочной посудой освоило использование самородной меди на Онежском озере, но не продвинулось на север и запад Карелии.

В позднем энеолите сформировался пласт культуры с керамикой «классического» типа, которая имеет примесь асбеста или органики. Эта культура демонстрирует очень высокий уровень экологической и культурной адаптации. В южной Карелии и на Белом море есть зимние поселения с жилищами-полуземлянками. Широко применялись местные породы камня, использовались асбест и самородная медь. Интенсивные культурные связи были с Восточной Прибалтикой и Скандинавией, судя по обилию янтарных украшений и сланцевых изделий балтийских типов. Это модель полуоседлой культуры охотников-рыболовов, которая сложилась на базе местных древностей позднего неолита — раннего энеолита.

Исследование Т. А. Хорошун тематически приоткрывает к предыдущему и посвящено частному вопросу; конкретно технологии изготовления глиняной посуды позднего неолита — раннего энеолита. Судя по всему, посуду делали из местного сырья, но технология ее изготовления имеет и традиционные черты. На основании силикатного химического и электронно-зондового анализа серии образцов с ряда поселений южной Карелии автор заключает, что между ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой прослеживается культурная связь в рецептах приготовления глиняной массы⁶⁴⁹.

А. Ю. Тарасов тоже излагает результаты изучения отдельной категории материальной культуры — каменного инвентаря, но в широких хронологических рамках от раннего неолита до железного века. Он подробно описал виды каменного сырья, их свойства и использование, обработку и состав каменных изделий в выборке из почти 70 поселений разных периодов и культур Карелии. Автор выделил варианты каменной индустрии, которые отличаются неодинаковой степенью адаптации к источникам и видам местного и импортного сырья. Более того, он попытался связать эти варианты с разными формами организации общества через выявление стратегий добычи и использования сырья, используя модели, разработанные в «новой» археологии. В частности, А. Ю. Тарасов⁶⁵⁰ предполагает, что в среде охотников-рыболовов позднего энеолита возникла специализация на выделке не-

которых видов орудий, отражающая социальное расслоение общества. Хотя структура общества прямо не реконструируется на основе анализа каменных изделий и является результатом умозрительных суждений, постановка этих вопросов целесообразна при условии, что подобные построения не служат обязательной схемой для социальных реконструкций.

В культуре сетчатой керамики бронзового века резко изменилась модель адаптации. Поселений этого времени сравнительно немного (91), а на севере Карелии их вовсе нет. Население стало вести подвижный образ жизни лесных охотников, которые жили в наземных жилищах типа чумов. Резко сократилось применение местных пород камня, а использование асбеста и самородной меди полностью прекратилось. Нет признаков субстратной культуры, и прервались связи с Восточной Прибалтикой. Все традиционные элементы происходят из Верхнего Поволжья. Согласно М. Г. Косменко⁶⁵¹, это хорошо выраженная миграционная модель сложения культуры. Для нее характерны отсутствие субстратных элементов, полный разрыв прежних связей и низкий уровень экологического приспособления.

В культуре железного века сочетаются субстратные элементы и черты ананьинской культуры Прикамья⁶⁵². Образ жизни населения практически не изменился, хотя в полтора раза увеличилось число поселений (135), известных на всей территории Карелии. Однако в железном веке наблюдаются косвенные признаки специализации на пушной охоте. Основным направлением связей стал камско-уральский регион, откуда поступали бронзовые украшения, видимо, в обмен на меха. Степень экологической адаптации в железном веке выше, чем в эпоху бронзы. Возникло производство железа из озерной руды, и стали шире применяться другие местные минералы. Эта модель гибридизации инородной и местной культур сложилась в ходе инфильтрации населения из восточных регионов лесной зоны Европейской России.

В конце 1-го тысячелетия н. э. на большей части территории Карелии сформировалась бескерамическая охотничье-рыболовецкая культура, которая близка культуре лесных саамов Северной Фенноскандии, а в бассейне Онежского озера распространилась культура с лепной посудой, сходной с керамикой приладожских курганов⁶⁵³. Модель их экологической адаптации осталась прежней, но приуральские связи сменились на балтийско-волжские. Специализация на пушной охоте в раннем Средневековье стала более интенсивной. В первой половине 2-го тысячелетия н. э. распространились популяции карел в Западной и рус-

ских в Восточной Карелии. Это были земледельцы и животноводы с комплексным хозяйством. Однако на Белом море профиль их экономики существенно изменился в результате формирования промыслового хозяйства и торговли продуктами морских промыслов⁶⁵⁴.

Т. П. Амелина с разной степенью полноты освещает процессы адаптации основных этноязыковых групп населения бассейна Белого моря: саамов, карел и русских в Средневековье и Новом времени. Из-за недостатка археологических материалов она ограничивается изучением расселения этих народов, структуры и особенностей их хозяйства на основе анализа довольно отрывочных письменных документов, отчасти археологических данных. Несмотря на пробелы в источниках, обрисована общая картина динамики расселения упомянутых популяций на севере Карелии, которая соотносится с формированием адаптивных особенностей их хозяйства и культуры.

Впервые дана карта расселения средневековых саамов в южном и западном Беломорье, которая может служить общим ориентиром для археологов-медиевистов. Саамы продолжали обитать во внутренних районах морского бассейна. Они практиковали традиционные охотничье-рыболовецкие занятия и образ жизни, постепенно усваивая под влиянием карел и русских элементы земледельческо-животноводческого уклада хозяйства. Меньше письменных и нет археологических данных о динамике расселения и экономике переселенцев-карел в западной, особенно южной прибрежной зоне Белого моря. Наиболее подробно Т. П. Амелина характеризует процесс расселения русских и их адаптацию к приморской среде, в результате которой сложились поморы. Специфика адаптивной экономики поморов детальнее описана в сфере речного рыболовства и добычи соли, но морские промыслы охарактеризованы довольно бегло.

В южной и западной прибрежной зоне Белого моря многочисленны каменные сооружения⁶⁵⁵. Эти преимущественно новые материалы находятся на стыке тематики средневековой археологии и этнографии. Они позволяют легче понять социально-экономические мотивы адаптации средневекового населения в приморской зоне. В Беломорской Карелии выявлено около 1,3 тыс. каменных объектов и около 1 тыс. объектов известны на Соловецких островах в Архангельской обл. Это сооружения различного назначения минимум 9 видов: лабиринты, менгиры, пирамидки, каменные могилы, ямы, очаги, кучи, ленточные фундаменты деревянных строений и уникальные сложения.

Все сооружения находятся на побережье и островах Белого моря, на высоте от 2 до 120 м над его уровнем. Они сосредоточены на каменистых участках, но отсутствуют в Прибеломорской низменности. Их также нет на внутренних озерах и удаленных от берега морских террасах. Ясно, что каменные сооружения представляют собой чисто адаптивное явление, но по вопросу об их хронологии, функциях и принадлежности есть разногласия.

Сооружения Беломорья разные авторы приписывают мифическим гиперборейцам, реальным карелам, но чаще всего саамам и датируют от каменного века до начала массовой русской колонизации в XIV в. Их связывают с языческими культами и определяют как святилища, сейды, фаллические знаки, жертвенники, дольмены, зооморфные тотемы и т. п. Однако зоны концентрации каменных сооружений и поселений каменного века — раннего Средневековья заметно не совпадают. Очевидна диспропорция между массой якобы культовых сооружений и отсутствием сети поселений древних приморских культур. На побережье нет средневековых поселений саамов, а у саамов и карел внутренних районов Карелии нет подобных сооружений. Если допустить языческий культовый характер каменных объектов, то они повисают в этнокультурном вакууме.

В данной ситуации важно проследить связь каменных сооружений с природным и культурным контекстом. Поселения каменного века — раннего Средневековья обычно расположены выше 10 м над у. м., тогда как многие каменные объекты всех видов находятся ниже 5 м и датируются не раньше позднего Средневековья. Около сооружений всех видов зафиксирован только культурный контекст, связанный с морской промысловой деятельностью поморов. Промысловая культура поморов отличается от предшествующих форм адаптации к морской среде устройством специализированных сезонных пунктов за пределами деревень.

Поморы представляют собой локальную группу, которая сложилась к середине XVI в. из потомков русских крестьян-переселенцев на южном и карел на западном побережье моря. Они образуют не этноязыковую, а хозяйственно-культурную общность. Поморов объединила адаптивная ориентация экономики, а именно развитие товарных морских промыслов, включая морское рыболовство, зверобойный промысел и солеварение.

Непроизводственные сооружения обычно располагаются у старых поморских промысловых пунктов. Так, лабиринт на о. Красная Луда находится близ промыслового пункта. Сходным образом рас-

положены каменные менгиры. На каменной стеле у Мальострова в устье р. Сума высечена дата 1760 г. Менгиры никогда не сочетаются с береговыми и островными крестами, которые обычно тоже находятся у поморских промысловых пунктов. Они имели сходные функции и заменяли друг друга. К ним функционально близки невысокие пирамидки. Есть каменные кучи — подпоры островных и береговых деревянных крестов. Захоронения в каменных кучах совершены по православному обряду. По предварительному определению антрополога В. И. Хартановича, погребенные люди обладают европеидными чертами.

Производственно-бытовые сооружения тоже находятся в местах промысловой деятельности поморов. Это открытые очаги П-образной и подковообразной формы, а также ленточные фундаменты деревянных жилых и производственных построек. Многочисленны ямы и ледники для хранения припасов и продукции. Есть сооружения неясного назначения в виде крупных ям, куч и насыпей.

Каменные сооружения Беломорья можно в целом датировать XVI–XVIII вв. С одной стороны, они являются результатом экологической адаптации поморов и находятся возле старых промысловых пунктов. Поэтому ареал всех видов сооружений очень узок и ограничен прибрежной зоной. С другой стороны, состав, число и размещение сооружений зависели от ориентации, способов и масштабов промысловой деятельности поморов. Направления и объем промыслов определяла хозяйственная политика Соловецкого монастыря, который в начале XVII в. завладел всей прибрежной зоной южного и западного Беломорья. Монастырь поощрял морские промыслы и широко торговал их продукцией. Зона концентрации каменных сооружений полностью совпадает с зоной промысловой деятельности поморов в монастырских владениях.

Таким образом, процессы адаптации материальной культуры в древней и средневековой Карелии демонстрируют индивидуальные черты. Адаптация не протекала автоматически в стандартных формах, и вряд ли можно говорить о четкой типологии и регулярностях этих процессов. Во многом их определяли хозяйственно-культурные традиции и исторические обстоятельства. Например, инородная культура бронзового века слабо адаптировалась и к природной среде Карелии, и к субстратным культурам. Однако русские переселенцы быстро и эффективно приспособились к морским условиям, но не к культуре местных лесных саамов.

Трудно описать конкретные механизмы адаптации, но можно в общих чертах определить ее движущие силы. В каменном — бронзовом веках экологическое приспособление было ориентировано главным образом на самообеспечение природными ресурсами, однако остаются не вполне ясными конкретные формы и стимулы культурной адаптации. Видную роль играли субстратные традиции. Так, гибридные культуры, содержащие субстратный компонент, демонстрируют более высокую степень адаптации к природной среде, чем явно инородные культуры.

В железном веке и Средневековье заметным стимулом приспособления к природной среде Карелии стала хозяйственно-культурная адаптация в форме регулярной торговли продуктами промыслов. В результате сложилась специализация лесного населения на пушном промысле, отчасти железодельном производстве, а жители прибрежной зоны Беломорья в Средневековье начали специализироваться на морских промыслах. Каменные объекты в прибрежной зоне Белого моря представляют собой чисто адаптивное явление. Они имели разные функции и принадлежали морской промысловой культуре поморов позднего Средневековья и Нового времени. Эти сооружения связаны со специализированными промысловыми пунктами.

Модель сложения поморской культуры, принадлежавшей явно инородному смешанному русско-карельскому населению, отличает очень высокий уровень приспособления к морской среде при отсутствии видимых признаков адаптации к культуре соседних саамов. Вместе с тем поморы — потомки русских крестьян-переселенцев имели интенсивные торговые и иные контакты с исходными территориями Русской равнины, которые осуществлялись под патронажем Соловецкого монастыря. В этой модели хорошо выявляется зависимость формы экологического приспособления от хозяйственно-культурной адаптации, которая в данном случае приобрела форму массового производства и торгового обмена продуктов специализированных морских промыслов.

В конечном счете можно отметить прогресс в изучении адаптации материальной культуры древнего населения Карелии. Вместе с тем ясно, что многие адаптивные явления, особенно в каменном веке, требуют более длительного исследования, нежели трехлетний срок, отведенный для разработки этой тематики.

ОБ АДАПТАЦИИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ БЕРИНГИИ

Изучение многообразных социальных и биологических адаптаций коренного населения Крайнего Севера к экстремальным условиям среды актуально для современной российской археологии, этнологии, антропологии. Это обусловлено как общетеоретической значимостью наших знаний о возможностях вида *Homo sapiens* приспосабливаться к условиям экстремально холодного климата, так и высокой практической ценностью наших представлений о наиболее эффективных путях приспособления к комплексу негативных факторов высокоширотных природно-климатических условий.

То обстоятельство, что большая часть территорий России находится в пределах умеренно холодного и экстремально холодного климатических областей, означает, что наши знания о биологических адаптациях к низкотемпературному стрессу, гипоксии, сезонно недостаточной инсоляции и другим неблагоприятным средовым факторам, имеют важнейшее значение для сохранения здоровья как коренного, так и мигрантного населения в этих областях.

Древнейшие обитатели побережья Берингова моря, подробно изученные к настоящему времени, — охотники на морского зверя на крайнем северо-востоке России — эскимосы юпик. Как известно, численность популяции азиатских эскимосов составляет всего лишь малую долю всего инуито-юпикского мира, группы которого освоили огромные пространства арктической и субарктической зон Северной Америки, Гренландию. Воссозданию истории сложения групп азиатских эскимосов, формирования биологических, социальных, культурных адаптаций к условиям Крайнего Севера посвящены труды не одного поколения отечественных антропологов, археологов, этнографов.

Исследования современных эскимосских популяций позволили сформулировать представления о морфологических, физиологических и биохимических особенностях этих арктических аборигенов. Во многом на основании этих исследований, академиком Т. И. Алексеевой был описан арктический адаптивный тип⁶⁵⁶. Используя эти знания о морфологическом и физиологическом своеобразии коренных жителей Арктики, можно воссоздать особенности адаптивных процессов в группах древнего эскимосского населения. Разработка этой задачи, методологическая база которой была обоснована и апробирована ранее, стала целью нашего исследования. Для этого были привлечены ряд

методов современных биоархеологических реконструкций.

В основу исследования положены палеоантропологические материалы из коллекций НИИ и Музея антропологии МГУ им. Д. Н. Анучина и Института археологии РАН, полученные из раскопок широко известных археологических памятников — некрополей Эквен и Уэлен. Могильник Эквен — крупнейший погребальный памятник Азиатской Берингии. Открыт в 1961 г. Д. А. Сергеевым в ходе работ экспедиции Института этнографии АН СССР⁶⁵⁷. Раскопки древнеэскимосского некрополя Уэлен проводились Д. А. Сергеевым, М. Г. Левиным, Н. Н. Диковым, С. А. Арутюновым с 1955 по 1960 г. Погребения этих двух памятников относятся к древнеберингоморской и уэленоквикской культурам, пунукской и бирнирской культурам⁶⁵⁸.

Для изучения процессов адаптации в древности первостепенно важны данные о хронологии заселения Чукотского п-ова древними охотниками на морского зверя. В последние годы была проведена большая работа по пересмотру полученных ранее дат⁶⁵⁹. К повторной датировке памятников специалистов побудили новые знания о геохимии изотопа углерода. Феномен резервуарного эффекта⁶⁶⁰ выражается в ложном увеличении возраста объектов, что обусловлено поступлением углерода из океанических источников. Повторно были датированы материалы из древнейших погребальных памятников Азиатской Берингии — некрополей Эквен и Уэлен⁶⁶¹.

Разница калиброванных дат по морским и наземным образцам для древнеэскимосских памятников побережья Чукотского п-ова и Берингии составляет примерно от 50 до 500 лет⁶⁶². Итак, самые ранние датировки древнеэскимосского поселения Эквен переместились в середину I в. до н. э., не ранее. Самые поздние погребения относятся к середине 2-го тысячелетия н. э.

В целом проблема заселения племенами юпик и инуитами Арктики до сих пор не решена однозначно. Так, в работах Нельсона и Макджи⁶⁶³ приводятся данные о необычайно древней дате (около 3,5 тыс. лет) костяного наконечника стрелы культуры Туле. Они обосновывают возможность бытования традиции использования древних костных материалов для изготовления охотничьего оружия. В связи с этим обстоятельством авторы выражают сомнения по поводу интерпретации ряда дат по памятникам

археологических культур, связанных с древнеэскимосским населением Арктики.

Исследования этногенетических и приспособительных процессов на базе краниологических данных проводились ранее академиком Т. И. Алексеевой⁶⁶⁴. Характеризуя краниологические особенности серий черепов из некрополей Эквен и Уэлен, Т. И. Алексеева пишет: «Поразительная гомогенность эскимосских серий, охватывающая полутора-тысячелетний период, может, с моей точки зрения, иметь лишь одно объяснение: отбор в экстремальных условиях Арктики способствовал сохранению лишь наиболее адекватного этим условиям антропологического типа. Он характеризуется крайней длинноголовостью, очень большой высотой черепа, очень крупным лицом и весьма узким носом. Внутригрупповая варибельность признаков резко сужена, особенно в женской серии»⁶⁶⁵. Для воссоздания процессов адаптации среди древнеэскимосского населения мы обратились к изучению палеодемографии, анализу встречаемости маркеров стресса⁶⁶⁶, реконструкции интенсивности физических нагрузок и особенностей питания.

Половозрастная структура палеоантропологических серий из некрополей позволяет составить представление об основных демографических особенностях древнеэскимосского общества. Средний возраст смерти в обеих группах колеблется около 33 лет (32,2 — для группы из Уэлена и 33,6 — для группы из Эквена). На основании полученных параметров можно судить о том, что средняя продолжительность жизни в древнеэскимосском обществе была невелика. Другой общей чертой следует назвать различие в этом параметре для мужчин и женщин. В среднем мужчины из эквенской палеопопуляции жили около 36 лет (35,6 года), а уэленской — около 35 лет (34,9 года). Средний возраст смерти женщин устойчиво ниже. В палеопопуляции эквенского некрополя он составляет около 32 лет (31,6 года) и уэленской — около 30 (30,1 года).

Итак, мужчины в среднем жили на 4–5 лет дольше женщин. Причины этих различий могут быть выяснены при более подробном рассмотрении динамики смертности в группе. На *рис. 106–107* отчетливо видно, что в возрасте 14–19 и 20–25 лет чаще умирали женщины. Вероятно, причиной тому могли быть стрессы периода вынашивания, рождения и вскармливания ребенка. Зачастую сходная демографическая структура встречается в палеопопуляциях с высоким уровнем рождаемости. О ранней и высокой рождаемости упоминает И. И. Крупник в своем фундаментальном труде «Арктическая этнология».

Анализ характера встречаемости маркеров физиологического стресса позволяет воссоздавать факторы среды, оказывающие наибольшее неблаго-

приятное воздействие на здоровье людей. Рассмотрим частоты встречаемости некоторых из них.

Cribra orbitalia — маркер анемических состояний. Признак отмечен у 33 % индивидов из серии некрополя Уэлен (*рис. 108*). Это значение следует отнести к разряду относительно высоких. Частота встречаемости маркера среди взрослых мужчин и женщин различается незначительно (29 и 34 % соответственно). Гораздо чаще фиксировался признак на детских черепах. У 57 % индивидов детского и подросткового возраста обнаружена *Cribra orbitalia*. На основании этих данных можно предположить, что анемические состояния встречались у детей примерно вдвое чаще, чем у взрослых. Очевидно, что анемии могли быть одной из наиболее распространенных причин детской смертности.

В серии из некрополя Эквен признак встречается примерно у 30 % индивидов. У женщин признак встречается чаще, чем у мужчин (34 и 22 %). Максимальная частота встречаемости маркера отмечена в детской группе (46 %). В пределах всех детских возрастов наиболее стрессовым оказался самый младший — до 5 лет. В целом стрессовые нагрузки, судя по результатам фиксации этого признака в группах из двух некрополей, чрезвычайно велики. Для сравнения приведем сводные данные по эскимосам Аляски: частота *cribra orbitalia* не превышает 17 %⁶⁶⁷.

Сосудистая реакция на костях свода черепа и лицевого скелета. При охлаждении отдельных участков тела происходит расширение периферических кровеносных сосудов. Они образуют рисунок, напоминающий пористую поверхность апельсиновой корки⁶⁶⁸. Этот признак отмечается на своде черепа — на лобной, теменных и затылочной костях.

В серии из Уэлена следы холодового стресса отмечены у половины всех обследованных. Эта величина может быть отнесена к разряду высоких. Частота встречаемости признака в детской выборке не превышает 28 % (*рис. 109*). Значительно чаще встречаются проявления сосудистых реакций у взрослых. Так, 69 % мужских и 40 % женских черепов имеют эти признаки. Обе величины могут быть отнесены к разряду высоких. Очевидно, что долгому пребыванию на холодном воздухе в гораздо большей степени были подвержены мужчины, нежели женщины и дети. Это достаточно ожидаемый вывод лишь подтверждает, что мужчины большую часть времени проводили на охоте, в то время как женщины и дети основную часть суток пребывали дома, занимаясь хозяйством.

Во многом сходная картина выявлена и для серии из Эквенского некрополя. В детской части серии этот признак отмечен у 17,86 % индивидов. У взрослых женщин частота встречаемости этого признака поднимается до 76,92 %, а у мужчин

достигает 90,59 %. Население, оставившее Эквенский могильник, значительно больше было подвержено низкотемпературному стрессу. В остальной тенденции, отмеченные для палеопопуляции из Уэлена, оказались сходными.

Эмалевая гипоплазия — маркер стрессов детского возраста. Дефекты эмали зубов обнаружены у 75 % детей и подростков из некрополя Уэлен (рис. 110). У мужчин из Уэленского могильника эмалевая гипоплазия отмечена в 70 % случаев, а среди женщин — в 54 %. Очевидно, что в этой палеопопуляции очень высока частота стрессов детства.

В серии из Эквенского некрополя эмалевая гипоплазия отмечена у 70 % индивидов. Наибольшая частота встречаемости индикатора отмечена среди детей — 86 %. Для взрослых мужчин и женщин частота встречаемости эмалевой гипоплазии составляет 69 %. Важно отметить, что оба пола в равной мере испытывают стрессы в детском возрасте.

Итак, для древнеэскимосских популяций характерны высокие показатели частоты встречаемости всех трех изученных маркеров стресса. На основании полученных данных можно предполагать, что основным фактором, оказывавшим значимое селективное влияние, могло быть недоедание, т. к. именно маркер анемичных состояний чаще встречается у детей. Очевидно, что особую роль играет стабильное высококалорийное и насыщенное витаминами питание. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что сложение эффективного экономического уклада морских зверобоев было неотъемлемой составляющей формирования данного варианта арктического адаптивного типа.

Согласно полученным данным, лидирующее место среди прочих неблагоприятных средовых факторов занимает низкая температура и ветер. Важно отметить и гораздо более редкие случаи появления васкулярных реакций у детей. Ранее мы интерпретировали этот факт как свидетельство тщательного ухода за детьми. Сегодня можно расширить наши интерпретации. Полученный факт свидетельствует о том, что низкие температуры стабильно оказывали явное стрессовое воздействие и, следовательно, сам процесс адаптации находился в активной фазе.

Особый источник получения знаний об интенсивности давления среды — характеристика износа зубной системы. Из этнографии известен факт широкого использования эскимосами зубов в различных технологических операциях. Степень рабочего износа коронок зубов, всего челюстного аппарата, таким образом, зависит от общей интенсивности хозяйственной деятельности. Получены данные о раннем и крайне интенсивном износе всей зубной системы. Это проявляется в ранней утрате зубов, сильной стертости зубной коронки, зачастую до корня зуба (рис. 111). Очевидно, что такая степень

износа зубочелюстного аппарата свидетельствует о высокой интенсивности хозяйственной деятельности, связанной с изготовлением охотничьего снаряжения.

Как отмечалось выше, высококалорийный рацион, насыщенный белками и витаминами, — основа системы жизнеобеспечения в условиях Крайнего Севера. Данные о содержании стабильных изотопов азота и углерода в костной ткани индивидов из погребений могут быть использованы для реконструкции состава рациона питания древнего населения. Интенсивность накопления стабильных изотопов углерода и азота была определена на базе результатов изотопного анализа, выполненного в изотопной лаборатории департамента океанографии Университета Британской Колумбии. Полученные результаты позволили констатировать, что рацион древних обитателей Азиатской Берингии полностью состоял из продуктов морского происхождения. Основу рациона составляли животные 2–3-го трофического уровня пищевой пирамиды. Состав обычной каждодневной пищи мужчин и женщин был сходен, что также указывает на равные условия полов в обеспечении питанием.

Одна из важнейших задач в изучении адаптаций обществ древних зверобоев — выявление эпихальной динамики охотничьего промысла. Археозоологические материалы фиксируют известную смену основных промысловых видов у носителей различных археологических культур⁶⁶⁹. В связи с этим особый интерес представляют палеодиетологические реконструкции, выполненные для представителей различных археологических культур от древнеберингоморской до пунукской. Уникальная хронологическая протяженность существования эквенского некрополя позволила рассмотреть динамику особенностей питания единой популяции на протяжении практически тысячи лет. Были проанализированы 17 образцов костной ткани из погребений древнеберингоморской культуры и 4 — из погребений биркрикского и пунукского времени. Эти группы немногочисленны, поэтому выводы носят предварительный характер.

Показатели содержания стабильных изотопов азота и углерода в костной ткани индивидов из погребений древнеберингоморской культуры и погребений биркрикско-пунукского времени оказались практически равными. Это указывает на отсутствие значимых изменений в структуре питания. Изотопный анализ не дает оснований полагать, что носители традиций археологических культур существенно меняли набор основных промысловых видов. Однако для образцов более позднего возраста — второй половины 1-го тысячелетия н. э. и позже — фиксируется легкое снижение показателей по изотопу азота, что информирует о возможном переходе на

добычу более низкого трофического уровня. Как известно, киты, питающиеся планктоном, составляют первый уровень консументов в пищевой пирамиде морского биотопа Арктики. Возможно, полученный предварительный результат свидетельствует о повышении удельной доли китового мяса в рационе индивидов из погребений второй половины 1-го тысячелетия н. э.

Методы исторической экологии человека позволили выявить основные негативные факторы среды, приспособление к которым было наиболее важно для выживания популяций древних охотников на морского зверя, обитавших на азиатском побережье Берингова моря. Неблагополучные демографические характеристики свидетельствуют о значительном давлении неблагоприятных средовых факторов. Среди наиболее селективно значимых стрессов следует выделить анемические состояния, которые могли формироваться на фоне

недоедания или авитаминозов. В связи с этим становится очевидной необходимость формирования эффективной системы жизнеобеспечения, основанной на охоте на морского зверя. Мясо и жир этих животных могли обеспечить потребности в необходимых калориях, протеинах и витаминах. Становление физиологических адаптаций могло осуществляться на фоне эффективной работы системы жизнеобеспечения.

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует неразрывность социальных и биологических адаптаций, формирование которых позволяло выживать популяциям древних обитателей арктических морей. На примере палеоэкологического исследования обществ древней Берингии мы убеждаемся в неправомерности поиска приоритетов социальных или биологических адаптаций, т. к. они представляют собой единую систему. Эти системы и являются предметом палеоэкологических реконструкций, проведение которых возможно лишь на базе комплексных междисциплинарных исследований.

Хартанович В. И., Ширококов И. Г.

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ОБОНЕЖЬЯ

Географическое понятие «Обонежье» известно в новгородских источниках начиная с XII в.⁶⁷⁰ Территориальное наполнение этого термина со временем менялось⁶⁷¹, но сейчас под Обонежьем подразумевается территория, окружающая бассейн Онежского озера.

Обонежье выделяется как специфическая историко-культурная зона, входящая в более обширный историко-культурный ареал — от озер Средней Карелии на западе до междуречья Онеги и Северной Двины на востоке⁶⁷².

В пределах Обонежья отсутствуют цельные и замкнутые этнические территории, стабильные межэтнические границы. В этнолингвистическом отношении Обонежье представляет собой, по образному выражению А. С. Герда⁶⁷³, «...как бы ковер, в котором один доминирующий цвет незаметно и плавно переходит в другой, а сами тона и краски разных частей этого ковра по-разному сочетаются между собой в разных его местах». Такая картина сложилась вследствие того, что «...исторически Обонежье предстает как своеобразный котел, который тысячелетиями втягивал в себя с юга и юго-востока различные племена и народы, пройдя через

которые они шли дальше на Север к Белому морю, и на восток, к великим рекам Русского Севера»⁶⁷⁴.

Современная этнолингвистическая ситуация, из которой складываются краски Обонежского «ковра», выглядит следующим образом⁶⁷⁵. Русские населяют Восточное и в значительной части Южное Обонежье, Заонежский п-ов в Северном Обонежье, Посвирье — в Юго-Западном. Вепсы (северная, прионежская группа) расселены в узкой полосе непосредственно вдоль юго-западного побережья Онежского озера. Карельский-людиковский ареал охватывает Западное Обонежье на всем протяжении Онежского озера с юга на север. За северо-западными пределами Обонежья начинается современный собственнокарельский ареал, однако отдельные собственнокарельские элементы в языке и топонимии встречаются на всем Обонежье.

В прошлом территория расселения вепсов существенно отличалась от современной. Еще в XIX–XX вв. она включала более обширные районы к северо-западу — до Заонежья и к юго-востоку — до р. Свирь и Вытегорского уезда Вологодской губ. В Восточном Обонежье, в бассейне р. Водла, есть

этнографические и лингвистические основания предполагать присутствие вепсского субстрата в более раннее время⁶⁷⁶.

Таким образом, ряд исторических, лингвистических и этнографических аргументов указывают на вепсское прошлое всего Обонежья, отдельные зоны которого были впоследствии колонизованы предками современных карел из Северо-Западного Приладожья (преимущественно Западное и Северо-Западное Обонежье) и русскими выходцами из псковско-новгородских земель (преимущественно Восточное Обонежье и Северное Заонежье). Отмечены также потоки так называемой низовской московской колонизации из Белозерья в Южное и Восточное Обонежье⁶⁷⁷.

Вместе с тем в русских, вепсских, карельских говорах Обонежья в топонимии региона сохранились следы языковых пластов, по-видимому, предшествующих современным языкам, распространенным на этой территории.

Так, в вепсском языке, ливвиковском и людиковском диалектах карельского языка, в лексике русских говоров Обонежья выделяется ряд признаков, интерпретируемых из саамского языка. Саамская (интерпретируемая на основе саамского языка) топонимия присутствует на всей территории Обонежья, превалируя в восточной ее части. Следы такой топонимики обнаруживаются в обширнейшем регионе — от Фенноскандии (и вне пределов современного расселения саамов) до Верхней Волги, Северной Двины, территории расселения коми, и Обонежье входит в качестве составной части в этот ареал⁶⁷⁸.

По-видимому, это свидетельствует о том, что территория Обонежья до прихода сюда прибалтийских финнов и славян входила в зону распространения населения, говорившего на языке, родственном современному саамскому. Это языковые следы населения, непосредственно предшествовавшего прибалтийско-финскому и, вероятно, вошедшему в состав и саамского этноса. Вместе с тем подчеркивается, что «саамский язык Обонежья в период, предшествовавший прибалтийско-финскому освоению, очевидно, не был адекватен современным саамским языкам севера Фенноскандии» и «...речь может идти не о собственно саамском, а о более раннем языковым состоянии, сближенном с праязыковым»⁶⁷⁹.

В целом же анализ лингвистического материала свидетельствует о длительном влиянии на Обонежье идущих из Поволжья языковых контактов. Возможно, это были контакты с вымершими субстратными языками Поволжья⁶⁸⁰.

Таким образом, все вместе взятые данные этнографии, лингвистики, летописных исторических источников свидетельствуют о сложном, многоком-

понентном формировании населения Обонежья. На фоне многочисленных и проработанных материалов перечисленных дисциплин весьма скромно выглядят источники по антропологии о населении региона. Это материалы по соматологии населения Заонежья. Северное Обонежье входит в область распространения беломорского (по Н. Н. Чебоксарову) или ильменско-беломорского типа (по М. В. Витову). Его происхождение Н. Н. Чебоксаров связывал с дорусским чудским компонентом⁶⁸¹. М. В. Витов полагал, что появление ильменско-беломорского типа на Русском Севере непосредственно связано с новгородской колонизацией, тогда как у карел, вепсов, коми этот тип почти не проявляется. В своем предположении исследователь опирается на более широкую базу данных по соматологии русских Северо-Западного региона, а также находит ему подтверждения в данных этнографии и лингвистики⁶⁸².

Материалы по палеоантропологии и краниологии, в частности, если не отсутствовали полностью, то были крайне малочисленны. Речь идет об краниостеологической серии из могильника на Южном Оленьем острове Онежского озера, датирующейся эпохой камня⁶⁸³. Могильник, расположенный на острове в северной части Онежского озера, близком Заонежскому полуострову, входит по своему географическому положению в Обонежский ареал. Эти материалы, несмотря на их высокую научную значимость и всемирную известность, конечно, не могут осветить всю длительную историю формирования антропологического состава населения региона хотя бы в силу их отдаленности от современности несколькими тысячелетиями. Иные палеоантропологические материалы из Обонежья, как и Восточной Карелии в целом, отсутствовали до последнего времени полностью.

В основе настоящей статьи лежит исследование первой близкой к современности краниологической серии из Северного Обонежья.

В мае–июне 2006 г. отдел антропологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН вместе с ФГУК «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник “Кижи”» проводил охранно-строительные раскопки на Кижском погосте. Целью работ было получение первых краниостеологических материалов, характеризующих антропологический состав местного населения XVII — начала XX вв.

Сам о. Кижи расположен в непосредственной близости от Заонежского п-ова. До организации там музея-заповедника на протяжении длительного времени был центром одноименной административной единицы, объединяющей население окружающих остров населенных пунктов. Так,

например, еще в XV–XVI вв. в состав Заонежской половины Обонежской пятины Новгородских земель входил Кижский погост (в данном случае погост — административная единица), охватывающий территорию южной части Заонежского п-ова с прилегающими к нему о. — Кижь, Большим и Малым Клименецким, Северным и Южным Оленьими⁶⁸⁴. Это была достаточно населенная территория — согласно писцовой книге 1582 г., в Кижском погосте было отмечено «115 деревень живущих и 88 запустевших».

Кижский погост располагается в южной части о. Кижь, на территории архитектурно-музейного комплекса, в непосредственной близости от стен Преображенского и Покровского соборов.

Южная часть самого погоста, по визуальным наблюдениям, была определена как наиболее поздняя, сохраняющая статус действующего погребального объекта, с сохранившимися надмогильными сооружениями. Отчетливо читаются контуры погребений, над погребениями сохранились деревянные кресты и грунтовые насыпи.

В отличие от южной, в северной части погоста не сохранились внешние признаки погребений — надмогильные сооружения, провалы почвы или насыпные холмики. Раскопки производились на территории северной части погоста — у северной и северо-восточной стен Преображенского собора (рис. 112, 113). Раскопки закладывались внешней стенкой на расстоянии около 2–2,5 м от стен. По завершении работ все антропологические останки были перезахоронены на территории Кижского погоста.

Исследования выполнены на площади 14 м² в двух раскопах с прирезками. Удалось установить следующие элементы погребального обряда. Умершие были захоронены в деревянных гробах, с ориентировкой запад–восток, головой на восток. Положение костяков в ненарушенных погребениях — везде вытянутое, на спине, со скрещенными в области тазовых костей руками, головой на запад. В раскопе № II зафиксированы отдельные случаи перекрытия верхней крышки гроба (возможно, крышка была не цельной, а состояла из 2–3 продольных плах-жердей) берестой поперечными кусками по всей площади крышки с загибами по бокам. В заполнении раскопа № II постоянно встречались отдельные мелкие, переотложенные, фрагменты бересты. В раскопе № III гробовищ с берестяным перекрытием не обнаружено, как и следов бересты в заполнении.

Найденные при раскопках монеты хронологически не выходят за рамки середины XIX — начала XX в. Вероятно, это может свидетельствовать об относительно поздней традиции бросания монет в могилу усопшего, в случае если данный погребаль-

ный памятник имеет более длительную историю функционирования.

Степень сохранности археологических находок в целом хорошая. Массовые находки представлены в основном железными гвоздями разной формы и времени изготовления и фрагментами кожаной обуви. К числу единичных находок следует отнести монеты XIX — начала XX в., медные нательные кресты различных форм, пуговицы, ледоходные шипы и образки с изображением святого.

Выявлены следы неоднократных перекопов на площади всех раскопов. Четко фиксируется разрозненное, переотложенное, положение отдельных костей скелетов на всей площади раскопов и на всю глубину слоя, следы перемещений костей в грунте после захоронения. Кроме костного материала, остатки погребальных конструкций и инвентаря — части гробовищ из досок, гробовищ из досок с берестой, отдельные фрагменты бересты, железные гвозди, остатки обуви — также фиксировались в переотложенном состоянии по всей площади, на разных уровнях и перекрывали друг друга.

Такая ситуация представляется следствием как нарушения ранних погребений более поздними, так и, возможно, результатом нарушения части погребений разновременными строительными перемещениями грунта.

Степень сохранности антропологических материалов *in situ* удовлетворительная. Большая же часть обнаруженных при раскопках костных материалов находилась разрозненно в переотложенных слоях и в крайне плохом состоянии. Переотложенные находки представлены в основном фрагментами длинных костей и черепных коробок, практически всегда сломанных, разрушенных. Такая степень сохранности объясняется как механическими воздействиями при неоднократных перекопах и перемещениях костей в грунте, так и особенностями самого грунта, который по своему составу (каменистый суглинок) также не способствовал их консервации.

Обращает на себя внимание значительное количество фрагментов костей различных скелетов, найденных на относительно небольшой площади раскопов. Идентифицированы костные фрагменты и костяки, принадлежавшие по меньшей мере 40–50 индивидуумам. Так, в раскопе № II (без прирезки) выявлены разрозненные останки 26 взрослых субъектов разного возраста на площади 2×2 м и глубине слоя 80–120 см. Аналогичное положение зафиксировано и в раскопе № III (без прирезки) — площадь раскопа — 2×2 м, глубина слоя — 80–100 см. Выявлены останки костяков 21 взрослого индивида разного возраста. Как представляется, в «нормальной» ситуации — при непотревоженном положении на одном уровне — на таких площадях

(4 м²) может размещаться не более 2–4 погребений взрослых.

Полученные данные позволяют предполагать длительный хронологический период функционирования данного погребального памятника (в случае если останки переотложенных костяков не были перемещены в массовом порядке в слои изученных раскопов с других территорий погоста при строительных работах). Достоверно определить конкретные временные рамки такого периода, его нижнюю хронологическую границу, на основании имеющихся данных не представляется возможным. Но, несомненно, такой период должен быть достаточным для того, чтобы историческая традиция, этические и санитарные нормы местного населения позволяли проводить на участках погоста, уже занятых под более ранние погребения, неоднократные новые захоронения. Вполне вероятно, что ранние погребения (костные останки из них и должны находиться в переотложенном и фрагментированном состоянии) могут в хронологическом отношении достаточно далеко опускаться за рамки середины XIX — начала XX в. — времени бытования обнаруженных явных датированных предметов (монеты).

Таким образом, в результате раскопок на Кижском погосте получена первая краниологическая серия, характеризующая антропологические особенности местного населения, по-видимому, XIX — начало XX в. Всего было изучено 17 мужских и 5 женских черепов.

Мужские черепа (*табл. 12*) в целом грацильные, мышечный рельеф выражен очень умеренно. Характеризуются короткой, но достаточно широкой, мезобрахикранной формы, черепной коробкой. Высота черепа небольшая и по абсолютному размеру,

и по высотно-продольному и высотно-поперечному указателям. Лоб скорее узкий, наклонный. Лицевой скелет средней высоты и по абсолютному размеру, и по верхнему лицевому, и по вертикальному фациоцеребральному указателям. Лицо скорее узкое по скуловому диаметру, ортогнатное по общему лицевому углу и мезогнатное — по указателю. Заметна некоторая уплощенность лицевого скелета на обоих уровнях и на уровне точки назион, и на уровне точки субспинале. Орбиты узкие и низкие по абсолютным размерам, орбитный указатель относится к категории средних величин. Грушевидное отверстие низкое, но широкое, носовой указатель — большой. Переносье и носовые кости в целом широкие, средней высоты, дакриальный и симотический указатели невелики. Угол выступания носовых костей к линии профиля относится к категории средних величин.

Средние характеристики женских черепов (*табл. 12*) несколько отличаются от основных параметров мужских черепов. Черепа средней длины и ширины, с мезобрахикранной черепной коробкой. Высота черепа имеет среднюю величину. Лицевой скелет скорее узкий, средней высоты, ортогнатный по общему лицевому углу. Величины назомаллярного и зигомаксиллярного углов меньше, чем в мужской части выборки, и свидетельствуют о резкой горизонтальной профилировке лицевого скелета у женщин. Орбиты, так же как и в серии мужских черепов, скорее узкие и низкие по абсолютным размерам, средней величины по указателю. Грушевидное отверстие характеризуют средние размеры. Переносье и носовые кости средней ширины, высокие, дакриальный и симотический указатели большие. Угол выступания носовых костей к линии профиля небольшой.

Таблица 12

Средние размеры и указатели краниологической серии из могильника о. Кижы

№ по Мартину и др.	Признаки	Мужские черепа			Женские черепа		
		n	X	sd	n	X	sd
1	Продольный диаметр	16	178,6	7,4	5	171,4	6,5
8	Поперечный диаметр	16	142,4	5,0	5	137,0	5,8
8:1	Черепной указатель	15	80,3	3,6	5	80,0	3,8
17	Высотный диаметр	15	133,3	8,5	5	129,8	5,9
17:1	Высотно-продольный указатель	14	75,6	4,0	5	75,9	5,8
17:8	Высотно-поперечный указатель	15	93,6	6,2	5	95	7,4
9	Наименьшая ширина лба	16	95,8	5,4	4	92,0	5,7
45	Скуловой диаметр	7	132,9	4,5	3	122,7	2,3
48	Верхняя высота лица	7	71,3	5,8	5	66,8	3,6
55	Высота носа	9	50,8	5,8	5	48,6	4,0
54	Ширина носа	9	26,6	3,9	5	24,6	2,7

№ по Мартину и др.	Признаки	Мужские черепа			Женские черепа		
		n	X	sd	n	X	sd
54:55	Носовой указатель	9	52,5	7,1	5	51,1	82
51	Ширина орбиты от mf	8	39,8	2,0	5	38,8	1,5
51a	Ширина орбиты от d	7	36,7	2,0	5	36,0	1,6
52	Высота орбиты	8	32,6	3,2	5	33,6	2,6
52:51	Орбитный указатель от mf	8	82,3	9,2	5	86,8	8,9
77	Назональный угол	9	142,8	3,4	4	138,3	3,9
zm'	Зигмаксиллярный угол	5	131,8	3,6	4	124,8	2,4
SC	Симотическая ширина	10	9,0	2,6	5	8,5	2,2
SS	Симотическая высота	10	3,8	1,2	5	3,7	0,8
SS:SC	Симотический указатель	10	43,2	9,3	5	45,6	15,0
DC	Дакриальная ширина	6	24,4	0,5	3	23,9	4,7
DS	Дакриальная высота	6	12,6	1,6	3	12,6	1,3
DS:DC	Дакриальный указатель	6	51,7	6,4	3	54,7	15,6
72	Общий лицевой угол	6	82,2	3,5	5	79,6	4,1
73	Средний лицевой угол	7	84,9	1,8	5	83	4,2
75(1)	Угол выступания носа	5	27,0	7,2	4	22,5	3,3

Таким образом, краниологическая серия из Кижского погоста в целом характеризуется общей грацильностью. Черепная коробка брахикранная, с небольшими продольными и значительными поперечными диаметрами, невысокая. Лицевой скелет неширокий, умеренной высоты, ортогнатный, с узкими орбитами, но широким грушевидным отверстием.

Вместе с тем обращает на себя внимание существенный размах вариации индивидуальных измерений ряда признаков в представленной серии. А в таком значимом для этой территории показателе, как высотный диаметр черепной коробки⁶⁸⁵, квадратическое отклонение на достоверном уровне ($p < 0,01$) превышает среднюю величину «стандартных» квадратических отклонений⁶⁸⁶, даже несмотря на небольшую численность выборки. Представляется, что усредненная характеристика серии черепов из Кижского погоста не отражает в полной мере комплексы, на основе которых скорее всего складывался облик кижан.

С целью предварительного (учитывая малочисленность выборки) выявления составляющих серию морфологических вариантов она была разделена на две группы, в соответствии с величиной высотного диаметра черепа (табл. 13). При значительной разнице в высоте черепной коробки (отчетливо проявляющейся не только в абсолютной величине высотного диаметра, но и в относительных параметрах — высотно-продольном и высотно-поперечном указателях) группы заметно различаются по массивности черепа в целом при сохранении сходных характеристик лицевого скелета. В качестве тенденции можно отметить более уплощенный лицевой скелет и умеренно выступающие носовые кости в группе «низкоголовых» кижан.

Для рассмотрения положения изучаемых материалов в составе населения Северной и Восточной Европы применялся канонический анализ (программа Б. А. Козинцева).

Таблица 13

Средние размеры и указатели двух групп мужских черепов из могильника о. Кизи

№ по Мартину и др.	Признаки	I группа			II группа		
		n	X	sd	n	X	sd
1	Продольный диаметр	7	180,1	6,0	7	174,9	5,6
8	Поперечный диаметр	7	145,0	4,6	7	139,7	5,1
8:1	Черепной указатель	7	80,6	4,4	7	80,0	3,3
17	Высотный диаметр	7	141,0	4,5	7	127,4	3,0
17:1	Высотно-продольный указатель	7	78,3	3,0	7	72,9	3,1
17:8	Высотно-поперечный указатель	7	97,4	6,2	7	91,3	3,2
9	Наименьшая ширина лба	7	98,3	6,2	7	92,4	3,0
45	Скуловой диаметр	3	134,3	2,5	4	131,8	5,6

№ по Марти-ну и др.	Признаки	I группа			II группа		
		n	X	sd	n	X	sd
55	Высота носа	5	51,0	7,4	4	50,5	4,1
54	Ширина носа	4	25,0	2,6	4	25,8	1,0
54:55	Носовой указатель	4	50,1	6,1	4	51,1	2,7
51	Ширина орбиты от mf	4	40,5	1,3	4	39,0	2,4
52	Высота орбиты	4	33,5	4,5	4	31,8	1,3
52:51	Орбитный указатель от mf	4	82,8	11,5	4	81,8	7,9
77	Назомаллярный угол	5	142,6	4,2	4	143,0	2,8
zm'	Зигомаксиллярный угол	3	131,3	3,5	2	132,5	4,9
SC	Симотическая ширина	5	8,2	3,6	5	9,7	0,9
SS	Симотическая высота	5	3,8	1,8	5	3,7	0,4
SS:SC	Симотический указатель	5	47,8	11,2	5	38,5	3,8
DC	Дакриальная ширина	3	24,3	0,4	3	24,5	0,6
DS	Дакриальная высота	3	12,7	2,4	3	12,5	0,7
DS:DC	Дакриальный указатель	3	52,2	9,5	3	51,2	3,3
72	Общий лицевой угол	3	82,7	4,6	3	81,7	2,9
73	Средний лицевой угол	4	84,8	2,1	3	85,0	1,7
75	Угол наклона носовых костей	4	54,0	5,4	2	56,0	–
75(1)	Угол выступления носа	3	27,3	10,2	2	26,5	–

По 10 признакам исследовались, кроме двух выделенных групп с о. Кизи, 62 краниологические серии русских северо-западных губерний, карел, ижоры, финнов, эстонцев, коми-зырян, коми-пермяков, саамов Кольского п-ова, эстонцев, латышей, шведов Финляндии и о. Рухну (Эстония), а также марийцев, мордвы и удмуртов (табл. 14). Нагрузки признаков в канонических переменных приведены в табл. 15. На графике (рис. 114) показано положение рассматриваемых групп в пространстве I и II канонических векторов, отражающих в сумме 77,8 % общей изменчивости.

Первый канонический вектор (54,4 % изменчивости) определяет в первую очередь отрицательную связь между величиной поперечного диаметра, высотой лица и углом выступления носа, с одной стороны, и углами горизонтальной профилировки лицевого скелета — с другой. Таким образом, согласно нагрузкам признаков по первой канонической переменной, брахикранные черепа с низким лицевым скелетом и умеренно выступающим носом отличаются более ослабленной профилировкой лицевого скелета. На графике отчетливо видно, что саамские и в меньшей степени удмуртские группы, самые грацильные из представленных серий, с наиболее уплощенным лицевым скелетом, занимают область отрицательных значений. Противоположную часть графика занимают группы прибалтийского региона (латыши, эстонцы, некоторые группы финнов), а также шведы.

По нагрузкам признаков второго канонического вектора (23,4 % общей изменчивости) наи-

большее значение имеют величины высотного и поперечного диаметров, высоты лица и угла выступления носа, а также зигомаксиллярного угла. Вторая каноническая переменная свидетельствует о том, что при ослаблении профилировки лицевого скелета на нижнем уровне возрастает степень брахикрании, увеличиваются высотные размеры черепной коробки и лицевого скелета, угол выступления носа.

Второй вектор показывает обособленное положение карельских групп, а также серий коми и ижоры, для которых характерен специфический краниологический комплекс, в котором значительная величина высотного диаметра сочетается с некоторой уплощенностью лицевого скелета на верхнем уровне и сильно выступающими носовыми костями. В отрицательном поле значений вновь относительно обособленно располагаются саамские группы.

В целом в пространстве обоих канонических переменных на графике заметно, что финские, эстонские, латышские серии, группы русских не образуют компактных скоплений, а отдельные группы распределяются по различным областям общего поля. По-видимому, такое положение говорит о сложности истории формирования антропологического состава перечисленных народов. Здесь присутствуют различные морфологические комплексы, связанные с группами разного происхождения.

Исключение составляют карельские и саамские серии черепов, образующие на графике доста-

**Близкие к современности краниологические серии с территории Восточной и Северной Европы,
привлеченные для сравнительного анализа**

№	Серия	Источник	№	Серия	Источник
1	Кижы	Настоящее издание	33	Горные	Алексеев, 1969
РУССКИЕ			34	Луговые	Там же
2	Архангельская губ.	Алексеев, 1969	МОРДВА		
3	Олонецкая губ.	Там же	35	Эрзя	Алексеев, 1969
4	Петербургская губ.	— " —	36	Терюхане	Там же
5	Новгородская губ.	— " —	37	Мокша	— " —
6	Псковская губ.	— " —	ЛАТЫШИ		
7	Себеж	— " —	38	Дурбе	Алексеев, 1969
8	Вологодская губ.	— " —	39	Западные	Там же
9	Старая Ладога	— " —	40	Восточные	— " —
КАРЕЛЫ			41	Ратуланы	Зариня, 1990
10	Суйстамо I	Хартанович, 1986	42	Орманькалнс	Там же
11	Турха	Там же	43	Дудиняс	Денисова, 1977
12	Кондиевуара	— " —	44	Яункандава	Там же
13	Пеккавуара	— " —	45	Lts	— " —
14	Боконвуара	— " —	46	Леймани	— " —
15	Компаково	— " —	47	Пургайли	— " —
16	Чикша	— " —	ЭСТОНЦЫ		
17	Регярви	— " —	48	Кабина	Марк, 1956
ФИННЫ			49	Кохтла-Ярве	Там же
18	Саво	Хартанович, 1995	50	Варбола	— " —
19	Хяме	Там же	51	Аймла	
20	Уусима	— " —	52	Ряпина	
21	Хельсинки	— " —	ИЖОРА		
22	Варсинайс-Суоми	— " —	53	Лишпово	Хартанович, 2004
23	Педерсере	— " —	КОМИ-ЗЫРЯНЕ		
24	Южная Похъянмаа	— " —	54	Подъяльск	Хартанович, 1991
25	Северная Похъянмаа	— " —	55	Грива	Там же
26	Сатакунта	— " —	СААМЫ		
27	Ингерманландия	Алексеев, 1969	56	Северная Салма	Хартанович, 2004
28	Суйстамо II	Хартанович, 1986	57	Чальмны-Варрэ	Хартанович, 1980
29	Куркиёки	Хартанович, 1990	58	Пулозеро	— " —
КОМИ-ПЕРМЯКИ			59	Варзино	— " —
30	Коми-пермяки	Алексеев, 1969	60	Иоканга	— " —
УДМУРТЫ			61	Финляндия	Алексеев, 1974
31	Северные	Алексеев, 1969	ШВЕДЫ		
32	Южные	Там же	62	Остров Рухну	Алексеев, 1974
МАРИЙЦЫ			63	Финляндия	Там же

Значения канонических векторов для 64 близких к современности
краниологических серий с территории Восточной Европы

№ по Мартину	Признаки	KB1	KB2	KB3
1	Продольный диаметр	0,614	-0,163	0,605
8	Поперечный диаметр	-0,277	0,502	-0,055
17	Высотный диаметр	0,125	0,896	0,237
9	Наименьшая ширина лба	0,38	0,356	0,225
45	Скуловой диаметр	-0,139	0,368	0,565
48	Верхняя высота лица	0,476	0,448	-0,334
77	Назомаллярный угол	-0,811	0,245	0,158
<zm'	Зигомаксиллярный угол	-0,415	-0,413	0,319
SS:SC	Симотический указатель	0,054	0,100	0,015
75(1)	Угол выступания носа	0,559	0,385	0,297
% общей изменчивости		54,387	23,367	12,517

точно обособленные поля, свидетельствующие (наряду с морфологическими характеристиками серий черепов карел, с одной стороны, и саамов — с другой) об общности и специфичности преобладающих в составе этих народов комплексов признаков.

Первая кижская группа (высокоголовые черепа) занимает место среди карельских серий. Наиболее сходными с ней оказываются серии из населенных пунктов средней и Южной Карелии — Кондиевуара, Пеккавуара, Боконвуара, географически близко расположенных к Северо-Западному Обонежью. Действительно, здесь вполне отчетливо выражены те основные особенности карельских серий черепов, которые определяют их специфику в составе остального населения Евразии. Это очень большая, близкая к мировому максимуму для современного населения высота черепной коробки, мезо-брахикrania, сочетание некоторой уплощенности лицевого скелета на верхнем уровне с клиногнатностью — на среднем уровне, при достаточно сильном выступании носовых костей к линии профиля.

Сходство первой группы с карельскими сериями, по всей видимости, не случайно. Морфологическая близость подтверждается данными различных исторических дисциплин о присутствии в ныне полностью русскоязычном Заонежье групп карельского населения еще в недавнем прошлом⁶⁸⁷. Существенным представляется то обстоятельство, что в могильнике на о. Кижии проявляется наиболее специфичный для карельских серий черепов морфологический комплекс признаков, распространенный в более западных районах, в отличие от присутствующего в близком к расселению русскоязычного населения районе Беломорска — могильник Компаково⁶⁸⁸.

Вторая группа (низкоголовые черепа) занимает на первый взгляд несколько неожиданное положение: она сходна с саамами Финляндии, саамами Кольского п-ова из прибрежных районов — Иоканга и Варзино, а также с некоторыми поволжскими финноязычными народами — луговыми марийцами, мордве мокша. В этой группе особенности черепов из Компаково, отличавшие их от остальных карельских, выражены еще заметнее. Низкоголовые черепа из Кижей явно грацильнее черепов с очень высокой черепной коробкой, профилировка лицевого скелета ослаблена. Морфологические особенности, как и положение группы на графике, подтверждают сходство части черепов из Кижского погоста с черепами перечисленных групп населения. Следует отметить, что подобный комплекс признаков на краниологических материалах встречен впервые на территории Обонежья и Карелии в целом.

Саамы Финляндии и Кольского п-ова из прибрежных районов, поволжские финноязычные народы хотя и расположены друг от друга на значительном географическом удалении, но и вместе с тем характеризуются общими основными элементами комплекса краниологических признаков. Весьма вероятно, что «низкоголовая» группа кижской серии черепов отражает реально существовавший в древности антропологический пласт населения Карелии (возможно, и гораздо более обширной территории), имеющий общее происхождение с предками современных саамов, волжских финноязычных народов. И в какой-то степени «закрывает», таким образом, северный территориальный разрыв между ареалами современного распространения грацильных, низкоголовых, с несколько ослабленной горизонтальной профилировкой лица на обоих уровнях антропо-

логических вариантов: Фенноскандия — с одной стороны и Поволжье — с другой.

Не исключено, что в «низкоголовой» группе кижских черепов проявляются и антропологические черты вепсского населения, присутствие которого в Обонежье, как уже отмечалось, фиксируется данными лингвистики и этнографии и которое, вероятно, и являлось своего рода мостом между западным и восточным ареалами. Так, некоторые исследователи выделяют специфические особенности вепсского языка, позволяющие видеть в вепсах «звено той цепи народов, которая соединяла прибалто-финнов с волжскими языковыми родственниками»⁶⁸⁹. Языковые особенности вепсов могли также являться следствием длительных волжско-финских (юго-восточных) импульсов в Обонежье⁶⁹⁰ или быть результатом древних контактов с вымершими субстратными языками Поволжья⁶⁹¹. К сожалению, детально осветить на краниологических материалах антропологическую специфику вепсов в настоящее время не представляется возможным — представительные, близкие к современности серии черепов вепсов отсутствуют.

Таким образом, в краниологических материалах XVIII — начала XX в. с о. Кизи были выделены два морфологических компонента. Один из них обнаруживает ближайшие аналогии в сериях черепов карел и, по-видимому, в своем генезисе связан с

древнейшим, мезолитическим населением восточнобалтийского ареала⁶⁹².

Другой, фиксируемый на территории Карелии впервые, проявляет сходство с черепами части саамского населения Фенноскандии и Кольского п-ова, некоторых восточнофинских народов. Следует подчеркнуть, что такое антропологическое сходство скорее всего является следствием присутствия на территории Карелии древнего субстратного населения, вошедшего в результате длительного исторического развития лишь одним из компонентов в антропологический состав как собственно саамов, так некоторых других финноязычных народов.

Но его все же не следует напрямую интерпретировать как доказательство распространения на обширных территориях Восточной Европы населения, в языковом, этнокультурном, антропологическом отношении тождественного современным саамам севера Фенноскандии и Кольского п-ова. Современные саамы Крайнего Севера Европы имели свою собственную историю развития. И особенности отдельных серий черепов саамов, происходящих из центральных районов Кольского п-ова⁶⁹³, древние находки на Кольском п-ове⁶⁹⁴, свидетельствуют, что в основе формирования их антропологического облика скорее всего лежал иной, нежели представленный в материалах с о. Кизи, антропологический пласт.

Балуева Т. С., Веселовская Е. В., Григорьева О. М., Пестряков А. П.

СТАНОВЛЕНИЕ И ДИНАМИКА ОБЛИКА НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ И КАЗАХСТАНА

В данной работе представлены результаты исследования — визуальной характеристики внешнего облика населения Сибири и Казахстана от неолита до современности. Для этого привлекались краниологические материалы из большого количества могильников, по которым был выполнен ряд скульптурных и графических реконструкций, в каждом случае выполненная реконструкция сопровождалась антропологическим описанием в виде словесного портрета. Уникальная методика прогнозирования живого лица на основе черепа (так называемая программа краниофациального соответствия), разработанная в лаборатории антропологической реконструкции, позволяет переходить от признаков черепа к признакам лица с особым упором на индивидуальные особенности черепа⁶⁹⁵. Эта программа с большой точностью воспроизводит внешний облик конкретного индивидуума, характеризуя его и как

представителя определенного антропологического типа, и как индивидуальность с присущей ей физиономической неповторимостью.

В основу программы легли исследования, которые проводились на живых людях и позволили получить большой по своей численности материал. Изучение соотношений между внешними признаками лица и их костной основой проводилось в сочетании с исследованием толщины мягких покровов лица методом ультразвукового зондирования.

В результате комплексного анализа было показано, что полученные зависимости между элементами внешности и соответствующими им структурами черепа являются в общих чертах схожими для представителей европеоидных и монголоидных народов, а также для мужчин и женщин, т. е. элементы внешности полностью зависят от подлежащих структур черепа и его индивидуальность отражается на инди-

видуальности лица⁶⁹⁶. Этот принцип является основополагающим, и поэтому восстановление лица по черепу широко применяется в судебной практике⁶⁹⁷.

Плодом многолетних трудов лаборатории явилось создание программы краниофациального соответствия⁶⁹⁸. Эта программа представляет собой алгоритм перехода от черепа к живому лицу, и на ее основе создают не только графический или скульптурный портрет, но также получают полную измерительную и описательную характеристику живого лица (так называемый словесный портрет по черепу). В своей основе программа краниофациального соответствия опирается на принятые в мире антропометрические и антропоскопические методы. Принципиально новым шагом в развитии метода восстановления лица по черепу является расчет категорий размеров живого лица. Индексы и градации ряда признаков рассчитывались на различающихся в расовом отношении группах, специально для нужд разработанной нами программы словесного портрета, который выполняется на основе черепа.

Комплекс прогнозируемых признаков разделен на три категории соответственно различным подходам к их реконструкции на живом лице. Некоторые антропометрические признаки можно получить из краниометрических путем простого сложения черепных размеров с толщиной мягких тканей в соответствующих точках. Это касается прежде всего продольного и поперечного диаметров головы, скулового и нижнечелюстного диаметров, наименьшей ширины лба, морфологической высоты лица.

Вторую категорию составляют такие размеры, как высота носа, верхняя высота лица, биорбитальная ширина и некоторые другие, которые примерно равны черепным размерам.

Ряд же признаков головы, не имеющих прямых аналогов на черепе, отнесены к третьей категории. К таковым относятся высота и ширина ушной раковины, ширина носа и рта, размеры глазной щели и т. п. Во внешнем облике эти размеры играют далеко не последнюю роль. Хрящевая часть носа, пожалуй, наименее прогнозируемая область человеческого лица, однако наряду с глазами и губами является важнейшей характеристикой индивидуального облика. В таких случаях необходимо использовать уравнения регрессии, рассчитанные на основе многомерного корреляционного и регрессионного анализа исследованных групп населения разной этнической принадлежности. Так, например, в отношении ширины носа получены высокие показатели связи с расстоянием между альвеолярными возвышениями клыков на уровне субспинале. Ширина рта в значительной степени зависит от ширины зубной дуги. Таким образом, уже в настоящее время можно считать вполне корректным вычисление ряда признаков по уравнениям регрессии, где в качестве независимых параметров выступают размеры черепа (табл. 16).

Применение этой программы дает уникальную возможность палеореконструкции облика древних популяций на основе анализа краниологического материала из отдельных могильников.

Таблица 16

Прогнозирование измерительных признаков лица (по данным регрессионного анализа)

Прогнозируемый признак лица	Признак на черепе	Уравнение регрессии (верхняя строка для мужских черепов, нижняя для женских)
Физиономическая высота лица (ФВЛ)	Морфологическая высота лица (МВЛ)	ФВЛ = 90,515+0,748×(МВЛ+6 мм*) ФВЛ = 86,357+0,746×(МВЛ+6 мм*)
Высота уха (ВУ)	Морфологическая высота лица (МВЛ)	ВУ = 55,488+0,073×(МВЛ+6 мм*) ВУ = 45,650+0,110×(МВЛ+6 мм*)
Ширина носа (ШН)	Ширина между клыковыми точками (ШМК)	ШН = 18,035+0,444×ШМК ШН = 17,390+0,424×ШМК
Ширина между носогубными складками (ШМН-ГС)	Ширина между клыковыми точками (ШМК)	ШМН-ГС = 21,744+0,843×ШМК ШМН-ГС = 19,607+0,805×ШМК
Ширина фильтра (ШФ)	Ширина между клыковыми точками (ШМК)	ШФ = 7,295+0,118×ШМК ШФ = 2,792+0,202×ШМК
Ширина рта (ШР)	Ширина зубной дуги на уровне вторых премоляров	ШР = 21,817+0,700×ШРм ² ШР = 27,905+0,512×ШРм ²

* Толщина мягких тканей на точке гнатион.

Опыт палеорекострукции

Первый опыт такой палеорекострукции был осуществлен на контрольной краниологической выборке представителей арктической расы с территории Дальнего Востока рубежа нашей эры (могильник Эквен). Выборка составила мужские и женские черепа. По каждому черепу был составлен индивидуальный словесный портрет по методике краниофациального соответствия и выполнены графические реконструкции. На основе обобщенных словесных портретов и усредненных размерных характеристик, полученных в ходе палеорекострукции, было проведено сравнение реконструированной популяции с современным эскимосским населением этой же территории в терминах антропометрии и антропоскопии живого лица. Прослежена хронологическая изменчивость физического облика на базе исследования генеалогической преемственности изученных групп.

Население, оставившее Эквенский могильник, обладало достаточным единообразием по форме головы в целом и по строению отдельных элементов лица. Многие из этих особенностей являются типичными для эскимосов (рис. 115). К их числу можно отнести килевидную форму головы; высокое, пентагоноидное в анфас, достаточно широкое лицо; слабую горизонтальную профилировку лица, длинный и узкий нос, заметный прогнатизм, низкий и узкий лоб; большой скуловой и нижнечелюстной диаметры. Комплекс этих признаков является, возможно, наиболее устойчивым во времени и прослеживается до наших дней.

В целом современные эскимосы более грацильны, чем древние эскимосы Эквенского могильника. Анализ выявляет, что по многим размерным характеристикам различия не случайны. Следует, например, отметить значительный сдвиг в размерах носа. У современных эскимосов нос стал шире. При этом морфологическая высота лица осталась прежней. Таким образом, произошло изменение распределения высоты лица по этажам (табл. 17).

Таблица 17

Сравнительный анализ антропометрических признаков (мужчины)

Признак	Реконструированная выборка (Эквен)	Современные эскимосы	Значения Т-критерия	Достоверность
Продольный диаметр	203,93	189,91	8,28*	0,000
Поперечный диаметр	146,67	157,34	-6,15*	0,000
Головной указатель	71,95	82,93	-9,93*	0,000
Наим. ширина лба	110,33	109,28	0,76	0,449
Скуловой диаметр	151,36	149,95	0,90	0,369
Нижнечелюстной диаметр	132,21	119,86	7,65*	0,000
Физион. высота лица	191,29	195,86	-1,38	0,171
Морфол. высота лица	134,33	137,00	-1,18	0,243
Лицевой указатель	89,37	91,42	-1,29	0,203
Высота носа	70,47	63,12	5,67*	0,000
Ширина носа	33,20	39,77	-8,78*	0,000
Носовой указатель	47,18	63,27	-10,72*	0,000
Ширина рта	60,74	55,88	4,25*	0,000

* Различия достоверны на высочайшем уровне значимости.

В суровых условиях Севера любое изменение проходит через жесткий отбор. Известны корреляции носового указателя со среднегодовой температурой воздуха и с влажностью воздуха, т. е. размеры носа отражают адаптацию к условиям климата.

Интересно, что по большинству расово-диагностических характеристик изменений за прошедшие два тысячелетия не произошло. Можно предположить, что к моменту, когда был образован

Эквенский могильник, уже сформировался и закрепился в генотипе устойчивый комплекс признаков, отличающих эту группу. Выбирая наиболее благоприятные для охоты места, древние популяции обеспечивали себе длительное стабильное существование на одной территории. Из-за специфики промысла морских зверобоев эскимосские поселки существовали в течение многих столетий. И вследствие этого нельзя исключить влияние адаптивных

процессов на формирование современного антропологического типа эскимосов (*рис. 116*).

Причины эпохальной изменчивости заключены в сильном смешении с береговыми чукчами, не исключая при этом влияния адаптации. Исторические данные указывают, что чукчи в значительной степени переняли у эскимосов их культуру и длительное время существовали на перекрывающихся с ними территориях.

Динамика антропологического облика древних популяций Сибири и Казахстана

В основу анализа изменчивости были положены краниологические материалы из большого числа могильников с изучаемой территории. Список их приводится ниже.

Неолит: могильники Коскудук (Западный Казахстан); Протока и Сопка (юг Западной Сибири).

Бронза: Икпень-I (Федоровская к-ра, XV–XIV вв. до н. э., Казахстан), Кара-Тумсук (Алакульская к-ра, Казахстан XV в. до н. э.).

Раннее железо: (скифское время) (VII–III вв. до н. э.). Могильники: Гумаровский (Южный Урал), Акалаха, Берел, Тар-Асу (Пазырыкские курганы Алтая), Маймер (Западный Казахстан), Кудайколь-1 (Тасмолинская к-ра, VII–III вв. до н. э., Павлодарская обл., Северо-Восточный Казахстан), Кеген (VII в. до н. э. – III в. н. э., Южный Казахстан), Майбулак (саки, VII–III вв. н. э., Казахстан). Гунно-сарматское время (последние века до н. э. – первые века н. э.), могильники: Филипповские курганы (Южный Урал), Исаковка, Коконовка, Стрижево (Омское Прииртышье, III–IV вв., саргатская культура), Старолыбаевский (Тюменская обл.), Алтын-Асар (Приаралье), Томпак-Асар (Приаралье), Лебедевка (V в. до н. э., Казахстан, Уральская обл.), Сарлытам (Западный Казахстан, Мангышлак), Сары-Камыс (Западный Казахстан), Танаберген-II (Савроматская к-ра, VII–III вв., Западный Казахстан), Илекшар (Сарматы, II в. до н. э. и Савроматы, VII–III вв., Актюбинская обл., Западный Казахстан; Терен (святилище) (III в. до н. э., Западный Казахстан, Мангистаусская обл.), Дикилтас (Актюбинская обл., Западный Казахстан), Кеген (III–VI вв. н. э., Южный Казахстан), Караагаш (хунну, Центральный Казахстан, III–VI вв.), Биен-I (усуни, II в. до н. э. – IV в. н. э., Казахстан).

Раннее средневековье (тюркское время). Могильники: Кокмардан (кангуй, II в. до н. э. – VIII в. н. э., Южный Казахстан), Борижар (тюрки, V–VIII вв., Чимкентская обл., Южный Казахстан), Бирский (бахмутинская к-ра, VII–VIII вв. н. э., Северо-Западная Башкирия).

Развитое средневековье. Могильники: Лесозавод (кимакское время, IX–XI вв., Северный Казахстан),

Талгар (XI–XII вв., карлуки, Талды-Курганская обл., Восточный Казахстан), Копа (кипчаки, XII–XIII вв. н. э., Казахстан), Баганаты (кипчаки, Петропавловская обл., XII–XIII вв. н. э., Казахстан), Байкара (монголы, XIII в., Северный Казахстан, Петропавловская обл.), Сарай-Берке (Золотая Орда), Жаман-Каргала-I (Золотая Орда, XII–XIV вв., Западный Казахстан, Актюбинская обл.), Песчаный остров (Золотая Орда, конец XIV – начало XV вв. н. э., Казань).

На базе проведенного комплексного анализа всего материала, включая изучение изменчивости ростовых процессов черепа, в географическом и хронологическом аспектах можно сделать следующие выводы. В неолите на территории Сибири и Казахстана население характеризовалось относительной разнородностью в пределах большого европеоидного ствола. Характерные для современного населения Сибири и Казахстана антропологические комплексы еще не сформировались (могильники Протока, Сопка, Коскудук) (*рис. 117, 118*).

Во все последующие изученные хронологические периоды в степном регионе, в хозяйственном отношении доминировали племена кочевых скотоводов, представители которых характеризуются исключительно европеоидными расовыми чертами со значительной вертикальной и горизонтальной профилировкой (Гумаровские курганы, Акалаха, Сопка, Маймер и т. д.) (*рис. 119*). В юго-восточной части Казахстана фиксируется значительная примесь грацильного средиземноморского типа, например материалы могильников Кудайколь-I и Кеген, Чиликты (*рис. 120*). Лишь в некоторых наиболее восточных районах изучаемого региона среди населения фиксируется небольшая монголоидная примесь.

На северо-востоке Казахстана преобладающим компонентом антропологического облика является морфотип со смешанным выражением европеоидных и монголоидных черт, определяющийся в сочетании большой высоты и ширины лица с сильным выступанием носа (могильники Берел, Тар-Асу, Кыргаулды и т. д.) (*рис. 121*).

Население сарматского и гуннского времени (последние века до н. э. – первые века н. э.) также отличается решительным преобладанием европеоидного антропологического типа со специфическим морфологическим комплексом, характеризующимся матуризованным, широким и несколько уплощенным лицом, выступающим носом, мезобрахикранией, относительно низкосводным, крупным по абсолютным размерам черепом (памятники Филипповские курганы, Алтын-Асар, Старолыбаевский, Исаковка, Коконовка, Лебедевка и т. д.) (*рис. 122–124*). В это же гунно-сарматское время здесь в заметной степени фиксируется обычай

искусственной деформации черепа (могильники Томпак-Асар, Алтын-Асар и др.) (рис. 125, 126), придающий облику неповторимое своеобразие.

В гуннское время на территорию Казахстана просачиваются популяции, имеющие заметные монголоидные расовые черты — более уплощенное лицо, менее выступающий нос, развитая складка верхнего века (могильники Сарлытам, Танаберген, Дикилтас, Стрижево, Сары-Камыс, Кеген) (рис. 127).

Раннее средневековье характеризуется появлением и распространением древних тюрков на изучаемой территории (Конгюй, Борижар, Биен, Каракыстак и т. д.) (рис. 128). И в это время в степи также преобладают европеоиды, но уже явственно проступают некоторые монголоидные черты. Например, популяция, оставившая могильник Лесозавод в Центральном Казахстане (кимакское время — IX–XI вв.), характеризуется большими размерами черепа при малых высотных, очень широким и высоким лицом при его довольно сильном уплощении в назомалярной области. Сходными чертами обладало население, оставившее могильники Талгар, Бозок и некоторые другие (Восточный Казахстан) (рис. 129).

Совершенно иначе выглядело население в позднем средневековье. Оно приобретает устойчивый европеоидно-монголоидный облик со слабо профилированным лицом и достаточно выраженным развитием складки верхнего века (рис. 130).

В целом население изучаемого хронологического периода от неолита до развитого средневековья характеризуется неуклонным ростом монголоидного расового компонента на фоне в целом европеоидного по облику населения. В результате основная часть населения приобретает облик уральской и южносибирской контактной, европеоидно-монголоидной расы (Подчеган, Талгар, Баганаты, Шидерты, Копа, Жаман-Каргала и т. д.) (рис. 131).

Использованные оригинальные методы позволили получить новые специфические характеристики изученных популяций, которые невозможно получить с помощью традиционных антропологических исследований. Также была создана новая галерея графических и скульптурных портретов, иллюстрирующая смену антропологических типов в пространстве и во времени.

Аксянова Г. А., Дубова Н. А., Евтеев А. А., Рыкушина Г. В.

АНАЛИЗ ПОСЛЕДСТВИЙ АДАПТАЦИИ У НЕКОТОРЫХ ЕВРАЗИЙСКИХ ГРУПП (по данным краниологии, соматологии и одонтологии)

Человек — в высшей степени адаптивное биосоциальное существо, подтверждением чему служит, в частности, заметный полиморфизм аборигенных популяций различных географических зон нашей планеты. Огромные и географически очень разнообразные пространства России, массовые дальние миграции последнего столетия, все ускоряющаяся смена антропологического покрова многих территорий не только ставят проблему адаптивных возможностей человеческого организма, но позволяют проанализировать ее с позиций влияния неоднородных факторов окружающей среды.

Цель настоящего проекта — фундаментальное исследование антропологического своеобразие евразийского населения различных регионов и эпох в аспекте биологической адаптации популяций *Homo sapiens* к изменяющимся природным и социальным условиям жизни.

Предметом исследования является вариабельность расовых физических комплексов у коренного населения Европы и Азии, преимущественно контактной зоны. Данная группа биологических ха-

рактеристик человека специфична как социально значимый маркер миграций населения, межгруппового смешения, изоляции.

Адаптации человека к природным и социальным условиям среды анализируются при помощи трех независимых систем антропологических признаков (краниология, расовая соматология, одонтология) в одновременных евразийских популяциях из разных географических зон. Хронологические рамки исследуемого материала — от поздней бронзы (карасукская культура) до рубежа XX–XXI вв. Географические границы — от циркумполярных районов Евразии до Алтае-Саянского нагорья, от Русской равнины и степей Причерноморья до Средней Азии и Индокитая. Культурное и этническое представительство — десятки могильников нескольких археологических культур, десятки этно-территориальных групп разных языковых семей и хозяйственно-культурных типов. Обобщаются данные по нескольким тысячам индивидуальных объектов исследования.

Исследовательская работа проведена в трех направлениях:

- 1) палеоантропология и одонтология носителей карасукской культуры;
- 2) формирование антропологического состава коренного населения Северного Приуралья и Западной Сибири по данным соматологии, одонтологии;
- 3) феномен полового диморфизма краниологических, расоводиагностических и одонтологических признаков.

Основные задачи исследования:

- 1) проанализировать антропологическую характеристику населения карасукской культуры Минусинской котловины и его межгрупповые связи по данным краниологии, одонтологии; разработать концепцию формирования населения данной культуры с учетом географических и социальных факторов;
- 2) дать комплексную сравнительную характеристику территории, народов Западно-Сибирской равнины и Горного Алтая по данным физической географии, этнодемографии, этнографии, антропологии;
- 3) разработать концепцию формирования коренного населения Урало-Западно-Сибирского региона по данным соматологии и одонтологии;
- 4) изучить антропологические результаты процесса межэтнического (межрасового) смешения в современных популяциях разных субрегионов Западной Сибири и Приуралья по данным соматологии, одонтологии;
- 5) завершить авторскую работу над двумя индивидуальными монографиями;
- 6) изучить феномен полового диморфизма в популяциях контрастных географических регионов Евразии по трем системам признаков — краниологии, соматологии, одонтологии;
- 7) пополнить антропологический фонд ИЭА РАН документированными полевыми материалами (фотографии и бланки обследования взрослого населения).

В научный оборот вводится большой и хорошо сопоставимый авторский материал, рассмотренный в широком сравнительном контексте. Данное исследование подводит итоги работам отечественных антропологов за XX в. по указанным направлениям.

В опубликованной по результатам проекта монографии Г. В. Рыкушиной «Палеоантропология карасукской культуры»⁶⁹⁹ содержится богатый фактический материал по населению Минусинской котловины эпохи бронзы, который впервые вводится в научный оборот. Приведены индивидуальные данные измерений черепов.

Результаты краниологического и одонтологического изучения палеоантропологических мате-

риалов карасукского времени свидетельствуют о морфологическом своеобразии населения этого периода: сочетании особенностей двух расовых стволов, которое связано прежде всего с естественно-географическим положением Алтае-Саянского нагорья, являвшегося в эпоху бронзы восточной окраиной распространения европеоидной расы. Доказывается существование самостоятельного центра брахикефализации в эпоху бронзы на территории Алтае-Саянского нагорья. Это позволяет рассматривать этот регион как специфический очаг расообразования.

Основные перемещения внутри Минусинской котловины в раннекарасукское время, вероятно, были обусловлены продвижением европеоидных групп населения с юго-запада по верховьям Абакана и его притокам на Средний Енисей и вытеснением части аборигенного населения в северные районы обитания. Это вызвало очередную волну метисации, на начальных этапах носившую характер механического смешения, что объясняет определенную гомогенность населения на популяционном уровне сравнения.

Различия в антропологическом типе населения собственно карасукских и каменоложских могильников не могут быть объяснены трансформационными перестройками черепа, что является доказательством существования на данной территории двух этнокультурных пластов, представленных, с одной стороны, окуневцами и карасукцами, с другой — афанасьевцами, андроновцами и каменоложцами.

Объяснить монголоидные особенности у населения карасукского времени влиянием представителей узколицевого дальневосточного типа не представляется возможным. Гиперморфность карасукского населения, вероятно, обусловлена включением в его состав потомков окуневцев, характеризовавшихся некоторой архаичностью, отмечаемой и на карасукских черепах. Вероятно, этим же можно объяснить и сохранение некоторых архаичных черт в зубной системе карасукцев. Общая мегаморфность на этой территории могла возникнуть и в результате метисации. Дискутируется вопрос о центральноазиатских включениях. Уральская и южносибирская комбинации признаков на территории Алтае-Саянского нагорья формируются при участии как местных, так и пришлых европеоидных и монголоидных (протомонголоидных?) элементов. Увеличение числа черепов с экваториальными особенностями заставляет вспомнить о довольно ранних миграциях населения из более южных районов, хотя, как и раньше, наблюдается значительный расовый полиморфизм.

Помимо этого исследования комплексно анализировались материалы по этнической антропологии

в массиве локальных групп Западной Сибири и ряда соседних территорий. На карте все анализируемые территории образуют треугольник, вершинами которого являются Кольский п-ов, Таймыр и Алтае-Саянское нагорье. Здесь по соматологическим данным у автохтонных народов ясно документируется несколько расовых комплексов, отражающих взаимодействие западных и восточных евразийских форм: мезенско-печорско-вычегодский, ильменско-беломорский (коми-зыряне), волго-камский (удмурты, бесермяне), лапоноидный (саамы), североуральский (ненцы), собственно уральский (обско-угорский — ханты, манси), обь-иртышский (селькупы южные, чулымцы, татары сибирские), североалтайский (шорцы, телеуты, тубалары, кумандинцы), катангский (энцы, нганасаны, часть эвенков), енисейский (кеты), южносибирский (хакасы, теленгиты), центральноазиатский (алтайкижи). Все они связаны переходными вариантами и сами в большинстве своем являются результатом межрасового смешения (рис. 132).

Проведена каталогизация фотоматериалов в трех группах северо-востока Европы: подписаны все фотоотпечатки в коллекциях коми, коми-ненецких метисов, колвинских ненцев (более 300 мужчин и женщин в трех проекциях). Оформлен фотоальбом. Оцифрована часть этой и других фотоколлекций по народам Крайнего Севера. Разобраны и подробно подписаны 500 антропологических фотографий по экспедициям 1990–1993 гг. в Томскую обл. и оформлено четыре альбома (нарымские селькупы, селькупо-русские метисы, русские старожилы — по три проекции).

Г. А. Аксяновой подготовлена рукопись монографии «Антропология народов Северного Приуралья и Западной Сибири». Документирован расовый состав коренного населения обширной территории уральского и алтайского регионов на период второй половины XX в. (соматологическая программа) и XVII–XX вв. (одонтологическая программа). Антропологические сведения даны в едином комплексе с географическими, этнографическими, демографическими сведениями, фамильным составом выборки. Обобщены полевые материалы автора по локальным группам многих автохтонных народов: финно-уграм (коми, удмурты, бесермяне, ханты, манси), самодийцам (ненцы, селькупы и сравнительная группа нганасан), тюркам (сибирские татары, чулымцы, шорцы, хакасы, тубалары, алтайкижи, теленгиты) и кетам — более 4 тыс. человек современного взрослого населения (физический облик мужчин и женщин) и около 3 тыс. человек по зубной программе.

В многомерный статистический анализ интегрирован весь опубликованный и методически сопоставимый литературный материал. Представлена

история исследований изученных народов, образцы антропологических фотографий из фотоколлекций автора, подробные сведения по соматологической и одонтологической характеристике этнотерриториальных групп, сравнительный анализ материалов в евразийском и региональном масштабе. Сформулированы концепции антропологического формирования уральской группы типов (расы), ряда уралоязычных народов (коми, ненцев, селькупов, хантов), а также чулымских тюрков и кетов.

Значительное внимание уделено современному процессу межнационального смешения и его антропологическим последствиям. Этот аспект наиболее подробно разработан для коми-ненецкого пограничья в бассейне Печоры, селькупо-русского и чулымско-русского населения в Томской обл., контактов сибирских и волго-уральских татар в Омской обл. На современном уровне рассмотрена проблема европеоидно-монголоидного перехода в урало-алтайском пространстве, показана вариативность промежуточных расовых комплексов. Надежно документированы результаты биологического взаимовлияния автохтонного и пришлого населения, изменение антропологического состава малочисленных народов в связи с историческими процессами миграций и метисации.

Все разнообразие антропологических комплексов, описанных для народов Северного Приуралья и Западной Сибири (от коми на северо-востоке Европы, ненцев в европейских и азиатских тундрах до теленгитов на юге Горного Алтая), формировалось на смешанной европеоидно-монголоидной основе и является зоной постепенного перехода восточноевропейских антропологических типов к восточносибирским формам.

Западная Сибирь представляет собой территорию, где у автохтонного населения распространены два промежуточных расовых комплекса, внутренне неоднородных: 1) уральская группа типов, или западносибирская раса; 2) южносибирская группа типов. Первый комплекс представлен преимущественно у народов равнинной территории, а второй — у народов предгорных и горных территорий. Однако сама межрасовая граница довольно условная и определяется лишь более или менее выраженным преобладанием одного из комплексов. У всех уральских народов Западной Сибири были отмечены следы южного влияния. Изложенный материал дает целостную картину по антропологии большинства коренных народов Западной Сибири, подводит итог изучению их физической внешности за XX в.

Обширные цифровые материалы могут быть использованы как источниковая база в научных исследованиях. Работа не имеет аналогов по этническому и географическому охвату аборигенного и русского старожильческого населения, обследованного од-

ним автором по унифицированной соматологической программе в сочетании с системным подходом к изучению контактной территории Евразии. Все это существенно повышает надежность расо- и этногенетических выводов. Актуальность исследования связана с быстрыми изменениями в антропологическом составе населения Западной Сибири, очень низкой долей автохтонных народов, увеличением в их составе доли национально-смешанных потомков, главным образом с этническими русскими. Практическое значение имеет краеведческая направленность работы, научное отражение результатов межрасового смешения.

По данным переписи 1989 г., Западная Сибирь — эта обширная контактная территория, географическая середина нашей страны — в конце XX в. характеризовалась многомиллионным и полиэтничным постоянным населением. В целом здесь преобладали жители городских поселений, женщины, этнические русские, лица, признающие русский язык родным.

Максимальной специфичностью этнодемографического пейзажа среди западносибирских субъектов характеризуются ЯНАО и Республика Алтай, т. е. районы экстремальных физико-географических условий в регионе. Так, доля аборигенных народов, по средним для субъектов данным, преимущественно варьировала в разряде очень низких величин (0,01–3,2 %, с учетом условной доли татарского населения), а в этих двух субъектах составила 6 и 31 % соответственно. Доля автохтонных этнических групп везде выше среди сельских жителей. Но и тут их доля обычно не превышала 7 % при исключительной картине в тех же окраинных территориях крайнего севера и крайнего юга Западной Сибири (в ЯНАО — 24 %, в Республике Алтай — 38 %).

В ежегоднике «Расы и народы» опубликована статья «Фамильное и антропологическое разнообразие коренного населения Приуралья и Западной Сибири»⁷⁰⁰. Рассмотрено 33 локальных этнотерриториальных популяции урало- и тюркоязычных народов, русских-старожилов и национально-смешанных групп Поволжья, Приуралья, Западной и Восточной Сибири по мужским и женским выборкам. На основе межгруппового статистического сравнения анализируется соотношение между фамильным составом и антропологической характеристикой группы. В массиве коренного полиэтничного населения такая разработка проведена впервые. Установлен географический градиент нарастания коэффициента фамильного разнообразия от северных групп к южным, в т. ч. и в пределах одного этноса. На примере конкретных популяций коренных народов России документировано многообразие моделей

взаимного сходства групп по их фамильному составу, антропологической характеристике и территориальной близости.

Антропологическое исследование назымских хантов пос. Кышик

С целью изучения хантов южной диалектной группы осенью 2006 г. в ХМАО Аксянова Г. А. обследовала хантов р. Назым по расовой соматологической программе (кефалометрия, кефалоскопия, длина тела) и отдельным морфогенетическим маркерам (тип ушной серы и др.), получена коллекция антропологических фотографий для 75 человек, в т. ч. метисов хантов с русскими. Это контактная группа для южных (обско-иртышских), северных (казымских) и восточных (сургутских) хантов. С антропологической точки зрения она особенно интересна для диагностики южного компонента в ее составе. Последний, безусловно, фиксируется в культурном комплексе обских угров, но слабо проявляется в расовых особенностях многих локальных популяций.

В пос. Кышик Ханты-Мансийского р-на ХМАО Тюменской обл. всего обследовано 100 человек взрослого населения обоих полов, преимущественно потомков однонациональных браков (рис. 133). Научная и практическая значимость этих материалов определяется расширением корпуса сведений об антропологических особенностях хантыйского народа в целом и повышением корректности сопоставления материалов по обским уграм в масштабе всего Урало-Сибирского региона, возможностью уточнения вопроса о присутствии южного расового компонента у хантов, расширением научно документированной информации по национально- и расовосмешанному населению Зауралья, получением антропологической фотоколлекции. Актуальность продиктована быстро идущим процессом межнационального смешения в многонациональных поселках, малочисленностью хантов данной группы, тенденцией к отъезду молодежи из сельской местности.

Результаты показали большое сходство назымских и восточных юганских хантов (табл. 18), увеличенную по обско-угорскому масштабу длину тела у мужчин (163 см в среднем) при выраженной низкорослости женщин (149 см в среднем), антропологическую смешанность группы во внутри- и межрасовом масштабах, усиление южных расогенетических тенденций (южносибирских). Установлено высокое своеобразие данной хантыйской популяции по отдельным морфомаркерам, сохраняющееся при метисации с восточноевропейским, этнически русским населением (например, очень

высокий процент лиц с двумя макушками на голове). У хантыйско-русских метисов (с хантыйской этнической идентичностью) ярко проявляется усиление европеоидного компонента по всему комплексу расоводиагностических черт (увеличение длины тела, уменьшение нособровного расстояния, посветление окраски волос и глаз, усиление роста бороды, большая профилированность лица и носа и пр.).

Поскольку смешение коренных народов Западной Сибири идет преимущественно с восточноевропейским населением (главным образом русскими, с волго-уральскими татарами среди татар), то описанное направление изменчивости является для региона ведущим. В сфере этнического самосознания в большинстве регионов ведущей тенденцией для потомков межэтнических браков является сейчас идентификация с автохтонами при переходе

Таблица 18

**Антропологическая характеристика мужчин-хантов разных территориальных групп
(полевые материалы Г. А. Аксяновой)**

Признак	Ханты сынские	Ханты юганские	Ханты р. Назым без примеси	Ханты р. Назым метисы
Численность	34	61	31	18
Средний возраст, лет	37,6	33,5	38,4	36,4
Длина тела, см	158,3*	158,2*	163,3	166,4*
Продольный диаметр, мм	188,5*	192,1	192,5	192,6
Поперечный диаметр, мм	150,1*	152,8	153,5	153,5
Головной указатель, %	79,7	79,5	79,7	80,4
Морфол. высота лица, мм	127,4	127,7	128,2	129,1*
Скуловой диаметр, мм	144,1*	140,0*	141,4	142,8*
Лицевой указатель (от переносья), %	80,6*	85,6	85,4	86,0
Ширина носа, мм	38,3	36,4	37,7	35,2*
Носовой указатель (от бровей), %	65,7	63,4*	65,2	62,2*
Ширина рта, мм	54,6	53,3	53,7	50,2*
Толщина обеих губ, мм	14,2*	14,9	15,4	16,7*
Рост бороды, ср. балл	1,60*	1,85	2,03	2,75*
Цвет волос, % черных	80,7	83,6	90,3	61,1*
% темнорусых / % русых	19,3* / 0,0	13,1 / 1,6	9,7 / 0,0	27,8* / 11,1*
Цвет глаз, % темных	37,5*	45,9	54,8	22,2*
Цвет глаз, % светлых	3,1*	14,7	19,4	50,0*
Эпикантус, % наличия	11,8*	29,5	29,0	16,7*
Профиль лица, ср. балл	1,68*	2,28	2,26	2,61*
Выступание скул, ср. балл	1,82*	1,23	1,13	1,11
Высота переносья, ср. балл	1,77	1,67	1,71	2,00*
Поперечный профиль спинки носа, ср. балл	2,03	2,23	2,10	2,61*
Нос, % вогнутых	41,1*	67,2*	56,8	44,4*
Нос, % выпуклых	0,0	3,3	0,0	0,0
Нос, % извилистых	2,9	19,7*	3,2	11,1*
Кончик носа, ср. балл	1,32*	1,49	1,53	1,39*
Профиль верхней губы, ср. балл	1,62*	1,39	1,47	2,00*
Общее число различий	16	6		22

* Отмечены значения тех признаков, по которым группы заметно различаются с назымскими хантами без иноэтнической примеси.

в большинстве сфер социального общения на русский язык.

Биологическая и психологическая адаптация коренного населения к новому этническому окружению и социальному большинству проходят разнонаправленно. Например, у южных селькупов и в качестве тенденции у назымских хантов мы видим изменение генофонда при сохранении прежнего этнонима. Особенно показательна в этом отношении ситуация у современных этнических селькупов Томской области, где преобладают уже не уральские, а европеоидные внешние особенности, население хорошо владеет только русским языком. Аналогичная ситуация сложилась у этнических манси и группы колвинских ненцев в районе коми-ненецкого пограничья в Европе (у последних распространены коми язык наряду с русским).

Генеральной тенденцией в районах интенсивного межэтнического контакта для территорий таежной полосы Западной Сибири, адаптивной прежде всего к социальным трансформациям, являются: переход аборигенного населения к общению на русском языке (табл. 19), изменение генофонда популяций коренных малочисленных народов в направлении ослабления монголоидных особенностей, ситуативность этнического самосознания. Все это — интегративный ответ автохтонных популяций на массовые миграции европейского населения на восток, рост числа межнациональных браков, социальное доминирование европейской модели образа жизни при стремлении сохранить не только пакет социальных льгот, но и свою этническую группу.

Таблица 19

Языковая ситуация у назымских хантов пос. Кышик в 2006 г.

Признак	Мужчины без ино-этнического смешения	Женщины без ино-этнического смешения	Мужчины хантыйско-русские метисы
Численность выборки	31 чел.	40 чел.	18 чел.
<i>Родной язык</i>			
Хантыйский	71 %	70 %	28 %
Русский	19 %	13 %	55 %
Хантыйский+русский	10 %	17 %	17 %
<i>Разговорный язык в семье</i>			
Хантыйский	0 %	0 %	0 %
Русский	74 %	70 %	94 %
Хантыйский+русский	26 %	30 %	6 %

В проекте специальное внимание было уделено проблеме полового диморфизма.

Составлены базы данных значений признаков в краниологических коллекциях Северной Евразии (V–XX вв.), популяциям современного населения (расоводиагностические признаки внешности, комплекс признаков зубной системы).

Г. В. Рыкушина провела межполовое статистическое сравнение в массиве 32 этнических групп, представленных 107 локальными выборками, по системе одонтологических признаков, которые определялись в постоянной смене зубов у мальчиков и девочек школьного возраста. Половой диморфизм морфологических признаков обнаруживает в евразийских популяциях общевидовые закономерности, проявляющиеся в большей массивности зубной системы мужчин (увеличение лопатообразности верхних резцов, частоты бугорка Карабелли, 6-бугорковых форм M_1 , M_2 , дистального гребня тригониды) и в большей частоте диастем I^1-I^1 , у женщин — в грацилизации моляров.

Уровень половых различий у представителей разных рас выражен неодинаково: в европеоидных и метисных популяциях отмечено ослабление его по большинству морфологических характеристик, у монголоидов — наиболее отчетлив на этническом уровне. Большая скоррелированность признаков в зубном комплексе у мужчин делает необходимым учет половых различий при анализе межгрупповых (этнических) связей, особенно при анализе монголоидных популяций.

По кефалометрическим признакам Н. А. Дубовой подготовлена сводка литературных данных, дающая возможность расчетов показателей полового диморфизма размеров головы и лица у живых людей. Для оценки уровня полового диморфизма рассматриваются коэффициент полового диморфизма (КПД — средняя арифметическая мужской выборки в процентах к средней арифметической женской) и абсолютная разница между средними арифметическими обоих полов по 13 измерительным признакам головы и лица, головному модулю (полусумма продольного и поперечного диаметров головы) и головному указателю.

В анализ включен весь доступный автору материал по расовой соматологии населения мира, разбитый по полу [всего 445 выборок, представляющих различные расовые варианты: продольный диаметр (322 выборки); поперечный диаметр (322 выборки); головной указатель (315); головной модуль (311); наименьшая ширина лба (180); скуловой диаметр (312); нижнечелюстной диаметр (243); физиономическая высота лица (137); морфологическая высота лица (301); высота носа (от бровей) (252); высота носа (от переносья) (111);

ширина носа (259); ширина рта (137); толщина обеих губ (138); высота верхней губы (133)].

Основные выводы исследования:

1. Все проанализированные измерительные признаки головы и лица можно разделить на три группы:

а) признаки, имеющие устойчивые величины, — «стандартные коэффициенты» полового диморфизма (генерализованная характеристика головы — головной модуль, а также продольный, поперечный диаметры, взятые по отдельности, и скуловой диаметр). По степени вариабельности КПД сближаются головной указатель и физиономическая высота лица. Для всех этих характеристик при необходимости различного рода пересчетов могут быть рекомендованы «стандартные коэффициенты». Резкое отклонение КПД в изучаемой группе от указанных в таблице стандартных значений — следствие или малочисленности выборки (и следовательно, статистической недостоверности показателя), или методических ошибок, допущенных при измерении, или особенностей этнической истории народа;

б) признаки, имеющие чрезвычайно сильно варьирующие КПД на всех проанализированных уровнях (локальном, этническом, расовом), — это высота верхней губы и толщина обеих губ. Изменчивость их КПД сближается с изменчивостью физиологических особенностей организма. Для названных характеристик невозможно использование никаких стандартных коэффициентов. По всей видимости, на величину этих признаков у каждого пола значительно большее влияние оказывают средовые, а не генетические факторы.

в) для остальных признаков, изменчивость КПД которых находится в интервале промежуточных значений и нестабильна по степени выраженности на разных уровнях обобщения данных, можно ориентироваться в оценке на величины КПД, свойственные отдельным расам. Все же при использовании их необходимо помнить о значительной величине статистической ошибки и среднего квадратического отклонения.

2. Анализ изменчивости КПД на межрасовом уровне выявил важную закономерность: половой диморфизм измерительных признаков головы и лица в негроидных группах, а также в группах с веддоидной примесью понижен, в то время как среди европеоидов повышен. Только в двух указанных экваториальных общностях головной указатель у женщин

меньше, чем у мужчин, т. е. голова относительно менее широкая. Вероятно, понижение полового диморфизма в указанных группах человечества связано с крайней грацильностью их строения (не только лицевых размеров, но и тела в целом).

3. Южные европеоиды демонстрируют статистически достоверное повышение по сравнению со среднемировым уровнем полового диморфизма по поперечным размерам головы и лица (поперечный, скуловой, наименьший лобный и нижнечелюстной диаметры), а европеоиды Северной и Центральной Европы — по продольным (продольный диаметр головы, физиономическая и морфологическая высоты лица).

4. Коэффициенты полового диморфизма по всем признакам, кроме имеющих так называемые стандартные показатели (указаны в пункте 1а), внутри и между этническими группами варьируют значительно. Повышение или понижение их является зачастую результатом особенностей этнической истории изучаемого народа.

5. На межрасовом уровне пределы вариации коэффициентов по морфологической высоте лица практически в два раза ниже, чем по физиономической (особенно при исключении данных по негроидам). Однако если рассматривать внутрирасовую вариацию, то наблюдается обратное соотношение, что может быть связано с высокой расоводиагностической ценностью морфологической высоты.

6. Внутри большой европеоидной расы КПД по всем трем размерам носа варьируют значительно сильнее, чем среди монголоидов. Отрицательный (женская средняя больше мужской) половой диморфизм по этим трем признакам наблюдается только среди южных европеоидов. По высоте носа от переносья и по ширине носа именно южные европеоиды показывают минимальные по миру значения КПД.

По краниометрическим признакам А. А. Евтеевым в 2005–2008 гг. были изучены закономерности вариабельности полового диморфизма (ПД) черепа человека на межгрупповом уровне, проведено выявление факторов, определяющих данные закономерности и оценка значимости различных факторов. При рассмотрении межгрупповой вариабельности ПД черепа человека ставилась задача оценить влияние комплекса факторов: 1) специфики онтогенеза черепа в различных популяциях; 2) давления природной и социальной среды; 3) истории формирования группы. Также проводилось сопоставление влияющих факторов в целях выяснения их относительной значимости для формирования вариабельности ПД черепа с учетом возможного дифференцированного воздействия на разные отделы черепа: мозговой отдел (нейрокраниум), лицевой скелет в целом (спланхнокраниум),

а также область костного носа. Нужно отметить, что, несмотря на постоянное внимание к данному вопросу в научной литературе⁷⁰¹, специальных крупных теоретических работ, в которых проблема подробно и разносторонне анализировалась бы на представительном материале, так и не появилось.

Материалами для этой работы послужили в основном опубликованные материалы по краниологии средневекового и близкого к современности населения преимущественно с территории бывшего СССР (датировки основной части выборок укладываются в хронологический интервал V–XX вв. н. э.). Изученные выборки представляют все регионы Северной Евразии: Прибалтику, Восточно-Европейскую равнину, Кавказ, Западную и Южную Сибирь, Среднюю Азию, Восточную Сибирь, Дальний Восток. Была составлена база данных, включающая 201 краниологическую серию, в которых численность черепов составляла не менее 10 на каждый пол. В исследовании использовались 20 признаков стандартной краниометрической программы⁷⁰². В качестве показателей полового диморфизма использовались КПД и абсолютная разница (Δ) — из значения признака у мужчин вычитается значение признака у женщин. Эти показатели традиционно используются в отечественных антропологических исследованиях⁷⁰³.

Первой задачей работы стала проверка универсальности (устойчивости) основных черт полового диморфизма в строении черепа современного человека и оценка размаха их межгрупповой вариабельности. Проведенное исследование показало высокую устойчивость основных особенностей полового диморфизма рассмотренных краниометрических признаков. Средние КПД и абсолютные разницы (Δ) признаков удивительно мало отличаются в различных совокупностях выборок, по какому бы принципу эти совокупности ни формировались — территориальному, хронологическому, принципу однородности или численности групп. Представляется, что это свидетельствует о биологической стабильности полового диморфизма в размерах черепа *Homo sapiens*, несмотря на то что отличия локальных групп по разным причинам могут быть очень велики. По данным анализа вариационных рядов показателей ПД была разработана перцентильная рубрикация значений КПД (табл. 20).

Приведенная таблица, как и другие данные, показывает высокий уровень вариабельности показателей ПД на уровне локальных выборок. Для выяснения причин этой высокой вариабельности, был рассмотрен ряд факторов.

Таблица 20

Категории величин коэффициентов полового диморфизма (КПД) размерных признаков черепа современного человека (201 серия с территории Евразии)

№	Признаки	Коэффициенты полового диморфизма				
		очень малые	малые	средние	большие	очень большие
1	Продольный диаметр	<1,027	1,027–1,036	1,037–1,054	1,055–1,064	>1,064
8	Поперечный диаметр	<1,011	1,011–1,027	1,028–1,044	1,045–1,058	>1,058
17	Высотный диаметр	<1,022	1,022–1,035	1,036–1,053	1,054–1,068	>1,068
5	Длина основания черепа	<1,026	1,026–1,041	1,042–1,063	1,064–1,079	>1,079
9	Наименьшая ширина лба	<1,008	1,008–1,021	1,022–1,044	1,045–1,062	>1,062
40	Длина основания лица	<1,016	1,016–1,036	1,037–1,062	1,063–1,083	>1,083
45	Скуловая ширина	<1,042	1,042–1,060	1,061–1,080	1,081–1,095	>1,095
48	Верхняя высота лица	<1,032	1,032–1,049	1,050–1,083	1,084–1,105	>1,105
51	Ширина глазницы	<1,014	1,014–1,031	1,032–1,053	1,054–1,066	>1,066
52	Высота глазницы	<0,979	0,979–1,000	1,000–1,028	1,029–1,052	>1,052
54	Ширина носа	<0,988	0,988–1,019	1,020–1,052	1,053–1,078	>1,078
55	Высота носа	<1,029	1,029–1,048	1,049–1,077	1,078–1,099	>1,099
72	Общий лицевой угол	<0,980	0,980–0,995	0,996–1,013	1,014–1,024	>1,024
77	Назомаллярный угол	<0,981	0,981–0,988	0,989–1,002	1,003–1,010	>1,010
ZM	Зигомаксиллярный угол	<0,969	0,969–0,988	0,989–1,007	1,008–1,018	>1,018
DC	Дакриальная ширина	<0,993	0,993–1,018	1,019–1,080	1,081–1,117	>1,117
DS	Дакриальная высота	<1,019	1,019–1,074	1,075–1,151	1,152–1,229	>1,229
SC	Симотическая ширина	<0,899	0,899–0,971	0,972–1,068	1,069–1,164	>1,164
SS	Симотическая высота	<1,011	1,011–1,102	1,103–1,257	1,258–1,391	>1,391
75(1)	Угол выступания носа	<1,003	1,003–1,096	1,097–1,223	1,224–1,339	>1,339

Особое внимание было уделено влиянию климатических факторов. На основании анализа литературных источников⁷⁰⁴ были отобраны для анализа следующие показатели: 1) высота над уровнем моря (в метрах); 2) средняя температура воздуха в январе (в градусах); 3) средняя температура июля (в градусах); 4) среднегодовое количество осадков (в миллиметрах). Для оценки климатических условий в местах расселения исследованных групп использовались данные географического атласа⁷⁰⁵. В силу специфики краниологического материала и уровня точности использованных карт эти оценки носят приблизительный характер. По нашим данным, вряд ли можно говорить о существенном прямом влиянии рассмотренных природных факторов на изменчивость показателей ПД (табл. 21). Впрочем, данный вывод носит предварительный характер и может быть уточнен при более подробном исследовании. Итоги проведенного нами статистического анализа корреляций показателей полового диморфизма со средовыми факторами не означают полного отсутствия связи между ними. Правильнее было бы сказать, что связь эта носит не прямой, а более сложный, косвенный характер (табл. 21).

Из социальных факторов было рассмотрено влияние городского образа жизни. Сопоставление 11 групп, заведомо принадлежащих городскому населению, и 10 «полугородских» с общей совокупностью, проведенное методами одномерной и многомерной статистики, показало отсутствие существенного влияния данного фактора на межгрупповую вариабельность ПД черепа.

Дальнейший анализ показал, что важным фактором является связь паттерна полового диморфизма черепа с его общим морфологическим строением. Показатели полового диморфизма признаков мозгового и лицевого отделов черепа связаны высокими корреляциями ($r = 0,4-0,6$) с абсолютными значениями признаков у мужчин и в гораздо меньшей степени с абсолютными значениями признаков у женщин [$r = -0,2 - (-0,4)$]. В первом случае связь положительная, т. е. увеличение абсолютных размеров в мужской выборке чаще всего влечет за собой усиление межполовых отличий в группе, и наоборот. Отражением этого являются закономерные отличия уровня полового диморфизма между антропологическими вариантами. Однако самым мощным фактором, формирующим вариабельность

Таблица 21

**Параметрические парные коэффициенты корреляции между абсолютными значениями краниометрических признаков, показателями ПД и значениями природно-климатических факторов (в общей совокупности выборок).
Параметрические коэффициенты корреляции значений признаков в мужских и женских частях выборок**

№ признаков	Высота над у. м.				Средняя тем-ра января				Средняя тем-ра июля				Кол-во осадков				R ♂-♀
	R ♂	R ♀	R Δ	R КПД	R ♂	R ♀	R Δ	R КПД	R ♂	R ♀	R Δ	R КПД	R ♂	R ♀	R Δ	R КПД	
1	-0,27	-0,30	0,00	0,02	-0,01	-0,03	0,03	0,03	-0,12	-0,17	0,06	0,07	0,22	0,14	0,16	0,15	0,82
8	0,18	0,15	0,10	0,09	-0,01	0,05	-0,10	-0,11	0,23	0,29	-0,04	-0,05	-0,12	-0,09	-0,09	-0,08	0,87
17	-0,15	-0,07	-0,14	-0,13	0,40	0,40	0,06	0,04	0,06	0,11	-0,06	-0,07	0,15	0,17	-0,01	-0,02	0,79
5	-0,15	-0,11	-0,08	-0,07	0,17	0,12	0,09	0,08	0,01	-0,08	0,09	0,10	0,13	0,14	0,01	0,00	0,59
9	0,05	0,07	-0,01	-0,02	0,49	0,53	0,07	0,05	0,14	0,17	-0,01	-0,02	0,23	0,16	0,15	0,13	0,75
40	-0,36	-0,27	-0,10	-0,08	-0,46	-0,48	0,03	0,07	-0,22	-0,31	0,12	0,14	-0,11	-0,14	0,04	0,04	0,70
45	0,04	-0,01	0,09	0,09	-0,52	-0,51	-0,19	-0,14	-0,09	-0,15	0,06	0,08	-0,13	-0,10	-0,09	-0,08	0,84
48	0,11	0,21	-0,13	-0,14	-0,46	-0,40	-0,22	-0,18	-0,08	-0,16	0,10	0,12	-0,11	-0,02	-0,17	-0,17	0,84
51	-0,07	-0,13	0,06	0,07	-0,29	-0,27	-0,09	-0,08	0,03	0,01	0,03	0,03	-0,13	-0,11	-0,07	-0,06	0,76
52	0,17	0,27	-0,11	-0,11	-0,47	-0,38	-0,22	-0,21	-0,09	-0,13	0,04	0,04	-0,17	0,02	-0,29	-0,28	0,78
54	0,17	0,04	-0,01	-0,01	-0,37	-0,42	0,02	0,04	0,18	0,15	0,05	0,05	-0,24	-0,30	0,04	0,06	0,64
55	0,03	0,24	-0,13	-0,15	-0,37	-0,33	-0,17	-0,14	0,03	-0,08	0,16	0,17	-0,08	0,04	-0,18	-0,18	0,79
72	0,34	0,43	-0,09	-0,09	-0,10	-0,09	0,04	0,04	0,01	0,11	-0,02	-0,02	-0,01	-0,11	0,02	0,02	0,59
77	0,00	-0,02	0,04	0,04	-0,79	-0,74	-0,13	-0,13	-0,32	-0,21	-0,21	-0,21	-0,30	-0,34	0,07	0,06	0,87
ZM	0,06	-0,01	0,16	0,16	-0,77	-0,79	-0,04	-0,04	-0,24	-0,19	-0,12	-0,12	-0,30	-0,36	0,11	0,11	0,90
DC	-0,00	-0,00	0,00	0,00	0,20	0,22	-0,01	-0,02	0,25	0,27	-0,01	-0,04	-0,20	-0,26	0,06	0,08	0,56
DS	-0,03	-0,03	0,00	0,00	0,78	0,79	0,13	-0,07	0,20	0,19	0,06	0,01	0,33	0,31	0,10	0,01	0,90
SC	0,06	0,06	0,01	-0,01	0,72	0,66	0,08	0,03	0,29	0,29	0,00	-0,03	0,20	0,13	0,09	0,08	0,80
SS	0,05	0,03	0,06	0,05	0,82	0,79	0,27	-0,05	0,34	0,33	0,12	-0,02	0,24	0,26	0,04	-0,03	0,89
75(1)	0,15	0,19	-0,09	-0,13	0,77	0,77	0,06	-0,19	0,16	0,17	-0,02	-0,10	0,35	0,44	-0,19	-0,25	0,90

полового диморфизма, являются морфологические отличия мужских и женских частей выборок вследствие причин исторического характера. На нашем материале подтверждается вывод о том, что показатели полового диморфизма сильнее варьируют при сопоставлении отдельных групп, нежели рас или антропологических типов⁷⁰⁶.

Различное происхождение и разное направление межгрупповых связей для представителей разных полов в популяциях приводит к тому, что отличия между мужчинами и женщинами в группе не укладываются в пределы типичных значений полового диморфизма даже с учетом его вариабельности, порождаемой причинами морфогенетического характера.

Межполовые отличия размеров черепа выступают единым комплексом не только на уровне средних значений по группе, но часто и на индивидуальном уровне. Внутригрупповая трансгрессия мужской и женской частей одной популяции по данному комплексу также очень высока вне зависимости от расовой принадлежности группы и степени ее гомогенности. Полученные данные подтверждают, что размерные характеристики черепа при определении пола индивида правильнее рассматривать в качестве дополнительных критериев.

Проведенный многосторонний анализ позволяет сформулировать определенные рекомендации для анализа эмпирических КПД краниологических серий и определения причин отклонений этих показателей от средних значений. Обоснованный вывод о различном морфологическом облике мужчин и женщин выборки можно сделать лишь в том случае, когда КПД краниологических признаков заметно отличаются от средних величин. Наиболее показательны следующие признаки: продольный диаметр черепа (1), высотный диаметр черепа (17), длина основания черепа (5), длина основания лица (40), высота орбиты (52), ширина носа (54), высота носа (55). Данным признакам (особенно первым четырем) свойствен очень стабильный уровень межполовых отличий. Если КПД двух или более из этих признаков выходят за пределы категории средних значений, определяемых по приведенной выше *табл. 20*, можно уверенно говорить о серьезных морфологических отличиях мужчин и женщин выборки и предполагать их различное исходное происхождение. Предложенная процедура корректна при численности выборки не менее 8–10 индивидов на пол.

Выполненные коллективом научно-исследовательские работы выявляют комплекс краниологических, одонтологических и соматологических адаптивных реакций человеческих популяций к меняющимся условиям природной среды и культурного окружения в исторической ретроспективе. Изучены новые коллекции и группы, обобщен

большой фактический материал по антропологии древнего и современного населения России. Актуальность исследований по физической антропологии обусловлена необходимостью непрерывного изучения истории народонаселения нашей страны не только для углубления наших знаний о человечестве, но и с целью сохранения фундаментальных направлений в российской науке, необходимостью широкого познания характера и степени биологической адаптации к разным условиям окружающей среды в разные хронологические периоды.

В качестве универсальной закономерности на исследованных нами материалах выявляется смешанность населения разных регионов и эпох, в чем видится ведущая стратегия взаимодействия разных человеческих коллективов. Процесс метисации сопровождается образованием в среднем промежуточных биологических особенностей. Этот адаптивный по своей природе феномен сближает ранее удаленные друг от друга группы людей и не имеет негативных биологических последствий.

Установлен флуктуирующий характер величины полового диморфизма антропологических особенностей при генеральной тенденции к большей выраженности его в монголоидных группах по размерам черепа и зубным маркерам. Связи с природными факторами не выявлено. Подчеркнута роль исторических моментов в проявлении межполовых различий на локальном и этническом уровне в связи с их прямым или косвенным влиянием на однородность группы (антропологические компоненты по половым группам, длительность биологического смешения, демографический фактор).

Антропологический состав населения любой территории — это не случайное скопление морфологических расовых вариантов, а естественный результат адаптации популяций к конкретным, исторически обусловленным факторам социальной среды (этнорасовое окружение или изоляция, социальные приоритеты и взаимодействия).

Для коренных популяций важную роль играет также адаптация к природно-климатическим условиям, что проявляется в географической приуроченности морфологических комплексов. Соотношением масштабов миграции и темпов метисации в совокупности с расовым составом мигрантов главным образом определяется в последние столетия антропологический пейзаж Западной Сибири. Устойчивая адаптация к разным природно-климатическим зонам имеет для комплекса физической внешности отдаленный, межпоколенный эффект, чем и определяется на сегодняшний день ее второстепенная роль в формировании расового состава населения даже экстремальных территорий, например циркумполярных широт. При этом социальные факторы, частично компенсируя агрессивное воздействие внешней среды на человека, могут выступать источником дестабилизации в системе «человек — среда его обитания».

Бутовская М. Л., Веселовская Е. В., Буркова В. Н., Прудникова А. В.

СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ОТБОРА АДАПТИВНЫХ КОМПЛЕКСОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В современных антропологических исследованиях адаптации наряду с традиционными методами экологической антропологии все чаще применяют этологические и эволюционно-психологические подходы⁷⁰⁷. Этот менее привычный для отечественной истории ракурс вполне обоснован, т. к. опирается на устоявшиеся в настоящее время взгляды об интегрально-социальной или биосоциальной природе человека. Особую значимость в изучении взаимосвязанной эволюции морфологических показателей и социальности приобретают этологические подходы. На современном этапе развития этологии и эволюционной психологии стали возможными комплексные обобщения материалов, полученных в широком диапазоне (спортсмены различных видов спорта и уровней квалификации, дети в условиях современной городской среды, различные профессиональные группы горожан, представители традиционных культур, подростки с девиантным поведением и т. д.)⁷⁰⁸.

Принципиально новым моментом в изучении роли социальных факторов в эволюции физического облика человека является идея об универсальности типов социальных структур и факторов их определяющих (экологических, филогенетических, этологических)⁷⁰⁹.

Профессиональная успешность и перспективы карьерного роста определяются правильным выбором специальности в соответствии с предрасположенностью конкретной личности. На современном этапе развития человечества все большее значение приобретает так называемая поведенческая, или социальная, адаптация. Реалией наших дней становится возрастающая дифференциация общества: люди все больше объединяются по профессиональным, конфессиональным, сексуальным и другим интересам; в молодежной среде представлены субкультуры по различным ролевым играм, экстремальным видам спорта, музыкальным предпочтениям и т. д.

Антропологи и психологи уже давно обращаются к проблеме психосоматических различий между представителями различных профессиональных групп, а также практики разных жизненных стратегий у представителей различных социальных слоев

современного общества, равно как и поведенческих адаптаций в традиционных обществах с различными системами жизнеобеспечения⁷¹⁰.

Целью настоящей работы явилось выявление и наглядное представление объективно существующих адаптивных комплексов, объединяющих морфологические и личностные параметры, на базе изучения внутривнутрипопуляционной изменчивости. Для этой задачи проведены исследования в современной городской среде (спортсмены), а также в двух африканских традиционных обществах Северной Танзании (хадза и датоба) (*рис. 134, 135*). Представляется, что адаптивные комплексы, присутствующие у спортсменов (прежде всего борцов и дзюдоистов, футболистов и хоккеистов), будут сходны с таковыми у преуспевающих мужчин в традиционных обществах охотников-собираателей и скотоводов.

Для анализа полученного материала был выбран метод главных компонент, позволяющий переходить от большого набора признаков (более 30 в нашем случае) к небольшому количеству факторов, разбивающих весь массив данных на комплексы связанных между собой первичных признаков. Такая процедура существенно упрощает интерпретацию результатов и вносит дополнительную информацию о внутривнутригрупповом распределении и взаимоотношениях изучаемых признаков.

Наиболее интересным представлялось выявить связи между морфологическими показателями и особенностями поведения. Вполне понятно, что уровень таких связей будет значительно ниже, чем в пределах собственно морфологического или психологического комплекса, и к их интерпретации надо подходить с известной осторожностью.

Материалом для исследования послужили результаты комплексного обследования молодых мужчин и женщин в возрасте от 17 до 30 лет, учащихся московских вузов, в т. ч. спортсменов высшей категории (юношеская сборная России по футболу и сборная России по дзюдо). Исследования проводились в 2006–2008 гг. Мужская и женская выборки примерно наполовину состояли из спортсменов. Всего было обследовано 184 девушки и 294 юноши.

Программа исследований содержала несколько блоков. Во-первых, измеряли длину второго и четвертого пальцев на обеих руках по методике Дж. Меннинга от внутреннего края базального гребня в основании пальца до кончика пальца и затем рассчитывали пальцевый индекс для каждого обследованного путем деления длины второго пальца на четвертый⁷¹¹. Доказано, что пальцевый индекс (2D/4D), особенно на правой руке, коррелирует с уровнем пренатального тестостерона. Этот мужской гормон играет ключевую роль в формировании и развитии маскулинных черт человека: в особенности таких, как хорошая пространственная ориентация, агрессивность, склонность к риску, к доминированию и (или) лидерству, активность⁷¹². Таким образом, в определенной мере пальцевый индекс может служить индикатором выраженности этих черт у мужчины⁷¹³ (рис. 136).

Второй блок представляла антропометрия лица, в частности следующие признаки: физиономическая и морфологическая высоты лица, высота нижней челюсти, скуловой и нижнечелюстной диаметры, ширина подбородка, межзрачковое расстояние, развитие надбровного рельефа. Этот набор рассматривается многими авторами как значимый при определении визуальной мужественности лица⁷¹⁴.

Третью группу антропометрических параметров, характеризующих степень асимметрии, выбрали в соответствии с принятыми международными программами — ее составили такие измерения, как высота и ширина уха, ширина локтя, запястья, лодыжки, стопы, которые брались справа и слева. Затем для каждого признака рассчитывали коэффициент асимметрии по формуле: $2 \times (\text{размер слева} - \text{размер справа}) : (\text{размер слева} + \text{размер справа})$. Для вычисления суммарного коэффициента асимметрии складывали модули коэффициентов по всем признакам⁷¹⁵. Был введен еще один параметр, суммирующий асимметрию длин второго и четвертого пальцев рук, рассчитанный по аналогичной формуле.

Кроме того, с помощью антропометра измеряли длину тела, а с помощью напольных весов — вес тела, что позволило вычислить индекс массы тела испытуемых. Измерительной лентой брали обхваты плеч, талии и бедер. В анализ были включены производные от этих размеров: относительная ширина плеч к бедрам и относительная ширина талии к бедрам. Измерения лица и тела осуществлялись по методике, принятой в НИИ антропологии МГУ⁷¹⁶.

Следующие несколько блоков характеризовали личностные особенности и поведение. Показатели рассчитывали при обработке анкет, заполненных испытуемыми. Блок психологических тестов включал: опросники на выраженность черт личности (NEO — сокращенная форма)⁷¹⁷, на самооценку агрессивности⁷¹⁸, выявление доминантности, склон-

ности к риску⁷¹⁹ и опросник половых ролей Сандры Бэм⁷²⁰. Анкеты содержали несколько вопросов, характеризующих сексуальное поведение.

Опросник NEO позволяет оценить личность испытуемого по пяти факторам⁷²¹:

- 1) нейротизм (отражает умение приспособиться к жизни, контролировать свои эмоции, справляться со стрессами);
- 2) экстраверсия (стремление к общительности, активность жизненной позиции);
- 3) открытость новому опыту (активное воображение, предпочтение разнообразия в противовес консерватизму);
- 4) сотрудничество (склонность к альтруизму);
- 5) добросовестность (пунктуальность, надежность).

Склонность респондентов к агрессии оценивали по четырем шкалам: 1) физическая агрессия; 2) вербальная агрессия; 3) гнев; 4) враждебность.

Склонность к риску в нашем исследовании также оценивалась по четырем шкалам⁷²²:

- 1) шкала «поиск опасностей и приключений» описывает тенденцию личности к поиску новых впечатлений, связанных с острыми ощущениями и сопряженных с риском для жизни (все пространство экстремального спорта);
- 2) шкала «поиск опыта/переживаний» отражает стремление индивида к новым впечатлениям через необщепринятые паттерны поведения (желание поразить, совершить что-нибудь из ряда вон выходящее, общаться с «неформальными» и «необычными» людьми), а также через путешествия;
- 3) шкала «раскрепощенное поведение» связана с активностью человека по достижению состояния полной свободы и вседозволенностью; зачастую это достигается благодаря алкоголю, тусовкам, азартным играм, раскованному сексуальному поведению;
- 4) шкала «восприимчивость к скуке» описывает степень антипатии к рутинным повторяющимся действиям, избегание всего привычного, скучного, однообразного.

Опросник Сандры Бэм позволяет выявить предпочтительную ориентацию личности на маскулинную или фемининную роль в поведении и проявлении индивидуальных свойств. Маскулинная половая роль характеризуется ярко выраженной индивидуалистической ориентацией, активным, доминантным поведением. Основными отличительными чертами фемининной половой роли, отраженной в методике, являются зависимость от покровительственного отношения окружающих и особенности поведения, необходимые для установления и поддержания межличностных взаимоотношений, отражающие пассивную, зависимую роле-

вую позицию, нацеленную на достижение успеха в микросоциальной среде⁷²³.

Проведенный анализ позволил выявить определенный набор сочетаний морфологических и личностных параметров. По свойству метода главных компонент на фоне тотального разнообразия выделяются вектора изменчивости, которые на своих противоположных полюсах выявляют контрастные варианты таких сочетаний, которые могут быть интерпретированы как адаптивные комплексы, описывающие богатый, но не беспорядочный спектр разнообразных индивидов в пределах популяции. Анализ проводился по первым пяти компонентам, на которые пришлось более 40 % от изменчивости по всему набору анализируемых признаков, последующие факторы не рассматривались, поскольку содержали ничтожно малую информацию.

При анализе нагрузок на факторы мы считали их значимыми, если они превышали значение 0,4 (та-

кие коэффициенты выделены жирным шрифтом в таблицах). В том случае, если по конкретному признаку все нагрузки были меньше 0,4, выделяли жирным и курсивным шрифтом максимальный коэффициент из пяти по каждой главной компоненте.

Как видно из *табл. 22*, характеризующей мужскую часть выборки, первая главная компонента описывает максимальную долю разнообразия 11,7 % и по свойству метода имеет наибольшее число значимых нагрузок. Этот фактор объединил такие морфологические признаки, как крупные размеры лица (причем как высотные, так и широтные) и большие значения индекса массы тела, с одной стороны, так и психологическую склонность к доминированию и агрессивному поведению (с акцентом на гневливость) — с другой стороны. Значимые отрицательные нагрузки по первой компоненте получены для таких личностных качеств, как склонность к сотрудничеству и добросовестность.

Таблица 22

Результаты анализа главных компонент. Юноши

Признаки	Главные компоненты				
	1	2	3	4	5
Доля описываемой изменчивости, %	11,7	9,5	7,4	6,5	5,7
R2D:4D	-6,016 E-02	0,188	-0,156	0,618	-0,362
L2D:4D	-5,275 E-02	0,258	-0,186	0,575	-0,443
Физиономическая высота лица	0,374	0,454	0,166	-0,107	-0,382
Морфологическая высота лица	0,458	0,271	0,168	-0,245	-0,228
Высота нижней челюсти, st-gn	0,433	0,262	0,160	-0,300	-0,286
Скуловой диаметр	0,447	0,544	0,106	0,217	0,185
Нижнечелюстной диаметр	0,310	0,462	-4,505 E-02	0,435	0,146
Ширина подбородка	0,283	0,244	1,000 E-01	-0,349	5,500 E-02
Рельеф надбровья	3,531 E-02	0,258	0,223	0,149	0,487
Межзрачковое расстояние	0,309	0,539	0,259	6,604 E-02	1,227 E-02
Коэффициент асимметрии пальцев	4,619 E-02	-0,247	-0,236	-8,089 E-02	6,954 E-02
Суммарный коэффициент асимметрии	0,113	0,103	-2,000 E-02	-4,809 E-02	-0,306
Индекс массы тела	0,431	0,472	0,164	0,147	8,595 E-02
Плечи/бедро	0,181	1,674 E-02	5,573 E-02	-0,394	-0,278
Талия/бедро	0,268	0,223	0,220	-0,114	0,155
NEO: нейротизм	0,330	-2,795 E-02	-0,461	-8,312 E-03	0,169
NEO: экстраверсия	-0,151	-0,148	0,705	0,178	-1,720 E-02
NEO: открытость опыту	-0,331	9,436 E-02	0,308	0,196	0,365
NEO: сотрудничество	-0,479	0,321	0,368	3,444 E-02	4,864 E-02
NEO: добросовестность	-0,338	4,522 E-02	0,483	-0,298	-4,438 E-02
Физическая агрессия	0,488	-0,390	0,141	0,284	-0,241
Вербальная агрессия	0,546	-0,391	0,140	6,323 E-02	0,210
Гнев	0,582	-0,277	-0,260	0,147	-0,201
Враждебность	0,664	-0,120	-0,283	-8,769 E-02	0,196

Признаки	Главные компоненты				
	1	2	3	4	5
Доминирование	0,408	-0,239	0,284	3,882E-02	-2,765 E-02
Риск: поиск опасностей	-6,293 E-02	-0,417	0,343	0,336	3,652 E-02
Риск: поиск опыта, переживаний	7,852 E-02	-0,232	0,144	0,434	0,308
Риск: раскрепощенное поведение	0,218	-0,485	0,149	-2,975E-02	-0,263
Риск: восприимчивость к скуке	0,432	-0,364	0,156	8,493E-02	-0,167
Индекс С. Бэм	-0,203	0,285	-0,397	3,726E-02	0,297
Возраст начала половой жизни	-0,244	0,167	-0,318	-0,203	-0,236
Кол-во половых партнеров	0,107	-0,138	0,253	-5,659E-02	-0,169

Иными словами, люди агрессивного склада, склонные к доминированию, при сниженной способности к сотрудничеству и добросовестности будут относительно более крупнолицыми и мускулистыми с мужественным типом фигуры (относительно узкие бедра). Также можно отметить их повышенный консерватизм (отрицательная нагрузка по вектору открытость опыту) и некоторую неуравновешенность поведения со склонностью к избеганию рутинных, скучных видов деятельности.

Вторая компонента, определяющая около 10 % изменчивости, выявила комплекс, связанный с повышенной склонностью к риску (в отношении поиска опасностей и приключений, раскрепощенного поведения и восприимчивости к скуке) и склонностью к вербальной и физической агрессии (высокие значения нагрузок с отрицательным знаком), в сочетании с малыми размерами высоты лица, скулового диаметра и межзрачкового расстояния при высоких значениях индекса Сандры Бэм, означающих преобладание фемининных черт личности. На другом полюсе изменчивости, задаваемой вектором второй главной компоненты, можно увидеть противоположное сочетание черт: избегание рискованного и агрессивного поведения, повышенную маскулинность в строении лица и тела, симметричность пальцев.

Третья главная компонента, описывающая 7,4 % разнообразия, выявила контраст в пределах психологического портрета личности, противопоставив ярко выраженных экстравертов, склонных к доминированию и поиску опасностей, интровертам с высокими показателями по шкале нейротизма. Интересно, что индивидуумы первой группы дают максимально высокие показатели по шкале «добросовестность», весьма склонны к сотрудничеству и открыты новому опыту, причем имеют низкие значения пальцевого индекса (высокий пренатальный тестостерон) и индекса Сандры Бэм (маскулинный тип личности). Представители этого полюса раньше

начинают половую жизнь и имеют большее число половых партнеров. Представители контрастного полюса характеризуются повышенной асимметрией по длине пальцев.

Четвертая компонента выделила комплекс черт, прямо или опосредованно связанных с уровнем мужских гормонов. У лиц с повышенным тестостероном наблюдаются низкие значения пальцевого индекса, высокое соотношение плеч и бедер (большая ширина плеч), высокая и неширокая нижняя челюсть при достаточно широком подбородке, а в отношении поведения — пониженное стремление к поиску опасного опыта и переживаний и ранние сроки начала половой жизни. И наоборот, лица с высоким пальцевым индексом характеризуются относительно узкими плечами, низкой и широкой нижней челюстью (в данном случае повышение ширины челюсти, возможно, связано с некоторой степенью повышенного жираотложения), стремлением к опасным переживаниям.

Пятая, главная компонента, интегрирующая 6 % тотального разнообразия, также дала ценную информацию о взаимосвязях изучаемых параметров. Она объединила признаки морфологического комплекса: параметры, описывающие особенности фигуры (это соотношение обхватов плеч и талии к обхвату бедер), высотные размеры лица и пальцевый индекс на обеих руках. Широкие плечи и узкие бедра здесь выступают в сочетании с низким 2D:4D соотношением и небольшой высотой лица и нижней челюсти при значительном развитии надбровья. На противоположном полюсе оказываются мужчины с фемининными пропорциями (узкие плечи, широкие бедра, удлиненные некрупные лица, сглаженный надбровный рельеф) и пониженным тестостероном (высокие показатели 2D:4D), которые в личностном плане характеризуются «неприспособленностью» к жизни (достаточно большая нагрузка с положительным знаком по шкале нейротизма), консервативностью, поздними сроками начала половой жизни.

Из табл. 23, представляющей результаты факторного анализа для женской части выборки, видно, что доля разнообразия, описываемая пятью первыми главными компонентами, составляет 42,3 %. Первая компонента выявила сочетание повышенной склонности к риску и агрессии во всех их проявлениях, стремления к доминированию, повышенной асимметрии пальцев, высокого индекса массы тела, большого количества половых партнеров (высокие положительные значения нагрузок), с полным отрицанием какой-либо кооперации, маскулинным типом личности (высокие отрицательные значения нагрузок).

Вторая компонента, характеризующая около 10 % разнообразия, проявила следующие контрастные сочетания. На одном полюсе девушки с мужскими пропорциями тела (широкие плечи, узкие бедра, высокий индекс массы тела), крупными размерами лица, не склонные к проявлениям агрессии, особенно вербальной, на другом – про-

тивоположное сочетание физических и личностных черт.

Третья компонента (7 % от тотальной дифференциации) позволила выявить следующий комплекс: так, девушки, хорошо ориентирующиеся в хитросплетениях современной жизни (высокая отрицательная нагрузка по шкале «нейротизма»), достаточно экстравертированные и весьма добросовестные, поздно вступают в половые отношения и не склонны к враждебности и злости в межличностных отношениях.

Из анализа нагрузок на 4-й и 5-й компоненты можно предположить, что низкий тестостерон (высокие нагрузки по 2D:4D) у девушек может быть связан с некоторым повышением флуктуирующей асимметрии (суммарный коэффициент асимметрии) и снижением асимметрии пальцев, узкоплечестью, ранними сроками начала половой жизни, повышенной экстраверсией и открытостью новому опыту.

Таблица 23

Результаты анализа главных компонент. Девушки

Признаки	Главные компоненты				
	1	2	3	4	5
Доля описываемой изменчивости, %	13,8	9,8	7,0	6,3	5,4
R2D:4D	3,916 E-02	9,232 E-02	-0,167	0,496	0,565
L2D:4D	3,006 E-02	8,554 E-02	-7,483 E-02	0,473	0,589
Физиономическая высота лица	0,215	0,622	0,213	0,111	-3,318 E-02
Морфологическая высота лица	0,181	0,722	0,209	-3,122 E-02	0,189
Высота нижней челюсти, st-gn	0,349	0,633	0,273	-0,147	0,142
Скуловой диаметр	0,236	0,539	-7,432 E-02	0,291	-0,324
Нижнечелюстной диаметр	-5,319 E-02	0,164	-0,358	0,441	-0,382
Ширина подбородка	0,321	0,306	0,481	8,712 E-02	0,137
Рельеф надбровья	1,531 E-02	0,204	-0,372	9,517 E-02	-0,292
Межзрачковое расстояние	0,260	0,392	0,120	-2,952 E-02	-0,216
Коэффициент асимметрии пальцев	0,305	-0,234	7,667 E-02	0,174	-0,323
Суммарный коэффициент асимметрии	5,073 E-02	-2,852 E-02	-0,261	0,376	3,056 E-02
Индекс массы тела	0,360	0,340	-0,126	0,190	-0,212
Плечи/бедра	-3,165 E-02	0,372	9,217 E-02	-0,339	7,781 E-02
Талия/бедра	0,148	0,481	3,185 E-02	3,785 E-02	-0,166
NEO: нейротизм	0,431	0,238	-0,537	-0,285	0,216
NEO: экстраверсия	0,112	-0,253	0,399	0,511	-9,213 E-02
NEO: открытость опыту	0,196	7,852 E-02	0,278	0,254	0,344
NEO: сотрудничество	-0,606	6,323 E-02	0,515	0,314	-4,864 E-02
NEO: добросовестность	-0,134	-8,769 E-02	0,483	-0,298	-2,865 E-02
Физическая агрессия	0,634	-0,141	-1,027 E-02	-0,111	-0,101
Вербальная агрессия	0,627	-0,363	-8,883 E-02	2,442 E-02	6,993 E-02
Гнев	0,567	-0,214	-0,287	-0,201	0,173
Враждебность	0,656	9,917 E-02	-0,406	-0,137	6,858 E-02
Доминирование	0,597	-0,141	0,136	3,882 E-02	-5,659 E-02

Признаки	Главные компоненты				
	1	2	3	4	5
Риск: поиск опасный	0,347	-0,249	0,180	-1,442 E-02	0,165
Риск: поиск опыта, переживаний	0,410	-0,211	5,529 E-02	-0,189	0,247
Риск: раскрепощенное поведение	0,507	-0,282	7,052 E-02	0,153	-0,114
Риск: восприимчивость к скуке	0,529	-0,200	0,168	-3,622 E-02	-0,124
Индекс С. Бэм	-0,511	0,179	-0,340	0,117	0,268
Возраст начала половой жизни	-7,122 E-02	-0,171	0,409	-0,426	-5,659 E-02
Кол-во половых партнеров	0,363	-7,502 E-02	4,441 E-02	0,207	3,753 E-02

Накопившиеся к настоящему времени данные из области антропологии, этологии человека, нейрофизиологии и генетики поведения позволяют предположить, что наряду с адаптациями, связанными с экологией питания и местом обитания, в процессе эволюции человека происходили также генетические преобразования, связанные с изменением адаптивной ценности ряда психологических и поведенческих характеристик людей. Между генами, морфологией тела, функционированием мозга и поведением, с одной стороны, и внешними средовыми факторами — с другой (прежде всего социумом) существует тесная обратная связь. Гены могут запускать определенные поведенческие реакции, и в то же время поведение как адекватный ответ на стимулы внешней среды (экологические и социальные) может запускать работу целого каскада генов, ранее молчавших⁷²⁴.

Различная социальная структура и экономический уклад жизни человеческих обществ делали востребованными или нежелательными, зачастую противоположные признаки поведения (альтруизм и агрессивность, уравновешенность и вспыльчивость, заботливость и тягу к новизне). К примеру, в обществах охотников-собирателей особо ценными для мужчин выступали поведенческие характеристики, обеспечивающие максимальный успех на охоте (ориентация в пространстве, выносливость, сила и ловкость, альтруизм и кооперация, забота о детях), а в обществах, практикующих военные набеги (скотоводы), — характеристики, ассоциирующиеся с силой и военной доблестью (агрессивность, доминирование, напористость, высокий уровень активности) (*рис. 137*).

В традиционных стратифицированных обществах отбор шел не только на доминирование и агрессивность, но и на умение контролировать эмоции, способность подчиняться вышестоящим по статусу, альтруизм в отношении родственников и лояльность в отношении общих культурных ценностей. По мере развития технического и научного прогресса (прежде всего достижений в области

медицины) интенсивность отбора, связанного с высокой детской смертностью, существенно снизилась, стало возможным выживание индивидов с более слабой иммунной системой и страдающих целым рядом наследственных заболеваний, ранее летальных.

В процессе усложнения социальных отношений и трансформации социальной системы общества в целом меняются также и требования к поведенческим характеристикам индивидов, на смену одних идеалов приходят другие. Такое перераспределение акцентов не может не повести за собой определенные генетические изменения в популяциях. К примеру, в современных индустриальных обществах отбор идет против лиц, демонстрирующих высокий уровень неконтролируемой агрессии и склонность к насилию, тогда как изобретатели, мыслители и творческие личности оказываются в благоприятных условиях. Отмечено, что современные индустриальные общества отличаются от обществ доиндустриальных значительно более высоким уровнем депрессий, генетическая детерминация которой оценивается некоторыми специалистами в 30–40 %⁷²⁵.

Генетическая адаптация к факторам среды (природной и культурной) может происходить за счет появления и распространения новых мутаций, а также за счет изменения частот аллелей, уже ранее имеющихся в генофонде популяции⁷²⁶. Наши исследования в Северной Танзании, проведенные среди охотников-собирателей (хадза) и полукочевых скотоводов (датого), позволили выявить поведенческие комплексы, обеспечивающие мужчинам из этих традиционных обществ репродуктивный успех и привлекательность для женщин, равно как социальный статус и доминирование в отношении других мужчин группы.

Так, в обществе охотников-собирателей мужчины, носители маскулинного адаптивного комплекса, не только более маскулинны (причем и в социальном, и в биологическом смысле этого термина) по сравнению с остальной выборкой, они также

более экстравертны, открыты новому опыту, добросовестны, несколько более агрессивны, но менее склонны к риску в повседневной жизни, раньше вступают в половые отношения (рис. 138). Предварительный анализ гормональных и генетических данных по данным популяциям позволяет говорить о возможном отборе определенных генотипов в этих условиях.

Данное исследование позволило вычленировать ряд морфо-психологических комплексов, отражающих внутрипопуляционную разнокачественность в условиях современной городской среды. Так, для юношей удалось выявить комплекс маскулинности, предикторами которого являлись такие признаки, как низкий пальцевый индекс, крупные размеры лица, относительная широкоплечность и узкобедрость, высокий показатель активной массы тела, с одной стороны, и психологические особенности, связанные с несколько повышенной агрессивностью, склонностью к лидерству, предполагающие невысокие показатели по шкалам добросовестности и сотрудничества, — с другой. Первая компонента для женской части выборки также выявила вектор маскулинности–фемининности: более женственные девушки не склонны к агрессии и рискованному поведению, охотно сотрудничают с другими, не стремятся к лидерству и имеют пониженную мышечную массу. Интересно, что юноши, предпочитающие рискованное поведение, характеризуется некоторым снижением общей маскулинности как внешнего облика, так и характера.

В другой плоскости выявился контраст личностей с более высокой экстравертностью и склонностью к доминированию в противовес интровертам, плохо приспособленным к реалиям современной жизни, менее успешным в отношениях с противоположным полом. У девушек также по вектору экстраверсии–интроверсии выявились комплексы соответствующих антропометрических и лич-

ностных черт. Однако в отличие от юношей более успешные в социальной жизни представительницы слабого пола позже вступали в половые отношения.

Адаптивные возможности каждого из выделенных типов можно обсуждать в контексте профессиональной деятельности. Так, ранее была показана достоверная связь комплекса маскулинности при пониженной склонности к риску и повышенной добросовестности со спортивной специализацией⁷²⁷. О связи генотипа с конкретными поведенческими и морфофизиологическими характеристиками спортсменов свидетельствуют также многочисленные данные других исследователей⁷²⁸. Генотипы, имеющие адаптивное преимущество в обществах охотников-собирателей и скотоводов, по-видимому, в определенном проценте случаев продолжают сохраняться в современных индустриальных обществах. Жизненный успех носителей этих генотипов на сегодня определяется «правильной» профессиональной ориентацией. Одним из путей успешной реализации таких генотипов в наши дни является спортивная карьера, служба в армии или войсках МЧС.

Антропогенные изменения среды по мере развития человеческих обществ не только меняют условия жизни человека, но и требуют адаптации популяций на генетическом уровне. Хотя, как говорилось выше, в современном обществе происходит активный положительный отбор на одни генотипы и отрицательный отбор на другие, важной характеристикой их следует считать высокий уровень генетической разнокачественности.

Существующие генетические механизмы, без сомнения, сохраняют завоеванный всей предшествующей эволюцией полиморфизм, обеспечивающий в силу сочетания многочисленных адаптивных форм жизнеспособность и жизнестойкость вида в целом, его эволюционный потенциал⁷²⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Любин В. П.* Ашельская эпоха на Кавказе. СПб., 1998.
- ² *Джафаров А. Г.* Средний палеолит Азербайджана. Баку, 1999.
- ³ *Замятнин С. Н.* Изучение палеолитического периода на Кавказе в 1936–1948 гг.//материалы по четвертичному периоду СССР. Вып. 2. М.; Л., 1950. С. 135–136.
- ⁴ *Котович В. Г.* Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.
- ⁵ *Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н. и др.* Разведка объектов каменного века в Республике Дагестан в 2004 г.//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. С. 65–69.
- ⁶ *Деревянко А. П., Зенин В. Н.* Первые результаты исследований раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-1 в Дагестане//Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. №4 (32). С. 29–51.
- ⁷ *Деревянко А. П., Аношкин А. А., Лецинский С. В. и др.* Нижнепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1: предварительные результаты//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. С. 65–70.
- ⁸ *Деревянко А. П. и др.* Раннепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1 (по материалам работ 2008 г.)//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2008. С. 42–47.
- ⁹ *Деревянко А. П., Аношкин А. А., Лецинский С. В. и др.* Нижнепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1: предварительные результаты//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. С. 65–70.
- ¹⁰ *Деревянко А. П. и др.* Раннепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1 (по материалам работ 2008 г.)//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. С. 42–47.
- ¹¹ *Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н. и др.* Палеолитическое местонахождение бакинского времени Дарвагчай-1//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. С. 68–74.
- ¹² *Деревянко А. П., Зенин В. Н., Лецинский С. В. и др.* Исследования стоянки Дарвагчай-1 в 2008 г.//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2008. С. 48–51.
- ¹³ *Деревянко А. П., Зенин В. Н.* Первые результаты исследований раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-1 в Дагестане//Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4 (32). С. 29–51; *Деревянко А. П., Зенин В. Н., Лецинский С. В. и др.* Исследования стоянки Дарвагчай-1 в 2008 г.//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. С. 48–51.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Деревянко А. П. и др.* Первые находки ашельских рубил в Дагестане//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2005. С. 49–53; *Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н. и др.* Палеолитические комплексы местонахождения Чумус-Иниц (Южный Дагестан)//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2005. С. 54–58; *Деревянко А. П., Аношкин А. А., Славинский В. С. и др.* Тинит-1 — новая многослойная палеолитическая стоянка в долине р. Рубас//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. С. 72–77.
- ¹⁶ *Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н. и др.* Комплекс палеолитических местонахождений в среднем течении реки Рубас (Южный Дагестан)//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2005. С. 59–62; *Деревянко А. П., Аношкин А. А., Славинский В. С. и др.* Новые данные о палеолитическом местонахождении Рубас-1 (Южный Дагестан) по материалам раскопок 2006 г.//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. С. 77–82.
- ¹⁷ *Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н. и др.* Разведка объектов каменного века в Республике Дагестан в 2004 г.//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. С. 65–69; *Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н. и др.* Палеолитические комплексы местонахождения Чумус-Иниц (Южный Дагестан)//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. С. 54–58; *Деревянко А. П., Аношкин А. А., Славинский В. С. и др.* Тинит-1 — новая многослойная палеолитическая стоянка в долине р. Рубас//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. С. 72–77.
- ¹⁸ *Аношкин А. А., Славинский В. С., Борисов М. А.* Палеолитический многослойный комплекс стоянки Рубас-1 (Республика Дагестан): предварительные

- результаты//Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Т. 1, Иркутск, 2007. С. 14–25; *Деревянко А. П., Аношкин А. А., Борисов М. А. и др.* Исследования палеолитической стоянки Тинит-1 (Южный Дагестан) в 2008 г.//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2008. С. 36–41.
- ¹⁹ *Деревянко А. П. и др.* Археологические материалы верхнего-среднего палеолита стоянки Рубас-1 (по результатам раскопок 2007 г.)//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. С. 60–65; *Они же.* Новые данные о позднепалеолитических комплексах местонахождения Рубас-1 (по материалам разведочных шурфов)//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. С. 66–71.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Нехорошев П. Е.* Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.
- ²² *Деревянко А. П., Аношкин А. А., Славинский В. С.* Тинит-1 — новая многослойная палеолитическая стоянка в долине р. Рубас//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. С. 72–77; *Деревянко А. П., Аношкин А. А., Борисов М. А. и др.* Исследования палеолитической стоянки Тинит-1 (Южный Дагестан) в 2008 г.//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. С. 36–41.
- ²³ Геологическая карта СССР масштаба 1: 200 000. Лист К-39–XIX, XX. Объяснительная записка. М., 1961.
- ²⁴ *Деревянко А. П., Аношкин А. А., Славинский В. С. и др.* Тинит-1 — новая многослойная палеолитическая стоянка в долине р. Рубас//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. С. 72–77.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Деревянко А. П., Зенин В. Н.* Первые результаты исследований раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-1 в Дагестане//Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4 (32). С. 29–51.
- ²⁷ *Рогачев А. Н.* Развитие первобытного общества и природная среда//Природа и развитие первобытного общества на территории европейской части СССР (К VIII конгрессу INQUA. Париж, 1969.) М., 1969. Ред. И. П. Герасимов. С. 181.
- ²⁸ Цит. по: *Мень А.* Магизм и единобожие. М., 2001, С. 541.
- ²⁹ *Рогачев А. Н.* Развитие первобытного общества и природная среда//Природа и развитие первобытного общества на территории европейской части СССР. (К VIII конгрессу INQUA. Париж, 1969). С. 183.
- ³⁰ Там же. С. 185.
- ³¹ Там же. С. 184.
- ³² Там же. С. 181.
- ³³ *Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б.* Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. Труды Костенковско-Борщевской экспедиции ИИМК РАН. Вып. 5. СПб., 2007; *Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И.* Палеолит Костенковско-Борщевского района в свете основных проблем генезиса верхнего палеолита Европы. Труды Костенковско-Борщевской экспедиции ИИМК РАН. Вып. 1. СПб., 2008; *Аникович М. В., Анисюткин Н. К.* Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов. Труды Костенковско-Борщевской экспедиции ИИМК РАН. Вып. 6. СПб., 2009/в печати/.
- ³⁴ *Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б.* Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. Труды Костенковско-Борщевской экспедиции ИИМК РАН. Вып. 5.
- ³⁵ *Leroyer C., Leroi-Gourhan A.* Problèmes de chronologie le castelperronien et l'aurignacien//BSPF. 1983. Т. 80. № 1. S. 41–44.
- ³⁶ *Mellars P.* The Neanderthal Legacy. An Archaeological Perspective from Western Europe. — Princeton: Princeton University Press. 1996; *Mellars P.* The impact of climatic changes on the demography of late Neandertal and early anatomically modern populations in Europe//T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef (eds). Neandertals and Modern Humans in Western Asia. New York: Plenum Press. 1998. P. 493–507.
- ³⁷ *Djindjian F.* Les origins du peuplement aurignacien en Europe//Actes du XII Congrès de l'UISPP-Bratislava 1991, Nitra, Inst. archéol. de l'Acad. Slov. des Sciences. 1993. Vol. 2. P. 136–154.
- ³⁸ *Finlayson J. C., Barton R. N. E., Stringer C. B.* The Gibraltar Neanderthals and their extinction//J. Zilhó, T. Aubry, A. F. Carvalho (eds). Les premiers hommes modernes de la Péninsule Ibérique. Trabalhos de Arqueologia. 2001. Vol. 17. Lisbon. P. 117–122.
- ³⁹ *D'Errico F., Goci M. F. S.* Neandertal extinction and the millennial scale climatic variability of OIS 3//QSR. 2003. Vol. 22. № 8–9. P. 771.
- ⁴⁰ *Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б.* Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. Труды Костенковско-Борщевской экспедиции ИИМК РАН. Вып. 5. С. 275–280.
- ⁴¹ *Соффер О. А.* Верхний палеолит Средней и Восточной Европы: люди и мамонты//Проблемы палеоэкологии древних обществ. М., 1993. С. 99–118 (рис. 1).

- ⁴² *Величко А. А., Зеликсон Э. М.* Перигляциальная среда как ресурсная основа существования позднего мамонта эпохи верхнего палеолита на Восточно-Европейской равнине//Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Материалы Международной конференции к 125-летию палеолита в Костенках 23–26 августа 2004 г. Труды Костенковско-Борщевской экспедиции ИИМК РАН. Вып. 4. СПб., 2006. С. 12.
- ⁴³ Там же. С. 13.
- ⁴⁴ Там же. С. 20.
- ⁴⁵ *Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И.* Палеолит Костенковско-Борщевского района в свете основных проблем генезиса верхнего палеолита Европы. Труды Костенковско-Борщевской экспедиции ИИМК РАН. Вып. 1. СПб., 2008.
- ⁴⁶ *Рогачев А. Н., Аникович М. В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма//Археология СССР. Палеолит СССР. М., 1984. С. 189.
- ⁴⁷ *Ефименко П. П.* Костенки 1. М.; Л., 1958.
- ⁴⁸ *Аникович М. В.* Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту»//Восточный граветт. М., 1998. С. 35–60.
- ⁴⁹ *Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И.* Палеолит Костенковско-Борщевского района в свете основных проблем генезиса верхнего палеолита Европы. Труды Костенковско-Борщевской экспедиции ИИМК РАН. Вып. 1. СПб., 2008. Разд. 6. 3. 4–6. 3. 5.
- ⁵⁰ *Величко А. А., Зеликсон Э. М.* Перигляциальная среда как ресурсная основа существования позднего мамонта эпохи верхнего палеолита на Восточно-Европейской равнине//Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Материалы международной конференции к 125-летию палеолита в Костенках 23–26 августа 2004 г. Труды Костенковско-Борщевской экспедиции ИИМК РАН. Вып. 4. С. 21.
- ⁵¹ *Чепалыга А. Л.* Прототип Всемирного потопы?//Знание — сила. 2005. №12. С. 85–91; *Чепалыга А. Л., Садчикова Т. А., Лаврентьев Н. В. и др.* История долины Маныча и древний человек в позднем палеолите//Позднекайнозойская геологическая история севера аридной зоны. Материалы международного симпозиума. Ростов н/Д., 2006. С. 340.
- ⁵² *Рогачев А. Н.* Новые данные о стратиграфии верхнего палеолита Восточно-Европейской равнины//Материалы и исследования по археологии СССР, 39. М.; Л., 1953. С. 39–55; *Он же.* Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине//Материалы и исследования по археологии СССР, 59. М.; Л., 1957. С. 9–134;
- Величко А. А., Рогачев А. Н.* Позднепалеолитические поселения на Среднем Дону//Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР (к VIII Конгрессу INQUA, Париж, 1969)/Ред. И. П. Герасимов. М., 1969. С. 75–87; *Синицын А. А., Сергин В. Я., Хоффекер Дж. Ф.* 120 лет исследования палеолита Костенок: традиции и тенденции//Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы/Ред. А. А. Синицын, В. Я. Сергин, Дж. Хоффекер. Костенки в контексте палеолита Евразии, сер. «Исследования». Вып. 1. СПб., 2002. С. 1–9.
- ⁵³ *Praslov N. D., Soulerjytsky L. D.* De nouvelles données chronologiques pour le paléolithique de Kostienki-sur-Don//Préhistoire Européenne, Vol. 11, Liège, 1997. P. 133–143; *Праслов Н. Д., Сулержицкий Л. Д.* Новые данные по хронологии палеолитических стоянок в Костенках на Дону//Доклады РАН, сер. Геология. Т. 365. № 2. М., 1999. С. 236–240; *Синицын А. А. и др.* Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы//Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы/Ред. А. А. Синицын, Н. Д. Праслов. СПб., 1997. С. 21–66.
- ⁵⁴ *Pawlikowski M.* Analysis of tephra layers from TD–II and TD–V excavations//Temnata cave. Excavation in Karlukovo karst area. Bulgaria/ed. J. K. Kozlowski, H. Laville, B. Ginter. Vol. 1. Pt. 1. Stratigraphy and environment. Archaeology of gravettian layers. Krakow, 1992. P. 89–98.
- ⁵⁵ *Синицын А. А.* Верхний палеолит: современное состояние проблемы локальных различий//Локальные различия в каменном веке. Тезисы докладов на Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. Н. Замятнина/Ред. Т. А. Попова, Н. Д. Праслов. СПб., 1999. С. 104–106; *Он же.* Нижние культурные слои Костенок-14 (Маркина гора) в контексте проблематики раннего верхнего палеолита//Stratum plus, 1. Кишинев, 2000. С. 125–146; *Sinitzyn A. A.* The most ancient sites of Kostenki in the context of the Initial Upper Paleolithic of northern Eurasia//The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications (Proceedings of Symposium 6. 1 of the XIV-th Congress of the UISPP)/Eds. J. Zilhao, F. d'Errico. Trabalhos de Arqueologia, 33. Lisboa, 2003. P. 89–107.
- ⁵⁶ *Синицын А. А.* Сходство и различие Кара-Бомского пласта и начального верхнего палеолита Восточной Европы//Актуальные вопросы евразийского палеолитоведения. Материалы докладов Международного симпозиума «Заселение первобытным человеком Центральной, Северной и Восточной Азии: археологический и палеоэкологический аспекты»/Ред. А. П. Деревянко, М. В. Шуньков. Новосибирск, 2005. С. 179–184.

- ⁵⁷ *Синицын А. А. и др.* Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы / Ред. А. А. Синицын, Н. Д. Праслов. С. 21–66; *Sinitzyn A. A., Hoffecker J. F.* Radiocarbon dating and chronology of the Early Upper Paleolithic at Kostenki // Loess and palaeoenvironments across Eurasia: dedicated to the memory of Márton Pécsi / Eds. A. A. Velichko, A. E. Dodonov, N. R. Cato. *Quaternary International*, Vol. 151–152, 2006. P. 164–174.
- ⁵⁸ *Бессуднов А. А.* Культурные различия и модели адаптации граветта Костенок // Позднекайнозойская геологическая история севера аридной зоны (кайнозойский мониторинг природных событий аридной зоны юга России): материалы Международного симпозиума (Ростов н/Д / Азов, 26–29.IX.2006 г.) / Ред. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д, 2006. С. 286–289; *Sinitzyn A. A.* Variabilité du Gravettien de Kostenki (basin moyen du Don) et des territoires associés // *Paleo*, 2007. № 19. P. 181–202.
- ⁵⁹ *Синицын А. А.* Модели адаптации и культурные различия палеолита Костенок // Позднекайнозойская геологическая история севера аридной зоны (кайнозойский мониторинг природных событий аридной зоны юга России): материалы Международного симпозиума (Ростов н/Д / Азов, 26–29.IX.2006 г.) / Ред. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д, 2006. С. 336–340; *Он же.* Костенковская модель верхнего палеолита // Археологическое изучение Центральной России / Ред. А. Н. Бессуднов, М. В. Ивашов. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. П. Левенка (Липецк, 13–16.XI.2006). Липецк, 2006. С. 44–46; *Он же.* Культурная и геологическая периодизация верхнего палеолита Восточной Европы: соотношение и проблема корреляции // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / Ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. Т. 1. М., 2008. С. 84–85.
- ⁶⁰ *Рогачев А. Н.* Некоторые вопросы стратиграфии и периодизации верхнего палеолита Восточной Европы (о принципе географической стратиграфии при изучении палеолита) // Вопросы стратиграфии и периодизации палеолита. Труды КИЧП, XVIII, М., 1961. С. 40–45; *Величко А. А.* О возможностях геологического сопоставления районов палеолитических стоянок в бассейнах Десны, Дона и на территории Чехословакии // Вопросы стратиграфии и периодизации палеолита. Труды КИЧП, XVIII. С. 50–61.
- ⁶¹ *Арсланов Х. А.* Радиоуглерод: геохимия и геохронология. Л., 1987; *Чеботарева Н. С., Макарычева И. А.* Последнее оледенение Европы и его геохронология. М., 1974; *Чеботарева Н. С., Макарычева И. А.* Геохронология природных изменений ледниковой области Восточной Европы в валдайскую эпоху // Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет (Атлас-монография) / Ред. И. П. Герасимов, А. А. Величко. М., 1982. С. 16–27; *Величко А. А.* Периодизация событий позднего плейстоцена в перигляциальной области // Там же. С. 67–70; *Величко А. А., Морозова Т. Д.* Основные горизонты лёссов и ископаемых почв Русской равнины // Лёссы, погребенные почвы и криогенные явления на Русской равнине / Ред. А. А. Величко. М., 1972. С. 3–25.
- ⁶² *Заррина Е. П.* Геохронология и палеогеография позднего плейстоцена на северо-западе Русской равнины // Периодизация и геохронология плейстоцена. Л., 1970. С. 27–33; *Она же.* Четвертичные отложения северо-западных и центральных районов Европейской части СССР. Л., 1991; *Арсланов Х. А.* Радиоуглерод: геохимия и геохронология. Л., 1987.
- ⁶³ *Величко А. А. и др.* Палеогеография стоянки Костенки 14 (в процессе подготовки). 2009; *Сычева С. А., Гунова В. С., Симакова А. Н.* Два варианта строения позднеплейстоценовой покровной толщи перигляциальной области Русской равнины // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований / Ред. Ю. А. Лаврушин, И. М. Хорева, И. А. Чистякова. Материалы V Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. М., 2007. С. 404–407; *Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А.* Геолого-палеоэкологические события и обстановка позднего плейстоцена в районе палеолитического поселения Сунгирь // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда) / Ред. Н. О. Бадер, Ю. А. Лаврушин. М., 1998. С. 189–218; *Гугалинская Л. А., Алифанов В. М.* Ископаемые почвы позднего плейстоцена и особенности почвообразовательного процесса по материалам палеолитического поселения Сунгирь. Там же. С. 219–239.
- ⁶⁴ *Hajdas I.* Radiocarbon dating and its applications in Quaternary studies // Recent progress in Quaternary dating methods / Eds. F. Preusser, I. Hajdas, S. Ivy-Ochs. *Quaternary Science Journal*, Vol. 57, № 1/2. Stuttgart, 2008. P. 2–24.
- ⁶⁵ *Аникович М. В.* О хронологии палеолита Костенковско-Боршевского района // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (23). Новосибирск, 2005. С. 70–86.
- ⁶⁶ *Величко А. А., Грибченко Ю. Н., Морозова Т. Д. и др.* Восточно-европейская лёссовая область // Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130 000 лет. Атлас-монография «Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. Поздний плейстоцен — голоцен — элементы прогноза». Вып. II. Общая палеогеография / Ред. А. А. Величко. М., 2002. С. 24–32;

- Симакова А. Н. Развитие растительного покрова Русской равнины и Западной Европы в позднем неоплейстоцене — среднем голоцене (33–4,8 тыс. л. н.). Автореф. канд. дис. М., 2008.
- ⁶⁷ Van Andel T. H., Davies W. (eds.) Neanderthals and modern humans in the European landscape during the last glaciation: archaeological results of the Stage 3 Project. Cambridge, 2003; Маркова А. К., Ван Кольфсхотен Т. (ред.) Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену. М., 2008.
- ⁶⁸ Герасименко Н. П. Развитие зональных ландшафтов четвертичного периода на территории Украины. Автореф. докт. дис. Киев, 2004; Сычева С. А., Гунова В. С., Симакова А. Н. Два варианта строения позднплейстоценовой покровной толщи перигляциальной области Русской равнины // Фундаментальные проблемы квартара: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований / Ред. Ю. А. Лаврушин, И. М. Хорева, И. А. Чистякова. Материалы V Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. М., 2007. С. 404–407.
- ⁶⁹ Сапожников И. В. Поздний палеолит степей юго-запада Украины: хронология, периодизация и хозяйство. Автореф. докт. дис. Киев, 2005.
- ⁷⁰ Djindjian F., Kozłowski J., Otte M. Le paléolithique supérieur en Europe. Paris, Armand Colin, 1999; Djindjian F. Ruptures et continuités dans les industries du Maximum Glaciaire en Europe Centrale et Orientale: la question de l'épigraevettien // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы / Ред. А. А. Синицын, В. Я. Сергин, Дж. Ф. Хоффекер. Костенки в контексте палеолита Евразии. Труды Костенковской экспедиции ИИМК РАН, сер. «Исследования». Вып. 1. СПб., 2002. С. 53–62; Djindjian F. The peopling of Europe at the end of the last Ice age (40 000–10 000 bp) // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное (материалы Международной конференции к 125-летию открытия палеолита в Костенках, 23–26.VIII.2004). Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции. Вып. 4 / Ред. М. В. Аникович. СПб., 2006. С. 51–53.
- ⁷¹ Павлов П. Ю. Начало верхнего палеолита на северо-востоке Европы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. С. 74–78.
- ⁷² Аникович М. В. Пути становления верхнего палеолита Восточной Европы и Горного Алтая // Археология этнография и антропология Евразии. № 1 (29), 2007. С. 2–15.
- ⁷³ Павлов П. Ю. Начало верхнего палеолита на северо-востоке Европы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. С. 74–78.
- ⁷⁴ Он же. Поздний и финальный палеолит северо-востока Европы // Ред. Жилин М. Г. Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене — раннем голоцене. М., 2007. С. 73–85.
- ⁷⁵ Vasil'ev S. The Siberian Mosaic: Upper Palaeolithic adaptations and change before the Last Glacial Maximum // Roebroeks et al., eds. Hunters of the Golden Age. The Mid Upper Palaeolithic of Eurasia 30,000 – 20,000 BP. Leiden: Leiden University Press. 2000. P. 173–196; Зенин В. Н. Основные этапы освоения Западной Сибири палеолитическим человеком // Археология этнография и антропология Евразии, № 4 (12), 2002. С. 22–44.
- ⁷⁶ Павлов П. Ю. Палеолит северо-востока Европы: новые данные // Археология этнография и антропология Евразии. № 1 (33), 2008. С. 33–45.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Павлов П. Ю. Природное окружение и системы жизнеобеспечения верхнепалеолитического населения северо-востока Европы // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 3. Тюмень, 2007. С. 43–47.
- ⁷⁹ Волокитин А. В. Мезолит // Археология Республики Коми. М., 1997. С. 91–146.
- ⁸⁰ Он же. Мезолитический памятник Лек-Леса на р. Ижма // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005. С. 198–205.
- ⁸¹ Буров Г. М. Вычегодский край. Очерки древней истории. М., 1965. С. 53–54.
- ⁸² Там же; Буров Г. М. Археологические памятники вычегодской долины. Сыктывкар, 1967.
- ⁸³ Волокитин А. В., Косинская Л. Л. К проблеме культурогенеза мезолита Европейского северо-востока // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в северном Приуралье: Материалы по археологии Европейского северо-востока. Вып. 13. Сыктывкар, 1995. С. 24–44.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Волокитин А. В., Зарецкая Н. Е. Радиоуглеродная хронология заселения Европейского северо-востока в начале голоцена // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 185–188.
- ⁸⁶ Верещагина И. В. Новая стоянка в группе мезолитических памятников на песчанском поле Северной Двины // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996. С. 27–34.
- ⁸⁷ Ошибкина С. В. Мезолит центральных и северо-восточных районов Севера Европейской части СССР // Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989. С. 39–40.

- ⁸⁸ *Сорокин А. Н.* Мезолитоведение Поочья. М., 2008.
- ⁸⁹ *Ошибкина С. В.* Понятие о неолите//Археология. Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 6.
- ⁹⁰ *Сидоров В. В.* Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково//Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992; Древние охотники и рыболовы Подмосковья (по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы Воймежное-1). М., 1997. С. 116–120.
- ⁹¹ Древние охотники и рыболовы Подмосковья (по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы Воймежное-1). С. 78–79; *Костылева Е. Л.* Основные вопросы неолитизации Центра Русской равнины (особенности неолитизации лесной зоны)//Неолит-энеолит юга и неолит севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб., 2003. С. 214–215.
- ⁹² *Гиря Е. Ю., Лозовский В. М., Лозовская О. В.* Технологический анализ каменной индустрии стоянки Замостье-2//Древности Залесского края. Материалы Международной конференции «Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев-Посад, 1997. С. 97.
- ⁹³ Древние охотники и рыболовы Подмосковья (по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы Воймежное-1). М., 1997. С. 78–79.
- ⁹⁴ *Буров Г. М.* Древний Синдор (из истории племен Европейского северо-востока в 7-м тысячелетии до н. э. — 1-м тысячелетии н. э.). М., 1967. С. 167; *Верещагина И. В.* Мезолит и неолит крайнего Европейского северо-востока: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. *Косинская Л. Л.* Неолит//Археология Республики Коми. М., 1997. С. 187.
- ⁹⁵ *Шумкин В. Я.* Керамика древнего населения Кольского полуострова (к вопросу о неолитизации в Северной Европе)//Неолит-энеолит юга и неолит севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб., 2003. С. 281.
- ⁹⁶ *Смирнова Т. И.* Основные изменения растительности севера Печорской низменности в четвертичное время (по палинологическим данным): Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 1971; *Андреичева Л. Н., Марченко-Ваганова Т. И.* Развитие природной среды и климата в антропогене на северо-востоке Европы. Сыктывкар, 2003. С. 18.
- ⁹⁷ *Жуйкова И. А.* Условия формирования аллювиальных отложений среднего течения р. Вятки//Структура, вещество, история литосферы Тимано-Североуральского сегмента: информационные материалы 10-й науч. конф. Сыктывкар, 2001. С. 68–70.
- ⁹⁸ *Ошибкина С. В.* Понятие о неолите//Археология. Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 8; *Сидоров В. В.* Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково//Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.
- ⁹⁹ *Величко А. А.* Глобальное инициальное расселение как часть проблемы коэволюции человека и окружающей среды//Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. М., 1997. С. 255–275.
- ¹⁰⁰ *Волокутин А. В.* Мезолит//Археология Республики Коми. М., 1997. С. 91–146.
- ¹⁰¹ *Oppenheimer S.* Out of Eden. The peopling of the World. London: Robinson. 2004.
- ¹⁰² *Pitulko V. V., Nikolsky P. A., Girya E. Y. et al.* Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glaciation//Science. Vol. 303. № 5654. P. 52–56.
- ¹⁰³ *Верещагин Н. К., Мочанов Ю. А.* Самые северные в мире следы верхнего палеолита//Советская археология. 1972. № 3. С. 332–336.
- ¹⁰⁴ *Питулько В. В.* Основные сценарии раскопочных работ в условиях многолетнемерзлых отложений (по опыту работ на Жоховской и Янской стоянках, Северная Якутия)//Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 2 (34). С. 26–33.
- ¹⁰⁵ *Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Кузьмина С. А. и др.* Природно-климатические изменения на Яно-Инди-гирской низменности в конце каргинского времени и условия обитания людей верхнего палеолита на севере Восточной Сибири//ДАН. 2007. Т. 417. № 1. С. 103–108.
- ¹⁰⁶ *Гричук В. П.* Реконструкция скалярных климатических показателей по флористическим материалам и оценка ее точности/Методы реконструкции палеоклиматов. М., 1985. С. 20–28.
- ¹⁰⁷ *Pitulko V. V., Nikolsky P. A., Girya E. Y. et al.* Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glaciation//Science. Vol. 303. № 5654. P. 52–56.
- ¹⁰⁸ *Питулько В. В., Павлова Е. Ю.* Возраст памятников палеолита Яно-Инди-гирской низменности и особенности радиоуглеродного датирования отложений ледового комплекса/Ред. Г. И. Зайцева, М. И. Кулькова. Радиоуглерод в археологических и палеонтологических исследованиях. Материалы конференции, посвященной 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН. 9–12 апреля 2007 г. Санкт-Петербург. СПб., 2007. С. 155–161.
- ¹⁰⁹ *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977.
- ¹¹⁰ *Абрамова З. А.* К вопросу о возрасте алданского палеолита//Советская археология. 1979. № 4. С. 5–14.

- ¹¹¹ *Питулько В. В., Павлова Е. Ю.* Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Северо-Восточной Азии. СПб., 2008.
- ¹¹² *Кинд Н. В.* Геология позднего антропогена по изотопным данным. М., 1974.
- ¹¹³ *Томирдиаро С. В., Черненко Б. И.* Криогенно-оловые отложения Восточной Арктики и Субарктики. М., 1987. С. 41, рис. 42.
- ¹¹⁴ *Питулько В. В. и др.* Искусство палеолита Сибири: письмо из каменного века. СПб., 2008.
- ¹¹⁵ *Деревянко А. П., Молодин В. И., Зенин В. Н. и др.* Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. Новосибирск, 2003.
- ¹¹⁶ Там же. С. 78, 85–86, рис. 54.
- ¹¹⁷ *Лбова Л. В.* Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ, 2000. С. 5.
- ¹¹⁸ *Рыбин Е. П., Гладышев С. А., Цыбанков А. А.* Возникновение и развитие «отщеповых» индустрий ранней поры верхнего палеолита Северной Монголии/Ред. Г. И. Медведев. Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология. Материалы Всероссийской конференции с международным участием, посвященной 100-летию со дня рождения М. М. Герасимова. Иркутск, 2007. Т. 2. С. 146, рис. 3: 5, 11, 21.
- ¹¹⁹ *Абрамова З. А.* Палеолит Северной Азии/Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л., 1989. С. 144–243; *Sitlivy V., Medvedev G. I., Lipnina E. A.* Le Paleolithique de la Rive Occidentale du Lac Baikal/ Les Civilisations Prehistoriques D'Asie Centrale. Bruxelles. 1997. № 1.
- ¹²⁰ *Астахов С. Н.* Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой Горе в г. Красноярске. СПб., 1999.
- ¹²¹ *Palma di Cesnola A.* L'Uluzzien: facies italien du leptolithique archaique//L'Anthropologie. 1989. Т. 93. № 4. Р. 783–812.
- ¹²² *Bradley B.* Clovis Ivory and Bone Tools/Le Travail et l'usage de l'ivoire au Paleolithique Supereieur (eds. J. Hahn, M. Menu, Y. Taborin, P. Walter and F. Widemann). Ravello: Centro Universitario Europeo per I Bene Culturali, Actes de la Table Ronde. 1995. Р. 114–125.
- ¹²³ *Питулько В. В.* О ловле мамонтов и не только//Stratum plus. 2008. № 1. С. 288–299.
- ¹²⁴ *Бадер О. Н.* Сунгирь. Палеолитические погребения/Ред. Н. О. Бадер, Ю. А. Лаврушин. Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М., 1998. С. 5–164.
- ¹²⁵ *Верещагин Н. К.* Берелехское «кладбище» мамонтов//Труды ЗИН. 1977. Т. 72. С. 5–50.
- ¹²⁶ *Малори Ж.* Последние короли Туле. С полярными эскимосами навстречу их судьбе. СПб., 2002. С. 415, 738.
- ¹²⁷ *Smith P. E.* Le Solutrean en France. Bordeaux. 1966.
- ¹²⁸ *Sitlivy V., Medvedev G. I., Lipnina E. A.* Le Paleolithique de la Rive Occidentale du Lac Baikal/Les Civilisations Prehistoriques D'Asie Centrale. Bruxelles. 1997. Fig. 37: 1–3, 61: 1.
- ¹²⁹ *Bradley B., Stanford D.* The North-Atlantic ice-edge corridor: a possible Paleolithic route to the New World//World Archaeology. 2004. Vol. 36. № 4. Р. 467, fig. 2.
- ¹³⁰ *Аникович М. В.* Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы/Ред. А. П. Деревянко. Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии. Гипотезы и факты. Новосибирск, 2005. С. 79–93.
- ¹³¹ *Pitulko V. V., Nikolsky P. A., Giryа E. Y. et al.* Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glaciation//Science. Vol. 303. № 5654. Р. 52–56.
- ¹³² *Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б.* Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии/Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции. Вып. 5. СПб., 2007. С. 279.
- ¹³³ *Питулько В. В.* О ловле мамонтов и не только//Stratum plus. 2008. № 1. С. 288–299.
- ¹³⁴ *Nikolsky P. A., Sulerzhitsky L. D., Pitulko V. V.* Last Straw vs Overkill. Climate Driven Changes in the North Siberian Mammoth Population Dynamics and the Late Pleistocene Extinction Problem//Quaternary Science Reviews. 2008.
- ¹³⁵ *Деревянко А. П., Волков П. В.* Эволюция расщепления камня в переходный период от среднего к верхнему палеолиту на горном Алтае/Ред. А. П. Деревянко. Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии. Гипотезы и факты. Новосибирск, 2005. С. 217–231.
- ¹³⁶ *Константинов М. В.* Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ, Чита, 1994; *Лбова Л. В.* Палеолит Северной зоны Западного Забайкалья. С. 5.
- ¹³⁷ *Лисицын Н. Ф.* Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб., 2000.
- ¹³⁸ *Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И.* Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск, 1988.
- ¹³⁹ *Sitlivy V., Medvedev G. I., Lipnina E. A.* Le Paleolithique de la Rive Occidentale du Lac Baikal/Les Civilisations Prehistoriques D'Asie Centrale. Bruxelles. 1997. Fig. 36: 6.
- ¹⁴⁰ Ibid. Fig. 59: 10.

- ¹⁴¹ *Кимура Х.* Индустрия пластин стоянки Мальта//Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 1 (13). С. 11–32.
- ¹⁴² *Окладников А. П.* Освоение палеолитическим человеком Сибири//Материалы по четвертичному периоду СССР. М.; Л., 1950. № 2. С. 156.
- ¹⁴³ *Аникович М. В.* Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы/Ред. А. П. Деревянко. Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии. Гипотезы и факты. Новосибирск, 2005. С. 79–93.
- ¹⁴⁴ *Питулько В. В. и др.* Искусство палеолита Сибири: письмо из каменного века. СПб., 2008.
- ¹⁴⁵ *Абрамова З. А.* Палеолит Северной Азии/Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л., 1989. С. 144–243; *Лисицын Н. Ф.* Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб., 2000.
- ¹⁴⁶ *Константинов М. В.* Каменный век восточного региона Байкальской Азии.
- ¹⁴⁷ *Деревянко А. П., Волков П. В., Ли Хонджон.* Селемджинская археологическая культура. Новосибирск, 1998.
- ¹⁴⁸ Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130 000 лет (Атлас-монография «Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. Поздний плейстоцен – голоцен; элементы прогноза». Вып. II. Общая палеогеография)/Ред. А. А. Величко. М., 2002; *Зольников И. Д., Гуськов С. А., Орлова Л. А. и др.* Ведущие факторы морфолитогеоза в позднечетвертичной истории Западной Сибири//Геология и геофизика. 2003. Т. 44. № 5. С. 491–495; *Кузьмин Я. В. и др.* Палеогеография Западно-Сибирской равнины во время максимума сарганского оледенения (в связи с находками мамонтов и палеолитических памятников)//Доклады Академии наук (РАН). 2004. Т. 398. № 4. С. 542–544; *Svensden J. I., Alexanderson H., Astakhov V. I. et al.* Late Quaternary ice sheet history of northern Eurasia//Quaternary Science Reviews. 2004. Vol. 23. P. 1229–1271; *Астахов В. И.* К позднекайнозойской истории запада евразийской Арктики//Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. Геология и география. 2007. Вып. 1. С. 3–20; *Жданова А. И., Казанский А. Ю., Зольников И. Д. и др.* Опыт фациально-генетического расчленения субэаральных отложений Новосибирского Приобья геолого-петромагнитными методами (на примере опорного разреза Огурцово)//Геология и геофизика. 2007. Т. 48. № 4. С. 446–459; *Зольников И. Д.* Стратотипы четвертичных отложений Яломано-Катунской зоны Горного Алтая//Геология и геофизика. 2008. Т. 49. № 9. С. 906–918; *Зольников И. Д., Мистрюков А. А.* Четвертичные отложения и рельеф долин Чуи и Катуня. Новосибирск, 2008.
- ¹⁴⁹ *Зольников И. Д. и др.* Палеогеографические условия Западно-Сибирской равнины во второй половине верхнего неоплейстоцена (в связи с находками мегафауны и палеолитических памятников)//Человек и пространство в культурах каменного века Евразии. Новосибирск, 2006. С. 65–76; *Кузьмин Я. В. и др.* К вопросу о природных условиях Западной Сибири в максимум последнего (сарганского) оледенения//Известия Лаборатории древних технологий. Вып. 4. Иркутск, 2006. С. 159–165; *Постнов А. В., Зольников И. Д., Гуськов С. А.* Проблемы реконструкции среды обитания древнего человека на территории Усть-Канской и Ябоганской котловин в позднем неоплейстоцене//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XII. Ч. I. Новосибирск, 2006. С. 224–229; *Постнов А. В. и др.* К вопросу о стратиграфическом положении палеолитических памятников вдоль Чуйского тракта в долинах Чуи и Катуня//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. Новосибирск, 2007. С. 149–155.
- ¹⁵⁰ *Деревянко А. П., Петрин В. Т., Рыбин Е. П.* Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом)//Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2. С. 33–52.
- ¹⁵¹ *Деревянко А. П., Шуньков М. В., Агаджанян А. К. и др.* Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск, 2003.
- ¹⁵² По: *Зенин В. Н.* Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком//Археология, этнографии и антропология Евразии. 2002. № 4 (12). С. 22–44.
- ¹⁵³ Орографическое деление дается по: *Гвоздецкий Н. А., Михайлов Н. И.* Физическая география СССР. Азиатская часть. 3-е изд. М., 1978. С. 173.
- ¹⁵⁴ *Зенин В. Н.* Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком//Археология, этнографии и антропология Евразии. 2002. № 4 (12). С. 22–44.
- ¹⁵⁵ *Величко А. А., Фаустова М. А., Кононов Ю. Н.* Оледенения//Динамика ландшафтных компонентов в внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130 000 лет. М., 2002. С. 13–23; *Зольников И. Д. и др.* Палеогеографические условия Западно-Сибирской равнины во второй половине верхнего неоплейстоцена (в связи с находками мегафауны и палеолитических памятников)//Человек и пространство в культурах каменного века Евразии. Новосибирск, 2006. С. 67; *Mangerud J., Jakobsson M., Alexanderson H. et al.* Ice-dammed lakes and rerouting of the drainage of northern Eurasia during the Last Glaciation//Quaternary Science Reviews. 2004. Vol. 23. P. 1313–1332; *Svensden J. I.,*

- Alexanderson H., Astakhov V. I. et al.* Late Quaternary ice sheet history of northern Eurasia//*Quaternary Science Reviews*. 2004. Vol. 23. P. 1229–1271; *Hubberten H. W., Andreev A., Astakhov V. I. et al.* The periglacial climate and environment in northern Eurasia during the Last Glaciation//*Quaternary Science Reviews*. 2004. Vol. 23. P. 1333–1357.
- ¹⁵⁶ *Mangerud J., Jakobsson M., Alexanderson H. et al.* Ice-dammed lakes and rerouting of the drainage of northern Eurasia during the Last Glaciation//*Quaternary Science Reviews*. 2004. Vol. 23. P. 1313–1332; *Svendsen J. I., Alexanderson H., Astakhov V. I. et al.* Late Quaternary ice sheet history of northern Eurasia//*Quaternary Science Reviews*. 2004. Vol. 23. P. 1229–1271.
- ¹⁵⁷ *Астахов В. И.* О хроностратиграфических подразделениях верхнего плейстоцена Сибири// *Геология и геофизика*. 2006. Т. 47. № 11. С. 1207–1220.
- ¹⁵⁸ *Архипов С. А., Волков И. А., Волкова В. С.* Палеогеография//*Палеогеография Западно-Сибирской равнины в максимум позднезырянского оледенения*. Новосибирск, 1980. С. 91–99.
- ¹⁵⁹ *Svendsen J. I., Alexanderson H., Astakhov V. I. et al.* Late Quaternary ice sheet history of northern Eurasia//*Quaternary Science Reviews*. 2004. Vol. 23. P. 1229–1271.
- ¹⁶⁰ *Астахов В. И.* О хроностратиграфических подразделениях верхнего плейстоцена Сибири// *Геология и геофизика*. 2006. Т. 47. № 11. С. 1207–1220.
- ¹⁶¹ *Архипов С. А.* Комплексная палеогеографическая реконструкция для эпохи 20–18 тыс. л. н//*Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. Поздний плейстоцен – голоцен: элементы прогноза*. Вып. 1. Региональная палеогеография. М., 1993. – С. 37–41.
- ¹⁶² *Величко А. А., Фаустова М. А., Кононов Ю. Н.* Оледенения//*Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130000 лет*. С. 13–23; *Svendsen J. I., Alexanderson H., Astakhov V. I. et al.* Late Quaternary ice sheet history of northern Eurasia//*Quaternary Science Reviews*. 2004. Vol. 23. P. 1229–1271.
- ¹⁶³ *Зольников И. Д., Гуськов С. А., Орлова Л. А. и др.* Ведущие факторы морфолитогенеза в позднечетвертичной истории Западной Сибири//*Геология и геофизика*. 2003. Т. 44. № 5. С. 491–495; *Зольников И. Д. и др.* Палеогеографические условия Западно-Сибирской равнины во второй половине верхнего неоплейстоцена (в связи с находками мегафауны и палеолитических памятников)//*Человек и пространство в культурах каменного века Евразии*. С. 65–76; *Кузьмин Я. В. и др.* Палеогеография Западно-Сибирской равнины во время максимума сарганского оледенения (в связи с находками мамонтов и палеолитических памятников)//*Доклады Академии наук (РАН)*. 2004. Т. 398. № 4. С. 542–544; *Кузьмин Я. В. и др.* К вопросу о при-
- родных условиях Западной Сибири в максимум последнего (сарганского) оледенения//*Известия Лаборатории древних технологий*. Вып. 4. С. 159–165; *Kuzmin Y. V., Orlova L. A.* Radiocarbon chronology and environment of woolly mammoth (*Mammuthus primigenius* Blum.) in northern Asia: results and perspectives//*Earth-Science Reviews*. 2004. Vol. 68. № 1–2. P. 133–169.
- ¹⁶⁴ *Зенин В. Н.* Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком//*Археология, этнографии и антропология Евразии*. 2002. № 4 (12). С. 23; *Зольников И. Д., Гуськов С. А., Орлова Л. А. и др.* Ведущие факторы морфолитогенеза в позднечетвертичной истории Западной Сибири//*Геология и геофизика*. 2003. Т. 44. № 5. С. 491–495; *Кузьмин Я. В. и др.* Палеогеография Западно-Сибирской равнины во время максимума сарганского оледенения (в связи с находками мамонтов и палеолитических памятников)//*Доклады Академии наук (РАН)*. 2004. Т. 398. № 4. С. 542–544; *Kuzmin Y. V.* Siberia at the Last Glacial Maximum: environment and archaeology//*Journal of Archaeological Research*. 2008. Vol. 16. № 2. P. 163–221.
- ¹⁶⁵ *Svendsen J. I., Alexanderson H., Astakhov V. I. et al.* Late Quaternary ice sheet history of northern Eurasia//*Quaternary Science Reviews*. 2004. Vol. 23. P. 1229–1271; *Hubberten H. W., Andreev A., Astakhov V. I. et al.* The periglacial climate and environment in northern Eurasia during the Last Glaciation//*Quaternary Science Reviews*. 2004. Vol. 23. P. 1333–1357; *Mangerud J., Jakobsson M., Alexanderson H. et al.* Ice-dammed lakes and rerouting of the drainage of northern Eurasia during the Last Glaciation//*Quaternary Science Reviews*. 2004. Vol. 23. P. 1313–1332; *Svendsen J. I., Alexanderson H., Astakhov V. I. et al.* Late Quaternary ice sheet history of northern Eurasia//*Quaternary Science Reviews*. 2004. Vol. 23. P. 1229–1271.
- ¹⁶⁶ *Макаров С. С.* Заселение и освоение Западно-Сибирской равнины в позднем плейстоцене (хронология и периодизация)//*Путь на Север: Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики*. М., 2008. С. 197.
- ¹⁶⁷ *Кузьмин Я. В. и др.* История популяции мамонта (*Mammuthus primigenius* Blum) Сибири и прилегающих регионов (по радиоуглеродным данным)//*Геология и геофизика*. 2000. Т. 41. № 5. С. 746–754; *Они же.* Динамика популяции мамонта (*Mammuthus primigenius* Blum) в Северной Евразии в позднем плейстоцене и голоцене (по радиоуглеродным данным)//*Мамонт и его окружение: 200 лет изучения*. М., 2001. С. 124–138; *Орлова Л. А. и др.* Мамонт (*Mammuthus primigenius* Blum) и древний человек в Сибири: сопряженный анализ ареалов популяций на основе радиоуглеродных данных//*Проблемы*

- реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 2000. С. 383–412; *Orlova L. A., Kuzmin Y. V., Dementiev V. N.* A review of the evidence for extinction chronologies for five species of Upper Pleistocene megafauna in Siberia//*Radiocarbon*. 2004. Vol. 46. № 1. P. 301–314. См. также: *Зольников И. Д. и др.* Палеогеографические условия Западно-Сибирской равнины во второй половине верхнего неоплейстоцена (в связи с находками мегафауны и палеолитических памятников)//*Человек и пространство в культурах каменного века Евразии*. С. 71–72.
- ¹⁶⁸ *Окшнев П. А.* Динамика оледенения Алтая в позднем плейстоцене и голоцене. Томск, 1982.
- ¹⁶⁹ *Бутвиловский В. В.* Палеогеография последнего оледенения и голоцена Алтая: событийно-катастрофическая модель. Томск, 1993; *Рудой А. Н.* Гигантская рябь течения (история исследований, диагностика, палеогеографическое значение). Томск, 2005; *Русанов Г. Г.* Озера и палеогеография Северного Алтая в позднем неоплейстоцене и голоцене. Бийск, 2007.
- ¹⁷⁰ *Зольников И. Д., Мистрюков А. А.* Четвертичные отложения и рельеф долин Чуи и Катунь. Новосибирск, 2008; *Зольников И. Д.* Стратотипы четвертичных отложений Яломано-Катунской зоны Горного Алтая//*Геология и геофизика*. 2008. Т. 49. № 9. С. 906–918.
- ¹⁷¹ *Барышников Г. Я., Малолетко А. М.* Археологические памятники Алтая глазами геологов. Ч. 2. Барнаул, 1998. С. 114.
- ¹⁷² *Деревянко А. П.* Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае//*Археология, этнографии и антропология Евразии*. 2001. № 3 (7). С. 70–103; *Деревянко А. П., Маркин С. В.* Палеолит Чуйской котловины. Новосибирск, 1987; *Они же.* Палеолит северо-запада Алтае-Саян//*Российская археология*. 1998. № 4. С. 17–34; *Деревянко А. П. и др.* Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. Новосибирск, 1998; *Деревянко А. П., Шуньков М. В., Агаджанян А. К. и др.* Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая.; *Васильев С. А.* Некоторые итоги изучения палеолита Алтая и их значение для археологии древнекаменного века//*Археология, этнографии и антропология Евразии*. 2001. № 2 (6). С. 66–77; *Vasil'ev S. A. et al.* Radiocarbon-based chronology of the Paleolithic in Siberia and its relevance to the reopling of the New World//*Radiocarbon*. 2002. Vol. 44. № 2. P. 503–530.
- ¹⁷³ *Зольников И. Д., Мистрюков А. А.* Четвертичные отложения и рельеф долин Чуи и Катунь. Новосибирск, 2008; *Зольников И. Д.* Стратотипы четвертичных отложений Яломано-Катунской зоны Горного Алтая//*Геология и геофизика*. 2008. Т. 49. № 9. С. 906–918.
- ¹⁷⁴ *Постнов А. В. и др.* К вопросу о стратиграфическом положении палеолитических памятников вдоль Чуйского тракта в долинах Чуи и Катунь//*Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Т. XIII. С. 149–155.
- ¹⁷⁵ *Деревянко А. П., Маркин С. В.* Палеолит Чуйской котловины. Новосибирск, 1987.
- ¹⁷⁶ *Постнов А. В. и др.* К вопросу о стратиграфическом положении палеолитических памятников вдоль Чуйского тракта в долинах Чуи и Катунь//*Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Т. XIII. С. 149–155.
- ¹⁷⁷ *Зольников И. Д., Мистрюков А. А.* Четвертичные отложения и рельеф долин Чуи и Катунь; *Зольников И. Д.* Стратотипы четвертичных отложений Яломано-Катунской зоны Горного Алтая//*Геология и геофизика*. 2008. Т. 49. № 9. С. 906–918.
- ¹⁷⁸ *Архитов С. А., Волков И. А., Волкова В. С.* Палеогеография//*Палеогеография Западно-Сибирской равнины в максимум позднезырянского оледенения*. Новосибирск, 1980. С. 91–99; *Бутвиловский В. В.* Палеогеография последнего оледенения и голоцена Алтая: событийно-катастрофическая модель. Томск, 1993; *Рудой А. Н.* Гигантская рябь течения (история исследований, диагностика, палеогеографическое значение). Томск, 2005.
- ¹⁷⁹ *Петрин В. Т.* Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск, 1986.
- ¹⁸⁰ *Деревянко А. П.* Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае//*Археология, этнографии и антропология Евразии*. 2001. № 3 (7). С. 70–103.
- ¹⁸¹ *Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая/А. П. Деревянко, М. В. Шуньков, А. К. Агаджанян, Г. Ф. Барышников, Е. М. Малаева, В. А. Ульянов, Н. А. Кулик, А. В. Постнов, А. А. Анойкин.* Новосибирск, 2003.
- ¹⁸² *Деревянко А. П.* Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае//*Археология, этнография и антропология Евразии*. 2001. № 3. С. 70–103; *Они же.* Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита//*Археология, этнография и антропология Евразии*. 2005. № 2. С. 22–36.
- ¹⁸³ *Деревянко А. П., Шуньков М. В.* Раннепалеолитическая стоянка Карам на Алтае: первые результаты исследований//*Археология, этнография и антропология Евразии*. 2005. № 3. С. 52–69.
- ¹⁸⁴ *Bolikhovskaya N. S., Derevianko A. P., Shunkov M. V.* The fossil palynoflora, geological age, and dimatostratigraphy of the earliest deposits of the Karama site (Early Paleolithic, Altai Mountains)//*Paleontological Journal*, 2006. Vol. 40. P. 558–566.

- ¹⁸⁵ Деревянко А. П., Лаухин С. А., Куликов О. А. и др. Первые среднелейстоценовые датировки палеолита Горного Алтая // ДАН. 1992. Т. 326, № 3. С. 497–501; Деревянко А. П., Гнибиденко З. Н., Шуньков М. В. Среднелейстоценовые экскурсы геомагнитного поля в отложениях Денисовой пещеры (Горный Алтай) // ДАН. 1998. Т. 360. № 4. С. 511–513.
- ¹⁸⁶ Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А. П. Деревянко, М. В. Шуньков, А. К. Агаджанян, Г. Ф. Барышников, Е. М. Малаева, В. А. Ульянов, Н. А. Кулик, А. В. Постнов, А. А. Анойкин. Новосибирск, 2003.
- ¹⁸⁷ Деревянко А. П., Шуньков М. В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 1. С. 16–41.
- ¹⁸⁸ Они же. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3. С. 12–40.
- ¹⁸⁹ Деревянко А. П., Шуньков М. В., Волков П. В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 2. С. 13–25.
- ¹⁹⁰ Деревянко А. П., Ульянов В. А., Шуньков М. В. Значение геоморфологических данных для реконструкций ландшафта и климата Северо-Западного Алтая в плейстоцене // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. Новосибирск, 2002. Вып. 1. С. 140–149.
- ¹⁹¹ Деревянко А. П., Шуньков М. В., Анойкин А. А. Археологическая характеристика верхнепалеолитического комплекса Денисовой пещеры // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 153–161.
- ¹⁹² Маркин С. В. Финальная стадия верхнего палеолита Алтая // Северная Азия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Иркутск, 2007. Т. 1. С. 391–398.
- ¹⁹³ Оленковський М. П. Пізній палеоліт нижньодніпровського регіону у світлі радіовуглецевого датування // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. Одеса, 2000. С. 185–196; Горелик А. Ф. Памятники Роголикско-Передельского района. Киев; Луганск, 2001; Васильев С. А. и др. Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. СПб., 2005.
- ¹⁹⁴ Симицын А. А. и др. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб., 1997; Лисицын С. Н. Эпиграветт или постграветт? (особенности кремневого инвентаря поздневалдайских памятников с мамонтовым хозяйством) // Stratum plus, № 1. СПб., 1999. С. 83–120; Грехова Л. В. Место стоянок Окского бассейна в системе палеолита Русской равнины // Древности Оки. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 85. М., 1994. С. 7–19.
- ¹⁹⁵ Кольцов Л. В., Жилин М. Г. Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры. М., 1999; Жилин М. Г. Хронология и периодизация бутовской мезолитической культуры // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 103. 1999. С. 109–126; Кравцов А. Е. Некоторые результаты изучения мезолитической иеневской культуры в Волго-Окском бассейне (по материалам середины 1980–1990-х годов) // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 103. М., 1999. С. 79–128.
- ¹⁹⁶ Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет (атлас-монография). М., 1982.
- ¹⁹⁷ Величко А. А., Нечаев В. П. Динамика климата и криолитозоны в плейстоцене // Квартер-2005. Материалы IV Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Сыктывкар, 2005. С. 62–64.
- ¹⁹⁸ Агаджанян А. К. Пространственная структура позднеплейстоценовой фауны млекопитающих Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. Вып. 2 (6) 2001. С. 2–18; Маркова А. К. Опыт реконструкций териокомплексов позднего плейстоцена // Квартер-2005. Материалы IV Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Сыктывкар, 2005. С. 253–255.
- ¹⁹⁹ Haynes H. Mammoths, mastodons and elephants. Biology, behavior, and the fossil record. Cambridge, 1991.
- ²⁰⁰ Верещагин Н. К. Охоты первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. 1971. Т. 69. С. 200–231; Он же. От ондатры до мамонта. Путь зоолога. СПб., 2002.
- ²⁰¹ Аникович М. В., Анисюткин Н. К. Человек и мамонт в верхнем палеолите // Первое международное мамонтовое совещание. СПб., 1995. С. 597; Аникович М. В. Днепр-Донецкая историко-культурная область охотников на мамонтов: от восточного граветта к восточному эпиграветту // Восточный граветт. М., 1998. С. 35–66; Soffer O. The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. Orlando, 1985.
- ²⁰² Zagorska I. The Earliest Settlement of Latvia // Environmental and Cultural History of the Eastern Baltic Region. ПАСТ 57. 1999. P. 131–156; Sulgostowska Z. Prahistoria miedzyrzeczka Wisly, Niemna i Dniestru u schylku plejstocenu. Warszawa, 1989.

- ²⁰³ *SataVICIUS E.* Hamburgokulturos radiniai Lietuvoje//Archeologija. Vilnius, 2002. Vol. 23. P. 163–186.
- ²⁰⁴ *Bergman C. A.* The Development of the Bow in Western Europe: A Technological and Functional Perspective//Hunting and Animal Exploitation in the Later Palaeolithic and Mesolithic of Eurasia. Archeological Papers of the American Anthropological Association. 1993. № 4. P. 95–106.
- ²⁰⁵ Обзор памятников См.: *Залізняк Л. Л.* Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи (Культурний поділ і періодизація). Київ. 1999; *Лисицын С. Н.* К вопросу о постледниковом заселении северо-запада Русской равнины//Исследования молодых ученых в области археологии и этнографии. Новосибирск, 2001. С. 137–147.
- ²⁰⁶ *Schild R., Pazdur M. F., Vogel J. C.* Radiochronology of the tanged point technocomplex in Poland//Tanged points cultures in Europe in Europe. Lublin, 1999. P. 13–15.
- ²⁰⁷ *Залізняк Л. Л.* Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи (Культурний поділ і періодизація). Київ. 1999; *Лисицын С. Н.* К вопросу о постледниковом заселении северо-запада Русской равнины//Исследования молодых ученых в области археологии и этнографии. С. 137–147.
- ²⁰⁸ *Синицына Г. В.* Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб., 1996.
- ²⁰⁹ *Косорукова-Кондакова Н. В.* Мезолитическая стоянка Марьино-IV в бассейне Средней Мологи//Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1995. С. 10–16; *Zhilin M. G.* The Western Part of Russia in the Late Palaeolithic – Early Mesolithic//The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Ludensia. Stockholm, 1996. № 24. P. 273–284.
- ²¹⁰ *Ostrauskas T.* Kabeliu 2-oji akmens amžiaus gyvenvietė//Lietuvos archeologija 16. 1999. P. 31–66.
- ²¹¹ *Zagorska I.* The earliest finds in the river Daugava Valley, East Baltic//Древности Подвинья: исторический аспект. СПб., 2003. С. 20–26.
- ²¹² *Долуханов П. М.* Палеогеография Усвятских стоянок//Археологический сборник Государственного Эрмитажа № 11. Л., 1969.
- ²¹³ *Синицына Г. В., Спиридонова Е. А., Лаврушин Ю. А.* Природная среда и проблемы миграций человека на рубеже плейстоцена–голоцена на севере Русской равнины и в Скандинавии//Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997. С. 86–103.
- ²¹⁴ *Косорукова-Кондакова Н. В.* Мезолитическая стоянка Марьино-IV в бассейне Средней Мологи//Пробле-
- мы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. С. 10–16.
- ²¹⁵ *Ксензов В. П.* Новые памятники гренокской культуры в Белорусском Поднепровье//Tanged points cultures in Europe in Europe. Lublin, 1999. P. 229–240; *Ксензов В. П.* Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск, 1988; *Синицына Г. В., Лисицын С. Н.* Опыт выделения хронологических комплексов финального палеолита – раннего мезолита на многослойной стоянке Вышегора I в Смоленской области//Археологические вести. Вып. 7. СПб., 2001. С. 49–60.
- ²¹⁶ *Залізняк Л. Л.* Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України//Кам'яна доба України. Київ 2005. Вып. 8; *Janevich O.* Das Swiderien Der Krim//Tanged points cultures in Europe in Europe. Lublin. 1999. P. 36–46.
- ²¹⁷ *Копытин В. К.* Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья//Tanged points cultures in Europe in Europe. Lublin, 1999. P. 256–266; *Копытин В. К.* Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья. Могилев, 1992; *Кравцов А. Е.* К вопросу о генезисе иеневской культуры//Тверской археологический сборник. Вып. 3. 1998. С. 203–208; *Амирханов Х. А.* Восточнограветийские технологические элементы в материалах поздней поры верхнего палеолита Поочья//Верхний палеолит – верхний плейстоцен. Динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб., 2002. С. 83–86; *Он же.* Восточнограветийские элементы в культурном субстрате волго-окского мезолита//Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004. С. 5–18; *Сорокин А. Н.* Проблемы мезолитоведения. М., 2006; *Синицына Г. В.* Заселение валдайской возвышенности на рубеже плейстоцена и голоцена//Пусть на север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. М., 2008. С. 161–172.
- ²¹⁸ *Синицына Г. В.* Заселение Валдайской возвышенности на рубеже плейстоцена и голоцена//Пусть на север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. С. 161–172.
- ²¹⁹ *Жилин М. Г.* Финальный палеолит Ярославского Поволжья. М., 2007.
- ²²⁰ *Анисюткин Н. К., Лисицын С. Н.* Стоянка Вашана – памятник рубежа плейстоцена и голоцена в Тульской области//Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М., 2007. С. 134–148.
- ²²¹ *Фаустова М. А.* Ледниковые ритмы на рубеже позднеледниковья и голоцена//Короткопериодные и резкие ландшафтно-климатические изменения за последние 15 000 лет. М., 1994. С. 94–103.

- ²²² *Климанов В. А.* Климат Северной Евразии в позднеледниковье (в последний климатический ритм)//Короткопериодные и резкие ландшафтно-климатические изменения за последние 15 000 лет. М., 1994. С. 61–93.
- ²²³ *Сапелко Т. В.* Реакция растительности на изменение климата на рубеже плейстоцена и голоцена на северо-западе России//Квартер-2005. Материалы IV Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Сыктывкар, 2005. С. 384–385.
- ²²⁴ *Хотинский Н. А.* Голоцен Северной Евразии. М., 1977.
- ²²⁵ *Спиридонова Е. А.* Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене — голоцене. М., 1991; *Спиридонова Е. А., Алешинская А. С.* Опыт применения палинологического анализа для периодизации мезолита Волго-Окского междуречья//Труды Государственного Исторического музея. Вып. 103. М., 1999. С. 127–141.
- ²²⁶ По: *Madeyska T.* Palaeogeography of European lowland during the late Vistulian//Folia Quaternaria. Kraków, 1999. Vol. 70. P. 7–30; *Ральска М., Ясевичева Л., Старкель Л.* Изменение растительности на территории Польши в голоцене//Палеогеографическая основа современных ландшафтов. М., 1994. С. 118–124.
- ²²⁷ По: *Санько А. Ф.* Неоплейстоцен Северо-Восточной Белоруссии и смежных районов РСФСР. Минск, 1987; *Калечиц Е. Г.* Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век. Минск, 2003.
- ²²⁸ По: *Seglins V., Kalnina L., Lacis A.* The Lubanas plain, Latvia, as reference area for long term studies of human impact on the environment//Environmental and cultural history of the eastern Baltic region. РАСТ, 1999. Vol. 57. P. 105–130.
- ²²⁹ По: *Кошелева Е. А.* Пространственно-временная организация ландшафтов юга Ленинградской области: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. СПб., 2000; *Кошелева Е. А., Суббето Д. А.* Пространственно-временная реконструкция ландшафтов позднего плейстоцена и голоцена Северо-Запада России//Пусть на север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. М., 2008. С. 173–179.
- ²³⁰ По: *Спиридонова Е. А., Алешинская А. С.* Опыт применения палинологического анализа для периодизации мезолита Волго-Окского междуречья//Труды Государственного Исторического музея. Вып. 103. М., 1999. С. 127–141; *Величко А. А., Кременецкий К. В., Негеданк Й. и др.* Позднечетвертичная история растительности Костромского Заволжья по данным палинологического изучения донных осадков Галичского озера//Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 64. М., 2001. С. 5–20.
- ²³¹ *Спиридонова Е. А.* Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене — голоцене. М., 1991; Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24–8 тыс. л. н.). М., 2008.
- ²³² Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24–8 тыс. л. н.). М., 2008.
- ²³³ Там же.
- ²³⁴ *Нецаев В. П.* Динамика многолетней мерзлоты в переход от позднего палеолита к мезолиту и неолиту в Северной Евразии//Пусть на север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. М., 2008. С. 63–68.
- ²³⁵ Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24–8 тыс. л. н.).
- ²³⁶ Там же.
- ²³⁷ Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24–8 тыс. л. н.). С. 193; Восточноевропейские леса: история в голоцене и современность. М., 2004. Т. 1. С. 46.
- ²³⁸ *Stuart A. J., Sulerzhitsky L. D., Orlova L. A. et al.* The latest woolly mammoths (*Mammuthus primigenius* Blumenbach) in Europe and Asia: a review of the current evidence//Quaternary Science Reviews 21 (2002). P. 1564.
- ²³⁹ *Синицын А. А. и др.* Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы//Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб., 1997.
- ²⁴⁰ *Залізник Л. Л.* Финнальний палеоліт і мезоліт Континентальної України//Кам'яна доба України. Київ 2005. Вып. 8. С. 162.
- ²⁴¹ *Дуброво И. А.* Фаунистические комплексы плейстоцена Центральной России//Четвертичная геология и палеогеография России. М., 1997. С. 68–76.
- ²⁴² *Вартанян С. Л.* Остров Врангеля в конце четвертичного периода: геология и палеогеография. СПб., 2007.
- ²⁴³ *Lougas L., Ukkonen P., Junger H.* Dating the extinction of European mammoths: new evidence from Estonia//Quaternary Science Reviews 21 (2002). P. 1347–1354.
- ²⁴⁴ *Stuart A. J., Sulerzhitsky L. D., Orlova L. A. et al.* The latest woolly mammoths (*Mammuthus primigenius* Blumenbach) in Europe and Asia: a review of the current evidence//Quaternary Science Reviews 21 (2002). P. 1564.
- ²⁴⁵ *Яшина О. В.* Краткая характеристика костей мамонта в коллекциях вологодского, череповецкого и тотемского музеев//Материалы третьего Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Смоленск, 2002. С. 155–158.

- ²⁴⁶ *Cohen M.* Reindeer distributions in the Late Paleolithic of the Ukraine: results of research // Caribou and reindeer hunters of the Northern Hemisphere. Avebury. 1997. P. 245–255.
- ²⁴⁷ Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24–8 тыс. л. н.). С. 172.
- ²⁴⁸ *Синицын А. А. и др.* Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб., 1997.
- ²⁴⁹ *Черныш А. П.* Многослойная палеолитическая стоянка Молодова-1 // Молодова-1. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. М., 1982. С. 6–87; *Он же.* Эталонная стоянка Молодова-V. Археология // Многослойная палеолитическая стоянка Молодова-V. М., 1987. С. 7–93.
- ²⁵⁰ *Давид А. И., Кроутор Р. В.* Северный олень (*Rangifer tarandus* L) в палеолите Молдовы // *Vestigii arheologice din Moldova*. Chisinau, 1997. P. 18–36; *Старкин Л. В.* Морфологические особенности представителей мамонтовой фауны в позднепалеолитических териосообществах // Археология та этнологія Східної Європи. Одесса, 2000. С. 21–38.
- ²⁵¹ *Bratlund B.* Hunting Strategies in the Late Glacial of Northern Europe: A Survey of the Faunal Evidence // *Journal of World Prehistory*. 1996. Vol. 10. № 1. P. 1–48.
- ²⁵² *Ukkonen P., Lougas L., Zagorska I. et al.* History of the reindeer (*Rangifer tarandus*) in the eastern Baltic region and its implications for the origin and immigration routes of the recent northern European wild reindeer populations // *Boreas*, 2006. Vol. 35. № 2. P. 222–230.
- ²⁵³ *Анисюткин Н. К., Лисицын С. Н.* Стоянка Вашана — памятник рубежа плейстоцена и голоцена в Тульской области // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене — раннем голоцене. М., 2007. С. 134–148.
- ²⁵⁴ *Жилин М. Г.* Финальный палеолиот Ярославского Поволжья. М., 2007.
- ²⁵⁵ *Он же.* Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М., 2004. С. 32.
- ²⁵⁶ *Ukkonen P.* Shaped by the Ace Age. Reconstructing history of mammals in Finland in the Late Pleistocene and Early Holocene. Helsinki, 2001.
- ²⁵⁷ *Bratlund B.* Hunting Strategies in the Late Glacial of Northern Europe: A Survey of the Faunal Evidence // *Journal of World Prehistory*. 1996. Vol. 10. № 1. P. 1–48.
- ²⁵⁸ *Жилин М. Г.* Финальный палеолиот Ярославского Поволжья.
- ²⁵⁹ *Сорокин А. Н.* Мезолит Оки. Проблема культурных различий. М., 2006; *Он же.* Проблемы мезолитоведения. М., 2006; *Он же.* Мезолитоведение Поочья в вопросах и ответах. М., 2008; *Ошибкина С. В.* Мезолит Восточного Прионежья: культура веретье. М., 2006; *Волокитин А. В.* Стоянки Парч-1–3 в бассейне р. Вычегды. Сыктывкар, 2006.
- ²⁶⁰ *Грачева Р. Г., Малясова Е. С., Успенская О. Н. и др.* Культурные слои и погребенные почвы в условиях заболоченных зандровых равнин: возможности и ограничения методов археологических и природных реконструкций // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика. Материалы научной конференции / Ред. С. А. Сычева, А. А. Узянов. М., 2006. С. 186–210.
- ²⁶¹ *Сорокин А. Н.* Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М., 2002; *Он же.* Еще раз о культуругенезе в мезолите Восточной Европы // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Иркутск, 2005. С. 42–43; *Он же.* Природные процессы и их роль в культуругенезе // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Материалы научной конференции. Йошкар-Ола, 2007. С. 34–41.
- ²⁶² *Квасов Д. Д.* Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л., 1975.
- ²⁶³ *Барановская З. Н., Дик Н. Г.* К истории формирования рек Москвы, Клязьмы и Верхней Волги // Землеведение. 1938. № 1. С. 33–65; *Квасов Д. Д.* Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л., 1975.
- ²⁶⁴ *Сорокин А. Н.* Мезолитоведение Поочья. М., 2008.
- ²⁶⁵ *Грачева Р. Г., Малясова Е. С., Успенская О. Н. и др.* Культурные слои и погребенные почвы в условиях заболоченных зандровых равнин: возможности и ограничения методов археологических и природных реконструкций // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика. Материалы научной конференции. С. 186–210.
- ²⁶⁶ Там же.
- ²⁶⁷ Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989; *Хлобыстина М. Д.* Древнейшие могильники Восточной Европы как памятники социальной истории. СПб., 1993; *Она же.* Социогенез культур Северной Евразии эпохи раннего голоцена. СПб., 1994.
- ²⁶⁸ Среда обитания человека в голоцене по данным изотопно-геохимических и почвенно-археологических

- исследований (Европейская часть России)/Отв. ред. В. И. Николаев. Т., 2002.
- ²⁶⁹ Там же; *Грачева Р. Г., Малясова Е. С., Успенская О. Н., и др.* Культурные слои и погребенные почвы в условиях заболоченных задровых равнин: возможности и ограничения методов археологических и природных реконструкций//Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика. Материалы научной конференции/Ред. С. А. Сычева, А. А. Узянов. С. 186–210.
- ²⁷⁰ *Ошибкина С. В.* Мезолитические погребения Восточного Прионежья//Археологические вести. Вып. 3. СПб., 1994.
- ²⁷¹ *Суворов А. В.* Могильник Минино-I на Кубенском озере по материалам работ 1993, 1996 гг.//Тверской археологический сборник. Тверь, 1998. Вып. 3. С. 193–202; *Он же.* Ярусное погребение № 19 мезолитического могильника на памятнике Минино-I//Тверской археологический сборник. Вып. 4. Тверь, 2000. Т. 1. С. 161–169; Кубенское озеро: взгляд сквозь тысячелетия (Шесть лет исследования Мининского археологического комплекса)/Отв. ред. Н. А. Макаров. Вологда, 2001; *Суворов А. В., Бужилова А. П.* Неординарные погребальные комплексы каменного века у д. Минино на Кубенском озере//ОПУС. Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М., 2004.
- ²⁷² *Грачева Р. Г., Малясова Е. С., Успенская О. Н. и др.* Культурные слои и погребенные почвы в условиях заболоченных задровых равнин: возможности и ограничения методов археологических и природных реконструкций//Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика. Материалы научной конференции. С. 186–210.
- ²⁷³ Среда обитания человека в голоцене по данным изотопно-геохимических и почвенно-археологических исследований (Европейская часть России).
- ²⁷⁴ *Грачева Р. Г., Малясова Е. С., Успенская О. Н. и др.* Культурные слои и погребенные почвы в условиях заболоченных задровых равнин: возможности и ограничения методов археологических и природных реконструкций//Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика. Материалы научной конференции. С. 186–210.
- ²⁷⁵ *Zaitseva G. I., B. van Geel.* The occupation history of the southern Eurasian steppe during the Holocene: chronology, the calibration curve and methodological problems of the Scythian chronology//Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. NATO Science Series. V. 42. editors E. Marian scott, Andret Yu. Alekseev and Ganna Zaitseva. Kluwer Academic Publishers. Dordrecht; Boston; London, 2004. P. 69–76.
- ²⁷⁶ *Ковалев А. А. и др.* Радиоуглеродное датирование курганов Монгольского Алтая, исследованных Международной центральноазиатской археологической экспедицией, и его значение для хронологического и типологического упорядочения памятников бронзового века Центральной Азии//Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул, 2008. С. 174–178; *Зайцева Г. И. и др.* Радиоуглеродная хронология культур Тувы, Алтая и Монголии начала раннего железного века//Труды 2-го Всероссийского археологического съезда. Суздаль, 2008. Т. 2. С. 29.
- ²⁷⁷ *Адрианов А. В.* Оглахтинский могильник / Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь» № 249 от 16 ноября 1903 г. и № 254 от 23 ноября 1903 г. С. 4.
- ²⁷⁸ *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири (Archaeologica Petropolitana, VII). СПб., 1999. С. 230.
- ²⁷⁹ *Кызласов Л. Р.* Раскопки в Оглах-Тах//АО 1970. 1969. С. 198; *Он же.* Хакасская археологическая экспедиция 1969 года//Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы, истории. Вып. XVI. Серия историческая. № 3. Абакан, 1971. С. 174; *Kyzlassow L.* Das Grabmal am Jenissei//Ideen des exakten Wissen. Wissenschaft und Technik in der Sowjetunion. Stuttgart, 1971. № 8. P. 520; *Коваленко Т.* Реставрация гипсовых погребальных масок//СГЭ. Вып. XXXV. 1972. С. 78; *Никитина К., Баранова Т.* Опыт реставрации сухого археологического меха//СГЭ. Вып. XXXVII. Л., 1973. С. 78; *Кызласов Л. Р., Панкова С. В.* Татуировка древней мумии из Хакасии (рубеж нашей эры)//СГЭ, 2004. С. 64; *Панкова С. В.* Композитная юбка из могильника Оглахты в Южной Сибири//VI Конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г. Тезисы докладов. СПб., 2005. С. 159.
- ²⁸⁰ *Зайцева Г. И., Чугунов К. В., Алексеев А. Ю. и др.* История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан//Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007. С. 260.
- ²⁸¹ *Van der Plicht Дж.* Последние достижения калибровки//Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007. С. 68; *Van der Plicht J., McCormac F. G.* A note on Calibration curve//Radiocarbon. 1995. Vol. 37. P. 963; Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., С. 70.
- ²⁸² *Васильев С. С., Зайцева Г. И.* Радиоуглеродное датирование: последние достижения и калибровка, статистический подход к оценке неопределенности радиоуглеродного возраста археологических памятников//Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007. С. 78.

- ²⁸³ *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири (Archaeologica Petropolitana, VII). СПб., 1999. С. 66.
- ²⁸⁴ *Van der Merwe N. J., Vogel J. C.* ¹³C content of human collagen as a measure of prehistoric diet in Woodland North America. *Nature* 1978. № 276. P. 816.
- ²⁸⁵ *Kon'kova L. V., Fefelov N. N., Zarudneva N. V.* The isotope composition of the bronzes from archaeological sites in the south of the Soviet Far East//Bulletin of the metals museum. Aoba, 1990. Vol. 15. P. 42.
- ²⁸⁶ Ibid.
- ²⁸⁷ *Хаврин С. В.* Металл скифских памятников Тувы и курган Аржан//*Степи Евразии в древности и средневековье*. СПб., 2003. Книга II. С. 172; *Хаврин С. В.* Спектральный анализ бронзовых изделий скифского времени Саяно-Алтая и проблемы хронологии тагарской культуры//*Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия*. Красноярск, 2005. С. 96.
- ²⁸⁸ *Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А.* Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований российско-германской экспедиции в 2001 году)//*Археология, этнография и антропология Евразии*. 2002. № 2. С. 115; *Čugunov K., Parzinger H., Nagler A.* Der skythishe Fürstengrabhügel von Arzhan 2 in Tuva//*Eurasia Antiqua*. Band 9. Mainz am Rhein, 2003. P. 118.
- ²⁸⁹ *Bokovenko N. A., Legrand S.* Das karasukzaitliche Gruberfeld Anchil Chon in Chakassien//*Eurasian Antiqua*. Bd. 6. Berlin; Mainz am Rhein, 2000. P. 209.
- ²⁹⁰ *Боковенко Н. А., Смирнов Ю. А.* Археологические памятники долины Белого Июса на севере Хакасии. СПб., 1998. С. 75.
- ²⁹¹ *Bokovenko N. A.* Tomb Saka princes discovered in the Sayans, Siberia//*New archaeological discoveries in Asiatic and Central Asia*. Sankt-Petersburg, 1994. P. 49.
- ²⁹² *Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А.* Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований российско-германской экспедиции в 2001 году)//*Археология, этнография и антропология Евразии*. 2002. № 2. С. 115.
- ²⁹³ *Дергачев В. А.* Радиоуглерод, космические лучи, солнечная активность и климат//*Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях*. СПб., 2007. С. 38; *Он же.* Воздействие космических лучей и солнечной активности на климат//*Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях*. СПб., 2007. С. 48.
- ²⁹⁴ Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., С. 257.
- ²⁹⁵ *Зайцева Г. И., Чугунов К. В., Алексеев А. Ю. и др.* История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан//*Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях*. СПб., 2007. С. 259.
- ²⁹⁶ *Дирксен В. Г., Ван Гил Б., Боковенко Н. А. и др.* Изменение природной среды в голоцене и динамика археологических культур в горных котловинах Южной Сибири//*Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях*. СПб., С. 345; *Дирксен В. Г., Чугунов К. В.* Турано-Уюкская котловина Тувы: изменение природных условий и динамика ее освоения в древности (опыт реконструкции)//*Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез*. СПб., 2007. С. 139.
- ²⁹⁷ *Moore P. D., Stevenson A. C.* Pollen studies in dry environments//*Desertification and development: dryland ecology in social perspective*. London, 1982. P. 250.
- ²⁹⁸ *Chen C. T. A. et al.* The dry Holocene Megathermal in Inner Mongolia//*Palaeogeogr., Palaeoclimatol., Palaeoecol.* 2003. № 193. P. 187.
- ²⁹⁹ *Blyakharchuk T. A., Wright H. E., Borodavko P. S. et al.* Late Glacial and Holocene vegetational changes on the Ulagan high-mountain plateau, Altai Mountains, southern Siberia//*Palaeoclimatology., Palaeoecology*. 2004. № 209. P. 260.
- ³⁰⁰ *Demske D., Heumann G., Granoszewski W. et al.* Late glacial and Holocene vegetation and regional climate variability evidenced in high-resolution pollen records from Lake Baikal//*Global and Planetary Change*. 2005. Vol. 46 (1–4). P. 269.
- ³⁰¹ *Ямских Г. Ю.* Растительность и климат голоцена Минусинской котловины. Красноярск, 1995. С. 130.
- ³⁰² *Савина Л. Н.* Таяжные леса Северной Азии в голоцене. Новосибирск, 1986. С. 50.
- ³⁰³ *Lehmkuhl F., Haselein F.* Quaternary paleoenvironmental change on the Tibetan Plateau and adjacent areas (Western China and Western Mongolia). *Quat. Int.* 65/66. 2000. P. 130.
- ³⁰⁴ *Бутвиловский В. В.* Палеогеография последнего оледенения и голоцена Алтая: событийно-катастрофическая модель. Томск, 1993. С. 120.
- ³⁰⁵ *Савина Л. Н.* Таяжные леса Северной Азии в голоцене. С. 120.
- ³⁰⁶ Там же.
- ³⁰⁷ *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.
- ³⁰⁸ *Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A.* New radiocarbon dates of the north Asian steppe zone and its consequences for the chronology//*Radiocarbon*. 2001. Vol. 43 P. 1116;

- Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A. Dating of the Siberian Steppe Zone from Bronze Age to Scythian times//Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. NATO Science Serie. IV. Earth and Environment Science. Vol. 42. Dodrecht; Boston; London, 2004. P. 84.
- 309 Ibid.
- 310 Ibid.
- 311 Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. С. 120.
- 312 Грязнов М. П. Аржан: царский курган раннескифского времени. Л., 1980. С. 40.
- 313 Зайцева Г. И., Чугунов К. В., Алексеев А. Ю. и др. История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан//Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007. С. 255.
- 314 Чугунов К. В. Аржан-источник//Аржан-источник в долине царей. СПб., 2004. С. 20.
- 315 Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., С. 87.
- 316 Андреев Г. И. Поселение Зайсановка-1 в Приморье//СА. 1957. № 2. С. 121–145.
- 317 Он же. Некоторые вопросы культур Южного Приморья 3–1-го тыс. до н. э//Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. № 86. С. 156–157.
- 318 Окладников А. П. Неолит Сибири и Дальнего Востока//Материалы и исследования по археологии СССР. 1970. № 166. С. 189.
- 319 Бродянский Д. Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток, 1987. С. 30–96.
- 320 Валентин-перешеек — поселок древних рудокопов. М., 1987.
- 321 Там же. С. 237.
- 322 Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток, 1998; Янишина О. В. К проблеме однородности зайсановской археологической культуры//Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий (материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока). Третья Междунар. науч. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». Благовещенск, 2003. С. 109–121.
- 323 Бродянский Д. Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток, 1987. С. 94–95.
- 324 Дьяков В. И. Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. Владивосток, 1992. С. 130–131.
- 325 Валентин-перешеек — поселок древних рудокопов. С. 201; Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. С. 361; Янишина О. В. К проблеме однородности зайсановской археологической культуры//Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий (материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока). Третья Междунар. науч. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». С. 118.
- 326 Гарковик А. В. Новый неолитический памятник Боголюбовка-1//Древние культуры Дальнего Востока СССР (Археологический поиск). Владивосток, 1989. С. 8–10; Она же. Боголюбовка-1 — памятник позднего неолита Приморья//Окно в неведомый мир: Сб. статей к 100-летию со дня рождения академика Алексея Павловича Окладникова. Новосибирск, 2008. С. 131–139; Клюев Н. А., Жушиховская И. С. К вопросу об освоении Приморья во 2–1-м тыс. до н. э. (по материалам поселения Новоселище-4)//Исторический опыт освоения восточных районов России: Тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. Владивосток, 1993. Вып. 1. С. 30–33; Клюев Н. А., Слепцов И. Ю. Раскопки поселения Анучино-14 в Приморье в 1999 году//Шестая Дальневост. конф. молодых историков: Сб. материалов. Владивосток, 2001. С. 19–23; Гарковик А. В. и др. Новые данные об освоении Приморья в период позднего неолита (по материалам поселения Алексей-Никольское-1)//Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века): Материалы Междунар. научн. конф. Благовещенск, 2004. С. 92–98; Коломиец С. А., Батаршев С. В., Крутых Е. Б. Поселение Ретиховка-геологическая (хронология, культурная принадлежность)//Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток, 2002. С. 90–102; Гельман Е. И., Исакова Т. В., Вострецов Ю. Е. Керамический комплекс неолитического поселения Зайсановка-7//Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий (материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока). Третья Междунар. науч. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». Благовещенск, 2003. С. 128–135.
- 327 Дьяков В. И. Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. С. 130–131; Медведев В. Е. Поселение Перевал на юге Приморья//История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э. В. Шавкунова. Владивосток, 2000. С. 40–48; Янишина О. В. К проблеме однородности зайсановской археологической культуры//Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий (материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока). Третья Междунар. науч. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». Благовещенск, 2003. С. 109–121; Вострецов Ю. Е., Гельман Е. И., Комото М. и др. Новый керамический комплекс неолитического

- поселения Кроуновка-1 в Приморье // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы Междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рождения академика А. П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археол. экспедиции. Новосибирск, 2003. С. 86–93.
- ³²⁸ Янишина О. В., Клюев Н. А. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: критерии выделения и характеристика археологических комплексов // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005. С. 200.
- ³²⁹ Ларичев В. Е. Неолит и бронзовый век Кореи // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Новосибирск, 1978. С. 9–87.
- ³³⁰ Ли Цзян. Предварительное изучение керамики с резным орнаментом из восточной части Дунбэя // Древние культуры Сибири и Северо-Восточного Китая. Новосибирск, 1994. С. 77–82.
- ³³¹ Гарковик А. В. Поселение на сопке Мустанг. // Тр. / АН СССР. ДВНЦ. Сер. ист. 1971. Т. 8. С. 72–73; Гарковик А. В. Новый неолитический памятник Боголюбовка-1 // Древние культуры Дальнего Востока СССР (Археологический поиск). Препринт. Владивосток, 1989. С. 8–10; Клюев Н. А., Жущиховская И. С. К вопросу об освоении Приморья во 2–1-м тыс. до н. э. (по материалам поселения Новоселище-4) // Исторический опыт освоения восточных районов России: Тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. Владивосток, 1993. Вып. 1. С. 30–33; Жущиховская И. С. Древнее гончарство юга Дальнего Востока России (история производства): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1996; Коломиец С. А., Батаршев С. В., Крутых Е. Б. Поселение Ретиховка-геологическая (хронология, культурная принадлежность) // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток, 2002. С. 90–102; Клюев Н. А., Янишина О. В., Кононенко Н. А. Поселение Шекляево-7 — новый неолитический памятник в Приморье // Россия и АТР. 2003. № 4. С. 5–15; Гарковик А. В. и др. Новые данные об освоении Приморья в период позднего неолита (по материалам поселения Алексей-Никольское-1) // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века): Материалы Междунар. научн. конф. Благовещенск, 2004. С. 92–98.
- ³³² Бродянский Д. Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток, 1987. С. 72–75.
- ³³³ Клюев Н. А., Сергушева Е. А., Верховская Н. Б. Земледелие в финальном неолите Приморья (по материалам поселения Новоселище-4) // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск, 2002. Вып. 4. С. 120.
- ³³⁴ Гарковик А. В. и др. Новые данные об освоении Приморья в период позднего неолита (по материалам поселения Алексей-Никольское-1) // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века): Материалы Междунар. научн. конф. Благовещенск, 2004. С. 92.
- ³³⁵ Коломиец С. А., Батаршев С. В., Крутых Е. Б. Поселение Ретиховка-геологическая (хронология, культурная принадлежность) // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток, 2002. С. 97.
- ³³⁶ Гарковик А. В. Боголюбовка-1 — памятник позднего неолита Приморья // Окно в неведомый мир: Сб. статей к 100-летию со дня рождения академика Алексея Павловича Окладникова. Новосибирск, 2008. С. 137.
- ³³⁷ Она же. Результаты раскопок на поселении Мустанг-1 в 1987 году // Археологические исследования на Дальнем Востоке России. Препринт. Владивосток, 1993. С. 3–6.
- ³³⁸ Определения выполнены Е. А. Сергушевой, за что авторы ей искренне благодарны.
- ³³⁹ Гарковик А. В. Новая группа памятников Восточного Приморья (3–2-е тыс. до н. э.) // Тр. АН СССР. СО. ДВФ. Сер. ист. Т. 7. С. 15–17; Андреева Ж. В. Древнее Приморье (железный век). М., С. 118–128.
- ³⁴⁰ Дьяков В. И. Приморье в эпоху бронзы. Владивосток, 1989. С. 24; Бродянский Д. Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток, 1987. С. 155.
- ³⁴¹ Клюев Н. А., Янишина О. В. Новые данные по эпохе палеометалла Приморья (поселение Глазковка-2) // Третья Дальневост. конф. молодых историков: Тез. докл. Владивосток, 1994. С. 14–15; Она же. Новые материалы по эпохе палеометалла Приморья. Поселение Глазковка-2 // Вопросы археологии, истории и этнологии Дальнего Востока. Владивосток, 1997. С. 18–30; Дьяков В. И., Дьякова О. В., Сидоренко Е. В. Комплекс эпохи палеометалла памятника Монастырка-3 // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий (материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока). Третья Междунар. науч. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». Благовещенск, 2003. С. 141–147; Cassidy J., Kononenko N., Sleptsov I., Ponkratova I. On the Margarita Archaeological Culture: Bronze Age or Final Neolithic? // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы Междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рожд. академика А. П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археол. экспедиции. Владивосток, 2003. С. 300–302.
- ³⁴² Янишина О. В. К вопросу о культурной интерпретации позднего комплекса поселения Моряк-Рыболов (Пхусун) // Третья Дальневосточная конференция молодых историков: Тез. докл. Владивосток, 1994. С. 16–17.

- ³⁴³ Она же. К проблеме выделения маргаритовской археологической культуры//Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток. С. 77–84.
- ³⁴⁴ Ключев Н. А., Янишина О. В. Новые материалы по эпохе палеометалла Приморья. Поселение Глазковка-2//Вопросы археологии, истории и этнологии Дальнего Востока. Владивосток, 1997. С. 18–30.
- ³⁴⁵ Дьяков В. И., Дьякова О. В., Сидоренко Е. В. Комплекс эпохи палеометалла памятника Монастырка-3//Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий (материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока). Третья Междунар. науч. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». Благовещенск, 2003. С. 141–147.
- ³⁴⁶ Там же. С. 142–143.
- ³⁴⁷ Ключев Н. А., Янишина О. В. Новые материалы по эпохе палеометалла Приморья. Поселение Глазковка-2//Вопросы археологии, истории и этнологии Дальнего Востока. С. 18–19.
- ³⁴⁸ Дьяков В. И., Дьякова О. В., Сидоренко Е. В. Комплекс эпохи палеометалла памятника Монастырка-3//Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий (материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока). Третья Междунар. науч. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». С. 147.
- ³⁴⁹ История Дальнего Востока СССР (с древнейших времен до XVII века). М., 1989. С. 80.
- ³⁵⁰ Янишина О. В. К проблеме выделения маргаритовской археологической культуры//Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. С. 77–84; Она же. Финальный неолит — бронзовый век Приморья. Систематизация археологических памятников: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2001.
- ³⁵¹ Там же.
- ³⁵² Там же.
- ³⁵³ Там же.
- ³⁵⁴ Андреева Ж. В., Студзицкая С. В. Бронзовый век Дальнего Востока//Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 351–363; Бродянский Д. Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток, 1987. С. 72–75.
- ³⁵⁵ Жущиховская И. С. Древнее гончарство юга Дальнего Востока России (история производства): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1996; Янишина О. В. Финальный неолит — бронзовый век Приморья. Систематизация археологических памятников: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.
- ³⁵⁶ Cassidy J. et al. On the Margarita Archaeological Culture: Bronze Age or Final Neolithic?//Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы Междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рожд. академика А. П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археол. экспедиции. Владивосток, 2003. С. 300–302.
- ³⁵⁷ Зах В. А., Рябогина Н. Е. Ландшафты и человек в среднем и позднем голоцене лесостепного Тоболо-Ишимья//Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004, № 4. С. 116–122.
- ³⁵⁸ Зах В. А., Скочина С. Н. Неолитический комплекс поселения Мергень-6 (по итогам работ 2002 г.)//Проблемы взаимодействия человека и природной среды: Материалы итоговой сессии Ученого совета ИПОС СО РАН 2002 г. Вып. 4. Тюмень, 2003. С. 12–17.
- ³⁵⁹ Они же. Поселение Мергень-3//Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 4. Тюмень, 2002. С. 37–58.
- ³⁶⁰ Косинцев П. А., Некрасов А. Е. Промысловая деятельность людей из поселений, расположенных на берегу озера Мергень (Мергень-5 и 6), в неолите и энеолите//Экология древних и современных обществ. Тезисы докладов конференции, посвященной 275-летию РАН. Тюмень, 1999. С. 100–104.
- ³⁶¹ Ковалева В. Т., Сериков Ю. В. Поселения боборыкинско-го типа на Андреевском озере у г. Тюмени//Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск, 1982. С. 45; Шилов С. Н., Зырянова С. Ю., Шаманов А. В. Комплекс боборыкинской культуры поселения Пикушка-1//ВАУ. Вып. 24. Екатеринбург, 2002. С. 105.
- ³⁶² Сериков Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000. С. 131.
- ³⁶³ Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997. С. 101–102; Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001. С. 142.
- ³⁶⁴ Троицкая Т. Н., Зах В. А., Сидоров Е. А. Новое о завьяловской культуре//Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 103–116.
- ³⁶⁵ Абрамова М. Б., Стефанов В. И. Памятники инберенского типа (о своеобразии перехода к железному веку в лесостепном Прииртышье)//ВАУ. Свердловск, 1981. Вып. 15. С. 92–97; Данченко Е. М. Южнотаежное Прииртышье в середине — второй половине 1-го тыс. до н. э. Омск, 1996.
- ³⁶⁶ Кайдалов А. И., Сечко Е. А. Комплекс поздней бронзы и перехода к раннему железному веку городища Усть-Утяк-1 (по материалам исследований 2002–2003 гг.)//Этнические взаимодействия на южном

- Урале: Мат. II регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2004. С. 73–76; *Они же*. Материалы переходного времени от бронзы к железу городища Усть-Утяк-1 (по результатам исследований 2002–2006 гг.)//Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2006. № 7. С. 76–84.
- ³⁶⁷ *Зах В. А.* Кольцевые укрепления рубежа бронзового и железного веков в Нижнем Приоболье//Третьи исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Докл. Всерос. науч. конф. Омск, 1995. С. 113–117.
- ³⁶⁸ *Зимина О. Ю., Мыльникова Л. Н.* Керамика восточного варианта иткульской культуры (по материалам памятников Юртоборовского археологического микрорайона в Нижнем Приоболье)//Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 4 (28). С. 96–114.
- ³⁶⁹ *Матвеев А. В., Аношко О. М., Агишева О. С.* Результаты исследования селища Заводоуковское-9//Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2005. № 6. С. 73–81.
- ³⁷⁰ *Зимина О. Ю., Мыльникова Л. Н.* Керамика восточного варианта иткульской культуры (по материалам памятников Юртоборовского археологического микрорайона в Нижнем Приоболье)//Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 4 (28). С. 96–114.
- ³⁷¹ *Массон В. М.* Алтын-депе. Л., 1981; *Он же*. Культурогенез древней Центральной Азии. СПб., 2006. С. 42–85.
- ³⁷² *Лисицына Г. Н.* Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М., 1978. С. 23–35.
- ³⁷³ *Мамедов Э.* Изменения климата среднеазиатских пустынь в голоцене//Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 170–175; *Долуханов П. М.* Развитие природной среды и хозяйство первобытного населения Восточной Европы и Передней Азии в позднем плейстоцене и голоцене: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1984. С. 42–44.
- ³⁷⁴ *Хотинский Н. А.* Три типа изменения климата Северной Евразии в голоцене//Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 5; *Долуханов П. М.* Развитие природной среды и хозяйство первобытного населения Восточной Европы и Передней Азии в позднем плейстоцене и голоцене: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. С. 44–46.
- ³⁷⁵ *Степанов И. Н.* Периодическая повторяемость почвообразования в плейстоцене–голоцене Арало-Каспийского региона//Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 31.
- ³⁷⁶ *Левковская Г. М., Кирчо Л. Б.* К вопросу о палеоэкологии Южного Туркменистана в 3-м тыс. до н. э. (предварительная палинологическая характеристика отложений Алтын-депе)//Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии. СПб., 2004. С. 90.
- ³⁷⁷ Археологическая периодизация памятников эпохи энеолита юга Средней Азии базируется на стратиграфии эталонных многослойных поселений – Северного холма Анау и Намазга-депе, где выделены последовательные этапы (периоды) развития культуры: Анау-IA – начало раннего энеолита; Намазга-I или Анау-IB – ранний энеолит; Намазга-II или Анау-II – средний энеолит; Намазга-III – поздний энеолит. Культурные комплексы типа Анау-1A имели, вероятно, иранское происхождение (См.: *Массон В. М.* Энеолит Средней Азии//Энеолит СССР. Археология СССР. М., 1982. С. 20). В 6-м – начале 5-го тыс. до н. э. на территории Ирана шло формирование оазисной системы расселения древних земледельцев и скотоводов и проникновение носителей культуры Анау-IA на северную подгорную равнину Копетдага и в верховья Атрека (См.: *Kohl Ph. L.* Central Asia. Palaeolithic Beginnings to the Iron Age. Paris, 1984. P. 65–67, map 8), вероятно, являлось частным проявлением этого процесса.
- ³⁷⁸ *Массон В. М.* Энеолит Средней Азии//Энеолит СССР. Археология СССР. С. 21–25, табл. X–XI; *Хлопкин И. Н.* Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. М.; Л., 1963.
- ³⁷⁹ *Лисицына Г. Н.* Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М., 1978. С. 204, 208.
- ³⁸⁰ *Массон В. М.* Энеолит Средней Азии//Энеолит СССР. Археология СССР.; *Kohl Ph. L.* Central Asia. Palaeolithic Beginnings to the Iron Age. P. 65–67, map 9.
- ³⁸¹ *Березкин Ю. Е., Соловьева Н. Ф.* Парадные помещения Илгынлы-депе (предварительная типология)//Археологические вести. 1998. № 5. С. 86–123; *Массон В. М.* Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. М.; Л., 1962; *Он же*. Энеолит Средней Азии//Энеолит СССР. Археология СССР. С. 26–34, табл. XIV–XVIII; *Он же*. Илгынлы-депе – новый центр энеолитической культуры Южного Туркменистана//Известия АН ТССР. Ашхабад, 1989. № 6. С. 15–20; *Сарианиди В. И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М., 1965; *Хлопкин И. Н.* Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. Л., 1969.
- ³⁸² *Лисицына Г. Н.* Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М., 1978. С. 209.
- ³⁸³ *Каспаров А. К.* Скотоводство и охота эпохи неолита – палеометалла в Южном Туркменистане (развитие стратегии использования животных ресурсов). СПб., 2006.
- ³⁸⁴ *Массон В. М.* Энеолит Средней Азии//Энеолит СССР. Археология СССР. С. 54.

- ³⁸⁵ *Масимов И. С.* К вопросу об освоении низовий Мургаба древнеземледельческими племенами // Известия АН ТССР. Ашхабад, 1979. № 2. С. 72–77.
- ³⁸⁶ *Исаков А. И.* Верховья Зеравшана в эпоху энеолита и бронзы (к проблеме многоочагового развития Средней Азии в раннеземледельческую эпоху): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1991.
- ³⁸⁷ *Кирчо Л. Б.* Новое обследование Алтын-депе // Археологические вести. 1999. № 6. С. 458–459.
- ³⁸⁸ *Кирчо Л. Б.* Основные типы сооружений и технология строительства Алтын-депе в эпоху позднего энеолита и ранней бронзы // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб., 2001. С. 5–13.
- ³⁸⁹ *Массон В. М., Кирчо Л. Б.* Изучение культурной трансформации раннеземледельческих обществ (по материалам новых раскопок на Алтын-депе и Илгынлы-депе) // Российская археология. 1999. № 2. С. 62.
- ³⁹⁰ *Сарианиди В. И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М., 1965. С. 10–11.
- ³⁹¹ *Лисицына Г. Н.* Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965. С. 138, 142.
- ³⁹² *Amiet P.* L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. Paris, 1986. Fig. 202.
- ³⁹³ *Каспаров А. К.* Скотоводство и охота эпохи неолита — палеометалла в Южном Туркменистане (развитие стратегии использования животных ресурсов).
- ³⁹⁴ *Коробкова Г. Ф.* Функциональная типология орудий труда и других неметаллических изделий Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб., 2001. Табл. 2, 3.
- ³⁹⁵ *Korobkova G. F., Sharovskaya T. A.* Stone tools from Ilygynly-depe (Turkmenistan): the evidence from use-wear analysis // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. Sankt-Petersburg, 1994. P. 27–30.
- ³⁹⁶ *Шаровская Т. А.* Технология изготовления алебастровых сосудов // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. 1. С. 252–253.
- ³⁹⁷ *Кирчо Л. Б.* Погребальный инвентарь Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005. С. 401–405.
- ³⁹⁸ *Массон В. М.* Кара-депе у Артыка // Труды Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад, 1960. Т. X. Табл. XVII: 1–6, 8, 9.
- ³⁹⁹ *Сарианиди В. И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М., 1965. С. 14, рис. 11: 1; табл. XXVI: 7, 13, 15.
- ⁴⁰⁰ *Хлопин И. Н.* Энеолит Юго-Западного Туркменистана. СПб., 1997. С. 110, 115, табл. 68: 2.
- ⁴⁰¹ Вероятно, опасные в пожарном отношении кузницы находились в специальных местах на поселении или даже вне его.
- ⁴⁰² *Кирчо Л. Б.* Основные направления и характер культурных взаимодействий населения Южного Туркменистана в 5–3-м тыс. до н. э. // Stratum Plus 2006–2007. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2008. № 2. С. 377–395.
- ⁴⁰³ Там же.
- ⁴⁰⁴ *Васильев С. А.* Поздние комплексы многослойной стоянки Уй-II и проблема развития каменного века в голоцене на Верхнем Енисее // Археологические вести. № 8. 2001. С. 61.
- ⁴⁰⁵ *Лисицын Н. Ф.* К вопросу о неолите Хакасии // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1988. № 193. С. 15–20.
- ⁴⁰⁶ *Дирксен В. Г., Кулькова М. А., Ван Гил Б.* Климат и растительность Минусинской котловины в голоцене по данным детальных палинологических, микрофоссильных и геохимических исследований // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 77–79; *van Geel B., Bokovenko N. A., Burova N. D. et al.* Een plotselinge zon-gestuurde klimaatverandering omstreeks 850 v. Chr. als oorzaak van de expansie van de Scythen? // Nederlandse Archeologische Rapporten. Springer. Netherlands. 2005. Vol. 32. P. 105–115; *Дирксен В. Г., ван Гил Б., Боковенко Н. А. и др.* Изменение природной среды в голоцене и динамика археологических культур в горных котловинах Южной Сибири // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007. С. 340–364; *Красниченко С. В., Кулькова М. А.* Ландшафтно-климатические особенности и древнее население Назаровской котловины (Южная Сибирь) в период голоцена // Антропология, археология и этнография Евразии. Новосибирск, 2008.
- ⁴⁰⁷ *Грязнов М. П.* Афанасьевская культура на Енисее. СПб., 1999.
- ⁴⁰⁸ *Еромолова Н. М., Марков Ю. Н.* Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 95–98.
- ⁴⁰⁹ *Peck A. J., Khosbayar P., Fowell S. J.* Mid to Late Holocene climate change in north central Mongolia as recorded in the sediments of Lake Telmen. Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. № 2817. 2002. P. 1–9.
- ⁴¹⁰ *Максименков Г. А.* Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 48–58.
- ⁴¹¹ *Он же.* Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.

- ⁴¹² *Савинов Д. Г.* Древние поселения Хакасии: Торгажак. СПб., 1996.
- ⁴¹³ *Legrand S.* Sorting Out Men and Women in the Karasuk Culture. Lanhan; New York; Toronto; Plymouth. 2008. P. 173–174.
- ⁴¹⁴ *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Енисея. Л., 1986.
- ⁴¹⁵ *Поляков А. В.* Периодизация «классического» этапа карасукской культуры: по материалам погребальных памятников: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2006; *Лазаретов И. П.* Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2006.
- ⁴¹⁶ *Watson W.* Archaeology in China. London. Max Parrish, 1960; *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981; *Новгородова Э. А.* Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.
- ⁴¹⁷ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- ⁴¹⁸ *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Енисея. Л., 1986.
- ⁴¹⁹ *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972.
- ⁴²⁰ *Лазаретов И. П.* Могильник Тюрим (о времени появления атипичной керамики в карасукских комплексах) // Археологические вести. № 15. СПб., 2008. С. 37–54.
- ⁴²¹ *Громов А. В.* Население юга Хакасии в эпоху поздней бронзы и проблема происхождения карасукской культуры // Антропология сегодня. Вып. 1. СПб., 1995. С. 130–150.
- ⁴²² *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
- ⁴²³ *Грязнов М. П., Вадецкая Э. Б.* Афанасьевская культура / В кн.: История Сибири. Л., 1968. Т. 1. С. 186–196; *Грузнов М.* South Siberia. Geneva, 1969. *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Енисея.
- ⁴²⁴ *Алексеев А. Ю., Боковенко Н. А., Васильев С. С. и др.* Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.
- ⁴²⁵ *Лохов К. И., Бережная Н. Г., Матуков Д. И. и др.* Изотопы углерода, азота и стронция в костных остатках памятников скифской эпохи Южной Сибири и Центральной Азии (опыт определения мигрантов, сравнительного анализа диеты древнего населения) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 91–93.
- ⁴²⁶ *Козинцев А. Г.* Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л., 1977.
- ⁴²⁷ *Дэвлет М. А.* Петроглифы скифо-сибирского звериного стиля в Саянском каньоне Енисея // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1984. С. 25–24; *Завитухина М. П.* Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Л., 1983; *Боковенко Н. А.* Наскальное искусство скифской эпохи // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово, 1998. С. 86–87; *Советова О. С., Миклашевич Е. А.* Хронологические и стилистические особенности средне-неисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999. С. 47–74.
- ⁴²⁸ *Астахов С. Н.* Палеолитические памятники Тувы. СПб., 2008. С. 30–31.
- ⁴²⁹ Там же. С. 38–84.
- ⁴³⁰ Там же. С. 111–117.
- ⁴³¹ *Он же.* Палеолит Тувы. Новосибирск, 1986. С. 50–51, 62–69.
- ⁴³² Свод археологических памятников Республики Тува. Кызыл, 1994. С. 160, п. № 631.
- ⁴³³ Там же. С. 162, п. № 647.
- ⁴³⁴ *Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У.* О некоторых проблемах истории ранних кочевников Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 43–59.
- ⁴³⁵ *Дэвлет М. А.* Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980.
- ⁴³⁶ *Чугунов К. В.* Новые находки личин в верховьях Енисея // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997. С. 237–239.
- ⁴³⁷ *Кубарев В. Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э.* Петроглифы Цаган-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск, 2005. С. 74, прил. II, рис. 69.
- ⁴³⁸ *Семенов Вл. А.* Уюкско-саглынская культура // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 2. С. 61–63.
- ⁴³⁹ *Он же. А.* Культура усуней на севере Центральной Азии // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 334–336.
- ⁴⁴⁰ *Вострецов Ю. Е.* «Поворотные моменты» в культурной эволюции древнего населения Приморья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3 (27). С. 25–32.
- ⁴⁴¹ *Aikens C. M., Higuchi T.* Prehistory of Japan. New York, 1982; *Imamura K.* Prehistoric Japan. New perspectives on insular East Asia. London, 1996.
- ⁴⁴² *Вострецов Ю. Е.* «Поворотные моменты» в культурной эволюции древнего населения Приморья // Ар-

- хеология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3 (27). С. 25–32.
- ⁴⁴³ Янина О. В., Клюев Н. А. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: критерии выделения и характеристика археологических комплексов // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы / Отв. ред. Ж. В. Андреева. Владивосток, 2005. С. 187–233.
- ⁴⁴⁴ Линь Юнь. Лунь Туаньцзе вэньхуа (О культуре Туаньцзе) // Бэйфан вэньбу. 1985. № 1. С. 19. На кит. яз. (перевод А. Л. Ивлиева); *Byington M. E. Control or Conquer?* // *Journal of Northeast Asian History*. 2007. Vol. 4–1. P. 85–117; *Byington M. E. A History of the Puyo State, its People, and Its Legacy*. Unpublished Dr. Phil Thesis. Harvard Univ. Cambridge, Massachusetts, 2003.
- ⁴⁴⁵ *Byington M. E. A History of the Puyo State, its People, and Its Legacy*. Unpublished Dr. Phil Thesis. Harvard Univ. P. 146.
- ⁴⁴⁶ *Ibid.* P. 109, 145.
- ⁴⁴⁷ *Ibid.* P. 134, 485.
- ⁴⁴⁸ *Ibid.* P. 146.
- ⁴⁴⁹ *Ibid.* P. 492.
- ⁴⁵⁰ *Ibid.* P. 482.
- ⁴⁵¹ Атлас географических карт к наброску истории Китая (Чжунго шигао диту цзи) / Под общ. ред. Го Можо. Пекин, 1996. С. 19. На кит. яз. (перевод А. Л. Ивлиева).
- ⁴⁵² *Вострецов Ю. Е. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря* // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005. С. 159–186.
- ⁴⁵³ Андреева Ж. В., Жущиховская И. С. Кононенко Н. А. Янковская культура. М., 1986.
- ⁴⁵⁴ *Habu J. Ancient Jomon of Japan* / Case studies in early societies. Cambridge University Press, 2004; *Kobayashi T. Jomon reflections: forager life and culture in the prehistoric Japanese archipelago*. Oxbow Books, 2004.
- ⁴⁵⁵ *Вострецов Ю. Е. Жилища и поселения железного века юга Дальнего Востока СССР (по материалам кроуновской культуры)*: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987; *Вострецов Ю. Е., Жущиховская И. С. Поселение кроуновской культуры Корсаковское-2 в Приморье* // Новые материалы по первобытной археологии юга Дальнего Востока / АН СССР. ДВО. ИИАЭ. Препринт. Владивосток, 1987. С. 23–30; *Янушевич З. В., Вострецов Ю. Е., Макарова С. А. Палеоэтноботанические находки в Приморье*: Препринт. Владивосток, 1990. С. 5–7.
- ⁴⁵⁶ Krounovka-1. Site in Primorye, Russia. Report of excavation in 2002 and 2003 // Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia. Eds by Komoto M. and Obata H. Kumamoto: Shimoda Print Co. Ltd, 2004. *Вострецов Ю. Е. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря* // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005. С. 159–186.
- ⁴⁵⁷ *Вострецов Ю. Е. Работы в пади Семипятнова в Приморье* // АО, 1982. М., 1984. С. 193–194; *Он же. Раскопки жилищ кроуновской культуры на поселении Киевка в Приморье* // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1985. № 184. С. 60–63; *Он же. Метод ландшафтного анализа (на примере поселений кроуновской культуры железного века в Приморье)* // Проблемы археологических исследований на Дальнем Востоке СССР. Материалы XIII Дальневосточ. науч. конф. по проблемам отечественной и зарубежной историографии. Владивосток, 1986. С. 135–147; *Он же. Жилища и поселения железного века юга Дальнего Востока СССР (по материалам кроуновской культуры)*: Автореферат дис. ... канд. ист. наук; *Вострецов Ю. Е., Жущиховская И. С. Поселение кроуновской культуры Корсаковское-2 в Приморье* // Новые материалы по первобытной археологии юга Дальнего Востока / АН СССР. ДВО. ИИАЭ. Препринт. С. 23–30; *Он же. К вопросу о каналах на памятниках кроуновской культуры Приморья* // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1990. № 199. С. 74–79; *Вострецов Ю. Е. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря* // Приморье в древности и средневековье: Материалы регион. археол. конф. Уссурийск, 1996. С. 17–23; *Vostretsov Yu. E. Interaction of Maritime and Agricultural Adaptation in the Japan Sea Basin* // Prehistory of Food, Appetites for Change. London, 1999. P. 322–332; *Vostretsov Yu. E. Environmental changes and migrations: case study* // Interaction and transformations. Vol. 2 / Ed. by Mizoguchi K. Fukuoka: Kyushu University, 2004. P. 51–61; *Вострецов Ю. Е. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря* // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005. С. 159–186; *Он же. «Поворотные моменты» в культурной эволюции древнего населения Приморья* // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3 (27). С. 25–32.
- ⁴⁵⁸ *Никитин Ю. Г. Исследование памятников кроуновской культуры в долине р. Суйфун* // Вперед... в прошлое. К 70-летию Ж. В. Андреевой. Владивосток, 2000. С. 286–294.
- ⁴⁵⁹ Там же.
- ⁴⁶⁰ *Жущиховская И. С. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России*. Владивосток, 2004.

- ⁴⁶¹ *Вострецов Ю. Е.* Жилища и поселения железного века юга Дальнего Востока СССР (по материалам кроуновской культуры): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.
- ⁴⁶² *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973.
- ⁴⁶³ Там же; *Деревянко А. П., Медведев В. Е.* К проблеме преобразования культур позднейшей фазы древности на юге Приморья (по материалам исследования поселения Булочка)//Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №3 (35). С. 14–35.
- ⁴⁶⁴ *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Многослойное поселение Олений А в Приморье//АО. 1967. М., 1968. С. 155–157.
- ⁴⁶⁵ *Вострецов Ю. Е.* Раскопки жилищ кроуновской культуры на поселении Киевка в Приморье//Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1985. № 184. С. 60–63.
- ⁴⁶⁶ *Субботина А. Л.* Памятники раннего железного века типа чундо на корейском полуострове: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008.
- ⁴⁶⁷ Там же.
- ⁴⁶⁸ *Грач А. Д.* Центральная Азия – общее и особенное в сочетании социальных и географических факторов//Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л., 1984. С. 114.
- ⁴⁶⁹ *Потанов Л. П.* Географический фактор в традиционной культуре и быт тюркоязычных народов Алтае-Саянского региона//Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Сб. научных трудов. Л., 1984. С. 130.
- ⁴⁷⁰ *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса)//Советская этнография. № 4. 1955. С. 4.
- ⁴⁷¹ *Окладников А. П.* Петроглифы Сибири и Дальнего Востока как источник по этнической истории Северной Азии (Методология и некоторые общие выводы)//Этногенез народов Северной Азии. Материалы конф. Вып. 1. Новосибирск, 1969. С. 9–11.
- ⁴⁷² *Андреанов Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования//Советская этнография. № 2. 1972. С. 3–16.
- ⁴⁷³ *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972. С. 8–10.
- ⁴⁷⁴ *Он же.* Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа скотоводов умеренного пояса Евразии//IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 1–12.
- ⁴⁷⁵ *Потанов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. М., 1969. С. 79.
- ⁴⁷⁶ Там же. С. 82.
- ⁴⁷⁷ Там же. С. 80, 83.
- ⁴⁷⁸ Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана (Извлечения из китайских источников II в. до н. э. – XVIII в.). Т. 2. Бишкек, 2003. С. 35.
- ⁴⁷⁹ Там же.
- ⁴⁸⁰ Там же. С. 41.
- ⁴⁸¹ Там же. С. 36.
- ⁴⁸² *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 574–582; *Евтюхова Л. А.* Южная Сибирь в древности//По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 212.
- ⁴⁸³ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 568–569; *Евтюхова Л. А.* Южная Сибирь в древности//По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 209–210.
- ⁴⁸⁴ *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 446.
- ⁴⁸⁵ *Кюннер Н. В.* Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII–VIII вв. н. э//Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы, истории. Вып. 2. Абакан, 1951. С. 8–9.
- ⁴⁸⁶ *Сунпруненко Г. П.* Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века «Ли Вэйгун Хуйчан ипинь цзи» («Собрание сочинений Ли Вэйгуна периода правления Хуйчан. 841–846 гг.)//Изв. Академии наук Кирг. ССР. Т. 5, вып. 1. Фрунзе, 1963. С. 70–71.
- ⁴⁸⁷ *Евтюхова Л. А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. Рис. 171.
- ⁴⁸⁸ *Бартольд В. В.* Киргизы (исторический очерк). Фрунзе, 1927. С. 21.
- ⁴⁸⁹ *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 444.
- ⁴⁹⁰ *Сунчугашев Я. И.* Памятники орошаемого земледелия в древней Хакасии. Красноярск, 1989.
- ⁴⁹¹ *Евтюхова Л. А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. С. 82, 84.
- ⁴⁹² Там же. Рис. 177.
- ⁴⁹³ Там же. С. 87–92.
- ⁴⁹⁴ *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 445.
- ⁴⁹⁵ *Худяков Ю. С.* К вопросу о хозяйственно-культурном типе енисейских кыргызов в эпоху средневеко-

- вья//Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 18–24.
- ⁴⁹⁶ *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960.
- ⁴⁹⁷ *Кумекоев Б. Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 88–97.
- ⁴⁹⁸ Там же. С. 95.
- ⁴⁹⁹ Там же. С. 104.
- ⁵⁰⁰ Там же. С. 105.
- ⁵⁰¹ Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана (Извлечения из арабо-персидских источников X–XVI вв.). Т. 1. Бишкек, 2002. С. 50.
- ⁵⁰² *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 263.
- ⁵⁰³ *Зуев Ю. А.* «Тамги лошадей из вассальных княжеств» (Перевод из китайского сочинения VIII–X вв. Тан-хуйяо)//Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960. С. 102.
- ⁵⁰⁴ *Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 291.
- ⁵⁰⁵ *Зуев Ю. А.* «Тамги лошадей из вассальных княжеств» (Перевод из китайского сочинения VIII–X вв. Тан-хуйяо)//Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. 1960. С. 97.
- ⁵⁰⁶ *Окладников А. П.* Древняя тюркская культура в верховьях Лены//Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XIX. 1948. С. 3–11; *Окладников А. П.* Конь и знамя в ленских писаницах//Тюркологический сборник. Т. 1. М.; Л., 1951. С. 143–154.
- ⁵⁰⁷ *Асеев И. В.* Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). Новосибирск, 1980. Рис. 1.
- ⁵⁰⁸ *Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Ленские писаницы. М.; Л., 1959. Рис. 50, 63.
- ⁵⁰⁹ *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 343–344.
- ⁵¹⁰ Там же. С. 350.
- ⁵¹¹ *Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 53–54.
- ⁵¹² *Зуев Ю. А.* Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам//Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Труды Института истории, археологии, этнографии АН Казахской ССР. Т. 15. Алма-Ата, 1962. С. 105.
- ⁵¹³ Там же. С. 109.
- ⁵¹⁴ *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 228.
- ⁵¹⁵ *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1. М.; Л., 1952. С. 154.
- ⁵¹⁶ *Кызласов Л. Р.* Ранние монголы (К проблеме истоков средневековой культуры)//Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975. С. 170–177.
- ⁵¹⁷ *Худяков Ю. С.* Опыт создания базы данных по природным аномалиям на территории Северной Кореи в эпоху Трех государств (по материалам летописей Когуре)//Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века. М., 1997. Вып. 6. С. 84; *Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю.* Материалы для создания базы данных о земных катастрофах космического происхождения из летописей Пэкче//Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века. М., 1999. Вып. 7. С. 276.
- ⁵¹⁸ *Худяков Ю. С.* Изучение воздействия на землю опасных космических объектов и природных аномалий в древности и средневековье (по материалам мифологических, исторических и археологических источников с территории Центральной и Восточной Азии)//Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т. 5. Вып. 3. Археология и этнография (Приложение 2). Новосибирск, 2006. С. 67–68.
- ⁵¹⁹ *Masse W. B.* Earth, air, fire, and water: the archaeology of Bronze Age cosmic catastrophes//Peiser B. J., Palmer T., Bailey M. E. Natural catastrophes during Bronze Age civilization: archaeological, geological, astronomical and cultural perspectives. P. 53.
- ⁵²⁰ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Ч. 1.
- ⁵²¹ *Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961; *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1973. Вып. 2; *Он же.* Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984.
- ⁵²² *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. С. 76.
- ⁵²³ *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). С. 22.
- ⁵²⁴ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. С. 82.
- ⁵²⁵ Там же.
- ⁵²⁶ *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). С. 28.

- 527 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. С. 83.
- 528 *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). С. 29.
- 529 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. С. 117.
- 530 *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). С. 70.
- 531 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. С. 127.
- 532 *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). С. 81.
- 533 *Он же.* Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. С. 286.
- 534 *Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С., Лбов Г. С. и др.* Математическое выявление внутренних причинно-следственных связей природных аномалий и катастроф // Большая медведица. 2002. № 1. С. 102–110.
- 535 Естественно, что при анализе данных по селевкидскому периоду мы несколько выходим за пределы обозначенной зоны, привлекая материалы и из других регионов государства, что объясняется общей скудостью источников.
- 536 *Гаубов В. А., Кошеленко Г. А.* Общественные отношения в Восточном Иране в период Александра Македонского // Проблемы истории, филологии, культуры. XVII. 2007. С. 223–231.
- 537 *Дандамаев М. А.* Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.). М., 1963. С. 104–106.
- 538 *Briant P.* Etat et pasteurs au Moyen-Orient ancien. Cambridge; Paris, 1982. P. 198–200.
- 539 *Briant P.* “Brigandage”, dissidence et conquête en Asie achéménide et hellénistique // Dialogues d'histoire ancienne. 2. 1976. P. 163–258; *Briant P.* Etat et pasteurs au Moyen-Orient ancien. Cambridge-Paris, 1982. P. 211–213.
- 540 *Briant P.* Colonisation hellénistique et population indigène. La phase d'installation // Klio. 60. 1978. P. 57–92.
- 541 *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 122–160.
- 542 *Briant P.* Colonisation hellénistique et population indigène. La phase d'installation. P. 57–92; *Billores R. A.* Kings and colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; New York; Köln, 1995. P. 21–23.
- 543 *Le Rider G.* Alexandre le Grand. Monnaie, finances et politique. Paris, 2003. P. 320–334.
- 544 *Kritt B.* Seleucid Coins of Bactria. Lancaster, 1996; *Bopparachchi O.* Les monnaies séleucides de l'Asie Centrale et l'atelier de Bactres // Travaux numismatique grecque offerts à George Le Rider / éd. par M. Amandry et S. Hurter. London, 1999. P. 78–91; *Кошеленко Г. А.* Становление денежного обращения на эллинистическом Востоке // Российская археология, 2006. № 3. С. 95–105.
- 545 В этом отношении наиболее яркий пример — Спарта после победы над Афинами в Пелопонесской войне. Внедрение монеты и товарно-денежных отношений разрушило традиционный строй полиса. См.: *Маринович Л. П., Кошеленко Г. А.* От величия к падению // Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность. М., 2002. С. 47–68.
- 546 О рабстве на Востоке эллинистического мира см.: *Кошеленко Г. А., Новиков С. В.* Манумиссии Селевкии на Эвлае // Вестник древней истории, 1979. № 2. С. 41–54.
- 547 *Лелеков Л. А.* Вопросы интерпретации среднеазиатской коропластики эллинистического времени // Советская археология, 1985. № 1. С. 76–81.
- 548 *Bosworth A. B.* Alexander and the Iranians // Journal of Hellenic Studies. 100. 1980. P. 1–21.
- 549 *Кошеленко Г. А., Гаубов В. А.* Судьбы сатрапов Востока. Эпоха Александра Македонского // Проблемы истории, филологии, культуры. XVII. 2007. С. 202–222.
- 550 *Rapin C.* Les inscriptions économiques de la trésorerie hellénistique d'Ai Khanoum (Afghanistan) // Bulletin de Correspondence Hellénique. T. 107. 1983. P. 360.
- 551 *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. С. 222–248; *Debrioux F. et al.* L'Orient méditerranéen à l'époque hellénistique. Rois et cites du IVe au Ier siècle av. J.-C. Bonchamp; Lès-Laval, 2003. P. 116–118.
- 552 *Кошеленко Г. А.* Восстание греков в Бактрии и Согдиане в 323 г. до н. э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н. э. // Вестник древней истории. 1972. № 1. С. 59–78.
- 553 В современной литературе подчеркивается (в отличие от того, что писал Э. Бикерман) различие между двумя категориями полисов: «свободными» и «подчиненными». См.: *Ma J.* Dans les pas d'Antiochos III: l'Asie Mineure entre pouvoir et discours // L'Orient méditerranéen de la mort d'Alexandre aux campagnes de Pompée. Cités et royaumes à l'époque hellénistique. Rennes; Toulouse, 2003. P. 243–261; *Baslez M.-F., Chankowski A., Chankowski-Sablé V. et al.* L'Orient hellénistique. 323–55 av. J.-C. Neuilly, 2004. P. 45–47.
- 554 *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 14–18; *Billores R. A.* Kings and colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. P. 25–29.
- 555 *Walbank F. W.* Monarchies and monarchic ideas // The Cambridge Ancient History. 2-nd ed. Vol. VII. Part 1. The Hellenistic World. Cambridge, 1984. P. 88.
- 556 В Дура-Европос выявлен культ Селевка I как ктиста города, существовавший не только при Селевкидах,

- но и при парфянах и римлянах, не менее 500 лет. См.: *Rostovtzeff M. I. PROGONOI*//Journal of Hellenic Studies, 55. 1935. P. 55–66; *Rostovtzeff M. I. Le Gad de Doura et Séleucus Nicator*//Mélanges syriens offerts á R. Dussaud. I. Paris, 1939. P. 281–295. В центральной части городища Ай-Ханум обнаружено героон Киней, бывшего ктисом этого города. См.: *Bernard P. Fouilles d'Ap Khanoum. T. I. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. T. XXI. Paris, 1973. P. 85–111. К сожалению, неясно отношение Киней к династии.*
- ⁵⁵⁷ В данном исследовании мы несколько искусственно выделяем культ правителя, отчлняя его от других форм сакрализации царской власти. В реальной жизни того времени существовали и иные формы: 1) достаточно часто считалось, что цари определенной династии находились под особым покровительством некоторых божеств, которые иногда считались предками династии; 2) некоторые цари иногда «ассимилировались» с божествами и даже идентифицировались с ними. См.: *Walbank F. W. Monarchies and monarchic ideas*//The Cambridge Ancient History. 2-nd ed. Vol. VII. Part 1. The Hellenistic World. Cambridge, 1984. P. 84–85. У Селевкидов таким «специальным» покровителем династии выступал Аполлон Милетский, который, как считалось, дал пророчество о том, что Селевк станет царем (Diod. XIX, 90, 4; RC 22). Он же считался и предком династии (Orientis Graecae inscriptiones selecttae. Ed. W. Dittenberger. Leipzig, 1903–1905. P. 219).
- ⁵⁵⁸ *McEwan C. W. The Oriental Origin of Hellenistic Kingship. Chicago, 1954.*
- ⁵⁵⁹ *Cerfaux L., Tondriau J. Un concurrent du christianisme: le culte des souverains dans la civilisation gréco-romain. Paris; Tournai, 1957.*
- ⁵⁶⁰ В первую очередь необходимо вспомнить о знаменитом спартанском полководце Лисандре, сокрушившем мощь Афин. В его честь сочинялись пэаны, что ранее делалось только в отношении богов, в дельфийском святилище Аполлона его статуя стояла в окружении изображений богов, ему воздвигались алтари, как божеству (Plut. Lys. 18, 1; Paus. III, 17, 4; X, 9, 7–9). Относительно других предшественников Александра в этом отношении (Диона из Сиракуз, Аминты III и Филиппа II). См.: *Walbank F. W. Monarchies and monarchic ideas*//The Cambridge Ancient History. 2-nd ed. Vol. VII. Part 1. The Hellenistic World. Cambridge, 1984. P. 87–88.
- ⁵⁶¹ *Balsdon J. P. V. D. The “divinity” of Alexander*//Historia. 1. 1950. P. 363–388; *Badian E. The Deification of Alexander the Great*//Ancient Macedonian Studies in Honor of C. F. Edson/Ed. by H. J. Dell. Thessaloniki, 1981. P. 27–71.
- ⁵⁶² *Billows R. A. Kings and colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. P. 35–39.*
- ⁵⁶³ *Ibid. P. 33–44.*
- ⁵⁶⁴ См.: *Ostwald M. From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Law, Society and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley; Los Angeles, 1986.*
- Исследователи с большим пиететом обычно в этой связи цитируют Пиндара (Pindar. fr. 169): «закон — царь всего: и смертных и бессмертных». См.: *Billows R. A. Kings and colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. P. 60–61; Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 13.*
- ⁵⁶⁵ Обычно приводится следующий пример (он характерен очень четкими формулировками): царь Селевк объявляет армии о женитьбе своего наследника Антиоха на молодой жене Селевка, уступленной сыну; затем следует разъяснение царя относительно этого, Селевк говорит, что он не вводит какого-либо чужеземного обычая, но «устанавливает следующий общий для всех закон: «То, что постановлено царем, всегда справедливо» (App. Syr. 61).
- ⁵⁶⁶ *Aalders G. J. D. Nomos Empsychos*//Politeia und Republica. Beiträge und Verständnis um Politik, Recht und Staat in der Antiken zum Andeken R. Starke gewidmet/P. Steinmetz. Wiesbaden, 1969. P. 315–329; *Billows R. A. Kings and colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. P. 60.*
- ⁵⁶⁷ *Голубцова Е. С. Полис и монархия в эпоху Селевкидов*//Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 59–61.
- ⁵⁶⁸ Для эллинистической эпохи было характерным сугубо подобострастное отношение греческих полисов к правителям, обладавшим реальной силой. Самый яркий пример этого дают Афины в их взаимоотношениях с Деметрием Полиоркетом, когда демократический полис перешел все мыслимые и немыслимые пределы в своем подобострастии по отношению к Антигону Одноглазому и его сыну. Но, с другой стороны, перемена военного счастья немедленно уничтожила эту мнимую преданность. См.: *Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 72–85; Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Судьба Парфенона. М., 2000. С. 180–184.*
- ⁵⁶⁹ *Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 222–223.*
- ⁵⁷⁰ Согласно свидетельству Аппиана, сын погибшего царя Антиох I «похоронил их [останки Селевка] в Селевкии Приморской и воздвиг в его честь храм и священный участок, и этот участок называется Никаторием» (ὁδ' ἐν Σελευκείᾳ τῇ πρὸς θάλασση ἀπ' ἐθετο, καὶ νεὼν αὐτῷ ἐπέστησε καὶ τέμενος περιέθηκε, καὶ τὸ τέμενος Νικατόρορειον ἐπικλήσεται — App. Syr., 63). Совершенно непонятно, почему некоторые исследователи (см., напр., Sève-Martinez L. Quoi de neuf

- sur le royaume séleucide? // *L'Orient méditerranéen de la mort d'Alexandre aux campagnes de Pompée. Cités et royaumes à l'époque hellénistique*. Rennes; Toulouse, 2003. P. 239) не используют это свидетельство при анализе проблем царского культа Селевкидов. Насколько известно, никто не выражал сомнений в достоверности сообщаемой в нем информации.
- ⁵⁷¹ Бесспорно, что письмо описывает ситуацию 167/166 г. до н. э. Характерно, что монеты, выпускавшиеся в столице государства Антиохи на Оронте в период 169–166 г. до н. э., имели точно такую же легенду. См.: *Бикерман Э. Государство Селевкидов*. С. 224.
- ⁵⁷² *Robert L. Inscriptions séleucides de Phrygie et d'Iran// Hellenica*, VII. 1949. P. 5–22; *Robert L. Encore une inscription grecque de l'Iran// Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes-rendus*. 1967. P. 281–296.
- ⁵⁷³ *Orientis Graecae inscriptiones selecttae*. Ed. W. Dittenberger. Lpz., 1903–1905. P. 253.
- ⁵⁷⁴ Здесь имеется в виду не основание города Вавилона, который возник за много веков до Антиоха, а основание в нем греческого полиса.
- ⁵⁷⁵ *Orientis Graecae inscriptiones selecttae*. P. 245; *Бикерман Э. Государство Селевкидов*. С. 229.
- ⁵⁷⁶ *Orientis Graecae inscriptiones selecttae*. P. 233; *Бикерман Э. Государство Селевкидов*. С. 228.
- ⁵⁷⁷ *Rostovtzeff M. I. PROGONOI// Journal of Hellenic Studies*, 55. 1935. P. 55–66.
- ⁵⁷⁸ *McDowell R. H. Stamped and Inscribed Objects from Seleucia on the Tigris*. Michigan, 1935. P. 258; *Бикерман Э. Государство Селевкидов*. С. 229.
- ⁵⁷⁹ *Бикерман Э. Государство Селевкидов*. С. 229.
- ⁵⁸⁰ Там же.
- ⁵⁸¹ В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что хотя подавляющее большинство подданных селевкидских царей не были греками и македонянами, их языки и культуры не находили отражения в монетном деле государства в период его расцвета. Редчайшие случаи использования арамейской графики и изображений семитских богов только подтверждают это правило. Лишь в период упадка государства на некоторых монетных дворах стали чеканить монету, на оборотной стороне которой появились изображения местных божеств, но язык легенд всегда оставался греческим. См.: *Zahle J. Religious motifs on Seleucid Coins// Religion and Religious Practice in the Seleucid Kingdom*. Ed. by P. Bilde, T. Engberg-Pedersen, L. Hannestad and J. Zahle. Aarhus, 1990. P. 125–139.
- ⁵⁸² Как известно, на прижизненных монетах македонского царя не использовался даже термин «царь», вся легенда состояла только из одного имени царя. Селевкиды первоначально не помещали и собственного портрета на монетах, воспроизводя портрет Александра (в облике Геракла). Самые первые эмиссии (в Селевкии в Пиерии) вообще даже выпускались от имени Александра. См.: *Le Rider G. Antioche de Syrie sous les Séleucides. Corpus des monnaies d'or et d'argent*. I. De Séleucos I à Antiochos V. P. 300–161. Paris, 1999. P. 11–13.
- ⁵⁸³ *Бикерман Э. Государство Селевкидов*. С. 224–225.
- ⁵⁸⁴ *Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China*. New York & London, P. 522.
- ⁵⁸⁵ *Хазанов А. М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей*. М., 1975. С. 11–12, 117, 150–151; *Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации*. М., 1976. С. 159, 162–167, 209–210, 215–216, 243; *Гаврилюк Н. А. Домашнее производство и быт степных скифов*. Киев, 1989. С. 35–37; *Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда*. М., 1991. С. 48–53; *Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества)*. Алматы; М., 1995. С. 73–76.
- ⁵⁸⁶ *Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества)*. С. 41.
- ⁵⁸⁷ *Мурзаев Э. М. Монгольская Народная Республика. Физико-географическое описание*. 2-е изд. М., 1952. С. 192, 207, 220–233.
- ⁵⁸⁸ *Меховский М. Трактат о двух Сарматиях*. М.; Л., 1936. С. 213, примечание 46.
- ⁵⁸⁹ *Толыбеков С. Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX вв. Алма-Ата*, 1959. С. 335–338; *Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации*. М., 1976. С. 139–140, 163, 165, 243–244; *Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда*. С. 46–50; *Khazanov A. M. Nomads and the Outside World*. 2nd ed. Wisconsin, 1994. P. 83–84.
- ⁵⁹⁰ *Khazanov A. M. Op. cit.* P. 157–158.
- ⁵⁹¹ *Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии*. Улан-Удэ, 2004.
- ⁵⁹² *Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище/ Археологические памятники сунну*. Вып. 1. СПб., 1995.
- ⁵⁹³ *Крадин Н. Н. Империя Хунну*. 2-е изд. М., 2002.
- ⁵⁹⁴ *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху/ Введ., перевод, коммент. В. С. Таскина*. М., 1984. С. 80.
- ⁵⁹⁵ *Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 274.

- ⁵⁹⁶ Wittfogel K. A., Feng Chia-Sheng. History of Chinese Society. Liao (907–1125). Philadelphia, 1949 (Transactions of the American Philosophical Society, new series, 36). P. 58.
- ⁵⁹⁷ *Е. Лунли*. История государства киданей (Цидань го чжи)/Пер. В. С. Таскина. М., 1979. С. 63, 69, 148; *Franke H.* The forest peoples of Manchuria: Kitans and Jurchens//Cambridge History of Early Inner Asia. Ed. By D. Sinor. Cambridge, 1990. P. 408–409. И многие другие.
- ⁵⁹⁸ Wittfogel K. A., Feng Chia-Sheng. History of Chinese Society. Liao (907–1125). Philadelphia, 1949 (Transactions of the American Philosophical Society, new series, 36). P. 93, 100, 120, 127; *Е. Лунли*. История государства киданей (Цидань го чжи). С. 294–299; *Ивлиев А. Л.* Кидани и население Восточной Маньчжурии и Приморья в средние века (к проблеме контактов)//Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. Владивосток, 1988. С. 10–11.
- ⁵⁹⁹ *Воробьев М. В.* Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). Исторический очерк. М., 1975.
- ⁶⁰⁰ *Очир А., Энхтур А., Эрдэнэболд Л.* Из исследования киданьских городов, городищ и других сооружений в Монголии//Movement in Medieval North East Asia: people, material goods, technology. Movement in Medieval North-East Asia: people, material goods, technology. 2005. Vol. 1. Vladivostok, P. 101–110.
- ⁶⁰¹ *Ивлиев А. Л.* Городища киданей//Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Владивосток, 1983. С. 120–133.
- ⁶⁰² Ляо ши (История династии Ляо)/Сост. Токто и др. Пекин, 1958. Гл. 72. С. 16; *Е. Лунли*. История государства киданей (Цидань го чжи). С. 240.
- ⁶⁰³ *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968. С. 54–55.
- ⁶⁰⁴ Ляо ши (История династии Ляо). Гл. 75. С. 16–2а; *Е. Лунли*. История государства киданей (Цидань го чжи). С. 363–364.
- ⁶⁰⁵ Ляо ши (История династии Ляо). Гл. 3, С. 76, гл. 38. С. 76–8а.
- ⁶⁰⁶ Там же. Гл. 3. С. 3а.
- ⁶⁰⁷ Ляо ши (История династии Ляо). Гл. 60. С. 2а; *Е. Лунли*. История государства киданей (Цидань го чжи). С. 321; *Чжан Чжэнмин*. Очерк истории киданей. Пекин. С. 73–75 (на кит. яз.).
- ⁶⁰⁸ Wittfogel K. A., Feng Chia-Sheng. History of Chinese Society. Liao (907–1125). Philadelphia, 1949 (Transactions of the American Philosophical Society, new series, 36). P. 157.
- ⁶⁰⁹ Ляо ши (История династии Ляо). Гл. 37. С. 14а.
- ⁶¹⁰ Археология северорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т./Отв. ред. Н. А. Макаров. М., 2007.
- ⁶¹¹ *Иванов А. Г.* Средневековые памятники окрестностей Иднакара//Материалы исследований городища Иднакара IX–XIII вв. Ижевск, 1995. С. 106–130.
- ⁶¹² *Первухин Н. Г.* Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии//Материалы по археологии восточных губерний России. Т. 2. М., 1896; *Спицын А. А.* Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии//Материалы по археологии восточных губерний России. Т. 1. М., 1893.
- ⁶¹³ *Иванова М. Г.* Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск, 1998.
- ⁶¹⁴ *Иванова М. Г., Степанова Г. А.* Вещевой материал городища Иднакар в контексте исследованного пространства (по материалам раскопок 1999 г.)//Удмуртской археологической экспедиции — 50 лет: Материалы Всероссийской научной конференции. Ижевск, 2004. С. 238–263; *Они же*. Использование компьютерных технологий в обработке культурного слоя городища Иднакар//Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов. Ижевск, 2005. С. 29–44.
- ⁶¹⁵ *Они же*. Использование компьютерных технологий в обработке культурного слоя городища Иднакар//Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов. Ижевск, 2005. Приложение 1; вкл.: рис. 1–4.
- ⁶¹⁶ *Груздев Д. В., Журбин И. В.* Программа для пространственного моделирования археологических объектов//Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов. Ижевск, 2005. С. 73–79.
- ⁶¹⁷ *Они же*. Компьютерный анализ распределения вещевого материала в культурном слое//Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов. Ижевск, 2005. С. 80–89.
- ⁶¹⁸ *Жуковский М. О., Пушкина Т. А.* Цифровой архив материалов исследований Гнёздовского археологического комплекса//Российская археология. 2005. № 1. С. 50–63; Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи/В. И. Молодин, Г. Парцингер, Ю. Н. Гаркуша, Й. Шнеевайсс, А. Е. Гришин, О. И. Новикова, М. А. Чемякина, Н. С. Ефремова, Ж. В. Марченко, А. П. Овчаренко, Е. В. Рыбина, Л. Н. Мильникова, С. К. Васильев, Н. Бенеке, А. К. Манштейн, П. Г. Дядьков, Н. А. Кулик. Материалы по археологии Сибири. Вып. 4. Новосибирск, 2004. Т. 2. С. 13–16.

- ⁶¹⁹ Иванова М. Г., Журбин И. В. Опыт междисциплинарных исследований древнеудмуртского городища Иднакар IX–XIII вв.//Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2 (26). С. 72–74.
- ⁶²⁰ Журбин И. В., Бобачев А. А., Зверев В. П. Комплексные геофизические исследования культурного слоя археологических памятников (городище Иднакар, IX–XIII вв.)//Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 2 (30). С. 114–124.
- ⁶²¹ Журбин И. В., Зверев В. П. Многоэлектродный автоматизированный электроразведочный комплекс// Научное приборостроение. 1998. Том 8. № 1–2. С. 46–50.
- ⁶²² Иванова М. Г., Степанова Г. А. Вещевой материал городища Иднакар в контексте исследованного пространства (по материалам раскопок 1999 г.)//Удмуртской археологической экспедиции — 50 лет: Материалы Всероссийской научной конференции. С. 238–263.
- ⁶²³ Луппов П. Н. Удмурты в XV–XVII вв.: Сб. документов. Ижевск, 1958. С. 186, 332, 334.
- ⁶²⁴ Куза А. В. Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 152–154.
- ⁶²⁵ Ленц Г. Т. Исследования Кыласовского комплекса археологических памятников//Российская археология: Достижения XX и перспективы XXI в.: Материалы научной конференции. Ижевск, 2000. С. 328–332.
- ⁶²⁶ Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь, 2008.
- ⁶²⁷ Нигаматов А. З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Казань, 2005. С. 25–35.
- ⁶²⁸ Цифры указывают на частотность лексемы, в скобках даны дифференцированно мифологические и героические песни.
- ⁶²⁹ После точки с запятой указана частотность композитов, обозначающих именно представителей флоры при помощи данного элемента, как правило, во второй позиции.
- ⁶³⁰ «0» обозначает нейтральность словоупотребления.
- ⁶³¹ Функция объекта, постулируемая для др.-исл. *hlíðþang* и *vöndr* в «Речах Альвиса» производна от функции субъекта, ср. конструкции: *eldi heitir* «дрова называется» и *kalla hlíðþang... vöndr* «называют склона поросль... прут» (Alv. 28).
- ⁶³² Вместе с изофункциональным ему вин. пад. из Alv. 28 (см. предыдущую сноску).
- ⁶³³ Описывается возрожденная после эсхатологической катастрофы Вселенная.
- ⁶³⁴ В Gðr. II 40 представлена конструкция *accusativus cum infinitivo*, в которой вин. пад. заменяет им. пад.
- ⁶³⁵ Ср. теорию метрических рангов в работах О. А. Смирницкой, доказывающей возможность предсказывать появление той или иной лексемы в зависимости от ее позиции в стихе. См.: Смирницкая О. А. Стих и язык древнегерманской поэзии. М., 1994. Т. 2. С. 253–259.
- ⁶³⁶ Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Л., 1978. Ч. 1.
- ⁶³⁷ Брюсов А. Я. Очерки истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
- ⁶³⁸ Титов Ю. В. О культуре племен с асбестовой керамикой//Скандинавский сборник. XIX. Таллин, 1974. С. 134–154.
- ⁶³⁹ Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 2.
- ⁶⁴⁰ Жульников А. М. Энеолит Карелии. Петрозаводск, 1999.
- ⁶⁴¹ Девятова Э. И. Природная среда и ее изменения в голоцене (побережье севера и центра Онежского озера). Петрозаводск, 1986. С. 92.
- ⁶⁴² Там же. С. 101.
- ⁶⁴³ Binford L. R. Archaeological Systematics and the Study of Cultural Process//American Antiquity. 1965. Vol. 31, № 2. P. 206–209.
- ⁶⁴⁴ Филатова В. Ф. Мезолитические памятники Карельского побережья Белого моря//Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии. Петрозаводск, 2003. С. 120–123; Она же. Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 2004.
- ⁶⁴⁵ Витенкова И. Ф. Неолит. Культура сперрингс//Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 65–80; Филатова В. Ф. Вопросы происхождения и этнокультурной принадлежности населения эпохи мезолита//Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит — Средневековье). Петрозаводск, 2006. С. 14–72.
- ⁶⁴⁶ Лобанова Н. В. Культура ямочно-гребенчатой керамики//Археология Карелии. 1996. С. 87.
- ⁶⁴⁷ Савватеев Ю. А. Залавруга. Ч. 1. Петроглифы. Л., 1970.
- ⁶⁴⁸ Витенкова И. Ф. Энеолит//Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 151–173; Она же. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск, 2002.
- ⁶⁴⁹ Хорошун Т. А. Комплексы ромбоямочной керамики эталонных памятников на западном побережье Онежского озера (к вопросу культурной принадлежности)//Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 1. С. 271–273.
- ⁶⁵⁰ Тарасов А. Ю. Некоторые особенности социально-экономического развития населения Карелии в неолите — раннем железном веке//Проблемы

- этнокультурной истории населения Карелии (мезолит — Средневековье). Петрозаводск, 2006. С. 73–111.
- ⁶⁵¹ *Косменко М. Г.* Археологические культуры периода бронзы — железного века в Карелии. СПб., 1993.
- ⁶⁵² Там же.
- ⁶⁵³ *Он же.* Эпоха средневековья. Поселения охотничье-рыболовецких культур//Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 272–285.
- ⁶⁵⁴ *Амелина Т. П.* Из истории средневековых поселений Беломорья//Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. Петрозаводск, 2007. С. 66–78.
- ⁶⁵⁵ *Косменко М. Г.* Древности приморской зоны южного и западного Беломорья//Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. Петрозаводск, 2007. С. 30–38; *Он же.* Каталог археологических памятников приморской зоны южного и западного Беломорья. Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. Петрозаводск, 2007. С. 79–116.
- ⁶⁵⁶ *Алексеева Т. И.* Географическая среда и биология человека. М., 1977.
- ⁶⁵⁷ *Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М., 1975.
- ⁶⁵⁸ *Они же.* Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М., 1969; *Они же.* Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник).
- ⁶⁵⁹ *Денисман Л. Г. и др.* Вековая динамика прибрежных экосистем северо-востока Чукотки. М., 1996.
- ⁶⁶⁰ *Dumond D. E., Griffin D. G.* Measurements of the marine reservoir effect on radiocarbon ages in the eastern Bering sea//Arctic. 2002. Vol. 55. № 1.
- ⁶⁶¹ *Хасанов Б. Ф., Савинецкий А. Б.* Параллельные датировки морских и наземных организмов из северной части Берингова моря//OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 1–2. М., 2002.
- ⁶⁶² *Они же.* Динамика добычи китов древними эскимосами на побережье Чукотки (по калиброванным радиоуглеродным датам)//OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М., 2004.
- ⁶⁶³ *Nelson D. E., McGhee R.* Aberrant radiocarbon dates an Inuit Arrowhead//Arctic. 2002. Vol. 55. № 4.
- ⁶⁶⁴ *Alexeeva T. I.* Ancient and modern populations of Beringia: the problem of adaptation under extreme environmental conditions//Archeology in Bering Strait Region University of Oregon Anthropological Papers. Ed. D. E. Dumond, R. L. Bland. 2002. № 59.
- ⁶⁶⁵ *Алексеева Т. И.* Древнее и современное население Беринги//Горизонты антропологии. Труды Международной научной конференции памяти академика В. П. Алексеева. Отв. ред. Т. И. Алексеева, М., 2003.
- ⁶⁶⁶ *Добровольская М. В.* Основные адаптивно значимые факторы природной и социальной среды древнеберингоморского общества//Человек в культурной и природной среде. Труды третьих Алексеевских чтений. К 75-летию со дня рождения академика В. П. Алексеева. М., 2007; *Козловская М. В.* Образ жизни древнеэскимосского населения по данным антропологии//Археология, этнография и антропология Евразии. 1 (5), 2001.
- ⁶⁶⁷ *Keenleyside A.* Skeletal evidence of health and disease in pre-contact Alaskan Eskimos and Aleuts//Am. J. of Phys. Anthropol. 1986.
- ⁶⁶⁸ *Бужилова А. П.* Палеопатология в биоархеологических реконструкциях//Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998.
- ⁶⁶⁹ *Денисман Л. Г. и др.* Вековая динамика прибрежных экосистем северо-востока Чукотки. М., 1996.
- ⁶⁷⁰ *Куза А. В.* Новгородская земля//Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 145–146.
- ⁶⁷¹ *Спиридонов А. М.* Административно-территориальные границы Обонежья в эпоху средневековья//Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 352–359.
- ⁶⁷² *Герд А. С.* Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук//Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 409–416.
- ⁶⁷³ Там же. С. 411.
- ⁶⁷⁴ Там же. С. 416.
- ⁶⁷⁵ *Муллонен И.* Этнолингвистическая история Обонежья//Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 332–348.
- ⁶⁷⁶ *Бубрих Д. В.* Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск, 1947; *Логинов К. К.* Этническая история Восточного Обонежья и «этнографического» Заонежья//Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 360–369; *Муллонен И.* Этнолингвистическая история Обонежья//Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. С. 332–348.
- ⁶⁷⁷ *Логинов К. К.* Основные и «малые» этнографические зоны Заонежья XIX — начала XX в.//Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 371–374.

- ⁶⁷⁸ *Матвеев А. К.* Древнее саамское население на территории севера Восточно-Европейской равнины // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979. С. 5–14.
- ⁶⁷⁹ *Муллонен И.* Этнолингвистическая история Обонежья // Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. С. 344–345.
- ⁶⁸⁰ *Кожеватова О. А.* Заимствования в лексике говоров русского Севера и проблема общего регионального лексического фонда: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.
- ⁶⁸¹ *Чебоксаров Н. Н.* Этногенез коми по данным антропологии // Советская этнография. 1946. № 2.
- ⁶⁸² *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. М., 1962; *Он же.* Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера. М., 1997.
- ⁶⁸³ *Якимов В. П.* Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., Т. XIX. 1960. С. 221–259; *Хартанович В. И.* О «лапоноидности» на севере Европы (по антропологическим материалам могильников Большого Оленьего острова в Кольском заливе Баренцева моря и Южного Оленьего острова Онежского озера) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006. С. 143–155.
- ⁶⁸⁴ *Спирidonov А. М.* Административно-территориальные границы Обонежья в эпоху средневековья // Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 352–359.
- ⁶⁸⁵ *Хартанович В. И.* Краниология карел // Антропология современного и древнего населения Европейской Части СССР. Л., 1986. С. 63–120; *Он же.* О «лапоноидности» на Севере Европы (по антропологическим материалам могильников Большого Оленьего острова в Кольском заливе Баренцева моря и Южного Оленьего острова Онежского озера) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006. С. 143–155.
- ⁶⁸⁶ *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.
- ⁶⁸⁷ *Агапитов В. А., Логинов К. К.* Формирование этнической территории и этнического состава группы заонежан // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 61–75; *Герд А. С.* Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук // Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 409–416; *Логинов К. К.* Основные и «малые» этнографиче-
- ские зоны Заонежья XIX — начала XX в. // Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. С. 371–374; *Муллонен И.* Этнолингвистическая история Обонежья // Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. С. 344–345.
- ⁶⁸⁸ *Хартанович В. И.* Краниология карел // Антропология современного и древнего населения Европейской Части СССР. С. 63–120.
- ⁶⁸⁹ *Häkkinen K.* Suomalaiset esihistoria kielitieteen valossa. Helsinki, 1996. Цит. по: *Муллонен И.* Этнолингвистическая история Обонежья // Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. С. 343.
- ⁶⁹⁰ *Муллонен И.* Этнолингвистическая история Обонежья // Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. С. 343.
- ⁶⁹¹ *Кожеватова О. А.* Заимствования в лексике говоров Русского Севера и проблема общего регионального лексического фонда.
- ⁶⁹² *Хартанович В. И.* Краниология карел // Антропология современного и древнего населения Европейской Части СССР. С. 63–120; *Он же.* Краниология ижор // Расы и народы, Вып. 30. М., 2004. С. 96–124; *Он же.* О «лапоноидности» на Севере Европы (по антропологическим материалам могильников Большого Оленьего острова в Кольском заливе Баренцева моря и Южного Оленьего острова Онежского озера) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. С. 143–155.
- ⁶⁹³ *Он же.* Новые краниологические материалы по саамам Кольского полуострова // Палеоантропология, этническая история, этногенез. Сборник к 75-летию И. И. Гохмана. СПб., 2004. С. 108–125.
- ⁶⁹⁴ *Он же.* О «лапоноидности» на Севере Европы (по антропологическим материалам могильников Большого Оленьего острова в Кольском заливе Баренцева моря и Южного Оленьего острова Онежского озера) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. С. 143–155.
- ⁶⁹⁵ *Балуева Т. С., Веселовская Е. В.* Новые разработки в области восстановления внешнего облика человека по краниологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. № 1. С. 143–150.
- ⁶⁹⁶ *Балуева Т. С., Дерябин В. Е.* Изучение расовой и половой специфики внутригрупповых корреляций размеров лица, используемых при антропологической реконструкции // Вестник антропологии. Вып. 5. М., 1998. С. 59–69; *Веселовская Е. В.* Единство закономер-

- ностей внутригрупповой изменчивости и межгрупповая дифференциация признаков толщины мягких тканей лица у современного человека // Единство и многообразие человеческого рода. М., 1997. Ч. 1. С. 312–335.
- ⁶⁹⁷ *Балуева Т. С., Веселовская Е. В.* Метод антропологической реконструкции для науки и практики // Этнология обществу. Прикладные исследования в этнологии. М., 2006, С. 200–207.
- ⁶⁹⁸ *Они же.* Новые разработки в области восстановления внешнего облика человека по краниологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1. С. 143–150.
- ⁶⁹⁹ *Рыкушина Г. В.* Палеоантропология карасукской культуры / Отв. ред. В. П. Алексеев, Н. А. Дубова. М., 2007.
- ⁷⁰⁰ *Аксянова Г. А.* Фамильное и антропологическое разнообразие коренного населения Приуралья и Западной Сибири // Расы и народы. Вып. 33. М., 2007. С. 277–330.
- ⁷⁰¹ *Алексеев В. П.* Краниологические материалы к проблеме происхождения восточных латышей // Советская этнография. Вып. 6. 1961. С. 29–40; *Он же.* Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М., 1969; *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия (методика антропологических исследований). М., 1964; *Властовский В. Г.* О половом диморфизме расово-диагностических признаков // Вопросы антропологии. 1961. Вып. 6. С. 58–70; *Гусева И. С.* По поводу статьи В. П. Алексеева «Краниологические материалы к проблеме происхождения латышей» // Вопросы антропологии. 1963. Вып. 13. С. 140–145; *Звягин В. Н.* Методика краниоскопической диагностики пола человека // Судебно-медицинская экспертиза. 1983. № 3. С. 15–17; *Пашкова В. И.* Очерки судебно-медицинской остеологии (определение пола, возраста и роста по костям скелета человека). М., 1963; *Humphrey L. T.* Growth patterns in the modern human skeleton // American Journal of Physical Anthropology. 1998. Vol. 105. P. 57–72; *Vidarsdottir U. S., O'Higgins P.* Development of sexual dimorphism in the facial skeleton of anatomically modern Homo sapiens // American Journal of Physical Anthropology. 2001. Suppl. 32. P. 144; *Vidarsdottir U. S., O'Higgins P., Stringer C.* A geometric morphometric study of regional differences in the ontogeny of the modern human facial skeleton // Journal of Anatomy. 2002. Vol. 201. P. 211–229; *Bulygina E., Mitteroecker P., Aiello L.* Ontogeny of Facial Dimorphism and Patterns of Individual Development Within One Human Population // American Journal of Physical Anthropology. 2006. Vol. 131. P. 432–443.
- ⁷⁰² *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия (методика антропологических исследований).
- ⁷⁰³ *Они же.* Краниометрия (методика антропологических исследований); *Аксянова Г. А.* Половой диморфизм соматологических признаков // Нганасаны. Антропологическое исследование. М., 1992. С. 173–225; *Она же.* Статистические соотношения в межгрупповой изменчивости черт внешности женских и мужских выборок евразийского населения // Женщина в аспекте физической антропологии. М., 1994. С. 75–86; *Дубова Н. А.* Признак и пол (мировое распределение показателей полового диморфизма кефалометрических признаков) // Расы и народы. Вып. 22. М., 1993. С. 26–48; *Она же.* Мировое распределение коэффициентов полового диморфизма кефалометрических признаков в современных популяциях // Женщина в аспекте физической антропологии. М., 1994. С. 57–67; *Негашева М. А.* Изучение полового диморфизма размеров и формы лица // Женщина в аспекте физической антропологии. М., 1994. С. 68–75.
- ⁷⁰⁴ *Алексеева Т. И.* Географическая среда и биология человека. М., 1977; *Она же.* Адаптивные процессы в популяциях человека. М., 1986; *Миклашевская Н. Н., Соловьева В. С., Година Е. З.* Ростовые процессы у детей и подростков. М., 1988; *Антропоэкология Центральной Азии.* М., 2005.
- ⁷⁰⁵ Географический атлас для учителей средней школы / Отв. ред. Л. Н. Колосова. М., 1980.
- ⁷⁰⁶ *Дубова Н. А.* Признак и пол (мировое распределение показателей полового диморфизма кефалометрических признаков) // Расы и народы. Вып. 22. С. 26–48.
- ⁷⁰⁷ *Piazza J., Bering J.* Concerns about reputation via gossip promote generous allocations in an economic game // Evolution and Human Behavior, 2008. Vol. 29. № 3. P. 172–178; *Sosis R.* The adaptive value of religious ritual // Scientific American, 2004. P. 166–172.
- ⁷⁰⁸ *Бутовская М. Л.* Эволюция группового поведения приматов как предпосылка антропосоциогенеза // Советская этнография № 1. М., 1987. С. 52–69; *Бутовская М.* Cross-Cultural Analysis of Social Competence and Behavior Problems in Preschoolers // Early Education and Development. 2002. Vol. 13. № 2. P. 201–220; *Бутовская М.* Urban begging and ethnic nepotism in Russia: an ethological study // Welfare, Ethnicity, and Altruism. (F. Salter ed.) London: Frank Cass. 2004. P. 27–52; *Бутовская М. Л.* Язык тела: природа и культура. М., 2004; *Бутовская М. Л., Файнберг Л. А.* У истоков человеческого общества. Поведенческие аспекты эволюции человека. М., 1993.
- ⁷⁰⁹ *Butovskaya M. L. et al.* Multicultural view of peacemaking among young children. In: F. Aureli, F. B. M. de Waal (Eds.), Natural Conflict Resolution. Berkeley, California, University of California Press, 2000. P. 423–450.
- ⁷¹⁰ *Mace R.* An adaptive model of human reproductive rate where wealth is inherited: why people have small fami-

- lies//Adaptation and Human Behavior/Cronk L., Channon N., Irons W. eds. N. Y.: Aldine de Gruyter. 2000. P. 261–282; *Wilson C. G.* Male genital mutilation: An adaptation to sexual conflict//Evolution and Human Behavior, 2008. Vol. 29. № 3. P. 149–164.
- ⁷¹¹ *Manning J. T. et al.* The Ratio of 2nd to 4th Digit Length: a Predictor of Sperm Numbers and Levels of Testosterone, LH and Estrogen//Human Reproduction. 1998. № 13. P. 3000–3004; *Manning J. T., Barley L., Walton J.* The 2nd: 4th Digit Ratio, Sexual Dimorphism, Population Differences, and Reproductive Success: Evidence for Sexually antagonistic Genes?//Evolution and Human Behavior. 2000. № 21. P. 163–183.
- ⁷¹² *Book A. S., Starzyk K. B., Quinsey V. L.* The relationship between testosterone and aggression: a meta-analysis//Aggression and Violent Behavior. 2001. № 66. P. 579–599; *Archer J., Graham-Kevan N., Davies M.* Testosterone and aggression: A reanalysis of Book, Starzyk, and Quinsey's (2001) study//Aggression and Violent behavior. 2005. № 10. P. 241–261; *Johnson R., Burk J. A., Kirkpatrick L. A.* Dominance and prestige as differential predictors of aggression and testosterone levels in men//Evolution and Human Behavior. 2007. № 28. P. 345–351; *Буркова В. Н.* Пальцевой индекс, агрессия и личностные черты у российских подростков//Вестник НГУ. В печати.
- ⁷¹³ *Austin E. J. et al.* A preliminary investigation of the associations between personality, cognitive ability and digit ratio//Personality and Individual Differences. 2002. № 33. P. 1115–1124; *Manning J. T., Morris L., Caswell N.* Endurance running and digit ratio (2D: 4D): implications for fetal testosterone effects on running speed and vascular health//American journal of human biology. 2007. № 19. P. 416–421.
- ⁷¹⁴ *Gangestad S. W., Thornhill R.* Facial masculinity and fluctuating asymmetry//Evolution and Human Behavior. 2003. № 24.
- ⁷¹⁵ *Brown W. M., Moore C.* Fluctuating asymmetry and romantic jealousy//Evolution and Human Behavior. 2003. № 24.
- ⁷¹⁶ *Бунак В. В.* Антропометрия. М., 1941.
- ⁷¹⁷ *Costa P. T. Jr., McCrae R. R.* The NEO – PI/NEO – FFI manual supplement. Odessa, 1989.
- ⁷¹⁸ *Buss A. H., Perry M.* The aggression questionnaire//Journal of personality and Social Psychology. 1992. № 633. P. 452–459.
- ⁷¹⁹ *Zuckerman M.* Behavioral Expressions and Biosocial Bases of Sensation Seeking. N-Y. 1994.
- ⁷²⁰ *Bem S. L.* The measurement of psychological androgyny//Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. № 42. P. 155–162.
- ⁷²¹ *Costa R. T., McCrae R.* Four ways five factors are basic//Personality and Individual Differences. 1992. № 135. P. 653–665.
- ⁷²² *Zuckerman M.* Behavioral Expressions and Biosocial Bases of Sensation Seeking.
- ⁷²³ *Bem S. L.* The measurement of psychological androgyny//Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. № 42. P. 155–162.
- ⁷²⁴ *Рудли М.* Геном. М., 2008.
- ⁷²⁵ *Mahli G. S., Moore J., McGuffin P.* The genetics of major depressive disorder//Curr. Psychiatry Rep. 2000. № 2 (2).
- ⁷²⁶ *Боринская С. А.* Влияние факторов природной и антропогенной среды на популяционно-генетические характеристики человека//История и современность. М., 2008. № 1.
- ⁷²⁷ *Бутовская М. Л., Веселовская Е. В., Прудникова А. С.* Модели биосоциальной адаптации человека и их реализация в условиях индустриального общества//Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. В печати.
- ⁷²⁸ *Manning J. T., Morris L., Caswell N.* Endurance running and digit ratio (2D: 4D): implications for fetal testosterone effects on running speed and vascular health//American journal of human biology. 2007. № 19. P. 416–421.
- ⁷²⁹ *Хрусанфова Е. Н.* Антрополого-эндокринологические исследования как способ познания биосоциальной природы человека (историческая филогения) // Антропология на пороге 3-го тысячелетия. М., 2003. Т. 2. С. 82.

РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

Головнёв А. В.

ЛОКАЛЬНЫЕ И МАГИСТРАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ В АНТРОПОЛОГИИ ДВИЖЕНИЯ

Человек — самый адаптивный в природе вид, освоивший разнообразные экониши, расселившийся по всей планете и при этом сохранивший биологическое единство. Вид *Homo* не только широко расселялся, но и постоянно воссоединялся, и устойчивость ритма расхождений и схождения была его естественным состоянием. Адаптивность человека во многом основана на движении и коммуникации. Первая сеть, которую создал на Земле человек, была сетью проложенных им путей. Причины, толкавшие пралюдей и людей на миграции, на уход с насиженных мест, также коренятся в высокой мобильности, какими бы конкретными мотивами (поиском пищи, избытком населения, экокризисом, праздным любопытством) они ни направлялись.

Homo mobilis

Сегодняшний человек скорее сидячий и лежащий, чем прямоходящий. Большую часть дня он сидит, а ночи — лежит. Походка уступает место посадке в кресле автомобиля, бег становится редкостью для горожан. «Спешить» означает в наши дни не шевелить ногами, а жать на педаль газа, мчаться в аэропорт или торопливо набирать номер телефона. Благодаря технологиям связи и транспорта случилась «смерть расстояний», а заодно кризис живой коммуникации. Современный «движущийся человек» (*Homo mobilis*) — сидячий менеджер с мобильным телефоном и интернетом.

Два миллиона лет назад, судя по костям стопы обнаруженного в Олдувайском ущелье *Homo habilis*, далекий предок человека больше бегал, чем ходил¹. По убеждению большинства исследователей древности, люди палеолита постоянно двигались, успевая преследовать мигрирующего зверя, совершенствовать навыки обработки камня, рожать и растить детей. На заре человечества движение было естественным состоянием, и все великие прозрения каменного века совершались на ходу или на бегу. Самый значительный итог палеолита — освоение ойкумены — достигнут за счет удивительной способности человека к пространственной экспансии. Все первые технологические изобретения — метательные орудия, лук и стрелы, лодки и нарты,

приручение животных — были совершены во имя преодоления расстояний. В древности обыденностью была постоянная подвижность, а признаком бедствия — оседлый покой.

Насколько сдвиг от динамики к статике изменил мировосприятие людей и их повседневность? Современный оседлый человек сохранил пристрастие к движению, что слышно сегодня в ритмах музыки и видно в стиле кинематографа с его стремительным клиповым монтажом. Динамика экрана компенсирует статику реальности: глядя с софы на захватывающие гонки, человек удовлетворяет предковый инстинкт движения. Люди научились ценить и любить покой. Хуже это удастся детям, которые со своей врожденной тягой к движению ползают, бегают, летают во сне, а затем учатся у взрослых степенности и медлительности, будто повторяют опыт оседания цивилизаций.

В общественном сознании и науке цивилизованность прочно ассоциируется с оседлостью. В XX в. ни у кого не вызывала сомнения необходимость перевода кочевников на оседлость как путь их приобщения к высокой культуре. И сейчас слово «кочевник» опутано оттенками отсталости и инакости. Трудно сказать, чьих заслуг больше в создании подобного клише, самих кочевников или оседлых историков. Свойственное историку и истории оседлое мирозерцание сложилось относительно недавно, с появлением в неолите городов и крепостных стен.

История написана в статике — в позе летописца, глаголами совершенного вида. В какой-то мере вся классическая наука закреплена на статичной точке опоры и в любом неравновесии ищет покоя, от неясности и неразрешенности стремится к выводу и итогу. Между тем человек не производит итогов, он совершает действия, которые лишь в определенном свете выглядят свершившимися фактами. В бесконечной череде событий понятие итога знакомо истории только со слов историка. История никогда не останавливается, но в сознании историка она всегда остановлена. Он вынужденно мыслит стоп-кадрами, предпочитая хаосу движений прикрепленные к осям пространства и времени события-факты. При этом реальные движения замещаются

в историческом тексте мышлением исследователя, рисуящим фазы материального и социального прогресса, смену общественных формаций, подъемы и спады производства.

История рассталась с кочевниками, так и не сумев их толком понять и описать. Оседлая культура иначе, чем кочевая, осваивает пространство, прокладывает дороги, видит мир. Даже самые масштабные движения, включая великие переселения, в истории обычно передаются серией сменяющих друг друга статичных оттисков событий. Кочевник интересен историку не на просторе степей, а под стенами осажденного города, воин — не в пылу битвы, а в итоговой позе побежденного или победителя. История-наука унаследовала от иноков-летописцев неприязнь к кочевникам, и историки до сих пор смакуют мгновения триумфа, когда в XVIII в. цивилизации Китая, России, Индии и Ирана положили долгожданный конец могуществу кочевого мира. Для оседлого историка крупное передвижение — эксцесс, разрыв событийной ткани, а кочевой народ — историческое антитело, бич божий. Например, Фернан Бродель² видел в номаде социального паразита и «исторический абсурд».

Динамика и статика

Гуманитарий с легкостью признает естественнонаучный постулат о движении как способе существования материи, но с той же легкостью не замечает движения в истории или не придает ему основополагающего смысла. Отчасти это связано с тем, что динамика обнаруживается так много — в людях, народах, религиях, мыслях самого историка, что учет ее форм и проявлений кажется невозможным. Когда движение повсюду и трудноразлично в деталях, проще его вовсе не замечать, заместив многообразную динамику суммарным иероглифом статики. В научном толковании движения заложен парадокс: для его фиксации необходима хотя бы мгновенная остановка, и в этот миг описываемая сцена во всем соответствует реальной картине, за исключением одного качества — состояния движения. Стоп-кадр, как бы эффектно он ни выглядел, разрывает пульс жизнедеятельности.

Как заметил Эдуард Ле Руа, в истории Земли выделяются два главных события: оживление материи и очеловечение жизни³, и оба они основаны на движении как естестве живой материи. Его многообразие — вращение космических тел, ритмы атмосферы, толчки кровотока, сокращение мышц, деление клеток и взаимодействие микрочастиц — в равной мере пугает и вдохновляет, однако не может оставаться вне приоритетов науки, в т. ч. истории. Среди этого множества есть обл. динамики, которая образует поле исторической антропологии — дви-

жение сообществ людей. Она по-своему неисчерпаема, включая мимику, жесты, речь, сигналы, реакции, коммуникации, миграции.

Двигательный аппарат человека состоит из 600 мышц, 200 костей и нескольких сотен сухожилий. Однако начинается движение в мозгу и лишь исполняется руками, ногами или языком. Н. А. Бернштейн установил, что физическое движение есть проявление фундаментального свойства жизни — активности. В противовес физиологической концепции И. П. Павлова о реактивности как главном регуляторе жизненных актов Бернштейн предложил в нейрофизиологии принцип обратной связи, идею рефлекторного кольца, регулируемого активностью самого человека⁴. Изучение движений как ключа к познанию механизмов деятельности мозга позволило не только практически восстанавливать двигательные функции раненых воинов и совершенствовать методы подготовки спортсменов, но и разработать базовые для кибернетики и теории информации принципы программного управления.

Исследование движения социальных групп — ключ к познанию общественного сознания и под-сознания: мотивов действий, механизма принятия решений, соотношения акций и реакций. Если общая история или археология имеют дело чаще всего с последствиями и свидетельствами событий, то антропология движения претендует на познание импульсов и характера деятельности. Она нацелена более на активность, вызвавшую событие, чем на его итог (понятие «итог» вообще трудно определимо в живой ткани истории, где каждый шаг оказывается одновременно ходом, финалом и началом какого-либо состояния). Движения-действия представляют собой элементы жизнедеятельности, образующие в своей последовательности деятельностные схемы и сценарии событий. При этом важно, чтобы схемы и сценарии выстраивались не по умыслу стороннего наблюдателя, а складывались из фактических мотивов, решений и действий.

Основоположник антропогеографии Фридрих Ратцель прежде и ярче других высказался о значении движения в жизни человечества: «Неустанное движение является свойством человечества. То, что облегчает движение народов, ускоряет также движение истории»⁵.

Поиск источника движения нередко замыкается на идее Бога, выраженной, например, Фомой Аквинатом в «Началах природы»: «Нужно, следовательно, иметь еще до материи и формы какое-то начало бытия, которое действует; это начало и называют причиной действующей, или движущей, или активной, или той, откуда исходит начало движения»⁶. Однако идея божественного миропорядка во многих религиях задает больше статики, чем динамики. Исходный мотив активности и движения коренит-

ся, как показывает этология, в глубинах прачеловеческого прошлого, и происхождение вида Номо напрямую связано с напряженным ритмом жизнедеятельности и подвижности.

Человек — плод движения и его генератор. С древности схемы мобильности наследуются и воспроизводятся, изменяясь и различаясь в течение жизни, в зависимости от пола, статуса, темперамента, культурной традиции. Исходную модель движения вряд ли следует представлять хаотично-примитивной — судя по всему, человек заимствовал от предков развитую систему локомоции, хотя прямохождение не сулило превосходства над четвероногими в скорости. Главным преимуществом ранних людей в биоценозе были не быстрота бега или ловкость лазания, а сложные пространственные стратегии. Таким образом, изначально успехи активности-движения людей зависели не столько от физических данных, сколько от искусства маневров и контроля над освоенной нишей. И впоследствии судьбы народов, государств и их вождей во многом предопределялись приемами освоения пространства — от локальной адаптации до геополитики.

Соотношение динамики и статики нередко преломляется в оттенках свободы и несвободы. Детская живость контрастирует с взрослой сдержанностью, выплеск эмоций в танце — с чопорностью официальных манер, странствие вольного рыцаря — с оседлостью крепостного крестьянина. Во многих культурах свободе динамики (прогулка, набег, путешествие) противопоставляется несвобода статики (тюрьма, осада, больничная койка). В рассуждениях Джеймса Дж. Фрэзера о происхождении института правителей от невольников-чужеземцев, посаженных на трон для скорого жертвоприношения, убедительнее прочего выглядят примеры принудительно статичного ритуального поведения японского микадо или гвинейского короля-священника. Не исключено, что отмечаемое в истории постепенное замещение динамики статикой связано с ограничением свободы (например, женщин и невольников в оседлых поселениях), а выход на историческую сцену кочевников был в какой-то мере бунтом против оседания-несвободы.

Очевидно, в истории были гонители и гонимые, активные начинатели и пассивные участники движения. Историки обычно считают, что народы, даже кочевые, мигрировали вынужденно, под ударами стихий или врагов. Жак Ле Гофф убеждает, что варвары-германцы, осаждавшие Рим, не были кочевниками, «и лишь давление внешних обстоятельств (перемены климата, натиск других народов), усиливаемое внутренней эволюцией, вынуждало их трогаться в путь... Это было почти всегда бегство вперед. Завоеватели — это беженцы, под-

гоняемые другими, более сильными или более жестокими, чем они. Их собственная жестокость часто проистекала от отчаяния, особенно когда римляне отказывали им в убежище, коего они обычно миролюбиво испрашивали»⁷. В этом размышлении теряются причины движения — вернее, ими оказываются не то климатические бедствия, не то некие жестокие племена, гнавшие с севера на юг безобидных готов и вандалов. Подобный оседлый взгляд на кочевников лишь туманит древность и настраивает на поиск источника движения где угодно, только не внутри народа и культуры.

Способен ли сегодняшний историк опережить времена, когда оседлость была долей рабов и калек, когда само мироздание представлялось непрерывно движущимся? Вероятно, для этого сидячий историк должен превратиться в бродячего. Впрочем, подобная роль ближе этнографу, имеющему возможность уловить в среде кочевников ритм повседневной мобильности, из седла или нарты различить относительность оседлых ценностей.

Деятельностная схема

Если движение понимать как внутреннюю активность, а не реакцию на внешние толчки, то ключевым понятием оказывается деятельностная схема человека, а не условия окружающей среды с ее экологическими или демографическими кризисами. Речь идет об образе жизни, перемещениях, занятиях, мотивациях людей определенной эпохи и культуры. Понятно, что в каждом народе есть люди разного возраста, пола, статуса, темперамента, рода занятий, чьи стили жизни существенно различаются, и в пространстве одной культуры обнаруживается несколько деятельностных схем. Более того, колдуны или купцы разных культур чем-то ближе друг другу, чем своим соплеменникам, занимающимся ловом рыбы или пастьбой овец. И все же в любом сообществе обнаруживается социальное ядро, задающее общий смысл и ритм жизнедеятельности, формирующее ценности и каноны. Таким ядром во всех случаях выступает элита, представленная военными, политическими, религиозными, экономическими лидерами. Элитная деятельностная схема предопределяет общее состояние и движение народа, тогда как прочие прямо или косвенно подчинены ей и составляют деятельностную оболочку. Сеть деятельностных схем образует общественную ткань, а элитные схемы придают ей структуру, осознаваемую как порядок, и выстраивают событийный ряд, воспринимаемый как история.

Будучи способом деятельности, культура насыщает собой и деятельностное пространство, в котором живет и движется человек. Культура делает людей адекватными экосоциальной реальности и

предоставляет им набор или выбор нужных навыков и знаний. Каждый человек активизирует свою цепочку атомов культуры, из которых складывается его персональная деятельностная схема. Она всегда уникальна, как отпечаток пальца или рисунок сетчатки глаза. В персональной деятельностной схеме атомы культуры приобретают экзистенциальное значение. Из этих же атомов в их сложных комбинациях образуются социальные движения — от миграций до революций.

Любая деятельностная схема состоит из устойчиво повторяющихся действий, включая хозяйственные, сексуальные, военные, ритуальные. Персональную деятельностную схему не следует путать с хозяйственно-культурным типом или должностными обязанностями. Ее двигателем являются побудительные мотивы — от простейших до креативных, направляющие действия человека, заставляющие его одеваться по утрам, молиться Богу, пасти коней, вести войну. Именно комбинация мотивов, активирующих соответствующие элементы культуры, создает персональный облик человека, причудливо сочетая базовые инстинкты, усвоенные нормы и индивидуальные наклонности. В этом ряду очевидные мотивы (например, хозяйственно-потребительские) сплетаются с неявными (например, амурными устремлениями), зачастую перекрывая друг друга по мере актуализации и реализации.

Все деятельностные схемы — проекции изначальных образов мужчины и женщины, хищника и травоядного. Поскольку человек всегда выделялся в природном царстве сверхадаптивностью, спектр его деятельностных схем расширился и наполнился множеством оттенков, прежде всего за счет переработанных заимствований (мим-адаптаций). Во взаимодействии с другими природными видами люди успешно примеряли на себя образцы их поведения (обычно вместе со шкурами, черепами и голосами), а со временем природные мим-адаптации дополнились перекрестными социальными подражаниями и заимствованиями.

При этом в разных экосоциальных нишах сложились относительно устойчивые поведенческие образцы, освященные мифологией. Например, жизненный цикл арктических кочевников состоит из длительных передвижений на открытых пространствах суши и моря. Смысл их миграций заключается не в преодолении расстояний, а в создании и поддержании сети ресурсопользования, включающей не только природные, но и культурные ресурсы оседлых и полуседлых соседей. Сторонним наблюдателям кочевники представляются пастухами, торговцами, завоевателями. В собственных глазах они реализуют социокультурную миссию, выраженную в мифологии образом благородного хищника (волка, дракона,

каساتки) или богоподобного пастыря-устроителя (культурного героя пантеона).

Поведенческие образцы имеют свои прототипы и вариации, в каждом индивидуальном исполнении они стремятся одновременно к первозданности и обновлению. О воскресающих архетипах как прафеноменах духа размышлял Карл Юнг⁸, о «памяти-привычке» (*habitus*) как механизме престижного подражания рассуждал Марсель Мосс⁹. Пьер Бурдьё¹⁰ видел в *habitus* систему унаследованных и воспринятых человеком практических стратегий, благодаря которым выстраиваются в последовательность элементарные действия, например 20 тыс. единиц поведения, приходящихся в среднем на человека в день, или 480 движений, совершаемых женщиной на кухне за 20 минут. Бурдьё подчеркивал, что *habitus* служит поведенческой стратегией, не являясь «продуктом настоящего стратегического намерения». Это воплощенная в человеке «система устойчивых и переносимых диспозиций», организующая практики и представления, «которые могут быть объективно адаптированы к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее». Объективно «следующие правилам» и «упорядоченные», *habitus* «ни в коей мере не являются продуктом подчинения правилам и, следовательно, будучи коллективно управляемыми, не являются продуктом организующего воздействия некоего дистрижера»¹¹.

Деятельностная схема, напротив, предполагает активное и мотивированное поведение, в котором *habitus* играет роль набора мини-сценариев и регулятора внешних и внутренних импульсов. Будучи своего рода подсознанием деятельностной схемы, *habitus*, подобно условным рефлексам, контролирует текущие реакции, в то время как система мотиваций приводит в движение и разворачивает деятельностную схему в пространстве и во времени. Иногда мотив преодолевает регулятивное сопротивление *habitus*, создавая новую модель поведения. Подобные прорывы новаций случаются и достигают общественного успеха нечасто, но они и составляют ход социокультурного развития. Персональные деяния могут породить новую деятельностную схему и на ее основе социальную или этническую общность. Например, бунт протопопа Аввакума, исходно ортодоксального священника, был мотивированным разрывом с прежней поведенческой традицией, а подвижническая судьба ревнителя благочестия легла в основу деятельностной схемы его последователей — лидеров (элиты) староверов.

Новая схема возникает как мотивированное устойчивое действие в податливой социальной среде. Расположенность среды к восприятию новации зависит во многом от адекватности традиции

экосоциальным условиям и вызовам; в состоянии благополучия новация либо откладывается, либо клеймится как ересь; зато в кризисах она обречена на успех, вернее на конкуренцию за успех с другими инициативами. Среда не менее, если не более, настроена на хранение традиции, чем *habitus* носителя инициативы. Альфред Шюц отмечал, что схема поведения и «подручного знания» о мире воспринимается человеком от ближайшего окружения (родных — друзей — учителей) и прочно с ним соотносится¹². Преодоление привычной схемы означает в традиционном обществе разрыв родства; не случайно решительные новации всегда лучше удавались чужеземцам и изгоям: у восточных кочевников, например, социальных вершин достигли так или иначе отторгнутые родней и истреблявшие родню вожди-сироты: Маодунь у хуннов, Таньшихуай у сяньби, Темучжин у монголов.

Мотивация придает традиционному поведению личностный оттенок, который в сопутствующих условиях может стать ядром новой деятельностной схемы. Из склонности к рукоделию среди земледельцев рождается ремесло, из вкусовых предпочтений — новые виды растениеводства. При столкновении в человеке двух и более поведенческих схем (например, при смешанном браке) между ними происходит не только конкуренция в принятии решений, но и сращение, дающее гибридную схему. Наконец, новая схема может быть итогом социальной мимикрии — подражания чужой схеме или ее узурпация (так, например, во многих обществах появлялись слои нуворишей). Во всех случаях новая деятельностная схема могла сложиться при наличии схемы-прототипа, персональной мотивации и условий социализации.

Мотивация придает деятельностной схеме цельность и ценность на персональном и социальном уровнях. В советское время труд рабочего на заводе, во многом благодаря мифу о диктатуре пролетариата, имел иной облик и престиж, чем похожий труд похожего рабочего в постсоветское время. Особенным воздействием обладает мотивация политического лидера, распространяющаяся на административную элиту, а при ее участии на другие слои общества. Например, в периоды президентства Ельцина и Путина управленческие схемы, при формальной преемственности, заметно различались оттенками мотиваций лидеров относительно персонального и национального достоинства, а также несущественными на первый взгляд предпочтениями различных видов спорта и досуга. Оказалось, что одно и то же общество по «схеме Ельцина» и «схеме Путина» активирует в себе различные, иногда противоположные, поведенческие свойства в отношении к национальному достоянию, ориентирам повседневности или уровню трезвости.

Мотивированная и выстроенная стратегия представляет собой проект. Трудно сказать, насколько проектно вершилась история и тем более праистория. Но в ряде случаев, особенно на полях борьбы за власть, проектные действия сыграли решающую роль. Зачастую они не только организовывались в движения, но и соответственно назывались: «революционное движение», «национально-освободительное движение», «антиколониальное движение». Захват и охват пространства реализуется в политике как проект элитной группы. В истории проекта различаются фазы мотивации, осуществления и преобразования. В историографии или исторической памяти добавляется фаза мифологизации или археологизации, когда проект героизируется или зарастает гумусом. При этом меняются субъекты проектного действия и, соответственно, ценностные ориентации. Каждый момент проектной траектории по-разному видится с общественных позиций. Одно и то же событие глазами ветерана-коммуниста представляется утратой былых завоеваний, юного западника — глобализацией, ревностного старообрядца — поступью антихриста.

Для проектного сознания характерно движение по систематизации мотивов и активации соответствующих деятельностных схем. Сегодня это относится не только к формальным проектам, но и повседневному мировидению. Современный человек с момента пробуждения запускает в себе браузер проектного поиска, а ночью ему снятся проектные сны. Он проектно дружит, любит и мечтает. По наблюдениям Ю. В. Громыко, «сегодня проектные и программные формы мышления и сознания образуют акме — эпицентр развития всех форм и структур сознания»; при этом «проектное мышление является генетической родовой основой всякого мышления», а «из видения будущего проектное мышление берет свою энергетику»¹³. Насколько этот стиль мыследеятельности, направляющий сегодня поведение и движение людей, древний или недавний? Как мыслил кантабрийский художник палеолита, расписывая «всезверием» купол пещеры, или египетский фараон, затеявая пожизненное строительство собственного гроба-дворца? Не исключено, что со временем менялось не столько сознание, сколько формы и жанры его проектности.

Локальность и магистральность

Культуры Северной Евразии, особенно в ее крайних арктических пределах, принято рассматривать прежде всего как варианты адаптации к суровой природной среде. Экологическая интуиция подсказывает исследователям, что культура приледникового Севера может лишь слегка теплиться, и суровая природа предоставляет своим обитателям

в лучшем случае нишу для физического выживания. Яркие явления искусства и иные примеры высокого потенциала северных культур обычно связывают с южным влиянием, а прочие события праистории Севера — с колебаниями климата и миграциями промыслового зверя. Взгляд исследователя лишь изредка задерживается на поразительном свойстве северных культур пульсировать во времени (в чередке сезонных занятий и возрастных ритмах людей) и пространстве (то сжимаясь до пределов селения, то охватывая огромную территорию). Этот пульс позволяет культуре непрестанно ощущать окружающую среду и корректировать свое в ней расположение. По своему складу северная культура соответствует изменчивой среде и сочетает различные уровни мобильности — от бытового сезонного кочевания до военно-торговых миграций.

Двухмерная модель экологической адаптации очерчивает измерение «человек — природа», трехмерная модель экосоциальной адаптации — «человек — природа — общество». Двухмерная модель существует только в виртуальном пространстве науки, поскольку в реальности даже робинзонада немислима вне социального контекста. Однако именно двухмерность удобна в качестве инструмента исследования, позволяя применять строго ограниченный и обоснованный набор критериев. С добавлением социального измерения строгость двухмерной модели уступает место замысловатой трехмерности, и привычные экохозяйственные расчеты отступают на задний план перед категориями символической экономики, социального статуса и иерархии, магии и мифологии. На месте типичного рыболова или скотовода персонифицируется фигура вождя или колдуна. В свое время Бронислав Малиновский призывал «раз и навсегда покончить» с порожденным в ученых кабинетах образом «первобытного экономического человека», который занят исключительно «поиском еды для существования»¹⁴. Однако «экономический человек» прижился в науке и по-прежнему назойливо фигурирует в истории первобытности, подчиняя своей желудочной философии мифологию, миграции, искусство.

Насколько соотносимы признаки экологической и социальной адаптации и насколько они улавливаемы археологией в праистории? Основным показателем экологической адаптации служит годовой хозяйственный цикл, социальной — деятельностная схема, включающая, помимо хозяйственного цикла, военные, брачные, религиозные, обрядовые, торговые и иные действия, формализовать которые трудно из-за их разной ритмики и значимости. Тем глубже с позиции археологии выглядит пропасть между прочитываемыми свидетельствами экологической адаптации и едва заметными симво-

лами социальной, и тем решительнее археологи отдают предпочтение осязаемым материальным фактам, избегая трехмерного моделирования.

С позиции двухмерной экоадаптации действия людей регулируются всецело поведением зверей и состоянием других биоресурсов, а передвижения представляются промысловым поиском или сезонным следованием за мигрирующим зверем. Культура, основанная преимущественно на экоадаптации и пространственно сосредоточенная на конкретном экотопе, может быть названа локальной, будь ее хозяйственной базой охота на северного оленя, сбор морских моллюсков или богарное земледелие. Сколько-нибудь значительные перемещения такой культуры, выходящие за пределы биотопа, обычно связываются с экологическими кризисами и выражаются в хозяйственном преобразовании.

Модель трехмерной адаптации предполагает, что даже простейшая локальная культура неоднородна и в ней существует социальная иерархия. Со ссылкой на этологию, признающую иерархию прачеловеческим явлением и универсальным регулятором коллективного поведения, можно допустить, что внешне трудноразличимые вариации функций и статуса в спектре лидерства-подчинения играли определяющую роль в контроле над осваиваемой территорией. Группа лидеров закрепляла за собой функцию пространственного контроля и распространяла его на людей, становясь тем самым регулятором, распорядителем и в какой-то мере пользователем ресурсов подчиненных локальных групп. Социальные лидеры создавали не только иерархическую пирамиду, но и обеспечивали коммуникативное единство членов локальной группы. Функция контроля-координации превращалась в социальную роль и даже специализацию (вождей, воинов, шаманов, жрецов), отодвигая на второй план в деятельности элиты промыслы и прочие хозяйственные занятия. Тем самым элита становилась распорядителем ресурсов и занятий локальной группы, вырабатывая особый — управленческий — деятельностный профиль. Поверх адаптации к природе происходила адаптация к культуре как способ пользования ресурсопользователями.

При рассмотрении межгрупповых или межэтнических связей обычно учитывается базовый срез обществ, и речь идет о контактах земледельцев, охотников, скотоводов. На уровне межличностных взаимодействий подобная ситуация реальна, однако на социальном уровне на первый план выходят мотивы и действия элит. Любое столкновение обществ — прежде всего диалог их элит, агентов управления. Часто вытеснение или поглощение одной локальной культуры другой оказывается следствием не преимуществ или недостатков их

хозяйственных умений, а дуэли элит и, соответственно, управленческих технологий. Распространение новшеств и заимствований также определяется по большей части не выбором отдельных людей или семей, а волей агентов управления.

Успешные модели управления углубляли специализацию элиты, а в ряде случаев вызвали распространение ее влияния за пределы локальной группы. Сохраняя власть над базовой локальной нишей, элита могла подчинить соседние группы, усложнив и пространственно расширив свою управленческую функцию. Так формировались группы воинов или торговцев, статус и действия которых сущностно отличались от занятий породившей их локальной группы. Они образовывали не только особый социальный слой (касту, класс), но и новую культуру, основанную на посредничестве и управлении. Как правило, активность элит предполагала охват больших пространств, частоту военных, даннических и торговых рейдов, в результате которых иногда складывались многоэтничные сообщества и политические образования.

Локальная культура перерастала в магистральную, когда она распространялась на большое пространство, связывая собой несколько локальных культур. Главную роль в посредничестве могла играть военно-политическая, жреческая или торговая элита, объединявшая своей активностью локальные культуры и создававшая тем самым новые пути контактов и новое качество взаимоотношений. Язык магистральной культуры становился, как правило, вторым языком всех локальных групп; нередко то же самое происходило с культом и системой власти. Магистральная культура могла сохранять связь с материнской локальной культурой или, отделившись от нее пространственно и функционально, подчинить и интегрировать другие локальные группы.

Локальная культура основана на экоадаптации, магистральная — на социоадаптации, локальная осваивает биоресурсы, магистральная — социоресурсы. Магистральная культура так или иначе (посредством торговли, религии, войны, политики, экономики) колонизирует локальные сообщества и создает удобную для себя социальную иерархию. Однако было бы упрощением в марксистском стиле обозначать отношения магистральной и локальной культур понятиями «эксплуатация», «ижидвенчество» или «паразитизм». Магистральная культура обычно выступает для локальных групп выгодным торгово-экономическим посредником, военным союзником, политическим организатором, культуртрегером. Она не просто связывает локальные культуры и использует их ресурсы, но и создает качественно новые виды деятельности, прежде всего посреднические и управленческие,

тем самым обновляя и иногда существенно изменяя локальные традиции.

Магистральная культура всегда подвижнее локальной, поскольку она вырастала на преимуществе в движении и, в свою очередь, целенаправленно развивала технологии мобильности в конкуренции с культурами-соперницами. Собственно лидерство в движении и коммуникации обычно и придавало культуре качество магистральности. Как только она теряла это превосходство, власть над пространством и людьми захватывала новая магистральная культура, зачастую окраинная, «дикая и варварская». Так происходило, например, в степях Евразии во времена тюркских каганатов, когда периодически совершался, словами С. А. Плетневой¹⁵, цикл «от кочевий к городам», и осевших всадников сменяла новая подвижная орда.

При статусном превосходстве магистральной культуры локальная обладала преимуществом устойчивости и живучести благодаря непосредственной связи с землей и ее ресурсами. Магистральная культура могла оказаться недолговечной и эфемерной, «сойти с орбиты» в противоборстве с другой культурой, не выдержать напряжения движения и осесть в удобной локальной нише. Со своей стороны, локальная культура могла путем социоадаптации (социальной мим-адаптации) перенять свойства магистральной культуры и захватить пространственное и политическое лидерство.

Во все времена схождение и расхождение локальных сообществ, в т. ч. языковое и политическое, определялось не только и не столько их культурной близостью и иными рационально учитываемыми обстоятельствами, сколько состоянием магистральной культуры. Локальные достижения в земледелии, ремесле, искусстве лишь в той мере влияли на целостность большого сообщества, в какой они питали или разрушали магистральную культуру. Распад полиэтнических конгломератов предопределялся кризисом магистральной культуры, главным образом ее элитного ядра. Классическим в русской истории примером этого служит ритм объединения-распада восточнославянских локальных сообществ под воздействием магистральных культур морских и степных кочевников в эпоху перехода от нордизма Варяжской Руси к ордизму Московской Руси¹⁶.

В магистральных культурах особой категорией деятельности и ментальности был «путь». Он представлялся не расстоянием и не эпизодом, а пространством деятельности, столь же устойчивым для кочевников, как город для оседлых людей. Тюркское слово *йол* (путь) сопоставимо с монгольским *дзол/зол* — «счастье», «удача»; особое отношение тюрков к движению выражено присутствием в их пантеоне божеств пути — *Йол тенгри*, а также двойным значением глагола

jyr — «ходить» и «жить», от которого образованы понятия *jūrūt/jūrūs* (жизнь) и *jyrt* (стойбище, государство)¹⁷. Сходным образом слово *vegr* (путь) в северогерманской традиции приобрело значение «государство», например в варианте *Nórvegr* (Норвегия) — «Северный путь»¹⁸.

Превращение магистрального пути в государство или народ — обычное в истории явление. Эффективность многих кочевых политий связана с их недолговечностью (сопоставимой с веком человека) и регулярностью их замещения новыми или чаще ста-

рыми ордами с новыми вождями и именами. Магистральные культуры строились не только на войне, но и на международной торговле: финикийской — в Средиземноморье, согдийской — на Великом шелковом пути, новгородской — на северо-востоке Европы. Их внутренняя целостность иногда обеспечивалась религиозным единством, как у согдоманхеев и евреев-иудеев. Магистральными культурами разного времени и происхождения были созданы все известные истории империи и колониальные сети.

Бгажноков Б. Х.

ЭКОФУТУРИЗМ И ПРОБЛЕМЫ ЭТИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЖИЗНЕННОЙ СРЕДЫ

Определение нравственной экологии

В реакциях людей на мир обнаруживается осознанное движение к самореализации через изменение условий своего существования. Во-первых, это активность, направленная на преодоление препятствий, создаваемых неизбежно жизненной средой. Во-вторых, столь же сложная и упорная деятельность по использованию, упорядочению, перестройке мира в соответствии с представлениями о личном и общем благе. Человек никогда не приспособливается. Он всегда, с раннего детства до глубокой старости, приспособливает себя к окружению и окружение к самому себе. Нравственно-экологическое мышление и поведение предполагают единство этих начал.

Принципиальное значение имеет факт восприятия и освоения окружающей среды через призму этико-эстетических диспозиций. Люди нуждаются в том, чтобы жизненная среда удовлетворяла в полной мере их базовые потребности, в т. ч. потребности в красоте, уюте, защищенности, справедливости. С другой стороны, и фактически по тем же соображениям возникает и ширится сознание необходимости ответственного, бережного, заботливого, как говорил А. Швейцер, «благоговеющего» отношения к природе, к жизни, к жизненной среде в целом¹⁹. В отечественной науке проблема нравственно-экологической защищенности человека была поставлена академиком Дмитрием Лихачевым. В экологии, по его словам, существует два раздела: экология биологическая и экология культурная или нравственная. И отсюда своеобразное понимание экологической безопасности: «Убить

человека биологически, — писал Лихачев, — может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной»²⁰.

Как особое направление в науке о человеке и обществе экологическая этика или нравственная экология сложилась в последние три-четыре десятилетия, соединив в себе не только философские, экологические, но также социологические, психологические понятия. Начиная с 1960-х гг. неоднократно поднимался вопрос об «этических аспектах социального окружения»²¹, о так называемой *енвайронментальной этике (environmental ethic)*²² как науке, направленной на этическую рационализацию жизненной среды. Развились особые направления в тех сферах деятельности, которые были прямо связаны с организацией пространства. Например, гуманистическое направление в архитектуре²³.

Большую известность получили исследования специфики самочувствия и культурной самоорганизации людей в зависимости от размеров общества и территорий²⁴, от степени так называемой *скученности*, от структурирования пространства в ходе проксемического поведения²⁵. Существенный вклад в развитие нравственно-экологического анализа жизненной среды внесли хорошо аргументированные общие представления о социальном пространстве, стремящемся более полно и продуктивно реализовать себя в физическом пространстве²⁶.

Уже в этих работах утверждается, что необходимо улучшать характеристики жизненной среды не только по медицинским и биологическим, но и по морально-психологическим соображениям, чтобы вызвать у людей максимально возможное ощущение

ние счастья, комфорта, уверенности в будущем. При этом на первых порах задачи экологической этики сводились к необходимости утверждения (через систему моральных и юридических норм) бережного, экономного, заботливого отношения к природе. Тревогу вызывали возрастающие масштабы непоправимого ущерба, который наносят и еще могут нанести ей люди, вооруженные современной техникой и технологией, подчиняющие свои действия задачам расширения масштабов производства и потребления²⁷.

Теперь проблема ставится гораздо шире — с учетом системного характера взаимоотношений личности и общества с жизненной средой. На первый план выдвигаются вопросы этической и эстетической рационализации этих взаимоотношений в практике человеческого существования и самоосуществления. Предметом нравственной экологии является этико-эстетическое содержание взаимоотношений человека с жизненной средой, а главной задачей — улучшение, рационализация этих отношений.

Такой подход расширяет традиционные представления об экологии человека. В центре внимания оказывается среда в более широком смысле, чем было принято раньше. Учитывается, что не только внешние условия и координаты бытия, но и специфические характеристики психологического поля и внутренней среды организма могут способствовать или препятствовать достижению психобиологического баланса — хорошего общего самочувствия, ощущения здоровья и полноты жизни.

По-новому ставится вследствие этого и проблема экологических прав, нравственно-экологической защищенности и безопасности человека. Известно, что, будучи величайшей ценностью, необходимым условием и способом существования человечества, среда в то же время таит множество угроз и опасностей. Возникает естественным образом необходимость избирательной защищенности человека и общества от этих угроз, необходимость экологической безопасности в целом. Пагубно сказывается и снижает возможности развития и роста личности и общества возрастание масштабов экологической недостаточности: загрязнение воздуха и почвы, шум, создаваемый дорожным движением, неудобная планировка домов, городских улиц, кварталов, безвкусная реклама, плохой дизайн. Но в том же негативном направлении действует деструкция социальных связей и отношений: нарушение прав человека, дискриминация по расовому, национальному, половому признаку, грубость, бестактность, неблагодарность окружающих.

По сложившейся традиции упорядочение взаимоотношений человека с жизненной средой является задачей социальной экологии, экологии

человека, правовой экологии и др. В рамках этих дисциплин определяются стандарты хорошего качества окружающей среды, осуществляется контроль, направленный на предотвращение вредного физического, биологического, психологического воздействия пространства, рассматриваются вопросы адаптации человека к техногенным изменениям. Много внимания уделяется и тому, в какой мере и форме сама среда должна быть защищена от последствий человеческой деятельности.

Нравственная экология призвана дополнить эту работу — исследовать глубинное этико-эстетическое содержание взаимоотношений личности и общества с жизненной средой, выработать систему принципов и норм (в т.ч. и запрещающих) нравственно-экологического мышления, поведения, контроля. На первый план выдвигаются здесь факты не столько физического, сколько морального, общекультурного ущерба, который наносит или может нанести людям плохо организованное экзистенциальное пространство. Хорошо известно, что низкое этико-эстетическое качество среды формирует человека с неразвитым, ущербным сознанием, предрасполагает к различным формам деструктивного поведения. Но в таких случаях и обратное воздействие человека на среду оказывается негативным. Создается порочный круг нравственно-экологической дезориентации и деградации. На первый план выдвигается вследствие этого вопрос об этико-эстетической экспертизе и мониторинге различных сегментов жизненной среды, о качестве пространства, в котором люди живут или хотели бы жить.

В конечном итоге это вопрос об условиях среды, способных обеспечить не только выживание человека как биологического существа, но и максимально возможное соответствие этих условий высшим духовно-нравственным запросам личности.

Экологическое сознание и экофутуризм

Жизнь человека протекает в сложно структурированном и динамичном пространстве. Причудливым образом соединяется и отражается в нем все многообразие внешнего и внутреннего мира: люди, вещи, явления природы, психологические переживания, органические процессы и ощущения. Обычно в связи с этим выделяют *экологическое сознание* — совокупность исторически сложившихся представлений о взаимных связях и отношениях человека и среды, о значимости этих связей для установления экологического порядка. У разных сообществ эти представления имеют свою специфику и логику, что послужило основанием для выделения экологической антропологии на Западе и этнической экологии в России. Заметно возрос и интерес к нематериальным духовно-нравственным

аспектам жизненной среды²⁸. Стало очевидным, что очень важное само по себе изучение специфических особенностей природопользования, хозяйства, культуры питания, медико-демографической ситуации и практики нельзя вырвать из контекста нравственно-экологической проблематики и культурной политики, из динамики экологического сознания.

В процессе взаимодействия с жизненной средой и развития экологического сознания формируются представления об экзистенциальном пространстве в целом, о более или менее успешных попытках человека адаптироваться к нему и приспособить к удовлетворению собственных нужд. Вектор этих усилий тесно связан с моделями желаемого будущего. Вот почему вводится понятие *экофутуризма* — культурной политики, направленной на познание и улучшение параметров экзистенциального пространства, на создание хорошо выверенных моделей желаемого будущего. Мы говорим об экофутуристическом мироощущении и мировосприятии как о постоянной нацеленности на улучшение параметров жизненной среды и основанной на уверенности в том, что такое улучшение возможно и зависит от усилий и творческой инициативы самого человека. При этом не следует опасаться обвинений в антропоцентризме. Антропоцентрична сама субстанция экологического мышления и поведения²⁹.

Базовые принципы экофутуристического подхода основаны на глубинной связи изменений, происходящих в жизненной среде и одновременно в психологии человека, погруженного в эту среду. Еще в начале XX в. известный русский ученый А. А. Богданов выдвинул концепцию повышения жизнеспособности систем за счет мирового потока событий и необходимо изменяющейся жизненной среды. За счет возрастания суммы и разнообразия активностей, вызванных этими изменениями, человек, по мнению А. А. Богданова, приобретает новые качества, позволяющие ему наилучшим образом организовать свое жизненное пространство³⁰. Дальнейшее развитие получила эта идея в *синергетике* — науке о принципах эволюции сложных неравновесных систем. По мнению специалистов в этой области, среда — суть «некое единое начало, выступающее как носитель различных форм будущей организации, как поле неоднородных путей развития»³¹. Возделывать данное поле должным образом, с наибольшей пользой и выгодой для самоосуществления и саморазвития — историческая миссия, ключевая задача человека и человечества.

В динамике процессов эволюции жизненная среда выступает не только как замысел, но и как совокупность условий, используемых для различных вариантов развития. Это своего рода капитал, располагающий к экологическому успеху³². Вве-

денный в начале 1970-х гг. С. А. Тулмином для обозначения эффективного развития научной мысли этот термин полезен и удобен для более широких экофутуристических обобщений. *Экологический успех* — это достижение новых, более совершенных форм бытия человека в мире, когда удачная или успешная адаптация является обратной стороной успешного изменения условий жизненной среды. Иными словами, это особый случай рационального выбора, специфика которого состоит в том, что условия, диктуемые жизненной средой, приводятся в соответствие с личностными или общественными планами и предпочтениями.

Строго говоря, экофутуристическое отношение к миру лежит в основе всех планов и структур деятельности человека, являясь неотъемлемой частью его психобиологического и социального естества, его потребностей, побуждений, мотивов, настроений, целей, идеалов. На этой базе создается и функционирует виртуальное, психологическое пространство личности, стремящееся реализовать себя в реальном пространстве и времени. В практике взаимодействия с жизненной средой люди создают и постоянно воссоздают особый микромир, наделенный собственным именем субъекта действия, пронизанный силой его духа.

Таково покоящееся на реальности человеческого существования внутреннее основание экофутуризма. *Психологическое поле личности* — сложное, противоречивое единство наличного состояния и будущих возможностей человека, его самораскрытия во времени и в пространстве — в еще не состоявшейся истории личной жизни. Соединение этих характеристик, осуществляемое под контролем жизненных целей и идеалов, ценностей и норм, образует в совокупности идеологию жизненной среды. Аналогичным образом можно рассматривать в принципе и виртуальное пространство различных народов и культур, человечества в целом. Иначе невозможно понять, почему люди и народы, находящиеся в относительно одинаковых условиях, иногда разительно отличаются друг от друга, выбирая различные пути, средства, способы своего самоосуществления.

Экофутуристический подход акцентирует внимание на логике становления новых форм бытия. Главное в таком подходе — выбор принципов и приоритетов диверсификации различных параметров экзистенциального пространства, ускорение темпов выхода на более совершенную форму культурной самоорганизации. Социальная, ценностно-нормативная заданность такого выбора и устремления в будущее очевидна. И она составляет субстанциональное ядро идеологии среды, включая в себя систему образов о мире, в котором люди хотят жить, соответствующие этим образам планы,

проекты, структуры человеческой деятельности. *Идеология среды* — база для формирования установок экологического мышления и поведения.

В различных участках экзистенциальной пространства идеология среды проявляется по-разному. Например, в предметно-пространственной сфере может выступать в виде концепции дизайна; в сфере природы — как идея поддерживающего развития, гарантирующего сохранение ее ресурсов; в сфере социальных отношений — как установка на равенство, братство, сотрудничество. Особым образом строится идеология духовно-нравственного пространства личности. Например, в мировых религиях она предстает как концепция самосовершенствования, самоочищения, самосохранения, а в конечном итоге — как идея сохранения данного Богом (не поврежденного) состояния. Концепция греха и страдания в основе своей нравственно-экологическая. Утверждается, что в духовной сфере все зависит от того, как распорядится человек условиями, которые создал для него Творец, что люди сами себя наказывают, когда «вместо чистой воды пьют грязную».

Идеология среды — организационный центр экологического сознания, оказывающий решающее воздействие на общую линию или стратегию человеческой деятельности. Этим объясняется необходимость изучать специфику проектирования жизненной среды, взаимное соответствие замысла и реальности в экзистенциальном пространстве. Экофутуризм — не обывательская мечтательность или предусмотрительность, а воля к жизненно необходимому, этически значимому изменению жизненной среды, концентрированное выражение ответственности перед будущим.

Тяготение человечества к такому пониманию своей миссии как к благу не подлежит сомнению. Отдельные люди и целые сообщества стремятся действовать так, чтобы последствия этих действий улучшали основные характеристики экзистенциального пространства, способствовали достижению хорошего общего самочувствия, ощущения здоровья и полноты жизни. Правильно сказано, что «вдохновленные такими целями, ощущая воздействие блага на чувство, мы можем испытать радость ответственности»³³.

Инстинкт экологического выравнивания и рефлекс высшего порядка

Существенные психологические, а отчасти и биологические основания экофутуризма обнаруживают себя в виде общей направленности и своего рода инстинкта экологического выравнивания.

Преодолевая экзистенциальную недостаточность или необеспеченность, люди конструиру-

ют действительность, в которой хотят жить. Это своего рода идея фикс, побуждающая находиться в постоянном движении и поиске: устанавливать и поддерживать контакты, повышать квалификацию, участвовать в политической жизни, создавать семью и воспитывать детей, обустроить жилище и т. д. Известно возникающее вследствие каких-либо серьезных неудач или конфликтов с окружением, желание оказаться в других странах или городах, чтобы в условиях нового окружения начать жизнь заново, с чистого листа. Человеком движет инстинкт экологического выравнивания или порядка — баланса между базовыми потребностями и условиями среды.

Об этом писал американский социолог Роберт Парк, основатель экологии человека как науки о пространственной организации человеческих сообществ. Особенно много внимания уделял он городу как особой форме коллективной организации жизненной среды. В его понимании, город и городское окружение представляют собой наиболее состоятельную и в целом наиболее успешную попытку человека переделать мир по велению своего сердца³⁴.

С этим можно согласиться, связь географической и социальной мобильности прослеживается отчетливо. Города — генераторы новых идей и новых форм бытия. Именно там люди активно ищут и благодаря экологической конкуренции находят наилучшее применение своим способностям. В сложном и разнообразном пространстве больших городов рождаются новые, невиданные ранее способы разумной, психологически выверенной организации жизненной среды. В экофутуристическом и духовно-нравственном отношении это наиболее насыщенное, продвинутое и благополучное жизненное пространство. Можно убедиться в этом на примере Москвы. В центре города, в пределах Садового кольца налицо наиболее яркая, жизнеутверждающая жизненная среда. Здесь, как недавно показали специальные исследования, самая высокая для всей России продолжительность жизни, несмотря на скученность, загрязнение воздуха, интенсивное дорожное движение и шум. Интуитивно чувствуя, что в центре Москвы все же наиболее благоприятная среда, люди стремятся попасть сюда, в т. ч. и на постоянное место жительства или работы.

Известен наряду с этим и феномен бегства из города в деревню, в лоно природы. Такое перемещение сопряжено иногда со сменой рода деятельности, со снижением общего уровня социально-экологических притязаний, получившим название *down shifting*. Стратегия подобного рода изменений тем не менее позволяет людям создать такую жизнь, которая им по душе, о которой они мечтают. Поэтому очевиден нравственный смысл подобных исканий. Люди хотят жить в мире, который в наи-

большей степени соответствует их представлениям о красоте, удобстве, счастье, о смысле и назначении бытия. И напротив, стремятся вырваться из среды, где, по их мнению, господствует или преобладает унылое однообразие, хроническая безрадостность, лихорадочная, порой жестокая и беспощадная борьба за выживание и богатство, за повышение социального статуса и общественного признания.

Стремление к экологическому порядку обнаруживает себя в некоторых простейших формах территориального поведения, когда человек переселяется из одного района города в другой или ищет встреч и контактов с хорошими, приятными для него людьми и избегает с плохими, неприятными. Наиболее чувствительные, ранимые люди при малейшей возможности стремятся избежать пространств, которые по разным причинам ухудшают их самочувствие. Люди перестают ходить в аптеку или парикмахерскую, где им нагрубили, обходят стороной завистников и предателей многолетней дружбы, неохотно посещают места прежней работы, где от отношений с сослуживцами у них остался горький осадок. Тяжелым, подчас невыносимым, становится окрашенный в негативные тона груз прошлого в условиях малых обществ, где отношения спрессованы и преобладают тесные, повторяющиеся личные контакты.

Представление об экологическом порядке и экологическом выравнивании гораздо шире объема широко используемых в социологии понятий социальный порядок, социальные изменения, социальная динамика и т. д.

Критическая грамотность как инструмент успешной адаптации к изменениям жизненной среды

Этическая рационализация жизненной среды позволяет сбалансировать функциональную грамотность, которая стимулирует распространение профессиональных знаний и развитие цивилизации и критическую грамотность, обеспечивающую формирование этико-эстетических принципов и установок, сохранность и развитие культуры в целом.

Однако и к культуре, в частности, к традиционным верованиям и практикам следует проявлять критическую грамотность, учитывая, что многие из них не способствуют развитию и росту и становятся порой серьезным препятствием на пути прогресса. «Традиции, — отмечает в данной связи американский этнолог Роберт Эджертон, — могут быть полезны, они способны даже выполнять функции важных адаптивных механизмов, но при этом довольно часто бывают неэффективными, вредными и даже смертельно опасными»³⁵.

Например, все еще актуальной и совершенно оправданной остается для человека с вера в традиционные этические принципы и ценности. Но при этом нет четкого представления о механизмах сдвига от ценностно-ориентирующей доминанты традиционной этики и традиционного кодекса поведения к их целерациональной доминанте, отвечающей вызовам нового времени.

Между тем критика и переработка наличного фонда культуры были актуальны во все времена. Люди унаследовали от прошлого величайшее культурное наследие, но чаще всего не способны ощутить его присутствие в актуальном жизненном пространстве, имея в своем распоряжении богатый духовно-нравственный опыт, не в состоянии его познать, усвоить, применить для наилучшей организации жизненной среды. В новых, сильно изменившихся условиях этот опыт уже не может использоваться прежними способами и в прежнем объеме. Традиционная культура и родной язык становятся для многих не подспорьем в организации жизненной среды, а обузой.

Такова одна из серьезнейших проблем современного глобального мира. С ней связаны мучительные искания, удачные находки, а зачастую и растерянность целых поколений. Число людей, сохранивших живую связь с полем собственной культуры, сокращается и, напротив, возрастает число утративших эту связь. Нетрудно представить, к каким последствиям может привести нарастание этого разрыва. При отсутствии нового пополнения творцов и ценителей культуры и заметном снижении уровня преемственности ценностей и норм любое, самое богатое духовно-нравственное, художественное наследие рискует угаснуть, попасть в руки людей, не способных не только распорядиться этим наследием, но даже проникнуться мыслью о его непреходящей ценности. К худшим последствиям приводит использование традиционной культуры в спекулятивных целях, например псевдопатриотами для достижения узкоэгоистических целей. Примером безграмотного использования духовно-нравственного опыта может служить исламский фундаментализм с его категорическим отрицанием национальной культуры. В различных концах мира, в т. ч. и в России, он наносит огромный ущерб нравственно-экологическому состоянию общества.

В социологической традиции со времен Э. Дюркгейма такие спады общественной жизни и широкомасштабные нарушения экологического порядка известны под названием аномии. Поэтому ученые в разных концах мира твердо убеждены, что «человеческое благо связано с причастностью к сложившимся формам культуры, содержание которых существенно варьируется»³⁶. Культуросообразность и преемственность — неперемненные условия успеш-

ной адаптации человека к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям, залог поступательного, устойчивого развития общества. Сознательный (порой демонстративный) или неосознанный отказ от прежних ценностей и норм чреват, как показывает опыт человечества, самыми худшими последствиями.

Разумеется, нет необходимости отказываться от благ современной цивилизации. Они очень важны и нужны, но оборачиваются злом и разрушением, если не служат целям развития культуры.

Все это существенно меняет представления об экологии человека. В настоящее время экологические аспекты культуры выдвигаются на первый план, т.к. социокультурное загрязнение среды вредит человеку в не меньшей степени, чем химическое, радиационное или биологическое. Более того, именно культурная, нравственная эрозия является главной причиной ущерба, наносимого жизненному пространству в целом. Резко возрастает в этих условиях социальная значимость критически грамотной личности, для которой принципиальное значение имеет восприятие и освоение окружающей среды через призму этико-эстетических диспозиций.

Для критически грамотной личности характерно в первую очередь нравственно акцентированное и деятельное внимание к тому, что происходит в жизненном пространстве и окружении человека, постоянный контроль и проверка соответствия собственного поведения правильно усвоенным представлениям об экологическом порядке и выравнивании.

Человек среди людей: ценность человеческих связей и социальный капитал

Каждый человек, каждое социально значимое действие, которое он совершает, выступают для других людей как элемент их жизненной среды, как экологическое событие. От эффекта, производимого этими событиями, зависит атмосфера в семье, в трудовом коллективе, в обществе. Другие люди являются позитивной или, напротив, негативной (подчас опасной) частью жизненной среды. Поэтому развитие когнитивных и коммуникативных способностей, направленных на оптимизацию социального взаимодействия, становится решающим фактором, определяющим эволюционный, экологический успех человечества.

Нравственно-экологическое измерение социальных контактов постоянно производится в ходе взаимных оценок и самооценок. Обычно люди хорошо видят, сознают и планируют воздействие сво-

его бытия и поведения на других. На первый план выдвигается при этом значимость социального ума, доведенное почти до автоматизма умение человека этически грамотно оценить ситуацию, удачно вписаться в жизненную среду других людей, вызывая у них позитивные эмоции и отношения, оставляя в их памяти добрый след. В несколько ином виде аналогичная задача ставится и решается странами, народами, мировым сообществом в целом, к чему сводятся активно обсуждаемые сейчас на международных форумах и встречах характеристики нового мирового порядка, приведенные в соответствии с условиями и велениями XXI в.

Владимир Солоухин говорил: «Улыбка самому себе не нужна, она предназначена другим людям, чтобы им было с вами хорошо и радостно». Психологи могли бы возразить в том смысле, что и самому себе улыбка нужна, чтобы «хорошо и радостно» было с самим собой. Но это лишь подтверждает золотое правило человеческого существования — выявить себя в облагороженной форме, создать максимум психологического комфорта для окружающих и для себя самого. Решение этой важнейшей нравственной задачи зависит от требований, которые предъявляет человек к самому себе, от способов обхождения с самим собой, удачно названных М. Фуко «культурой себя»³⁷. Речь идет, иначе говоря, об определении и назначении своего места в мире. *Культура себя* — это совокупность имеющихся в арсенале личности и общества средств, способов, навыков позитивного и одновременно критического восприятия и изменения жизненной среды.

Хорошим подспорьем для достижения экологического успеха выступают не только этические и эстетические умения и знания, но и тесно связанный с ними *этикет* — система принципов и норм общения, выражающих взаимное уважение и признание. Вежливость, чуткость и последовательное соблюдение правил приличия вызывает у окружающих ощущение безопасного, хорошо организованного и этически выверенного социального пространства. Этикет помогает устанавливать и поддерживать крепкие социальные связи — дружеские, служебные, родственные. В сущности, это социальный институт, являющийся составной частью культуры *эмпатии* — исторически сложившихся правил понимающего, сочувственного мышления и поведения. Заключение в этикете почтительное отношение к людям, как будет показано ниже (при более подробном рассмотрении культуры эмпатии), создает необходимую базу для плодотворного сотрудничества.

Ценность человека в свете этих соображений рассматривается в непосредственной связи с нравственно-экологическими значениями дей-

ствий, которые он совершает с фактами его биографии и этапами жизненного пути. Но то же самое относится и к целым народам, большим и малым группам, странам, сообществам.

Самочувствие как главная категория нравственной экологии

Эмоции и чувства — способы существования экологического сознания³⁸, поэтому чувственное восприятие жизненной среды имеет основополагающее значение. В данной связи самочувствие рассматривается в качестве относительно устойчивой качественной характеристики бытия человека в мире. Это окрашенная в различные тона интегральная характеристика и субъективная оценка человеком своего существования, которая лучше и тоньше всего отображает меру счастья или страдания, испытываемого от погружения в экзистенциальное пространство.

Самочувствие формируется под влиянием бесчисленного множества методично откладывающихся в эмоциональной памяти впечатлений и переживаний, вызванных содержанием, специфическими характеристиками жизненной среды. Это важная содержательная характеристика взаимоотношений человека с различными участками экзистенциального пространства, своего рода фон, на котором разворачивается бытие человека в мире. Здоровый сон, хорошие новости, встречи с приятными людьми, элементарный порядок и чистота в ближайшем окружении человека — все это факторы, способствующие достижению и сохранению хорошего настроения, душевного равновесия. Благотворный, как говорят сейчас, терапевтический эффект имеет простое созерцание природы. Даже мысленное, о чем хорошо сказано в замечательных стихах Инны Кашежевой:

*Когда для счастья сердца мне мало,
Когда тревожат мелкие раздоры,
Я обращаю мысленные взоры
К тебе Кавказ — чистилище мое,
К вам, мои судьбы,
К вам, родные горы.*

Конечно, горы в этом контексте выступают не только как природный, но и этико-эстетический ландшафт, как метафора нравственно-экологического порядка и выравнивания.

Диапазон нравственно-экологического осмысления и использования элементов жизненной среды, вообще говоря, очень велик и разнообразен. Улучшает самочувствие простая смена обстановки в помещении, особенно когда в нем появляются удобные, функционально хорошо рассчитанные и радующие глаз вещи и предметы. Для прироста

и активизации жизненных сил используют развешанное на стене старинное оружие, памятную фотографию друга, оригинальную пепельницу на письменном столе и т. д.

Все зависит в таких случаях от вкусов, привычек, пристрастий человека. Так, в доме известного знатока китайской медицины — пожилого одинокого человека, жившего много лет в эмиграции в Шанхае и доживавшего свой век в глухом кабардинском селе, висит на стене старая картина. На ней изображен восход солнца и рыбак, плывущий в маленькой лодке с небольшим уловом. Для старика она имеет важное практическое значение: «Проснувшись утром, я смотрю на человека, успевшего встать ни свет ни заря и наловить для себя рыбу. Это помогает мне найти в себе силы подняться с постели и по примеру рыбака с картины заняться необходимыми по хозяйству делами».

В числе задач нравственной экологии правильная, этически выверенная организация материальной, культурно-предметной жизненной среды занимает одно из первых мест. Известно, как плохо действуют на психику грязные, разбитые дороги и тротуары, скапливающийся во дворах и в подъездах домов мусор, заросшие бурьяном остовы недостроенных и заброшенных зданий. И как меняется, улучшается настроение, когда все это приводится в надлежащий вид, создаются хорошие жилищные и бытовые условия. Элементарный порядок и чистота в ближайшем окружении человека способствуют восстановлению и сохранению хорошего настроения, душевного равновесия, уверенности в будущем.

Большое значение придают со времен античности так называемой *анопсии* — виду, открывающемуся из окон зданий. Не случайно возникло и получило всеобщее признание целое направление в современном градостроительстве под названием *видеоэкологии*³⁹. Люди дорожат ощущением пространства, перспективой, которая разворачивается каждодневно перед их взором. В Чикаго в одном и том же доме совершенно одинаковые роскошные квартиры на берегу Великих озер сильно различаются в цене в зависимости от того, доступен из окон этих квартир вид на озера или нет. Первые в два раза дороже вторых. Идея небоскребов родилась не столько из-за недостатка земли, сколько в целях создания и поддержания ощущения свободы, полета. Культ высоты ассоциируется с культом личного роста и достижений. Он связан, безусловно, с национально-культурным выражением экотуризма, с идеологическим брендом, получившим название «американская мечта».

Это своего рода социально-экологические ассоциации, которые свидетельствует еще и о том, насколько важно, чтобы заботливо украшенная и оду-

хотворенная жизненная среда была максимально доступной, демократичной. Люди с обостренным чувством экологического равновесия и справедливости всегда обращали на это внимание. Например, Владимир Высоцкий в одной из своих песен, повторяя как заклинание «зачем человеку заборы», поэтически отобразил мечту о сношении многочисленных стен, отделяющих людей от природы и друг от друга. Большим нравственно-экологическим содержанием и смыслом наполнены многие другие песни Высоцкого. Вспомним песню о нейтральной полосе на государственной границе — на границе между двумя идеологически противопоставленными мирами:

*А на нейтральной полосе цветут цветы
Необычайной красоты.*

Такие сюжеты сами по себе очень интересны как образцы нравственно ориентированного, критического отношения к организации жизненно пространства. Нравственно-экологические сюжеты и мотивы творчества Владимира Высоцкого могли бы стать предметом специального исследования. Душу поэта ранила искусственно созданная расколотость данного Богом единства мира, нарастающее не только техногенное, но и идеологическое загрязнение среды, в т. ч. и в повседневном быту, в стереотипах мышления и поведения.

Нравственная экология обязывает держать в поле своего постоянного внимания внутреннюю связь самочувствия и элементов жизненной среды. Здесь и в самом деле все взаимосвязано. К примеру, деградация архитектуры в 1960–1970-х гг. пагубно сказалась на духовно-нравственной атмосфере российского общества. Зажатые в узком пространстве однотипных панельных пятиэтажек, люди утратили ощущение праздника, открытости, полноты жизни. Однообразная визуальная среда нагоняла тоску, а минимум открытого и общающегося с миром пространства формировал философию безысходности и приземленности, уничтожал здоровый дух авантюризма, перспективу развития и личностного роста. Даже традиционные коммуналки в постройках дореволюционной и сталинской эпохи несли больше света и тепла — во всяком случае, в отношениях между людьми, в представлениях о возможном и желаемом будущем.

Известны разнообразные другие факторы, снижающие общий уровень самочувствия: плохое освещение комнат, шум, неприятные запахи, усталость, недосыпание и т. д. Правда, в нашей стране степень их негативного воздействия часто недооценивается. Между тем экспериментально доказано, что, к примеру, шум дорожного движения оказывает отрицательное влияние на успеваемость детей в школе, вызывая стресс. При прочих рав-

ных условиях люди, подвергающиеся воздействию значительного шума, даже сами того не сознавая, становятся более раздражительными, подверженными агрессивным реакциям и менее склонными оказывать помощь другим⁴⁰. По словам американского психолога Н. Хэйса, в городских условиях постоянный фоновый шум стал «уже настолько признанным стрессором, что получил название “шумовое загрязнение”»⁴¹.

Однако и абсолютная, неестественная тишина, как показывают специальные исследования, не способствует улучшению настроения. Если за окном дождь, но человек совершенно (из-за специальной звукоизоляции) не слышит его шум, это может вызвать неприятное ощущение оторванности от внешнего мира. Биоритмы человека в соединении с силой и ритмом внешних воздействий могут давать как положительный, так и отрицательный эффект.

Большое значение имеет для каждого человека общее состояние внутренней среды организма (крови, лимфы, тканевой жидкости). Поэтому существуют правила и ограничения, связанные с культурой питания, гигиеной тела, оздоровительными упражнениями, продолжительностью сна. Они помогают обеспечить нормальный обмен веществ, хорошую работу внутренних органов, избежать многих болезней и болезненных ощущений, поддерживать бодрость организма и красоту тела, уверенность в своих силах и возможностях.

Так достигается в конечном итоге внутренняя согласованность взаимоотношений человека с жизнью. Но здесь, как и в других подобных случаях, необходим индивидуальный медико-биологический и нравственно-экологический подход. К примеру, степень пользы и вреда, который может принести организму (улучшая или ухудшая самочувствие) кофе или алкоголь, зависит во многом от качественных характеристик ферментов каждого конкретного человека. Запах цветов или духов, вызывающий у одних людей хорошее настроение, у других может вызвать аллергию и резкое ухудшение настроения.

Как видим, *самочувствие* — это механизм самосознания и самоконтроля, определяющий содержание, качественную специфику переживаний и, соответственно, логику поведения людей. Известно, что при прочих равных условиях девиантное поведение обусловлено плохим самочувствием, а доброжелательность, отзывчивость, готовность помочь чаще проявляются в условиях хорошего самочувствия. Гипотеза «хорошее настроение — хорошие дела» блестяще подтверждена в экспериментальных исследованиях⁴², и такие в недавнем прошлом экзотические термины, как ароматерапия и арто-терапия, уже прочно входят в жизнь человека как обозначения способов наилучшей организации жизненной среды. Приятные запахи, эстетически

грамотно организованная предметная среда поднимают настроение. И в таких случаях, как установлено психологами, он более вежлив и обходителен, изъявляет большую готовность помочь другим людям. Давно известно также об эмоциональном воздействии различных цветов и их комбинаций. Например, голубой цвет успокаивает и улучшает настроение, генетически он связан с безоблачным небом, в противоположность нагоняющим тоску серым цветом, ассоциирующимся с тучами, туманами, дождями⁴³.

Итак, самочувствие определяет относительно устойчивую общую направленность личности и общества. Если чувства позитивны и оптимистичны — это хорошая база для плодотворной работы и эффективной самоорганизации на основе сотрудничества, доверия, солидарности. И напротив, сомнение, разочарование, раздражение, бессилие, недоверие создают почву для социальной апатии, деструктивного мышления и поведения. Общество с большим числом несчастных, потерявших надежду, ожесточившихся людей накапливает отрицательную энергию, рискует погрузиться в хаос. Прогрессом движет деятельность людей очарованных жизнью, а не разочаровавшихся в ней.

Пять измерений экзистенциального пространства

Примеры многообразных форм взаимодействия человека с жизненной средой позволяют увидеть, как устроено и структурировано пространство человеческого существования. Можно представить его в виде пяти автономных уровней или концентрических кругов.

Первый, ближний круг — *внутренняя, органическая среда организма, соотносимая с его физиологической, химической организацией*. Отсюда понятия «внутреннего пространства человека»⁴⁴, «внутренней экологии»⁴⁵, «эндоэкологии»⁴⁶. Речь идет о заключенном в теле человека микромире, вызывающем у него сложнейшую гамму переживаний — сладостных и волнующих, приятных и болезненных. Сигналы, поступающие из различных участков организма — бодрость, усталость, голод, жажда, боль и т. д., оказывают сильнейшее воздействие на самочувствие и поведение человека.

Преобладает здесь внутренний локус контроля: приходится выстраивать и налаживать отношения не только с социальным Я, но и с телесным Я, удовлетворяя органические нужды или сопротивляясь их велениям. В результате вырабатывается определенный стиль взаимодействия и «сотрудничества» с самим собой. Иными словами, это *культура себя* — совокупность типичных для данного челове-

ка самооценок, самоприказов, способов распоряжения своими ресурсами, своим социобиологическим капиталом.

Культура себя включает в себя и практику самосопереживания как самую интимную и тонкую сферу той области человеческого опыта, которая названа культурой эмпатии⁴⁷. В восточной философии и медицине опыту самосознания и духовно-нравственной гигиены, восприятия тела как храма души всегда уделялось много внимания. Но этот в основе своей этический опыт и острый интерес не только к духовному миру, но и к телесному Я, проник и в европейскую культуру. И прежде всего в связи с развитием психотерапии. В экологически ориентированной психологии самочувствие человека не зря рассматривают в первую очередь как отражение внутренней действительности, как чувственное восприятие тела⁴⁸.

В современной науке такая постановка вопроса находит все больше и больше сторонников. «Причина разлада с окружающим миром находится внутри нас», — говорят специалисты-медики⁴⁹. Поэтому и выздоровление надо начинать с себя, с доступных власти человека изменений телесной жизни. К примеру, используя диету, лекарства и физические упражнения, человек может положительно воздействовать на работу внутренних органов, улучшить осанку, снизить чрезмерно большой для своего роста вес и т. д. Популярное в среде американцев выражение *make self* можно отнести с успехом и к совершенствованию своего телесного Я, а не только к достижениям в социальной сфере. Во всяком случае, к этому предрасполагает широкое понимание культуры себя.

Второе измерение экзистенциального пространства — *психологическое поле личности*. Это закрытый для посторонних и интимный в своей основе мир мыслей, эмоций, страстей человека. Отсюда ставшие привычными рассуждения об экологии ума, воображения, сердца. В психологическом поле личности главенствующее место могут занять такие состояния и переживания, как вина, ревность, зависть, травма несправедливости, предательства или покинутости. Поэтому во всех религиозных системах, но особенно в буддизме, большое внимание уделяется тому, чтобы очистить психологическое пространство личности от всего, что причиняет человеку боль, страдания, заставляет его действовать неразумно, опрометчиво, расточительно.

У каждого человека есть совесть и понимание добра, но не каждый делает добро. Загрязняющее человека родовое повреждение вызывает диссонанс (так называемый когнитивный диссонанс) между знанием о том, что надо делать, и знанием о том, что он делает в реальности. Это мучительное состояние тревожности и беспокойства, преодоление которого

требует покаяния, достижения внутренней согласованности и порядка. Согласно народным представлениям, главным показателем психологического здоровья, символом душевного равновесия и спокойствия не зря считают гармонию ума и сердца.

Третий круг — *социальная среда*: социальные отношения и институты, конкретных люди, с которыми человек прямо или косвенно взаимодействует. Под влиянием социальной среды осуществляется социализация личности (усвоение общественно значимых ценностей и норм), разумное обоснование и эмоциональное переживание смысла и назначения своего бытия.

Человек становится в итоге членом различных групп, удовлетворяя потребность в признании, групповой солидарности, безопасности, обеспечивая, как говорил К. Левин, основы существования, «почву под ногами»⁵⁰. Такую функцию выполняет, например, супружеская пара и семья в целом. Она представляет собой «социальный дом, где человека принимают и защищают от невзгод внешнего мира, где ему дают понять, насколько он ценен как личность»⁵¹. Отсюда развивающаяся в настоящее время нравственно-экологическая концепция семьи как главного и основного компонента среды, в которой человек «живет, как в коконе, первую четверть (если повезет) жизни и которую он пытается построить всю оставшуюся жизнь»⁵².

В жизни каждого человека ощущение включенности в социальную среду, достойного места в ней имеет, конечно, важное значение. Рост одиночества личности, ее оторванность от общества рассматривают как одну из главных причин возрастания масштабов плохого самочувствия, психических расстройств, самоубийств. Но это все же упрощенный взгляд на проблему одиночества и покинутости в современном мире. На самом деле многое зависит здесь от личностных качеств. Человек с богатым внутренним миром чувствует себя хорошо и без большого разнообразия контактов с внешним миром, с другими людьми. Ему интересно, не обидно, а напротив, комфортно быть наедине с самим собой.

Четвертый круг включает в себя *сложный мир артефактов, всю созданную человечеством для себя, для удовлетворения своих потребностей материально выраженную, вещную среду*: домашняя утварь, бытовые приборы, живописные полотна, музыкальные инструменты, культовые изображения и сооружения и т. д. Это достижения культуры, ассоциирующиеся, особенно в немецкой социально-философской традиции, с цивилизацией⁵³, с материальными объектами, являющимися составной частью социальной реальности и среды⁵⁴. Они служат средствами обеспечения не только физического, но и психологического комфорта. По существу, внешнее, материализованное выражение комфор-

та — это движущая сила и конечная цель цивилизации, превращенная, социально наполненная форма инстинкта экологического порядка.

Наконец, пятое измерение экзистенциального пространства — *природа*. Обеспечивая людей ресурсами для выживания и поддержания здоровья, она оказывает, кроме того, и благотворное эмоциональное воздействие на человека. Обаяние природы, ее величавая красота умножают духовные силы, снимают общую тревогу бытия. Поэтому земля, небо, горы, леса, реки, моря являются ценностью не только в материально-экономическом, но и в духовно-нравственном смысле.

Однако не только дикая природа, но и так называемый культурный ландшафт — живописные пашни, городские парки, бульвары, фонтаны, пруды, искусственные озера — радует глаз человека и становится в полном смысле слова терапевтической средой. Причем социальная ценность и значимость общения человека с природой, с культурным ландшафтом измеряется не только зарядом хорошего настроения и самочувствия, но и количеством, социальным составом людей, вовлеченных в такое общение⁵⁵. Доступность эстетически значимой среды имеет принципиальное значение.

В то же время большой вред приносят эстетически агрессивные, запущенные сегменты культурного ландшафта. Например, искусственные озера, превратившиеся в грязные болота, заброшенные, поросшие бурьяном пашни, превращенные в свалку для мусора сады, парки, скверы.

Такова общая характеристика важнейших структурных уровней экзистенциального пространства. Дополнив ее условным противопоставлением внешнего и внутреннего жизненного мира, получим общую картину экзистенциального пространства, в которой внутренний мир представлен органической средой и психологическим полем, а внешний — тремя другими уровнями экзистенциального пространства: социальным, культурно-предметным и природным.

Локус контроля жизненной среды

Человек существует одновременно во всех названных измерениях жизненной среды, но в то же время и различает их, сознавая, когда и как именно действуют они на его самочувствие.

Внутренняя органическая среда может давать о себе знать ощущениями голода, жажды, влечения, насыщения, боли. Разнообразные впечатления, получаемые от общения с другими людьми, являются проявлениями социального окружения. Целую гамму переживаний, в т. ч. и эстетических, вызывают у человека элементы материальной культуры, существенно дополняя тем самым чувства, воз-

никающие в сфере социального взаимодействия и взаимодействия с природой.

При этом чувства и эмоции — не только эпифеномены взаимодействия человека с жизненной средой, но и акты сознательного и неосознанного самоконтроля, связанные с теми участками экзистенциального пространства, которые выдвигаются на первый план. Изменяя модус контроля, человек постоянно отслеживает действительность, чтобы сделать какой-либо из фрагментов внешнего или внутреннего мира фигурой на общем фоне, переживая, сознавая и оценивая свое бытие в мире.

Таким образом, общее самочувствие человека складывается из впечатлений, получаемых от всех уровней экзистенциального пространства: 1) внутренней среды организма; 2) психологического поля; 3) социальной среды; 4) предметно-культурной среды; 5) природной среды.

Такое разграничение необходимо и в чисто методических целях для концентрации исследовательского внимания на тех или иных срезах экзистенциального пространства, для идентификации и этической рационализации конкретных переживаний. Качественная специфика и локус контроля каждого переживания вполне различимы, и это позволяет безошибочно установить болевые, этически и эстетически ущербные участки экзистенциального пространства, которые нарушают ощущение душевного равновесия, комфорта, безопасности. Например, это может быть чувство вины, неудовлетворенность местом постоянного проживания, конфликты на работе, застарелые болезни и т. д. Стечение большого числа подобных обстоятельств и переживаний приводит нередко к срыву нервной системы, к патологическим реакциям и изменениям.

Принципиальное значение имеет в таких случаях специфика восприятия человеком условий своего существования, всех событий, происходящих в его жизни. Полагает ли он, что может ими управлять или считает это невозможным? В первом случае говорят о преобладании у человека внутреннего локуса контроля и управления, во втором — внешнего. У человека с *внешним локусом контроля* многое происходит не по его воле, а по воле других людей, каких-либо иных внешних сил и не зависящих от него обстоятельств. «В результате он ощущает себя беспомощным, разочарованным и испытывает куда больший стресс, чем человек с внутренним локусом управления»⁵⁶.

В отличие от этого в реакциях человека с преобладанием *внутреннего локуса управления* обнаруживается осознанное движение к самоосуществлению и самореализации, уверенность в возможности изменения, выравнивания условий своего существования. С одной стороны, это активность, направленная на преодоление препят-

ствий, создаваемых неизбежно жизненной средой, а с другой — столь же сложная и упорная деятельность по использованию, упорядочению, перестройке мира в соответствии с представлениями о личном и общем благе.

Фактически, таким образом, через различные стратегии самоосуществления человек выбирает себя, свое место в жизни. Внутренний локус контроля имеет как минимум два варианта — сравнительно жесткий (ригидный) и сравнительно мягкий (гибкий).

Нравственно-экологическая конгруэнтность

В столкновении и на основе объективных условий существования и субъективных оценок жизненной среды возникают различные, в т. ч. и ущербные формы экологического поведения. Поэтому комплексное нравственно-экологическое исследование человеческого существования предполагает сопоставительный, внутренне согласованный анализ четырех аспектов бытия: 1) объективных условий жизни; 2) переживаний, испытываемых людьми под воздействием этих условий; 3) образа жизни как совокупности различных форм поведения, являющихся следствием и отражением объективных условий и субъективных переживаний; 4) планирования определенных, в т. ч. и принципиально новых, этически значимых форм взаимодействия с жизненной средой.

На этом построен метод комплексной верификации жизненной среды, имеющий для нравственной экологии основополагающее значение. В его основе лежит изоморфизм четырех, названных выше, измерений бытия — закономерность, которую можно назвать *нравственно-экологической конгруэнтностью*. Это особого рода взаимосвязь и взаимозависимость, выражающаяся в том, что самочувствие и представления о желаемом будущем являются не только индикаторами воздействия на человека различных элементов среды, но и важнейшими характеристиками самой среды, критериями ее нравственно-экологической полноценности или ущербности.

Именно в этом смысле можно говорить об изоморфизме и дополнительной дистрибуции различных измерений бытия. Параметры самочувствия и психологического настроения отдельных людей и отдельных — малых и больших групп населения являются одновременно и важнейшей качественной характеристикой их жизненной среды, в т. ч. и свойствами общества, в пространстве которого находятся.

Здесь необходимо вновь возвратиться к самому главному положению нравственной экологии:

улучшая параметры экзистенциального пространства, можно и необходимо улучшать самочувствие и общий настрой человека и общества, т.е. действовать сознательно и целенаправленно, сохраняя и поддерживая экологическое равновесие и порядок.

В конечном итоге все сводится к вопросу о том, насколько уютно чувствуют себя отдельные люди и целые сообщества в пространстве своего бытия, насколько способствует жизненная среда удовлетворению базовых потребностей выживания и само-

реализации. В зависимости от характера ответов на данный вопрос можно судить о качестве жизни, о том, в какой мере тот или иной человек, то или иное конкретное сообщество приспособили себя к окружению и окружение к самому себе, насколько созрел современный мир в качестве экодому, где сбываются мечты человека о счастье.

Проблема качества жизни, таким образом, в основе своей нравственно-экологическая, прямо связанная с качеством внешней и внутренней среды человека.

Бабич И. Л., Базиева Г. Д., Кратов Е. В., Кратова Н. В., Соколовский С. В.

ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В УСЛОВИЯХ ИСЛАМСКОГО ВСПЛЕСКА И КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Отечественное кавказоведение 1990-х — начала 2000-х гг. до сих пор оставляет вне сферы своего внимания такую важную часть жизни северокавказских народов, как формирование современной морали, духовных ценностей, идей — всего того, что можно назвать одним, отчасти неприятным для людей, которые прожили всю свою жизнь или хотя бы ее часть в советское время, словом — идеология.

Возникшая в начале 1990-х гг. перестройка и ее политические лидеры с удовольствием объявили свободу и сместили с пьедестала так называемую советскую идеологию, основы советской морали, на базе которых в советские годы принудительно осуществлялось «формирование советского человека». Люди, почувствовав себя действительно свободными, стали счастливо жить без советской морали, однако к концу 1990-х гг. как простые люди, так и представители творческой интеллигенции и даже властных структур стали осознавать кризис морали, кризис духовных ценностей: столь желанная свобода перетекла в анархию, при которой из общества исчез моральный стержень. И в стране начался процесс формирования новой, постперестроечной идеологии, начался поиск духовных ценностей, основ морали, которые могли бы стать путеводной нитью для жизни россиян в XXI в.

Кавказские народы не стали исключением, и характерные для всей России проблемы для них также актуальны и важны. Кризис идеологии и морали чувствуется всеми слоями населения современного городского и сельского обществ республик Северного Кавказа.

В предлагаемой статье, опираясь на собранные авторами полевые этнографические материалы и

наблюдения в 2006–2008 гг., а также на основные принципы теории мультикультурализма, рассмотрены данные вопросы на примере жизни современных народов в трех республиках Северного Кавказа: Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Адыгеи.

Анализируя происходящие на современном Северном Кавказе процессы духовного развития, остановимся на тех сферах, где и происходит или не происходит (а должно происходить) формирование новой идеологии, духовных ценностей. В первую очередь это министерства культуры, печати и образования республик Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Адыгеи, в недрах которых осуществляется определенная культурная политика и формирование школьной педагогической парадигмы; это семьи, старшее поколение которых задумывается о том, как воспитывать детей и внуков; это исламское духовенство, стремящееся к внедрению исламской морали; наконец, это представители творческой и научной интеллигенции Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Адыгеи, которые в советские годы были «властителями дум», пользуясь реальным высоким авторитетом в обществе.

Концепция мультикультурализма

Политика мультикультурализма получила институциональное воплощение и поддержку государства в нескольких крупных западных демократиях, относящихся к странам, принимающим крупные группы иммигрантов. Элементы этой политики внедряются и в России. Между тем действующие мультикультурные режимы сталкиваются с серьез-

ными проблемами как практического, так и идеологического характера.

Терминами «мультикультурализм» и «мультикультурный» иногда обозначают культурную, языковую и конфессиональную мозаичность населения страны или региона, иными словами — *культурное многообразие населения*. Более удобным, однако, представляется оставить для обозначения мультикультурных ситуаций термин «*культурное многообразие*», или «*культурная мозаичность*», а термином «мультикультурализм» обозначать политику государства, направленную на поддержку и правовое обеспечение такого многообразия, а также философско-идеологическое и теоретическое обоснование такой политики. Режимы поддержки культурного многообразия, как и философские, политические и правовые доктрины, лежащие в их основе, не сводятся ни к мультикультурализму как отдельному и особому направлению, ни к какой-либо одной модели мультикультурализма.

Мультикультурализм как понятие относится прежде всего к тезаурусам социальной политической философии и философии права, хотя и отсылает к общеантропологическому понятию культуры — концепту, подвергнутому сокрушительной критике во второй половине XX в.

Большинство публикаций по проблемам мультикультурализма либо осуждает эту идеологию с позиций универсальности принципов либеральной теории, либо принимает ее безусловно. Такая противоречивость в отношении к политике мультикультурализма отчасти объясняется наличием объективных противоречий между стремлением государств интегрировать сообщества мигрантов и превратить последних в «полноценных граждан» и политикой поддержки меньшинств.

Многие теоретики связывают популярность и распространение политики мультикультурализма с оформлением в конце 1970-х — начале 1980-х гг. так называемой политики идентичности, вышедшей в этот период в массовые движения за права женщин, национальных и сексуальных меньшинств, экологические движения и т. д. — все те требования, которые интерпретировались в отличие от их предшественников как постматериалистические (термин Рональда Ингелхарта), т. е. направленные не столько на справедливое перераспределение ресурсов, сколько на признание особых групповых идентичностей и прав.

Государства реагировали на эти движения в широком диапазоне от подавления до поддержки, а разные формы и способы аккомодации этих требований стали рассматриваться в качестве особого сектора политики — политики признания (*politics of recognition*). Истории известны и более ранние случаи попыток политического воплощения фило-

софии мультикультурализма, первой из которых явилась, по-видимому, политика правительства Индии, закреплённая в ее новой Конституции 1950 г. В 1971 г. политика мультикультурализма стала официальной политикой правительства Канады. Среди государств, выработавших наиболее известные и успешные формы аккомодации требований разнообразных групп идентичности и социальных движений, обычно называют Канаду, Бельгию, Нидерланды и Швейцарию, хотя политика мультикультурализма в 1970-е гг. была одобрена и поддержана большинством государств — членов Европейского союза. Несколько позднее Канады лозунг мультикультурализма взяла на вооружение Австралия: правительство положило конец политике ассимиляции иммигрантов и дискриминации «цветных» и постаралось сделать государство более удобным для всех жителей независимо от происхождения и языка.

Существующие концепции мультикультурализма строятся на следующих основных представлениях:

1) *натурализация культуры* — представление культуры как врожденной или усвоенной бессознательно в раннем детстве и впоследствии неизменной, как системы диспозиций, обусловленных групповой принадлежностью, «кровью», или «генами» (в таком представлении мы определенно сталкиваемся с элементами так называемого культурного расизма);

2) рассмотрение культур как *однородных и монолитных целостностей*, игнорирование внутригрупповых различий, забвение факта, что индивид всегда одновременно включен в несколько групп и субкультур — статусные, сословные, профессиональные, гендерные, конфессиональные, досуговые и т. д., культурные параметры, интересы и требования которых могут весьма существенно различаться;

3) во многих популярных моделях мультикультурализма имплицитно содержатся ранжирование и иерархизация культурных сообществ, в которых наиболее важное значение и первое место занимают обычно этнические (этнокультурные) сообщества, затем следуют конфессиональные, а прочим — гендерным, профессиональным, сексуальным, досуговым — уделяется мало либо совсем не уделяется внимания; теоретические основания для такого рода ранжирования отсутствуют, в то время как интересы членов выделяемых и привилегированных в концепциях мультикультурализма сообществ в реальности определяются принадлежностью и одновременной включенностью сразу в несколько культурных групп;

4) обусловленные в идеологическом и правовом отношении требования справедливости и равенства (недискриминации) со стороны лиде-

ров этнокультурных сообществ необоснованно перетекают в политические требования в *иных сферах*, за пределами культурных и языковых прав, например в требования политического представительства.

Творческая интеллигенция и формирование современных ценностей

В советские годы русская, советская и особенно национальные литературы и ее представители-современники — национальные писатели занимали значительное место в общественной жизни народов Северного Кавказа, они пользовались авторитетом, были законодателями морали, формировали ценности, которые ставились во главу угла в жизни людей. Однако в 1990-е гг. все изменилось: местная интеллигенция практически в одночасье потеряла свое положение. В умах и сердцах писателей, художников, композиторов, как подчеркивает один из видных писателей Адыгеи Исхак Шумафович Машбаш, появилась неразбериха.

На Северном Кавказе, как и во всей России, начался процесс переоценки духовных, моральных ценностей, тем не менее местная интеллигенция в силу целого ряда обстоятельств не сумела отразить этот процесс в своем творчестве. Современные писатели как бы выпали из общественного мнения: в 1990-е гг. их произведения практически перестали издавать, писатели стали крайне редко выезжать на встречи с читателями (что в советские годы являлось одной из важных форм пропаганды моральных ценностей)⁵⁷. Республиканские союзы писателей практически перестали поддерживаться государством. В результате к середине 2000-х гг. в изучаемых республиках, по мнению председателя телеканала «Экран» С. Б. Шендрик, в Карачаево-Черкесии практически не стало явно выраженных лидеров из среды творческой элиты, которые могли быть оказывать влияние на общественное мнение и моральную атмосферу⁵⁸.

Многие деятели культуры и средств массовой информации в Карачаево-Черкесии признавались, что они не чувствуют в современном обществе наличия общественной идеологии, общественных ценностей. Как подчеркивает председатель ВГРТК по Карачаево-Черкесии Г. К. Чекалов, эти ценности и моральные нормы до сих пор во многом не сформулированы⁵⁹. В обществе налицо духовный кризис, который и привел к снижению авторитета творческой интеллигенции. В основном, как отмечает председатель телестудии «Черкесск» И. Х. Гашиков, люди живут за счет тех ценностей и моральных принципов, которые были заложены старшим поколением⁶⁰.

Одной из причин спада деятельности местных писателей и других представителей элиты стало резкое сокращение в 1990-е гг. финансирования их творческой деятельности: крайне скудное выделение средств на издания, командировки, переводы: если в 2008 г. государственное издательство Адыгеи выпустило 10–12 названий книг местных писателей, то в 1980-е гг. — около 150 в год⁶¹.

В течение всего постперестроечного периода писатели отчасти находились на распутье: им было трудно осмыслить современную действительность, понять, на каком языке писать произведения. Книжки на местных языках стали мало популярны среди населения, а издание произведений только на русском, безусловно, будет способствовать ослаблению бытования национальных языков. В конце 1990-х гг. в Карачаево-Черкесии всерьез рассматривался вопрос о сокращении тиражей книг на национальных языках: в этот период книги издавались мизерным тиражом — 100 экз., а покупали всего 50 экз.⁶²

В нынешнее время молодое поколение знакомится с русской, советской и национальной литературой главным образом в школе. В Адыгее, согласно школьной программе 9-го класса в разделе внеклассного чтения, подростки изучают произведения на адыгейском языке. В Карачаево-Черкесии национальные литературы являются школьным предметом, и дети обязаны читать наиболее известные произведения местных авторов, изданные до начала 1990-х гг.⁶³ Однако вне стен школ современная молодежь мало читает русскую и национальную художественную литературу. Подростки и молодежь предпочитают читать детективы и современные зарубежные романы⁶⁴.

Обратимся к социологическому исследованию, проведенному в 2003 г. С. И. Хруниным и О. Ю. Крыниной по проблеме «Востребованность социально-культурных услуг в г. Майкопе», в рамках которого был проведен опрос 746 жителей города о читательских предпочтениях. Согласно результатам опроса, 14 % опрошенных предпочитают читать иллюстрированные журналы, например, «Гео», «Космополитен», 64 % опрошенных читают так называемое легкое чтение: бульварную литературу — произведения Б. Акунина, В. Пелевина, Х. Мураками, П. Коэльо. Женщины активно читают так называемую современную женскую литературу — произведения Д. Донцовой, Т. Устиновой и др.⁶⁵ Современные литературные вкусы молодежи более разнообразны: есть молодые черкешенки, которые увлекаются произведениями М. Ю. Лермонтова или А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского. Пожилые люди читают главным образом детективы⁶⁶.

В Карачаево-Черкесии произведения местных писателей практически никто не читает, даже студенты филологического факультета местного уни-

верситета знакомятся с национальной литературой с помощью интернета.

С начала 2000-х гг. положение творческой интеллигенции на Северном Кавказе постепенно стало улучшаться. В Республике Адыгея стали издаваться литературно-художественные и общественно-политические журналы Союза писателей Адыгеи и МК Республики Адыгея «Литературная Адыгея» (на русском языке) и «Дружба» (на адыгейском языке), главным редактором которых является уже не раз упоминавшийся нами выше И. Ш. Машбаш. В альманахе «Литературная Адыгея» охотно публикуются молодые прозаики и поэты республики, для которых Союз писателей стал проводить ежегодное совещание «Созвездие»⁶⁷.

В Карачаево-Черкесии писателей вновь стали активнее приглашать для встречи с читателями. Так, известный ногайский писатель И. Капаев за последний год дважды выступал на местном телевидении. Абазинского писателя Д. К. Лагучева не раз приглашали на телеканал «Экран» и местный филиал ВГРТК⁶⁸. Писатели стали встречаться с президентом Карачаево-Черкесии и другими чиновниками для проведения бесед о духовном развитии общества. Они стали получать различные гранты на издание новых произведений.

Ключевыми темами, разрабатываемыми современными писателями Карачаево-Черкесии, являются сохранение языка, восстановление исторической памяти (темы депортации карачаевцев, геноцида адыгов и т. д.), а также проблемы, связанные с изменением этнического менталитета⁶⁹. Национальные писатели Адыгеи предпочитают обращаться к истории адыгов. Чаще в художественной, реже в публицистической форме они описывают отдельные стороны жизни адыгов в прошлые века, описывают жизнь и творчество известных в прошлом личностей, например статьи писателя И. Машбаша об адыгском певце — поэте Ц. А. Теучеже⁷⁰.

В то же время, как отмечает известная писательница Карачаево-Черкесии Л. Б. Бекизова, в республиках сохраняется значительная часть интеллигенции, выросшая в советские годы, которая придерживается советской идеологии и ее основных лозунгов «Наш общий дом — Кавказ», «Кавказ и Россия едины» и т. д.⁷¹ Эту же позицию занимает и председатель радио ВГРТК по Карачаево-Черкесии М. Накохов. Он считает, что в основе пропагандируемых ценностей возглавляемой им организации лежит идея формирования общекавказского дома и принципы толерантности, диалога культур. Тем не менее М. Накохов признает, что в настоящее время на всем Северном Кавказе по-настоящему работает только одна идеология — «как выжить?»⁷².

Представляется очень важным и показательным интервью с известным ногайским писателем Карачаево-Черкесии И. С. Капаевым. По его мнению, в республике творческая интеллигенция оказалась отрезана от общества: в советские годы был приоритет деятелям духовной культуры. В 1990-е гг., в период так называемой перестройки в Карачаево-Черкесии произошел спад в духовной культуре: в результате одна небольшая часть населения обратилась к исламу, другая такая же — к национальным корням. И то, и другое, как считает И. Капаев, не имеет перспектив развития. Исламская тематика практически не имеет популярности среди писателей: это слишком мелкая тема, тем более что ислам переродился в несвойственные для народов Карачаево-Черкесии формы ваххабизма. По его мнению, не только писатели старшего поколения достаточно равнодушны к исламу, но и молодые писатели не исповедуют ислам. Более важными темами для И. Капаева, как и для других писателей, о чем упоминалось выше, стала история народов Карачаево-Черкесии, в частности изучение ногайских корней III–IV вв.⁷³

Чрезвычайно вдумчивый и внимательный к современной жизни писатель И. Капаев убежден, что поскольку Карачаево-Черкесия — многонациональная республика со сложными межнациональными взаимоотношениями в обществе, современная идеология должна строиться на такой модели: закон — общечеловеческие понятия — формирование гражданского общества. По его мнению, понятие гражданского общества практически не воспринимается ни на уровне российского государства, ни на республиканском уровне. Причем из-за многонациональности общества в Карачаево-Черкесии общее поле надо создавать на русском языке: писатели разных национальностей должны издавать свои произведения на русском языке, что могло бы объединять народы республики⁷⁴.

Часть интеллигенции, главным образом карачаевской, считает, что опора на национальную культуру все же имеет хорошие перспективы, т. к. она очень устойчива. В частности, об этом рассказывал директор «Карачаево-Черкесского республиканского книжного издательства» К. М. Н. Тотуркулов. Иногда некоторые деятели культуры, боясь, что национальная культура уйдет, начинают акцентировать внимание на чисто национальных аспектах, в результате чего появляется перекоп в виде националистических эмоций в творчестве некоторых карачаевских писателей⁷⁵.

Союз писателей Адыгеи и Комитет по делам молодежи г. Майкопа в последние годы, стремясь активизировать деятельность молодых писателей, ежегодно проводят конкурс «Созвездие», в котором

принимают участие адыгейские писатели — Ф. Шеджен, А. Ловпаче, Р. Махош.

Наряду с этим Союз писателей Адыгеи и Министерство культуры Адыгеи обратили внимание и на детей, начав в 1997 г. издавать детский журнал на адыгском языке «Жьогьобын» («Созвездие»), а в 2001 г. на русском — «Родничок». За эти годы сменилось несколько главных редакторов детского журнала: Ю. Чуяко (1997), С. Панеш (2004), И. Машбаш (2007 г. — по настоящее время)⁷⁶.

Рассмотрим содержание этого журнала:

- 1) информация об адыгских писателях старшего поколения (обычно связано с юбилеями), например статья о 70-летнем юбилее писателя П. Кошубаева;
- 2) статьи о родине и об истории адыгских аулов, современном флаге республики;
- 3) информация об адыгских традициях (о том, что следует уступать место старшим в автобусе и т. д.);
- 4) информация об адыгских бытовых традициях, обрядах, национальных костюмах, пище и т. д.;
- 5) статьи об адыгском фольклоре, нартских сказаниях;
- 6) информация о народных промыслах адыгов (в частности, о золотошвейном), о декоративно-прикладном искусстве;
- 7) статьи о музыкально-танцевальном творчестве детей;
- 8) информация о конкурсах «Фабрика звезд Майкопа», «Фабрика звезд Адыгеи».

Парадигма «адыгская культура как основа современной морали, современных ценностей и современной идеологии» поддерживается и местной научной интеллигенцией. «В адыгской культуре, — пишет один из известных в Адыгее социологов Р. А. Ханаху, — сохраняется немало элементов традиционной культуры. Ведущее место среди них занимает морально-этический императив *адыгагэ*. Уже буквальный перевод адыгского слова “адыгагэ” означает по-русски адыгство, т. е. свойство, характерное для всех адыгов, для всех представителей этноса. Это же слово можно перевести как человечность, что показывает ориентированность этнической этики на общечеловеческие ценности. Данный феномен является существенным фактором стиля и образа жизни: регулятором индивидуального и группового поведения, базисом этнической идентификации, фактором коммуникации и социализации... С другой стороны, современные формы культуры не могли не вызвать определенных изменений в ментальности адыгов. Их ментальные свойства проходят испытания такими доминирующими тенденциями мирового развития, как индивидуализация и глобализация. Часть адыгов, оказавшаяся за

пределами своего региона, а иногда и внутри самого региона, вынуждена играть по этим диктуемым современностью правилам и сохранять традиционность, в основном в сфере семьи и быта»⁷⁷.

Проблема соотношения национального и глобального в культуре и идеологии была главной в разговоре с известным карачаевским художником и скульптором Кази-Магомедом Исмаиловичем Хабичевым, народным художником, членом Союза художников Карачаево-Черкесии. Хабичев — художник чрезвычайно самобытный, талантливый, глубокий, с оригинальным видением мира. Он много работает, в последние годы проводилось с ним много выставок (в Элисте, Нальчике, Кисловодске), публикуется множество статей о его творчестве. Основными сюжетами картин К. М. И. Хабичева становятся следующие темы: сельские труженики, философия (думы горцев), исторические темы (депортация карачаевцев, например картины «Живописная страна Алания», «Карча (предводитель карачаевского народа)»), военная тематика и др. Хабичев интересуется и народной культурой, много занимается «стилизацией национальных традиций и введением их в общечеловеческое пространство, мировое пространство», как выражается художник.

Тем не менее в его творчестве в большей степени преобладают общечеловеческие темы над национальными, тогда как другие карачаевские художники в большей степени акцентируют свое творческое внимание на национальной тематике. Это относится к таким талантливым художникам, как М. Бурлаков и У. Мижев (карачаевцы), М. Хахандуков (черкес) и др. Интересно, что в последние годы К. М. И. Хабичев увлекся и исламской тематикой, однако мусульманские лидеры Карачаево-Черкесии уже обращались к нему, чтобы он «убрал лица со своих работ», если считает себя мусульманином. Между тем, как подчеркивает Хабичев, у него до сих пор не сложилось цельного восприятия ислама, сохраняется противоречивость в восприятии основных исламских канонов.

В современный период литература призвана формировать новое национальное самосознание, в связи с этим содержание ее основных произведений отражает героическую историю предков, неразрывно связанную с культурным наследием, живой творческой силой, способствующей восстановлению прерванности национальной традиции.

В Кабардино-Балкарии особое место занимает историческая литература. В центре внимания писателей дореволюционное прошлое (Т. Адыгов «Щит Тибарда», А. Теппеев «Воля»), периоды Гражданской и Великой Отечественной войн (А. Кешоков «Вершины не спят», «Сломанная подкова», З. Толгуров «Эрирей», «Алые травы», А. Теппеев

Ислам в литературе Карачаево-Черкесии

«Соленые лепешки», «Солнце не заходит»), послевоенный период (повести и рассказы Б. Мазихова, М. Кармокова, Э. Гуртуева, Б. Кагермазова, Х. Шаваева и др.). В современный период, пытаясь преодолеть односторонность исторического видения, писатели Кабардино-Балкарии зачастую обращаются к незатрагиваемым в советской литературе темам: махаджирстве (у адыгов) и депортации (у балкарцев), тем самым восстанавливая историческую память.

В обращении к реальным историческим событиям писатели ищут опору, не дающую распасться единой корневой системе этноса. Последний роман классика кабардинской литературы А. Кешокова (1914–2001) носит символическое название «Корни» и посвящен трагедии адыгов, вынужденных во время Кавказской войны покинуть Родину. Произведение охватывает жизнь нескольких поколений адыгов, цепочка времени связывает прошлое и настоящее. Романы «Мост Сийрат» А. Тепшеева и «Голубой типчак» З. Толгурова посвящены депортации балкарского народа. В романе «Мост Сийрат» А. Тепшеев рассматривает трагедию сквозь призму времени, психологически точно рисуя портреты как жертв, так и палачей. Для тех и других жизнь — «Мост Сийрат», преодолев который, по народным поверьям, праведным открывается дорога в рай, остальных же ждут вечные мучения в аду.

В современной литературе мифологизирование выступает не столько как средство создания глобальной модели, сколько в качестве приема, позволяющего акцентировать определенные ситуации и коллизии прямыми или контрастными параллелями из мифологии.

Устойчивость современной этнической культуры, по мнению большинства писателей Кабардино-Балкарии, должна строиться не на однообразии и идентичности всех ее составляющих, а на пластичности и разнообразии слагающих ее элементов.

Современной художественной литературе принадлежит особенная роль в формировании национального самосознания. Во-первых, литература, являясь искусством слова, напрямую связана с проблемой сохранения и развития национального языка, во-вторых, литература непосредственно или опосредованно связана с другими сферами профессиональной культуры — театром, изобразительным искусством, музыкой.

Основные задачи национальной литературы на современном этапе развития культуры Кабардино-Балкарии и формирования этнической идентичности кабардинцев и балкарцев: 1) восстановление исторической памяти; 2) определение нравственных ориентиров; 3) воспитание толерантного сознания.

На основе исламского вероучения в процессе исторического развития возник сложный многогранный культурный комплекс. Он включил в себя, помимо собственно исламской догматики, детально проработанную аксиологию, свод морально-этических правил, развитое учение о государстве, праве, экономике. На его основе получили развитие система образования, искусство, архитектура, литература.

Принятие ислама вело к глубокой трансформации культуры народа, изменению его традиций и обычаев, обогащению повседневной жизни. Значительное влияние мусульманской культуры испытали и народы, населяющие Карачаево-Черкесскую Республику, — абазины, карачаевцы, ногайцы и черкесы. Принятие ими ислама, а тем более распространение исламской культуры не было одномоментным актом. В течение столетий продолжался процесс взаимодействия традиционной, исламской и российской культур, в ходе которого и сформировались оригинальные синкретичные национальные культуры, которые можно наблюдать сегодня.

Проблема выбора вектора развития ислама и исламской культуры впервые обозначилась в конце 1980-х гг. В это время свобода совести в СССР из декларации начала превращаться в одну из реалий формирующегося демократического общества. Было очевидно, что религия должна играть более весомую роль в обществе. Однако видение форм, методов и направлений религиозного возрождения существенно отличалось у различных общественных групп. Особенно остро эти проблемы проявились внутри мусульманской уммы.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. громко заявила о себе радикально настроенная мусульманская молодежь, стремившаяся ускорить процесс исламизации республики. Идея исламского возрождения на несколько лет стала мощным фактором мобилизации местной молодежи. Именно ислам, согласно представлениям молодых мусульманских реформаторов, должен был стать основой для становления новой, несветской государственности народов Карачаево-Черкесии.

Активно действовавшая в республике Исламская партия возрождения поддержала требования раздела республики по национальному признаку, а ее лидер М. Биджиев возглавил движение за образование самостоятельной Карачаевской республики⁷⁸. Это движение, стремившееся изначально реализовать автономистские требования в рамках закона, под его руководством стремительно радикализировалось. Апофеозом его деятельности стал бессрочный митинг в г. Карачаевске в под-

держку Карачаевской республики, устроенный в ноябре 1991 г.

Одновременно им был организован независимый от официального Духовного управления «Духовный центр мусульман Карачая — Имамат Карачая»⁷⁹. Материалы периодической печати дают некоторое представление о его видении путей возрождения исламской культуры. Прежде всего само название созданного Биджиевым духовного центра — «Имамат Карачая» — вызывает стойкие аллюзии с имамом мюридов Дагестана и Чечни времен Кавказской войны. Осуществляемая Биджиевым деятельность также свидетельствовала о том, что в богатой палитре исламской культуры его интересовал прежде всего политический аспект, возможность использования ислама в борьбе за власть. В полемической статье «Ваше время прошло» пресс-секретарь биджиевского имамата делает важное заявление: «... именно в имамате утверждается идея, что религия (ислам) и политика вещи неразделимые. Действительно, разве можно отделить ислам от политики? ...Ислам — это религия, которая призывает утверждать истину Бога во всех сферах жизни — политике, экономике, культуре, браке и семье...»⁸⁰

Очевидно, что такая позиция совершенно не вписывалась в рамки российского законодательства о свободе совести, даже в его ультралиберальной форме начала 1990-х гг. Однако она вполне соответствовала духу времени и умонастроениям некоторой части населения. Так или иначе, именно с императивом «утверждать истину Бога во всех сферах жизни» связаны разнообразные течения современного салафизма — от умеренных до радикальных его форм. Все попытки перевести этот теоретический посыл в практическую плоскость неизбежно приводили к острой социальной конфронтации.

Не стала исключением и Карачаево-Черкесия. Острый политический кризис, всплеск межэтнической напряженности, обострение отношений внутри самой мусульманской уммы стали очевидным следствием действий сторонников исламского возрождения. Очевидным прежде всего для самих мусульман. Эйфория от внезапно открывшихся перспектив построить общество в соответствии с идеалами ислама быстро прошла, когда стало известно, что гигантские суммы, выделенные международными исламскими фондами на развитие ислама в республике, до мусульман так и не дошли, а призывы к исламскому возрождению оказались лишь инструментом политических авантюристов в борьбе за власть⁸¹. Основная часть исламского духовенства и верующих выступили против политизации и радикализации ислама, поддержав умеренную модель, опирающуюся на

национальные традиции. К 1993 г. партия прекратила деятельность на территории республики. Тем не менее умеренно салафитский и экстремистский векторы, сформировавшиеся в бурную эпоху начала 1990-х гг., до сих пор сохраняют свою актуальность.

Развитие исламской культуры непосредственно связано с функционированием различных социальных институтов, осуществляющих аккумуляцию и трансляцию религиозных норм и ценностей.

Исламская тематика отражается в творчестве современных писателей Карачаево-Черкесии, стремящихся довести до сознания соотечественников религиозные и нравственные ценности.

Прежде всего следует отметить усилия по переводу Корана и Сунны на языки народов Карачаево-Черкесии. Много сил переводу Корана на карачаевский язык приложили О. А. Хубиев, А.-Ю. Эбзеев и А.-Х. Х. Хубиев. Отдельные суры Корана и избранные хадисы перевели на абазинский язык К. Мхце и Н. Муратков.

Проводится значительная работа по сбору, изучению и изданию карачаевских, ногайских и черкесских народных религиозных песен — *закиров* (*закиров*). Карачаевские *закеры* суфийского поэта Чокуна-эфенди (Исмаила) Акбаева были изданы в 1991 г. И. Капаев составил сборник ногайских *закиров*. В 1998 г. вышла в свет книга М. Ю. Адзинова и М. А. Шенкао «Хадисы, *закеры* и фарзы мусульман-адыгов».

В качестве примера можно привести фрагмент *закера*, опубликованного в октябре 1990 г. в первом номере газеты «Ислам-нью». Перевод с карачаевского сделан аль-хаджи Азрет-али Байрамуковым:

*Братья, слушайте меня,
Постарайтесь все понять,
И тогда прямым путем
И довольством все пойдём.
Пусть из вас никто не грезит
Вечно в мире оставаться,
И всегда, до бесконечности
В мире этом пропитаться...
О, Аллах, прошу тебя, прости наши грехи!
О, Аллах, прошу тебя, дай нам благоденствия!
О, Аллах, прошу тебя, прими нашу просьбу!
О, Аллах, прошу тебя, одели нас раем!..*

Важным актом приобщения карачаевских читателей к исламской классической культуре явились издания сочинений Омара Хайяма в переводе на карачаевский язык, которые осуществили в 1990-е гг. И. И. Алиев и А. М. Батчаев.

Религиозная тематика отражается и в художественных произведениях. Карачаевские поэты И. Я. Акбаев и И. У. Семенов написали поэму о жизни и деятельности пророка Мухаммеда.

Молодой поэт Б. Батчаев создал поэму «Паломничество» и стихотворения «Коран», «Курбанбайрам», «В мечети».

Совершенно очевидно, что в основе кризиса современной идеологии легла смена государственного строя в целом в стране и всех сопутствующих этому процессу обстоятельств. Становление основ российской государственности в 1990-е гг. в РФ явилось главной причиной необходимости и формирования новой идеологии.

На Северном Кавказе эти процессы приняли обостренную и своеобразную форму в силу сложного исторического и геополитического положения региона. Известно, что именно народы Северо-Западного и Центрального Кавказа стали в прежние века объектами конкурентной борьбы крупных империй, узлом противоречий имперских держав. Т. И. Афасижев совершенно справедливо отмечал, что в Республике Адыгея происходит становление государственности «на фоне сложных мировых и общероссийских процессов. В условиях глобализации западный либерализм стал утверждаться как единственная альтернатива в переустройстве российского общества.

По мысли западных технологов, только западный образец социального устройства обеспечит всему человечеству благодатную жизнь. Сторонники этих идей пошли по пути механического заимствования парламентской демократии, рыночной экономики, западного образа жизни. Но отрицание национальных корней и высокая экономическая зависимость от Запада не могли не привести к внутренней напряженности, нестабильности и разрушению духовной среды российского социума. При всей такой сложной обстановке в мире Адыгее нужно выработать свою формулу вхождения через Россию в современный мир с учетом, конечно, своей историко-геополитической и социокультурной уникальности»⁸².

По мнению авторов данной статьи, происходящие в современных горских обществах процессы намного глубже и имеют целый комплекс аспектов, которые должны быть учтены при исследовании такого сложного вопроса, как процесс формирования современной идеологии на Кавказе.

Безусловно, одной из ключевых причин формирования нового общества без твердых моральных принципов, идей и ценностей стали новые экономические условия, в которых Кабардино-Балкария, Адыгея и Карачаево-Черкесия наряду с другими регионами РФ оказались в начале 1990-х гг. Тяжелое экономическое состояние, бедность, безработица привели к тому, что в обществе главной ценно-

стью стали деньги, возможность их заработать, что способствовало развитию мощных миграционных процессов — выезда северокавказских народов за пределы республик на короткое или длительное время на заработки.

Другой причиной стала проводившаяся федеральным центром в 1990-е гг. на Северном Кавказе национальная политика. С одной стороны, власти, используя все средства, удерживала регион в составе РФ, а с другой — не обращала никакого внимания на необходимость формирования у горских народов «российских» настроений, часто совершала действия, которые во многом развивали у населения негативное отношение к федеральному центру и, соответственно, ко всему тому, что исходит из России.

Одной из таких ошибок, по мнению Т. И. Афасижева, было установление властями на Причерноморском Северном Кавказе памятников «самым одиозным фигурам, авторам геноцида горских народов Зассу и Лазареву». Другой пример — проведение празднования «450-летнего добровольного присоединения народов Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии к России». Федеральным центром были выделены огромные средства на утверждение того, что с исторической точки зрения довольно спорно. «Добровольное» присоединение сопровождалось такими значительными для народов Северного Кавказа потерями, что не приходится говорить о том, что для их потомков это событие было «праздником». Более того, как уже указывалось, в Республике Адыгея установлен день траура — 21 мая, который связан именно с этими событиями. На этом фоне широкое празднование 450-летнего добровольного присоединения способствовало росту антироссийских настроений. Не случайно именно в среде адыгских ученых распространено негативное отношение к России. Так, упоминавшийся выше Т. И. Афасижев подчеркивает, что деградация и кризис культуры в Республике Адыгея идет исключительно из России. «Реформаторы России 90-х годов на словах... декларировали патриотизм, призывали к труду во имя Отечества, на деле открывали широко путь всему тому, что разрушало их: с экранов исчезли отечественные фильмы, с книжных полок — классики русской литературы и других народов. На смену им пришли западные боевики, открыто порнографические фильмы, книги, пропагандирующие насилие, ненависть к старшему поколению, культ доллара, проституция и т. д. И все они преподносились как общечеловеческие ценности и предоставление свободы народу, защиты его интересов, тем самым маскируя разрушение национально-исторических корней государственности России»⁸³.

Из приведенного в данной статье анализа формирования современных ценностей в горских обществах республик Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии видно, что местные, республиканские власти и, соответственно, министерства культуры, печати и образования всячески стремятся поддерживать, пропагандировать и возрождать национальные традиции, национальные вокальные и хореографические коллективы, надеясь на этом фундаменте построить новое общество.

Хотя религиозность связана большей частью с определением этнической идентичности и не всегда сопряжена с наличием соответствующего мировоззрения и соблюдением религиозных норм, можно констатировать: ислам прочно вошел в быт проживающих здесь народов, его глубокое влияние на генезис этнических культур бесспорно.

Важной чертой распространенного в республиках отношения мусульманского населения к религии следует признать умеренность: здесь не приветствовалась богоборческая политика советской власти, но и призывы салафитов — умеренных, а тем более радикальных — не находили широкого отклика. На этом фоне трансформация культуры местных народов в постсоветский период проис-

ходила под сильным, но далеко не абсолютным воздействием исламского фактора. Результатом стало формирование оригинального культурного комплекса, в котором сочетаются этническая и религиозная составляющие.

Можно уверенно говорить о серьезном влиянии ислама на общественную и повседневную жизнь людей, на формирование облика современного города и села. Религиозные мотивы прослеживаются в творчестве местных деятелей культуры и искусства.

Ни национальные, ни исламские традиции не в состоянии оказать сопротивление мощным процессам культурной глобализации. Думается, что в этом направлении большие надежды можно возложить на местную интеллигенцию — писателей, художников, руководителей местных теле- и радиоканалов, театральных деятелей — все тех, кто должен сформировать современное мультикультурное пространство, в котором и история народов Северного Кавказа, и горские традиции, и исламские ценности могут найти свою нишу наряду с процессами, связанными с особенностями современной социально-экономической и политической жизнью народов Северного Кавказа.

Капустина Е. Л.

СЕЗОННЫЕ ТРУДОВЫЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СООБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕСУРС (НА ПРИМЕРЕ СЕЛЕНИЯ ХУШТАДА ЦУМАДИНСКОГО РАЙОНА, ДАГЕСТАН)

Цумадинский р-н Дагестана считается одним из самых отдаленных в республике. Экономическая ситуация здесь достаточно непростая: в горных селениях, население которых колеблется от нескольких сотен до нескольких тысяч человек, существует весьма ограниченное количество бюджетных рабочих мест — это прежде всего учителя, фельдшер, работники сельской администрации, детского сада. Колхозы в большинстве селений фактически не функционируют, уцелевшие хозяйства, реорганизованные в МУП (муниципальное унитарное предприятие) и ГУП (государственное унитарное предприятие), трудоустраивают в лучшем случае лишь несколько десятков человек. В этой ситуации многие жители района вынуждены зарабатывать вне пределов своего постоянного места проживания, т. е. становиться трудовыми мигрантами. «Трудовая миграция, в отличие от переселения, не предполагает смены постоянного места жительства, по крайней мере на первоначальном этапе. В случае

трудовой миграции речь идет о заработках на стороне и о выезде на короткое время, причем выезд предполагает возвращение в страну исхода»⁸⁴.

Таким образом, специфика жизни трудового мигранта состоит в том, что по окончании определенной временной работы он планирует вернуться на постоянное место жительства, где у него остались семья, основное имущество, а нередко и постоянная работа. Зачастую трудовые мигранты отправляются на заработки всего на несколько месяцев в году, т. е. на определенный сезон. Такой вид трудовой миграции для современного Дагестана наиболее характерен.

Одним из самых популярных среди жителей Цумадинского р-на видов сезонных заработков стали сельскохозяйственные работы (выращивание овощей, главным образом лука) на равнинах Северного Кавказа — в основном в Ростовской обл., Ставропольском и Краснодарском краях, в равнинных р-нах Дагестана, а также в Астраханской обл.

и Калмыкии. К сожалению, учет временных мигрантов внутри страны на государственном уровне почти не ведется. По сведениям, предоставленным одним из информантов, участником этого промысла, в 2004 г. выращиванием лука на равнинах занималось около 8 тыс. жителей Цумадинского, Цунтинского и Ботлихского р-нов Дагестана. «А сейчас выезжаем все, можно сказать — весь Цумадинский район на луке в Ростовской области»⁸⁵.

В Цумадинском р-не в луковую индустрию вовлечены многие селения. Первыми массово начали заниматься этим бизнесом жители с. Тинди, одного из самых крупных населенных пунктов в районе. Даже районный центр Агвали, располагающий немного большими ресурсами рабочих мест, участвует в луковом промысле. Здесь более подробно будет рассмотрен опыт «луксменов» (термин взят из реплики одного из участников форума на одном из дагестанских сайтов) с. Хуштада Цумадинского р-на.

В данной местности луковый промысел (выращивание и продажа лука) среди сельскохозяйственных занятий, очевидно, занимает лидирующую позицию. Его история насчитывает уже более 20 лет. С конца 1970-х гг. хуштадинцы уезжали в Калмыкию и Астраханскую обл., где нанимались к корейским предпринимателям, занимавшимся выращиванием лука, в период уборки урожая в качестве наемных рабочих. С 1990-х гг. они начали осваивать этот бизнес самостоятельно. Если в советское время «на лук» выезжало 2–3 семьи, то, по данным В. Бобровникова, к началу 1990-х гг. сезонное летне-осеннее отходничество охватывало уже 40 % населения⁸⁶.

Сейчас не занятых в этом бизнесе в селении немного. Выбор именно лука в качестве основной выращиваемой культуры неслучаен — вследствие специфики его выращивания хуштадинцам не требуется постоянно находиться на поле в течение полугода: большинство участников промысла проводят на поле по 1,5–2 месяца летом и во время уборки, в остальное время уезжая к себе домой. Лук может долго храниться в специальных амбарах до весны, поэтому нет необходимости в его немедленной реализации после уборки. Это позволяет большинству хуштадинцев осенью опять же возвращаться в Дагестан, оставляя продукцию до удобного случая для ее реализации. Исходя из этого, можно предположить, что для сезонного сельскохозяйственного промысла лук является оптимальной культурой.

По окончании осенней уборки лука большинство хуштадинцев на зиму возвращается в родное селение. Временный характер проживания на месте промысла отражается на особенностях быта. Как правило, работники живут в балаганах — бараках из фанеры, которые строят прямо на поле. В бала-

гане часто есть газовая печь, топчан, где спит семья, а также посуда, постель. Балаган на зиму оставляют у местных жителей с тем, чтобы построить его на новом месте работы на будущий год. Подобное хранение временного жилища, а также самой продукции до момента реализации оплачивается луком или деньгами.

Социальные роли

Для ведения промысла сельчане объединяются в бригады. Бригада — сезонное образование, коллектив, существующий лишь на время промысла. Одна бригада арендует у ростовских колхозов землю от нескольких десятков до 200 га. Состав бригады может меняться ежегодно, однако, как правило, в ней есть ядро — группа пайщиков, из года в год в ней состоящих. При этом бригада может распаться на несколько более мелких как в силу производственной необходимости, так и из-за внутренних конфликтов (например, в 2007 г. одна из хуштадинских бригад разделилась на 4 новые, поскольку стала слишком многочисленной и вследствие этого трудно управляемой).

Как правило, в одну бригаду объединяются родственники, что является определенной гарантией добросовестного ведения дела. Также в случае неудачи с родственниками легче решить вопросы о долгах, которые нередко возникают. Однако можно сказать, что хотя членство в бригаде и основано на родственном принципе, но это не единственный критерий (родственниками и родственниками в селении являются практически все). Помимо этого важны личные отношения, дружба, общие взгляды (например, степень религиозности). Финансовая состоятельность также не определяющий фактор, ибо своим часто дают деньги для того, чтобы начать промысел. Тем не менее зачастую в рамках одной бригады собираются жители одного селения.

Отличительной особенностью бригад сезонников является неспециализированность ее членов. Рядовые пайщики-луководы имеют равные права (здесь не берутся в расчет наемные рабочие), их трудовые усилия в основном сосредоточены на своих участках. Однако в луковых бригадах можно выделить некоторые определенные роли.

Во всех бригадах есть человек, на которого ложится основная ответственность за организацию промысла — бригадир. Бригадир — невыборное лицо, он является инициатором и организатором промысла. Его функции касаются общей организации промысла: например, договориться с совхозами об аренде земли, закупить семена, организовать полив, сбыт, обеспечить пайщиков ядохимикатами против вредителей⁸⁷.

Бригадир — единственная оплачиваемая должность в бригаде. В качестве платы за его работу каждый пайщик отдает ему несколько тонн лука. Количество тонн зависит от установившейся цены на лук, а также от величины урожая.

В круг обязанностей бригадира входит и урегулирование споров и конфликтов с местными жителями, партнерами.

Бригадир формирует бригаду — решает, кого он возьмет в пайщики. Это его основной административный ресурс: в случае неповиновения можно угрожать не дать гектар человеку на следующий год.

Как правило, у бригадира есть некий стартовый капитал для того, чтобы начать дело. В целом для организации лукового промысла в Ростовской обл. на площади в 100 га у бригадира уходит 300–400 тыс. рублей только своих денег, не считая средств других участников, но при удачном урожае и цене на лук эти деньги возвращаются в двойном, тройном и более размере (бригадир может получить до 2 млн рублей). При урожае 20 тонн с 1 га чистая прибыль рядового участника — 50 тыс. рублей, но порой она доходит до 100–400 тыс. (цены 2005 г.)⁸⁸.

Хороший бригадир несет ответственность за рядовых пайщиков. В 2004 г. после неудачного сезона лукового промысла, когда все пайщики погорели, не выручив денег даже на покрытие текущих расходов, некоторые люди порой не имели средств, чтобы вернуться домой, в Дагестан; тогда один из бригадиров роздал каждой из семей по 3 тыс. рублей компенсации на обратную дорогу. Провал 2004 г. вывел из игры многие бригады, которые информантами определялись как слабые (без опыта работы, без связей, без хорошего знания русского языка). Остались лишь группы, руководимые сильными бригадирами, работавшими в Ростовской обл. не один год⁸⁹. Поэтому состоятельность и наличие у бригадира влиятельных связей в регионе ведения бизнеса определяют степень его авторитета среди пайщиков.

Бригадир — единственная обязательная и практически официальная должность в бригадах. Однако есть люди, также осуществляющие некоторые функции по организации дела, стоящие высоко в бригадной иерархии, играющие в промысле значительную роль. Их деятельность может и не оплачиваться, они даже могут совсем не входить в состав бригады, однако они неизбежно обладают большим авторитетом для членов бригад.

Интересен пример из одной хуштадинской бригады. Кроме самого бригадира в ней есть «директор» — так, отчасти в шутку, в бригаде называют хуштадинца Абдулла, местного патриарха лукового дела. Абдулла работает на луке с детства, с 1980-х гг., сначала как наемник у корейцев, затем как пайщик в хуштадинской бригаде. Он не бригадир, но

имеет непререкаемый авторитет в своей бригаде. Его функции официально не оговорены, но тем не менее заметны. Абдулла — основной эксперт промысла, критик действий бригадира, новатор, человек, совершающий некоторые обряды, идущие на пользу промыслу, заведующий «культмассовым сектором» — по его инициативе часто устраивались посиделки у костра, песни, танцы.

Про Абдулла говорят, что он «старший», «что он говорит — все его слушают». В случае нарушения негласных правил бригады он также обладает административным ресурсом отчисления: «Мы ему говорим: “Ты вот такой, вот такой человек. Если в этом году не будешь слушать, в следующем будешь дома, в Хуштаде, сидеть”»⁹⁰. В селении же Абдулла не занимает никаких постов, хотя находится в родственных отношениях с главой администрации селения.

Хуштада пользуется в районе славой селения с достаточно религиозным населением. Отчасти подтверждением этого является тот факт, что в некоторых хуштадинских бригадах избирается человек, ответственный за исполнение религиозных обрядов — «мулла». Бригада строит на поле временную «мечеть» — молитвенный дом из фанеры. Там члены бригады совершают намаз под руководством «муллы»; он также контролирует порядок исполнения религиозных норм: делает замечания тем, кто не пришел на молитву. «Муллу» назначает само общество — бригада; он должен обладать необходимым набором знаний для исполнения религиозных обязанностей, например иметь четкое произношение на арабском языке. «Ему сказали: “Тебе придется возглавить это общество”. Он согласился, куда ему отказаться. И он не отказался»⁹¹.

Часто в бригаде выделяется должность химика — пайщика, который отвечает за обработку полей химическими веществами против сорняков и вредителей.

Все вышеназванные «специалисты» входят в актив бригады, который решает основные вопросы, старается урегулировать конфликты внутри бригады, обеспечивает социальное страхование членов (выдает аванс на аренду земли при нехватке средств, помогает в экстраординарных случаях — свадьба, похороны, проблемы с милицией). Активные члены бригады фактически формулируют основные негласные правила поведения в бригаде, новым членам остается принять эти правила и подчиняться им. Так, в некоторых бригадах не одобряется употребление спиртных напитков: желающие выпить вынуждены скрываться и уезжать с поля в окрестные кафе.

Пайщиками чаще всего выступают не отдельные люди, а целые семьи. В среднем каждая семья берет 1–2 га и обрабатывает своими силами.

Некоторые сельчане, не имеющие возможности выезжать на работы сами, нанимают жителей соседних сел и даже районов, чтобы они работали у них на участке. Наемные рабочие не входят в бригаду, а лишь в определенное время выполняют некоторые работы. Если арендатор нанимает людей для работы на своем участке, то он должен построить им балаган, а также обеспечить минимальным набором продуктов — макароны, сахар, соль, масло, мука. Остальное рабочий покупает сам. Дагестанским наемным рабочим арендатор оплачивает дорогу в один конец, обратно они возвращаются самостоятельно. Местных (ростовских) работников практически не нанимают. Объясняют это тем, что местные зачастую работают до первой бутылки водки, заработав на которую уходят в загул. Наниматели предпочитают привозить работников из Дагестана — не только из своего и соседних районов, но и с предгорий и плоскости, из городов республики — Буйнакск, Хасавюрта. Здесь следует отметить, что широкое привлечение кого-либо со стороны не приводит к размыванию родственно-общинного принципа комплектования бригады. В бригаду наемные рабочие не входят, хотя живут рядом с семьями пайщиков, участвуют в вечерних посиделках бригады. Приезжают наемники примерно на месяц 2 раза за сезон — на прополку и уборку урожая. В результате они не являются полноправными участниками бизнеса и получают не такую внушительную прибыль.

Следует обратить внимание и на тот факт, что в Хуштаде нет никого, кто бы работал наемным рабочим у своих односельчан. Одна из причин подобного, безусловно, невысокая заработная плата рабочих (10–15 тыс. рублей за уборку и чуть меньше за прополку), особенно по сравнению с возможными прибылями пайщиков. Однако возможность взять в аренду гектар есть не у всех — для этого нужен определенный стартовый капитал и место в бригаде, поскольку бригадир арендует ограниченное количество гектаров. В условиях безработицы и низких зарплат в самом селении возможность подзаработать на полях многими должна была бы восприниматься как оптимальная. Причем у хуштадинцев в 1980-х гг. был опыт найма на луковые работы к корейцам. В чем же причина подобного поведения?

Ответ стоит искать опять же в специфике социальных отношений внутри селения. В условиях сложившейся социальной иерархии ситуация, когда член знатного родового объединения (*тухума*) работает на потомка *лага* или даже тухума, стоящего ниже его на социальной лестнице, становится в определенной мере невозможной. К тому же осознание себя равным всем членам общины не позволяет входить в зависимые отношения от односельчанина. Именно поэтому даже фигура бригадира

воспринимается сельчанами в контексте «первый среди равных».

Во-первых, большинство пайщиков так или иначе являются родственниками бригадиру. К тому же бригадир — власть временная, обусловленная производственной необходимостью. Подобное отношение к бригадиру как к равному хорошо видно на следующем примере. Один из пайщиков, описывая луковые бригады турок-месхетинцев, также занимающихся этим промыслом в Ростовской области, подчеркивал их «слабость» и «униженность» — «турки кланяются своему бригадиру, во всем его слушают, поклон дают даже хозяину поля. Они азиаты, у них почтение к начальству, покорность. Они платят столько, сколько хозяин поля скажет. А мы не такие, мы никому не кланяемся, т. к. кланяются только Богу»⁹².

К тому же на современном этапе развития промысла бригадир хотя и имеет ресурс влияния на пайщика (выдача гектаров), однако находится в условиях некоторой конкуренции (в селении существует более десятка бригад). Его власть в настоящий момент не отмечена даже формальными знаками внимания: «Раньше бригадир — почетная работа считалась, его очень уважали, он был очень уважаемый, больше, чем мулла. Бригадир, когда входил, люди вставали. Только бы гектар попросить, чтоб взял в бригаду. А сейчас их много развелось и уважение потерялось. Просто люди раньше жили бедно. А сейчас же люди больше зарабатывают, он может сказать: да пошел ты, я сам свою бригаду создам... Все уже разобрались, могут и сами быть бригадирами»⁹³.

Интересным представляется и ситуация с участием женщин и детей в системе луководства. В Хуштаде женщины активно задействованы в луковом промысле. Именно они в основном живут на полях Ростовской обл. на протяжении всего сезона и занимаются плановыми работами. Мужчины же (не батраки) часто приезжают на поле лишь во время самой страды — при посеве и уборке, а в остальное время они или находятся в селении, или занимаются сбытом продукции, ищут клиентов, улаживают спорные вопросы. Зачастую они просто занимают некоторые должности в селении, поэтому вынуждены приезжать домой и исполнять свои служебные обязанности (особенно в сентябре, когда становятся востребованными все учителя).

Можно заметить, что основное отличие женского участия в сезонных работах от подобной практики у мужчин в том, что женщины выступают лишь в качестве батраков и практически никогда самостоятельных арендаторов земли.

Что касается участия детей в луковом бизнесе, то следует отметить, что в постсоветский период, когда учеба в школе фактически перестала быть обяза-

тельной, дети активно принимают участие в сельскохозяйственных работах и вместе с женщинами остаются на весь период полевых работ. Например, в сентябре в классах Хуштады учатся примерно треть учеников, большинство появляется к ноябрю, а в апреле опять начинают разъезжаться⁹⁴. По этой причине учебный год для учеников 5–11-го классов в селении начинается не 1 сентября, а в конце сентября или начале октября. Например, в 1992 г. школа в селении открылась 21 сентября⁹⁵.

Позиции юношей и девушек в луковом бизнесе неоднозначны. Юноши, повзрослев, начинают активно ездить в соседние станицы и города, иногда ввязываются в конфликты с местным населением и вообще доставляют много хлопот взрослым членам бригады. Поэтому молодых людей берут в бригаду только с родителями, «чтоб не загуляли».

Девушек неудобно брать в Ростовскую обл. по другим причинам — есть опасность, что в такой открытой обстановке могут родиться компрометирующие девушку слухи, что может сильно ей повредить, вплоть до невозможности выйти замуж. Если девушку берут на поле, то чаще всего вместе с матерью (с отцом не отправляют)⁹⁶. Несмотря на это, в Хуштаде есть семейные пары, познакомившиеся именно на промысле.

Сейчас тенденция развития промысла такова, что луком занимаются семейные люди средних лет; строительные работы в больших городах, которыми хуштадинцы занялись лишь несколько лет назад, оттягивают от лукового промысла в основном неженатую мужскую молодежь.

Существует и структура, объединяющая луководов, но уже имеющая надбригадный характер. Например, пайщики-хуштадинцы, работающие в Волгодонском р-не Ростовской обл., по пятницам собираются в определенном месте в лесополосе, где, зарезав нескольких баранов и приготовив угощение, проводят совещания по разным вопросам. На повестке дня на таких собраниях могут оказываться не только связанные с луковым бизнесом вопросы. Однако то, что обсуждается на этом сходе, так или иначе связано с функционированием хуштадинского сельского сообщества (*джамаата*) — политические, экономические, религиозные темы. Например, на одном из таких собраний, где автору удалось побывать, обсуждалась тема целесообразности многоженства для сельчан.

Структуры, участвующие в судьбе хуштадинских бригад на месте промысла, в Ростовской обл. — это прежде всего дагестанские диаспоры. Они не связаны с бригадами никакими производственными отношениями, однако в определенных случаях имеют с последними тесные контакты.

Самая близкая к хуштадинским бригадам диаспора располагается в с. Большая Мартыновка

Мартыновского р-на Ростовской обл. Эта диаспора позиционирует себя как общедагестанская: в ней имеется правление, состоящее из 7 дагестанцев разных национальностей, постоянно живущих в районе. Один из членов правления, заместитель председателя диаспоры — выходец из Цумадинского р-на — Асадулла, уроженец Хуштады. Асадулла живет в Б. Мартыновке с 1985 г. и является одним из первых дагестанцев, кто начал заниматься луком в районе. Начав, как и многие цумадинцы, с работы на полях у корейцев, позднее он сам надолго стал бригадиром. В последнее время он лишь пайщик в одной из цумадинских бригад.

Основные функции Асадуллы в диаспоре — улаживать конфликты, в т. ч. «межнациональные», на уровне района (например, конфликт 2000 г., когда произошли столкновения отходников-цумадинцев с жителями Б. Мартыновки). Он дружит со многими членами хуштадинских бригад, неизменно участвует в пятничном сходе хуштадинцев. Также Асадулла ездит по бригадам, проводит с молодежью разъяснительную работу, чтоб не хулиганили. В его доме фактически расположено нечто вроде цумадинского и шире дагестанского штаба: все приезжающие в Б. Мартыновку по луковым делам жители Цумадинского р-на остаются ночевать у него. Его дом также исполняет роль молитвенного дома, поскольку мечети в Б. Мартыновке нет.

Кроме этого, Асадулла отвечает за уголок дагестанской культуры в местном краеведческом музее, организовывает выступления цумадинцев на спортивных и культурных мероприятиях в районе и области, держит кассу взаимопомощи. Вместе с руководителями других диаспор района он участвует в некоторых заседаниях администрации, проводит встречи с местной властью.

Интересно, что Асадулла — единственный за 20 лет истории промысла хуштадинец, оставшийся на постоянное жительство в районе. Поэтому его роль состоит в лоббировании интересов луководов-земляков. При этом то, что Асадулла постоянно принимает в своем доме приезжих земляков, воспринимается односельчанами как само собой разумеющееся поведение. На него, так же как и на любого другого соотечественника на чужбине, ложится эта ответственность — быть помощником и выразителем интересов приехавших к нему соотечественников.

Подобная практика характерна для всего горного Дагестана, многими общинами горного Дагестана, в частности, издаются брошюры с адресами и телефонами всех выходцев из того или иного селения, будь они в Москве или Владивостоке. Активное одобрение односельчан вызывает не сам факт гостеприимства, а лишь то, в каких масштабах Асадулла выполняет свой «долг»: «У него столько народу!

Бедным детям места не было спать... Со всех бригад, не только с его, приходили ночевать. И жена его постоянно на кухне, постоянно перед газовой плитой на кухне стояла. Столько народу там было — мыться даже иногда места не было. У него иногда получалось так... 6-метровый зал им постелят, человек 20, 30 человек. Один раз 2 автобуса!..»⁹⁷

Мартыновская диаспора — важный, но не высший защитник интересов луководческих бригад. Наиболее весомый покровитель хуштадинцев в Ростовской области — диаспора г. Сальска, самая сильная дагестанская диаспора в области, до недавнего времени активно защищавшая интересы цумадинцев. В этой диаспоре есть дагестанец, имеющий большое влияние в уголовном мире всего Юга России. Он отвечает за невмешательство в дела дагестанцев крупных уголовных группировок. Также в диаспоре состоит цумадинец Мухаммад-Хаджи, уроженец Тинди. Он сам начинал свою деятельность в области как бригадир и имеет большое влияние как в Ростовской области, так и в Цумадинском р-не: его двоюродный брат сейчас — глава Цумадинской районной администрации. Мухаммад-Хаджи ввел следующую практику среди участников промысла: каждый год перед уборкой собирал всех цумадинских бригадиров на совещание: там обсуждали и устанавливали фиксированные цены на лук, заработную плату наемникам за уборку. По словам информантов, под эгидой сальской диаспоры была создана боевая сальская бригада, целью которой стала защита интересов цумадинцев от криминала и недобросовестных партнеров. «Так как, если наши дагестанцы приезжают на уборку к корейцам, их там ущемляют. И они часто (сальская бригада)... выезжали на разборки с корейцами. Сальская бригада, они много кому помогли: когда корейцы заработанные деньги не отдавали, их выбивали. Сейчас слышали, он (Мухаммад-Хаджи) уезжает отсюда, ему в районе (в Цумадинском) предложили работу. Это большая потеря... Проблемы с армянами были у меня, взяли лук на реализацию. А деньги не отдавали. Приехали сальские и забрали дом, продали дом и отдали мне»⁹⁸.

Таким образом, диаспоры играют заметную роль в организации работы бригады, исполняя роль негласных покровителей как на правовой (мартыновская и сальская диаспоры), так и на неправовой (сальская бригада) основе.

Влияние трудовых мигрантов на политическую и социальную жизнь в селении

Государственное управление районами построено по следующей схеме: исполнительная власть

представлена районной администрацией, законодательная — депутатами районного собрания. И те, и другие избираются жителями района. В каждом селении избирается глава сельской администрации. Однако кроме главы администрации, государственного чиновника, как правило, существует и так называемый совет старейшин, или «двадцатка».

До недавнего времени «двадцатка» была и в Хуштаде и представляла собой 20 наиболее уважаемых и авторитетных членов джамаата — мусульманской, сейчас по сути сельской общины⁹⁹. Глава администрации есть руководство со стороны государства, «двадцатка» же работала согласно нормам обычного права, решая вопросы функционирования сельского сообщества в целом. По последним данным, вместо «двадцатки» в селении сейчас работает координационный совет, уполномоченный решать наиболее острые вопросы в селении, но его по старинке называют «двадцаткой».

Глава администрации, безусловно, самая престижная и выгодная должность в селении. В связи с этим неудивительно, что вокруг последних выборов сельского главы в начале 2007 г. разгорелись нешуточные страсти. И поскольку нельзя переоценить важность лукового промысла для современной Хуштады, здесь правомерным является вопрос, оказывает ли влияние луковый бизнес влияние на политическую жизнь в селении.

Стоит обратить внимание на упомянутые выше последние выборы главы администрации селения. Выборы проходили в 2 тура, после первого тура лидер опережал своего конкурента на 4 голоса. В этой критической ситуации шла тяжелая борьба за решающие голоса, в ходе которой пытались использовать все ресурсы, в т. ч. и луковый бизнес. В частности, на выборы из Ростова бригадиры, лоббировавшие интересы того или иного кандидата, привезли всех находившихся там пайщиков: по словам одного из жителей селения, те проголосовали и их в тот же день отвезли обратно. «С Ростова с полей 2 маршрутки привезли, они проголосовали и их обратно увезли. Это оплачивал заинтересованный человек, будь то кандидат или его родственник. Если я вот, а у меня есть брат бригадир, то он привозит их, сам оплачивает все»¹⁰⁰.

Таким образом, бригадиры могли так или иначе, используя имеющиеся у них ресурсы, оказывать влияние на выборы. Однако были случаи и обратного — попыток торговать своим голосом, выдвигая бригадирам свои условия: «Дай мне гектар, тогда я проголосую за твоего родственника»¹⁰¹.

В этой ситуации основным рычагом давления бригадира мог быть заветный гектар, т. е. место в бригаде. Но справедливости ради следует заметить, что большую роль на выборах все же играют родственные отношения — голосование за того или

ино кандидата на кресло главы администрации напрямую определяется родственным признаком, и этот ресурс фактически дублирует ресурс бригадира, поскольку многие из пайщиков и так являются его родственниками. В результате с помощью своего статуса бригадир может реально повлиять лишь на небольшой процент не родственников в бригаде и на тех, кто состоит в родстве с обоими кандидатами, т. е. власть бригадира являлась не столь значительным ресурсом для привлечения голосов, хотя в некоторых случаях и сыграла свою роль.

Люди, занятые в луковом бизнесе, при удачном его течении привозят в селения очень большие суммы денег, значительно превышающие официальные доходы любого государственного служащего Хуштады. И здесь можно было бы ожидать традиционного слияния бизнеса и властных структур. Однако в Хуштаде этого пока не происходит. Например, в координационном совете селения, по словам одного из информантов, не состоит ни одного бригадира¹⁰². Нынешний глава администрации, даже став высшим представителем власти в селении, взял несколько гектаров (на них работала его жена и дети) в бригаде родственника. В этой бригаде он не занимает никаких общественных постов, не имеет льгот и привилегий, полностью подчиняясь бригадиру в основных хозяйственных вопросах.

С другой стороны, некоторые из сельских бригадиров не только не занимают ответственных постов в селении, но и зачастую практически не появляются в Хуштаде. Отчасти такое положение дел может объясняться тем, что бригадиры большую часть времени проводят на местах промысла вдали от селения и вследствие этого практически не имеют возможности уделять много времени внутренним политическим делам Хуштады. Также следует напомнить, что на современном этапе развития промысла власть бригадира проявляется лишь в сугубо производственной сфере, в остальных случаях он является равным всем остальным односельчанам.

Можно сказать, что власть главы администрации в селении и бригадира на промысле существуют параллельно, каждая в своих плоскостях, не перекрывающая сферы влияния друг друга.

Трудовая миграция оказывает определенное влияние и на социальные отношения в селении.

Большинство информантов заявляло, что решение заняться луковым промыслом возникло у них в связи с необходимостью в ближайшем будущем совершить большие траты денег: жениться (или сыграть свадьбу детям), построить дом, купить автомобиль, устроить детей в университеты. Эту специфику трудовой миграции, определяемой как «кавказская», отмечает и М. Шабанова: так, по ее данным, только около 20 % трудовых мигрантов из Кавказского региона вынуждены участвовать в се-

зонных заработках, чтобы прокормить семью. Но, например, столько же информантов планировали купить автомобиль, 15 % — мебель, бытовую технику, 16 % — модную одежду, 15 % зарабатывали на собственную свадьбу¹⁰³. Таким образом, сезонные работы прежде всего служат механизмом выполнения всех статусных установок сельчан.

Как уже было отмечено выше, в удачный год луксмены могут привести в Хуштаду значительные средства — от нескольких сот тысяч до нескольких миллионов рублей каждый. Это провоцирует жителей вступать в негласные соревнования престижа: сельчане конкурируют друг с другом в дороговизне подарков невесте или величине построенного дома. Из-за этих завышенных финансовых планок те, кто до этого не участвовал в промысле и работал в селении, уже не могут угнаться за луководами и фактически вынуждены пополнять их ряды, чтобы не отстать в гонке домостроительства и автомобилизации своего селения. Таким образом, трудовая миграция есть и источник получения благ, и провоцирующий фактор, фактически порождающий необходимость в этой миграции.

Драматизм ситуации состоит в том, что в случае неудачи в промысле его участники остаются ни с чем, но согласно неписаным правилам снизить цену, например, на подарки жениха невесте фактически не представляется возможным — сила прецедента велика. Это приводит к тому, что в неудачный год свадеб в селении играется меньше.

Участники промысла, на несколько месяцев покидающие свои селения и уезжающие жить в далекие районы, населенные преимущественно русскими, не могут не подвергаться влиянию новой внешней среды. Но в сельской общине Хуштады еще есть силы для противостояния приносимым с ростовщины новациям, неодобряемым ее влиятельными членами. В результате можно говорить о двойных стандартах поведения, существующих у участников трудовой миграции: то, что может встречаться на промысле, недопустимо по возвращении в родное селение. Например, в Хуштаде в последнее время происходит значительный религиозный подъем, что, например, позволило имаму запретить пить спиртные напитки в селении, а также устраивать танцы на свадьбах. Этот запрет так или иначе соблюдается в пределах селения, но молодые люди признаются, что, выезжая на заработки в Ростовскую обл., они могут себе позволить выпить или сходить на танцы. Несколько лет назад в селении один из молодых людей поставил непременным условием на своей свадьбе наличие «эстрады» — современной дагестанской музыки. Джамаат формально осудил его решение, но свадьба состоялась именно в таком виде. Нельзя, конечно, сразу же говорить о значительном влия-

нии на этого молодого дагестанца опыта сезонных работ вне общины, но если учесть, что подавляющее большинство мужской молодежи проходит через школу лукового промысла, особенно те, кто планирует жениться, то о косвенном влиянии говорить правомерно.

Другой пример переключения привычных для сельчан поведенческих кодов на новые, в условиях лукового бизнеса, — отношение к понятию женской и мужской работы. Работа в огородах — копать в земле — издавна считалась в горном Дагестане женским делом. И сейчас мужчина, выполняющий какие-то женские работы, подвергается насмешкам и осуждается общественным мнением. Однако на промысле в Ростовской обл. отношение к этому меняется. «Когда наши поехали в Ростов, там все мужчины на поле работают тяпкой. Чуть ли не целый день. А почему здесь не работают — здесь это считается позором, это женская работа. Здесь нельзя, там можно. Там Аллах не видит (*смеется*). Там Магомед не видит... Если я увижу, что в селении Магомед прополку делает, я скажу: “Э, Магомед, тебя жена бьет, что ли? Боишься жену, что ли?” А там не только он, но и я делаю, все делают. Там как можно издеваться, если и ты там должен работать...»¹⁰⁴.

В итоге под воздействием экономической необходимости, а главным образом из-за выпадения из сельской системы, принцип мужских и жен-

ских работ на месте промысла размывается. Подкрепляет это явление и своеобразная круговая порука — не будешь критиковать, т. к. этим занимаешься и ты сам. Дополнительный пример — недопустимость в Хуштаде мужчине принести воды от родника и исполнение мужчинами этой работы в Ростовской обл.

Подводя итоги, можно отметить, что практика трудовой миграции порождает вне сельского общества новые виды социальных связей между его членами. Порой эти социальные связи и роли дублируют устоявшиеся сельские связи и в целом не противоречат основным законам функционирования джамаата. Однако было выявлено, что источники власти в селении и на промысле могут быть различны и не связаны между собой.

Также было отмечено влияние практики лукового промысла хуштадинцев на регулирование их социального поведения в родном селении. За счет переключения поведенческих кодов в двух разных сферах жизни хуштадинцев, участвующих в луковом промысле, уход на заработки становится оптимальным компромиссным вариантом между новыми экономическими потребностями и установками, диктуемыми спецификой социального устройства дагестанского сельского общества.

Шелегина О. Н., Мамсик Т. С., Комлева Е. В.

АДАПТАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ СРЕДИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В XVI — НАЧАЛЕ XX в.

Изучение процессов адаптации русского населения на территории Сибири в исторической динамике имеет непреходящее теоретическое, научно-практическое и социокультурное значение, актуализируется в эпоху глобализации¹⁰⁵. Адаптационные процессы осуществляются в результате взаимодействия практик уходящих поколений и опыта новых, протекающего в ходе повседневной жизнедеятельности. Механизмы обновления действуют как в традиционных обществах, на первый взгляд кажущихся неизменными, так и в современных, с их мощными, ярко выраженными тенденциями социальных трансформаций, с одной стороны, и унификаций — с другой.

Адаптация русского населения в Сибири в конце XVI — начале XX в. являлась системной (супер-

адаптацией), влекущей за собой максимально высокую адаптивную нагрузку. Состояние или процесс приспособительного реагирования охватывал все структурные элементы адаптирующейся социальной системы и одновременно все сферы жизнедеятельности субъектов адаптации¹⁰⁶.

При проведении анализа по выявлению микро- и макротрансформаций адаптивного характера в повседневной жизнедеятельности разных групп населения, определения параметров адаптационных процессов в ходе историко-этнографического изучения русского населения в Сибирском регионе не был использован междисциплинарный подход, синтезированы современные достижения в области истории, этнологии и этнографии, адаптологии, социологии адаптаций.

В адаптационных процессах выделялись и исследовались следующие составляющие:

- 1) *факторная* — экологические, социально-экономические, этнокультурные адаптогенные (адаптивные, адаптирующие) факторы, государственная политика;
- 2) *хронологическая* — индивидуальные ступени, стадии, этапы: преадаптация (начальный этап адаптации с использованием уже «готовых» элементов внутренней структуры адаптанта и приспособленных заранее форм при внезапных изменениях среды); инадаптация (собственно адаптация с соответствующими средствами, способами, формами и другими характеристиками); постадаптация (частное совершенствование приобретенной адаптации);
- 3) *сущностно-содержательная* — императивность, характер, системность, реактивность, уровень, форма, способы адаптации;
- 4) *критериальная* — адекватность, глубина, конструктивность, полнота и прогрессивность адаптаций;
- 5) *результатирующая* — индивидуальные и групповые модели адаптации; локальные варианты культуры жизнеобеспечения, культура субэтнуса¹⁰⁷.

На раннем этапе освоения Сибири важное значение в многоаспектном адаптационном процессе имели этнокультурные трансформации. Они реализовывались в судьбах и новоприходцев, и аборигенов, и тех, кто со временем считал себя русскими старожилками. Взаимная адаптация имела своим следствием формирование не только элементарной системы жизнеобеспечения, но также единого этнического самосознания и общего социокультурного пространства. Представляя структурную составляющую общеимперского, оно тем не менее обладало региональными особенностями. Об этом, в частности, можно судить по характеру и типу поселений, вполне определившихся к началу массовых переселений¹⁰⁸, а также по наличию в системе жизнеобеспечения земледельцев аграрного хозяйства, организованного на едином принципе — комплексности¹⁰⁹. Вследствие постоянного притока нового и перемещения старожильского населения хозяйственная и социокультурная сферы его жизнедеятельности находились в состоянии динамичной трансформации даже после приобретения, казалось бы, устойчивых форм.

До недавнего времени приходившее из-за Урала население противопоставлялось сибирским «иностранцам» как преимущественно «русское» — этнически однородное. Утверждалось априори, что оно приносило в места переселения свою, т.е. вполне этнически определившуюся культуру: в сферах хо-

зяйства (орудия труда, навыки земледелия, систему аграрного хозяйствования), социальной организации (большую семью и общину), политического и религиозного сознания, по преимуществу устойчиво диссидентского («русский раскол» в разных его вариациях). Предполагалось, что между новоприходцами и аборигенами происходил частичный обмен элементами культуры, но в целом сохранялась сословно-социальная дистанция, обусловленная разницей в степени цивилизованности и стремлением властей к сохранению «первобытного» состояния аборигенов как источника пушного ясака для государства.

Примером устойчивости историографического мифа служит, в частности, история некоторых групп юга Алтая. Одну из них, общину бухтарминских каменщиков-староверов, историки длительное время считали славяно-русской по происхождению, «забежавшей» (в поисках Беловодья) на самую окраину Российской империи. При ближайшем изучении состава фамилий, истории появления «в Камне» (в горах) этих беглецов, в 1792 г. поступивших в имперское подданство и получивших для своего сообщества статус ясачной волости, обнаружилось, что названная группа представляла обрусевшее по преимуществу зырянно-пермское население. Это были потомки колонистов, в течение полутора столетий прошедших Западную Сибирь, оставившие на ее карте десятки селений с характерными этнонимическими названиями. К моменту побегов в Камень они были жителями окрестных селений — крестьянами и мастеровыми алтайских заводов.

Уход в горы был обусловлен наличием у каждого из них адаптивного потенциала — навыков промысловой охоты и артельной жизни, прирожденных свойств первопроходцев: умения ориентироваться не только в природной, но и в иноязычной среде¹¹⁰. Этим переселенцам присущ был особый механизм освоения новых территорий: выбросы в неосвоенное пространство промысловых форпостов (в частности, в виде скитов, считавшихся обычно колонизационным инструментом адептов православия), перемещения в новые локусы небольшими родственными и соседскими группами и в то же время сохранение связей с оставленными в тылу фронтами колонистами. Они держали в сфере своего внимания огромные пространства, неоднозначные в природно-климатическом отношении, и втягивали в свое социокультурное поле последующие отряды мигрантов, выступая в роли хозяев ситуации. Благодаря удачным адаптивным практикам, представляли для них пример успешной жизнедеятельности и модель формирования (с нуля) ее базиса — комплексного аграрного хозяйства.

При изучении фамильного состава «русских» волостей¹¹¹, определения мест выхода, этнического и сословного происхождения предков переселенцев выяснилось, что каждая волость имела свои этнокультурные доминанты, свое соотношение отраслей в хозяйстве (при сохранении принципа комплексности); места выбора поселений, характер внутриобщинных (и семейных) отношений в существенной степени детерминировались этнолокальными традициями прежних мест жительства. Путем сравнения исходных информативных баз сибирских окладных книг первой половины XIX в. с данными списков населенных мест, подворных описей, списков военнослужилого населения и прочих статистических документов XVII в. найдено подтверждение тезиса о том, что первый массовый миграционный поток за Урал во времени совпал с интенсивным процессом формирования русского субэтнуса на окраинных — восточных территориях России¹¹².

В Сибирь уходили группы, которых русскими можно называть только по языку, политической принадлежности и формальному вероисповеданию. В психокультурном отношении они оставались ориентированы на этнолокальные культурные традиции, существенно разнившиеся в границах одного этноса. Так, если Подвинье и земли Великого Новгорода с определенной долей условности можно считать источником, давшим Сибири русских переселенцев, то другой район Русского Севера — Яренский уезд, с XVII в. страдавший от недостатка промысловых угодий и неурожаев, отпуская за Урал преимущественно зырянский этнический компонент.

Ко времени массовых переселений в Сибирь зыряне прошли этап миграционно-адаптивных практик в различных районах Поволжья, Урала и Предуралья. Зыряне-охотники, знатоки природы, активно участвовали в промысловом освоении Сибири с конца XVI в. Значительная их масса оказалась в сибирских войсках (томском, кузнецком, тарском, тюменском, енисейском) на казацкой службе. Эти люди являлись своего рода разведчиками-первопроходцами, вслед за которыми шли в Сибирь их родственники как из Зырянки, так и из Поволжья¹¹³.

Поволжский контингент будущих колонистов Сибири включал в себя по преимуществу мордву, вотяков (удмуртов), черемисов (мари), принадлежащих, так же как пермяки и зыряне, к финно-угорской языковой группе этносов. Волжские тюрки — татары, чуваша, башкиры, а также приобские угры (ханты, селькупы, кеты, вогулы-манси) хотя и не столь массово, но вместе с зырянами и пермяками также несли сибирскую военную службу.

Перемещалась в Сибирь и определенная доля подданных Речи Посполитой как добровольно, так и принудительно (в период русско-польско-литовских кампаний XVII в.), селившихся в Поволжье. Значительная часть служилых поляков-литвы оставалась в Сибири после репатриаций. Единный военный быт способствовал взаимной культурной интеграции представителей финно-угров, тюрков (в лице местных татар) и «иноземцев», по преимуществу восточных славян — носителей модифицированной западноевропейской культуры с будущих западных границ России (белорусов, поляков, литовцев, украинцев, а также немцев, греков и т. д.)¹¹⁴. Процессу их социокультурной консолидации способствовал как язык общения, а им был, естественно, русский, так и профессия защитников рубежей Московского царства. В ходе петровских военных и сословных реформ все их потомство оказалось вначале в промежуточном статусе — разночинцев, а затем — приписных и казенных крестьян, мещан и даже ясачных инородцев.

В течение XVIII в. Каинская Бараба была заполнена бывшими крепостными людьми, ссылаемыми помещиками по указам «в счет рекрут». Эти ссыльные, будущие казенные крестьяне, представляли собой, по существу, все этнокультурные локальные сообщества Центральной и Южной России. К середине XIX в. они считали себя уже сибирскими русскими старожилами и по большей части, по свидетельствам путешественников, имели зажиточные дворы.

В Восточной Сибири процессы этногенеза русских практически не изучены. Можно лишь предположить, что здесь он протекал в менее естественных условиях: основная масса переселенцев перемещалась сюда принудительно, в казенные поселения, под присмотр администрации. Партии ссыльных формировались ситуативно, расселялись без учета географического, сословного и этнического происхождения, что, несомненно, осложняло и замедляло процессы как этнокультурной, так и социальной адаптации «посельщиков» на новом месте.

Таким образом, ранних переселенцев в Сибирь по характеру преадаптивного состояния нельзя квалифицировать иначе как маргиналов, которым предстояло адаптироваться в единое «русское» общество. Между тем и в общественном сознании своего времени, и в будущих трудах сибиреведов эта «русскость» мыслится как бы уже присутствующей в Сибири. Параметры этого виртуала в свое время были заданы политическим представительством Москвы в лице светской и церковной бюрократии.

Ссыльные западноевропейского происхождения, остававшиеся в Сибири после репатриаций,

зачислялись в состав «русских» после крещения. Эта процедура сопровождалась принятием православных имен и фамилий, под которыми эти первопоселенцы в массе и вошли в состав сибиряков-старожилов. Занимавшая в сибирских войсках статус детей боярских шляхта сохранила свои фамилии, и они послужили маркерами для определения «гнезд» расселения ее потомства по приобским сибирским волостям. По этому же признаку бывшие дети боярские обнаружались и в составе групп «торгующих ясачных людей»¹¹⁵.

Государственная политика эпохи екатерининских реформ не препятствовала подобного рода сословным миксациям. На этом фоне парадоксом выглядит тот факт, что определенная доля местных сибирских «инородцев» адаптировалась в обратном направлении: из сословного статуса ясачных в состав крестьян. Обычно такому переходу также предшествовала процедура принятия православия и приобретение отыменных фамилий. После такой метаморфозы отыскать семьи бывших «сибирских инородцев» в окладных книгах «русских» волостей достаточно сложно. Но вот что любопытно: подобно польской шляхте, элита инородцев, меняя статус, стремилась сохранить в качестве фамилий прозвища-этнонимы. В приписной Кайлинской волости самый богатый крестьянин-скотовод, телеут по происхождению, носил фамилию Боенов (Баенов)¹¹⁶, а в среде крестьян казенной Новоселовской волости проживал целый клан (из местных инородцев) Ерлыковых (Ярлыковых)¹¹⁷.

Письменные источники на этническом прошлом как «поляков», так и аборигенов, менявших сословный статус, не акцентировали внимания. Между тем выясняется, что этнический микс, аналог каменщиков — «русских инородцев», имел место и в других районах Сибири¹¹⁸. Надо думать, что и процесс адаптации аборигенов в «русскую» среду был более интенсивен, чем это представлялось до настоящего времени.

Можно констатировать, что на начальном, преадаптивном этапе (XVI–XVIII вв.) русские мигранты, переселявшиеся в Сибирь как добровольно, так и принудительно, представляли полиэтничную массу самого разного по географическому и сословному происхождению населения. В течение названного периода, и особенно интенсивно в течение первой половины XIX в., этот маргинальный в этнокультурном отношении демос эволюционировал в старожилов — реальную общность (субэтнос), структурную часть русского этноса, которая к началу массовых переселений вполне осознавала себя «настоящими сибирскими русскими»¹¹⁹.

Успешная этноадаптивная интеграция и консолидация поликультурной массы переселенцев

в относительно единое региональное сообщество были обусловлены рядом факторов:

- 1) весьма благоприятной этнической ситуацией в среде мигрантов (наличием в ней ведущей группы зырянно-пермского происхождения, умело ориентировавшейся на новых территориях благодаря накопленным адаптивным практикам на предыдущем витке колонизации Сибири);
- 2) эффективной правительственной политикой (использованием культурного потенциала переселенцев зырянно-пермского происхождения для «трансфера» (переноса) русской культуры на окраины;
- 3) совмещением в сибирском войске представителей финно-угров, тюрков и принудительных европейских мигрантов в виде военнопленных «поляков» («литвы»), занимавших командные военно-административные посты в армии и объективно способствовавших внедрению опыта европейских цивилизационных практик в сфере социальных и общеправовых отношений.

Юридическое признание правительством соседских сообществ (несмотря на наличие в них остатков локальных этнокультурных особенностей) в качестве административной единицы низового звена крестьянского управления и коллективного владельца земли (с 80-х гг. XVIII в.) явилось решающим фактором, задавшим ускорение процессу создания единого социокультурного пространства и формирования русского субэтноса в Сибири. Элита старожилого крестьянства вполне осознала себя представителем русской государственности на окраине¹²⁰. Правительственный курс на сохранение в Сибири преимущественно крестьянского землевладения (а не помещичьего, как в центре страны) способствовал развитию товарного аграрного производства доиндустриального типа. Сибирское крестьянство в политических проектах мыслилось правящими кругами в качестве одного из гарантов определенной независимости их от дворянства в своей политике, приобретающей национальный характер¹²¹.

Для дальнейшего осмысления предпосылок и причин формирования на территории Сибири общего социокультурного пространства как преимущественно «русского», адаптационных процессов, происходящих во всех сферах жизнедеятельности населения значительный интерес представляет впервые выполненная (в условно завершенном виде) Т. С. Мамсик реконструкция модели пригородной зоны (конец XVIII — середина XIX в.) на примере девяти селений Заледеевской волости, располагавшейся на тракте в 30 верстах от г. Красноярска.

Результаты исследования, проведенного на основе анализа материалов Заледеевского волостного правления¹²², показывают, что адаптация потомства служилых людей к новым условиям проходила с использованием накопленных в преадаптационный период практического опыта, знаний (о ближней и дальней географии Сибири, природно-климатических особенностях отдельных локусов, психологии населявших их аборигенов), а также специфики социального характера, сложившегося в условиях военного освоения Сибири. Старожилое народонаселение красноярского пригорода формировалось не случайно и не спонтанно. Вблизи города осела группа, предки которой освоили данную территорию в предыдущий (преадаптационный) период. В составе ее лидерство на себя приняло предприимчивое потомство красноярских служилых людей. Несмотря на полученный ими более низкий сословный статус государственного крестьянина, они не утратили накопленный их отцами адаптивный потенциал, приобретенный в эпоху первичного освоения края, и активно и успешно реализовали психологическую закалку и ментальный опыт военных людей в новых жизненных обстоятельствах.

Воздействие города как адаптивного фактора на его сельскую округу находило свое выражение на разных уровнях процесса жизнедеятельности. Население пригорода прирастало ускоренными темпами, чему (кроме близости к городу) способствовало расположение его на тракте, обеспечивавшее постоянный приток в сельские поселения принудительных мигрантов, находивших применение своим рабочим рукам (особо были востребованы лица, обладавшие навыками городских ремесленников), социализировавшихся и интегрировавшихся в среду сельских сообществ и со временем становящимися самостоятельными хозяевами. Под влиянием города более интенсивно (в сравнении с отдаленными поселениями) проходила дифференциация крестьянства по буржуазному принципу, т. е. население более органично адаптировалось к инновациям, связанным с трансформацией общества по пути доиндустриального капиталистического развития.

В повседневной жизни сельского пригорода наблюдался, с одной стороны, достаточно интенсивный объективный процесс социальной поляризации традиционного общества, с другой — очевидное воздействие субъективных факторов, унифицирующих его новую модель, прежде всего через сферу сознания при посредничестве бюрократии.

Унификация происходивших трансформаций проявлялась прежде всего путем обновления структуры хозяйственной деятельности и модернизации во внешних проявлениях бытовой культуры.

По мере усложнения структуры хозяйства, включения в нее отхожих промыслов, заметно менялся характер социокультурного пространства деревни, приближаясь по своим характеристикам к модели протогородского типа. Свидетельством этого являются значительный уровень элементарной грамотности крестьянства, наличие в его среде определенных знаний о необходимости оформления правовых документов; тяготение крестьянской верхушки к одежде, украшениям и другим предметам быта городского типа; стремления придерживаться определенного этикета во взаимоотношениях с трактовыми пассажирами.

Наряду с положительными в структуре повседневного быта накапливались и деструктивные элементы, особенно заметные на фоне традиционной культуры отдаленных от тракта и города селений: присвоение чужого имущества, индифферентное отношение к религиозному долгу, нарушение семейных норм. Объяснять их только внедрением в среду старожилов большого числа принудительных мигрантов, как, к примеру, пытались это делать областники, было не вполне справедливо. Совокупность факторов, порождавших данные явления, представляла продукт естественного противоборства адаптивных и дезадаптивных процессов, характерных для переходных эпох.

Город и его сельская округа несли на себе наиболее яркий отпечаток этого конфликта. Совершенно очевидно, что жители пригорода не только активно использовали опыт горожан в различных сферах жизнедеятельности, а в некоторых случаях и успешно с ними конкурировали. В силу родственных отношений и прежних связей по служебной линии жители пригорода выступали трансляторами и этого опыта и своих наработок (в сфере хозяйственных, социальных практик, культурных достижений) в более отдаленные от городского культурного центра селения.

Во всех случаях, связанных с переходом субъектов адаптации из одной среды в другую, возникали адаптивные ситуации, включались адаптационные механизмы. Анализ выходцев из крестьян в составе енисейского купечества, проведенный Е. В. Комлевой, показал, что для этой категории населения в конце XVIII—XIX вв. главную роль играл социально-экономический фактор адаптации. К адаптационным механизмам, помогающим вчерашним крестьянам успешнее адаптироваться в купеческой среде, относились быстрое обогащение, щедрые благотворительные пожертвования, определенный уровень грамотности, наличие больших семей и восприятие бизнеса как семейного дела. При этом в качестве стимулятора выступал такой психологический фактор, как стремление всеми возможными средствами быстро завоевать авто-

ритет в новой, далеко не всегда благожелательно настроенной социальной среде. Из 56 купцов, имевших крестьянское происхождение в первом поколении и записывавшихся в купечество Приенисейского края (конец XVIII — конец XIX в.), повысили либо закрепили на долгое время новый социальный статус 43 %.

Наиболее успешно адаптировалась группа уроженцев Владимирской губернии (вязниковцев), крупного центра разносной офенской торговли в России. Традиции мест выхода, активная реализация личного адаптивного потенциала позволили им эффективно инкорпорироваться в экономическое и социокультурное пространство Сибирского региона.

Одним из показателей успешного освоения территории Сибири являлось поэтапное формирование относительного высокого уровня культуры жизнеобеспечения русского населения¹²³. Принесенные в конце XVI в. первыми переселенцами за Урал культурно-бытовые традиции послужили базой для создания и функционирования региональной системы жизнеобеспечения. Преадаптация базировалась на использовании высокого адаптивного потенциала русского этноса и опыта, накопленного в результате предыдущих миграций и адаптаций. На стадии мобилизации адаптивных ресурсов и ответа на вызов среды русские переселенцы использовали активную стратегию адаптационного поведения, ее инновационную форму, в первую очередь при организации системы питания.

Жилищно-хозяйственный комплекс адаптировался прежде всего к природным факторам (породы древесины, рельеф местности, преобладающее направление розы ветров). Алгоритм развития планировки жилищ, заключавшийся в различном сочетании срубов (приблокировка новых клеток по горизонтали, возведение подклетов и надстроек по вертикали), успешно апробированный на первом этапе адаптации, широко использовался в дальнейшем.

Зональные различия в преобладании типов вертикальной и горизонтальной планировки, как результат адаптации к природно-климатическим и социально-экономическим условиям края, выявились к концу XVIII в. В лесной зоне для переселенцев индивидуальные отрезки времени, необходимые для возведения комфортного рубленого жилища, обеспечивающего нормальные бытовые условия, были в несколько раз короче, чем в степной зоне. В районах тундры и степи наблюдались депривационные (снижающие качество жизни) адаптации, обусловленные отсутствием или дефицитом качественных строительных материалов. Паллиативные формы (следствие адаптации спо-

собом компромисса) в устройстве жилых помещений возникали, как правило, в районах с более суровым климатом и значительным иноэтничным влиянием.

Новации проявлялись в ситуативном заимствовании с утилитарными целями видов отопления и жилищ, присущих аборигенному населению. В костюме сибиряков доминировали традиционные элементы. Их развитие шло в том же направлении, что и в европейской части страны. Это было связано с функциональным соответствием используемой ранее одежды. Дополнение и совершенствование костюма осуществлялось путем инновационных адаптаций. Иноэтничные элементы в гардеробе русских сибиряков носили преимущественно утилитарный, а не престижно-знаковый характер. Со временем они превратились в традиции, и переселенцы использовали одежду, уже адаптированную старожилками.

На этапе инадаптации определяющее значение имело сбалансированное и динамичное соотношение традиционных (использование и трансляция адаптированных форм материальной культуры) и инновационных (адаптация иноэтничных и городских элементов к культуре русского сельского населения) адаптаций¹²⁴. Их темпы и результаты зависели от адаптивного потенциала и ментальных особенностей старообрядцев, переселенцев и старожилов.

Ведущей тенденцией в развитии жилищно-хозяйственного комплекса являлось усиление влияния социального фактора, инновационная стратегия адаптивного поведения значительной части населения. Были унифицированы варианты планировки жилища. В качестве наиболее адекватного и максимально соответствующего условиям жизнедеятельности и менталитету крестьян был выбран тип горизонтальной планировки — «связь» с вариантом «изба — сени — горница». Оптимальными для конструктивных адаптаций на протяжении всего изучаемого периода являлись двухкамерный тип планировки, «связь» и крестовик.

На формирование внешнего облика сибирской деревни оказали влияние следующие адаптогенные факторы: 1) природно-климатические условия; 2) миграционные процессы; 3) социально-экономическое положение в регионе; 4) ментальные характеристики сибиряков (в частности, представление о социальном идеале старожильческой жизни); 5) развитие городской архитектуры и народного зодчества, политика местной администрации.

В сельской местности наблюдались модели инновационного (использование новейших достижений строительной техники) и гиперинновационного (подражание богатыми крестьянами

архитектурным формам, используемым в дворянской среде, купцами — архитектуре и планировке жилищ столичных городов, а также европейским архитектурным стилям) поведения у лиц с ярко выраженным внутренним locus-контролем.

Наиболее адекватной для периода инадаптации следует считать систему питания жителей земледельческой полосы Сибири. Из входящих в нее компонентов к витальным и знаковым одновременно можно отнести пельмени и чай (в различных вариантах, в т. ч. и с иноэтническими заимствованиями). Эти блюда можно расценивать как своеобразные конструктивные адаптации, несущие в себе элементы созидательности, рациональности и широкого использования в различных жизненных ситуациях. О глубине адаптации названных элементов традиционной культуры жизнеобеспечения представителей русского этноса свидетельствует то, что до настоящего времени они активно используются и подчеркивают своеобразие локальной сибирской кухни.

Влияние на процесс развития костюма оказывали традиции, новые стереотипы поведения, мода. Своеобразной защитной формой адаптации являлось сохранение переселенцами локальных форм одежды и головных уборов, играющих для них в сибирской деревне одновременно интегрирующую и дифференцирующую роль. В результате конструктивных адаптаций в одежде появились новации по отношению к традиционной русской культуре в целом: головной убор стеганец, шуба с краганом (капюшоном), обувь — чарки, ишимы и войлочные пимы.

Как проявление креативности можно рассматривать щегольство сибиряков (независимо от материального положения, пола и возраста), предприимчивость для проявления индивидуального вкуса в составлении костюма, оформлении парадных жилых помещений. Нашедшие непосредственное материальное воплощение в знаковых элементах культуры духовные ценности русского населения Сибири отражали систему мировосприятия с преобладающим жизнеутверждающим началом. У новоселов под влиянием старожилов вырабатывались актуальные поведенческие реакции. Об адаптации культуры жизнеобеспечения на ментальном уровне свидетельствовали бытовавшие в регионе пословицы, поговорки, в т. ч. своеобразный резюмирующий афоризм: «Страшна Сибирь слухом, а люди лучше всех живут».

В целом в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири доминировала генерационная адаптация, выражавшаяся в усложнении и совершенствовании системы питания, народного костюма и жилищно-хозяйственного комплекса, в опережающих (по сравнению с европейской ча-

стью страны) темпах развития культуры русских сибиряков.

К середине XIX в. можно констатировать наступление у русских сибиряков стадии адаптированности: наличие высокоразвитых внутрирегиональных (локальных) комплексов культуры жизнеобеспечения, эффективное использования механизмов адаптации (институализированных, нормативно-регулятивных, личностных средств), выработка надежного набора адаптивных практик. К числу последних относились приемы дублирования и даже трехкратного усиления адаптирующих свойств элементов материальной культуры. Для обеспечения тепла в жилищах устраивались двойные полы, двойное и даже тройное остекление окон. По всей Сибири использовалась двухслойная зимняя меховая дорожная одежда (шуба — доха, тулуп, яга), а в районах Крайнего Севера трехслойная (малица — парка — гусь). Калорийность популярного в регионе чая повсеместно повышалась за счет добавления в него молока, локально — обжаренной в животном или рыбьем жире муки.

Адаптивная активность русских активизировалась с началом массовых переселений в Сибирь в начале XX в., начался процесс постадаптации, совершенствования имеющихся адаптированных форм культуры жизнеобеспечения к модернизирующимся условиям. Характерным явлением стала перестройка сибиряками-старожилами под влиянием городской архитектуры более простых планировочных форм в крестовые дома с последующей их модификацией к планировке квартир городского типа.

Система питания, достаточно хорошо адаптированная к пространственному фактору и специфическим сибирским ситуациям (длительным переездам, пребыванию вне дома), дополнилась полуфабрикатами быстрого приготовления. Новоселы активно и эффективно адаптировали свою кухню к местным условиям, учитывали опыт старожилов, предлагали варианты разнообразия пищевого рациона.

Российские переселенцы способствовали распространению в сибирском регионе этнически нейтрального городского костюма. В целом темпы и глубина адаптации городского костюма в деревне зависели от ряда факторов: социокультурного (мода, инновационные и гиперинновационные модели поведения некоторых слоев населения), половозрастного, географического (близость к городу и тракту), конфессионального (принадлежность к старообрядческим группам), а также практик создания паллиативных форм.

Благодаря институционализированным и нормативно-регулятивным средствам адаптации в Си-

бири осуществлялось региональное перераспределение продуктов и привозных товаров, что объективно способствовало развитию культуры жизнеобеспечения. Прогрессивной адаптации способствовала деятельность Томской губернской строительной комиссии, созданной решением Сената. Она стремилась распространять в деревенской среде передовые строительные приемы. В некоторых случаях (например, при необходимости воспроизводства леса, пригодного для строительства) община выступала как нормативно-регулятивное средство адаптации к экологическим условиям.

Под воздействием местной администрации общины формировалось адаптивное поведение переселенцев. Из арсенала личностных средств адаптации наряду с так называемой адаптивной биографией (опытом предыдущих адаптаций) активно использовалась передача от одного поколения другому знаний и навыков, необходимых во всех сферах жизни и деятельности, достаточно высокий уровень коммуникативности сибиряков, знание языков аборигенных народов Сибири, мотивация на достижение жизненного успеха. Прогрессивность адаптации заключалась в создании на территории Сибири и распространении в Европейской России новых, по отношению к культуре русского этноса в целом, элементов культуры жизнеобеспечения.

Таким образом, на каждом этапе адаптации русского населения Сибири, в целом совпадающими с общепринятыми периодами заселения и освоения Сибири в XVI–XX вв., можно выделить доминирующее содержание. На начальном, преадаптивном этапе (XVI–XVIII вв.), и особенно в течение первой половины XIX в., интенсивно шел процесс формирования старожиллов структурной части русского этноса, которая к концу XIX — началу XX в. (периоду массовых переселений, постадаптивному для них адаптационному периоду) осознавала себя «настоящими сибирскими русскими».

Можно отметить, что разные группы русских в Сибири в рассматриваемый период могли одновременно находиться на разных этапах адаптации: переселенцы — на этапе преадаптации, а затем инадаптации; старожилы — на этапах преадаптации, инадаптации и постадаптации.

Для этапа преадаптации в целом характерны различные по продолжительности и глубине адаптации: депривационные, защитные, иногда принудительные, переходящие в добровольные.

Индивиды и социальные группы применяли как традиционные, так и новационные модели адаптации. На этапе инадаптации важное значение имело поддержание старожиллами сбалансированного соотношения адаптаций традиционных и новационных, а также апробация адаптаций гиперинновационного характера. Это придавало устойчивость системе жизнеобеспечения, способствовало дальнейшему накоплению адаптивного потенциала для последующих изменений в природе и обществе.

В ходе постадаптации (при глубокой степени адаптации традиционной культуры) ведущими стали новации, реализующиеся посредством компромисса и приводящие к появлению значительного числа паллиативных форм. Роль гиперинновационных моделей адаптивного поведения при модернизации общества увеличилась. Целенаправленное использование институционализированных (государство, община, церковь), нормативно-регулятивных (нормы культуры, традиции, ритуалы, официальные предписания) и личностных средств (миграция, социализация, ценностные ориентации, мотивы, действия, навыки, привычки, подражание) обеспечивало эффективное действие адаптационных механизмов.

Адаптивные практики представляли собой своеобразные алгоритмы формирования жизненного пространства (от выбора места поселений до интерьеров жилых помещений), способов создания адекватных условиям климата костюма, вариативного набора способов заготовки, использования в пищевом рационе местных ресурсов; трансляцию жизнеутверждающих ментальных установок посредством малых фольклорных форм; накопление и актуализацию личного и группового адаптивного потенциала.

Адаптация русских в Сибири являлась одновременно и процессом, и результатом. Для успешной реализации и совершенствования адаптационных механизмов и практик следует с учетом исторического опыта сохранять баланс традиционных и инновационных адаптаций; использовать накопленный адаптивный потенциал, осуществлять его наращивание и трансгенерационную передачу, рассматривать культурное наследие Сибири как стратегический ресурс России.

ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В 1835 г. в российской истории произошло событие, на многие десятилетия предопределившее судьбы евреев: учреждена черта оседлости, сельские поселения евреев отныне существовали отдельно от поселян другой веры и т. д. Запрет покидать отведенные для евреев территории Российского государства не распространялся лишь на купцов первой гильдии, лиц с высшим образованием, средний медицинский персонал, ремесленников особой квалификации¹²⁵. Архангельская, Вологодская и Олонецкая губ. находились вне черты оседлости.

Поэтому условием проживания евреев на Европейском Севере России становилось наличие у них образования, опыта работы, востребованной местным населением специальности. Пребывание евреев в Петрозаводске, Вологде, Архангельске, ряде других городов Европейского Севера связывалось с постоянным контролем над их деятельностью, требованиями доказать (главным образом успехами на профессиональном поприще) необходимость своего пребывания на севере России, настороженным отношением к ним местного населения, антисемитской кампанией в прессе.

В статье представлены результаты исследования, посвященного анализу путей, способов и форм адаптации еврейских общин на Европейском Севере России. Территорией исследования стал Европейский Север России — особая часть культурного пространства Евразии, характеризующаяся длительным мирным сосуществованием финно-угорских и русского этносов. Появление на этом пространстве евреев стало следствием ряда случайностей, небольших послаблений в российском законодательстве, настойчивости некоторых представителей еврейского народа. В целом в России оказалось больше половины всех евреев Европы¹²⁶.

На рубеже XIX–XX в. (по данным переписи 1897 г.) в России насчитывалось 5,3 млн евреев, или 4,15 % всего населения. Евреи занимали пятое место по численности среди народов Российской империи. Подавляющее большинство евреев (99,6 %) составляли ашкенази, жившие в западных губерниях России и в Польше¹²⁷. Однако размещение евреев на территории страны оставалось специфичным. Известно, что все пространство России вне черты оседлости, открытое для иностранцев всего мира, было по-прежнему закрыто (в XIX — начале XX в.) для русских евреев.

По данным на начало XX в., их численность составляла в Архангельской губ. 252 чел. (0,08 % от общей численности населения), в Вологодской губ. — 425 чел. (0,03 %), в Новгородской губ. — 4740 чел. (0,35 %), в Олонецкой губ. — 403 чел. (0,11 %). Значительно большей была численность евреев в Санкт-Петербургской губ. — 21 270 чел., или 1,02 % от общей численности населения обоего пола¹²⁸.

Определение точного числа проживающих на той или иной территории евреев сильно затруднено. Одни евреи изо всех сил стремились закрепиться в городах Европейского Севера, но местные власти, руководствуясь законом, всячески им препятствовали. Другие евреи попадали на эту же территорию не по своей воле, а по приговору суда и жили на этой же территории в принудительном порядке.

Во-первых, в статистику не попадали евреи, сосланные на Европейский Север за участие в революционной деятельности. Имеющиеся источники указывают: ряд северных губерний, в частности Архангельская и Вологодская, стали в конце XIX — начале XX в. местом ссылки многих десятков революционеров, среди которых процент евреев был довольно высок. Во-вторых, многие евреи находились на Европейском Севере временно, без права постоянного проживания, на полуполюгальном положении.

Правовой статус евреев

Правовой статус евреев самым непосредственным образом влиял на их образ жизни, способы ведения хозяйства, восприятие окружающего мира. Положение большинства евреев за чертой оседлости наиболее подробно определял закон, датированный 28 июня 1865 г. В соответствии с ним евреям — механикам, винокурам, пивоварам и «вообще мастерам и ремесленникам» — дозволялось проживать «повсеместно вне черты, для постоянной оседлости евреев назначенной». Кроме того, этот же закон позволял молодым евреям (не старше 18 лет) приезжать в местности, «лежащие вне упомянутой черты, для обучения мастерствам»¹²⁹.

Как указывал один из современников, сложилась такая ситуация, при которой «еврей живет только милостью начальствующих лиц»¹³⁰. Последствия дискриминационной политики в отношении евреев противоречивы. С одной стороны, в России

появилась группа евреев, которые воспользовались плодами политики выборочной интеграции евреев. Столица империи стала «местом самой большой и наиболее влиятельной еврейской общины собственно в самой России»¹³¹. С другой стороны, политика российской власти, вызывая «крайнюю скученность еврейского населения в городах оседлости», создала «класс озлобленного <...> еврейского пролетариата», включающегося в революционное движение¹³².

В циркуляре Министерства внутренних дел России, датированном мартом 1904 г., указывалось, что правительственные меры, принимаемые для выселения евреев за черту оседлости, привели к активизации деятельности местных властей в этом же направлении. Тут же на правительственные инстанции обрушился поток жалоб евреев. Они писали, что меры губернских властей «иногда сопровождаются тяжелыми последствиями для выселяемых». Причиной проживания евреев там, где их нахождение запрещено, стало «неудовлетворительное состояние нашего законодательства о евреях». Вся тяжесть последствий неверного понимания законов легла на евреев, что «представляется не вполне справедливым». Циркуляр предписывал «приостановиться выселением евреев, неправильно поселившихся в местах их настоящего жительства». Условием при выполнении данного предписания становилась уверенность губернаторов в том, что «еврей, оставляемый на жительство в местности, ему запрещенной, не вреден для общественного порядка и не вызывает неудовольствия со стороны населения, среди которого он проживает»¹³³. Для оценки положения министерство не смогло разработать четкие критерии. Как говорилось в циркуляре, «давность незаконного поселения не может создавать для евреев никакого права». Но «факт этот сам по себе есть явление жизненное, реальное, создающее известные последствия».

В этой связи решение стало вполне ожидаемым. Губернаторам предписывалось «приостановить впредь до пересмотра в законодательном порядке общего вопроса о праве жительства евреев», выселение всех тех, кто имел право проживания за чертой, но затем утратил его, а также тех, кто «имеют семью и домообзаводство»¹³⁴. В то же время циркуляр предписывал ужесточить контроль за вновь прибывающими евреями¹³⁵.

Неразбериха в ограничении прав евреев сохранялась и на местах. Так, согласно уставу о паспортах, на полицейские управления возлагалось решение вопроса о временном пребывании евреев за чертой оседлости. Разрешение постоянного проживания евреев в городах Европейского Севера и Сибири, а также выселение их за черту законодатель отнес к числу обязанностей губернских

правлений. Однако в Архангельской губ. в начале XX в. обнаружилось, что «полицейские управления разрешают не только временное пребывание, но и постоянное жительство евреям» и при этом «дают разрешение лицам или не имеющим на то никакого права, или же не предоставившим всех требуемых законом документов»¹³⁶. Архангельский губернатор распорядился требовать от каждого прибывающего в губернию еврея документы, «удостоверяющие его право на оставление черты оседлости». Незаконно проживающие за чертой оседлости евреи подлежали немедленной высылке «в место приписки»¹³⁷.

Запреты и ограничения в профессиональной сфере

В органах власти (губернском правлении, полиции) накапливались сведения о занятиях евреев. Их профессии на севере России были сходными с источниками дохода евреев по всей Восточной Европе, где значительный процент городского еврейского населения составляли портные и сапожники, а также представители свободных профессий — врачи, фармацевты, адвокаты¹³⁸. Сибирские материалы показывают, что высоким к началу XX в. оставался процент евреев среди ремесленников, «занятых изготовлением инструментов, часов, а также всяких драгоценностей»¹³⁹. Материалы Европейского Севера подтверждают эту закономерность.

Особенно ценным источником сведений здесь стали материалы переписи населения 1897 г., в ходе которой изучалось положение еврейского народа. Эти данные отложились в фонде губернского правления в виде особого дела¹⁴⁰. Торговлей занималось большинство евреев, в основном из числа отставных солдат и их родственников. И те и другие имели право, согласно закону, жить за чертой оседлости. Одной из популярных профессий среди евреев стало портняжное мастерство, значительная часть евреев были сапожниками, часовщиками, занимались шляпным и шапочным, чулочным мастерством. Реже евреи жили за счет красивого ремесла, парикмахерского искусства, слесарного дела, починки резиновых вещей. Один еврей работал адвокатом. Спичечной фабрикой в Петрозаводске также владел еврей. Все евреи жили на съемных квартирах, не обзаводясь собственным жильем. Торговля повсеместно становилась типичным занятием еврейского населения. Аналогичная ситуация сложилась в Сибири. Здесь процент евреев, работающих в добывающей промышленности, оказался ничтожным. «Но их участие в торговле превышало в 11 раз их относительную численность среди населения губ.»¹⁴¹.

Местное население, пользуясь услугами евреев — ремесленников и торговцев, обращаясь к скупщикам, за небольшими исключениями, не поддерживало антисемитские настроения. По мнению современника событий, известного деятеля либерального направления в социологии и экономике М. И. Туган-Барановского, «в глазах крестьян, только по религиозным соображениям, еврей не земляк, а чужак, но вовсе не враг»¹⁴². Проблемы возникали из-за действий местной администрации. Об этом свидетельствуют материалы дела о выселении еврея А. Штензата из Петрозаводска в 1864 г. Пребывание А. Штензата в Петрозаводске началось в 1862 г. В губернском городе он приступил к торговле «разными галантерейными вещами», уплатил все сборы и надеялся на успешное развитие своей коммерции. Несчастный не подозревал, какая ему уготована участь. Впоследствии он писал: «Торговля производилась по большей части на доверии, и кредиты окончательно меня разорили, так что я в нынешнем 1862 году собирал долги, но всех не успел собрать, между тем петрозаводская полиция выгнала меня насильно из города Петрозаводска»¹⁴³.

Трудности возникали и других евреев-торговцев. Так, в 1891 г. податной инспектор Петрозаводского участка совместно с членами торговой депутации представил в Олонецкую казенную палату протокол. В документе указывалось, что один из евреев — мещанин И. К. Свирский занимается торговлей часами и другими изделиями. Этот факт был установлен при осмотре мастерской, когда в ней, помимо сданных в ремонт часов, обнаружались «совершенно новые разного рода часы, а также стекла и оправы часов». Как выяснилось, «означенные вещи носят характер фабричного производства». Обвиняемый в незаконной торговле заявил, что все найденные у него в мастерской часы ему не принадлежат, а «приняты им в починку от разных лиц». Члены депутации, сами занимающиеся коммерцией, настаивали на виновности Свирского¹⁴⁴. Осмотр мастерской Свирского подтвердил обвинения, однако губернское правление смогло это дело закрыть¹⁴⁵.

В начале XX в. продолжились попытки евреев закрепиться на рынке услуг в городах Европейского Севера. Так, в 1913 г. Олонецкое губернское правление рассматривало дело о прибывшей в Петрозаводск из Гродно мещанке Б. Роговской. При рассмотрении дела выяснилось, что она владеет профессией модистки, три года работала в варшавской мастерской дамских шляп «и знает ремесло отлично». Решение, вынесенное губернским начальством, оказалось неблагоприятным: «Прибывшая в город Петрозаводск еврейка Роговская на предмет приобретения права жительства обязана

была представить полиции ремесленное свидетельство от цехового управления о получении ею звания подмастерицы». Между тем необходимых документов у Роговской не имелось. Поэтому губернское правление потребовало предъявить «законные документы», а при их отсутствии покинуть Петрозаводск¹⁴⁶. В конечном итоге Роговской пришлось уехать из города¹⁴⁷.

Ряд приведенных дел позволяет сделать вывод: присущая еврейскому населению инициатива сдерживалась местными чиновниками, которые опирались, с одной стороны, на закон, а с другой — на нежелание местных торговцев мириться с присутствием конкурентов на небольшом местном рынке. Евреи быстро осваивали новые виды деятельности, опережая своих потенциальных конкурентов. Отдельные должностные лица не жалели сил для создания атмосферы подозрительности вокруг еврейских сообществ, то и дело выдвигая обвинения в адрес евреев, разными путями оказавшихся в городах Европейского Севера, и в частности в Петрозаводске.

Так, в 1877 г. начальник Олонецкой губернской жандармерии обратился в губернское правление с отношением о тех евреях, которые, как он полагал, незаконно проживают в городах губ.. Речь шла о двух братьях Раскиных, Моисее и Янкеле, имеющих цеховые свидетельства и выполняющих заказы местных жителей по пошиву обуви. Как писали они в своем прошении, «Вытегра для них родная отчизна, так как они там родились, выросли, сжились с русскими как родные»¹⁴⁸. Решение губернского правления оказалось не в пользу братьев. Выяснилось, что в их паспортах имеются неточности, которые не позволяют им находиться за чертой оседлости, о чем и было сообщено вытегорскому правлению¹⁴⁹.

В 1892 г. вологодская ремесленная управа занялась изучением профессиональных занятий евреев-ремесленников, «чтобы удостовериться, действительно ли евреи занимаются предоставленными им ремеслами». При посещении мастерских оказалось, что многие евреи не только не занимаются своими ремеслами, но и торгуют «готовыми привозными товарами». Члены ремесленной управы «внушали, чтобы еврей-ремесленники занимались ремеслом», но, как утверждалось в документе, все эти «внушения» евреи «оставляли безо всякого внимания». Итогом рассмотрения дела в губернском правлении стало предписание о выселении нескольких евреев с семьями из Вологды «как не занимающихся своим ремеслом»¹⁵⁰.

Исключение из общих правил оставались редкими. Так, в 1888 г. отстояли свое право жить в Архангельске братья Айзенберги. Оказалось, что все они сыновья «отставного рядового, отбывшего военную

службу по прежнему рекрутскому уставу» и по закону свободны в выборе места жительства¹⁵¹.

В начале XX в. ситуация вокруг евреев-переселенцев из-за черты оседлости постепенно менялась, становясь значительно менее жесткой. Так, в 1908 г. в Вологде полицейское управление обнаружило двух евреев-приказчиков, действующих от имени купцов 1-й и 2-й гильдий, живущих в черте оседлости. Отмечая этот факт, управление подчеркивало, что нарушения действующих законов не происходит. Евреи — купцы 1-й и 2-й гильдий имеют право приезжать во все города «внутренних губерний» для торговли и промыслов. В случае «невозможности лично отправиться во внутренние губ. империи» евреи могли присылать своих приказчиков¹⁵².

Случаи выселения евреев становятся более редкими. Так, в 1909 г. вологодское губернское правление рассматривало дело о праве проживания за чертой оседлости еврея Мордуха Дыкшмана «в качестве учителя математики». Изучив обстоятельства дела, губернское правление пришло к заключению, что учителя не упоминаются в законах среди лиц, «которые могут проживать вне черты еврейской оседлости». Поэтому губернское правление «не может признать за последним права на проживание в городе Вологде»¹⁵³.

В 1914–1915 гг. ряд абсурдных историй связан с запретами, касающимися еврейского населения и его участия в строительстве железной дороги, проходящей через Олонецкую губернию. Все они связаны с подрядами на поставки материалов для срочного и важного дела. Так, в 1914 г. к олонецкому губернатору обратился купец 1-й гильдии Д. Мезель. Заготовку шпал, писал купец, «приходится производить в пределах Олонецкой губ., которая хотя и является по преимуществу губернией лесной», но «для предстоящих работ нет возможности найти опытных инструкторов». Поэтому Давид Мезель «находил крайне необходимым» привлечь к работам его собственных подчиненных: «людей, специально подготовленных к производству шпал». Затруднение состояло в их национальности. Помощники Мезеля, «как лица иудейского вероисповедания, могут не быть допускаемы хотя бы к временному проживанию в пределах Олонецкой губ.». Поэтому Давид Мезель просил губернатора «во внимание вышеуказанных, весьма важных для успеха дела обстоятельств», разрешить «сим лицам беспрепятственно проживать в местах производства и обработки шпал, в пределах Олонецкой губ., на время производства сих работ»¹⁵⁴.

Ответ олонецкого губернского правления оказался незамедлительным. В нем указывалось, что евреи могут прибывать в города за чертой оседлости

лишь для «производства торговли и промыслов». Следовательно, указанные евреи «не могут быть употребляемы для наблюдения за подрядами и поставками». Здесь губернское правление опиралось на закон: евреи, являющиеся приказчиками купца 1-й гильдии Мезеля, могут находиться при своем хозяине, но существующие нормы не позволяют использовать евреев-приказчиков «для наблюдения за подрядами, взятыми во внутренних губерниях или для управления этими подрядами». Поэтому прошение «оставлено без удовлетворения»¹⁵⁵.

Практика принудительного выселения вновь распространилась лишь незадолго до и сразу после начала Первой мировой войны. Судя по сохранившимся документам, местная администрация решала все вопросы, связанные с пребыванием евреев за чертой оседлости, предельно жестко и в ускоренном порядке, всеми силами стараясь избавиться от тех, кто по действующему законодательству не имел права проживать за пределами черты оседлости. Так, в 1915 г. в губернское правление обратился прибывший из города Владивослова еврей М. Гурвич. Он обратился к губернатору с просьбой о разрешении временно, на 2–3 месяца, остаться в Архангельске, поскольку родной город разрушен неприятельскими войсками. Ответ оказался столь же скорым, сколь и беспощадным: выселить Гурвича «в выбранную им местность в черте оседлости»¹⁵⁶.

Подводя итоги, можно отметить, что одним из основных направлений деятельности власти в вопросе о хозяйственной деятельности евреев стало сдерживание их предпринимательской инициативы. Это сдерживание определило облик еврея, уровень его успехов на хозяйственном поприще, его отношение к российской власти. Анализируя ситуацию начала XX в., Туган-Барановский писал: «На сегодняшний день в обыденном представлении насаждается вера в то, что вражда к евреям разжигается с согласия правительства»¹⁵⁷. В современной литературе высказывается мнение о том, что таким образом устранялся самый опасный и эффективный конкурент местного купечества¹⁵⁸.

На основании имеющегося материала можно увидеть иной аспект данной проблемы: еврейское население в XIX — начале XX в. стало объектом масштабного социального эксперимента. Царское правительство заставило данную группу населения в максимальной мере служить интересам коренного населения империи. Таким образом, с одной стороны, снижалась напряженность, неизбежно возникающая при появлении новой этнической группы. С другой стороны, сами евреи были поставлены в такие условия, когда учет интересов большинства населения становился решающим фактором адаптации.

Иудаизм как основа идентичности

Еврейские переселенцы столкнулись в городах Европейского Севера России с необходимостью создания своих общинных институтов с нуля, «будучи удалены от вековых традиций, стоявших за старыми еврейскими центрами, такими как Вильна, Люблин и Бердичев»¹⁵⁹. Но и в этих условиях подавляющее большинство евреев сохраняло религию своих предков. Это вполне объяснимо. «Инстинкт выживания в чуждом окружении заставлял консолидироваться вокруг некоего центра, роль которого выполняли общинные институты: молитвенные дома, духовные и хозяйственные правления»¹⁶⁰. Повсеместно за чертой оседлости небольшие группы евреев стремились создавать религиозные общины. Так, во второй половине 1860-х гг. в большинстве сибирских губерний (Томской, Иркутской, Енисейской) уже были открыты синагоги и молитвенные дома, где состояли «казенные» раввины¹⁶¹.

Религиозная жизнь быстро растущих еврейских сообществ стала объектом законодательной регламентации. Устав духовных дел иностранных исповеданий позволял евреям «отправлять общественные молитвы и богомолие» исключительно «в особых зданиях, для сего определенных». Каждое «молитвенное сообщество» евреев обязывалось избирать правление, состоящее из раввина, старосты и казначея. В обязанности раввина входило «объяснять в известных случаях сомнения, касающиеся богомоления и обрядов веры», «совершать обряды обрезания и наречения имен младенцам, бракосочетания и расторжения браков». Он являлся «блюстителем и толкователем еврейского закона» и в то же время был обязан «направлять евреев к соблюдению нравственных обязанностей, к повиновению общим государственным законам и установленным властям». Староста наблюдал за порядком в синагоге, собирал пожертвования. Казначей вел приходо-расходные книги. Там, где бедность евреев не позволяла им иметь особого раввина, по закону разрешалось «причисляться к ведомству раввина ближайшего города»¹⁶².

Наиболее ранние свидетельства о формировании еврейской общины связаны с Архангельском. Упоминание о местной еврейской молитвенной общине, судя по документам полицейского управления, относится к 1828 г.¹⁶³ До 1857 г. в городе существовало два еврейских общества и два раввина из числа военнослужащих — в морском и сухопутном ведомствах. Раввинов в этот период избирали из числа военнослужащих по приказу командира и с учетом мнений верующих: «по желанию всех евреев нижних чинов»¹⁶⁴.

Дальнейшее развитие еврейских общин в городах Европейского Севера России связано со

сходными судьбами евреев-военнослужащих, для которых из их же среды периодически избирали казенного раввина. Можно сказать, что, негативно относясь к еврейским сообществам, выдвигая в их адрес обвинения в ритуальных убийствах, власти тем не менее заботились о формировании еврейских религиозных общин. Эта забота связана с судьбами евреев-военнослужащих, отправленных для прохождения службы в гарнизоны северных городов. Лишь в дальнейшем, в 1880–1890 гг., иудейские общины стали пополняться приезжими евреями, имеющими разрешение на проживание за пределами черты оседлости и намеревающимися сохранять в новых условиях веру своих отцов. Так, в Архангельске синагога появилась лишь в 1899 г.: она была возведена на средства купца И. Биндера¹⁶⁵.

Религиозная жизнь еврейских сообществ сталкивалась с препятствиями. Отсутствовала подготовка раввинов, возникали трудности при открытии синагог, непростой задачей стало сохранение языка. Доказательством тому служит ряд дел.

Первое из них связано с Петрозаводском и датировано 1860 г. — временем, когда местная еврейская община начала отстаивать свои права. В этом году по просьбе подчиненных командир петрозаводского гарнизонного батальона подполковник Харитонов составил рапорт, в котором указывал, что во вверенном ему батальоне число евреев составляет около 200 человек. Они по закону, за отсутствием синагоги, могут собираться для молитвы «под наблюдением надежного товарища, избранного ими для исправления должности раввина»¹⁶⁶. Такой порядок некоторое время соблюдался: «место для их молитвенных собраний было указано в казарме второй роты». Но в марте 1858 г. по распоряжению корпусного командира евреи потеряли возможность собираться для молитвы и теперь «совершенно лишены возможности собраться в одно место для совершения обрядов их веры и молитв не только в дни суббот, но даже и в главные годовые их семь праздников» и поэтому просили «об отводе им места для общего собрания»¹⁶⁷.

Губернское правление, рассмотрев дело, вынесло негативное заключение. В Петрозаводске, указывалось в журнале правления, «помещений для молитвенных собраний евреев не назначено, а также никаких сумм для сего не ассигновано», поскольку устройство синагог, молитвенных школ допускается только в местах оседлости евреев»¹⁶⁸. В то же время гарнизонному начальству разрешалось «сделать распоряжение об отводе особого дома», где можно «допустить временное молитвенное собрание»¹⁶⁹. Проблему удалось преодолеть лишь в 1868 г. Служащие евреи в петрозаводском батальоне «приобрели покупкою дом с землею», который передали в

собственность своего подразделения для того, чтобы вести богослужение¹⁷⁰.

Евреи, служащие в городских гарнизонах, нередко становились основой для еврейских общин в городах Европейского Севера. Так, в документах Вологодского губернского правления сохранились свидетельства о существовании в Вологде еврейской общины начиная с 1840-х гг. При этом известно, что местное начальство в течение ряда лет выдавало военным служащим иудеям деньги «на наем отдельного помещения для молитвословий на время двух праздников: Пасхи и Кущи»¹⁷¹. Религиозные обряды, в частности обрезание, с 1857 по 1873 г. исполнял, «за неимением казенного раввина», местный еврей мещанин Я. Т. Куперштейн; он же вел метрические книги. Судя по прошению евреев отставных солдат вологодского батальона, составленному в 1892 г., еврейские обряды «отправлялись при молитвенном еврейском доме исправно»¹⁷². Однако в дальнейшем богослужение и исполнение треб по невыясненным причинам прервалось.

Примером возникновения сложностей в деле исполнения иудейских обрядов может послужить дело Ицко Гуревича, некоторое время исполнявшего обязанности раввина и учителя еврейской грамоты в Петрозаводске. Для богослужений евреи, имеющие право проживания в Петрозаводске, приобрели дом, в котором разместились молельня. Из-за отсутствия казенного раввина они избрали на эту должность виленского мещанина Ицко Гуревича, которого считали «по образу жизни и способностям своим» «вполне достойным этого звания». Критерием выбора стало наличие у него квалификации: у Гуревича имелось «на право исполнения духовных треб по еврейскому закону от казенного раввина свидетельство»¹⁷³. В течение 9 лет Гуревич совершал бракосочетания, обрезания младенцев и другие обряды не только в губернном городе, но и в других городах Олонецкой губ., «где в уездных командах состоят на службе женатые нижние чины из евреев и у которых рождаются дети»¹⁷⁴. Все это время Гуревич жил за счет «еврейского общества». В 1872 г. ситуация изменилась в худшую сторону: Гуревичу пришлось покинуть Петрозаводск. Как говорилось в документах губернского правления, высылка необходима «по поводу того, что он не занимается здесь никаким мастерством, хотя он и знает точильное мастерство, но как будучи избранным к исполнению обязанностей раввина и к обучению детей еврейской грамоте, то потому оставил означенное занятие»¹⁷⁵.

Новые подробности, связанные с религиозной жизнью в Петрозаводске, известны из прошения проживающих в Петрозаводске евреев, составленного в 1877 г. Как говорилось в документе, в Петро-

заводске «находится всех нас обоего пола на настоящем жительстве до 150 человек, кроме воинских нижних чинов, евреев же, служащих в губернном батальоне, и до 150 человек в городах и в уездах Олонецкой губ.». Раввина в губ. нет, «и средств для содержания раввина тоже». Ранее все необходимые обряды исполнялись «из нашей среды человеком, знающем в теоретическом и практическом отношениях» (имелся в виду Гуревич), но теперь такая возможность утрачена. Между тем необходимость в раввине или его помощнике назрела. Евреи указывали на те обстоятельства, которые подстегивали решение вопроса. Во-первых, это метрические книги, вести которые должен еврейский священнослужитель: «В настоящее время у некоторых из нас родились дети мужского пола, над которыми обряд обрезания, как бы следовало по закону Моисееву, на восьмой день не исполнен» и даже «имена им не наречены». Во-вторых, «может встретиться важный случай, например кто-либо умрет; кто же тогда исполнит последний долг погребения над умершим?». В ответ губернное правление указало на принятые ранее решения: прошение о проживании И. Гуревича рассматривалось губернным правлением, и по делу было вынесено негативное заключение. Численность евреев, проживающих в Петрозаводске, недостаточна для того, чтобы местное начальство могло позволить избрание раввина: согласно закону, количество евреев должно достигать 1000 человек. При этом многие из просителей проживали в городе временно¹⁷⁶.

В конце 1870–1890-х гг. в городах Европейского Севера начали формироваться еврейские общины, которые активно отстаивали права на регулярное отправление религиозных обрядов. Из-за большого числа евреев — политических ссыльных, длительное время проживающих в Архангельской губ., иудейские общины появлялись даже в малых городах. Так, в 1870 г. пинежский уездный исправник установил, что во вверенном ему городе состоит «частью под надзором полиции, частью на жительстве» 28 евреев обоего пола. Исправник ходатайствовал перед губернатором о разрешении пинежским евреям избрать раввина и собираться для богослужений. Ответ, полученный из Архангельска, оказался положительным. Как видно из журнала Архангельского губернского правления, евреям разрешили «собираться в одном из домов, занимаемых ими», «под наблюдением благонадежного товарища, которого представить им избрать для отправления должности раввина»¹⁷⁷.

Избрание раввина и начало богослужений в Пинеге проложило путь для формирования иудейских общин в других малых городах Архангельской губ.. В 1875 г. евреи, проживающие в Онеге, избрали раввином местного ссыльного Цигеля Фишера

«для исполнения им религиозных обрядов» и ведения метрических книг. В Холмогорах обязанности раввина исполнял Хаим Либерман, в Шенкурске на эту должность «избран из среды евреев Лейба Надецкий, в Кеми вел метрические книги, совершал обряды и выполнял прочие обязанности раввина П. Лейдервудер¹⁷⁸. В г. Коле раввина не было, и единственный проживающий в ней еврей Савич со своим семейством «исполнял молитвословие» в своей квартире¹⁷⁹. В 1874 г. при избрании раввина в г. Мезени «еврейское общество» раскололось на две партии, каждая из которых предлагала собственного кандидата. В итоге вопрос решило губернское правление, избрав из двух претендентов того, которого поддержало большинство местных евреев¹⁸⁰. В 1888 г. наступил черед губернского города: архангельские евреи, собравшись в молитвенном доме, приняли решение найти законного раввина. Для оплаты его услуг евреи обязывались ежемесячно собирать 60 рублей. Обращение евреев к петербургскому раввину Драпкину принесло желаемый результат: готовность стать архангельским раввином изъявил С. Х. Бейлин, купеческий сын, бывший студент Харьковского университета¹⁸¹.

В 1905 г. «архангельское еврейское общество» без особых проблем избрало на должность раввина другого своего представителя — помощника провизора Ю. З. Трейваса. Новоявленный раввин обязывался заниматься совершением обрядов, ведением метрических книг «без особой платы», а община евреев обязывалась ежемесячно платить ему вознаграждение и «по вознаграждению его не злоупотреблять»¹⁸². После этого религиозная жизнь евреев в Архангельске стабилизировалась. Сохранились свидетельства об уважительном отношении властей к еврейским религиозным праздникам. Так, в 1915 г., в соответствии с телеграммой МВД, губернатор распорядился «разрешить евреям оставаться в городе Архангельске на двое суток ввиду наступающего еврейского праздника»¹⁸³.

Видя успешное решение проблемы поиска раввина в соседней губ., вологодские евреи возлагали надежды на архангельскую общину. Новое рассмотрение вопроса о религиозной жизни еврейской общины Вологды относится к 1893 г. Проживающие в Вологде евреи подали в губернское правление прошение, в котором, «ссылаясь на малочисленность и бедность еврейского общества», ходатайствовали о причислении их к ведению архангельского раввина. Вологодское начальство, рассмотрев документ, вынесло отрицательное заключение. Как выяснилось, в числе подающих прошение имелись и те евреи, которые проживали за чертой оседлости временно. Второй причиной для отказа стали дальние расстояния: город Архангельск находится слишком далеко от Вологды. Следовательно, «для архангельско-

го раввина представляется видимая невозможность за дальностию расстояния в особенности в зимнее время в делах веры удовлетворять потребностям вологодского еврейского общества и лично совершать их религиозные обряды»¹⁸⁴.

В 1894 г. вологодское губернское начальство вновь обратилось к проблеме существования еврейского молитвенного дома. Вопрос на этот раз решился положительно. Как говорилось в адресованном губернатору предписании департамента духовных дел, вологодским евреям разрешалось «с тем, чтобы проживающие в городе Вологде евреи, не имеющие возможности по малочисленности и бедности содержать раввина, для исполнения духовных треб и исполнения обрядов веры приглашали раввина из еврейской молельни в городе Рыбинске». В соответствии с этим предписанием в Вологде появился еврейский молитвенный дом, и начальство озабочилось формированием еврейского «особого правления» в соответствии с российским законом¹⁸⁵.

К 1908 г. относится первое упоминание в материалах делопроизводства об избрании раввина для Вологды и Вологодской губ.¹⁸⁶. Петрозаводская еврейская община также начала обустроиваться. В 1900 г. строительное отделение олонечского губернского правления утвердило план строительства молитвенного дома для местных евреев¹⁸⁷.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что адаптация евреев к условиям Европейского Севера носила комплексный характер. Основной причиной и стимулом для адаптации стало противоречие между нормами законодательства и практическими потребностями жизни. Очевидно, что потребность в еврейском населении возрастала по мере усиления капиталистического элемента в хозяйственном укладе территорий Европейского Севера России. Другим противоречием стали жесткие нормы законов и степень психологической готовности чиновников применять их на практике. Переселение многих евреев обратно за черту оседлости тормозилось по не вполне доступным для изучения причинам, в числе которых предположительно можно назвать низкую эффективность бюрократического аппарата, невнятность требований законодательства, которые к тому же постоянно менялись, а также коррупцию.

Обратной стороной процесса адаптации стало сохранение всех важнейших элементов еврейской культуры. Территории, на которых селились евреи, не имели еврейского прошлого, в них еврейская религиозная жизнь и хозяйственная практика формировалась с нуля. Приспосабливаясь к нелегким экономическим, правовым и не в последнюю оче-

редь климатическим условиям, еврейское население заботилось о поддержании своей идентичности. Евреи четко представляли себе цель, к которой следовало стремиться: максимальная адаптация в российском обществе. Для них непременным условием самосохранения оставалось поддержание как деловых, так и дружественных отношений с местным населением.

Отношение губернских администраций и местных жителей к еврейскому населению оставалось двойственным. В отличие от еврейского населения, точно знающего свои цели и настойчиво стремящегося к ним, чиновничий аппарат не смог разработать четкую линию поведения в отношении евреев. С одной стороны, местные жители были заинтере-

сованы в энергичных переселенцах, которые быстро осваивали местный потребительский рынок. С другой стороны, местные предприниматели не без оснований опасались конкуренции со стороны евреев и ревниво следили за их успехами. Российское законодательство о евреях оставляло местной власти широкое поле деятельности. Степень жесткости мер, принимаемых против евреев, в значительной степени зависела от инициативы тех или иных губернаторов, министров или даже рядовых чиновников. Неудачливые конкуренты евреев стремились использовать возможности репрессивного аппарата для реванша. Это резко обостряло обстановку вокруг и внутри еврейских общин, но не могло помешать росту их численности и влияния.

Крылов П. В.

«УШЕДШАЯ ИНГРИЯ» И ИНГЕРМАНЛАНДСКИЕ ФИННЫ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990–2000-е гг.

Сегодня свершившимся фактом стала языковая ассимиляция ингерманландских финнов Ленинградской области. Для старших возрастных категорий характерно стопроцентное двуязычие, люди среднего и младшего поколений, как правило, не знают финский язык. Некоторые изучают его уже в качестве иностранного с весьма разнообразными целями — от эмиграции в Финляндию, профессионального роста и установления личных или деловых контактов с финскими партнерами до удовлетворения частного интереса к истории, языку и культуре страны Суоми, восстановления семейной генеалогии и т. п.

Впрочем, и среди представителей старшего поколения немногие предпочитают финский язык в разговоре, который тем не менее включает инородную, с точки зрения литературной нормы, лексику, главным образом названия болезней, лекарств, социальной терминологии: «пенсия», «сельсовет», «телефон», «почта», «магазин», «операция», «больница», «автобус» и т. д., наряду с наличием давно проникших в ингерманландский диалект «вунукат», «пичкат», «очкат» и т. п.

С другой стороны, слова финского происхождения нередко проникают в используемый в обиходе русский язык. Среди них приветствия: *terve! iltaa! päivää! huomenta!*, а также конфессиональная терминология: *ehtollinen* (причастие), *rippi* (конфирмация), *rippikoulu* (воскресная школа), *hautajaiset* (похоронный обряд — проводы в последний путь), *seurat* (духовное собрание в частном доме, проводи-

мое в дружеской обстановке), *kolehti* (церковные пожертвования), *kirkonkahvi* (церковный кофе после богослужения), *juhannuskokko* (костер, зажигаемый в Иванов день), *joulupukki* (Дед Мороз), *joulukortti* (рождественская открытка), *viirsi* (духовное песнопение), *viirsikirja* (сборник духовных песнопений).

По-фински предпочитают называть некоторые церковные праздники: *Kynttilänpäivä* (День свечей), *Marianpäivä* (День Марии — Благовещение) *Laskiainen* (Масленица), *Helatorstai* (Вознесение Господне), *Helluntai* (Пятидесятница), *Juhannus* (Иванов день), *Pyhäinmiesten päivä* (День Всех Святых).

В то же время такие названия, как Пасха, Троица и Рождество, используются преимущественно в их русскоязычном варианте. При этом если термин *Joulu* (Рождество) хорошо известен и может быть использован в речи, то термины *Pääsiäinen* (Пасха) и *Pyhän Kolminaisuuden päivä* (День Святой Троицы) полностью неведомы и вытесняются их русскими аналогами. Последнее в особенности интересно, поскольку для заключительного праздника рождественского периода, Богоявления, известно лишь финское название — *Loppiainen*.

Кроме того, более или менее сохраняется практика использования в повседневном общении финских аналогов общераспространенных в России имен: Юха или Юсси (Иван), Мари (Мария), Тойво (Анатолий), Катри (Екатерина), Симо (Семен), Лемпи (Любовь), Анти (Андрей), Лююли (Людмила), Пааво (Павел). В среднем и младшем поколении довольно часто встречаются женские

имена, имеющие хождение как в России, так и Финляндии: Алина, Кристина, Эльвира и Элеонора (чаще в уменьшительно-ласкательной форме Эля), Лилия, Нина.

Отношение собеседников к утрате языка отчетливо и однозначно негативное. Впрочем, рассуждая о ее причинах, они не указывают только лишь на репрессивную политику советских властей в отношении финского языка, прессинг со стороны невладеющих финским членов семьи или сверстников («Бабы, по-своему не лопотать!»), проявляя способность к самокритике: «Почему мы не хотели учить финский? Почему не научили наших детей?» — могут поставить они риторический вопрос, вспоминая, что в раннем детстве говорили только по-фински. Иногда слышна фраза: «Мои родители были финнами?» — что выступает проявлением затруднений с этнической самоидентификацией. Характерный пример: собеседница-ингерманландка, сравнивая застолье в Финляндии и России, произнесла: «У нас, у рус... у нас в России даже займешь, а стол сделаешь...»

Некоторые собеседники, впрочем, признаются, что хотели бы больше и чаще слышать финскую речь, однако редко проявляют готовность каким-то образом реализовать свой интерес, за исключением разве что чтения книг, журналов и газет на финском языке, доставляемых из Финляндии родственниками и друзьями. Во время семейных праздников представителями старшего поколения иногда исполняются песни на финском языке, записанные по памяти и хранящиеся в рукописных сборниках. Среди этих песен встречаются народные «*Omal maal*» («На своей земле»), «*Vanha kirkko*» («Старая церковь»), финские эстрадные «*Kultaiset vuodet*» («Годы золотые»), «*Mustalaisen laulu*» («Цыганская песня») или переводы на финский язык русских песен, таких как «Карельская Катюша», песенка Крокодила Гены или «Стенька Разин».

Владение финским языком продолжает оставаться для собеседников-ингерманландцев основным критерием этнической идентификации. «Выход финского языка из употребления даже в быту» назван А. В. Крюковым первым в списке показателей размывания этнического самосознания. При этом изучение финской литературной нормы, по его мнению, не способно качественным образом изменить положение вещей: «...Выученный язык не становится для людей ни основным, ни вторым языком, и даже не воспринимается как национальный язык. Для тех, кто слышал и понимал финский язык в детстве, весьма значительна разница между литературным и народным языком. Люди рассказывают, что они испытывают разочарование, приходя на курсы и слыша вместо родного языка нечто совершенно чужое. Для тех, кто на курсах впервые

слышит финский язык, сложность его изучения делает невозможным полноценное освоение языка в отсутствие языковой среды. Даже освоив кое-какую лексику и штампы из фразеологии, эти люди, говоря по-фински, применяют русский синтаксис, интонацию, кальки русских идиом.

Мы должны признать, что с практической точки зрения изучение финского языка имеет один смысл — эмиграцию в Финляндию. Обучая людей финскому языку, в «ИЛ» («Инкерин Лиитто». — *Примеч. авт.*) либо готовят будущих граждан Финляндии, либо занимаются вовсе бессмысленным делом — поскольку те, кто не уедут, не смогут и не будут говорить по-фински. Факты таковы, что в «ИЛ» говорят по-русски и обучают членов общества иностранному языку. Для большинства учащихся интерес представляет лишь Финляндия, а Ингрия — пустой звук. Стоит ли тратить силы на обучение их языку? Они могут уехать в Финляндию (или еще куда-нибудь) и без помощи «Инкерин Лиитто». Хотя в последнее время отток ингерманландских финнов в Финляндию замедлился, думается, что отъезд всех, кто стоит в очереди, — это лишь вопрос времени. Обучая потенциальных мигрантов финскому языку, мы энергично рою яму будущему своему народу. Таким образом, благое дело приносит пагубные плоды.

Проблема еще и в другом: финская языковая среда в Ингрии почти исчезла. Даже знающие финский язык родители говорят с детьми (да и между собой) по-русски. Сегодня в естественных условиях мы еще слышим смешанный язык. По-фински будут говорить с гостем из Финляндии, но не между собой. Дома финский язык как бы не нужен, поскольку по-русски понятнее. Повсеместный выход из употребления финского языка ставит перед нами непростой вопрос: возможно ли сохранение народа или этнической группы, почти полностью утратившей свой язык?¹⁸⁸

Впрочем, не все собеседники соглашались с высокой оценкой ингерманландского диалекта. Некоторые называют его «чухонским», «неправильным» по отношению и к финскому, и к русскому, считая желательным учить «правильные» (литературные) языки. В данном случае мы сталкиваемся с проявлением того самого негативного языкового мифа, который обрекает на исчезновение малые или локальные языки или наречия: «Почти каждая нация считает свой язык красивым, совершенным и полезным... хотя нам известны и исключения. Например, жители Раротонги на островах Кука, а также население американского Самоа считают английский язык намного более полезным, чем их родной»¹⁸⁹. Оказывается, чтобы увидеть негативный языковой миф в действии, вовсе не требуется отправляться на далекие острова.

Повседневная жизнь ингерманландских финнов сегодня также практически ничем не отличается от повседневной жизни большинства населения российской деревни. Одежда фабричного производства полностью соответствует общепринятым в современной России стандартам. Сельские дома в очень редких случаях красят популярной в Финляндии коричнево-красной краской с белыми оконными рамами. Впрочем, в качестве украшения интерьера часто используются привезенные из Финляндии календари на финском языке, фигуры ангелов из соломы, дерева или бумаги, над межкомнатными или входными дверями могут быть расположены адвентские венки из искусственной хвои. Настенные репродукции с видами Финляндии или библейскими историями в украшении комнат иногда соседствуют с православными календарями и иконами. При этом последние далеко не всегда располагаются в красном углу, но могут помещаться между двух окон.

Отметим и то, что собеседники практически не могут вспомнить, существуют ли какие-то традиционные блюда местной кухни, которые готовились бы сегодня даже в праздничные дни, за исключением, пожалуй, *perunan kansikka* — большой дрожжевой ватрушки с картофельным пюре, про которую говорят: «Чисто ингерманландское блюдо».

В последнее время сбором традиционных рецептов занимаются создатели и участники «Форума ингерманландских финнов», живущие в основном в Финляндии, хотя, прямо скажем, пока нельзя говорить об успехе этого предприятия. Свидетельство одного из участников: «Спросил сегодня у своей бабули: “Помнишь ли ты какой-нибудь ингерманландский рецепт?” Она отвечала, что не помнит. Родилась она в 22-м году, и все ее детство прошло в *köyhä aika* (как она сама сказала) (бедное время. — *Примеч. авт.*), но кое что вытянуть из нее удалось. Овсяный кисель помнит. Говорит, что папа нальет нам его по тарелкам, а мы бежим на улицу скорей с этими тарелками — остужать его. Также рассказала, что папа научил ее, как правильно есть этот кисель. Надо, когда кисель уже подостынет (станет как студень), ложкой вынуть из тарелки середину и в эту ямку налить (самое лучшее) сливочного масла (если есть, конечно). Ели кисель без хлеба и каждый кусочек надо было обмакнуть в это самое масло»¹⁹⁰.

Тем не менее языковые и культурно-бытовые аспекты не охватывают всей полноты ассимиляционных процессов, важнейшей составляющей которых является «мемориальная ассимиляция», обл. которой — культурная память того или иного этноса. Именно она является источником базовых метафор, позволяющих отдельным индивидам опознавать друг друга в качестве представителей определенного сообщества, в данном случае сообщества

этнического, в сознании которых сформировался весьма четко определенный взгляд на прошлое как народа в целом, так и каждого его представителя по отдельности¹⁹¹.

И может оказаться совершенно несущественным, какой язык будет использован для фиксации культурной памяти народа и ее трансляции будущим поколениям. Более важную роль может приобрести наличие или отсутствие символических маркеров, отделяющих память меньшинства от памяти большинства, несмотря на идентичность прочих характеристик лингвистического, материального и даже мировоззренческого свойства. В настоящее время именно историческая память является важнейшим элементом в фундаменте ингерманландско-финской идентичности в России.

Память о собственном прошлом ингерманландских финнов испытывает многосторонние и разнонаправленные влияния и формируется с участием:

- 1) собственной традиции коммуникативной памяти, передающейся в семье от поколения к поколению;
- 2) установок, воспринимаемых от большинства как в России, так и в Финляндии;
- 3) официальной памятью, транслирующейся в российских и финских СМИ;
- 4) групповых представлений о прошлом¹⁹².

Поскольку образы целого ряда событий общего для России и Финляндии прошлого бывают окрашены в диаметрально противоположные краски, поле боя, с которой сравнил историческую память Алистер Томсон, может оказаться в одной голове¹⁹³. В то же самое время потребность в «правдоподобных» рассказах о минувшем довольно сильна, что приводит к индивидуальным попыткам каким-то образом связать разные элементы в подобие непротиворечивой картины, необходимые структурные элементы которой красочно изобразил С. Н. Зенкин: «Идеи общества получают свою убедительную силу не только благодаря логической связности и доказуемости, но и благодаря опоре на традицию; они представляют собой смешанный по природе логико-нарративный объект, это одновременно и идеи, и мифы. По сути, здесь впервые четко сформулирован парадоксальный статус исторических идей, которые могут быть абстрактно-логическими по форме. Но своей основой всегда имеют некую конкретно социальную конвенцию»¹⁹⁴.

На сегодняшний день основными средствами для написания этой картины являются публикации воспоминаний, выходящих отдельными книгами, сборниками, а также в виде отдельных статей. Последние чаще и регулярнее всего появляются в газете «Inkeri — Ингрия», принадлежащей Союзу ингерманландских финнов, и профессиональном

журнале «Inkerin Kirkko — Церковь Ингрии», выходящих соответственно с 1998 и 1991 г. на финском и русском языках и насчитывающих 66 и 64 выпуска.

Кроме того, иногда воспоминания попадают на страницы местных и районных газет или литературных альманахов, таких как «Колтушские вести», «Гатчинская правда» или «Оредеж». Большинство авторов и собирателей воспоминаний выбирают названия, в которых сквозит глубокое чувство горечи и обиды от пережитого лично или их друзьями и родственниками: «Elettiinpä ennen Inkeris» («Когда-то прежде в Ингрии»), «Siihen maahan jonka minä sinulle osoitan» («В ту страну, которую я тебе укажу»), «Kohtalot — Судьбы», «Беда народа», «Расстрелы, ссылки, мученья», «Свидетели прошлого», «Финны в Карелии и в России: история возникновения и гибели диаспоры», «Прощение освобождает», «Ингерманландский излом». При этом авторы отчетливо осознают свое дело как общественно значимое: «Народ не должен исчезнуть», — именно эта мысль побуждает М. А. Михневича заниматься сбором воспоминаний¹⁹⁵.

Воспоминания, да и исследования, посвященные конкретным историческим сюжетам, начинаются от Адама, в данном случае от появления финно-угорских племен в Приневье или переселенцев савакот и евремёйсет в Ингрии после заключения Столбовского мира 1617 г. Наличие такого введения объясняют тем, что «большинство людей нашего поколения, даже те, корни которых уходят в Ингрию, не знают историю этой земли»¹⁹⁶. Впрочем, от введения, довольно схематичного, несмотря на наличие объемных научных трудов, посвященных истории Приневья и финно-угорских народов России, они переходят быстро и не всегда очень плавно к истории собственной семьи или к личным воспоминаниям, что роднит их сочинения со средневековыми хрониками, открывавшимися пересказом библейской истории о сотворении мира и происхождения современных народов от сыновей Ноя. По всей видимости, это результат сходного устремления — вписать собственную память о прошлом в более широкий контекст уже не столько памяти, сколько истории.

Прошлое являет собой идеальную картину страны сказок — *Satumaa*: «Была некогда страна, которая была обширна, как небесный свод, жители которой жили счастливой, достойной и самостоятельной жизнью, они пахали землю и растили скот. Они чтит Господа и по воскресеньям ходили в церковь»¹⁹⁷. Гибель «страны сказок» пришла извне, она оказалась полной и бесповоротной, без какой-либо надежды на возрождение. Отсюда используемые эпитеты: *kadonnut Inkeri, mennyt Inkeri* — «погибшая Ингрия», «ушедшая Ингрия». Если что и

может возродиться, то лишь церковь и то во многом перестав быть церковью финской.

Примечательно, что издания, посвященные Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии носят многим более оптимистические названия: «Inkerin ihme. Kirkko kohosi Keltoon» («Ингерманландское чудо. В Колтушах строится церковь»), «Inkerin kirkon nousu kommunistivallan päätyttyä» («Подъем Церкви Ингрии в конце коммунистического режима»), «Todistuksena toivosta» («Свидетельство надежды»).

Единственным утешением может служить лишь то, что удалось выжить, сохранив «честность, трудолюбие и веру» — своеобразную триаду положительных качеств. Один собеседник вспоминал, что «лучшая бригада вахтеров была наша, чухонская. Когда мы дежурили, никто и ничто не мог с завода вынести». Другая собеседница вспоминала, что ее мать никогда не говорила по телефону, что дочери нет дома: «Подходи к телефону и сама разбирайся». Третий собеседник отмечал, что его родители считали самым главным, чтобы дети выросли честными и трудолюбивыми, карьера и достижения в их системе ценностей не являлись чем-то значимым.

Память о перенесенных страданиях, которые, впрочем, являются уже в большей степени страданиями родителей, как считает исследователь О. Давыдова, задала рамки для формирования этнического кода¹⁹⁸ «финскости» бывшего СССР¹⁹⁹. Впрочем, удобная в качестве средства этнической мобилизации, подобная картина прошлого подвержена размыванию конкурирующими воспоминаниями о периоде 1970-х гг., что особенно заметно проявляется в поколении 1940–1950-х гг. рождения в форме «ностальгии по застою». Собеседники довольно охотно вспоминают походы на танцы или фильмы в клуб, организованный в бывшей церкви, о пионерском детстве и комсомольской юности, намекая на конфликты со старшим поколением²⁰⁰. Советский Союз в представлении этого поколения являлся страной, с которой они себя идентифицировали: «Это было в дружественном нам тогда народном Китае», — рассказывает Б. П. Тикка о своей военной службе²⁰¹.

Недоверие поколения родителей к советским средствам массовой информации («Мать говорила, что они всегда врут»), по словам собеседников, вызывало их сопротивление. Представления молодого поколения о прошлом сегодня могут быть еще более причудливыми: одни могут недвусмысленно высказываться в поддержку позиции СССР в Зимней войне 1939–1940 гг. («Да их (жителей Финляндии. — *Примеч. авт.*) всех надо было разбомбить»), другие увлекаются жизнью и деятельностью К. Г. Э. Маннергейма и иных финских офицеров, отличившимися в боях с РККА

(«А ведь мы черно-синие!» — намек на цвета финского национал-патриотического движения).

Таким образом, можно констатировать, что память о репрессиях в настоящее время переживает трансформацию из личной и коммуникативной в культурную память российских финнов. Наряду с публикацией воспоминаний инструментами ее сохранения и формирования канона являются поминальные церемонии на Левашовской пустоши под Санкт-Петербургом и траурные богослужения в День Всех Святых. Тем не менее эта культурная память все чаще актуализируется лишь в случае ее заинтересованного использования, будучи вытесняема коммуникативной памятью новых поколений, для которых все большее значение приобретают образы «застойного благоденствия», «лихих 1990-х», «первого Юханнуса», «возрождения Церкви» и иных значимых событий времени, более приближенного к настоящему моменту, нежели время репрессий.

Дальнейшее размывание ингерманландско-финской идентичности будет связано с тем, что дифференцирующая память о репрессиях уходящих поколений будет замещаться интегрирующей памятью поколений, приходящих им на смену, не имеющего личного травматического опыта, вполне вписанных в советский народ и разделявших его образ жизни, поведенческие стереотипы и ценности.

Вторая половина 2000-х гг. с ее ростом жизненного уровня на фоне благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры не оказалась отмеченной сколько-нибудь серьезным снижением темпов выезда ингерманландских финнов на постоянное жительство в Финляндию, продолжается естественная убыль за счет ухода из жизни старшего поколения, владеющего финским языком. Последнее заставляет руководство «Инкерин Лиитто» задуматься о переосмыслении стихийно-примордиалистских представлений о «современной ингерманландской идентичности», иными словами, задаться вопросом: «Можно ли остаться финном, окончательно утратив финский язык?»²⁰²

Другим вызовом стало появление внеэтнической региональной ингерманландской идентичности, в центре которой находятся идеи так называемой русской Ингерманландии. В манифесте, автором которого является журналист Виктор Шаву, можно прочесть следующее: «Так уж сложилось, что именно в Ингерманландии, а вовсе не в Великом Новгороде с его историческими традициями, не в территориально близкой к Евросоюзу Калининградской области (Восточной Пруссии) и не в максимально удаленном от Москвы Приморском крае, наиболее мощное развитие получил процесс региональной самоидентификации (*identity*). Этот процесс детально исследовался многими петербургскими учеными, общественными деятелями,

журналистам... Стоит, однако, подробнее остановиться на русском аспекте этого процесса, дабы опровергнуть обвинения в “иностранный”, “немецком” и “финском” происхождении этой *identity* (автор не видит ничего плохого в “иностранный” происхождении подобной самоидентификации, но объективности ради стоит подчеркнуть ее русские корни). Начать следует с того, что региональная самоидентификация в этом регионе всегда была своего рода смесью между “национальным” (живущие здесь, местные, аналог белорусского “тутейшие”) и “интернациональным”. Последнее понятие следует расшифровать подробнее — в связи с неоднозначностью его трактовки в современных российских условиях. Стоит вспомнить, что именно на территории Приневского края бок о бок проживали славяне и угро-финны, представляя собой уникальный образец симбиоза: жили черезполосно (славянская деревня — угро-финская, снова славянская и снова — угро-финская). Все жители края — и эта традиция сохранялась не только при Новгородской республике, но частично и при Российской империи — знали язык друг друга, могли свободно общаться, торговать, ходили друг к другу в гости, вместе отмечали праздники — особенно дохристианские (Юханнус, он же Иванов день и пр.), брали жен из соседних народов. Однако при этом народы не смешивались, не ассимилировали, сохраняя свою самобытность, уклад и традиции — именно этот факт следует признать уникальным»²⁰³.

Петербург с этой точки зрения воплощает в себе все лучшее, что было в финской Ингрии и русской России, воскрешая образ «страны сказок»:

*С давних пор люди слышали в песнях,
Что поют у костра рыбаки,
Про невиданный город чудесный
У изгиба могучей реки.
Здесь, под северным небом холодным,
Жил отважный и честный народ.
Занимался трудом благородным,
Не боялся судьбы и невзгод.
Лучший хлеб, лучший мед и печенье
Увозили отсюда купцы,
И художников лучших творенья
Уплывали в чужие дворцы...
...Много лет с этих пор пролетело,
Новый город разросся вокруг,
Но историю крепости смелой²⁰⁴
Сохраняет в себе Петербург...*

Политическая активность «русских ингерманландцев», в мировоззрении которых проявляется тот самый «местечковый патриотизм», на отсутствие которого у финнов так сетует А. В. Крюков, постоянное участие «русских ингерманландцев» в акциях протеста против уплотнительной застройки

ки и строительства небоскреба «Охта-центра» на месте шведского Ниеншанца вызвало неприятие со стороны этноактивистов: «Вы можете считать себя кем угодно, но мы, ингерманландские финны, требуем прекратить использование национального флага ингерманландских финнов (а именно таковым он является). Использование его в качестве некоего политического символа участники прошедшего 24 марта съезда общества «Инкерин Лиитто» воспринимают как провокацию. Вопрос этот достаточно серьезно обсуждался. Произошедшее вызвало у людей искреннее возмущение. Я не хочу вступать в политические дискуссии, но это флаг не может и не должен быть символом какой-либо политической организации. Появление нашего флага рядом с флагами нацболов (еще год назад скандировавших «Сталин, Берия, ГУЛАГ») воспринимаю как оскорбление памяти ингерманландских финнов, уничтоженных коммунистическим режимом, а также умерших в нацистском концлагере Клоога (флаг нацболов вызывает недвусмысленные ассоциации)... Ингерманландские финны — особый этнос, говорящий на финском, но сформировавшийся здесь, на этой земле. Это и еврейсет, и савакот, и принявшие лютеранство ижоры, и приемные дети, воспитывавшиеся в финских семьях. В культурном плане и финны испытывали влияние также и со стороны русских и эстонцев... Ваше же стремление провозгласить флаг ингерманландско-финских отрядов

неким общим территориальным символом можно объяснить лишь бесплодными попытками найти в истории прямое обоснование вашей идее. Если вы пришли с этим флагом на Юханнус или рыцарский турнир в Выборге — одно дело. Но не надо размахивать им на политических акциях достаточно сомнительного толка»²⁰⁵.

Как сложатся взаимоотношения между двумя группами, претендующими на ингерманландское наследство, спрогнозировать невозможно, однако можно констатировать, что «ушедшая Ингрия» сохраняет свою привлекательность не только для ингерманландских финнов.

Трагическая судьба небольшого народа, романтические образы руин старинных церквей, печальные и веселые народные напевы притягивают к себе людей самого разного этнического происхождения, укрепляя фундамент позитивного отношения ингерманландских финнов к собственной культуре, которое, таким образом, приходит, по сути дела, извне.

С другой стороны, формируется основание для трансформации политической активности регионалистов в активность культурную, что послужит обогащению общероссийского культурного фонда за счет самобытной и привлекательной культуры российских финнов Ингерманландии.

Разумова И. А.

МИГРАЦИОННЫЙ ОПЫТ И ФОРМИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА

Старые и новые северяне

Кольский Север как социокультурное пространство по ряду признаков схож с рядом других северных территорий. Во многом единообразны процессы заселения и индустриализации северов в XX в. Можно проследить некоторые общие тенденции, касающиеся демографического развития разных северных регионов, межэтнических коммуникаций: взаимоотношений аборигенного населения (финно-угорского, самодийского и пр.) и пришлого смешанного русскоязычного. Типологически сходны северные промышленные города.

Вместе с тем Кольский Север имеет и ярко выраженные отличия от прочих северов, связанные прежде всего с его геополитическим положением, а также с ролью научного фактора в развитии края.

Регион может быть рассмотрен как относительно цельный потому, что в данном случае почти совпадают границы географические (Кольский п-ов), административно-территориальные (Мурманская обл.) и до известной степени этнокультурные. В силу геополитического положения и социально-исторических причин население его постоянно вовлечено в интенсивные миграционные процессы. Регион считается показательным с точки зрения опыта длительного относительно бесконфликтного сосуществования этнических групп (если не иметь в виду локальные латентные конфликты на микроуровнях).

Аборигенные жители Кольского п-ова — саамы. Представляя коренной малочисленный народ Севера, они являются этнокультурным символом края. По данным последней переписи, численность

кольских саамов — 1991 чел. (0,18 % от общей численности населения области). Саамы в подавляющем большинстве (около 75 %) сельские жители, причем на сегодняшний день лишь несколько населенных пунктов, где они проживают, расположены в пределах традиционных мест их расселения и хозяйствования. По мнению исследователей, для кольских саамов характерным является низкий уровень миграций. Наиболее мобильный сегмент саамского населения — женщины и молодежь, меняющие место жительства для учебы или работы в более престижных местах²⁰⁶.

К старожильческому населению Кольского Севера можно отнести русских поморов, расселенных на Кандалакшском и Терском берегах Белого моря (терских поморов), а в относительно недавнем прошлом — и на Баренцевом (Мурманском) берегу²⁰⁷. В настоящее время проблемы поморского населения связаны с характером протекания процессов урбанизации и субурбанизации (например, использование местности в качестве дачной), а также с экономическими инициативами в отношении данной территории. По их словам, поморов выжидают с побережья экономически. Адаптируясь к ситуации, часть населения переходит на сезонный образ жизни²⁰⁸.

Особое и значимое место в этнической структуре Кольского Севера занимают ижемские коми. Первые упоминания о появлении их на Кольском п-ове относятся к 1887 г. Малонаселенность новой территории, отличия хозяйственных практик ижемцев, сложности во взаимоотношениях с местными жителями способствовали частичному обособлению группы²⁰⁹. По мнению исследователей, группа кольских ижемцев представляется стабильной, уровень ее этнического самосознания обеспечивает процесс культурной преемственности²¹⁰.

К более позднему, пришлому населению — при всей условности данной дефиниции — можно отнести тех, кем заселялся Кольский край в процессе научно-промышленного освоения территории в XX в. Это численно преобладающие русские, а также представители самых разных народов России и республик бывшего СССР, включая этнических мигрантов последних лет. По данным переписи 2002 г.²¹¹, в Мурманской обл. проживало 892 534 чел. — представители 126 национальностей. Самой многочисленной группой являются русские (85,2 %). Причем более тысячи из тех, кто считает себя русскими, не владеют русским языком. На втором месте по численности находятся украинцы, на третьем — белорусы.

В настоящее время большинство населения области проживает в индустриальных городах, которые созданы в советский период. По итогам переписи 2002 г., городское население состави-

ло 824 тыс., сельское — 69 тыс. чел. Мурманская обл. является одной из самых урбанизированных в стране. Все города, за исключением областного центра, можно отнести к типу малых индустриальных. Второй по размерам город Апатиты является научно-образовательным центром. Подавляющее большинство населения — прямые потомки тех, кто переселялся на Крайний Север, начиная с первых десятилетий XX в., и особенно с конца 1920-х до 1980-х гг., а также сами мигранты.

Несмотря на то что Мурманский край постепенно включался в пространство общенациональной культуры, начиная с первых веков колонизации, более или менее цельный образ территории сформировался в XX в. Этот образ не мог бы сложиться при отсутствии относительно устойчивой идентификации и самоидентификации регионально-го сообщества: в более широком значении и чаще используется обозначение северяне, в суженном — мурманчане. Функционирование и достаточно высокая частотность таких обозначений указывают на то, что существует ряд признаков, которые основываются на определении и самоопределении жителей при всем различии их этнических культур, социальных характеристик, индивидуальных биографий.

К северянам относят очень разные категории людей. Во-первых, тех, кого принято называть представителями коренных народов Севера. Во-вторых, русских и нерусских старожил, которые давно признали Север своей малой родиной, но сохранили память о землях предков. В-третьих, тех, кто может быть причислен к северянам формально — по факту своего рождения. Наконец, вынужденных и добровольных переселенцев, волею судеб оказавшихся на Севере в течение последних десятилетий.

Региональная (локальная) идентичность самих северян весьма неоднозначно соотносится с другими формами идентичности, что соответствует современной социальной ситуации: «распад современной политической идентичности, которая рассматривает гражданина как члена политического сообщества, ведет к быстрому распространению коллективных идентичностей, основанных отчасти на точно определенных условиях участия в организации общества, отчасти на экзистенциальных особенностях условий жизни, личного характера и экспрессивных и эклективных свойств»²¹².

Идентичность все более основывается на специфике жизненного мира, структурах повседневного опыта, т. е. на характерном образе жизни, включающем пространственные и временные показатели. Идентификация себя с местом и локальным типом является одной из таких форм. Признание себя северянином строго не детерминировано ни

этнической принадлежностью, ни длительностью проживания на Севере, ни фактом рождения, ни иными социально-демографическими или биографическими факторами.

Локальная идентичность изменчива и ситуативна, как и любая другая. Она ассоциирована с осознанием и переживанием своей связи с данным местом, и, соответственно, может быть рассмотрена как высокая степень адаптации к нему. Речь идет в первую очередь о социокультурной адаптации индивидов и различных групп мигрантов к новым условиям, а также об осознании и переживании ими данного процесса: «Самоотождествление с местом, равно как и его организованность в мысленную структуру, не только обеспечивают эффективное действие и взаимодействие, но и служат источником чувства эмоциональной безопасности, понимания и удовлетворения»²¹³.

Не вдаваясь здесь в существо различных подходов к определению понятий «культурная адаптация» и «социальная адаптация»²¹⁴, примем определение, на сегодняшний день приемлемое и достаточное. В соответствии с ним, культурная адаптация представляет приспособление социальных групп и отдельных индивидов к изменяющимся природно-климатическим, социальным, экономическим условиям посредством изменения стереотипов сознания и поведения, форм социальной организации и регуляции, норм и ценностей, образа жизни, а также механизмов трансляции социального опыта (культурная адаптация). Адаптация сопутствует любому социальному изменению, в т. ч. она составляет важнейший и итоговый этап миграционного процесса.

При территориальных перемещениях людей даже в пределах одной страны на их адаптацию, как известно, влияет множество факторов: расстояние, статус переселенцев, территорий и конкретных населенных пунктов, обстоятельства и тип миграции и т. д. Исследования показывают, что в каждом отдельном случае складывается специфическая ситуация, определяемая совокупностью условий, их соотношением и взаимодействием.

Соответственно различаются проблемы мигрантов, включающие и проблему культурного самоопределения. Для разных категорий переселенцев на разных территориях прибытия может существенно варьировать соотношение между природно-экологическими, экономическими и социокультурными факторами по силе их воздействия на адаптируемых. Эти факторы, оцениваемые положительно или негативно, могут поддерживать друг друга, тогда либо очень усложняется, либо, напротив, чрезвычайно облегчается процесс приспособления. В иных случаях влияние одних (например, наличие экономических преимуществ) может

уравновешивать действие других (неблагоприятные климатические условия).

Субъективные факторы адаптации изучены недостаточно. А между тем они нередко играют ведущую роль на всех его стадиях. В частности, восприятие переселенцами новых территорий, отношение их к месту являются важными условиями социальных трансформаций и определяют культурный облик новых поселенческих сообществ. Об этом убедительно свидетельствуют данные исследований, которые проводились в Приладожской Карелии и на некоторых других территориях России²¹⁵.

Миграционный опыт северян

Демографическое развитие Мурманской обл. до конца 1980-х гг. являлось самым динамичным среди регионов Европейского Севера, в период с 1926 по 1989 г. население области выросло в 36,3 раза. Отток населения с северных территорий России, который наблюдается с конца 1980-х гг., сказался и на демографии Кольского Севера. За 1993–2002 гг. он значительно, в 8,6 раза, превысил естественную убыль населения Мурманской обл. За 1991–1999 гг. Мурманская обл. потеряла около 40 % того миграционного прироста, который она приобрела за 1951–1990 гг. Однако начиная с 2003 г. миграционный отток значительно сократился: среднегодовые масштабы миграционной убыли за 2003–2006 гг. в 3,7 раза снизились по сравнению с соответствующими в 1993–2002 гг.²¹⁶ Свидетельствует ли данная статистика о том, что население области стабилизировалось? Ответить на этот вопрос можно будет лишь после углубленного изучения миграционной ситуации.

Региональное самосознание большей части северян опирается среди прочего на осмысление миграционного опыта. Крайний Север — это место, куда приезжают и откуда выезжают, потому что «дальше ехать некуда». У многих жителей Кольского Севера есть очевидный навык рассказывания о переезде на Север их самих или их родителей и прародителей. Нередко рассказ рождается спонтанно. Газетные интервью, биографические очерки о жителях Кольского Заполярья также непременно включают этот сюжет. А вместе с ним возникают и закономерные вопросы о том, как воспринимают мигранты и их ближайшие потомки свою вторую родину, собираются или нет покинуть ее. Популярны социологические опросы на эту тему, обсуждения ее в СМИ.

Рассказы о переезде и обустройстве новоселов-северян, которые приехали на Кольский п-ов в 1950–1980-е гг., стали предметом специального рассмотрения автором данной статьи. В исследованиях миграционного поведения северян использовалось биографическое нарративное и полуструк-

турированное интервью. Этот метод более всего подходит для понимания мотивов конкретного выбора мигрантов, миграционных настроений, установок, тактик переезда, оценок, касающихся общей и региональной социально-экономической, этнокультурной ситуаций тех или иных территорий и т. п.

В воспоминания включаются опыт и впечатления не только самого респондента, но многих других людей, поэтому они являются источником и основой построения аргументации относительно разных моделей миграционного поведения. В результате переезда и процесса адаптации индивид или группа накапливают миграционный опыт, который воспроизводится в соответствующих текстах и передается следующим поколениям.

Определить успешность или неуспешность переезда потомки мигрантов могут на основании семейной истории и собственных оценок жизни родителей или прародителей, которые по своей или чужой воле оказались на Севере. Главную же роль играет автобиографический опыт интериоризации места, привыкания к нему. Излагая обстоятельства переезда, его мотивы, последствия и т. д., сами переселенцы проецируют прошлое в настоящее, оценивают прошлый миграционный опыт.

Согласно принятому социологическому подходу, миграция включает три стадии:

- 1) подготовительную — процесс формирования территориальной подвижности населения;
- 2) основную — собственно процесс переселения;
- 3) заключительную — приживаемость мигрантов на новом месте (адаптацию)²¹⁷.

Период обустройства, в течение которого новоселы достигают уровня старожилов, занимает порой значительное время и сопряжен с разнообразными проблемами²¹⁸. Адаптационный процесс можно условно разделить на приспособление к природно-климатическим условиям (физиологическую адаптацию), экономическую адаптацию, социальную, этнокультурную, психологическую. Одним из показателей адаптированности мигрантов может служить локальная самоидентификация.

На первом этапе исследования все респонденты были разделены в самом общем виде на две группы: собственно мигранты и их потомки, родившиеся на Севере. С одной стороны, многие переселенцы, особенно те, которых привезли на Север детьми, склонны считать Крайний Север или конкретное место проживания своей родиной. С другой стороны, среди их потомков, родившихся на Севере, есть такие, которые идентифицируют себя с родиной родителей или даже прародителей, т. е. имеют самосознание мигрантов. Тем не менее наблюдается тенденция к переопределению родины у молодого поколения²¹⁹.

Урбанизация Севера, как известно, на начальных этапах осуществлялась преимущественно путем насильственной и регулируемой миграции: за счет спецпереселенцев, заключенных, репрессированных²²⁰. В целом же массовое заселение и индустриализация происходили всеми возможными способами: посредством депортаций этнических групп, вербовок, привлечения рабочих и научно-технических кадров с помощью материальных и идеологических стимулов, административных рычагов (распределений и направлений). Микромиграции осуществлялись за счет воссоединения семей и индивидуальных переездов по различным мотивам — от экономических и профессиональных до сугубо романтических. Для жителей села переезд на Север был особенно многозначен²²¹. Он позволял не просто улучшить материальные условия, изменить образ жизни, но физически выжить и обрести личную свободу.

В России и в условиях известной либерализации общественной жизни (с середины 1950-х гг.), помимо прописки, сохранялась практика распределений на работу после окончания высших и средних учебных заведений, а также другие формы прямого или косвенного воздействия государства на миграционные практики. Большая часть респондентов, приехавших на Север в 1960–1970-е гг., переезжали по направлениям. В подобных случаях переезд был вызван внешними обстоятельствами, но, несмотря на это, респонденты воспринимают его сейчас скорее нейтрально, как должное, а иногда и положительное событие.

С ростом возможностей свободного выбора местожительства усиливается действие субъективных факторов. Согласно мнению респондентов, первостепенное значение имело стремление улучшить уровень жизни. Среди экономических стимулов респонденты выделяют наличие работы, уровень доходов, перспективы решения жилищной проблемы. К важнейшим факторам, повышающим уровень жизни, относят размеры заработной платы и возможность профессиональной самореализации. Для молодой семьи особенно важно было решить жилищную проблему. Во всех подобных случаях доминирует материальный прагматизм в мотивах переезда. Стимулирующим условием формирования тех или иных миграционных установок можно считать также и биографические события (чаще брак).

Важным фактором, оказывающим непосредственное воздействие на принятие решения о миграции, является наличие жизненного стандарта, сформировавшиеся особенности личности, представления о том, что является нормой. Так, например, часть респондентов убеждены, что молодая семья должна жить отдельно от родителей, и един-

ственный выход достижения этой цели они видели в смене места жительства. Это свидетельствует о связи переезда с идеей эмансипации молодых людей и молодых семей. Наконец, есть особая категория переселенцев, которые называют себя (или считаются, если речь идет не о себе) романтиками Севера.

В целом характер протекания адаптационного процесса, особенно к природно-географическим условиям, зависит от того, из каких мест и в какие места переселяются мигранты. Большинство наших респондентов прибыли, с их точки зрения, из климатически благоприятных районов. Трудности адаптации они связывают в первую очередь с холодом. На втором месте — сезонный фактор, причем отрицательно оценивается не столько полярная ночь, сколько «вход» и «выход» из нее (осень и весна). Используются для аргументации и экологические мифы, например о разреженности воздуха. Одновременно положительное влияние на переселенцев оказывали те или иные особо привлекательные, в силу отличия от привычных для них, природные реалии. Кольский Север в целом и отдельные его ландшафты очень высоко оцениваются эстетически.

Практически все переселенцы утверждают, что Север предоставил им возможность комфортного материального существования. Для кого-то этот процесс был поэтапным, кто-то сразу оказался в оазисе материального благополучия — в сравнении с условиями на прежнем месте жительства. Особое внимание респонденты в рассказах уделяют своей профессиональной реализации на Севере. Именно данное обстоятельство, по мнению очень большого числа северян, является показателем успешности переезда. Это касается представителей рабочих профессий (прежде всего строительных), которые практически своими руками возводили города и промышленные объекты и сейчас фактически идентифицируют себя с ними. Такое осмысление адаптации свойственно также инженерно-техническим работникам, ученым КНЦ РАН, учителям. Процесс социальной адаптации носит двусторонний характер. С одной стороны, происходит постепенное ослабевание старых коллегальных, соседских, дружеских и даже родственных связей, с другой стороны — процесс приспособления к новой социально-демографической среде. В результате эффективной адаптации чужой мир стал для большинства новых северян родным местом, местом своей семьи.

Индикаторами адаптации для одних респондентов является наличие квартиры и работы, для других приоритетным становится семья и близкое окружение, для третьих — самореализация и т. д. Самым же благоприятным фактором, который по-

могает, по массовому убеждению, преодолевать физический дискомфорт северных условий, оказываются социальные связи. По мнению респондентов, жители старались поддерживать друг друга в решении физических, психологических, бытовых, материальных проблем, в результате чего и сформировалось особое северное сообщество. Наивысшую оценку получают такие качества этого сообщества, как солидарность, этническая толерантность, демократичность. Этим качествам соответствуют личные свойства: открытость, дружелюбие, культурность (выражается в уровне интеллекта, образованности, внешней сдержанности), приоритет духовного начала над материальным. Все эти свойства северян аргументируются жизненными историями или логическими рассуждениями и часто противопоставляются социальным характеристикам «среднеполосных» или «южных» (без этнических коннотаций) людей.

Суммируя имеющиеся в настоящее время материалы, можно сделать предварительные выводы о том, что большинство мигрантов, независимо от обстоятельств переезда, повысили свой социальный, экономический статус и реализовались в личном отношении, переехав на Крайний Север. Тем не менее у определенных категорий населения, прежде всего среднего и младшего поколений, есть миграционные установки и мотивы к перемене места жительства. Самый частотный мотив у представителей всех поколений — неблагоприятные климатические условия, которые, по распространенному мнению, вредят здоровью человека, тоска по теплу, солнцу и т. п. Эти условия, также по общему мнению, в доперестроечный период компенсировались экономическими преимуществами жизни на Севере, заботой государства, льготами. Многие северяне старшего и среднего поколений считают, что в пореформенный период они как минимум лишились своих преимуществ. Некоторые признают, что не смогли адаптироваться к жизни на Севере, потому что их тянет на родину, которая жива в воспоминаниях детства и юности.

Иные основания к переезду у молодежи. Те из них, кто хочет покинуть Север, объясняют свои намерения, во-первых, невозможностью профессиональной реализации, во-вторых, все теми же климатическими условиями и, наконец, желанием посмотреть мир, столь характерным для данной возрастной группы. При этом молодежь в первую очередь склоняется к такой модели поведения, при которой возможны постоянные перемещения, включая периодические возвращения на Север.

Самую немногочисленную группу составляют те, кто утверждает неприятие Севера по тем или иным основаниям. По самым предварительным данным, среди них дети репрессированных и пред-

ставители молодежи, которые либо являются недавними мигрантами, либо проживают в самых престижных (провинциальных) городах области.

Большинство северян разных поколений считают наиболее приемлемым часть года жить на севере, а часть — в теплых местах или на исторической родине. Север, таким образом, включается в сферу своего расширенного пространства.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди мотивов переезда с Севера практически отсутствуют социальные и этнокультурные. Более того, основной барьер на пути к перемене места жительства — социальный комфорт, достигнутый на Севере. По этой причине многие из тех, кто покинул Север, не приживаются в других местах, в ином социальном окружении. Данная ситуация в настоящее время фиксируется вполне определенно, и случаи возвращения северян, уехавших по программе переселения, не являются редкостью.

Кольский Север как место и время

Для формирования локальной идентичности любого уровня принципиальное значение имеет историческая зрелость или же устойчивость политико-административных границ, определяемая давностью и длительностью существования этих границ. В обычных условиях она проявляется в формировании определенной системы ценностей и норм поведения жителей региона. Ее можно обнаружить в местном фольклоре, преданиях, мифах, местной интерпретации истории страны и т. п.²²² Важны также границы историко-культурные, этнические, географические — при наличии известной традиции их осмысления и соответствующей символики.

Материалом для исследования данного феномена являются устные и письменные высказывания жителей, полученные в ходе интервьюирования, опросов, спонтанных бесед: оценочные суждения о местности, городе с их объяснением; презентующие тексты, в т. ч. в форме спонтанной экскурсии; автобиографические повествования с включением рассуждений респондента о восприятии города, места в разные периоды его жизни. Ценный источник представляют литературные произведения, краеведческие и экскурсионные тексты, документы частного происхождения и многое другое.

Существует устойчивая традиция репрезентации Севера в текстах разного рода, которая поддерживает групповое самосознание. Используя анализ текстов, можно условно выделить историческую и пространственную символику края. Та и другая функционируют на нескольких уровнях: Север, Заполярье, Кольский Север, город или ценностно отмеченный ареал (Хибины, Мурман, Монче-тундра

и пр.). При этом одни и те же знаки и символы могут маркировать и Север как таковой и, например, г. Кировск.

Укреплению символической границы с материком способствовало образование в 1938 г. Мурманской обл. До этого территория в разное время входила в более крупные административные единицы: в состав Архангельской губ. или Карело-Мурманского края. Полуостровное положение Кольского Севера, отделенного от материка еще и символической границей Полярного круга, способствует восприятию данной территории как противопоставленной всем южнее расположенным территориям в качестве края земли.

Большинство жителей России особым образом относятся к Крайнему Северу — неведомому как реальность, но хорошо знакомому по сказочным и мифологическим образам. По воспоминаниям переселенцев, таково было и их изначальное отношение: «Эта территория казалась такой загадочной и неведомой, и это еще сыграло свое, что я решила ехать сюда, хотелось новых ощущений» (ж., 1945 г. р.); «Моя сестра <...> воспринимает север, как сказку, где сплошные снега, елки. Кто вообще ничего не знает о Севере, считает, как и я раньше, что мы здесь ездим на санях, на оленях, что нас постоянно засыпает снегом, что мы разводим оленей и собак» (ж., 1960 г. р.) и т. п.

Полуфантастические представления о Севере, с точки зрения самих северян, отличают непосвященных: тех, кто живет южнее. При этом вполне естественно «южанами» оказываются жители самых разных территорий, исключая разве что сопредельные Карелию и Архангельскую обл. Неведущий «южанин» (реже «среднеполосный» или столичный житель) — анекдотический персонаж в фольклоре Заполярья. Он думает, что северяне ездят на оленях, живут в чумах, отбиваются от белых медведей и т. п., либо вообще не знает, где находится Мурманская обл. Рассказывание таких историй служит средством самоутверждения и демонстрации идентичности новых северян.

Полярный круг — главная символическая граница. Все полярное эксклюзивно — полярное сияние, полярные день и ночь, Полярная звезда — и широко представлено в топонимии, включая имена городов Полярные Зори и Полярный Мурманской обл, а также наименования многочисленных кафе, магазинов, кинотеатров и т. п.

Основными составляющими образов Севера и Заполярья являются природно-климатические и ландшафтные атрибуты. Среди них общие и наиболее частотные: положение на краю земли, полярные день и ночь, полярное сияние, снега и вьюги, горы, море, скалы, тундра, недра. Географическое положение дает Кольскому Северу особый статус,

характерный для всех маргинальных и обособленных территорий и сопряженный со свойствами инобытийности²²³.

Есть специфические природные объекты у каждого из городов и микроареалов. У многих из них экзотические для русских переселенцев саамские названия: Кукисвумчорр, Расвумчорр, Айкуайвенч, Большой Вудьявр, Ниттис и др. Собственно северная атрибутика — природно-географическая, метеорологическая объединяется свойством экстремальности. Судя по многочисленным высказываниям, клишированным литературным текстам, поэтической риторике, Север принимают и любят не столько за что-то, сколько вопреки чему-то, что неблагоприятно для человека. Традиция восприятия края мигрантами поддерживается и транслируется потомкам. Примечательно, что заполярная символика индифферентна по отношению к социальным характеристикам субъектов высказываний — переселенцев и их потомков 2–3-го поколений (полу, возрасту, социальному и профессиональному статусу) и не зависит от времени проживания их на Севере.

Со спецификой природно-географических условий, которые предъявляют особые требования к человеку и обществу, связан высокий культурный статус территории и жителей. При этом для представителей автохтонного и старожильческого, преимущественно сельского населения Севера — саамов, русских поморов — тема специфики Севера не актуальна, поскольку те же условия воспринимаются ими как естественная среда жизнедеятельности. В частности, поморы Терского берега Белого моря даже не очень понимают вопрос, отличаются ли жители севера и юга России, тогда как горожане безо всяких дополнительных вопросов, в спонтанной беседе легко развивают эту тему.

Существенны и временные показатели адаптации. Во-первых, данный процесс, развертывается во времени, и он имеет соответствующее измерение. Во-вторых, известная переорганизация ритма жизни — неотъемлемая часть адаптационного процесса. Условием его успешности являются синхронизация и скоординированность времени до и после критического момента. Отметим несколько аспектов, связанных с субъективным восприятием времени, которые сопутствуют процессу адаптации к Северу, формированию идентичности северян, влияют на поведенческие модели и образ жизни.

Выявляются особые временные характеристики конкретного места и символического региона — Севера. С первым ассоциированы показатели времени линейного, представляющего собой биографию, например, города от рождения до современного состояния. Со вторым связаны атрибуты преимущественно циклического времени (сезонного, суточного), которое основано на биологических ритмах. Север

имеет свое начало в истории, если рассматривать его сквозь призму колониационного процесса, глазами мигрантов, которые осознают себя одновременно свидетелями и участниками его развития.

Время Севера имеет и биографический ракурс, поскольку для собственно мигрантов оно представляет этап жизни, проекцию жизненного пути. В случае добровольности переезда Север ассоциируется с выбором, во временном плане — с перспективой. Современность и молодость — главные временные определители Севера. Молодость связана с особым характером протекания времени, его ритмами. Ей свойственны такие качества, как активность, трудоспособность, предрасположенность к определенным видам занятий (спорту, туризму), мобильность. Все эти атрибуты включаются в образ северянина, причудливо сочетаясь с пресловутой замороженностью (экстраполяция особенностей климата на характер человека).

С одной стороны, существует идея, которая соответствует известным государственным инициативам в отношении жителей Севера и опирается на представление, что здесь можно жить до тех пор, пока ты молод и здоров. С другой стороны, по распространенному убеждению, пребывание на Севере продлевает молодость и период жизненной активности в целом. Происходит это в силу двух, казалось бы, противоречивых, обстоятельств. Во-первых, Север «замораживает» и, следовательно, выполняет консервирующую функцию. Во-вторых, он стимулирует активность, вызванную, в частности, необходимостью постоянно противостоять природным условиям.

В целом в биографии переселенцев время Севера — это время становления, духовного развития, самореализации и достижения материального, семейного, социального благополучия. Это сказалось на положительном отношении к новому месту жительства. Иначе приспособлялись к жизни на Севере спецпоселенцы, для которых перемещение было связано с понижением статуса. С местом вынужденного пребывания их могли постепенно примирить и даже сроднить обретение новых социальных связей и результаты коллективной деятельности по строительству городов. Эта деятельность одухотворялась идеей созидания новой жизни на такой земле, которая, казалось бы, не подходит для человеческого существования.

С разработки недр, строительства дорог, промышленных объектов, городов начинается новый отсчет времени Севера. Все первое, что создано здесь человеком, акцентировано в автобиографиях жителей, их рассказах о переезде на Север, в историях о городах и поселках, а также в спонтанных высказываниях, которые возникают при беседах, особенно с приезжими.

Из рассказа об истории г. Кировска: «И тогда вроде люди сразу разделились на тех, кто только хотел ограбить Хибинские горы, и тех, кто хотел здесь создавать жизнь, строить железную дорогу, сооружать новый город. Но, насколько я знаю, это сначала казалось утопией. Ведь никто не мог сказать, кто здесь будет создавать новое производство, кто будет бороться с болотами, и никто не знал, где на все на это добыть денег. <...> Отец говорил, что апатитовая промышленность была возведена на пустом месте» (ж., 1940 г. р.).

Подчеркнутая этиологичность во многом определяет мироощущение новых северян, причем не только поколения первопроходцев, но и их потомков. В самосознании северян закреплены такие автостереотипы, как предрасположенность к созидательной, культуротворческой деятельности, активному образу жизни, предприимчивость и выносливость, жизнестойкость и жизнелюбие.

В новом пространстве оказывается иным культурное отражение реальностей времени: продолжительность, темпы, ритмы, членение на отрезки. Не оправдываются «социально ожидаемые длительности» (Р. Мертон) — свойственные людям «множественные нормативные ожидания, рассчитанные на скорость определенных процессов <...> нормы, предписывающие ритмы и интервалы процессов»²²⁴.

Большинство информантов, рассказывая о первом впечатлении по приезде, дружно отмечают несоответствие состояния природы и времени года, например: «В 1963 году мы всей семьей приехали сюда, на Север, в апреле, да, наверное, да, в апреле <...> тогда была весна, но здесь особенно весны не было» (ж., 1947 г. р.). Источником еще большего удивления, по утверждениям практически всех респондентов, явилось отсутствие суточного ритма в его привычном виде: «Поразило то, что в июле солнце не садится <...> было как-то непонятно, что не приходит ночь, но потом мы удивились, что не приходит день» (ж., 1954 г. р.).

Привычные индикаторы времени утрачивали определенность, и мигрантам приходилось учиться жить в ином временном измерении. Обращает на себя внимание деление суточного и годового циклов на основе дихотомии: ночь/день, зима/лето. По признаку деления годового цикла более по полугодиям, чем по сезонам, мигранты иногда сравнивают место своего прежнего жительства с Севером: «Там вот так: три месяца лето, три месяца весна, все по три месяца. Конечно, там хорошо было» (ж., 1955 г. р.).

Привыкание к Северу происходит вопреки природно-климатическим условиям, которые устойчиво характеризуются как суровые. Мигрант-северянин постоянно пребывает в двойственной позиции. С одной стороны, он привязан к своей

малой родине, откуда уехал. Там ему было дискомфортно во многих отношениях (экономическом, социальном и пр.), но привычно физически. Пытаясь приспособить к себе климат, переселенец находит компромиссный вариант, имеющий свои преимущества: «Север у меня — это зима. Здесь хорошо зимой, а у нас хорошо летом. Я хотела бы жить здесь зимой, а там летом. Летом я здесь не представляю, летом отсюда лучше уезжать» (ж., 1947 г. р.).

У жителей Крайнего Севера сформировался особый образ жизни, в соответствии с которым предписывается обязательно лето (отпуск) проводить на юге. Если, например, для петербуржцев или многих жителей Карелии в советский период вполне естественным и даже престижным считался отдых в Прибалтике, то для северян приемлемой была только такая компенсирующая форма организации годового цикла, которая позволяла переменить место и климат на противоположные: теплые, южные, отдаленные от Севера. Экономические преимущества и продолжительность отпуска этому способствовали.

Изменение ситуации в постперестроечный период одновременно выявило различные категории северян по степени и характеру их адаптированности к месту жительства. Одними нарушение привычного образа жизни воспринимается болезненно. Жители другой категории, экономически более независимые, изменили годовой алгоритм в соответствии с восприятием и оценкой сезонов: зима и лето оказываются для них равно временем Севера, а в периоды, оцениваемые по погодным условиям негативно (весна и ноябрь — переход к полярной ночи), они стараются выезжать. Для адаптированных жителей северное лето представляется уже не карикатурой южных зим, но сезоном, у которого есть свои преимущества. Становление и развитие дачных практик в условиях Крайнего Севера служит показателем достаточной степени адаптации недавних мигрантов к природно-климатическим условиям и новой среде. Многие считают, что на Севере можно жить в любое время года.

Одним из показателей адаптированности к Северу можно считать убеждение многих жителей в том, что если социально-экономические условия жизни в регионе изменились в худшую сторону, то северный климат, напротив, меняется к лучшему. При этом, отмечая известные объективные обстоятельства, респонденты подчеркивают, что на Севере стало так, как везде, в других регионах (плохо), а всегда было иначе (качественно лучше). Климатические же изменения как будто уравнивают положение, но также указывают на то, что Север стал похож на прочие местности. Таким образом, он утрачивает свойство исключительности, оказывается опривыченным в пространстве и во времени.

ЮЖНАЯ СИБИРЬ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Проблема адаптации основных этнических групп Южной Сибири к кардинальным социально-экономическим трансформациям постсоветского времени, которые в силу ряда причин наиболее остро ощутили негативные последствия проводимых реформ, несмотря на ее актуальность, до сих пор не была предметом исследования специалистов. Между тем по прошествии почти двадцати лет кардинальных преобразований российского общества назрела реальная необходимость в изучении этой важнейшей проблемы с учетом этнорегиональных особенностей его жителей. Значимость подобных исследований обусловлена практическим использованием полученных результатов при решении социальных проблем населения не только Южной Сибири, но и других этнически смешанных регионов РФ.

Данная работа основана на результатах этносоциологического опроса, осуществленного летом 2006 г. в трех республиках Южной Сибири — в Республике Алтай, Республике Тува и Республике Хакасия в рамках исследовательского проекта «Проблемы адаптации народов Южной Сибири к новым реалиям жизни».

Цель исследования — изучение степени адаптации основных этнических групп названных республик к новым социально-экономическим условиям, а одна из важнейших задач — изучение адаптационных возможностей представителей титульной национальности данных республик.

В качестве основного метода сбора информации использован выборочный опрос общественного мнения, который позволил собрать ценный и необходимый материал по исследуемой проблеме. В частности, анкета исследования, включавшая 62 вопроса, нацелена на выявление мнения опрошенных относительно их социального самочувствия и мобильности в период радикальных преобразований российского общества. Вопросы анкеты направлены на изучение уровня и масштабов адаптации населения в основных сферах жизнедеятельности — политической, трудовой, семейной. Специальный блок вопросов ориентирован на изучение степени адаптивности и адаптационных возможностей жителей названных республик в сфере культуры. Это вопросы, измеряющие готовность населения к этнокультурной адаптации, их отношение к трансформационным культурным процессам в регионе, а также направленные на изучение этнической идентифи-

кации, этноязыковой и религиозной ситуаций на местах и т. д.

Опрос проведен в трех заявленных республиках. Эти районы исследования отличаются неодинаковыми условиями проживания этнических групп по таким показателям, как: 1) различия в плотности населения; 2) удельный вес титульной национальности; 3) занятости в сферах экономики. Для эмпирического исследования в каждой республике выбраны представители двух основных этнических групп — титульная национальность и русские. Согласно выборке в каждой республике опрошено по 400 городских и сельских жителей (200 представителей титульной национальности и 200 русских). Таким образом, общий объем выборки, построенный на квотных принципах, составил 1200 чел. Опрос в Туве осуществлен среди населения г. Кызыла и Пий-Хемского р-на, в Хакасии — в столице республики (г. Абакан) и Ширинском районе, в Республике Алтай — в столице (г. Горно-Алтайск), а также Шебалинском и Онгудайском р-нах.

Анализ материалов проведенного исследования показал, что процесс приспособления населения Южной Сибири к социально-экономическим преобразованиям был достаточно сложным. Прежде всего необходимо отметить, что примерно каждый десятый из числа опрошенных во всех трех республиках признает, что «жизнь очень тяжелая», и высказал сомнения по поводу собственных возможностей по улучшению положения. Почти треть занимает пассивно-выжидательную позицию, основываясь на убеждении, что «жизнь полосатая и надо спокойно принимать и плохое, и хорошее» и что «все устроится само собой». В среднем только четверть опрошенных приспособились к новой социально-экономической ситуации, и такая жизнь их полностью устраивает. В данном случае больше позитивных установок выявлено у жителей Хакасии и заметно меньше у жителей Тувы (табл. 1). Важно отметить, что среди приспособившихся к новым условиям жизни доля титульной национальности во всех трех республиках примерно вдвое меньше, чем местных русских. С другой стороны, по сравнению с последними представителей титульной национальности значительно больше (почти в 2 раза) среди тех, кто считает, что, несмотря на то что «жизнь тяжелая, но я приложу все силы, чтобы она стала лучше».

Показатели оценки жизни населения Южной Сибири, %

Варианты ответов	Республика Алтай	Республика Тува	Республика Хакасия
1. Жизнь интересная, меня полностью устраивает	9,6	10,0	11,6
2. Жизнь полна трудностей, но я уже к ним приспособился и не хочу ничего менять	12,7	11,1	16,1
3. Жизнь тяжелая, но я приложу все силы, чтобы она стала лучше	32,5	34,2	22,6
4. Жизнь очень тяжелая, и я вряд ли смогу в ней что-нибудь изменить к лучшему	9,6	12,1	12,6
5. Жизнь полосатая, надо спокойно принимать и плохое, и хорошее	25,9	18,4	28,6
6. Все устроится само собой	4,1	5,8	1,5
7. Затрудняюсь ответить	5,6	8,4	7,0
Итого	100,0	100,0	100,0

Вместе с тем, несмотря на все тяготы и сложности переходного периода, приведшие население России к массовому обнищанию, в настоящее время практически повсеместно наблюдается тенденция некоторого улучшения социальной ситуации. Об этом свидетельствует сравнение результатов исследований предыдущих лет и последнего времени. Доля самых обездоленных, тех, кому денег не достает на самое необходимое, составила по всем республикам относительно небольшое число — от 6 до 19 %. С другой стороны, по сравнению с этим показателем численность тех, кто признал, что могут ни в чем себе не отказывать, еще меньше. Примерно две трети опрошенных ответили, что денег хватает только на питание и предметы первой необходимости (табл. 2). Сказанное в равной мере относится ко всем этническим группам.

Кроме того, во всех опрошенных этнических группах немало тех, кто признал, что за период реформ их материальный уровень возрос. При этом среди положительно ответивших наиболее высокая доля русских Хакасии и представителей титульной национальности Алтая (по 36 %). Во всех других группах этот показатель колеблется от 17 до 25 %, что также не так уж мало. Однако следует помнить, что при оценке своего материального положения каждый исходил из своих представлений об уровне социального благополучия. Кроме того, имеются отличия в ценностных ориентациях и материальных запросах и претензиях. Между тем известно, что в доперестроечные годы материальное положение русских, живущих в национальных регионах РФ, по многим объективным и субъективным причинам было значительно лучше, чем местного на-

Распределение ответов опрошенных о возможностях семейного бюджета, %

Варианты ответов	Регионы					
	Республика Алтай		Республика Тува		Республика Хакасия	
	алтайцы	русские	тувинцы	русские	хакасы	русские
1. Денег не хватает на самое необходимое, в т. ч. на питание	6	19	13	13	7	6
2. Денег хватает только на питание	16	20	19	9	17	13
3. Денег хватает на питание и предметы первой необходимости	45	35	41	45	54	42
4. У нас есть определенные накопления, но покупка дорогих вещей вызывает	23	16	21	17	18	28
5. Мы имеем возможность ни в чем себе не отказывать	5	1	5	14	0	7
6. Затрудняюсь ответить	5	9	2	2	4	4
Итого	100	100	100	100	100	100

селения. Важно также сказать, что в среднем треть респондентов убеждены, что их материальное положение значительно ухудшилось. Среди тувинцев и местных русских Тувы численность таковых заметно больше, чем в Хакасии и на Алтае (соответственно 41 и 42 %).

Среди опрошенных также немногочисленна группа критически настроенных на трудности переходного периода. Так, отвечая на вопрос: «Каково ваше мнение относительно сложившейся современной ситуации?» — из всего числа опрошенных в трех республиках только около 15 % выбрали вариант: «Терпеть наше бедственное положение совершенно невозможно». Правда, доля тувинцев и русских в Туве, давших негативную оценку современной жизни, составила примерно четверть, что значительно выше, чем у алтайцев и русских на Алтае, а также у русских и хакасов в Хакасии. Можно предположить, что подобное положение обусловлено сложившимися на данный момент более худшими социальными условиями, в которых оказались жители Тувы, в первую очередь сельчане. Между тем во всех трех республиках численность крайне недовольных сегодняшней жизнью больше все же среди русских, нежели представителей титульного этноса. По-видимому, это объясняется в целом повышенными запросами и установками русского населения на местах.

В общей сложности около половины всех опрошенных в Туве и более двух третей в Хакасии и на Алтае ответили, что «все не так плохо, а скоро будет лучше» и что «жить трудно, но терпеть можно». При этом во всех республиках, независимо от национальности, доля тех, кто выбрал первую позицию, составила примерно треть всей численности опрошенных. В Туве указавших, «что жить трудно, но терпеть можно», вдвое меньше, чем в двух других республиках. Как видим, наиболее терпимыми к сложившейся ситуации оказались жители Алтая и Хакасии. Хочется верить, что полученные нами позитивные ответы свидетельствуют о действительном улучшении жизни населения и в целом более благополучной социальной ситуации, чем это было несколько лет назад.

Немаловажно и то, что основная часть населения как Алтая, так Тувы и Хакасии при всех проблемах и сложностях переходного периода не утратила жизненную активность, проявляет социальную мобильность и позитивный настрой на адаптацию к современным социально-экономическим условиям. Сказанное характерно для всех этнических групп.

В целях улучшения своего материального положения в общей сложности около 85 % опрошенных выразили готовность на принятие каких-либо мер. Среди этих мер во всех этнических группах, независимо от региона проживания, доминируют

такие как «очень много работать», «повысить квалификацию, профессиональную подготовку, сменить профессию, специальность» (от 57 до 62 %), что и является свидетельством активной жизненной позиции большинства опрошенных. При этом если русское население этих республик чаще выбирало вариант «очень много работать», то титульная национальность — «повысить квалификацию, профессиональную подготовку». Наблюдаемая в данном случае некоторая дифференциация в установках основных этнических групп скорее всего объясняется социально-экономическими различиями, существовавшими между ними в предыдущий период. Иными словами, исходя из сложившихся на данный момент требований рынка и условий конкуренции, местное население осознает реальную необходимость в повышении своих профессиональных навыков.

Для улучшения своего материального положения, кроме заработка на своей основной работе, многие пытаются найти дополнительный доход. Правда, в большинстве своем эти подработки носят эпизодический характер: «да, сезонно», «да, от случая к случаю». В данном случае гораздо важнее то, что в период радикальных преобразований, ломки привычных устоев, трансформации сложившегося уклада жизни одним из способов выживания для многих россиян стало ведение подсобного хозяйства. В этой связи в анкете был сформулирован специальный вопрос, нацеленный на выявление мнения жителей относительно возрождения народных промыслов и изучения их оценок по поводу роли этого вида деятельности как средства выживания. Важным подспорьем, помогающим выжить в создавшихся сложных условиях, у представителей титульной национальности всех трех республик является в абсолютном большинстве «разведение скота на личном подворье», у местных русских в той же мере — «занятие садоводством и огородничеством». Во всех этнических группах в числе возрождающихся ремесел, которые в то же время помогали бы выжить, фактически единицы назвали такие виды, как «пошив традиционной национальной одежды», «возрождение народных промыслов».

Хотя во всех этих регионах на протяжении 1990-х гг. предпринимались и предпринимаются до сих пор меры по возрождению отдельных видов народного ремесленничества. Так, например, в национальных алтайских школах даже было введено обязательное обучение навыкам народных ремесел — пошиву национальных головных уборов или войлочных ковров²²⁵. Однако, как отмечают исследователи, несмотря на ставшую уже хорошей традицией организацию выставки народных промыслов, тем не менее качество выставляемых изделий остается очень низким уровнем²²⁶. Отсюда неболь-

шой спрос на такой товар. Поскольку, как известно, спрос рождает предложение, то ни в одной из исследуемых республик этот вид деятельности не снижал популярности, тем более как средство выживания.

Для населения Южной Сибири, впрочем, как и для многих других регионов, главным источником существования остается заработная плата по основному месту работы. При этом более трети опрошенных в Туве и на Алтае (38 и 42 % соответственно), а также почти половина опрошенных в Хакасии (48 %) признали, что их не устраивает размер оплаты труда. Среди них самый высокий процент недовольных среди хакасов — 56 %. При этом во всех группах значительное большинство (от 55 до 60 %), независимо от места проживания и этнической принадлежности, так или иначе были удовлетворены работой. По-видимому, данное обстоятельство сопряжено невысокими претензиями и требованиями к сфере труда, когда основным мотивом трудовой деятельности становится лишь ее оплата.

С другой стороны, в целом 15 % из числа опрошенных готовы сменить работу в ближайшее время и около трети (30 %) могут это сделать в перспективе, что свидетельствует, особенно в сравнении с 1990-ми гг., о возросшей в наши дни социальной мобильности населения. В свою очередь, это является признаком улучшения социально-экономической ситуации как в регионах, так и в стране в целом, появлением реальных возможностей выбора рабочего места.

Уровень удовлетворенности различными аспектами жизни является важным показателем адаптации населения к современным условиям. Достаточно позитивно оценили респонденты климат межэтнического взаимодействия в своих регионах, независимо от этнической принадлежности. Численность оценивших межнациональные отношения как напряженные составила в исследуемых республиках от 3 до 10 %. Для населения этих республик характерен относительно высокий уровень удовлетворенности своей работой (более 50 % в каждой группе), уровнем своей профессиональной подготовки (около 60 %), своим образованием (чуть больше 50 %), своим положением в обществе (более 60 %). В целом в этих ответах нет заметных этнических различий, разве что в последнем случае показатели титульной национальности чуть ниже.

Среди опрошенных достаточно высока доля недовольных условиями жизни в их городе (селе). Так, респонденты хуже других оценили работу местных медицинских учреждений. Численность таковых составляет во всех трех республиках подавляющее большинство (от 62 до 85 %). Несколько лучше обстоят дела в сфере снабжения, транспорта и культурно-бытовых условий, хотя и здесь уровень

предоставляемых услуг далек от желаемого. Среди опрошенных меньше всего претензий к снабжению у жителей Хакасии (здесь позитивные оценки дали 52 % хакасов и 67 % русских) и у алтайцев и русских жителей Алтая (40 и 60 % соответственно), тогда как у тувинцев эти показатели намного ниже (28 и 26 % соответственно). Среди довольных культурно-бытовыми условиями города (села) наибольший процент составляют опять же хакасы (39 %) и русские Хакасии (42 %), наименьший — тувинцы и русское население Тувы (12 и 18 % соответственно). Если на Алтае и в Хакасии работой транспорта не удовлетворены примерно треть всех опрошенных (31 %), то в Туве численность таковых более чем вдвое больше (69 %). В этой связи, конечно, следует учесть, что негативные оценки по большей части давались сельскими жителями, где в отдельных случаях положение действительно удручающее и, мягко говоря, оставляет желать лучшего.

Известно, что для подавляющего большинства населения нашей страны процесс перехода к рынку, к его новым социально-экономическим отношениям был трудным и даже драматичным. Отношение многих к этим переменам, особенно на первых этапах, было далеко неоднозначно. Тем не менее по результатам данного опроса большая часть опрошенных продемонстрировала в целом позитивное отношение к рыночным реформам. Пожалуй, некоторое исключение в этом ряду составляют жители Тувы, у которых эти показатели заметно ниже, нежели на Алтае и в Хакасии. В отношении к переходу к рынку именно среди русских жителей Тувы меньше всего положительных оценок и, соответственно, больше отрицательных, хотя численность негативно настроенных среди тувинцев ненамного меньше (табл. 3). Возможно, наблюдаемые различные рыночные ориентации населения есть в какой-то мере следствие стартовых возможностей, в которых находились исследуемые регионы к началу реформ. Жители районов с тяжелой экономической ситуацией оказались менее других готовыми к преобразованиям, отсюда неприятие всего нового и неизведанного по принципу: «Как бы не было хуже».

Степень удовлетворенности населения проводимыми реформами далеко не везде одинакова. Больше всего довольных социально-экономическими преобразованиями среди титульной национальности и русских жителей Алтая (44 и 51 % соответственно) и, как и ожидалось, заметно меньше — среди тувинцев и русских жителей Тувы (26 и 12 % соответственно). Половина респондентов Тувы и Хакасии выразила недовольство реформами. При этом удельный вес таковых, а именно давших отрицательную оценку реформам, в группе титульного этноса и в группе русских практически совпадал (табл. 4). Фиксируемые в данном случае отличия

Отношение опрошенных к переходу России к рыночной экономике, %

Варианты ответов	Регионы					
	Республика Алтай		Республика Тува		Республика Хакасия	
	алтайцы	русские	тувинцы	русские	хакасы	русские
1. Полностью положительно	27	26	10	5	18	14
2. Больше положительно, чем отрицательно	45	36	34	20	37	48
3. Больше отрицательно, чем положительно	6	11	30	34	23	16
4. Полностью отрицательно	4	8	10	11	8	9
5. Затрудняюсь ответить	18	19	17	30	14	13
Итого	100	100	100	100	100	100

Таблица 4

Степень удовлетворенности населения Южной Сибири социально-экономическими реформами, %

Варианты ответов	Регионы					
	Республика Алтай		Республика Тува		Республика Хакасия	
	алтайцы	русские	тувинцы	русские	хакасы	русские
1. Полностью доволен	7	9	6	0	4	7
2. Скорее доволен	37	43	20	12	17	31
3. Скорее недоволен	32	17	31	29	36	36
4. Полностью недоволен	8	8	21	21	19	17
5. Затрудняюсь ответить	16	23	24	38	24	9
Итого	100	100	100	100	100	100

носят в большей степени региональный характер, нежели этнический. Следует также обратить внимание на то, что многие при ответах на данный вопрос проявили определенное замешательство и «затруднились с ответом», что может, кроме всего прочего, говорить и о некотором непонимании происходящих процессов как таковых, в особенности касающихся проблем рынка.

В свете обсуждаемой проблематики важно отметить, что при весьма значительном разбросе мнений относительно преобразовательных процессов большинство населения в конечном счете настроено позитивно и с оптимизмом смотрит в будущее. В общей сложности лишь от 2 до 10 % опрошенных к происходящим изменениям испытывают раздражение и агрессию. Примерно столько же тех, кто ощущает беспокойство, страх и беспомощность. Правда, в последнем случае некоторое исключение составляют тувинцы и хакасы, доля которых существенно выше — по 20 % в каждой группе.

С переходом на новые рыночные отношения, естественно, происходят изменения в ценностных ориентациях и предпочтениях. Так, например, су-

щественная часть населения постепенно приходит к осознанию того, что улучшение их жизни зависит прежде всего от них самих (такое мнение высказали около половины всех опрошенных). С другой стороны, все еще немало тех, кто рассчитывает на поддержку властей, в частности на помощь республиканского руководства (примерно каждый пятый). Из числа опрошенных больше всего уповают на это хакасы (29 %), тувинцы (31 %) и русские жители Тувы (34 %). Как можно предположить, подавляющему большинству населения помогает преодолеть житейские невзгоды в первую очередь семья и ближайшее окружение. Многим чувство уверенности в завтрашнем дне дает именно поддержка семьи, родственников, а также собственный оптимизм и возможность заработать. Заметим, что в этих установках нет выраженной этнической специфики.

Этнокультурная адаптация касается совокупности внешних поведенческих следствий связи адаптантов с новым этнокультурным окружением, включая их способность решать повседневные социально-экономические проблемы (в семейной, бытовой, образовательной, профессиональной и

других сферах)²²⁷. Следует особо отметить, что роль этнического фактора в жизни того или иного этноса, а также его значимость в процессах адаптации к радикальным переменам довольно заметна. Прежде всего это касается титульной национальности названных республик. Так, для подавляющего большинства алтайцев, тувинцев и хакасов национальная принадлежность «значима» и «очень значима» (89, 72 и 77 % соответственно). Среди русских жителей этих республик этот показатель заметно ниже. Правда, в этом ряду несколько выделяются русские Тувы: среди них на значимость этнической принадлежности указали 69 % опрошенных.

В числе вариантов наиболее важных для успешного развития своего народа респонденты — как представители титульной национальности, так и русские — чаще называли «экономическое процветание», «сохранение культуры, традиций, обычаев моего народа». Алтайцы и хакасы, по понятным причинам, в большей мере, чем остальные озабочены сохранением языка своей национальности (14 и 19 % соответственно). 23 % русских жителей Тувы считают важным для представителей своей национальности, когда есть «возможность спокойно работать и жить в республике». По-видимому, это своего рода отголоски и реакция на известные события, связанные с межэтническим конфликтом, имевшим место в Туве более 10 лет назад.

Актуализация этнической идентификации в период социально-экономических преобразований объясняется и тем, что она возникла одновременно с процессами национального возрождения, начавшимися в 1990-х гг. в разных регионах РФ. Не удивительно, что в создавшихся сложных условиях выживания значимость этнического фактора во многих аспектах жизни у народов Южной Сибири выражена гораздо сильнее, чем у русских этого региона. Такие позитивные явления у сибирских на-

родов, как взаимопомощь и взаимовыручка, особо проявившаяся в сложное трансформационное время, исходят из национальных традиций, когда, например, по местному обычаю осиротевшего ребенка обязательно должны были усыновить ближайшие родственники. Не случайно в настоящее время наиболее ярко заявили о себе из всех имеющихся на Алтае, в Туве и Хакасии национальных объединений и движений именно национальные женские объединения. О них знают в регионе в первую очередь благодаря их активной деятельности по оказанию помощи нуждающимся.

Период национального возрождения сопровождался также ростом религиозного самосознания. Причина этого в том, что многим в эти трудные годы помогало выжить именно обращение к религии. Этнорелигиозная ситуация в названных регионах не совсем одинакова и имеет свою специфику. Так, во всех трех республиках считают себя верующими более половины опрошенных, неверующими — около четверти. В этом ряду несколько выделяется группа русских Тувы и хакасская группа, где удельный вес атеистов заметно выше (соответственно 37 и 30 %). При этом, как и ожидалось, если из числа верующих русских во всех трех регионах подавляющее большинство считают себя православными (от 82 % в Хакасии до 93 % в Туве), то среди титульной национальности не все так однозначно. К примеру, 80 % тувинцев являются буддистами, 77 % хакасов и 23 % алтайцев считают себя православными, а более половины алтайцев «веруют в своего бога» (58 %). Кстати, во всех других этнических группах удельный вес тех, кто, будучи верующим, не соотносит себя ни с одним известным религиозным учением и «верит в своего бога», невелик. Численность проповедующих шаманизм среди верующих алтайцев составляет 7 %, среди тувинцев — 6 %, среди хакасов — 10 % (табл. 5).

Таблица 5

Данные о конфессиональной принадлежности опрошенных, %

Варианты ответов	Регионы					
	Республика Алтай		Республика Тува		Республика Хакасия	
	алтайцы	русские	тувинцы	русские	хакасы	русские
1. Буддизм (ламаизм)	7	—	80	2	—	—
2. Шаманизм	7	—	6	—	10	—
3. Православие	23	88	1	93	77	82
4. Верю в своего бога	58	12	10	5	10	16
5. Другое	5	—	4	—	3	2
Итого	100	100	100	100	100	100

При этом примерно две трети опрошенных алтайцев и тувинцев, около половины хакасов знают и исполняют традиционные обычаи и обряды своего народа. В данном случае среди русских жителей эти показатели заметно ниже. Между тем почти пятая часть из числа титульной национальности и более трети русских все же признают, что знают их, но не исполняют. Доля тех, кто не знает и не исполняет национальные обычаи и обряды, составила во всех группах от 10 до 20 %.

Важным аспектом культурной жизни любого народа является языковая сфера. О значимости и возрастающей роли языка в период российских реформ писали многие исследователи. Так, например, Л. М. Дробижева в своей не так давно вышедшей в свет монографии, посвященной социальным проблемам межнациональных отношений в постсоветской России, говоря о том, что удалось и не удалось сделать власти и обществу за десятилетие трансформаций, в числе несомненных достижений отмечает и то, что «...люди перестали скрывать или стыдиться своей этнической идентичности, стали свободно говорить между собой на родном языке»²²⁸.

В развитии этноязыковых процессов в республиках Южной Сибири — Горном Алтае, Туве и Хакасии много общего, вместе с тем немало и различий. В числе основных проблем, обозначившихся в настоящее время в языковой жизни титульных национальностей названных регионов, следует назвать проблему владения тувинцами русским языком в Туве и проблему сохранения и развития родного языка титульной национальности в Республике Алтай и Республике Хакасия. Понятно, что данное обстоятельство так или иначе сказывается и на адаптационных процессах.

Прежде всего это обусловлено спецификой этнического состава населения этих республик: если численность тувинцев в Туве существенно превалирует, то алтайцы и хакасы живут в явном иноэтническом окружении. Естественно, данное обстоятельство сказалось на языковой ситуации в этих регионах. В итоге если алтайцы и в большей степени хакасы, находящиеся в своей республике в этническом меньшинстве, встревожены возможной языковой ассимиляцией и утратой родного языка, то тувинцы, особенно сельские жители, живя практически в моноэтнической среде, озабочены заметным снижением роли и функций русского языка в Туве.

Подтверждением тому служат результаты данного исследования. Так, свободно владеют русским языком среди тувинцев 53 %, среди алтайцев — 88 %, среди хакасов — 97 %. При этом у тувинцев степень владения родным языком достигает 98 %, у алтайцев и хакасов 87 и 48 % соответственно.

В Туве среди представителей титульной национальности 41 % опрошенных «говорит на рус-

ском языке с некоторыми затруднениями» и 6 % «говорит с большим трудом». Из них совершенно свободно владеет русским языком немногим более половины опрошенных. В Горном Алтае и Хакасии, наоборот, непростое положение сложилось в первую очередь с родным языком титульной национальности. Несмотря на то что подавляющее большинство (82 %) опрошенных хакасов считают родным языком язык своей национальности, более четверти «говорит на хакасском языке с некоторыми затруднениями» (28 %) и 15 % «вообще не говорит на своем языке». Из них совершенно свободно владеет родным языком только менее половины. Среди алтайцев 92 % опрошенных считают родным языком язык своей национальности. Вместе с тем примерно каждый десятый «говорит на алтайском языке с некоторыми затруднениями» (9 %), «вообще не говорит на своем языке» 4 % и совершенно свободно владеет родным языком 87 % опрошенных.

Говоря о языковой ситуации в Южной Сибири, следует сказать, что в этой сфере наиболее существенные различия между титульной национальностью и русскими обозначились в их ориентациях на язык обучения детей в школе. Если в большинстве своем как алтайцы, так и тувинцы и хакасы убеждены, что детей в школе следует обучать на двух языках — родном и русском, то среди русских эту точку зрения поддерживает треть опрошенных в Хакасии (37 %), пятая часть опрошенных в Республике Алтай (20 %), еще меньше в Туве (15 %). Об обучении детей только на русском языке высказались на Алтае 77 % опрошенных русских и всего 12 % алтайцев, в Туве — 84 % русских и 24 % тувинцев, в Хакасии — 63 % русских и 18 % хакасов. Численность тех, кто считает, что школьников желательно учить только на родном языке, составила среди алтайцев и хакасов по 15 %, среди тувинцев немного больше — 22%.

Итак, народы Южной Сибири, несмотря на невысокую в целом степень адаптации и относительно небольшую численность приспособившихся к условиям изменяющегося общества, все же продемонстрировали, с одной стороны, позитивный настрой и относительно высокий уровень готовности к адаптации, с другой — довольно неоднозначное отношение к различным аспектам преобразовательных процессов. В числе основных факторов, способствующих более успешному приспособлению к новым реалиям жизни, следует назвать в целом благоприятное отношение со стороны населения исследуемых республик к трансформационным процессам как таковым. Оптимизации адаптационных

процессов в немалой мере способствует и отмечаемая в этих регионах межэтническая толерантность, а также степень удовлетворенности населения отдельными аспектами жизни: положением в обществе, работой, уровнем образования. К факторам, так или иначе препятствующим адаптационным процессам, прежде всего относятся низкий уровень жизни значительной части населения, в особенности представителей титульной национальности, проживающих главным образом в сельской местности, и в какой-то мере некомфортные условия жизни в данном населенном пункте (неудовлетворенность работой транспорта, медицинским обслуживанием, снабжением).

Необходимо отметить еще одну, общероссийскую особенность. На первых порах казалось, что более быстрая и успешная адаптация будет присуща наиболее трудоспособным и образованным членам общества. Однако, как показал опыт, высокий уровень образования и квалификации не ведет автоматически к успешной адаптации. Исходя из реалий нашей российской действительности, можно утверждать, что зачастую быстрее к новым условиям жизни, независимо от региона проживания, приспособлялись те, кто не имел ни соответствующего образования, ни должной квалификации, но был, во-первых, достаточно молод, во-вторых, обладал определенной мобильностью и житейской смекалкой и, в-третьих, не боялся рисковать.

Можно констатировать, что в адаптационных процессах в Республике Алтай, Республике Тува и Республике Хакасия не наблюдается существенных этнических отличий. Выявленные различия скорее обусловлены особенностями и спецификой уровня социально-экономического развития этих республик. Вместе с тем у титульной национальности исследуемых республик, по сравнению с

местными русскими, например, в приспособлении к современной ситуации роль этнической принадлежности более существенна. Среди первых более активную жизненную позицию в создавшихся новых условиях занимают те, кто чаще других указал на сравнительно высокую для них значимость этнического фактора.

На темпы и масштабы адаптационных процессов в определенной степени влияют и особенности национального характера того или иного народа. В данном случае местные жители по своей ментальности очень спокойные, бесконфликтные, в связи с традиционным кочевническим укладом жизни неспешны в своих начинаниях, не склонны к радикальным переменам жизни. Это обстоятельство не всегда в должной мере способствует процессам более быстрого и активного восприятия новых реалий. Кроме того, в век кардинальных перемен стали, увы, совершенно непопулярны столь характерные до сих пор для большинства местных жителей стандарты нашей прошлой жизни, такие как привычка обходиться малым, довольствоваться тем, что есть.

В этой связи хотелось бы также обратить внимание еще на одну черту, которая в большей степени присуща титульным этносам исследуемых республик и которая особенно явственно обозначилась в период проводимых преобразований — это покорность судьбе. К сожалению, среди них все еще велика доля тех, кто полагает, что следует молча и терпеливо переносить все невзгоды и трудности, нежели тех, кто не мирится со сложившимися обстоятельствами и пытается активно воспрепятствовать превращениям судьбы. Именно эти факторы, негативно отражаясь на социальной мобильности и инициативе населения, понижая их притязания и запросы, в целом служат серьезным тормозом активизации адаптационных процессов в этих регионах.

Винокурова Л. И., Филиппова В. В.

АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЯКУТИИ

Изучение направлений миграции и проблем адаптации мигрантов в Якутии актуализируется в свете объективных тенденций развития региона и РФ. Внешние миграционные связи Якутии в постсоветское время имели принципиально иной характер, чем в предшествовавший период. С распадом Советского Союза в новых государствах на бывшей его территории возникли предпосылки для миграционных процессов: резкое ухудшение экономической ситуации в большинстве постсоветских государств, возрастание социально-политической

напряженности и обострение конфликтов на межэтнической почве.

По результатам социодемографических исследований на материалах Якутии миграционный оборот в республике с начала политической и экономической перестройки непрерывно снижается²²⁹. К началу 2000 г. объем миграции сократился почти вдвое по сравнению с 1988 г. и на четверть по сравнению с 1990 г.

Как видно из *табл. 6*, к 2005 г. в Якутии по-прежнему сохранялась тенденция миграционной

убыли, которая складывается в результате превышения числа выбывших над числом прибывших. При этом следует отметить, что объем общей миграции (сумма всех прибывших и выбывших) с 1990 по 2005 г. сократился в 2,8 раза.

Таблица 6

Динамика механического движения населения, тыс. чел.²³⁰

Год	Прибыло	Выбыло	Сальдо	Миграционный оборот
1990	59,2	62,5	-3,3	121,7
1995	30,9	47,0	-31,3	77,9
2000	28,7	35,1	-6,4	63,8
2005	19,1	24,2	-5,1	43,3

В общем объеме миграции сокращается доля внешней миграции. Так, если в 1990 г. она составляла 62,6 %, в 1995 г. — 60,6 %, в 2000 г. — 43,4 %, то в 2005 г. ее доля составляла 39,8 %²³¹. Соответственно наблюдается рост доли внутренней миграции. Нужно подчеркнуть, что уменьшение объема миграции связано с утратой притягательности Якутии ввиду уменьшения инвестирования из государственного бюджета крупных объектов из внешних по отношению к республике источников.

Внешняя для республики миграция подразделяется на следующие виды, характерные для всей России: межрегиональная внутрироссийская миграция, миграция с ближним зарубежьем (страны СНГ и Балтии), миграция с дальним зарубежьем. Как и в других сибирских регионах, в частности в Иркутской области²³², эти направления очень неравнозначны по своим размерам, соотношению противоположно направленных потоков, значению для Якутии и самих внешних территорий (табл. 7).

Общие итоги миграции населения Республики Саха (Якутия) за 2005 г., тыс. чел.²³³

Направление миграционных связей	Город и село		Село		Город	
	прибыло	выбыло	прибыло	выбыло	прибыло	выбыло
Внутрирегиональная	13,0	13,0	5,0	6,8	8,0	6,2
Межрегиональная	5,3	10,6	0,2	1,0	5,1	9,6
Со странами СНГ и Балтии	0,7	0,6	0	0,1	0,7	0,5
Дальнее зарубежье	0,01	0,05	0	0,01	0,01	0,04

Традиционная для советского времени структура внешней миграции была достаточно стабильной: подавляющую часть внешнего миграционного оборота составляли связи с районами СССР. Для

мигрантов из районов Якутии наиболее привлекательными были приарктические районы (улусы), где предоставлялись дополнительные социальные льготы. Впоследствии, в 1990-е гг., основной поток мигрантов хлынул из северных районов, в результате численность населения некоторых северных районов сократилась почти в 2 раза (например, в Усть-Янском улусе — с 42,9 тыс. чел. в 1990 г. до 21,9 тыс. чел. в 1995 г.). Причинами массового выезда мигрантов из северных улусов послужили сокращение добычи полезных ископаемых и закрытие горнодобывающих предприятий.

По данным официальной статистики, в последний период в Республике Саха (Якутия) отмечается прирост миграции, в первую очередь численности прибывающих извне. Увеличение прибывающих мигрантов после 2005 г. связано с реализацией мегапроектов, в частности со строительством нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан (ВС — ТО). Только за первые семь месяцев 2007 г. на миграционный учет в Якутии поставлено 19 535 чел., что в 1,7 раза больше показателей за аналогичный период 2006 г.

В последние годы миграционная прибыль из дальнего зарубежья представлена приростом граждан КНР. Так, за сопоставимый период 2006 и 2007 гг. китайская иммиграция выросла в 2,3 раза. Понятно, что это связано с разворачивающимися в республике стройками по федеральным национальным проектам. В Южной Якутии на строительство трубопровода ВС — ТО привлечено более тысячи граждан КНР — это новое явление в пополнении иностранной общины. Существующая многие годы в Якутии китайская диаспора (из «советских» китайцев» и новоприбывших) ранее состояла в основном из лиц, занятых в негосударственном секторе экономики.

Китайская община изменилась даже во внешних

Таблица 7

характеристиках поведения; китайцы прочно и уверенно внедряются в местную жизнь, адаптируясь к местным условиям. При этом, в отличие от диаспор из стран СНГ, китайская диаспора не предпринимает видимых шагов к социальному партнерству — в сфере благотворительности, инвестиций в культурное, образовательное пространство. Есть уже прецеденты, например в Южной Якутии, враждебного отношения к китайцам, что заставляет думать о миграцион-

ных процессах, создающих конкуренцию на рынке занятости. Как видно, они могут вызвать резкую реакцию со стороны постоянного населения даже в таком толерантном регионе, как Якутия.

У РФ с 15 января 2007 г. с рядом государств существует безвизовый режим — это страны СНГ, за исключением Грузии и Туркмении. Для граждан, въехавших из этих стран, теперь в миграционном законодательстве действует новый, значительно упрощенный, порядок оформления разрешения на работу и на временное проживание. Им стало проще жить и работать в России, т. к. процедура постановки на учет иностранных граждан по месту пребывания носит не разрешительный, а уведомительный характер.

Именно выходцы из бывших союзных республик остаются наиболее многочисленной категорией мигрантов, прибывающих в регионы РФ. В настоящее время основной рост внешней миграции в Республику Саха (Якутия) происходит за счет выходцев из Средней Азии: Киргизии, Таджикистана, Узбекистана — до 83 %. Почти каждый четвертый мигрант в республике — гражданин Киргизии, далее по численности следуют мигранты из Украины, Таджикистана, Узбекистана и Армении²³⁴. Вступление в силу новых положений миграционного законодательства стабилизировало поток мигрантов из этих стран.

В Якутии давно сложились диаспоры выходцев из бывшего СССР, мигранты из среднеазиатских и кавказских регионов давно обжили не только столицу и промышленно-транспортные центры, но и сельскую местность северной республики. В улусных поселениях Центральной Якутии проживают этнические ингуши, азербайджанцы, армяне, чеченцы; часть из них поселилась еще в советские времена, часть — в последние годы. В настоящее время представители этих южных общин трудятся в основном на строительных, дорожных работах. Именно они заняты на всех крупных новостройках, при этом выполняют заказы и в частном секторе экономики. Кроме прибыльных масштабных транспортных и торговых услуг кавказские общины сохраняют за собой и такие давно освоенные на первый взгляд небольшие ниши, как мелкий автосервис, мастерские по ремонту обуви²³⁵.

Среднеазиатские общины мигрантов также заняты на строительных и ремонтных работах в жилом и производственном секторах. Но значительна их численность на торговых рынках с продуктовым и вещевым ассортиментом. Представители киргизской и казахской диаспор именно в последние годы активно осваивают сферу розничной торговли и бытового обслуживания. Интересно, что для этих двух этнических общин характерно появление ранее незамеченной группы мигрантов — лиц с высшим образованием и достаточно высокой квалификации. В приарктических улусах Якутии, где в постсоветское время усилился дефицит врачей и учителей, практикуется контрактный завоз специа-

листов в учреждения здравоохранения, культуры и образования. Среди этих специалистов с контрактной оплатой труда и предоставлением социальных льгот сегодня много мигрантов из бывших союзных республик.

Отметим, что ранее на якутском материале исследовались в основном русскоязычные мигранты, преимущественно славянских национальностей. Адаптация их происходила в промышленных поселениях с преимущественно русскоязычным пришлоем населением. В эпизодических контактах с местным населением, с его немногочисленными представителями в промышленных поселках особых языковых и культурных проблем (советские люди) не возникало. Довольно активное двуязычие (якутско-русское), культурная и религиозная толерантность коренного населения в атмосфере официальной идеологии равенства народов нивелировали трудности взаимной адаптации.

В сложившейся историографии по региональной миграции отсутствует освещение некоторых ее социокультурных аспектов. Так, проблема мигрантов извне в основном изучалась с точки зрения вселенческой стороны миграции, с уклоном на реакцию принимающего регионального и локального общества Якутии. Практически не освещались источники и сравнительные материалы по мигрантам в разрезе отпускающего их общества. Вопросы об источниках пополнения мигрантов и их приживаемости в республике не затрагивали конфессиональные аспекты. Например, не рассматривались этнокультурные и конфессиональные особенности мусульманского общества, из коего регулярно пополняются диаспоры.

Авторы данной статьи попытались собрать информацию по «правилам игры»: нормам, ограничениям и запретам в складывающихся в постсоветской Якутии иммигрантских общинах. Без подобной информации весьма сложно отслеживать поведение мигранта, как он себя ведет, чтобы внедриться, адаптироваться к новой этнокультурной среде. По результатам анкетирования, проводившегося по проекту среди представителей среднеазиатских и северокавказских диаспор, достаточно активно растущих в численном плане, обнаружили интересные факты. Среди обследованных этнических общин — среднеазиатских и северокавказских — численно преобладают группы мусульманского вероисповедования. При этом они дистанцируются по этому признаку от ближних соседей по региону выхода — мигрантов христианского вероисповедования.

Попадание в новую этнокультурную среду часто приводит к так называемому культурному шоку. Следование прежним нормам и ценностям, принятым в той среде, откуда человек был вынужден уехать, только усугубляет ситуацию. Чем более

жестко человек придерживается привычных для него культурных моделей поведения, социально одобряемых в прежней культуре, тем труднее ему приспособиться в новой среде. Причем существенную роль играют не только этнические, но и культурные различия.

Предпринятый опрос внутри среднеазиатских диаспор выявил следующее: несмотря на языковое и антропологическое сходство, у большинства тюркоязычных азиатских мигрантов именно культурно-религиозный фактор выступает четким маркером, определяющим взаимоотношения как с местным населением, так и с другими общинами мигрантов. Интересно, что часть респондентов указывает на «чрезмерную русифицированность» коренного населения Якутии. Они определяют ее по степени владения русским языком, по стилю и манерам повседневного поведения.

В ходе продвижения проекта накоплен и проанализирован интересный материал по взаимному изучению коренного населения и мигрантов. В частности, выявлялось отношение к местным жителям коренной национальности со стороны мигрантов — выходцев из центральных регионов России. В своих интервью жители российского центра на вопрос об аборигенах Севера, как правило, отвечали: «Мы раньше ничего не знали о них», «В последнее время что-то читаем или слышим, но мы и сейчас мало знаем о них». Иными словами, в усредненном сознании этой группы мигрантов «абориген Севера» остается экзотическим существом, непо-

нятно почему занимающимся до сего дня оленеводством, охотой и другими видами традиционной деятельности (основным и порой единственным источником их жизнеобеспечения). Весьма характерным является недоумение некоторых даже по поводу постановки вопроса о выживании коренных или малочисленных народов.

Среди многих аспектов взаимного узнавания есть еще один малоизученный: отношения между славянского происхождения мигрантами и русскоязычным коренным населением, включая русских старожилов. Здесь также отмечается изучение друг друга и даже некоторое напряжение, в частности по вопросам конкуренции в сфере трудоустройства.

Миграционные процессы в Якутии взаимно переплетены — внешняя миграция идет на фоне непрекращающегося внутреннего движения населения республики. Все это не может не влиять на этнокультурный статус коренных народов, прежде всего малочисленных. В поле адаптации мигрантов к новому месту жительства и адаптации коренного населения к пришлым жителям края есть и области устойчивого позитива.

Традиции толерантности Севера, относительная малолюдность Якутии продолжают играть смягчающую роль в этих процессах, всегда болезненных по всему миру. Но в меняющихся социально-экономических и политических условиях уже видны и проблемы, потенциально угрожающие социальной стабильности края.

Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Потков Ю. В.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРА (НА ПРИМЕРЕ г. ЯКУТСКА)

Современная общественная ситуация в России характеризуется инверсией базовых принципов социальной организации общества, вовлекший все слои населения в адаптивный и дезадаптивный процессы. Результаты комплексного социологического и социально-психологического исследования, проведенного сотрудниками сектора этносоциальных исследований ИФПР СО РАН, позволили проанализировать причины снижения потенциала социокультурной адаптации личности в условиях северного городского полиэтничного сообщества, выявить интегральную систему факторов, влияющих на процесс социокультурной адаптации студенческой молодежи, условия гармонизации интересов и социальных ожиданий адаптанта и окружающего его мира (социального и этнического окружения). Так-

же охарактеризованы этнокультурные особенности стратегий адаптации как представителей коренных малочисленных народов Севера, переехавших и проживающих в Якутске, так и представителей саха из числа сельского и городского населения, а также миграционные намерения русской молодежи, проживающей в данном регионе.

В рамках данной статьи, в связи с невозможностью изложения всех результатов в столь ограниченном формате, рассмотрены следующие факторы социокультурной адаптации личности: 1) этническая и гражданская самоидентификация; 2) выбор аккультурационной стратегии; 3) оценивание межнациональных отношений; 4) отношение к языку и возможности говорить на языке своей этнической группы; 5) влияние типа брака родителей; 6) желае-

мый тип поселения (город/село); 7) миграционные намерения.

В качестве методологической основы изучения процесса адаптации молодежи в городских условиях реализован комплексный подход, позволивший через анализ характеристик антропотока как совокупности взаимообуславливающих социокультурных процессов переноса и трансляции, восстановления и смены, воспроизводства и развития идентичностей, наиболее полно рассмотреть не только условия и факторы адаптации, но и явление адаптированности как психоэмоциональное состояние человека.

В ходе исследования социокультурная адаптация рассмотрена как единство процессов:

- 1) *социальной адаптации* (адаптация к базовым социальным феноменам — власти, ценностям, нормам, аномии, бедности, богатству, образованию);
- 2) *культурологической адаптации* (адаптация человека к материальной, природной и социальной среде);
- 3) *этнической адаптации* (адаптация представителей различных этносов к изменениям социальной среды, а также приспособление социальных групп к этнической среде)²³⁶;
- 4) *социально-психологической адаптации* (социально-психологические изменения модальности личности под влиянием среды).

Апробация, корректировка методики, а также сбор и анализ эмпирических данных проходили с 2006 по 2008 г. Проведены пилотажный, массовый и экспертный опросы по теме исследования. Всего опрошено 1660 студентов, среди которых представители народа саха, русские, представители коренных малочисленных народов, а также некоторых других национальностей, которые в ходе анализа были объединены в группу «Прочие» (табл. 8).

В 2006–2007 гг. анализировались современные тенденции, характерные для морфологического и функционально-деятельностного компонента антропотока Республики Саха (Якутия). Выявлено, что проблемы социокультурной адаптации студенческой молодежи в условиях трансформации городского социума обусловлены особенностями миграционных, демографических и структурно-образовательных процессов региона, которые в существенной мере являются отражением общих тенденций формирования антропотока России.

Так, усиление миграционных процессов в 1990-х гг. обусловлено глубоким кризисом промышленной сферы Республики Саха (Якутия) и вызванным им ростом напряженности на внутреннем рынке труда, поскольку большая часть населения, занятого в данной сфере, была представлена славянским населением, которое активно выезжало за пределы республики в этот период. В результате доля славян в этнической структуре республики сократилась с 58,3 % в 1989 г. до 45,3 % в 2002 г. и продолжает сокращаться в настоящее время. Наблюдается также рост доли внутренней миграции, характеризующейся явно выраженной тенденцией перемещения сельского населения республики в городскую местность. При этом наиболее привлекательной, по мнению молодежи, является столица Республики Саха — Якутск.

Согласно оценке респондентов, наибольшие трудности в процессе адаптации сельских мигрантов к жизни в городских условиях связаны с экономическими проблемами (обеспеченность жильем, работой) и проблемами психологического характера (фактор ролевого напряжения, противостояние по принципу село — город, недостаточная социализация). Одним из решающих факторов переселения в Якутск является поступление ребенка в республиканские вузы (62,4 % респондентов не имели городской прописки до поступления на учебу).

Таблица 8

Распределение этнической идентичности респондентов по типам браков родителей

Национальность респондента	Тип брака родителей							
	этнически однородный		этнически смешанный		нет записи о национальности родителей		все	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Саха (якуты)	1047	91,0	77	6,7	27	2,3	1151	69,3
Русские	250	74,0	81	24,0	7	2,1	338	20,4
Народы Севера	11	21,2	40	76,9	1	1,9	52	3,1
Прочие	32	26,9	85	71,4	2	1,7	119	7,2
Всего	1340	80,7	283	17,0	37	2,2	1660	100

Однако на вопрос о предпочитаемом для себя типе поселения уже 81 % от всей массы студентов выбрали город и лишь 10,5 % хотят вернуться в село. Интерес представляет тот факт, что из числа респондентов русских 68 % ранее проживали в городе, в то время как всего лишь 18,4 % студентов саха и 8,1 % представителей коренных малочисленных народов Севера (КМНС) являлись городскими жителями. Усиливающаяся тенденция переезда сельского населения в город обусловлена потребностью улучшения социально-экономического положения семьи, отсутствием перспектив развития в селе и в целом отражает характерную для всей России картину миграции.

В ходе опроса на вопрос: «Хотели бы вы уехать из данного населенного пункта после окончания учебного заведения?» — «нет» ответили 61,6 % студентов саха, 40,6 % русских, 61,2 % КМНС. Среди учащейся молодежи высказали пожелание жить в пределах Якутии 12,9 % саха, 3,6 % русских, 13,9 % КМНС; задумываются о переезде в другие регионы России 7,5 % саха, 38,5 % русских, 16,9 % КМНС; за границу — 5,8 % саха, 6,6 % русских, 2,8 % КМНС; на время выехать из Якутии захотели 15,1 % саха, 14,8 % русских и 11,1 % КМНС. Таким образом, очевидно, что склонностью к потенциальной миграции в большей степени обладают русские и некоторые предпочтения высказывают представители коренных малочисленных народов Севера, постоянно проживающие в Якутске.

Изучение этнической и гражданской идентификации саха и русских позволило сделать вывод о том, что высокий уровень мотивации к переезду у русских во многом обуславливается доминированием российской идентификации над республиканской. Респондентами из числа саха продемонстрирована обратная картина: на первом месте — этническая идентификация, на втором — республиканская. Результаты исследования оценки будущего своего этноса показали, что наименьшим оптимизмом обладают представители КМНС (32,4%), а наиболь-

шим — русские студенты (68,7 %). Этнопессимизм чаще проявляется у метисов (20,9 %), хотя предположить, что этот факт как-то связан с интерпретацией термина «народ» в силу сложности этнической идентификации данной группы нельзя. Поскольку из ответов по второму вопросу видно, что на фоне скепсиса (50 % от опрошенных) по поводу результативности проводимых в стране реформ ярко выраженного пессимизма у них все-таки не наблюдается (6,5 %). Показатели социального оптимизма примерно одинаковы для всех групп этносов. Этноугрозу и одновременно социальную угрозу ощущают 29,7 % КМНС, 21,7 % саха и 15,3 % русских.

Анализ собранных эмпирических сведений позволил сделать вывод о том, что существующие традиционные модели социокультурной адаптации студенческой молодежи к условиям проживания в Якутске оказались недостаточно эффективными в ситуации новой социальной реальности, что порождает многообразные формы ее дезадаптации.

С целью выявления причин формирования дезадапционного поведения личности были исследованы субъективные и объективные факторы социокультурной адаптации молодежи Севера в условиях трансформаций современного городского социума. Одним из важнейших является выбор *аккультурационной стратегии*.

Для анализа выбора аккультурационной стратегии (по теории Камилъери) респондентам предлагалось ответить на вопрос «Насколько важно для вас осознавать себя: 1) представителем своего этноса (своей национальности); 2) гражданином России; 3) гражданином мира?» (табл. 9).

Результаты опроса показали, что этническая идентификация в равной степени важна (ответы «очень важно» и «важно») для респондентов якутской, русской национальности и представителей коренных малочисленных народов. В меньшей степени — для представителей прочих национальностей. Ощущение себя гражданами России также имеет высокое значение для всех опрошенных групп.

Таблица 9

Этническая и гражданская самоидентификация молодежи Республики Саха (Якутия), %

Этнические группы	Значение этнической идентификации			Значение гражданской (русской) идентификации			Гражданин мира		
	очень важно	важно	не важно	очень важно	важно	не важно	очень важно	важно	не важно
Якуты	40,3	46,4	13,3	46,4	45,0	8,6	29,9	39,6	30,5
Русские	36,2	39,0	24,8	70,1	23,6	6,3	40,1	30,9	28,7
Народы Севера	31,4	47,1	21,6	52,0	46,0	2,0	32,0	52,0	16,0
Прочие народы	20,0	40,0	40,0	59,1	36,5	4,3	46,1	33,0	20,9

Полученные результаты позволили выявить доминантные виды аккультурационных стратегий на основе соотнесения на индивидуальном уровне ранжирования этнической и гражданской самоидентификаций (теория Камилъери) (табл. 10). Анализ аккультурационных стратегий позволил выявить высокие показатели декларирования стратегии *интеграции* у саха (70,4 %) и у представителей коренных малочисленных народов (69,2 %). Ниже данный показатель у русских (60,1 %), еще ниже — у группы «Прочие» (52,1 %). Небольшая группа (9,2 %) саха задекларировала себя как избравшие путь сепарации. Самый низкий показатель по данной стратегии у группы «Прочие народы» — 0,8 %. Однако необходимо отметить, что и самый высокий показатель по ассимиляционной стратегии показала также данная группа — 38,7 %. *Маргинализация* как стратегия аккультурации была одобрена крайне малым числом респондентов.

Полученные данные свидетельствуют о высоком уровне намерения респондентов к межкультурному взаимодействию (*интеграции* и *ассимиляции*), что позволило в качестве приоритетных факторов, повышающих миграционную подвижность населения, выделить экономические. Необходимо отметить, что анализ избираемых стратегий был бы неполон, если бы мы остановились только на уровне декларирования выбора. При предположении, что теория Камилъери позволяет получить результаты только по восприятию респондентами самих себя, для более точной диагностики доминантной стратегии аккультурации у различных этнических групп необходимо соотнести предполагаемую идентификацию с прожективным поведением индивида. Поэтому для перепроверки полученных результатов необходимо было обратиться к теории Дж. В. Берри, описывающей признаки, отличающие интеграционную стратегию, основанную на психологических посылках,

Таблица 10

Тип выбора аккультурационной стратегии представителями разных этнических групп, %

Тип стратегии	Этнические группы			
	саха	русские	народы Севера	прочие народы
Интеграция	70,4	60,1	69,2	52,1
Сепарация	9,2	4,4	3,8	0,8
Ассимиляция	14,8	26,6	21,2	38,7
Маргинализация	2,7	3,8	1,9	4,2

среди которых — принятие культурного разнообразия, низкий уровень предубеждений, позитивное восприятие и осуществление межкультурного взаимодействия и др.

Для определения стратегии взаимодействия на уровне ближнего круга респондентам предлагалось ответить на вопрос о желаемой национальности друга (табл. 11).

Таблица 11

Мнение молодежи о предпочитаемой национальности друга, партнера и руководителя по работе, %

Предпочтение национальности		Стратегия этнокультурных групп							
		интеграция		ассимиляция		сепарация		маргинализация	
		саха	русские	саха	русские	саха	русские	саха	русские
При выборе друга	саха	57,9	0,0	35,3	3,3	67,0	6,7	51,6	0,0
	русского	1,7	54,2	6,5	38,9	3,8	66,7	9,7	7,7
	не важно	29,0	37,9	38,8	48,9	18,9	26,7	22,6	84,6
	и русского, и саха	8,4	3,0	12,9	1,1	6,6	0,0	0,0	0,0

Предпочтение национальности		Стратегия этнокультурных групп							
		интеграция		ассимиляция		сепарация		маргинализация	
		саха	русские	саха	русские	саха	русские	саха	русские
При выборе партнера по работе	саха	42,5	1,0	31,8	2,2	53,8	0,0	29,0	0,0
	русского	9,1	46,8	11,2	32,2	8,5	66,7	12,9	7,7
	не важно	33,1	39,9	40,6	55,6	26,4	26,7	38,7	84,6
	и русского, и саха	11,1	3,4	12,9	1,1	5,7	0,0	0,0	0,0
При выборе руководителя по работе	саха	52,6	0,5	39,4	2,2	60,4	6,7	32,3	0,0
	русского	8,1	62,1	10,0	46,7	7,5	60,0	12,9	23,1
	не важно	28,9	27,6	35,9	42,2	23,6	26,7	35,5	76,9
	и русского, и саха	6,4	2,0	10,0	1,1	1,9	0,0	3,2	0,0
При выборе сотрудников органов власти	саха	49,8	2,0	35,3	2,2	60,4	0,0	35,5	0,0
	русского	7,8	56,2	9,4	37,8	8,5	60,0	12,9	23,1
	не важно	29,4	31,0	38,2	48,9	21,7	33,3	32,3	76,9
	и русского, и саха	8,4	2,5	12,4	2,2	4,7	0,0	0,0	0,0
При выборе руководителя республики	саха	68,0	4,4	50,6	8,9	74,5	6,7	51,6	0,0
	русского	4,2	53,2	4,1	34,4	5,7	66,7	12,9	23,1
	не важно	19,5	31,0	32,9	45,6	13,2	26,7	22,6	76,9
	и русского, и саха	5,1	2,0	9,4	3,3	2,8	0,0	3,2	0,0

Из числа респондентов, декларирующих себя как мультикультураллисты, лишь 29 % саха и 37,9 % русских подтвердили ориентацию на интеграционную стратегию (ответили, что национальность друга для них не имеет значения).

В то же время при декларировании стратегии интеграции 57,9 % саха, 54,2 % русских реализуют в межличностном взаимодействии сепарационную стратегию (т. е. ограничивают выбор друга рамками своей этнической группы). Совсем небольшое количество (8,4 % саха, 3 % русских) используют смешанную стратегию. Молодежь, выбравшая ассимиляционную стратегию, оказалась даже более мультикультураллистичной при выборе национальности друга, чем та, которая декларировала мультикультурность. Так, 35,3 % саха и 38,9 % русских хотели бы иметь в качестве друга человека их национальности (в то время как среди декларировавших мультикультурность — 57,9 и 54,2 % соответственно). Самый высокий процент тех, кому не важна национальность друга, был в группе русских, выбравших стратегию маргинализации — 84,6 %. И самый низкий (18,9 %) — в группе саха, выбравшей стратегию сепарации.

Следующая дистанция, на которой проверено соотношение декларируемой идентификации с поведенческими установками аккультурации, стал выбор партнера по работе (табл. 11).

Данную дистанцию невозможно однозначно отнести только к социальному или только к ближнему кругу общения, поскольку для респондентов, предпочитающих выстраивать близкие, дружеские отношения на работе, данный тип взаимодействия можно отнести к личному кругу. Для индивидов, воспринимающих термин «партнер» в первую очередь как необходимость выстраивания профессиональных взаимоотношений, — к более «длинной» социальной дистанции.

Увеличение социальной дистанции сокращает численность тех респондентов, которые при декларировании стратегии интеграции все же в быту прибегают к сепарационной стратегии: 42,5 % из числа саха и 46,8 % русских респондентов при выборе коллеги по работе предпочли представителей своей национальности, в то время как при выборе друга — 57,9 и 54,2 % соответственно.

Причины несовпадения декларируемой и реализуемой стратегий, по всей вероятности, связаны

не только с переходом от абстрактного восприятия ситуации к конкретным действиям в реальности, но и с ценностно-нормативной системой, которая обусловлена этносоциокультурной средой формирования индивида. По мнению Т. Парсонса, элементами, из которых складывается акт взаимодействия, являются: деятель, «другой», нормы, ценности, ситуация. При самоидентификации в воображаемой реальности респондент чаще всего исходит из норм, ценностей и социальных установок, усвоенных под влиянием социокультурной среды, воспроизводя, таким образом, формализованную модель поведения. Но в процессе опроса, где необходимо сделать выбор, т. е. совершить некое реальное действие, хотя и относительно воображаемой среды, приоритетное значение уже имеют характеристики респондента (деятели), «другого» и ситуации.

Ответы респондентов, избравших в качестве доминантной стратегии ассимиляционную, также свидетельствуют о том, что доля тех, кто был бы склонен выбирать партнера по этническому признаку, тоже меньше, чем при выборе друга: 31,8 % — саха, 32,2 % — русские. И доля тех, кому не важна национальность партнера, значительно больше (саха — 40,6 % и русских — 55,6 %). То есть выбор партнера по работе менее этноцентричен и, соответственно, более интегративен, чем выбор друга, и степень совпадения декларируемой и реальной стратегии поведения при выборе партнера выше.

Казалось бы, что выбор руководителя по работе находится по шкале социальной дистанции дальше, чем выбор партнера по работе. Однако в определенных ситуациях для людей руководитель более значим (или ближе), чем партнер, что и следует из схемы взаимодействия Т. Парсонса.

Так, при выборе руководителя 52,6 % молодежи саха и 62,1 % русской молодежи, выбравшей стратегию интеграции, предпочли бы работать под руководством человека своей национальности (*табл. 11*). Для молодежи саха, избравшей стратегию сепарации, этот процент несколько выше — 60,4 %, в то время как у аналогичной группы русских респондентов он незначительно снизился — с 62,1 до 60 %. Представители данных групп (саха и русские), избравшие стратегии ассимиляции или маргинализации, продемонстрировали в целом более толерантное отношение к национальности предполагаемого руководителя.

Последний уровень социальной дистанции, на котором можно проследить реализацию выбираемых стратегий аккультурации, является структура власти: сотрудники органов власти и руководитель республики (*табл. 11*). Самым ярким противостоянием мнений стало представление респондентов о национальности руководителя Республики Саха

(Якутия). Так, 74,5 % саха, вошедших в группу сепаратистов, указали на то, что главой республики должен быть саха; это же мнение высказали 68 % саха из числа мультикультуралистов, 50,6 % — из числа выбравших стратегию ассимиляции, 51,6 % — маргиналов. Предпочли русского руководителя 66,7 % русских респондентов из числа русских сепаратистов, 53,2 % — из мультикультуралистов, 34,4 % — из ассимилирующихся и 23,1 % — из маргиналов.

Достаточно высок процент русских, кто оказался безразличен к этнической принадлежности руководителя республики: так ответили 31 % русских мультикультуралистов и 45,6 % сторонников ассимиляционной стратегии.

Данные о предпочтениях в отношении рядовых сотрудников власти свидетельствуют о несколько более равнодушном, чем при выборе руководителя республики, отношении респондентов к их национальности. Так, 60,4% саха и 60% русских с доминантной стратегией сепарации предпочитают выбирать сотрудников органов власти из своей этнической группы. Практически таким же был ответ русских мультикультуралистов — 56,2 %.

Для подтверждения полученных результатов в анкету был включен вопрос: «В какой мере для вас важно жить среди людей своей национальности?» (*табл. 12*). Ответ на него позволил более четко провести грань между теми, кто прошел путь психологической аккультурации и действительно интегрировался в поликультурное сообщество Республики Саха (Якутия), и теми кто, усвоив формально норму о ценности межкультурного взаимодействия, воспроизводит ее лишь в абстрактной ситуации и не реализует в конкретной.

Самый высокий процент желающих жить среди людей своей национальности (ответы «очень важно»), показали, как и ожидалось, респонденты, избравшие стратегию сепарации: 37,7 % саха и 40 % русских (*табл. 12*).

Но и среди тех, кто продекларировал себя как мультикультуралисты (интеграция) достаточное количество предпочитающих общество своей этнической группы (почти каждый третий — среди русских, каждый четвертый — среди саха), т. е. фактически это доля тех, кто в каких-то ситуациях предпочитает ограничивать круг своего межкультурного общения, возможно, в силу этностереотипов, а возможно, руководствуясь нежеланием осваивать инокультурные модели поведения.

С изменением доминантной стратегии аккультурации заметно сокращается доля сепаратистов — 60,9 % респондентов из группы «Прочие» выразили индифферентное отношение к этничности тех, с кем будут общаться. В этой связи интересна позиция респондентов из числа коренных малочисленных народов Севера, декларирующих

Мнение молодежи о характере межнациональных проблем, о желании жить среди людей своей национальности, %

Мнение о состоянии и характере межнациональных отношений и желание жить среди людей своей национальности		Стратегия этнокультурных групп							
		интеграция		ассимиляция		сепарация		маргинализация	
		саха	русские	саха	русские	саха	русские	саха	русские
Жить среди людей своей национальности	очень важно	23,1	31,0	11,2	11,1	37,7	40,0	0,0	0,0
	не очень важно	58,9	49,3	50,6	47,8	47,2	26,7	48,4	23,1
	не важно	17,8	18,2	38,2	41,1	14,2	33,3	51,6	76,9
Оценка межнациональных отношений	стабильные, без напряжения	54,8	26,1	46,5	26,7	55,7	13,3	45,2	23,1
	присутствует скрытое напряжение	38,0	52,7	44,7	53,3	37,7	46,7	45,2	61,5
	чувствуется сильное напряжение	3,8	19,2	5,9	16,7	4,7	40,0	9,7	15,4
Характер межнациональных проблем	не очень хорошо относятся к якутам	25,8	37,4	28,8	35,6	31,1	60,0	25,8	38,5
	не очень хорошо относятся к русским	13,2	59,1	21,8	48,9	12,3	46,7	25,8	61,5
	не очень хорошо относятся к КМНС	7,0	6,4	11,8	6,7	11,3	6,7	19,4	15,4
	проблем нет	51,1	17,2	39,4	20,0	40,6	6,7	35,5	23,1

ассимиляционную стратегию. Для них, как показывают данные, общение с представителями своей этнической группы большой важности не представляет. По всей вероятности, этот ответ связан с тем, что доля коренных малочисленных народов в общей численности населения Якутии незначительна, и в силу естественных причин они уже практически не стремятся жить только в среде своих.

Поскольку группы декларирующих мультикультурность при оценивании каких-то реальных ситуаций заметно сокращаются с завидной постоянностью, было выяснено, как оценивает молодежь состояние межнациональных отношений в пункте своего проживания (табл. 12). Самая большая доля (40 %) тех, кто ощущает сильное напряжение в межнациональных отношениях, среди русских респондентов группы «Сепарация» (напомним, что это выбравшие стратегию сохранения своей культуры и ограничения межкультурного взаимодействия). В группе избравших стратегию интеграции 55,6 % КМНС, 52,7 % русских и 38 % саха признают присутствие скрытого напряжения в межнациональных взаимоотношениях, а 19,2 % русских говорят о сильном напряжении. В группе, выбравшей преимущественно активное межкультурное взаимодействие даже в ущерб своей культуре (ассимиляция), количество респондентов, ответивших, что напряжения нет или что оно присутствует как скрытое, немного перераспределилось. Так, 53,3 % русских, 44,7 % саха, 37 % из группы «Прочие» и 36,4 %

КМНС ощущают скрытое напряжение, а 46,5 % саха, 45,5 % КМНС, 37 % «Прочих» и только 26,7 % русских высказались о том, что межнациональные отношения стабильные, без напряжения.

Для оценки характера ощущаемого респондентами напряжения в межнациональных отношениях был задан вопрос: «Как вы считаете, какие проблемы существуют в отношении к представителям разных национальностей в том населенном пункте, где вы проживаете сейчас?» (табл. 12). Межнациональные отношения оценивают как стабильные 51,1 % саха, избравших стратегию интеграции; остальные настроены не так радужно и у них этот показатель несколько ниже. Так, лишь 38,9 % представителей народов Севера, 27,4 % прочих народов, 26,1 % русских считают, что проблем нет. По мнению половины русских респондентов из групп со стратегиями интеграции и ассимиляции (59,1 и 48,9 % соответственно), к ним не очень хорошо относятся. Народы Севера с ассимиляционной стратегией считают, что в их местах проживания не очень хорошо относятся к якутам (54,5 %).

Наиболее интересным результатом проведенного опроса является тот факт, что 60 % респондентов русской национальности из числа декларировавших себя как сепаратисты отметили случаи проявления не очень хорошего отношения к саха в населенном пункте, где они сейчас проживают. Этот факт позволяет высказать предположение о том, что модель Камилъери по выявлению домини-

нантной стратегии аккультурации основывается не только на приоритетности этнической или гражданской самоидентификации, но и, по всей вероятности, обусловлена индивидуальными психологическими особенностями респондентов, в т. ч. характеристиками коммуникабельности. В этой связи теория Т. Парсонса, учитывающая при анализе социального взаимодействия следующие факторы — деятеля, «другого», нормы, ценности и восприятие деятелем ситуации — является более состоятельной при определении доминантной стратегии аккультурации.

Характеристика же реальной ситуации и существования, по восприятию респондентов, проблем межнациональных отношений в регионах Якутии, во многом зависит от типа этнической самоидентификации отвечавших. Так, 61,5 % русских респондентов из числа маргиналов ощущают скрытое негативное отношение к своей этнической группе; этот же факт подчеркнули 59,1 % русских мультикультураллистов, 48,9 % из числа русской ассимилирующейся молодежи и 46,7 % русских из числа сепаратистов. На существование проблем межнационального характера в отношении русского населения указала и молодежь из группы «Прочие» (33,9 % от числа выбравших стратегию интеграции, 28,3 % — стратегию ассимиляции), а также 21,8 % саха из группы молодежи, избравшей стратегию ассимиляции.

Таким образом, по оценке характера межнациональных отношений можно сделать вывод о том, что и русской молодежью, и молодежью саха ощущается скрытое напряжение в межнациональных отношениях. В то же время растет степень восприятия существования проблем у представителей другого этноса, оказывающихся в поле межэтнического взаимодействия. Одним из факторов формирования толерантного отношения к представителям других этнических групп является формирование личности в этнически смешанной семье. Поскольку этническая картина региона с 1990-х гг. несколько изменилась в основном за счет оттока славянского населения, а также привлечения дешевой рабочей силы из стран СНГ и Китая, то создание этнически смешанных браков является уже не такой редкостью.

По данным Д. Г. Брагиной, до конца 1950-х гг. среди смешанных браков преобладали браки, где муж — якут, а жена — русская. С 1970-х гг. мужчины-якуты стали реже жениться на русских женщинах, а женщины-якутки, напротив, стали чаще выходить замуж как за русских мужчин, так и за лиц других национальностей. В частности, возрастает число браков с эвенками и эвенками. Различия в уровнях образования, ценностных ориентациях мужчин и женщин из числа коренных малочисленных наро-

дов Севера приводят к тому, что более 80 % женщин в возрасте до 40 лет с высшим и средним специальным образованием либо не замужем, либо состоят в национально-смешанных, гетерогенных браках. В некоторых поселениях смешанные браки женщин-северянок достигают 90 % и более²³⁷.

По мнению ряда исследователей, одной из причин увеличения числа межэтнических браков является распространение процесса обмена статусами, когда, например, мужчина из «не престижной» этнической или расовой группы, добившись относительно высокого экономического, образовательного или профессионального статуса, вступает в брак с женщиной из «престижной» этнической группы, но с более низким социальным статусом²³⁸.

Косвенно о количестве смешанных браков можно сказать по данным о рождении детей, у которых отец другой национальности. Доля таких детей у всех народов в среднем, живущих в Республике Саха (Якутия), увеличилась с 22,7 % в 1990 г. до 32,9 % в 2005 г. от числа всех родившихся. Увеличение доли рожденных детей, у которых отец другой национальности, составляло в 2005 г. у русских — 39,4 % и у якутов — 28,5 %²³⁹.

Эти данные показывают, что вопрос о рассмотрении адаптационного потенциала этнически смешанных и этнически однородных семей актуален.

По данным опроса, из общего количества участвующих в опросе (1660 респондентов) было выявлено 283 респондента, у которых родители состоят (ли) в этнически смешанном браке (табл. 12). Как отмечают Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижина, А. А. Сусоколов, в новых социально-политических и экономических условиях вчерашние мигранты начинают искать психологическую, деловую опору в поддержании или возобновлении внутриэтнических межличностных связей. Закономерность такова, что первое поколение стремится еще сохранить этническую культуру и идентичность, второе (дети мигрантов) тяготеет к отказу от культуры предков и восприятию культуры доминирующего большинства, третье же поколение (внуки) нередко стремится к обретению прежней идентичности, не теряя, однако, при этом и вновь приобретенной. Этим в какой-то мере можно объяснить неоднозначное отношение детей и их родителей, высказывающих свое мнение по поводу выбора супруга(и) другой национальности.

Для большинства респондентов знание культуры и языка стало определяющим для отражения смысла понятия «национальная принадлежность». И, возможно, на формирование индифферентного отношения к значимости этнической идентификации у коренных народов Севера влияет именно плохое владение молодежью языком и недостаточное знание своей культуры, что на морально-этическом

уровне не позволяет им в полной мере быть удовлетворенными своей национальной принадлежностью. В то же время необходимо отметить высокий процент русских респондентов, рожденных в моноэтническом браке и считающих, что для современных процессов трансформации российского общества осознание человеком своей национальной принадлежности, знание национального языка и культуры особого значения не имеет — 23,3 %. Более высоким показателем оказался результат группы «Прочие». По всей вероятности, для потомков детей, рожденных в смешанных браках и не являющихся представителями титульного этноса, коренных малочисленных народов Севера и пока еще многочисленного русского населения в Якутии тип участия в аккультурационных процессах можно определить не как интеграционный, а скорее как ассимиляционный. Одним из признаков усиливающихся ассимиляционных процессов является утрата своего языка. Для оценивания степени значимости владения родным языком был задан отдельный вопрос: «Насколько значимо для вас разговаривать на языке своей национальности?» (табл. 13).

Как видно, наивысшую степень значимости возможности разговаривать на родном языке про-

демонстрировали русские респонденты — 64,6 % из этнически однородных семей и 43,6 % из смешанных семей. Для сравнения группа респондентов якутской национальности имеет следующие показатели — 35,7 и 24,7 % соответственно. Еще меньший результат продемонстрировали представители коренных малочисленных народов Севера, что также подтверждает вывод о влиянии степени владения родным языком на этническую самоидентификацию.

Связано ли так ярко продемонстрированное русскими желание говорить на родном языке с социально-политической ситуацией в регионе? Не является ли этого своего рода отражением идеи русификации местного населения? По всей вероятности, необходимость в общении на родном языке, высказанная респондентами русской национальности, обусловлена увеличением численности городских якутов из числа сельских мигрантов, которые имеют языковые проблемы при общении с представителями не своей этнической группы, и в первые годы адаптации в городских условиях предпочитают общаться на родном языке, независимо от знания этого языка людьми, находящимися в их окружении.

Таблица 13

Распределение ответов молодежи на вопрос о значимости возможности разговаривать на языке своей национальности, %

Тип брака родителей	Национальность респондента	Разговаривать на языке своей национальности		
		очень важно	не очень важно	не важно
Этнически однородный брак	саха (якуты)	35,7	48,4	15,9
	русские	64,6	22,8	12,6
	народы Севера	18,2	27,3	54,5
	прочие	22,6	48,4	29,0
Этнически смешанный брак	саха (якуты)	24,7	49,4	26,0
	русские	43,6	35,9	20,5
	народы Севера	20,0	52,5	27,5
	прочие	12,0	55,4	32,5

Выявление доминирующих стратегий аккультурации показало также, что тип брака родителей имеет значительное влияние. Так, если из числа русских, рожденных в этнически однородном браке, выбрали ассимиляционную стратегию только 23,6 %, то для русских из этнически смешанных браков эта цифра уже увеличилась до 37 %. Подобная взаимообусловленность наблюдается и у молодежи саха и группы «Прочие». Хотелось бы отметить, что для последней группы молодежи из этнически смешанных семей вообще характерна ассимиляционная стратегия, как вторая по частоте встречаемости.

В то же время для молодежи народов Севера из числа этнически смешанных браков более характерно избрание стратегии интеграции, в то время как 45,5 % молодежи из числа этнически однородных семей выбрала ассимиляционную стратегию. Рассмотрим, как влияют выбранные стратегии на уровень психологической адаптации молодежи (табл. 14). Все респонденты были разделены по степени их позитивного отношения к настоящему и будущему на три группы: хорошо, средне и плохо адаптированных. Для последней группы более характерны заострение внимания на негативных моментах, более частое обнаружение труднопрео-

долимым проблем, пессимизм в отношении своего настоящего и будущего.

Большее количество плохо адаптированных оказалось в группе «Прочие». В то же время для молодежи данной группы, рожденной в этнически однородном браке, характерен и самый высокий показатель адаптированных — 54,8 %.

Таким образом, можно предположить, что сохранение своих этнокультурных особенностей в рамках этнически однородной семьи будет оказывать положительное влияние на адаптационные навыки детей даже в иноэтничной среде. Для молодежи якутской национальности, рожденной в этнически однородном браке, также характерен высокий пока-

Таблица 14

Результат адаптации респондентов, %

Тип брака родителей	Национальность респондента	Качество адаптации		
		хорошо адаптирован	средне адаптирован	плохо адаптирован
Этнически однородный брак	саха (якуты)	41,0	37,2	21,9
	русские	42,8	37,0	20,2
	народы Севера	45,5	36,4	18,2
	прочие	54,8	19,4	25,8
Этнически смешанный брак	саха (якуты)	28,9	50,0	21,1
	русские	39,7	33,3	26,9
	народы Севера	40,0	35,0	25,0
	прочие	44,6	25,3	30,1

затель хорошо адаптированных — 41 %, в то время как для потомков этнически смешанных браков этот показатель несколько ниже — 28,9 %. Однако если рассматривать показатель средне и хорошо адаптированных в совокупности, то результаты практически не отличаются. Небольшие расхождения продемонстрировала русская молодежь, поскольку отличие между потомками этнически однородных и этнически смешанных семей все-таки очевидны. Та же тенденция характерна и для молодежи из числа коренных малочисленных народов. В целом можно отметить, что респонденты продемонстрировали довольно высокие показатели психологической адаптированности к условиям трансформации жизни в городской среде.

Важно рассмотреть и еще один показатель адаптированности — миграционные намерения, связанные с возможным выездом за пределы

Якутии (табл. 15). Эти намерения можно рассматривать, с одной стороны, как показатель уверенности молодежи в своих способностях приспособиться в иной среде, на новом месте, что отражает их представления о своих адаптационных возможностях, с другой стороны — как свидетельство не очень удачной адаптационной ситуации в данном городе для индивида. Именно с этими обстоятельствами могут возникать и укрепляться миграционные намерения. Так, на вопрос о потенциальном желании уехать из Якутии для временного или постоянного проживания в России или даже за рубежом положительно ответили 50 % молодежи из группы «Прочие», представляющие этнически однородные семьи. В то же время такой ответ дали лишь 38,1 % из данной группы, но уже представляющей молодежь из этнически смешанных браков.

Таблица 15

Миграционные намерения учащейся молодежи, %

Тип брака родителей	Национальность респондента	Хотели бы вы уехать из Якутии после окончания учебного заведения?	
		нет	да
Этнически однородный брак	саха (якуты)	88,3	11,7
	русские	55,5	44,5
	народы Севера	81,8	18,2
	прочие	50,0	50,0

Тип брака родителей	Национальность респондента	Хотели бы вы уехать из Якутии после окончания учебного заведения?	
		нет	да
Этнически смешанный брак	саха (якуты)	82,7	17,3
	русские	58,2	41,8
	народы Севера	79,5	20,5
	прочие	61,9	38,1

Потребность к переезду высказали также 44,5 % русских из числа этнически однородных браков, а также 41,8 % из этнически смешанных, что скорее свидетельствует о существовании некоего общего настроения славянских этносов, проживающих на территории северных регионов. Для представителей титульного этноса и коренных малочисленных народов Севера в меньшей степени характерно стремление к смене места проживания. Однако небольшую разницу между количеством высказавшей свое миграционное намерение молодежи из числа этнически смешанных и однородных семей все же стоит отметить. Данный факт свидетельствует, что тип брака родителей будет иметь влияние как на выбор аккультурационной стратегии, так и на уровень психологической адаптации личности, что может проявиться и в формировании ее миграционных намерений.

Таким образом, полученные материалы социологического и социально-психологического опроса молодежи в Республике Саха (Якутия) позволили сделать вывод о том, что потомки этнически смешанных браков обладают более высокой миграционной подвижностью, тяготеют к осуществлению ассимиляционной стратегии аккультурации, что повышает уровень их адаптационных навыков.

В то же время необходимо отметить латентную бинарность этнической идентификации данных респондентов, обуславливающую снижение значимости воспроизведения какой-то определенной модели этнической культуры. Для молодежи из этнически смешанных семей, избравших в качестве основной аккультурационной стратегии интеграцию, более характерно воспроизведение определенной этнокультурной модели поведения с проявлением уважения и познавательного интереса к культуре окружающих этносов, что позитивно влияет на их адаптационный потенциал.

Анализ проблем социокультурной адаптации студенческой молодежи в Якутске, обусловленной трансформацией этнической и социальной структуры населения, различиями в социально-

экономическом положении студентов, позволил сделать вывод о том, что существующие традиционные модели социокультурной адаптации студенческой молодежи к условиям проживания в Якутске оказались недостаточно эффективными в ситуации новой социальной реальности, что породило многообразные формы дезадаптации личности (таких как anomia, повышенная конфликтность, проблемы с трудоустройством, высокая миграционная подвижность, внутриличностные конфликты, инфантилизм, патерналистские настроения и пр.).

Применение теорий Дж. Берри и Камилери к анализу декларируемого и реализуемого выбора аккультурационных стратегий студенческой молодежью показало, что предпочтение личностью того или иного типа аккультурации во многом определяется ценностно-нормативной системой, которая обусловлена этносоциокультурной средой формирования индивида.

Изучение причин формирования дезадаптивного поведения личности актуализировало разработку интегральной системы субъективных и объективных факторов социокультурной адаптации молодежи Севера в условиях трансформаций современного городского социума. Наиболее важными из них являются следующие объективные факторы:

- 1) микросреда: семья (ценности и их влияние на процесс воспитания подрастающего поколения, определение типа взаимодействия поколений, формирование навыков ролевого поведения, позитивность психоэмоционального фона) и ближнее окружение (состав, система ценностей, особенности взаимоотношений со сверстниками, учителями и преподавателями, возможности эмоциональной самореализации);
- 2) мезосреда: этнокультурные ценности социума, обуславливающие самоидентификацию молодежи и выбор ею аккультурационных стратегий;
- 3) мегасреда: система ценностей общества, которая транслируется через СМИ, система образования, формирование рынка труда, осуществление экономических и политических реформ.

Конкретный анализ субъективных факторов социокультурной адаптации студентов показал, что доминирующими из них являются система ценностей и психоэмоциональная установка личности, обуславливающие процесс самоидентификации и выбор стратегии адаптации.

Выявлено, что одним из механизмов снятия существующих противоречий этнокультурных тра-

диций и социокультурных новаций, особенно в процессе социокультурной адаптации студентов коренных малочисленных народов Севера к городской среде, является социокультурный неотрадиционализм, который строится в т. ч. и на основе либерализации нравственно-этических критериев для оценки личностного поведения, взаимодействия в семейно-брачной сфере и социуме.

Хаховская Л. Н.

АДАПТАЦИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ В XX в.

В настоящее время большое внимание уделяется изучению этнокультурных, экономических и социальных трансформаций у коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Внимание к этой теме обусловлено осознанием важности изучения специфики этнической культуры аборигенных народов, особенностей ее эволюции в периоды, когда происходила смена политических и социально-экономических основ устройства общества. В данной работе рассматривается эволюция коренных народов Магаданской обл., прослеживается динамика этнической картины края, трансформации аборигенного хозяйствования, изменения в системе жизнеобеспечения и занятости.

Динамика численности и расселения

На территории будущей Магаданской обл. (в ее современных границах) к началу XX в. кочевали не менее 3,5 тыс. тунгусоязычных оленеводов. Юагиры (не более 200 чел.) кочевали в бассейнах р. Нелемная, Ясачная и Коркодон. Численность кочевых коряков, осваивавших п-ов Тайгонос, междуречье Вархалама и Пенжины, а также бассейн р. Гижига, составляла не менее 750 чел. Якуты, проживавшие в районе Верхней Колымы, насчитывали примерно 500 чел. В 1910–1920-х гг. состоялась миграция якутов на Охотском побережье с целью заработка на извозе и рыбных промыслах. Численность их не превышала 150 чел. Старожильческое русскоязычное население со смешанными этническими корнями (будущие камчадалы) составляли основное население с. Тауйск, Армань, Ола, Ямск и Гижига, их число достигало 1,3 тыс. чел.²⁴⁰

В целом, согласно имеющимся данным, в начале XX в. в регионе проживали до 6,5 тыс. жителей, из них примерно 4,5 тыс. составляли кочевники-олeneводы. На протяжении первой четверти XX в. на охотско-колымских территориях, позднее во-

шедших в состав Магаданской обл., ареал проживания и хозяйственного освоения коренных жителей практически не изменился, численность аборигенного населения в регионе в первоначальный советский период оставалась на уровне начала века.

В 1930–1940-х гг. на рассматриваемой территории, в основном вошедшей в сферу деятельности треста «Дальстрой», происходит снижение численности аборигенов, однако динамика численности отдельных этносов была неодинакова (табл. 16).

Таблица 16

**Динамика численности коренных жителей
Охотско-Колымского края²⁴¹**

Этническая принадлежность	Численность на начало года, чел.			
	1932	1936	1944	1949
Эвены	3523	3612	2139	1888
Камчадалы	1057	514	784	741
Якуты	784	631	592	541
Юагиры	136	150	175	141
Итого	5500	4907	3690	3311

Численность эвенов, устойчивая в 1930-х гг., в следующем десятилетии резко уменьшается. Связано это в первую очередь с коллективизацией оленеводческих хозяйств. В этот период у части оленеводов имели место вынужденные миграции в глухие места, а также на территорию соседней Якутии с целью избежать коллективизации. Для большей части эвенов в рассматриваемый период характерной являлась передислокация населения и тяготение его к приморской зоне, а не к глубинным колымским районам, что было связано с оживлением экономики на Охотском побережье.

Резкое (более чем в 2 раза) уменьшение численности камчадалов в первой половине 1930-х гг. объясняется прежде всего выпадением из учета жителей селения Гижига, а также переменной этнической идентичности. Метисированные жители Охотского побережья проживали в тех же населенных пунктах, однако уже не являлись их преобладающим населением. Для камчадалов уже в это время становятся характерными браки с пришлым населением и активное восприятие российской культуры в ее советском варианте, что повлекло перемену самосознания. Поэтому численность этнической группы с конца 1940-х гг. имела тенденцию к снижению. Незначительное уменьшение числа якутов происходило вследствие тяготения верхнеколымской группировки к основному этносу и переселения в смежные районы автономной республики. У юкагиров, напротив, наблюдалась положительная динамика. Уменьшение численности юкагиров во второй половине 1940-х гг. произошло вследствие переселения части жителей ликвидированного поселения Коркодон на территорию соседней Якутии. Кроме того, переписью 1939 г. в границах современной Магаданской области учтены 1092 коряка-оленевода, которые осваивали правобережье р. Гижиги, верховья р. Омолон, п-ов Тайгонос²⁴².

Во второй половине 1930-х гг. начала осуществляться прогрессивная с точки зрения советской администрации политика перевода кочевников на оседлый образ жизни. Основой создания оленеводческих колхозов становились так называемые

национальные центры: некоторые из них представляли собой традиционные оседлые поселения, где предполагалось выстроить дома для оседающих кочевников, другие прежде являлись местами их сезонного проживания. До конца десятилетия перевод оленеводов на оседлость шел медленно, однако после передачи руководства национальными колхозами непосредственно «Дальстрою» административный пресс в отношении аборигенов усиливается, социальные и этнокультурные перемены в жизни оленеводческих народов региона активизируются²⁴³. В целом адаптация коренного населения в период первоначальных советских преобразований происходила болезненно и с большими социальными затратами. У кочевников переход к жизни в поселках зачастую приводил к негативным последствиям. Жилищная ситуация у аборигенов в период 1930-х — начала 1950-х гг. оценивается специалистами как сложная, однако не следует выпускать из виду, что примерно такие же жилищные трудности отмечались на ряде приисков, в поселках геологоразведчиков, т. е. у так называемого пришлого населения.

С 1950-х гг. численность коренного населения имеет тенденцию к возрастанию, однако существенной ее чертой является волнообразная динамика (табл. 17). Основными факторами, влияющими на эти «волны жизни», является, во-первых, демографическое поведение аборигенов и, во-вторых, процессы этнической идентификации, проходящие как на индивидуальном, так и на групповом уровне.

Таблица 17

Динамика численности КМНС в Магаданской обл. (в границах 1992–2002 гг.)²⁴⁴

Наименование КМНС	Численность, чел. (на момент проведения переписей)				
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Эвены	1960	2219	2105	2433	2527
Коряки	617	757	710	918	888
Чукчи	127	623	655	649	248
Орочи	—	107	125	36	126
Юкагиры	31	40	55	68	79
Ительмены	Не учитыв.	Не учитыв.	Не учитыв.	370	643
Чуванцы	Не учитыв.	Не учитыв.	Не учитыв.	41	39
Камчадалы	Не учитыв.	Не учитыв.	Не учитыв.	Не учитыв.	314
Якуты (ессейские)	710	905	768	643	469
Другие	—	175	274	347	133
Итого	3445	4826	4692	5505	5466

Миграционная активность этносов сильно различается. Если эвены и в особенности коряки в большей степени ориентированы на постоянное проживание в регионе, то этого нельзя сказать по отношению к камчадалам/ительменам, якутам и тем представителям КМНС, которые входят в рубрику «Другие». Эта часть аборигенов достаточно мобильна. К тому же социально-экономические потрясения последних десятилетий вызвали «демографический резонанс» в форме массовых выездов с северных территорий не только у так называемых пришлых жителей, но и у той части населения, которую принято относить к аборигенам. Нельзя, например, сомневаться в том, что представители нехарактерных для области коренных этносов поспешили покинуть ее территорию в 1990-х гг., чем и вызвано зафиксированное их уменьшение.

Другой важный момент связан с административно-территориальной реформой 1992 г., влияние которой обычно во внимание не принимается. Между тем отделение Чукотки заметным образом сказалось на динамике численности этносов, а именно чукчей, численность которых уменьшилась более чем в 2,5 раза. Опять же не приходится сомневаться, что разрыв экономических связей заставил многих представителей этого этноса вернуться на свою малую родину.

Далее весьма существенное и неоднозначное влияние на количественные показатели оказывает процедура идентификации по этническому признаку. Из номинаций, представленных в рассматриваемом регионе, относительно свободными от административно контролируемой процессуальности в XX в. следует признать лишь коряков, чукчей и юкагиров. Другие же этносы и этнические группы испытали на себе перипетии нормотворчества властей в сфере этнонимии. Так, номенклатурная перемена идентичности тунгусоязычного и метисированного обруселого населения привела к существованию «параллельных» этнических рубрик (эвены/орочи/ламуты; камчадалы/ительмены), официальное «признание» целого ряда подразделений еще больше усложнило этническую картину в крае и повлияло на учетные данные. Так, если рост численности аборигенов в период между переписями 1959 и 1970 г. шел «внутри» уже существовавших этнических позиций, то на следующем «позитивном» этапе (между переписями 1979 и 1989 г.) увеличение состоялось, в т. ч. и за счет появления таких номинаций, как чуванцы и ительмены (из общего прироста в 813 чел. эти группы дали 411 чел., т. е. более 50 %).

Наконец, необходимо иметь в виду и вариативность индивидуального самоотнесения аборигенов. И рост, и снижение численности этносов и этнических групп не в последнюю очередь зависят от

некоей «пульсации» индивидуальной этничности, которая часто бывает обусловлена не только личными, но и внешними обстоятельствами. Так, прословутый рост национального самосознания второй половины 1980-х гг., несомненно, сказался на статистических данных. В целом же можно видеть, что флуктуация численности аборигенов — явление сложное, контролируемое многими факторами, и часто встречающиеся риторические высказывания о том, что коренные народы вымирают, являются неверными. Анализ динамики численности коренных жителей Магаданской обл. позволяет сделать вывод о том, что произошла определенная ее стабилизация, достигнутая как за счет естественного движения населения, так и за счет внедемографических причин, или даже вопреки демографии. Речь в последнем случае идет о высоком уровне физической ассимиляции с окружающим населением, активно протекающей по крайней мере с 1960-х гг.

По данным демографов, в настоящее время у 80–90 % аборигенов региона отцы имеют некоренную этническую принадлежность. К сожалению, в литературе, посвященной проблемам аборигенов, крайне мало значения придается тому факту, что уже с середины 1930-х гг. магаданские аборигены стали составлять лишь небольшую часть населения региона. К началу XXI в. их доля в общей массе жителей области составила примерно 3,5 %.

На самом же деле, несмотря на распространенность межэтнических браков, коренные жители не только не подверглись растворению в преобладающем населении, как это можно было бы ожидать в сложившейся ситуации, но, напротив, статистически стабилизировались. Причина, как это многократно отмечено в этнографической литературе, заключается в том, что родители «удерживают» за детьми-метисами коренную принадлежность. Такие стратегии, чем бы они ни диктовались, ведут к стабилизации или даже увеличению коренных этносов, живущих в Магаданской обл., и, кроме того, компенсируют численные потери этносов, происходящие из-за уменьшения рождаемости и миграций за пределы области.

Расселение коренных жителей по районам Магаданской обл. во второй половине XX в. не претерпело существенных изменений. Основным субрегионом проживания коряков был и остается Северо-Эвенский р-н. Понемногу, но все же представители данного этноса переезжали и переезжают в областной центр, немного их живет в Ольском р-не. Эвены населяют практически все районы области, но больше всего их в Ольском и Северо-Эвенском р-нах. В последние годы на третью позицию по численности эвенов вышел Магадан, что говорит об интенсивном их переселении в областной центр. Основным местопребыванием юкагиров

остаются Среднеканский р-н, проживают они в Магадане. Представители таких этнических подразделений, как неучитывавшиеся прежде камчадалы/ительмены, якуты, также концентрируются в центрах тех районов, где расселялись традиционно, и в областном центре.

Гораздо более существенные сдвиги происходили внутри районов. Важной тенденцией в районах проживания коренных малочисленных народов Севера стало преимущественное развитие районных центров в ущерб национальным селам, которые так и оставались малочисленными и неблагоустроенными. Попытки модернизировать их даже в условиях дотационной северной экономики советского периода привели лишь к частичным улучшениям. С 1960-х гг., как следствие укрупнения хозяйств и концентрации производства на центральных усадьбах колхозов, мелкие населенные пункты начинают постепенно опустевать. Следует отметить, что эти процессы шли не только в результате целенаправленной государственной политики, но и отражали стремление самих аборигенов иметь более широкий спектр социальных возможностей — доступ к образованию, медицинскому обслуживанию, трудовой занятости. Особенно это процесс усилился в период экономических реформ.

В последние десятилетия на расселение аборигенов оказывают влияние такие общие факторы, как стагнация экономики, ликвидация большинства сельскохозяйственных предприятий, в т. ч. оленеводческих, закрытие ряда мелких населенных пунктов. Отток аборигенного населения из области незначителен, миграции в основном носят внутриобластной характер, при котором происходит перераспределение населения в пользу районов и поселений с более развитой инфраструктурой и транспортной сетью. География современного проживания магаданских аборигенов характеризуется локализацией большей их части в приморской зоне.

Согласно данным на начало 2008 г., здесь проживает 81 % аборигенов, из них в областном центре — 27,9 %. Из восьми районов области местами преимущественного проживания аборигенов являются два — Ольский и Северо-Эвенский, а также Магадан. В двух районах — Среднеканском и Омсукчанском проживает около 300 аборигенов (в каждом). В остальных районах численность коренных жителей незначительна, за исключением Хасынского р-на, куда аборигены активно переселяются из-за его близости к областному центру²⁴⁵.

Для коренных народов Магаданской обл. характерно этнодисперсное проживание в преобладающем иноэтническом окружающем обществе. Границы между этническими общностями, про-

живающими в Магаданской обл., размыты. Динамика расселения представителей различных этносов характеризуется возрастанием дисперсности, неуклонным процессом урбанизации населения. Межэтнические контакты у коренных жителей преобладают над внутриэтническими, а это является ключевым фактором их этнокультурного развития.

Трансформации в системе природопользования

Аборигенная экономика основывалась на традиционных отраслях, основными из которых являлись оленеводство, рыболовство, охотничий и морской зверобойный промысел. Исторически на рассматриваемой территории оказались представленными два типа ведения оленеводства. Хозяйство эвенов было в основном комплексным, оленеводство в нем подчинялось нуждам других отраслей — мясной и пушной охоты. Крупностадное оленеводство в пределах рассматриваемого региона практиковали гижигинские, пареньские и тайгоносские коряки, а также контактировавшие с ними эвены.

До начала 1930-х гг. взаимоотношения органов власти с местным населением базировалось на экономических принципах, в основу которых была заложена концепция кооперирования. В ходе коллективизации (1930-е — первая половина 1940-х гг.) в регионе была создана социалистическая колхозно-совхозная система хозяйствования, которая характеризовалась директивными методами управления. Большинство оленеводов оказалось вовлеченным в общественное аграрное производство, утратило значительную часть собственности, перешло на оседлый или близкий к оседлому образ жизни. Традиционное общество испытало модернизационные процессы, вызванные социалистическим реформированием экономики. Социалистические преобразования оленеводческих хозяйств были нацелены на внедрение более рациональной техники выпаса: разделение труда, укрупнение стад, сокращение числа кочевков, выпас оленей в течение всего года с выделением постоянных пастухов, освобожденных от занятий рыболовством и охотой. Были приняты меры к ликвидации маломощных, карликовых коллективных хозяйств путем слияния их с экономически более развитыми.

В начале 1940-х гг. рыболовецкие и оленеводческие хозяйства объединяются (в 1940-х гг. 11 колхозов из 21 занимались оленеводством в сочетании с рыболовством). К середине 1940-х гг. коллективизация кочевников была в основном завершена, и дальнейшее увеличение числа животных уже шло на собственной основе. За так называемый дальстроевский период (до 1953 г.) численность

обобществленных животных в колхозах выросла во много раз (в Ольском р-не — в 4 раза, в Северо-Эвенском — в 11, в Среднеканском — в 24). Кроме того, порядка 30 тыс. голов продолжало находиться в совхозах «Дальстроя»²⁴⁶.

В 1950–1960-х гг. продукция оленеводства играла весомую роль в продовольственном обеспечении жителей региона, однако с 1970-х гг. на первый план выдвигаются альтернативные животноводческие отрасли. Перемена экономических приоритетов сыграла значимую роль в уменьшении поголовья домашних оленей (рис. 1). Кроме того, резкий рост затрат в 1970–1980-х гг. в связи с начавшимся процессом механизации привел к фактической убыточности отрасли. Развитие горной промышленности и выведение из оборота оленьих пастбищ также негативно сказались на положении дел в оленеводстве. Однако определяющим в характере дальнейшего развития отрасли стал человеческий фактор. На рубеже 1960–1970-х гг. произошел разрыв связи поколений оленеводческих народов, в значительной мере ускоривший упадок оленеводческой отрасли²⁴⁷.

За советское время оленепоголовье увеличилось более чем в 3 раза, тогда как возрастание численности традиционно оленеводческих народов было крайне незначительным. В отрасли, постоянно ощущавшей кадровый голод, люди были вынуждены работать с большим напряжением сил, которое далеко не в полной мере компенсировалось заработной платой. Оленеводство развивалось в производственном плане, оснащалось технически, а уклад жизни и быт оленеводов на многие десятилетия оказались законсервированными в виде своеобразного сочетания архаичных и модернизированных элементов. В сохранявшихся оленеводческих хозяйствах накапливалась социальная и культурная архаика, что, с одной стороны, законсервировало многие традиционные черты производства и быта, с другой — препятствовало социальной мобильности аборигенов.

Немаловажно, что постоянное стимулирование повышения эффективности производства в оленеводческих хозяйствах шло вразрез с этнокультурными навыками и традициями оленеводческих народов. Однако, с другой стороны, следует учитывать тот факт, что если бы развитие оленеводства не форсировалось государством, то его крах произошел бы гораздо раньше. Несмотря на существенные издержки социалистического способа хозяйствования, оленеводческие хозяйства области обеспечивали постоянную трудовую занятость значительной части коренного населения (эвенов и коряков), а также, по сути, сохраняли их традиционную культуру, поскольку именно оленеводческая среда в советское время являлась

«консерватором» этнических признаков (язык, материальная культура и т. д.), быстро утрачиваемых коренными жителями при занятости в других хозяйственных сферах, что и показал переход к рыночной экономике.

Распад общественного производства колхозно-совхозного типа и возврат к частному хозяйствованию оказались для магаданского оленеводства угрожающими самому существованию данной отрасли. Дотационность, а в некоторых субрегионах и депрессивность экономики не позволяли осуществлять весомую поддержку оленеводов-частников. Реформирование организационных форм в оленеводстве и передача животных в частные руки привели к резкому снижению, а впоследствии и исчезновению поголовья во многих районах области. К настоящему времени основное поголовье сохраняется в Северо-Эвенском р-не благодаря муниципальной (т. е., по сути, той же коллективизации). Положение дел в отрасли несколько стабилизировалось, хотя негативные тенденции время от времени проявляются (рис. 2).

Кроме того, небольшие стада животных — осколки крупного совхозного поголовья — выпасаются в частных хозяйствах (родовых общинах) Среднеканского р-на. Однако самостоятельное ведение хозяйства не обеспечивает сколько-нибудь стабильное социально-экономическое положение общинников. Численность поголовья в общинах является нестабильной (табл. 18). Поэтому частное оленеводство — это в основном удел тех, кто имеет уже постоянный источник дохода (пенсионеры) и их родственники.

Таблица 18

Численность оленепоголовья Среднеканского р-на Магаданской обл. в постперестроечный период²⁴⁸

Наименование родовых общин	Численность домашних оленей на начало года, тыс. голов		
	2004	2006	2008
Рассоха	894	975	890
Алы-Юрях	1000	1519	948
Каньон	410	557	800
Итого	2304	3051	2638

В настоящее время оленеводство в Магаданской обл. утратило экономическое значение и, по сути, сохраняется как некий этнографический памятник, обеспечивающий трудовую занятость и традиционный образ жизни лишь малой части коренных жителей.

Совсем иначе обстоит дело с рыболовецкой отраслью. Добыча рыбы вплоть до начала XX в. велась

только для потребления внутри хозяйства. Значение рыболовства резко возросло в начале XX в., когда аборигенное хозяйство стало вовлекаться в сферу рыночных отношений. На Охотском побережье появляются иностранные и отечественные рыбопромышленники, открываются рыбоприемные пункты.

Во второй половине 1920-х гг., в период нэпа, в регионе активно развивалось промышленное рыболовство, организуемое предпринимателями-частниками на условиях аренды, а также индивидуальный пушной промысел и извоз. Промышленное рыболовство в первоначальный советский период составляло главный заработок всех оседлых и значительной части кочевых жителей рассматриваемого региона²⁴⁹. Основным этносом, занимавшимся рыбодобычей, были камчадалы. Вместе с тем активно занялись выловом рыбы лососевых пород и якуты-мигранты, первоначально прибывавшие в край для занятий извозом. Большой интерес к товарной рыбодобыче стали проявлять и кочевники, что явилось следствием кризиса оленеводческих хозяйств из-за уменьшения поголовья домашних оленей. Адаптация эвенов-кочевников к изменившимся условиям заключалась в их активном включении в рыбодобычу, позднее (с 1930-е гг.) — занятии каюрным извозом на оленях. Оленеводы-коряки, в отличие от эвенов, в меньшей степени были вовлечены в товарную рыбодобычу, их крупнотадное оленеводческое хозяйство носило замкнутый натуральный характер.

Быстрое развитие рыбодобычи негативно сказывалось на состоянии оленеводства, и, если бы рыночная экономика в этот период не была свернута, можно прогнозировать, что «олень был бы съеден лососем». В начале 1930-х гг., с окончанием периода нэпа, в Охотско-Колымском крае идет инициированное государством реформирование аборигенной экономики путем объединения индивидуальных хозяйств и последующего их включения в государственный аграрный сектор. Большинство артелей, которые оформились в регионе в этот период, были рыболовецкими. Наряду с коллективным рыболовством оседлые жители продолжали и индивидуальные занятия: извоз на собачьих упряжках, меновую торговлю с оленеводами, охоту и др. С 1934 г. на базе национальных колхозов Ольского и Северо-Эвенского р-нов шло становление рыбной промышленности в Охотско-Колымском крае. Развитию рыболовства, морского зверобойного и пушного промысла органы власти в 1930–1940-х гг. уделяют первоочередное внимание. В 1940–1950-х гг. рыболовство было ведущей отраслью колхозов прибрежных районов Охотско-Колымского края²⁵⁰.

Постановлением правительства СССР № 300 от 16.03.1957 г. оленеводство было определено основной сферой занятости коренного населения. Это было верно для многих районов Чукотки и Камчатки, тогда как в Магаданской обл. ситуация к тому времени сложилась иная: значительная часть аборигенов уже работала в других отраслях. К тому же более выгодным для многих хозяйств региона было развитие рыболовства, а не оленеводства, что в дальнейшем и показали рыночные отношения. Однако экономическая эффективность отступила перед идеологической установкой. В начале 1960-х гг. для поднятия эффективности рыбодобычи охотским колхозам был передан весь добывающий флот, объединенный в межколхозное объединение активного морского рыболовства (МОАМР). Это позволило увеличить объемы рыбодобычи, расширить ее видовой состав и в конечном счете добиться повышения доходности колхозов. К середине 1970-х гг. МОАМР было ликвидировано, вследствие чего промышленное рыболовство в колхозах Магаданской обл. свернуто.

В 1990-х гг. в связи со сменой модели социально-экономического развития общества и введением рыночных отношений в регионе начали возникать множество частных рыбодобывающих предприятий. Поскольку сельская экономика оказалась подорванной, а коллективные предприятия разваленными, коренные жители вновь, как и во времена рыночной экономики начала XX в. и периода нэпа, связывают свои надежды с рыбодобычей, создают национальные предприятия. В начале 1990-х гг. основной формой национальных предприятий были хозяйствующие субъекты аборигенов (ХСА), с 2000 г. — общины, в основном родовые (рис. 3). Целью и тех, и других является освоение природных ресурсов в целях извлечения прибыли. Создание национальных предприятий стимулировалось появлением специального законодательства, защищающего права коренных малочисленных народов Севера. Реализация этих дополнительных прав является важным механизмом адаптации аборигенов к современной социально-экономической и политической ситуации.

Развитие этнического предпринимательства в сфере рыбодобычи обуславливалось не столько тем, что эта деятельность входила в круг привычных практик аборигенов, сколько тем обстоятельством, что рыболовство являлось прибыльной отраслью.

Рыболовецкие ХСА и общины, нацеленные на получение прибыли, в меру своих возможностей модернизируют способы добычи и переработки рыбы, которые к настоящему времени утратили

какие-либо этнодифференцирующие признаки. Поэтому национальные предприятия в настоящее время отличаются от ненациональных лишь кадровым составом. И говорить о традиционности здесь можно в основном косвенным образом, имея в виду именно принадлежность работающих к коренным жителям и как бы обратную «иррадиацию» этничности от ее носителей к сфере их занятости, а также ссылки на историческую приоритетность этих занятий. Следовательно, этнический фактор в сфере современных экономических отношений в рыболовстве является элементом новаторским, а не консервативным, организующим хозяйствование как бизнес, а не как образ жизни.

Обобщая изложенное, отметим, что в течение XX в. в хозяйственной деятельности аборигенов прослеживается определенная цикличность. При этом рыночные отрасли, такие как рыболовство и отчасти пушная охота, с точки зрения трансформации форм организации производства и собственности прошли цикл от частной — через государственную — к частной. Аборигенное промышленное рыболовство и товарная пушная охота, изначально вызванные к жизни взаимовыгодным взаимодействием традиционного и европейского обществ, в условиях рынка получили определенный импульс. Развитие этих отраслей — результат достаточно удачного симбиоза различных общественно-экономических систем. Пройдя через социалистическое реформирование, хозяйствование в данных отраслях до известной степени вернулось в рамки рыночности.

Оленеводство же, будучи отраслью, развитие которой изначально базировалось на натуральных, а не рыночных потребностях, не сумело вписаться в современные условия. Интенсивное развитие оленеводства в советское время было навязано сверху, обеспечивалось государственной поддержкой, поэтому в условиях рынка отрасль потерпела крах. В настоящее время оленеводство в регионе поддерживается исключительно вне рыночными методами, напоминающими прежний дотационный механизм. Оленеводство за рассматриваемый период в регионе прошло полный цикл изменения форм собственности и хозяйствования: частная — государственная — частная — государственная (муниципальная). В целом же выявленная цикличность развития традиционных отраслей аборигенной экономики является результатом межэтнических контактов.

Отсюда можно сделать вывод, что в ситуации тесного контакта аборигенных и неаборигенных культур, обладающих различными административными и материальными ресурсами, этническое хозяйствование утрачивает свою самостоя-

тельность и зависит не столько от внутренних, основанных на традиции факторов, сколько от внешних. Об этом говорит и опыт советского периода и тем более практика ведения аборигенного хозяйства в рыночных условиях.

Профессиональная занятость

Важным фактором, влияющим на сохранность этнической культуры, является трудовая занятость аборигенов. Основным их занятием в досоветский период и в первые годы советской власти было традиционное хозяйство — оленеводство, рыболовство и охота. Но постепенно, благодаря введению всеобщего среднего образования, развитию профессионального обучения, открытию средних специальных и высших учебных заведений, молодежь из числа аборигенов стала приобретать профессии, не связанные с традиционным укладом.

Уже в первые годы социалистических преобразований из местного коренного населения постепенно формировался элитный управленческий слой, или, как тогда говорили, «советско-колхозный актив». В пос. Нагаево в 1932 г. была открыта советско-партийная школа, действовавшая до 1940 г., которая стала «первой кузницей национальных кадров»²⁵¹. Некоторые коренные жители приобретали важные в тех условиях специальности бухгалтеров, счетоводов, учетчиков, нарядчиков. Так, в 1939 г. 23 аборигена окончили специализированные курсы счетоводов. В то же время в 1930-х гг. руководителей-аборигенов было крайне мало из-за их неграмотности, слабой вовлеченности в доминирующие социальные процессы²⁵². Руководство «Дальстроя» уже в 1940-х гг. понимало необходимость модернизации профессиональной подготовки коренного населения: «Надо орочей, камчадалов и якутов обучить горному делу, и, если они проявят способности, пусть работают в этой области»²⁵³. В 1940 г. в различные педагогические училища страны были направлены 15 охотско-колымских аборигенов, в которых руководство «Дальстроя» видело «будущие наши кадры из националов»²⁵⁴.

Значимым социальным процессом стал постепенный отход от занятости в сфере оленеводства. Период 1930–1950-х гг. характеризуется сменой приоритетов в трудовой занятости аборигенов: поскольку ведущей товарной отраслью в колхозах было рыболовство и заработки здесь были самые высокие, повсеместно происходил отток коренного населения в эту сферу деятельности, что вело к дефициту оленеводческих кадров. Надо отметить, что численность трудоспособных членов

национальных колхозов вообще была невысока: так, к концу 1940-х гг. их насчитывалось немногим более 2 тыс. чел. (Среднеканский р-н — 444 чел., Северо-Эвенский — 575, Ольский — 1108)²⁵⁵. В колхозах с комплексным направлением хозяйства, а таких было большинство, шло интенсивное перетекание трудовых ресурсов из оленеводства в те отрасли аграрного сектора, где оплата была существенно выше — рыболовство и пушной промысел. Часть аборигенов, особенно проживающих в промышленно развитых районах, переходила на работу в сферы, не связанные с традиционным хозяйством. К концу 1950-х гг. оленеводство поразил кадровый кризис.

Весьма показательным, что побуждающим мотивом занятия оленеводством для некоторых эвенов являлась в большей степени приверженность советской идеологии, а не этническим традициям. Так, эвен, бригадир одной из оленеводческих бригад колхоза «Рассвет», в 1963 г. признавался У. Г. Поповой: «Хотелось и хочется жить в доме, да что делать: я — коммунист, не имеют права отказать от работы, которой занимались мои предки, и сам я в детстве принимал в ней участие».

В последующие десятилетия сфера трудовой занятости коренных жителей региона существенно расширяется. Повышается общий уровень образования аборигенов, из их среды начинает выдвигаться интеллигенция. Эти люди предъявляли уже новые социально-экономические требования к трудовой занятости. Молодые аборигены, получавшие среднее образование в поселках и интернатах, не желали возвращаться в бригады, оленеводство было для них непривлекательно из-за тяжелого труда, отсутствия элементарных удобств, низкой заработной платы, уменьшения оленей в личной собственности. Особенно сильно эти процессы затронули те оленеводческие хозяйства, которые территориально располагались близко к промышленно развитым центрам, крупным населенным пунктам. В отдаленных и потому слабо развитых местностях и районах кадровая проблема стояла не так остро, однако их отсталость негативно сказывалась на социальной обустроенности оленеводов.

В связи с укрупнением колхозов и преобразованием их в совхозы шла структурная перестройка экономики хозяйств. Низкорентабельные отрасли, продукция которых не находила товарного сбыта, были переведены в разряд подсобных и их развитию уделялось второстепенное внимание. Таким образом, на задворках оказались такие традиционные виды деятельности аборигенов, как морской зверобойный промысел, домашние и кустарные промыслы (пошив меховой одежды, изготовление нарт, инструментов и т. д.). Вслед-

ствие этого на центральных усадьбах постепенно начал складываться деградиционный слой трудоспособного, но низкооплачиваемого населения, периодически занятого в производстве на подсобных работах.

В 1950–1960-е гг. трудоспособное коренное население перераспределяется между сферами занятости в пользу нетрадиционных сельскохозяйственных отраслей, а с 1970-х гг. — в пользу несельскохозяйственной занятости. Однако в дорыночный период большинство коренных жителей было все же занято в аграрном секторе экономики.

В настоящее время (данные на 01.03.2005 г.) первое место в ранге профессий магаданских аборигенов занимает позиция «младший обслуживающий персонал» (дворник, уборщик, санитар) — 159 чел., далее следуют рабочие и разнорабочие (без специальности) — 127 чел., почти столько же насчитывается квалифицированных рабочих, занятых промышленным трудом (бульдозерист, слесарь, строительный рабочий, водитель и т. д.). И только третье место занимает профессия оленевод — 123 чел. Таким образом, значительная часть обеспеченных работой коренных жителей занята низкопрофессиональным, а следовательно, и малооплачиваемым трудом. Невысок уровень оплаты и у оленеводов — она колеблется от 2 до 8 тыс. руб. в месяц в зависимости от нагрузки на одного пастуха.

Далее в списке профессиональной деятельности следуют воспитатели — 83 чел., рыбаки и рыбообработчики — 80 чел., средний медицинский персонал — 58 чел., продавцы — 54 чел., специалисты и госслужащие — 47 чел., бухгалтеры — 39 чел., руководители предприятий и административных структур — 36 чел., педагоги — 34 чел., руководители подразделений — 33 чел., сторожа и охранники — 33 чел., инспекторы — 25 чел., врачи — 23 чел., охотники — 21 чел. Другие виды профессиональной деятельности насчитывают менее 20 чел., в т. ч. такая этнически ориентированная занятость, как артист национального ансамбля — 2 чел., косторез — 3 чел. Из 5746 аборигенов Магаданской обл. численность экономически активных лиц составляет 2583 чел., из них в отраслях экономики региона заняты 1463 чел. (56,6 %)²⁵⁶.

К собственно же этническим профессиям, строго говоря, можно отнести лишь оленеводов, численность которых составляет примерно 9 % трудозанятых и 4 % трудоспособных лиц среди коренного населения. Труд рыбаков, рыбообработчиков и охотников, доля которых (в совокупности) еще ниже, давно утратил этническую специфику, но остается традиционно ориентиро-

ванным в силу исторического приоритета этих занятий для коренного населения.

Таким образом, под влиянием социально-экономических преобразований, происходивших в стране в течение XX в., особенно в последние десятилетия, профессиональная занятость коренных жителей утрачивает связь с традиционным хозяйством и переносится на другие сферы экономики, а это, в свою очередь, вызывает глубокие этнокультурные трансформации. При этом городские аборигены имеют достаточно высокие шансы трудоустройства, обучения и переподготовки. В среде же сельских аборигенов, особенно проживающих в отдаленных населенных пунктах, сформировалась застойная бедность. Работу в сельской местности в основном дают бюджетная сфера и ЖКХ. Особенности положения сельских аборигенов является экономическая, социальная и пространственная изоляция от основных источников жизнеобеспечения. Самостоятельно преодолеть нужду многие из них неспособны. Едва ли не единственным выходом поддержки таких домохозяйств в условиях исключения с рынка труда является включение в систему социальной защиты. Однако социальная помощь, направленная лишь на поддержание достигнутого уровня жизни, не может быть каналом восходящей мобильности для ее получателей.

Особенность современных социальных процессов у аборигенного населения Магаданской обл. заключается в том, что разрушение сельских сообществ происходит не за счет индустриального развития региона, а напротив, вследствие общей стагнации экономики и миграции населения в те немногочисленные местности, которые представляют собой «островки благополучия» хотя бы в бытовом плане. Успешная социально-экономическая адаптация аборигенов в сельской местности чрезвычайно затруднена. Вследствие этого в обиходе сельских жителей сохраняются (или же возникают вновь) архаичные черты образа жизни и элементы культуры, свойственные их предкам. Так, жизнь в сельской местности Северо-Эвенского р-на в настоящее время включает элементы традиционности. Это сушка юколы для собственного потребления и собак, ловля зайцев силками. Некоторые

сельские специально селятся на отдаленных заимках на берегу реки, чтобы у них не было проблем с доставкой воды и дров.

Складывается парадоксальная ситуация: в сельской местности традиционность консервируется из-за объективных причин, независящих от жителей, тогда как в городской — вследствие субъективных, а именно воли и желания самих аборигенов, с одной стороны, и деятельности специальных структур вмещающего сообщества — с другой. Диаметрально различается также локализация традиционности: если для сельских жителей она заключается в повседневной-бытовой сфере, то для городских — в «празднично-репрезентационной».

Действительно, для существования аборигенного сегмента в общекультурном пространстве не меньшее значение имеют мнение и деятельность окружающего общества. На протяжении всего периода межэтнических взаимодействий во вмещающем социуме создаются и работают специальные структуры, задачей которых является поддержание отличительных особенностей вмещаемой культуры. Из этого факта вытекают два важных следствия. Во-первых, культура меньшинства воспринимается не сплошным слоем, а в виде отдельных, дискретных элементов, получающих в силу такого восприятия знаковый характер. Некогда единая ткань культуры, таким образом, распадается на множество составляющих компонентов, и поддерживаемыми оказываются те из них, реализация которых сопряжена с наименьшими социально-экономическими издержками. Во-вторых, в аборигенном обществе возникает социальное движение симметричной направленности, приводящее к формированию элиты, особых специалистов и т. д., что вносит значительный вклад в формирование социальной иерархии аборигенов.

Социальные процессы, протекающие в среде коренных народов, носят необратимый характер, т. к. определяющее влияние на этнокультурные процессы оказывают ведущие тенденции общественного развития. В целом отмечается двойственный характер адаптационных процессов: межэтническое взаимодействие, с одной стороны, приводит к размыванию «объективных» культурных черт этнических меньшинств, с другой — конструированию новых вариантов отличительности.

ЭВЕНКИЙСКОЕ СЕЛО В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКИ

В основу статьи положены результаты этносоциологического исследования, проведенного среди дальневосточных эвенков в рамках реализации проекта по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, техногенным и социальным трансформациям». Опрос проводился по статистически представительной выборке среди взрослых эвенков в национальных селах Нелькан (Хабаровский край), Усть-Нюкжа и Ивановское (Амурская обл.).

Выбранные для исследования села представляют собой три модели хозяйственной и социокультурной адаптации эвенков к новым социально-экономическим условиям. Село Нелькан в известной мере втянуто в рыночную экономику. 51 % занятых жителей работает в частном секторе, 49 % — в государственном. В селе достаточно развитая социальная и производственная инфраструктура: здесь размещаются некоторые службы районной администрации, работают больница, средняя школа-интернат, детский сад, библиотека, Дом культуры, отделение милиции, почта, аэропорт, музей, предпринимательские структуры малого бизнеса. Все это создает более благоприятные условия для обеспечения занятости населения, а следовательно, и протестные настроения, столь характерные в последние годы для российского села, выражены в меньшей степени.

Социальная и производственная инфраструктура с. Усть-Нюкжа сохраняет традиционную направленность. В Усть-Нюкже работает колхоз «Нюкжа», 7 оленеводческих эвенкийских общин. Здесь сосредоточено самое крупное на юге Дальнего Востока стадо оленей — 3531. Усть-нюкжинские эвенки, известные в прошлом как орохоны, в меньшей степени затронуты ассимилятивными процессами, они представляют собой наиболее целостную этнокультурную группу эвенкийского этноса. Промежуточное положение между двумя этими селами занимает с. Ивановское.

В основу исследования положены методики, широко используемые в последние годы в аналогичных исследованиях: «социального термометра»; «идеологемы»; «интеракции» и др. Некоторые результаты проведенных исследований к настоящему времени отражены в серии публикаций²⁵⁷. В рамках настоящей статьи речь пойдет о трех аспектах проведенных исследований: типах производственных отношений, сложившихся у эвенков в последние

годы; характере трудового поведения различных групп коренного населения в новых условиях и изменениях в человеческом потенциале.

Итоги проведенных исследований дают основания говорить, что наиболее сложный и болезненный период адаптации к новым экономическим и социальным условиям остается позади. Люди приспособились к новой ситуации, оценивают свою жизнь не столь трагически как еще несколько лет назад (табл. 19). Заметно растет число тех, кто считает, что «все не так плохо» или «жить трудно, но можно». Этот рост особенно заметен в последние два года.

Таблица 19

Распределение ответов на вопрос:
«Как вы теперь оцениваете свою жизнь?»

Варианты ответов	Нелькан, 2006 г.	Усть-Нюкжа, 2007 г.	Ивановское, 2008 г.
Все не так плохо, можно жить	25,9	36,6	39,1
Жить трудно, но можно терпеть	48,2	56,1	58,5
Терпеть уже невозможно	25,9	7,3	2,4

Социально-экономическое положение эвенков заметно улучшилось в тех селах, куда уже проникли рыночные отношения, где появились частные предприятия, акционерные общества. В таких селах меньше безработица, выше заработная плата, в магазинах есть в достатке все, что 10–15 лет назад непросто было найти в региональных столицах. Социально-экономическое положение коренного населения не стало хуже там, где сохранились природные ресурсы, на которых базируется традиционная экономика народов Севера. Во многих случаях оно даже улучшилось. Ослаб государственный контроль над производственной деятельностью, люди получили возможность, пусть и не совсем законно, больше ловить рыбы, добывать пушнины, копытного зверя. Другое дело, что львиная доля промысловой продукции обогащает лишь небольшую часть наиболее изворотливых дельцов из числа русского-зычного населения. Контрасты между бедностью и богатством, характерные для современной России, в районах проживания народов Севера проявляются особенно.

Основным хозяйствующим субъектом в оленеводстве эвенков в настоящее время является родовая (семейная) община. Иногда это действительно семейный коллектив, чаще объединение семей, далеко не всегда связанных родственными отношениями. По сути своей современная община — переходная форма от социалистического государственного хозяйства к частному. Подобные производственные коллективы у эвенков существовали в первые годы коллективизации. Современная община — такой же производственный коллектив, только с обратным вектором развития: не от индивидуального хозяйства к коллективному, а от коллективного к индивидуальному. Есть и другое отличие. Подобные производственные коллективы всемерно поддерживались государством, которое стремилось к тому, чтобы труд в них был более привлекателен для единоличников. Современные общины представлены сами себе, государственная помощь ограничивается мизерными субсидиями на оленей.

Созданию по настоящему семейных общин (фермерского, а следовательно, и рыночного оленеводческого хозяйства) препятствует то, что далеко не каждая семья в состоянии вести такое хозяйство, поскольку это связано с кардинальной переменой образа жизни. Расстаться с привычной поселковой средой готовы далеко не все члены семьи. Чаще всего оленеводством в семье занимаются один-два человека. Вести самостоятельную жизнь в тайге им сложно, отсюда стремление к объединению с такими же, как они, одиночками из других семей. Созданные по такому принципу общины неустойчивы, интересы семей, составляющих общину, часто приходят в противоречие. Работа в общий котел, а именно этот принцип лежит в основе общин, вызывает обиды и недоразумения и в конечном счете ведет к их распаду.

Олени, переданные общине совхозами и фактически являющиеся собственностью членов общины, в представлениях эвенков и государственных органов сохраняют статус общественных. Это противоречие, заложенное нормативными документами при реорганизации совхозов, и есть, пожалуй, главное препятствие на пути превращения общинного оленеводства в отрасль рыночного хозяйства.

Параллельно с общинным оленеводством функционирует частное, которое государственными и местными органами власти не воспринимается в качестве институционального субъекта. Государственная финансовая поддержка в виде субсидий лишь общинного оленеводства воспринимается оленеводами как хитрый ход государства, не отказавшегося от своего права на оленей, а лишь замаскировавшего его. Оленеводы приняли предло-

женные государством правила игры по принципу «с паршивой овцы хоть шерсти клок». Субсидии используются не для повышения эффективности общинного оленеводства, а для сохранения личного поголовья. Недоверие государству, глубоко укоренившееся в сознании людей, неверие в необратимость социально-экономических перемен стимулируют развитие самых неэффективных форм адаптационных стратегий — изоляцию и пассивную адаптацию.

Руководители местных органов власти рассматривают будущее оленеводства, как правило, пессимистически. По их мнению, оленеводство и рыночные отношения несовместимы, все олени должны быть частными. Действительно, существующая статистика, при всей ее ущербности, свидетельствует, что частное оленеводство в современных условиях более эффективно. Авторы исследования²⁵⁸, проведенного в Институте географии Санкт-Петербургского государственного университета, пришли к такому же выводу.

У общинного оленеводства на юге Дальнего Востока в той форме, как оно сложилось к настоящему времени, нет перспектив для развития. Государству необходимо окончательно определиться в своих отношениях с формой собственности в этой традиционной отрасли. Надо отказаться от деления оленей на личных и общинных. Для этого прежде всего необходимо создать принципиально равные условия для частного (семейного) и коллективного (общинного) хозяйства. Государственные субсидии на развитие оленеводства должны распространяться не только на юридических, но и физических лиц. Помощь частным оленеводческим хозяйствам не должна сводиться только к финансовой помощи. Не менее, а может быть, и более важная задача сегодняшнего дня — восстановить управляемость отраслью хотя бы на региональном и местном уровнях.

Другая отрасль традиционного хозяйства эвенков — охотничий промысел, в отличие от оленеводства, вписалась в рыночные отношения довольно быстро, но эти отношения весьма специфического свойства. Государственная монополия в охотничьем промысле была разрушена в конце 1980-х гг. Появились десятки официально зарегистрированных ЧП (охотпользователей). К этому подталкивала высокая стоимость соболя на пушном международном рынке. При средней закупочной цене в 140 руб. соболиный промысел давал в тот период громадные деньги. Соболиное эльдорадо на основе частной инициативы, однако, длилось недолго. Очень скоро произошло затоваривание рынка, цены сильно упали.

В 1990-е гг. частная деятельность в охотпромысле была запрещена. Промысловую территорию

поделили между общинами и национальными предприятиями, учредителями (охотпользователями) которых в большинстве своем стали русские, причем чаще всего неместные. Чтобы получить статус национального предприятия (общины), пользующегося налоговыми льготами, в него включают эвенков с их охотничьими участками. Промысловая территория предприятия не является собственностью охотпользователя, он не имеет права отобрать участок у охотника, но он вправе устанавливать определенные правила игры — выдавать лимит на участок, требовать от охотника обязательной сдачи определенного количества соболей. Сам он не несет перед охотником никаких обязательств. Главная его задача — как можно дешевле скупить у охотника пушнину. Вся организация промысла (продукты, боеприпасы, заброска на участок и т. п.) лежит на самом охотнике.

Штатных охотников у большинства охотпользователей нет, люди зарплаты не получают, соответственно, и никаких отчислений в бюджет и пенсионный фонд не делается. Существует две формы реализации охотником пушнины: сдача на комиссию и прямая реализация. В первом случае охотник получает реальную стоимость сданной пушнины, но после аукциона. Однако такой формой пользуются немногие. Людям нужны деньги, и чаще всего оговоренное число соболей продают на условиях охотпользователя сразу после промысла. При такой системе закупки охотник теряет более половины реальной стоимости шкурки. Прибыль посредников, через которых пушнина попадает на аукцион, составляет 200–300 %. Значительная часть пушнины, кроме того, уходит на черный рынок, поскольку частник платит чуть дороже охотпользователя. По экспертным оценкам, только в Амурской области у населения эвенкийских сел ежегодно остается на руках в среднем 3500–4000 соболей. Вся эта продукция и поступает на черный рынок.

К сожалению, борьбы с черным рынком пушнины на юге Дальнего Востока никто не ведет. Некоторые попытки в этом отношении известны лишь в Усть-Нюкже и Ивановском, где бывшие совхозы, возродив факторийную систему закупки пушнины, пытаются вытеснить с рынка частных скупщиков. Большинство охотников, специалистов-охотоведов не жаждут возрождения государственной монополии на охотничий промысел, тем не менее все говорят о необходимости серьезной перестройки системы управления охотничьим хозяйством.

Несмотря на трудности, связанные со становлением рыночных отношений, значительная часть эвенков не желает возвращения в советское прошлое (табл. 20). Около трети эвенков во всех селах

не хочет такого возвращения. Потенциальными противниками возвращения можно считать и тех, кто затруднился с ответом на вопрос. Определенная тоска по относительно спокойной советской жизни, безусловно, присутствует, но она характерна для тех респондентов, которые не смогли пока вписаться в рыночные отношения, как бы зависли между прошлым и будущим. В целом ориентированность на прежнюю жизнь у эвенков выражена в меньшей степени, чем у сельского населения ряда русского областей, где число тех, кто хотел бы вернуться к прежней жизни, достигает 70 %²⁵⁹.

Таблица 20

**Распределение ответов на вопрос:
«Хотели бы вы, чтобы страна вернулась к тому,
что было до реформ 1990-х гг.?», %**

Варианты ответов	Нелькан	Усть-Нюкжа	Ивановское
Скорее да	43,6	51,2	30,2
Скорее нет	30,8	26,8	27,9
Затруднились с ответом	25,6	22,0	41,8

Новые социально-экономические отношения не могут не отражаться на характере трудового поведения эвенков. Уверенно можно говорить о возросшей социальной мобильности коренного населения. Для улучшения своего экономического положения готовы поменять работу и профессию в Ивановском почти 42 % опрошенных, в Нелькане — 34,1 %, в Усть-Нюкже — около 25 %. Немногим ниже и доля тех, кто ради этого готов сменить место жительства: 23,2; 36,7 и 20 % соответственно. Около 10 % опрошенных во всех селах подумывают о занятии бизнесом, хотя и понимают его рискованность.

Явно рыночные приоритеты просматриваются в ответах эвенков на вопрос: «Какие аспекты труда представляются для вас лично наиболее важными?» Абсолютное большинство опрошенных во всех селах (от 70 до 92 %) на первое место поставили «высокий заработок». Любопытно, что в ряде случаев такой выбор аргументируется дополнительным комментарием — «при нынешних ценах». Среди других важнейших мотиваций — «надежность места работы» (62–67 %) и «интересная работа» (50–52 %). Значимыми факторами (30–35 %) представляются также «продвижение по службе», «самостоятельная работа» и «соответствие работы способностям», что может свидетельствовать о высокой степени прагматизма, на котором и строятся рыночные отношения.

Еще одним показателем серьезных перемен в трудовой мотивации эвенков является оценка ре-

Распределение ответов на вопрос: «В какой мере надо ограничивать частную собственность?», %

Варианты ответов*	Нелькан	Усть-Нюкжа	Ивановское
Частную собственность надо строго ограничивать	11,0	17,1	11,6
Частную собственность надо ограничивать в определенной мере	46,3	44,0	44,0
Частная собственность ничем не должна быть ограничена	18,3	14,6	13,9

* В таблице не учтена группа затруднившихся с ответом.

спондентами наиболее важных качеств, присущих современному работнику. В качестве таковых 44,2 % опрошенных во всех селах назвали инициативность, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни. Число тех, для кого уважение к традициям и обычаям представляется более важным, несколько больше — 46,5 %, но среди них преобладают лица старших возрастов.

Опрос выявил еще одну интересную группу. Она немногочисленна (9,3 %), но, видимо, с ней можно связывать зарождение в аборигенной среде тенденции культурно ориентированного многовариантного саморазвития. Для респондентов этой группы наиболее важным качеством в человеке-работнике является инициативность в обязательном сочетании с уважением к этнической традиции.

Чрезвычайно любопытным представляется такой аспект исследований, как изменения в человеческом потенциале эвенков. Появились основания говорить о существенных сдвигах в ментальности коренного населения, что в корне меняет традиционные представления об аборигенных сообществах как глубоко статичных, практически не реформируемых социальных образованиях. При всех сложностях переходного периода достаточно отчетливо фиксируется ориентация эвенков на новые формы жизнедеятельности. Отмечена достаточно неожиданная для коренных народов высокая степень доверия к частной форме собственности (табл. 21).

Как видим, безусловных ее противников, считающих, что ее надо строго ограничивать в любых формах, немного. Немного и откровенных ее сторонников. Большинство занимают в этом вопросе достаточно взвешенную позицию, считая, что частную собственность надо ограничивать лишь в определенной степени.

Отношение к развитию частной собственности в абстрактной постановке вопроса определяется разными факторами, среди которых немаловажную роль играют стереотипы советского периода истории эвенков. Негативное отношение к ней, воспитывавшееся со школьной скамьи, ее полное отсутствие в реальной жизни продолжают оказывать свое воздействие на сознание. Ситуация заметно меняется, когда речь заходит о конкретных формах собственности. Особенно много тех, кто считает целесообразным развивать частную собственность на землю (табл. 22). Число сторонников частной собственности на землю сопоставимо с аналогичными оценками в крупных городах страны и заметно больше, чем у сельских жителей в ряде регионов России²⁶⁰.

Таблица 22

Отношение к развитию частной собственности, %

Оценка	На землю			В промышленности			В сфере обслуживания		
	Нелькан	Усть-Нюкжа	Ивановское	Нелькан	Усть-Нюкжа	Ивановское	Нелькан	Усть-Нюкжа	Ивановское
Положительная	48	32	51	19	22	26	59	29	65
Отрицательная	31	27	21	45	15	37	16	22	7
Индекс*	+17	+5	+30	-26	+7	-11	+43	+7	+58

* Индекс — разность между числом респондентов, давших положительные и отрицательные ответы.

Для эвенков право собственности на землю ассоциируется прежде всего с правом на промышленные угодья. Пиетет к частной собственности на землю у эвенков может показаться нежиз-

ненным. Хорошо известно, что традиции частной собственности на землю в прошлом у них не было. Промысловые территории, безусловно, имели своих хозяев в лице тех или иных семей,

**Распределение ответов на вопрос:
«К кому вы предпочитаете обращаться за помощью
в трудную минуту жизни?», %**

Варианты ответов*	Нелькан	Усть-Нюкжа	Ивановское
К членам своей семьи и родственникам	54,2	73,2	53,5
Предпочитаю сам решать свои проблемы	50,6	22,0	44,2
К представителям местной власти	12,0	9,7	13,9
К ближайшим соседям	4,8	2,4	16,3
К людям своей национальности	2,4	4,9	4,6

* Сумма показателей не равна 100 %, респонденты могли выбирать несколько вариантов.

кочевых объединений, однако они не воспринимались как собственность. Столь заметная перемена в отношении к земле связана с реальностью социально-политических отношений последнего времени.

Идея территорий традиционного природопользования, столь близкая коренным народам, обернулась сплошной фикцией. Несмотря на то что после принятия соответствующего закона прошло уже несколько лет, до сих пор в стране не закреплено ни одной такой территории. Между тем в национальных селах все громче звучат разговоры о грядущей приватизации лесов. В этих условиях вполне объяснимо желание людей стать реальными собственниками промысловых угодий, которые при массовой сельской безработице становятся, по существу, единственным средством жизнеобеспечения. Налицо и стремление значительной части эвенков приобрести (при разумной цене) другие виды собственности. В Ивановском об этом заявили 41,8 % опрошенных, в Нелькане — 36 %, в Усть-Нюкже — 28 %.

Достаточно высокая степень привлекательности частной формы собственности дает основание говорить о формировании у эвенков принципиально новой формы идентичности — собственнической. Традиционный коллективизм народов Севера ощутимо уступает место индивидуальному творчеству.

Особенно это характерно для Нелькана (табл. 23). Здесь более половины опрошенных предпочитает решать свои проблемы самостоятельно, а не обращаться за помощью к кому-либо. Близкие цифры в Ивановском. Выпадает из этого ряда Усть-Нюкжа. Столь заметные различия в цифрах — результат разной модели общественного развития в последнее десятилетие. В Нелькане и в Ивановском более богатый опыт рыночных отношений. Сразу после ликвидации совхозов (1992) люди здесь были буквально вброшены в «рыночные воды» и вынуждены были надеяться только на себя. В Усть-Нюкже этого не случилось. Совхоз продолжал существовать до 2001 г. Люди до последнего держались за совхозный статус, надеясь, что все вернется в прежнее состояние. Эта надежда оставалась и после того, как на базе совхоза возник колхоз. И только в самые последние годы, когда стало окончательно ясно, что возврата к прошлому не будет, люди стали задумываться о собственной ответственности за свою судьбу. В целом установка на то, что кто-то улучшит твою жизнь, не исчезла у эвенков окончательно, но стремление к самостоятельности, инициативе, личной ответственности за свою судьбу прослеживается достаточно отчетливо.

Переход от коллективизма к индивидуализму предполагает наличие терпимого отношения к богатству. И действительно, свое позитивное отношение к предпринимателям, олицетворяющим в глазах сельских жителей высокий достаток и благополучие, высказало в Нелькане 38 % опрошенных, в Ивановском — более половины. Предпринимательство в этих селах уже имеет свою историю, люди сумели оценить его положительные результаты. Усть-Нюкжа в этом отношении делает лишь первые шаги. К тому же предпринимательство здесь весьма специфического свойства — в селе нет предпринимательской конкуренции. Не случайно и число тех, кто относится к нему положительно, заметно меньше — 17 %. Весьма показательным, однако, что во всех селах число тех, кто относится к предпринимателям хорошо, существенно превышает тех, кто относится к ним плохо.

Вместе с тем отношение к бедности и богатству не так уж однозначно. С суждением «Различия между бедными и богатыми справедливы» согласились от 12 до 28 % респондентов, примерно столько же затруднились ответить. Не согласны с таким суждением от 55 до 73 %. Думается, что в основе преобладающего несогласия лежит не искренняя убежденность в изначальной несправедливости богатства, а скорее всего убежденность, внушенная, с одной стороны, средствами массовой информации, с другой — спецификой формирования богатства в современной России.

Формирование новых форм идентичности, в т. ч. и новое осознание себя как личности, делает весьма актуальным вопрос об иждивенчестве корен-

ных народов. Как показывают результаты опросов (табл. 24), пока эвенки явно не готовы к либеральной модели взаимоотношений государства и человека, но и упрекать их в массовом иждивенчестве, что так любят местные органы власти, нет оснований. В целом около половины опрошенных показали себя сторонниками социального государства, но такой выбор вряд ли можно назвать иждивенчеством.

Вместе с тем респонденты отнюдь не отрицают его наличия у определенной части населения. Иждивенчество как отрицательное качество, присущее современному состоянию этноса, назвало в селах от 26 до 29 % опрошенных. Сторонников «равенства в бедности» в Усть-Нюкже почти в 2 раза больше, чем в других селах, но такая ситуация вообще характерна для людей, брошенных в рыночные отношения. Сторонники уравнилельного распределения преобладают среди лиц старших возрастов и с низким уровнем образования. Именно эти категории населения сталкиваются сегодня с наибольшими проблемами. В целом же надежда на государство не является определяющим мотивом поведения людей.

Таблица 24

Распределение ответов на вопрос:

«С каким из ниже перечисленных суждений вы согласны в наибольшей степени?», %

Варианты ответов*	Нелькан	Усть-Нюкжа	Ивановское
Государство дает понемногу, но зато всем поровну	37,8	68,3	23,2
Государство должно помогать только слабым и беспомощным	31,7	9,7	25,6
Государство гарантирует всем только минимум, хочешь большего, добивайся сам	22,0	14,6	34,9
Государство не должно вмешиваться в жизнь граждан, каждый должен рассчитывать на себя	6,1	4,9	11,6

* В таблице не учтена группа затруднившихся с ответом.

В материалах этносоциологического опроса у эвенков не просматривается конфликта гражданской (государственной) и этнической идентичности, речь скорее может идти об их достаточно полном совмещении (табл. 25). Всплеск этнической идентичности, фиксируемый в последние годы у многих российских народов, нехарактерен для большинства эвенков. Процесс разгосударствления со-

знания человека, фиксируемый исследователями в других регионах страны и у других народов, особенно титульных, затронул эвенков в меньшей степени. Этническое самоопределение они дают себе гораздо реже, чем называют себя гражданами России.

Таблица 25

Распределение ответов на вопрос:
«Кем вы себя осознаете в наибольшей степени?», %

Варианты ответов*	Нелькан	Усть-Нюкжа	Ивановское
Жителем своего села	55	75,6	76,7
Гражданином РФ	50	78,0	76,7
Дальневосточником	36	14,6	34,9
Представителем своего народа	22	61,1	48,8
Жителем своего района	22	12,2	14,0
Жителем своего края (области)	17	14,6	7,0
Представителем своей профессии	14	19,5	14,0

* Сумма показателей не равна 100 %, респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Заметно уступая другим видам идентичности, этническая принадлежность, однако, не потеряла для эвенков своей значимости. В Нелькане почти половина опрошенных никогда не забывает о том, что они являются представителями своего народа (табл. 26), в Усть-Нюкже и Ивановском таких почти две трети. Симптоматично, что во всех селах доля тех, для кого национальность не имеет значения, примерно соответствуют доли смешанных в этническом отношении семей. Для них характерен амбивалентный тип этнической идентичности, присущий обычно этнически смешанной среде.

Таблица 26

Оценка значимости этнической принадлежности для респондентов, %

Варианты ответов	Нелькан	Усть-Нюкжа	Ивановское
Для меня не имеют значения моя национальность и национальность окружающих	53,7	36,6	36,6
Я никогда не забываю, что я представитель своего народа	46,3	63,4	63,4

Этничность поддерживает, с одной стороны, государственная политика по отношению к кореным малочисленным народам, с другой — наличие нерешенных вопросов в сфере межэтнических отношений. Этническая идентичность начинает уступать свое место другим формам самоидентификации. Нельзя сказать, что этот процесс проявляется уж очень сильно. Тем не менее общий вектор государственной политики по конструированию новых форм самоидентификации затрагивает и эвенков.

В наборе качеств, присущих в настоящее время эвенкам, очень низкими показателями оценивается этническая солидарность, что может говорить о переходе ассимилятивных процессов на качественно новую ступень. Вместе тем ассимилятивные процессы у дальневосточных эвенков в последние годы хотя и приобретают ускорение, но по-прежнему не приводят к логическому завершению ассимиляции — смене этничности. В этом направлении одновременно действуют две противоположно направленные тенденции — ускорение и торможение ассимиляции.

Ускоряющими факторами являются изменения в образе жизни населения, разрушение сложившегося этнохозяйственного комплекса, серьезная деформация семейно-брачных отношений, повлекшая за собой быструю утрату языка, других элементов традиционной культуры, миграционные процессы. В комплексе этих причин следует особенно выделить изменения в социально-профессиональной однородности этноса. Большинство эвенков в настоящее время работает в государственных организациях и учреждениях, в жилищно-коммунальном хозяйстве. По образу жизни, интересам и устремлениям они уже существенно отличаются от тех, кто занят еще традиционным трудом. Именно эта часть эвенкийского этноса сегодня наиболее многочисленна и наиболее открыта для ассимилятивных процессов.

Среди факторов, тормозящих ассимилятивные процессы, прежде всего следует назвать государственную политику по отношению к кореным народам, во многом направленную на конструирование этничности. Известные коррективы в этой области в 1990-е гг. в чем-то ослабили это воздействие, а в чем-то и укрепили его. В условиях политической либерализации роль этнической принадлежности особенно возросла в части преимуществ в области приватизации природных ресурсов. Правда, они существуют пока на уровне правовой нормы, но и этого оказывается вполне достаточно для устойчивого сохранения и воспроизводства этничности. Нельзя не учитывать и тормозящее воздействие социально-

экономического кризиса. В трудные минуты жизни человек ищет спасение и поддержку в семье, среди родных и близких. Также поступают и этнические общности, для которых своеобразной соломинкой утопающего является этническая солидарность. После распада советской системы, потери устойчивой социальной идентичности людям потребовались новые ориентиры для восстановления стабильности.

Важным фактором торможения ассимилятивных процессов является культурная граница между эвенками и приезжими, которая в последние годы стала более заметной. Идеологическая консолидация на базе общесоветских ценностей, включая антизападные ориентации, в известной мере объединяла коренное и приезжее население. Изменения в политической и идеологической сферах, произошедшие в 1990-е гг., по существу, лишили общего духовного пространства как тех, так и других. На смену «социалистическому патриотизму» пришли этнические и отчасти религиозные чувства. Традиционные коды и символы духовной культуры, казалось бы, давно исчерпавшие свои возможности, вдруг вновь стали важны. Нельзя сказать, что они превратились в некую культурную норму (схожести между приезжим и коренным населением неизмеримо больше, чем различий), но в отличие от прошлых лет они стали восприниматься как существенный жизненный ресурс. Безусловно, культурная граница между коренным и приезжим населением в большей степени воображаемая, чем реальная, но она существует и во многом стабилизирует этническое самосознание.

Еще один тормозящий фактор, который требует особенно пристального внимания общества, — специфическое отношение к кореным малочисленным народам со стороны определенной части окружающего населения и отдельных представителей органов власти. Пренебрежение, демонстрируемое чаще всего скрытно, а иногда и весьма откровенно, упорное нежелание признать их «своими», такими же как «мы», порождает напряженные взаимоотношения коренных народов с местной управленческой и бизнес-элитой, способствует мобилизации этнического самосознания, осложняющей межэтническое взаимодействие. Подобное отношение ведет к формированию диспорной модели образа жизни эвенков, формирует у них чувство особости, повышает этническую солидарность. В этих условиях все другие показатели ассимиляции становятся в высшей степени несущественными.

В заключение необходимо сказать несколько слов о современных политических и ценностных ориентациях. Распад СССР, обращение государ-

**Распределение ответов на вопрос:
«Какой стратегии должно придерживаться правительство
во взаимоотношениях с западными странами»? , %**

Варианты ответов*	Нелькан	Усть-Нюкжа	Ивановское
Развивать сотрудничество с Западом, не жертвуя при этом своими интересами	53,0	63,4	60,5
Не распродавать природные богатства	49,4	36,6	37,2
Дистанцироваться от большинства мировых проблем, жить своими интересами	8,4	4,9	4,6
Жить по тем же принципам, что и страны Запада	3,6	4,9	4,60
Вернуться к политике холодной войны	0	0	0

* Сумма показателей не равна 100 %, респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

ства к новым ценностям (правовое государство, многопартийность, свобода слова, религия, демократия и т. п.) не может не оказывать своего воздействия и на эвенков. Их отношение к этим ценностям не однозначно. В отношении свободы слова и более тесных отношений с Западом положительные оценки преобладают над отрицательными. К многопартийности отношение в большей степени отрицательное. Обращает внимание большое число затруднившихся с ответом на эти вопросы — от 24 до 44 %. Число тех, кто хорошо относится к коммунистам, в 3–4 раза больше тех, кто относится к ним плохо. По отношению к демократам отрицательных оценок в 2–5 раз больше положительных, однако и к тем, и другим преобладает все же безразличное отношение. Современные разборки между политическими противниками мало интересуют население, озабоченное совсем другими проблемами.

Недовольство современной идеологией государства практически не просматривается в ответах респондентов, устранение от власти КПСС и ее идеологии в качестве существенной потери для государства рассматривает от 10 до 24 % опрошенных, а преобладание негативных оценок над положительными по отношению к демократам обусловлено в основном «протестным сознанием». За неприятием «демократов» стоят не демократические ценности как таковые, а раздражение по поводу демократической риторики, которая никак не приводит к нужным результатам. Что же касается самих демократических ценностей, то весьма показательна в этом смысле отношение респондентов к такой фундаментальной составляющей демократического государства, как права человека. Отвечая на вопрос: «Какие права представляются вам наиболее приоритетными?» — $\frac{4}{5}$ респондентов во всех селах отдали предпочтение правам человека, о приоритетности прав народов заявила соответственно $\frac{1}{5}$ опрошенных. Любопытно, что с ответом на этот вопрос не было затруднившихся.

Патриотические и внешнеполитические ориентации, выявленные в ходе опроса, достаточно прагматичны (табл. 27). «Желаемая Россия» в представлениях большинства эвенков — это страна, развивающая тесное сотрудничество с Западом, не жертвующая при этом своими национальными интересами и не распродающая природные богатства. Желающих дистанцироваться от большинства мировых проблем, жить исключительно своими интересами, очень немного, но жить по тем же принципам, что и страны Запада, и того меньше. Возвращаться к политике холодной войны не хочет никто.

Милитаристская составляющая в патриотическом сознании не исчезла окончательно. С утверждением, что «для сохранения военной мощи России можно идти на снижение уровня жизни населения», согласилось от 10 до 20 % опрошенных. Среди тех, кто готов «еще потерпеть» ради сохранения военной мощи страны, преобладают лица с советской ментальностью «осажденной крепости» — респонденты старших возрастов с достаточно высоким уровнем образования.

В целом можно говорить, что в ментальности эвенков за последние годы произошли существенные сдвиги. Это в корне меняет традиционные представления об аборигенных сообществах как глубоко статичных, практически не реформируемых социальных образованиях. Эвенки оптимистичнее оценивают свою жизнь, адаптируясь к реальному состоянию общества и условиям повседневной жизни. Они демонстрирует высокую жизнеспособность. Характерная для них культурная многослойность, открытость к заимствованиям, наличие богатых природных ресурсов создают благоприятные возможности для дальнейшей трансформации сложившихся форм жизни. Конф-

ликт с реальной жизнью, безусловно, существует, но этот конфликт нельзя назвать отторжением действительности.

Результаты этносоциологических исследований выявляют весьма противоречивые тенденции по целому ряду жизненных ситуаций — сочетание, казалось бы, противоположных позиций. Так, например, весьма безразличное отношение к демократическим институтам страны явно противоречат новым цен-

ностным ориентациям, которые, в свою очередь, являются порождением процесса демократизации и новых отношений собственности. Желание жить лучше, понимание личной ответственности за благополучие семьи не подкрепляется, однако, активными действиями в этом направлении. Эти и подобные противоречия, думается, отражают переходный характер эпохи, когда в сознании причудливо переплетаются старые и новые представления.

Гришкина М. В., Никитина Г. А., ШUTOва Н. И.

ОПЫТ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ КАМСКО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА К ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНОЙ СРЕДЕ И СОЦИАЛЬНЫМ ТРАНСФОРМАЦИЯМ

В данной статье представлен материал исследований, проводившихся в рамках проекта «Адаптационные ресурсы и практики народов Камско-Вятского региона в условиях российских трансформаций» по трем направлениям. Первое посвящено изучению историко-культурного ландшафта как формы адаптации к условиям среды обитания. Понятие историко-культурного ландшафта предполагает рассмотрение процессов расселения, взаимодействия этнических и социальных групп населения, хозяйственного и духовного освоения в исторической ретроспективе. Основное внимание акцентируется на реконструкции символического обустройства пространства.

Анализ археологических материалов, природных характеристик места расположения культовых и культурных объектов (географические координаты, геоботанические данные, флора, фауна), привлечение исторических свидетельств (письменные документы, сведения краеведов и исследователей XVIII–XIX вв.) и фольклорно-этнографических данных (легенды, предания, опрос информантов) позволили охарактеризовать основные контуры виртуального ландшафта региона в эпоху средневековья²⁶¹, проследить историю заселения и эволюцию культурного пространства Кузубаевской округи (Алнашский р-н Удмуртской Республики) в синхронном и диахронном срезе. Помимо Кузубаевской округи исследовалось состояние локальных форм и путей формирования культурного ландшафта около десятка других местностей в Удмуртии, Татарстане, Кировской обл. Приведем некоторые примеры.

Староучинский куст удмуртских д. Старая Уча, Верхние Шуни, Важашур, Новый и Старый Каницар, Починок-Сутер, Нижняя и Новая Уча, Нижняя Русь в бассейне р. Ши, правого притока р. Вятки

(Кукморский р-н Республики Татарстан) расположены в подзоне широколиственно-хвойных лесов, однако ныне пейзаж этой местности выглядит почти безлесным. Как правило, населенные пункты прилегают к долинам р. и речушек в окружении распаханых полей. Луга и поля перемежаются группами деревьев, оставшихся от оберегаемых местными жителями священных рощ и кладбищ, расчлняются рядами берез, сосен или тополей, высаженных вдоль границ сельских угодий. Рельеф холмистый. На 1989 г. плотность населения в этих краях составляла 9–12 чел./км². Преобладают темно-серые лесные почвы²⁶². Жители округи составляли родственную локальную группу в составе завятских удмуртов (завятские — кукморские и балтасинские — удмурты обитают на правом берегу нижнего течения р. Вятки в изоляции от основного этнического массива в иноэтничном, преимущественно татарском окружении). С точки зрения религиозных и в целом социокультурных традиций центральное структурообразующее положение занимала Старая Уча — самое раннее поселение, отсюда происходило последующее заселение окрестных территорий²⁶³.

Святылища в материнской д. Старая Уча для молений семейно-родовым покровителям (общедеревенская Великая (*Бьдзым*) *куала*, родовые/патронимические *мудор-куалы*) размещались на правом берегу части деревни. С точки зрения топографии и планиграфии общедеревенская святыня была устроена на округлом возвышении правого берега реки посередине деревни. Родовые священные рощи-*луды*, посвященные хозяевам Дикой Природы, наоборот, занимали возвышенные участки противоположного левого берега реки. Они принадлежали четырем родственным объединениям — *Норель-Луд* — «роща Нореля», *Бьжо-*

Луд — «роща Быжо», *Гурьян-Луд* — «роща Гурьяна» и *Эсымбай-Луд* — «роща Эсымбая/Эсембая/Эшембая». В связи с переселением и отделением патронимической группы, почитавшей рощу *Эсымбай-Луд*, от нее отпочковалась и была основана новая священная роща *Эсымбай-Луд* (*Эшембай-Луд*) в соседней д. Новой Уча. Тем не менее моление в староучинской роще *Эсымбай-Луд* продолжали посещать представители родственной группы, ведущей свое происхождение от родоначальника Эсымбая не только из Старой Учи, но и соседних селений.

Напротив д. Старая Уча, на возвышении левого берега Учи, размещалось и окружное (общественное) моление исследуемой группы удмуртов *Мерен куриськон/Мерен куштон*. Прежде это место было покрыто густым лесом, у склона площадки бьет сильный родник. Со святилища открывается широкая панорама окрестных лугов и деревень. Жители выселившихся из Старой Учи деревень продолжали посещать моления, проводимые в материнской деревне, в окружном общественном святилище *Мерен куштон*. Временами староучинские жители совершали жертвенные возлияния на старом заброшенном поселении Четкер (археологический памятник XII—XIV вв.). В округе имелись площадки для проведения аграрных молений — *акашка* (весенний праздник, начало пахотных работ) и *дью курбон инты* (место моления о хорошем урожае). В низинных местах возле елей совершалось приношение даров злым духам, лоящим людей и насылающим на них болезни. До христианизации на окраине каждой деревни, ниже по течению реки от селения, имелось свое кладбище и место совершения поминального обряда *йыр-тыд сётон* — «давание головы и ног».

Наибольшим почитанием среди удмуртов этих мест пользовались сосны, они имели высокий сакральный статус в рощах-*лудах* и на окружном молении *Куриськон*. Почитались и другие породы деревьев — березы, лиственницы, ели. Ель чаще ассоциировали с низшими злыми существами, обитающими в низинных местах. Для определения удобного и счастливого (с точки зрения человека традиционного общества) участка местности для поселения люди использовали женскую интуицию и чутье птиц. Так, благоприятным для проживания людей и строительства дома считалось место, на котором женщина увидит хороший сон, курица удачно высидит птенцов или это место облюбует лебедь. Близкие системы оформления культурного пространства были прослежены в Кузобаевской, Староюмьинской и Нырынской удмуртских округах, а также в окрестностях бесермянской д. Малый Дасос²⁶⁴.

Окрестности русских селений бывшей Вобловской волости Слободского уезда (ныне с. По-

лом, Иванцево, Сырьяны, Всехсвятское Белохолуницкого р-на Кировской обл.) располагаются между двумя левыми притоками р. Вятки — Белой и Черной Холуницей. Эти земли покрыты лесами, болотами, испещрены мелкими речушками. Поверхность холмисто-равнинная. Рассматриваемая территория входит в подзону южной тайги и характеризуется высокой степенью лесистости (около 90 %). Преобладают таежные леса на подзолистых и дерново-подзолистых почвах. Сельскохозяйственные земли занимают небольшой процент территории. Плотность населения на 1989 г. составляла на 1 км² 3–6 чел.²⁶⁵

Населенные пункты прилегают к крупным и средним рекам региона — Вятке, ее левым притокам Осетровке, Иванцево, Черной Холунице. Крестьяне занимались земледелием, скотоводством и отхожими промыслами, плотничали, катали валенки, производили кирпичи. Важным подспорьем служили работы на близлежащих Белохолуницком, Чернохолуницком, Климовском и Песковском горных заводах, охота, рыболовство. Многие жители занимались извозом.

Села здесь были основаны во второй половине XVI — начале XVII в.²⁶⁶ В XIX — начале XX в. каждое село с церковью составляло центр округа. Оно было окружено системой мелких деревень и починков, некоторые из них имели свои часовни. Например, в с. Сырьяны имелись каменная церковь и две деревянные часовни. Остальные семь часовен стояли в соседних деревнях Васильковской, Буровской, Васильевской, Коровкинской, Макалдинской, Муйнской, Стерлеговской²⁶⁷. В Сырянах праздновали Николу Вёшного (май) и Николу Зимнего (декабрь), проводили две ярмарки: Семеновскую (3 февраля) и Никольскую престольную (6 декабря). На эти праздники съезжалась вся округа. В прилегающих селениях отмечали Михайловскую (д. Стерляги), Ильинскую (д. Стариковцы), Ивановскую (д. Пашково) и Троицу (д. Вагино). В такие дни в деревню, в которой отмечали праздник, со всей округи, со всех починков собирались гости. Аналогичные способы организации культурного пространства и правила гостевания практиковали и в соседних округах — Иванцевском, Поломском, Всехсвятском²⁶⁸.

«Спасов округ» в бывшем Малмыжском уезде Вятской губернии (ныне Вятскополянский и Малмыжский р-ны Кировской обл.) включал русские деревни Киняусь, Ершовка, Матвеево, Каракули, Чекашево, села Кулыги, Слудка, Мериновщина и Старый Бурец, расположенные на правом берегу р. Вятки. Эти территории входят в подзону широколиственно-хвойных лесов, заняты сельскохозяйственными землями. Рельеф холмистый, развиты эрозионные процессы, которые привели

к образованию глубоких оврагов. Почвы дерново-подзолистые, дерново-карбонатные, серые лесные и пойменные. Плотность населения в 1989 г. составляла на 1 км² более 12 чел.²⁶⁹

По результатам исследования Ю. В. Приказчиковой, здесь выявлена сложная система почитания сакральных объектов, которая включала официальные христианские (церкви, часовни над родниками, кресты) и неофициальные местнотимые святыни (священные деревья, столбы-часовни). Часовни-памятники ставились у разъездов дорог, у ключа, на границе с полем, в деревне у домов, по пути движения крестного хода из Елабуги с чудотворным образом Спасителя, которую «подымали» вверх по течению р. Вятки. Обетные святыни очерчивали в горизонтальном пространстве два сакральных круга: первый ограничивал территорию своей деревни, выделяя ее среди соседних селений, второй маркировал ареал «своих» деревень, входящих в «Спасов округ» — залог стабильности и благополучия, и отделял близкородственное население от «чужого»²⁷⁰.

Характерные черты культурного ландшафта отдельных округов были обусловлены в большей степени этническими и конфессиональными различиями обитавших на них групп населения. На примере рассматриваемых микрорайонов зафиксировано как своеобразие виртуального пространства локальных территорий, так и черты общетипологического свойства в их формировании и эволюции.

Традиционная удмуртская система расселения и формирования культурного ландшафта предполагала существование религиозного центра с окружным святилищем, основными сакральными ценностями в старой материнской деревне, сети более мелких деревень, в каждой из которых имелись своя общедеревенская святыня, группа родовых или патронимических культовых объектов. За пределами каждого селения располагались священные места для почитания хозяев Дикой Природы и умерших предков. Культурный ландшафт удмуртских и берсермянских округов показывает высокую степень взаимосвязанности их обитателей с окружающей природной средой. Выдающиеся элементы ландшафта — возвышения, низины, родники с особыми свойствами, а также старые и сильные деревья активно использовались в ритуальной практике местного населения и в качестве сакральных памятников. Особое значение придавалось системе размещения культовых объектов относительно окультуренного деревенского пространства и речной долины.

Примеры христианской традиции формирования сакрального пространства также свидетельствуют о четкой внутренней структуре в локализации культовых объектов и пространственно-

временной организации заветных и храмовых праздников. Село с храмом являлось главным религиозным центром местности, в нем отмечали окружной церковный праздник, проходили окружные ярмарки. В окружающих деревнях, выселках, починках имелись свои почитаемые часовни. Каждое селение отвечало за проведение календарно приуроченного праздника, на который съезжались знакомые и родственники со всей округи. В сравнении с дохристианскими правилами формирования культурного пространства здесь наблюдается меньшая его соотнесенность с природными характеристиками местности. Как правило, православные сакральные объекты представляют собой искусственные рукотворные сооружения. Система размещения храмов, часовен, памятников на местности демонстрирует их сильную привязанность к поселениям: они маркируют участки заселенной территории (центр поселения, его окраины, сеть дорог, перекрестки и пр.), устроены в память каких-либо особых событий в жизни людей.

Своеобразие виртуального пространства русских деревень «Спасова круга» в бывшем Малмыжском уезде проявилось в существовании нескольких кругов сакральности, движении крестного хода строго вверх по течению реки, в особом оформлении часовен и особенностях их почитания. Перечисленные элементы имеют многочисленные параллели в традиционных удмуртских обрядах и позволяют говорить о причудливом симбиозе христианских идей и реликтов дохристианской культуры в практике и представлениях жителей этой местности.

Хорошо организованная система размещения и функционирования дохристианских и христианских культовых памятников и сакральных локусов, коллективное проведение аграрных и календарных праздников способствовали единению и сплочению людей каждой округи не только в хозяйственном и социальном плане, но и в духовном смысле. В пределах каждой локальной территории происходило регулярное воспроизводство сакральных ценностей и психологическая релаксация людей. Все это способствовало успешной адаптации сельского сообщества к занимаемой природной среде и к социально-экономическим условиям обитания.

Серьезной трансформацией, потребовавшей от удмуртов изменения стратегий адаптации, стало присоединение к Русскому государству. Процесс присоединения занял длительный период и был достаточно сложным. Начался он в последней четверти XV в. покорением Вятской земли, а завершился лишь к 1557 г., когда было окончательно подавлено восстание в завоеванном в 1552 г. Казанском крае. Пережив еще до падения Казани социокультурный шок, вызванный походом на Арскую землю в сентябре 1552 г. русского войска, в течение 10 дней

подвергавшего ее опустошению²⁷¹, арские люди приняли единственно возможное решение, обеспечивавшее выживание: прислали своих представителей бить челом Ивану IV и выразили согласие платить ясак в тех же размерах, что и казанским ханам.

Однако после декабря 1552 г. чаша весов стала склоняться к мятежу, т. е. деструктивному способу адаптации. Как и другие мятежные народы левобережья, удмурты не получили освобождения от уплаты ясака, на три года пожалованное горным марийцам и чувашам. Более того, в ходе восстания удмурты потеряли значительную часть социальной верхушки: в живых остались «убозие земледельцы»²⁷².

На первых порах, продолжая пребывать в состоянии социокультурного и психологического шока, удмурты в качестве механизма адаптации избрали мимикрию и самоизоляцию. Они уходили в лесные дебри верховьев Камы и Вятки, в Северо-Западную Башкирию, предпочитая контактам трудоемкий и затратный процесс разработки под пашню новых лесных массивов²⁷³. Численность удмуртов, попавших под официальный учет, была очень незначительной: даже в 1631 г. разрядные книги отмечали в Казанском уезде всего 983 двора «вотяцких ясашных людей»²⁷⁴. Способность удмуртов быстро исчезать при появлении иноэтничных соседей нашла яркое отражение в оценочных гетеростереотипах русских: удмуртов стали называть «серой мышью», сложились поговорки «вотяк бежит от русского, все равно что мышь от кошки», «вотяк любит прятать, а русский — на готовом стряпать»²⁷⁵.

Правительство не спешило в корне изменить положение новых подданных, в значительной мере сохраняя сложившийся «статус-кво». Каринские арские князья, вывезенные в Москву, в 1490 г. были возвращены назад, им были пожалованы огромные массивы земли в бассейне р. Чепцы, а также податной и судебный иммунитет. Политика заигрывания с «инородческой» социальной верхушкой Вятской земли продолжалась, пока не стабилизировалась обстановка в Казанском крае. После подавления последнего восстания в ходе реформы 1583–1588 гг. власть лишила арских князей тарханских прав и включила в состав черносошных крестьян. Удмурты и бесермяне, отведенные от них «судом и пошлиною», получили право экстерриториальности: вятские воеводы и их помощники не имели права въезжать в Каринскую волость «ни по что», валовой оброк «за все, про все», первоначально составлявший 500 руб., население привозило непосредственно в Москву. Здесь же рассматривались касавшиеся удмуртов судебные дела²⁷⁶.

В конце XVI–XVII вв. московская власть действовала достаточно осмотрительно и в отношении

южных удмуртов. В наказах казанским воеводам декларировалась необходимость «жити с великим бережением, держати ласка и привет, насилства, налогов и продаж и убытков ни в чем не чинить и посулов ни у кого ни от чего не имать». Восстановлению численности, ускорению социокультурной перестройки способствовало освобождение удмуртов от военной службы, поставка даточных людей была заменена денежной компенсацией: «На службу их не посылают, потому что емлетца с них в государеву казну перед черемисою лишней ясак...»²⁷⁷ В 1678 г. взыскание даточных людей с каринских удмуртов и бесермян также было заменено денежной податью в 1 руб. с выти²⁷⁸.

Постепенно удмуртские крестьяне изживали состояние шока и налаживали механизмы самоорганизации и взаимодействия с властью. Формой самоконструирования удмуртского мира стала единица мезоструктуры — крупная община, соответствующая северорусской общине-волости. Как гарант в защите общинной территории и как инстанция, ответственная пред фискальной системой государства, на севере края выступала община-доля, на юге — община-сотня, организованные по иерархическому принципу: внутри них существовали деревенские общины. Объединения с определенной территорией и функциями управления существовали у удмуртов задолго до присоединения²⁷⁹, однако массовые миграции привели к их дезорганизации.

На новых местах расселения общины воссоздавались постепенно. Дозорные книги 1615 г. зафиксировали на севере удмуртов «каринских» и «верх Чепцы реки». В писцовых книгах 1629, 1646 гг. различаются уже удмурты каринские, чепецкие и верхочепецкие. Впервые доли четко фиксируются в переписи 1662 г. приставных дворов удмуртов и бесермян. По мере разрастания территории и возрастания численности населения общины дробились: в 1717 г. выделялись 6 долей, в 1722 г. — 7²⁸⁰. Община-сотня, характерная для южной группы удмуртов, была не менее крупным образованием: в 1710–1716 гг. было зафиксировано 6 сотен, в 1763 г. было отмечено уже 18²⁸¹. Будучи главным адаптивным ресурсом удмуртского крестьянства, община вырабатывала механизмы, обеспечивавшие процесс взаимодействия с внешней средой, прежде всего с властью, выделяла группу лидеров, задачей которой было обеспечение коммуникаций. В северных удмуртских общинах к руководству устремились потомки бывших арских князей, в XVII в. отчаянно боровшиеся за сохранение монопольного права «старостить» и толмачить в удмуртских долях и использовавшие свое положение для захвата общинных угодий, мирских денег и закабаления крестьян²⁸².

Сложность положения выделяющейся удмуртской прослойки лидеров заключалась в том, что сами удмурты воспринимали ее как потенциально опасное явление. Негатив выражается уже в терминологии, используемой для их обозначения: *коштаньы, ушники, горланьы и ябедники*. Удмуртские крестьяне стремились вести борьбу с «врагом», подтачивавшим, с их точки зрения, устои общины. Так, с битых батогами «ябедников и коштанов Федки Павлова с товарищи» в 1699 г. общинники взяли поручную запись, что «им впредь не ябедничать, не ушничать и не коштанить, и никаких нападков и беды, и разорения никаких на мирских людей не наводить и тягостей в мир не чинить»²⁸³. Здесь невозможно не вспомнить анализ С. В. Лурье консервативных способов адаптации этноса к меняющимся условиям: «Слой общества, на котором лежит тяжесть внешних контактов, создает свой собственный вариант модификации этнической традиции. Из-за своей ценностной системы он неприемлем для большинства народа»²⁸⁴.

Проблема удмуртской общины как формы самоорганизации и механизма адаптации заключалась и в том, что среди удмуртов и бесермян было мало желающих брать на себя исполнение мирских должностей. Избираемый должен был соответствовать огромной ответственности, которая на него налагалась: быть человеком «добрым», т. е. умным, волевым, предприимчивым и здоровым. Поставленные между Сциллой и Харибдой, они должны были проявлять чудеса изворотливости, смекалки, не говоря уже об отличном знании русского языка и основ российского законодательства, не претендуя при этом на вознаграждение. Община обещала материальную поддержку в экстремальных ситуациях, но строго спрашивала за нарушения норм обычного права и общинной морали.

О том, насколько сложной оказывалась судьба общинных руководителей, ярко свидетельствует история Тукташа Юрегова. Будучи обеспеченным и влиятельным, в 1696 г. он был избран на общем мирском совете в старосты. На следующий же год Юрегов начал борьбу за размежевание своей доли с соседней и с Казанским уездом, а также за выселение каринских татар, захвативших здесь земли. Его мужественная борьба за интересы общины вызвала ожесточенное сопротивление каринских богатеев и непонимание удмуртов. По подначке Касимовых в феврале 1698 г. удмурты били челом в Новгородском приказе и просили запретить старостить Тукташу Юрегову, которого предлагали выслать в Москву в оковах. В 1699 г. общинники обвинили его в злоупотреблениях при распоряжении мирскими деньгами и просили выслать в Вятку для расследования на месте²⁸⁵.

Несмотря на все перипетии, удмуртские крестьяне упорно отстаивали свое право на обосо-

бленность в податном отношении. Все попытки вятских воевод и русского населения распространить на них общие для всей Вятской земли сборы и повинности завершались тем, что удмуртам удавалось добиться подтверждения грамоты от 1588 г. каждым новым царем. В конце XVII — начале XVIII в. каринские удмурты инициировали масштабные государственные сыски по поводу злоупотреблений вятских воевод и их приспешников — потомков арских князей²⁸⁶.

Материалы сысков убеждают в том, что удмуртские общины обладали реальной территорией, право на которую признавалось властью. Это резервировало размеры угодий, достаточные для ведения традиционного комплексного хозяйства и облегчало адаптацию удмуртских крестьян к системе государственного феодализма. Важно, что в конфликтах между местной властью и крестьянами центр был склонен больше доверять общине, ибо многочисленные сыски подтверждали правоту челобитчиков. Показательной является и скорость реакции центра: между появлением ходочков и решением приказов не проходило, как правило, и месяца.

В первой четверти XVIII в. удмуртский социум переживает новые резкие трансформации: реформы Петра I в корне меняли сложившиеся отношения. Окончательное уравнение ясачного и черносошного, русского и нерусского крестьянства было осуществлено с введением в подушной подати и с созданием Петровским плакатом от 26 июня 1724 г. единого разряда государственных крестьян. Одновременно с утратой экстерриториальности, означавшей небывалое увеличение злоупотреблений, податные тяготы, сочетавшие общегосударственные сборы и специфические налоги типа пошрины «с иноверческих свадеб», «с домовых бань», «с мечетей и мольбищ», «за винное курение, пивное варение и медовые ставки», возросли настолько, что вятский воевода Чаадаев запрашивал Сенат, как собирать подати с нерусских крестьян, ибо на них «наложен оклад тяжкой, и ежели такие наши денги доправлены будут, то оне разорены будут»²⁸⁷.

Петровская эпоха ознаменовалась ликвидацией еще одной уступки: удмурты отныне привлекались к рекрутской службе и поставке работных людей наравне с остальными податными сословиями²⁸⁸. По-видимому, новая реальность перестала укладываться в сложившуюся картину мира, и традиционное сознание после столь масштабных преобразований, как и в середине XVI в., стало утрачивать необходимые адаптивные свойства. Как отмечают исследователи, в таких обстоятельствах конфликтность этноса по отношению к внешнему миру резко возрастает²⁸⁹. И действительно, ответом на правительственные инновации стали волнения и мятежи. Удмурты поддержали башкирское восстание,

которое развернулось в 1704–1711 гг. Целой серией открытых волнений сопровождалось введение подушной подати²⁹⁰.

Ускоренная насильственная христианизация также вызвала массовое участие удмуртов в восстании под предводительством Е. И. Пугачева. Новокрещенные стали открыто возвращаться к язычеству: отказывались от выполнения христианских обязанностей, некоторые покушались даже на святые иконы и духовенство: в районах, охваченных восстанием, было убито 17 членов причта²⁹¹.

Мятежная попытка избежать крещения не дала результатов. История снова поставила удмуртов перед выбором: адаптироваться, надев на себя личину христианина, или настаивать на «идоляторских заблуждениях», поставив под угрозу будущее. К концу XVIII в. большинство удмуртов, проявив гибкость и рационализм, формально приняло христианство, хотя долго еще продолжало идентифицировать свою этническую сущность с удмуртским языком и язычеством.

В конце XVII — первой половине XIX в. своеобразии удмуртских общин было окончательно ликвидировано; они все более включались в качестве низшего звена в структуру управления. Крестьянское землепользование в ходе генерального межевания было жестко ограничено 15 десятинами на душу мужского пола. В условиях наступавшего малоземелья, которое становилось заметнее по мере роста населения и развития товарно-денежных отношений, в адаптивные процессы все больше включалась семья. В первой половине XIX в. типология семьи претерпела парадоксальные, на первый взгляд, изменения, выражающиеся в сокращении числа и удельного веса малых семей и возрастании числа неразделенных, особенно братских, семей. Многолюдная неразделенная семья располагала большими возможностями разделения труда в пределах семейной кооперации для сочетания земледелия с промыслами, более рационального использования оставшейся в распоряжении крестьянского хозяйства земли.

Социальные трансформации рубежа XX–XXI вв. с новой неизбежностью актуализировали в массовом сознании удмуртского крестьянства проблему поиска ресурсов и выработки моделей адаптационного поведения в условиях изменяющейся социальной среды как следствия либеральной модернизации деревни.

Полевые исследования сельских районов Удмуртии в 2006–2008 гг. показали, что выбор ресурсов жителями деревень осуществляется как на коллективном, так и автономном уровне. При этом виды деятельности, направленной на жизнеобеспечение, варьируют в достаточно широком диапазоне и реализуются, как правило, в комплексе. Труд в

общественном производстве, в личном подсобном хозяйстве, занятие фермерством, различные виды несельскохозяйственной предпринимательской деятельности, поденная, временная, сезонная работа по найму, многозанятость, сетевые ресурсы, эпизодические рейды в рыночную экономику, криминальные/полукриминальные методы добычи средств существования, организация сельского эко- или этнотуризма — это далеко не исчерпывающий перечень адаптационных практик, демонстрируемых современным сельским социумом.

Одним из наиболее крупных ресурсных каналов и объектов приложения адаптационных практик селян стали СПК — сельскохозяйственные производственные кооперативы (по Т. Шанину — крупхозы), КФХ — крестьянские фермерские хозяйства и ЛПХ — личные подсобные хозяйства. Работа в СПК, к примеру, гарантирует селянину заработную плату и ряд социальных выплат, позволяет рассчитывать на определенные льготы и скидки при аренде техники, приобретении строительного материала, фуражного зерна. Даже то, что сегодня в преобладающем большинстве деревень нет нищих и бездомных, брошенных сирот и стариков, заслуга не только конкретных людей или семей, но и местных сельскохозяйственных предприятий и их руководителей.

Преобладающее из состава СПК число успешных, экономически сильных хозяйств (25–30 из 300 с небольшим) является преимущественно удмуртским как по составу рабочих, так и их руководителей²⁹². Это наталкивает на вывод, что в рамках Удмуртии отдельные этнически русские СПК контрастируют с более жизнестойкими и трудоспособными сообществами преимущественно удмуртских хозяйств. Полевые материалы и статистические данные свидетельствуют о том, что в целом высокие общереспубликанские (средние) показатели по надоям молока, количеству поголовья скота, урожайности зерновых культур складываются преимущественно за счет удмуртских товаропроизводителей. Выводы авторов, сделанные в ходе данного исследования, совпадают с мнением известного российского географа Т. Г. Нефедовой: социальная архаика «островных» этнических сообществ в кризисных условиях сельского хозяйства оказалась более устойчивой и даже более гибкой²⁹³.

Ярчайшим примером мобилизации материальных, производственных и иных ресурсов и практик адаптации стало бурное развитие ЛПХ. Современный селянин, даже если он остается в пространстве «крупхоза» институционально, предпочитает вкладываться именно в свое ЛПХ.

Личные подворья селян в современных условиях можно рассматривать как производственную единицу, функционирующую по законам семейной

экономики. Для такого хозяйства характерны не погоня за прибылью, а поддержание обычной жизнедеятельности, сохранение материального и социального статуса. Традиции и культура хозяйствования на земле, которая в рамках личных подворий не прерывалась во все советские годы, стали ресурсом адаптации селян, поиска новых хозяйственных практик, где реальная помощь региональной власти занимает весьма скромное место.

Пример ЛПХ позволяет считать, что самостоятельность крестьянского социума выразилась не там, где предполагалось (не в коллективных и даже не в фермерских хозяйствах). Оценивать подобную адаптационную практику как однозначно позитивную и перспективную едва ли возможно. Выживание семейных хозяйств и демонстрация ими значимого экономического результата происходят за счет самоэксплуатации, которая гарантирует определенную экономическую и материальную независимость, но не уменьшает несвободу — несвободу от тяжелого (преимущественно физического) ежедневного труда, необходимости неотлучного пребывания в рамках собственного мелкотоварного хозяйства. Нельзя не согласиться с П. Великим, назвавшим практику перелива энергии созидания из коллективного производства в личное подворье неорхайкой²⁹⁴.

В то же время ЛПХ как никакая другая форма хозяйствования ярко отражает степень активности/пассивности селян в условиях переходного общества. Если даже основная стратегия их поведения связана с выживанием, то и в таком случае четко просматривается деление сельского социума на индивидов (или семейства), мобилизующих свои ресурсы и реальные действия, и пассивных, не предпринимающих усилий для сохранения статуса. Это, в свою очередь, приводит к формированию в социуме адаптантов и дезадаптантов: первые демонстрируют образцы практик освобождения от патерналистских ожиданий и расчета на собственные силы, вторые — иждивенчества и балансирования на грани маргиналов в ожидании социальной помощи от местного сообщества, органов власти или опеки.

Серьезной ареной адаптационных практик сельских тружеников Удмуртии могло бы стать занятие фермерством, но прошедшее десятилетие показало, что этот ресурс сельским социумом (и не только им, но и идеологами реформ) был явно переоценен. Фермерский сектор Удмуртской Республики с 1997 г. стал сокращаться и постепенно перешел в стадию вялотекущего процесса. Только главы двух фермерских хозяйств из 3 тыс. с лишним организацию производства и работу с персоналом ведут на уровне крупного (по республиканским меркам) бизнеса и сосредоточивают

в руках от 2 до 4 тыс. га земли. Остальное большинство производство и реализацию продукции в основном осуществляет в рамках натурального обмена, практикует формы неэкономического взаимодействия; многие КФХ функционируют в режиме самообеспечения. За годы трансформаций фигура фермера в деревне стала узнаваемой, но фермерский уклад не стал ведущим в сельском хозяйстве республики. По данным органов статистики, в 2004 г. только 1,8 % молока, 0,95 % мяса, 5,8 % картофеля и 2,1 % овощей произведено в фермерских хозяйствах²⁹⁵.

Взаимоотношения фермеров и СПК в последние годы вошли в русло относительно устойчивого партнерства, не исключая, впрочем, элементов соперничества и конкуренции. Конфликтные ситуации, как правило, бывают связаны с земельным вопросом. Отношение сельского сообщества к фермерам также меняется: если 7–8 лет назад для многих работа на фермера воспринималась как неприемлемая форма занятости, то сегодня воспринимается как желаемая в силу стабильной и более высокой заработной платы.

Взаимоотношения ЛПХ с СПК носят симбиотический характер: дворы заинтересованы в получении разных видов услуг и помощи от крупного хозяйства, которое, в свою очередь, в меру возможностей продолжает их оказывать, руководствуясь представлением о социальной ответственности. Но так как удельный вес социальных благ, получаемых легально, имеет тенденцию к сокращению, члены семейных хозяйств не гнушаются добыванием их не правовыми способами. По словам одного из руководителей СПК, «тащат по мелочи — горючее, зерно, запчасти, кормовую подсыпку. Село рядом, тракт — отсюда воровство. Воруют горючее, тут же на трассе продают»²⁹⁶.

Появление новых акторов сельской экономики в лице ООО, ОАО и ЗАО свидетельствует о процессе концентрации производства (а заодно — и собственности) в руках крупных товаропроизводителей, игнорирующих сельский социум в качестве субъекта этого процесса. Подобное становится возможным из-за модернизации экономических отношений преимущественно в технологическом и организационно-правовом направлениях, факторы же развития человеческого потенциала экономики, его нравственная и гуманистическая составляющие остаются в тени, что только усугубляет критические показатели в качественных параметрах демографического ресурса села²⁹⁷.

В ряде хозяйств, сменивших свою организационно-правовую форму по инициативе руководства местного СПК, обычно сохраняется прежняя специализация производства, костяк рабочих, идеология трудовых отношений, ответственность за

социальное развитие села. В других, прошедших реформирование под давлением сверху, события разворачиваются по иному сценарию: меняются руководители, происходит едва ли не массовое сокращение рабочих, ужесточение трудовой дисциплины, вытеснение социальной сферы села на периферию интересов инвесторов.

Как свидетельствуют полевые материалы и данные сельскохозяйственной статистики, процессы перехода/перевода СПК в ООО, ОАО, ЗАО заметно активизируются. В 2005 г., по сравнению с 2004 г., число ООО в республике увеличилось почти в два раза (с 62 до 121), а число СПК сократилось с 346 до 333²⁹⁸. Вытеснение правопреемников вчерашних колхозов и совхозов акционерными обществами (ЗАО, ОАО) или ООО особенно активно происходит в четырех южных, преимущественно русских по этническому составу населения, районах. Здесь процедуру банкротства и укрупнения прошло большинство СПК, и на смену им пришли крупные новые игроки, учредителями которых являются городские бизнес-структуры («Удмуртнефтепродукт», «Удмуртская хлебная компания», «Удмуртагроснаб»).

Традиционализм, здоровый крестьянский консерватизм (нежелание рисковать, осторожное отношение к новшествам), перманентное недоверие к власти как таковой, некоторые другие нюансы социальной ментальности определяют специфику адаптационных практик сельского социума. Деревенский житель, убедившись, что оказался один на один со своими проблемами, в меру возможностей постарался избавиться от патерналистских иллюзий, стал рассчитывать в первую очередь на себя и основные усилия сосредоточил на личном подворье. При всем этом он не стал спешить и с добровольным разрывом отношений с крупным товаропроизводителем, видя в нем не только источник некоторых ресурсов, но и арену приложения своих адаптационных практик. Одним словом, современный крестьянин традиционно продолжает действовать как человек «комплексный».

Сельский (социальный) менталитет во многом определяет и то, что из разнообразия моделей адаптационных практик предпочтение отдается тем, которые позволяют выживать за счет проверенных, привычных и более надежных, с точки зрения селян, ресурсов — самоэксплуатации, натурализации, в чем-то даже примитивизации. Данный выбор позволяет выживать, но редко развиваться, тормозит интегрирование социума в процессы либерализации производственной жизни и отношений. Селяне демонстрируют витальность, упорство и упрямство, пластичность, но при этом основная логика их выживания связана с традиционализмом.

Накопленный эмпирический материал и его первичный анализ позволяют считать, что присущие большинству удмуртов качества — неверие в собственные силы, терпеливость, скромность, склонность к мимикрии, нежели к активному действию, социальная апатия, уход в пассивные формы протеста (алкоголизм, суицид) — вольно или невольно, но ограничили их психологическую и социальную мобильность. Тем самым оказались заблокированными и возможности активного участия в рынке.

Складывается даже впечатление, что в силу низкой самооценки, чрезмерной осторожности и нерешительности сельские удмурты на первых порах и не помышляли об осознанной и мобилизованной включенности в трансформационные процессы. Возможно, поэтому преобладающая часть удмуртов предпочла остаться в привычном пространстве коллективного хозяйства, сочетая работу в нем с трудом в личном подворье.

Примеры производственно-экономической успешности преимущественно удмуртских СПК наталкивают на мысль, что «вписанность» этнических удмуртов в рыночные отношения на коллективном уровне выглядит более яркой, нежели на приватном уровне. В последнем случае сельские удмурты, несомненно, как и весь сельский социум, приспособились жить, будучи плотно окруженными проблемами различного характера, но значительно утратили свой социальный оптимизм, хотя не отказались от попыток преодолеть деструкцию и приспособиться к сложившейся ситуации.

Следует особо отметить то, что на данном этапе переходного периода именно традиционная привязанность удмуртов к сельскому образу жизни, слабая горизонтальная мобильность, а также численный перевес в сообществе сельских тружеников Удмуртской Республики (более 53 %) в целом сыграли стабилизирующую роль в сохранении сельской местности и сельской экономики.

Итак, комплексная разработка проблем адаптации населения Камско-Вятского региона позволила выявить отдельные механизмы, ресурсы и институты адаптации, имеющие трансисторический характер. Мобилизация современным сельским населением традиций деревенского общежития, ценностей семьи и крестьянского мира в качестве механизма адаптации демонстрирует витальность деревенского земледельческого сообщества как носителя одного из базовых форм существования в условиях лесной зоны Восточной Европы и раскрывает его адаптационный потенциал в периоды самых сложных переходных состояний и социальных потрясений как исторического прошлого, так и рубежа XX–XXI вв.

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМНОЙ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ В ЭТНИЧЕСКИ СМЕШАННЫХ СЕЛЕНИЯХ

За последнее время появилось немало работ, в которых межэтнические отношения рассматриваются прежде всего в русле изучения конфликтов, однако к исследованию опыта длительного мирного сосуществования групп населения разной этнической принадлежности ученые обращались гораздо реже. Между тем опыт человечества говорит о том, что между группами людей, которые принадлежат к разным народам и различаются в культурном и языковом отношении, конфликты возникают далеко не всегда. Более того, их мирное сосуществование является скорее правилом, чем исключением. При этом в процессе контактов и взаимодействия они осваивают язык и элементы культуры друг друга, в некоторых случаях изменяют свою этническую идентичность.

Одним из регионов России, где на протяжении долгих веков мирно соседствуют и взаимодействуют между собой представители разных народов, является территория Поволжья и Приуралья. Здесь встречаются как районы с относительно однородным в этническом отношении населением, так и местности, где расселение этнических групп носит дисперсный характер. Крайним случаем такой дисперсности можно считать этнически смешанные поселения. Они представляют собой ту социальную среду, где наиболее интенсивно протекают процессы межэтнического и межкультурного взаимодействия, и поэтому особенно интересны для исследователей, стремящихся увеличить свои знания об этих процессах. Однако, несмотря на то что отдельные сведения об этнически смешанных селениях данного региона встречаются во многих работах, до последнего времени такие селения никогда не были объектом специального исследования.

В 2006–2008 гг. проходила работа по проекту «Этнически смешанные селения в Урало-Поволжском регионе: опыт взаимной социально-культурной адаптации» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»). Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН были организованы три экспедиции, в которых принимали участие специалисты по этнографии различных народов региона, работающие в исследовательских центрах Москвы, Уфы, Самары,

Ижевска, Йошкар-Олы, Казани. В задачи экспедиций входило изучение таких аспектов межэтнического взаимодействия и социально-культурной адаптации, как:

- 1) характер и интенсивность взаимодействия контактирующих групп;
- 2) изменение этнокультурных и этноязыковых характеристик в процессе взаимной адаптации контактирующих групп;
- 3) историческая динамика и перспективы развития процессов межэтнического взаимодействия.

Изучение этнически смешанных селений как специального объекта исследования вообще и данной темы в частности проводится впервые. Поэтому собранный материал носит уникальный характер. В ходе экспедиции собраны статистические материалы (данные похозяйственных книг, социально-экономические показатели), составлены карты-схемы поселений и культовых мест с указанием топонимических названий, велась фото- и видеосъемка, аудиозапись бесед с сотрудниками сельских администраций, работниками учреждений культуры и образования, местными старожилыми и краеведами.

В рамках данного проекта социально-культурная адаптация рассматривалась не только как процесс, но и как состояние, достигнутое в результате многолетнего процесса взаимного приспособления двух (или более) этнических групп. В каждой поселенческой среде адаптация происходит непрерывно, и в связи с постоянно изменяющимися условиями для каждого исторического периода и каждого поколения она имеет свои особенности. Поэтому взаимная групповая адаптированность сельских жителей, принадлежащих к разным этническим группам, в наши дни имеет иной характер, чем несколько поколений назад; такого рода изменения будут происходить и в будущем. Материалы экспедиций касаются как особенностей освоения края и механизмов адаптации на ранних периодах, так и современной ситуации, сформировавшейся в результате новых социально-экономических и культурных изменений последних десятилетий.

Представители разных народов, переселяясь в предыдущие столетия на территорию Башкирии, далеко не всегда сразу оседали на новом месте,

иногда по несколько раз меняли его. Поэтому случается и так, что современные жители какого-либо селения не всегда являются потомками того населения, которое там зафиксировано в исторических источниках или являются не только его потомками. Идет постоянный живой процесс ротации населения между населенными пунктами. И поэтому этнически смешанные селения — это не один раз возникшая и с тех пор неизменная категория населенных пунктов, а постоянно трансформирующаяся среда. Селения, которые были смешанными прежде, могут становиться более однородными по этническому составу, а те, что в прошлом были моноэтническими, наоборот, превращаются в смешанные.

Каждому экспедиционному выезду предшествовало историко-статистическое изучение возникновения и развития этнически смешанных селений по архивным и опубликованным статистическим и иным источникам. В результате этой работы определялось место, которое такие селения занимают в структуре расселения народов региона, выявлялись местности и населенные пункты, представлявшие наиболее перспективными для более детального исследования, и проектировался маршрут экспедиции.

В 2006 г. в связи с разнообразием типов таких селений для изучения на первом этапе исследования были отобраны селения, расположенные на территории Западной и Северной Башкирии и некоторых прилегающих районов Татарстана и сформировавшиеся как этнически смешанные еще до 1917 г. с численностью населения более 100 чел. В этих селениях в разных сочетаниях проживают представители пяти народов — чуваша, удмурты, марийцы, татары и башкиры, накопившие длительный опыт совместного проживания.

С 3 по 16 августа 2006 г. была проведена первая экспедиция, маршрут которой включил 13 таких селений, расположенных на территории 9 районов Республики Башкортостан и Республики Татарстан.

Селения, обследованные экспедицией 2006 г.:

1. Республика Татарстан:

Потапово-Тумбарла Бавлинского р-на — чуваша и удмурты;
Удмуртские Ташлы Бавлинского р-на — удмурты и чуваша.

2. Республика Башкортостан:

Суккулово Ермекеевского р-на — чуваша, татары и башкиры;
Баймурзино Белебеевского р-на — татары и марийцы;
Метевбаш Белебеевского р-на — татары и марийцы;
Юмашево Чекмагушевского р-на — чуваша и марийцы;

Базгиево Шаранского р-на — чуваша и татары (в основном крещеные);
Кучук Шаранского р-на — чуваша и татары;
Старые Маты Бакалинского р-на — чуваша, кряшены и татары-мусульмане;
Ярмино Дюртюлинского р-на — марийцы, татары и башкиры;
Нижний Тыхтем Калтасинского р-на — марийцы и удмурты;
Шавьяды Балтачевского р-на — татары и удмурты;
Асавка Балтачевского р-на — удмурты и татары.

В следующем году по сравнению с предыдущей экспедицией этнографическое поле было расширено как географически (включение некоторых районов юга Башкортостана, северо-востока Татарстана и юга Удмуртии), так и типологически (включение селений, где наряду с этническими группами, изучавшимися в предыдущем году, проживают также русские и мордва, и некоторых селений, которые стали этнически смешанными сравнительно недавно). Маршрут экспедиции, проводившейся с 6 по 20 августа 2007 г., включил 17 таких селений, расположенных на территории 10 районов Республики Башкортостан, Республики Татарстан и Удмуртской Республики.

Селения, обследованные экспедицией 2007 г.:

1. Республика Башкортостан:

Айгулево Стерлитамакского р-на — чуваша и русские;
Кармаскалы Стерлитамакского р-на — татары и мордва;
Наумкино Аургазинского р-на — чуваша и мордва;
Ильтеряково Кармаскалинского р-на — мордва и чуваша;
Малонакаряково Мишкинского р-на — марийцы («язычники»), русские и татары;
Тепляки Бураевского р-на — русские, татары и башкиры;
Асавтамак Бураевского р-на — татары и удмурты («язычники»);
Максимово Янаульского р-на — татары и удмурты («язычники»);
Шушнур Краснокамского р-на — марийцы (православные и «язычники»), русские и татары;
Князь-Елга Илишевского р-на — удмурты (православные) и башкиры.

2. Республика Татарстан:

Куст селений Монашевского сельсовета Менделеевского р-на Республики Татарстан, в т. ч.: Монашево — удмурты (православные), Актазики — марийцы («язычники»), Татарский Кокшан — татары.

3. Удмуртская Республика:

Порым Граховского р-на — удмурты, кряшены и русские;

Благодатное Граховского р-на — чувашы и русские;

Каменное Граховского р-на — русские, маришцы и удмурты;

Мари-Возжай Граховского р-на — маришцы и удмурты.

С 5 по 20 августа 2008 г. была проведена третья, завершающая экспедиция по проекту. Она работала в населенных пунктах, которые отличались от селений, изученных в предыдущие два года, либо по специфике формирования этнокультурной ситуации, либо по географическому положению, либо по иной этнополитической ситуации. Некоторые из исследованных селений, строго говоря, не являются на данный момент этнически смешанными, но их население сформировалось в условиях интенсивного этнокультурного взаимовлияния разных этнических групп. Маршрут экспедиции включал селения, расположенные на территории 11 районов севера и запада Республики Башкортостан, юга Кировской обл., юга Республики Татарстан и севера Самарской обл.

Селения, обследованные экспедицией 2008 г.:

1. Республика Башкортостан:

Гарибашево Татышлинского р-на — татары (башкиры) (потомки отатарившихся удмуртов);

Новоямурзино Балтачевского р-на — маришцы и татары (башкиры);

Кизганбашево Балтачевского р-на — удмурты и татары (возможно, частично потомки отатарившихся удмуртов);

Старобазаново Бирского р-на — русские и маришцы (исторически русское селение);

Бугабашево Бакалинского р-на — чувашы и русские;

Нарат-Чукур Бакалинского р-на — татароязычные маришцы («язычники»), прежде жившие в кряшенском селении.

2. Кировская обл.:

куст селений Новосмаильского сельсовета Малмыжского р-на, в т. ч.: Новая Смаиль и Салкым-Чишма — татары, Каменный Ключ и Алдарово — маришцы, Поречке Китяк и Удмурт-Китяк — удмурты;

куст селений Омгинского сельсовета Вятскополянского р-на, в т. ч.: Дым-Дым-Омга — удмурты, русские и татары, Виноградово — удмурты и русские, Казанка — татары, русские и удмурты.

3. Республика Татарстан:

Верхняя Кондрата Чистопольского р-на — татары (кряшены) и чувашы;

Салдакаево Нурлатского р-на — чувашы и татары.

4. Самарская обл.:

Русская Васильевка Кошкинского р-на — чувашы и русские;

Старое Эштебенькино Челно-Вершинского р-на — русские, чувашы и мордва;

Тимяшево Шенталинского р-на — мордва, чувашы и русские.

Для смешанных в этническом отношении селений характерны, с одной стороны, единство географической среды и хозяйственной деятельности, с другой — сохранение своей идентичности, своего языка и традиционной культуры (обрядов, праздников, пищи, одежды и др.).

Одним из условий, в которых протекают процессы адаптации, выступает сохранение этнических границ между группами, взаимно признаваемых и служащих основой для относительно устойчивого воспроизводства каждой этнической группы. При этом способы взаимной адаптации претерпели изменения в течение второй половины XX в. в сторону повышения коммуникативности этнических групп (межэтническая брачность, формы дружеского и производственного общения и т. д.), что привело к частичному размыванию этнических границ групп.

В обследованных селениях продолжает увеличиваться число этнически смешанных браков. При этом динамика данного процесса имеет различные местные особенности, которые связаны как с характером этнического состава населения деревень, так и с конкретной историей межэтнического взаимодействия в данной местности. Различны и последствия, к которым ведет процесс распространения смешанных браков. Одни деревни продолжают сохраняться как смешанные, в них по-прежнему в полной мере функционируют разные языки и культуры. В других селениях — меньшая по численности этническая группа постепенно размывается за счет смешанных браков или более активного участия в миграционных процессах. Есть деревни, где межэтническое взаимодействие носит более сложный характер.

Так, в с. Базгиево (Шаранский р-н Республики Башкортостан) межэтническое смешение имело место в течение нескольких поколений, и в результате взаимодействия чувашей, крещеных татар, а также мордвы сложился своеобразный локальный этнокультурный тип с преобладанием чувашского самосознания, татарского языка и православной религии. В этом селении проживают также татары-мусульмане.

В с. Старые Маты (Бакалинский р-н Республики Башкортостан), где проживают кряшены,

чуваши, татары-мусульмане, русские и башкиры, большое число браков между кряшенами и чувашами, наряду с другими особенностями взаимодействия этих этнических групп, позволяют говорить о формировании двуязычной надэтнической общности, верующие представители которой в конфессиональном отношении являются православными. В то же время и доля браков между мусульманскими и православными группами, хотя и несколько ниже, но все же достаточно высока.

Постоянный рост межэтнических браков между представителями двух основных национальностей — удмуртами-«язычниками» и татарами-мусульманами шел в течение последних десятилетий в с. Максимова (Янаульский р-н Республики Башкортостан). В деревне даже существует представление о том, что население Максимова можно подразделить на три группы: татары, удмурты и смешанные.

Еще один пример необычной этнической ситуации — с. Князь-Елга (Илишевский р-н Республики Башкортостан), в котором живут крещеные татароязычные удмурты, а число жителей в результате миграции резко сократилось, в последние десятилетия местные юноши в основном заключали браки с татароязычными башкирками-мусульманками из соседней деревни.

Адаптация поведения лиц, состоящих в этнически смешанных браках, к фактору признаваемых данным сообществом этнических границ проявляется, в частности, и при выборе национальности для своих детей, записываемой в книгах хозяйственного учета. Преобладающей формой такой адаптации обычно был выбор одной из двух национальностей родителей, а в некоторых ситуациях — выбор русской идентичности. В современных условиях, когда указание национальности перестало быть обязательным, в некоторых селениях становится распространенным явлением отказ от указания национальности детей от таких браков.

Существуют разные варианты культурной адаптации этнических групп, живущих в смешанных селениях, к процессам распространения современных элементов и форм культуры. В одних случаях наблюдается консервация традиционных элементов культуры в среде лиц старшего поколения при отсутствии интереса к сохранению и воспроизводству этнической культуры у молодых представителей данной этнической группы. В других случаях возникают и даже сознательно создаются новые элементы культуры, воспринимаемые как этнические, причем в этом процессе участвуют и представители молодого поколения.

Выявление действующих в настоящее время механизмов сохранения и бытования традиционных представлений, в т. ч. касающихся культовой практики и обрядов в смешанных селениях, позволяет говорить, что существует некий синкретизм разнородных представлений не только на уровне этнической культуры, но и в сознании отдельного человека. Носитель определенной этнической традиции (удмурт, мариец, татарин) в селениях такого типа включен в разные культурные и конфессиональные традиции. Поэтому, как показывают материалы, адаптация уже вне селения (поступление в вуз, переезд в другое селение, коммуникативные процессы) у выходцев из смешанных селений происходит более мягко, чем у представителей моноэтнических селений.

Полевые исследования, прежде всего материалы общественных организаций, учреждений образования и культуры, позволяют говорить, что в смешанных селениях самими носителями культуры вполне объективно ставятся вопросы сохранения этнической культуры, в т. ч. ее значения в процессах социализации детей в целом. Оказаться включенным в культуру соседнего народа, но при этом сохранить свою собственную — сегодня одна из проблем, которая адекватно понимается и решается представителями соседствующих народов. Она актуальна прежде всего в смешанных селениях, где в ситуации билингвизма, включенности в культуру соседнего народа можно ожидать полной потери собственной этничности. В свою очередь, тип поселения, в данном случае этнически смешанный, накладывает отпечаток на работу этих учреждений культуры (библиотечный фонд, преподавание языков, работа фольклорных коллективов).

Среди лиц, живущих в полиэтнической среде, и прежде всего в смешанных селениях, можно сегодня наблюдать наличие сложного по структуре этнического самосознания. Кроме того, на протяжении жизни одного человека его определение собственной этнической принадлежности может меняться несколько раз.

Для населения этнически смешанных селений характерен билингвизм, а в ряде ситуаций — мультилингвизм. Языки могут быть расположены (по степени социальной значимости и владения ими) в следующей последовательности: русский — татарский (для Татарстана и ряда районов Башкортостана) — язык большинства населения — родной язык. Наблюдается вариативность данной шкалы в зависимости от возраста — для старшего поколения в ряде селений более актуально знание татарского, нежели русского языка.

Исследование выявило разнообразные способы адаптации, связанные с переходом разных групп населения на татарский язык, при которых сохра-

нению прежней идентичности могут способствовать различные факторы в зависимости от конфессиональной принадлежности группы. Так, уже два поколения марийцев в д. Нарат-Чукур Бакалинского р-на Республики Башкортостан не знает марийского языка и говорит по-татарски, что связано с прежним их проживанием в кряшенском с. Старое Азмеево, с которым марийцы поддерживают активные контакты и по сей день. В конфессиональном отношении они были и до сих пор считают себя «язычниками», хотя собственно «языческие» обряды в последние годы перестали соблюдаться. Других марийских селений на расстоянии до 30 км нет, а в ближайших населенных пунктах живут кряшены, татары-мусульмане, башкиры, русские. По-видимому, в этих условиях решающим фактором сохранения марийской идентичности выступают происхождение и конфессиональное самосознание.

В д. Князь-Елга Илишевского р-на Республики Башкортостан живут крещеные (православные) удмурты, также уже в течение жизни двух поколений говорящие по-татарски и не знающие удмуртского языка. Они продолжают называть себя удмуртами, несмотря на то что жители расположенного в том же районе другого удмуртского с. Шидали — в конфессиональном отношении «язычники» — называют их кряшенами и не признают их как удмуртов (подавляющее большинство удмуртов, проживающих в Башкирии, — «язычники»). Таким образом, у князь-елгинцев решающим фактором сохранения удмуртского самосознания оказывается представление о своем происхождении и о языке, на котором раньше говорили их предки.

В с. Гарибашево Татышлинского р-на Республики Башкортостан местное удмуртское население в конце XIX — начале XX в. под влиянием мусульманских проповедников приняло ислам. Переход на татарский язык не составил проблем, т. к. в этой местности издавна было языком межэтнического общения. Сейчас жители Гарибашева помнят о своем удмуртском происхождении, но считают себя татарами (в некоторых источниках фигурируют как башкиры). В 1995 г. умер последний носитель удмуртского языка²⁹⁹. Однако жители соседних татарских селений до сих пор иногда называют их удмуртами.

В процессах адаптации важную роль играет конфессиональная принадлежность разных групп населения, причем влияние этого фактора проявляется в нескольких аспектах. В тех случаях, когда межэтническая граница совпадает с межконфессиональной, конфессиональное самосознание не только выступает фактором самосохранения группы, но может стать и средством ее консолидации. В то же время в ряде селений сложились дружественные отношения между группами, представители которых не только хорошо знают праздники и обряды

друг друга, но участвуют в обрядах и молениях другой группы, почитают иноэтнические святилища. Сложились различные формы синкретизма традиционных верований с исламом и православием (использование молитвенных формул и элементов обрядов другой религии, обращение за помощью к служителям других религий, исполнение разных религиозных ритуалов в смешанных семьях и др.). В ряде случаев можно наблюдать формирование надэтнического пласта религиозной культуры (например, открытие женского монастыря в Бугабашево Бакалинского р-на Республики Башкортостан и молебен по этому поводу объединили все православное население окружающих селений — чувашей, кряшен, русских; аналогичные функции постоянно выполняют православные приходы).

Одновременно возрастает влияние православия, ислама и традиционных языческих культов на те этнические группы, которые традиционно их исповедовали. В некоторых случаях это приводит к разногласиям между теми, кто стремится к буквальной трактовке положений религиозных учений, и сторонниками сохранения традиционных форм. Стремление к возрождению наблюдается и среди последователей старообрядчества и групп баптистов. Вместе с тем наблюдается переход некоторой части «язычников», старообрядцев и баптистов в православие. Среди представителей финно-угорских народов, в основном марийцев, под влиянием финских миссионеров в последние годы появились последователи лютеранства.

Отмечая процессы адаптации в сфере материальной культуры необходимо отметить, что переселение и освоение какого-либо селения или данной территории не было связано с кардинальной сменой хозяйственно-культурного типа. Поэтому в сфере хозяйственной деятельности каких-либо принципиальных перемен не произошло, но имели место частичные адаптации к некоторым видам специализации в сфере промыслов и специализации на отдельных сельскохозяйственных культурах. Одним из ярких примеров межкультурного взаимодействия являются селения, где татары проживают с мордвой, а также с другими народами. Здесь соседство с традиционно земледельческими народами имело определенное влияние на культуру хозяйствования татар: более активное внедрение огородничества, некоторых способов хранения и консервации продуктов земледелия. По оценке татар — жителей смешанных селений, их соседи помогли им адаптироваться и познакомиться с этими отраслями хозяйственной деятельности и материальной культуры раньше, чем этот процесс произошел в моноэтнических селениях.

В смешанных селениях идет наиболее активное проникновение в повседневный и празднич-

ный рацион некоторых блюд соседнего народа. При этом перенимается не только технология изготовления блюд, но и термины для их обозначения, правда, последние претерпевают некоторые фонетические изменения. В то же время следует отметить, что блюда, заимствованные из культуры соседей, не входят в состав обрядовой кухни и ритуальной трапезы. В целом «пищевой код» обрядов, несмотря на давние межэтнические контакты, остается неизменным, поскольку он связан с традиционным мировоззрением, составляющим основу обрядовой культуры, и самими носителями воспринимается, а сегодня подается как этнически значимый элемент, тогда как адаптационные механизмы в остальных сферах, имеющих социально-экономическое и хозяйственное значение, оказываются более гибкими.

Важным фактором обособления был и продолжает оставаться по сей день характер расселения представителей этнических групп в отдельных концах деревни. Это относится в первую очередь к тем селениям, где в прошлом совпадали этнические и общинные границы. В некоторых деревнях такая картина расселения постепенно размывается. Это хорошо видно на примере д. Нижний Тыхтем Калтасинского р-на Республики Башкортостан. Здесь все жители входили в прошлом в единую общину, но тем не менее существовали отдельные этнические концы. Первыми жителями деревни были марийцы. Подселившиеся затем русские крестьяне образовали отдельную улицу в южной части деревни, а удмурты селились в ее северо-западной части. В настоящее время почти все русские мигрировали в города. Удмурты вступали в смешанные браки с марийцами, а также переселялись на участки, откуда выехали прежние жители, и в результате расселение приобрело смешанный характер.

Еще один характерный показатель сближения односельчан, относящихся к разным этническим и конфессиональным группам, или же отсутствия такого сближения — организация сельских кладбищ. Хоронят ли односельчане разной веры своих покойников на кладбищах разных деревень, на разных кладбищах той же деревни, на разных участках одного и того же кладбища, на одном кладбище без различия участков — такая градация в определенной степени отражает степень сближения и обособленности групп и в их земной жизни.

Результаты полевого обследования выявили различные формы взаимной адаптации смешанного населения:

- 1) языковая (знание языков соседей, мультилингвизм);
- 2) этнокультурная (заимствования в материальной культуре, варианты синтеза обрядовой

культуры, совместное участие в обрядах разных этнических групп, высокий уровень межкультурной компетентности и др.);

- 3) производственная (трудовая специализация, полиэтнические трудовые коллективы);
- 4) социокультурная (этнические коллективы самодеятельности, школы, музеи — все в равной степени отражают интересы различных этнических групп);
- 5) социальная (межэтнические браки, этнически смешанные семьи, родственные и свойственные отношения, высокий уровень межкультурного взаимодействия);
- 6) территориально-поселенческая (расселение по концам, улицам, частям селения, основание выселков).

Важной чертой взаимной социально-культурной адаптации жителей этнически смешанных селений было то обстоятельство, что она не носила целенаправленного характера. Никто не ставил себе задачу непременно освоить те или иные элементы культуры соседей. Освоение языков друг друга обычно также происходило в бытовых контактах, а не в ходе учебного процесса. Поэтому здесь неприменимы многие подходы к проблемам адаптации, выработанные, скажем, для исследования адаптации мигрантов в чужой стране или адаптации населения к сложным трансформационным процессам в экономике и общественной жизни. Тем не менее, когда представители двух групп, различающихся по языку, культуре, религии, этнической идентичности, ранее проживавшие порознь, оказались в ситуации, когда стало необходимым жить рядом, общаться, решать какие-то вопросы, начался процесс, который вполне можно назвать взаимной адаптацией. Для людей, родившихся в этой смешанной среде, задача стояла уже по-другому, и для каждого нового поколения она ставилась по-новому, но при этом она скорее всего не воспринималась именно как задача. Шел стихийный процесс, породивший разнообразные формы адаптации. По-видимому, можно говорить о четырех теоретически возможных крайних случаях, к которым мог привести этот процесс для каждой группы.

- 1) полная неизменность собственных параметров: языка, материальной культуры, религиозно-обрядовой сферы, самосознания и т. д.;
- 2) полное изменение этих параметров, полное принятие параметров другой группы;
- 3) потеря собственного лица при неумении освоить языковой и культурный багаж другой группы;
- 4) сохранение своих параметров при освоении параметров другой группы.

Конечно, здесь перечислены всего лишь возможные крайние случаи. Во-первых, реальная ситуация соответствует скорее всего каким-то промежуточным состояниям между этими крайностями. Во-вторых, в отношении одних элементов культуры процесс мог развиваться каким-то одним образом, в отношении других — по-другому, в отношении, скажем, языка — по-третьему. Поэтому в действительности мы обычно имеем дело с многоплановыми и неоднозначными ситуациями.

И все же опыт изучения межэтнического взаимодействия в этнически смешанных селениях позволяет считать, что при всей многоплановости можно сделать вывод: в большинстве случаев ситуация оказывается ближе всего к четвертому из этих крайних случаев. Ведь там, где элементы культуры соседей, принадлежащих к иной этнической группе, не освоены на поведенческом уровне, они все же достаточно хорошо известны.

Не случаен тот факт (по признанию информантов данного исследования в некоторых селениях), что немногочисленные случаи недоброжелательного или неуважительного уважения к представителям иной национальности проявляют обычно те лица, которые сравнительно недавно переселились туда из деревень с моноэтническим составом населения и не имели опыта длительного совместного проживания в данной среде.

В процессе длительных контактов у представителей разных этнических групп выработалось то, что одна из участников исследования назвала высоким уровнем взаимной межкультурной компетентности³⁰⁰. Этот уровень будет выступать как фактор хороших отношений между группами и в дальнейшем, ведь если человек знает своих соседей и знает, что от них можно и чего нельзя ожидать, такое знание предостерегает и его самого от необдуманных поступков. Это внушает оптимизм и свидетельствует в пользу того, что выбор темы и объектов исследования как примеров мирного межэтнического и межкультурного взаимодействия сделан правильно.

Важными факторами, влияющими на характер и особенности протекания процесса адаптации и его результаты, следует признать:

- 1) длительность проживания данной группы населения в условиях иноэтнического окружения в данном регионе;
- 2) длительность его проживания непосредственно в данном селении в условиях повседневных контактов с представителями других народов;
- 3) численность группы;
- 4) этноконфессиональную ситуацию в селении и в ближайшем его окружении;
- 5) этноязыковую ситуацию, в т. ч. социальную значимость родного языка в деловой и повседневной сферах;
- 6) стремление основной массы населения к сохранению своей этнической культуры или отсутствие такого стремления;
- 7) степень распространенности этнически смешанных браков;
- 8) административно-политический фактор, в т. ч. языковую политику, проводимую в данном регионе, наличие или отсутствие специальных программ по сохранению этнокультурного наследия;
- 9) наличие или отсутствие связей со «своей» республикой;

другие региональные и локальные особенности.

В целом необходимо еще раз подчеркнуть, что развитие и характер процессов межэтнического взаимодействия в этнически смешанных селениях зависят от численного соотношения контактирующих групп, от их культурных и языковых характеристик и от истории развития межэтнических взаимоотношений в данной конкретной местности. Однако при дружественных отношениях между представителями разных народов и росте числа этнически смешанных браков конфессиональные и культурные отличия все же кое-где остаются важным фактором, препятствующим еще большему сближению.

Жиромская В. Б.

МЛАДЕНЧЕСКАЯ И ДЕТСКАЯ ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Одним из факторов глобальных экологических изменений являются мировые войны. Проблема эта мало изучена в литературе. Однако она актуальна, особенно в настоящее время, поскольку ведет к тяжелейшим демографическим кризисам и катастрофам. Лакмусовой бумагой ухудшения де-

мографической ситуации всегда служат показатели детской и особенно младенческой заболеваемости и смертности.

В результате войн, особенно крупных, мировых, наблюдается значительный и длительный подъем младенческой и детской смертности. Меняется и

характер заболеваемости — обостряются хронические болезни, наблюдаются вспышки разного рода инфекций, появляется ряд новых, прежде редких или практически не встречавшихся заболеваний. Учащаются случаи летальных исходов.

Причины этого многообразны. Прежде всего среди погибших и раненых было немало детей. Выжившие дети длительное время, иногда в течение всей жизни, страдали от последствий тяжелых ранений, не всегда излечимых, и перенесенных в военное время болезней.

На здоровье детей послевоенных лет рождения отражались и перенесенные их родителями ранения и нервные стрессы. Замечено, например, что у тех детей, чьи родители получили контузию, с раннего возраста фиксируются сердечно-сосудистые заболевания; у тех, чьи родители переболели разного рода инфекциями, — болезни крови и обменные нарушения.

Особую опасность представляют нервные стрессы — и не только для детей, испытавших их, но и для детей, у которых нервные и психические расстройства в период войны перенесли родители. В настоящее время эти нервные стрессы получили название синдрома войны.

Но есть и еще одна веская причина роста младенческой и детской заболеваемости и смертности — большое влияние на этот процесс оказывают вызванные войнами нарушения экологической ситуации.

Иными словами, увеличение детской и младенческой заболеваемости и смертности в военное и послевоенное время — это и непосредственное воздействие ран, болезней, стрессов на детский организм, и последствия глубинных генных нарушений, порожденных войнами.

Факты свидетельствуют о прямой связи стихийных, казалось бы, бедствий с крупномасштабными войнами и социально-политическими катаклизмами. Как правило, войны вызывают резкие изменения климатических условий — перепады температур, засухи, неурожай. Природные аномалии — жесточайшие морозы, продолжительные ливневые дожди, беспощадные засухи, по-видимому, связаны с нарушениями движения воздушных масс вследствие мощных взрывов, действий артиллерийских орудий, интенсивных полетов авиации, авиационных бомбежек. Последствия применения ядерного и других видов оружия массового поражения в настоящее время хорошо известны.

Во время мировых войн применялись и отравляющие газы, и бактериологическое оружие. В атмосфере скапливались остатки взрывчатых веществ, продукты горения, в т. ч. токсичные. Образовывались мощные дымовые завесы, связанные с крупными пожарами.

Загрязнение воздушной среды происходило и в результате разложения и гниения не погребенных трупов людей и животных, загрязнения водоемов и рек — в результате военных действий. Не было контроля над выбросами и отходами, попадавшими в водную среду. Появление и развитие во время и сразу после войн новых стратегических производств с неизученными последствиями для экологии еще более ухудшали ситуацию.

Для военного времени характерны также нарушение сельскохозяйственных циклов, ухудшение ухода за плодородными почвами, не осуществлялись охрана лесных угодий, борьба с вредителями полей и лесов, не обрабатывались против вредителей лесные массивы и водоемы.

Мощные миграционные потоки, организованные и неорганизованные (переброска войск, эвакуация, реэвакуация, потоки беженцев), чрезвычайно осложняли экологическую обстановку, способствовали распространению острозаразных заболеваний.

Во время войн нарушалась работа коммуникаций как транспортных, так и осуществляющих жизнеобеспечение населения — водопроводных, канализационных и т. д.

Серьезно ухудшалось питание населения в связи с экономическим кризисом, сопутствующим всякой войне. Наблюдался не только недостаток продуктов питания, но и случаи отравления, часто с летальным исходом, непригодными в пищу продуктами, а также широкое применение суррогатов, часто неапробированных. В результате значительно увеличивалось число отравлений мирного населения, прежде всего детей.

К этому надо добавить напряженность в области медицинского обслуживания в связи с мобилизацией многих врачей в районы военных действий, а также дефицит медикаментов.

Ухудшились жилищные условия населения. В домах не хватало топлива. Скученность усугубляла антисанитарное состояние жилья, способствовала распространению острозаразных заболеваний.

Показательны в этом отношении последствия Второй мировой войны.

Такая крупномасштабная, технически оснащенная война, как Вторая мировая, не могла не сказаться и сказалась на экологической ситуации. Одним из последствий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. были климатические нарушения — засуха, охватившая зерновые районы Центральной России, Молдавии и Украины, и затяжные проливные дожди в Западной Сибири, повлекшие за собой в 1946 г. неурожай и голодание и без того ослабевшего в тяжелые военные годы населения ряда районов страны. Но и в тех районах, где хлеб уродился, его не смогли собрать полностью из-за недостатка

или аварийного состояния сельскохозяйственной техники. По подсчетам ученых, жертвами голода 1947 г. стали в СССР около 1 млн чел., в т. ч. в РСФСР — 0,5 млн³⁰¹.

До конца 1940-х гг. *младенческая смертность* (в возрасте до 1 года) была высокой. Она равнялась в среднем по России 75,5 %.

Значительно выше среднероссийских были эти показатели в Северных и Северо-Западных областях: Новгородская обл. — 89 %; Архангельская — 97 %; Вологодская — 107,9 %; Коми АССР — 87,5 %³⁰². (Подсчеты автора.)

В Центральном р-не обращает на себя внимание высокий уровень детской смертности во Владимирской обл. — 102,7 %.

В большинстве районов Поволжья младенческая смертность хотя и ниже общероссийского показателя, но все же довольно высока: Сталинградская обл. — 67,1 %; Мордовская и Чувашская АССР — 64–65 %; Татарская АССР — 68 % и т. д.

Очаг повышенной младенческой смертности отмечается в Марийской АССР — 90%³⁰³. (Подсчеты автора.)

Показатели младенческой смертности возросли на Урале и в Приуралье: в Свердловской обл. — до 86,1 %, в Кировской — до 112 %.

Особое место принадлежит детской смертности в статистике общей смертности в крупных городах. Безусловно, с медицинским обслуживанием и снабжением медикаментами дело обстояло лучше, чем в глубинке, тем более в сельской местности. Однако в Москве младенческая смертность составляла в 1946 г. 88,2 %, в Ленинграде — 90,4 %, в Свердловске — 113,5 %, в Горьком — 116,9 %. Иными словами, в Москве среди всех умерших в 1946 г. каждый шестой — младенец, в Горьком — каждый пятый, в Ленинграде — каждый четвертый, в Свердловске — каждый третий. Разумеется, городское население в силу скученности жилья и антисанитарии в неналаженном еще после войны городском хозяйстве было очень сильно подвержено эпидемическим заболеваниям, прежде всего детским. Кроме того, матери и отцы были чрезмерно загружены производственной работой, дети в возрасте нескольких месяцев или даже недель попадали в детские учреждения, условия в которых далеко не всегда были благоприятны. Декретные отпуска в тот период были очень коротки, занятость же женщин очень велика. Отсюда высокая детская смертность, в основном из-за простудных и инфекционных заболеваний, особенно опасных для от рождения ослабленных младенцев.

В особо крупных городах Москве и Ленинграде уровень младенческой и детской смертности, как уже отмечалось, был высок по сравнению с городским и сельским населением регионов. Поскольку

общие показатели смертности (по всему населению) были несколько меньше, чем во многих других регионах и городах, то, соответственно, удельный вес умерших детей и младенцев среди умерших всех возрастов очень значителен.

Так, от общего числа умерших умершие младенцы в возрасте до 1 года составляли в Москве в 1945–1946 гг. 16 %, причем умершие младенцы мужского пола среди всех умерших мужчин — 17 %. В Ленинграде же этот показатель вообще достигал астрономической величины — среди умерших всех возрастов младенцы в возрасте до 1 года составили 30 %, умершие мальчики среди всех умерших мужчин — 32,7 %, девочки среди всех умерших женщин — 28,1 %.

Вообще горький вклад детских и младенческих возрастных групп в статистику общей смертности в первые послевоенные годы в столичных городах чрезвычайно значителен. Так, среди всех умерших в Москве умерших в *детском возрасте* — до 4 лет — 18,9 %, мальчиков указанного возраста среди всех умерших мужчин — 20 %, девочек среди всех умерших женщин — 17,7 %; в Ленинграде — 34,7, 37,6, 31,5 % соответственно³⁰⁴. (Подсчеты автора.)

Дети, рожденные в годы войны и в послевоенные годы, были ослаблены, так же как и их матери. Отсюда очень высокие показатели неонатальной и постнеонатальной смертности. Дети появлялись на свет с врожденной слабостью, были чрезвычайно подвержены как инфекционным, так и простудным заболеваниям, расстройствам пищеварительного тракта и пр. Эти данные относятся в основном к коренному населению, не покидавшему города в годы войны.

Смертность была высокой не только у новорожденных и детей в возрасте до 1 года, но и в течение всех первых лет жизни, особенно у мальчиков. Если у девочек смертность во второй половине 1940-х гг. понижалась к 5–6 годам, то у мальчиков только к 9 годам. Новое повышение смертности начиналось у мальчиков очень быстро — с 15 лет, а у девочек — с 18 лет. Это объясняется большей врожденной жизнеспособностью девочек и меньшей задействованностью в детско-подростковом возрасте в военные годы на производстве. Мальчики-подростки из-за работы в оборонной промышленности (что было, как правило, для них непосильным трудом и в плане физических перегрузок, и по причине недостаточной квалификации) имели часто ослабленное здоровье и страдали от травматизма. Так, умершие мальчики 10–14 лет составляли в Москве среди всех умерших мужчин 1,5 %, а 15–19-летние — 3,8 %; в Ленинграде — 2,4 и 4,1 % соответственно. Только за первые годы войны в Москве от травм на предпри-

ятиях погибло 15 тыс. подростков, многие же, выжив, остались инвалидами³⁰⁵. (Подсчеты автора.)

Резкое возрастание младенческой смертности было зафиксировано в связи с голодом 1947 г. В целом по РСФСР коэффициент младенческой смертности поднялся до 127,5‰, т. е. в 1,7 раза по сравнению с 1946 г.³⁰⁶

Если в Восточной Сибири и на Алтае этот печальный показатель был заметно ниже общероссийского — 120 и 112 ‰ соответственно, в Краснодарском крае — 115,6 ‰, то уже на Дальнем Востоке, в Центральной России, на Урале он достигал астрономической высоты (и это несмотря на активную политику по охране детства, которая велась в послевоенные годы): в Хабаровском крае — 171 ‰, в Калининской обл. — 151 ‰, в Ивановской — 164 ‰, в Иркутской — 183 ‰, в Кемеровской — 203 ‰, в Ярославской — 208 ‰, в Сталинградской — 164 ‰, в Астраханской — 275 ‰, в Воронежской — 295 ‰ и т. д.

На этом фоне благополучно выглядели показатели детской смертности в Западных областях, например в Брянской соответствующий коэффициент составил 94 ‰³⁰⁷. (Подсчеты автора.)

Ситуация в автономиях неоднозначна: в Башкирии этот показатель в 1947 г. превысил 135 ‰, т. е. выше общероссийского, а в Дагестане — один из самых низких — 95 ‰. Тем не менее практически повсеместно наблюдалось повышение именно младенческой смертности. Эта экстремальная ситуация с детской и младенческой смертностью являлась одной из основных причин, по которым в России не состоялся так называемый беби-бум, характерный в послевоенное время для ряда стран Западной и Центральной Европы и США. В итоге наша страна оказалась лишена «демографического выигрыша» — многочисленных поколений послевоенных лет рождения, способных на долгий срок обеспечить расширенное воспроизводство населения в стране.

Причины младенческой смертности до 1 года в 1947 г. типичны для голодных лет: диспепсия, дизентерия, гастро- и энтероколиты, воспаление легких. Приведем несколько примеров: в Ростове-на-Дону из 1239 детей, умерших в возрасте до года, от диспепсии погибли 162 ребенка, от гастро- и энтероколита — 413, от воспаления легких — 293, т. е. на эти причины смерти пришлось почти $\frac{3}{4}$ от общего числа случаев младенческой смерти. В Саратове из 1431 умершего ребенка от названных причин умерло 256, 104, 359 детей соответственно; кроме того, от дизентерии — 249. В Свердловске из 2855 умерших младенцев погибли от диспепсии 116, от колита — 297, от воспаления легких — 758, от дизентерии — 702 ребенка. В более благополучных районах — Ставрополье, Западных областях, За-

падной Сибири младенцы умирали в основном от простудных заболеваний. Уже в Туле зафиксировано в 1947 г. довольно много случаев младенческой смерти от диспепсии, нехарактерной в принципе для этой области. В Ярославле из 1562 умерших младенцев от дизентерии погибли 145, от диспепсии — 164, от колита — 182, от воспаления легких — 356, т. е. $\frac{2}{3}$ детей от вышеназванных причин. Ту же ситуацию с младенческой смертностью зафиксировала статистика в Уфе и т. д.³⁰⁸ (Подсчеты автора.)

Следует отметить, что в связи с начавшимися существенными изменениями экологии врожденные пороки развития и смертность от них уже встречались в то время, хотя и редко. Однако они имели тенденцию к нарастанию.

В принципе такой набор причин смерти младенцев чисто экзогенных говорит о незавершенности эпидемиологического перехода, о неблагоприятной экологической и демографической ситуации, что крайне негативно сказалось на протекании процесса демографической компенсации.

Изучение по материалам санитарно-медицинской статистики характера заболеваемости и причин смерти населения показывает, что вследствие войны и нарушений экологической обстановки возникают определенные группы болезней. Кроме того, некоторые из существовавших до войны заболеваний сразу после войны становятся массовыми и протекают в тяжелой форме, часто с летальным исходом.

Загрязнение воздуха, отсутствие правильного питания, нехватка топлива, антисанитарные условия существования способствуют прежде всего распространению заболеваний органов дыхания: пневмонии, плевритов, хронических бронхитов и, наконец, страшного бича — туберкулеза, в т. ч. скоротечного. В 1946 г. практически во всех городах России стоит на первом месте среди причин смерти воспаление легких, в т. ч. крупозное. Среди младенцев в возрасте до 1 года лидирует именно пневмония. Среди младенцев с установленной причиной смерти на нее приходится в Саратове 25,6 %, в Сталинграде — 26,3 %. В Поволжских автономиях пневмония унесла 28 % детских жизней.

Смертность от пневмонии была на Урале выше, чем во многих других районах. Так, в Свердловске от пневмонии умерло 23 % от всех умерших, в Челябинске — 23,8 %. Среди младенцев этот показатель поднимался до 32 и 37 % соответственно, т. е. смертность от пневмонии занимала, как и в Поволжье, первое место среди причин младенческой смертности. В Западных районах абсолютным лидером была также смертность от пневмонии как среди взрослых, так и среди младенцев. На эту причину в Смоленске приходилось в 1946 г. 35,6 %

смертей среди всего населения и 55,1 % среди младенцев, т. е. умирал от пневмонии каждый третий среди умершего населения и каждый второй среди умерших младенцев. На Дальнем Востоке также самой распространенной причиной смерти и среди взрослых, и среди младенцев была пневмония. Среди всех умерших умершие по этой причине составляли около 30 %, а среди детей — 35,6 % соответственно. Чаще, чем во многих других регионах, на Дальнем Востоке и в Сибири фиксируется смерть от крупа³⁰⁹. (Подсчеты автора.)

В городах РСФСР в конце 1940-х гг. 32,9 % детей (в возрасте до 1 года) умирало от воспаления легких.

Особую опасность представлял для детей туберкулез, вспышка которого во время войны и в первые послевоенные годы наблюдалась и среди детей, и среди взрослого населения.

Заболеваемость детей туберкулезом легких долго и упорно держалась на довольно высоком уровне, поскольку на детях дольше и сильнее сказываются последствия пережитого голода и нервных стрессов. Пик ее пришелся на 1949 г. Затем начал наблюдаться спад заболеваемости.

Положение с заболеваемостью населения туберкулезом легких после Великой Отечественной войны было столь серьезно, что в 1947–1948 гг. Совет министров СССР совместно с Министерством здравоохранения СССР приняли специальные документы, содержащие конкретные противотуберкулезные мероприятия³¹⁰. Так, во всех туберкулезных диспансерах были созданы стационарные отделения. Врачи, работающие в этих отделениях, должны были участвовать в диспансерных обследованиях больных и лечить их в стационаре. Одновременно широко вводилось проведение флюорографии населения. При лечении туберкулеза начали широко применять антибиотики: пенициллин, альбомуцин, синтомицин и др.

В 1945 г. в детских туберкулезных больницах содержалось 5,2 тыс. больных. Обращает на себя внимание тот факт, что, хотя в этот период штат медицинского персонала больниц и санаториев был далеко не полностью укомплектован, в детских туберкулезных больницах штат был укомплектован, как правило, более чем на 90 %³¹¹.

Лечение осуществлялось также по месту жительства и учебы. Система санаториев была разветвленной и гибкой — работали круглогодичные и сезонные санатории, круглосуточные, дневные и ночные. Без санаториев, подчиненных отделу курортологии Наркомздрава, в 1945 г. насчитывалось 49 тыс. детей в круглогодичных туберкулезных санаториях, 12 тыс. — в дневных и ночных санаториях, сверх того 7,5 тыс. — в санаториях для детей до 3 лет. Более 7 тыс. детей лечились в санаториях

для больных костным туберкулезом, который был сильно распространен после войны³¹².

В 1946 г. в круглогодичных туберкулезных санаториях лечилось уже 54 тыс. детей, в дневных и ночных — 9 тыс., 16 тыс. — в санаториях до 3 лет. В 1947 г. эти цифры значительно возросли: в круглогодичных туберкулезных санаториях лечилось уже 80 тыс., в санаториях для детей до 3 лет — 13 тыс. В 1948 г. — 66 тыс. и 15 тыс. детей соответственно. В трудные голодные годы система лечения и профилактики туберкулеза велась более интенсивно, что давало положительные результаты³¹³.

Борьба с туберкулезом не ослабевала все 1950-е гг. В конце 1950-х гг. в детских туберкулезных больницах лечилось 4,6 тыс. детей, в детских туберкулезных круглогодичных санаториях — 97 тыс. (ежегодно), в сезонных — 1,3 тыс. детей. В эти годы большое внимание уделялось борьбе с различными формами туберкулеза, например костного, железистого, а не только легочного, в т. ч. у детей раннего возраста. Распространение у детей костного туберкулеза после войны было опасным явлением, связанным прежде всего с нарушениями экологии, питания, формирования младенцев во внутриутробный период и т. д.

Разумеется, туберкулез относится к заразным заболеваниям, однако он поражает людей, в первую очередь ослабленных физически и в результате нервных потрясений. Война непосредственно привела к повышению восприимчивости, в т. ч. у детей, к туберкулезной инфекции. Следует отметить, что активные меры борьбы с туберкулезом дали большой эффект и сохранили жизнь и вернули здоровье тысячам детей и взрослых.

В послевоенное время резко возросла смертность от дизентерии. В медицинской статистике эта болезнь стояла в одном ряду с тяжелейшими инфекционными заболеваниями. В 1945 г. было зафиксировано в России более 70 тыс. случаев заболевания дизентерией. 1946 г. привел к заметным и негативным изменениям в уровне заболеваемости дизентерией. По России было зафиксировано уже более 100 тыс. случаев заболевания, т. е. на 30 % больше, чем в 1945 г. Практически во всех отмеченных в предшествующем году неблагополучием районах случаи дизентерии участились, причем значительно. Особо опасна дизентерия в младенческом и раннем детском возрасте. Учитывая это, отечественная медицинская статистика особо фиксировала сведения по заболеваемости дизентерией в возрасте до 2 лет. В 1946 г. в РСФСР было зафиксировано 26,1 тыс. случаев заболевания, из них в Москве — 5,3 тыс., в Ленинграде — 4 тыс., в Хабаровском крае — 1,6 тыс., в Приморском — 1 тыс., в Горьковской обл. — 0,7 тыс., в Ивановской обл. — 0,5 тыс. Даже в отчетах о за-

болеваемости первых послевоенных лет детская дизентерия выделена как особая группа заболеваний, в отличие от общей дизентерии, и ей присвоен особый шифр в медицинской отчетности³¹⁴. (Подсчеты автора.)

В 1946 г. очень высокая младенческая смертность от дизентерии отмечается в июле, августе, сентябре: так, в Москве, — в июле–августе, в Ленинграде — в августе, в Западных областях и в Среднем и Нижнем Поволжье — в августе–сентябре, в Центральном Черноземье — в июле–августе, в Северных областях, на Урале — в сентябре, в Сибири — в июле–августе. Именно в эти месяцы свирепствовала дизентерия. Распространенность этой причины смерти говорит об эпидемическом характере заболеваемости младенцев дизентерией в 1946 г.

Гастроэнтероколит поражал обычно детей до 2 лет и для них был очень опасен. Как и прочие кишечные заболевания, он был весьма распространен после войны из-за ослабленности населения и нехватки и недоброкачества питания, а начинающийся голод 1947 г. усугубил и без того тревожную ситуацию. Распространялся гастроэнтероколит летом и ранней осенью, поражал в равной степени и городское, и сельское население — на город приходилось, например, в 1946 г. 56 % случаев этого заболевания. В 1945 г. детей, страдающих гастроэнтероколитом, довольно много — 235 тыс., а в 1946 г. отмечается очень заметный рост — в 1,5 раза. Число больных превышает 340 тыс.³¹⁵ (Подсчеты автора.)

Смертность от диспепсии среди причин младенческой смертности уступает только пневмонии. От 11 до 27 % от всех случаев младенческой смертности приходился на эту причину.

Во многих регионах России фиксировались вспышки и отдельные случаи заболеваемости разными формами тифа, прежде всего брюшным и сыпным.

Особой проблемой после войны были детские инфекции, с которыми медицина вела упорную борьбу. Детские инфекционные клиники обслуживали ежегодно сотни тысяч детей. В 1946 г. — 96 тыс. детей, в 1947 г. — 113 тыс., в 1948 г. — 119 тыс. Наряду с распространением желудочно-кишечных инфекций детей определяли в больницы в связи с голодным истощением, в частности с так называемыми голодными поносами³¹⁶.

На рубеже 1950-х гг. система детских инфекционных больниц продолжала увеличиваться и обслуживать все большее число детей, например в 1950 г. — 137 тыс. детей. Последствия войны и голода, особенно длительного и латентного, приводили к ослаблению организма, понижая его сопротивляемость, что усиливало подверженность детей инфекциям. Понижалась сопротивляемость.

В итоге такие детские заболевания, как корь, скарлатина, приходилось лечить стационарно. У детей с ослабленным от недоедания и нервного стресса организмом очень часто развивались осложнения на печень, почки, зрение, слух. К концу 1950-х гг. ситуация переменялась мало (так, в 1957 г. в инфекционные больницы поступило 208 тыс. детей)³¹⁷.

Многочисленнее стали детские когорты в связи с повышением рождаемости на рубеже 1950-х гг., но и больше пациентов в детских инфекционных клиниках. Новые поколения также не отличались крепким здоровьем.

Борясь за жизнь каждого ребенка после войны, медики старались снизить смертность и тяжелые последствия от перенесенных инфекций до минимума. Сельские больницы также обслуживали, особенно в первые послевоенные годы, тысячи инфекционных больных. Хронически больные дети получали медицинскую помощь в детских специализированных больницах и санаториях.

Следует отметить мобильность и быстрое реагирование органов здравоохранения на распространение тех или иных групп заболеваний. Так, в связи с опасностью распространения инфекционных болезней стабильно растет число инфекционных больниц от 1945 г. к 1948 г. — соответственно с 97 учреждений до 112. Особенно большое число больниц было открыто в 1948 г. в связи с голоданием населения и увеличением, соответственно, желудочных инфекций. Выросло и число поступающих в них больных (и детей, и взрослых): если в 1946 г. — 16,6 тыс., то в 1948 г. — 190,9 тыс. Рост числа поступивших в больницы продолжается и в 1949 г. — 245 тыс. В целях более активного их обслуживания на фоне некоторого уменьшения числа инфекционных больниц значительно, почти в 1,5 раза увеличивается количество работающих в инфекционных больницах врачей.

К 1950 г. при столь же большом числе врачей несколько уменьшается наплыв больных — до 228 тыс. Однако это понижение было нестабильным. В стране упорно проявлялись вспышки то малярии, то желудочно-кишечных, то легочных, то менинго-энцефалитных инфекций, поражавших все население, в т. ч. детское. Во второй половине 1950-х гг. число инфекционных больниц пришлось поднять до 145, а врачей в них — почти до 2 тыс. чел. (в 1946 г. врачей было менее 600 чел.), поступило же только за 1957 г. 435 тыс. больных.

Проблема борьбы с инфекциями остро стояла все послевоенное десятилетие. При этом на государственном уровне тратились немалые средства для ее разрешения. Особо сложные случаи лечились в инфекционных клинических больницах. В 1946 г. в них прошли лечение 68 тыс. чел.; в 1947–1948 гг. еще больше — 69 и 73 тыс. соответственно.

Если на рубеже 1950-х гг. в обычных больницах стало несколько меньше инфекционных больных, то в специализированных клиниках число их даже увеличивалось. В частности, в 1950 г. больных в инфекционные клиники поступило свыше 90 тыс. На клиники, как и на диспансеры, обращено было тогда особое внимание, полагали, и не без оснований, что клиники результативнее оказывают помощь при инфекционных заболеваниях³¹⁸.

В войну и после войны наблюдается возрастание в структуре причин младенческой смертности удельного веса причин смерти, связанных с ослаблением организма матери и ребенка: врожденная слабость, преждевременное рождение, выкидыши, болезни новорожденных, нарушения внутриутробного развития. Эти причины смерти в благополучные периоды встречаются редко, и их массовое появление обычно бывает связано с голодными или военными годами. Например, в первые послевоенные годы в разных регионах России ежегодно 15–20 % умерших младенцев погибали от этих причин³¹⁹.

Причины столь сложной и неблагоприятной картины с младенческой смертностью были разнообразны. На одном из первых мест стояло ослабление организма женщин во время войны, недостаток питания, последствия психической и физической перегрузки и матерей, и отцов во время войны, недостаточность лекарств и медицинской помощи и т. д. Ситуация осложнялась тем, что система ухода за слабыми новорожденными, за теми, кого в настоящее время относят к группе риска, еще не была разработана и налажена. До войны рождались более крепкие и жизнеспособные младенцы, меньше было недоношенных и врожденно слабых детей. Соответственно, не было и потребности в сложном и длительном выхаживании новорожденных, что стало после войны одной из главных задач преодоления высокой младенческой смертности. К сожалению, условий для подобного выхаживания было мало.

Большую роль среди причин детской смертности играли тяжелые условия быта и труда, неблагоприятные климатические условия, которым ослабленное войной потомство противостояло с трудом. Забегая вперед, надо сказать, что у женщин, рожденных в 1942 г., смертность детей была на 55 % выше довоенной нормы, у женщин 1943 г. рождения — уже на 10 % выше, а у женщин, рожденных в 1944 г., — на 3 %³²⁰.

В РСФСР в 1945 г. родилось живыми 84,5 тыс. младенцев, из них недоношенными 37,5 тыс., или 4,8 %. Мертворожденных было почти 8 тыс., 14 тыс. детей умерли вскоре после рождения, среди них преобладали недоношенные — 9 тыс., или 64 %. Кроме того, в течение ряда послевоенных лет, уже после окончания голода 1946–1947 гг., сохранялась

высокая младенческая смертность. Во многих регионах она превышала 100 %, т. е. более 105 детей умирало на первом году жизни.

Высокая смертность среди недоношенных младенцев сохранялась и в первой половине 1950-х гг. Она составляла ежегодно около 20 % от их числа. Кроме того, в 1954 г. по сравнению с 1953 г. число мертворожденных выросло более чем на 2 %³²¹.

В послевоенный период заметен рост онкологических заболеваний, в т. ч. у детей. В 1946 г. в онкологических клиниках проходило лечение 4,9 тыс. больных, еще около 1 тыс. лечилось в диспансерах. В 1947 г. число больных резко увеличилось, в больницах их уже насчитывалось 10,5 тыс. чел., в 1948 г. — до 17,8 тыс., причем около половины больных из сельской местности, т. е. уже нельзя было назвать онкологию болезнью городов. Около 2 тыс. чел., в т. ч. молодого возраста, лечилось в диспансерах. В медицинской статистике графа «Онкозаболевания» из скромной строчки превратилась в длинный и подробный перечень разновидностей раковых заболеваний: рак губы, гортани, пищевода, желудка, прямой кишки, печени, мозга, костей, легких, кожи. Среди причин увеличения онкозаболеваний все большее значение приобретает неблагоприятная послевоенная экология. Несмотря на активизацию усилий медицины, не только отечественной, но и зарубежной, результативных методов лечения онкологических заболеваний (кроме отдельных видов) еще не было в тот период. В результате от рака погибали и взрослые, и подростки (в чисто детском возрасте рак еще был тогда редкостью, хотя уже встречался). Для тех взрослых людей, которые сумели выздороветь или продлить свою жизнь, последствием рака было обычно бесплодие. Число онкозаболеваний было в рассматриваемый период значительно больше зарегистрированного, т. к. диагностика раковых заболеваний еще была очень несовершенна.

Следует сказать об одной из основных причин ухудшения экологической обстановки. В послевоенный период многие города стали крупнейшими центрами промышленности, в т. ч. оборонной. Быстро развивались химические производства и смежные — химико-биологические и пр. Разрабатывалось ядерное оружие. Производились новые виды техники. Эти производства нередко находились на окраинах городов или же в ближайших пригородах. Техника безопасности была слаба, да и сама степень вредности производств и система мер безопасности были еще во многом неизвестны и не разработаны. Жилые корпуса для рабочих и служащих, детские учреждения, дачные и приусадебные участки, как правило, находились в непосредственной близости от предприятий, в т. ч. с высокой степенью вредности. При застройке в целях скорости

и прочности и наличия новых технических возможностей порой использовались непроверенные на вредность материалы. Например, «вечным» гранитом (в противовес использовавшимся ранее в качестве декоративно-отделочных и строительных материалов «мягких» мрамора, песчаника, известняка, дерева) отделялись жилые дома, здания, где находились аптеки и магазины продовольственных товаров и пр. Печальное лидерство Москвы и Ленинграда по онкологическим заболеваниям не случайно.

Кроме онкологических, выросло число, в т. ч. детей, страдающих от нарушений функции щитовидной железы. Увеличилось число больных обменными нарушениями. Особую проблему составляли нейропсихические заболевания и у детей, и у взрослых. Основными причинами их распростра-

нения были полученные во время войны ранения и контузии, пережитые нервные стрессы и нервное истощение. Не случайно после войны расширяется сеть психдиспансеров, в т. ч. детских.

Все эти и другие заболевания, порожденные последствиями войны и связанными с ней глобальными нарушениями экологической ситуации, долгие годы оказывали негативное влияние на генофонд нации. Безусловно, с повышенными смертностью и заболеваемостью в послевоенные годы велась упорная борьба, были увеличены ассигнования из государственного бюджета на нужды здравоохранения населения в 2 раза по сравнению с довоенным периодом. Однако последствия войны для здоровья населения были глубокими и длительными. Демографическое эхо войны мы ощущаем и по сей день.

Харитонова В. И.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СФЕРЕ МАГИКО-МИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

В одну реку нельзя войти дважды.

Гераклит

Трансформации, происходившие на этапе перестройки и в постперестроечный период в российской культурной и религиозной жизни, значимо менявшие психоментальность россиян, заставили этнологов, изучающих народы Севера и Сибири, заговорить о возрождении, ренессансе, модернизации, эволюции шаманизма, появлении неошаманизма в Сибири и на Крайнем Севере³²².

Шаманский вопрос по-разному рассматривался исследователями, что, очевидно, определялось их знанием российской жизни, а иногда и политическими установками. Многие работы, к сожалению, писались по горячим следам, выводы делались поспешно. Активизация шаманской деятельности связывалась авторами в первую очередь с тем, что лежало на поверхности — со снятием государственного запрета на религии.

За два последних десятилетия многое изменилось в ситуации с шаманизмом и тем, что было порождено идеей шаманизма в эти годы. Теперь о происшедшем проще говорить уже более спокойно и объективно, без излишнего публицистического пафоса.

Оценивая современный шаманизм, исследователи учитывают в лучшем случае значимую разницу ситуаций в городах и сельской местности. Это важно, поскольку в отдаленных районах до середины 1980-х гг. в некоторой степени сохранялось *тради-*

ционное шаманство и даже *профессиональный шаманизм*³²³. В анализируемый период там, где были остатки традиции, она несколько активизировалась; поводом к тому стали известные политические и культурно-религиозные события. В отношении таких локусов можно говорить даже об *эволюции шаманской традиции*. Иная ситуация в городах и поселках, особенно в республиканских центрах.

Географический аспект вместе с политико-экономическим и культурно-религиозным определяют многие процессы, но далеко не все. Возможности возрождения различны внутри самого шаманизма (если использовать данный термин как общий для нескольких явлений, что делают большинство исследователей). В этом контексте напомним о периодически вспыхивающей в российской науке дискуссии о шаманстве и шаманизме³²⁴, которая для многих ученых, к сожалению, всего лишь спор о словах³²⁵. Однако речь идет о значимо различающихся явлениях, определяемых конкретными понятиями, которые не всегда удачно выражены терминологически. Их разграничение особенно важно для понимания современных процессов «возрождения».

Для объективного исследования необходимо выделять по меньшей мере четыре смежных явления³²⁶, это: ритуальная магико-мистическая практика и знания шаманов — *шаманизм*; семейно-обрядовая

и лекарская деятельность, а также соответствующие знания иных членов шаманствующих социумов (не шаманов) — *бытовой шаманизм*; мировоззренческий комплекс представлений и верований, утвердившийся в социуме на основе сакрального знания шаманов, но изрядно трансформированный в среде шаманистов, в т. ч. под воздействием дошаманских культов и представлений, что отражено в первую очередь в фольклоре — *шаманство*; деятельность лиц, владеющих элементами традиционной религиозно-магической практики и востребованных социумом в таковой роли — *культовое жречество*, которое в отдельных традициях перекликается и пересекается с *практикой белых шаманов*.

В советский период в различной степени изменились все названные сферы. Наиболее значительно пострадало культовое жречество и профессиональный шаманизм как предельно ярко выраженные проявления религиозно-магической и магики-мистической практик. Запреты на жреческие обряды и шаманские камлания появились с началом борьбы с мировыми религиями в 1920-е гг. Формирующаяся коммунистическая идеология, борьба с суевериями, просвещение и распространение санитарно-медицинских знаний вели к передаче функций жрецов, по сути дела, партийным идеологам, а шаманов — представителям медицины. Жрецы и шаманы как наиболее яркие фигуры традиционной жизни притеснялись при этом вплоть до репрессий (правда, обычно их репрессировали как представителей наиболее зажиточной части населения, т. е. они попадали под статьи о кулаках и лишенцах³²⁷).

В ситуации преследования жрецы прекратили проведение больших обрядов, заменив их на тайные купированные действия; в результате со временем эта сфера нивелировалась в большинстве регионов полностью, а ее функции частично перешли в сферу бытового шаманизма. Шаманы, практика которых была связана с принятием шаманского дара и посвящениями, вынужденно деформировали ее, поскольку большинство их старались избежать своей участи, оставаясь без посвящения (следовательно, и обучения наставником); они превратились в «шаманов без бубнов»³²⁸, т. е. фактически профессиональный шаманизм также нивелировался и предельно сблизился с бытовым шаманизмом. К концу XX в. почти на всей территории Сибири и Крайнего Севера профессиональный шаманизм перестал существовать за отсутствием посвященных шаманов.

Бытовой шаманизм в варианте традиционного лекарства, гаданий и предсказаний как менее заметное явление продолжал жить своей жизнью почти повсеместно в сельской местности, в значительной степени сохранялся в поселках и городах, в среде

тех, кто был с детства приобщен к традиционным верованиям.

В регионах с массовой шаманской практикой, которая часто именуется *семейно-бытовым шаманизмом* (чукчи, коряки, ительмены, обско-угорские народы и др.), где «больших шаманов» либо не было вообще, либо они исчезли еще при введении монотеистических религий³²⁹, а к практике погружения в измененное состояние сознания (ИСС) (например, с помощью приема мухоморов и иных средств) были приобщены все, процесс шел сглажено, как в сфере бытового шаманизма.

Шаманство медленно, но верно трансформировалось и переставало быть общепринятым мировоззрением. Несколько поколений людей, взращенных в условиях интернатов и советских школ, в отрыве от семейных и родовых традиций, начинали отторгать знание предков. Однако связь с родными местами поддерживалась даже теми, кто уехал жить в города и крупные поселки; общение с родными вело к естественному усвоению фольклора, традиционного суеверного знания. Верования и представления — сфера шаманства — неплохо передаются от поколения к поколению до сих пор³³⁰, невзирая на исчезновение шаманов и даже отход от бытового шаманизма. При всеобщей атеизации оказалось проще избавить людей от веры в монотеистических богов, нежели чем от шаманистских суеверий.

Сохранение шаманства связано с исторической памятью народа³³¹. Однако проблема этим не исчерпывается. За суеверными представлениями кроются глубинные психобиологические и психофизиологические механизмы адаптации человека в природной и социальной среде. Они живы в каждом из нас; наиболее подвержены их воздействию группы людей с особой организацией психики и работы мозга³³², к которым относятся шаманы, но не религиозные деятели и служители культов³³³.

Здесь необходимо затронуть еще одну дискуссионную для российской науки проблему: религия ли шаманизм?³³⁴ При предложенном разграничении явлений, очевидно, нет. Религиозно-магические функции выполняли у большинства сибирских народов жрецы, а также белые шаманы³³⁵, которые по своей сути гораздо ближе к жрецам, нежели чем к собственно шаманам³³⁶.

Различия жреца и шамана начинаются на психофизиологическом уровне, что учитывает традиция, отдавая роль служителя культа тому, кто обладает хорошим знанием ритуалов, имея прекрасную память, знает канонические тексты обращений к божествам, кто, в конце концов, является авторитетной и уважаемой личностью³³⁷. Дошло ли культовое жречество шаманистских обществ до стадии оформления религии — это отдельный вопрос, не важный для темы, рассматриваемой в данной статье.

Шаманизм не нуждался в формировании собственной религиозной системы: он на всем протяжении своего существования более или менее удачно вписывался в уже существующие — от дошаманских культов до современных неорелигиозных движений. Это подтверждает и специфика его возрождения: в нынешнем шаманском целительстве представлен не только религиозный симбиоз в атрибутике (крайняя степень выражения — С. К. Серенот и его группы в Кызыле³³⁸), в конфессиональной принадлежности самих новых шаманов (что было, естественно, и раньше), но и в местах практики, например, в будистских хурээ, наряду с шаманскими центрами³³⁹. В отношении шаманизма можно говорить скорее об оккультизме, но по сути своей он представляет многоаспектную, преимущественно бытовую практику магико-мистического характера; в нем сильно индивидуально-импровизационное начало³⁴⁰, вызываемое психофизиологическими и стимулируемое психоментальными свойствами человека.

Становление кандидата в шаманы — это значимые психофизиологические трансформации³⁴¹: через призыв духов и «шаманскую болезнь», через посвящение духами и учительское введение в шаманство, включающее обучение навыкам не только ритуальной, но и психоэнергетической практики³⁴², за чем следует признание коллектива. Иногда обучение переводится в виртуальный план: важнейшим становится получение знаний и посвящения «от духов», а не от наставника. Все это обуславливает сложности трансформаций шаманизма в ситуациях как введения монотеистических религий, так и пропаганды атеизма.

То, что в основе шаманизма лежат психофизиологические и психоментальные свойства человека, доказывает как длительность его существования, так и специфические личностные деформации, подобные шаманским, отмечаемые психологами и психиатрами у представителей различных культур³⁴³, а также состояния избранников духов, которым не удается по каким-либо причинам начать шаманскую практику.

Судьба любого несостоявшегося шамана трагична. Дело в том, что в момент шаманского становления кандидат должен освоить особые нейрофизиологические операции по переводу работы мозга из обычного состояния сознания в ИСС, по погружению в различные стадии ИСС и работе в каждой из них, по возвращению в обычное состояние³⁴⁴. Отсутствие учителя чревато не только тем, что можно не научиться специфической шаманской работе высокого класса, но и (это главное) не освоить пути выхода из ИСС. Последнее приводит кандидата в шаманы к психическим отклонениям вплоть до развития у них психических или психосоматических

заболеваний. Подобное случалось и при отказе от шаманского дара³⁴⁵; в итоге кандидат-отказник мог стать инвалидом или просто умереть.

Невозможность посвящения в советское время породила «шаманов без бубнов», что не только обеспечило им психические и психофизиологические сложности³⁴⁶, но и привело к изменениям их психоментального комплекса³⁴⁷, вместе с чем трансформировалась традиция. Это вело к изменениям и шаманизма (сближение с бытовым шаманизмом), и шаманства.

Очевидно, шаманизм как магико-мистическая практика лиц, наделенных определенными способностями — суперсенситивными (сверхчувственное восприятие) и экстрасенсорными (воздействие на живую природу и человека на основе сверхвозможностей), не мог исчезнуть под давлением только политических репрессий и просвещения людей в атеистическом духе. Связанная с ним бытовая практика не-шаманов и свойственные ей знания, равно как и мировоззренческий комплекс шаманистского общества в целом, сохраняющего свои традиции, также не могли за семь десятилетий советской власти утратиться полностью. Это значит, что основа для возрождения существовала. Однако там, где традиция собственно шаманизма не была прервана окончательно, оставалась реальная возможность ее возрождения на фоне естественной эволюции. Но там, где профессиональный шаманизм исчез полностью, особенно задолго до 1980-х гг., процессы должны были быть иными, поскольку возродить было нечего, впрочем, можно было, например, искусственно восстанавливать. Реальное положение дел с возрождением и восстановлением корректировалось конкретными фактами политики и культуры, социально-экономической и религиозной ситуации.

В 1990-е гг., когда с отменой запрета на религии на местах перестали преследоваться проявления религиозно-магических практик и магико-мистической деятельности, в традиционной среде пошло естественное возрождение (на фоне общей эволюции традиции) и культовых жреческих практик, и собственно шаманской деятельности. Деформации традиции при этом зависели от сохранности самих практик и знаний (культового жречества, шаманизма) и сопутствующих им бытового шаманизма и шаманства.

В любом случае пока в эти процессы активно не вмешивалась городская интеллигенция, занимающаяся культурно-национальным возрождением, трансформации шли естественно: свободно стали проводиться семейно-родовые и семейные обряды, которые тайно отправлялись до этого; они стали дополняться традиционными действиями, о которых помнили старожилы; начали активнее появляться

кандидаты в шаманы (и среди взрослых, и среди детей), а известные до того проходили посвящения и начинали свою деятельность.

Обратившиеся к шаманской практике неопиты порой плохо знали ее суть, в силу утраты традиционного знания и отсутствия прямых учителей. Однако внешнее знание — навыки обрядовой стороны практики и ее вербального компонента — можно было обрести с помощью знатоков традиции, местных старожил, а ее внутреннюю сторону некоторым начинающим приходилось осваивать с помощью виртуальных учителей: многие новые шаманы и «шаманы без бубнов» уверены в том, что основы знания дают непосредственный дух-покровитель и даже духи-помощники, а получить их можно через виртуальные подсказки и во время путешествий по «шаманской Вселенной». Подобное обретение знаний вело к индивидуализации шаманской деятельности, но это было свойственно практике шаманов всегда. В отдаленных районах активизация шаманской и жреческой практик строго контролировалась сохраняющимся в системе шаманства традиционным знанием, поэтому нововведения, свойственные городу, здесь были практически невозможны.

Идея актуализации шаманизма в России принадлежит, безусловно, интеллигенции — как периферийной, так и столичной. В Сибири это было связано с национально-культурным возрождением; в столице — с массовым увлечением парапсихологией, магией, мистикой, оккультными практиками³⁴⁸, что, разумеется, было не чуждо и периферийной интеллигенции. Начало возрождения шаманизма на периферии страны и появление его в варианте практики, созданной М. Харнером³⁴⁹, в Москве произошло почти одновременно — в начале 1990-х гг. Московский интерес к шаманизму не закончился чтением романов К. Кастанеды и освоением core-shamanism³⁵⁰ М. Харнера (школа Алины Слободовой³⁵¹).

Вскоре столица и периферия стали своеобразными сообщающимися сосудами: из Москвы в Сибирь поехали различные «учителя», предлагавшие эзотерические знания и обучение экстрасенсорным практикам, гипнозу, методикам *народного целительства* (новая профессия, претендующая на овладение интегративными медицинскими практиками, базирующаяся на народной медицине и магики-мистических представлениях); в Москву (позже по другим городам и за пределы страны) потянулись сибирские «шаманы», некоторые из них обучались изначально у тех же столичных «учителей».

В то же время на фоне активного процесса становления народного целительства изначально в Москве, а позже почти повсеместно, в столицах тех республик, которые в начале 1990-х гг. законода-

тельно признали шаманизм традиционной религией (Якутия (Саха), Бурятия, Тыва), стали формироваться шаманские организации, фактически как аналоги целительских. Ставка делалась именно на лечебно-оздоровительную функцию шаманизма; даже принимались специальные распоряжения республиканских правительств (в частности, в Тыве), рекомендовавшие минздравам организовать исследование лечебной практики шаманов, а медикам работать в содружестве с шаманами как представителями помогающих профессий. Появились кабинеты шаманского целительства. Но это вскоре отошло на второй план, поскольку шаманские организации должны были получить определенный статус, а они предпочли регистрироваться как религиозные, т. к. религиозные организации имеют льготное налогообложение, целительские же — нет: они рассматриваются как коммерческие.

Таким образом, происходящее в столицах сибирских республик выглядит как попытка восстановления жреческой и шаманской практик (часто при путанице функций жреца и шамана) с претензией на возрождение традиции. Во главе этого движения в Бурятии оказалась преподаватель Н. А. Степанова и другие представители высокообразованной интеллигенции, в Туве — писатель и этнограф, фольклорист, д-р ист. наук М. Б. Кенин-Лопсан и его помощник, учитель С. И. Канчыыр-оол, в Якутии (Саха) — учитель истории В. А. Кондаков, в Хакасии — сотрудники университета и члены правления Союза писателей.

Естественно, эти люди стали возрождать шаманизм привычными им по практике руководства общественным движением советских времен способами: они формировали организации и создавали школы. Шаманские организации в Кызыле («Дунгур» и «Тос Дээр») вскоре превратились в централизованную вертикальную структуру по типу партийно-профсоюзных, здесь начали выдавать «шаманские удостоверения»; в Улан-Удэ в шаманскую ассоциацию «Хэсэ хэнгэрэг» записали всех известных шаманов Бурятии; в Абакане «Центр хакасского шаманизма — общество традиционной религии хакасов» стало чем-то вроде клуба по интересам, где во время встреч, наряду с идеями шаманизма, обсуждались различные эзотерические концепции («Агни-йога» Е. И. Рерих и др.), а также писались сценарии традиционных праздников с их последующей постановкой. Созданные школы готовили целителей (Якутск, В. А. Кондаков) или шаманов, занимавшихся всем сразу, включая гадания, составление гороскопов, «целение», «повышение жизненного тонуса», проведение «ритуалов на богатство» (Кызыл, школа С. И. Канчыыр-оола). При этом была актуализована идея изучения шаманизма, в результате образовались: Научный центр

тувинского шаманизма (Кызыл), этнопсихологическая лаборатория (Абакан).

В создаваемые *шаманские организации* отбирались (либо списком, либо путем индивидуальных собеседований «для выявления шаманских способностей») кандидаты, которые должны были начинать или продолжать свою практику индивидуально, числясь в организации (сдавая денежные взносы, за что организация регистрировала их трудовую деятельность), либо принимать клиентов в ее помещении. Для знающих ситуацию с шаманскими организациями очевидно: они являются целительскими/лекарскими (магико-медицинскими) объединениями, которые выполняют одновременно целый ряд иных функций — их сотрудники занимаются предсказанием, гаданиями, участием в отправлении семейно-бытовых обрядов (похоронно-поминальных, иногда жреческие ритуалы общественного характера).

В *шаманских школах* изначально обучались техникам работы и традиционным знаниям, которые уже сложно было получить даже через сохраняющееся в это время шаманство; практиковали либо на дому индивидуально, либо в организации, которой принадлежала школа.

Научные центры значимо различались в зависимости от их состава и учреждения, на базе которого они создавались. В Кызыле научный центр существует при Республиканском национальном музее им. Алдан-Маадыр и периодически занимается организацией или соорганизацией мероприятий, связанных с тувинским шаманизмом. В Абакане лаборатория выполняет двойные функции — ее сотрудники принимают клиентов, они же, получив (или получая) психологическое образование, занимаются исследовательской деятельностью и практической работой по борьбе с суицидом среди хакасов, а также, находясь в системе ХакНИИЯЛИ (Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории), участвуют в организационной и научной работе, связанной с вопросами шаманизма.

Три типа объединений — *«религиозные общества»*, *шаманские школы* и *научные центры шаманизма* — не исчерпывают всего многообразия организаций, созданных при возрождении шаманизма. С актуализацией религиозной идеи в государстве некоторые шаманские объединения занялись поиском традиционных национальных религий: школа В. А. Кондакова, например, в 1996 г. превратилась в научно-исследовательскую общественную организацию по проблемам народной медицины и верованиям «Урюнг Аар тойон». Параллельно с ней возрождением белого шаманства якутов занимается религиозно-философская школа «Кутсюр», поиском национальной религии занята

национально-культурная организация «Итэгэл». Даже у отдельных ученых прослеживается эволюция от теоретического и практического интереса к шаманизму до поиска национальной традиционной религии и ее обоснования вне шаманизма. Этот процесс отражает понимание местной интеллигенцией различий между собственно шаманизмом и жреческой практикой религиозно-магического характера.

Национально-культурное возрождение не могло не актуализировать в движении возрождения шаманизма творческую составляющую. Она реализовывалась не только в написании сценариев и постановке традиционных праздников (что вполне естественно для современного неофольклорного движения, системы художественной самодеятельности), но и в формировании среды жрецов и восстановлении культовой практики, которая в столь значительной степени деформирована, что порой напоминает советские празднества со всеми их составляющими, но включает в качестве первоосновного и обязательного элемента традиционные культово-обрядовые действия, осуществляемые специалистами, обученными в художественных училищах. Не исключено, что эти жрецы или белые шаманы когда-то также объединятся по профессиональному признаку.

В шаманские объединения собирались люди талантливые и инициативные, естественно, со временем здесь стали происходить вполне предсказуемые процессы: организации стали распадаться, новые лидеры создавали новые формирования. Так, в Кызыле на базе первого общества «Дунгур» появилось второе, централизованное — «Тос Дээр» (это было вызвано и необходимостью создания именно централизованных организаций для регистрации обществ в варианте религиозных, согласно изменению религиозного законодательства в 1997 г.).

Позже в результате конфликта двух соорганизаторов (М. Б. Кенин-Лопсана и С. И. Канчыроола) образовалась шаманская школа «Дом шаманизма «Хаттыг-Тайга»» и шаманская организация «Классическая основа шаманизма «Золотая орба»». В 2001 г. в результате конфликта руководителей обществ «Дунгур» и «Тос Дээр» К. Т. Допчун-оол, покинув «Дунгур», зарегистрировал организацию «Адыг Ээрен». Объединения создавались и в районных центрах: в Ак-Довураке — «Солангы Ээрен», в Шаганаре — «Уш Мрук» и т. д. Некоторые организации закрывались, в т. ч. с формулировкой «за нарушение норм Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»» (Тес-Хемская «К з нг Ээрен»).

На 2005 г. в Туве было зарегистрировано 8 шаманских объединений (57 шаманов), реально же существуют значительно больше (по непроверенным

данным журналистов — 23 организации, а шаманов, по разным источникам, от 100 до 300); в Бурятии функционируют 3 организации (плюс две в Агинском БАО и одна в Усть-Орде); в Хакасии на 2006 г. зарегистрирована «Централизованная религиозная организация традиционной религии хакасского народа «Хан Тигір»» (практикуют 2 шамана, приписанных к ней; другие работают индивидуально).

При эволюции шаманских объединений (особенно в Туве) заметна перетасовка кадров по родственному принципу. Однако есть иной стержень для их формирования и длительного существования — наличие авторитетного и авторитарного руководителя (М. Б. Кенин-Лопсан) или прямого учителя, посвящающего своих учеников и оставляющего их для практики и дальнейшего обучения в своей организации, которая расширяется образованием филиалов (Б. Ж. Цырендоржиев, основатель «Тэнгэри» в Улан-Удэ).

Деятельность шаманских объединений плохо соотносится с представлениями о шаманизме, как и сама идея шамана с работой в организации (см., например, описание М. Б. Кенин-Лопсаном виртуальных войн традиционных шаманов³⁵²).

Практика в шаманских объединениях обретает новшества, свойственные стадии письменной культуры: у бурят, например, стало нормой призывать духов с листа — тексты, написанные в тетрадях/блокнотах или напечатанные на стандартных листах формата А4, кладутся на стол, перед которым садится адепт, и исполняются в объеме, удобном для конкретного действия. Многие тувинские нешаманы учат алгыши из фольклорных изданий; впрочем, некоторые работают с использованием горлового пения без слов. В бурятской организации «Лусад» занимаются фотосъемкой «призываемых душ».

В объединениях нарушились не только основные каноны и традиционная индивидуализация шаманской практики. Здесь при всей логичности наличия шаманских школ был разрушен сакральный вариант прямого наставничества/учительства. Школа вела к десакрализации не только в силу группового, классного обучения — здесь писались учебные пособия, которые планировалось издавать.

Десакрализации шаманского знания в значительной степени способствуют новопосвященные, заглянувшие в сибирский шаманизм со стороны: они пишут трактаты о шаманской практике и издают их, извлекая личную пользу из обучения шаманизму, ссылаясь на необходимость просвещения непосвященных³⁵³.

Шаманские объединения привели к неестественной для шаманизма локализации практики. Большинство шаманов работают в «домах шаманизма» (особенно зимой), осуществляя прием

клиентов в порядке очереди, скопившейся в коридоре. Здесь же может вестись торговля необходимыми для ритуалов предметами и лекарскими снадобьями, биодобавками. Поскольку «дома шаманизма» невелики (4–6 комнат), а желающих работать довольно много, при наличии большого числа клиентов иногда идет прием одновременно во всех помещениях и даже в коридоре: звуки бубнов, раковин, трещеток или горловое пение, чтение заклинаний раздаются из всех углов. Порой в одной крошечной комнатке консультируют по углам два, а то и три шамана. Тут же могут проводить мини-обряды, в процессе которых и клиенты, и шаманы начинают бегать из своих комнат на улицу — то вынося жертвы духам, то изгоняя злых духов, «выбрасывая» их из помещения. Такая деятельность нарушает и разрушает не только сакральную основу шаманизма, но и специфику шаманского сеанса. Здесь деформируется локальный аспект шаманской практики: священным пространством оказывается кабинет, в котором может находиться кушетка для массажа, медицинские препараты, некая атрибутика.

Убранство комнат заслуживает отдельного описания, поскольку симбиоз атрибутов и украшений, присутствующих в них, может соперничать даже с антуражем кабинетов современных московских магов³⁵⁴. В абсолютном большинстве таких комнат есть собственно шаманские атрибуты (бубны, кузнечные инструменты, ээрены — вместилища духов, подношения духам), буддистские (статуэтки, чётки, курильницы), иногда и христианские (распятия, иконы).

Все это дополняется художественными произведениями (картины с изображением священных мест или исторических сюжетов, портреты религиозных деятелей, например далай-ламы, и исторических персонажей — часто Чингисхана). Кое-где необходимыми атрибутами стали требуемые официальными инстанциями свидетельства о лицензировании лекарской деятельности, различные удостоверения о целительском образовании, об окончании курсов гипноза, мануальной терапии и др. Порой в кабинетах вывешиваются и иные удостоверения — свидетельства о княжеском происхождении или купленные в альтернативных ВАК (Высшая аттестационная комиссия) РФ общественных организациях³⁵⁵ удостоверения о получении ученых степеней.

Тут же красуются портреты «Верховного шамана Тувы» М. Б. Кенин-Лопсана или автора идеи народного целительства генерального директора ВНИЦТНМ «ЭНИОМ» (Москва) Я. Г. Гальперина. Эта эклектика дополняется расписаниями совершения обрядов, графиками приема клиентов конкретными шаманами.

Отступления от традиции прослеживаются и в использовании для шаманской практики священных мест. Во-первых, на уже существующих сакральных пространствах сейчас проводятся массовые мероприятия с приглашением туристов — любителей экзотики (например, ежегодные действия на о. Ольхон, оз. Байкал).

Во-вторых, шаманы, становясь участниками научных мероприятий, выезжают на священные места вместе с наблюдающей публикой и здесь даже при естественном фоне (например, на ааржанах — целительных источниках, где находится обычно масса паломников, пользующихся целебными водами) устраивают коллективные целительские сеансы, весьма отдаленно напоминающие шаманские камлания.

В-третьих, шаманы создают новые «священные места» даже там, где это категорически запрещалось традицией (например, рядом с домами: непосредственно у шаманского центра «Тос Дээр» в Кызыле); здесь проводят ритуалы, связанные с традиционными празднествами (Шагаа — Новый год) или целительством (регулярные коллективные очистительные сеансы для всех желающих).

В-четвертых, шаманы выезжают для фото- и видеосъемок с журналистами, учеными, заплатившими им любителями экзотики даже на традиционные священные места, где проводят показательные ритуалы. Есть и опыт создания театрализованных площадок под священное место (например, неподалеку от Кызыла), где для туристов демонстрируются «традиционные обряды». Аналогично используются этнографические музеи под открытым небом (Казановка в Хакасии) и новые ритуальные места — «музеи» (Хуртыйах-тас в Хакасии).

Очевидно, не только локализация сакрального пространства, но и функции нового шаманизма значимо отличаются от функций шаманизма, известного по источникам XVIII — начала XX в.

Изменилась и сама среда допущенных к практике, став интернациональной. Уже в конце 1990-х гг. в шаманских организациях появились русские (москвичи и новосибирцы, приезжающие учиться шаманизму), а вслед за ними и иностранцы. В большинстве своем это были люди, связанные с психотерапевтической и психологической практикой, желающие познакомиться с экзотическим вариантом психотерапии. Однако некоторые из них восприняли шаманизм как второе призвание, уверовав в духов.

Психологи становились прямыми учениками практикующих современных шаманов, даже общались к роду учителя (Р. Ю. Нестеров из Москвы — ученик С. И. Канчыыр-оола). Среди таких людей есть уникальные явления — В. Л. Сажина, окончившая, как и Р. Ю. Нестеров, психологиче-

ский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Эта одаренная певица и автор стихов увлеклась шаманизмом, побывав в Америке в одном из индейских племен, где ей предсказали шаманское будущее на ее родине. Вскоре В. Л. Сажина поехала в Туву, где у нее появился учитель из традиционных тувинских шаманов — К. Х. Хуурак. Она всерьез восприняла шаманскую судьбу. В отличие от абсолютного большинства других приобщившихся к сибирскому шаманизму, В. Л. Сажина учит тувинский язык и не только работает с бубном, но и исполняет потувински *алгыши* (шаманские заклинания). Она полгода живет в Туве, где в память о своем учителе создала на его родине шаманскую организацию (там вместе с ней практикуют вдова ее учителя и другие местные шаманы), а вторую половину года, осенне-зимнюю, живет в Москве, принимая клиентов дома (ее шаманское искусство пользуется спросом и в столице).

Сторонние приобщенные к шаманской деятельности иногда оказываются помощниками руководителей шаманских объединений, особенно если они владеют английским языком. Такой помощницей для Ай-Чурек Оюн («Тос Дээр») долгое время была В. Л. Сажина, а когда интересы женщин разошлись, ее место заняла другая психолог из Москвы — Н. М. Добында.

Необходимость в переводчиках для современных местных шаманов вполне естественна: они (разумеется, не все, а кому особенно повезло) выезжают в западные страны — США, Италию, Австрию, Швейцарию, Германию, Норвегию. Цели зарубежных выездов аналогичны задачам российских турне: проведение обучающих семинаров³⁵⁶, участие в научно-практических конференциях, музейных выставках, театрализованных действиях. Здесь на первый план выходят коммерческие и популяризаторские задачи, обмен знаниями. Надо сказать, что подобная глобализация шаманского знания не совсем обычна даже для современного неошаманизма Запада, развивающегося в пределах нью-эйджа.

В России такая деятельность, десакрализирующая и шаманизм, и культовое жречество, закономерно фольклоризирующая их, превращая в разновидность художественной самодеятельности по запросу, осуществляется местными сибирскими шаманами совместно с городскими, столичными менеджерами, связанными чаще всего со сферой психологии/психотерапии.

Сибирские адепты современного шаманизма могут выезжать в длительные вояжи на заработки в Москву и иные города, особенно финансово обеспеченные: например, Н. М. Югушева (Республика Алтай) работает то в Салехарде, то в Москве (ранее несколько лет вела семинары по шаманизму в Тур-

ции³⁵⁷. Иногда они делят год на летнюю половину, когда практикуют на родине (здесь в это время принято обращаться к духам), и зимнюю, когда шаманская деятельность на местах резко сокращается, а в городах она в такой период более востребована: это не отпускное время, в которое заинтересованные горожане едут знакомиться с экзотическими практиками в места их реального распространения.

Сибирские неошаманы в столице пользуются особым спросом не только у богатых москвичей, но и у многочисленных представителей диаспор бурят, тувинцев, якутов и других народов Сибири и Севера. Поскольку «нет пророков в своем отечестве» (там слишком хорошо все знают новоявленных специалистов), то некоторые из них предпочитают искать славу вдали от родины и порой преуспевают в этом.

Распространению шаманского целительства способствует во многом руководство Ассоциации народных целителей России: некоторые новые шаманы входят в это профессиональное объединение. Они получают рекомендации частного характера для работы с обеспеченными людьми (это могут быть даже люди, связанные с Минздравом, и иные чиновники или просто богатые предприниматели и члены их семей). Такая частная практика оказывается весьма выгодной. В большинстве случаев ее пользователи остаются довольны качеством услуг, хотя порой шаманы на местах дают резко негативную характеристику своим отъехавшим на заработки коллегам, за чем скрываются, конечно, и элементы конкурентной борьбы.

Отходничество шаманов вызвано во многом тем, что им сложно уживаться на общей территории. Это ведет к переносу большей части практики в дома клиентов или на природу, либо к формальному членству в организации и полной практике на дому. Такая деятельность со временем может перерасти в вариант сезонной с поездками в один из городов России либо в одну из стран ближнего или дальнего зарубежья. Активизация сторонних контактов часто ведет к попытке презентировать себя как совершенно особенного представителя шаманского целительства, создавшего свою собственную систему на основе традиционной (тувинский мастер горлового пения, а теперь и шаман Н. М. Ооржак)³⁵⁸. В поиске средств к существованию некоторые шаманы уходят в различные варианты бизнеса — от разработки бизнес-программ на основе магики-мистических практик³⁵⁹ до обычного участия в торговых пирамидах по распространению биодобавок, парфюмерии и косметики³⁶⁰.

Уходу в бизнес, видимо, способствует ощущение нестабильности ситуации (кстати, возможно, именно с этим связана повышенная тревожность, отмечаемая психологами у нынешних шама-

нов³⁶¹). Шаткость положения шамана в современном обществе заставляет искать иные варианты существования. Многие, имея неплохое образование, стремятся усовершенствовать шаманскую деятельность. Поскольку современный шаманизм осознается его адептами с подачи психологов и организаторов целительства в России как помогающая профессия, то они либо получают второе высшее образование — психологическое, либо специализируются на стыке психологии и религиоведения, защищая диссертации (физик В. С. Топоев, руководивший этнопсихологической лабораторией ХакНИИЯЛИ в Абакане, стал в 2000 г. канд. псих. наук).

Впрочем, такое стремление часто приводит к простой покупке удостоверений в альтернативных ВАК организациях. Покупатели по неосведомленности могут считать, что они действительно стали кандидатами и докторами наук: ранее — энергоинформационных, теперь уже — психологических и даже медицинских. Это становится серьезной проблемой для общества.

В самые последние годы увлечение шаманизмом где-то актуализируется, а где-то явно идет на спад, о чем свидетельствует прямой процесс дешаманизации: отдельные шаманы прекращают свою практику (летом 2007 г. В. С. Топоев уничтожил главный шаманский атрибут — бубен) или стараются перевести ее по максимуму в вариант психологической помощи (интересно, что аналогичные случаи отмечаются в народном целительстве в последние 5–7 лет: например, московская целительница из Калмыкии А. С. Конакова, имеющая шаманские корни (ее Е. Фридман ошибочно называет шаманкой)³⁶², получила второе образование, психологическое, в конце 1990-х гг. и использует в своей практике различные психологические методики).

Многие из перечисленных особенностей нынешнего шаманизма, перебравшегося из сельской местности в городскую (преимущественно в республиканские столицы и районные центры), свидетельствуют о том, что он деформируется в ситуации искусственных попыток восстановления (в отличие от сельской местности, где заметен процесс, вполне соотносимый с возрождением шаманизма и культового жречества на фоне их естественной эволюции).

Определенные трансформации происходят, разумеется, и на селе — там, например, семейно-родовой принцип обращения к жрецам все чаще заменяется на территориальный³⁶³, что бывало и ранее, а в семьях оказывается по несколько шаманов, которые, впрочем, обычно работают в городах³⁶⁴.

Существующие городские шаманские объединения свидетельствуют о столь значимых изменениях на базе шаманизма, что их можно сравнить со случившимися изменениями в традиционном фольклоре при формировании рабочего класса: фольклорное наследие трансформировалось в рабочей и люмпеновской среде настолько, что стало принципиально иным — получены новые формы и жанры, рабочий фольклор и фольклор городских окраин, весьма отдаленные от своего первоисточника.

Таким образом, современный шаманизм, практикуемый в шаманских объединениях, это не возрожденный шаманизм, а очевидно, зародившийся при попытке восстановления традиции неошаманизм. Однако российский *неошаманизм* (отличный от *экспериментального* и *городского шаманизма*³⁶⁵), вобравший в себя многое из нью-эйджевского неошаманизма Запада, все же не идентичен ему. Сибирские неошаманы, принадлежащие к шаманствующим в прошлом социумам, стали таковыми в первую очередь потому, что появились в ситуации

прерванной шаманской традиции и начали свою практику не естественным для традиционных шаманов путем, а после обучения на курсах магии, гипноза, целительства, где раскрыли свои суперсенситивные и экстрасенсорные способности. Судьба каждого из них весьма своеобразна, как, впрочем, и ситуация в России, которую невозможно адекватно охарактеризовать в общем и целом — она очень специфична порегионно.

Очевидно одно: возрождение, точнее периодическое возвращение к активным суперсенситивно-экстрасенсорным практикам, неизбежно в любом обществе в определенных ситуациях, поскольку суперсенситивно-экстрасенсорные свойства заложены в психофизиологии человека. Иное дело, в каком варианте такие практики возникают всякий раз вновь, что предопределяется особенностями психоментальности, состоянием фольклорного наследия, научно-культурным потенциалом общества, а также спецификой религиозно-политического и социально-экономического положения.

Годовых Т. В.

АДАПТАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ДЕТСКОЙ ПОПУЛЯЦИИ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

В пространстве природно-климатических условий регионов Севера определяющую роль в формировании характера адаптивных перестроек играют экстремальные факторы. Трансформации, происходящие за последние десятилетия в экономической и общественной жизни, значительно изменили окружающее пространство Северо-Востока России, что отразилось на состоянии здоровья взрослого и детского населения. На воздействие стресса окружающего пространства организм отвечает адаптивными реакциями, направленными прежде всего на поддержание гомеостаза. Известно, что восстановление постоянства и свойств внутренней среды организма в ответ на любой стрессорный фактор осуществляется на молекулярном, органном, системном уровнях³⁶⁶. Проблема адаптации многогранна, основной целью этой проблемы является понимание и решение многих вопросов здоровья и патологии человека³⁶⁷.

Народы Севера находятся в постоянных условиях адаптации к изменяющимся условиям техногенных, социальных и природных трансформаций, причем население представлено неоднородными группами с учетом набора адаптивных механизмов к северным условиям. Детский организм, который испытывает естественные преобразования

в процессе онтогенетического развития и созревания, является наиболее ранимым для воздействия экстремальных факторов окружающего пространства, к тому же каждый организм индивидуален, имеет свой исходный функциональный уровень, набор материнской и отцовской генетической информации.

Стрессорная реакция является неспецифической, протекающей однотипно при действии различных факторов путем активации внутреннего механизма: гипоталамус — передняя доля гипофиза — кора надпочечников. При всех экстремальных воздействиях, превышающих адаптационный потенциал, развиваются структурные изменения тканей, появляется энергетический дефицит, при этом липидному обмену отводится значительная роль.

Концепция адаптационной роли липидов была сформулирована Е. М. Кребсом в 1981 г. По его мнению, все компенсаторно-приспособительные процессы в организме сопровождаются модификацией метаболизма липидов, в результате чего происходят качественные и количественные изменения фракций липопротеидов сыворотки крови и клеточных мембран. Автором рассмотрен механизм эволюционной (на уровне формирования видов, рас) и фенотипической адаптации, в основе

которой лежат генные механизмы, основанные на изменении последовательности оснований в ДНК. При обеспечении энергией (аденозинтрифосфатом) организма активизируется липолиз, увеличивается уровень триглицеридов (ТГ), свободных жирных кислот (СЖК). ТГ и СЖК являются метаболическим топливом, холестерин (ХС) является структурным и пластическим материалом (синтез стероидных гормонов и восстановление структуры клеточных мембран). Дефицит энергии приводит к нарушению функции клеточных мембран, включению механизмов срочной адаптации, выраженному нарушению всех видов обмена, и как результат, модификации нуклеиновых кислот вплоть до мутаций генов.

В статье представлены результаты исследований на основе собранного обширного материала по физическому развитию и медико-демографическим трансформациям населения и детской популяции Чукотки и Северо-Эвенского р-на Магаданской обл., забору биологических проб, выявлению особенностей роста и развития мигрантов и малочисленных народов Севера, формированию региональных вариантов норм основных морфологических показателей физического развития.

С учетом возрастной периодизации³⁶⁸ рассмотрены следующие возрастные периоды: раннее детство (1–3 года); 1-е детство (4–7 лет); 2-е детство (мальчики — 8–12 лет, девочки — 8–11 лет); подростковый (мальчики — 13–16 лет, девочки — 12–15 лет); юношеский (юноши — 17–21 год, девушки — 16–20 лет). Учитывая, что календарный возраст не может характеризовать степень созревания организма в подростковый и юношеский периоды, поскольку процессы развития индивидуальны и зависят от гено- и фенотипа, определялся уровень полового развития по Дж. Таннер³⁶⁹.

Для оценки морфофункциональных преобразований проведено изучение физического развития детей в соответствии с унифицированной методикой антропометрических исследований человека³⁷⁰. В число изучаемых соматометрических признаков были включены масса (МТ), длина тела (ДТ), длина туловища, окружность грудной клетки (ОГК), плеча, бедра, голени; поперечные диаметры плеч, таза, предплечья, бедра, голени; толщина кожно-жировой складки (над трицепсом, под лопаткой, на животе, голени). На основании полученных соматометрических данных определены индекс грудной клетки (ИГК), индекс Кетле (ИК), индекс активной массы тела (ИАМТ), масса компонентов тела (по формулам Матейки)³⁷¹ и их отношение к массе тела. По методике Р. Н. Дорохова и И. И. Бахрах в модификации И. М. Воронцова определяли соматотип³⁷². Продольно-поперечными исследованиями за 1998–2007 гг.

было обследовано более 2500 детей Чукотского автономного округа и Северо-Эвенского р-на Магаданской обл. с изучением основных показателей физического развития.

Проведены функциональные пробы кардиореспираторной системы (ортостатическая проба и проба с физической нагрузкой, проба Штанге и Генчи) с определением динамики функциональных показателей³⁷³ и определением типа саморегуляции кровообращения, а также с определением адаптационного показателя³⁷⁴.

При изучении метаболических перестроек организма детей изучены основные показатели липидного, углеводного и минерального обменов. Для изучения липидного обмена определяли общий холестерин (ОХ), ТГ, липопротеиды высокой плотности (ЛПВП), свободный и этерифицированный холестерин (СХ, ЭХ), СЖК, липопротеиды низкой плотности (ЛПНП), коэффициент атерогенности (КА). Для определения углеводного обмена изучали глюкозу (ГЛЮ), пируват (ПИР), лактат (ЛАК). Для определения минерального обмена изучали сывороточное содержание кальция и фосфора³⁷⁵.

Аналитическое определение всех вышеперечисленных параметров выполнено в лаборатории биологической и неорганической химии отдела экологической эндокринологии Института физиологии природных адаптаций УрО РАН Архангельска. Методом атомной эмиссионной спектроскопии с индуктивно связанной аргоновой плазмой на приборе Optima 2000 DV (Perkin Elmer, США) в Центре биотической медицины (Москва) определено содержание 25 МЭ в волосах детей 6–14 лет, родившихся и проживающих на Чукотке. В качестве нормативных величин концентраций элементов использованы среднероссийские показатели³⁷⁶.

Проведен опрос детей по вопроснику, в число вопросов входят оценка социальных условий, наличие вредных привычек, занятие физической культурой, питание. Обработка полученного материала произведена на компьютере типа IBM Pentium IV с помощью стандартных методов математической статистики, включая корреляционный анализ, непараметрические методы исследований, с использованием пакета программ STATISTICA 6.0. Достоверность различий оценена по t-критерию Стьюдента, рассчитан коэффициент корреляции Пирсона³⁷⁷.

Изучены метаболические перестройки детской популяции Северо-Востока России для выяснения закономерностей и особенностей адаптивных реакций. При изучении углеводного обмена выяснилось, что детская популяция Чукотского автономного округа находится в состоянии гипоксии, что проявляется увеличением молочной кислоты, снижением ПИР. Кроме того, в процессе онтогенети-

ческого развития гипоксия усиливается, организм переходит на менее эффективное энергообразование с углеводного обмена на жировой.

Концентрация ГЛЮ детей всех групп достоверно снижалась в онтогенезе с изначально большим уровнем мигрантов, опускаясь ниже среднероссийских норм. ГЛЮ мигрантов 2-го детства и подростков была достоверно больше аборигенов, в юношеском возрасте различия сгладились (*рис. 4*). Снижение уровня ГЛЮ мигрантов 2-го детства составило 28 %, а в юношеском возрасте гипогликемии отмечены в 76 %. У аборигенов гипогликемии 2-го детства наблюдались в 61 % случаев, а в юношеском возрасте — 88 %.

Концентрация ЛАК в онтогенезе достоверно не менялась ни в одной группе (*рис. 5*). Уровень ЛАК мигрантов 2-го детства и подростков достоверно выше аборигенов, в юношеском возрасте различия сглаживаются. Превышение норм ЛАК у детей мигрантов 2-го детства наблюдалось в 64 %, а у юношей — в 50 % случаев. В группе аборигенов превышение норм уровня ЛАК детей 2-го детства менее выражено (36 %), а в юношеском возрасте отмечено увеличение (57 %). Следует отметить достоверное увеличение ЛАК мальчиков-мигрантов 2-го детства, прибывших в северные условия проживания, относительно уроженцев, у которых также выявлено увеличение активности фермента лактатдегидрогеназы.

Концентрация ПИР в онтогенезе мигрантов достоверно увеличивалась, а у аборигенов оставалась на одном уровне. Этнических отличий уровня ПИР двух групп не выявлено. Важнейшим метаболитом в обмене углеводов, аминокислот, жиров является ПИР, связывая эти основные виды обмена (*рис. 6*). Содержание ПИР может изменяться путем снижения ее образования или интенсивного превращения в молочную кислоту, участия в процессах переаминирования. В группе мигрантов наибольшее снижение ПИР было в период 2-го детства (15 %), а в юношеском возрасте практически отсутствовало (4 %). У аборигенов были такие же соотношения детей по возрастным периодам со сниженными концентрациями ПИР (15–3 %).

Процессы урбанизации и глобализации привели к трансформациям социальных условий, переходу аборигенов на смешанный тип питания. Дети аборигенов получают питание в детских садах и школах по углеводному типу, поэтому можно предположить изменение их метаболизма. К тому же смешанные браки приводят к метизации аборигенного населения, изменения обмена веществ и строение сомы метисов также не изучены. Механизмы краткосрочной адаптации (энергетический дефицит) включаются сразу после воздействия экстремального фактора, а в процессе развития и

при воздействии многофакторного стрессирования возникает комплекс адаптивных изменений, закрепляющийся долгосрочными механизмами.

Сезонность оказывает влияние на обмен веществ, при изучении углеводного обмена выявлены среднесрочные механизмы аборигенов и мигрантов. Для аборигенов характерно отсутствие флуктуаций уровня ГЛЮ, ЛАК и ПИР со сменой сезонов весна-осень. Весной у них низкий уровень ГЛЮ независимо от пола и возраста, а осенью, наоборот, увеличение в возрасте 10–14 лет мальчиков. Для мальчиков 15–17 лет и девочек 6–14 лет характерно низкие уровни ЛАК весной, а осенью только для девочек 10–14 лет. Флуктуации ПИР характеризуются низкими уровнями девочек 6–9 лет весной и осенью в возрасте 15–17 лет. Для мигрантов характерны среднесрочные адаптации углеводного обмена, обусловленные увеличением весной уровня ГЛЮ детей от 10 до 17 лет, а ЛАК у детей от 15 лет независимо от пола. Осенью характерно увеличение уровня ПИР мальчиков от 10 до 17 лет; у девочек различия менее выражены, и имеется только тенденция увеличения ПИР в осеннее время с 15 лет.

Возникшие изменения на органном уровне являются результатом долгосрочной адаптации, вызванной многоуровневыми трансформациями, интеграцией систем и органов, способствующим выведению организма на оптимальный адаптивный тип функционирования в создавшихся условиях.

Рассмотрим проявления долгосрочной адаптации детской популяции Северо-Востока России. Результатом взаимодействия и интеграции систем организма является создание морфофункциональных перестроек и формирование адаптивного типа. Выход за пределы лимитов нормы, возникающий на определенных этапах онтогенетического развития, может формировать различные типы адаптаций при достижении дефинитивного возраста.

Нами впервые разработаны нормативы основных показателей физического развития с учетом групп населения (аборигены, мигранты), возраста, пола, являющиеся математической моделью развития детей в условиях Чукотки. При сравнении со среднероссийскими нормативами выяснилось, что в период полового созревания мальчики-мигранты выходят за пределы 25–75-центильного коридора среднероссийского норматива в сторону увеличения МТ при соответствующей ДТ, к концу созревания 25-центильный интервал приближается к норме, а нижняя граница сужена (*рис. 7*). Мальчики-аборигены проходят по верхней 25-центильной шкале, и сдвиг отмечен в сторону сужения коридора по МТ, без смещения. Выявленные нарушения гармоничности более выражены у девочек-мигрантов, наступают раньше, с периода 2-го детства, к окончанию созревания коррекции сдвига

не происходит, что можно отнести к нарушению адаптации и формированию дисгармоничности развития детей, начиная со 2-го детства и до юношеского возраста.

Известно, что существует тесная связь между характером изменения интенсивности обмена веществ и скоростью роста³⁷⁸. При увеличении относительной скорости роста (приростах МТ) происходит снижение интенсивности обмена покоя. По результатам исследований (рис. 8), относительная скорость роста мигрантов и аборигенов различна, не совпадает по возрасту, уровню и полу. В группе аборигенов интенсивность основного обмена выше. Очевидно, дефицит энергии, возникающий в группе мигрантов, не может покрыться сразу и относится к долговременным адаптациям, закрепленным на уровне генома метаболическими перестройками с учетом фенотипических признаков.

Период раннего и 1-го детства Северо-Востока России характеризуется гетерохронным физическим развитием, мигранты обгоняют аборигенов по ДТ и МТ, причем у мальчиков отличия значительнее. Признаки полового диморфизма сильнее выражены у мигрантов (с 2 лет), нежели аборигенов (с 4 лет). Адаптационный характер приростов мигрантов скачкообразный, высокого уровня, в отличие от аборигенов независимо от пола. Уровень внутригрупповой вариации по показателю ДТ и МТ у мальчиков и девочек различен. Коэффициент вариации МТ в 2–3,5 раза превышает ДТ, свидетельствуя об изменчивости МТ. Физическое развитие детей 1-го детства характеризуется неравномерным увеличением ДТ и МТ, обхватных размеров, дистальных диаметров и частей тела. Выявлены межгрупповые различия скорости ростовых процессов по ИК. В период 1-го детства характерен равномерный, плановый прирост костной и мышечной ткани детей обоего пола. Абсолютное и относительное содержание костного компонента больше у мальчиков 1-го детства, нежели девочек, независимо от возраста и этнической принадлежности.

В ходе исследования выяснилось, что в зависимости от сроков проживания на Севере, а также от уровня метизации аборигенов имеются различия в самих группах населения. Были изучены особенности у мигрантов, родившихся на Севере и прибывших туда для проживания с родителями. Уроженцы Севера мальчики-мигранты 1-го детства отличаются достоверно большей силой мышц правой кисти и снижением активной массы тела относительно приезжих детей. Уроженцы девочки-мигранты отличаются увеличением подкожно-жировой складки плеча спереди, предплечья, грудной клетки; относительного содержания жира.

В группе аборигенов рассмотрены особенности метисов и самих аборигенов, при этом к метисам относили детей, имеющих одного из родителей не малочисленных народов Севера. Метисы-девочки имеют увеличение абсолютного количества мышц и, как следствие, снижение индекса Рорера и обезжиренной массы тела относительно аборигенов. Метисы-мальчики также отличаются от аборигенов усилением нарастания мышечной и костной ткани, как следствие, увеличением обхватных размеров плеча, предплечья, лодыжки, ростом костей плеча, но все эти изменения происходили за счет снижения широтного размера грудной клетки, плотности тела. Следует отметить, что подкожный жир на животе мальчиков является «неприкосновенным запасом» аборигенов, а у метисов отмечено его использование в онтогенезе.

2-й период детства характеризуется более выраженными преобразованиями, межгрупповыми и половыми отличиями, резкими колебаниями максимальных приростов мигрантов-мальчиков и плавными приростами аборигенов. Уровни приростов ДТ и МТ мигрантов выше аборигенов, за исключением некоторых возрастных промежутков. Приросты скачкообразны, причем у аборигенов-девочек отмечается их сдвиг на 1–2 года. Максимальные приросты ДТ и МТ девочек в этом периоде имеют высокий уровень независимо от групп населения. Мигранты выравниваются по ДТ (мальчики-девочки) на 1 год раньше аборигенов, а по МТ — в одинаковые возрастные промежутки. Максимальная прибавка МТ девочек наблюдается с 11 до 12 лет независимо от групп населения.

Выявлены особенности полового диморфизма по основным показателям физического развития: девочки независимо от этнической принадлежности обгоняют своих сверстников по ДТ и МТ в 12 лет, а в 11 лет во всех группах отмечается функциональный перекрест по ДТ и МТ. Независимо от этнической принадлежности приросты ДТ и МТ девочек более интенсивные с 10 до 12 лет мальчиков.

Интересным является факт несоответствия абсолютных обхватных размеров мигрантов (увеличение) и темпов их прироста аборигенов (высокие). Массивность скелета и половые отличия мигрантов-мальчиков значительнее аборигенов. Темпы прироста дистальных диаметров конечностей примерно одинаковые во всех возрастнo-половых и этнических группах, а их максимальные приросты не совпадают по возрастнo-половым группам. Рост в ширину грудной клетки мальчиков, а таза — девочек более выражен у аборигенов. Характер жировотложения формируется по женскому типу независимо от этнических групп, формируется преобладание жирового компонента мигрантов. Абсолютное и относительное содержа-

ние мышечной ткани аборигенов девочек 11 лет больше мальчиков.

Содержание активных компонентов тела мигрантов больше аборигенов независимо от пола, в отдельные возрастные периоды костный компонент мальчиков больше девочек. Уроженцы мигранты-мальчики имеют достоверно меньшие размеры дистального диаметра лодыжки и индекса ширины таза относительно прибывших детей на эту территорию. У уроженцев мигрантов-девочек отличия в показателях физического развития состоят в уменьшении окружности грудной клетки относительно прибывших в различные сроки на Северо-Восток. Метисы-мальчики характеризуются усилением ростовых процессов относительно аборигенов, увеличением ДТ и МТ, площади тела, силовых показателей левой и правой кисти, ростом абсолютного содержания всех компонентов сомы и относительного содержания жира, поперечным вытягиванием плеч и таза.

Однако все эти изменения происходят на фоне снижения поперечных размеров грудной клетки и плотности тела. У девочек-метисов изменения носят аналогичный характер, однако увеличение компонентов тела было только по абсолютному содержанию мышечной ткани, запасы жировых депо на животе у аборигенов остаются не тронутыми, а у метисов активно используются. Все эти трансформации у метисов-девочек происходят на фоне снижения частоты сердечных сокращений, поперечных размеров грудной клетки, увеличении уровня ГЛЮ сыворотки крови.

В подростковый и юношеский возраст происходят наибольшие трансформации физического развития, отмечены максимальные уровни приростов, резко выраженные признаки полового диморфизма. Мигранты-мальчики характеризуются высокими уровнями приростов, девочки опережают их на 1–2 года. Максимальные приросты ДТ и МТ мигрантов выявлены с 13 до 15 лет, а аборигенов-мальчиков позднее — с 14 до 16, у аборигенов-девочек раньше — с 11 до 13 и второй подъем в 16 лет.

В юношеском возрасте формируется окончательный тип конституции — набор морфофункциональных признаков, оптимальный для существования в данных условиях, или адаптивный тип.

Уроженцы мигранты-мальчики отличаются от прибывших детей в подростковом периоде достоверным снижением частоты сердечных сокращений, увеличением ДТ и МТ. Также у них выявлено достоверно большая ширина подкожно-жировой складки на плече спереди, увеличение обхватных размеров предплечья, бедра, голени и лодыжки, дистальный размер эпифиза плеча, увеличение поперечного размера грудной клетки, площади тела,

ИК, абсолютное количество мышечной и костной ткани, индекс обезжиренной массы тела. Уроженцы мигранты-девочки отстают от своих сверстниц, приехавших в разные сроки, по длине туловища, обхвата лодыжки, дистального диаметра диафизов плеча, лодыжки и бедра, абсолютного содержания костной ткани.

Метизация мальчиков-подростков проявляется большим относительным содержанием мышечной ткани на фоне снижения индекса Рорера (отражающего плотность тела) и обезжиренной массы тела. Метизация девочек — большими значениями ДТ и МТ, площади тела, ИК, абсолютного содержания жировой ткани (за счет распределения на бедре и голени), относительного содержания мышечной ткани (увеличение обхватных размеров голени и лодыжек). Все вышеперечисленные изменения девочек происходят на фоне достоверного снижения относительного содержания костной ткани и увеличения концентрации ОХ и СХ сыворотки крови.

Сформировавшийся адаптивный тип юношей-мигрантов — уроженцев мальчиков характеризуется достоверным увеличением дистального эпифиза запястья, снижением подкожно-жировой складки голени относительно приезжих. Девушки-мигранты — уроженцы отличаются от прибывших достоверно большим количеством относительно содержания жира, меньшим обхватом грудной клетки и толщиной подкожно-жирового слоя на плече спереди, спине, голени.

Метизация юношей проявляется высокими значениями основных параметров физического развития относительно аборигенов. Метисы-юноши обгоняют аборигенов по ДТ, МТ, ОГК, площади тела, силы левой кисти, абсолютному содержанию костной ткани, мышечной (за счет увеличения обхватов предплечья и запястья, лодыжки и бедра), жировой ткани (за счет увеличения подкожного жира грудной клетки, голени и бедра), относительному содержанию жировой ткани. Все эти изменения происходят при увеличении концентрации сывороточного ЭХ и КЭ метисов. Метизация девушек отличается снижением индекса ширины плеч, поперечных размеров грудной клетки. В то же время, как и у юношей-метисов, выявлено увеличение силы левой кисти, ДТ, подкожно-жировой складки на груди. Все эти трансформации происходили на фоне снижения у девушек частоты сердечных сокращений, коэффициента пульс-дыхание и увеличения уровня КА.

Развитие мигрантов происходит на фоне более высоких значений ДТ и МТ, увеличении мышечной и жировой ткани, снижении плотности тела. Для развития мигрантов необходимо увеличение насыщения крови кислородом, что и отмечалось в онтогенезе. Процессы липолиза усиливаются

в подростковом и юношеском возрасте, развитие проходит на фоне энергодефицита и включения механизмов защиты — антиоксидантной системы. Расщепление жира в подкожной клетчатке сопровождается усилением ферментативной активности печени, переходом на более легкий путь питания — увеличении сывороточных триглицеридов, изменению соотношения фракций холестерина в сторону увеличения холестерина ЛПОНП. Одновременно по достижении дефинитивного возраста у мигрантов отмечается снижение уровня свободных жирных кислот на фоне меньших концентраций фосфора и кальция сыворотки крови. Увеличение окружности грудной клетки мигрантов происходит за счет увеличения переднезаднего размера к достижению дефинитивного возраста. В юношеском возрасте формируется снижение частоты дыхания и сердечных сокращений, повышение артериального давления относительно аборигенов. При этом изменения сердечно-сосудистой системы сводятся к снижению минутного объема кровообращения, увеличению периферического сопротивления сосудов, снижению коронарного кровотока и функциональной выносливости сердечно-сосудистой системы.

Механизмы развития *аборигенов* отличаются отсутствием признаков энергодефицита, достаточным насыщением крови кислородом всех возрастных групп. Липолиз происходит постепенно и за счет накопленных ранее жировых депо (очевидно, с активным участием бурой жировой ткани), с выравниванием к концу полового созревания толщины подкожного жира и восстановления необходимого количества жировой ткани в юношеском периоде. У аборигенов выявлено большее распределение подкожного жира на животе и спине, которое, очевидно, связано с расположением бурой жировой ткани. В сыворотке крови увеличивается только содержание фосфора, что позволяет предположить участие его в адаптационных механизмах аборигенов. Ферментативная активность печени аборигенов менее выражена, однако в подростковом периоде у них отмечено снижение ГЛЮ и ЛАК, что позволяет предположить участие в углеводном обмене ПИР, который связывает все виды обмена и включает механизмы жирового и белкового метаболизма в физиологических механизмах. Аборигены на фоне меньших параметров ДТ и МТ, площади тела имели большую плотность тела. При достижении дефинитивного возраста увеличиваются поперечные размеры (грудной клетки и таза), частоты сердечных сокращений и дыхания, минутный объем крови, коронарный кровоток и функциональная выносливость сердечно-сосудистой системы; снижаются артериальное давление, периферическое сопротивление сосудов. Все вышеперечисленные

морфофункциональные изменения на уровне организма происходят при изменении метаболизма: увеличении в сыворотке крови кальция и фосфора, СЖК и СЖК/ТГ.

При *сравнении групп мигрантов и аборигенов* выявлены закономерности (по всем возрастным периодам) в виде уменьшения аборигенов ДТ и МТ, содержания абсолютного и относительного содержания мышечной и жировой ткани, площади тела и увеличении плотности тела. Помимо этого, в различные этапы онтогенеза выявлены особенности, свидетельствующие о рациональных перестройках сомы аборигенов в процессе созревания и роста. Так, аборигены на фоне меньших параметров ДТ и МТ имеют большие значения относительно мигрантов: индекса грудной клетки и индекса ширины таза (в 1-м детстве и юношеском возрасте); индекса обезжиренной массы и ИР (2-е детство и юношеский возраст). Увеличение поперечных размеров тела, его плотности, несомненно, играют значительную роль в адаптационных процессах, поскольку при увеличении дыхательной поверхности легких и органов малого таза происходят поддержание водного баланса и развитие репродуктивных органов. Мигранты отличаются более выраженными трансформациями пропорций и приростами в период полового созревания.

Мигранты 1-го детства имеют достоверное снижение насыщения крови кислородом относительно аборигенов, в процессе дальнейшего онтогенеза различия сглаживаются. За счет больших ростовых процессов дистальные диаметры эпифизов костей верхних и нижних конечностей мигрантов становятся больше аборигенов (кроме эпифизов средних костей верхних конечностей 1-го и 2-го детства). При этом уровень фосфора сыворотки крови мигрантов достоверно меньше аборигенов 1-го и 2-го детства.

На фоне снижения ХС ЛПНП аборигены 1-го и 2-го детства содержат меньше подкожного жира на всех измеряемых участках тела. Обхватные размеры сегментов тела достоверно больше у мигрантов по всем возрастным периодам, однако обхват плеча аборигенов выравнивается с мигрантами по достижении дефинитивного возраста. В период трансформаций полового созревания (2-е детство и подростки) мигранты обгоняют аборигенов по силовым показателям (динамометрии правой и левой кисти), индексу ширины плеч, содержанию подкожного жира на всех участках тела, длине туловища, окружностям талии и грудной клетки, диаметру плеч и таза.

В подростковом периоде аборигены обгоняют мигрантов по относительному содержанию костной ткани, содержанию фосфора сыворотки крови, на фоне меньших значений артериального давления

и частоты дыхания, большей внутренней температуры тела. Обмен веществ мигрантов-подростков характеризуется затратными механизмами защиты в виде усиления функциональной активности гепатоцитов в процессах глюконеогенеза и гликолиза (увеличение ГЛЮ), процессов липолиза (усиления фермента липаза и флуктуации количества подкожного жира), появлении гипоксии тканей (увеличении ЛАК), включении антиоксидантных механизмов защиты (увеличение мочевины).

По окончании полового созревания и достижения юношеского периода аборигены выравниваются с мигрантами по многим показателям: подкожному жиру на плече сзади, спине, животе; обхватным размерам плеча; дистальным диаметрам эпифизов костей плеча, запястья, лодыжки. Метаболизм аборигенов характеризуется использованием свободных жирных кислот, переходу на жировой тип на фоне снижения уровня ГЛЮ, сохранении уровня ПИР. В минеральном обмене выявлено достоверное увеличение кальция и фосфора сыворотки крови аборигенов относительно мигрантов. Метаболизм мигрантов характеризуется выраженным энергетическим дефицитом за счет увеличения ТГ и ХС ЛПОНП, включением антиоксидантных механизмов защиты (повышение мочевины).

При длительном воздействии стрессорных факторов включаются механизмы централизации кровообращения (функционирование жизненно необходимых органов: мозга, сердца, легких). Кровоснабжение этих органов должно находиться на постоянно высоком уровне, обеспечивать достаточное поступление кислорода для их работы. Размеры грудной клетки, характеризующие функциональные характеристики легких, различны у детей мигрантов и аборигенов, с преобладанием поперечных размеров последних. При изучении развития грудной клетки в онтогенезе выявлены ее трансформации в виде увеличения поперечных размеров аборигенов, а у мигрантов, наоборот, переднезадним размером в определенные периоды онтогенеза как адаптивная трансформация. Централизация гемодинамики ухудшает кровоснабжение и способствует включению в органах и тканях метаболической компенсации (переключению на анаэробный путь переключения энергии), что приводит к накоплению ЛАК крови. При данных изменениях развивается порочный круг и усиление процессов перекисного окисления липидов (ПОЛ) с накоплением в клетках активных форм кислорода.

Известно, что аборигены потребляют большое количество жидкости (в виде бульонов, чая), поддерживая, таким образом, объем циркулирующей крови и содержание ХС клеток на постоянном уровне. В современных условиях образовательных учреждений поступление жидкости в организм

детей ограничено меню детских садов и школ, не учитывающих условия Севера. Дефицит экзогенной воды особенно остро сказывается у детей, у которых эндогенная вода составляет до 80 % состава тела. Многоуровневые трансформации метаболизма требуют участия эндогенной воды, и при ее нехватке также возникают поломки адаптационных систем.

Сердечно-сосудистые заболевания являются следствием нарушений липидного обмена, сосудисто-тромбоцитарного гемостаза и активации ПОЛ. В последние годы заболеваемость сердечно-сосудистой патологией аборигенов увеличилась. При изучении отличий функциональных показателей сердечно-сосудистой системы выявлено, что аборигены в онтогенезе имеют стабильное увеличение минутного объема кровообращения, удельного периферического сопротивления сосудов, систолического индекса. Трансформации полового развития приводят к формированию адаптивного типа по функциональным показателям сердечно-сосудистой системы: большими значениями частоты сердечных сокращений и дыхания, минутного объема кровообращения, количеством крови на единицу поверхности тела, коронарного кровотока, функциональным состоянием сердечно-сосудистой системы.

Одновременно у них отмечено снижение артериального давления (систолического и диастолического), удельного периферического сопротивления сосудов, пульсового давления. Понятно, что аборигены накопили достаточный адаптационный генетический потенциал для снятия стрессовых последствий в обмене веществ, позволяющий им выживать в экстремальных условиях.

По результатам исследований, в условиях метаболической компенсации у них формируются оптимальные пропорции и состав тела, направленные на поддержание необходимых для жизнеобеспечения органов и систем. Развившийся жировой тип питания способствует нормализации кровообращения и дыхания, многоуровневая системы защиты нейтрализует сосудисто-тромбоцитарный гемостаз, процессы ПОЛ, нарушения липидного обмена.

Совсем иначе реагируют мигранты, имеющие углеводный тип питания на стрессовые факторы Севера. В результате трансформаций липидного обмена может развиваться ацидоз, который, в свою очередь, ухудшает периферическое кровообращение³⁷⁹. От величины дыхательной поверхности легких и частоты дыханий зависит участие легких в поддержании водного баланса и, следовательно, адаптационных механизмов. Биохимическая адаптация липидов на уровне клеточных мембран является последней линией защиты, за которой наступают поведенческие и физиологические реакции³⁸⁰.

Компенсаторно-восстановительные механизмы при воздействии экстремальных факторов среды в популяции детей мигрантов Северо-Востока России направлены на ликвидацию дефицита энергии (использование ТГ), пластические процессы (синтез кортикостероидов — ЭХ; ХС — мембрана клетки), транспортные процессы (ЛПНП для переноса ХС, СЖК, ТГ). В группе аборигенов затраты на компенсаторные механизмы значительно меньше, направлены на синтез стероидов (увеличение ЭХ), снижение гипоксии.

К тому же важным является механизм участия кальция и фосфора в метаболизме аборигенов. Повышение уровня мочевины в крови связано с активацией механизмов защиты от активных форм кислорода эритроцитов, моноцитов, лимфоцитов, она относится к низкомолекулярным антиоксидантам. При хроническом стрессе происходит усиление секреции глюкокортикоидов, повышение ТГ крови.

При изучении состава волос на макро- и микроэлементны (определяли 25 микро- и макроэлементов детей Чукотки) выявлено, что для детей Северо-Востока характерны общие признаки элементного дисбаланса, возможно наличие зубной эндемии и гипомикроэлементозов по Са, Со, Си, Zn у детей Чукотки. В то же время кальций и фосфор крови имеет неоднозначные флуктуации в онтогенезе и различия в зависимости от групп населения, о чем сообщалось ранее. Трансформации, происходящие в обмене веществ мигрантов, неоднозначны, зависят от пола и времени проживания на Севере.

Таким образом, выявлены закономерности изменчивости строения тела и показателей состояния внутренней среды, проявляющиеся в том или ином типе обмена веществ детей Северо-Востока России.

Для мигрантов характерно наличие высокого роста, массы тела, большей площади тела, переднезаднего размера грудной клетки, превышение всех компонентов сомы в абсолютном количестве (мышечной и жировой в относительном); максимального поперечного роста костей бедра, увеличение подкожного жира (кроме спины, живота) и обхватных размеров сегментов тела.

Преобразования мигрантов кардиореспираторной системы проявляются в виде снижения частоты дыхания, сердечных сокращений, увеличении систолического и диастолического давления, по-

вышении удельного периферического сопротивления, снижении минутного объема кровообращения.

Адаптационные перестройки полового созревания проходят у них с дефицитом энергии, подключением антиоксидантных систем, тканевой гипоксии в условиях снижения основного обмена, проявляются резкими приростами длины и массы тела, компонентов сомы, преобладании продольного роста поперечному.

В метаболизме при перестройках полового созревания происходят трансформации с преобладанием гормональных преобразований, направленных на покрытие энергетического дефицита, снижения гипоксии, включения антиоксидантных механизмов защиты. В процессе перестроек у них снижаются: уровень глюкозы ниже нормы, лактата (сохраняется превышение нормальных значений), ОХ, СХ и ЭХ, ЛПНП, коэффициент атерогенности. Формируется углеводный тип, для которого в условиях Северо-Востока характерно увеличение в крови триглицеридов и ЛПОНП, мочевины, меньшие значения кальция и фосфора, свободных жирных кислот.

Для аборигенов характерны увеличение поперечных размеров тела (грудной клетки, таза) для сохранения функционирования жизненно важных органов, поперечный рост средних костей, преобладание относительного количества костной ткани, отложение подкожного жира на спине и животе, на фоне меньших значений длины и массы тела, площади тела и большей плотности тела. Изменения сомы формируют большую частоту пульса и дыхания, минутного объема кровообращения, увеличение кровоснабжения на единицу поверхности тела, снижение удельного периферического сопротивления и артериального давления, усиление коронарного кровотока и выносливости сердечно-сосудистой системы.

Перестройки адаптационных механизмов во время полового созревания происходят на фоне высокого обмена веществ, плавного распределения приростов тела, преобладании поперечного роста над продольным, формированием большей плотности тела, снижении уровня глюкозы, общего, свободного, эстерифицированного холестерина, увеличении липопротеидов высокой плотности, снижении коэффициента атерогенности, увеличении антиоксидантной защиты. Формируется жировой тип обмена веществ, для которого характерно увеличение в крови свободных жирных кислот (в составе жирных кислот преобладают триглицеридов), а также кальция и фосфора.

ДИНАСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX в. КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ)

Проблема сохранения и реставрации государств Центральной и Юго-Восточной Европы становится актуальной в царствование Екатерины II. В связи с успехами русско-турецкой войны 1768–1774 гг. среди приближенных Екатерины рождается мысль об изгнании турок из Европы и воссоздании Греческой империи со столицей в Константинополе³⁸¹. Престол этого предполагаемого государства должен был занять младший внук Екатерины — в. кн. Константин Павлович, получивший свое имя в честь основателя Константинополя — Константина I. По случаю рождения великого князя была отчеканена медаль с изображением младенца и Константинопольского собора Святой Софии. На празднике, который устроил Г. А. Потемкин на своей даче в честь рождения Константина, хор певцов пел на греческом языке. Кормилицей великого князя стала гречанка Елена (это же имя носила когда-то мать императора Константина Великого). Таким образом, намекалось на будущее, которое ожидало в. кн. Константина Павловича³⁸².

Детали «греческого проекта» уточнялись сотрудниками Екатерины II А. А. Безбородко и Г. А. Потемкиным в 1781–1783 гг., в период оформления союза с Австрией, на которую возлагались большие надежды в деле его будущей реализации. Помимо Греческой империи Екатерина II предлагала создать своему союзнику Иосифу II из турецких владений буферное государство Дакию, престол которого бы занял монарх христианского вероисповедания. Этот проект имел целью предотвратить в будущем военные столкновения между тремя империями (Российской, Австрийской и Османской), поскольку отныне они не имели бы общих границ. Из переписки Екатерины и Иосифа видно, что Дакия занимала бы восточную часть современной Румынии, Молдавию и Бессарабию³⁸³. Древнее гето-дакийское государство было гораздо обширнее. Оно охватывало территорию между Карпатскими горами и Дунаем, на западе границей была р. Тиса, а на востоке — Прут (по другим сведениям — Днестр)³⁸⁴ и Черное море. Таким образом, в древнюю Дакию входила вся территория современной Румынии (и, возможно, Молдавии), а также часть современной Сербии и Венгрии.

В Греческую империю должны были входить Греция, Болгария, большая часть современной Сербии, Македония, почти вся Албания, северная Добруджа (в настоящее время принадлежащая Румынии) и, наконец, кусочек европейской части современной Турции вместе с Константинополем³⁸⁵. Данные территории входили в Византийскую империю периода ее расцвета, но ими не исчерпывался весь ее состав. Таким образом, в случае осуществления проекта Дакия и Греческая империя стали бы по сути новыми, ранее не существовавшими государствами, вдвое меньше по сравнению с их древними прототипами.

Что касается реальности замыслов Екатерины, то создание Дакии представляется вполне осуществимой задачей. Освобождение из-под турецкого владычества Греции, Сербии, Болгарии, Македонии и Албании, вероятно, также не представило бы особых затруднений. Однако вряд ли можно было рассчитывать на то, что Греческая империя просуществует долго, ибо в нее включались разные и не слишком дружественно относящиеся друг к другу народы. К тому же западно-европейские страны, безусловно, противодействовали бы созданию нового крупного государства во главе с представителем династии Романовых.

Планы русского правительства в отношении Греции не могли не оказать влияния на греческое общество. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. (в 1790 г.) в Петербург прибыла делегация греческих капитанов, которая просила о помощи России в борьбе с Турцией и выразила желание, чтобы в. кн. Константин Павлович стал греческим императором. Константин, с младенчества изучавший греческий, отвечал депутатам на их родном языке. Великий князь пожелал грекам успеха в исполнении их замыслов³⁸⁶.

Однако противостояние России со стороны Пруссии и Англии в период русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и не столь блестящие победы русского оружия, какие ожидались, не позволили императрице приблизиться к осуществлению «греческого проекта»³⁸⁷. Можно предположить, что в течение войны Екатерина II не делала попыток реализации своих планов, откладывая их на более отдаленное время.

Первым шагом на пути осуществления данного проекта императрица считала, по-видимому, образование буферного государства Дакии. 21 апреля (2 мая) 1788 г. статс-секретарь Екатерины II А. В. Храповицкий записал в своем дневнике слова императрицы о том, чтобы «Молдавию и Валахию оставить независимыми для будущей греческой империи под названием Дакии»³⁸⁸. Таким образом, Екатерина находила возможным отступить от своего же предложения Иосифу II о статусе Дакии как отдельного государства. Заметим, что древняя Дакия, входившая во II–III вв. в состав Западной Римской империи, никогда не принадлежала Восточной Римской империи — Византии.

Образование из Молдавии и Валахии независимого государства под протекторатом России прокламировалось как цель будущей русско-турецкой войны в соглашении, подписанном между Россией и Австрией 23 декабря 1794 г. (3 января 1795 г.). В нем также говорилось, что на престол данного государства должен взойти представитель или представительница дома Романовых. При этом имелись в виду либо Константин Павлович, либо сама Екатерина³⁸⁹.

Россия сумела добиться поддержки своих притязаний относительно Турции у Англии и Пруссии. 7(18) февраля был подписан англо-русский, а 17(28) сентября 1795 г. англо-русско-австрийский союзные договоры. Благодаря им Англия стала являться гарантом русско-австрийского договора от 23 декабря 1794 г.³⁹⁰ Пруссия была также настроена дружелюбно по отношению к России в вопросе о Дунайских княжествах.

На этот раз международная обстановка благоприятствовала внешнеполитическим проектам Екатерины, которая помимо завоевания Дунайских княжеств продолжала мечтать о Константинополе, но не афишировала перед границей свои намерения, как раньше. Граф А. В. Суворов еще в 1793 г. представил императрице план захвата Константинополя и европейских областей Турции ввиду приготовлений к войне со стороны Порты. Этот план, представляющийся довольно реальным, был рассчитан самое большее на три года войны. Между тем пришедшие в апреле 1794 г. известия о волнениях в Польше заставили Екатерину II отказаться от уже было начавшейся подготовки к войне. После третьего раздела Речи Посполитой перспектива скорого разрыва русско-турецких отношений опять стала реальной. Однако неожиданная смерть Екатерины II 6(17) ноября 1796 г. предотвратила новую войну между Россией и Османской империей³⁹¹.

Пришедшие на смену Екатерине политики — Павел I, а затем и Александр I — не стремились к расчленению Османской империи. Тем не

менее не только греки, но и представители других балканских народов начали смотреть на Россию как на освободительницу от турецкого ига, а в Константинополе видеть своего будущего монарха.

В феврале 1804 г. в Сербии вспыхнуло восстание. Оно было вызвано зверствами янычар и вскоре приобрело национально-освободительный характер. Осенью этого года серб С. Югович³⁹² обратился к одному из руководителей восстания — бачскому епископу Й. Йовановичу с предложением о создании Сербского государства. Согласно плану Юговича, оно могло возникнуть в результате восстания сербов, болгар, молдаван и валахов при содействии России, которая должна была оказать повстанцам помощь оружием и вступить в войну с Турцией. По мысли Юговича, Россия ввяжется в войну только в том случае, если Сербия перейдет под ее протекторат (по примеру Грузии) и призовет на царство в. кн. Константина³⁹³. Сам Югович претендовал на то, чтобы выступить перед русским правительством в качестве выразителя желаний всего сербского народа.

План Юговича нашел полную поддержку у Й. Йовановича, который сообразно с его указаниями обратился в октябре 1804 г. к Александру I с письмом от имени сербов, болгар и валахов. Копии этого прошения от 14(26) октября вместе с письмами были посланы Йовановичем в. кн. Константину, петербургскому митрополиту Амвросию и министрам юстиции и внутренних дел П. В. Лопухину и В. П. Кочубею. Югович был отправлен к русскому двору как представитель сербской нации³⁹⁴.

В своем письме Йованович просил Александра I о присылке сербам оружия и пороха на 500 тыс. человек и выражал надежду, что после этого и присоединения русских войск они свергнут турецкое владычество и создадут Сербское государство, которое будет под покровительством России³⁹⁵. Далее говорилось: «Нация сербская возлюбила героизм любезнейшего брата Вашего Императорского Величества великого князя Константина Павловича, подносит ему царский лавровый венец и корону сил[ь]ного царя Стефана Сербского Неманича Душана, его престол и его царство и скип[ет]р... чтоб именовался и на грамоте подписывался Царь Сербский Константин Неманя»³⁹⁶.

Это предложение обуславливалось тем, что по плану Юговича Сербия восстанавливалась в границах государства Стефана Душана (1331–1355), происходившего из династии Немани. В государство Стефана Душана входили территория современной Сербии (за исключением Белграда и Мачвы), часть современной Герцеговины, Черногория, Македония, Албания, Эпир, Акарнания, Этолия и Фессалия. Оно просуществовало недолго и распалось вскоре после смерти своего создателя³⁹⁷.

План С. Юговича и Й. Йовановича противоречил политике Александра I в отношении Турции. Тактика Александра сводилась к поддержке идеи создания на Балканском п-ове государств, которые находились бы под протекторатом России и Турции одновременно³⁹⁸. Поэтому никакого официального ответа от русского правительства сербский депутат Югович не получил. Министр иностранных дел А. Е. Чарторыйский считал, что для сохранения влияния России в среде славян можно «ограничиться токмо письмом к нему (Йовановичу. — *Примеч. авт.*) от здешнего митрополита Амвросия, составленным из генеральных выражений» и так как Югович «просит об определении племянника его в российскую службу... можно удовлетворить его просьбу и тем самым показать уважение к рекомендации епископа сербского». Александр I утвердил это решение³⁹⁹.

Однако, еще не зная реакции русского императора на план создания Сербского государства во главе с в. кн. Константином Павловичем, епископ Йованович составил в феврале 1805 г. прокламацию, адресованную «сердарам, обер-кнезам и кнезам, старейшинам обществ и всем членам общин, находящимся в турецком подданстве в Боснии, Сербии, Болгарии, Валахии, Молдавии и в остальных вилайетах, подчиняющихся Турции». В ней говорилось о предстоящей помощи со стороны России, благодаря которой турки будут побеждены. После этого планировалось создать сильное государство с границами от Черного до Адриатического моря во главе с царем Константином Неманичем. Все, кто участвовал в борьбе против Турции, получили бы от царя чины, привилегии и земельные пожалования⁴⁰⁰, однако гегемония в этом государстве отводилась сербам и болгарам⁴⁰¹.

Из прокламации Йовановича видно, что предполагаемое государство по своему территориальному составу существенно отличалось от державы Стефана Душана, куда входила Греция, но где не было Молдавии, Валахии, Болгарии и Боснии. Создание единого государства из всех этих земель, населенных разными народами, едва ли могло стать реальностью.

Между тем Александр I поддерживал планы образования славяно-сербского государства на основе мирного соглашения Турции и европейских держав. Эти планы были изложены в записке карловацкого митрополита С. Стратимировича, а затем в прошении сербской депутации русскому правительству от 3(15) ноября 1804 г. Речь шла о предоставлении Сербии автономии по образцу Ионической республики или Дунайских княжеств. Россия вела по этому вопросу переговоры с Портой, которые не имели успеха, до 1806 г.⁴⁰² Стратимирович хотел, чтобы на престоле Сербского государства был один

из русских великих князей⁴⁰³, причем предпочтение отдавалось Константину Павловичу.

Потеряв надежду на получение мирным путем автономии для Сербии, в феврале 1806 г. сербская депутация в Вене обратилась к Александру I с просьбой о денежной (1–2 млн руб.) и военной (несколько полков) помощи и о назначении Константина главнокомандующим сербской армией: «На верх сербская армия сея благорассудилось прославленного всероссийского хероя великого князя Константина Павловича представить, тога серби в бозе вседержателя, в госпде правды и силы и в божественном начале спасения и православия своего твердую и непоколебимую веру имеют, да всякое великое дело им возможно будет»⁴⁰⁴.

Оказывать вооруженную помощь восставшей Сербии, да еще поставить во главе войска в. кн. Константина не входило в намерения Александра I, которому было важно сохранить мирные отношения с Турцией. Царь приказал русскому послу в Турции А. Я. Италинскому сообщить о содержании письма сербов турецкому правительству. Вместе с тем Италинскому поручалось «посоветовать» султану Селиму III предоставить сербам автономию. Самим сербам через председателя Народного собрания протоиерея М. Ненадовича А. Е. Чарторыйским предусматривалось передать от имени русского правительства, что Россия всегда будет защищать их интересы перед Турцией, но они должны оставаться верными подданными султана⁴⁰⁵.

Мысль об основании Сербского государства во главе с одним из представителей дома Романовых высказывалась и в русском обществе. В. Н. Каразин в письмах к министру иностранных дел А. Е. Чарторыйскому от 21 ноября (3 декабря) и 27 ноября (9 декабря) 1804 г. говорил о возможности создания Сербского государства, трон которого занял бы один из братьев Александра, без вооруженного вмешательства со стороны России в турецко-сербский конфликт⁴⁰⁶. Таким образом, идеи Каразина были сходны с первоначальными предложениями Стратимировича. Каразин имел случай узнать о них при знакомстве с сербскими общественно-политическими деятелями — М. Ненадовичем, П. Новаковичем и др.⁴⁰⁷

В 1816 г. в связи с распространившимися слухами о предстоящей русско-турецкой войне опять появились проекты образования государств на Балканском п-ове во главе с в. кн. Константином Павловичем. Бывший господарь Валахии, отец А. Ипсиланти Константин, живший тогда в России, послал в российское Министерство иностранных дел план создания на Балканах «Восточной империи» под скипетром Константина Павловича. Осуществлению данного проекта должно было предшествовать, по мнению Ипсиланти, обра-

зование между Россией и Османской империей буферных независимых государств, располагавших регулярными войсками, — Сербии, Валахии и Молдавии⁴⁰⁸. Последнее, в отличие от создания «Восточной империи», было вполне реальным. Однако в планы Александра I не входил вооруженный конфликт с Турцией, и проект К. Ипсиланти был, по-видимому, оставлен без внимания.

Повсеместное связывание фигуры великого князя с национально-освободительной борьбой балканских народов приводило к тому, что и общественно-политические деятели других стран стали рассматривать Константина Павловича в качестве возможного монарха какого-либо балканского государства. Во время войны Греции за независимость 1821–1829 гг. в бумагах генерала К. Князевича, проходившего по делу польских тайных организаций, в 1826 г. был обнаружен проект польского Патриотического общества, который состоял из двух записок. Он имел целью предоставление Польше независимости в границах 1772 г. под властью Саксонской династии. По этому проекту Пруссия взамен отошедшей от нее территории получала Саксонию. А в. кн. Константин Павлович, находившийся после присоединения Польши к России в 1815 г. в Варшаве в качестве главнокомандующего польских войск, но фактически обладавший тут полнотой власти, становился греческим императором.

Узнав о данном проекте из письма министра иностранных дел К. В. Нессельроде, Константин отвечал ему 19 февраля (3 марта) 1826 г.⁴⁰⁹: «Я не мог не поразиться аналогии, которую представляли некоторые фразы первой и более длинной из двух записок с фразами, которые встречались недавно в плохих французских газетах, таких как “Constitutionnel” и “Courcier”, и которые, основываясь на сходстве между моим именем и названием столицы Оттоманской империи, заключали, что я должен обязательно иметь виды на Грецию и в широком смысле на константинопольский трон»⁴¹⁰. Поэтому великий князь был убежден, что этот проект был составлен французом, и подозревал французского посланника в Дрездене маркиза М. И. Рюмини. По мнению Константина Павловича, французское правительство в связи со слухами об его отречении полагало, что Польша станет независимой и будет восстановлена в границах до ее первого раздела и вследствие этого желало утвердить в ней свое влияние⁴¹¹.

О проекте польского Патриотического общества цесаревич писал в тот же день и своему другу Ф. П. Опочинину: «Люди вмешиваются не в свои дела и делают нелепые распределения и назначения. Но меня пусть не считают и оставят в покое, мое место разве в хлебопашцы. Замешали тут Пруссию и саксонского короля, который уже так

стар, равно и вся его фамилия, и обращает на себя всякое почтение и уважение, и, без всякого сомнения, не имеет и помышлений о таких затеях. Надо только остерегаться, не действует ли тут французский посланник в Дрездене, Рюмини, который был в С.-Петербурге при Коленкуре и в больших связях с Княжевичем»⁴¹². Неизвестно, имел ли отношение Рюмини к вышеназванному проекту или нет. Однако, по свидетельству польского поэта и переводчика А. Е. Козьмяна, он весьма доброжелательно относился к полякам⁴¹³. Кроме того, Рюмини хотел покровительствовать полякам, находящимся в Дрездене.

Обращение великого князя к Опочинину в связи с данным проектом кажется неслучайным. Ф. П. Опочинин, живший в Петербурге, в царствование Николая I являлся посредником между ним и Константином при решении некоторых вопросов. Свои письма к Опочинину Константин Павлович иногда просил адресата показывать Николаю, дабы тот мог неофициально узнать его мнение по той или иной проблеме. Можно предположить, что и это письмо постигла та же участь. Константин, привязавшись к полякам вследствие своего долгого пребывания в Польше, отдавал предпочтение ей, а не Греции, которую еще предстояло освободить от турецкого владычества. Великий князь неодобрительно отзывался о греческом восстании, начавшемся в 1821 г. Он называл греков бунтовщиками, выступающими против своего законного правительства, и негативно относился к возможности русско-турецкой войны из-за греческого вопроса, считая ее нелегитимной⁴¹⁴. Возможно, такая резкая позиция Константина Павловича объяснялась тем, что, зная про представление части современников о нем как о будущем греческом императоре, великий князь старался предупредить в случае победы греков над турками предложение ему греческого престола.

Впрочем, проект польского Патриотического общества в любом случае остался бы на бумаге. Ни одна из трех держав, владевших польскими землями (Россия, Австрия и Пруссия), не отказалась бы от них добровольно.

«Греческий проект» послужил мощным импульсом для разработки различных внешнеполитических планов в отношении Константина Павловича, который со временем стал ассоциироваться в общественном мнении не только как будущий греческий император, но и как возможный монарх различных европейских государств. Особенно часто к его личности обращались при решении польского вопроса. С момента восшествия на престол при поддержке Екатерины II последнего польского короля Станислава Августа Понятовского в 1764 г. Речь Посполитая находилась в сфере исключительного влияния России. После первого раздела

государства в 1772 г. между Пруссией, Австрией и Россией зависимость от нее Польши стала еще большей. Одним из способов решения двух важнейших задач, стоявших перед Речью Посполитой (введения наследственного правления и заключения союза с Россией), могло быть возведение на польский наследственный престол одного из внуков Екатерины II. К этому мнению склонялись как приближенные короля Станислава Августа, так и представители оппозиции⁴¹⁵.

Секретарь короля М. Глер незадолго перед встречей Станислава Августа и Екатерины в Каневе в апреле 1787 г. (во время ее путешествия в Крым) представил королю записку, в которой советовал ему предложить Екатерине возвести на польский престол в. кн. Константина Павловича. Глер полагал, что принятие Екатериной данного проекта было бы залогом сохранения польской государственности и согласия России на проведение реформ государственного устройства в Польше⁴¹⁶.

Примерно к этому же времени относился анонимный проект, находящийся в бумагах генерала коронной артиллерии Щ. Потоцкого, который был адресован Екатерине II. В нем автор предлагал избрать наследником польского престола Александра Павловича или Константина Павловича при условии сохранения польской независимости. Предполагая, что этот план может встретить сопротивление других государств, автор советовал приготовления к нему вести в глубокой тайне. Главным, по его мнению, было показать королю тщетность надежды на наследование польской короны семьей Понятовских⁴¹⁷.

Накануне и в первые месяцы работы Четырехлетнего сейма 1788–1792 гг., на котором были приняты важнейшие государственно-политические реформы Речи Посполитой, аналогичные мысли высказывались и в публицистике. В своей работе под названием «Замечания о жизни Яна Замойского», впервые опубликованной в 1785 г., будущий ученый, культурный и политический деятель С. Сташиц убедительно доказывал, что повышение политического престижа государства неразрывно связано с введением в Польше наследственного правления. В числе кандидатов на престол Речи Посполитой автор называл одного из русских великих князей, курфюрста саксонского либо одного из прусских принцев⁴¹⁸.

Позднее за кандидатуру в. кн. Константина Павловича в качестве будущего короля Речи Посполитой высказывался пророссийски настроенный депутат, староста инфлянтский К. К. Плятер. В своем трактате, написанном в ноябре 1788 г. и опубликованном весной 1789 г., он предлагал избрать наследником польского престола Константина. Взамен Россия и ее теперешняя союзница Австрия должны были возвратить Польше земли, захва-

ченные во время ее первого раздела. Россия также была обязана передать Речи Посполитой часть территорий, которые она отвоюет у Турции⁴¹⁹. Однако в результате вмешательства Пруссии сейм занял враждебную позицию по отношению к России. В Польше ходили слухи о том, что в Каневе между Екатериной II и Станиславом Августом было подписано соглашение о возведении в будущем на польский престол в. кн. Константина Павловича взамен на предоставление королю и его семье, а также представителям оппозиции, поддержавшим проект, Литвы, Молдавии и других территорий. Эти слухи порождали в польском обществе отрицательное отношение к кандидатуре Константина⁴²⁰.

В 1790 г. Плятер снова вернулся к своему проекту избрания на польский престол в. кн. Константина. Но хотя в начале 1789 г. антироссийские слухи прекратились, в сентябре 1790 г. против идеи установления в Речи Посполитой наследственного правления выступили представители так называемой гетманской партии. Они называли этот проект петербургской интригой. В действительности установление в Польше наследственного правления противоречило политике России, не желавшей ее усиления. Это хорошо понимали королевские противники, которые желали сохранения шляхетских вольностей и в своих планах ориентировались на Петербург⁴²¹.

На сейме 1788–1792 гг. был принят ряд важных государственных актов, самым значительным из которых была Конституция 3 мая 1791 г. (по н. ст.). Согласно ей, в Польше устанавливалось наследственное правление. После смерти Станислава Августа престол должен был перейти к курфюрсту Саксонскому, затем к его дочери. Ее мужа, который становился польским королем, избирали царствующий государь и «нация».

Планы установления в Польше наследственного правления и связанного с ним укрепления государственного строя не соответствовали интересам Екатерины II. Впрочем, она долго откладывала решение своих проблем с Речью Посполитой, стремясь не привлекать к этому другие государства. Толчком к урегулированию русско-польских отношений послужило изменническое поведение некоторых польских магнатов, несогласных с реформами 1788–1791 гг. Благодаря этому Россия получила возможность действовать по отношению к Речи Посполитой не в качестве интервента, а в качестве защитника свободы, якобы попранной королем и сеймом. В начале 1792 г. Щ. Потоцкий и С. Жевуский приехали в Петербург, прося Екатерину II восстановить старый порядок в Польше. В мае 1792 г. русские войска под командованием генерала М. В. Каховского вступили в Польшу. Одновременно с вторжением русской

армии на польско-русской границе была сформирована Тарговицкая конфедерация для восстановления прежнего положения вещей в Польше. Главой конфедерации стал Ш. Потоцкий.

Вскоре королю и сторонникам новой Конституции стало ясно, что война будет неминуемо проиграна Речью Посполитой. Чтобы спасти хоть какие-то завоевания Четырехлетнего сейма, король Станислав Август в письме от 11(22) июня 1792 г., адресованном Екатерине II, заявил о своей готовности согласиться на условия императрицы и предложил избрать своим наследником в. кн. Константина Павловича⁴²² (курфюрст Саксонский, боявшийся различных осложнений, отказался быть преемником Понятовского). Екатерина в ответном письме от 2(13) июля никак не прореагировала на это предложение короля и посоветовала ему присоединиться к Тарговицкой конфедерации⁴²³.

Вице-канцлер И. А. Остерман в письме к русскому послу в Польше Я. И. Булгакову объяснил, чем был продиктован этот отказ. В качестве одной из причин ввода русских войск императрица называла стремление восстановить прежнее положение о выборности королей в Польше. Таким образом, если бы она приняла предложение Станислава Августа, возникли бы основания «заподозрить ее бескорыстие и потревожить доверенность и согласие, царствующее между нею и дворами Венским и Берлинским» (поскольку Австрия и Пруссия принимали совместно с Россией участие в первом разделе Польши). Кроме того, польский проект противоречил образу мыслей Екатерины «относительно устройства своей фамилии»⁴²⁴. Король был вынужден присоединиться к Тарговицкой конфедерации.

В начале октября 1792 г. С. Пяттоли от имени выехавших за границу ведущих польских политиков — И. Потоцкого, Г. Коллонтая и С. Малаховского прислал Станиславу Августу записку. Пяттоли советовал, чтобы король, невзирая на Тарговицу, попытался заключить соглашение с Екатериной. Взамен на признание Петербургом реформ Четырехлетнего сейма Станислав Август должен был предложить России союз и трон для в. кн. Константина. Эмигранты думали, что Россия, заинтересованная в спокойствии в Польше, будет вести переговоры с политическими деятелями, выражавшими волю большей части населения. Однако они ошибались. Все усилия предотвратить второй раздел Речи Посполитой оказались тщетными⁴²⁵.

Весной 1794 г. в Польше началось восстание за независимость, которое возглавил Т. Костюшко. После поражения повстанцев в октябре того же года мысль об избрании Константина Павловича на польский престол вновь была высказана как королем Станиславом Августом, так и польски-

ми государственными деятелями И. Потоцким и Т. Мостовским. Это предложение было отвергнуто главнокомандующим российскими войсками графом А. В. Суворовым. Нет сомнения, что фельдмаршал действовал согласно инструкциям Екатерины II, не желавшей идти ни на какие компромиссы с польским правительством. Однако И. Потоцкий сделал еще одну попытку, представив 1(12) ноября 1794 г. российскому резиденту барону И. Ф. Ашу записку о возможности стабилизации политической ситуации в Речи Посполитой и избрания Константина польским королем. Этот проект, содержащий рассуждения о различных политических системах Европы, был отклонен Ашем без рассмотрения содержания⁴²⁶. В 1795 г., после третьего раздела, Речь Посполитая перестала существовать.

Взошедший на российский престол в ноябре 1796 г. Павел I был противником разделов Польши. Республиканская Франция также питала пропольские симпатии. Воцарение Павла I подало надежду на заключение невозможного при Екатерине II союза между Францией и Россией, который считался весьма выгодным в среде французских общественных и политических деятелей.

По словам русского историка А. С. Трачевского, французское Министерство иностранных дел было завалено в 1797 г. проектами такого рода⁴²⁷. Одним из них являлось письмо некоего гражданина Гюттена тогдашнему министру иностранных дел Ш. М. Талейрану. Доказывая выгоды союза с Россией, Гюттен, в частности, советовал отдать императору Павлу Турцию при условии восстановления им польского королевства в границах 1772 г. и в. кн. Константином Павловичем во главе⁴²⁸.

Однако Павел I быстро показал себя противником сближения с революционной Францией, а с 1798 г. открыто приступил к созданию антифранцузской коалиции. Накануне окончания Швейцарского похода Суворова международная обстановка опять стала меняться из-за ухудшения отношений России с ее недавним союзником — Австрией.

Тот же Гюттен, сообразуясь с веянием времени, послал 14(25) октября 1799 г. Талейрану записку, в которой излагал план нового раздела сфер влияния между Францией и Россией. Последняя, по словам Гюттена, могла бы помочь Франции вести войну в Индии. Согласно автору письма, Россия получала европейские владения Турции до левого берега Дарданелл, Франция — довольно большую территорию на противоположном берегу, Польша восстанавливалась в границах первого раздела с королем в лице в. кн. Константина Павловича. По мнению Гюттена, Константин, сделавшись польским королем, станет в душе поляком, поэтому не надо будет больше опасаться влияния России в Польше⁴²⁹. Неизвестно, воспользовалась бы или

нет Директория этим проектом. Через полмесяца после его написания, 18 брюмера VIII года Республики — 29 октября (9 ноября) 1799 г., генерал Наполеон Бонапарт совершил государственный переворот. Директория была упразднена. Власть в республике перешла к трем консулам, первым из которых стал Бонапарт.

Вновь к проблеме образования Польского государства обратились в 1803 г. Ближайший сподвижник Александра I кн. А. Е. Чарторыйский представил ему проект под названием «*Mémoire sur le système politique que devrait suivre la Russie*» («Записка относительно политической системы, которой должна следовать Россия»). По мнению Чарторыйского, для поддержания равновесия в Европе нужно, чтобы в ней присутствовали три территориально-политических объединения: Франция во главе с Бонапартом, федерация славянских государств, возглавляемая Александром I, и федерации немецких и итальянских государств — в качестве противовеса первым двум. Федерацию славянских государств должны были образовать Россия, народы Балканского п-ова, которым следовало освободиться от власти Турции, и, если это будет возможно, независимая Польша⁴³⁰.

Чарторыйский считал, что Россия всегда будет заинтересована в восстановлении самостоятельной Польши, поскольку от разделов получили особенно большие выгоды Пруссия и Австрия, которые когда-нибудь объединятся для борьбы с Россией в целях дальнейшего захвата польских территорий. Благодаря общему этническому происхождению и сходным политическим интересам Россия нашла бы в Польше союзника и друга. Для воссоздания Польши нужно вступить в переговоры с Францией и обещать Пруссии и Австрии какую-либо компенсацию. На престол вновь образованного государства Чарторыйский предлагал возвести в кн. Константина Павловича при условии его отказа от прав на российский престол и дарования полякам конституции. Осуществление плана возрождения Польши должно было начаться с провозглашения Александром I независимости тех польских территорий, которые по разделам принадлежали России⁴³¹.

Чарторыйский очень осторожно излагал свою польскую программу, зная о враждебных чувствах русских по отношению к Польше, и оставлял на усмотрение Александра выбор одного из двух путей: либо создание независимого Польского государства, либо присоединение всех польских территорий к России. План Чарторыйского, не требовавший немедленных военных действий, соответствовал настроениям императора и был одобрен членами Негласного комитета⁴³².

Восстановление Польши, хотя бы частичное, не было в наполеоновскую эпоху неосуществимой

задачей. В лице Франции поляки приобрели могущественного союзника, которому не могли оказать сильного сопротивления Австрия и Пруссия. Поэтому для воссоздания Польского государства и возведения на его престол в. кн. Константина Павловича было бы достаточно согласия России и Франции. По-видимому, образовать Польское государство можно было из тех территорий Речи Посполитой, которые отошли по разделам к Австрии и Пруссии. Российское дворянство, с чьим мнением Александр I был вынужден считаться, вообще не желало воссоздания Польши. Примириться с этим оно могло бы лишь в том случае, если бы бывшие польские восточные земли остались в составе Российской империи, т. е. если бы восстановление польской государственности шло за счет не России, а ее союзников по разделам Польши.

Идея восстановления Польши прозвучала вновь во время тильзитских переговоров между Александром I и Бонапартом, проходивших в июне 1807 г. Наполеон предложил признать польским королем Александра или Константина. В обмен на это Силезия переходила во владение брата Бонапарта Жерома. Таким образом, Пруссия переставала быть политически значимым государством, и ее связь с Россией разрывалась, что входило в планы Наполеона. Однако в результате противодействия Александра I Бонапарт вынужден был отказаться от своего «силезского проекта». Русский император не захотел явиться в Польшу ставленником Наполеона, да еще и в результате разрыва с союзной Пруссией (до этого Россия вместе с Пруссией вела войну с Францией). Он предложил признать польским королем Жерома Бонапарта. Этот проект встретил возражения со стороны Наполеона. Он считал, что подходящей кандидатурой была бы та, которая не смущала бы ни Россию, ни Австрию⁴³³. В результате отказа Наполеона от Силезии им были внесены существенные изменения в постановку вопроса о Польше. Из большей части польских владений создавалось Княжество Варшавское, которое не охватывало даже этнической Польши и было лишено выхода к морю. Княжество Варшавское попадало в вассальную зависимость от Наполеона. Главой Княжества был сделан король Саксонский.

Подводя итог, следует отметить, что династические проекты конца XVIII — начала XIX в. выдвигались различными политическими силами — монархами и их сотрудниками, представителями правящей элиты тех или иных стран, общественно-политическими и культурными деятелями и участниками национально-освободительного движения. Не все из них были реальными, и ни один из описан-

ных выше проектов не был осуществлен. Причины этого варьировались: ухудшение внешнеполитической обстановки, изначальный отказ российских монархов от ряда проектов и т. п. Некоторые проекты вообще остались под сукном. Однако разработка таких планов указывала на постепенное стирание «железного занавеса», существовавшего раньше между Русью и остальной Европой. Место Московии заняла Россия, и петербургский двор стал рассматриваться как один из влиятельных политических центров новой Европы.

В проектах Екатерины II, Г. А. Потемкина, сербских политических деятелей отразилось стремление реставрировать древние или средневековые государства (Греческая империя, Дакия, монархия Стефана Душана). Авторы проектов хотели совместить свои политические цели с идеей легитимности и исторической преемственности.

Обращение во внешнеполитических проектах к личности в. кн. Константина Павловича было неразрывно связано с греческими планами Екатерины. Отец Константина — цесаревич Павел Петрович — являлся наследником русского престола, старший сын Павла Александр также должен был со временем получить русскую корону. Для Константина — как вто-

рого сына Павла — шансы занять когда-нибудь русский престол были невелики. Поэтому, учитывая одновременно и интересы внешней политики России, и интересы своей семьи, Екатерина II выдвинула в. кн. Константина Павловича в качестве претендента на греческий трон.

Однако «греческий проект» имел далеко идущие и довольно неожиданные последствия. После его появления современники стали представлять себе Константина не только греческим государем, но и возможным монархом вообще какого-нибудь иностранного государства.

Отношение самого Константина к данным проектам практически не отразилось в источниках. Все переговоры о них шли непосредственно через Екатерину II или Александра I. У великого князя никто даже не спрашивал согласия на выбранную для него роль. Решение полностью зависело от воли российского монарха, будь то Екатерина II или Александр I. Следовательно, Константин Павлович в силу своего положения великого князя российского императорского дома являлся лишь объектом различных внешнеполитических планов. Говорить о его самостоятельной активной роли в решении этих вопросов не приходится.

Ковальчук В. М., Рупасов А. И., Чистиков А. Н.

ЛЕНИНГРАДЦЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: АДАПТАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ

Интерес к разным аспектам проблем физиологической адаптации жителей блокадного Ленинграда был проявлен исследователями уже в период войны. В 1942 г. физиолог М. К. Петрова выступила с докладом о влиянии голода, обстрелов и бомбардировок на возникновение и течение неврозов⁴³⁴. Б. Е. Максимов, сотрудник Государственного научно-исследовательского психоневрологического института им. В. М. Бехтерева, закончил работу над рукописью «Некоторые наблюдения над течением депрессивных состояний в условиях осажденного города»⁴³⁵. Впоследствии также издавались материалы, посвященные проблеме адаптации блокадников⁴³⁶. В целом интерес к этим проблемам затухал уже в силу ориентации большинства исследователей из входящих в состав АН и АМН СССР научно-исследовательских институтов на изучение прикладных аспектов экологической физиологии человека.

Проблемы социальной адаптации⁴³⁷ жителей блокадного Ленинграда как на уровне индивидуума, так и на уровне семьи, коллектива, еще не

становились объектом специальных исследований (некоторым исключением являются работы Н. А. Ломагина и диссертация И. А. Карпенко)⁴³⁸, что скорее всего объяснялось исключительно политико-идеологическими мотивами, а не отсутствием в распоряжении исследователей необходимых материалов. Фактически игнорировалось то, что проблема формирования новой системы потребностей у блокадников включает в себя не только (само) обеспечение продуктами питания (при этом, что удивительно, практически неизученной до настоящего времени остается тема карточного снабжения) и теплом, но и исследование изменений, которые произошли во взаимодействии индивидуума и социальной среды.

Социальная адаптация жителя блокадного Ленинграда представляла собой, по сути, решение индивидуумом ряда взаимосвязанных и взаимообусловленных задач в значительно более сложной по сравнению с мирным временем системе социальных контактов. При этом следует учитывать, что хотя в период блокады несколько раз резко из-

менялись условия существования человека, однако это отнюдь не расширяло набор его повседневных адаптационных поведенческих актов, в т. ч. почти не влекло изменений в этическом оправдании индивидуумом собственных поступков и далеко не всегда сказывалось на характерных для него способах психологической (само) защиты.

Для значительной части населения начало войны повлекло изменение привычной социальной среды: в результате смены места жительства, места работы, эвакуации или смерти родственников и коллег по работе и т. п., что в условиях блокады предельно осложняло реализацию позитивных ресурсов индивидуума, ослабляло его адаптивные возможности. В редких случаях перемена места работы создавала для него дополнительные возможности (например, в случае устройства в столовую, продовольственный склад, администрацию). Для поведения всех оставшихся в блокадном Ленинграде жителей были характерны: активный поиск решений в борьбе за выживание, вариативность в постановке задач, исключительная способность приспосабливаться к резкому изменению ситуации. Правда, такой активный поиск отнюдь не гарантировал успех (выживание), поскольку не исключал ошибок (особенно временных просчетов) и не мог полностью компенсировать дефицит физических возможностей.

У подавляющей части жителей Ленинграда имелись далеко не смутные представления о том, какие последствия для них может иметь начавшаяся война. Насколько велико было число тех, кто пережил в городе времена Гражданской войны, неизвестно даже приблизительно, но таковые имелись, и их численность измерялась отнюдь не сотнями, а тысячами. Кроме того, неоднократно возникавшие в межвоенный период так называемые военные тревоги, порождавшие волны слухов и мобилизационные настроения горожан, в определенной мере можно рассматривать как своего рода тренировки населения на случай возникновения реальных угроз. Наконец, советско-финляндская война, которая в глазах даже не искушенного в военно-политическом анализе обывателя в сравнении с советско-германской войной являлась войной малой, локальной, также придавала определенные импульсы для активации ранее накопленного опыта.

Базовым представлением взрослого населения города было, пожалуй, представление о хрупкости советской экономической системы, самым слабым звеном которой являлась инфраструктура жизнеобеспечения (транспорт, энергоснабжение, торговля, социальные службы). Наглядным доказательством этой хрупкости являлся товарный дефицит, с которым столкнулась ленинградская торговля, породивший не только очереди, но и специальное

постановление СНК СССР от 17 января 1940 г. «О борьбе с очередями за продовольственными товарами в Москве и Ленинграде».

Коротко говоря, у населения города к началу войны имелись закрепленные навыки быстрого приспособления к кризисной ситуации, но отнюдь не ситуации масштабов Гражданской войны. Однако наличие таких навыков не устраняло порождаемыми резким рассогласованием системы потребностей и способов их удовлетворения опасений в отношении будущего, создавая основу для возникновения чувства постоянной тревоги. Кроме того, этот имевшийся у ленинградцев опыт был ограниченным, поскольку ранее город не оказывался объектом активных военных действий и не отрезался полностью от остальной страны. Вместе с тем даже такой опыт служил императивом к действиям, совокупность которых позволяла создать по крайней мере временные резервы. Возможности для реализации интуитивно осознанной необходимости принятия мер ограничивались объективными и субъективными обстоятельствами, а также принадлежностью или непринадлежностью к определенным социальным группам. К объективным обстоятельствам следует отнести состояние инфраструктуры и несоответствие с реальностью планов мероприятий органов власти и управления по организации снабжения населения города в случае войны.

Уже в первые дни на снабжение города негативно повлияло проведение массовых мобилизационных и эвакуационных мероприятий. Помимо срыва регулярных государственных поставок и изъятия из городских запасов большого количества продовольствия для обеспечения 10–20-дневных пайков, для эвакуированных летом 1941 г. 600 тыс. горожан сказался и резкий обрыв «продуктовых связей» многих ленинградских семей с родственниками на селе.

Тем не менее с начала войны многие горожане обратились к скупке всего и вся — от продуктов первой необходимости (предпочтение отдавалось продуктам длительного хранения — соленой рыбе, крупам, муке, сахару, табаку и т. п.) до антиквариата и драгоценностей (выбор приоритетов диктовался наличными возможностями). При этом опасения быть обвиненными в создании спекулятивных запасов, судя по всему, отходили в расчетах горожанина на второй план. В более выгодном положении оказались наиболее обеспеченные группы населения, т. к. до начала сентября продолжали работать коммерческие магазины. Очереди в торговой сети дополнялись очередями в сберкассах, вызвавшими на десятый день войны «агонию» в этих заведениях⁴³⁹. Введение карточной системы на ряд товаров и ограничение выдачи с вкладов 200 руб. в месяц позволили сбить ажиотаж.

Адаптация к условиям военного времени не исключала у части населения таких поведенческих актов, которые являлись прямым нарушением закона. Именно в это время в ходе сплошной инвентаризации предприятий торговли и общественного питания, которая проводилась самими работниками торговли, многие из них запаслись продуктами и промышленными товарами для своего благополучного существования и наполнения черного рынка. Осенью 1941 г. среди начальников финансовых отделов воинских частей началась полоса пропаж крупных сумм денег. Начфины только трех стрелковых полков потеряли 1 млн 110 тыс. руб. и 8 тыс. облигаций государственного займа⁴⁴⁰.

Наряду с приведенными выше моделями поведения, была еще одна, которую условно можно назвать нестандартной. Ситуация, сложившаяся в городе уже в начале осени 1941 г., показала, что существует довольно значительная группа жителей, которая по тем или иным причинам не оказалась вовлеченной в общий поток бросившихся за созданием запасов продуктов питания. У одних «не было ни копейки денег»⁴⁴¹, у других — времени днем стоять в очередях (в силу перевода предприятий на режим работы военного времени или семейного положения). Некоторая часть горожан сознательно не поддавалась паническим настроениям, будучи убежденной под влиянием пропаганды в наличии в городе необходимых запасов⁴⁴² или в скором окончании войны. Так, студентка Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена Э. Г. Штык записала в дневнике, что девочки, в знак протеста против начавшейся войны и уверенные в ее быстром прекращении, на последние деньги накупили книг у букиниста⁴⁴³. Полагая, что Ленинград не станет фронтовым городом, многие жители не желали эвакуироваться, а часть горожан успешно пристраивала в тыловые учреждения Ленинграда сыновей призывного возраста, желая избежать их отправки на фронт. В гарнизоне Ленинграда, например, таковых «пристроенных» в конце лета 1941 г. было выявлено более 8800 чел.

Первые бомбардировки и обстрелы города в начале сентября 1941 г. повергли его жителей в шок. Тревога за будущее сменилась страхом. Однако уже к октябрю-ноябрю ощущение опасности от артиллерийских обстрелов и бомбардировок притупилось, хотя и не исчезло совсем. «Я слышу иногда, как рассуждают, что к тревогам, обстрелам и бомбежкам можно привыкнуть. Это рассуждение, по моему, неточно. Вернее сказать (и я это чувствовал по себе): когда увлечешься работой, не замечаешь бомбежки и обстрела. Опасность осознаешь притуплено, и то при близком разрыве. А когда оказываешься под огнем в городе и не видно, куда попадает бомба или снаряд, когда стоит сплошной грохот и вой и здания из-за плотной кирпичной пыли в воз-

духе теряют свои очертания — к этому привыкнуть трудно», — размышлял в дневнике уже в январе 1942 г. главный архитектор города Н. В. Баранов⁴⁴⁴. Помимо увлеченности работой свою роль играли и другие обстоятельства: необходимость значительную часть суток проводить в убежищах из-за частых тревог днем и ночью⁴⁴⁵, рассказы о ненадежности убежищ⁴⁴⁶, присущий части горожан фатализм⁴⁴⁷ и т. д. Чуть позже к ним добавилась физическая усталость, связанная с постоянным недоеданием.

Однако основным фактором, изменившим прогнозирование жителями Ленинграда опасности, стал голод (особенно в период ноября 1941 — января 1942 г.). Прогнозирование всегда носит у испытывающего тревогу человека вероятностный характер, а в эти месяцы смерть от голода казалась более вероятной, чем гибель от снарядов или бомб. Зима 1941–1942 гг., потребовавшая от горожан напряжения всех сил для выживания, стала именно тем периодом блокады, в который диапазон адаптационных практик достиг своего предела.

Невозможность самозаготовок внутри и за пределами блокадного кольца делала горожан зависимыми от организованного поступления продовольствия в город и его перераспределения. Два ноябрьских снижения довели нормы хлебного пайка до печально известных 250 и 125 г. В результате трех следующих повышений в декабре 1941 — феврале 1942 г. эти нормы так и не были восстановлены до максимальных (июльских) для служащих, иждивенцев и детей. Других продуктов выдавалось также немного, а нормы выдачи по жирам, сахару и мясу в декабре 1941 — марте 1942 г. неоднократно не выполнялись⁴⁴⁸. Не все поступавшее в город продовольствие распределялось между рабочими, ИТР, служащими и детьми. Оно же шло на фронтовые и тыловые пайки, котловое довольствие ряда учреждений, выдавалось по продовольственным аттестатам, в виде донорского пайка и т. п. Свои виды и нормы снабжения имели ответственные партийные, советские и комсомольские работники. Таким образом, уже изначально все население города (включая части, стоявшие на его территории) делилось на несколько неравноправных в продовольственном отношении групп. В условиях хронической нехватки продуктов питания адаптационная практика населения сводилась к нахождению способов перераспределения съестных припасов в свою пользу.

Нормой получаемого продовольствия определялся выбор горожан при возникавшей возможности перехода на новую работу. В первую очередь люди стремились туда, где производились и распределялись продукты питания, где, по горькому замечанию современника, сформировались «аристократы от плиты»⁴⁴⁹. По признанию директора Ленинградского треста ресторанов и столовых

А. И. Фельдмана, ни один из его работников не умер и не заболел от истощения⁴⁵⁰. Те же, кто оставался на старой работе, изыскивали способы перехода с карточки служащего на рабочую карточку.

Данные обстоятельства иногда диктовали применение определенных не вполне моральных или незаконных тактических средств, помогающих в трудоустройстве или создании более комфортных условий в работе: дача взятки (в виде бутылок пива, водки, кефира, буханок хлеба, жареных картофельных очисток и т. п.), предложения в оказании помощи (стирка белья, уборка квартиры, стояние в очереди и пр.), предложения сожительства. В ряде случаев, когда при устройстве на работу требовалась справка о состоянии здоровья (для работы, например, в военных госпиталях), стремились таковую купить или для освидетельствования подыскивали знакомого с более крепким здоровьем⁴⁵¹. Но при этом, по утверждению директора Ленинградского института переливания крови В. В. Кухарчика, за первый год войны на 70 тыс. чел., пожелавших стать донорами, пришлось всего «3 подставных лица, т. е. лица с документами другого донора»⁴⁵².

Наиболее распространенным способом получения дополнительного продовольствия была купля-продажа или обмен на рынках (толкучках), у знакомых или незнакомых людей. В условиях ограниченного поступления продуктов в осажденный город и власть, и горожане понимали, что существенная часть продовольствия, предлагавшаяся для продажи, добывалась нечестным путем. Масштабы черного рынка, насколько можно судить по разрозненным фактам, были достаточно велики. Так, только за ноябрь—декабрь 1941 г. две буфетчицы одного из филиалов столовой № 13 похитили лишь хлеба более 650 кг. Хищения на продовольственных складах носили регулярный характер.

Отказавшись от предложения городского Управления рынками легализовать толкучки⁴⁵³, власть не препятствовала обмену продуктов или продаже вещей, но за продажу съестных припасов могли арестовать⁴⁵⁴. Двойственность ситуации вызывалась не только нехваткой милиционеров, но главное — пониманием ее безвыходности, особенно для зимы 1941—1942 гг. Толкучки становились не только местом для приобретения дополнительного питания, но и неким индикатором физического и психологического состояния большинства членов общества.

Прекрасно понимая, откуда берутся появляющиеся на рынках или у спекулянтов продукты, горожане все же покупали их ради жизни своей или близких. Рассуждения об этичности или неэтичности подобных поступков уходили в таких случаях на второй план. «Променяла сегодня на хлеб платье и юбку одной столовской официант-

ке. Надо же — кто умирает, а кто наживается. Мне посчастливилось», — записала в дневнике 10 декабря 1941 г. планировщица завода им. Молотова Н. Д. Осипова⁴⁵⁵.

Куплей-продажей ленинградцы занимались не только около рынков или на квартирах, но и на улице, причем был выработан определенный код поведения продавца, зафиксированный в дневнике архитектора Э. Г. Левиной: «Идти медленно по улице с любым продуктом — значит продавать, и такая уже своеобразная этика, что чувствуешь себя обязанной завернуть хлеб, папиросы, чтобы не обманывать публику: “несешь, а не торгуешь”»⁴⁵⁶.

Для части горожан источником дополнительного питания становилась карточная система. Методы приспособления ее к собственным интересам варьировались. Допечатка лишних и изготовление фальшивых карточек, внесение в списки на получение карточек вымышленных лиц, вырезание лишних карточек у покупателя или посетителя столовой — эти способы были характерны для лиц, непосредственно связанных с распределительным процессом. Власть преследовала нарушителей по закону, усиливала контроль над исполнителями на всех этапах изготовления и использования карточек, однако проблема оставалась⁴⁵⁷. Крайними проявлениями подобных незаконных поступков были кража карточек⁴⁵⁸ и даже убийство из-за них, причем не только в первую блокадную зиму, но и позже⁴⁵⁹. Как административное правонарушение расценивалось утаивание продкарточек членами семьи в случае смерти своих близких или родственников. Обладание дополнительной карточкой в течение оставшихся дней месяца помогало выжить остальным, и эта мотивация оказывалась сильнее, чем выполнение распоряжения о сдаче карточек. В конце концов начальник Управления милиции Ленинграда Е. С. Грушко своим циркуляром от 7 февраля 1942 г. запретил своим сотрудникам изымать карточки при оформлении смертей на квартирах⁴⁶⁰, ибо незахороненные трупы могли стать источником эпидемии.

Напротив, еще один способ получения карточек — взамен утерянных, власть постаралась ограничить. Заявления об их утере в последние месяцы 1941 г. резко возросли: с 4,8 тыс. в октябре до 24 тыс. в декабре. Многие ленинградцы действительно лишались карточек из-за краж, пожаров, обстрелов и бомбардировок. С другой стороны, не исключались попытки обмана. Кроме того, количество карточек возрастало, т. к. нашедший или укравший пользовался уже двумя, поэтому Военный совет Ленинградского фронта разрешил возмещение карточек только городскому бюро заборных карточек и лишь в исключительных случаях. Это привело к заметному сокращению утрат карточек⁴⁶¹.

Физической поддержке организма способствовали и иные способы. К ним относились сдача донорской крови в обмен на донорский паек⁴⁶², обеды после выступлений с концертами или спектаклями на боевых позициях Ленинградского фронта или в госпиталях⁴⁶³, возможность обмена вещей на продукты или покупки их при редких командировках на Большую землю⁴⁶⁴, подледный лов рыбы, наконец, по устному свидетельству современника, молоко коровы, которую хозяевам удавалось держать в центре города в многоэтажном каменном доме зимой 1941–1942 гг.

Значительная часть населения нашла спасение в употреблении непривычных видов «продовольствия»: кошек и собак, столярного клея и олифы, кожаных изделий и глицерина (как замены сахара) и т. п. Сведения об этом рассыпаны по страницам десятков воспоминаний и дневников очевидцев событий. «Инициатива», рожденная, как правило, снизу, иногда поддерживалась руководством на уровне учреждения. Начальство филиала завода им. Жданова, после консультации с врачами, стало официально отпускать олифу, столярный клей и декстрин в цеха по разверстке и даже выдавать их рабочим «как премию»⁴⁶⁵.

На использование в пищу кошек, собак и павших лошадей милиция отреагировала негативно, но административных последствий это не повлекло⁴⁶⁶. Городская власть, по-видимому, держалась отстраненно, не поддерживая этих способов утоления голода, но и не препятствуя им. Однако в отношении к выявившимся в этот же период не единичным случаям каннибализма и трупоедства, ставшим также одним из маргинальных путей избавления от голода (в некоторых случаях — способом наживы), городская прокуратура в феврале 1942 г. определила свою позицию, квалифицировав эти действия как бандитизм⁴⁶⁷.

За пределами социальных и нравственных норм оказались кражи и грабежи, также достигшие своего пика в период первой блокадной зимы. Если грабежи в основном выражались в налетах на продовольственные магазины и булочные, а также на транспортные средства, перевозившие продовольствие (нападали, как правило, большими группами⁴⁶⁸), то диапазон краж был намного шире. Воры крали не только продукты питания, но и, как уже упоминалось, продовольственные карточки, причем среди нарушителей закона были как отчаявшиеся люди, подталкиваемые к кражам голодом, так и преступные группировки, нередко возглавляемые руководителями разных рангов, имевшими доступ к транспортировке и распределению продовольствия или контролю над ним⁴⁶⁹.

Последних, в случае раскрытия преступления, судили карательные органы, первые нередко под-

вергались и самосуду со стороны ожесточившихся граждан в очередях, в магазинах или на улице около них⁴⁷⁰. Характерными особенностями подобных ситуаций были применение самосуда в качестве меры наказания, отсутствие стремления прибегать к помощи милиции и апатичное поведение воров, которые практически не сопротивлялись избиениям, заботясь только об одном — о том, чтобы у них не отняли хлеб. Эти случаи характеризовали изменения поведенческих норм всех участников подобных конфликтов.

Суровая зима 1941–1942 гг., приведшая к отключению отопления в первой половине декабря, сопровождавшаяся дефицитом топлива, отключением света и на определенный период воды, поставила ленинградцев на грань выживания. Спасало сохранившееся печное отопление; вспомнили о буржуйках — наследии Гражданской войны. Но буржуйки были дороги. Они не всем оказались по карману, а конструкции других «временок» порой сводились к листу жести на деревянном полу⁴⁷¹. Коммунальные службы пытались адаптировать население к новой ситуации, помещая в газете инструкцию о пользовании буржуйками и предупреждая об ответственности, но это не помогло избежать пожаров, которые стали одной из характерных черт жизни города начала 1942 г. Из-за отсутствия воды пожарные не тушили эти здания, и они горели по несколько дней. Образовавшиеся после пожаров полыньи служили для горожан источниками добывания воды⁴⁷² наряду с походами на Неву и ее притоки и вытапливанием воды из снега. Устройством прорубей занимались отряды МПВО, военные и городские службы, т. к. горожанам это было не под силу.

Отсутствие света — судя по многочисленным свидетельствам современников — угнетало как физически, так и психологически. При передвижении по улицам ленинградцы часто использовали «светлячки» — значки с нанесенным на них фосфоресцирующим составом, испытанные еще в годы советско-финляндской войны. Комнаты с занавешенными или забитыми фанерой окнами освещались покупными или самодельными свечами и коптилками, а использовавшиеся для последних горючие смеси не всегда отличались достаточным качеством и иногда становились причиной возникновения пожаров. Из-за темноты невозможно было тщательно убирать комнаты: «мы... заросли грязью»⁴⁷³.

Продовольственный и бытовой кризисы вкупе с продолжающимися артиллерийскими обстрелами заметным образом сказались на психологическом состоянии ленинградцев. На смену раздражительности, возникавшей в результате сильного эмоционального напряжения и приводившей порой к

неадекватному поведению (дезертир-красноармеец после неудачной попытки получить без очереди пиво в раздражении бросил в своих обидчиков гранату⁴⁷⁴), пришли отчаяние и апатия. Рассуждения о неизбежном и скором конце перемежаются со спокойным рассказом о смерти близких⁴⁷⁵. «Я замечаю по себе: внутри становится сурово, жестко, уходит ласковость прежняя, прежняя мягкость. Может быть, потому, что душа твоя для чувств почти замкнута и работает только мозг, только мысль», — еще в ноябре 1941 г. признавалась себе начальник отдела одного из ленинградских заводов Т. Л. Янович⁴⁷⁶. Организм включал охранительные механизмы, оберегая психику человека от разрушения.

Иногда отчаяние перерастало в негативные настроения, наибольшее число которых пришлось на первые два месяца 1942 г.⁴⁷⁷ А некоторая часть жителей блокадного города в качестве варианта собственного спасения была склонна в наиболее сложный период блокады (сентябрь 1941 — март 1942 г.) воспользоваться немецкими листовками-пропусками, чтобы перейти линию фронта или предъявить таковой пропуск в случае занятия Ленинграда немцами⁴⁷⁸. Подобный выбор был обусловлен для этих людей убеждением, что «войну дальше вести бесполезно, победа будет за немцами и с приходом немцев положение в стране коренным образом изменится в лучшую сторону».

Усилившееся в этот период стремление горожан к коллективным формам общежития, к сохранению родственных, дружеских, профессиональных связей⁴⁷⁹ во многих случаях способствовало повышению социально-психологической адаптированности. При сниженных адаптационных ресурсах индивидуума эффективность его социальной адаптации оказывалась в зависимости от наличия оптимальной социальной ниши (семья, профессиональная среда), способной учитывать его индивидуальные особенности. Изменение социальной среды, приводящее, например, к одиночеству, резко ослабляло адаптационные возможности личности, что нередко предreshало трагический исход. Для многих подобное изменение было обусловлено прекращением функционирования транспорта. Отношения внутри устоявшихся социальных общностей (прежде всего в семье или родственном объединении) не оставались ровными и одинаковыми: бескорыстная и неоднократная взаимовыручка могла сменяться взаимными обвинениями, обидами и даже временными или постоянными разрывами этих связей⁴⁸⁰. Вместе с тем источники не раз отмечают и взаимовыручку не знакомых между собой горожан⁴⁸¹. В основе такого поведения горожан далеко не всегда лежал расчет.

В поисках снятия стресса горожане уже с начала войны обращались к различным способам психоло-

гической разгрузки, значение которых возросло в период первой блокадной зимы. Заглушая чувство голода, маленькие дети «рвали, стригли бумажки, сидели, покачиваясь из стороны в сторону, что-то ковыряли методично»⁴⁸². От мыслей о еде и от страха перед бомбами и обстрелами отвлекали чтение книг, игра в карты и кости, слушание патефонных пластинок, посещение церкви и т. д.⁴⁸³

На изменение настроения горожан (в ту или иную сторону) влияли слухи. При всем разнообразии можно выделить две темы, которые циркулировали постоянно в обществе весь период блокады: увеличение хлебного пайка и нормы выдачи других продуктов, а также деблокада Ленинграда. Но были и иные: о перестрелке между И. В. Сталиным и К. Е. Ворошиловым⁴⁸⁴, о гибели в городе к концу января 1942 г. от голода 1 млн чел.⁴⁸⁵ Слухи множилось, несмотря на то что их распространителей ожидало тюремное заключение сроком от 2 до 5 лет⁴⁸⁶. Они рождались от недостатка или отсутствия информации, ее ложной интерпретации и являлись отражением, с одной стороны, состояния неопределенной или конкретной опасности, которой подвергался житель города, с другой — его надежд и чаяний.

Ситуация в городе резко изменилась весной 1942 г. Психоземotionalный надлом, созданный периодом жесточайшего голода, оказался нивелированным в течение всего нескольких месяцев. Январско-февральские повышения хлебных норм придали горожанам главным образом уверенность в наметившейся тенденции, но вкупе с оживившейся выдачей и других продуктов заложили базу для постепенного физиологического укрепления организма. Наглядными свидетельствами возвращения интереса к жизни стали не только неизмеримо большее внимание к гигиене тела, к внешнему облику, стремление больше двигаться или самостоятельно подлечиться (загорали на солнце не ради красивого цвета кожи, а чтобы избавиться от цинги), но, например, и воскресший интерес к противоположному полу, возобновившиеся между подростками драки. Состояние апатии фактически покидает жителей Ленинграда⁴⁸⁷.

Прежнее безразличие к смерти или даже желание быстрее умереть, характерный прежде для многих людей отказ от достижения реальных целей из страха потерпеть очередную неудачу и разочарование сменились желанием во что бы то ни стало выжить. Понимание того, что наличествует возможность дожить как минимум до конца войны, вернуло, однако, угасший было страх перед артобстрелами и бомбардировками. Сразу возросло количество желающих покинуть город⁴⁸⁸, нередко прибегавших для этого к личным связям⁴⁸⁹.

На настроении горожан, безусловно, сказывалось значительное улучшение положения со снаб-

жением. Однако для них не осталось незамеченным и то, что действия властей складываются в комплекс мер, соучастие в выполнении которых реально способно создать дополнительные условия для выживания. В силу этого большинство охотно принимало участие в санитарной очистке города, разборе деревянных домов, завалов, восстановлении разрушенных коммуникаций. В результате к зиме 1942–1943 гг. жители Ленинграда психологически были подготовлены.

Продолжающееся массовое заболевание цингой заставило власть искать дополнительные (кроме продажи хвойного настоя) способы борьбы с ней и побуждать к этому же горожан. С этой целью была развернута так называемая огородная кампания: выделение участков и продажа семян и рассады для индивидуальных и коллективных огородов⁴⁹⁰. Часть горожан скептически отнеслась к мероприятию и отчасти справедливо: эффективность некоторых индивидуальных огородов оказалась мала, т. к. сказывались отсутствие опыта, воровство. Охраняемые и квалифицированно обработанные участки, выделенные предприятиям и учреждениям, дали существенный довесок к питанию их работников, и этот опыт в расширенном размере был повторен в последующие военные годы.

Огородничество давало отложенный эффект, а для немедленного восстановления ослабленного организма ленинградцы в массовом порядке занялись сбором дикорастущих трав и растений и приготовлением из них блюд⁴⁹¹. Последний способ адаптации оказался не для всех безопасным, поэтому городские власти развернули агитационную кампанию с целью уберечь жителей от пищевых отравлений.

Возобновленная в мае 1942 г. массовая эвакуация встретила различную реакцию со стороны ленинградцев: одних приходилось буквально выпроваживать из города, другие, напротив, не могли получить разрешения на выезд, т. к. в Ленинграде оставляли трудоспособное население, третьих удерживал страх перед необходимостью приспособиться к неизвестным условиям.

Трагический опыт первой блокадной зимы учли и городские власти, начавшие активно восстанавливать коммунальное хозяйство. Среди прочих мероприятий были и две волны переселений: шести с лишним тысяч жильцов из разбираемых на топливо деревянных жилищ в каменные дома и части горожан с верхних этажей многоэтажных зданий на первые три этажа ради обеспечения их коммунальными удобствами. «Новоселам» (особенно потерявшим личное хозяйство и участок земли) приходилось приспособляться к иным условиям и в чужих квартирах. К сожалению, в изученных нами источниках процессы адаптации этой категории на-

селения не нашли отражения и по-прежнему нуждаются в специальном изучении.

Постепенное улучшение бытовых условий, сопровождавшееся значительными изменениями в психоэмоциональной сфере (трансляция музыкальных концертов по радио, возобновление работы кинотеатров, рост числа спектаклей и концертов, продажа парфюмерии и т. д.), позволяло некоторым современникам утверждать, что ленинградцы живут «почти мирно»⁴⁹². В понятие «почти» вкладывались обстрелы, бомбардировки, перебои с питанием и главное — продолжающаяся осада. Вот почему известие о прорыве блокады в январе 1943 г. не оставило безучастным ни одного жителя⁴⁹³.

Обстрелы и бомбардировки в 1943 г. стали уносить большое число жизней, что заставило городскую власть ужесточить меры к нарушителям, проявлявшим ставшую уже свойственной многим беспечность. В состоянии эмоционального напряжения жители города держали и постоянно инспирируемые местным руководством через средства массовой информации и различные выступления с напоминаниями о возможности нового штурма города или проведения химической атаки.

Более надежное соединение Ленинграда с Большой землей позволило в 1943 г. существенно улучшить продовольственный вопрос. Ленинградцы стали получать такой же по объему хлебный паек, как и жители других городов страны, увеличилось количество и других выдаваемых продуктов. Чтобы избежать дополнительных раздражителей, возвращающих горожан к памяти о первой блокадной зиме, советское правительство в ноябре 1943 г. сохранило ленинградцам прежние нормы хлебного пайка, уменьшив их в целом по стране. Дефицит продовольствия, однако, ощущался по-прежнему, способствуя сохранению спекуляции, взяточничества и других преступлений⁴⁹⁴.

Обострилось положение с топливом, поэтому местные власти прибегли к испытанному средству — трудовой мобилизации населения на заготовку дров и торфа. Выполнив в очередной раз несвойственные для себя функции, мобилизованные ленинградцы сумели избежать повторения ситуации зимы 1941–1942 гг., тем самым не заставив себя и других горожан воспроизводить еще не вполне забытые методы адаптации.

Сотням ленинградцев, ранее трудившихся в магазинах и киосках, на мелких предприятиях и в артелях и переведенных распоряжениями местной власти на крупные заводы в связи с начавшимся возрождением промышленности, пришлось овладевать новыми профессиями и привыкать к другим условиям работы. Наряду с этим с конца 1943 г. начинается возвращение в Ленинград части предприятий и учреждений, хотя организованный процесс

реэвакуации — это явление, более характерное для следующего года, когда в результате полного снятия блокады в январе 1944 г. Ленинград перестал быть фронтовым городом. Рубежность этого события современники зафиксировали в дневниках и воспоминаниях не только упоминанием о появившейся возможности свободной и безопасной связи с бывшей Большой землей или салюте 27 января, но и об исчезновении вражеских обстрелов⁴⁹⁵ и наступившей тишине. Отныне им предстояло привыкать к почти забытым мирным звукам.

Прибывавшие реэвакуанты сталкивались с необходимостью нового восприятия города. Ленинград 1944–1945 гг. внешне заметно отличался от Ленинграда начала войны и даже весны–лета 1942 г.⁴⁹⁶ Непривычными и, как правило, хуже, чем в эвакуации, оказывались бытовые условия⁴⁹⁷, а потребности возрождающегося города требовали приложения сил не в тех сферах деятельности, на которые рассчитывали многие возвращенцы.

Сложностей с адаптацией добавляло и то обстоятельство, что постановлениями центральной и распоряжениями местной власти горожане были фактически разделены на три группы: блокадников, реэвакуантов и демобилизованных. Каждая из них обладала определенными правами, ущемляющими права других, что неизбежно приводило к конфликтам и необходимости поиска компромиссов⁴⁹⁸.

На процесс адаптации ленинградцев в течение войны оказывали влияние главным образом боевые действия, мероприятия центральных и местных властей, погодные условия. Поодиночке или в совокупности эти факторы порождали различные практики, благодаря которым горожане определяли свою позицию по отношению к меняющимся условиям и предпринимали реальные действия, направленные прежде всего на сохранение жизни, особенно в наиболее трагический период блокады — зимой 1941–1942 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Кларк Дж. Д.* Доисторическая Африка. М., 1977. С. 51.
- ² *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 112.
- ³ *Le Roy E.* Les origines et l'évolution de l'intelligence. Paris, 1928. P. 47.
- ⁴ *Бернштейн Н. А.* О построении движения. М., 1947.
- ⁵ *Ratzel F.* Anthropogeographie. Teil I. Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. Stuttgart, 1882. P. 49, 81.
- ⁶ *Thomas d'Aquin.* Opuscula. Vol. 1. Paris, 1927. P. 11.
- ⁷ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005. С. 15, 39.
- ⁸ *Юнг К. Г.* Душа и миф. Шесть архетипов. Минск, 2004.
- ⁹ *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. М., 1996. С. 245–246.
- ¹⁰ *Бурдье П.* Практический смысл. СПб., 2001.
- ¹¹ Там же. С. 102, 120.
- ¹² *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.
- ¹³ *Громыко Ю. В.* Проектное сознание. М., 1998. С. 16–17.
- ¹⁴ *Малиновский Б.* Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М., 2004. С. 78, 178.
- ¹⁵ *Плетнева С. А.* Кочевники Средневековья: Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
- ¹⁶ *Головнёв А. В.* Исторический опыт межэтнического взаимодействия на севере Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1. М., 2006. С. 312–320.
- ¹⁷ *Вербицкий В. И.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884. С. 103; *Кляшторный С. Г.* Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981. С. 134–136; *Неклюдов С. Ю.* Мифология тюркских и монгольских народов // Там же. С. 196.
- ¹⁸ *Головнёв А. В.* «Путь» в северных культурах // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 3. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты Европейского Севера. Архангельск, 2008. С. 11–21.
- ¹⁹ *Швейцер А.* Культура и этика. М., 1973.
- ²⁰ *Лихачев Д. С.* Раздумья. М., 1991. С. 202.
- ²¹ *Jtelson W. H., Proshancky H. M., Pivin L. C., Winkel K. G.* An introduction to environmental psychology. N. Y. ets., 1974.
- ²² *Dower N.* What is environmental ethics // Ethics and environmental responsibility. Aldershot ets., 1989.
- ²³ *Аалто А.* Архитектура и гуманизм. М., 1978.
- ²⁴ *Loventhal D.* Social Leatures // Small stares. Chicago, 1987.
- ²⁵ *Watson O. M.* Proxemic behavior: A cross cultural Study. The Hague-Paris, 1970.
- ²⁶ *Bourdieu P.* Strukture, habitus, practices // The logic of practice. Book 1. 1990.
- ²⁷ Как правило, речь идет при такой постановке вопроса об ограничениях, которым должен следовать человек по чисто экологическим соображениям. См.: *Форрестер Д.* Мировая динамика. М., 1978. Основной тезис этого направления: «Этика в экологическом смысле — это ограничение свободы действий в борьбе за существование». См.: *Леопольд О.* Календарь песчаного графства. М., 1988. С. 200. В русле концепции ограничения и расширения зоны ответственности перед природой выполнена и недавно переведенная на русский язык книга немецко-американского философа Ганса Йонаса. См.: *Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М., 2004.
- ²⁸ *Ямсков А. Н.* Исследования экологических функций нематериальных явлений культуры // Этноэкологические аспекты духовной культуры. М., 2005.
- ²⁹ *Медведев В. И., Алдашева А. А.* Экологическое сознание. М., 2001. С. 22.
- ³⁰ *Богданов А. А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. Кн. 1. М., 1989. С. 201.
- ³¹ *Князев Е. Н., Курдюмов С. П.* Синергетика как новое мировидение // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 6.
- ³² *Тулмин С. Э.* Человеческое понимание. М., 1984. С. 294.
- ³³ *Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. С. 171.
- ³⁴ *Park E. R.* On social control and collective behavior. Selected papers. Chicago; London, 1967.
- ³⁵ *Эджерстон Р.* Традиционные верования и практики: действительно ли одни лучше, чем другие? // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М., 2002. С. 175.
- ³⁶ *Грей Дж.* Поминки по просвещению. М., 2003. С. 211.
- ³⁷ *Фуко М.* Герменевтика субъекта // Социологос. Вып. 1. М., 1991.
- ³⁸ *Медведев В. И., Алдашева А. А.* Экологическое сознание. М., 2001. С. 96–112.
- ³⁹ Видеть красоту // Литературная газета. 2006. № 10. С. 14.
- ⁴⁰ *Годфруа Ж.* Что такое психология. Т. 1. М., 1992. С. 74, 98.
- ⁴¹ *Хэйс Н.* Популярная прикладная психология. М., 2005.
- ⁴² *Isen A. M.* Positive affect, cognitive processes, and social behavior // Advances in experimental social psychology. Vol. 20. N. Y., 1987.

- 43 *Эфроимсон В. П.* Генетика этики и эстетики. СПб., 1995. С. 119.
- 44 *Китаев-Смык Л. А.* Вступительная статья к книге: Черноушек М. Психология жизненной среды. М., 1989. С. 17.
- 45 *Брехман Н. И.* Философско-методологические проблемы здоровья человека // Вопросы философии. 1982. № 2. С. 51.
- 46 *Неумывакин И. П., Неумывакина Л. С.* Эндозкология здоровья. М.; СПб., 2005.
- 47 *Бгажноков Б. Х.* Культура эмпатии // Этнографическое обозрение. 2002. № 5.
- 48 *Лэнгдэ А.* Что движет человеком? Экзистенциально-аналитическая теория эмоций. М., 2006. С. 227.
- 49 *Неумывакин И. П., Неумывакина Л. С.* Эндозкология здоровья. С. 11–12.
- 50 *Левин К.* Супружеские конфликты // Конфликтология. Хрестоматия. М.; Воронеж, 2002. С. 28.
- 51 Там же.
- 52 *Дружинин В. Н.* Психология семьи. М., 2006. С. 4.
- 53 *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Т. 1. М.; СПб., 2001. С. 59–60.
- 54 *Щюц А.* Формирование понятий и теория в общественных науках // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 485.
- 55 *Сен-Марк Ф.* Социализация природы. М., 1977. С. 216.
- 56 *Хэйс Н.* Популярная прикладная психология. М., 2005. С. 133.
- 57 *Бабич И. Л.* Полевые материалы автора, Карачаево-Черкесская Республика, 2007. Тетр. 3. Оп. 1. Д. 1.
- 58 Там же. Д. 3.
- 59 Там же. Д. 5.
- 60 Там же. Д. 4.
- 61 Там же. Д. 1.
- 62 Там же. Д. 8.
- 63 Там же. Тетр. 2. Оп. 1. Д. 6.
- 64 *Бабич И. Л.* Полевые материалы автора, Республика Адыгея, Краснодарский край, 2007. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 2, 3.
- 65 *Хрунина С. И., Крынина О. Ю.* Сфера социально-культурных услуг как фактор формирования духовности // Философия, социология, культурология. Майкоп, 2006. № 5.
- 66 *Бабич И. Л.* Полевые материалы автора, Карачаево-Черкесская Республика, 2007. Тетр. 2. Оп. 1. Д. 2, 4, 5.
- 67 *Она же.* Полевые материалы автора, Республика Адыгея, Краснодарский край, 2007. Тетр. 2. Оп. 1. Д. 1.
- 68 *Она же.* Полевые материалы автора, Карачаево-Черкесская Республика, 2007. Тетр. 3. Оп. 1. Д. 12.
- 69 Там же. Д. 1.
- 70 *Машбаиш И.* Слово о Цуге Теучеже // Литературная Адыгея. Майкоп. 2005. № 4.
- 71 *Бабич И. Л.* Полевые материалы автора, Карачаево-Черкесская Республика, 2007. Тетр. 3. Оп. 1. Д. 1.
- 72 Там же. Д. 2.
- 73 Там же. Д. 7.
- 74 Там же. Д. 7.
- 75 Там же. Д. 10.
- 76 Родничок Адыгеи / Журнал. Майкоп, 2006. № 1, 3–4; 2007. № 1–2; *Богус М.* «Родничок» собирает друзей // Газета «Заря». 2006. № 99.
- 77 *Ханаху Р. А.* Малые культуры в условиях глобальных изменений в мире // Философия, социология, культурология. Майкоп, 2006. № 5; *Бабич И. Л.* Проблемы взаимосвязи этической системы и трансформация адыгского лидерства // Сборник статей Института гуманитарных исследований Республики Адыгея. Мир культуры адыгов. Майкоп, 2002.
- 78 *Байрамуков У.* Пора прекратить ложь, народу нужно спокойствие // День республики. 1992. № 29.
- 79 Информационное сообщение о 1-м съезде мусульман Карачая // Ислам-ньюс, 1992. № 5.
- 80 *Темирбулатов Р.* Ваше время пришло // Ислам-ньюс, 1992. № 6.
- 81 Протокол 3-го съезда мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополя. 11 декабря 1992 года // Архив уполномоченного президента КЧР по связям с религиозными организациями. Материалы 3-го съезда мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополя.
- 82 *Афасижев Т. И.* Республика Адыгея — поиск парадигмы будущего // Философия, социология, культурология. Майкоп, 2006. № 5. С. 61.
- 83 Там же. С. 68.
- 84 Миграция в России. Вып. 2. Трудовая миграция в России / Под. ред. О. Д. Воробьевой. М., 2001. С. 4.
- 85 Полевые материалы автора: цитаты из интервью информантов. Цумадинский район, с. Хуштада, Волгодонский и Мартыновский районы Ростовской области, 2005–2007 годы. 2005. М60 с. Хуштада, Цумадинский район.
- 86 *Бобровников В. О.* Эволюция социальных и земельные традиции хуштадинского джамаата в XIX–XX веках // Дагестан. Село Хуштада. М., 1995. С. 59.
- 87 Полевые материалы автора: цитаты из интервью информантов. Цумадинский район, с. Хуштада, Волгодонский и Мартыновский районы Ростовской области, 2005–2007 годы. 2007. М30.
- 88 Там же. М30.
- 89 Там же. 2005. М30.
- 90 Там же. 2007. М40.
- 91 Там же. М40.
- 92 Там же. М40.
- 93 Там же. М38.

- ⁹⁴ Там же. 2005. М60.
- ⁹⁵ *Бобровников В. И.* Археология строительства исламских традиций в дагестанском колхозе // *Ab Imperio*. 2004. № 3. <http://www.tsumada.ru/ru/text/67>
- ⁹⁶ Полевые материалы автора: цитаты из интервью информантов. Цумадинский район, с. Хуштада, Волгодонский и Мартыновский районы Ростовской области, 2005–2007 годы. 2007. М30.
- ⁹⁷ Там же. М40.
- ⁹⁸ Там же. М38.
- ⁹⁹ Там же. М35.
- ¹⁰⁰ Там же. М30.
- ¹⁰¹ Там же. М38.
- ¹⁰² Там же. М30.
- ¹⁰³ *Шабанова М. А.* Современное отходничество как социокультурный феномен // *Социологические исследования*. 1992. № 4. С. 60.
- ¹⁰⁴ Полевые материалы автора: цитаты из интервью информантов. Цумадинский район, с. Хуштада, Волгодонский и Мартыновский районы Ростовской области, 2005–2007 годы. 2007. М30.
- ¹⁰⁵ *Ламин В. А., Шелегина О. Н.* Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах // *Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 17–18 ноября 2008 г.)* / Отв. ред. В. А. Ламин, О. Н. Шелегина. Новосибирск, 2008. С. 5–7, 10.
- ¹⁰⁶ *Шелегина О. Н.* Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Социокультурные аспекты. XVIII – начало XX в.: Учебное пособие. Вып. 2. М., 2001. С. 134–136.
- ¹⁰⁷ *Она же.* Результаты и перспективы изучения адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2006. № 2 (26). С. 116–125.
- ¹⁰⁸ *Курилов В. Н.* Расселение русских старожилов Западной Сибири в середине XIX в. Новосибирск, 2005.
- ¹⁰⁹ *Мамсик Т. С.* Социальный фактор в этнокультурном развитии русских старожилов Сибири (Агрохозяйственный комплекс начала XIX в.) // *Сибирь в панораме тысячелетий*. Новосибирск, 1998. Т. 2. С. 308–319.
- ¹¹⁰ *Она же.* Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. Новосибирск, 1989.; *Она же.* «Вольные» каменщики Беловодья // *Родина*. М., 2000. № 8. С. 103–106.
- ¹¹¹ *Она же.* Из истории адаптивных этнокультурных трансформаций на раннем этапе освоения Сибири // *Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 17–18 ноября 2008 г.)* / Отв. ред. В. А. Ламин, О. Н. Шелегина. Новосибирск, 2008. С. 51.
- ¹¹² *Курилов В. Н.* Русский субэтнос Западной Сибири в середине XIX в.: расселение и топонимия: Автореф. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002.
- ¹¹³ *Мамсик Т. С.* Поволжье и Приобье: очаги раннего культурного взаимодействия. XVII – середина XIX в. // *Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX в.* Новосибирск, 2004. С. 38–60.
- ¹¹⁴ *Она же.* Истоки регионального социокультурного синтеза // *Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв.* Новосибирск, 2002. С. 31–57.
- ¹¹⁵ *Она же.* «Русские яшашные» в Сибири XVIII–XIX вв. (К характеристике этнокультурного состава) // *Этнокультурное взаимодействие в Сибири (XVII–XX вв.)*. Новосибирск, 2003. С. 38–43.
- ¹¹⁶ *Она же.* Западносибирская приписная деревня в системе товарно-денежного хозяйства: Кайлинская волость по материалам окладных книг 1827 года. Новосибирск, 1998. С. 207.
- ¹¹⁷ *Она же.* Сибирская аграрная буржуазия дореформенного периода: опыт социально-демографического анализа // *Демографическое развитие Сибири периода феодализма*. Новосибирск, 1991. С. 105–115.
- ¹¹⁸ *Курилов В. Н.* Тайна села Хабары или неисповедимые пути сибирского социоэтногенеза // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск, 2005. Т. XI. Ч. II. С. 104–107.
- ¹¹⁹ *Она же.* Русский субэтнос Западной Сибири в середине XIX в.: расселение и топонимия.
- ¹²⁰ *Мамсик Т. С.* У истоков сибирского евразийства // *Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.* Новосибирск, 2003. С. 26–34.
- ¹²¹ *Она же.* «Русский проект» Екатерины Великой: государство как федерация самоуправляющихся общин // *Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX веков*. Новосибирск, 2004. С. 15–25.
- ¹²² Государственный архив Красноярского края. Ф. 609. Заледеевское волостное правление. Оп. 1. Д. 187, 188, 195–197, 199, 200, 205, 211, 212, 216, 217, 225, 393, 427, 429, 600, 642, 672, 793, 1730; Оп. 2. Д. 190, 194.
- ¹²³ *Шелегина О. Н.* Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1992; *Она же.* Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири (XVIII – начало XX века) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2005. № 3. С. 115–119.
- ¹²⁴ *Она же.* О характере адаптаций в культуре жизнеобеспечения русского крестьянства Западной Сибири // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2007. № 3. С. 109–112.

- ¹²⁵ История евреев России. М., 2007. С. 138; *Фельдман Д. З.* Страницы истории евреев России XVIII–XIX вв. М., 2005. С. 99–100.
- ¹²⁶ *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 104.
- ¹²⁷ *Юхнева Н.* Мы были... мы жили (О расселении евреев-ашкеназов в России) // Вестник Еврейского университета. 1992. № 1. С. 77.
- ¹²⁸ Сборник материалов об экономическом положении евреев в России. Издание Еврейского колониационного общества. Т. 2. СПб., 1904. Табл. 2.
- ¹²⁹ Государственный архив Архангельской области. Ф. 39. Оп. 1. Д. 383. Л. 2.
- ¹³⁰ *Бикерман И. М.* Черта еврейской оседлости. СПб., 1911. С. 125.
- ¹³¹ *Натанс Б.* За чертой. Евреи встречаются с поздней имперской Россией. М., 2007. С. 29.
- ¹³² *Дубнов С. М.* Евреи в России и Западной Европе в эпоху антисемитской реакции. М.; Пг., 1923. Кн. 2. С. 39.
- ¹³³ Государственный архив Вологодской области. Ф. 18. Оп. 2. Д. 913. Л. 39–40.
- ¹³⁴ Там же. Л. 17.
- ¹³⁵ Там же. Л. 17 об.
- ¹³⁶ Государственный архив Архангельской области. Ф. 37. Оп. 1. Д. 4161. Л. 7.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ *Натанс Б.* За чертой. Евреи встречаются с поздней имперской Россией. С. 125.
- ¹³⁹ *Войтинский В. С., Горништейн А. Я.* Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. 92.
- ¹⁴⁰ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 52. Д. 48. Л. 2–10 об.
- ¹⁴¹ *Войтинский В. С., Горништейн А. Я.* Евреи в Иркутске. С. 91.
- ¹⁴² *Туган-Барановский М. И.* Антисемитизм в современной России // Вестник Еврейского университета. 2004. № 9. С. 360.
- ¹⁴³ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 4. Д. 376. Л. 2.
- ¹⁴⁴ Там же. Д. 481. Л. 1–2.
- ¹⁴⁵ Там же. Д. 481. Л. 22.
- ¹⁴⁶ Там же. Оп. 21. Д. 1190. Л. 3–4.
- ¹⁴⁷ Там же. Д. 1190. Л. 23.
- ¹⁴⁸ Там же. Оп. 5. Д. 283. Л. 2–3.
- ¹⁴⁹ Там же. Д. 383. Л. 7 об.
- ¹⁵⁰ Государственный архив Вологодской области. Ф. 130. Оп. 1. Д. 758. Л. 37–38.
- ¹⁵¹ Государственный архив Архангельской области. Ф. 37. Оп. 1. Д. 3368. Л. 17.
- ¹⁵² Государственный архив Вологодской области. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1167. Л. 72.
- ¹⁵³ Там же. Л. 736.
- ¹⁵⁴ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 21. Д. 1211. Л. 1–1 об.
- ¹⁵⁵ Там же. Л. 6.
- ¹⁵⁶ Государственный архив Архангельской области. Ф. 37. Оп. 1. Д. 4121. Л. 17.
- ¹⁵⁷ *Туган-Барановский М. И.* Антисемитизм в современной России // С. 361.
- ¹⁵⁸ *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. С. 137.
- ¹⁵⁹ *Натанс Б.* За чертой. Евреи встречаются с поздней имперской Россией. С. 164.
- ¹⁶⁰ *Галашова Н. Б.* Внутренние противоречия как фактор развития еврейских общин Томской губернии (конец XIX – начало XX в.) // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: История и современность. Вып. 9. Красноярск; Барнаул, 2005. С. 35.
- ¹⁶¹ *Клюева В. П.* Религиозная жизнь евреев в Тобольской губернии (середина XIX – начало XX в.): скандалы и проблемы // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: История и современность. Вып. 9. Красноярск; Барнаул, 2005. С. 42.
- ¹⁶² Свод законов Российской империи издания 1857 г. Т. 11: Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1857. С. 197–201.
- ¹⁶³ Государственный архив Архангельской области. Ф. 4. Оп. 10. Д. 146. Л. 1.
- ¹⁶⁴ Там же. Оп. 11. Д. 678. Л. 33.
- ¹⁶⁵ *Шалютин С. О.* Религиозная ситуация на Русском Севере в исторической перспективе (XIII–XIX в.) // Религиозная жизнь Архангельского Севера: история и современность. Архангельск, 1997. С. 19.
- ¹⁶⁶ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 4. Д. 318. Л. 1–1 об.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 1 об.
- ¹⁶⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 24. Д. 10. Л. 19.
- ¹⁶⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 4. Д. 318. Л. 4–5.
- ¹⁷⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 194. Л. 80–81.
- ¹⁷¹ Государственный архив Вологодской области. Ф. 130. Оп. 1. Д. 758. Л. 55 об.
- ¹⁷² Там же. Л. 56.
- ¹⁷³ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 2. Д. 16. Л. 2.
- ¹⁷⁴ Там же. Л. 2 об.
- ¹⁷⁵ Там же. Л. 30.
- ¹⁷⁶ Там же. Л. 8–9 об.
- ¹⁷⁷ Государственный архив Архангельской области. Ф. 4. Оп. 10. Д. 68. Л. 1, 3.
- ¹⁷⁸ Там же. Д. 146. Л. 22, 39, 40.
- ¹⁷⁹ Там же. Л. 55.
- ¹⁸⁰ Там же. Д. 109. Л. 1.
- ¹⁸¹ Там же. Ф. 39. Оп. 1. Д. 586. Л. 2, 21.

- ¹⁸² Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 3853. Л. 3.
- ¹⁸³ Там же. Д. 4121. Л. 460.
- ¹⁸⁴ Там же. Ф. 130. Оп. 1. Д. 758. Л. 78.
- ¹⁸⁵ Государственный архив Вологодской области. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1002. Л. 20.
- ¹⁸⁶ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6349. Л. 2.
- ¹⁸⁷ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 50. Д. 39. Л. 1–2.
- ¹⁸⁸ *Крюков А. В.* Ингерманландские финны: проблема жизнеспособности этноса. Материалы с сайта: <http://proingria.livejournal.com/8251.html#cutid1>
- ¹⁸⁹ *Крупа В., Ондрейович С.* Языковые мифы и их миссия // Глобализация – этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. Книга 1. М., 2006. С. 167.
- ¹⁹⁰ Материалы с сайта: <http://inkeri.7fi.ru/viewtopic.php?id=18>
- ¹⁹¹ *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 30.
- ¹⁹² *Крылов П. В.* Обретение исторического слуха: парадигмы изучения неофициальной памяти // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 446–453.
- ¹⁹³ *Томсон А.* Легенда об АНЗАК: исследуя национальную мифологию и память в Австралии // Хрестоматия по устной истории / Автор введения, составитель и переводчик М. В. Лоскутова. СПб., 2003. С. 189.
- ¹⁹⁴ *Зенкин С. Н.* Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 18–19.
- ¹⁹⁵ *Михневич М. А.* Свидетели прошлого (Семейная хроника финнов-ингерманландцев Лото). СПб., 2002. С. 102.
- ¹⁹⁶ *Ванаселья Т.* Прощение освобождает. СПб., 2006. С. 11.
- ¹⁹⁷ *Ylönen K.* Inkerin kirkon nousu kommunistivallan päätyttyä. Jyväskylä, 1997. P. 64.
- ¹⁹⁸ *Воронков В., Освальд И.* Введение. Постсоветские этничности / Конструирование этничности. СПб., 1998. С. 6–36.
- ¹⁹⁹ *Давыдова О.* Финскость «на выходе». Идентичность как категория дискурса и практики реэмиграции людей финского происхождения из стран бывшего СССР в Финляндию. www.strategy-spb.ru/portal/files/olga_davydova.doc
- ²⁰⁰ *Тикка Б. П.* Kohtalot – Судьбы. СПб., 2003. С. 182.
- ²⁰¹ Там же. С. 161.
- ²⁰² *Кокко В. А.* Тенденции развития национального движения ингерманландских финнов // Этнография Петербурга–Ленинграда. Тридцать лет изучения. 1974–2004 / Сост. Н. В. Юхнёва. СПб., 2004. С. 298.
- ²⁰³ *Шаву В.* 2007. Материалы с сайта: http://ingria.info/?biblio&news_action=show_news&news_id=3594
- ²⁰⁴ *Деконская А.* 2008. Материалы с сайта: <http://alertdog.livejournal.com/2008/02/17/>
- ²⁰⁵ Материалы с сайта, разместил *Крюков А. В.* <http://proingria.livejournal.com/809.html>
- ²⁰⁶ *Гуцол Н. Н., Рябова Л. А., Виноградова С. Н.* Современное положение кольских саамов как результат социально-экономических трансформаций 1990-х годов // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. Апатиты, 2004. С. 22–37.
- ²⁰⁷ *Бернштам Т. А.* Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.
- ²⁰⁸ *Паця Е. Я., Разумова И. А.* Поморское село: снова на переломе времен // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI в. Апатиты, 2007. С. 41–56.
- ²⁰⁹ *Хомич Л. В.* Ненцы и коми Кольского п-ова // Этнографические исследования северо-запада СССР. Л., 1977. С. 116–123.
- ²¹⁰ *Конаков Н. Д., Котов А. В.* Этноареальные группы Коми: формирование и современное этнокультурное состояние. М., 1991.
- ²¹¹ Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 14. М., 2005.
- ²¹² *Суси П. И.* Нация, культура и кризис идентичности: эссе о мультикультурных обществах // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. СПб., 1995. С. 69.
- ²¹³ *Линч К.* Образ города. М., 1982. С. 234.
- ²¹⁴ *Философские проблемы теории адаптации / Под ред. Г. И. Царегородцева.* М., 1975; *Березин Ф. Б.* Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988; *Шнак Л. Л.* Социокультурная адаптация в советском обществе. Философско-социологические проблемы. Красноярск, 1991; *Дубченко О. Н., Мытиль А. В.* Социальная идентификация и адаптация личности // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 30–39; *Аарелайд-Тард А.* Проблемы адаптации к новым культурным реалиям в зеркале биографического метода // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 59–68.
- ²¹⁵ *Moving in the USSR. Western anomalies and Northern wilderness / Ed. by P. Hakamies.* Finnish Literature Society. Helsinki, 2005.
- ²¹⁶ *Тошчикина В. П.* Демографический кризис: Мурманская обл. и регионы российского Севера // Сборник «75 лет КНЦ». Апатиты, 2005. С. 36–39.
- ²¹⁷ *Рыбаковский Л. Л.* Региональный анализ миграций. М., 1973. С. 76–106.
- ²¹⁸ *Аарелайд-Тард А.* Проблемы адаптации к новым культурным реалиям в зеркале биографического метода. С. 59–68.
- ²¹⁹ *Разумова И. А.* «Родина – это минимум край...»: к проблеме локальной самоидентификации жителей севера // Европейский Север в судьбе России. XX век

- (К 80-летию профессора А. А. Киселева) / Сб. научных статей. Мурманск, 2006. С. 39–45; *Разумова И. А., Сулейманова О. А.* Культурная память семьи как фактор локальной идентичности жителей Кольского Севера // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI в. Апатиты, 2007. С. 69–79.
- ²²⁰ *Шашков В. Я.* Спецпереселенцы на Мурмане. Мурманск, 2003; *Тимофеев В. Г.* История одной семьи. Кировск, 2004.
- ²²¹ *Заславская Т. И.* О социальных функциях миграции сельского населения в город. М., 1999.
- ²²² *Кувенёва А. Е., Манаков А. Г.* Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 77–84.
- ²²³ *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам. XVIII / Уч. зап. ТГУ. Вып. 664. Тарту, 1984. С. 30–45.
- ²²⁴ *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. М., 1996. С. 78–79.
- ²²⁵ *Бабич И. Л.* Основные тенденции постсоветской этнокультурной политики в Республике Алтай // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 158. М., 2002. С. 12.
- ²²⁶ Там же. С. 15.
- ²²⁷ *Южанин М. А.* О социально-культурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // СоцИс. 2007. № 5. С. 72.
- ²²⁸ *Дробижеева Л. М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 9.
- ²²⁹ *Федорова Е. Н.* Население Якутии: прошлое и настоящее. Новосибирск, 1999.
- ²³⁰ Составлено по: Миграция населения Республики Саха (Якутия) за 2005 г. Том I / Ст. сборник. Якутск, 2006.
- ²³¹ Там же.
- ²³² *Воробьев Н. В.* Региональная организация миграции населения в сибирских условиях. Новосибирск, 2001. С. 77.
- ²³³ Составлено по: Миграция населения Республики Саха (Якутия) за 2005 г. Том I.
- ²³⁴ Текущий архив Управления Федеральной службы миграции по Республике Саха (Якутия). Информационная справка от 1 ноября 2007 г.
- ²³⁵ Здесь и далее использованы данные по диаспорам, собранные авторами проекта в 2006–2008 гг.
- ²³⁶ *Корель Л. В.* Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики / Новосибирск, 2005. С. 174–183.
- ²³⁷ Развитие коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) до 2020 года / Ин-т проблем малочисл. народов Севера СО РАН / Сост. В. А. Роббек и др.; ред. С. М. Баишева. Якутск, 2007. С. 20–21.
- ²³⁸ *Арутюнян Ю. В., Дробижеева Л. М., Сусоколов А. А.* Этносоциология. М., 1998. С. 215.
- ²³⁹ Сборник «Естественное движение населения 2005 г.». Якутск, 2006 (эл. версия).
- ²⁴⁰ *Хаховская Л. Н.* Камчадалы Магаданской области (история, культура, идентификация). Магадан, 2003. С. 43.
- ²⁴¹ Составлено по: Государственный архив Магаданской области. Ф. Р-50. Д. 16. Л. 4; Там же. Ф. Р-38. Д. 10. Л. 32, 87; *Жихарев Н. А.* Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917–1953 гг.). Магадан, 1961. С. 196.
- ²⁴² Государственный архив Магаданской области. Ф. Р-128. Д. 4. Л. 2–3.
- ²⁴³ Там же. Ф. Р-38. Д. 1. Л. 24; Д. 5. Л. 2.
- ²⁴⁴ Составлено по: Малые народности Севера. Магадан, 1990. С. 6–9; Национальный состав населения Магаданской области. Магадан, 2005. С. 26–27.
- ²⁴⁵ Полевые материалы автора: текущий архив администрации Среднеканского района.
- ²⁴⁶ Государственный архив Магаданской области. Ф. Р-38. Д. 64. Л. 39–41.
- ²⁴⁷ Центр хранения современной документации Магаданской области. Ф. 16. Оп. 11. Д. 134. Л. 7; Д. 272. Л. 15, 96 и др.
- ²⁴⁸ Составлено по: Полевые материалы автора: текущий архив администрации Среднеканского района.
- ²⁴⁹ Государственный архив Магаданской области. Ф. Р-39. Д. 5. Л. 352 об; Там же. Ф. Р-17. Д. 23. Л. 160.
- ²⁵⁰ Там же. Ф. Р-38. Д. 13. Л. 1; Д. 64. Л. 39–41.
- ²⁵¹ *Попова У. Г.* Эвены Магаданской области. М., 1981. С. 237.
- ²⁵² Государственный архив Магаданской области. Ф. Р-38, Д. 3. Л. 13.
- ²⁵³ Там же. Д. 14. Л. 116.
- ²⁵⁴ Там же. Л. 6.
- ²⁵⁵ Там же. Д. 13. Л. 8.
- ²⁵⁶ Полевые материалы автора: текущий архив администрации Среднеканского района.
- ²⁵⁷ *Тураев В. А.* Ассимилятивные процессы у дальневосточных эвенков // Вестник ДВО РАН, 2006. № 3. С. 104–121; *Он же.* Эвенкийское село в условиях общественной трансформации: идентичность и межэтнические отношения // Вестник ДВО РАН, 2008. № 2. С. 3–18; *Он же.* Дальневосточные эвенки между прошлым и будущим // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня. Первые Шавкуновские чтения. Владивосток, 2008. С. 251–270; *Он же.* Дальневосточные эвенки: этнокультурные и этносоциальные процессы в XX веке. Владивосток: Дальнаука, 2008.

- 258 *Клоков К. Б., Петина О. В., Хрущев С. А.* Семейное домохозяйство в районах проживания коренных народов Севера. СПб., 2004.
- 259 *Арутюнян Ю. В.* Трансформация постсоветских наций. М., 2003. С. 157.
- 260 Там же. С. 123.
- 261 *Шутова Н. И., Сенникова Л. А.* Культурный ландшафт Вятского бассейна в эпоху Средневековья: к постановке проблемы // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 3: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. Архангельск, 2008. С. 299–313.
- 262 Атлас Кировской области. М., 1997. С. 14–15, 17, 19.
- 263 *Кельмаков В. К.* К истории удмуртов правобережья Вятки // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 128–144.
- 264 *Шутова Н. И.* Святые места в окрестностях д. Малый Дасос: К вопросу о типологии и семантике бесермянских культовых мест // Культовые памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. Ижевск, 2004. С. 154–166.
- 265 Атлас Кировской области. С. 14–15, 17, 19.
- 266 *Луптов П. Н.* История вятских сел // Энциклопедия земли Вятской. Т. IV. Киров, 1995. С. 145–146.
- 267 Вятская епархия. Историко-географическое и статистическое описание. Вятка, 1912. С. 524–525; Откуда мы родом? Из истории сельских поселений Белохолуницкого района Кировской области. Альманах / Сост. И. В. Порошин. Слободской: Слободское региональное отделение краеведов «Уезд». 2001. № 3. С. 19–21.
- 268 *Шутова Н. И.* Общее и особенное в формировании историко-культурного ландшафта отдельных микрорайонов в Камско-Вятском регионе // Вятский родник: Сб. мат. девятой научно-практической конференции. Вып. 9. Киров, 2008. С. 46–56.
- 269 Атлас Кировской области. С. 14–15, 17, 19.
- 270 *Приказчикова Ю. В.* Священные деревья и столбчатые часовни в культурном ландшафте юга Вятского края // Культовые памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. Ижевск, 2004. С. 181–191.
- 271 Полное собрание русских летописей. Том XIII. М., 1965. С. 211.
- 272 Там же. С. 269–270.
- 273 *Гришкина М. В., Берестова Е. М.* Колонизационные процессы и расселение этнических групп в Вятско-Камском междуречье в XVI — первой половине XVIII века. Ижевск, 2006. С. 10.
- 274 История Марийского края в документах и материалах. Т. 1. Эпоха феодализма. Йошкар-Ола, 1992. С. 106.
- 275 Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 1. Малмыжский уезд. Приложение. Вятка, 1886. С. 5.
- 276 *Гришкина М. В.* Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI — первой половины XVIII века // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 20–30.
- 277 История Марийского края в документах и материалах. Т. 1. Эпоха феодализма. С. 106.
- 278 *Эммаусский А. В.* Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков. Киров, 1956. С. 163.
- 279 *Гришкина М. В.* Численность и расселение удмуртов в XVIII веке // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 104–106.
- 280 *Луптов П. Н.* Удмуртские «доли» в XVII–XVIII вв. // Записки УдНИИ. Сб. 9. Ижевск, 1940. С. 10.
- 281 *Гришкина М. В.* Численность и расселение удмуртов в XVIII веке // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 112–118.
- 282 *Бушуева В. Л.* О социально-экономических отношениях в чепецкой удмуртской деревне на рубеже XVII–XVIII вв. // История СССР. 1962. № 4. С. 122.
- 283 Там же. С. 130.
- 284 *Лурье С. В.* Историческая этнология. М., 1997. С. 337.
- 285 Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / Сост. докт. истор. наук П. Н. Луппов. Ижевск, 1958. С. 120, 134, 141.
- 286 *Гришкина М. В.* Три сыска на Вятке // Удмурты: Этюды из истории IX–XIX вв. Ижевск, 1994. С. 67–90.
- 287 Российский архив древних актов. Ф. 248. Оп. 4. Д. 156. Л. 401–405.
- 288 *Гришкина М. В.* Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. Ижевск, 1977. С. 144–147.
- 289 *Лурье С. В.* Историческая этнология. С. 336–337.
- 290 *Гришкина М. В.* Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. С. 166–170.
- 291 *Луптов П. Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических сведений о них до XIX века. Ижевск, 1999. С. 255.
- 292 *Никитина Г. А.* Удмуртское село в условиях российских трансформаций: pro et contra // Наука Удмуртии. 2006. № 5. С. 54.
- 293 *Нефедова Т. Г.* Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М., 2003. С. 386.
- 294 *Великий П. П.* Российское село в условиях новых вызовов // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 62.
- 295 Сельское хозяйство Удмуртской Республики. 2004 год. Статистический сборник территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Удмуртской Республике. Ижевск, 2005. С. 19, 22.
- 296 Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН. Рукописный фонд. Оп. 2-Н. Д. 1331. Л. 32.
- 297 *Никитина Г. А.* Удмуртское село в условиях российских трансформаций: pro et contra. С. 11–19.

- 298 Там же. С. 51.
- 299 *Садиков Р. Р.* Поселения и жилища закамских удмуртов. Уфа, 2001. С. 30.
- 300 *Ягафова Е. А.* Чуваши в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: ситуации межэтнического взаимодействия в Восточном Закамье // Мы и как удмурты, и как чувашаи... Взаимная социально-культурная адаптация в этнически смешанных селениях: Сб. статей. М., 2007. С. 88.
- 301 Население России в XX веке: исторические очерки. Т. 2. 1940–1959 гг. М., 2002. С. 343.; *Зима В. Ф.* Голод в СССР, 1946–1947. М., 1997. С. 168.
- 302 Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 72–157.
- 303 Там же.
- 304 Там же. Л. 54, 60, 69, 84, 87, 111, 127, 145, 149, 153, 156, 182, 189, 230, 236, 239, 242, 248, 254.
- 305 Там же.
- 306 Там же. Д. 697. Л. 1–2.
- 307 Там же. Л. 12, 14, 16, 28, 36, 38, 44, 52, 64, 76, 88, 101, 111, 151, 154.
- 308 Там же. Л. 54, 60, 69, 84, 87, 111, 127, 145, 149, 153, 156, 182, 189, 230, 236, 239, 242, 248, 254.
- 309 Там же. Д. 700. Л. 25–26, 43–44, 63–64, 75–76, 101–102, 117–118, 119–120, 123–124, 143–144, 147–148, 149–150.
- 310 Министры здравоохранения. Очерки истории здравоохранения в России в XX веке. М., 1999. С. 281–282.
- 311 Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 320. Л. 1–1 об.; Д. 351. Л. 15–16.
- 312 Там же. Л. 1–1 об.; Д. 351. Л. 15–16.
- 313 Там же. Д. 412. Л. 1–1 об., 2; Д. 444. Л. 1–2.
- 314 Там же. Оп. 20. Д. 700. Л. 25–26, 43–44, 63–64, 75–76, 101–102, 117–118, 119–120, 123–124, 143–144, 147–148, 149–150.
- 315 Там же. Д. 639. Л. 23–24, 31–32, 35–40, 73–78.
- 316 Там же. Оп. 329. Д. 2237. Л. 2–4 об.; Д. 2643. Л. 149–151; Д. 3169. Л. 5–7.
- 317 Там же. Оп. 27. Д. 402. Л. 1–12 об.
- 318 Там же. Оп. 18. Д. 486. Л. 2–3 об.; Д. 550. Л. 3–3 об.
- 319 Там же. Оп. 18. Д. 486. Л. 1–1 об., 2–3.
- 320 Информационный бюллетень. 1976. Февраль, № 17.
- 321 Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 486. Л. 2–3.
- 322 *Balzer Marjorie M.* Two Urban Shamans // *Perilous States: Conversations Amid Uncertain Transitions* / Ed. G. Marcus. Chicago. 1993. P. 131–164; *Balzer Marjorie M.* Shamans in All Guises: Exploring Cultural Repression and Resilience in Siberia // *Curare. Zeitschrift für Ethnomedizin*, 1999. Vol. 22. № 2. P. 129–134; *Hoppal M.* Schamanismus der Postmoderne // *Schamanen zwischen Mythos und Moderne* / Hrsg. Alexandra Rosenbohm. Leipzig, Miltzke Verlag, 1999. S. 69–80; *Hoppal M.* Shaman Traditions in Transition. Budapest, 2000; *Johansen U.* Shamanism and Neoshamanism. What is the Difference? In: H. P. Francfort, R. N. Hamayon (eds.): *The Concept of Shamanism. Uses and Abuses. Bibliotheca Shamanica*, Bd.:10, Budapest: Akadémiai Kiadó, S. 297–303 (*Bibliotheca Shamanistica*; Vol. 10); *Johansen Ulla.* Der sibirische Schamanismus in Vergangenheit und Gegenwart // *Bremer Geographische Blätter*. 2004. № 4. S. 27–39; *Fridman E. J.* Neumann. Sacred Geography: Shamanism Among The Buddhist Peoples Of Russia. Akademiai Kiado, 2005; *Van Deusen K.* Shamanism in Khakassia Today // *Shamanism. 25th Anniversary Double Issue*. 2005. Vol. 18. № 1–2. P. 21–23; *Van Deusen K.* Singing Story, Healing Drum. Montreal; Kingston; L.; Ithaca. 2004; *Вайнштейн С. И., Москаленко Н. П.* Проблемы тувинского шаманства: генезис, избранничество, эффективность лечебных камланий, современный ренессанс // *Шаманизм и ранние религиозные представления* / Отв. ред. Д. А. Функ. М., 1995. С. 62–75 (*Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам*. Т. 1); *Галданова Г. Р.* Бурятский шаманизм: прошлое и настоящее // *Сибирь: этносы и культуры (традиционная культура бурят)*. Вып. 3. М.; Улан-Удэ, 1998. С. 5–46; *Гомбоева М. И.* Шаманская практика у агинских бурят на рубеже XX–XXI столетий // *Материалы Международного интердисциплинарного научно-практического симпозиума «Экология и традиционные религиозно-магические знания»*. М., 2001. С. 33–43 (*Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам*. Т. 7. Ч. 3); *Жуковская Н. Л.* Бурятский шаманизм сегодня: возрождение или эволюция? // *Материалы Международного конгресса «Шаманизм и иные традиционные верования и практики»*. М., 2001. С. 162–176 (*Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам*. Т. 5. Ч. 3); *Тугужекова В. Н.* Шаманизм в Хакасии // *Материалы Международного интердисциплинарного научно-практического симпозиума «Экология и традиционные религиозно-магические знания»*. М., 2001. С. 202–205 (*Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам*. Т. 7. Ч. 2); *Харитонова В. И.* Религиозно-магические практики Южной Сибири: трансформации традиций в постсоветскую эпоху // Там же. С. 169–189. (*Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам*. Т. 7. Ч. 2).
- 323 Терминология см.: *Функ Д. А., Харитонова В. И.* Шаманство или шаманизм? // «Избранники духов» – «избравшие духов» / Отв. ред. В. И. Харитонова. М., 1999. С. 41–71 (*Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам*. Т. 4).
- 324 *Вдовин И. С.* Заключение // *Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX в.)*. Л., 1981.

- С. 265–283; *Функ Д. А., Харитонова В. И.* Шаманство или шаманизм?
- ³²⁵ *Басилов В. Н.* Что такое шаманство? // Этнографическое обозрение. 1997. № 5. С. 3–16.
- ³²⁶ *Харитонова В. И.* Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М., 2006.
- ³²⁷ *Васильева Н. Д.* Якутское шаманство. 1920–1930-е гг. Якутск, 2000.
- ³²⁸ *Харитонова В. И.* Шаманы без бубнов // Восточная коллекция. М., 2003. № 3 (14). С. 130–140.
- ³²⁹ *Соколова З. П.* Проблемы изучения обско-угорского шаманства // Обские угры (ханты и манси). М., 1991. С. 225–241.
- ³³⁰ *Харючи Г. П.* Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса (вторая половина XX века). Томск, 2001.
- ³³¹ *Москаленко Н. П.* Этнополитическая история Тувы в XX веке. М., 2004; *Пименова К. В.* Возрождение и трансформации традиционных верований и практик тувинцев в постсоветский период (основные проблемы): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
- ³³² *Харитонова В. И., Свидерская Н. Е., Мещерякова Е. А.* Шаманы и шаманизм в свете междисциплинарных исследований // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН — 2004. М., 2006. С. 128–149; *Харитонова В. И., Крайнецова Ю. В.* Зов безмолвия, или Почему они шаманы? // Расы и народы. Вып. 33. М., 2007. С. 292–322; *Ревуенкова Е. В.* О личности шамана // Советская этнография. 1974. № 3. С. 241–258.
- ³³³ *Харитонова В. И.* Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий.
- ³³⁴ *Жуковская Н. Л.* Шаманизм: Религия? Мировоззрение? Практика? // Наука и жизнь. 1998. № 8. С. 147.
- ³³⁵ *Kharitonova V. I.* „Black“ Shamans, „White“ Shamans // Shamanism: an Encyclopedia of World Beliefs, Practices, and Culture / Ed. M. N. Walter and E. J. Neumann Fridman. ABC — CLIO. Santa Barbara, California; Denver, Colorado; Oxford, England, 2004. Vol. II. P. 536–539.
- ³³⁶ *Харитонова В. И.* Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий.
- ³³⁷ *Шагланова О. А.* Традиционные верования тункинских бурят (вторая половина XIX — XX в.). Улан-Удэ, 2007.
- ³³⁸ *Харитонова В. И.* Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий.
- ³³⁹ *Пименова К. В.* Мои хозяйка меня научили: семейное наследие и личное знание тувинской шаманки Ховалагмы Куулар // Женщина и возрождение шаманизма: постсоветское пространство на рубеже тысячелетий / Отв. ред. В. И. Харитонова. М., 2005. С. 279–282 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 11).
- ³⁴⁰ *München-Helfen Otto.* Reise ins asiatische Tuva. Berlin, 1931.
- ³⁴¹ *Мещерякова Е. А.* Психологическое исследование женщин, практикующих шаманские техники // Женщина и возрождение шаманизма: постсоветское пространство на рубеже тысячелетий / Отв. ред. В. И. Харитонова. М., 2005. С. 302–319 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 11).
- ³⁴² *Kalweit H.* Urheiler, Medizinleute und Schamanen. München, 1987.
- ³⁴³ *Grof St.* Beyond the Brain: Birth, Death, and Transcendence in Psychotherapy (Suny Series, Transpersonal & Humanistic Psychology). State Univ. of N. Y. press, 1986.
- ³⁴⁴ *Свидерская Н. Е.* Нейрофизиология и исследования НСС // Материалы Международного конгресса «Шаманизм и иные традиционные верования и практики», посвященного памяти А. В. Анохина, Н. П. Дыренковой, С. М. Широкогорова. Москва, Россия, 7–12 июля 1999 г. М., 1999. С. 125–133 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 5. Ч. 1); *Харитонова В. И.* Не в воле человека стать шаманом? // Шаманский дар. К 80-летию Анны Васильевны Смоляк / Отв. ред. В. И. Харитонова. М., 2000. С. 312–338 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 6).
- ³⁴⁵ *Гомбоев Б. Ц.* Сновидения как путь обретения шаманского дара // Шаманский дар. К 80-летию Анны Васильевны Смоляк / Отв. ред. В. И. Харитонова. М., 2000. С. 175–186 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 6); *Горшунова О. В.* Тяжкое бремя «шаманского дара»: судьба современной ферганской бахши // Шаманский дар. К 80-летию Анны Васильевны Смоляк / Отв. ред. В. И. Харитонова. М., 2000. С. 191–204 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 6); *Ревуенкова Е. В.* Судьба несостоявшегося шамана // Шаманский дар. К 80-летию Анны Васильевны Смоляк / Отв. ред. В. И. Харитонова. М., 2000. С. 188–191 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 6).
- ³⁴⁶ *Kharitonova V. I.* Old woman Tady's virtual drum. Traditional Sagai shamanism relics at the boundary of millennia // Acta Ethnographica Hungarica. 50 (1–3). Budapest. 2005. P. 227–239.
- ³⁴⁷ *Shirokogoroff S. M.* Psychomental Complex of the Tungus. L., 1935.
- ³⁴⁸ *Харитонова В. И.* «Весна Средневековья» накануне 3-го тысячелетия (Магико-мистическая практика и «народное целительство» в Московском регионе) // Московский регион: этноконфессиональная ситуация. М., 2000. С. 262–282.

- 349 *Harner M. J.* The Way of the Shaman. N. Y., 1980.
- 350 Shamanism: an Encyclopedia of World Beliefs, Practices, and Culture / Ed. M. N. Walter and E. J. Neumann Fridman. ABC — CLIO. Santa Barbara, California; Denver, Colorado; Oxford, England, 2004. Vol. 1.
- 351 *Lindquist G.* Spirits and Souls of Business: New Russians Magic and the Esthetics of Kitsch // Journal of Material Culture. 2002. Vol. 7. № 3. P. 329–343; *Харитонов В. И., Купряшина Н. А.* «Экспериментальный шаманизм» Московского региона и его родоначальница // Женщина и возрождение шаманизма: постсоветское пространство на рубеже тысячелетий / Отв. ред. В. И. Харитонов. М., 2005. С. 283–302 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 11).
- 352 *Кенин-Лопсан М. Б.* Тувинский шаманизм. М., 1999.
- 353 *Сарангэрэл.* Зов шамана: Древние традиции и духовные практики. М., 2003. Также См.: книги *Оларда Диксона.*
- 354 См. описание: *Lindquist G.* Conjuring Hope: Magic and Healing In Contemporary Russia (Epistemologies of Healing). Berghan books, 2006.
- 355 Материалы с сайта: <http://szmn.sbras.ru>
- 356 Материалы с сайта: <http://www.shamanstvo.ru>
- 357 *Танашева А.* Надежда Моисеевна Югушева // Женщина и возрождение шаманизма: постсоветское пространство на рубеже тысячелетий / Отв. ред. В. И. Харитонов. М., 2005. С. 344–349 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 11).
- 358 Материалы с сайта: <http://khoomei-shaman.com/throat-singing.html>
- 359 Материалы с сайта (глава «Хан-Тигир» Т. В. Кобежиковой): <http://www.kobezhikova.ru>
- 360 Материалы с сайта о тувинской шаманке Л. К. Оюн: http://www.shamanstvo.ru/choice/page_2/12/114.htm
- 361 *Мещерякова Е. А.* Психологическое исследование женщин, практикующих шаманские техники.
- 362 Shamanism: an Encyclopedia of World Beliefs, Practices, and Culture.
- 363 *Шагланова О. А.* Традиционные верования тункинских бурят (вторая половина XIX — XX в.). Улан-Удэ, 2007; *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900. С. 101.
- 364 *Пименова К. В.* Возрождение и трансформации традиционных верований и практик тувинцев в постсоветский период (основные проблемы): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
- 365 *Харитонов В. И.* Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий.
- 366 *Жданов Г. Г., Соколов И. М.* Метаболизм адениловых нуклеотидов при остром инфаркте миокарда и инициация свободнорадикального окисления // Анестезиология и реаниматологи. 1996. № 3. С. 25; *Маянская Н. Н., Панин Л. Е., Поляков Л. М.* Физиологические механизмы регуляции биосинтеза липопротеидов в печени при физической нагрузке и в различные периоды восстановительного периода // Вопросы медицинской химии. 1983. № 2. С. 11.
- 367 *Яковлев Г. М., Новиков В. О., Хавинсон В. Х.* Резистентность, стресс, регуляция. Л., 1990. С. 32.
- 368 *Безруких М. М., Сонькин В. Д., Фарбер Д. А.* Возрастная физиология. М., 2007. С. 24.
- 369 *Tanner J. M., Whitehouse R. H.* Clinical longitudinal standard for height, weight, height and weight velocity and stages of puberty // Arch. Dis. Child. 1976. V. 51. P. 170.
- 370 *Мазурин А. В., Воронцов И. М.* Пропедевтика детских болезней. СПб., 2000. С. 57; *Ставицкая А. Б., Арон Д. И.* Методика исследования физического развития детей и подростков. М., 1959. С. 25.
- 371 *Matiegka J.* The testing of physical efficiency / J. Matiegka // Amer. J. Phys. Anthropol., 1921. V. 4. P. 25.
- 372 *Воронцов И. М.* Закономерности физического развития детей и методы его оценки: Учебно-методическое пособие. Л., 1986. С. 48.
- 373 Справочник по функциональной диагностике в педиатрии / Под ред. Ю. Е. Вельтищева. М., 1979. С. 261.
- 374 *Аринчин Н. И., Кулаго Г. В.* Гипертоническая болезнь как нарушение саморегуляции кровообращения. Минск, 1969. С. 63.
- 375 *Колб В. Г., Камышников В. С.* Клиническая биохимия: Пособие для врачей-лаборантов. Минск, 1976. С. 81; Лабораторные методы исследования в клинике: Справочник / Под ред. В. В. Меньшикова. М., 1987. С. 15.
- 376 *Demidov V. A., Skalny A. V.* Men's and women's hair trace element concentrations in Moscow region // Trace elements in medicine. 2002. Vol. 3. № 3. P. 48.
- 377 *Лакин Г. Ф.* Биометрия. М., 1990. С. 158.
- 378 *Безруких М. М., Сонькин В. Д., Фарбер Д. А.* Возрастная физиология. М., 2007. С. 57.
- 379 *Захарова Н. В., Титова Г. П.* Ультраструктура эритроцитов со сниженными текучими свойствами и их роль в развитии микроциркуляторных расстройств при экстремальных состояниях // Патологическая физиология. 1992. № 2. С. 50.
- 380 *Зубарева Е. В., Сеферова Р. И.* Изменение липидного состава тканей крыс при гиперемии разной степени // Вопросы медицинской химии. 1992. № 3. С. 50; *Когтева Г. С., Безуглов В. В.* Ненасыщенные жирные кислоты как эндогенные биорегуляторы // Биохимия. 1998. Т. 63. Вып. 1. С. 6; *Квачук В. А.* Фосфоинозитидный обмен и осцилляция ионов кальция // Там же. С. 47.

- ³⁸¹ О «греческом проекте» существует обширная литература. См., напр.: *Добров Л. Я.* Южное славянство, Турция и соперничество европейских правительств на Балканском п-ове. Историко-политические очерки. СПб., 1880. С. 547–549; *Брикнер А. Г.* История Екатерины Второй. Т. 2. СПб., 1885. С. 390, 490, 496; *Жигарев С. А.* Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. М., 1896. С. 213–214; *Ключевский В. О.* Полный курс лекций. Кн. 3. М., 1993. С. 237, 238, 371; История дипломатии. Т. 1. М., 1941. С. 291; *Миллер А. Ф.* Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX в. М.; Л., 1947. С. 66–67; *Маркова О. П.* О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII в.) // История СССР. 1958. № 4. С. 52–78; *Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы средиземноморья. 1798–1807. М., 1962. С. 51–55; *Ари Г. Л.* Этеристическое движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970. С. 84; *Он же.* Некоторые соображения по поводу «Греческого проекта» // Век Екатерины II: Россия и Балканы. М., 1998. С. 68–80; *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских связей в первой трети XIX в. М., 1972. С. 38, 40; *Она же.* Проблема создания независимых государств греков и южных славян в русско-балканских общественно-политических связях (конец XVIII — первая треть XIX в.) // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. — 1878 г.). Сборник статей. М., 1995. С. 46–47; *Она же.* Значение Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года в политике России на Балканах // Век Екатерины II: Россия и Балканы. С. 46; *Каменский А. Б.* «Под сению Екатерины»... Вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С. 328, 339, 340; *Виноградов В. Н.* Век Екатерины II: Прорыв на Балканы // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 61–62; *Он же.* Мечтания и действительность: о греческих проектах Екатерины II и Александра I // Век Екатерины II: Россия и Балканы. С. 58; *Анишаков Ю. П.* К истории «Греческого проекта» Екатерины II // Исторические исследования. Сборник научных трудов. Самара, 1997. Вып. 1. С. 10–18; *Елисеева О. И.* Переписка Екатерины II и Г. А. Потемкина периода второй русско-турецкой войны (1787–1791). М., 1997. С. 131; *Она же.* «Разве мы кому спать помешали?» // Родина. 1999. № 5. С. 46–52.
- ³⁸² *Карнович Е. П.* Цесаревич Константин Павлович. Биографический очерк // Собрание сочинений. Т. 3. М., 1995. С. 381.
- ³⁸³ Переписка Екатерины Великой с германским императором Иосифом II. 1774–1790 // Русский архив. 1880. Кн. 1. С. 289–291, 298–299.
- ³⁸⁴ *Виноградов В. Н.* Век Екатерины II: Прорыв на Балканы. С. 61; *Кругликова И. Т.* Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955. С. 3; *Dacicoviciu H.* Dacians and Romans in trajan's province // Relations between the autochthonous populations on the territory of Romania: A collection of studies. Bucure ti, 1975. P. 35; Дакия // Словарь античности / Пер. с нем. М., 1989. С. 171; *Dacia* // The Wordsworth Classical Dictionary. London, 1996. P. 134.
- ³⁸⁵ Переписка Екатерины Великой с германским императором Иосифом II. С. 289–291, 298–299.
- ³⁸⁶ *Ари Г. Л.* Этеристическое движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. С. 86–87.
- ³⁸⁷ *Зеленина Л. В., Шеремет В. И.* Очаковский кризис: к вопросу о стимуляции напряженности внешних параметров конфликта // Век Екатерины II: Россия и Балканы. С. 84.
- ³⁸⁸ *Храповицкий А. В.* Дневник с 18 января 1782 по 17 сентября 1793 года. СПб., 1874. С. 76.
- ³⁸⁹ *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 2. СПб., 1875. С. 244–245; *Гросул Г. С.* Дунайские княжества в политике России 1774–1806. Кишинев, 1975. С. 106.
- ³⁹⁰ *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 9. СПб., 1892. С. 362–387.
- ³⁹¹ *Суворов А. В.* Документы / Под ред. полковника Г. П. Мещерякова. Т. 3. М., 1952. С. XI, 250–266, 272–277; *Благодатских И. М.* Суворовский план 1793 года наступательной войны с Турцией // Век Екатерины II: Россия и Балканы. С. 98–100; *Гросул Г. С.* Указ. соч. С. 119–123.
- ³⁹² Настоящая фамилия Юговича — Маркович, он выдавал себя за потомка князей Юговичей, чье имя вошло в народный эпос. См.: *Достян И. С.* Планы основания славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. С. 100.
- ³⁹³ Там же. С. 101.
- ³⁹⁴ Там же. С. 100–102.
- ³⁹⁵ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Главный архив. I-8. Оп. 7. Д. 2. П. 4. Л. 6–7 об.; письма Йовановича Константину, Амвросию, Лопухину и Кочубею: Там же. Л. 8–18.
- ³⁹⁶ Там же. Л. 7.
- ³⁹⁷ Сербия // Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М., 1969. Стб. 783–784.
- ³⁹⁸ *Достян И. С.* Планы основания славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. С. 105.
- ³⁹⁹ Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I // Сборник Русского императорского исторического общества. Т. 82. СПб., 1892. С. 2.
- ⁴⁰⁰ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Главный архив. I-8. Оп. 7. Д. 2. П. 4. Л. 27–33 об.
- ⁴⁰¹ Титул в. кн. Константина Павловича был подвергнут корректировке, теперь он назывался «Константин Неманич Сербский и Болгарский». Там же. Л. 32.

- ⁴⁰² *Достян И. С.* Планы основания славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. С. 106–107; Записка Стефана Стратимировича, православного сербского и валахийского народа митрополита, в Угорском Королевстве сущего, представленная чрез посредство русского протоиерея А. А. Самборского государю императору Александру Павловичу в 1804 году, об освобождении сербского народа вообще // Чтения Общества истории и древностей российских. М., 1868. Кн. I. С. 238–256.
- ⁴⁰³ Там же. С. 253.
- ⁴⁰⁴ Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Т. 1. М., 1980. С. 218.
- ⁴⁰⁵ Там же. С. 212, 215.
- ⁴⁰⁶ Василий Назарович Каразин. Письмо к князю Адаму Чарторьскому. 21 ноября 1804 г. Дополнительная к этому письму записка, представленная В. Каразиным князю Чарторьскому неделю спустя // Русская старина. 1871. Т. 3. С. 700–718.
- ⁴⁰⁷ *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980. С. 75.
- ⁴⁰⁸ *Она же.* Проблема создания независимых государств греков и южных славян в русско-балканских общественно-политических связях (конец XVIII — первая треть XIX в.). С. 63.
- ⁴⁰⁹ Мы не располагаем источниками о реакции Константина на предыдущие проекты, касавшиеся его.
- ⁴¹⁰ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9355. Л. 111 об.
- ⁴¹¹ Там же. Л. 67 об., 111.
- ⁴¹² Цесаревич Константин Павлович. Переписка его с Ф. П. Опочининым. 1816–1826 гг. // Русская старина. 1873. Т. 8. С. 395–396.
- ⁴¹³ Wspomnienia Andrzeja Edwarda Ko miana. Т. 1. Pozna , 1867. S. 393.
- ⁴¹⁴ *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Т. 2. М., 1997. С. 110–111.
- ⁴¹⁵ *Zielińska Z.* „O sukcesyi tronu w Polsce”, 1787–1790. Warszawa, 1991. S. 43.
- ⁴¹⁶ *Mottaz E.* Stanislas Poniatowski et Maurice Glayre. Correspondance relative aux partages de la Pologne. Paris, 1897. P. XXXI–XXXII; *Zielińska Z.* „O sukcesyi tronu w Polsce”, 1787–1790. Warszawa, 1991. S. 44.
- ⁴¹⁷ *Zielińska Z.* Op. cit. S. 43.
- ⁴¹⁸ *Staszic S.* Uwagi nad yciem Jana Zamoyskiego. Oprac. St. Czarnowski. Warszawa, 1926. S. 96–99, 203–206; *Zielińska Z.* Publicystyka pro- i antysukcesyjna w początkach Sejmu Wielkiego // Sejm czteroletni i jego tradycje. Warszawa, 1991. S. 109–111.
- ⁴¹⁹ *Zielińska Z.* „O sukcesyi tronu w Polsce”, 1787–1790. S. 25–26.
- ⁴²⁰ Archiwum główne akt dawnych. Archiwum Publiczne Potockich. Sygn. 279 b/4. K. 1019; Zakład narodowy im. Ossoli skich (we Wrocławiu). Rkp. 6353/I. S. 311; *Zielińska Z.* „O sukcesyi tronu w Polsce”, 1787–1790. S. 49–50.
- ⁴²¹ Archiwum główne akt dawnych. Archiwum sejmu czteroletniego. Sygn. 9. K. 313, 327, 524v.; *Zielińska Z.* „O sukcesyi tronu w Polsce”, 1787–1790. S. 37–38, 50, 166.
- ⁴²² Архив внешней политики Российской империи. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 129. Л. 3 об.; *Соловьев С. М.* История падения Польши // Сочинения. Кн. XVI. М., 1995. С. 579; *Костомаров Н. И.* Последние годы Речи Посполитой. СПб., 1870. С. 502.
- ⁴²³ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 130. Л. 1 об., 2 об.; *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 581.
- ⁴²⁴ *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 581.
- ⁴²⁵ *Zielińska Z.* Potocki Ignacy // Polski słownik biograficzny. Т. 28/1. Wrocław, 1984. S. 11.
- ⁴²⁶ *Григорович В. И.* Канцлер, кн. А. А. Безбородко в связи с событиями его времени // Сб. РИО. Т. 29. СПб., 1881. С. 272; *Zielińska Z.* Potocki Ignacy. S. 13.
- ⁴²⁷ *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. М., 1996. С. 302–303; Дипломатические отношения России с Францией в эпоху Наполеона I // Сборник Русского императорского исторического общества. Т. 70. СПб., 1890. С. IV.
- ⁴²⁸ Дипломатические отношения России с Францией в эпоху Наполеона I. С. IV.
- ⁴²⁹ Там же. С. 647–648.
- ⁴³⁰ Biblioteka Czartoryskich (w Krakowie). Rkp. 5226. S. 13–137; *Skowronek J.* Le programme européen du prince Adam Jerzy Czartoryski en 1803–1805 // Acta Poloniae historica. Vol. 17. Warszawa, 1968. P. 139.
- ⁴³¹ Biblioteka Czartoryskich. Rkp. 5226. S. 77–83a; *Skowronek J.* Op. cit. P. 141.
- ⁴³² Biblioteka Czartoryskich. Rkp. 5226. S. 77–83a; *Skowronek J.* Op. cit. P. 141, 152.
- ⁴³³ Correspondance de Napoléon I er. Vol. 15. Paris, 1864. P. 383–384; *Пресняков А. Е.* Российские самодержцы. М., 1990. С. 214.
- ⁴³⁴ *Ланге К. А.* Очерк истории Института физиологии им. И. П. Павлова (к 100-летию первой физиологической лаборатории Академии наук). Л., 1968. С. 18.
- ⁴³⁵ *Дзенискевич А. Р.* На грани жизни и смерти. Работа медиков-исследователей в осажденном Ленинграде. СПб., 2002. С. 90.
- ⁴³⁶ *Хвиливицкий Т. Я.* Медико-психологическая ситуация в Ленинграде в 1941–1945 гг. (соматопсихологические отношения) // Журнал невропатологии и психиатрии. 1988. Т. 88. Вып. 5. С. 131–135; *Магаева С. В.* Физиологические и психосоматические предпосылки выживания и восстановления // Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001; *Магаева С. В.* Ле-

- нинградская блокада: психосоматические аспекты. М., 2001.
- ⁴³⁷ Мы пользуемся понятием «социальная адаптация», разделяя мнение С. А. Ларионовой, отмечавшей в своей монографии, что анализ научной литературы позволяет сделать вывод об отсутствии четких разграничений между понятиями «социально-психологическая адаптация», «социальная адаптация», «социализация», «психическая адаптация». См.: *Ларионова С. А.* Социально-психологическая адаптация личности: теоретическая модель и диагностика. Белгород, 2002. С. 20.
- ⁴³⁸ *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. СПб., 2002. Кн. 1–2; *Он же.* Ленинград в блокаде. М., 2005; *Карпенко И. А.* Восстановление Ленинграда в 1943–1948 гг.: социально-демографический и бытовой аспекты: Дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2007.
- ⁴³⁹ Стенограмма сообщения Саванина А. С., исполняющего обязанности управляющего Ленинградской конторы Государственного банка. 21 июля 1946 г. // Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее – НИА СПбИИ РАН). Л. 7.
- ⁴⁴⁰ Архив Ленинградского военного округа (далее – Архив ЛенВО). Оп. 44917. Д. 1. С. 12.
- ⁴⁴¹ *Рыбкина М. Ф.* Воспоминания о минувшем – тяжелом, героическом, незабываемом // Музей РГПУ им. А. И. Герцена. С. 22.
- ⁴⁴² *Капышев Г.* В страшную годину // Нева. 2002. № 11. С. 217–222.
- ⁴⁴³ *Штык Э. Г.* Дневник // Музей РГПУ им. А. И. Герцена. С. 3.
- ⁴⁴⁴ *Баранов Н. В.* Силуэты блокады: Записки главного архитектора города. Л., 1982. С. 65.
- ⁴⁴⁵ *Синакевич О. В.* Дневник // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 163 (Второвы И. А. и Н. И. и Синакевич О. В.). Д. 311. Тетр. 1. Л. 33.
- ⁴⁴⁶ *Грязнов Ф. А.* Дневник // Частный архив. С. 48; *Ратнер Л.* Вы живы в памяти моей // Нева. 2002. № 9. С. 141.
- ⁴⁴⁷ *Грязнов А. А.* Дневник 1941–1942 гг. // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 34; Из дневника Лихачевой Анны Ивановны // Оборона Ленинграда 1941–1944 гг. Л., 1968. С. 687.
- ⁴⁴⁸ 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М.; Л., 1966. С. 286, 289.
- ⁴⁴⁹ *Савинков И. А.* Дневник. 1941–1945 гг. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 11. Д. 99. Л. 58 об.
- ⁴⁵⁰ *Гришкевич А. П.* Записи из блокнота, сентябрь 1941 г. – 1 мая 1943 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 28. Л. 24.
- ⁴⁵¹ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (далее – ЛОГАВ). Ф. Р-4380. Оп. 1. Д. 580. Л. 1–2.
- ⁴⁵² Стенографическая запись беседы с директором Ленинградского ордена Трудового Красного Знамени Института переливания крови, доктором В. В. Кухарчик // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1264. Л. 6, 11.
- ⁴⁵³ Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. СПб., 1995. С. 196–197.
- ⁴⁵⁴ *Черновский А. А.* В Ленинграде 1941–1942 гг. (дневник) // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 119. Л. 62.
- ⁴⁵⁵ *Осипова Н. Д.* Дневник 30 июня 1941 г. – 5 августа 1942 г. // НИА СПбИИ РАН. Л. 11.
- ⁴⁵⁶ *Левина Э. Г.* Дневник 12 января 1942 – 23 июля 1944 г. // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 182.
- ⁴⁵⁷ *Белозеров Б. П.* Криминогенная обстановка в блокадном Ленинграде // История Петербурга. СПб., 2004. № 5. С. 25–28.
- ⁴⁵⁸ Стенограмма сообщения капитана Ленинградского торгового порта и заместителя начальника порта Б. Л. Бернштейна. 9–16 августа 1945 г. // НИА СПбИИ РАН. Л. 23.
- ⁴⁵⁹ ЛОГАВ. Р-4380. Оп. 1. Д. 628. Л. 4–6.
- ⁴⁶⁰ *Иванов В. А.* Особенности реализации чрезвычайных мер по поддержанию в блокированном Ленинграде режима военного времени // Государство. Право. Война: 60-летие Великой Победы. СПб., 2005. С. 475, примеч.
- ⁴⁶¹ *Павлов Д. В.* Ленинград в блокаде (1941 год). М., 1961. С. 87.
- ⁴⁶² *Грязнов А. А.* Дневник 1941–1942 гг. // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 23, 74.
- ⁴⁶³ *Грязнов Ф. А.* Дневник // Частный архив. С. 51, 68; *Левецкая В.* Блокада. Записки девочки из подвала // Нева. 2002. № 1. С. 233.
- ⁴⁶⁴ Из воспоминаний А. И. Шпака // Оборона Ленинграда 1941–1944 гг. Л., 1968. С. 595; Стенограмма сообщения А. Д. Якуниной – заведующей сельскохозяйственным отделом РКП(б) Ленинского района. 27 апреля 1945 г. // НИА СПбИИ РАН. Л. 14–14 об.
- ⁴⁶⁵ Стенограмма сообщения П. И. Сеничева – директора филиала завода им. Жданова (на территории Кировского района). 27 сентября 1943 г. // НИА СПбИИ РАН. Л. 8.
- ⁴⁶⁶ *Дзенискевич А. Р.* Бандитизм (особая категория) в блокированном Ленинграде // История Петербурга. СПб., 2001. № 1. С. 48.
- ⁴⁶⁷ Там же. С. 48–49.
- ⁴⁶⁸ ЛОГАВ. Ф. Р-4380. Оп. 1. Д. 371. Л. 11.
- ⁴⁶⁹ *Белозеров Б. П.* Криминогенная обстановка в блокадном Ленинграде. С. 25–26.

- ⁴⁷⁰ *Готхарт С. И.* Воспоминания блокадницы // История Петербурга. СПб., 2005. № 5. С. 80.
- ⁴⁷¹ *Иванов В. А.* Особенности реализации чрезвычайных мер по поддержанию в заблокированном Ленинграде режима военного времени. С. 472.
- ⁴⁷² *Иванова Т. Г.* Блокада Ленинграда (воспоминания) // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 216.
- ⁴⁷³ *Великотная Т. К.* Дневник нашей печальной жизни в 1942 г. // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 85.
- ⁴⁷⁴ Архив ЛенВО. Оп. 44917. Д. 1. С. 18.
- ⁴⁷⁵ *Пешель П. В.* Из дневника ленинградца в период блокады города (19 августа 1941 г. — 20 января 1943 г.) // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 92. Л. 5; *Савинков И. А.* Дневник. 1941–1945 гг. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 99. Л. 15.
- ⁴⁷⁶ *Янович Т. Л.* Дневник 12 ноября 1941 г. — 27 марта 1944 г. // НИА СПбИИ РАН. Л. 5.
- ⁴⁷⁷ *Ломагин Н. А.* Ленинград в блокаде. М., 2005. С. 322.
- ⁴⁷⁸ ЛОГАВ. Р-4380. Оп. 1. Д. 369, 761.
- ⁴⁷⁹ Стенограмма сообщения директора фабрики им. Микояна Л. Е. Мазура и технолога С. И. Парамоновой // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 338. Л. 13; *Великотная Т. К.* Дневник нашей печальной жизни в 1942 г. // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 89.
- ⁴⁸⁰ *Грязнов А. А.* Дневник 1941–1942 гг. // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 65; Дневник А. Лепковича 1 декабря 1941 г. — 20 сентября 1942 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 58. Л. 19.
- ⁴⁸¹ *Иванова Т. Г.* Блокада Ленинграда (воспоминания). С. 215; Интервью с Г. Н. Игнатовой // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 256; *Гришкевич А. П.* Записи из блокнота, сентябрь 1941 г. — 1 мая 1943 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 28. Л. 13.
- ⁴⁸² *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. М., 1983. С. 15.
- ⁴⁸³ *Грязнов Ф. А.* Дневник. С. 39; *Грязнов А. А.* Дневник 1941–1942 гг. С. 58; *Кедров А. Т.* Дневник 8 сентября 1941 г. — 22 июня 1945 г. // НИА СПбИИ РАН. Л. 62; «Когда это кончится?»: Блокадный дневник Ольги Носовой (1941–1942 гг.) // Политика. Общество. Человек. СПб., 2008. С. 361–363; *Савинков И. А.* Дневник. 1941–1945 гг. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 99. Л. 34.
- ⁴⁸⁴ Дневник А. Лепковича 1 декабря 1941 г. — 20 сентября 1942 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 58. Л. 4 об.
- ⁴⁸⁵ *Савинков И. А.* Дневник. 1941–1945 гг. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 99. Л. 19.
- ⁴⁸⁶ Ленинградская правда. 1941. 7 июля.
- ⁴⁸⁷ *Гришкевич А. П.* Записи из блокнота, сентябрь 1941 г. — 1 мая 1943 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 28. Л. 25 об., 28; *Левина Э. Г.* Дневник 12 января 1942 — 23 июля 1944 г. С. 168; *Савинков И. А.* Дневник. 1941–1945 гг. Л. 40; Дневник Смирновой — председателя Колпинского райкома РОКК, май 1942 г. — январь 1944 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 108. Л. 2 об.
- ⁴⁸⁸ Дневник А. К. Козловского, директора высоковольтных сетей Ленэнерго — директора завода «Севкабель» 21 июня 1941 г. — 21 апреля 1942 г. // НИА СПбИИ РАН. Л. 27.
- ⁴⁸⁹ *Загорская А. П.* Дневник 22 июня 1941 г. — 3 декабря 1943 г. // НИА СПбИИ РАН. Л. 29; *Петерсон В.* Из блокады — на Большую землю // Нева. 2002. № 9. С. 158.
- ⁴⁹⁰ Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. С. 249–255.
- ⁴⁹¹ *Пешель П. В.* Из дневника ленинградца в период блокады города (19 августа 1941 г. — 20 января 1943 г.) // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 92. Л. 11 об.; *Савинков И. А.* Дневник. 1941–1945 гг. Л. 36 об.
- ⁴⁹² *Савинков И. А.* Дневник. 1941–1945 гг. Л. 57.
- ⁴⁹³ Из дневника Галько Леонида Петровича // Оборона Ленинграда 1941–1944 гг. Л., 1968. С. 534; Стенограмма сообщения П. И. Сеничева — директора филиала завода им. Жданова (на территории Кировского района). 27 сентября 1943 г. // НИА СПбИИ РАН. Л. 14; Дневник В. М. Капитоновой, зав. отделом пропаганды и агитации Московского райкома ВКП(б) 1942–1943 гг. // НИА СПбИИ РАН. Л. 21 об.
- ⁴⁹⁴ *Белозеров Б. П.* Криминогенная обстановка в блокадном Ленинграде. С. 24–31; *Левина Э. Г.* Дневник 12 января 1942 — 23 июля 1944 г. С. 209; ЛОГАВ. Ф. Р-4380. Оп. 1. Д. 719, 787.
- ⁴⁹⁵ Дневник Смирновой — председателя Колпинского райкома РОКК, май 1942 г. — январь 1944 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 108. Л. 14.
- ⁴⁹⁶ *Краснояров В.* Рабочая династия кировцев // Возрождение. Л., 1977. С. 106.
- ⁴⁹⁷ Стенограмма сообщения Плоткина А. Л., начальника отдела № 2 завода «Большевик». 23 февраля — 4 марта 1946 г. // НИА СПбИИ РАН. Л. 42.
- ⁴⁹⁸ *Карпенко И. А.* Восстановление Ленинграда в 1943–1948 гг.: социально-демографический и бытовой аспекты: Дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2007.

РАЗДЕЛ 3. ФИЛОЛОГИЯ

Михальченко В. Ю., Кожемякина В. А., Кондрашкина Е. А.

АДАПТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ЯЗЫКА К ИЗМЕНЕНИЯМ В СОЦИУМЕ

В современной мировой языковой общности функционирует многокомпонентная социально-коммуникативная система (СКС), состоящая, по подсчетам ученых, примерно из 3000–6000 языков. Функциональная дистрибуция между этими языками состоит в том, что существует международное распределение труда между этими компонентами СКС: мировые языки применяются в международных организациях (ООН, ЮНЕСКО и др.), в общении между государствами (английский, арабский, испанский, китайский, русский, французский).

Мировая языковая общность состоит из разных типов языковых общностей: 1) однопациональная языковая общность (Исландия, Япония, Корея); 2) многопациональная языковая общность (Европейский союз, Российская Федерация). Многопациональные языковые общности, в свою очередь, распадаются на несколько разновидностей. Например, в РФ наблюдаются региональные многопациональные общности — республики, однопациональные языковые общности — области. В многопациональных языковых общностях чаще всего функционируют многокомпонентные социально-коммуникативные системы, включающие разные языки и формы их существования, в то время как в однопациональных языковых общностях реализуются разные формы существования одного языка (литературный язык, территориальные и социальные диалекты и др.).

Следует отметить, что в функционировании мировой социально-коммуникативной системы происходит адаптация к изменившейся языковой ситуации, изменениям в условиях функционирования языков. Так, после Второй мировой войны немецкий язык перестал функционировать в качестве одного из мировых языков, а после распада социалистического лагеря сократилось распространение русского языка в разных странах мира. Из употребления уходят языки малочисленных народов, например язык айнов в Японии, керекский, тазский язык в России. С другой стороны, появляются смешанные языки — пиджины и креольские языки. Все эти факты свидетельствуют о том, что языковое развитие приспособляется к разным транс-

формациям языковых общностей — носителей этих языков, адаптируется к социальным потребностям языковых общностей.

В данной статье авторы ставят следующие задачи: 1) кратко рассмотреть модели адаптации социально-коммуникативных систем разных стран к изменениям в жизни их носителей; 2) установить основные тенденции в процессах социально-языковой адаптации к изменившимся условиям функционирования разных языковых общностей, преимущественно Российской Федерации и стран нового зарубежья. Материал по языковой ситуации в других государствах привлекается лишь в том случае, если он помогает объяснить процессы и тенденции языкового развития в РФ.

В мире существует национальное и языковое разнообразие, сохранение или устранение которого зависит от сознательного воздействия общества на развитие языков и культур, точнее от национально-языковой политики, от ее основных принципов и их реализации. С точки зрения социальной лингвистики каждая страна должна иметь свою модель функционирования и развития национальных языков и культур. Однако таких моделей гораздо меньше, чем многопациональных стран. Функциональная модель — это совокупность языков, которые в той или иной степени применяются в многопациональной языковой общности, а соответствие или несоответствие реализации этой модели ориентациям языковых общностей является индикатором целей языковой политики. Учитывая последнее обстоятельство, модели социально-языковой адаптации можно выделить по цели их реализации — конфронтационная модель, компромиссная модель, модель развития, модель сохранения, модель восстановления (возрождения) социальных функций.

Конфронтационная модель: Канада

В Канаде представлены две основные языковые общности: англоканадцы и франкоканадцы. По переписи 2001 г. 17,5 млн канадцев (59 % населения) считают английский родным языком, а 6,78 млн канадцев (22,6 %) считают родным языком фран-

цузский язык. При этом английским языком владеют 25,2 млн чел. (85 % населения), а французским — 9,17 млн чел. (30,6 %).

В соответствии с национальными доминантами статус имеют два языка — английский и французский; таким образом, функционирует двухкомпонентная социально-коммуникативная система. Языковая ситуация в Канаде является ярким примером двух постоянно конкурирующих мировых языков. Канадская языковая политика представляет собой эволюционирующую реакцию на меняющуюся языковую ситуацию, которая строится с учетом социальных, экономических и политических реальностей. С самого начала колонизация Канады сопровождалась жестоким англо-французским соперничеством в Новом Свете, и коммуникативные функции выполнялись то одним, то другим языком, в зависимости от того, французы или англичане владели данной территорией. Следует также отметить, что ни французы, ни англичане, использовавшие индейцев в своей борьбе за права на земли Северной Америки, не признавали прав индейцев на их исконные территории¹.

Не останавливаясь на длительной истории перераспределения функций между двумя официальными языками Канады, рассмотрим современное состояние демографической и языковой ситуации Канады. В настоящее время англоканадцы и франкоканадцы живут изолированно друг от друга, но эта изолированность носит скорее психологический, чем экономический характер. Языковые проблемы, которые стоят перед Канадой, определяются тем фактом, что два основных языка — французский и английский — являются одновременно языком большинства или меньшинства, в зависимости от провинции страны. Так, франкоканадцы составляют подавляющее большинство в Квебеке, тогда как в каждой из десяти остальных провинций в целом по Канаде — не более 24 %: следовательно, англоканадцы представляют языковое меньшинство в Квебеке, но образуют языковое большинство на всей остальной территории Канады.

По Конституции 1867 г. французский язык официально имел те же права, что и английский язык. Хотя Конституция признавала наличие двух государственных языков в Канаде, тем не менее английский язык вытеснил французский из всех сфер общения во всех провинциях, кроме Квебека, где французский язык является единственным официальным и всеобщим языком провинции. Замена франко-английского билингвизма французским монолингвизмом удалась квебекцам благодаря активной и целенаправленной работе. По закону № 101, названному Хартией французского языка, французский язык является: 1) официальным языком провинции; 2) языком законодатель-

ства и правосудия; 3) языком административных дел в государственных учреждениях и общественных организациях; 4) языком образования; 5) языком сферы труда; 6) языком производства товаров и торговли; 7) языком здравоохранения; 8) языком социального обеспечения и других услуг².

В хартии говорится, что придание французскому языку статуса официального не исключает государственной поддержки языков коренных народов, а также английского языка в Квебеке, который, являясь официальным языком страны, не является официальным языком провинции Квебек, а только языком межэтнического общения. Но хартии не удалось согласовать все аспекты федеральной и провинциальных языковых политик, и в результате серии судебных разбирательств содержание этого закона было частично изменено. Так, например, была отменена та статья хартии, в которой французский язык объявлялся единственным языком законодательства и юстиции. Также Верховный суд постановил, что обязательное использование только французского языка на вывесках и в коммерческой рекламе несовместимо со свободой слова.

Очень интересным фактом является признание языка канадских эскимосов (инуитов) *инуктитут* третьим официальным языком в специально созданной не так давно для инуитов территории Нунавик в Квебеке. Это обширная территория, население которой насчитывает приблизительно 7540 инуитов и несколько сотен не инуитов, которые проживают в 14 деревнях, насчитывающих каждая от 130 до 1250 чел.

По данным переписи 2001 г., в Канаде насчитывалось около 30 млн чел. За последние 50 лет количество канадцев более чем удвоилось, в большей степени за счет иммигрантов (в 1951 г. население страны составляло около 14 млн). На конец 2004 г. население Канады составило 31,6 млн чел.

Население Канады делится на три лингвистические группы: англофоны, франкофоны и аллофоны — канадцы, родным языком которых является какой-либо другой язык, в эту группу входят представители коренных народов и иммигранты, прибывшие со всего мира. Сейчас в Канаде иммигранты составляют примерно одну треть населения. На работе иммигранты пользуются английским или французским языком, но в быту сохраняют родной язык, что создает многоликость языковой ситуации в современной Канаде, которая поддерживается властями страны. В отличие от США, где национальное устройство принято сравнивать с плавильным котлом, Канада придерживается политики многокультурности, принципы которой разрабатывались с начала 70-х гг. прошлого века.

Компромиссная модель: Швейцария

В Швейцарии проживают 4 основные языковые общности: по данным переписи 2000 г., германошвейцарцы составляют 63,7 % населения страны, франкошвейцарцы — 20,4 %; италошвейцарцы — 6,5 % и ретороманцы — 0,5 % (представители других языковых групп — 9 %). Швейцария является ярким примером гармоничных языковых отношений в многонациональной стране. В Швейцарии по Конституции 1874 г. (обновленной в 1937 г. и затем в 1986 г.) функционирует многокомпонентная социально-коммуникативная система: четыре национальных языка — немецкий, французский, итальянский и ретороманский, из которых первые три одновременно признаны государственными (официальными) языками страны.

Эта особенность языковой политики (разное количество государственных и национальных языков) может представлять интерес и для других многонациональных стран, если имеется необходимость поднять престиж родного языка части населения (или всего населения). Бóльшее количество национальных языков, чем официальных, является компромиссом. Признание ретороманского языка национальным является чисто политическим актом, т. к. на этом языке говорит в настоящее время только 0,5 % населения страны и этот язык имеет по меньшей мере пять вариантов и несколько диалектов. В данном случае во главу угла поставлен принцип равновесия всех имеющихся в стране языков.

Борьба за внутреннее единство Швейцарии, достигнутое окончательно в XIX в., сплотила все населяющие эту страну народы. Этнические интересы уступили место государственным. Но следует отметить, что позиции немецкого языка в Швейцарии более сильны, чем позиции всех других языков, т. к. германошвейцарцы составляют 63,7% населения страны, тем не менее конституционное языковое законодательство не навязывает этот язык романоязычному меньшинству в качестве языка межнационального общения. Предусматриваются равные права всех языков, которым предоставлены все возможности для их нормального функционирования и развития. Федеральная Конституция страны обязывает государство обеспечить жизнеспособность всех четырех национальных языков, основываясь на соблюдении принципа их равноправия, а также предоставить равные права трем официальным языкам. Для защиты языков меньшинств действует так называемый принцип территориальности, т.е. соблюдение традиционных языковых границ и исключительное применение исконного для определенной области языка в учреждениях, судах и школах. Кантональные зако-

ны обеспечивают в основном защиту прав языковых меньшинств кантонов³.

Следует отметить тот факт, что наличие в Швейцарии четырех национальных языков совершенно не означает, что каждый швейцарец свободно владеет ими. Знание собственных национальных языков ухудшается из-за предпочтения им английского языка. В последнее время все большее количество швейцарцев говорят на своем родном и английском языках и уже только понимают один или два, или все три других национальных языка.

В связи с развитием языковой свободы в современном бизнесе особое распространение в Швейцарии получают немецкий язык и его алеманский диалект, носителям которого принадлежат основные позиции в экономике страны. В значительной степени этот фактор угрожает романским языкам Швейцарии, и только по истечении определенного времени можно будет сказать, станет ли процесс распространения немецкого языка на все сферы необратимым и не поставит ли он под угрозу имеющееся до настоящего времени в Конфедерации равновесие.

Модель восстановления (возрождения) социальных функций: Калмыкия

Модель восстановления социальных функций языка можно проследить на истории развития калмыцкого языка. Республика Калмыкия входит в состав Российской Федерации. По данным переписи 2002 г., население Калмыкии составило 290 600 чел. Республика Калмыкия многонациональна по своему составу. На ее территории проживает более 60 национальностей. Титульный этнос, давший название республике, — калмыки, выходцы из Центральной Азии, составляют, по данным переписи 2002 г., 53,3 % от общего числа населения.

Калмыкия относится к республикам Российской Федерации, в которых в связи с депортацией и широким, не всегда оправданным функциональным распространением русского языка как языка межнационального общения в советский период в значительной мере были утрачены социальные функции калмыцкого языка. В период перестройки усилилось внимание к развитию национальных языков и культур, в связи с чем начались процессы создания письменностей для некоторых языков. Для калмыцкого языка этот период стал началом восстановления его социальных функций.

Одним из определяющих факторов, влияющих на характер языковой ситуации, является способ расселения населения. В Калмыкии исторически сложился этнически дифференцированный принцип расселения народов: город в основном русско-

язычный, село — калмыцкое. Это — важный фактор, поскольку считается, что смена родного языка быстрее протекает среди городского населения, чем у однонационального компактно проживающего сельского населения, что объясняется многонациональным составом горожан, большим процентом межнациональных браков⁴.

Калмыцкий язык относится к группе монгольских языков, входящих в семью алтайских языков, он прошел четыре периода развития. На протяжении всей истории калмыцкого языка проходили неоднократные реформы алфавита. В 1941 г. были приняты новые изменения, в результате которых окончательно оформился четвертый из алфавитов на кириллической основе, или шестой по счету, если учитывать все алфавиты. Этим вариантом калмыки пользуются и по сей день. Наличие богатых фольклорно-эпических и книжно-письменных традиций позволяет говорить о калмыцком языке как о литературном, достигшем известной степени стандартизации еще в дореволюционный период своей истории⁵.

В начале XX в. русский язык стал играть важную роль в жизни калмыков как средство межнационального общения. Немногие калмыки владели им полноценно. Такая же ситуация наблюдалась и у других народностей. Депортация калмыков в восточные регионы Советского Союза в декабре 1943 г., в результате которой они были дисперсно расселены, главным образом среди русского населения, привела к тому, что практически все они, по крайней мере на бытовом уровне, овладели русским языком, который вытеснил на определенное время родной язык даже из сферы семейного общения. После реабилитации и возвращения на родину в 1956 г. еще долго пришлось восстанавливать все сферы социальной, культурной жизни народа, однако функционирование языка в некоторых сферах не удалось восстановить и развить вплоть до настоящего времени.

Постепенно калмыцкий язык становится функционально вторым для среднего и старшего поколения, младшее поколение почти не владеет им из-за отсутствия языковой среды, а следовательно, и потребности в использовании родного языка. Бурное развитие получает калмыцко-русское двуязычие.

Данные переписи показывают, что калмыцкий язык в качестве родного языка в сознании калмыков занимает прочную позицию, несмотря на то что в реальности, возможно, калмыки, назвавшие язык своей национальности родным, могут и не владеть им. Смена родного языка, перемена национального самосознания расценивается как последняя стадия ассимиляции этноса. По данным переписи населения 1979 г., 84,1 % калмыков свободно владели русским языком, что оказалось самым высо-

ким процентом владеющих русским языком среди всех народностей СССР, а в 1989 г. русским языком свободно владели уже 89,7 % калмыков. По переписи 2002 г. можно определить лишь количество владеющих русским языком из числа всего населения — 99,9 %⁶.

Говоря об объеме функций, которые выполняет в настоящее время калмыцкий язык, необходимо отметить, что он функционирует в следующих регулируемых государством сферах коммуникации: дошкольное воспитание; начальное образование; среднее общее образование; среднее специальное образование; высшее образование; научная, научно-методическая и учебная литература; массовые коммуникации: калмыцкий язык используется на радио и телевидении, в печати; административная деятельность; театр; семейно-бытовое общение.

Развитие калмыцкого языка и расширение его функций в обществе закреплены законодательно. В 1999 г. был принят закон Калмыцкой АССР «О языках в Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч». Государственными языками Республики Калмыкия провозглашены калмыцкий и русский языки. Русский язык в Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч используется также как средство межнационального общения⁷.

В законодательных актах подчеркивается, что в них не регулируется использование языков в общественных организациях, религиозных объединениях и общинах, в межличностных неофициальных взаимоотношениях, при этом в этих актах утверждается, что Республика Калмыкия «обеспечивает всестороннее развитие и использование калмыцкого и русского языков во всех сферах государственной и общественной жизни»⁸. Предпосылками появления законодательства, регулирующего языковую жизнь республики, стала языковая ситуация в республике и состояние калмыцкого языка. Большая часть молодежи не владела родным языком, участились случаи отказа от изучения родного языка в школе. Знание русского языка стало намного превышать знание родного. Языковая общность калмыков разделилась на следующие группы: 1) хорошо владеющие калмыцким языком; 2) слабо владеющие родным языком; 3) не владеющие родным языком. Среди калмыков преобладали 2-я и 3-я группы, однако сохранилась ценностная ориентация на национальный язык и культуру. Таким образом, назревала настоятельная потребность в повышении социального статуса калмыцкого языка в жизни общества.

В обновленном и принятом в 1999 г. законе Республики Калмыкия «О языках народов Республики Калмыкия» гражданам Калмыкии предоставлена свобода выбора языка воспитания и обучения, когда родители имеют право выбрать для своих

детей дошкольное и среднее общеобразовательное учреждение с соответствующим языком воспитания и обучения, при этом для всех граждан республики обеспечиваются условия для свободного и беспрепятственного использования родного языка в различных сферах государственной и общественной жизни, гарантируется возрождение, сохранение и развитие языков народов, населяющих ее территорию. В то же время изучение государственных языков Республики Калмыкия является обязательным, и только учащиеся, временно проживающие на территории республики, могут освобождаться от изучения калмыцкого языка⁹.

В 1985 г. было проведено статистико-этнографическое исследование в Калмыкии. Данные этого исследования показали, что 93 % калмыков, проживающих в городе, могли свободно говорить, читать и писать по-русски и только 27 % калмыков-горожан — по-калмыцки. Среди сельских жителей-калмыков по-русски могли свободно говорить, читать и писать 87,2 %, а по-калмыцки — 45,8 %. Свободно говорить, но ни читать, ни писать по-русски могли 2,8 % калмыков-горожан и 4,4 % сельских жителей-калмыков. Говорят с затруднениями: по-русски — 2,1 % калмыков-горожан и 3,8 % сельских жителей, а по-калмыцки — 19,2 % горожан и 10,2 % жителей села.

По переписи населения 1979 г., 91,3 % калмыков назвали калмыцкий язык родным, в 1989 г. численность этой группы составила 96 %. По данным переписи 2002 г. не представляется возможным определить процент калмыков, для которых калмыцкий язык является родным, поскольку такой вопрос в переписи 2002 г. отсутствовал, но возможно определить количество владеющих калмыцким языком из всего населения республики — 143 102 чел., или 49 %.

Один из выходов из создавшегося положения — это возрождение родного языка через создание национальной школы, в целом через национальное образование. Позитивные изменения по отношению к калмыцкому языку происходят и в общественном мнении. Овладение им осознается не только как необходимость, но и как ценность. Развитие национальной системы образования как неотъемлемой составной части духовного обновления республики стало необходимым в условиях возрождения родного языка и национальной культуры.

Модель развития: Республика Марий Эл

В Республике Марий Эл проживает языковая общность марийцев (42,88 % от всего населения республики), русские (47,46 %) и представители других национальностей. В состав марийской языковой общности входят горные и луговые марийцы.

Титульная нация — марийцы и ее языковые интересы представлены в Законе о языках в Республике Марий Эл (1995). Функцию языка единения внутри языковой общности марийцев выполняют горномарийский и луговомарийский языки, причем более распространенным является луговомарийский язык. Функцию единения разных языковых общностей республики выполняет русский язык, что также отражено в республиканском Законе о языках. Таким образом, в республике функционирует трехкомпонентная (многокомпонентная) социально-коммуникативная система, гармонично отражающая сложившуюся языковую ситуацию.

Основная цель реализации Закона о языках — развитие социальных функций марийского языка. В преамбуле закона говорится: «Языки в Республике Марий Эл являются национальным достоянием и историко-культурным наследием населения республики, признаются равноправными и находятся под государственной защитой». В главе 1, статье 1 декларируется: «Государственными языками Республики Марий Эл являются марийский (горный и луговой) и русский языки». Это не означает, однако, что права других языков народностей, населяющих республику, ущемляются, а незнание государственных языков ограничивает права граждан¹⁰. Все языки, имеющие хождение на территории республики, «признаются равноправными и находятся под государственной защитой». Знание или незнание государственных языков Республики Марий Эл не может служить основанием для ограничения прав граждан»¹¹.

В законе говорится о правах граждан в выборе языка и обеспечении этих прав¹², об использовании языков в органах государственной власти и государственного управления¹³, об использовании языков в деятельности государственных органов, организаций, предприятий и учреждений¹⁴. Во всех этих органах используются государственные языки республики (любой из них), а в местах компактного проживания населения, говорящего на других языках, используются также языки большинства такой местности.

В пятой главе говорится, что граждане республики имеют право на свободный выбор языка обучения и на получение образования на родном языке¹⁵. За авторами научных работ закрепляется право выбора языка своих исследований, а национальные, культурные и религиозные организации могут выпускать печатные издания и вести внутренние дела на своих национальных языках¹⁶.

В шестой главе предписывается использование государственных языков в радио- и телепередачах, в названиях улиц, предприятий и организаций, в текстах официальных объявлений, информации,

плакатов, афиш, реклам и т. п. Однако маркировка товаров, этикетки, номенклатурные списки и инструкции по пользованию товарами, производимыми в Республике Марий Эл, могут при необходимости писаться на языке адресата.

В настоящее время в рамках реализации Закона о языках марийский язык функционирует в ряде важнейших сфер общения: в школьном обучении, в средствах массовой информации (пресса, радио, телевидение), в книгоиздательстве.

Сфера образования. Одной из тенденций является рост числа школ и учащихся, изучающих марийский язык как государственный, но сокращается число учащихся, для которых марийский язык является дисциплиной «родной язык». Это связано с постоянным уменьшением количества лиц, признающих марийский родным языком. В 1995/96 уч. г.: 286 школ — 29,7 тыс. уч., в 1999/2000 уч. г.: 231 школа и 27,9 тыс. уч.¹⁷

О степени функционирования марийских языков можно судить по данным 2004/05 уч. г.:

- в городах — марийский луговой как язык обучения: 3 школы — 41 уч.; марийский луговой как предмет: 57 школ — 14 924 уч.;
- в селе — марийский горный язык обучения: 20 школ — 962 уч., марийский горный как предмет: 27 школ — 2533 уч.; марийский луговой язык обучения: 120 школ — 3833 уч.; марийский луговой как предмет: 187 школ — 19 762 уч.

Марийские языки в качестве средства обучения, как правило, используются только в начальной школе.

Средства массовой информации на марийском языке:

- 1996 г. — 3 республиканские газеты, 11 районных (2 на горном и 9 на луговом марийском), 4 журнала (1 на горном)¹⁸;
- 2003 г. — 18 газет, 3 журнала, 2004 г. — 14 газет, 4 журнала, 2006 г. — 4 республиканские газеты, 5 районных газет, 4 республиканских журнала¹⁹.

Радио- и телевидение. До 2005 г. в республике была одна Государственная телерадиокомпания «Марий Эл», сначала было 450–500 часов вещания на марийском, затем оно уменьшилось до 270 часов в год. С 1 июля 2005 г. началось ежедневное вещание на УКВ-частоте «Радио Марий Эл — Марий Эл радио» с объемом вещания на марийском языке — 2956 часов в год, т. е. 8 часов в день²⁰. Телевидение на марийском работает малое количество времени, передаются главным образом 10-минутные новости и концерты. С марта 2006 г. заработал новый негосударственный канал «Телекомпания 12 регион», региональный партнер REN-TV. Он вещает на 11-м телевизионном канале Йошкар-Олы,

и его программа отражает актуальные моменты жизни города и республики.

Издание книг и брошюр. 2002 г. — 39 наименований, 2003 г. — 51 наименование, 2004 г. — 51 наименование общим тиражом 136 460 экз., из них 20 названий — на горномарийском языке²¹.

Таким образом, марийские языки функционируют в основных сферах общения неравномерно: более сильные позиции у них в сфере образования, а на радио и телевидении они представлены недостаточно, но по планам «Государственной программы реализации закона “О языках в Республике Марий Эл”» запланирован целый ряд мероприятий по развитию и расширению использования марийских языков.

Модель сохранения: финно-угорские диаспоры в Российской Федерации

Языковые общности некоторых народов РФ расселены по всей территории страны с различной степенью компактности. В таких условиях они проживают в разном языковом окружении, рядом с другими этносами. Ярким примером являются достаточно многочисленные диаспоры финно-угорских народов. Их языковая жизнь регулируется федеральными и республиканскими законами о языках. Языки диаспор не являются государственными, т. к. этот статус имеют другие языки, например башкирский, татарский и др. Язык диаспор — дополнительный компонент СКС соответствующей республики, но очень значимый компонент частной СКС соответствующей диаспоры. Наиболее важной задачей при адаптации к условиям проживания в разных субъектах РФ является сохранение своего языка — языка единения данной языковой общности — диаспоры.

На масштабность явления диаспоры в РФ указывает тот факт, что из 20 млн представителей нерусских народов, имеющих свои титульные автономные образования, около 8 млн чел. проживают вне этих образований. Особо внушительных размеров достигает диаспоризация финно-угорского населения России (табл. 1). Примерно каждый второй представитель этих народов живет за пределами соответствующих титульных образований²².

Таблица 1

Диаспоризация финно-угорского населения России (по переписи 2002 г.)

Название этноса	Численность	% диаспоры к общей численности
Мордва	843 350	66,3
Марийцы	604 298	48,3
Удмурты	636 906	27,7

Наиболее крупные диаспоры финно-угров сосредоточены в республиках Башкортостан, Татарстан, Кировской, Свердловской, Нижегородской, Пермской и некоторых других областях (табл. 2).

Таблица 2

Крупные финно-угорские диаспоры

Регионы проживания	Мордва	Марийцы	Удмурты
Башкортостан	26 020	105 829	22 625
Татарстан	18 787	23 702	24 207
Нижегородская обл.	25 022	7757	828
Кировская обл.	604	38 930	17 952
Свердловская обл.	9702	27 863	17 903
Пермская обл.	2363	5395	26 272

Основная часть проживающих в диаспоре финно-угров попала на новую родину, являясь беженцами от насильственной христианизации и царского гнета, но большая группа марийцев оказалась в Кировской и Нижегородской обл., смежных с Марий Эл, вследствие административного деления.

Эти диаспоры относятся к так называемым старым диаспорам, поскольку они сформировались в XVI–XVIII вв. Более поздние миграции финно-угорского населения относятся к XX в.

Обычно первые поколения мигрантов сохраняют свои этнические особенности, традиции, привычки, поскольку у них еще сильна память о покинутой родине. Последующие поколения постепенно все более адаптируются к окружающей их иноэтнической обстановке, утрачивая какие-то этнокультурные черты своего народа и приобретая иные от окружающих их этнических групп. Адаптация носит ненасильственный характер, это неизбежный результат жизни в новых условиях.

Существование диаспоры на новом месте жительства значительно облегчает адаптацию вновь прибывающих соотечественников, т. к. именно в рамках диаспоры они получают психологическую, а иногда и материальную поддержку.

Обычно первое, с чего начинается адаптация, — это овладение языком титульной нации или

окружающего этнического большинства. В результате те, кому это удается, становятся трехязычными (родной язык + русский + новый язык). Например, в Татарстане владели татарским языком 39,8 % всех проживающих там удмуртов, 34,9 % марийцев и 5,9 % мордвы. Некоторые группы марийцев, например икско-сюньские, оказались практически почти в полном окружении татар, поэтому представители этой группы хорошо знают татарский язык; другие проживают в смешанных деревнях, где их соседями оказываются другие этнические группы. «Чистых» марийских, удмуртских или мордовских деревень практически нет нигде.

В Башкортостане башкирским языком владеют 12,9 % удмуртов, 3,35 % марийцев, 1,24 % мордвы. Но поскольку в Башкортостане проживает большое количество татар (всего на 230 тыс. меньше, чем представителей титульной нации), татарским языком там владеют: 38,1 % удмуртов, 25,8 % марийцев и 1,23 % мордвы (перепись 2002 г.). Некоторые представители диаспор хорошо знают и татарский, и башкирский языки. Помимо языка воспринимаются некоторые элементы быта, домашней утвари, хозяйствования. Например, марийцы живущие в татаро-марийских смешанных селах Башкортостана, заимствовали некоторые блюда из татарской кухни²³.

В условиях иноязычного и иноэтнического окружения возникает опасность утраты этнической идентичности, одним из главных показателей которой является язык как «ретранслятор национальной культуры»²⁴, поэтому важнейшей задачей диаспоры становится сохранение языка своего народа, национальной культуры, этнического самосознания, конфессиональной принадлежности, связей с исторической родиной.

Сфера образования. Сохранение языка и других основ культуры невозможно, если язык не используется в сфере образования и средствах массовой информации. Ситуация у финно-угорской диаспоры, по данным Департамента образования, в сфере образования следующая.

Сельская местность 2005/06 уч. г. — см. табл. 3.

Таблица 3

Количество школ и учащихся в сельской местности

Язык	Башкортостан	Татарстан	Кировская обл.	Свердловская обл.	Пермская обл.
<i>Язык обучения</i>					
Марийский луговой	115–3806	14–347	—	—	—
Марийский горный	—	—	—	—	—
Мордовский эрзя	—	1–14	—	—	—
Мордовский мокша	—	—	—	—	—

Язык	Башкортостан	Татарстан	Кировская обл.	Свердловская обл.	Пермская обл.
Удмуртский	22–340	19–535	–	–	–
<i>Язык как предмет</i>					
Марийский луговой	128–5855	12–683	3–276	–	1–7
Марийский горный	–	–	–	2–93	–
Мордовский эрзя	13–495	2–123	–	–	–
Мордовский мокша	–	–	–	–	–
Удмуртский	37–1901	28–1488	–	–	1–76

Города и поселки городского типа 2005/06 уч. г.:

- Башкортостан – марийский луговой как предмет: 11 школ – 395 уч.;
- Татарстан – удмуртский как предмет: 1 школа – 2 уч. (!).

Примечание. Диаспоры проживают в основном в сельской местности.

Сфера средств массовой информации. На марийском языке в Башкортостане выходили три газеты: одна республиканская и две районные²⁵. В Татарстане и русских областях газет на марийском языке нет.

Радио- и телепередачи на марийском языке для диаспоры нигде не велись.

На удмуртском языке в Башкортостане выходит одна республиканская газета, организованы передачи радио и телевидения.

В условиях ограниченных возможностей использования родных языков на новой родине единственным доступным средством для сохранения своей идентичности являются культурные центры и творческие художественные коллективы. Такие центры марийского языка работают в Башкортостане, Татарстане, Кировской и Свердловской обл. В Башкортостане и Татарстане действуют также мордовская и удмуртская национально-культурные автономии.

Лучшие условия для существования диаспор наблюдаются в многонациональных республиках (Башкортостан, Татарстан), где функционируют многокомпонентные социально-коммуникативные системы и наблюдается этническое и языковое разнообразие. Этнический состав областей значительно однороднее, в окружении диаспор преобладает русское население, что ускоряет ассимиляционные процессы.

Многие зарубежные и российские ученые неоднократно отмечали более высокий уровень этнического самосознания и более высокую степень сохранения своих языков у финно-угров Татарстана и Башкортостана, чем в титульных республиках. Это объясняется не только благоприятными

условиями, но и тем позитивным влиянием, которые оказывают титульные нации этих республик своей консолидацией, приверженностью родным языкам, сохранением национальной культуры. Неслучайно процент владеющими родными языками у финно-угорской диаспоры в ряде случаев выше, чем в титульных республиках. Например, 84,4 % башкирских удмуртов владеют родным языком, тогда как в Удмуртской республике таких – 71,8 %.

Достаточно высокий процент владения языками демонстрируют и другие финно-угорские диаспоры. В Татарстане мордовскими языками владеют 78,2 % мордвы, марийскими – 74,5 % марийцев, удмуртским – 87,4 % удмуртов. В Башкортостане марийскими языками владеют 83,7 % марийцев, мордовскими языками – 65,6 % мордвы (перепись 2002 г.).

Однако, несмотря на то что атмосфера в республиках дает диаспорам больше альтернатив для сохранения своей идентичности, все же и там диаспоры испытывают психологический дискомфорт, поскольку неизбежно оказываются вовлеченными в сложную систему взаимоотношений трех сторон – субъект проживания, республика-родина и сама диаспора. Иногда их устремления не совпадают или даже противоречат друг другу. Складывается парадоксальная ситуация: в республиках созданы достаточно благоприятные условия для культурно-языковой адаптации диаспор, сохранения своей культуры и языка, но реализация профессиональных или общественных амбиций диаспоры наталкивается на серьезные противодействия, т. е. не происходит социальной адаптации. Например, при поступлении удмуртских детей в вузы, участие во внутриполитической жизни республик, делегирования художественных коллективов на различные фестивали и конкурсы возникают определенные сложности. Удмурты никогда не смогут занять высокие посты и стать большими начальниками наравне с татарами и башкирами, для этого им лучше ехать в Удмуртию²⁶.

Юридическая защита прав национальных меньшинств (а диаспоры относятся именно к ним) осуществляется международными документами, ратифицированными российской стороной: «Европейской хартией о региональных языках и языках меньшинств» (1992) и «Рамочной конвенцией о защите национальных меньшинств» (1995). В РФ нет федерального закона, посвященного правам национальных меньшинств. Нормы, регламентирующие вопросы, связанные с защитой этих меньшинств, содержатся в федеральных законах о языках, о национальной автономии, об образовании и др., а также в законах субъектов Федерации. Например, в принятых законах о языках в Башкортостане (1999) и Татарстане (1992) гарантируется равноправие всех языков. А в законе Башкортостана в статье 3 отдельным пунктом (2) прямо прописаны права диаспоры: «В местностях компактного проживания населения, живущего за пределами своих национально-государственных образований, наряду с государственными языками Республики Башкортостан в официальных сферах используется язык населения данной местности».

В российском законодательстве международно-правовые принципы в сфере защиты прав на сохранение, пользование и развитие родного языка получили признание на конституционном уровне. Конституция РФ содержит специальные статьи, посвященные этим правам.

Часть 2 статьи 26 устанавливает, что «каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества». В соответствии с частью 3 статьи 58 Конституция РФ гарантирует всем ее народам «право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития».

Указанные положения Конституции РФ имеют универсальный характер и распространяются на лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам.

Международно-правовые нормы и нормы Конституции РФ развиваются и конкретизируются в текущем законодательстве.

Базовым законом, регулирующим общественные отношения в рассматриваемой сфере, является Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» (1991). Положения о языковых правах граждан и их гарантиях содержатся в Федеральном законе «О национально-культурной автономии» (1996); Основных законах законодательства РФ о культуре (1992); Законе РФ «Об образовании» (1992), а также в других федеральных законах.

Таковы основные модели адаптации языков к новым условиям функционирования. Их, конечно, гораздо больше, т. к. совершенно очевидно, что

каждое государство должно иметь свою модель, свои принципы языкового обустройства, максимально учитывающие конкретную языковую ситуацию. Отсутствие учета языковой ситуации вносит дисгармонию в языковые отношения и чревато национально-языковыми конфликтами.

Наиболее ярко процессы языковой адаптации происходят в периоды исторических сдвигов, революций, перестройки. Поэтому интересно провести анализ и научную интерпретацию процессов социально-языковой адаптации в период распада СССР.

Социально-языковая адаптация республик бывшего СССР к новым условиям функционирования языков началась в годы перестройки. Именно тогда был запущен механизм принятия законов о языках, придания языкам титульных наций статуса государственных. Процесс этот начался в 1989 г. с принятия закона Эстонской ССР о государственном языке. Затем он прошел по другим республикам Прибалтики, позже — по остальным республикам бывшего СССР и по республикам РФ. Следует отметить, что в основу концепции этих законов легло одноязычие, т. е. изначально они писались концептуально сходными со 101-м законом о французском языке провинции Квебек (Канада). Эти законы о языках представляли собой значительную попытку сознательного воздействия общества на язык, на речевую практику соответствующих языковых общностей.

Отметим, кстати, что эта концепция не была лучшей из мирового опыта развития языков. Существует немало государств, в которых проживают несколько языковых общностей, и ради отсутствия конфликтов, ради рационального решения языкового вопроса, ради языкового мира в этих государствах принимаются законы о языках на основе концепции многокомпонентной СКС, т. е. статус получают несколько языков, например Канада (английский + французский), Бельгия (французский + фламандский), Швейцария (французский + немецкий + итальянский + ретороманский). Не случайно швейцарскую языковую действительность называют «языковой компромисс».

Однокомпонентная концепция первых законов о языках стала основой языкового законодательства во всех бывших союзных республиках, кроме России, Белоруссии и Киргизии. Смягчить процесс адаптации социальных функций языков к новым социально-политическим условиям могло бы провозглашение в законе и внедрение нулевого варианта распространения государственных языков в разных языковых общностях: старшее поколение заканчивает свою трудовую деятельность с имеющейся языковой компетенцией, среднее поощряют изучать государственный язык, а перед обучаю-

щимся, младшим поколением ставится социальная перспектива — без знания государственного языка оно не сможет быть успешным в своей деятельности, карьере. Однако нулевой вариант или нечто близкое к нему прошел лишь в Литве, а в других республиках Балтии началась ускоренная, форсированная «натурализация» иноязычного населения, т. е. фактически ассимиляция под предлогом интеграции.

Языковая ситуация — сложное явление: мирная языковая переориентация требует значительного времени (например, в Индонезии переход к всеобщему знанию индонезийского языка, по расчетам местных ученых, займет почти 100 лет — с 1945 по 2041 г.)²⁷. Дело в том, что другие явления культуры — одежду, жилище, пищу — можно воспринять легко, особые усилия не требуются. А сферы культуры, требующие знания языка (театр, кино, литература), а также трудовая деятельность предполагают значительные усилия по усвоению соответствующего языка. Насилие, ускорение, принудительность процессов смены языка порождают открытые военные (Молдавия) или латентные конфликты (Украина, республики Балтии). С таким решением вопроса адаптации функционирования языков, когда языки достаточно крупных языковых общностей вытесняются, когда нет свободы в культивировании родного языка и родной культуры, не согласны и международные европейские организации, хотя решительных мер они не принимают.

Если в ряде республик бывшего СССР возобладали ассимиляторская модель языкового развития в новых социальных условиях (кроме Киргизии и Белоруссии), то в России языковое законодательство, языковая политика плюралистическая — государственными провозглашены 34 языка + 1 общегосударственный — русский. Конечно, успехи развития у языков разные: функциональная эволюция татарского, чувашского, якутского, башкирского языков выше, чем у некоторых других.

На языковое развитие влияют различные социальные процессы. Так, увеличение трудовой миграции в Европу усилило социальную потребность разных языковых общностей в знании европейских языков, в реальном практическом владении ими. Например, уже в советское время в Литовской ССР основным компонентом СКС был литовский язык, который достаточно широко функционировал во всех сферах организованного общения — в сферах делового общения, науки, массовой коммуникации, высшего образования. Дополнительным компонентом СКС Литовской ССР был русский язык, который софункционировал с литовским в разных сферах общения, а также выполнял функции языка межнационального

общения (ЯМО) в соответствии в Конституцией, причем термин ЯМО имел широкое значение: охватывал все сферы организованного общения плюс сферу межличностного общения. Кроме того, СКС Литовской ССР была многокомпонентной, т. к. кроме указанных двух компонентов СКС функционировал в школьном и вузовском обучении, отчасти в средствах массовой коммуникации (радио, телевидении) польский язык — язык третий по количеству языковой общности.

Литва является одной из наиболее монолитных в национальном отношении стран Европы: литовцы составляли в 1989 г. 82,5 %, а в 2004 г. — 83,5 %; русские — 6,3 %, поляки — 6,7 %. В постсоветские десятилетия усилились тенденции языкового единения республики:

- 1) расширяются социальные функции литовского языка в сферах организованного общения;
- 2) постепенно к государственному языку приобщаются разные языковые общности;
- 3) активизируются социальные функции национальных меньшинств, каковыми являются русско- и польскоязычные общности.

Адаптация функций языков к новым условиям выражается в изменении состава и доминант СКС в республике: литовский язык + русский + польский → литовский язык + английский + русский + польский. Русский язык в литовских общеобразовательных школах изучают как второй иностранный язык с 6-го класса. В последнее время он становится все более популярным: его изучают 67 % учащихся, посещающих литовские школы. В 2002 г. 83 % жителей Литвы указали, что из всех иностранных языков лучше всего знают русский язык²⁸.

Русский язык в Литве остается полифункциональным языком — сфера высшего и среднего образования, сфера массовой коммуникации (на русском языке выходит 21 газета; ведется радио- и телевидение).

Интересно то, что функциональная адаптация СКС к новым социально-политическим условиям отражается и в процессах взаимодействия языков, очевидно усиление влияния английского языка на литовский. В процессах взаимодействия русского и литовского языков вектор воздействия одного компонента на другой явно склоняется в пользу функциональной доминанты — литовского языка. Многовековые экономические и культурные взаимодействия балтийских и славянских народов дали незначительные результаты влияния балтийских языков на русский литературный язык: всего 12 слов-заимствований — деготь, пакля, ковш, кувшин, янтарь, вентерь, валандаться, баланда, клуныя, скирда, курпы²⁹. В современной Литве усиление влияния литовского языка сказывается в форме

окказиональных, локальных и региональных замещения³⁰.

Отметим, кстати, что эти процессы недостаточно изучены на материале разных республик бывшего СССР. Подобные процессы изменения СКС проходят и в других государствах — макрообщностях. Так, во Вьетнаме, где доминантой СКС был язык вьетов — вьетнамский язык; длительное время наряду с ним в ряде сфер организованного общения функционировал русский язык: вьетнамские студенты обучались в СССР, русский язык преподавался в школах и вузах, применялся в других сферах организованного общения. Особенно сильны его позиции были в области науки. После распада социалистической системы началось внедрение в разные сферы общения английского языка. Особенно быстро этот процесс проходит в сфере науки, хотя, в связи с тем что во Вьетнаме значительная часть научной литературы издавалась на русском языке, русскому языку длительное время удавалось удерживать эти позиции (в настоящее время уменьшается количество изучающих и знающих русский язык). Таким образом, СКС Вьетнама меняет одну из доминант — русский язык на английский.

Примером расширения СКС может служить Монголия, СКС которой обогащается в связи с изменением социальных условий. В последние десятилетия в связи с усилением миграции населения в соседние восточные страны (Китай, Южную Корею, Японию) значительно меняется СКС. Рабочая эмиграция порождает значительную социальную потребность в знании языков соседних стран, например в Южную Корею выезжают до 10 тыс. жителей Монголии. Именно поэтому становится актуальной проблема изучения соответствующих языков. СКС включает доминанту — монгольский язык, а также дополнительные компоненты — английский и русский языки. Однако для некоторых микрообщностей — трудовых мигрантов — СКС пополняется соответствующим языком. Русский язык, кстати, в Монголии проявляет тенденцию к расширению социальных функций: принято решение ввести его преподавание во все общеобразовательные школы.

Таким образом, можно сказать, что распространение в мире русского языка приобретает более твердую основу — с идеологической мотивации и обязательного изучения он переходит на рыночные отношения. Его изучение диктуется не идеологией, а практическими экономическими потребностями. Очень ярким примером такой социально-функциональной адаптации к новым условиям является обсуждение в Государственной думе закона о русском языке для трудовых мигрантов. В Госдуму уже внесен проект закона, который

обязывает всех приезжающих работать в Россию иностранцев знать русский язык. Автор этого закона, заместитель председателя комитета Госдумы по информационной политике Александр Крутов, оценивает затраты на обучение одного мигранта в 20–60 тыс. руб. за трехмесячный курс. Правда, неквалифицированному рабочему, по мнению Крутова, достаточно знать и уметь употреблять 300–500 слов. Председатель «Деловой России» Борис Титов обещал создать центр подготовки мигрантов в Азербайджане, на первом этапе обучение будет бесплатным, а в дальнейшем бизнесмены попросят мигрантов заплатить за обучение, т.к. они должны будут пройти тесты на знание русского языка. Видимо, эти меры активизируют изучение русского языка в тех республиках, откуда в Россию приезжают рабочие мигранты.

Подводя итоги, можно отметить основные моменты в процессах социально-языковой адаптации функций языка к изменениям в социуме.

Социальные трансформации языковых общностей ведут к разным изменениям в социально-коммуникативных системах, которые применяются в этих макро- и микрообщностях. Так, в макрообщностях (например, государствах) путем сознательного воздействия общества на язык могут меняться активные компоненты СКС, могут поменяться доминанты СКС. Это ведет к изменению процессов языкового взаимодействия, т.к. меняется вектор влияния одних языков на другие. Это вызывается сокращением сфер общения, в которых применяется язык, уменьшением частотности его применения.

Изменения в макрообщностях непременно вызывают трансформацию в СКС микрообщностей, а следовательно, и в индивидуальной речевой практике носителей языков.

Смена функциональных доминант проходит постепенно, бесконфликтное изменение функционального статуса языков не является скорым следствием изменения их юридического статуса. Для смены языковой ориентации и языковой компетенции микрообщностей требуются десятилетия, а то и столетия, смена поколений.

Ускорение социальных процессов вызывает социальную потребность в срочном быстром освоении новых средств общения. Рабочая миграция, создавая эту потребность, одновременно создает богатейшую почву для взаимодействия разных компонентов СКС, которые раньше непосредственно не контактировали, например русский язык + китайский, вьетнамский, монгольский и другие языки.

ОПИСАНИЕ МАЛЫХ ЯЗЫКОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье использованы материалы исследований, проводившихся в рамках Программы «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» с 2006 по 2008 г. отделом языков народов России Института лингвистических исследований (ИЛИ) РАН в Санкт-Петербурге.

Этот отдел с первых дней своего существования занимается описанием «языков народов Севера», или «языков малочисленных народов России». Деятельность отдела продолжает традицию, заложенную в 1940-е гг., когда им руководил академик И. И. Мещанинов. Сегодня отдел является ведущим научным центром изучения языков народов России, прежде всего так называемых малых языков.

За годы существования отдела были подготовлены академические грамматики палеоазиатских языков (чукотского, корякского, керекского, ительменского, эскимосского, алеутского, юкагирского, нивхского), самодийских и уральских (прежде всего ненецкий и энецкий языки, а также хантыйский), велось изучение тюркских языков как в плане сравнительной грамматики, так и реконструкции словарного состава. Исследовались и тунгусо-маньчжурские языки (эвенский, удэгейский, тувинский, эвенкийский и др.)³¹.

В последние годы к этому списку добавились малые прибалтийско-финские, а также монгольские языки, прежде всего калмыцкий.

В рамках проекта исследовались изменения, происходящие в языках малочисленных народов РФ (далее для краткости — малые языки) в условиях интенсивных контактов с русским языком и друг с другом, особенности социолингвистической ситуации в районах расселения носителей данных языков.

Работа не ограничивалась исследованием только контактных явлений в языках народов России. Участники проекта также были заняты работой по документированию языков, находящихся под угрозой исчезновения, а также систематизацией и представлением в цифровом виде уже имеющихся языковых материалов, включая и находящихся в различных архивах, в т. ч. в рамках совместного международного проекта Венского фонограммархива, Британской библиотеки и ИЛИ РАН. Одним из результатов этой работы стало создание Центра коллективного пользования для хранения

оцифрованных материалов по языкам Российской Федерации на базе фонограммархива Института русской литературы РАН (Пушкинский дом).

Объектом исследования в рамках проекта были следующие языки (диалекты):

- 1) тунгусо-маньчжурские — эвенкийский, солонский, удэгейский, нанайский, негидальский, орокский и др.;
- 2) тюркские — тувинский, тофаларский, урумский и др.;
- 3) монгольские — калмыцкий и др.;
- 4) самодийские — ненецкий, нганасанский, энецкий;
- 5) прибалтийско-финские языки Ленинградской обл. — финский, водский, ижорский;
- 6) саамский;
- 7) чукотско-камчатские — чукотский, корякский, ительменский;
- 8) эскимосско-алеутские языки — эскимосский и алеутский;
- 9) изоляты — нивхский;
- 10) пиджины на русской основе (дальневосточный пиджин).

Продолжался сбор материалов по водско-финским и ижорско-финским языковым контактам, в частности по смешению и переключению кодов. Собранный в течение 2006–2008 гг. материал в дальнейшем предполагается использовать при создании диалектного атласа Ингерманландии. В течение этого времени также были собраны материалы по ижорско-русскому, финско-русскому, водско-русскому, тофаларско-русскому, чукотско-русскому смешению и переключению кодов.

Одна из наиболее плодотворных форм работы в рамках проекта — научные конференции.

В сентябре 2006 г. участниками проекта была организована международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения выдающегося исследователя палеоазиатских языков Е. А. Крейновича. Доклады, представленные на этой конференции, были посвящены кетскому, нивхскому и юкагирскому языкам, которые являлись предметом основного внимания Е. А. Крейновича.

В октябре 2007 г. участниками проекта была проведена международная конференция «Проблемы исторического развития монгольских языков».

В октябре 2008 г. участниками проекта была проведена Вторая самодийская международная конфе-

ренция, посвященная 100-летию со дня рождения Н. М. Терещенко.

Наконец, в ноябре 2008 г. участниками проекта была проведена «Прибалтийско-финская сессия-2008», посвященная вопросам изучения и документирования малых прибалтийско-финских языков. Актуальность данной работы обуславливается тем обстоятельством, что она связана с документированием уникальных материалов по языкам, многие из которых находятся под угрозой исчезновения³².

Остановимся на рассмотрении особенностей современной ситуации с малыми языками РФ, непосредственно влияющими на методы и процедуры их описания.

Дать точное определение малых языков довольно сложно³³.

По официальным данным, в РФ проживает, помимо русских «свыше 180 других народов, которые говорят на более чем 100 языках и диалектах, принадлежащих к индоевропейской, алтайской и уральской языковым семьям, кавказской и палеоазиатской языковым группам»³⁴.

Википедия дает список языков народов России в порядке убывания численности говорящих. В этом списке три категории: 1) более 1 млн владеющих языком; 2) от 100 тыс. до 1 млн владеющих языком; 3) от 10 до 100 тыс. владеющих языком. В первых двух группах весьма сомнительно найти малые языки. В третьей категории перечислены 34 языка, например (по данным переписи 2002 г.): коми-пермяцкий язык — 94 328 носителей; польский язык — 94 038; корейский язык — 60 088; китайский язык — 59 235; греческий язык — 56 473; итальянский язык — 54 172; карельский язык — 52 880; хакасский язык — 52 217; арабский язык — 50 140; абазинский язык — 38 247; горномарийский язык — 36 822; курдский язык — 36 609 и т. д.

Очевидно, что здесь, во-первых, далеко не все языки малые и, во-вторых, не все языки этого списка интуитивно хочется относить к языкам Российской Федерации. Если очистить список от того, что обычно называют «иностранными языками»³⁵, то останутся (в порядке убывания численности носителей) коми-пермяцкий, ногайский, алтайский, карельский, абазинский, горномарийский, ненецкий, идиш, агульский, рутульский, андийский, цезский и хантыйский языки.

Следуя логике составителей перечня, не хватает еще двух категорий языков: с числом носителей от 10 тыс. до 1 тыс. чел. и с числом носителей от 1 тыс. до 1 чел. В принципе такой список составить можно, хотя и очень сложно, прежде всего из-за неясности границы между языком и диалектом.

Но кроме простого списка существуют ли критерии, по которым можно было бы определить малые языки?

Понятно, что при определении языков этого типа необходимо оговорить следующие критерии: 1) максимальное число носителей; 2) критерий автохтонности (т. е. есть в список должны попасть только языки коренного населения); 3) критерий способа усвоения (в список не должны попасть выученные (в школе) иностранные языки, которыми человек пользуется, только выезжая за пределы России); 4) критерий естественности языка (в список не должны попасть искусственно созданные языки типа эсперанто); а также некоторые другие.

Что касается численности, то верхний предел можно взять совершенно произвольно: цифра 50 тыс. или 30 тыс. ничуть не более мотивирована, чем 100 тыс. или любая другая. Здесь используется чисто условно верхний предел в 40 тыс. носителей. Нижний предел численности очевиден: это один человек.

Приведем определение малых языков, которое, как представляется, достаточно удобно как инструмент и при этом не слишком громоздко.

Малые языки РФ — это естественные языки, численность природных носителей которых лежит в диапазоне от 1 до 40 тыс. чел., которые не являются государственными, официальными или региональными на территории другого государства и носители которых в течение долгого времени (несколько поколений) постоянно проживают на некоторой территории в пределах РФ и не включают заметной доли людей, являющихся мигрантами в первом поколении.

Согласно этому определению, все языки, являющиеся объектом изучения отдела в рамках данного проекта, кроме калмыцкого, являются малыми.

Сложности описания малых языков хорошо известны. Это прежде всего удаленность и труднодоступность районов их распространения, а следовательно, высокая стоимость работы. Это также отсутствие вузов, где готовили бы соответствующих специалистов, а следовательно, существенное увеличение времени, в течение которого молодой исследователь может превратиться в специалиста. Это и недостатки вузовской подготовки: для специалистов «нашего» профиля явно не хватает знаний типологии, им недостаточно преподаются полевые методы исследования. Это, наконец, огромность задачи (более 100 языков!) при более чем скромных человеческих ресурсах.

Необходимо также отметить проблемы описания малых языков, которые появились сравни-

Сравнительные данные по орочам³⁹

Территория	С родным орочским языком, %	Не владеют (в качестве родного или свободно) русским языком, %
Хабаровский край:		
районы преимущественного проживания	10,4	0,9
другие районы	14,3	3,9
Другие территории РСФСР	25,8	7,3
Другие территории СССР	46,9	21,9

тельно недавно и причины которых лежат в развитии самих этих языков и языковых ситуаций. Та самая адаптация народов и культур, на которой базируется вся идея программы, добавила к перечисленным выше, знакомым и вечным проблемам лингвистического описания новые — такие, с которыми не сталкивались коллеги еще каких-нибудь полвека назад. Это проблемы объекта описания. Коротко их можно обозначить как проблемы этнического возрождения на фоне языкового сдвига.

Лингвистическими следствиями этого являются два обстоятельства: 1) растущая расплывчатость понятия «владение языком»; 2) увеличивающаяся размытость границ описываемого объекта как синхронно, так и диахронически.

Говоря об «этническом возрождении», ни в коем случае не стоит иметь в виду какой-либо объективный процесс, скорее обычное конструирование этничности или то, что Дэвид Андерсон³⁶ назвал раздуванием национального (*inflation of nationality*). Известно, что в ходе адаптации к стремительно меняющимся социально-экономическим условиям роль этнического самосознания растет: этнические группы консолидируются, формируются территориальные квазиэтнические группы (в XIX в. — камчадалы, колымчане, индигирцики, в XXI в. — якутяне, чукотчане и пр.). Традиционные промыслы становятся важным аспектом выживания; кроме того, элиты осознают выгодность действий «от имени группы» и своими выступлениями консолидируют, а иногда и создают эти группы³⁷.

Одним из важнейших средств этнической самоидентификации и консолидации является язык, в особенности в ситуациях, когда другие маркеры этничности перестают выполнять свои функции. Несколько огрубляя и упрощая, можно сказать, что если хозяйственная деятельность, социальные связи, обычаи, одежда, утварь и пища у людей одинаковые (а именно так обстояло в целом дело к концу 1980-х гг.), то единственное, на чем они могут основывать свое этническое самосознание, это различия в языке (в отдельных случаях, конечно, сохранялись и различия в хозяйственной деятельности — прежде всего между тундрой и поселком, например у ямальских ненцев)³⁸.

Прекрасной иллюстрацией этого могут служить примеры из нескольких работ В. И. Беликова, который, тщательно проанализировав результаты переписи 1989 г., подметил забавную и совершенно абсурдную закономерность: для народов Севера, как правило, «чем дальше от мест компактного проживания, тем, по переписной статистике, лучше знание этнического языка и хуже знание русского» (табл. 4).

Можно, конечно, предположить, что в 1989 г. почти 22 % орочей, живших за пределами РФ, говорили по-армянски, по-казахски или по-эстонски и вовсе не знали русского языка; однако все-таки более реалистичным будет предположение, что люди, оказавшиеся вдали от родных мест в иноэтническом окружении, начинают испытывать потребность в этнических маркерах и за неимением других выбирают в качестве такого маркера родной язык.

Какое влияние оказывает на рост этнического самосознания ситуация языкового сдвига?

Необходимо напомнить, что «языковой сдвиг» — это особый вид языковой ситуации, когда поколение родителей перестает передавать язык детям, поколение детей стремится полностью перейти на другой (доминирующий) язык и родители поддерживают их в этом стремлении. В пределах языковой сдвиг приводит к утрате этнического, или титульного, языка и переходу сообщества на другой язык⁴⁰.

Возникает очевидный парадокс: с одной стороны, сообществу необходим собственный язык как важный (возможно — самый важный, в пределах — единственный) маркер этнической самоидентификации; с другой стороны, значительная часть членов сообщества не говорит на этом языке (прежде всего речь идет о молодом поколении). В этой, казалось бы, безвыходной ситуации сообщество находит довольно интересный вариант поведения, который существенно затрудняет работу лингвистов: члены сообщества утверждают, что хорошо владеют языком, хотя в реальности не используют его для повседневной коммуникации. Понятие «владение языком» оказывается не просто градуальным (с этим лингвисты более или менее научились справляться), но иногда утверждения информантов, что они или их односельчане «знают родной язык»,

следует понимать с точностью до наоборот: что они этим языком не владеют вовсе.

В одной из своих публикаций⁴¹ автор данной статьи назвал такое крайнее состояние языка «демоверсией»: члены сообщества, остро нуждаясь в языке, демонстрируют заезжему исследователю свою якобы имеющую место способность говорить на нем, притом что в реальности язык никогда не используется для коммуникации и существует лишь в одной функции — в функции символической, как «доказательство» самостоятельности группы. Это, конечно, крайний случай, но некоторая доля такого состояния присутствует везде или почти везде, где тот или иной язык относится к категории находящихся под угрозой, т. е. там, где имеет место ситуация языкового сдвига.

С другой стороны, опасность языкового сдвига даже в тех случаях, когда в реальности его еще нет, а есть, так сказать, только тучка на горизонте, достаточно сильно воздействует на сознание членов сообщества. Они могут совершенно искренне утверждать, что «наш язык находится под угрозой», что «дети не говорят на родном языке», могут требовать различных мер по защите языка — притом что в реальности ситуация может оказаться гораздо благоприятнее. Причины того, что «дети не говорят», могут быть разные, не обязательно это признак языкового сдвига. Есть, например, двуязычные ситуации, когда владение титульным языком оказывается признаком социального статуса: на нем «позволительно» говорить лишь тем, кто достиг определенного положения в обществе — например, завел семью, выстроил дом, т. е. прежде всего мужчинам (и отчасти женщинам) в возрасте между 30 и 40. Дети и молодежь при этом разговаривают по-русски, и их использование титульного языка общиной не приветствуется: «малы еще» говорить по-нашему. Такова ситуация у приазовских греков-румеев⁴².

В разных ситуациях людям, следовательно, свойственно либо завышать, либо занижать степень владения родным языком. Это, как уже было сказано, сильно затрудняет работу лингвистов: оценить языковую ситуацию оказывается в этих случаях достаточно сложно. Никакие источники, кроме собственных длительных наблюдений, не дают исследователю надежной информации о состоянии языка. Оказывается, что нельзя верить ни утверждениям информантов, что «язык умирает», ни утверждениям, что «язык полноценно функционирует»⁴³. И тем более нельзя верить статистике: переписям, опросам, анкетам, даже интервью, поскольку все эти материалы базируются в конечном счете на том, что сказали информанты.

Современная ситуация оказывает воздействие и на святая святых лингвистического опи-

сания — на понятие языка как полноценного, самодостаточного и равного самому себе объекта. У этой проблемы два аспекта: во-первых, в ситуации отсутствия литературной нормы непонятно, где кончается один язык и начинается другой. Во-вторых, неясны допустимые пределы изменения языка, при которых он остается тождественен самому себе.

Как известно, XX в. оказался для народов нашей страны очень нелегким. Войны и революции, насильственные переселения и репрессии, не всегда дальновидная языковая и национальная политика, интенсивная индустриализация, освоение районов Сибири и Севера привели к очень высокой мобильности населения и его активному перемешиванию. Носители малых языков больше не живут, как 100 лет назад, компактными группами на территориях, где жили их отцы и деды: они живут в повседневном контакте с носителями других языков, прежде всего русского, но не только.

Хороший пример здесь — малые прибалтийско-финские языки, исследованиями которых в рамках данного проекта занимается М. Муслимов. Носители этих языков — водского, ижорского, а также эстонских и финских диалектов — живут к западу от Санкт-Петербурга, в примерно полусотне деревень от Большой Ижоры на востоке по побережью Финского залива до устья р. Луга и далее до эстонской границы. На протяжении всего XX в. носителей этих языков постоянно переселяли или ссылали то финские власти, то советские, то эстонские. В этих переселениях члены одной семьи часто теряли друг друга, прибывали к близким и дальним родственникам, а то и просто к соседям, а возвращаясь, селились вперемешку друг с другом и с русскими, не соблюдая, естественно, чистоты местных говоров, диалектов и языков.

В результате сегодня те немногие пожилые люди, которые еще сохраняют способность говорить на этих языках, говорят не на каком-то одном языке, а на странной их смеси, причем состав и пропорции этой смеси индивидуальны для каждого носителя. М. Муслимов, кропотливо и терпеливо составляющий лингвистическую карту региона, приводит в своих работах поразительные примеры, когда в одном слове сплавлены финские и водские, ижорские и финские, ижорские и водские лексические, фонетические и морфологические элементы: понять, на каком языке говорят эти люди, зачастую бывает очень непросто.

Это примеры взаимовлияния и взаимопроникновения близкородственных языков. Можно привести и примеры сплавления одного из малых языков с русским — вепские материалы Елены Новожиловой (рукопись):

- *Mina rodnus dvatzat' vtarogo goda derevna* Noidlas (Я родилась в двадцать втором году в деревне Нойдала).
- *Mina tol'ka radoin. Potomu cto muzik invalid oli* (Я только работала. Потому что муж инвалидом был).

Какой это язык — русский или вепсский? Сколько и каких слов нужно иметь в предложении, чтобы признать его «предложением языка L»? Эти и подобные вопросы не всегда имеют однозначный ответ при обращении к современному материалу малых языков: мы не всегда способны определить, с какой языковой системой соотносится речь такого двуязычного говорящего. Исследования переключения и смешения кодов (а именно эти примеры здесь приведены) показали, что не всегда можно быть уверенным в том, что границы языковой системы, существующие в сознании говорящего, совпадают с теми, которые выделены лингвистами⁴⁴.

Проблема становится особенно сложной, когда мы имеем дело с человеком (языковой общностью), говорящим на двух близкородственных языках (как в случае с прибалтийско-финскими языками): понять, имеем ли мы дело с интерференцией одной системы в другую или с новой языковой системой, проявляющейся в «новом коде»⁴⁵, далеко не просто.

Каковы задачи полевого лингвиста, описывающего эту ситуацию? Можно, конечно, аккуратно отделить русские слова и конструкции от вепсских, показать, как смешиваются и взаимодействуют две (три, четыре...) языковые системы, сохранив таким образом в неприкосновенности привычную и безопасную для теории идею, что эти две замкнутые, полноценные и независимые языковые системы существуют. Можно, однако, подойти к проблеме и с другой стороны: заняться исследованием той языковой системы (или тех систем?), которые существуют в сознании говорящего и которые лежат в основе его реальной речи.

В этом последнем случае, правда, есть опасность подорвать основы лингвистической теории: может оказаться, что описывать эту новую языковую систему проще и удобнее, если вообще отказаться от идеи существования независимых, замкнутых и полноценных языковых систем, равных самим себе.

Е. В. Головки справедливо указывает, что подобные примеры недостаточно интерпретировать только как появление в контактных зонах между близкородственными языками «промежуточных языковых и диалектных форм», и предлагает видеть и здесь (как и в случаях контактных явлений между неродственными языками) немотивированное и постоянное переключение кодов⁴⁶.

Оба эти анализа — и постулирование «промежуточных форм», и постулирование «переключения кодов» — несомненно, имеют право на существование, однако возможен и третий вариант, который заведомо отказывается от обязательного существования в сознании двуязычных носителей двух языковых систем как двух абстракций. В этом случае все концепты, содержащиеся в имплицитном виде эту идею (промежуточные формы, континуум диалектов, переключение и смешение кодов и т. п.), оказываются неприменимыми.

Это довольно серьезные выводы для лингвистики. Точнее было бы назвать их не выводами, а опасениями: если это действительно так, то многие лингвистические теории, базирующиеся на аксиоме замкнутой и самоценной языковой системы, начинают шататься. Тут самое время вспомнить, что привычное людям одноязычие в масштабах Земли встречается существенно реже, чем дву- или многоязычие: по подсчетам Дэвида Кристалла, более двух третей населения Земли с детства говорит на двух и более языках. Однако в сознание лингвистов это пока еще проникло не до конца: одноязычие почитается нормой, многоязычие — исключением. (Любопытно, что в авторитетном «Лингвистическом энциклопедическом словаре» есть статья «Многоязычие», но нет статьи «Одноязычие»: очевидно, неосознанно предполагается, что одноязычие понятно по умолчанию.)

Именно такие опасения возникают у исследователя, который занимается полевым описанием языков в их современном виде и современных языковых ситуаций (прежде всего малых языков и прежде всего в ситуации языкового сдвига). Адаптация народов к стремительно меняющимся социальным, экономическим и демографическим условиям привела в лингвистическом отношении к довольно неожиданным результатам.

НЕКОТОРЫЕ КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ В ИЗУЧЕНИИ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В данной статье рассмотрены некоторые ключевые проблемы, исследование которых оказалось особенно плодотворным и интересным на материале ряда миноритарных языков в рамках проекта «Миноритарные языки Евразии: история и современность»⁴⁷. В проекте оказались сведены вместе материалы разных лингвистических ареалов, в т. ч. иранских, индо-арийских, германских, романских, кельтских языков. При всем различии изучаемых ареалов и языков при внимательном подходе прослеживается определенная общность в тенденциях развития языковых ситуаций, в которых миноритарные языки функционируют, и некоторое сходство в процессах изменения структур самих языков.

Работа включает исследования, ориентированные как на синхронию, так и диахронию. Такое объединение вполне оправданно — современные языковые структуры могут отражать древнейшие процессы языковых и этнокультурных контактов, свидетельствуя об общности элементов в духовной культуре отдаленных эпох. Иногда на современном этапе в миноритарных языках типологически воспроизводятся языковые изменения, произошедшие в прошлом.

Объектом анализа стало не только собственно языковое, но и культурное, политическое, религиозное и литературное взаимодействие этнических групп, которое находит свое отражение в языке. При этом ряд материалов явился результатом проведенных за время осуществления проекта экспедиций и поездок и отражает наблюдения самих авторов, вводя их в научный оборот (Е. К. Молчановой о зороастрийском дари, А. И. Когана о языке кашмири, Л. Р. Додыхудоевой и В. Б. Иванова о языках Памира, А. Р. Мурадовой о бретонском, Т. А. Михайловой об ирландском, И. И. Чельшевой о языках Италии и о галисийском).

Сам термин «миноритарный язык» достаточно расплывчат, но все-таки оказывается предпочтительнее термина «малый язык», который предполагает относительную малочисленность носителей. Ведь достаточно вспомнить, что к миноритарным языкам относится, например, каталанский в Испании, число говорящих на котором доходит до 8 млн. К тому же численность говорящих устанавливается для многих языков достаточно условно: в европейских странах вопрос о родном языке обычно не вносится в переписи, в Азии численность

установить тем более сложно. Для окситанского, например, цифры колеблются от 1,5 до 10 млн: первая ориентируется на лиц, реально его использующих в некоторых, пусть и достаточно ограниченных, ситуациях; вторая цифра, безусловно, завышенная, включает в себя все население Южной Франции, которое имеет хоть какое-то представление об этом языке.

В сущности, основным критерием для того, чтобы отнести идиом к миноритарным, является его функциональная подчиненность другому языку (или языкам). Но, даже исходя из этого критерия, «миноритарность» идиома оказывается содержательно очень различной. Так, например, ирландский является первым государственным языком Ирландии, ему оказывается существенная поддержка на государственном уровне, в историческом плане это основной язык коренного населения страны, но, как показано в исследовании Т. А. Михайловой, господствующая роль английского приводит к резкому сокращению сферы его реального использования. А. И. Коган исследовал современное положение языка кашмири в Индии, который при достаточно значительном числе носителей (около 5 млн) остается в штате Джамму и Кашмир лишь языком бытового общения, уступая официальные и письменные сферы урду и английскому.

Вероятно, можно говорить и о своего рода литературной миноритарности. Исландский никогда не являлся миноритарным языком в ареале своего распространения, но в культурно-историческом плане, как литературный язык, он испытывал сильное влияние скандинавских языков, в частности, датского, что обусловило (как показано в исследовании Е. Б. Яковенко) специфику формирования литературной традиции.

Если принцип функциональной подчиненности позволяет установить своего рода верхнюю границу, отделив миноритарные языки от основных, то нижняя граница, отделяющая миноритарные языки от языковых образований, традиционно именуемых диалектами, говорами, патуа и др., оказывается условной, и эта условность в каждом конкретном случае определяется самыми разными соображениями. Можно вспомнить бытующее в итальянистике высказывание, хорошо передающее конвенциональный характер таких ярлыков: *Una parlata u lingua perch chiamata tale* — «То, на чем говорят, является языком, поскольку его таковым

называют». Так, языковые образования, традиционно именуемые диалектами Италии, представляют собой самостоятельное развитие народной латыни на соответствующих субстратных основах, отличаются ярким структурным своеобразием, имеют собственные письменные традиции, а иногда и норму, закрепленную в грамматиках и словарях (например, литературный венецианский). Именно поэтому, сохраняя наименование «диалекты», они не называются диалектами итальянского языка, возникшего на основе флорентийского наречия тосканского диалекта, а по географическому принципу именуется диалектами Италии или итальянскими диалектами.

Естественно, в Азии ситуация гораздо сложнее, и наиболее обоснованным оказывается наименование по топониму (см., например, в работе С. А. Виноградовой язык таджриши, т. е. наречие Таджриша, когда-то деревни, а ныне северного района Тегерана).

Когда речь идет о миноритарных языках, возникает сложность выделения самого объекта описания. Перед исследователем встает проблема языкового единства, которая в диахронии переходит в проблему языкового тождества. Например, описание наречий Сардинии невозможно без описания северосардинских разновидностей: сассарского и галлурского. Но они не являются собственно сардинскими диалектами: сассарский, скорее всего, представляет собой исходно северное, логудорское наречие сардинского, подвергшееся сильному влиянию генуэзского и значительно трансформировавшееся, а галлурский основывается на языке корсиканских переселенцев, но с корсиканскими наречиями уже не совпадает.

В диахронии же современные миноритарные языки, развиваясь во времени как бы пунктиром, часто не являются прямыми потомками языков, зафиксированных в древних и старых текстах, — со сменой культурно-исторических эпох меняются ориентиры, исчезают и возникают письменно-литературные традиции, носители оказываются включенными в иные языковые сообщества и начинают себя чувствовать частью именно этих сообществ. Так, ни дренеирландский, ни старопровансальский не нашли своего непосредственного продолжения в современных языках.

Таким образом, особое значение в применении к миноритарным языкам приобретает проблема непрерывности и нелинейности языкового развития, поскольку в результате взаимодействия между подчиненными и престижными языковыми системами проходят сложные процессы конвергенции и дифференциации, влияющие на структуру языка (на материале романских языков исследованы в работе Б. П. Нарумова).

Особое значение в применении к миноритарным языкам приобретает проблема языковых контактов. С одной стороны, языки меньшинств долгое время развивались в состоянии определенной изолированности — достаточно вспомнить, что для многих из них ареалами распространения являются островные регионы (Корсика, Сардиния) или горные районы (Памир, Альпы), причем лингвистический ареал может распадаться на отдельные долины, не образующие языкового континуума (например, неопределенные горные долины или разбросанные деревни). Изолированности могла способствовать и конфессиональная обособленность носителей (язык йезди у зороастрийцев Ирана, франкопровансальские колонии вальденсов в Италии, сефардский у изгнанных из Испании иудеев). С другой стороны, языковые контакты применительно к миноритарным языкам, наоборот, могут отличаться высокой степенью интенсивности (давление доминирующих языков) и неоднозначностью разноуровневых контактов — наряду с доминирующим официальным языком может проследиваться влияние языка более крупного языкового меньшинства, языка авторитетной письменной традиции (в некоторых случаях мертвого), традиционного конфессионального языка и др.

Как пример неоднородных и сложно распределенных в диахронии языковых контактов можно вспомнить историю формирования так называемого *tabarchino*, табаркинского, который постоянно становится в последние годы в Италии предметом дискуссий. Так называют язык, на котором говорят около 10 тыс. чел. на островах Сан-Пьетро и Сант-Антиокко у восточного побережья Сардинии. Резко отличаясь от сардинского окружения, это наречие представляет собой исторически форму североитальянского лигурского диалекта, носители которого переселились в XVI в. на о. Табарка у побережья Туниса, а затем, приблизительно через 200 лет, переместились на острова у побережья Сардинии. В результате эта языковая форма существенно отличается от современного лигурского диалекта, поскольку развивалась изолированно от основного ареала, а в функциональном плане сначала контактировала с арабским, а затем оказалась подчинена сардинскому, а потом и итальянскому языку. С точки зрения классической диалектологии табаркинский можно причислять к галлоитальянским диалектам Италии и присоединять к лигурскому, однако многие структурные особенности табаркинского слишком своеобразны. Далеко не все они могут быть определены как архаизмы (хотя табаркинский действительно напоминает лигурский язык XVI в.).

Необходимо заметить, что интенсивные языковые контакты могут в какой-то мере приводить

к результатам, противоположным ожидаемым, — может возникнуть тенденция к консервации архаических элементов, свойственных именно данному языковому образованию, своего рода отталкивание от доминирующего языка и отторжение структур, воспринимаемых как чуждые. Такой процесс наблюдается в настоящее время в корсиканском, где стали утверждаться южнокорсиканские характеристики, противопоставляющие язык Корсики итальянскому.

Интенсивность контактов определяет степень влияния, которое может приводить к разрушению языковых структур и формированию новых. Разумеется, наиболее проницаемыми для контактов уровнями оказываются фонетика и лексика. А. Р. Мурадова приводит примеры фонетических преобразований в современном бретонском языке, порожденные тем, что носители глубоко усвоили французские артикуляционные привычки. Но может быть затронута и морфология. Приведем несколько наиболее ярких примеров. Редчайшим примером заимствования грамматической категории языком, принадлежащим к группе, где такая категория отсутствует в принципе, является заимствование истрорумынским категории вида из хорватского языка. Истрорумынский — язык, распространенный на принадлежащем ныне Хорватии п-ове Истрия, в нескольких отдаленных друг от друга деревнях в настоящее время насчитывает около 500 говорящих, сохраняясь только в ситуации устного бытового общения. По всем данным, у говорящих на истрорумынском утрачено осознание собственной этнической обособленности. Они считают себя хорватами, и, естественно, все владеют хорватским языком.

В результате многовекового соседства с хорватским в истрорумынском глаголе оформилось противопоставление совершенного и несовершенного вида, причем средством выражения этого противопоставления стали славянские приставки, которыми оформляются романские корни. В результате оппозиция приобрела следующий вид: *durmi* «спать» — *zadurmi* «заснуть», *taglia* «резать» — *potaglia* «порезать», *latra* «лаять» — *zalatra* «залаять». Естественным дополнением к этому явлению стала практическая утрата истрорумынским такого времени индикатива плана прошедшего, как имперфект, поскольку одной из основных функций имперфекта в романских языках является обозначение длительного, незаконченного, фонового и т. д. действия, а эта возможность перешла в истрорумынском к видовой оппозиции, имперфект исчез.

Е. К. Молчанова, изучая язык йезди (зороастрийский дари Ирана), обратила внимание на серьезные изменения в морфологии: в языке фиксируются

гибридные, дари-персидские, глагольные основы и морфолого-синтаксические явления, связанные с неразличением структуры фраз с прошедшим временем у переходных и непереходных глаголов, чем принципиально различаются персидский язык и зороастрийский дари.

Разумеется, наиболее явными свидетельствами языковых контактов являются лексические заимствования. В исследовании Е. А. Париной показано, как менялся характер английских заимствований в истории валлийского языка, дойдя в настоящее время до контаминации валлийского английскими словами.

Насыщенность заимствованными словами, которые переносятся в язык-реципиент с сохранением фонетического облика, приводит к тому, что миноритарный язык, в сравнительно-историческом плане относящийся к одной группе языковой семьи, на современном этапе начинает переживать такие типологические изменения, что его исходная генетическая принадлежность уже не прослеживается. Так, в исследовании С. П. Виноградовой продемонстрировано, как наречие таджриши в Иране, относясь генетически к северо-западным иранским языкам, в настоящее время, находясь на грани исчезновения, фактически интегрируется в персидский, юго-западный иранский язык.

В результате постоянного контактирования с доминирующим языком складываются гибридные образования, своего рода мезолекты, такие как *francitan* из французского и окситанского, *francorse* из французского и корсиканского, чапуррао (испанизированный галисийский) и кастрапо (галисизированный испанский). Впрочем, следует отметить, что подобные образования складываются и там, где в одну языковую ситуацию сведены два крупных языка, один из которых занимает подчиненное положение. Примером такой гибридной формы может служить коколиче — *cocoliche*, испанско-итальянское языковое образование, сложившееся в Аргентине в местах массового расселения итальянских эмигрантов.

На материале различных языков проанализирована фундаментальная проблема соотношения архаических и инновационных элементов в структуре языка, поскольку миноритарные языки, с одной стороны, в силу изоляции носителей, отсутствия литературной традиции нередко оказываются более консервативны, чем основные языки того же региона. С другой стороны, отсутствие нормы, которая часто тормозит естественное языковое развитие, и функционирование преимущественно в устной сфере, приводят к тому, что миноритарные языки оказываются более восприимчивы к языковым инновациям. По образному определению одного из ведущих специалистов по корсиканскому

М. Д'Альбера-Стефанаджи, миноритарные языки Европы дают лингвистам редкую возможность исследовать «язык в его естественном состоянии» (*une langue en état naturel*).

Наиболее архаичные элементы в языке связаны, естественно, с субстратным влиянием. Миноритарные языки сохранили следы влияния субстрата, исчезнувшие в крупных языках. Эти следы прослеживаются на разных языковых уровнях, нередко представляя собой отклонения от общих линий историко-типологических трансформаций языков. В исследовании Д. И. Эдельман изучены элементы доиндоевропейского субстрата в иранских языках Западного Памира. В частности, в них произошла переориентация исторической морфологической категории рода (базирувавшейся в древности на типах основ) на семантическую категорию классов: в языках шугнано-рушанской группы — частично, в язгулямском языке — практически полностью. В результате существительные в языках шугнано-рушанской группы распределяются по родам в соответствии не только с видом основ, но, главным образом, с семантикой. В язгулямском все названия мужчин и неодушевленных предметов относятся к мужскому роду, названия женщин и животных (независимо от пола животного) — к женскому. Сравним систему четырех классов в изолированном языке бурушаски: I — мужчин, II — женщин, III — животных и единичных предметов, IV — остальных предметов, веществ, собирательных, абстрактных и обобщающих понятий. Речь не идет о калькировании морфологических структур субстрата, а о «проращании» (термин Д. И. Эдельман) в новых языках глубинных содержательных категорий в виде создания форм и конструкций, базирующихся на субстратных понятийных элементах.

Внимательное исследование материала миноритарных языков и диалектов дает возможность внести новые представления в такие общие проблемы, как формирование и фрагментация языковых семей, генетическая классификация языков, очертания языковых границ. Так, в исследовании Д. И. Эдельман обращение к нуристанским языкам позволило уточнить относительную хронологию и характер «ветвления» арийской языковой общности.

Изучение структур, фиксируемых в морфологических системах миноритарных языков, позволяет установить некоторые общие типологические закономерности, проявление которых обнаруживается и в языках иных групп. Так, Д. И. Эдельман отмечает, что в большинстве памирских языков (бесписьменных малых языков восточноиранской группы, бытующих на Западном и Южном Памире и в отрогах Восточного Гиндукуша) сохраняется система трехсерийного индоевропейского дейксиса типа

лат. *hic — iste — ille*. Она функционирует в языках шугнано-рушанской группы, в ишкашимском (и уже менее отчетливо в близкородственном ему языке сангличи), в ваханском языке (Западный и Южный Памир), в мунджанском языке и родственном ему языке йидга (Восточный Гиндукуш). В подавляющем же большинстве индоиранских языков (как и в большинстве других индоевропейских) система указательных местоимений двоична: «этот — тот», «здесь — там», но следы трехчленного дейксиса сохраняются в виде этимологических рудиментов.

Подобный же путь — от этимологически обоснованного трехчленного дейксиса к двухчленному — прошли и некоторые романские языки. В тех же из них, где исходно присутствовал трехчленный дейксис, ослабло и почти утратилось одно из звеньев (например, в итальянском функционируют *questo* и *quello* при практической утрате *codesto*).

Разделение архаичного и инновационного в миноритарных языках иногда оказывается достаточно условным. Так, например, обращение к диалектам Италии свидетельствует, что ряд характеристик Балканского языкового союза, справедливо представленных в классической работе Кр. Санфельда «Linguistique balcanique. Problèmes et résultats» (1930) как балканизмы, встречается и в южных диалектах Италии — так называемый балканский конъюнктив, вытеснивший инфинитив из конструкций типа «я хочу, чтобы я пришел»; отсутствие синтетической формы будущего времени; местоименная реприза. Это не опровергает утверждения об инновационном характере этих черт, но указывает, что подобные тенденции могли поддерживаться и языком-источником, т. е. народной латынью. Кстати, и другие характеристики подтверждают совпадения между балкано-романским и южноитальянским языковыми ареалами, например метафоническое воздействие конечных гласных (в т. ч. конечного *-a*) на предшествующий ударный гласный или широкое распространение суффикса, восходящего к лат. *ora*, для образования множественного числа существительных.

Есть и более сложные случаи, когда то, что воспринимается как архаизм, как оказывается, сохраняется (а нередко и возрождается) в языке под влиянием иных, отнюдь не языковых факторов. Так, в современном корсиканском языке наметилась тенденция к распространению форм множественного числа на *-a*, которые исторически сформировались из окончания множественного числа исчезнувшего латинского среднего рода для ряда имен мужского рода на *-i*, восходящих к латинскому II склонению, на другие формы, в т. ч. и восходящие к латинскому III склонению, где их этимологически быть не должно: *i monta* «горы», *i noma* «имена», *l'affara* «дела».

В принципе, это достаточно архаическая черта, объединяющая Корсику и юг Италии, но причины ее появления вполне современные — в условиях борьбы за повышение статуса корсиканцы, осознанно или неосознанно, стремятся противопоставить свою речь другим языкам, вводя те характеристики, которые воспринимаются как особенность именно корсиканского (естественно, о том, что это также южноитальянская особенность, знают лишь специалисты).

Еще один аспект исследований связан с проблемами формирования норм миноритарных языков. Эти процессы нередко происходят в наше время буквально на глазах исследователей, и их направленность может определяться сознательным нормотворчеством активной части носителей. Таким образом, можно установить своего рода типологию нормообразования, что актуально, естественно, прежде всего для европейских языков, или в отсутствии устойчивой нормы установить источник нормирующих тенденций, нивелирующих и объединяющих хотя бы письменный язык.

Т. А. Михайлова, анализируя процесс создания нормы ирландского языка в синхронии и диахронии, сформулировала всю сложность понимания того, что такое норма для миноритарного языка: становление, постановление или установка. Действительно, то, что можно было бы определить как становление, т. е. естественный, растянувшийся на века процесс складывания нормы, для миноритарных языков скорее исключение, чем правило. Норма миноритарных языков редко имеет непрерывную историю, продолжая письменные традиции ранних этапов его функционирования. Для них нехарактерно поступательное становление нормы путем опоры на ведущую языковую форму, определяемую культурно-историческими и экономическими условиями (диалект столицы, крупнейшего культурного центра, язык королевского двора и др.). Такой путь приемлем для языков, в полной мере выполняющих функции государственных, но если в определенный период язык был доминирующим, то именно таким путем могли проявляться нормативные тенденции. Например, каталанский в XIV в. выполнял официальные функции в королевстве Каталонии и Арагона, и для этой эпохи характерна ориентация на язык королевской канцелярии. В XIX в., когда в период нового Возрождения в Каталонии встал вопрос о нормировании литературного языка, подобный «государственный» путь развития был уже неприемлем, поскольку каталанский оказался сведен в одну функциональную парадигму вместе с испанским.

Источником нормативных тенденций мог стать некий текст, причем это могла быть ориентация на сакральный текст (например, на

канонический перевод Библии) или на литературные источники «по праву шедевра» (на язык определенного автора или язык произведения). Таким образом, была создана одна из норм современного окситанского языка, которую нередко называют нормой фелибров, или нормой Мистралья, поскольку в ее основе лежит ронский поддиалект, на котором писал выдающийся окситанский поэт, лауреат Нобелевской премии Фредери Мистраль и фелибры — поэты одного с ним литературного направления.

С последней четверти XX в. определился еще один путь создания нормы — создание нормы-артефакта, которая является плодом научной работы специалистов на основании искусственно выстроенной диасистемы. Обратившись к процитированному выше высказыванию Т. А. Михайловой, можно сказать, что здесь речь идет о «постановлении». Разумеется, подобный подход актуален для европейских языков, где ведется сознательная работа над нормами миноритарных языков, нередко поддерживаемая на государственном уровне. Причем иногда норма «заказывается» иностранным ученым, которые, видимо, должны проявить большую объективность и беспристрастность. В романском ареале за последние десятилетия подобные искусственные нормы были созданы для ретороманского языка Швейцарии, ладинского языка Доломитовых Альп (Италия) и для сардинского. Нормы для ретороманского языка Швейцарии и ладинского языка Италии разрабатывали немецкие лингвисты, разумеется при активном участии носителей языка.

Реальность такова, что многие европейские миноритарные языки при всей малочисленности носителей имеют разные письменные традиции, которые иногда закрепляются в виде нескольких норм. Например, в ретороманском Швейцарии (численность говорящих около 50 тыс.) существуют пять литературных вариантов — верхнеэнгадинский, нижнеэнгадинский, сурсильванский, сутсильванский и сурмиранский. Причем энгадинская литературная традиция сформировалась достаточно рано (XVI в.) и с опорой на протестантские переводы священных христианских текстов. В остальных регионах ориентировались на собственно диалектные характеристики, черпаемые из устной речи. При этом в сурсильванском различаются графика и лексика в текстах католической и протестантской традиции: первая ориентировалась на итальянский, а вторая на немецкий (анализ проведен в исследовании Г. М. Горенко). В настоящее время вводится общая, искусственно созданная норма Rumantsch Grischun — граубюнденский руманшский, синтезирующая особенности разных вариантов.

Еще сложнее оказывается ситуация в современном сардинском языке. В поэтическом творчестве

долгое время преобладал логудорский вариант, в прозе — кампиданский. Причем речь здесь идет не только о выборе диалектной базы, ориентированной на тот или иной диалектный ареал. На северо-логудорском уже к XVI в. были созданы образцы пастушеской поэзии, близкой к фольклору, которая стала восприниматься как образцовый поэтический язык. Им подражали за пределами области Логудоро, воспринимая диалектные характеристики как неотъемлемую часть поэтического языка.

В настоящее время происходит внедрение новой общесардинской нормы, так называемого общесардинского стандарта (*Limba Sarda Comune*), выработанного как обобщенный, усредненный вариант с определенной ориентацией на этимологию. В результате избирается одно написание, приближенное к этимологическому, и допускаются несколько прочтений, в зависимости от диалектных привычек читающего. Иногда это приводит к своего рода иероглифичности сардинского стандарта, например одно и то же написание *filiu* «сын» из лат. *filium* может читаться пятью-шестью способами: от [fi u] до [idzu].

Подобная языковая деятельность, направленная на нормирование языка, в какой-то мере прослеживается и в Азиатском регионе. Например, в среде кашмирских индуистов, проживающих за пределами Кашмира («кашмирских пандитов»), достаточно много внимания уделялось проведению языковых реформ, к которым относится создание для кашмири новой письменности на основе письма деванагари и введение в его культурную лексику заимствований из хинди. Эти меры были направлены на индуизацию языка с целью противопоставить его арабскому и подвергнутому сильнейшему влиянию персидского, арабского и урду стандартному («мусульманскому») кашмири (исследование А. И. Когана).

На материале разных языков достаточно четко проявился тот факт, что настойчивое стремление утвердить чистоту миноритарного языка, вступающее в противоречие с его реальным статусом, достаточно опасно и может оказать губительное воздействие на судьбу языка, поскольку оказывается направленным на искоренение живых языковых привычек говорящих.

Работа по проекту дополнила новыми материалами такие актуальные для современного мира проблемы, как аспект отношений государства с проживающими в нем этносами и языковыми общностями в сложном процессе глобализации и регионализации современного мира и причины возникновения национально-языковых конфликтов как в

современном мире, так и в прошлом. Естественно, в этом аспекте ситуация с миноритарными языками в Европе во многом противоположна ситуации в Азии. Достаточно вспомнить настороженное отношение в Республике Таджикистан к использованию памирских языков, которое иногда доходит до фактического запрещения их использования в официальной сфере, хотя никаких формальных распоряжений на этот счет нет.

Но некоторые вещи оказываются общими, например ощущение собственного языка: на нем не разговаривают с посторонними и тем более с иностранцами, даже если они и обладают необходимыми для общения на этом языке знаниями и навыками. Например, носители сардинского переходили в разговоре с иностранцами на итальянский, объясняя свое речевое поведение тем, что иностранец может их заподозрить в незнании государственного языка и, соответственно, отказать им в должном образовательном уровне. Разумеется, это не относится к ангажированной интеллигенции, к активным борцам за сохранение родного языка.

Проведенные исследования дали возможность в какой-то мере спрогнозировать варианты языковых сдвигов и перспективы развития и сохранения языков, в т. ч. и находящихся под угрозой исчезновения. Так, в исследовании А. Р. Мурадовой выявлены поколенческие различия и особенности восприятия языка носителями практически в момент утраты языкового образования как живого, реально функционирующего языка, причем сопоставление, проведенное на материале столь разных языков, как бретонский и ассирийский, продемонстрировало принципиальное сходство ситуаций при явном отличии в частности.

Общей закономерностью, по-разному проявляющейся в применении к различным регионам, является сохранение, а иногда и возрастание роли миноритарного языка как языка-символа, языка-эмблемы, которое сопровождает постепенную утрату реальных языковых функций. Как показывают наблюдения Т. А. Михайловой, в Ирландии в последнее время одним из факторов поддержания ирландского стало его отождествление с языком коренного населения, который отличает собственно ирландцев от все возрастающего потока новых иммигрантов из разных стран, владеющих, естественно, только английским.

В заключение необходимо отметить, что исследование миноритарных языков в рамках данного проекта оказалось для участников источником новых научных идей, гипотез, планов, которые, возможно, найдут свое осуществление в дальнейшем.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ КАРТЫ КАРЕЛИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТОПОНИМИЧЕСКОГО АТЛАСА)

Топонимия в силу присущей ей исключительной устойчивости во времени, привязке к территории, массовости способна внести свой вклад в понимание формирования этнокультурной карты территории. Важно также, что топоним рождается в рамках определенной системы, по определенным моделям, обусловленным географически и хронологически. Именно такая системность в сочетании с отмеченными выше свойствами делает топонимию надежным этноязыковым и историко-культурным источником и позволяет использовать ее для интерпретации языковой ситуации на разных хронологических срезах, истории заселения, формирования поселенческой структуры, времени переселений, этнических контактов и т. д.

Пилотный проект «Топонимический атлас Карелии» решает именно эти задачи. Атлас включает на данном этапе набор из 50 карт, на которых представлены ареалы отдельных прибалтийско-финских (карельских, вепсских), русских, саамских топонимов территории Карелии. Картографированию подвергнуты как структурные, так и лексико-семантические модели, заключающие в себе этноязыковую и этноисторическую информацию. Каждая карта сопровождается комментарием, в котором приводится фактический материал, т. е. список картографированных топонимов, а также предлагается анализ выявленных ареалов. Помимо этнокультурного содержания ареальная составляющая оказывается в ряде случаев исключительно важной и для этимологической интерпретации топоосновы.

При определении критериев отбора моделей, перспективных для картографирования, авторы исходили из того, что не любой топоним может быть использован в целях языкового и этноисторического анализа. Наиболее продуктивно использование тех моделей, которые были популярны в какой-то определенный ограниченный промежуток времени и свойственны локальной группе населения. В таком случае ареал не размыт, он имеет достаточно четкие очертания и может быть интерпретирован. Для целей ареального исследования полезны суффиксальные модели, поскольку каждый суффикс (или топонимный формант) имеет свой ареал. Существенную информацию можно извлечь и из так называемой ареальной семантической оппозиции моделей, когда один и тот же признак, положенный в основу называния, выражается различны-

ми языковыми коллективами по-своему. Полезны топоосновы, в содержании которых заключена идея «культурное пространство» (топоосновы со значением «путь, дорога, волок», «граница, край», «поселение»), а также этнонимы и антропонимы-фамилии и родовые прозвища.

В современных границах (с незначительными изменениями) Республика Карелия существует с 1920 г. Понятно, что традиционная топонимия складывалась в период, предшествовавший появлению Карельской республики. Поэтому карта-основа охватывает территорию бывшей Олонецкой губ., а также Кемского уезда Архангельской губ., в рамки которых укладывается основная часть дифференцирующих прибалтийско-финских (карельских и вепсских) и русских топонимных типов. Она выходит за обозначенные границы на запад, захватывая восточную часть территории Финляндии, чрезвычайно показательную с точки зрения истоков целого ряда карельских моделей, а также на юг, где доходит до Белозерья, существенного в плане вепсских и более древних финно-угорских топонимных ареалов. В зону исторического вепсского расселения входила и восточная часть территории Новолодожского уезда Санкт-Петербургской губ. В качестве территориальной единицы для картографирования выступает волость. Традиционная волостная система административного членения, как известно, сыграла исключительно важную роль в складывании и языковых, и культурных особенностей. К тому же в прибалтийско-финском языкознании сложилась традиция опоры на волостное членение в языковых атласах.

В корпусе источников материала главная роль отведена Научной картотеке топонимов Карелии и сопредельных областей, включающей более 100 тыс. топонимов, собранных в ходе полевых экспедиций за 35 лет (картотека хранится в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН). Кроме полевых данных использованы материалы Национального архива Республики Карелия, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Архангельской обл. Для выявления ареалов ряда карельских топонимных моделей привлечены материалы топонимического архива Финляндии, хранящиеся в Научно-исследовательском центре языков Финляндии (Kotimaisten kielten

tutkimuskeskus), а также топонимической картотеки Уральского университета.

Далее на основе анализа ряда топонимных ареалов предлагается интерпретация некоторых фрагментов формирования этнической и языковой карты Карелии.

Саамы — древние жители Карелии. В топонимии Карелии сохраняются убедительные следы саамского топонимического наследия в виде остаточных разрушенных ареалов саамских топонимных моделей. Собственно, это было известно и раньше, и в этом смысле карты атласа не оказались инновационными. Однако картографирование саамских типов открыло перспективу для реконструкции саамской этноязыковой истории.

Известно, что в саамском языке существует два принципиально важных пласта лексики: финно-угорский, единый с прибалтийско-финскими языками, и субстратный⁴⁸, который в последнее время определяется многими исследователями как палеоевропейский⁴⁹. Оказалось, что ареал топооснов, восходящих к общему прибалтийско-финско-саамскому наследию, значительно смещен на юго-восток на фоне ареала топооснов, в которых представлена саамская лексика, не имеющая параллелей в прибалтийско-финских и вообще финно-угорских языках. На эту особенность обратил не так давно внимание финский исследователь Я. Саарикиви⁵⁰.

В качестве примера приведена карта, которая демонстрирует топонимическое бытование двух саамских топооснов — субстратной и финно-угорской (рис. 1). Первая опирается на субстратное для саамского языка слово *lusme* «исток реки из озера», имеющее, видимо, палеоевропейские истоки. Как и другие топоосновы с этим генезисом, она характеризуется ареалом в Северной и Центральной Карелии и смежных областях Финляндии. Данный ареал принципиально отличен от ареала саамской топоосновы *olm-/Jolm-*, которая восходит к саамскому *oal'bme* «пролив» (< * *lm*), имеющему единые истоки с прибалтийско-финским *salmi* «пролив»⁵¹. Ареал практически не включает в себя территорию Финляндии, но покрывает в то же время Восточную Карелию и простирается дальше на восток в Архангельскую обл., а на юге доходит до Белого озера. По сравнению с ним ареал основы *Lusma-/Lu ma-* значительно смещен на северо-запад. Очевидно, за этим ареальным членением стоят разные этапы древней саамской этноязыковой истории.

Не исключено, что ареал субстратной топоосновы отражает былую территорию бытования палеоевропейского субстрата, подвергшегося финно-угорскому языковому воздействию, сформировавшему саамский язык. Иначе говоря, саамский понимается как образование, возникшее на терри-

тории к северо-западу от Обонежья в результате наложения финно-угорского языкового типа (традиционно фин. *varhaiskantasuomi*, англ. *Proto-Finnic*) на субстратный.

В этом случае встает вопрос о правомерности отнесения к сугубо саамскому наследию той финно-угорской топонимии на территории современной Архангельской обл., которая традиционно интерпретируется как саамская. Не должна ли идти речь о едином древнем прибалтийско-финско-саамском наследии, которое на более западных территориях преобразовалось в результате поглощения субстратного языкового элемента в прасаамский язык? Ареальное членение, выявленное на примере двух саамских типов, подтверждается и территорией распространения других саамских топооснов.

Целый ряд топонимических карт подтверждает, что южная часть Карелии, территория между Онежским и Ладожским озерами, а также на восточной берегу Онежского озера была в прошлом населена вепсами, сейчас сохранившимися в Карелии лишь на юго-западном берегу Онежского озера. Современный Онежско-Ладожский перешеек — это преимущественно карельская в языковом отношении территория, а Восточное Обонежье — русский регион. Однако в топонимии сохранились четкие вепские следы. Один из них — топонимы с основой **vadag'*, которая утрачена уже современными вепскими говорами, однако реконструируется по данным родственных языков и русских говоров на исторической вепской, ныне русской территории, где известен термин *вадога* — «покосы в низких сырых местах; зарастающее лесом болото». О том, что термин был некогда активен в вепских говорах, убедительно свидетельствует вепская топонимия, где модель *Vadag'* характеризуется значительной продуктивностью. Исходя из того, что значительная часть топонимических фиксаций представлена простыми по структуре названиями, следует полагать, что топоним восходит к ландшафтному термину, а функционирование его в названиях низких, болотистых мест, используемых под сенокосы, дает представление о семантике ландшафтного термина.

Ареал сформирован названиями небольших рек и ручьев, озер, болот, сенокосных угодий и маркирует границы вепского расселения на определенный момент времени в прошлом (рис. 2). Именно вепского, поскольку для карельской топонимии модель не свойственна. Об этом недвусмысленно свидетельствуют карельские материалы нашей картотеки, а также топонимического архива Финляндии, в котором хранится, в частности, коллекция топонимов из Северного Приладожья и Карельского перешейка — исторической карельской территории. Данная карта атласа, а также ряд других

(например, демонстрирующие географическое бытование вепских топооснов *Pehk-* «болото», *Pyhä-* «святой», *Jalo-* «большой») свидетельствует о том, что вепсская территория в прошлом простиралась значительно дальше в восточном и северном направлении, чем сейчас.

Показательно, что северный предел исторического вепского этнического ареала, маркированного дистрибутивными вепскими топонимными моделями, повторяет очертания северной границы зоны среднетаежных сосновых лесов⁵². Иначе говоря, вепское расселение на север определялось, видимо, ландшафтно-географическими и климатическими факторами, что связано, в свою очередь, с сельскохозяйственным характером освоения средневековыми вепсами северных территорий.

Этот вывод поддерживается результатами картографирования топонимов, сложившихся на основе прибалтийско-финской лексики *niini* «липа» (*Niinisel'gy*, *Nin'sel'g*, *Hucельга* «Липовая сельга», *Nisar'* «Липовый остров», *Niin'oja* «Липовый ручей» и др.) и соответственно русской липы (*Липовец*, *Липняги*, *Липовая сельга*, *Липовый бор* и др.). В данном случае принципиальное значение для картографирования имеют не языковые истоки топооснов, а ареал ее бытования в топонимии, отражающий реальные границы территории произрастания дерева. Липа, как известно, растет на более богатых почвах, и к местам ее произрастания приурочены сельскохозяйственные угодья. Липа представлена в южной Карелии до линии Вяртсиля — оз. Сямозеро — д. Шуныга. К востоку от Онежского озера редка, произрастая здесь прежде всего в долине р. Водлы и Колоды⁵³. Именно эта северная граница вырисовывается и по данным топонимии (рис. 3). В контексте дистрибутивных вепских топонимных моделей важно то, что их ареал не выходит, как правило, на север за рубеж «липовых» топонимов, подтверждая тем самым сельскохозяйственные приоритеты в вепском освоении территории Онежско-Ладожского перешейка и Восточного Обонежья.

Наоборот, в карельской колонизации последние не столь очевидны. Это неоднократно демонстрируют карты атласа с карельскими дистрибутивными топонимными моделями, которые отражают продвижение карелов на территорию современной Карелии, освоение территории между Ладожским и Онежским озерами и Белым морем. Здесь выбрана одна карта, на которой представлена модель для названия высоких мест *Jylmäkkö*, в русской интерпретации, т. е. на русской территории Карелии *Юлмаки* (рис. 4). В ее основе карельский ландшафтный термин *jylmäkk* «круглая гора, крутой склон», зафиксированный в говорах Суоярви в Северном Приладожье⁵⁴.

Картографирование модели показало, что ареал протянулся из Северного Приладожья — коренной средневековой территории корелы — на север и восток вдоль путей карельской экспансии. При этом ареал наиболее насыщен, плотен в Северном Приладожье, там, где, собственно, модель зародилась. На последнее указывает то, что именно здесь фиксируется соответствующий апеллятив. По мере продвижения на окраины он редет, доходит на востоке до архангельского Кенозерья, на севере до Белого моря. При этом территория бытования модели содержит косвенную информацию о ее возрасте в Карелии. Дело в том, что она неоднократно отмечается на Заонежском п-ове, причем не на прибрежных территориях, а во внутреннем Заонежье, осваивавшемся, как известно, поздно — в XVI–XVII вв.⁵⁵

Анализ ойконимов, т. е. названий поселений внутренних областей Заонежского п-ова, показывает, что многие из них возникли на основе собственно карельских антропонимов в ходе продвижения карелов из Корельского уезда, попавшего под власть Швеции⁵⁶. Видимо, именно этот поток карельских переселенцев принес с собой и модель *Jylmäkkö*, которая, таким образом, является для Карелии относительно поздней, возникшей в XVI–XVII вв. Ее ареал лишь незначительно перекрывает историческую вепскую территорию в северной части Онежско-Ладожского перешейка, основной же массив представлен севернее.

На территории Южной Карелии, Онежско-Ладожского перешейка произошло наложение вепских и карельских в языковом отношении топонимных моделей, свидетельствующее о наложении двух этносов. Севернее перешейка, куда вепсская экспансия, как свидетельствуют наши топонимические карты, не распространялась, продолжается неперемешанная с вепской собственно карельская традиция, вышедшая из Северного Приладожья, связанная на первых этапах преимущественно с промысловым освоением. Здесь, севернее линии распространения вепских топонимных типов, формируется собственно карельская в языковом отношении территория. Южнее же, в зоне контактирования, складываются два южнокарельских наречия — ливвиковское (олонецкое) и людиковское, из которых особенно второе содержит очень значительный вепский элемент.

Картографирование топонимных моделей позволяет понять или по крайней мере приблизиться к пониманию того, как сформировалась граница, разделившая людиков и ливвиков, и почему она прошла именно там, где прошла. Причина, видимо, кроется в том, что уже в период активного карельского освоения Онежско-Ладожского перешейка продолжалось проникновение вепсов на эту территорию, причем использовался транзитный водно-

волоковой путь со Свири на северную оконечность Онежского озера и далее на Белое море.

Именно такую ситуацию предлагает карта, показывающая ареал вепсской метафорической модели *Kukoinharj* «Петушиный Гребень», которая использовалась для называния возвышенностей, горок (рис. 5). Модель является, очевидно, довольно поздней, поскольку не охватывает весь вепсский ареал, да и привязана исключительно к недолговечным по времени существования микротопонимам. Карта показывает, что она четко привязана к упомянутой уже водной дороге на север и одновременно людиковско-ливвиковской границе. Здесь отмечены урочище *Kukoinhard'* в Мошничье на р. Важинке, поле *Kukoenhard'a* в старинном людиковском с. Святозеро, урочище *Kukoiharja* на восточном берегу оз. Сямозеро. Этот ряд замыкается на севере названием расположенной на болоте песчаной возвышенности *Петушиный Гребень* (с. Шайдома), которое, по всей видимости, является переводной калькой вепсского оригинала. Очевидно, выход вепсов вдоль этого водного пути на север, в частности на р. Шую, препятствовал в определенной степени поступательному движению карелов с запада на восток по Шую, и в результате к востоку от вепсского пути сформировалась людиковская территория, где вепсский компонент значительно более мощен, чем в западном олонцеком или ливвиковском диалекте.

Ареальный анализ топонимов способен, таким образом, прояснить, как происходило на протяжении столетий формирование карельской диалектной карты и подтверждает активное участие в этом процессе вепсского этноса.

Культура Карелии возникла на стыке двух культурных традиций — прибалтийско-финской и русской — и явилась результатом их взаимодей-

ствия и взаимопроникновения. Активное русское (псковско-новгородское) освоение территории Карелии начинается, видимо, уже с середины XIII в. В атласе представлен ряд карт дистрибутивных русских топонимных моделей, реконструирующих фрагменты русской истории территории. Одна из карт демонстрирует ареал топоосновы *острец* или *остреч* «окунь» (рис. 6). Анализ бытования старого новгородского слова, рано вытесненного общерусским синонимом *окунь*, в топонимии Присвирья показал, что там оно маркирует места относительно раннего русского освоения⁵⁷. Этот вывод подтверждается и материалами Обонежья и Беломорья. Она закрепилась здесь в названиях озер и рек: в Северном Присвирье — р. *Остречина*, на Заонежском п-ове в границах древнего Толвуйского погоста — оз. *Остречевское*, на водоразделе Онежского озера и Верхнего Выга — оз. *Остречье*, в окрестностях с. Лобское, а также оз. *Остречье* и ручей *Остречьручей* — в окрестностях д. Щепина Гора, расположенной на водоразделе р. Немина и Верхний Выг. Одноименные озера известны также в бассейнах беломорских р. Сума и Нюхча.

Ареал топонимов четко ложится на транзитный водный путь и маркирует его как основной путь русского продвижения в Карелию: со Свири в Онежское озеро, из которого путь продолжался либо на восток по р. Водле, либо на север через Выгозеро и р. Выг в Поморье. Именно вдоль этих путей формируется «русская» Карелия, представленная этнолокальными группами русских (поморы, заонежане, водлозеры, выгозеры). Каждая из них характеризуется общей территорией, единым самоназванием, общим локальным самосознанием и осознанием единства происхождения, а также некоторыми едиными феноменами народной культуры и, конечно, особенностями языка.

Атаев Б. М.

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

В эпоху всеобщей глобализации становится весьма насущным безотлагательное решение крупной научной и гуманитарной проблемы — комплексного анализа современной языковой жизни на постсоветском полиэтническом пространстве и прогнозирования развития событий в этой области. Необходимость исследования языковых процессов в меняющейся России обусловлена рядом взаимосвязанных обстоятельств. Нерешенной до сих пор остается проблема рационального распределения

общественных функций между русским языком и языками народов РФ. Серьезную угрозу представляет, с одной стороны, реальная возможность исчезновения языков и культур малочисленных народов, с другой — уменьшение числа владеющих русским языком в национальных образованиях.

Эта проблема особо остро ощущается в Южном федеральном округе, в частности в Республике Дагестан, т. к. с этнолингвистической точки зрения эта республика представляет собой нетипичный для

других регионов России полиэтничный феномен. Большое языковое многообразие и малая территория, на которой представлено огромное количество близкородственных и неродственных языков, характеризуют Дагестан как уникальное явление даже в мировом масштабе. Здесь на территории всего в 50,3 тыс. км² с населением чуть более 2,5 млн чел. уживаются представители около 40 этносов со своими языками и диалектами, принадлежащими к кавказской, тюркской и индоевропейской языковым семьям.

Этнолингвистическое своеобразие Дагестана, в отличие от других республик, входящих в Россию, состоит еще и в том, что здесь нет ни титульной нации, ни титульного языка, а статусом государственного языка, согласно статье 10 Конституции Республики Дагестан, обладают «русский язык и языки народов Дагестана». Но при этом только один язык — русский — успешно выполняет свою государственную функцию в полной мере, оставаясь при этом единственным языком межнационального общения в Дагестане. Ни один другой язык в Дагестане, как бы он ни декларировался, не выполняет и не может выполнять высокую миссию — быть государственным языком на всей территории республики, хотя бы только потому, что ни на одном из языков Дагестана здесь не говорит и треть населения. Как видно из материалов переписи населения РФ 2002 г., русским языком владеет, например, 85,9 % всего аварского населения. У городских жителей этот показатель доходит до 95,2 %, а у сельских — до 80,5 %. Такая же картина наблюдается и у других народов Дагестана⁵⁸.

Современные дагестанские языки представляют собой достаточно пеструю картину как с точки зрения их структурного своеобразия, так и сложности генетических взаимоотношений. Кроме того, они довольно заметно различаются между собой и по количеству говорящих на них, и по числу коммуникативных сфер, ими обслуживаемых. Определенные функциональные различия наблюдаются, в свою очередь, и между доминирующими литературными языками, в частности в плане социального статуса. Так, все языки Дагестана делятся на две большие группы. Это 14 письменно-литературных языков (аварский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, табасаранский, татский, агульский, рутульский, цахурский, азербайджанский, ногайский, чеченский, русский), признанные государственными языками Республики Дагестан, и 14 бесписьменных языков (андийский, арчинский, ахвахский, багвалинский, бежтинский, ботлихский, гинухский, годоберинский, гунзибский, каратинский, тиндинский, хваршинский, цезский, чамалинский) с минимальными общественными функциями.

Однако и внутри групп языков с равным статусом наблюдаются более или менее заметные различия. Например, на агульском, рутульском и цахурском языках письменность была создана лишь в 1990 г., поэтому эти языки, по сравнению с другими государственными языками республики, выполняют только незначительное количество функций и то в очень ограниченном объеме.

В свое время советская социоллингвистика рассматривала наличие у языков народов СССР всего спектра общественных функций прежде всего как результат ленинской национальной политики. Между тем это вступало в прямое противоречие с другим коммунистическим тезисом: «В настоящее время мы совершенно определенно можем сказать, что дальнейшее развертывание процессов взаимодействия языков, связанных со строительством коммунизма в СССР, ведет нас не к увеличению существующих языков, а к их постепенному сокращению и последовательной смене одних языков другими»⁵⁹. В конечном счете, исходя из этой концепции, все в Советском Союзе должны были говорить только по-русски. К сожалению, примеры этого можно найти не только в теоретических положениях, но и в практических действиях властей советской эпохи.

Кроме того, в рамках советской социоллингвистической концепции было принято проводить жесткую демаркационную линию между до- и послеоктябрьским развитием языков народов СССР, причем первый этап оценивался, как правило, только негативно, второй — только положительно. В очевидное противоречие с этой концепцией вступило удивившее тогда многих откровенное высказывание профессора Л. И. Жиркова: «Когда в 1923 г. группа московских работников науки ехала в горный Дагестан для изучения горского быта и горских языков, казалось, что едут изучать быт и язык “бесписьменных народов”. Между тем это представление было совершенно ошибочным. Дагестанские горцы давно уже не были “бесписьменными”; они давно уже пользовались арабской азбукой, писали этой азбукой письма на своем родном языке, писали ею и более крупные сочинения. “Бесписьменными” они казались издали потому, что их языки были не только не изучены, но, можно сказать, почти неизвестны вне пределов их родных гор и долин. В ходе самой экспедиции 1923 г. сразу же выяснилась ошибочность господствовавших на этот счет взглядов, и результатом экспедиции явилось богатое собрание материалов на языках аварцев и других племен»⁶⁰.

Ту же мысль, хотя и с иной точки зрения, высказывает крупный востоковед Л. И. Лавров: «Обилие эпиграфических памятников на Северном Кавказе, особенно в Дагестане (где их созда-

вали на протяжении почти тысячи лет), требует пересмотра ходячего представления, будто народы Северного Кавказа до недавнего времени были бесписьменными»⁶¹.

К счастью, время, когда ученые были вынуждены повторять партийные идеологические установки советского периода нашей истории (в частности, по поводу младописьменности дагестанских языков), уже безвозвратно прошли.

Объективная же ситуация складывается следующим образом. Сегодня население Республики Дагестан исповедует четыре мировые религии, причем в их разных ветвях. Существуют в ней также четыре разные языковые группы и свыше 30 языков, проживают 7 разделенных народов. На это, особенно в последние 15 лет, накладывается возросший интерес к возвращению к национальным корням, защите национальной самобытности, самоопределению. И в данной ситуации может показаться несостоятельным разговор о консолидации дагестанских народов как полиэтнической общности.

Тем не менее в этнических недрах республики имеют место явные тенденции к консолидации. Русское население республики в этом процессе выступает в роли катализатора. Такая консолидация имеет ряд объективных предпосылок. Одна из них — общность исторических судеб. Ведь Дагестан издревле находится на путях из Азии в Европу и обратно. Его народы много раз подвергались иностранным нашествиям с юга и с севера, совместно сражались за независимость. В совместной борьбе сложились общие идеалы и традиции, общедагестанский патриотизм.

Вторая предпосылка — хозяйственная взаимозависимость горных и равнинных районов. В Дагестане сложилось смешанное национальное проживание. К примеру, в республике проживает свыше 156 тыс. лакцев, из них около 70 % проживает в городах, менее 30 % — в сельской местности. В горах же, на исторической территории, осталось менее 20 % лакского населения. Бóльшее же число всех жителей на этнической территории в горах составляют аварцы, но и это незначительные цифры — менее 40 % из свыше 814 тыс. В городах республики аварцев проживает свыше 30 %, на равнине в сельской местности — около 30 %. Для примера, из всех 814 473 аварцев, граждан России, в Дагестане проживает 758 438 чел. (93,2 %), а остальные — свыше 56 тыс. аварцев (6,8 %) находятся за пределами республики — в субъектах Российской Федерации⁶². Для сравнения, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., аварцы (в бывшем СССР) составляли 604,3 тыс. чел. (в РСФСР — 544,4 тыс.), в т. ч. 496,1 тыс. в Дагестане. По тем же подсчетам, родным аварский язык в 1989 г. считали 97,2 % аварцев (по Дагестану — 98,9 %)⁶³.

О том, насколько интернациональным в наши дни стало население даже в сельской местности и насущным поэтому стало обучение на русском языке, показывает национальный состав начальных классов в школах Тарумовского р-на Республики Дагестан, прежде заселенного в основном русскими: русские — 116, аварцы — 104, даргинцы — 75, азербайджанцы — 21, лезгины — 11, лакцы — 10, табасаранцы — 10, кумыки — 9, прочие — 33⁶⁴. Такая же интернациональная картина характерна для всех городов и равнинных районов республики.

Третьей важной предпосылкой является рост числа межнациональных браков. По данным Махачкалинского городского загса, в течение последних 25 лет ежегодно заключаются 2100–2200 браков, из них 25–28 % являются межнациональными. В Дагестане немало людей с четырьмя и более национальными смешениями, которые явно затрудняются определить свою национальность по национальности предков. Многие даже не указывают ее в заявлениях о заключении брака. Межнациональные браки неизбежно приводят к генетической смешанности, к сближению бытовых традиций, культурных предпочтений, закреплению русского языка в качестве обиходного. Четвертая часть населения республики — это русские, украинцы, азербайджанцы, армяне, чеченцы, татары и др. Около $\frac{2}{3}$ составляет национально-смешанная среда, причем 43 % проживает в городах, где ни одна из национальностей не достигает четвертой доли числа горожан. Такая структура расселения стимулирует высокую интенсивность этнических процессов. Достаточно, например, сказать, что каждая десятая семья и почти каждый четвертый брак, заключаемый в городах, — национально-смешанные. Каждый шестой новый горожанин рождается в семье, где родители — различной этнической принадлежности. Так что сам феномен двуязычия в условиях дагестанского многоязычия и здешней этнокультурной пестроты — исторически сложившаяся объективная неизбежность.

Процесс консолидации дагестанских народов как полиэтнической общности идет в рамках мировых процессов. В современную эпоху глобализации тенденция ломки национальных перегородок преобладает над тенденцией самоопределения наций. В большинстве стран состав населения многонационален. Стремление объединить, сблизить народы стало практически политической задачей. Задача новой, демократической России — обеспечить условия для того, чтобы каждый индивид, каждая этническая группа чувствовали принадлежность к Российскому государству и осознавали свою культуру и свои языки частью общероссийской культуры и языкового пространства.

Еще в глубокой древности ходили легенды о необычайном многоязычии Дагестана. Этот факт неизменно подчеркивали греки и римляне, арабские, персидские и европейские географы средневековья, при этом назывались цифры от 70 до 300. Арабский историк и путешественник X в. Масуди отмечал: «Гора Кавказа — гора языков». И сегодня, как и 10 веков назад, более половины из представленных на Кавказе языков приходится на Дагестан. Здесь издавна существовало несколько языков межнационального общения. В различные периоды на территории Дагестана выделялось несколько регионов со сложившимися языковыми особенностями. Каждая область обладала своей спецификой развития и характеризовалась функционированием определенного языка общения. Так, в Южном Дагестане в качестве второго языка общения выступали азербайджанский и лезгинский языки. В Северном и Центральном Дагестане таким языком был кумыкский, в контактах андо-цезской группы этносов языком общения всегда выступал и выступает аварский язык.

Со времен первых сведений о народах Кавказа прошло более двух тысяч лет, а его этноязыковая карта, как и прежде, пестра. Более того, за этот период в результате исторических процессов здесь появились представители еще нескольких генетически не родственных народов и языков. Ныне на Кавказе функционируют языки, относящиеся к разным языковым семьям. На этой же территории проживают представители малочисленных народов с бесписьменными языками. И более половины всех языков, представленных на Кавказе, употребляется на территории Республики Дагестан. За долгий исторический период территориальные границы Дагестана не раз претерпевали изменения, а границы расселения народов после XI–XV вв. существенно не изменились.

Насколько можно судить по данным лингвистики, истории, сегодняшняя языковая ситуация в Дагестане начиная примерно с XVII–XVIII вв. в своих основных количественно-качественных характеристиках, в сущности, остается стабильной. Но тем не менее после установления советской власти в результате происходивших в республике крупных политических, социально-экономических и культурных изменений и осуществлявшихся широкомасштабных мероприятий по языковому строительству, в т. ч. по созданию письменности на родных языках для нескольких дагестанских народов, ликвидации неграмотности среди всех слоев населения, введению обязательного начального, впоследствии неполного среднего и среднего образования и др., в языковой ситуации Дагестана произошли значительные сдвиги. В частности, все письменно-литературные языки стали языками на-

чального обучения в общеобразовательных школах, языками изучения в средних, средних специальных и высших учебных заведениях, языками радио, театра, эстрады, делопроизводства, официальной переписки, судопроизводства; несоизмеримо расширился объем некоторых функций этих языков, например функции языка художественной литературы, СМИ и др.

В 1970–1980-е гг. произошло ослабление интегрирующей функции родного языка, что привело к чрезмерной политизации языка. При этом состояние многих национальных языков сейчас оценивается как кризисное, угрожающее самому существованию этнических общностей. В то же время именно язык этноса нередко становится реальной или мнимой причиной возникновения и решения многих экономических и социально-политических противоречий. Поэтому двуязычие как компромисс между консолидирующей и дезинтегрирующей функциями языка вполне может играть позитивную роль в процессах демократизации и построения гражданского общества. Дагестан — удобное поле (потенциальное и реальное) для изучения того, как воплощается указанный этнополитический компромисс.

Возрастающая актуальность проблем взаимодействия национального и русского языка вызывает все более пристальное внимание лингвистов, демографов, этнологов, социологов, философов к проблеме языка, выявлению его сущности, к изучению отношений между языками в многоэтническом социуме, к выяснению вопроса — благо ли для каждого народа двуязычие. Результаты подобных исследований служат основой для создания оптимальной правовой и организационной базы развития этноязыковой ситуации.

Анализ литературы и исследований, посвященных национально-русскому двуязычию в Дагестане, позволяет сделать вывод о смещении акцента языковой политики постсоветского периода с русского языка на язык своей национальности. Языковые проблемы Дагестана следует рассматривать в связи с разработкой теории сближения культур народов республики. Теория дагестанского народа, являющаяся предвестницей популярной нынче теории согражданства, была в немалой мере основана на восприятии русского языка как языка межнационального общения. Анализ литературы, посвященной изучению этнической идентичности, позволяет сделать вывод, что большинство авторов рассматривает ее как одну из разновидностей социальной идентичности, изучение которой имеет междисциплинарный характер. А употребление родного языка является базовым условием для сохранения этнокультурной идентичности, т. к. многие компоненты этнокультуры (устное народное творчество,

народная песенная культура, национальная литература, национальный театр и т. д.) существуют благодаря его функционированию.

Основой языковой политики Республики Дагестан является создание условий для гармоничного взаимодействия русского и дагестанских языков. Русский язык играет важную роль в укреплении государственности республики. Здесь накоплен положительный опыт подготовки специалистов по русскому языку, его преподавания в национальной аудитории. В условиях реального многоязычия русский язык наряду с другими языками Дагестана является государственным языком, языком межнационального общения, и сама жизнь диктует необходимость повышения его роли.

Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2005 г. была утверждена федеральная программа «Русский язык» на 2006–2010 гг., которая, как сказано в ее преамбуле, преследует цели «укрепления государственности, национальной безопасности и престижа Российской Федерации, ее полноправного вхождения в мировое политическое, экономическое и культурное пространство, развития интеграционных процессов в Содружестве Независимых Государств». В развитие федеральной программы правительством Дагестана разработана республиканская целевая программа «Русский язык (2007–2010 гг.)», закон об утверждении которой принят Народным собранием РД 26 апреля и подписан президентом Дагестана. Цель республиканской программы, как в ней заявлено, «создать условия для полноценной реализации функций русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения в Республике Дагестан». Стабилизирующая роль русского языка в многонациональном Дагестане очевидна: он воспринимается сегодня в качестве одного из эффективных средств обеспечения государственной целостности Республики Дагестан и Российской Федерации в целом.

Если сравнить уровень знания русского языка у дагестанцев с прошлыми годами, то он не только не упал, а наоборот, значительно возрос. Если 30–40 лет назад часть сельского населения республики (а Дагестан занимает одно из первых мест в стране по удельному весу сельского населения) почти не владела русским языком, то сегодня таковых трудно найти даже в самых отдаленных уголках республики. О возросшем уровне владения русским языком говорят сравнительные данные и двух последних переписей: 1989 г. и 2002 г. Например, процент лиц, владеющих русским языком, у аварцев вырос на 24 % (с 62 до 86 %), у даргинцев — на 20 % (с 68 до 88 %), у кумыков — на 16 % (с 74 до 90 %), у лезгин — на 22 % (с 68 до 90 %), у лакцев — на 20 % (с 74 до 94 %), у табасаранцев — на 28 % (с 59 до

87 %), у цахурцев — на 36 % (с 52 до 88 %), у агульцев — на 26 % (с 64 до 90 %).

Как известно, с начала 2000 г. в России и Дагестане складывается качественно новая общественно-политическая ситуация, характеризующаяся определенной стабильностью во всех сферах общественной жизни республики. Восстанавливается единство России, укрепляется государственная власть. Позитивные перемены происходят в экономике, социальной жизни. Однако решение многих вопросов требует современного подхода. В связи с этим следует отметить, что назрела необходимость принятия наконец-то новой, долго обсуждаемой «Концепции развития национальной политики в России» с учетом изменений, которые произошли в обществе, многообразия национальных потребностей и возможностей. Необходимо подчеркнуть, что при коренном изменении общественного строя национально-языковая ситуация в России по сравнению с периодом СССР не претерпела практически никаких изменений. Как и прежде, преобладающий этнос — русские, а единственный язык, способный обеспечивать потребность взаимопонимания в масштабах государства, — русский язык (нерусское население России составляло примерно 18,5 %) ⁶⁵. Если обратиться к Всероссийской переписи 2002 г., то из 2659 тыс. дагестанцев 88,2 % владеют русским языком.

Из всех вторых языков, которые известны в жизни народов Дагестана, наиболее распространенным и наиболее многофункциональным является русский язык. Начиная с середины 1930-х гг. русский язык в силу многих объективных факторов стал выполнять большинство из наиболее важных общественных функций и занимать доминирующее место в экономической, общественно-политической, научной и культурной жизни республики и ее народов. Русский язык, в отличие от всех других государственных языков, выполняет еще несколько важных функций — выступает в качестве рабочего языка учреждений, организаций и др. республиканского уровня, языка обучения в средних школах, средних специальных и высших учебных заведениях.

В настоящее время русский язык как учебный предмет изучают в начальных классах общеобразовательных школ, он является языком организованного обучения в старших классах национальных средних школ. В городских школах и сельской местности в школах со смешанным национальным составом учащихся русский язык является единственным языком обучения. Все профессионально-технические училища, высшие и средние специальные учебные заведения, а также находящиеся в городах детские дошкольные учреждения, интернаты, детские дома, спортивные школы и т. п. функ-

ционируют на русском языке. На русском языке функционируют также все республиканские государственные учреждения и общественные организации, а также промышленные предприятия, торговые организации и т. д.

Русский язык и русская культура всегда благотворно влияли на развитие культуры и языков народов Дагестана. С давних пор горцы старались овладеть русским языком; передовые дагестанцы понимали значение для них русского языка и русской культуры. Вряд ли надо объяснять, какое значение русская культура и русский язык играют в жизни, например, современного многонационального Дагестана. Народы республики не общаются друг с другом, не знакомятся с культурой другого народа на арабском или турецком языке. Русский язык в республике — это не только государственный язык, он стал также и бытовым языком.

Еще в конце XIX в. весьма активизировалась тяга горцев к русской культуре, русскому языку и литературе. Это способствовало становлению национальной культуры и литературы народов Северного Кавказа, а русские школы поистине стали источником знаний. Передовые представители горской интеллигенции явились активными поборниками усвоения горскими народами передовой русской культуры. Они понимали, что для достижения этой цели необходимо знание русского языка, изучение его как в школе, так и в обыденной жизни, в тесном общении с русским населением. Это общение и было ключом к взаимопониманию, установлению дружеских отношений. И это передавалось из поколения в поколение. Русский язык не только приобщал горцев к богатой русской культуре, но и раскрывал перед ними достижения мировой цивилизации, высокой морали и поистине человеческих отношений. Одновременно и русский язык многое почерпнул из языков горских народов, т. е. происходило взаимопроникновение и взаимообогащение языков и культур русского и народов Северного Кавказа.

Высокий социальный статус русского языка, выступающего в этом регионе доминирующим компонентом двуязычия и средством межнациональной коммуникации, настоятельно диктует необходимость хорошего знания этого языка и всеобщее стремление к повышению культуры речи. Поэтому вопросы культуры русской речи представляют серьезную научно-теоретическую и практическую проблему, поскольку русский язык является не только национальным языком русского населения, но и государственным языком в РФ и языком межнационального общения народов России, для которых он стал вторым и даже родным языком.

Актуальность культуры русской речи в условиях национально-русского двуязычия объясняется тем,

что, во-первых, двуязычная личность осуществляет свою этносоциальную и лингвистическую идентичность в основном благодаря именно русскому языку. Во-вторых, ее актуальность обуславливается еще и следующими факторами: возрастанием значения русского языка в жизни населения республики; практической необходимостью в процессе функционирования массового национально-русского двуязычия; неразработанностью проблем современной языковой жизни населения Дагестана; важностью анализа языковой ситуации для дальнейшей разработки научных основ методики преподавания русского языка в национальных республиках.

Таким образом, проблема культуры русской речи в условиях национально-русского двуязычия многоаспектна, ее особая актуальность для дагестанского ареала функционирования русского языка определяется полинациональностью населения региона и обусловленной этим необходимостью использования для межнационального общения такого «культурного» языка, благодаря которому осуществляются важнейшие социальные функции, с которыми не могут справиться национальные языки дагестанцев-билингвов.

Известно, что русский язык в Республике Дагестан достаточно востребован в силу специфической языковой ситуации в регионе — ярко выраженном поли- и билингвизме. Вместе с тем нормы русского языка испытывают серьезное разрушительное воздействие со стороны большинства пользователей — субординативных билингвов. Расшатывание норм связано, в частности, с особым статусом языковой нормы в регионе, который коротко можно описать следующим образом: в связи с тем, что в Дагестане помимо многочисленных официально признанных языков есть еще множество диалектов, одноаульных языков и пр., норма в самих дагестанских языках достаточно вариативна, неустойчива, коммуникативные интенции и реализация их часто соответствуют принципу «и так понятно», и такое отношение к языковому канону экстраполируется на русский язык.

Принципиальной целью языковой политики, как известно, является обеспечение условий для функционирования языка как культурного фактора, способствующего общенациональной интеграции. Другими словами, языковая политика состоит в воздействии на языковую ситуацию, подталкивая ее развитие в предпочтительном направлении, где вектор реальных изменений приближает ситуацию к некоей идеальной картинке национального будущего. И от того, насколько верная языковая политика будет проводиться в этом регионе, будет зависеть не только судьба языков народов Дагестана с их самобытными культурами, но, возможно, и судьба самих народов — носителей языков и культур.

Поскольку в Республике Дагестан сложилась уникальная ситуация для создания реальных условий, способствующих самобытному развитию многочисленных языков, следует принять не противоречащий федеральному республиканский закон, а закон о языках республики, который в полной мере учитывал бы всю этноязыковую специфику Дагестана. В таком законе должен быть четко определен статус каждого языка во избежание всякого рода спекуляций на эту тему. Здесь должно содержаться однозначное определение понятий «язык», «наречие», «диалект», «говор», «подговор» и дано научное объяснение существующей между ними разницы. В этом законе должен быть приведен полный список всех языков, диалектов и говоров языков Дагестана. Здесь должна быть объяснена разница между понятиями «государственный язык», «официальный язык», «письменный язык», «бесписьменный язык», «младописьменный язык» и т. д. Если будут оставлены двусмысленные, обтекаемые формулировки, то еще долго будут продолжаться спекуляции на эту тему, грозящие приобрести национальную окраску.

Одновременно с этим необходимо принять и глубоко продуманную целевую государственную программу по сохранению, развитию и функционированию языков народов Дагестана. Однако прежде всего необходимо выработать единую республиканскую государственную концепцию языковой политики с широчайшим привлечением всех заинтересованных специалистов и провести представительную конференцию для научного решения всех возникающих вопросов на эту тему. Видимо, не случайно, закон «О языках народов Российской Федерации» содержит упоминание о проведении «научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов Российской Федерации на территории Российской Федерации».

Все вышесказанное позволяет предложить следующий проект программы «Развитие и функционирование языков народов Дагестана».

I. Функционирование языков народов Дагестана:

1. Обеспечение конституционного права языков народов Дагестана на их функционирование во всех учреждениях, предприятиях и организациях на территории Республики Дагестан.
2. Создание при правительстве Республики Дагестан постоянной государственной комиссии по языкам народов Дагестана с соответствующими полномочиями осуществления контроля над их функционированием.
3. Во всех учреждениях и предприятиях, расположенных в местах компактного прожи-

вания носителей языков народов Дагестана, создание благоприятных условий (финансовое и учебно-методическое обеспечение) для изучения родных языков.

4. Разработка образцов деловой документации на родном и русском языках.

II. Научное изучение языков народов Дагестана:

1. Создание и издание академических курсов языков народов Дагестана.
2. Создание и издание лингвистической энциклопедии «Языки народов Дагестана».
3. Создание и издание толковых, этимологических, орфографических, фразеологических, исторических, морфемных словарей, а также словарей синонимов, омонимов, антонимов; переводных, терминологических, ономастических, частотных, обратных словарей языков народов Дагестана.
4. Научное изучение речи носителей языков народов Дагестана, проживающих за пределами республики; организация соответствующих экспедиций.
5. Создание компьютерного фонда языков народов Дагестана.
6. Подготовка и издание памятников письменности на языках народов Дагестана.
7. Подготовка и издание академических изданий сочинений классиков дагестанской литературы; издание переводов классиков мировой литературы на языках народов Дагестана.
8. Научное изучение ономастики языков народов Дагестана; разработка научных принципов и практических рекомендаций для наименований и переименований географических объектов.
9. Подготовка и издание лингвистического атласа языков народов Дагестана.
10. Создание научно-популярной литературы (самоучителей, разговорников, занимательных грамматик) о языках народов Дагестана.
11. Организация регулярных симпозиумов и сессий дагестановедов с целью координации научной работы, дискуссии и обмена информацией.
12. Создание кафедр национальных языков на филологических факультетах вузов республики.
13. С целью углубления изучения и фундаментального исследования языков народов Дагестана укрепление и расширение научно-учебной и материально-технической базы на филологических факультетах вузов республики, Института ЯЛИ ДНЦ РАН, ДНИИ педагогики, ДИПКПК и педагогических колледжей республики.

III. Преподавание языков народов Дагестана:

1. Составление программ по развитию родной речи для различных возрастных групп детей в дошкольных учреждениях; подготовка соответствующей литературы и наглядных пособий. Подготовка и издание пособий по ускоренному обучению родной речи.
2. Разработка обновленных учебных программ, планов, научных методик, пособий, учебников и хрестоматий по родным языкам и литературам для школ, ДГУ, ДГПУ и средних специальных учебных заведений, готовящих кадры учителей родных языков и дошкольных работников.
3. Разработка планов поэтапного обучения родным языкам в 1–11-м классах средних школ (правописание и речь, фонетика, основы грамматики, основные вопросы стилистики и лексикологии).
4. Создание кабинетов родных языков и литератур во всех школах и их обеспечение научной и педагогической литературой.
5. Организация изучения родных языков и литератур во всех городских школах, вузах и других учебных и образовательных заведениях республики.
6. В районных центрах и крупных населенных пунктах открытие соответствующих филиалов ДГУ, ДГПУ или педагогических колледжей.
7. Проведение регулярных научно-методических конференций и сессий по вопросам преподавания родных языков и литератур.
8. Оказание систематической действенной помощи центрам, кружкам и группам, изучающим родной язык за пределами республики (снабжение соответствующей литературой, проведение выездных учебно-методических сессий и т. д.); максимальное комплектование их библиотек литературой по вопросам родного языка и литературы.

9. Подготовка и издание учебников родного языка и литературы для дагестанцев, проживающих за пределами республики (с учетом языка региона проживания).

IV. Пресса, радиовещание и телевидение:

1. Систематическое освещение в республиканской и районной прессе вопросов родного языка, литературы и культуры.
2. Введение в республиканской прессе специальной рубрики для освещения материалов по истории родных языков и их функционированию в современных условиях.
3. Создание редакций национального вещания на республиканском телевидении.
4. Введение радио- и телепередач под рубрикой «Родной язык».
5. Создание и увеличение каналов и объема радио- и телевещания на языках народов Дагестана; увеличение их мощности в целях обеспечения приема их передач всеми населенными пунктами.
6. Создание и расширение теле- и радиопередач для детей на родном языке; создание учебных фильмов для высших, средних и средних специальных учебных заведений.
7. Освоение выпуска аудио- и видеокассет на языках народов Дагестана.

V. Организационные мероприятия:

1. Создание республиканского фонда развития родных языков.
2. Создание центра координации фундаментальных исследований по дагестанской филологии.
3. Учреждение именных премий выдающихся дагестанцев за заслуги в области дагестановедения и именных стипендий для студентов и учащихся.
4. Создание координационного совета по реализации настоящей программы.

Магомедов А. Дж.

ТРАДИЦИОННОЕ ИСКУССТВО ДАГЕСТАНА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ XX в.

Дагестан достаточно хорошо известен многоэтничностью структуры своего населения, его полиязычностью. Это регион с развитыми видами традиционного искусства, традиционной фольклорной культуры в целом, которая за последние 100 лет превратилась из дагестанского явления в феномен кавказской (это произошло в конце XIX — начале

XX в.) и российской культуры, что хорошо заметно сегодня. Достаточно зайти в любой, даже небольшой ювелирный магазин или магазин по продаже различных сувениров, чтобы убедиться в этом. Особенно ярко это заметно в Москве. Подарочная серебряная посуда с чернью, коллекционное и сувенирное оружие в оправе серебра и золота, украшения

с вставками из самоцветов и поделочных камней, концертные выступления фольклорных коллективов Дагестана — все эти проявления дагестанской традиционной культуры хорошо представлены на витринах и сценах России.

Дагестанская фольклорная культура традиционного типа включает в себя многие формы. Это и устно-поэтические, устно-прозаические жанры, с которыми традиционно принято ассоциировать понятие «фольклор». Это и разнообразные проявления народного (традиционного) искусства. На сегодня для большинства исследователей очевидной стала точка зрения, когда в понятие «традиционный фольклор» включаются не только устные, но и художественно-ремесленные, музыкальные, хореографические виды и жанры народного искусства. Это и мнение известного российского фольклориста В. М. Гацака. В одной из статей он пишет, что «главное свойство фольклора (любого по виду: словесного, словесно-музыкального, инструментального, хореографического, предметно-изобразительного, орнаментального и пр.) — память традиции»⁶⁶.

Во второй половине XIX в. и особенно в XX в. традиционное (народное) искусство оказалось в условиях интенсивного и нередко достаточно жесткого давления новой промышленной культуры. Характерные для этой культуры технологические революции значительно изменили сферу бытовой культуры населения, с которой всегда тесно связано и народное искусство. Развитие капитализма с его фабрично-заводской промышленностью уже в первой половине XIX в. стало серьезно подрывать всю художественно-ремесленную культуру стран Европы. Конкуренция дешевых промышленных товаров с изделиями ремесленников стала главной причиной этих процессов. На место размеренного труда мастера-ремесленника пришел фабричный труд рабочего.

В этих условиях общественность стран Европы, видные деятели культуры и науки стали поднимать тревогу по этому поводу. Выдающиеся англичане — историк искусства Джон Рескин (1819–1900) и художник Уильям Моррис (1834–1996) были в числе первых, кто поставил эту важную проблему. Такое понимание ситуации во второй половине XIX в. появилось и в России. Деятели ее земских учреждений попытались поставить изучение народных промыслов на научный уровень. В итоге в последние десятилетия XIX в. земские учреждения собрали и систематизировали немало материалов о различных ремеслах России. А в 1875 г. при Совете торговли и мануфактур Министерства финансов правительства России учреждается даже постоянная Комиссия по исследованию кустарной промышленности в России.

С конца 80-х гг. XIX в. началась работа и по оказанию прямой помощи кустарной промышленности. При Министерстве государственных имуществ (впоследствии Министерство земледелия и государственных имуществ) создается Кустарный комитет, программа деятельности которого включала открытие и поддержание различных школ в центрах народного ремесла, организацию выставок изделий народных мастеров, создание оптовых складов ремесленных изделий в главных центрах производства такой продукции и др.

31 декабря 1899 г. Кустарный комитет создан и в Кавказском регионе. Он организован при уполномоченном министра земледелия в Тифлисе и состоял кроме члена-делопроизводителя из представителей «высших правительственных учреждений в крае и лиц, интересующихся вопросами кустарной промышленности»⁶⁷. Кустарный комитет за годы своего существования проделал значительную работу по оказанию разнообразной помощи народным мастерам, сбору материалов о ремесленных промыслах населения региона, подготовке и изданию альбомов, статей, сборников, посвященных народным промыслам Кавказа. Рисунками старинных ковров, собранных комитетом, пользовались и первые кустарно-промысловые союзы, художественные артели советских республик Кавказа.

С начала своей работы Кустарный комитет вел активную научно-исследовательскую работу, связанную с изучением ремесел кавказских народов. Для определения программы исследований и выявления реальных проблем подготовлен и проведен съезд деятелей кустарной промышленности Кавказа. Он прошел в 1902 г. в Тифлисе. Материалы съезда были опубликованы в специальных «Трудах»⁶⁸. Среди статей сборника, подготовленных на основе докладов, есть и сообщения секретаря Дагестанского статистического комитета Е. И. Козубского «Очерк кустарной промышленности в Дагестанской области», бакинского пробырера В. К. Згленицкого «Кустарное производство золотых и серебряных изделий в Бакинском р-не и Дагестане и предполагаемые меры для упорядочения и развития оногo».

Большую работу по изучению народных ремесел Кавказа, в т. ч. и Дагестана, проделал член-делопроизводитель комитета А. С. Пиралов. Если его первая книга «Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа» (1900) являлась в основном переложением известных материалов О. В. Маргграфа, то последующее ее переиздание (1913) содержало много новых сведений. Работы А. С. Пиралова, как и исследования Б. И. Козубского, В. К. Згленицкого, значительно обогатили научные знания об особенностях развития дагестанских художественных ремесел в конце XIX — начале XX в.

Кустарный комитет проводил и другие виды научно-поисковых работ. Так, в 1902 г. он обследовал красильное дело в ковровых промыслах ряда округов Дагестанской обл. Особое внимание его авторы уделили красильному делу в Кюринском и Самурском округах, где ковроткачество было больше всего развито. Специалисты комитета подробно описали технологию получения 14 оттенков красного цвета ковровой пряжи, 5 оттенков желтого, а также ряда оттенков зеленого, коричневого, синего цветов. На основании этих материалов было задумано издание особого труда о положении красильного дела у кустарей Восточного Кавказа. Одним из направлений работы Кавказского кустарного комитета стало и монографическое обследование художественных промыслов известных центров народного ковроткачества⁶⁹.

Советская эпоха кардинально изменила ситуацию в сфере традиционной культуры. Она ознаменовалась в первую очередь директивным вмешательством в сферу народного искусства и художественного ремесла со стороны государства. В итоге многие естественно развивающиеся и демократически организованные явления, характерные для традиционного искусства конца XIX — начала XX в., были деформированы. Произошла централизация и монополизация государством этой сферы как экономического явления. Народные мастера теперь могли работать только на полугосударственных артелях, позже, с начала 1960-х гг., на госкомбинатах и госфабриках, а народные певцы петь опять же только на сцене государственных клубов, домов культуры и т. д. Конечно, сохранялись и индивидуально-семейные формы народного искусства и художественных ремесел, но большого общественного значения они не имели.

Например, производство ремесленников рассматривалось властью как деятельность, связанная с личной собственностью. Но несмотря на это принимались меры по ограничению его масштабов и влияния. Уже в 1930-е гг. кустари, продававшие свою продукцию не через кооперацию, а по рыночным ценам, считались спекулянтами⁷⁰. Официальная пропаганда также пыталась убедить население в непрестижном характере труда частника и низком качестве его продукции. Поэтому слова «кустарь», «частник», «ремесленник» приобрели в общественном сознании пренебрежительный оттенок. С частниками власть активно боролась и другими мерами. После сплошной коллективизации деревни была поставлена задача оградить социалистическую экономику от их активности. Так, в 1948 г. принято специальное постановление правительства ДАССР «О проникновении частника в кооперацию и предприятия местной промышленности»⁷¹.

Хрущевские преобразования также не принесли облегчения ремесленникам-кустарям, работавшим на негосударственных предприятиях. Более того, введено большое число запретов на индивидуально-частные ремесленные и иные промыслы граждан. Дело доходило до абсурда. В сфере такого производства, например, запрещалось даже изготовление и реализация прищепок для белья. Волевыми решениями Н. С. Хрущева ликвидирована и промысловая кооперация. Художественные артели народных мастеров преобразованы в госпредприятия.

В 1965 г. началась работа по исправлению перегибов. 4 августа 1965 г. Совет министров РСФСР, а вскоре и правительство Дагестана принимают новое постановление «О промыслах кустарей и ремесленников». Теперь, например, ковровщица уже могла (с получением регистрационного удостоверения в налоговых органах) ткать ковры для продажи, но... только используя пряжу заказчика (но не свою!). При этом регистрационные удостоверения могли выдаваться лишь тем, кто жил и работал в населенных пунктах, не относящихся к городам республиканского подчинения и райцентрам. По мысли авторов постановления, в городах и райцентрах существовала достаточная для удовлетворения потребностей населения государственная сеть предприятий по производству подобной продукции. Конкуренция же между госпредприятиями и частником категорически исключалась. А чтобы у населения не возникло иллюзий о полной отмене пунктов ранних постановлений, специальным разделом там же перечислялись запрещенные промыслы, на которые сохранялись запреты. В их числе оставался и промысел по изготовлению ковров из собственного материала кустаря⁷². Непродуманность, экономическая нецелесообразность и даже абсурдность таких мер были очевидны.

Советские общественные науки, в свою очередь, в эти годы выдвинули тезис о том, что уже в годы второй пятилетки (1933–1937) в стране «процесс кооперирования кустарей был завершен», что промысловая кооперация для кустарей стала «наиболее простым и доступным путем к социализму»⁷³. На практике такие выводы означали, что в экономике страны должно быть сужено место кустарного производства.

С середины 1970-х гг. начинается потепление позиции государства по отношению к мелкому производству, особенно в сфере народных художественных промыслов. Рост общественного внимания к традиционной художественной культуре, потребности развития рынка товаров, экспорта, преодоления различных дефицитов способствовали отмене многих запретов и ограничений на индивидуальные (частные) художественные промыслы. Постановление правительства СССР

«О кустарно-ремесленных промыслах граждан», принятое в 1976 г., уже не содержало многих жестких запретов по отношению к промыслам народных мастеров, других мелких производителей товарной продукции. В то же время постановление сохраняло запреты на промыслы по обработке таких материалов, как медь и драгметаллы⁷⁴. Работа дагестанских мастеров-ювелиров, работающих индивидуально, продолжала оставаться запрещенным промыслом.

Значительным оказалось идеологическое влияние на традиционное искусство. Под влиянием общей атмосферы, а то и прямых указаний, рекомендаций партийных органов появляются новый фольклор, новые песни о партии, ее вождях, широкое распространение получают «оптимистическая» музыка маршевого типа, новые узоры с изобразительными элементами в виде государственных гербов, портретов вождей, символов стахановского труда, достижений народного хозяйства. Так традиционное искусство адаптировалось к новым советским временам. В то же время в полулегальных условиях сохранялись очаги ряда видов традиционных художественных промыслов, бытуют традиционные элементы в музыкальной, хореографической культуре свадеб, различных народных зрелищах.

В советское время многое из традиционного, кустарного искусства безапелляционно отвергалось как ненужное для нового общества. В то же время государство проводило политику поддержки отдельных очагов традиционного искусства. Так, были организованы артели народных мастеров, государственные комбинаты, фабрики художественных промыслов, развивалась клубная самодеятельность, создавались дома народного творчества, в рамках которых десятки тысяч народных мастеров и мастериц, музыкантов, танцоров были трудоустроены и заняты тем, чем занимались их отцы и деды. Однако частная, индивидуальная инициатива в этом деле жестко пресекалась. В этих условиях многие мастера перестали учить детей, переключились на другие, более безопасные, ремесла. Потому не было случайным, что многие традиционные ремесла заглохли. Страх попасть под статью Уголовного кодекса о запрещенных промыслах, отсутствие рынков сырья, инструмента, материалов, возможности зарабатывать, кормить семьи за счет реализации своих талантов надолго сковал инициативу творцов народной художественной культуры.

Советская эпоха по времени совпала и с процессами интенсивной урбанизации страны, в т. ч. Дагестанского региона, сопровождавшейся ломкой многих составляющих традиционной культуры. Но советская урбанизация в отличие от аналогичных процессов начала XX в. была особым

явлением. Городские слои нового времени (вплоть до 1960-х гг.) мало интересовались народным искусством. Их отличало скромное материальное положение, соответственно, ограниченные потребности и возможности, а также повышенный акцент на идеологической стороне быта.

Перестройка, переход России в 1990-е гг. на демократические основы власти и рыночные механизмы экономики привели к восстановлению многих утраченных традиций народной культуры, развитию частной инициативы в сфере традиционного искусства, появлению в нем новых направлений, формированию традиций малого предпринимательства в этой сфере. Был восстановлен демократический механизм адаптации, приспособления традиционного искусства к меняющимся реалиям жизни, механизм естественного формирования его новаций.

Современную культуру Дагестана трудно представить без значительного пласта традиционной художественной культуры, оставшейся от прошлого и востребованного сегодня. Изучение традиций этой культуры важно не только в научно-теоретическом аспекте, но и в плане оценки их потенциала для решения таких практических задач, как развитие экономики, экспорта товаров, как патриотическое, эстетическое, трудовое воспитание, организация досуга населения. В условиях многонациональной России и существующего многообразия культур важно их осмысление и как особых символов, знаков национальной культуры, наследия и образа такого региона, как Дагестан.

Дагестанское традиционное искусство в XX в. пережило эпоху становления новых видов и направлений, обновления и эволюции жанров этого искусства. Исследование этих процессов с учетом новых подходов только начинается. В последние годы вышли монографии о творчестве видных деятелей искусства, стремящихся в своем творчестве опереться на традиционное художественное наследие, исследования об особенностях развития художественных промыслов Дагестана⁷⁵.

В рамках выполнения проекта «Дагестанский традиционный фольклор в контексте социальных процессов XX века» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН в Институте ЯЛИ им. Г. Цадасы ДНЦ РАН издано 8 работ, в которых в том или ином контексте рассматриваются выше обозначенные проблемы⁷⁶.

Сохранение традиций народного искусства в современном обществе обществоведами выдвигается как важная задача. «Наше время дает, — пишет академик Г. Г. Гамзатов, — основание говорить о глобальном, планетарном характере возрастания интереса к фольклорным истокам эстетического сознания и художественной практики»⁷⁷. Причины

такого общественного интереса кроются во многих факторах. Это и небывалый рост национального самосознания, и защитная реакция общества на тенденции глобализации культуры, нивелировки национального своеобразия культур в условиях постиндустриального общества. Уместны здесь и слова президента Дагестана, сказанные им в своем выступлении на заседании Госсовета РФ 26 декабря 2006 г. По его словам, «посильная поддержка языков и традиционных культур всех дагестанских народов, больших и малых», рассматривается властью как основа и для «сохранения стабильности»⁷⁸.

Общеизвестно, что последнее десятилетие XX в. отмечено бурными событиями во всех сферах общественной жизни. Болезненная ломка размеренного застойного времени, обвал экономики, массовое обеднение широких слоев населения, а затем медленные темпы обустройства жизни на новых началах — все это осталось позади. В то же время перемены в сфере культуры в эти годы не столь заметны и не столь драматичны, как в политике и экономике. Развитие культуры, в особенности искусства, чаще ориентировано на перспективу. Оно не дает сиюминутных выгод для жизни населения. Поэтому и интерес к ее проблемам специфичен и более характерен для интеллектуальной части общества. Культура для основной части населения — это то, что находится рядом, но в то же время не видно.

Преобразования в области народного искусства и традиционных художественных промыслов и ремесел начались еще с середины 1980-х гг. В 1986 г. принят Закон об индивидуальной трудовой деятельности, давший перспективу развитию многих традиционных художественных промыслов и ремесел. Тогда же за счет расширения так называемого регионального компонента стали обновляться образовательные программы. Сегодня дети значительно больше знают об истории, культуре и художественных традициях наших народов. В школах введен обязательный предмет «Культура и традиции народов Дагестана». Среди новаций времени — активное разрушение государственных монополий не только в экономике, но и во многих сферах культуры. Появление частных форм, художественно-творческой, образовательной деятельности, возникновение новых коллективов искусства, расширение вариативности программ художественного образования, репертуара творческих коллективов, уменьшение идеологического давления власти на процессы в сфере искусства позволило обогатить дагестанское традиционное искусство, способствовало ее более масштабному выходу на арену российского масштаба.

Сегодня традиционное искусство Дагестана бытует в нескольких формах. Это наследие тради-

ционного искусства, сохраняющееся в музейных и иных формах. Оно постоянно пополняется за счет выявления все новых произведений народных мастеров прошлого. Главное же, оно оказывается востребованным в его первоначальных проявлениях. Это организованные в различные предприятия (государственные, частные) народные художественные промыслы, ориентированные на рынок. Это сценический фольклор, организованный под руководством специалистов различных домов народного творчества и частных спонсоров. Это и самостоятельно развивающиеся формы неорганизованной сферы народной художественной культуры (художественное ремесло, хореографические, песенные элементы свадебных и семейных торжеств). Это и формы профессионального искусства, активно использующие наследие народного искусства как источник для творчества (здесь и творчество художников по моделированию сценической и современной модной одежды, и работа художников профессионального декоративно-прикладного, хореографического искусства, и творчество композиторов, актеров театра и эстрады).

Как было уже отмечено выше, централизация и монополизация советским государством чуть ли не всех сфер общественной деятельности, в т. ч. и искусства, значительно ограничили развитие творческих процессов, сковали поиски народных мастеров, певцов. Сегодня все это в прошлом. Вместе с тем, говоря о современной культуре, нельзя не сказать о постиндустриальном этапе развития российского общества, который несет с собой много положительного в виде информированности общества, многообразия и доступности благ, комфорта быта и др. Только улучшение комфортности быта стало значительным звеном прогресса человеческой культуры в XX в., хотя одновременно оно же стало причиной утраты многих ценностей народного искусства.

Поэтому когда сегодня мы говорим о возможных рисках утери ценностей традиционного искусства Дагестана, потерь его ярких составляющих, то прежде всего надо иметь в виду, что эти риски часто исходят из новейших «революций» индустриального развития общества, глобализации его социокультурного контекста. Социально-культурные явления новейшего времени — это последствия во многом объективных процессов, идущих не только в России, но и в мире. Другое дело, что часто в том же Дагестане наблюдается отставание в формировании альтернативных, более близких к духовности и ментальности традиционного искусства культурных явлений современного типа. Без этого звена часто невозможно продлить жизнь гуманистических начал традиционной культуры и искусства.

Другая опасность кроется в том, что для развития традиционного искусства очень важно поведение элиты общества. Известно, что в процессах формирования новых потребностей и ценностных ориентиров всегда большую роль играла и играет сегодня элита общества. «Усвоенное элитой новшество, — пишет известный этнограф С. А. Арутюнов, — подчас почти автоматически приобретает (для нижестоящих социальных слоев) престижное значение»⁷⁹. Известно также, что такое искусство в его высоких формах всегда затратно, оно требует финансовой подпитки и поддержки в виде заказов, покупок таких ценностей, благого отношения к творцам и их труду.

К сожалению, последние 20 лет новой эпохи показали, что дагестанская элита часто озабочена не этими проблемами. Поэтому обращает внимание то, что ее волнует не традиционная культура, а иные культурные веяния. Неоготика в жилье, эстетика «блеска» — вот элементы новой культуры, заимствуемой ею и потом всеми. Так было и в начале XX в., такое происходит и сейчас, в начале XXI в. Только советская власть полагала, что новации в культуре можно сформировать через бедняцкие прослойки общества. Отсюда и весь драматизм преобразований культуры в 1920–1930-е гг.

В последние годы представители бизнес-элиты республики более активно выступают с различными инициативами в этой области. Так, 10–12 июля 2008 г. в с. Хайхи Кулинского р-на Республики Дагестан состоялась выставка художников Дагестана. В прошлые годы там же был организован праздник лакской песни. Идея таких праздников была предложена еще в 2004 г. известным дагестанским композитором Ш. Р. Чалаевым и московским бизнесменом дагестанского происхождения Омари Каллаевым и получила название «Шунудаг»⁸⁰.

Риски связаны и с позицией власти и органов управления. В свое время советская власть, излишне монополизировав эту сферу, пыталась безуспешно взять всю ответственность за его развитие на себя. Механизмом финансовых дотаций оно поддерживало ряд нерентабельных производств народных художественных промыслов, развивало госзаказами те или иные виды народного искусства.

Сегодня другая ситуация. Тем не менее существуют десятки форм помощи и господдержки традиционного искусства. Дагестанская власть в целом сознает такую ответственность и стоящие в этом направлении задачи. Об этом говорят факты поддержки достаточно дорогостоящих проектов по проведению различных всероссийских и международных конкурсов. Так, новым и устойчивым явлением общественной и культурной практики в республике становится проведение различных

фольклорных праздников общедагестанского и зонального масштаба.

Третий Международный фестиваль фольклора и традиционной культуры «Горцы» (25–29 июля 2008 г.) приобрел характер международного праздника. В последние годы он традиционно приурочивается к Дню (26 июля) принятия Конституции Республики Дагестан. Решение о проведении такого фестиваля с регулярностью праздника в каждые два года было учреждено постановлением правительства Дагестана еще в мае 2004 г.

Среди подобных акций и праздники фольклорной песни и искусства. 19–20 июля в с. Ахты состоялся фольклорный фестиваль, собравший представителей всех южных районов Дагестана. Он был посвящен историческому эпосу Шарвели. Первый такой праздник состоялся в 1984 г. Стоит отметить и научную конференцию «Фольклор и музыкальная культура Дагестана и Северного Кавказа», прошедшую в Махачкале в 2006 г. (рис. 7, 8).

С такими формами поддержки мы связываем и прошедшую в Махачкале 1–8 июля первую с международным участием Всероссийскую выставку-продажу «Золото России-2008». Она была активно поддержана правительственными организациями Дагестана. Выставка проводилась в республике впервые. На ней были широко представлены традиционные художественные промыслы Дагестана.

В каждом из таких праздников важнейшим стержнем акции становились исторические образы, явления традиционной фольклорной культуры, народных промыслов Дагестана⁸¹.

Известно, что огромная область культуры дагестанских народов зародилась под влиянием художественных традиций Востока (художественное ремесло, фольклор и др.). В прошедшее тысячелетие они превратились в важные элементы, образующие многие составляющие фундамента современной дагестанской культуры. В дагестанской культуре значителен и пласт культуры, сформировавшейся под влиянием европеизированных российских культурных традиций. С ними связаны многочисленные «революции» в быту дагестанцев, в формах их культурного досуга, в процессах формирования новаций традиционного искусства и др.

Последние десятилетия привносит в дагестанскую культуру новые элементы, связанные с резким ростом возможностей доступа и распространения информации, с ростом разнообразия форм досуга, набора потребительских товаров, услуг и т. д. Все более заметными становятся и тенденции к универсализации (в сравнении с другими народами, странами) культуры дагестанского общества. Сегодня практически трудно говорить о сохранении в Дагестане локально замкнутых очагов традиционной культуры в чистом виде. Почти везде

(и в горах, и на равнине) видят, надевают, едят одно и то же, развлекаются одинаково. Тенденции к универсализации можно наблюдать в жилищном строительстве, интерьерах жилья, пище. Даже кладбищенские территории и в горах, и на равнине сегодня выглядят одинаково — почти везде пестрая смесь традиционных и европейских типов памятников.

Интересно, что универсализации подвергается даже такой консервативный праздник, как традиционная свадьба. Европейская фата невесты и пышные застолья теснят традиционный свадебный наряд не только в сельских районах равнины, но и в горах. Таким образом, современная дагестанская культура представляет собой оригинальный сплав как древней, исламской (шире восточной) и европеизированной (преимущественно российской) культуры XIX–XX вв. На нее наслаивается культура новейшей постиндустриальной эпохи, не знающей ни этнических, ни государственных границ.

Сторонники самобытности дагестанской культуры часто легко обращаются с такими категориями, как «особый», «уникальный», нередко выдавая желаемое за действительное, приписывая исторической реальности необычные свойства. Но, с другой стороны, есть и определенная почва для таких рассуждений, т. к. чисто этнические или этноокрашенные пласты занимают еще важное место в дагестанской культуре. Здесь и музыкальный фольклор, и материальные реалии быта (одежда, пища, утварь, художественные промыслы и др.), и ряд черт поведенческой психологии и др. Все это живые остатки «седой старины», которые хорошо заметны здесь. И надо признать, что «лицо дагестанской национальности» пока просматривается достаточно хорошо.

Традиционная культура в виде элементов одежды, кухни, особенностей акцентов языков, манер общения и др. широко используется сегодня в сценической художественной культуре, эстраде, в повседневной практике. Она во многом формирует современный образ Дагестана, определяет его важные культурные особенности. Одно время на эстраде республики была заметна нездоровая привычка превращать отдельные знаки национальной этнокультуры (звуковые особенности дагестанских языков, своеобразие говоров, акцентов дагестанцев, выучившихся русскому языку в позднем возрасте и т. д.) в объект осмеяния, карикатурной, злой иронии, сарказма. Сегодня это уже неактуально. Многие эстрадные певцы, выросшие в городских семьях и плохо владеющие родным языком, теперь не стесняются петь на этом языке со сцены. Или другой пример. Интерес к ношению традиционной папахи, сочетающийся с устойчивым нежеланием их хозяев не снимать его в помещениях, сегодня сменился бо-

лее спокойным отношением к этому атрибуту традиционного костюма.

Многие процессы, идущие в современной культуре, связаны с молодежной культурой и шоу-бизнесом европеизированного типа. Независимо от наших желаний в условиях открытости общества в перспективе будет доминировать эта культура, имеющая мало общего с традиционной дагестанской культурой. Так было во многих странах. Теле-, аудио-, видеопродукция, мода, сотовая связь, интернет превратились в мощный культурообразующий фактор современности.

В сохранении традиционных искусств важное место принадлежит государству, которое может в условиях того же Дагестана воздействовать на эти процессы через избирательную финансовую помощь. С этой практикой надо сочетать широкую пропаганду гуманистического содержания традиционной культуры и искусства. В этих целях в республике можно учредить специальные дни — праздники традиционной культуры. Есть необходимость учреждения и специального фонда дагестанской народной культуры и искусства.

Важной частью выработки научной политики в этой области является изучение накопленного опыта других стран. Широко известен опыт развития традиционных ремесел в Индии, Китае, Юго-Восточной Азии, оригинальный опыт развития народной зрелищной культуры в странах Латинской Америки, Европы и т. д. Хорошо известно, что многие восточные народы в условиях постиндустриального общества сохраняют элементы своей традиционной культуры. И это несмотря на то что современная демократизация быта основана на принципах комфортности и удобства, отбрасывающие многие традиции прошлого. Нам же в этой области часто и терять нечего. В этих условиях в главных составляющих, определяющих самобытность дагестанской культуры, остается все меньше традиционных элементов. Добиваться их сохранения — одна из актуальных задач общества.

Хочется обратить внимание еще на одну важную для дагестанской традиционной культуры и искусства тему. Речь о сосуществовании светских и исламских традиций и представлений. В дагестанском обществе в 1990-е гг. возникло определенное противостояние между светскими началами в искусстве и религиозным пониманием того, что такое искусство и каковы его общественные функции. Такое положение во многом сохраняется и сегодня. В исламе нет четко разработанной концепции эстетического. Более того, известны высказывания столпов ислама о чуждом для ислама характере таких явлений искусства, как скульптура и всякое изображение, дающее тень, музыкальное искусство, многие виды современного искусства. Отношение

ислама к народной культуре также общеизвестно. Ислам отрицал и отрицает ее, если она связана с не-исламскими по духу представлениями и взглядами людей. В то же время (история Дагестана дает тому немало примеров) ислам не мог выкорчевать наследие народной культуры и искусства и доисламские традиции в обществе продолжали жить. Более того, фиксируется удивительное разнообразие сочетаний исламских и доисламских культов, обрядов, праздников во многих явлениях культур народов Дагестана. Пользуясь этим, последователи ислама пытаются отрицать многие ценности традиционного искусства.

Многие молодые служители исламских культов в Дагестане, плохо или вовсе не знающие историю его культуры, пытаются выдать ислам за единственную форму исторического наследия культур народов Дагестана. Отсюда и все народное музыкальное искусство (танцы, песни и др.), а также профессиональные формы искусства XX в. объявляются как недагестанские, как явления, чуждые нашей культуре. При этом все прикрывается лозунгами борьбы против глобализации культуры, противодействия западной, американизированной культуре.

Так, под влиянием ислама сегодня в Дагестане исчезла традиция яркой декоративности надмогильных памятников. Исламские догматики не смогли побороть народные традиции художественной резьбы на таких камнях, но их влияние проявляется в том, что мастера-резчики, как бывало раньше, не закрашивают узор разноцветными красками (такая традиция сформировалась еще в конце XIX в.). А в ряде сел, где сильны позиции деятелей ислама такого типа, исчезла традиция устанавливать на могилах художественно украшенные памятники, хотя в прошлом в этих местностях такая традиция была широко развита.

В ряде сел Дагестана в последние десятилетия уже не играют свадеб с музыкой и песнями. Да и в городах растет процент свадеб, играемых без музыки (свадьбы-мавлиды), составляя где-то примерно 5 % от всех играемых свадеб. Свадьбы-мавлиды часто превращаются в пропагандистские шоу по критике светских традиций. На них звучат речи о том, что свадьба-мавлид — единственно народный для дагестанцев свадебный обряд.

Известно и то, что в практике работы современных национальных театров есть немало случаев, когда, как и в далекие 1930-е гг., их коллективы не пускают на гастроли в те или иные села по религиозным мотивам. В ряде высокогорных районов Дагестана была запрещена деятельность сельских клубов (как известно, клубы во многих местах занимались организацией художественной самодеятельности села), а их помещения переданы мечетям и медресе⁸².

Очевидно, что надо бороться с крайними, бездуховными формами западной культуры и искусства. Но дагестанское общество в целом несогласно и с деятелями ислама, его рядовыми сторонниками, которые проповедуют нетерпимость к инакомыслию, к светским традициям художественной культуры.

Динамизм событий XX в., социальные и технологические трансформации этого времени привели к формированию своеобразных механизмов приспособления и адаптации традиционного фольклора к новому. Эти механизмы значительно различались в конце XIX — начале XX в., в советский период истории и постсоветское время.

Советская политика монополизации сферы экономики и культуры, прессинга одной идеологии привела к свертыванию (угасанию) многих традиций художественного ремесла, вокальной и музыкальной культуры, формированию новаций особого вида в традиционной фольклорной культуре. В то же время под протекцией власти были созданы полугосударственные и государственные формы (артели, комбинаты, дома культуры и др.) развития традиционной художественной культуры, отработаны механизмы их адаптации и приспособления к новой идеологии и ее задачам.

Большой динамикой развития и новыми чертами адаптации отличается время постсоветской истории. Восстановление частного производства, предпринимательства и торговли, появление плюрализма и поликультурности в идеологии и образовании способствовали бурному развитию художественных ремесел, становлению новых вокально-хореографических фольклорных коллективов, различных форм меценатства и иных негосударственных форм поддержки традиционной культуры. Особое место продолжали занимать государственные формы поддержки такой культуры.

Сегодня традиционная фольклорная художественная культура Дагестана бытует в следующих формах:

- 1) музейное наследие, которое не просто лежит на витринах, а активно востребовано обществом; в последние годы оно активно пополняется за счет новых закупок и возвращения ценностей, некогда вывезенных из Дагестана;
- 2) традиционные художественные промыслы и ремесла (рис. 9), многие из которых (ювелирное дело) превратились в экономическое и культурное явление российского масштаба;
- 3) сценический фольклор вокально-хореографических форм;

- 4) народная неинституализированная художественная культура (традиционные элементы свадебных (*рис. 10*), семейных и других торжеств, ремесел, ориентированных на выполнение работ по заказам, и др.);
- 5) профессиональные формы культуры, активно осваивающие традиционное историко-культурное художественное наследие (моделирование одежды, профессиональные танцевальные коллективы, эстрада).

Современные реалии и идущая глобализация социокультурных процессов выдвигают как важную научную проблему оценку условий и перспектив сохранения традиционных форм фольклорной культуры. Традиционная фольклорная культура Дагестана может быть сохранена для будущих поколений, если удастся решить ряд задач:

- 1) найти в условиях глобализации для этой культуры свою рыночную и социокультурную нишу;
- 2) привлечь интерес новой элиты к национальной культуре и традиционному искусству и задачам ее сохранения;
- 3) противостоять влиянию исламской идеологии, особенно ее фундаменталистского направления, на развитие традиционной худо-

жественной культуры, светской культуры Дагестана вообще;

- 4) добиться всемерной поддержки традиционной художественной культуры со стороны государства.

Особую актуальность приобретает решение первой задачи. Здесь возможны следующие перспективы:

- 1) развитие ремесел с использованием новейших технологий художественной обработки материалов (точное литье, использование искусственных самоцветов в ювелирном деле и др.);
- 2) развитие ремесленных производств, досуговых услуг, ориентированных на выпуск небольших партий изделий или на определенные группы населения, обслуживающих ограниченные по масштабам рынки товаров и услуг;
- 3) развитие сувенирных направлений производства народных ремесел;
- 4) специальная поддержка труда выдающихся мастеров художественного ремесла, деятелей, работающих в других сферах народной художественной культуры;
- 5) обслуживание потребностей локальных форм народной бытовой культуры, сохраняющихся и сегодня в своей первоначальной форме.

Крючкова Т. Б.

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ЯЗЫКОВ РОССИИ И ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В СФЕРЕ НАУКИ

Способность к адаптации любой системы к изменяющимся условиям является необходимой предпосылкой ее успешного функционирования. Однако если речь идет о крупных социальных системах, таких, например, как государство, то возникает проблема соотношения уровня адаптации с национальными интересами страны, ибо в какой-то момент они могут прийти в противоречие.

Рассмотрим указанную проблему на примере функционирования местных и иностранных языков в нашей стране (по материалам исследований, проводившихся в рамках проекта «Функционирование русского и английского языков в России: конкуренция или дополнительная дистрибуция?»).

Казалось бы, эта сфера в отличие, например, от экономической, политической, военной не имеет первостепенного значения для жизни государства. Тем не менее, поскольку язык является основой национального самосознания, важнейшей духовной ценностью в жизни этносов и цементирующим

звеном полиэтнических образований, она является очень важной значимой.

Языковая ситуация на нашей планете, по крайней мере в той ее части, которую принято называть цивилизованной, начиная со второй половины XX в., характеризуется постоянным усилением роли английского языка, что обусловлено в первую очередь глобализацией современного мира. В результате он, безусловно, стал в настоящее время мировым языком № 1, получив распространение далеко за пределами тех стран, где он является основным коммуникативным средством. Надо сказать, что до недавнего времени проблема взаимоотношения местных и иностранных языков являлась актуальной, прежде всего для постколониальных стран. Однако в последние десятилетия в связи с указанным обстоятельством она стала небезынтересной для многих государств, имеющих многовековую историю самостоятельного развития.

Языковая ситуация в любом административно-территориальном образовании определяется совокупностью функционирующих там идиомов в их взаимоотношении и взаимодействии. Одним из важных признаков языковой ситуации является характер доминирующего в государственном масштабе idioma — местный или импортированный.

Но в этой связи возникает вопрос, что такое «доминирующий идиом»? Под «доминирующими» могут подразумеваться идиомы как минимум трех типов: 1) демографически доминирующий, т. е. идиом, на котором говорит большинство населения административно-территориального образования; 2) функционально доминирующий, т. е. употребляющийся в большинстве сфер общения; 3) аксиологически доминирующий, т. е. обладающий наибольшим социальным престижем.

При этом один и тот же идиом может не одинаково оцениваться по разным параметрам. Например, демографически доминирующий идиом может использоваться только в бытовом внутрисемейном общении, традиционной хозяйственной деятельности и фольклоре, т. е. быть функционально достаточно ограниченным, а функционально доминирующим может оказаться совсем другой идиом, которым пользуется менее значительная часть населения. Такое положение дел, судя по данным Л. Б. Никольского, существовало в Парагвае, где разговорным языком для 95 % населения был гуарани, который из других сфер общения лишь очень ограниченно присутствовал в художественной литературе, массовой коммуникации и школьном обучении. А средством официального и письменного общения служил испанский язык, которым владело лишь 52 % населения⁸³.

Проблема оценочных доминант языковой ситуации до сих пор практически не обсуждалась в социолингвистической литературе, однако здравый смысл подсказывает, что чем меньше языков функционирует в конкретной сфере, тем более престижной она является. Это соображение подтверждается и реалиями языковой жизни. Так, государства, чьи языки относятся к числу мировых, весьма болезненно реагируют на ослабление их позиций в сфере международного общения под давлением английского языка и предпринимают значительные усилия для того, чтобы сохранить, а лучше — расширить их функционирование в этой сфере. Например, представителями этих стран была проведена большая работа, в результате которой удалось добиться, чтобы «Радио ООН» вещало на всех шести официальных языках этой организации, и журнал «Хроника ООН» также выходил на всех этих языках⁸⁴.

Страны, языки которых по уровню своего развития не уступают языкам международного обще-

ния, стремятся, чтобы их языки выполняли и эту функцию. Так, немецкий язык, как известно, не является официальным языком ООН, ФРГ воспринимает эту ситуацию как дискриминационную и добивается включения немецкого языка в их число. Несколько менее развитые языки, как правило, на сферу международного общения не претендуют, но стремятся по крайней мере выполнять функции языков межэтнического (межнационального) общения, занять устойчивые позиции в сфере административно-управленческой деятельности, а также проникнуть в сферы естественных и технических наук, равно как и в соответствующие отрасли высшего и среднего образования.

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее престижными, т. е. аксиологически доминирующими, в настоящее время являются следующие сферы: 1) международного общения; 2) административно-управленческая; 3) естественных и технических наук; 4) высшего естественнонаучного и технического образования; 5) среднего естественнонаучного и технического образования; 6) межнационального общения. Причем уровень их престижности убывает именно в этой последовательности, хотя, казалось бы, логичным поставить сферу межнационального (межэтнического) общения сразу после сферы международного общения. Однако анализ языковых ситуаций в различных регионах показывает, что зачастую функцию языка межэтнического общения выполняет язык, который не используется ни в сфере естественных и технических наук, ни в соответствующих сферах образования, например аварский язык в Дагестане.

Надо сказать, что аксиологические доминанты языковой ситуации в некоторых случаях весьма негативно влияют на языковую политику, провоцируя стремление внедрить тот или иной язык именно в самые престижные сферы, хотя не они являются наиболее важными для витальности языка.

Для современного этапа общественного развития, идущего в условиях глобализации, с одной стороны, и роста национального самосознания многих народов мира, с другой, характерен процесс изменения функциональной нагрузки значительного числа языков. Как уже отмечалось, глобализация влечет за собой усиление позиций английского языка в сфере международного общения. То же самое происходит в сферах естественных и технических наук и соответствующих отраслях образования. От этого страдают даже те языки, которые занимали в этих сферах традиционно устойчивые позиции, например немецкий⁸⁵. Наряду с этим процесс роста национального самосознания приводит к развитию противоположных тенденций и настроений. Властные элиты всячески стараются внедрить языки своих этносов в сферы административно-

управленческой деятельности, естественных и технических наук и образования, превратить их в языки межэтнического общения. Большой интерес представляют ситуации, когда эти разнонаправленные процессы сталкиваются. Чаще всего это происходит в сфере науки и образования.

Интенсивное проникновение английского языка в Россию началось несколько позже, чем в другие неанглоязычные страны. Обусловлено это политической ситуацией в мире, существовавшей до середины 1980-х гг. Центральное место в ней занимали две противоборствующие системы, в одной из которых доминировала Америка и английский язык, а в другой — СССР и соответственно русский язык. Ослабление и развал Советского Союза привели и к изменению языковой ситуации в мире, усилив позиции английского языка в Восточной Европе. Затронул этот процесс и Россию.

Следует сказать, что российское общество еще не оценило позитивные и негативные стороны этого явления и не выработало какой-либо осмысленной языковой политики в данной сфере. Отсутствует и научная база для ее создания. Особенности функционирования английского языка в России и специфика его взаимодействия с местными языками почти не изучены. Наиболее очевидным результатом экспансии английского языка является сокращение объема и интенсивности функционирования в РФ других иностранных языков, традиционно присутствовавших на ее территории, прежде всего немецкого и французского⁸⁶. Однако для разработки адекватной и сбалансированной языковой политики особенно важное значение имеет изучение функционального взаимодействия английского языка с языками народов России.

Предметом нашего исследования является взаимоотношение русского языка, являющегося демографически наиболее мощным и функционально наиболее развитым языком на территории РФ, татарского языка, который по своей функциональной мощности занимает в стране второе место, английского и некоторых других функционирующих в России иностранных языков.

Русский язык — это старописьменный развитый полифункциональный язык, обслуживающий практически все сферы жизнедеятельности его носителей, вплоть до естественных и технических наук. В нем хорошо разработаны терминологические системы всех отраслей науки и техники, развиты разнообразные функциональные стили. Русский язык является основным языком, обслуживающим все без исключения сферы российской науки. Хотя после распада СССР количество ученых, активно использующих русский язык в своей профессиональной деятельности, сократилось, русский язык стал значительно реже выполнять

функцию средства международного научного общения, тем не менее его позиции как языка науки и сейчас очень устойчивы.

По данным Российского статистического ежегодника, в 2002 г. в России работали 2630 научных учреждений; кроме того, научные исследования проводились в 390 высших учебных заведениях страны, а также в 257 конструкторских бюро и некоторых других организациях⁸⁷. По данным этого же ежегодника, в 2002 г. в РФ естественными и техническими науками занимались 363 436 чел. Все они, безусловно, использовали в профессиональном общении русский язык. Демографическую базу русского языка в этой сфере пополняют также многочисленные аспиранты и докторанты.

В 2003 г. на русском языке было опубликовано 77 171 наименование научных книг и брошюр общим тиражом 672 696,6 тыс. экз. В том же году в стране выходило 274 русскоязычных журнала по математическим и естественным наукам общим годовым тиражом 1336 тыс. экз.⁸. Английский язык присутствовал в этой сфере гораздо более ограниченно. Наиболее широко он используется в российской научной периодике. Практически все просмотренные нами научные журналы как по естественным и техническим, так и по гуманитарным наукам содержали какую-либо информацию на английском языке — резюме статей, оглавления или по меньшей мере название журнала и состав редколлегии. Исключение составили лишь журналы, параллельно выходящие на русском и английском языках, о которых будет сказано несколько позже. Многие журналы, прежде всего естественнонаучные и технические, печатают статьи иностранных авторов на английском языке, причем далеко не всегда эти авторы англоязычны по происхождению. Иногда по-английски публикуются и российские ученые, однако это не носит массового характера. Чаще всего такие статьи встречаются в подборках, посвященных юбилею какого-либо выдающегося деятеля науки, в которых участвуют и российские, и зарубежные исследователи.

В научной книжной продукции английский язык фигурирует реже. Часть естественнонаучной и технической литературы выходит без английских резюме или аннотаций. Гораздо чаще они встречаются в гуманитарных изданиях, в которых также обычно приводится английский вариант оглавления.

Обычно на двух языках, русском и английском, выходят доклады или тезисы докладов российских ученых, принимающих участие в крупных международных научных конференциях, проходящих за рубежом. На различных научных конференциях и симпозиумах, проводимых в России, рабочими языками обычно бывают русский и английский. Соот-

ветственно, на обоих языках готовятся программы, рабочие материалы и т. п. В ходе дискуссий, обсуждений докладов и разного рода незапланированных выступлений часто приходится прибегать к услугам переводчиков, поскольку количество активных билингвов в аудитории, как правило, невелико. Но, с другой стороны, мы неоднократно были свидетелями ситуации, когда двое российских ученых дискутировали друг с другом по-английски, чтобы быть лучше понятыми зарубежными коллегами, мало заботясь при этом, поймут ли их соотечественники.

Английский язык интенсивно используется в разного рода справочных и реферативных изданиях. Издания, содержащие информацию о российских публикациях, дублируют на английском языке названия разделов, заголовки книг и статей, именные указатели, оглавления, видимо, рассчитывая, что ими сможет пользоваться не только российский, но и зарубежный читатель. Часть изданий, напротив, ориентируется на российских исследователей, владеющих английским языком. Так, например, реферативный журнал по физике, издаваемый Всероссийским институтом научной и технической информации (ВИНИТИ), большинство аннотаций работ зарубежных ученых дает на английском языке (по всей вероятности, это просто перепечатки аннотаций книг и статей, приводимых в оригинальных изданиях). Поскольку журнал выходит довольно большим тиражом, можно предположить, что он оказывается востребованным специалистами, и такой способ подачи информации не вызывает у них возражений.

Широко распространен английский язык и в интернете. Причем российские ученые не только используют англоязычные сайты интернета для получения сведений по специальности, но и вводят собственную информацию. Многие институты Российской академии наук имеют в интернете свои сайты, в которых дается параллельная информация на английском и русском языках. Аналогичные персональные сайты имеют и многие ученые, некоторые же вообще предпочитают давать информацию только на английском языке.

В последние годы на базе российской науки сформировалась целая отрасль, функционирующая исключительно на английском языке. В 1991 г. издательство «Наука» совместно с американской издательской фирмой создало Международную академическую издательскую компанию «Наука/Интерпериодика». Эта компания готовит английские версии 88 академических журналов по самым различным отраслям естественных и технических наук. Эти журналы являются полными аналогами русских изданий, которые переводятся опытными специалистами в России и редактируются американцами. Журналы распространяются главным

образом в Америке и некоторых развитых странах. В России издается также несколько международных научных журналов параллельно на русском и английском языках.

В настоящее время академическое издательство выпускает 5–6 книг на английском языке в год. Чаще всего это работы известных российских ученых по математике, физике, биологии и другим естественным наукам, которым удалось получить какие-либо гранты на издание своих трудов.

Факт издания в России журналов и книг на английском языке вряд ли можно рассматривать как свидетельство функционирования английского языка в нашей стране как языка науки. С таким же успехом все эти книги и журналы могли бы переводиться и издаваться на английском языке за рубежом. Видимо, в России это просто дешевле стоит. Но тем не менее эта деятельность оказывает косвенное влияние на распространение английского языка в данной сфере: некоторые авторы предпочитают переводить свои статьи сами или проверять адекватность переводов, формируется слой квалифицированных издательских работников, способных готовить к печати научную литературу на английском языке.

Приведенные данные наглядно свидетельствуют о том, что в настоящее время объемы функционирования русского и английского языков в сфере российской науки несопоставимы. Здесь, безусловно, доминирует русский язык. Основная функция английского языка в данной сфере — служить языком-посредником между российской наукой и остальным научным миром. Однако большой интерес представляет вопрос, как будет развиваться языковая ситуация дальше. Этот процесс, как известно, происходит под влиянием разнообразных объективных и субъективных факторов. Напомним еще раз, что в РФ в настоящее время отсутствует целенаправленная и последовательно проводимая языковая политика в отношении английского языка, поэтому чрезвычайно важно выяснить, как функционирует язык в различных языковых (речевых) коллективах и общностях, какое место он занимает в их социально-коммуникативных системах (СКС). Дело в том, что именно стихийная модификация этих систем может оказаться решающим фактором в ходе развития языковой ситуации в России.

Под языковым коллективом в научной литературе принято понимать совокупность социально взаимодействующих индивидов, обнаруживающих определенное единство языковых признаков, а под речевым коллективом — коллектив, отличающийся от других не инвентарем языковых единиц, а их употреблением в речи⁸⁹. Любой языковой и речевой коллектив характеризуется наличием единой

социально-коммуникативной системы, которая определяется как совокупность языковых систем и подсистем, используемых таким коллективом⁹⁰.

Объектом нашего исследования явилась СКС научных сотрудников одного из физических институтов РАН. Согласно приведенной выше дефиниции они составляют языковой коллектив, поскольку, с одной стороны, работая в одном институте, находятся в определенном социальном взаимодействии, с другой — характеризуются прежде всего таким языковым признаком, как владение языком для специальных целей (языком физики) и соответствующим профессиональным жаргоном.

Однако в центре внимания находилась не эта характеристика, а вопрос о том, в какой мере данный коллектив пользуется английским языком в своей профессиональной деятельности. Для того чтобы ответить на этот вопрос, проведено анкетирование ученых. Анкета состояла из четырех блоков вопросов. Первый касался социально-демографических характеристик респондентов, второй — их владения и употребления английского языка, третий — их знания и употребления других иностранных языков, четвертый — отношения респондентов к широкому распространению английского языка как языка науки.

Все респонденты были мужского пола, возраст колебался от 22 до 61 года, все имели высшее образование (физики и математики), 42 % имели степень доктора наук и 42 % — степень кандидата наук. Распределение по возрастным группам выглядит следующим образом: 21–30 лет — 25 %, 31–40 лет — 8 %, 41–50 лет — 42 %, 51–60 лет — 17 %, старше 60 лет — 8 %, что в целом пропорционально отражает возрастной состав сотрудников института.

Все респонденты ответили, что знают английский язык. Им было предложено оценить свои знания английского языка по шкале: хорошо/посредственно/плохо/совсем не владею по следующим позициям: 1) чтение англоязычной литературы по специальности; 2) перевод научного текста или письма к коллеге с русского языка на английский; 3) разговор на профессиональные темы на английском языке; 4) понимание устной английской речи на профессиональные темы.

33 % респондентов оценили свои знания по всем четырем позициям как хорошие. Они в равной степени распределены по всем возрастным группам, кроме группы 31–40 лет, в которой таковых не оказалось. Половина их имеет степень доктора и половина — кандидата наук. 50 % респондентов оценили свои знания по первым двум позициям как хорошие, а по двум вторым — как посредственные. В этой группе также не прослеживается четко выраженных корреляций между возрастом, уровнем образования и степенью владения языком. И, на-

конец, 16 % респондентов оценили свои знания по первым трем позициям как хорошие и по четвертой позиции — как посредственные.

Все без исключения респонденты хотели бы улучшить свои знания английского языка.

Также все информанты ответили, что используют английский язык для чтения специальной литературы, общения с иностранными коллегами, работы в интернете. 16 % респондентов указали, что пользуются английским языком для перевода (написания) своих статей.

42 % респондентов не знают никаких иностранных языков, кроме английского, и не считают необходимым их учить, поскольку они не нужны для профессиональной деятельности. 42 % знает другие иностранные языки (60 % — немецкий, 20 % — французский, 20 % — другие). Все они знают эти языки хуже, чем английский. 60 % хотели бы улучшить свои знания. 16 % хотели бы выучить немецкий язык, хотя половина из них считает, что для профессиональной деятельности он не нужен.

В последнем блоке вопросов респондентам предлагались следующие варианты ответа на вопрос: как вы оцениваете широкое распространение английского как языка науки в современном мире? (можно указать несколько ответов):

- 1) хорошо, что появился единый язык — посредник для ученых всего мира;
- 2) широкое распространение английского языка ставит в более выгодные условия ученых-англофонов;
- 3) английский язык вытеснит из сферы науки другие языки даже внутри стран, в которых они традиционно использовались в этой сфере, например немецкий в Германии, что делает эти языки менее престижными;
- 4) постепенно российским ученым даже в России придется перейти в научной деятельности на английский язык, что: а) хорошо, б) плохо;
- 5) в ближайшие десятилетия русскому языку как языку науки в России английский язык не угрожает;
- 6) оптимальным вариантом для современного ученого в России является русско-английское двуязычие;
- 7) российскому ученому для успешной профессиональной деятельности достаточно русского языка;
- 8) когда-нибудь и английский язык будет вытеснен из сферы науки другим языком, например(назвать);
- 9) другое.

Все респонденты отметили в своих ответах пункт (1), т. е. положительно оценили тот факт, что в настоящее время английский язык выполняет функ-

цию лингва франка в сфере мировой науки. 33 % посчитали, что такое положение дел дает определенные преимущества ученым-англофонам — пункт (2). 42 % опрошенных полагают, что постепенно российским ученым придется осуществлять свою деятельность на английском языке даже внутри страны, т. е. английский язык вытеснит русский из этой сферы общения, причем только 8 % из них считают, что это плохо — пункт (4). 58 % придерживаются мнения, что в ближайшие десятилетия английский язык не вытеснит русский из сферы науки — пункт (5), но здесь следует отметить, что 28 % из них одновременно отметили в своих ответах пункт (4), причем с положительной оценкой, т. е. их ответы вступают в определенное противоречие друг с другом. 75 % респондентов в качестве оптимального варианта для своей научной деятельности рассматривают владение русским и английским языками — пункт (6). 8 % опрошенных считают доминирование английского языка в сфере науки временным и предсказывают, что его место может занять китайский язык — пункт (8).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что английский язык, бесспорно, является компонентом СКС обследованного языкового коллектива. Характерно, что ни один из респондентов не считает, что может успешно заниматься своей профессиональной деятельностью, владея только русским языком. Показательно также отсутствие явно выраженных корреляций между языковой компетенцией, оценками существующей ситуации и демографическими, а также социальными (уровень профессиональной квалификации) параметрами респондентов, что свидетельствует об устойчивом и стабильном месте английского языка в рассматриваемой системе.

Настораживает, однако, тот факт, что большинство, считающее позиции русского языка как языка науки в России незыблемыми, является не очень значительным (58 %). Это заставляет задуматься о том, что приведенные выше данные о подавляющем доминировании русского языка в сфере науки не дают повода для самоуспокоения. Процессы, достаточно интенсивно идущие в настоящее время в СКС различных языковых коллективов и общностей, могут постепенно нарушить существующий баланс между русским языком, обслуживающим все сферы внутреннего потребления, и английским, позволяющим осуществлять контакты с внешним миром.

Аналогичное исследование было проведено нами в Республике Татарстан, где языковая ситуация дополняется татарским языком. Этот язык в силу своих функциональных характеристик и высокого уровня структурного развития в условиях языковой политики, проводимой в республике, по логике вещей имеет шансы на проникновение и в те доста-

точно немногочисленные, но социально наиболее престижные сферы, где он раньше не функционировал, в частности в сферу естественных и технических наук. Интересно проследить, как этот процесс сочетается с распространением английского языка, и отразится ли все это на позициях русского языка в республике. С этой целью в Казани проведено социолингвистическое исследование, аналогичное тому, которое осуществилось в Москве. Естественно, анкеты были модифицированы с учетом дополнительного компонента языковой ситуации.

Анализ полученных результатов показал, что и у ученых, и у преподавателей, и у студентов, представляющих естественные науки, в профессиональной деятельности, безусловно, доминирует русский язык. Вторую позицию занимает английский, знание которого все без исключения информанты хотели бы улучшить. Характерно, что информанты, которые не знают татарского языка, не испытывают потребности в его изучении.

Большинство информантов указали, что английский язык необходим им для общения с зарубежными коллегами или публикации своих работ за рубежом. Результаты анкетирования достаточно явно демонстрируют обратно пропорциональную зависимость между возрастом и уровнем владения английским языком.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в настоящее время английский язык не составляет значимой конкуренции русскому языку в сферах науки и образования Татарстана. В сфере естественных наук он, скорее, влияет на позиции татарского языка, оттесняя его со второго на третье место в социально-коммуникативных системах рассматриваемых языковых коллективов.

В заключение необходимо отметить, что поскольку сфера естественных и технических наук является одной из самых престижных в иерархии социальных сфер, обслуживаемых языком, общество должно проявлять повышенное внимание к происходящим в ней языковым процессам. Вполне понятное стремление ученых сделать свои исследования достоянием мировой науки, что наиболее легко осуществить при помощи английского языка, не должно приходиться в противоречие с интересами страны, которые состоят, в частности, и в том, чтобы сохранить присутствие государственного языка в данной сфере. Очевидно, что речь идет не о каких-то запретительных мерах. Вряд ли уместны здесь и патриотические призывы. Вполне понятно, что эта проблема тесно связана с укреплением позиций России и, соответственно, русского языка в современном мире.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ

Статья подготовлена в рамках проекта «Динамика фольклорной традиции в бесписьменных и младописьменных обществах: лингвистический и социокультурный аспекты» по направлению «Культурная и языковая динамика в исторической ретроспективе. § 5. Устойчивость и изменчивость традиционного фольклора» (руководитель проекта — В. Я. Порхомовский).

В ней рассматриваются некоторые аспекты соотношения традиционной культуры и языка в условиях перехода от бесписьменного общества к обществу, в котором постепенно складываются письменные традиции. В этой ситуации формируется письменная норма и происходит письменная фиксация корпуса текстов, представляющих традиционную культуру, с одной стороны, а также создается новый корпус текстов, изначально принадлежащих письменной социокультурной парадигме — с другой.

Прежде чем приступить непосредственно к теме данной статьи, необходимо сделать одно предварительное замечание. Сам термин «письменность» (или «письмо») мы понимаем как такую графическую знаковую систему фиксации и передачи информации, в которой хотя бы частично представлены знаки, непосредственно отражающие фонетику конкретного языка и, следовательно, требующие знания этого языка для понимания письменного текста. Графические знаковые системы, состоящие исключительно из идеографических (иконических) знаков, не являются письмом в указанном выше смысле слова и не предполагают однозначной фонетической интерпретации соответствующих текстов в рамках фонетической системы определенного языка⁹¹.

Идея передавать информацию с помощью рисунков, которые затем упрощаются до вполне абстрактных знаков, частично или полностью теряющих связь с первоначальным рисунком, является вполне тривиальной. Напротив, фиксацию звуков речи с помощью графических знаков, видимо, следует оценивать как одно из величайших (если не самое великое) культурных достижений человечества.

В качестве весьма условной аналогии приведем практическое освоение огня как параллель пиктографии и идеографии, в сравнении с изобретением колеса, что по значимости можно условно сопоставить с изобретением фонетических письменных знаков. В этих последних случаях отсутствуют естественные прототипы, и, следовательно, для их

создания потребовалось высшее проявление «креативности». Огонь и идеографические (пиктографические, иконические) знаки имеют вполне очевидные источники: огонь — это отнюдь не редкое явление в природе, следы зверей и человека и иные естественные отпечатки выступают как прототип пиктографии. Напротив, никаких аналогов колеса, насколько известно, в природе не существует; имеется в виду круглый предмет, надетый на ось, а не использование положенных на землю круглых предметов, например бревен, для перетаскивания по ним тяжелых грузов. Следует отметить, что первое появление колеса фиксируется с середины 4-го тысячелетия до н. э. в Месопотамии, а фонетическое письмо было изобретено там же, но несколько позже, в конце этого тысячелетия (см. об этом ниже). Очевидно, что подобное совпадение отнюдь не случайно.

Сказанное выше означает, что количество абсолютно самостоятельных изобретений фонетического письма, т. е. при полном отсутствии информации о том, что феномен письма и чтения вообще существует, минимально в истории человечества. Безусловно, здесь наличествует обширное поле для дискуссий о том, в какой степени самостоятельными являются те или иные письменности, достаточно архаические, но более поздние по сравнению с самыми древними из известных людям систем письма, а также о том, представлены ли фонетические знаки в некоторых графических системах или они являются чисто идеографическими. Подробное обсуждение этих вопросов далеко выходит за рамки настоящей статьи⁹². Достаточно отметить, что наиболее древние графические системы с существенным фонетическим компонентом, т. е. древнейшие из известных в настоящее время систем письма, сложились на рубеже 4–3-го тысячелетий до н. э. в Месопотамии и долине Нила.

В принципе возможны три варианта решения вопроса о первичности одной из этих двух систем — шумерской или древнеегипетской: 1) обе системы возникли независимо друг от друга; 2) первичной является одна из систем, оказавшая влияние на формирование второй: а) шумерская, б) египетская.

Первый вариант, т. е. независимое формирование обеих письменных традиций, представляется наименее вероятным. Из двух оставшихся более вероятным является шумерский вариант, хотя многие авторы, преимущественно египтологи,

предпочитают считать древнейшей египетскую систему.

В любом случае все остальные письменные традиции, известные в настоящее время, возникли в ситуациях, когда сама идея графической фиксации звуковой стороны речи уже была реализована. В одних случаях появление новых письменных традиций явилось результатом прямого заимствования, например аккадское и эблаитское клинописное письмо; в других — форма знаков и принципы устройства письма вырабатывались самостоятельно, но новая письменность складывалась в рамках общего исторического контекста, в котором письмо уже являлось существенным компонентом культурной парадигмы, например возникновение угаритского или финикийского письма.

Все известные письменные традиции, как более поздние по сравнению с шумерским и древнеегипетским письмом, могли складываться под их воздействием, хотя бы косвенным и весьма опосредованным. Здесь важен сам факт осведомленности о том, что подобный феномен возможен и действительно существует. В некоторых случаях предположения о внешнем воздействии представляются весьма маловероятными, хотя полностью их исключить невозможно. Набор этих случаев достаточно хорошо известен, и нет необходимости приводить здесь весь список. Наиболее важной в историческом и социокультурном отношении является ситуация с возникновением китайской письменности, где имеющиеся данные указывают на отсутствие внешних факторов в процессе ее становления, однако значительно более позднее время появления китайской письменности по сравнению с шумерским и египетским письмом, а также некоторыми другими, более поздними системами письма, не позволяет полностью исключить внешнее воздействие.

Подобные вопросы остаются и по поводу некоторых других графических систем. В отдельных случаях имеется спорная проблема наличия или отсутствия в отдельных графических системах фонетических знаков. Однако возможное решение этих вопросов в пользу полной самостоятельности отдельных графических систем или против подобного предположения не имеет существенного значения в контексте нашей проблематики, поскольку существование этих систем письма было весьма ограниченным во времени и пространстве, и эти системы не имели продолжения в рамках иных этноязыковых сообществ, что, собственно, и послужило причиной возникновения указанных выше проблем, а также означает, что любое решение данного вопроса не сможет серьезным образом изменить общую перспективу. Так, даже если удастся доказать наличие фонетических знаков, например, на знаменитых табличках ронго-ронго с о. Пасхи, это

останется лишь частным загадочным эпизодом в общей картине глобального распространения письменности и последовавших за этим кардинальных социальных и культурных перемен.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в абсолютно подавляющем числе случаев письменные традиции во все эпохи возникали при участии внешних факторов. В этом плане ситуации с возникновением письма и формированием письменной нормы в бесписьменных обществах нового и новейшего времени в принципе мало чем отличаются от общих тенденций, сложившихся в предшествующие эпохи. Некоторые специфические особенности обусловлены здесь воздействием процессов, которые принято объединять под общим названием глобализации. Прежде всего речь идет о глобальном развитии средств массовой информации и коммуникации, особенно электронных, и об их влиянии на процессы перехода к письменности в бесписьменных обществах.

Глубина разрыва между бесписьменными социумами (или, иначе, обществами с преобладанием устных традиций) и социумами с устоявшейся письменностью настолько велика, что едва ли адекватно осознается в современном мире, где наличие письма воспринимается как само собой разумеющееся. Как некоторую параллель известной бинарной оппозиции К. Леви-Строса *“Le cru et le cuit”* здесь можно предложить вариант *“L’oral et l’écrit”*. Это справедливо не только для достаточно редких в настоящее время ситуаций, когда члены каких-либо этноязыковых сообществ вообще не подозревают о феномене письма, но и для вполне обычных случаев, когда носители бесписьменного языка не только прекрасно осведомлены о существовании письменности, но и владеют грамотой на другом письменном языке. Тем не менее сама идея переноса феномена письма на свой язык наталкивается на серьезные психологические преграды.

Приведем пример из опыта полевых этнолингвистических исследований на о. Сокотра (Республика Йемен) в 2000 г. В. В. Наумкина и автора этих строк. Сокотрийский язык никогда не имел и не имеет в настоящее время собственной письменной традиции. Для точной транскрипции и интерпретации текстов, записанных на магнитофон во время поездок по внутренним горным районам острова, необходимо участие носителя языка, который может медленно и отчетливо воспроизводить магнитофонную запись. В этой роли часто выступал школьный учитель, переехавший в Хадибо (столица Сокотры) из того горного района, где производились записи. Чтение и письмо (естественно, на арабском языке, являющемся основным письменным средством коммуникации на Сокотре) не просто знакомо ему, но входит в сферу его профессиональных обязан-

ностей. Тем не менее он проявил высшую меру изумления, когда обнаружил, что можно прочесть (по транскрипции) заведомо незнакомый текст на его родном языке.

Становление письменной традиции и формирование литературной нормы в бесписьменных обществах, особенно в новое и новейшее время, как правило, происходят в ситуациях интенсивного внешнего воздействия. Прежде всего это проявляется в заимствовании графической системы, что влечет за собой значительный объем лексических заимствований и калек из языка, чья система письма была использована для графизации бесписьменного языка, причем этот процесс происходит под воздействием комплекса разнообразных внешних факторов — политических, религиозных, культурных, экономических, которые могут иметь как гомогенное, так и гетерогенное происхождение.

Переход от устного способа хранения и передачи словесной информации к письменному означает кардинальное изменение базовых социальных и культурных параметров в результате взаимодействия внешних и автохтонных культурных парадигм. В условиях воздействия гетерогенных внешних факторов развитие языковой нормы в младописьменном языке, а также складывание письменных жанров словесного творчества в обществе с преобладанием устных традиций происходят в контексте взаимодействия и (или) столкновения различных внешних культурно-исторических парадигм, причем полем этого контакта оказывается культура воспринимающего социума, т. е. автохтонная парадигма. (Отметим, что попытки создания в новую и новейшую эпохи оригинальных систем письма, как, например, для языков бамум, ваи, менде в Западной Африке, что могло бы способствовать сохранению соответствующих социокультурных архетипов, не имели сколько-нибудь значимых практических последствий и представляют интерес лишь для специалистов по истории и теории письма.)

Итак, можно выделить следующие основные варианты формирования письменной традиции:

- 1) первичное изобретение письма;
- 2) заимствование письма;
- 3) изобретение оригинальной системы письма в условиях прямого или косвенного внешнего влияния.

Возможны также ситуации, когда в социуме с уже существующей письменностью возникает новая письменная традиция. Здесь можно выделить еще два варианта:

- 4) заимствование новой системы письма, которая вытесняет уже имеющуюся в данном социуме или функционирует параллельно с ней.

- 5) изобретение оригинальной системы письма при наличии уже существующей письменной традиции.

Первый тип по нашей классификации, т. е. первичное изобретение письма, выходит далеко за пределы хронологических рамок данного проекта. Различие между вторым и третьим типами имеет скорее количественный, чем качественный характер, поскольку довольно трудно оценивать степень новизны. Здесь могут играть роль различные параметры: 1) тип письменности — словесно-слоговая, слоговая, консонантная (как особый вариант слоговой), алфавитная; 2) внешняя форма знаков; 3) добавление новых знаков и различных графических элементов для более точного воспроизведения на письме фонетики языка, для которого предназначена новая письменность.

Необходимо отметить еще один существенный аспект. Важно различать ситуации, где заимствованная письменная традиция отвечает уже сложившимся внутренним потребностям соответствующего бесписьменного общества, и ситуации, в которых потребность в письме приходит извне вместе с самим письмом. В первом случае можно говорить о «творческом» характере заимствования. Наиболее очевидным примером является заимствование греками финикийского письма, когда не только были добавлены новые знаки, но изменился и сам тип письма — на место слогового финикийского пришло первое в истории алфавитное письмо, но при этом в основном сохранились форма знаков, их семитские названия и даже последовательность при перечислении (алфавитный порядок). Во втором случае импортированная письменность длительное время может восприниматься как чуждая автохтонной культуре и функционировать преимущественно лишь в контексте той социокультурной парадигмы, которая и явилась источником заимствованного письма. Именно в подобных ситуациях возникает потребность в изобретении собственной оригинальной системы письма (пятый тип по нашей классификации), чему имеется целый ряд примеров в тропической Африке.

Проблема соотношения устной и письменной сфер в речевой деятельности включает целый ряд аспектов. Когда в качестве объекта анализа выступают младописьменные языки, то, как правило, одним из центральных оказывается вопрос о роли устной традиции в процессе становления письменной нормы. Прежде всего следует отметить, что сама оппозиция «устное — письменное» отнюдь не является совершенно однозначной. Так, наряду с собственно устными текстами, т. е. текстами, процесс порождения и функционирования которых происходит исключительно в устной сфере коммуникации, следует выделять тексты, созданные

в рамках письменной сферы, но предназначенные для восприятия на слух. В англоязычной литературе в этой связи даже используется игра слов *oral ~ aural*, как, например, в заголовке сборника статей “Mesopotamian epic literature. Oral or aural?”⁹³.

Естественно, что язык письменных текстов, ориентированных исключительно на устное восприятие, может обладать чертами, характерными как для устной, так и для письменной речи. Аналогичная ситуация взаимного наложения этих двух сфер в рамках одного текста может иметь место и в случае написания этих текстов под диктовку. Здесь происходит обратный процесс: текст создается устно, но предназначается для функционирования в рамках письменной сферы. В этом последнем случае заметное смещение особенностей устного и письменного вариантов языка может отсутствовать, чему особенно способствует наличие жесткой, устоявшейся нормы устного варианта литературного языка. Однако в обществах, где устная сфера коммуникации сохраняет преобладающую роль, а письменная литературная норма находится на ранних стадиях формирования, подобные ситуации возникновения смешанных «устно-письменных» вариантов оказываются весьма распространенными.

В этом плане несомненный типологический интерес представляет ситуация с языком хауса, где представлены три типа формирования письма по нашей классификации, а именно второй, четвертый и пятый. Поскольку первый тип по определению не может быть здесь представлен, ситуация хауса отличается исключительным типологическим разнообразием.

Язык хауса относится к числу наиболее крупных и важных в социолингвистическом отношении языков тропической Африки. Он обладает одной из наиболее развитых и богатых письменных традиций среди младописьменных языков Африки южнее Сахары. В принципе следует говорить о двух письменных традициях хауса — арабографической и на основе латинской графики. (О третьей системе письма хауса см. ниже, в конце статьи.) Однако в данном случае отсутствует резкое противопоставление обеих традиций, как, например, в ситуации с хинди и урду. Здесь на языковой основе хиндустан сложились две письменно-литературные нормы, ориентированные соответственно на письменность деванагари, индуизм и санскрит, с одной стороны, и на арабскую графику, ислам, арабский и персидский языки, с другой. Это привело к возникновению двух самостоятельных литературных языков в рамках единой языковой структуры.

В случае хауса письменная традиция изначально сложилась на базе арабской графики, так называемый аджами. Этим термином арабы обозначали «плохие» местные варианты арабского языка,

а также тексты в арабской графике на других языках, прежде всего на персидском. Арабы Андалусии обозначали так испанский язык. В Западной Африке термин «аджами» закрепился за текстами на местных африканских языках в арабской графике. Процесс становления традиции аджами в землях хауса приходится преимущественно на XIX в., охватывая также вторую половину XVIII и начало XX в., но первые тексты хауса на аджами появились еще в XVII в. Судя по данным средневековых хроник, проникновение ислама в земли хауса началось в XIII в. В течение длительного времени единственным средством письменного общения в странах хауса являлся арабский язык. Лишь постепенно наряду с арабским в качестве письменного языка стал использоваться и хауса, естественно в арабской графике.

Как уже отмечалось выше, возникновение и распространение письменной традиции в обществе с абсолютным доминированием устного способа языковой коммуникации означает фундаментальный сдвиг в социокультурной парадигме. Причем есть все основания предполагать, что наиболее радикальные перемены связаны не столько с первичным появлением импортированной письменной традиции в бесписьменном обществе, сколько с приспособлением этой импортированной письменности для автохтонных бесписьменных языков⁹⁴.

В этой связи возникает интересный вопрос о роли европейского фактора в процессе становления письменной традиции аджами. Разумеется, традиция аджами возникла и сформировалась у хауса в контексте арабо-мусульманской культуры. Как правило, авторы наряду с хауса пользовались и арабским языком. Однако в процессе создания первоначального корпуса текстов аджами следует учитывать то обстоятельство, что во многих случаях эти тексты сочинялись или записывались (если речь шла о фиксации памятников устной традиции) по заказу европейских исследователей и коллекционеров — Дж. Ричардсона, Ф. Эдгара, А. Мишлиха и др. Так, один из крупнейших писателей и мусульманских ученых хауса Альхаджи Умару (1858–1934) писал по заказу немецкого африканиста и крупного колониального чиновника А. Мишлиха⁹⁵.

При этом следует иметь в виду, что установка профессионального носителя соответствующей устной традиции, часто имеющего почтенный социальный статус и достигшего высоких степеней традиционной учености, может сильно отличаться от задач, которые ставят перед собой современные исследователи. Если во втором случае мы имеем дело (или по крайней мере вправе ожидать этого) с письменными текстами, точно отражающими все особенности устного оригинала, то в первом случае ситуация оказывается гораздо более сложной. Если

при этом в качестве наиболее престижного (или единственного) в рамках данного общества средства письменной коммуникации используется внешний по отношению к данной устной традиции язык, то ситуация еще более усложняется. Здесь весьма вероятно первоначальная запись устных текстов на этом языке с последующим обратным переводом на язык оригинала. Очевидно, что в данном случае происходит сложное многоуровневое взаимодействие устного и письменного вариантов⁹⁶.

Так, наиболее крупный исторический и культурный памятник хауса «Хроника Кано» написан на арабском языке. Однако ее автор по всей вероятности либо сам был хауса, либо хорошо знал этот язык, о чем свидетельствуют содержащиеся в тексте многочисленные кирари (этикетные формулы хауса), а также термины хаусанского происхождения. По свидетельству Х. Р. Палмера, опубликовавшего английский перевод этого памятника, арабский язык хроники близок скорее к разговорному, чем к классическому, что также указывает на то, что первоначально хроника существовала в устной форме, а запись ее была осуществлена позднее. В своем предисловии к переводу «Хроники Кано» Палмер пишет: «Оригинал хроники, возможно, был написан каким-либо уроженцем Севера, который обосновался в Кано и собрал передававшиеся устно рассказы о правителях былых времен»⁹⁷.

С установлением британского колониального режима в Северной Нигерии возникает и письменная традиция хауса на латинской основе. Эта традиция получила в языке хауса название *boko* — «латиница; светское европейское образование» (из англ. *book* «книга»). При этом следует подчеркнуть, что это английское заимствование полностью фонетически совпадает с хаусанским словом, имеющим значение «подделка, фальшивка, обман», в т. ч. и по суперсегментным характеристикам. Это, безусловно, свидетельствует об отрицательном отношении к европейскому культурному влиянию со стороны традиционной мусульманской элиты хауса. Едва ли здесь следует говорить о прямом заимствовании термина *boko* из английского. Скорее это пример действия аналогии, известной как народная этимология, причем роль «народа» сыграли мусульманские ученые и писатели, негативно относившиеся к деятельности христианских миссионеров, прикладывавших значительные усилия для разработки и распространения латиницы в Западном и Центральном Судане.

Это отношение хорошо видно на примере поэмы, написанной в 1965 г. хаусанским поэтом Алийу Хусайни в рамках предвыборной политической кампании в Северной Нигерии. Поэма посвящена одному из крупнейших политических лидеров Се-

верной Нигерии Ахмаду Белло и возглавлявшейся им политической партии⁹⁸. Автор воспевает родословную Ахмаду Белло и его всевозможные достоинства, важное место среди которых занимает непримиримое отношение к *boko*:

*Sardauna ya ce gadararku boko
In mun ga dama mu d'auke shi soko
Domin fa mu ba mu salla da boko
Can Lahira ba a aiki da boko
Allah ka taimaki mai gaskiya.*

*Mun d'auki boko kamar dai sana'a
Tun fil azal ba mu mugun d'abi'a
Muna da karatu muna da sana'a
Kiwo da noma muna da sana'a
Farkon sana'ar gidan duniya.*

Перевод:

*Сардауна сказал, что ваша латиница —
Это предательство.
Мы должны относиться к ней как к глупости,
Ведь мы не используем латиницу в нашей вере
И на Небесах нет латиницы.
Да поможет Аллах тем, кто на стороне правды.*

*Мы относимся к европейской учености
как к одному из ремесел.
Никогда мы не принимали плохих обычаев,
У нас есть образование и ремесла,
Пастби скот и обрабатывать землю —
таковы наши дела.
Это самые лучшие занятия во всем мире.*

Сардауна — традиционный титул Ахмаду Белло. В приведенном тексте слово *boko* встречается несколько раз, причем как в более общем значении европейской учености, так и непосредственно для обозначения хаусанской системы письма на латинской основе. Разумеется, не следует делать вывод, что Ахмаду Белло действительно стремился положить конец *boko* в Северной Нигерии. Скорее это пропагандистский прием, имеющий целью показать приверженность политического лидера исламу и традиционным ценностям.

Латинская система письма получила распространение в Нигерии в рамках колониального режима. Этот процесс продолжился и после получения этой страной независимости. Причем латиница стала все больше ассоциироваться с современными политическими, экономическими и культурными реалиями. Однако преобладание латиницы не привело к окончательному вытеснению аджами из употребления. В настоящее время можно говорить об относительно стабильной ситуации параллельного сосуществования двух письменных традиций хауса,

характеризующейся преобладанием латиницы, функционально-жанровым распределением текстов между аджами и боко, а также довольно заметными различиями в языковой норме. Ситуация в Республике Нигер имеет ряд специфических черт, вызванных прежде всего различиями в области языковой политики во французских и английских колониях⁹⁹. Однако и здесь достаточно стабильной является ситуация диграфии.

В последние десятилетия прошлого века в творчестве хаусанских литераторов особое развитие получила проблема сосуществования хауса и английского языка в Нигерии, борьба за чистоту языка хауса против чрезмерных заимствований из английского. Так, именно этим проблемам посвящены произведения одного из крупнейших поэтов хауса второй половины XX в. Акилу Алийю¹⁰⁰. Причем здесь уже не затрагивается вопрос о различиях между аджами и боко, т. е. имплицитно они рассматриваются как неотъемлемые компоненты письменно-литературной традиции хауса¹⁰¹. Учитывая существенное преобладание латиницы в последние несколько десятилетий, многие тексты, в принципе относящиеся к традиции аджами, распространяются на латинице.

Автор настоящей работы совместно с Ю. Г. Суетиной осуществил цикл исследований по проблемам формирования письменно-литературной нормы в младописьменном языке на материале языка хауса¹⁰². В качестве основного метода исследования использовался статистический анализ синтаксических структур на уровне предложений и именных групп. Для этого были специально отобраны тексты, отражающие как устную языковую норму, так и различные этапы формирования письменной литературы различных жанров, с учетом параллельного сосуществования двух письменных традиций.

К исследованию были привлечены тексты самой различной жанровой и стилистической принадлежности, относящиеся к основным этапам становления письменной культуры хауса в обеих версиях — аджами и боко, а также тексты, сложившиеся в рамках устной традиции и, следовательно, отражающие устную языковую норму. К этой последней группе текстов относятся исторические хроники и сказки, представляющие разные грани устной традиции хауса. Переходный период от устного творчества к новой письменной словесности представлен как ранними художественными текстами складывающейся хаусанской письменной литературы, так и некоторыми историческими и псевдоисторическими сочинениями. Для анализа современного этапа развития письменно-литературного языка хауса были взяты тексты художественных сочинений, а также выбор-

ки газетных статей, причем привлекались публикации периодических изданий разных лет и ориентированных на читателей разного социального и культурного уровня. Спонтанная письменная речь на языке хауса также явилась объектом исследования. Для этого использовались подборки писем на аджами и боко, приходивших на протяжении ряда лет в хаусанскую редакцию московского радио.

Проведенные исследования позволили определить основные тенденции эволюции синтаксических структур в процессе становления письменной традиции на языке хауса. Собранные в результате этой работы статистические данные дают возможность для формальной характеристики текстов на языке хауса в плане их соответствия синтаксическим структурам, преобладающим в устной или письменной речи, а в этом последнем случае в рамках традиций аджами или боко. Полученные в ходе этих исследований достаточно четкие статистические характеристики даже позволяют примерно датировать однородные газетные тексты, поскольку для анализа привлекались газеты 1950-х и 1980-х гг. Этот 30-летний хронологический интервал оказался достаточным, чтобы определить основные тенденции эволюции синтаксических структур в процессе формирования нового письменного стандарта хауса.

В последней публикации этой серии сравнительному статистическому анализу были подвергнуты тексты переводов на язык хауса историй Иосифа и Моисея в Библии и Коране¹⁰³. Этот выбор был обусловлен необходимостью использовать для статистического анализа однотипные тексты из обоих источников¹⁰⁴. При этом, что также было принято во внимание при отборе материала, выбранные тексты нарративного характера имеют определенные параллели в собственной хаусанской традиции — исторические хроники, беллетризованные биографии и т. п.

Полученные статистические данные указывают на то, что хаусанские переводы коранических текстов, безусловно, ближе к устным формам языка, чем тексты переводов из Библии. Это позволяет сделать вывод, что хаусанские переводы Корана сохраняют ориентацию на традиционный канон, характерный для письменно-литературной словесности на ее ранних этапах, и особенно в рамках письменности аджами. Попутно необходимо отметить, что в нашем распоряжении находилось издание Корана с параллельными текстами на арабском языке и на хауса, причем для хаусанского перевода была использована графика на латинской основе, хотя совершенно очевидно, что общий культурно-исторический контекст этого издания соответствует письменной традиции аджами. Напротив, хаусанские переводы Библии

входят в сферу письменного творчества, связанного с преобладающим европейским влиянием и больше ориентированного на современность, чем на традицию¹⁰⁵.

Статистические данные вполне отчетливо демонстрируют синтаксические различия между хаусанскими переводами Библии и Корана. Напротив, в рамках одной традиции, т. е. при сравнении между собой только переводов соответствующих библейских текстов историй Иосифа и Моисея или только коранических, статистические данные оказываются значительно более однородными. Поэтому в цитированной выше статье нет никаких попыток сопоставительного анализа языка хаусанских переводов историй Иосифа и Моисея в рамках только Библии или Корана.

Тем не менее статистические данные для библейских историй Иосифа и Моисея на языке хауса скорее указывает на то, что синтаксические структуры истории Иосифа являются более разнообразными, т. е. можно предположить, что перевод истории Иосифа с лингвистической точки зрения следует рассматривать как более рафинированный в художественном отношении, чем перевод истории Моисея¹⁰⁶. Весьма показательным является соотношение языка обеих историй и в оригинальном тексте Библии,

что подтверждает эффективность избранного метода исследования.

В заключение необходимо отметить, что в языке хауса недавно, в самом конце XX в., была сделана попытка изобрести третье, оригинальное, письмо в дополнение к двум уже имеющимся системам на основе арабской и латинской графики¹⁰⁷. Это письмо, разработанное в Нигере и именуемое гобири (по названию самой северной из исторических областей хауса), во многом опирается на берберское традиционное письмо тифинаг, восходящее к пунической письменной традиции.

Разумеется, как и более известные оригинальные системы письма у народов бамум, ваи, менде и т. д., эта письменность не может иметь никакого практического значения, хотя, безусловно, свидетельствует о наличии глубокого культурного конфликта, возникшего внутри традиционного общества после появления там заимствованного письма. Следует особо подчеркнуть, что в случае хауса уже имеется устойчивая и достаточно длительная ситуация диграфии, где в оппозиции *ajami* ~ *boko* арабская письменная традиция воплощает именно традиционные ценности.

Биткеева А. Н.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ДИАСПОРЫ

В современном мире в условиях глобализации мировое сообщество предъявляет новые требования к многоязычию. Особенно подвержена влиянию социальных факторов функциональная сторона языка; в ней постоянно проявляются динамические тенденции, что в определенной степени влияет на разные уровни внутренней структуры языка. В статье анализируется функциональное варьирование языка в изолированных языковых общностях, рассматриваются структурно-функциональные особенности и общие черты формирующихся в иноязычной среде вариантов языка.

Изолированные этноязыковые группы, утратив связь с основным языковым массивом, образовав диаспоры и включившись в новую социально-коммуникативную систему, как правило, образуют новую языковую общность и обнаруживают ряд специфических особенностей в своем этнокультурном и этноязыковом развитии. Ученые считают, что развитие диаспоры направлено на сокращение культурной дистанции, но аккультурация, утрата

своего этнокультурного своеобразия различна, зависит от условий существования диаспоры. Диаспора является диаспорой до тех пор, пока в ее ментальности сохраняется этнокультурная специфика и ее представители осознают свою инакость в окружающем социуме¹⁰⁸. Если этнической группе характерно дисперсное расселение и малочисленность, то она обычно быстро ассимилируется и растворяется в социальной среде, хотя возможно, что ее представители все еще образуют небольшую этническую общность, национальное самосознание не исчезло, многие знают историю, этнографию и фольклор своего народа.

Первое, что подвергается процессу аккультурации, является родной язык. Осваивая язык принимающего общества, человек осваивает принятые в этом обществе нормы поведения, язык, культуру, что ускоряет адаптацию. Постепенно национальные языки становятся функционально неравнозначными доминирующему языку, менее престижными, поскольку возникает необходимость в освоении

языков, что зачастую объясняет многоязычие такой этнической общности.

В статье данная проблематика рассматривается на примере развития калмыцкого языка в изолированных малочисленных этноязыковых групп ойрат-калмыков. Калмыцкий язык относится к западной ветви монгольской группы языков. В настоящее время, в силу сложившихся социально-исторических причин, калмыцкий язык бытует в разных регионах мира. Основная часть калмыков (историческое название «ойраты») проживает в России (в Республике Калмыкия — 155,9 тыс.), относительно компактно — за пределами России: в Китае (в основном в Синьцзян-Уйгурском автономном районе — 180 тыс.), Киргизии (у оз. Иссык-Куль — около 5 тыс.), небольшими группами калмыки проживают в Западной Европе и Америке.

Калмыки, проживающие небольшими этническими группами на территории Западной Европы и Америки, в разное время не раз становились объектом исследований по большей части зарубежных этнологов, социологов, историков, поскольку представляют собой особый научный интерес для исследования. С одной стороны, они являются выходцами из России, с другой стороны, продолжают сохранять свою этническую специфику, культуру, язык. Так, в 1960-е гг. французской исследовательницей Ф. Обэн было проведено этносоциологическое исследование калмыцкой диаспоры во Франции. В 1950–1960-х гг. американские антропологи Д. Эберле, Ф. Эдельман, П. Рубел в разное время проводили исследования среди американских калмыков¹⁰⁹, российские исследователи также не раз посвящали свои исследования калмыкам США¹¹⁰.

Как видим, уклад жизни, положение этнических групп калмыков Европы и Америки в историческом, антропологическом, этнологическом плане достаточно хорошо освещены. Поэтому ограничимся кратким обзором социолингвистической ситуации среди калмыков, проживающих в странах Западной Европы, Америке, где складывалась наиболее интересная в научном плане языковая ситуация среди этнических групп ойрат-калмыков.

Языковая ситуация в калмыцких диаспорах Западной Европы и Америки

В странах Западной Европы и Америки калмыки поселились в начале XX в. Причины эмиграции части калмыков, среди которых было много представителей интеллигенции, разные, но большинство из них, живя вдали от родины, старались сохранить родной язык, свою культуру. В книге «Очерки истории калмыцкой эмиграции» читаем об этом периоде: «Время 1917–1930-е годы... мы можем говорить о политическом, социальном, культурном феноме-

не калмыцкой эмиграции. После Второй мировой войны первая волна эмиграции уже заканчивала свой жизненный путь, а новая формировалась в совершенно иных исторических условиях, носила иной духовно-политический колорит»¹¹¹.

Существует мнение, что в западных странах, где распространена социально-коммуникативная система, включающая местный язык и язык-макропосредник, являющийся средством межнационального общения, обычно доминирует язык господствующего этнолингвистического коллектива, что ведет к постепенному вытеснению языков этнических меньшинств. Такова судьба языков эмигрантов в США, которые в третьем поколении, как правило, забывают родной язык. Подобная ситуация наблюдается и в калмыцких диаспорах Западной Европы и Америки. Ассимилятивные процессы в языке происходят под влиянием социальных факторов, что закономерно, поскольку язык бытует в иной этнической и социоисторической среде. Кроме того, значимым является демографический фактор, роль данного народа среди других этносов ареала. Исследователи отмечают, что для языковой общности калмыков, в частности американских калмыков, при сохранении калмыцкой самоидентификации язык не является определяющим фактором по сравнению с фактором расовой и конфессиональной идентичности. Для зарубежных калмыков существуют три правила: живя вдали от родины, нельзя забывать родной язык, свою историю и религию. Если забывается одно из названных заветов — родной язык, ничего страшного, лишь бы два другие сохранялись¹¹².

Языковая ситуация в калмыцкой диаспоре в Чехии

В начале 1920-х гг. часть калмыков поселилась в Чехии, среди них были и представители калмыцкой интеллигенции, а как известно, это наиболее гибкая в процессе адаптации социальная общность, наиболее общественно активная прослойка, зачастую владеющая несколькими языками. В 1923 г. в Праге была организована Калмыцкая комиссия культурных работников, в задачи которой входило сохранение памятников культуры калмыков посредством записи и издания, а также ознакомление калмыков в условиях эмиграции с национальной и европейской литературой на своем родном языке. Чешское правительство материально содействовало деятельности комиссии, предоставляя возможность публиковать отдельные издания.

Так, например, была издана книга «Хонхо», сборник калмыцких народных легенд, сказок, песен, пословиц, опубликованные на старокалмыцком письме «Тодо бичг» литографским способом, или,

в частности, калмыцкая хрестоматия для чтения в аймачных и улусных школах, которая применялась в обучении русскому языку посредством перевода. Книга была составлена учителем Короволукинской школы Александровского улуса Шургучи Болдыревым. В Пражской русской гимназии, где учились калмыцкие дети, преподавались калмыцкий язык и основы буддизма.

Комиссией культурных работников был опубликован также ряд книг на калмыцком языке, среди них «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, «История приволжских калмыков» Н. Пальмова на калмыцком языке, труд польского монголиста В. Л. Котвича «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка».

В 1927–1930 гг. были выпущены 3 номера журнала «Улан Залата», два первых номера были изданы на калмыцком языке, третий номер не содержал калмыцких текстов. В последующие годы было опубликовано несколько номеров журнала «Информации», во Франции издан журнал «Ковыльные волны»¹¹³.

Комиссия культурных работников считала необходимым издавать литературу на зая-пандитской письменности, считая, что только эта письменность культурно свяжет калмыков со всеми их единомышленниками и единоверцами в Европе и Азии, настоящее калмыцкого народа — с его прошлым, калмыцкую интеллигенцию — с ее народом. Представители комиссии высказывались против введения вместо зая-пандитского письма «транскрипции из чужого письма». Кроме того, при письме соблюдались принципы гармонии гласных, знаки долготы и т. п.

Однако по поводу публикации изданий на старокалмыцком (зая-пандитском) письме были критические замечания некоторых представителей Комиссии культурных работников. Так, С. Балыков считал, что среди калмыков-эмигрантов той поры насчитывалось лишь два десятка человек, и то из числа интеллигенции, которые могли читать на малодоступном для простой калмыцкой народной массы старокалмыцком письме.

Следует заметить, что переход со старокалмыцкого письма на кириллическую графическую систему среди калмыков произошел в начале 1920-х гг., поэтому калмыки-эмигранты первой волны к моменту эмиграции были обучены грамоте, уже основанной на кириллице, подзабыв при этом старокалмыцкую письменность, что и было причиной недоступности для чтения вышеупомянутых изданий.

С. Балыков считал, что борьба комиссии за зая-пандитское письмо была безнадежной и следовало бы отказаться от этого шрифта, поскольку потеря национального шрифта не означает потерю

национального языка и что «язык, как всякому ясно — нечто неотъемлемое с понятием национальной особенности; потерять язык — значит уже раствориться в составе другого народа, тогда как народ существует и совсем без шрифта, без всяких форм и знаков письма»¹¹⁴. Калмыцкая комиссия культурных работников прекратила существование в 1930 г.

Калмыков-эмигрантов первой и второй волн эмиграции как таковых в Чехии не осталось, поскольку в основном они перебрались в другие страны, но сегодня в Чехии сформировалась немногочисленная община «новых калмыков», эмигрантов конца XX — начала XXI в., которые приехали в страну в поисках работы либо с целью постоянного проживания.

Языковая ситуация в калмыцкой диаспоре во Франции

Во Францию калмыки прибыли между 1921 и 1926 г. большими группами, благодаря коллективным контрактам, обеспеченными калмыками прибывшими ранее. Это время стабилизации среди калмыцких эмигрантов первой волны эмиграции. Многие калмыки последовали за отступающей армией Врангеля, которая двинулась из Крыма в Стамбул, затем в Болгарию или Чехию, Балканские страны. Географически колонии калмыков располагались в юго-восточном пригороде Парижа (Вальде-Марн), в Сент-Мор-де-Фоссе, Сент-Морис, Жуанвиль-де-Понт, Мэзон-Альфонт. В меньшей степени калмыки расселились в провинции, например в Нантском р-не, в Виши, в окрестностях Монтагри и Лионском р-не, а также в От-Савуа. Калмыцкая община Франции в основном представлена представителями этнической группы калмыков — бузавами, калмыками — донскими казаками. Вторая волна эмигрантов-калмыков почти не затронула калмыцкую диаспору Франции, калмыки-эмигранты второй волны примкнули в основном к калмыцкой общине США, основанной в 1951 г., после отмены конгрессом США запрета калмыкам на иммиграцию в США.

В 1960-е гг. французская исследовательница Ф. Обэн провела этносоциологическое исследование французских калмыков. По мнению исследовательницы, схема внедрения калмыцкой группы во французское общество схожа с общей линией: это тяга к образованию, но остались сильный консерватизм первого поколения эмиграции и сопротивление культурному давлению окружающей среды, в то время как у калмыцкой молодежи наблюдалась тенденция к психологической и социальной ассимиляции, что соответствует ситуации 2000-х гг. Старики были отрезаны от жизни Франции из-за

плохого владения французским языком, дети же уже имели французское подданство и отличались только внешним видом. Но адаптация калмыков все же протекала сложно, т. к. русско-французское влияние постепенно стирало у калмыков культурную основу. Среди французских калмыков все же были такие, которые отказывались от контакта со своими соотечественниками, растворившись во французской массе¹¹⁵. Первое поколение калмыков-эмигрантов входило в русскую эмиграцию, представители второго и третьего поколений были уже французскими подданными.

Жизнь французской диаспоры калмыков Ф. Обэн делит на периоды: до 1925–1926 гг. — устройство; 1926–1945 гг. — приспособление первого поколения к новой ситуации; с 1945 г. — защита традиций вторым поколением¹¹⁶. Эмиграция стерла социально-экономические различия, все эмигранты-калмыки попали в слой городского рабочего класса. Вначале они были заняты в металлургии, затем из-за кризиса в отрасли перешли в шелковую индустрию. Калмыки первого поколения были убеждены, что их пребывание временное, поэтому не пытались внедриться во французское общество. Характер менталитета диаспоры, как правило, определяет второе поколение, т. к. у него уже нет проблемы выживания: эту проблему решили родители, дав ему определенный социальный статус, а также в процессе адаптации сложились свои нормы поведения, общения в иммигрантской среде¹¹⁷. Благодаря детям родители постепенно воспринимали французскую одежду, пищу. В семье же говорили по-калмыцки, придерживались традиционных методов воспитания. В семейной сфере французский язык долго не употреблялся, только в третьем поколении он употреблялся и то ограниченно, если внуки говорили по-французски, то деды отвечали по-калмыцки. Таким образом, калмыки первого поколения эмигрантов плохо знали или не знали французского языка, культуры, предпочитая калмыцкий язык, культурные традиции.

Ф. Обэн отметила при адаптации к новой среде жизни у калмыков покорное вращение во французскую среду и в то же время борьбу с русским влиянием при стойком сохранении традиционных черт. В первой и второй стране пребывания калмыки могли учиться в национальных школах, но здесь они учили больше язык и религию, чем историю народа. Во Франции калмыки не были расселены централизованно, поэтому, к сожалению, такие школы не могли долго существовать. Например, национальная школа в Лионе просуществовала до 1929 г.

Среди эмигрантов первого поколения смешанные браки были редки, но часты свободные союзы, что, наверное, вызвано ситуацией неопределенности, временности того времени. Вопреки рас-

хожему мнению, что восточные женщины сложнее интегрируются в принимающее общество, поскольку являются хранительницами этнокультурной преемственности, они зачастую не знают местного языка¹¹⁸, по наблюдению Ф. Обэн, все же калмычки легче входили в контакт, им легче давался язык — видимо, благодаря посредничеству детей. Представители третьего поколения французских калмыков вспоминали, что матери обычно говорили по-французски, но ругали их всегда по-калмыцки, т. к. в калмыцком языке более богатый выбор ругательств¹¹⁹. Представители второго поколения адаптировались по-другому, т. к. родившиеся в 1920–1930 гг. имели в основном французское подданство, они были более мобильны, сферы занятости калмыков этого поколения были более разнообразны.

Постепенно калмыки переселялись ближе к большим городам, большинство молодых людей переезжали в пригороды Парижа, что объяснялось желанием получить образование для детей и лучший выбор работ. Калмыки второго поколения легче и лучше восприняли французский образ жизни. Хотя среди калмыков были и те, кто пытался сохранить национальную самобытность в иноэтнической среде, враждебно относились к смешанным бракам как угрожающим их идентичности. Интересно, что калмыки второго поколения испытывали переживания из-за того, что отличались от французской окружающей среды; только к 16–18 годам у них возникла гордость за свою расу. Небольшие изолированные провинциальные группы калмыков быстро растворялись во французской массе, чем большие калмыцкие колонии парижского района. У третьего поколения же возникла проблема не интеграции в окружающий социум, а сохранения своего национального своеобразия, национальной культуры¹²⁰.

По мнению ученых, с точки зрения адаптационных процессов, мигранты делятся на следующие категории:

- 1) те, кто первоначально ориентирован на длительное или постоянное проживание в чужой стране, они активно приспосабливаются к жизни в эмиграции, стремятся к ассимиляции;
- 2) те, кто намерен вернуться на родину, сопротивляются ассимиляции, не желают осваивать язык принимающего общества, приспосабливаются к обстоятельствам настолько, насколько необходимо для выживания (это является мощным фактором сохранения у этих людей, обычно представителей первого поколения, этноязыкового самосознания).

Калмыцкая общность первоначально отказывалась слепо имитировать доминирующее общество путем социально-культурной замены, чтобы

Языковая ситуация в калмыцкой диаспоре в Америке

защитить остатки наследия предков, которое считала неотъемлемым для сохранения национальной самобытности. Монгольская внешность играла большую роль в чувстве специфичности этнической группы. Исследовательница приводит пример старика-калмыка, который не принимал изгнания и считал, что если ему предложат возвратиться, то он уедет, но в этом случае его дети останутся во Франции. В этом и заключается противоречие в национальной идентичности второго поколения. Для старика Родина — это степь, для молодых, рожденных в изгнании, — это страна пребывания. Но калмыки сохраняли при этом некоторые психологические черты: желание объединиться, адаптацию к работе, цельный характер, открытый, верный в дружбе, гостеприимность, мораль, интеллектуальное честолюбие, склонность к знаниям, учебе¹²¹.

По мере приспособляемости к окружающей среде ограничения национального наследия отходили на второй план. Пример калмыцкой диаспоры показал, что, когда интеграция усиливается, группа сознательно солидаризируется, но когда самобытность находится под угрозой, этническая группа понимает специфичность обычаев, при помощи сознательных усилий перестраивает вновь обретенную жизнь. Среди калмыков Франции сохранилось этническое деление на бузавов и дербетов, хотя это деление во Франции не столь выражено, как среди американских калмыков.

Некоторые калмыцкие обычаи еще сохранились до нашего времени, видимо благодаря сильной дисциплине внутри семьи. Они не сохранились бы долго без сплоченности социальной группы, которая выполняет воспитательную функцию.

Устное народное творчество не в полной мере сохранено, при исполнении калмыцких песен французскими калмыками исполняются в основном только припевы, т. е. фольклор во многих случаях — это достояние эмигрантов старшего поколения. По мнению исследователей, сегодня среди калмыков, рожденных в эмиграции, почти никто не знает калмыцкие фольклорные тексты наизусть, не говоря об эпосе «Джангар». Среди представителей старшего поколения французских калмыков сохраняется консервативный стиль, они еще сохраняют традиции предков, в чем им часто помогают мужья/жены-французы, такие примеры часто встречаются. Современная калмыцкая молодежь Франции, да и других калмыцких общин более или менее равнодушно относится к своей этнической принадлежности.

Таким образом, калмыки Франции представляют собой результат влияния чужой культуры на национальное меньшинство, дважды подвергшееся давлению разнородной культуры окружающей их среды.

В США калмыки появились в начале 1950-х гг., где по сей день проживают относительно компактно в основном в штате Нью-Джерси (г. Хауэлл), Филадельфии, Вашингтоне. При этом среди американских калмыков заметно деление на этнические группы. Так, бузавы в основном поселились в Филадельфии, дербеты и торгуты в Нью-Джерси, в Фривуд Акре¹²².

Исследователи характеризуют Америку как нацию иммигрантов, в связи с этим бытует несколько концепций формирования американской нации. Одни ученые считают, что американское общество формируется в процессах ассимиляции, действуя по принципу плавильного котла, т. е. происходит культурное взаимодействие этносов, составляющих американское общество, в результате образуя синтезированную культуру Америки. Другие ученые придерживаются концепции культурного плюрализма, т. е. многокультурное американское общество в США сложилось посредством интеграции диаспор в американскую нацию. По мнению З. И. Левина, иммигранты, прибывшие в США в период, когда сформировалось зрелое общество, интегрировались в социокультурное пространство как этнокультурные группы, отчасти ассимилировались, сохраняя этническое, ментальное своеобразие¹²³.

Все эти факторы характерны и процессам интеграции в американское сообщество калмыков. Старшее поколение пытается привить родной язык молодым, но не вся молодежь говорит на калмыцком языке. В повседневном общении используется английский язык. Ранее делались попытки организовать курсы калмыцкого языка. Так, в 1970-е гг. в г. Хауэлл построили хурул (буддийский моленный дом), где собирались изучать калмыцкий язык. Роль педагогов выполняли ламы, но впоследствии занятия были отменены.

Калмыки в зарубежных диаспорах, до возвращения волжских калмыков из сибирской ссылки, стремились не забыть родной язык, не потерять национальную культуру. После реабилитации волжских калмыков в 1956 г., а затем восстановления статуса республики калмыки зарубежья стали получать национальную литературу из Республики Калмыкия. Калмыцкая интеллигенция в эмиграции продолжала издавать труды по калмыковедению. В настоящее время диаспоры западных стран не издают периодику на калмыцком языке, калмыцкую речь нельзя услышать по радио и телевидению. Калмыцкий язык в странах Западной Европы и Америке в последние десятилетия XX в. находится в состоянии забвения.

К сожалению, в данном случае подтверждается факт, что в третьем поколении родной язык забывается. На родном языке говорят в основном в бытовой сфере преимущественно представители старшего поколения. Большинство калмыков-эмигрантов владеют 2–4 языками. Калмыкам-эмигрантам первой волны в начале XX в. приходилось менять места проживания, мигрируя из одной страны в другую, поэтому многие представители старшего поколения калмыков Европы и Америки говорят на 2–4 языках, языках стран предыдущего проживания.

Судя по словам самих информантов, в родную речь они первоначально добавляли некоторые слова, выражения из местного языка, затем постепенно осваивали язык и впоследствии уже свободно общались на бытовом уровне. В речи стариков наблюдаются интерферентные явления на лексическом, морфологическом, синтаксическом и других языковых уровнях. Например, по наблюдению Э. Б. Гучиновой, выявляются такие случаи, когда в одном предложении используются слова двух, трех, четырех языков, калмыцкие окончания присоединяются к английским словам: *Би ганцхн uncle-нь* — «Я единственный дядя», *News үзүл и* — «Новости показывают», *Мини lipstick чил оч* — «Моя губная помада закончилась» и т. д.

Старшее поколение калмыков хорошо владеет русским языком, поскольку, лелея надежду вернуться на родину, они считали, что русский язык им будет нужен, детей старались отдать в русскую школу, русский язык считался вторым по значению после родного языка; но русская речь старшего поколения отличается архаичностью средств и форм выражения. В 1960-е гг. для детей калмыцкий язык еще был первым языком, это был язык общения в семье, пойдя в школу, они становились двуязычными, общались с родителями на калмыцком, со сверстниками на английском¹²⁴. Молодое поколение американских калмыков плохо знает или вообще не знает родного языка, в основном используя английский язык.

У американских калмыков более сильны традиции, вера. По мнению исследователей, американская диаспора живет в закрытой среде вопреки сравнительной интеграции. Так, они создали культурную ассоциацию в Филадельфии (Общество содействия калмыцкой культуре), калмыки же Франции опасались, что за это преимущество придется платить потерей политической независимости¹²⁵. Сплоченность американских калмыков, в отличие, например, от французских, возможно, объясняется не только относительной многочисленностью, а возможно, и более сложными условиями интеграции в стране поселения, что способствовало более сильной сплоченности. Известно, что чем благо-

приятнее среда для диаспоры, тем меньше потребность в объединении, тем слабее диаспора, а чем труднее процесс интеграции мигрантов, тем сильнее взаимная поддержка в их среде, община более сплоченная, жизнеспособная.

То, что американские калмыки очень ревностно стараются сохранить национальные традиции, заметно по обрядовому церемониалу, многие обычаи, сохраняемые ими давно, вышли из употребления у волжских калмыков, во многих случаях даже не понятны им. Например, сохранился обычай использования табуированной лексики при обращении к старшим родственникам мужа мужского пола, в современной Калмыкии этот обычай уже не соблюдается, для молодого поколения волжских калмыков он уже не понятен. Старшее поколение хорошо знает свои родословные. Если говорить о языковом самосознании, языковой компетенции калмыцкой диаспоры США, то, по наблюдению исследователей, родным языком представители диаспоры считают калмыцкий язык; самоидентифицируют себя как калмыки-монголы; считают, что нельзя забывать родной язык; стараются использовать русский язык как разговорный с русскими эмигрантами, как язык чтения, но повседневным языком общения, языком СМИ для них является английский язык. Калмыки постепенно отказываются от многоязычия и переходят на английский язык, при этом они не готовы поменять свою идентичность¹²⁶.

Итак, у большинства американских калмыков всех поколений наблюдаются устойчивое этническое самосознание, солидарность, симпатия к людям своей национальности, ощущение общности происхождения. Старшие представители диаспор стараются сохранить, укрепить этническую идентичность молодых калмыков. Главное, по их мнению, сохранить культуру, язык, но при этом они чувствуют себя частью американской нации, у них доминируют американские социокультурные привязанности. Следовательно, можно сказать, что калмыки западных диаспор обладают двойственным этническим самосознанием. Этнические общности калмыков западных стран, особенно молодое поколение, переходят от двуязычия, многоязычия к моноязычию, т. е. английский язык постепенно становится родным языком.

В результате анализа изолированных этнических групп калмыков в разных регионах мира установлено, что у калмыков наблюдается тенденция к интеграции, т. е., оказавшись в новой среде, они признали культурные различия своей и новой, например, американской общности, целенаправленно овладели американской культурой, без большого ущерба своей национальной. Но этот факт применим только по отношению к калмыкам-эмигрантам первой волны, новое поколение американских кал-

мыков теряет родной язык и переходит постепенно на английский язык, на культурные традиции Америки. Здесь, вероятно, сказывается проживание не на своей исторической родине, оценка американского образа жизни, английского языка как намного экономически выгодного, социально престижного.

Таким образом, можно сделать ряд общих выводов:

- 1) несмотря на специфические черты становления развития и функционирования этнических групп, все же у них присутствует важность сохранения этнической специфики, которая зависит от внутренней сплоченности группы;
- 2) социальные условия, численность, компактность/некомпактность расселения влияют на образ мышления этноса, а затем и на степень

сохранности языка в той или иной этнической группе, поскольку язык — это «главный инструмент трансформации менталитета диаспоры»¹²⁷;

- 3) более благоприятные, стабильные условия жизни способствуют устойчивости этноязыкового самосознания и сплоченности этнической группы;
- 4) ассимиляционные процессы свидетельствуют об ослаблении внутренней сплоченности этнической группы, усилении адаптации, влиянии доминирующей культуры, языка, этноса.

Таково состояние родного языка в калмыцких диаспорах в странах Западной Европы и Америке на современном этапе. Социолингвистическое изучение калмыцкого языка в разных этнолингвистических ситуациях позволило вскрыть не только особенности его функционального развития, но и закономерности его эволюции.

Плотникова А. А.

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РУМЫНСКИХ КАРПАТ В БАЛКАНСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Полевое этнолингвистическое исследование румынской части Карпат проводилось по проекту «Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура во взаимодействии». Основной задачей, решаемой участниками проекта, была апробация этнолингвистического вопросника¹²⁸, предназначенного первоначально для сбора диалектного материала в рамках «Малого диалектологического атласа балканских языков»¹²⁹, севернее Дуная в карпатских селах (т. е. в северно-балканском ареале, как его называл С. Б. Бернштейн).

Было важно определить наличие балканизмов, т. е. общих для всех балканских традиций явлений, в терминологической лексике народной духовной культуры и особенностях соответствующих экстралингвистических феноменов.

Этнолингвистический вопросник включает вопросы, сформулированные таким образом, чтобы собрать терминологическую лексику в генетически разных языках (принцип «от значения к слову»)¹³⁰, а также и экстралингвистические сведения о самих реалиях, для чего введены темы для бесед по народному календарю, семейной обрядности (рождение, свадьба, смерть) и народной мифологии. Разработанная методика опроса предполагает выявление наиболее существенных для исследуемой традиции

культурных явлений с последующим выяснением их местных наименований.

Одной из частных задач полевых исследований стало также выяснение степени сохранности как терминологии, так и архаических контекстов исполнения того или иного ритуала, представлений о народной мифологии и т. п. Терминологическая лексика традиционной духовной культуры села (пункта обследования) и соответствующие культурные феномены находились в центре внимания собирателя полевого материала.

При расширении территории полевого обследования на север предполагалось охватить часть карпатского ареала (Южную Румынию и западную часть Украины) с целью апробации вопросника на материале неславянской карпатской традиции (Румыния) и восточнославянской карпатской традиции (Западная Украина).

В результате в 2006–2008 гг. были успешно обследованы Южные Карпаты в Румынии (регионы Вылча в Олтении и Бузэу в Мунтении) и бойковские¹³¹, гуцульские¹³² и верховинские закарпатские говоры¹³³ Западной Украины.

По мере работы над проектом полевые исследования по этнолингвистическому вопроснику были распространены также на регионы Средней Словакии (Малая Фатра, Орава)¹³⁴. При этом постоянно

продолжалась работа над пополнением базы фактографических данных по южнославянским селам новыми полевыми материалами, собранными по единому этнолингвистическому вопроснику: в 2006 г. было исследовано с. Осмар в Северо-Восточной Болгарии, в 2007 г. — с. Тенево, обл. Ямбола, в Юго-Восточной Болгарии, в 2008 г. — с. Момчиловцы, обл. Смоляна, Южная Болгария¹³⁵.

Всего в рамках проекта за три года было проведено 14 этнолингвистических экспедиций, составивших основу исследований по проекту.

В Южных Карпатах в Румынии основное внимание было уделено предгорным районам Олтении¹³⁶ и Мунтении, причем мунтянский регион Бузэу (на изломе Карпат) был обследован по этнолингвистическому вопроснику как в своей западной предгорной части¹³⁷, так и в северной, горной¹³⁸. Выбор Южной Румынии в ее (пред)горной части, т. е. исторической области Валахии, был предопределен, во-первых, соседством балканославянских традиций, болгарской и сербской, во-вторых, стремлением обнаружить следы карпатской миграции славян в позднепраславянскую эпоху, а также и обратного движения балканских народов на север в Средние века (XIV–XVII вв.) на материале терминологической лексики традиционной народной духовной культуры и соответствующих экстралингвистических явлений¹³⁹. Архаические традиции зоны Южных Карпат в Румынии представлялись особенно интересными для полевого этнолингвистического исследования и с учетом параллельного изучения украинских Карпат, что подтвердилось данными состоявшихся экспедиций.

К культурно-языковым признакам изученных региональных традиций Олтении и Мунтении, имеющим непосредственные аналогии в балканославянских (и неславянских балканских традициях) на уровне как культурной терминологии, так и обозначаемых обычаев, обрядов, ритуалов, поверий, мифологических образов, можно отнести целый ряд отмеченных культурно-языковых феноменов. Приведем некоторые из них.

В сфере народного календаря:

- 1) *so rcova* — новогодний обычай с использованием обрядовых атрибутов — «оплодотворяющих» палочек (олт., мунт.);
- 2) *plugu o ru* — новогодний обычай с плугом (олт., мунт.);
- 3) *ba bele* — первые 9 дней марта (олт.)¹⁴⁰, *ba bele, zi lele ba belor* — дни старух, 01–09.03 (мунт.)¹⁴¹, связанные с легендой о мартовской старухе наименования первых дней марта;
- 4) *m ri or* — украшение-оберег в день 1 марта (олт., мунт.);
- 5) *c lu a ri* — троицкие обходы домов (олт.);

6) *paparu da* — окказиональный обряд вызывания дождя с обливанием водой участников/основной участницы (олт., мунт.);

7) *caloia n* — окказиональный обряд вызывания дождя, включающий имитацию похорон специально сделанной для этого куклы (мунт.).

Из народной мифологии:

1) *urs t ri(le)*¹⁴², *céle tréi urs t ri, ursit ri* (олт.), *ursitoare* (мунт.) — женские мифологические существа, предсказывающие судьбу новорожденного;

2) *le sfinte* (олт.), *ie le(le), s nz ie ne(le)* (мунт.) — мифологические существа в облике чудесных девушек, оставляющих следы в виде необычного круга травы после ночного танца (серб., хорв., словен. *vila*, макед., болг. *самовила*, болг. *самовила, самодива*);

3) поверья о демонологических свойствах ребенка, рожденного в рубашечке, точнее — в шапочке (*cu tichi e pe cap*), который считается потенциальным вампиром после смерти (олт.).

Из сферы семейной обрядности:

1) поверья о неразрывной связи судьбы одномесячников (т. е. рожденных в один и тот же месяц), называемых *luna tici* от *lun* — месяц (олт., мунт.);

2) повторное погребение покойного — *re nmorm nta re* (букв. «перезахоронение») (олт., мунт.).

Далее будет кратко охарактеризован балканский контекст части указанных явлений в дополнение к тем, что уже исследованы в этом аспекте в сборнике «Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой»¹⁴³ по проекту.

1. Записанный в Олтении и Мунтении новогодний обычай *so rcova* с использованием обрядовых атрибутов, приносящих здоровье и удачу палочек (прутьев), которыми участники обряда ударяют хозяев по спине с целью наделить их здоровьем, распространен преимущественно в Южной Румынии, в областях, примыкающих к болгарскому культурно-диалектному континууму (*umbl*, *merg cu sorcova* — идут с «сорковой»). Этот обряд широко известен в восточной части южно-славянского культурно-языкового континуума, где он обозначается развитой терминологией от ⁺*surva*¹⁴⁴. Кроме того, и в северогреческих областях фиксируется весь спектр значений ⁺*surva*, известных в болгарском и македонском языках.

«вечер перед Новым годом»; «группа детей или взрослых, обходящих дома с благопожеланиями на Новый год»; «новогодняя ночь»; «дары колядующим и ритуальный хлеб для них», а также и «кизиловая палка или ветка, которой колядующие били встречаемых

в ночь на Новый год»¹⁴⁵. В данном случае очевиден непрерывный карпато-балканский ареал обычая и обозначающей его терминологической лексики.

По греческой версии происхождения обряда и обслуживающей его терминологии σοῦρβα «обряд новогоднего битья ветками», «ветка, обрядовый атрибут» связаны с σοῦρβα «плоды дикой груши» (σοῦρβιά «дикая груша» из лат. *sorbus* «груша») ¹⁴⁶. Высказывается гипотеза о том, что обычай болгарского «сурваканья» первоначально появляется в Македонии и Восточной Фракии под влиянием подобных обычаев в Византии (известных до настоящего времени в Понте и Кападокии), в свое время заимствованных от римлян ¹⁴⁷.

Славянская версия происхождения термина связывается с *суров-* в значениях «сырой, влажный», «дающий жизнь» (Т. Тодоров) или же со значением «крепкий», «твердый» (Ст. Младенов). При этом северогреческие термины рассматриваются как заимствования (вместе с обрядом) из болгарского, поскольку это территория тесных славяно-греческих контактов ¹⁴⁸. В этой связи представляются важными периферийные формы *суровари* (Южная, Юго-Восточная Сербия), *суроваритине* (Западная Болгария), иногда рассматриваемые сторонниками греческой этимологии как действие «народной этимологии» в южнославянских языках, усиливающей сходство со значениями «сырой, влажный» и т. п. В славянской версии происхождения термина подчеркивается изначальное функционирование ⁺*surva* в качестве заклинательной формулы (зачины благопожеланий: *Сурва, сурва година* или *Сурова, сурова година*), при этом вторичными являются глагол *сурвакам*, отглагольные существительные *сурвакане* и т. п. ¹⁴⁹

Достаточно логично в таком случае, что рум. *sorcova* «ветка для новогоднего обхода с битьем» рассматривается как существительное от глагола *a sorcovi*, которое, в свою очередь, происходит от болг. *сурвакам*. Любопытно, что именно в румынской традиции на уровне самого обрядового текста сохраняется идея битья «живой, сырой, свежей» веткой: в Олтении в день св. Андрея дети отрезают ветки плодовых деревьев — яблони, груши, черешни, сливы — и ставят в теплое место в сосуд с водой, чтобы на Новый год при обходе для битья родителей и родственников использовать уже давшие листву и расцветшие ветки ¹⁵⁰. Эти наблюдения, записанные в начале прошлого века, подтвердились и при полевом исследовании в с. Сэрата-Монтеору (регион Бузэу в Мунтении): собеседники рассказывали, что на св. Андрея приносят и ставят в кувшин с водой ветки яблони, груши, вишни, мирабели, сирени, которые расцветают до Нового года. Во время обхода участники бьют по спине хозяев «этими цветочками», приговаривая: «Весе-

лая *So'rcova*, живите до старости, как яблоня, как груша, как стебель розы...»

Ареальная картина бытования термина не исключает первую, греческую, версию, согласно которой распространение обряда и термина шло с юга на север (из Греции через всю Болгарию в Румынию), захватывая примыкающие к болгарско-македонской зоне и области Южной и Юго-Восточной Сербии, где известны формы типа с *суров-* (*суровари* и т. п.). По второй версии, центр иррадиации термина следует искать на территории восточной части южнославянского континуума, возможно, на территории греко-славянских контактов, т. е. у славян в той же Фракийской области Греции, откуда они распространились далее на север, либо же в зоне архаического сербско-болгарского пограничья, в южной его части, где до сих пор сохраняются формы с *суров-*, т. е. на периферии всего южнославянского ареала ⁺*surva*. Обе версии о балканском, южнославянском или греческом, заимствовании культурного термина *sorcova* вместе с обозначаемым им обрядом подтверждаются ареальным критерием.

2. Новогодний обычай с плугом, называемый *plugușo'ru* (олт., мунт.), проходил в канун Нового года, при этом в регионе Бузэу зафиксированы обряды *Plugușo'ru Mic* «маленький плужок», *cu Plugușo'ru ăl Mic* «с маленьким плужком» и *Plu'gu ăl Ma're* «большой плуг», *cu Plu'gu ăl Ma're* «с большим плугом» (Сэрата-Монтеору). С «большим плугом» совершали обход взрослые парни, они запрягали четырех волов в плуг и тянули, чтобы сделать борозду; на день раньше (или в тот же день, но раньше) совершался обход детей с «маленьким плугом» (с миниатюрной моделью плуга). Во всех случаях исполнялись колядки с пожеланием хорошего плодородного года ¹⁵¹.

Обычаи обхода с плугом в балкано-славянских традициях не имеют названий, связанных с ^{*}*plugъ* ¹⁵², однако сам ритуал имитации пахоты с последующим «севом» (т. е. разбрасыванием семян) отмечается у южных славян в отдельных болгарских областях (обряд *кукери*) и на крайнем западе Южной Славии — в Хорватии, и особенно Словении ¹⁵³.

Если у румын ритуальная пахота совершается в день св. Василия (на Новый год) и первая борозда проводится по снегу, то у южных славян аналогичные обрядовые действия исполняются на Масленицу, а также в первый день после Масленой недели (болг. *Кукеровден, Куковден* «день кукеров»). Болгарский обряд *кукери* известен в Восточной и Южной Фракии, в Родопах, Средней Горе и отдельных областях Восточной Болгарии. Кульминацией игр «кукеров», в которых обязательно карнавальное распределение ролей («царь», «баба» и др.), является обрядовая «пахота и засевание». Обычно «царь» или главный «кукер» делает на главной площади

три борозды и «засевает» их с пожеланием плодородия.

Следует отметить, что следы ритуальной пахоты в весенние праздники сохранились и у западных славян, в частности у чехов¹⁵⁴; на территории Украины также ранее фиксировались обычаи *хождіння с плугом, плуг, оранка волами*, включающие имитацию пахоты и сева¹⁵⁵. Обряд с плугом в самой Румынии локализуется в ее восточной части: «Молдова, Буковина, Мунтения, Добруджа, реже Олтения, отдельные островки в Трансильвании, МССР»¹⁵⁶.

Вместе с тем второй компонент обряда — годовое ритуальное посевание — широко распространен и у восточных славян (Украина, юг России).

Пока не созданы этнолингвистические карты, фиксирующие терминологию обычаев, семантику сходных наименований и типы обрядовых компонентов на территории карпато-балканской зоны, чтобы определить единые (и (или) противопоставленные) ареалы, позволяющие говорить о генетической общности фиксируемых явлений. Румынский обычай *plugu o ru* можно считать балканизмом в типологическом аспекте (принимая во внимание особую специфику балканской типологии, как ее трактует Т. В. Цивьян¹⁵⁷).

3. Зафиксированный в полевом обследовании Олтении и Мунтении термин *ba be(le)*, диал. *babi(le)* как обозначение первых девяти дней марта известен на значительно широкой румынской территории (Горж, Нямцу, Тутова, регион Сибиу в Трансильвании, Яломица)¹⁵⁸ и точно соответствует макед. *babu(me)* обычно в применении к трем первым дням марта, причем ареал южнославянского наименования захватывает и примыкающие к Македонии регионы Южной Сербии и Юго-Западной Болгарии¹⁵⁹. Обозначение отдельных дней начала марта как *baba bun* «хороший, погожий день» (букв. «хорошая баба», олт., мунт.) и *baba rea* «плохой дождливый день в марте» (букв. «плохая баба», олт., мунт.) достаточно точно соответствует македонскому материалу: «Три баби — это первые дни марта: если окажется день хорошим, говорим, что первая баба была хорошая, другая — тоже такая, а третий — обычно сырой, непогода, значит, плохая баба — лоша баба»¹⁶⁰.

В Южно-Румынских Карпатах женщины также выбирают себе один из дней и по погоде в выбранный день определяют, «какой будет женщина в течение года — доброй или злой»¹⁶¹; иногда таким же образом в целом судят о характере женщины, девушки: если в выбранный ею день идет снег, дождь, значит, в душе человек такой же плохой — *baba rea* «плохая женщина» (Сэрата-Монтеору, Бузэу).

Столь явные карпато-македонские лексические параллели далеко не единичны, они прослеживаются и на западноукраинском/македонском лексиче-

ском материале¹⁶². В нашем случае пример с *babe(le)* демонстрирует межъязыковое лингвокультурное сходство дакорумынской и балканославянской традиции крайнего юга Южной Славии. Ареал названия первых трех мартовских дней *баби* (именно в этой форме, в отличие от других типов, например серб. *бабини дани* и т. п.) на крайнем юге Южной Славии представляет собой замкнутый ареал¹⁶³.

Семантическое соответствие названию *баби* находим у албанцев — *plakat* «старухи», что относится к обозначению трех последних дней марта (30.III–1.IV)¹⁶⁴, но имеет общие корни в балканской легенде о капризной старухе; новые полевые данные и в этом случае подтверждают записи из середины XIX в.¹⁶⁵

4. Наименование мартовской нити-оберега — *m r i o r* — у румын не единственное, хотя и наиболее распространенное. На карте № 597 из «Малого лингвистического атласа Румынии» отмечены и некоторые другие названия, в частности: *Luna lui Marta* (Телеорман), *Luna lui Martie* (Вылча), *Mart*, *Marte* (Яши), *Mar* (Западные Карпаты), а также и *Dochia* (Бакэу)¹⁶⁶.

У балканских славян наименование украшения-оберега практически повсеместно связано с названием месяца: дериваты от ⁺*mart-* фиксируются в болгарских и македонских областях (болг. *мартеница*, *марта*, *мартичка*, макед. *мартинка*, *мартинче*). Редкими являются наименования от глагола болг. *китя* «украшать» (болг. *китица*, *китичка* и т. п.).

В Западной Македонии отмечается особый термин *моњак* (*мльак*), связанный со специальной мужской обрядовой практикой носить на праздник *Летник* (1/14.III) эти изделия, изготавливаемые для всех членов семьи мужского пола, для защиты от молнии¹⁶⁷. Ареал распространения данной обрядовой реалии охватывает также и неславянские балканские зоны, греческие и албанские, причем название там также связано с семантикой месяца марта: сев.-греч. ¹⁶⁹, ¹⁶⁸, на о. Карпатос — ¹⁶⁹, алб. *ver'or/e*¹⁷⁰. Западная граница южнославянского ареала «мартеницы» практически совпадает с государственной границей Болгарии.

Таким образом, в восточной части Балкан наблюдается непрерывный и значительно большой ареал культурного явления и соответствующего его наименования от корня *mart-* или с семантикой «март».

У балканских славян с мартовской нитью связан целый комплекс ритуально-обрядовых действий, направленных на обеспечение здоровья и благополучия членов семьи. В этот комплекс входят особые способы изготовления украшения; подбор цветов ниток или пряжи, имеющий символическое значе-

ние; сроки обязательного ношения нити; гадания по сброшенному с тела оберегу и т. д.

Так, в Юго-Западной Македонии ритуальное украшение *мартинка* принято плести молча, зажмурив глаза или же отведя руки за спину, после чего по количеству вплетенных вслепую красных и белых ниток гадают об урожае соответственно вина и жита в следующем году¹⁷¹.

Иногда в украшение вплетаются дополнительные предметы: монетки, металлические амулеты, сухой чеснок, ракушки и др. Например, в с. Галичник (р-н Дебара в Юго-Западной Македонии) в мартинку, сделанную из белой и красной ниток, вставляется и золотая монетка: украшение вешают на шею детям, «чтобы были здоровыми и крепкими, как золото»¹⁷². Мартовское украшение-оберег привязывают на руки, ноги, шею, прикрепляют к одежде; нередко их вешают на шею скоту, преимущественно молодняку, а также на саженцы плодовых деревьев, виноградные лозы, и различные постройки во дворе (двери дома, загоны, ульи и т. д.).

У балканских славян мартовские нити принято носить в течение трех, девяти (до праздника Сорок мучеников), 25 (до Благовещения) дней (или пока не расцветет первое плодое дерево, пока не увидят первую весеннюю птицу, пока не услышат первое кукование кукушки и т. п.). Затем их снимают и прячут под камень, вешают на плодое дерево или куст розы, бросают в реку, закидывают на крышу дома.

В южных областях Болгарии по оставленной под камнем мартенице гадают о приплоде скота (иногда — о здоровье), тогда как в Северной и Центральной Болгарии, а также в Западной Македонии преобладает форма ритуального обмена с птицами, при виде которых украшение подбрасывают вверх или вешают на дерево, желая получить взамен здоровье, благополучие¹⁷³.

В Румынии, по мнению Й. Гиною, с начала XX в. мэртишор в большей степени становится подарком для детей, девушек и юношей (его дарят утром 1 марта, до восхода солнца). Мартовская нить, к которой привязывают золотую или серебряную монету, носят на руке, иногда на груди или на шее, до определенного весеннего праздника (Сорок мучеников, Вербного воскресенья, Пасхи, дня св. Иеремии) или до начала цветения определенных кустов и фруктовых деревьев (шиповника, дикой или домашней розы, боярышника, черешни и т. д.), когда ее привязывают к цветущим веткам. Получивший в подарок мэртишор верил, что его не обожжет весеннее солнце, что он будет здоров и красив, как цветы, приятен и любим, богат и удачлив, защищен от болезней и сглаза¹⁷⁴.

В диссертации Н. Г. Голант «Мартовский обрядовый комплекс румын и болгар в этнокультурной

традиции карпато-балканского региона» уже более определенно выражена мысль о том, что в современной Румынии «теряется древняя функция мартовской нити — функция украшения-оберега»¹⁷⁵, на первый план выступает функция подарка.

Однако при всей точности замечания относительно сохранения обрядового характера мартовской нити в современной Болгарии и, возможно, постепенного исчезновения такового в наши дни у румын, как раз полевые исследования под Бузэу показывают несколько иную ситуацию, которая представляется чрезвычайно интересной в плане адаптации традиции к процессам глобализации. В с. Сэрата-Монтеору действительно в день 1 марта распространяются разнообразные подарочные экземпляры (зачастую напоминающие броши на одежду), однако до сих пор там же сохраняется и сакральная функция магической мартовской нити. С повязанной мартовской нитью на руке до сих пор ходят кормить кур, «чтобы велись цыплята, чтобы велась домашняя птица»; в течение всего месяца сажают овощи на огороде, «чтобы завязывались огурцы, завязывались помидоры». Конструкция с глаголом *a lega (leg)* «завязывать(ся)» получает дополнительный смысл по принципу вербальной магии: нить, *завязанная* на руке, способствует *завязыванию*, т. е. плодоношению, овощей. Именно эту ниточку, приносящую удачу, носили на руке до тех пор, пока не расцвёл шиповник, а потом вешали на этот цветущий куст. Архаический культурный слой в данной традиции сохраняется до сегодняшних дней.

5. Троицкие обходы домов, называемые *c lu a ri*, отмечены в полевых исследованиях Олтении: в коммуне Мэлая в 1960–1970-е гг. такая группа насчитывала 20–30 или 6–10 молодых парней, приходящих «издалека». Они были одеты в традиционную одежду, к их ногам были привязаны бубенчики (*clopo ei*). Участники обхода исполняли танцы, которые местные жители обозначают терминами *hor* и *s rb*, пели, подпрыгивали. Большинство местных жителей воспринимало их танцы как развлечение, хотя некоторые утверждают, что они могли излечивать больных. «Хозяева домов, к которым они подходили, давали им деньги. Быть вовлеченным в их танец (*a ntra n hora c nd jucau ei*) считалось большой удачей. Девушки заранее готовились к их приходу и надевали свои лучшие наряды. По словам жителей с. Мэлая, *c lu arii* перестали приходить в село после того, как однажды произошла драка между ними и парнями из Мэлай»¹⁷⁶.

Г. И. Кабакова отмечает, что от *cal* «конь» с помощью деминутивного суффикса *-u* образовано валашское название как самого обряда, так и знамени участников *c lu*, а также и самих участников — *c lu ar(i)*, локальное (Долж) *c lu i e* и др.¹⁷⁷

Один из атрибутов участников обряда — конская голова на шесте. Указанные в работе Г. И. Кабаковой пункты фиксации обряда (Банат, Долж, Олтения, Западная Мунтения)¹⁷⁸ образуют южный ареал, соседствующий с болгарской территорией¹⁷⁹. В той же (олтянской) форме это название (*калушари*) обозначает обход целителей в Северной Болгарии¹⁸⁰, что, очевидно, объясняется прямым заимствованием названия из румынского. Что касается самого обряда, то в болгарских областях он исполняется уже без конской головы, основного атрибута, породившего название всего обряда. Другие сакральные характеристики сохраняются: ритуальный танец, излечивающий больных; обрядовые атрибуты (знамя, шесты и др.).

Существует и иное название этой обрядовой группы у болгар — русалии; оно связано с приуроченностью обряда к Троице (как и у румын), болг. Русаля, Русалия, а также и с другим значением термина — русалии «опасные мифологические существа, появляющиеся на Троицу». Как известно, уподобление сверхъестественным существам на период исполнения ритуала (с последующим очищением) — необходимое условие достижения результата «преображения», которое соблюдается и у румын, и у болгар.

В региональной традиции под Бузэу нами также был зафиксирован термин *Rusa lîi (le)* в двух значениях — «праздник Троицы» и «опасные на Троицу мифологические существа»: *c te ia rusa liile... i te du ce* — «если будешь работать на Троицу, тебя заберут русалии и унесут». (Вопрос о происхождении в румынском языке и его диалектах лексемы *Rusa lîi* «Троица», существующей именно в этой форме, следует рассматривать с привлечением широкого славянского контекста бытования данного хрононима.)

Ареальный критерий, а именно общий южно-румынско-североболгарский ареал обряда *c lu ar(i)*, свидетельствует либо в пользу культурного заимствования из румынского (вместе с названием), либо его общих дако-фракийских корней (ср.: культ коня в древней Фракии¹⁸¹).

6. Окказиональный обряд вызывания дождя с обходом домов и обливанием водой основной участницы/участника (или всех участников), называемый *paparu da*, в традициях Олтении и Мунтении фиксируется достаточно последовательно. Он известен во всех балканских традициях, славянских и неславянских (помимо румынской, в греческой и албанской). Его другое, также распространенное название — *dodola*.

У южных славян восточной части Балкан преобладают наименования типа *peperuda*, в западной — *dodola*¹⁸², что подтверждается и этнолингвистическими исследованиями балканских

неславянских традиций, албанской и греческой¹⁸³. Обряд представляет собой ярко выраженный балканизм по ареальному критерию. По мысли В. В. Иванова и В. Н. Топорова, оба его названия связываются с индоевропейским наследием, отраженным в латыш. *d dina p rkuonin* «погромыхивает громом»¹⁸⁴.

7. Окказиональный обряд вызывания дождя, во время которого исполняется имитация похорон специально сделанной для этого куклы, называемой *Caloia n (Scaloian)*, в полевых исследованиях отмечен только в мунтянской традиции (регион Бузэу), в западной и средней части этого региона¹⁸⁵. На вопрос, что такое *Paparuda*, собеседница родом из с. Грабичина (коммуна Скорцоаса) под Бузэу объяснила, что «папаруда» совершалась, когда не было дождей: «Мы делали Калояна». Из земли лепили человечка, клали на дощечку его, цветы; два парня несли Калояна, один парень нес крест; шла молодежь и пожилые женщины, которые кричали и плакали по-настоящему. Детей в процессии не было, зато участвовали сельский священник и дьякон. Когда куклу пускали по реке вниз по течению, то бросали туда и крест, зажигали свечи, а старые женщины причитали, как по покойнику:

*Caloie ne, Ie ne, Ie ne,
deschi de porti ele,
s cu rg ploie ele.
C de c nd n-a mai ploua t,
tot p m ntu s-a cr pa t
i ia rba s-a usca t...*

(Калоян, -ян, -ян, открой воротца, чтобы полились дождички, потому что с тех пор, как у нас не было дождя, вся земля потрескалась и трава высохла...) ¹⁸⁶

После этого прямо около воды устраивали поминки. В предгорном с. Сэрата-Монтеору обряд совершался детьми: «Когда мы были детьми, мы делали Калояна»: лепили из глины туловище, голову, глаза, руки, ноги, на доске («носилках») в коробочке («гробу») Калояна, обложенного цветами, несли на речку, при этом плакали и причитали, как по покойнику. «Его бросают в воду, чтобы пришел Калоян с водой». Пели: «Калоян, -ян, дай, Господи, чтобы пошел дождь...», после чего справляли поминки у воды (поминки готовили старики, но ели только дети — участники обряда). В этом селе священника и дьякона изображали сами дети. Причем здесь обряд был приурочен к пасхальным праздникам (за два-три дня до Пасхи).

Обряд *Caloia n*, по сведениям этнографических источников¹⁸⁷, практиковался на юго-востоке и востоке страны (регион Тульчи в Добрудже; Брэила, Яломица, Бузэу в Мунтении, далее на север — Яши,

Сучава). На территории всей Северной и ряде областей Восточной Болгарии (включая Странджу) известен аналогичный обряд, называемый *Герман*, реже *Георги*, *Гошой* т. п., а в Северной Добрудже также и *(С)калоян*, *Кабаиван*¹⁸⁸.

Болгарские варианты обряда несколько отличаются от записанных вариантов под Бузэу в Мунтении: например, болгары куклу закапывают¹⁸⁹ у воды (иногда на 3-й, 9-й, 40-й день выкапывают и бросают в воду, в придунайских селах сразу бросают в воду); могут заменить мертвой или живой лягушкой, котом, гусем и пр.; возвращаясь в село, женщины переходят от плача к смеху¹⁹⁰. Если в мунтянских причитаниях по Калоюну присутствует обращение к условному герою — погребаемой кукле за помощью (его просят открыть воротца или отправляют за ключами от них¹⁹¹), то для болгарских мотивов причитания по Герману характерно описание трудовой жизни Германа, который умер от засухи¹⁹².

Тем не менее структура имитации похорон, процедура формирования главного субъекта обряда и его именование, обязательные атрибуты похоронной процессии указывают на единый тип обряда. Восточная локализация единого болгарско-румынского ареала обряда, который неизвестен в других балканских и славянских зонах, свидетельствует о его общих древних корнях, видимо местно происхождения.

8. Женские мифологические существа, предсказывающие судьбу новорожденного *ursitoare* и т. п., отмечены в полевых исследованиях и в Олтении, и в Мунтении. В Сэрата-Монтеору под Бузэу о них говорят, что *ursitoa re* — это три женщины в черном, которые предсказывают судьбу ребенка при рождении; в соседнем с. Дара вечером перед их предполагаемым приходом красиво накрывали стол, клали золото, деньги и другие вещи (например, книги, карандаш), чтобы повлиять на будущую судьбу ребенка. Любопытно, что, по полевым записям из Олтении, одна из этих трех существ — румынка, другая — венгерка, третья — цыганка (возможны и другие похожие варианты, отражающие этническую пестроту соседних регионов). Там родители в первую ночь после рождения ребенка готовили угощение для этих мифологических существ «стол предсказательниц», где размещали еду и напитки, чтобы предсказательницы были добры к ребенку¹⁹³.

Соответствующие им персонажи известны по всей Южной Славии, а также в редких регионах у восточных славян (гуцульщина)¹⁹⁴; есть и отдельные сведения о существовании таковых у западных славян. В Греции их называют «мойры», однако в болгарские и румынские традиции пришло несколько иное заимствование из греческого, от

«определить, установить», ср.: серб.-хорв. *odurisati* «определить, назначить» (XV в.)¹⁹⁵.

Наименования от этого корня *орисници*, *урисници* и т. п. распространены в Центральной и Северной Болгарии, а также фиксируются и на юге в соседствующих с Грецией регионах, однако там, как и в Македонии, преобладает термин славянского происхождения — наречници и под., от **rek-*¹⁹⁶.

Такое перераспределение грецизмов и славизмов (грецизм — на севере, славизм — на юге Балкан), очевидно, связано со стремлением славянских народов, проживающих в зонах, контактных с греческими, сохранить свой исконный лексический фонд. В результате на севере балкано-славянской зоны образуется единый с румынским ареал названий женских демонов судьбы, восходящих и по праву определяемых как балканские грецизмы¹⁹⁷.

9. Представления о мифологических существах в облике чудесных девушек, оставляющих следы в виде необычного круга травы после ночного танца, зафиксированы в полевых исследованиях и Олтении, и в Мунтении. В Олтении после танца персонажей, называемых *le sfinte* «те святые», «трава либо выжжена, либо более темная и сочная, чем в других местах»¹⁹⁸. В мунтянских представлениях под Бузэу там, где водили хоровод *ie le(le)* («они», табуированное именование), трава оставалась засохшей, выжженной, нетронутой оставалась только середина (с. Бышчень, коммуна Мынзэлешть).

Представления о круге необычной травы (приямтой, сухой, почерневшей, утоптанной вокруг дерева, обозначенной кругом ядовитых грибов и т. д.) фиксируются практически повсеместно в восточной части Южной Славии, серб. *вилно коло*, *вилнско коло*, болг. *самодивско хоро*, *самодивско игриште*, макед. *самовилско место*¹⁹⁹.

Другой признак, по которому эти румынские и соответствующие южнославянские мифологические существа идентифицируются как единый тип персонажей, — это ветер, вихрь, в котором они танцуют ночью и который приносят вместе со своим появлением (*luat de iele* «закрученный вихрем»). Одно из их румынских наименований — *V ntoasele* «ветренные, ураганные»²⁰⁰; у южных славян подобным представлениям соответствуют македонские, болгарские и восточносербские верования, образующий единый ареал²⁰¹.

Появление этих персонажей вместе с ветром, вихрем определяется в ряде мест на крайнем западе Южной Славии, но этот факт в большей степени характеризует этногенез южных славян.

В этот балканский набор признаков мифологических персонажей следует включить и поверье в заболевание от «вил», «самовил» у южных славян, ср.: рум. *luat din iele* «парализованный»²⁰². Анало-

гичные греческие персонажи («нереиды») и албанские («заны», «оры») обладают тем же набором признаков (помимо прочих других). Это случай формирования балканизма в содержательном, экстралингвистическом плане — основные наименования же данных персонажей почти во всех случаях автохтонны (романского, славянского, греческого происхождения).

10. Поверья о демонологических свойствах ребенка, рожденного в рубашечке, точнее в шапочке (*cu tichi e pe cap*), который считается потенциальным вампиром после смерти, зафиксированы в Олтении. При полевом обследовании под Бузэу нам не удалось зафиксировать подобные поверья, но, по сведениям из того же региона, собранным в конце XIX в., аналогичные верования в Мунтении существовали: люди верили, что ребенок, рожденный в шапочке (*cu c i pe cap*), после смерти превратится в вампира²⁰³.

У южных славян (сербов, черногорцев, хорватов, словенцев) свойства демона при жизни и после смерти приписывались ребенку, рожденному в рубашке (*у кошуљици*). В восточной части южнославянского культурного континуума, родившийся в рубашке считался счастливым, непобедимым, обладающим героическими свойствами, причем для сербской традиции характерны оба типа по-

верий, при этом Западная Сербия по этому признаку противопоставлена восточной части²⁰⁴. Поверья об отрицательных демонических свойствах ребенка, рожденного в рубашке, отмечены также в Северо-Восточной Сербии, примыкающей к юго-западным румынским областям. Однако редкое по частотности сходение румынских поверий с традициями именно западной части Южной Славии требует специальных дополнительных изысканий.

Представленный выше список румынско-южнославянских культурно-языковых соответствий можно считать открытым. Уплотнение сетки полевого обследования румынских локальных традиций по единому этнолингвистическому вопросу будет способствовать увеличению подобных аналогий и их интерпретации.

Многие вопросы происхождения тех или иных явлений в терминологической лексике народной духовной культуры и соответствующих контекстах ее функционирования могут быть прояснены только при сопоставлении ареалов на основе картографирования материала, собранного в Карпатах по густой сетке.

Гуров Н. В., Дубянский А. М.

ДРАВИДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ: ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЮЖНОАЗИАТСКОГО ЯЗЫКОВОГО АРЕАЛА

Дравидийские языки входят в южноазиатский языковой союз вместе с индоарийскими языками, языками мунда (австроазиатская семья) и некоторыми тибето-бирманскими языками. В пределах Индии они составляют важный компонент индийского языкового ареала.

В связи с этим важно отметить, что работа по проекту производилась во взаимодействии с двумя другими проектами, которые координируются группой «Языки мира» Института языкознания РАН — проекта по современным индоарийским языкам и проекта по австроазиатским языкам. Такое взаимодействие позволило описать структуру дравидийских языков не только в ареальном, но и в структурно-типологическом плане. Помимо всего прочего, благодаря этому описанию выявлено соотношение исконных и благоприобретенных черт дравидийских языков.

Есть основания полагать, что эта семья восходит к древнейшему языковому слою Индийского

субконтинента. Как показали исследования письменности протоиндийской цивилизации (3500–2000 гг. до н. э.), структура языка, на котором говорили древние жители долины Инда, более всего соответствует структуре дравидийских языков. Протоиндийская цивилизация пришла в упадок еще до прихода в Индию арийских племен, и люди, населявшие ее города и селения, стали мигрировать в разные части индийской территории, смешиваясь с другими этносами — австроазиатскими аборигенами и теми же ариями. Как полагают, в результате этого длительного и сложного процесса произошло образование собственно дравидийских языков.

Серьезное знакомство европейцев с индийскими языками вообще и дравидийскими в частности относится к началу колонизации Индии. В хлынувшем в Индию после визита Васко да Гамы в 1480 г. потоке чиновников, миссионеров, военных находились люди, проявлявшие живой интерес к местной культуре. Постепенно проявлялась и языковая

ситуация, хотя многие важные ее аспекты долгое время не были известны европейцам. Так, еще в XVI в. некий Фернандо Лопец де Кастаньеда писал о четырех языках Южной Индии, однако считал их производными от санскрита. Это заблуждение существовало довольно долго. Уильям Кэрри, глава колледжа Форта Уильямс в Калькутте в 1816 г., произвел лингвистический обзор Индии и отметил единство тамильского, каннада и телугу, но также возвел их к санскриту.

Однако ближе к середине XIX в. стали появляться и другие суждения. Р. Стивенсон заподозрил, что в языках Южной Индии много общих слов, которые не могут быть возведены, как он выразился, к брахманическому языку. А норвежец Кристиан Лассен в 1844 г. установил, что язык брахуи следует связывать с Южной Индией. К этому следует добавить, что к тому времени уже существовали описания таких языков, как мальто, тода, брахуи, гонди, бадага, куи и др. Конечно, их авторы работали на уровне своего времени и рассматривали эти языки просто как языки аборигенов, но накопленный таким образом материал позволил подойти к важным обобщениям. В 1856 г. появилась эпохальная книга Р. Колдуэлла «Сравнительная грамматика дравидийской, или южноиндийской, семьи языков»²⁰⁵. Р. Колдуэлл впервые обособил группу языков, названную им дравидскими, от индоарийской, коларийской (мунда) и гималайской (тибето-бирманской), причем отметил наличие влияния языков этой группы на другие индийские языки. В русле открытий Колдуэлла двинулись другие ученые, в т. ч. Стен Конов, автор пяти томов в многотомном компендиуме²⁰⁶, в котором число дравидийских языков увеличилось с 12 до 15.

Несмотря на то что вопрос о влиянии дравидийских языков на индоарийские ставился по крайней мере с середины XIX в., ученые-индоевропейцы довольно долго игнорировали эти данные. «Санскритский этимологический словарь»²⁰⁷, равно как и «Индоевропейский этимологический словарь»²⁰⁸ не обращаются к работам Колдуэлла и других дравидологов. Лишь Манфред Майрхофер в своем этимологическом словаре, издававшемся с 1956 г., стал учитывать данные дравидологии²⁰⁹.

Появившийся в начале XX в. компендиум Дж. А. Грирсона, ставший самой известной обобщающей работой по языкам Индии, содержал краткие описания отдельных индийских языков. Предложенная в нем классификация дравидийских языков по трем группам — северной, центральной и южной, в основном принята и сейчас. Но в целом этот труд давно устарел и нуждается в многочисленных дополнениях и исправлениях на основании обширной литературы по соответствующим языкам, появившейся за последние 100 лет. Кроме того, целый ряд

языков Южной Азии, представляющих значительный интерес как для индологической лингвистики, так и для общей типологии, остался за рамками грирсоновской энциклопедии — сюда относятся, в частности, целый ряд языков Индийского субконтинента, почти или полностью неизвестных исследователям в начале века. Не следует также забывать, что компендиум Грирсона не затрагивал проблемы развития и эволюции индоарийских языков и ареальных контактов между ними.

Между тем в XX в. дравидология достигла больших успехов благодаря работам таких ученых, как Ж. Блок, М. Б. Эмено, Т. Барроу, Ф. Б. Я. Кёйпер, К. Звелебил, С. Бхаттачарья и др.²¹⁰ Достаточно назвать такую важнейшую веху в истории изучения дравидийских языков, как «Дравидский этимологический словарь» Эмено и Барроу²¹¹. Обобщающие работы последних десятилетий, принадлежащие перу таких индологов, как К. Масика, Г. А. Зограф, М. С. Андронов, Б. Кришнамурти и др.²¹², продемонстрировали, насколько насущной является задача описания важнейших языков Индии в рамках одного издания и по единой исследовательской схеме. Применение такой единой типологической схемы позволит вывести на новый уровень как понимание грамматической основы дравидийских языков, так и изучение их взаимодействия с другими языковыми семьями Южной Азии и проблемы формирования южноазиатского языкового союза. Данное исследование, таким образом, способствовало разработке фундаментальной проблемы возникновения и развития языковых союзов в целом.

Необходимо такое обобщающее исследование и для общего и типологического языкознания. До последнего времени типологическая характеристика языков Южной Азии и в отечественном, и зарубежном языкознании преимущественно ограничивалась материалами нескольких наиболее известных языков этого ареала, таких как хинди-урду, бенгальский, маратхи и тамильский. Привлечение максимально большого количества языков, в т. ч. и малоизвестных, к структурно-типологическому описанию на едином научном основании может дать новые результаты как для общей типологии, так и для дравидийской лингвистики.

В настоящее время носители дравидийских языков в подавляющем большинстве проживают в Республике Индия. Исключение составляет язык брахуи (ок. 1,7 млн чел.; оценка 1991 г.), на котором говорит часть населения Центрального и Восточного Пакистана (провинция Белуджистан, Синд), Южного Афганистана и Западного Ирана (долина р. Хильманд).

В пределах Индии основная масса дравидоязычного населения сосредоточена на юге, на террито-

рии штатов Тамилнаду, Керала, Карнатак и Андхра-Прадеш, где языки тамильский (св. 53 млн чел.; оценка 2001 г.), малайлам (св. 30 млн чел.; оценка 2004 г.), каннада (ок. 33 млн чел.; оценка 2004 г.) и телугу (св. 66 млн чел.; оценка 2004 г.) признаны официальными языками.

В тех же южных штатах распространены относящиеся к дравидийской семье языки тода (1,6 тыс. чел.; горы Нильгири и прилегающие к ним районы на границе штата Тамилнаду, Керала и Карнатак), кота (1,4 тыс. чел., тот же район), ирула (ок. 5 тыс. чел.; тот же район), кодагу (ок. 100 тыс. чел.; округ Кург, штат Карнаката), куруба или курумба (ок. 10 тыс. чел.; тот же район), бадага/бадагу/вадагу (св. 120 тыс. чел.; тот же район), тулу (ок. 1,7 млн. чел.; округ Юж. и Сев. Канара, штат Карнаката; округ Касаргод, штат Керала), корага (ок. 1,5 тыс. чел., округ Юж. Канара, штат Карнаката).

На территории штатов Махараштра, Чхаттисгарх, Мадхья-Прадеш, Джаркханд и Орисса, расположенных в Центральной Индии, проживают племена и народности, говорящие на дравидийских языках колами (ок. 100 тыс. чел.), найкри (ок. 2 тыс. чел.), найки/найки-чханда (ок. 54 тыс. чел.), парджи/породжа/дхурва (ок. 50 тыс. чел.), гадаба (ок. 30 тыс. чел.), оллари (ок. 10 тыс. чел.), гонди (самоназвание коитор) с диалектами гонди, мариа, койя, муриа и др. (св. 2,5 млн чел.), конда или куби (самоназвание конда-дора) (св. 30 тыс. чел.), пенго (ок. 2 тыс. чел.), манда (численность неизвестна), куи (самоназвание куинга; другие наименования: кандх, кхонд, коду) (ок. 700 тыс. чел.), куви (самоназвание кувинга; другие наименования: кхонд, коду, коджу, саманту, джатапу) (ок. 250 тыс. чел.).

На территории штатов Бихар, Мадхья Прадеш и Орисса распространен язык курукх или ораон (ок. 1,4 млн чел.), а к северу от него, на Раджмахальской возвышенности (штат Бихар) — близко родственный ему язык малто (св. 100 тыс. чел.).

За пределами Южной Азии отдельные группы дравидоязычного населения проживают в настоящее время на островах Индийского и Тихого океанов (Республика Маврикий, Республика Фиджи и др.), в странах Юго-Восточной Азии (Мьянма, Малайзия, Сингапур и др.) и в Южной Африке.

В состав дравидийской семьи входит, таким образом, 25 языков и свыше 50 диалектов. В настоящее время на дравидийских языках говорит около 220 млн чел.²¹³ Свыше 85 % из них пользуются четырьмя языками: телугу, тамильским, каннада и малайлам.

В современной дравидологии остается недостаточно исследованным вопрос о генетических связях дравидийской семьи языков с другими языковыми семьями, несмотря на то что, начиная с Р. Колдуэл-

ла, различные ученые пытались сопоставить дравидийские языки с языками самых различных семей и структурных типов. Наиболее убедительной и перспективной представляется гипотеза о родстве (или тесных праязыковых контактах) между дравидийскими языками и уральскими (финно-угорскими и самодийскими) языками. Заслуживает внимания также гипотеза о родстве дравидийских языков с эламским языком²¹⁴, однако делать какие-либо определенные выводы по этому поводу в настоящий момент преждевременно ввиду недостаточной изученности эламского материала.

До начала 1960-х гг. общепринятой считалась классификация, предложенная Ст. Коновом и Дж. А. Грирсоном, согласно которой дравидийские языки подразделялись на три группы: 1) южную (тамильский, малайлам, каннада, телугу, кодагу, кота, тода и тулу); 2) центральную (гонди, куи, куви, парджи, колами); 3) северную (курукх, малто, брахуи).

Эта классификация с некоторыми дополнениями за счет вновь открытых и описанных дравидийских языков была принята в работах многих ученых еще в 1970-х гг. В 1975 г. Бх. Кришнамурти разработал новую схему классификации дравидийских языков, выделив в составе дравидийской семьи наряду с северной (курукх, малто, брахуи) и центральной (колами, найки, парджи, гадаба; возможно также — тулу, корага и беллари) группами большую группу южнодравидийских языков, делящуюся, в свою очередь, на две подгруппы: южнодравидийскую I (тамильский, малайлам, каннада, кодагу, тода, кота, ирула, куруба и др.) и южнодравидийскую II (телугу, гонди, конда, пенго, манда, куи, куви).

М. С. Андронов²¹⁵ подразделяет дравидийские языки на семь групп: 1) северо-западную (брахуи); 2) северо-восточную (курукх, малто); 3) центральную (колами, найки, парджи, гадаба); 4) гондванскую (гонди, пенго, конда, манда, куи, куви); 5) юго-восточную (телугу); 6) юго-западную (тулу, корага, беллари); 7) южную (тамильский, малайлам, каннада, кодагу, тода, кота, куруба, корава; к этой же группе следует отнести и малоизученные языки ирула и касаб).

Наиболее совершенными представляются классификации, приведенные в работах Кришнамурти²¹⁶ и Андронova²¹⁷, поскольку первая точнее других отражает диахроническую реальность — динамику исторического развития дравидийской семьи от распада первичной (праязыковой) общности до образования современных языков, а вторая наиболее четко фиксирует соответствия между отдельными дравидийскими языками в синхронном плане.

Историческое развитие отдельных дравидийских языков и их групп недостаточно исследовано.

Большинство исследователей признает существование протодравидийской языковой общности, распадение которой, по данным глоттохронологии (М. С. Андронов), началось в 4-м тысячелетии до н. э. Предполагается, что миграции носителей дравидийских языков на территории Индийского субконтинента происходили раньше, чем миграции носителей других языков южноазиатского лингвистического ареала (индоарийских языков и мунда языков).

Судя по данным культурной лексики, носители дравидийских языков уже на протодравидийском этапе занимались (наряду со скотоводством и охотой) подсечным, а затем пахотным земледелием. О развитии земледельческой культуры протодравидов говорит наличие в составе протодравидийского культурного слоя целых серий терминов, связанных с различными стадиями этого производственного процесса — пахотой, севом, сбором урожая, обмолотом зерна. Наряду с земледелием большую роль в жизни протодравидов играло также (по данным лингвистической археологии) пастбищное (скорее всего кочевое или полукочевое) скотоводство. На протодравидийском (а также «прадеканском») уровне обнаруживается целый ряд терминов, свидетельствующих также о том, что протодравидам были знакомы такие виды ремесел, как гончарное дело, прядение, ткачество, плотницкое ремесло, плетение корзин и т. д.

Для фонологической системы дравидийских языков типична реконструируемая для протодравидийского языка модель, насчитывающая 5 пар чистых гласных фонем, различающихся по долготе-краткости и 18 согласных — 6 рядов смычных (велярные, палатальные, ретрофлексные, альвеолярные, денальные, лабиальные: парами шумный — носовой) и 6 щелевых и сонантов (в т. ч. щелевой и латеральный ретрофлексного ряда). Придыхательные смычные и сибиланты отсутствуют. Позиционная и комбинаторная дистрибуция фонем характеризуется рядом ограничений: недопустимость зияния, отсутствие в начальной позиции ретрофлексных, альвеолярных, латеральных и вибрантов (дрожащих); ограничения на сочетаемость согласных и др. Противопоставление глухих и звонких согласных нефонематично; смычные шумные представлены напряженными и ненапряженными вариантами, различающимися также по дополнительному признаку звонкости-глухости.

В современных дравидийских языках изменилась дистрибуция некоторых протодравидийских фонем, образовались новые фонологические единицы за счет фонемизации позиционных вариантов (например, фонемизации назализованных гласных наряду с «чистыми» в таких языках, как

куви, курукх и брахуи; сокращения ретрофлексного ряда с утратой во всех языках, кроме тамильского и малаялам, ретрофлексного щелевого; утраты во всех языках, кроме тамильского, фонемного статуса альвеолярных смычных; фонемизации звонких и глухих, а также аспирированных и неаспирированных согласных и т. д.). Изменяется также комбинаторная и позиционная дистрибуция гласных и согласных.

Для морфологии дравидийских языков характерно сочетание аффиксального словоизменения и словообразования с развитым аналитизмом. Морфема, как правило, односложна; наиболее характерный тип корневой морфемы — (С)VC и (С)V. Преобладающий тип морфемной связи — суффиксальная агглютинация. Средняя длина морфемной цепочки 3–4 морфемы, максимальная — 9–10 морфем.

Система частей речи включает 3 класса знаменательных слов: 1) имена с подклассами имен существительных, прилагательных, числительных, подражательных (имитативных) слов и наречий; 2) местоимения; 3) глаголы (с подклассами личных и неличных форм), а также служебные слова (послелог, союзы, союзные слова, частицы) и междометия.

Имя характеризуется грамматическими категориями числа, рода, падежа, склонения и притяжательности. Категория рода, отмеченная во всех языках, кроме тода, куруба, касабана и брахуи, носит лексико-грамматический характер.

В единственном числе в большинстве дравидийских языков к мужскому роду относятся названия лиц (и мифологических персонажей) мужского пола. Эта группа противопоставляется всем прочим одушевленным и неодушевленным предметам (немужской род; включающий, в частности, наименование женщин). В языках тамильском, малаялам (диалекты), каннада, ката, тода, кодагу, тулу и пенго, наряду с мужским родом, выделяется также граммема женского рода (человеческие существа и мифологические персонажи женского пола). В этих языках, таким образом, наименования детей, животных и неодушевленных предметов относятся к одной и той же родовой категории — среднему роду.

Во множественном числе в языке пенго сохраняется оппозиция мужской/женской/средний род, а в других языках Центральной Индии (группы парджи-колами и гонди-куи) оппозиция мужской/немужской род; в южнодравидийских языках (классификация М. С. Андронина), а также в языках тулу, корага, телугу, курукх и малто выделяются названия групп людей (в т. ч. организованных коллективов) — эпиценовый род, противопоставленные названиям групп животных и

неодушевленных предметов — средний род. В отдельных диалектах тамильского и каннада имена множественного числа не различаются по категориям рода (общий род, формально совпадающий со средним).

В склонении имен различаются 2 основные формы падежа — именительный падеж и общекосвенный (атрибутивный), который в большинстве дравидийских языков выступает как основа для образования конкретных падежей и дифференцирует типы склонения. Грамматические значения конкретных падежей передаются с помощью аффиксов и послелогов. Число падежных форм колеблется в различных языках от 4–5 до 10–11. Категория притяжательности выражается особой притяжательной (посессивной) формой, образованной от атрибутивной формы имени обладателя (или имени обладаемого) с помощью местоименных показателей рода и числа. Притяжательная форма означает «относящийся к (принадлежащий) данному предмету/лицу, наделенный данным признаком». Притяжательные формы всех именных подклассов изменяются как имена существительные.

Все названные грамматические категории характерны для двух подклассов имени — существительных и числительных. Прилагательные изменяются только по категории притяжательности (но в атрибутивной форме неизменяемы), наречия — по категориям притяжательности и падежа, подражательные слова — по категориям числа и падежа. Числительные подразделяются на количественные и порядковые.

Подкласс наречий в дравидийских языках, как и во многих других языковых семьях, включает значительное количество слов и лексикализованных словосочетаний, соотносимых с другими именными подклассами (существительными, прилагательными, числительными) и грамматическими классами (местоимениями, неличными формами глагола). Ядро подкласса наречий составляет группа слов пространственной и (или) временной семантики («верх», «низ», «прошлый»/«задний», «передний»/«будущий», «вчера», «завтра» и т. д.). Будучи нейтральными по отношению к категориям рода и числа, они сохраняют в то же время категории склонения и притяжательности. Морфологические характеристики наречий позволяют рассматривать их как имена с «дефектной» или, если наречие формально совпадает с какой-либо одной именной словоформой, нулевой парадигмой.

К подклассу подражательных (имитативных) слов относятся слова, передающие человеческие ощущения, как «внешние» (слуховые, зрительные, обонятельные, тактильные, кинестетические), так и «внутренние» (интрацептивные, эмоциональ-

ные): например, «журчание (воды)», «быстрота, проворство», «вспышка», «приятный запах», «блеск, сияние», «раздражительность» и т. д. Фонологическая и ритмическая структура имитативных слов обнаруживает сходные черты в различных дравидийских языках: наиболее характерные типы — $C_1V_1CVC_2V_1$ (встречается обычно в удвоении) и $C_1V_1C_2V_2C_3$.

Местоимения в функциональном плане делятся на местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-числительные и местоимения-наречия. По лексико-семантическим признакам выделяются личные, возвратные, указательные и вопросительные, в южнодравидийских языках, телугу и куи — также собирательные местоимения. В большинстве дравидийских языков имеется особая форма инклюзивного личного местоимения (я/мы + ты/вы). Указательные местоимения различают несколько дейктических подразрядов (4 «плана» — в куи и куви, 3 — в тулу, пенго, манда, курукх и брахуи, 2 — в остальных дравидийских языках).

Класс глаголов характеризуется противопоставлением нескольких образованных от одного корня основ — переходных и непереходных, а также позитивных («делать») и негативных («не делать») основ. Переходные и негативные основы в большинстве дравидийских языков маркируются особыми аффиксами. В словоизменении и словообразовании глагола используются также аналитические формы, образующиеся с помощью глаголов-связок «быть, существовать» и «становиться, делаться кем-либо/чем-либо». В функции вспомогательных глаголов используются также глаголы со значением «уходить», «ставить», «класть», «падать», «есть», «желать», «мочь» и т. д.

Глаголу присущи словоизменительные категории времени, наклонения, лица и числа. Временная система основана на противопоставлении прошедшего и настоящего-будущего (общего) времени. На современном этапе развития дравидийских языков наблюдается тенденция к формальному разграничению настоящего и будущего времени и к усложнению временных оппозиций видовыми (граммемы длительности, завершенности и т. д.), в результате чего в различных дравидийских языках насчитывается от 2 до 5–6 временных форм.

Категория наклонения включает формы изъявительного и нескольких косвенных наклонений — повелительного, желательного, сослагательного и пермиссивного, в некоторых языках также условно-предположительного. Категории рода, лица и числа являются согласовательными. Залог как особая грамматическая категория отсутствует. Типичная структура личной формы: основа + (аффикс переходности) + (аффикс негатив-

ности) + аффикс времени, склонения + аффикс лица, рода, числа.

В группу неличных форм глагола входят причастия, деепричастия, инфинитивы, супины, глагольные имена (имена действия), причастные имена и условно-временные деепричастия. Неличные формы глагола дравидийских языков сохраняют свойственную этому классу слов активную синтаксическую валентность (управление субъектом, косвенным или прямым объектом и т. д.). Они сохраняют также связь с категориями переходности, позитивности/негативности и времени. В большинстве дравидийских языков «негативность» (отрицание действия) выражается особым набором личных и неличных форм.

Служебные слова генетически соотносятся со знаменательными: послелогои восходят, как правило, к падежным словоформам существительных и к наречиям, союзы и союзные слова — к неличным формам связочных и вспомогательных глаголов.

Сфера употребления частиц в дравидийских языках охватывает различные языковые уровни — предложения, словосочетания, словоформы. Частицы служат как для выражения (или коннотации) некоторых конкретных грамматических значений (звательный падеж, условно-предположительное склонение в языках тулу и найки; сослагательное склонение в парджи, куви, курукх), так и для выражения различных оттенков отношения говорящего к содержанию высказывания — вопрос, сомнение, эмпфаза или к собеседнику — категория вежливости. Особым видом частиц являются форманты, образующие так называемые эхо-слова. Этот тип сложных частиц придает значению слова, к которому они присоединяются, пренебрежительно-снижательный оттенок. При этом парное слово полностью воспроизводит фонологическую структуру исходного слова с заменой инициального слога звуковым комплексом *ki-/gi-* (в телугу и языках группы парджи-колами также *ti-, ti;* в брахуи *t-*).

Основные способы словообразования — суффиксация и словосложение. Наиболее распространенные типы сложных слов — сочинительный («отец + мать» > «родители») и детерминативный («дерево + коробка» > «деревянная коробка»).

Для синтаксиса характерен фиксированный *порядок слов* в простом предложении [подлежащее + (дополнение) + сказуемое] и атрибутивной синтагме [определение + определяемое]. Вопросительные предложения и сочинительные словосочетания образуются с помощью особых частиц. Характерно

употребление (в утвердительной и отрицательной форме) двух связок со значением «быть, существовать» и «являться, делаться». Именное сказуемое без связки согласуется с подлежащим в роде и числе, если подлежащее выражено местоимениями первого (ед. и мн. числа) и второго (ед. число) лица — также и в лице. В сложноподчиненных предложениях функции придаточных выполняются, как правило, самостоятельными причастными, деепричастными, инфинитивными и глагольными оборотами.

Письменная и литературная традиция существует лишь на четырех «больших» языках Южной Индии (тамилском, телугу, каннада и малаялам). В каждом из этих языков используется особый вариант силлабической письменности индийского типа. Генетически все эти варианты восходят к древнеиндийскому письму брахми. Древнейшие эпиграфические памятники тамилского языка (надписи тамилским брахми) относятся к II–I вв. до н. э.; первые надписи на каннада и телугу датируются соответственно 450 г. н. э. и 575 г. н. э.; наиболее ранние надписи на малаялам — X–XI вв. Начало тамилской литературной традиции относится, по мнению большинства исследователей, к I в. до н. э. — III в. н. э. (героическая и лирическая поэзия «эпохи Сангам»). Литература на телугу, каннада и малаялам возникает в период раннего средневековья под влиянием санскритской классической литературы; самыми ранними памятниками на этих языках являются переложения древнеиндийского эпоса «Махабхараты» (каннада IX–X вв.; телугу — XI в.) и «Рамаяны» (малаялам — XIII в.).

Литературная традиция дравидийских языков Южной Индии характеризуется созданием особых форм литературного языка («высокий тамилский», «старый каннада», «книжный телугу»), отличающихся от разговорного языка стилизованной архаичностью фонологической и морфологической системы, и в литературных языках телугу, каннада и малаялам — обилием лексических заимствований из санскрита.

Остальные дравидийские языки Индии бесписьменны. В настоящее время в Индии в рамках федеральной образовательной программы в различных штатах осуществляется издание учебной литературы на языках, не имеющих своей письменности племен и народностей «адиваси», в т. ч. гонди, конда, куви, конда, куви, колами и др. Для издания текстов на этих языках используются модифицированные формы письма деванагари, ория, каннада и телугу.

РАННИЕ КОНТАКТЫ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

В настоящей статье рассмотрены результаты исследований, проведенных отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН в рамках проекта «Типы и хронология языковых контактов: тюркские языки» (по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»). Речь пойдет о свидетельствах наиболее ранних контактов тюркских народов, а именно свидетельствах, относящихся к пратюркскому языковому состоянию.

Пратюркский язык — это языковое состояние, существовавшее до хронологически первого разделения тюркского языка, отделения болгарской группы. Это отделение с точки зрения процессов изменения языка выражено в фонетике и морфологии рядом ярких изоглосс, которые с полной определенностью свидетельствуют об относительно самом первом разделении языков²¹⁸. На глоттохронологическом дереве²¹⁹ соответствующий узел датируется около 100–0 г. до н. э. (эта дата могла бы быть верифицирована зафиксированным историческим событием: миграцией части сюнну из Западной Монголии на запад, через Северный Синьцзян в Южный Казахстан, на Сыр-Дарью в 56 г. до н. э.²²⁰). Но абсолютную датировку первого распада можно получить и другими методами. А именно встает проблема датировки иноязычных заимствований в пратюркский (т. е. таких, закономерные рефлекс которых мы находим и в болгарской группе, и в общетюркском) и из пратюркского (т. е. отражающих соответствующие фонетические особенности). Эти заимствования должны были происходить в результате контактов до первого распада, который таким образом получает датировку «не раньше чем».

Древнекитайские контакты пратюркского языка

Такую возможность предоставляют в первую очередь китайские заимствования. Для датировки китаизмов в пратюркском мы воспользовались уточненной периодизацией китайского языка С. А. Старостина²²¹. Оказывается, что в общем все лексические контакты пратюркского с китайским падают на эпохи Западной Хань (III в. до н. э. — рубеж эры) или Восточной Хань (рубеж эры — начало III в. н. э.). Учитываются следующие фонетические развития. Восточная Хань уже дает возможность предполагать переход латералов во фрикативные

перед краткими гласными²²² и даже $l > d$ в инициалах²²³. Окончательно переход $L > D$ установлен для раннего постклассического древнекитайского (с III в. н. э.), и тогда же окончательно $r, rh > l, lh$ ²²⁴. Переход $pr- > p-$ также окончательно проходит в раннем постклассическом древнекитайском. Сочетания типа $Tr-$ дали ретрофлексные еще в Западной Хань. Терминаль $-r$ уже в классическом древнекитайском дала $-n$ ²²⁵. $Lh > h$ — перед кратким в Восточной Хань²²⁶, $T >$ — перед кратким в Восточной Хань.

Китайские параллели приводятся по базе китайских иероглифов, составленной С. А. Старостиным (проект «Tower of Babel»)²²⁷.

Позднедревнекитайские заимствования в пратюркский язык:

1. **(a)la u-k* «хижина, шалаш, маленькая юрта»: поздн.-др.-кит. *la- ia?* 廬舍 «деревенский домик».
2. (?) **altun*, чув. *ilt n* «золото»: поздн.-др.-кит. *d η* 銅 «медь, латунь, бронза».
3. **g m* «серебро»: др.-кит. *k mliw* 金鑠, «bright silver».
4. **Tem r* «железо»: поздн.-др.-кит. *ti t-mhawit* 鐵物 «железная вещь», диал. *Ti r-mwur*.
5. **kōn g suv* «ртуть»: поздн.-др.-кит. **kōuŋ* 汞 «ртуть».
6. **bek* «титул»: поздн.-др.-кит. *p k* 伯 «быть старшим, старейшиной рода».
7. **erig* «войско», первоначально «воинский строй, построение»: поздн.-др.-кит. *cj t*, диал. *cj er* 節 «колени»; подразделение, звено, отряд».
8. **s* «войско»: поздн.-др.-кит. *šwò* 戍 «охранять границы; пограничный гарнизон».
9. **biti-* «писать»: поздн.-др.-кит. *pit* 筆 «кисть для письма, инструмент для письма».
10. **kujn* «свиток, книга»: поздн.-др.-кит. *kwén* 卷 «reel, coil, volume».
11. **beng* «вечный»: поздн.-др.-кит. *mw n* «be ten-thousand, myriad» 萬+ поздн.-др.-кит. *古k* «быть старым, древним».
12. **in* «правда»: поздн.-др.-кит. *眞* *teŋ* «to test, try out, correct».
13. **deng* «равный»: поздн.-др.-кит. *等* *t̄ η?* «равный».
14. **d n* «одежда»: поздн.-др.-кит. *t n* «black straight robe».
15. **kōg* «мотив»: поздн.-др.-кит. *曲* *khok* «музыкальное произведение, мелодия».

16. **sir* «цвет, краска, лак»: поздн.-др.-кит. 漆 *shjít* «lacquer tree, lacquer (*Rhus vernicuflua*)».
17. **jin* «жемчуг»: поздн.-др.-кит. 眞 *in* «настоящий, подлинный» + 珠 *wo* «жемчуг».
18. **avli* «вид сокола»: поздн.-др.-кит. 鷂 *awh* «ястреб-перепелятник (*Accipiter nisus*)».
19. **Turma* «редька, хрен»: поздн.-др.-кит. 土卵 *thārhwān* «ямс» (букв. «земляное яйцо»).

Что можно сказать о фонетической адаптации китаизмов в пратюркском? На более или менее надежных случаях заметны следующие моменты.

Консонантизм. Похоже, что в большинстве случаев китайские начальные непродыхательные взрывные адаптируются как пратюркские звонкие = слабые (и, возможно, придыхательные — как пратюркские глухие = сильные). Многообразная система позднедревнекитайских аффрикат, естественно, сводится к ПТ * и *j, который, видимо, был фонетически близок к аффрикате. Китайский латерал перед гласным заднего ряда адаптирован как ПТ *l, перед гласным переднего ряда — как ПТ * . Адаптация финалей -ŋ и -n как будто происходит однозначно (за исключением сомнительного случая **al-tun*). Большинство заимствований — из r-диалекта.

Вокализм. Долгота китайских гласных, пожалуй, никак не коррелирует с пратюркской долготой. Огубленные гласные и восходящие дифтонги с w-, как правило, передаются огубленными гласными, причем краткие — передними, длинные — задними, если не попадают во второй слог, где подвергаются гармонии по ряду с первым. Постклассические древнекитайские i и адаптированы как ПТ *e краткое закрытое, постклассические и i как ПТ *e краткое открытое (кроме * *er-ig* «войско» — неправильная этимология?).

Сам набор заимствованных слов очерчивает определенный круг культурного взаимодействия: ремесло — в частности, металлообработка, война, письменность, искусство, предметы роскоши, философские понятия. Датировки по фонетическим особенностям заимствований в совокупности указывают на III в. н. э. Как объясняется расхождение этой датировки с глоттохронологической (рубеж эры)? Если принять, что последняя соответствует времени выпадения первого слова из 100-словного списка, то следует полагать, что после этого еще по крайней мере три века разделившиеся тюрки продолжали довольно активные контакты и в их языках не проходило существенных фонетических изменений. В частности, из описанных выше связанных изоглосс для датировки третьей материала нет, также и для четвертой и пятой, но для первой получаем нижнюю границу: не раньше III в. н. э. (по слову **g m* «серебро»). Что касается второго процесса, как будто наблюдается палатализация

*s перед *i — болгарская черта; впрочем, возможно, что в пратюркском она присутствовала не фонологически, а чисто фонетически; ср. упоминаемое О. А. Мудраком²²⁸ написание в орхонских надписях *sub* «вода» через руну S для переднерядных слов, т. е., возможно, с палатализованным.

Одним из свидетельств ранних китайско-тюркских контактов являются китайские транскрипции «варварских» слов, которые могут иметь отношение к ранним тюркам. Проблема языковой атрибуции записанных китайцами «сюннских» слов принадлежит к разряду «вечных» и имеет обширную литературу. Очевидно, что какой-либо прогресс в этой области может быть достигнут исключительно в связи с уточнением фонетических чтений использованных для записи иероглифов на момент записи, а также с уточнением фонетического облика слов предполагаемых языков-источников и соответствующими датировками. Нам показалось полезным пересмотреть эту лексику с использованием имеющихся новых данных и уточненной С. А. Старостиным исторической фонетики китайского языка.

Мы отдельно рассматривали более ранние транскрипции, в основном из «Исторических записок» Сыма Цяня (Ши цзи) и Хань шу, т. е. относящиеся к периоду –III — +III вв., и более поздние — после падения Восточной Хань, из Вэй шу и позже. Соответственно, транскрипции первого периода читаем в фонетике Западной и Восточной Хань, а второго периода — в фонетике постклассического древнекитайского (по С. А. Старостину). Оказалось, что для раннего, ханьского, периода фиксации слов из языка (языков?) сюнну имеется явное преобладание тюркских слов среди аппелятивной лексики. Титулатура и имена собственные — в меньшей степени тюркские, в большей — иранские, при этом имеются некоторые фонетические основания считать иранские по происхождению слова уже прошедшими через тюркскую языковую среду (как в случае с **hva-tuñ* > *yāt-t̃j*). Возможно, иранская титулатура — наследие юэчжийского владычества. В поздний период все слова — тюркские; надежно иранских слов среди транскрипций не встретилось.

Пратюркские экзотизмы в китайском языке:

Ханьские транскрипции:

1. 撐黎 **t̃hāŋ-r̃j* «небо» < **tanri*.
2. 瀧 **roŋ* «трон, ставка» < **oron*.
3. 徑路 **k ŋh-rāh* «меч» < **Kiŋrak*.
4. 廓洛 **k(h)wā(k)-r(h)āk* «пояс» < **Kur-yak*.
5. 服罽 **bw k-ŋ k* «сосуд для молока с узким горлом» < **bök-l g* «сосуд с пробкой».
6. 馱驢 **kwjāt-d(h)* «вид лошади» < **Katir* «мул».
7. 駒駮 **Łh̄-w-Łhā* «низкорослая лошадь» < **ila a* «плохая лошадь».
8. 驪驂 **d(h)ān-g h/k h* «дикая лошадь» < **Taki*.

9. 蛩蛩 *g(h)oŋ-g(h)oŋ «вид (масть?) лошади» < *Koŋur «бурый».
10. 橐駝 *thāk-lhāj «верблюды» < *taj-lag «верблюжонок».
11. 毳毼 *γwā-lwāt «стоянки» < *Ko -ut.
12. 隔毘 *kr k-kw̄n «кыркыз» < *Kirkiř.
13. 匈奴 *ŋ ŋ-nhā «сюнну» < *hunga.
14. 屠耆 *dā-grj j «справедливый» < *dogro «прямой».
15. 谷蠡 *k k-r(h) «вотчина» < *Kor(i)yi.
16. 凡居 *chiá-ka титул < *ika-n.
17. 稽粥 *kj̄-j-t uk имя собств. < *Kařik «твердый».
18. 呼廚泉 *wā-řwa-zjwan имя собств. < *oto i-n «лекарь».

Постклассические транскрипции:

1. 秀支 *s w-kje «войско» < *s -ge.
2. 替戾岡 *thi j-liet-kāŋ «выходить» < *tā i-t-kan «выведший».
3. 僕谷 *bw k-kw k «титул» < *bökö-g «богатырь».
4. 劬秃當 *g(h)wo-thw k-tāŋ «схватить» < *götök-ta-ŋ «схватишь, пожалуй».
5. *bāt «сам, господин» < *bod.
6. 鐵伐 *thi t-b(h)w t «железо» < *Tem r.
7. 迦沙 *kā-sā «яшма» (?) < *Kā .
8. 逗落 *d(h) w-lāk «курган» < *durak.
9. 昆子 *kw̄n-cj «бобр» < *Kuntřz.
10. 夾兜 *ki p-t w «маслобойка» < *k p-i.
11. 屈乎 *khwit-kw t «низкий» < *Kodku-t.
12. 托 *thāk «земля» < *Tog.
13. 赫連 *h k-len «рыжий» < *jegren.
14. 丁菱 *ti ŋ-līŋ этноним < *Teleŋ-.

Что касается возможности уловить по китайским транскрипциям фонетические характеристики соответствующих тюркских языковых состояний, то, во всяком случае, нет явных противоречий наличию оппозиции придыхательный-непридыхательный у начальных взрывных; в ранних транскрипциях отражается латерал * ; в поздних, возможно, имеются - и ř-диалекты, причем второй — кыргызский. По отражению вокализма трудно о чем-либо судить.

Кажется, на этом старый спор о том, кто такие сюнну по языку, можно завершить; в частности, можно окончательно отказаться от енисейской гипотезы.

Соответствующую лингвистическим данным историческую ситуацию можно видеть в истории разделения сюнну на северных и южных: первое такое разделение и уход северных сюнну на запад произошли, как было сказано выше, в 56 г. до н. э., причем считается, что эта группа сюнну была уничтожена китайцами, а оставшиеся сюнну оказались под властью Китая; второй раскол сюнну на северных и южных происходит в 48 г. н. э., с этого времени северные сюнну постепенно смещаются в Западную Монголию и далее в Восточный Туркестан,

в Джунгарию, а в 155 г. мигрируют в Восточный Казахстан и Семиречье, где живут до V в. н. э.²²⁹ Вероятно, что первая группировка не была уничтожена физически, а только потеряла государственность, а затем вторая слилась с ней, принеся с собой культурные китайские заимствования.

Возможные восточноиранские заимствования в пратюркский язык

Одна из проблем тюркской этимологии, вызывающих споры исследователей, — это проблема заимствований в пратюркский язык из предположительно контактных с ним индоевропейских языков. Таким источником могут выступать какие-то восточноиранские языки среднеиранского периода, прежде всего язык восточноиранского населения, оставившего памятники «звериного стиля» в Саяно-Алтайском регионе и южнее.

С появлением достаточно полных и достаточно надежных этимологических источников по хотаносакскому языку²³⁰, сводного лексического источника по согдийскому языку²³¹, а также достаточно полно учитывающих новый восточноиранский материал этимологических словарей иранских языков²³², с другой стороны — с развитием исследований по тюркской этимологии и, в частности, с составлением достаточно полного словаря алтайских этимологий, разговор о возможных заимствованиях между языками Центральной Азии в древности и раннем средневековье становится менее умозрительным, чем ранее. В частности, можно надежно определять направление заимствований и опираться при доказательстве заимствования на установленные фонетические соответствия.

Восточно-иранские заимствования в пратюркский язык:

1. *e k «домашняя коза»: родовое название «самка»: иран. *a -ya-k-ā, от *a a-.
2. *dāna «телка»: иран. *dānu-kā, хсак. dīnū «корова».
3. *dorak «сыр»: ср.-иран. *tura-ka, хсак. ttūra «сыр».
4. *kumlak «хмель»: иран. *hauma-aryaka «арийская хаома», осет. x°ymællæg «хмель» (*hauma «хвойник, эфедра»).
5. *b tn k «мята»: ср.-иран. *bodina-ka (осет. bit'na / bet'ina «мята», шугн., барт. wi n, руш. wu n, вахан. wa n, мундж. wāl n, пушту wel 'na).
6. *arpa «ячмень»: (?) иран. *arba- «ячмень», вост.-иран. *arbasyā- (или *arpasyā): ишк. úrvš, сангл. v rv s, йидга yaršio, пушту orb 'ši, urb 'ši.
7. (?) *dura «башня, укрепление; четырехгранная бревенчатая или каменная постройка»:

ср.-сак. *ttaura* «стена», осет. *tyrg* «сени, навес, балкон, двор».

8. **gel* «жилище, двор, дом, подворье; *перс.* семья»: иран. **grda-* «дом, жилище», ср.-перс. *gilistak* [glsty, glystk] «дэвовское жилье, капище», зор. пехл. **gil-šāh* «хозяин дома», хсак. *ggalū* «семья».
9. **dām* «стена стационарного жилища или дома, глинобитная или земляная»: иран. **dam-* «дом, жилище» (авест. *dam*, согд. *-dam* «мир», язг. *-dom* в топонимах, ср. также хсак. *damānu* «дом»).
10. **darkan* титул или должность; компонент имен собственных: ПИЕ **tlk-*, индо-иран. *tark-* «решать, предполагать, судить», согд. *try'n, tr 'n* [*tarxān*] титул, сак. *ttarkana-* титул, осет. *tærxon* «суд».
11. **qayan*: «глава конфедерации племен», «повелитель»: ср.-иран. **hva-kama-* «autokrator» (*hva-* «само-» и *kam-* «желать»), ср. согд. *xutkame* [*xwt-k'm'-k'*] < **hvata-kama*²³³ в том же значении и парность таких образований, как авест. *hvata-data-* и *hva-data*. Начальный кластер в тюркских (и монгольских) языках запрещен, и в случае сочетания с глайдом его устранение могло проходить путем выпадения этого глайда. Конечное *-n*, возможно, из *-m*, ср. собственно тюркские отглагольные образования на *-m/n*.

Судя по полученным глоттохронологическим датировкам для иранского древа, заимствования из восточноиранских языков в пратюркский должны были проходить в период после распада сакской и аланской ветвей (лексикостатистическая датировка 660 г. до н. э.), уже из каких-то среднеиранских языков, но, возможно, до распада сакской и пуштунской ветвей (лексикостатистическая датировка 290 г. до н. э.). Что касается заимствования в обратном направлении, в настоящее время трудно искать возможные тюркизмы, допустим, в общем праязыке сакской и пуштунской ветвей, поскольку судить о словарном составе локальных иранских праязыков можно будет разве что после выхода всех томов «Этимологического словаря иранских языков» В. С. Расторгуевой, Д. И. Эдельман. В трех первых томах этого словаря, во всяком случае, подходящих кандидатов не обнаружилось.

Сравним набор иранских экзотизмов среди «сюннских» китайских транскрипций — термины молочного хозяйства и титулы:

1. 酪 **rāk* «кумыс» — ПИран. **ranka-* (с суф. *-aka*), сак. *ragai* «fermented liquor»; осет. *rong* «хмельной медовый напиток».
2. 湩 **toŋh* «молоко, кумыс» (значение засвидетельствовано с Хань; употребляется при

описании приготовления напитка из сбитого кобыльего молока) — ПИран. **dauy-na* (производное от глагола **du* — «дойть») > осет. *donq/dony* «молоко одного удоя», вахан. *ing* «молочные продукты» (собр.).

3. 酥酪 **sārāk* «сливки, масло» — ср.-иран. ***saraka* < ПИран. ***sarah-*, др.-инд. *śaras-* «пенка на молоке, сливки, кислые сливки».
4. 醍醐 **t(h)-g(h)ā* «светлый кумыс или осветленное масло» — ср.-иран. **doga-(ya)*: ПИран. **dauga-* > кл. перс. *d y* «пахтанье», совр. перс. *duy* «прохладительный напиток из сбитого кислого молока», курд. *d* «пахтанье», пушту *lway* «удой, надой», шугн. *d y*, язг. *d y*, вахан. *iŋ* «пахтанье, сыворотка».
5. 單于 **tān-wa* «шаньюй» (титул). Обычно интерпретируется как тюрк. **darxan*, с передачей конечнослогового *r* финалью *n*, ср. **kraśpin* «Кашмир». В Хань шу имеется замечание, что «титул шаньюй означает “обширный” и показывает, что носитель этого титула обширен подобно небу». Ср.: др.-уйг. *tarqan-* «рассеиваться, распространяться», *tarqar-* «распространять» (*in kert nom erdeni tarqarmış er r*) «он распространяет сокровища истинного учения» и формы современных языков в²³⁴; может быть, народная этимология на основе производного от этого глагола?
6. 闐氏 **yāt-t'j* «жена шаньюй» (титул): интерпретируют как тюрк. *xatun* (из согд.). Кажется, что его легче связать со среднеиранским прототипом тюркского слова: ср.: согд. *xuten* < **xwatāyn*, < **hva-tāvyaini* (ж. р. от **hva-tāvyā-*) «господин». Если предположить, что такое среднеиранское (раннесакское?) заимствование действительно проникло в язык сюнну, то для тюркского языка естественно, во-первых, упростить начальный кластер; во-вторых, отразить *-yn* источника как *ŋ*, который в китайской передаче изображен как *-j*. В согдийском (как показывает Е. Benveniste²³⁵) отмечено кроме *xuten* как наименования царицы еще *xātūn* [*x'twn*]²³⁶, которое употребляется прежде всего как «госпожа, знатная дама», в одном конкретном случае — при именовании второй жены царя (причем рядом с *xuten*, именовани-ем первой жены). Это слово, вслед за Бенвенистом, можно расценивать как заимствование, но не из тюркского, а из сюннуского, адаптировавшего, допустим, раннесакское **hwatuŋ*, а зафиксированные тюркские формы считать более новым заимствованием из согд. *xātūn*.
7. 單于 **r(h)wan d* (царский род сюнну, род из которого должен происходить «шаньюй»). Ср.: сак. *runde* «цари» (NPl от *rre* «царь» < **rwant-*).

8. 自次 **z(h)j ś shj ś* (второй по важности титул после шаньюя). Очевидно, китайское сочетание «сам» + «следующий, последующий», т. е. «после самого», может быть калькой известного среднеиранского титула «второй после царя» — ср.-перс. *pasāgrīv*, парф. **pašāgrīv*, согд. *pš'γryw*, из *pas/š-* «после, следом» и *grīv* «тело, сам».
9. 日逐 **nj t Lh uk* титул персонажа — сына левого *дацзяна*, который вопреки обычаю не мог стать наследником престола, а потому получил этот титул. Ср. авест. *noit*, отрицание при прилагательных и причастиях плюс иран. *(*v*)*rau-ka-* «неправящий».
10. 居次 **ka shj ś* «принцесса» — ср.-иран. **kan-a a* (согд. *kn y, kn yg*, пехл. *kanī ag*, мундж. *kin ākā* «девочка, девушка» от ПИран. **kan-* «молодой, маленький»).

Пратюркский и тохарский языки

Список предположительных тохаризмов в пратюркском, предлагаемый А. Рона-Ташем в ряде его работ, кажется содержащим ряд сомнительных предположений. Кроме общепринятых поздних (т. е. уже не в пратюркские, а в древнетюркские языки) заимствований, значительная часть этих предполагаемых заимствований имеет достаточно обоснованные алтайские этимологии²³⁷. Ниже приведены те слова, для которых гипотеза о заимствовании была бы наиболее оправдана.

Возможные тохаризмы в пратюркском языке:

1. ? **jEř* «медь»: ПТох. **w'äsā* (f.), ПИЕ **aw s-* «золото».
2. ? ПТ **jigirmi* «двадцать»: ПТох. **w'ikän* < ПИЕ **(d)wi-* «два» + **d(e)k'(o)mt-* «десять».
3. ? ПТ **alma, alimla* «яблоко». Ср.: ИЕ **amel-* «плодовое дерево, его плод» (яблоня, груша).
4. ? ПТ **ejkel* «желудь, шишка». Ср.: ИЕ **aig'-* «вид дуба»; **aig'-el-* «его плод».
5. ? ПТ **e/ilme* «ильм, осина, вяз». Ср.: ИЕ **elm-* «вяз».
6. ? ПТ **abs-ak* «осина». Ср.: ПИЕ **ap[uj]s-/asp-* «осина, тополь».

Последние 4 слова — пратюркские (имеющие закономерную чувашскую параллель) фитонимы, которые пока не имеют удовлетворительных алтайских этимологий и при этом довольно успешно могут быть истолкованы как заимствования из какого-то индоевропейского, но не иранского (демонстрирующего индоевропейское различие **r* и **l*) языка, возможно, группы кентум. Единственный известный представитель таких индоевропейских языков на близких к местам первоначального обитания тюрков территори-

ях — тохарский. В тохарских памятниках каких-либо возможных параллелей к этим тюркским фитонимам не обнаружено, но надо сказать, что и известный лексикон тохарских фитонимов не изобилует исконной лексикой, в основном включая названия экзотических растений, заимствованные из буддийского гибридного санскрита, или лекарственных растений, заимствованных из сакского. В словаре Адамса²³⁸ (тохарский В) имеется 20 фитонимов, не заимствованных из санскрита или сакского; этимология остальных неизвестна, в большинстве случаев неизвестно и их точное значение. Все это делает более реалистичной идею о возможности заимствования в пратюркский утерянного тохарского названия растения.

Возможные тохаризмы в языке сюнну:

1. Сушенная молочная закваска: 煨糝 *m k rwa*. Ср.: тох. А *malke*, В *malk-wer* «молоко» (комполит), имя по глаголу *mälk-* «доить» (ПТох. **mälk-* < ПИЕ **melg'-* «доить, выжимать, стирать»).
2. Почтительный к родителям (часть титула шаньюя): 若鞮 **nak d(h)i*. В Хань шу говорится, что это постоянный эпитет, прилагавшийся к имени шаньюя в дипломатических письмах, которые посылались к ханьскому двору; толкуется он как «почтительный к старшим» (т. е. к ханьскому императору). Однако ср.: тохарское В *n kte* «бог, господь», вос. *n kta* часто использовался как почтительное обращение к царю. Возможно, китайский хронист был введен в заблуждение относительно значения эпитета?

Как было показано²³⁹, основная масса китайских транскрипций из сюннуского — это тюркские и восточноиранские по происхождению слова. Восточноиранские связи сюнну в области становления государственности подтверждаются историческими сведениями о первоначальном вассалитете сюнну по отношению к юэчжам (например, известно, что шаньюй Маодунь — основатель сюннуской империи — в детстве был аманатом у юэчжей). Что касается языковой идентификации юэчжей, то их связывают и со скифо-сакской общностью, и с тохарами²⁴⁰. Вероятно, это был этнически неоднородный племенной союз; во всяком случае, как указывает С. Г. Кляшторный²⁴¹, археологические данные подтверждают северно-юэчжийскую принадлежность пазырыкцев и их восточноиранские связи; что касается южных юэчжей, то их действительно имеются основания связывать с тохарами. Возможно, имеющиеся довольно слабые следы ранних тюрко-тохарских контактов обусловлены опосредованностью этих контактов через иранцев.

Пратюркский и самодийский языки

Тюркские заимствования в прасамодийском языке:

1. ОТ **Karun* «шмель» < Палт. **k ap u* «кусающее насекомое». Предположительно заимствовано в ПСам. **keru* «Wespe», без уральской этимологии.
2. ПТ **bālik* «рыба» < Палт. **pāli* «вид рыбы». Предположительно заимствовано в ПСам. **p̂jkz* «юкола, балык, вобла» (без уральской этимологии).
3. ПТ **bEkre* «вид осетровой рыбы» < Палт. **bek ú* «вид рыбы». Предположительно заимствовано в ПСам. **wekänä* / **wekzз* «осетр».
4. ПТ **ortan* «щука» < ПА **rV* «щука». Предположительно заимствовано в ПСам. **cu/o(R)ta-* (энецкое тундровое *d'uda o, d'uddá* «щука»).
5. ПТ **kī* «соболь». Может быть заимствовано в ПСам. **ki, *kilz* «соболь».
6. ОТ **junt* «лошадь, кобыла». Предположительно заимствовано в ПСам. **juntz* «лошадь».
7. (?) ОТ **dal* «ветка, ива» < Палт. **lú* «вид лиственного дерева». Предположительно заимствовано в ПСам. **ta()j* «ветвь, сук» (без уральской этимологии).
8. ПТ **bat-* «погружаться, тонуть, заходить (о солнце)». Предположительно заимствовано в ПСам. **p̂t-* id. (без уральской этимологии).
9. ПТ **Ki* «зима». Предположительно заимствовано в ПЮСам. **ke* «зима».
10. ПТ **ür* «жир». Предположительно заимствовано в ПСам. **j r* id.
11. ОТ **jama-* «латать, штопать» < Палт. **ném* «латать, штопать». Предположительно заимствовано в ПСам. **jemí* - «латать» (без уральской этимологии).
12. ОТ **ba mak* «вид обуви». Возможно, заимствовано в ПСам. **pājta* «сапог, обувь» (без уральской этимологии).
13. ПТ *(*h*) *jke-* «пилить, точить». Предположительно заимствовано в ПСам. **jikā-* «точить, пилить».
14. ПТ **kijn* «ножны». Предположительно заимствовано в ПСам. **ken* id.
15. ОТ **jasa-* «строить, устраивать» < Палт. **dasa-* «управлять, регулировать». Предположительно заимствовано в ПСам. **jes j-* «ставить чум» (без уральской этимологии).
16. ПТ **Kami* «черпак» = ПИран. **kapi i, *kapi -aka* «ложка, черпак». Может быть заимствовано в ПСам. **k̂ps/š̂* «Zauberl ffel» (шаманская ложка для окроплений).

17. ПТ **kān* «правитель». Предположительно заимствовано в ПСам. **kān* id. (без уральской этимологии).
18. ПТ *(*h*) *ejkir* «близнецы». Предположительно заимствовано в ПСам. **jek̂* «близнец».
19. ПТ **j k* «нет», **j k-a-l-* (рефлексив отыменного глагола) «потеряться, исчезнуть». Предположительно заимствовано в ПСам. **jok̂-* (? **jok-*) «sich verirren» (без уральской этимологии).
20. ПТ **dört* «четыре». Возможно, заимствовано в ПСам. **tett̂* «vier» (без уральской этимологии).
21. ПТ **jür* «сто». Предположительно заимствовано в ПСам. **j r* «сто».
22. ОТ **Kir* «серый, седой». Возможно, заимствовано в ПСам. **kir* «седой, светлый, белый».

Самодийские заимствования в пратюркском языке:

1. ПСам. **käsa* «кора» > ОТ **kās* «кора» (др.-уйг. *qas, qasuq*, крх.-уйг. *qas, qasuq* (СМК), хал. *qās*). Самодийское слово имеет нормальную уральскую этимологию (ПФУ **ko(n) kз* «кора») и может считаться источником др.-тюрк. и халадж.
2. (?) ПСам. **ka tj* «ель» > ПТ **Kadi* «сосна».
3. (?) ПСам. **titej* «сибирский кедр» > ОТ **Tit* «лиственница».
4. ПСам. **ko j* «гора, водораздел» > ОТ **K(i) aja* «скала, гора». Самодийское слово имеет уральскую этимологию (хотя и необщепринятую: ПУр. **ka 'a* > венг. *hegy* «верхушка, гора»), тюркское серьезно нарушает стандартную схему развития Палт. **d* > ПТ **d*, демонстрируя **j* вместо **d*.
5. ПСам. **weniz* «мясной или рыбный суп, бульон» > (?) ОТ **b n* (**b jn?*) «мясной суп, похлебка, рыбный навар».

Вопрос о датировке соответствующих тюрко-самодийских отношений решается пока совершенно неоднозначно. Достоверные самодийские заимствования могут быть оценены и как заимствования в общетюркский, т. е., возможно, после ухода болгарской группы. С другой стороны, фонетические особенности заимствований в прасамодийский явно указывают на пратюркское (формально, возможно, и на прабулгарское) состояние. Распад прасамодийского, как уже упоминалось, специалисты датируют последними веками до нашей эры, связывая его с вторжением сюнну во II в. до н. э.²⁴²

Что касается фонетики, здесь стоит отметить специфическое отношение к тюркским **ř* и **l*, которые, видимо, для заимствующей стороны больше похожи на *r* и *l*, чем на спиранты (отпадение конечнослогового **l* скорее следует связывать не с его пратюркским качеством, а с регулярным переходом

Пур. **l* в первой позиции кластера в самод. *j*, как и в заимствованном слове **p^hjkz* «балык»). ПТ **h*- получает в самодийском (в надежных случаях) нулевое отражение.

Довольно единообразно отражается тюркский вокализм; различное отражение ПТ **a* связано с открытостью (**e*, **e*) и закрытостью (**a*, перед **j* — **ä*, **ˆ*) слога; различия в отражении ПТ **i*, возможно, связаны с разным качеством конечного согласного и наличием **-j*- в основе. Самодийские заимствования единообразно отражают взрывные как глухие и не отражают различий по долготе гласных.

Пратюркский и праенисейский языки

Ниже мы ориентируемся на реконструкцию праенисейской фонетики С. А. Старостина²⁴³ и праенисейский лексикон, реконструированный им же²⁴⁴, а также расширенный и учитывающий новейшую литературу вариант его, опубликованный в интернете²⁴⁵. Распад праенисейского языка по этим данным датируется глоттохронологически рубежом нашей эры, когда выделяются две ветви — кетская и коттская. От кетской отделяется в V в. н. э. пумпокольский язык, затем в XII в. н. э. распадаются кетский и югский языки. Коттская группа в VI в. н. э. распадается на коттский и аринский.

Довольно хорошо известен ряд заимствований между енисейскими и сибирско-тюркскими языками в исторические времена. Ниже предлагается список возможных заимствований в праенисейский и отдельные енисейские группы из пратюркского и, возможно, отдельных тюркских групп (все предполагаемые тюркские слова — источники заимствования имеют алтайскую этимологию²⁴⁶).

Пратюркские заимствования в праенисейский язык (не позднее рубежа эры):

1. ПЕН. **ɟyr* «сукно, войлок» < ПТ **kidir* «войлок» > ОТ **kidiz*.
2. ПЕН. **ʔiʔn* «игла» < ПТ > ОТ *(*j*)*igne, jinne*.
3. ПЕН. **ʔVʔr₁* «петь, песня» < ПТ > ОТ **ir*.
4. ? ПЕН. **dam*- в **dam-* и «окно» (второй компонент композита обозначает «дырка») < ПТ > ОТ **dām* «стена».
5. ПЕН. **KVlpV* «ложка» < ПТ ***kalbuk* > ПТ **ka uk* > ОТ **kašuk*.
6. ПЕН. **d li* «ива» < ПТ > ОТ **dal* «ива».
7. ПЕН. **ɟVr* «пена» < ПТ **köp* — > ПТ **köp k* «пена», ОТ **köp r-* «пениться».
8. ? ПЕН. **b t* «ленок» < ОТ **biñit* «ленок».

Заимствования, происшедшие не позднее VI в. н. э. (только в коттской ветви):

1. ПЕН. **KuPurKVn* «лук (растение)» (коттско-ассанско-аринское) < ОТ **gEm rgen* «дикий лук или чеснок»: др.-тюрк. *köv rgen* (СМК), *köm rgen* (СМК — огуз.), возможно, заим-

ствование из тюркских языков Сибири (кыргызское?), ср.: хак. *köb rgen*, галт. *köb rgen*, кирг. *köb rgön* (> камас. *Kuburgan*²⁴⁷).

2. ПЕН. **jus* «сто» (коттско-аринское) < ОТ **jüz* < ПТ **jür* «сто».

Заимствования, происшедшие не позднее XII в. н. э. (только в кетско-югской подветви):

1. ПЕН. **pálgV* «ерш» (кетско-югское) < ПТ **bālik* «рыба».
2. ПЕН. **ʔiGV* — «точить» (кетско-югское) < ПТ **ke* — «пилить, обтачивать».
3. ПЕН. **ʔuʔž* — «поясница» (кетско-югское) < ПТ **ū a*.
4. ПЕН. **siʔ id* «ремешок» (кетско-югское) < ПТ **sid* — «кайма, тесьма».
5. ПЕН. **soʔ/G/ om* «стрела с тупым наконечником» (кетско-югское) < ОТ **sokom/n* «свистящий наконечник стрелы».
6. ПЕН. **doʔs* «идол; дух» (кетско-югское) < ПТ **tör* «корень; происхождение, основание, род, предки».

Возможное заимствование из праенисейского языка в пратюркский:

1. ПТ **gejik* «дичь, дикое животное как предмет охоты» (без надежной алтайской этимологии) < ПЕН. **g ʔj* «охота; дикое животное».

Заметим, что слова «рыба», «точить» и «ива» попали в списки праязыковых заимствований и в прасамодийский, и в праенисейский. Очевидно, заимствования между всеми тремя праязыками происходили на контактной территории, включающей енисейскую и самодийскую прародины. Датировать эти контакты было бы естественно начальным периодом продвижения тюрков на северо-запад, соответственно, согласуя с другими датировками и локализациями — II–I вв. до н. э. (шаньюй Маодунь подчинил гуннской державе племена Саян, Алтая и Верхнего Енисея в 203–202 гг. до н. э.²⁴⁸).

В связи с этим можно предполагать, что современная глоттохронологическая датировка распада самодийского праязыка несколько заглублена; возможно, следует вернуться к традиционной датировке рубежом эры²⁴⁹.

Пратюркский и угорский языки

Возможные контакты между пратюркским и обско-угорским языками и даже контакты между пратюркским и праугорским широко обсуждались финноугроведами. С кратким изложением проблематики можно ознакомиться у А. Рона-Таша²⁵⁰. Естественно, часть обсуждавшихся схождения может быть объяснена ностратическим или урало-алтайским родством.

По нашим данным, достоверные общеугорско-тюркские схождения, объяснимые контактами, —

это три праугорских слова, для которых можно предполагать направление заимствования из праобско-угорского состояния в пратюркский или общетюркский язык:

1. ПТ **kunduř* «бобр» < ПОУ **kuntz-l'* < ПУг. **kuntz* «бобр».
2. ПТ **Kutan* «пеликан, цапля» < ПОУ **kotij* < ПУг. **kottVηV* «лебедь».
3. ПТ **ijir* «вьючное седло» < **ingri* < ПОУ **näyrä* < ПУг. **närkV* «седло».

Возможные заимствования из пратюркского языка в праобско-угорский:

1. ПОУ **ürj* «приемлемый, подходящий, мастерство, искусство» < ПТ (ОТ) **ür* «мастер».
2. ПОУ **tarma* «бог» < ПТ **Taŋri* «бог»?
3. ПОУ **wüjma* «моток пряжи» < ПТ **ojma* «войлок».
4. ПОУ **perya* «трубка, трубчатый стебель» < ПТ **burgu* «дудка, манок; трубчатый стебель».
5. (?) ПОУ **pehta* «навоз, испражнения» < ПТ **bok* «грязь, навоз».
6. (?) ПОУ **qer-sj* «бесснежный (об осени)» < ПТ **Kiär-siř* «без снега».

Эти случаи могут быть заимствованиями в праобско-угорский язык из пратюркского (или из раннего состояния языка болгарской ветви; как уже упоминалось, различить эти две возможности можно было бы по наличию «чувашской палатализации» — развитию **s > ř* перед **i, *i*).

Итак, оценивая праязыковые контакты тюрков и угров, можно с уверенностью сказать, что результатов таких контактов для пратюркского и праугорского состояний не наблюдается (что в определенной степени подтверждает глоттохронологическую датировку распада этих состояний: праугорское состояние распалось задолго до того, как носители пратюркского языка или праязыка болгарской ветви дошли до территорий, на которых жили угорские народы).

Хронологически реальны контакты пратюркского и праобско-угорского языков; при этом эти контакты явно проявлялись значительно слабее, чем, допустим, пратюрко-прасамодийские или пратюрко-праенисейские контакты, и, в частности, допускают интерпретацию как контакты в рамках торговых путей.

Пратюркский (?) и палеоазиатские языки

К настоящему времени благодаря значительной работе, проделанной в первую очередь О. А. Мудраком, можно считать доказанным родство по крайней мере двух палеоазиатских семей — чукотско-камчатской и нивхской²⁵¹. С корпусом лексических сближений можно ознакомиться на сайте www.starling.rinet.ru, система баз данных niodet.dbf. Не-

сомненно, реконструкция, представленная в этой базе, еще будет дорабатываться, но уже теперь, во всяком случае, понятно, что очевидных тюркско-чукотско-камчатских параллелей найти не удастся (в отличие, например, от тунгусо-маньчжурско-чукотско-камчатских — ср. несколько табуистических заимствований названий частей тела животных в пратунгусо-маньчжурский и более поздние тунгусо-маньчжурские группировки²⁵²).

Пранивхская реконструкция, видимо, менее надежна, чем прачукотско-камчатская, будучи бинарной — построенной на двух нивхских диалектах. Имеется несколько любопытных параллелей — возможных заимствований из более раннего состояния тюркских языков в пранивхский (тюркские слова имеют алтайские этимологии, нивхские слова не имеют палеоазиатской этимологии). Если это не случайные совпадения, то они должны быть довольно древними хотя бы потому, что ничего не известно о контактах соответствующих этносов в историческое время.

Заимствования из (пра)тюркского языка в пранивхский:

1. ПНивх. **duki* «осетр», нивх. *tuki*. Ср.: тюрк. **duki* «осетр» (< Палт. **taku* вид крупной рыбы).
2. ПНивх. **Bil* «рыба кета», нивх. *vel* «летняя кета». Ср.: тюрк. **beł* вид лосося (*Salmo taimen*) (< Палт. **melo* вид рыбы).
3. ПНивх. **kël* «ступка», нивх. *k l(x-)*. ПТ **kejlig* «ступка» (< Палт. **k lñ* «ступка»).
4. ПНивх. **älc* «раб», нивх. *lc, lc*, сахал. *alc*. ОТ **jl- i* «посол». Тюрк. слово — производное от ПТ **jl* «мир».

Пратюркский и монгольские языки

К настоящему времени чрезвычайно затруднительно говорить о заимствованиях между пратюркским языковым состоянием и современным ему состоянием монгольской языковой семьи. Реконструируемое прамонгольское состояние, т. е. состояние монгольской системы в момент первого распада монгольской семьи, явно не синхронно пратюркскому; глоттохронологически оно датируется самое раннее VI в. н. э. Общемонгольские китаизмы, которые мы находим, могут быть датированы не ранее среднекитайского состояния, т. е. опять же VI–VII вв. н. э. При этом насколько то, что реконструируется — действительно прамонгольское состояние, собственно говоря, неясно. Фактически мы имеем большой объем лексики, которую можно ввести в сравнение, из северных монгольских языков и ничтожные по объему словники из южных монгольских языков, т. е. из сильно креолизованных монгольских языков

Китай; больше всего монгорский словник, но и он невелик. Исконная лексика южной группы в сильной степени затерта китайскими и тибетскими заимствованиями и почти недоступна наблюдению. Кроме того, древнейшие, досреднемонгольские памятники монгольских языков — записи табгачской и киданьской лексики — также очень малы и частично нерасшифрованы. В результате то, что называется прамонгольским, в очень большой степени может отражать прасеверомонгольское состояние, тюркизмы которого явно происходят уже в основном просто из древнетюркского. В частности, В. И. Рассадин²⁵³ считает общемонгольскими слова, если они встретились в трех основных северных языках, не рассматривая даже ордосский, не говоря уже о монгорском.

В это время пратюркский уже давно распался. Тюркизмы, которые могут быть восстановлены для прамонгольского состояния, известно довольно много. Среди них названия металлов, в т. ч. китаизмы ПТ **altun* «золото» > ПМонг. **altan*, **Tem r* «железо» > ПМонг. **tem r*; скотоводческие термины — ПТ **Kojn* «овца» > ПМонг. *qoni(n)*, ПТ < ПАлт. **giabo(nV)* «самка копытного» (ПМонг. **gew -n* «кобыла», ПТМ **gibu-* «косуля»); названия съедобных растений (ср. китаизм ПТ **Turma* «редька, хрен» > ПМонг. **turma* (со ср.-монг., есть в монгорском); другие цивилизационные слова (ср. китаизм ПТ **biti-* «писать» > ПМонг. **bi i-*). Многие из таких слов можно найти в соответствующем разделе книги В. И. Рассадина²⁵⁴. Но они заимствованы явно уже не из пратюркского языка, а из древнетюркского.

Остается вопросом, можно ли определить случаи тюрко-монгольских заимствований более раннего периода. Алтайская этимология еще не настолько разработана, чтобы отделять такие заимствования от слов, связанных как алтайские этимологические параллели в тех случаях, когда фонетические соответствия позволяют и то, и другое решение. Критерии разделения должны выглядеть примерно следующим образом.

К пратюркским заимствованиям в раннепрамонгольском (из лексики, которая не допускает интерпретации как заимствованная из древнетюркского в позднепрамонгольском, старомонгольском или среднемонгольском) можно относить те случаи, когда рассматриваемое прамонгольское слово содержит характерный тюркский морфологический/словообразовательный признак или для пратюркского слова имеется альтернативное монгольское сближение, для которого гипотеза о заимствовании менее вероятна из-за сильных поверхностных фонетических различий.

Кроме того, любая гипотеза о заимствовании должна иметь какие-то культурно-исторические

основания. Несколько возможных заимствований из пратюркского в раннепрамонгольском, соответствующих этим критериям, описано И. А. Грунтовым²⁵⁵. Это такие слова, как ПТ **ar̥g* «клык» > ПМонг. *ariya* «клык» при ПМонг. *aral* «клык», *ara-tai* «хищник» < ПАлт. **a i*; ПТ **b ʁ* «серый» > ПМонг. **boro* «серый» при ПМонг. **buyurul* «седой» < ПАлт. **bagu* -.

Естественно, поскольку большинство языков, заимствовавших из пратюркского (как было показано выше), отражали ПТ **r̥* и **l* как *r* и *l*, не работает традиционный алтаистический критерий, согласно которому существование между парой слов соответствия тюрк. *-r₂* — монг. *-r-* или тюрк. *-l₂* vs. монг. *-l-* является диагностическим признаком наличия родственных отношений. При этом, допустим, соотношение ПТ **j-* — ПМонг. **d-* вряд ли возможно при раннем заимствовании, поскольку и в древнекитайском, и в прасамодийском ПТ **j-* интерпретируется либо как глайд, либо как аффриката (в зависимости от следующей гласной), поэтому нормальным случаем для ранних заимствований можно считать интерпретацию ПТ **j-* как ПМонг. **ǰ-* и не считать контактным соответствие ПТ **jaj* «враг» — ПМонг. **daji(n)* «война».

Ранние контакты, хронологически близкие к пратюркскому периоду (тюркизмы в табгачском — IV–V вв. н. э. и их отражение в монгольских языках: 比德填 *pj̄t̄k n* «писец» < ПТ **bitig* «письмо», 樸大填 *b k dh̄aj n* «гардеробщик» < ПТ (?) **bog-taj* «узел с одеждой», 可薄填 *kh̄a b̄ak n* «привратник» < ПТ **kapog* «дверь», 威填 *gīm n* «служащий почтовой станции» < ПТ ***jam* «почтовая станция»), рассмотрены в статье А. В. Дыбо²⁵⁶. По разобранной лексике видно, что контакты протекают в сугубо цивилизационной области; это, в частности, показывает тот факт, что заимствованная из тюркского в табгачский лексика в основном не прижилась в более поздних состояниях монгольских языков, терминология прожила столько же, сколько элементы государственной структуры, к которым она относилась. Конечно, такие контакты, которые привели бы к созданию языкового союза, впоследствии конвергентно развившегося в алтайскую семью, должны были бы выглядеть иначе.

Предполагаемые прамонгольские заимствования в пратюркский язык должны удовлетворять аналогичным критериям. Пратюркское слово должно содержать какой-то характерно монгольский признак, а монгольское слово должно иметь альтернативное тюркское сближение, проходящее по алтайским соответствиям, но сильно фонетически отличающееся от монгольского. Пока не удалось обнаружить достоверных случаев

такого заимствования (впрочем, имеется один случай в языке сюнну, очень похожий на монголизм: 𐰽𐰺𐰍 *stʹj b(h)j j* «пряжка», ср.: монг. **silbi* «пуговичная петля»).

Наиболее ранние из предполагаемых монгольских заимствований в тюркские языки оказываются заимствованными уже не в пратюркский, а в общетюркский, т. е. после отпадения болгарской ветви, или уже в древнетюркский. Ср.: ОТ **talp* - (в различных залоговых формах) «болтаться, размахивать», начиная со СМК (*talpy-n-*, *talpy-r-*, *talpy-š-*), далее во всех типах памятников и в различных группах тюркских языков (от галт. *talby*- до тур. *tal(a)by-*, *dalaby-*; болгарский рефлекс отсутствует): из ПМонг. **dalba-* «качать, трясти»; ОТ **d ruγ* «гнедой (масть лошади)» (с рунич. (Бильге-каган), др.-уйг. (Суджи), СМК *torug*, во всех группах тюркских языков, в т. ч. в якутском (но чув. *turč*, возможно, заимствовано из тат. *tury*)? < ПМонг. **dorugun* «барсук», специфический раскрас лошади, таким образом, может иметь внутреннюю форму «барсучий», т. е. «пестрый», с более темной головой и хвостом, мотивация поддерживается многочисленными примерами: тюрк. *bulan* «буланный» < «лось», *jigren* «игрений» < «джейран», монг. *xalʹuun* «буланный с черной гривой» < «выдра»); ОТ *aksum* «ярость, буйство»: начиная со СМК *aχsun*, *axsum*, (QB) *aqsun*, чаг. *aqsum*, *axsum*, аз. *aqsyn*, кирг. *aqsym* и т. п. < ПМонг. **agsum* «буйство», стандартное отглагольное производное от монг. **agsa-* «биться в судорогах; буйнить», и некоторые другие.

Рассмотренный набор заимствований из пратюркского языка и в пратюркский представлен в табл. 5.

Предполагаемое рассмотренным материалом время и место существования тюркского праязыка достаточно хорошо укладывается на широкую территорию между нынешним Ордосом и Южным Саяно-Алтаем в конце 1-го тысячелетия до н. э. — первых веках н. э. и соответствует имеющимся сведениям о культуре и истории, в частности о передвижениях и развитии народов, входивших в образование сюнну. Все это относится именно к пратюркскому состоянию, т. е. языковому состоянию, еще не разделившемуся на болгарскую и общетюркскую ветви, но уже выделившемуся из праалтайского, отдельному от монгольского и тунгусо-маньчжурского языковых состояний. Достаточно четкое выделение именно такой стадии производится с помощью классического сравнительно-исторического метода вполне формализованным путем, т. е. относительно каждого языкового факта исследователь может построить верифицируемую гипотезу о том, принадлежал ли он к этому состоянию или нет, что соответствует общеметодологическим представлениям о научном установлении фактов.

Заметим, что, по-видимому, рассмотренный материал не дает никаких аргументов в пользу гипотезы о контактах языков Сибири с каким-то отдельным тюркским языком (языками), принадлежавшим к болгарской ветви. Действительно, заимствования из китайского и восточноиранского, которые можно оценить как пратюркские (отразившиеся и в болгарской, и в общетюркской ветвях), говорят в пользу R-языка как пратюркского; соответственно, R-заимствования в прасамодийский и праенисейский могут быть расценены как заимствования из того же пратюркского; а сибир-

Таблица 5

Заимствования из пратюркского языка и в пратюркский язык

Контактный язык	В пратюркский язык	Из пратюркского языка
Поздний древнекитайский	19 заимствований «культурного» характера	18 заимствований — в эпоху Хань, 14 — позднее, в основном явные экзотизмы, хотя два из них прижились (названия пони и верблюда)
Некий восточный среднеиранский (ранний сакский? прасакско-ваханский?)	11 заимствований сугубо культурного характера; ср.: значительное число иранских заимствований в языке сюнну	Неясно (возможно, в силу неизученности общей сакско-ваханской лексики; ср.: наличие более поздних тюркизмов в хотаносакском)
Прадохарский	6 (ненадежно); ср., возможно, 2 тохаризма в языке сюнну	5 (ненадежно; ср.: наличие более поздних тюркизмов в тохарском B)
Прасамодийский	5	22, в основном «культурные»
Праенисейский	1 («дичь»)	8–14, термины материальной культуры
Праобско-угорский	3 (торговые)	6 (культурные)
Табгачский (монгольский)	Неясно	4 (из них одно, «ям», стало общемонгольским)

ская контактная лексика, фиксирующаяся в более поздний, чем определяемый как пратюркский, период (в отдельных енисейских и самодийских ветвях), демонстрирует скорее общетюркские особенности. Для отдельного болгарского языка в сложившейся картине контактов не остается, так сказать, ни места, ни времени.

Возникает еще один интересный вопрос. Кажется, удалось показать, что «северные варвары» китайских хроник интересующего нас периода действительно могут быть сочтены по языку тюрками (сюнну), монголами (табгачи) и тунгусо-маньчжурами (жуань-жуани?), при этом со значительными следами восточноиранских контактов. Насколько при этом можно считать, что язык сюнну, отдельные факты которого засвидетельствованы в китайских текстах, — это то же самое, что пратюркский язык? С одной стороны, исторические события, связанные с сюнну, предполагают возникновение социолингвистической ситуации, развитием которой как раз могли бы стать оживленные контакты с позднедревнекитайским языком в качестве в основном акцептора, но в небольшой степени и донора; с самодийскими, енисейскими и обско-угорскими языками в качестве прежде всего донора и в меньшей степени акцептора; наконец, сам распад пратюркской языковой общности и экспансия одной из ветвей на запад. С другой стороны, засвидетельствованные факты языка сюнну только отчасти прослеживаются как пратюркские. Из ранних сюннских слов могут быть сочтены унаследованными как формально пратюркские **taŋri* «небо», **ila a* «небольшая лошадь», **Taki* «дикая лошадь», **Koŋur* «бурый», **Ko* «лагерь», **darxan* «титул»; из позд-

них — **götök*, имя по **göt* — «подниматься», **bod* «сам», **Kuntʒz* «бобр», **Tem r* «железо» (из них одно иранское, одно обско-угорское и одно китайское заимствование).

По-видимому, действительная ситуация может быть оценена приблизительно так же, как известный случай с романскими языками и латынью. Общеизвестно, что зафиксированная в памятниках письменности классическая латынь не может считаться точно тем же языком, который явился предком современных романских языков. Зафиксированная китайцами сюннская лексика, по-видимому, по большей части принадлежала к «верхнему» функциональному стилю языка соответствующих общественных образований, который скорее всего не стал предком тюркских языков, а, как это и свойственно таким функциональным стилям, распался вместе с обществом, в котором функционировал.

Особенно это касается, конечно, имперской титулатуры, отчасти, по-видимому, заимствовавшейся в языки наследовавших государственных образований, но в довольно слабой степени унаследованной тюркскими языками (примечательным примером может служить заимствованное из иранского **hvatuyun* сюннское **qatuñ*, из сюннского заимствованное в согд. *xātūn* и затем уже из согдийского попавшее в древнетюркский).

Примерно такие же отношения могут обусловливать отсутствие серьезных свидетельств ранних тюрко-монгольских языковых контактов в тюркских и монгольских языках, при наличии, например, терминов тюркского происхождения (следовательно, сюннских?) среди в целом монголоязычной табгачской титулатуры.

Норманская Ю. В.

ДРЕВНЕЙШИЕ УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

Параллели в уральских и тюркских, позже в алтайских языках издавна привлекали внимание исследователей. Первым, кто привел конкретные параллели между уральскими и тюркскими языками, был, вероятно, Г. В. Лейбниц (1646–1716)²⁵⁷.

После возникновения сравнительно-исторического языкознания и выделения нескольких больших языковых семей в XIX в. начали появляться работы, в которых исследовалось сходство между уральскими и алтайскими языками. Сначала они

были посвящены анализу лексики²⁵⁸, затем сходству в области грамматики и синтаксиса²⁵⁹.

Но эти исследования основывались на очень ограниченном фактическом материале, и поэтому большинство наблюдений, которые были в них сделаны, в настоящее время уже утратили актуальность. Настоящий прогресс в исследовании сходства уральских и алтайских языков был возможен лишь при выходе на новый этап исследований в области сравнительно-исторической уралоалтаистики и алтаистики.

В работах В. М. Иллича-Свитыча, M. Stachowski можно найти интересное описание того, как постепенно формировались эти дисциплины²⁶⁰. Все авторы, занимающиеся историей лингвистики, солидарны в том, что прогресс в области сравнительно-исторического финноугроведения и шире уралоистики был достигнут значительно раньше, чем в алтаистике. Уже к 1920–1930 гг. становятся ясны основные очертания уральского праязыка. В работе В. Collinder²⁶¹ приводятся материалы к уральскому этимологическому словарю и предлагаются основные фонетические соответствия между уральскими языками, которые и в наши дни в несколько модифицированном виде используются уралоистами во всем мире.

В алтаистике в конце 1950-х гг. не было единого мнения по поводу состава семьи языков (речь идет о принадлежности к алтайской языковой семье тюркских, тунгусских и монгольских языков; согласие по поводу принадлежности к алтайским языкам корейского и японского языков, насколько известно, не достигнуто и по сей день). В частности, в своей работе D. Sinor²⁶² склонен делить урало-алтайские языки на тюрко-уральскую и тунгусо-монгольскую подгруппы.

Важный шаг в урало-алтайских штудиях был сделан М. Рясняном²⁶³. В его исследованиях впервые точность обработки алтайского материала может быть сравнима с точностью обработки уральского²⁶⁴.

Не имея возможности в этой статье подробно останавливаться на истории изучения урало-алтайских языковых отношений, отметим, что в большинстве работ этого периода вплоть до конца XX в. основное внимание исследователей было направлено на поиск генетически общих лексических и морфологических архаизмов в уральских и алтайских языках.

Конечно, в этом поиске революционной была работа В. М. Иллича-Свитыча²⁶⁵, в которой системным образом было доказано, что уральские и алтайские языки наряду с индоевропейскими, картвельскими, дравидийскими и семитохамитскими²⁶⁶ принадлежат к ностратической семье языков. В. М. Иллич-Свитыч предложил фонетические соответствия, которые связывают архаическую лексику в этих языках. Эти соответствия и собранный им словарь ностратического праязыка доказывают, что предыдущие исследователи, которые занимались сепаратными индоевропейско-уральскими, урало-алтайскими, урало-дравидийскими лексическими и грамматическими сходствами, анализировали лишь верхушку айсберга.

Надо сказать, что после публикации революционного открытия В. М. Иллича-Свитыча и его скоропостижной кончины последовали десятилетия,

когда существенных открытий в области ностратики сделано не было. На Западе ностратическая теория до сих пор не является общепризнанной. Российские исследователи сконцентрировались на улучшении качества этимологической обработки и уточнении набора фонетических соответствий в отдельных ностратических семьях, в частности алтайских. В 1991 г. С. А. Старостин доказал генетическую принадлежность японского языка к алтайским языкам²⁶⁷.

В последующие годы С. А. Старостин, А. В. Дыбо и О. А. Мудрак объединили усилия в создании алтайского этимологического словаря (EDAL)²⁶⁸. Публикация EDAL ознаменовала начало новой эры в сравнительно-историческом изучении алтайских и шире ностратических языков. Несмотря на наличие некоторых не вполне надежных семантических и фонетических сближений в корпусе этого словаря, которые, видимо, неизбежны в первом издании этимологического словаря любой достаточно древней семьи языков, в настоящее время исследователи ностратического праязыка и урало-алтайских отношений могут работать не с сепаратным материалом тюркских, тунгусских, монгольских языков, а с праязыковой лексемой, из которой по фонетическим соответствиям могут быть выведены формы в языках-потомках.

Но обратимся к мысли, которую высказывает в своей монографии М. Стаховский²⁶⁹. Он отмечает, что, судя по количеству исследований XX в., посвященных изучению родства уральских и алтайских языков, можно предположить, что «родственные отношения между уральскими и алтайскими языками исчерпывали всю палитру отношений, существовавшую между этими языковыми семьями». Конечно, это не так. Между уральскими и алтайскими языками после их генетического разделения многие тысячелетия существовали интенсивные языковые контакты.

По мнению М. Стаховского, появление работ Я. Пустаи²⁷⁰ ознаменовало новый этап в изучении урало-алтайских отношений. В этих статьях и монографии автор специально подчеркивает, что исследует не генетически общие элементы в уральских языках, а ареально возникшие сходства. В последние годы это направление исследований становится все более популярным на Западе и в некоторых российских регионах (особенно хочется отметить достижения новосибирских ученых)²⁷¹.

Но, как совершенно справедливо отмечают в своих исследованиях М. Стаховский и А. Рона-Таш²⁷², анализ урало-алтайских отношений только с точки зрения ареально-типологических сходств тоже является неполным. Ученые, занимающиеся поиском синхронных общих элементов, часто не могут правильно оценить статус тех или иных схожих черт в

лексике или грамматике. Возникли ли они под влиянием контактов между языками, являются общим праязыковым наследием в уральских и алтайских языках (или представляют собой типологическую фреквенталию).

В 2001 г. М. Стаховский написал: «Пришло время для перехода на новый уровень изучения урало-алтайских отношений: необходимо научиться различать генетически общие элементы в уральских и алтайских языках и те, которые возникли в результате контактов»²⁷³.

Представляется, что при переходе на этот новый уровень исследований российские ученые находятся в наиболее выгодном положении. С одной стороны, они имеют прекрасную подготовку в области сравнительно-исторического языкознания (ср. достижения московских ученых как в области ностратики²⁷⁴, так и в области уральского и алтайского сравнительно-исторического языкознания²⁷⁵). С другой стороны, работы российских ученых отличает пристальное внимание к живым уральским и алтайским языкам: постоянные экспедиции к носителям языков²⁷⁶, работа в архивах с неизданными материалами по языкам Сибири²⁷⁷ дают возможность собрать и отследить инновационные и архаические особенности, возникающие в современных уральских и алтайских языках.

Конечно, задача комплексного (сравнительно-исторического и ареально-типологического) изучения урало-алтайских языковых отношений — это дело не одного десятилетия. Представляется, что в разработке этого направления должны быть объединены усилия специалистов из разных областей, не только лингвистов, но и историков. Необходимо и дальнейшее тесное сотрудничество между московскими учеными и исследователями из регионов, которые благодаря постоянным экспедициям к носителям уральских и алтайских языков имеют в своем распоряжении обширнейшие материалы по бесписьменным языкам, которые часто находятся на грани исчезновения и должны быть как можно более полно задокументированы в кратчайшие сроки.

Ниже кратко сформулированы задачи и приведено несколько примеров их решения в рамках проекта «Статус древнейших урало-алтайских языковых отношений».

Уточнение реконструкции прауральского языка и дочерних языковых семей

Уточнение фонетической реконструкции

В монографии Ю. В. Норманской «Реконструкция прафинно-волжского ударения»²⁷⁸ представ-

лена реконструкция прафинно-волжского ударения.

Одной из самых трудноразрешимых проблем в уралоистике является реконструкция системы вокализма. Родство прауральских языков считается общепризнанным; в этимологический словарь уральских языков К. Rédei «Uralisches etymologisches Wörterbuch» (UEW)²⁷⁹, по мнению специалистов, вошли этимологии с очень надежными в отношении консонантизма и семантики рефлексами по языкам. Однако даже на материале этимологий данного словаря в настоящее время не сделано системное описание развития системы вокализма. От надежной и полной реконструкции уральского вокализма можно было бы ожидать, что на ее основании выполнима следующая задача: имея реконструированную форму уральской основы, с помощью предложенных правил фонетического перехода (и, возможно, дополнительных объяснений, основанных на предположении аналогичных развитий) вывести формы тех языков, на которых построена эта реконструированная форма. Однако даже описание развития вокализма от прафинно-угорского языка к современному мордовскому языку выглядит не вполне системно (считается, что наиболее хорошо описано развитие вокализма в прибалтийско-финских, саамском и мордовских языках).

В книге Г. С. Ивановой²⁸⁰, посвященной историческому описанию вокализма в мокшанском языке, представлена схема развития гласных от прафинно-угорского языка к мокшанскому (табл. 6).

Таблица 6

Схема развития гласных от прафинно-угорского языка к мокшанскому

ФУ	ПМ	морд. (I ¹)	морд. (II, III ²)
*	<i>e, i, u, o,</i>	<i>e, i, u, o, 0</i>	<i>i, i//, u, , o, 0</i>
* <i>i, *ī</i>	<i>i, e,</i>	<i>i, e, 0</i>	<i>i, 0</i>
* <i>ä</i>	<i>ä, a, e, i</i>	<i>ä, a, e, i</i>	<i>e, a, i, i//</i>
* <i>e</i>	<i>e, i</i>	<i>e, i</i>	<i>i, i//</i>
* <i>a</i>	<i>a, u</i>	<i>a, u</i>	<i>a, u//</i>
* <i>o</i>	<i>o, u</i>	<i>o, u,</i>	<i>o, u//</i>
* <i>u, *ū</i>	<i>u, o,</i>	<i>u, o,</i>	<i>u, u//, o, 0</i>
* <i>ē</i>	<i>ä, i</i>	<i>ä, i</i>	<i>e, i</i>
* <i>ō</i>	<i>a, u</i>	<i>a, u</i>	<i>a, u</i>

¹ I тип говоров — акающий (традиционно центральный диалект и северо-западная группа говоров западного диалекта).

² II тип говоров — икающий (традиционно юго-восточный диалект и юго-западная группа говоров западного диалекта); III тип говоров — экающий или переходный.

Часто финно-угроведы даже не пытаются предложить системных объяснений для появления всех рефлексов праязыковых гласных, а удовлетворяются тем, что отмечают наиболее частотный рефлекс.

Действительно ли неосуществимо системное описание развития прауральского вокализма? Правы ли те исследователи, которые утверждают, что в основном фонетические переходы в системе прауральского вокализма были несистемными и аналогическими? Или все-таки возможно системно описать изменения вокализма от прауральского к современным языкам, принимая во внимание какие-то ранее неучтенные лингвистические факторы? Выявление этих факторов и построение системного описания развития вокализма представляется чрезвычайно актуальным.

В монографии решаются пять задач уральского сравнительно-исторического языкознания, которые кажутся на первый взгляд не связанными между собой:

- 1) генезис систем вокализма в современных мордовских языках;
- 2) условия распределения основ по двум типам спряжения в марийском языке;
- 3) происхождение третьего типа склонения существительных (с основой на ударные гласные) в марийском языке;
- 4) происхождение редуцированных гласных в марийском языке;
- 5) генезис системы вокализма в саамском языке.

Эти вопросы были в последнее столетие предметом оживленных дискуссий. Удовлетворительные ответы на них до сих пор не найдены.

Основная цель работы — доказать, что эти далекие от друга фонологические и грамматические явления развивались в зависимости от одного и того же ранее не учитывавшегося праязыкового фактора, а именно подвижного ударения, не фиксированного грамматически или фонетически. Для прафинно-волжского языка реконструируется место этого ударения (на корне или на окончании), которое без изменения сохранилось в современном мокшанском языке.

Увеличение корпуса сравнений, обработка существующих этимологий

В настоящее время автор данной статьи и др. работают над увеличением корпуса уральского этимологического словаря. Надо отметить, что прасамодийский словарь Ю. Янхунена «Samojedischer Wortschatz» (SW)²⁸¹ невелик по объему, и далеко не

все этимологии из этого словаря имеют уральские этимологии. В результате исследований сделан вывод о том, что корпус прасамодийских этимологий может быть значительно увеличен и для многих из них удастся предложить уральские этимологии. В настоящее время корпус прауральских этимологий увеличен на 150 лексем. И это бесспорно является только началом.

Вот некоторые примеры новых прауральских этимологий.

1. ПУр. **kase* «роса, иней»: фин. *kasi, kaste* «роса»; эст. диал. *kasi*; саам. (In.) *kàsaniđ* «kostua»; хант. (DN) *kel* «роса»; ман. (LU) *kǎ́ l-: kǎ́ l-wut* «роса»; ПСам. **k tV* «иней»; энец. *kodi?* «иней»; селькуп. *qád* «иней»²⁸².

Финно-угорская этимология в полном объеме впервые представлена в работе «Suomen Sanojen Alkuperä» (SSA)²⁸³. Предлагаем добавить сравнение с ПСам. **k tV* «иней»; энец. *kodi?* «иней»; селькуп. *káđk* «иней». Фонетически это сравнение хорошее. Развитие ПУр. **a* > ПС * встречается в ряде этимологий UEW, например ПУр. **an V* ~ **a V* «schreiten, gehen»²⁸⁴ > ПСам. **t' nt13-*; **jaka-* «teilen, scheiden, trennen»²⁸⁵ > ПСам. **j' k* и т. д. Семантическое соотношение значений рефлексов ПУр. **kase*: ФУ «роса» ~ ПСам. «иней» встречается достаточно часто, например на синхронном уровне такая многозначность представлена в коми *puž* (S Pe . P) «иней, роса».

2. ПУр. **a V* «холодная погода, север»: морд. *u o* «наружность, погода»²⁸⁶; хант. (V, Vj) *t' y*, (DN, Kr) *t' k*, (Ni) *išk , išk , ašk* (Š), (Kaz) *iški* «мороз»²⁸⁷; ман. *aserem* «холодный, холод, мороз»²⁸⁸; венг. *észak* «Norden»²⁸⁹; ПСам. **osVtV-*: матор. *osderá* «стужа»²⁹⁰.

Это сравнение предложено автором данной статьи и др. В словаре «Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen» (EWUng)²⁹¹ предлагается объяснять *észak* «Norden» как композит *e-* и *szak* «Teil». Однако это объяснение кажется сомнительным. Аналогичное развитие вокализма в венгерском языке наблюдается в ПУр. **racV* > венг. *rés* «Lücke, Öffnung, Ritze, Spalte». Принадлежность мордовского слова к этой этимологии не вполне надежна по семантическим причинам. Фонетически морд. *ušo* «наружность, погода» является стандартным рефлексом ПУр. **acV* «холодная погода, север» при предположении, что в прафинно-волжском языке ударение падало на второй слог **ac'*²⁹².

Происхождение матор. *osderá* «стужа», по мнению Е. А. Хелимского, не вполне ясно. Он предлагает трактовать это слово не как существительное, а как глагольную форму со значением «es friert»²⁹³.

Но в предложенном сравнении нет необходимости постулировать в маторском языке глагольную форму.

3. ПУр. **wälV*- «дух, божество»: саам. *vealga* (N) «Geist»²⁹⁴; морд. (E) *ulgaj* «духи — покровители поля»²⁹⁵, *u tava* «имя властительницы Земли»²⁹⁶; хант. (Trj) *ул р*, (КоР) *-ūt р*, (Ni) *wūt р*, (Kaz) *wıl р*, (Kaz) *wul р* «злой дух»²⁹⁷; манс. (So) *ūlpi*; ПСам. **ilkV*: нен. *gileka* «1) злое страшное сверхъестественное существо, вызывающее болезнь, 2) черт, 3) перен. волк»²⁹⁸; селькуп. *ylkāj* «черт, дьявол» (бранное междометие)²⁹⁹.

В большинстве языков (за исключением саамского и хантыйского) имел место переход **wä-* > *u-*. Такое развитие анлаутного сочетания достаточно часто встречается в уральских языках, ср.: ПУр. **waja* «sinken, einsinken, untersinken»³⁰⁰ > ман. (LM) *ujt-* «hinuntersinken», (N) *uj-* «sinken», *ujt-* «versenken»; ПУр. **wäge* «Schwiegersohn, Bräutigam»³⁰¹ > морд. (M) *ov* «Schwiegersohn»; ПУр. **wole* (**wōle*) «Stange»³⁰² > ПСам. **uj* «Stange». К сожалению, правила сохранения vs. исчезновения анлаутного **w-* еще не вполне изучены.

Развитие вокализма ПУр. **u* > ПС **i*, хотя и не является частотным, встречается и в ряде других этимологий из UEW, например ПУр. **kuge* «Mond; Monat»³⁰³ > ПСам. **kij*. Привлекает внимание семантическое соотношение рефлексов этого слова. В мордовском и саамском языках (если привлекать это слово в рассматриваемую этимологию) его рефлекс имеет значение «добрые божества», а в обско-угорских и самодийских языках, наоборот, «злой дух, черт». Аналогичное соотношение названий добрых и злых божеств наблюдается в иранских и индийских языках, т. е. рефлекс одного и того же индоиранского слова обозначают в иранских языках доброе божество, а в индийских — злое, и наоборот.

К сожалению, в настоящее время известно крайне мало этимологий уральских божеств, для того чтобы делать культурно-исторические выводы о реалиях, приведших к таким соотношениям в названиях божеств в уральских языках. Возможно, дальнейшая этимологическая работа позволит увеличить количество реконструируемых реалий духовной культуры и расширить наши знания о соотношении мифологических сюжетов у западных и восточных уральцев.

4. ПУр. **šula* «дурак»: фин. *hullu* «blöde, verrückt»³⁰⁴; эст. *hull* «blöde»; морд. *šola-* «бездельник, лентяй»³⁰⁵; хант. *lel m* «Art Gespenst (бука), mit dem man den Kinder Angst macht, indem man den Pelz verkehrt anzieht»³⁰⁶; венг. *alamuszi* «unbeholfen,

unbeschikt»³⁰⁷; ПСам. **s la:* нен. *cä'la* «глупец, дурак»; энец. *sola* «дурак».

В угорских языках представлено не вполне стандартное развитие вокализма. Но в UEW аналогичное развитие вокализма встречается и в других этимологиях, ср.: ПУр. **jukta-* «sprechen, erzählen»³⁰⁸ > венг. *játsz-* «spielen, eine Rolle spielen, darstellen», *játék* «Spiel»; ПУр. **kurV* «Korb, Fass aus Rinde»³⁰⁹ > хант. *χer* (DN), *χir* (O) «Sack».

Эта этимология интересна, во-первых, с точки зрения семантики. Во-вторых, как отмечается в работах Ю. Янхунена и П. Саммаллахти, неизвестны надежные прасамодийские соответствия ПУр. **š-*. В этой, как представляется, очень надежной этимологии ПУр. **š-* > ПСам. **s-*. Интересно, что такое развитие ПУр. **š-* наблюдается и в ряде других, предложенных автором данной статьи и др., этимологий.

5. ПУр. **pela* «портить, тот, кто портит»: саам. (N) *bilidit* «kaputt machen»³¹⁰, (I) *pille* «ein Mensch oder ein Ren, das die Netze anknabbert, Reisekosten auffrist, tot lii taggaar pilli «er richtet nur immer Schaden an»³¹¹; морд. (E) *pélas*, (M) *p' las* «бешеный, неистовый»³¹²; мар. *pūldaraš* «разорять кого-либо, что-либо»³¹³; хант. (Vj) *pil* «дикий, сумасшедший (например, о лошади)»³¹⁴; ман. *pāl-* «ломать, портить»³¹⁵; ПСам. **pälV*: энец. *peara-* «сумасшедший», *pe'orabe-* «неадекватный в поведении, сразу», *pearako-* «сошел с ума»; селькуп. ?? *Pal'na* имя фольклорного персонажа (богатырь в эпосе кетского происхождения); матор. ?? *hāla* «Teufel»³¹⁶.

Маторское слово, возможно, следует сравнивать с энец. *barut'i* «чудовище, страшилище, нечистая сила (фольклорно-мифологический персонаж)» и реконструировать ПСам. **pälV* «черт, нечистая сила», внешние параллели для которого пока неизвестны. Селькуп. *Pal'na* «имя фольклорного персонажа (богатырь в эпосе кетского происхождения)» может являться как рефлексом ПСам. **pälV*, так и рефлексом ПСам. **palV*.

6. ПУр. **turke* «шерсть, волосы»: фин. *turki* «шерсть, волосы»³¹⁷; саам. *dor'|kâ* (N) «шерсть»³¹⁸; коми *tork* «отходы волокна льна и конопли, пакля»; хант. (O) *tār* «спутанные волосы»³¹⁹; ПСам. **t̂r* «волосы на голове, перья»³²⁰; нен. *māp''* «шерсть; мелкое перо птицы»³²¹, *ma''u'(u)* «коса, волосы, обмотанные косоплетками или заплетенные; косоплетка»³²², *сэв' map''* «ресницы»³²³; энец. *ta'ru?* «коса из волос»³²⁴, *to', tō'* «волосы», *tarro* «волосы на голове»³²⁵; селькуп. *шунать-тарыль* «утиное перо», *šipat tar*, *тэгатъ-тарыль* «гусиное перо», *tōkat tar*, *чингыль тарыль* «лебяжье перо», *ipkil*

tar, (Adj. *-iĭl*); кам. $\dot{t} \dot{r}$, [$\dot{t} \dot{r}$], $\dot{t} \dot{e} \dot{r}$ «волос, перо, щетинка»³²⁶.

Прасамодийская реконструкция $*\dot{t} \dot{r}$ «волосы на голове, перья»³²⁷ общеизвестна. В SSA³²⁸ приводится финско-саамское сравнение. Предлагаем сравнить финско-саамские формы с самодийскими и добавить в эту этимологию коми и хантыйские формы, которые хорошо соответствуют как семантически, так и фонетически. В кратком этимологическом словаре³²⁹ для коми слова предлагается другая этимология: мар. *törğalmáš* «отклеиваться, отлипнуть, облупиться»; венг. *törni* «ломать, дробить». Эта этимология представляется менее убедительной.

7. ПУр. *pa* V «бобер»: морд. *pa a* (E M) «выдра»; ман. *pusä* (N, LM, LU), *pusę* (P) «dickes Biber»³³⁰; ПСам. $*\dot{p} \dot{u} \dot{s}$ «бобер»³³¹: нен. *puddo*; энец. *purru*; селькуп. *puis*, *pu o*, *puty*; кам. *puisugu*.

Как отмечает Ю. Янхунен³³², ПУр. $*$ не являлась частотной фонемой. Поэтому ее рефлекс в самодийских языках не вполне ясны. С этим нельзя не согласиться. Однако правомерно сравнивать слова с инлаутным соответствием морд. $*$ ~ ПСам. $*\dot{s}$. Такие соответствия есть и в корпусе UEW: морд. *i e* (E) «der Mann der Schwester, der älter ist als ich» ~ ПСам. $*\dot{c} \dot{a}$ «Onkel»³³³.

В мансийском языке стандартным рефлексом ПУ $*$ является $*s/\dot{s}$ по диалектам, например ПУр. $*\dot{c} \dot{e} \dot{a}$ > манс. *šäš* (KU), *sasiŷ* (SO) «Onkel». Но в слове манс. *pusä* (N, LM, LU), *pusę* (P) «dickes Biber» во всех диалектах представлено *s*. Поэтому принадлежность мансийского слова к этой этимологии не вполне надежна.

В словаре В. Munkácsi³³⁴ отмечается, что это слово в мансийский язык заимствовано из татарского языка, но конкретное слово не указывается. Поскольку соответствующее татарское слово неизвестно, а мансийское *pusä* (N, LM, LU), *pusę* (P) «dickes Biber» очень близко по фонетическому и семантическому облику к ПСам. слову, то, можно предположить, что в \dot{s} -диалекте (P) в мансийском языке представлено заимствование из *s*-диалектов (LU, LM).

Развитие вокализма ПУр. $*a$ > ПСам. $*u$, хотя и не является частотным, встречается и в других этимологиях из UEW: ПУр. $*\dot{p} \dot{a} \dot{b} \dot{w} \dot{e}$ ($*\dot{p} \dot{a} \dot{t} \dot{w} \dot{e}$) «Zunderschwamm»³³⁵ > ПСам. $*\dot{p} \dot{u} \dot{j} \dot{a}$ ³³⁶. Неоднозначное семантическое соответствие морд. «выдра» vs. ПСам. «бобер» тоже объяснимо, поскольку, как указывают Е. В. Богданов, Н. Р. Данилина, Э. В. Дольдзэ³³⁷, бобры были завезены в Мордовию 300 лет назад. Раньше бобры на территории Мордовии не водились.

Верификация гипотез о локализации прародин прауральского языка и дочерних семей уральских языков на основании реконструкции названий природного окружения

Приведем лишь один пример уточнения локализации прародины.

На основании реконструкции названий животных и растений удалось уточнить локализацию финно-угорской прародины.

Для финно-угорского языка надежно реконструируются названия $*so/a/eksV$ «сосна кедровая сибирская», $*ku/ose$ «ель», $*n\dot{u}lka$ «пихта», $*n\dot{a}gV$ «лиственница», $*paje$ «ива», $*p\dot{V}cV$ «ива», $*pojV$ «осина», $*kojwa$ «береза», $*k\dot{u}cV$ «береза», $*sala$ «вяз», $*p\dot{u}c\dot{a}$ «рябина».

Сопоставление ареалов распространения этих деревьев (за исключением вяза) дает две возможные локализации финно-угорской прародины в Волго-Камье и на юге Западной Сибири³³⁸.

Решающим для определения места локализации прародины мог бы быть фактор «вяза». Интересно, что, по П. И. Лапину³³⁹, вяз не растет восточнее Урала. Однако, как отмечает В. В. Напольских³⁴⁰, вяз был представлен и сохраняется по сей день на юге Западной Сибири в бассейне Иртыша. Если принимать эти данные, то финно-угорская прародина может быть локализована как западнее Урала, так и в бассейне Иртыша.

В литературе, посвященной финно-угорским языкам³⁴¹, отмечается, что для финно-угорского языка реконструируется название овцы $*u\dot{s}$ ³⁴², что противоречит традиционному мнению о том, что финно-угры не знали скотоводства. Как справедливо указывает В. В. Напольских³⁴³, никакого дикого животного, напоминающего домашнюю овцу, в лесном ареале (За- и Приуралья), где принято локализовать прародину финно-угров, не существовало. Поэтому до настоящего времени оставалась загадкой надежная реконструкция названия домашней овцы для финно-угорского языка.

ФУ $*u e$ «овца»³⁴⁴:

1. «Овца»: фин. *uuhi* (gen. *uuhen*), диал. *uuhti*, *uutti*, *uuti*, *uti*, *utti*, *uttu*, *uuttu*, *utu* «овца-самка»; эст. *uhe* (gen. *uhe*), диал. *uhi*, *utt* (gen. *ute*, *utu*); морд. *utsa* (E), *u a* (M); удм. *iž* (S), $\dot{i} \dot{z}$ (K), $\dot{i} \dot{z}$ (G); коми *iž* (S), *ož* (PO); хант. *a* (V), *oš* (DN), *as* (O); ман. *oš* (KU), *oš* (P), $\bar{o} \bar{s}$ (So.).
2. «Шуба из овцы, овчина»: мар. $\dot{z} \dot{y} \dot{a}$ (KB), *užya* (V) «шуба»; удм. *iž-ku* «овчина»; хант. *a ni* (V), *ošñ* (DN) (> нен. *gānsni* «овца, русская шуба из овцы»).
3. «Медведь»: хант. *asni* (O).

Посмотрим, реконструируются ли помимо названия овцы другие обозначения домашних животных для финно-угорского языка.

Традиционно восстанавливается еще одно название, вероятно, описывавшее крупное копытное домашнее животное.

ФУ **wǎδV* «корова, лошадь, олень»³⁴⁵:

1. «Корова»: эст. *veis* (gen. *veise, veikse*), *vedis*, *vediks* (gen. *vedikse*); саам. *vāđok*, *vāđōk* (N) «молодая корова, которой больше двух лет»?; морд. *vedraš* (E M), *vedaka* (E).
2. «Лошадь»: удм. *val* (K G); коми *vel* (S), *vev* (P), *vól* (PO) (> мар. *w l* (KB), *wülä* (V)).
3. «Олень»: хант. *weli* (V), *wět* (DN), *wǎl* (Kaz.).

Реконструкция этого слова не вполне надежна как фонетически, так и семантически. Поэтому, вероятно, она серьезно и не учитывалась учеными, анализирующими возможность существования скотоводства у финно-угров³⁴⁶.

Предлагаем еще одну новую этимологию названия жеребца для финно-угорского праязыка. В UEW восстанавливается финно-пермское слово.

ФП **сónV* «вид животного (молодой самец): бык, жеребец»³⁴⁷:

1. «Бык»: фин. *sonni* (gen. *sonnin*); эст. *sõnn* (gen. *sõnni*) «бык, жеребец».
2. «Жеребец»: эст. *sõnn* (gen. *sõnni*) «бык, жеребец»; удм. (S) *un̄i*, (K) *un̄*, (G) *сun̄i*; коми *can* (S P PO).

К этому сравнению предлагаем добавить венгерское слово *сódör* «жеребец». Это слово традиционно считают заимствованием из тюркского ПТ **adgyr* «жеребец», что представляется крайне проблематичным по фонетическим причинам. Оно идеально соответствует ФП **сónV* как семантически, так и фонетически. Предположим правенгерскую форму **сón-t-Vr-*. Венгерские форманты *-t-*, *-r-* могут быть суффиксами (ср., например, ФУ **супрV* «сосуд, кастрюлька из бересты» > венг. *csupor* «кастрюлька»³⁴⁸; ФУ **арV-* «разрывать, рваться» > венг. *ár-* (диал.) «гнить, становиться плохим», *árt-* «вредить»³⁴⁹). Также отметим, что значение «бык» встречается только в прибалтийско-финских языках (в эстонском наряду со значением «жеребец»), и предлагаем реконструировать ФУ **сónV* «жеребец».

Таким образом, реконструируются не одно, а два надежных финно-угорских названия домашних животных ФУ **сónV* «жеребец» и **u e* «овца». Представляется, что на этом основании можно предположить существование скотоводства у финно-угров.

Насколько соответствует выдвинутая лингвистическая гипотеза археологическим данным о существовании скотоводства на территории За- и Приуралья в 3-м тысячелетии до н. э.?

По А. Г. Петренко³⁵⁰, наиболее ранними находками в этом регионе следует считать кости лошадей, овец и крупного рогатого скота с поселения Муллино II (правый берег р. Ирк, юлиз д. Муллино, Башкирская АССР, 6–3-е тысячелетия до н. э.) и Вилловатовской стоянки (левый берег р. Самары, к северу от с. Вилловатое, Куйбышевская обл., 5–3-е тысячелетия до н. э.) и из энеолитического Хвалынского могильника лесостепного Куйбышевского Поволжья. Как указывает Г. Н. Матюшин³⁵¹, эти стоянки содержат остатки поселений с воротничковой керамикой. Такая форма керамики, кругло-донная с наплывом у венчиков (воротничковая), присуща агидельской культуре.

Анализ древнейших контактов уральских языков на основании лексических заимствований

Тщательная обработка существующих гипотез о древнейших контактах (анализ существующих заимствований, сбор нового материала)

Наиболее подробно автором данной статьи и др. были проанализированы материалы по древнейшим контактам носителей уральских и алтайских языков.

Собран корпус прауральско-праалтайских сближений, которые с большой долей вероятности являются не ностратическими, а контактными (этимологические аналоги этих слов не представлены в других ностратических языках, прауральское и праалтайское слова практически идентичны по семантике и звуковому облику. Конечно, надо отметить, что на современном уровне разработанности ностратической теории практически невозможно абсолютно надежно различить контактную и генетически родственную лексику в уральских и алтайских языках). Выделенный корпус контактной лексики оказался сравнительно небольшим (порядка 20 слов).

Интересно то, что среди этих сближений в алтайской лексике присутствуют практически исключительно такие слова, которые имеют рефлекс лишь в западноалтайских языках (в тюркских, тунгусо-маньчжурских и монгольских). Предположительно, это может свидетельствовать о том,

что контактов между праалтайцами и прауральцами (в 6-м тысячелетии до н. э.) не было. А контакты начались лишь в 5–4-м тысячелетиях до н. э. между прауральцами и пражпадноалтайцами после отделения корейцев и японцев. Косвенно подтверждают выдвинутую гипотезу и материалы С. А. Старостина, который показал, что контакты с древнекитайским языком были лишь у восточно-алтайских языков (корейского и японского) в 4–3-м тысячелетиях, после распада праалтайского единства.

Также проанализирован материал по прасамодийско-тюркским и прасамодийско-тунгусо-маньчжурским лексическим контактам. Как справедливо отмечено в работе Е. А. Хелимского³⁵², прасамодийско-монгольской контактной лексики практически нет.

Корпус прасамодийско-тюркских сближений был подробно проанализирован в монографии А. В. Дыбо³⁵³. А. В. Дыбо рассмотрела список возможных заимствований в пратюркский из прасамодийского, приведенный в работе Е. А. Хелимского³⁵⁴. Оказалось, что большинство пратюркских слов, которые Е. А. Хелимский считал заимствованиями из прасамодийского, по EDAL имеют алтайскую этимологию. Лишь в двух случаях А. В. Дыбо считает, что предположение о заимствовании из самодийского языка более убедительно, чем алтайская этимология: ПСам. **ko j* «гора, водораздел» > ОТ **K(i)aja* «скала, гора». ПСам. **käsa* «кора» > ОТ **käs* «кора».

А. В. Дыбо также проанализировала 21 возможное заимствование из пратюркского языка в прасамодийский, предложенные В. А. Терентьевым³⁵⁵ и А. Рона-Ташем³⁵⁶ (рассматриваются лишь те этимологии, которые достоверны семантически и фонетически и отвечают критерию культурной обусловленности).

Не вполне ясно, как следует интерпретировать тот факт, что два достоверных примера могут быть оценены как заимствования в общетюркский, т. е., возможно, после ухода болгарской группы. С другой стороны, фонетические особенности заимствований в прасамодийский явно указывают на пратюркское (формально, возможно, и на прабулгарское) состояние (специфическое отношение к тюркским * и **λ*, которые, видимо, для заимствующей стороны больше похожи на *r* и *l*, чем на спиранты).

Разработка новых направлений возможных контактов носителей уральских языков

Чувашские заимствования в марийском языке уже неоднократно привлекали внимание уче-

ных³⁵⁷. Традиционно считается, что в основном в марийский язык слова были заимствованы из современного чувашского языка³⁵⁸ или из позднебулгарского, фонетическая система которого была во многом идентична современной чувашской³⁵⁹. Однако развитие гласных фонем в марийских заимствованиях, по мнению ряда ученых³⁶⁰, не поддается системному описанию. Обычно это объясняется позднейшими марийскими инновациями в системе вокализма.

Предположим, что источником заимствований был не современный чувашский, а язык, в котором система фонем отличалась от современной чувашской. Она реконструируется как бы на стыке пратюркской и чувашской фонетических систем, а надежность ее реконструкции подтверждается марийскими заимствованиями. Ниже представлен инвентарь гласных фонем этой системы³⁶¹.

Булгарские фонемы:

1. ПТ **e*, **ē* > булг. **a* > мар. **ä*, чув. *a*.
2. ПТ **e* > булг. **e* > мар. **e*, чув. *i*.
3. ПТ **a*, **ā*, **o* > булг. **o* > мар. **ɔ*, чув. *o*.
4. ПТ **u*, **ū*, **o*, **ö* > булг. **u* > мар. **ü*, чув. *ä*, *ë*.
5. ПТ **ö*, **ü*, **ū* > булг. **ü* > мар. **ü*, **ö*, чув. *ü*, *ë*.
6. ПТ **i*, **ö*- > булг. **i* > мар. **i*, чув. *ë*, *i*.
7. ПТ **i* > булг. **i* > мар. **i*, чув. *ä*.
8. ПТ **a* > булг. **a* > мар. **ü*, чув. *i*.
9. ? более ранние ПТ **ö*, **ō* > булг. **ö* > мар. **ö*, чув. *ü*.

После проведения подробного филологического анализа оказалось, что язык — источник марийских заимствований и волжско-булгарский язык эпитафий были весьма похожи. Археологические материалы прямо подтверждают высказанную автором данной статьи и др. гипотезу об активных лингвистических контактах волжских булгар и марийцев.

Изучение волжско-булгарских заимствований в марийский язык, число которых по словарю М. Р. Федотова³⁶² превышает 400, дает новый материал для истории становления чувашского языка, значение которого трудно переоценить. Чувашский язык — самый архаичный и наиболее рано отделившийся из тюркских языков, а данные по его истории до сих пор ограничивались весьма небольшим количеством волжско-булгарских эпитафий.

Предложенная автором данной статьи и др. гипотеза о том, что язык — источник марийских заимствований был предком волжско-булгарского языка эпитафий, находится в полном соответствии с археологическими данными и открывает новую страницу в изучении булгарской ветви тюркских языков.

МИФОПОЭТИКА И ЖАНРОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

Предметом исследования в рамках проекта стало системное взаимодействие процессов жанровой динамики в русской словесности конца XIX — начала XX в., ознаменованной переходом к постклассическим доминантным моделям культуры, с мифологизацией литературного текста.

Модернистские поиски универсального мифологического инварианта литературных форм были отчасти предопределены логикой развития отечественной историко-культурной мысли второй половины XIX в. Интерес русских символистов к этой теме реанимировал вопросы, поставленные еще в 1870 г. А. Н. Веселовским: «...не ограничено ли поэтическое творчество известными определенными формулами, устойчивыми мотивами, которое одно поколение приняло от предыдущего, а это от третьего, которых первообразы мы неизбежно встретим в эпической старине и далее, на степени мифа?»³⁶³.

Эти размышления ученого служили предпосылкой к осознанию на рубеже XIX–XX вв. возможности скрытого присутствия архетипических структур едва ли не в любом художественном высказывании и, соответственно, готовности выявить подобный глубинный потенциал, задействовать его способность генерировать приемы литературного письма. Выстраивание символистами своих сочинений по принципу частных реализаций нескольких базовых метасюжетов (ницшеанство, соловьевская софиология и т. п.) логично предопределило, кроме того, характерное для современной науки осмысление их наследия как единого «гипертекста», или «пратекста», что «вполне соответствует символистскому самопониманию» и «представляет собой весьма интересную аналогию тезису о том, что каждый отдельный мифологический текст является “развертыванием” единого и единственного “мифа”»³⁶⁴.

В русской прозе рубежа XIX–XX вв. мифопоэтические импульсы прежде всего способствовали актуализации потенциала генетической (архаические истоки и имплицитное присутствие мифогенных структур) и исторической (наследие предшествующей классической традиции) памяти романного жанра.

При этом когда сугубо литературные образы и мотивы с сильным архетипическим зарядом, унаследованные от отечественной классики, впитываются поэтикой прозаических сочинений Серебряного века, то неизбежно тому сопутствующая вторичная мифологизация (неомифологизация) вступает во взаимодействие с мифоструктурами, лежащими в основе исконных жанровых моделей эпики. Наиболее последовательно подобные процессы протекают в романной форме, поскольку «сам жанр романа предполагает ту текстовую целостность, в которой более или менее адекватно “успевает” — в принципе — проявить себя и целостность мифопоэтического сознания»³⁶⁵. Причем принципиально важен не только внешний фактор вместимости романа, но и близость его жанрообразующих структур базовым архетипическим моделям, подразумевающим «космизацию первичного Хаоса», «борьбу и победу Космоса над Хаосом»³⁶⁶.

Такой глубинный мифологический сюжетный инвариант одномерен жанровым структурам романа, которые задаются его историческим генезисом: «Роман... обуславливается... взятым из риторики принципом контroversы, т. е. некоторого неразрешимого положения, до конца остающегося проблематическим»³⁶⁷.

В ведущих текстах рубежа XIX–XX вв. в качестве основного двигателя сюжета и модели, порождающей художественную картину мира, зачастую выступает инвариантная схема противостояния хаоса космосу (именно в решение этой контroversы так или иначе погружаются основные герои), которая реализуется в ряде вторичных антитез — Азии/Европы («Серебряный голубь», «Петербург» и «Москва» А. Белого), Христа/антихриста, Богочеловечества/Человекобожества (соловьевские рефлексы в романах Д. С. Мережковского), статичного хтонически-инфернального быта/бытийственности мира фантазии или сна («Мелкий бес», «Творимая легенда» Ф. Сологуба, проза А. Ремизова), чернотенного бесовства/социально-гуманистического героизма («Сатана» Г. Чулкова), рационально-эгоистичного хищничества/волевого «я», ищущего самоутверждения в очистительно-деструктивном порыве («Фома Гордеев» А. М. Горького) и т. п. Контroversы авантюрно-бытового, эротического, социального, мировоззренческого планов, никак не отменяясь и не размываясь, встраиваются в эту порождающую схему, тем самым обнажая ее с гораздо

большой явностью, чем то имело место в классическом романе XIX в.

В принципе любой архетипической структуре свойственна проблематизация устойчивой («космологической») модели, внутри которой гнездятся потенциально опасные остатки хаоса. Однако в «классических», «чистых» мифологических системах победа неизбежно остается за силами космизации.

Мифопоэтическая русская эпика рубежа веков представляет в этом смысле совершенно иной расклад сил. Чаще всего инвариантный сюжет подразумевает ту или иную степень инверсии базового противоречия, пересмотра, если не дискредитации, стерильного архаико-мифологического его разрешения. Под сомнение ставится сама правомочность и состоятельность космологических сил, их способность к творчески плодотворной победе над хаосом.

Так, в «Серебряном голубе» А. Белого космизированное начало, связанное с миром дворянской усадьбы Гуголево, символизирующей логицизм западной культуры послепетровского времени, не в силах противостоять дикому деструктивному хаосу под-/бессознательной национально-хтонической, «восточной» стихии «голубинового» сектанства, жертвой которой падает протагонист — Петр Дарьяльский. Разрешение коллизии, положенной в основу романа, Белый видел в акте культово-мистического претворения художественного познания в мистирию. Однако принципиально важно, что мистерия как жанропорождающая структура состоялась в романе лишь отчасти — с сопутствующим расщеплением смысловой целостности на противостоящие друг другу содержательный и формальный планы.

Схема традиционного идеологического романа здесь отказывается работать. Она побеждена мистериальными структурами, которые на уровне сюжетостроения определяют неизбежность жертвенного заклания героя. В тексте Белого итог внутреннего развития центрального персонажа изначально задан его символической ролью в мистериальном сюжете. Дарьяльский воплощает собой синкретику Христа и Диониса в духе «Эллинской религии страдающего бога» Вяч. Иванова. Однако в финале его гибель подана как инверсия сотериологической мифологемы. Сам Петр отнюдь не по собственной воле выбирает «Голгофу», и жертвоприношение, совершенное вакхическими «собратями», предстает некатарсическим убийством — окончательным торжеством хаоса.

Подчинив себе некоторые формальные структуры текста, мистерия выказала свою неспособность явить содержательное преобразование романического героя и эпического пространства.

Потенциальный выход из этого тупика зачастую виделся писателям рубежа веков в обращении к мистериально-диалектической структуре макроцелого (тезис-антитезис-синтез), что на композиционном уровне вело к триадичной циклизации, где третья часть должна была содержать разрешение космо-хаотической контroversы. Однако на практике такая литературно-композиционная диалектика далеко не всегда оказывалась успешной.

В этом смысле показательна неудача Белого воплотить в жизнь план создания трилогии «Восток и Запад», а затем, в качестве третьей части несостоявшегося целого написать трехтомный цикл «Моя жизнь». Разрешение космо-хаотической контroversы в эпическом синтезе у писателя в результате состоялось вне триадической, слишком рациональной схемы — и со знаком минус, как инверсия мистериальных чаяний периода работы над «Серебряным голубем». Состоялось в пореволюционной прозе, в принципиально новую эпоху авангардистской эстетики после «эсхатологической катастрофы» — в романе «Москва», где ожидаемый синтез мифологического сюжета об упорядочивании мира оборачивается абсолютным торжеством хаоса, деструкции, распада на всех уровнях текста — от композиционного и персонажного до лингвистического. Хаос здесь утверждает свои права как норма, вытесняя космо-логистические начала на периферию художественного мира. Фабульная стяжка задается не объединяющим началом широкого описательного полотна, а взрывающим линейность повествования клубком элементов шпионского романа, в который перекодируются психические процессы утопающего в напористом бреде героя. В мире торжествует «арахнея» (так Белый называет разэпопеившееся, утратившее логистическую целостность мироздание) — хищная хаотическая стихия, в обозначении которой актуализируется паронимический потенциал неологизма, его связь с такими понятиями — символами распада, как ахинея, анархия, страх при глубинной семантике, обусловленной «просвечивающей» этимологией — греческим словом «Αραχνη», паук, за которым стоит один из наиболее устойчивых архетипов хаоса.

В «Москве» «антиэпопеизация» и «арахнеизация» как жанровые доминанты довели до формального завершения те тенденции поэтики романа, которые вполне проявились у А. Белого еще в «Петербурге».

Принцип обратимости космоса/хаоса (при итоговой неизбежной хаотизации логистического начала) транспонируется на каждый из уровней текста в «Петербурге». И едва ли не наиболее последовательно на уровень персонажный. Почти все основные герои романа поставлены друг к другу в отношения двойничества, причем много-

плановые и перекрестные. При этом выводятся на поверхность глубинные мифопоэтические коннотации дублетности персонажей, в частности ее генетическая связь с категориями первопреступления и ритуального жертвоприношения (модели Авель/Каин, Ромул/Рем и т. п.): революционное «задание» Николаю Аполлоновичу взорвать отца, убийство Липпанченко его двойником Алексеем Ивановичем и т. д. Мифологизирующая интенция автора параллельно заставляет ожидать функционального распределения ролей в соответствии с архетипическим противопоставлением «космизирующего» культурного героя своему деструктивному антиподу — трикстеру. Этого, однако, не происходит, поскольку «трикстерами» оказываются не только носители «хаотического», как «псевдо-Дионис» и «шут» в костюме красного домино Николай Аблеухов, но и упорядочивающего начала, в т. ч. и «логистический» центр персонажной системы — Аполлон Аполлонович.

Как известно, «существование типа трикстера в мифах творения и особенно возможность сочетания в одном лице черт культурного героя и трикстера объясняются отчасти тем, что действие в мифах творения отнесено ко времени до установления строгого миропорядка»³⁶⁸. А. Белый выворачивает наизнанку эту закономерность. В его романе тотальная трикстеризация героев связана не с космо-этиологическим (миф творения), а с эсхатологическим модусом повествования: в мире подступающего апокалиптического («революционного») хаоса развенчание персонажного «героизма» оказывается неизбежным.

Кроме того, не следует забывать, что большая романная форма в европейской литературе XVI–XVIII вв. все больше отвоевывала себе прав по мере укоренения именно плутовских («трикстерных») сюжетов, задающих сложную систему авантюрных перипетий, формирующих, в свою очередь, обширное пространство эпического повествования. У Белого движение к как бы синтезирующей большой форме — через «Петербург» к «Москве» — сопрягалось с трикстеризацией и хаотизацией художественной структуры, что и привело к созданию антиэпоса — «арахнеи». Структурно воспроизводя архетипические жанрообразующие схемы, писатель в корне меняет их функции и заставляет мифопоэтический организм работать в обратном порядке — художественно оформлять распад, хаотизацию, деструкцию картины мира.

Типологически сходная ситуация имеет место и тогда, когда базовая архетипическая антитеза хаоса/космоса в литературной системе, намечающей выход из модернистской в авангардную эстетику, воплощается в глубинном сюжете, который строится на семантических комплексах христианской

сотеиологии. Как, например, в основных сочинениях А. М. Ремизова 1900-х — начала 1910-х гг., и прежде всего в повести «Крестовые сестры». Автор здесь также производит инверсию общего вектора подтекстуальных смысловых потоков. В повести сакральный прасюжет сопряжен, в частности, с новозаветным подтекстом и символическим событием Пятидесятницы. Но там, где его инерция могла подразумевать торжество «соборного» единения героя, Маракулина, в просветляющем приятии страданий с «крестовыми» «братьями» и «сестрами» следует гибель, закругленная немилосердным приговором «жестокоего демиурга», — некатарсическая смерть «мученика» по законам некоего «отреченного жития».

В прозаических текстах, ориентированных на инвариантный сюжет космос versus хаос, даже если протагонист непосредственно не предзадан никакими собственно архаичными мифологическими масками, а напротив, участвует в реализации вполне традиционной, реалистической фабулы, он тем не менее обрекается на поражение не реже героев модернистских сочинений. Зачастую тут тоже работает принцип деформации архетипической схемы: окончательная победа над хаосом оказывается невозможной. Так, уже в конце 1880-х — начале 1890-е гг. целая череда текстов А. Чехова, В. Короленко, В. Вересаева, И. Бунина об интеллигентах, пытающихся нести разумно-цивилизаторское («космизирующее») начало в темную, непросвещенную мужицкую («хаотическую») массу, подразумевает этап «инициации», подвергающий испытанию поздненароднические и «земские» иллюзии. И, как правило, этот опыт оказывается негативным, антиинициатическим.

Архетипическая схема в реалистической прозе, разумеется, отнюдь не обязательно подразумевает явно выраженные в фабуле инициатические испытания героя. Нередко протагонист оказывается сломлен напором хаотического, сила которого — и здесь можно усмотреть одну из закономерностей воздействия инвариантной мифопоэтической структуры на технику прозаического повествования — прямо пропорциональна сюжетной пассивности персонажа. И как следствие — его обреченность. Этот процесс становится еще более явным в тех случаях, когда архетипическая коллизия просвечивает сквозь универсальные мотивные блоки не архаического, а собственно литературного происхождения, обкатанные русской классикой XIX в. В этом смысле показательна повесть И. Шмелева «Гражданин Уклеikin» — опыт на тему маленького человека.

Автор как будто разрабатывает эту тему в традиционном духе. Но на уровне инвариантных сюжетных и семантических структур в тексте вскры-

ваются принципиально новые и обманывающие ожидания среднестатистического читателя реалистической прозы подходы к изобразительности. Дело в принципиально новом качестве реальности, окружающей героя. За ней непременно проглядывает некое высшее начало, наделенное атрибутами максимальной размытости, неопределенности, но в то же время всеохватности и бытийственности — архитепическая категория хаоса, экспансивно захватывающего все пространство вокруг протагониста под личиной абстрактного Оно — жестокой царствующей стихии вывихнутого мироздания.

Подобная мифопоэтическая транскрипция окружающего социального зла роднит повесть Шмелева с романами и повестями А. Ремизова 1900–1910-х гг. — и не только. В литературе собственно символистской, и прежде всего в «Серебряном голубе» и «Петербурге» Белого, уже с конца 1900-х — начала 1910-х гг. фигура маленького человека почти непременно сопрягается с символикой жутковатой хаотической стихии как одной из сторон архетипического конфликта. Стихия эта станет постоянным спутником маленьких людей в модернистской словесности, особенно в 1910-е гг., в эпоху так называемого гротескно-карнавального (А. Ханзен-Леве) символизма.

Опыт Шмелева доказывает, что мифопоэтизация глубинных повествовательных структур — важный этап в живой динамике традиционной прозы на пути к развитым формам неореализма, синтезирующим «жизнеподобие» с модернистским вкусом к художественному выявлению мировых универсалий.

Выразительные доводы в пользу данного тезиса может дать поэтика повести С. Сергеева-Ценского «Лесная топь». В этом тексте глубинная неореалистическая космо-хаотическая контрверса выходит за пределы скрытой внутрисюжетной схемы и подчиняет себе все уровни художественной фактуры, задавая сквозной метаобраз — болотной лесной топи, символизирующей господствующее иррациональное начало мироздания, страшное, губительное, засасывающее, безжалостное. И параллельно существенно трансформируется жанровая природа повести. Формой художественной мотивировки сквозной мифопоэтизации образа топи здесь становится нерасчлененность точек зрения автора-повествователя и Антонины, главной героини, а соответственно, реальности и ее преобразования в сознании персонажа. Повествование зачастую ведется по границе этих планов, без соответствующих знаков перехода от авторской речи к внутренней оценке происходящего героиней, что свидетельствует об ослаблении чистого эпического начала и усилении лиризации повествовательного полотна при преобразении неореалистического текста на

пути феноменологической мифопоэтики. И потому вполне логично, что, готовя уже в 1920-е гг. текст «Лесной топи» к публикации в составе собрания сочинений в издательстве «Мысль» (Л., 1928), Сергеев-Ценский назвал его поэмой, подчеркнув тем самым жанрообразующую функцию лирического потенциала своей ранней прозы.

В связи с изменением традиционных отношений между точками зрения повествователя и героя интересные жанровые новшества мифопоэтизация предлагала в формах, где подобные отношения проблематизировались наиболее отчетливо. В частности, в автобиографических сочинениях. Яркий образец такого рода дает А. Белый в «Котике Летаеве». Здесь традиционная временная ретроспекция открывает путь к вневременной интроспекции в пространство мифогенеза. Временная и причинно-следственная шкала перестают формировать сюжет и повествовательное полотно, которые в «Котике Летаеве» строятся по закону мифопоэтических мотивировок. Тем самым меняется прагматика текста: из чисто литературного или документально-исторического рядов, отведенных для традиционного жизнеописания, он переходит в число мистериально-жизнестроительных, становится фактом и причиной не семиотического, а собственно онтологического события.

Любопытно, что в тех случаях, когда мифологизация выполняла не служебную, а программную роль, на жанровую поэтику она воздействовала достаточно слабо. Так, сочинения А. Кондратьева, хотя и содержат ссылки на миф в своих жанровых подзаголовках (мифологический роман «Сатириесса», 1907, рассказ-миф «В объятьях тумана», 1908 и др.), в отношении глубинных сюжетно-персонажных схем оказываются гораздо ближе среднестатистическим реалистическим рассказам, повестям и романам середины — второй половины XIX в., чем разобранные выше тексты. Кондратьевские тексты представляют собой достаточно последовательную стилизацию под пасторальную прозу в традиции «Дафниса и Хлои» Лонга.

Гораздо более серьезный тип преобразования поэтики программный мифологизм предлагал при выходе за пределы сугубо художественной словесности — как в цикле А. М. Ремизова «Посолонь».

Снабдив при втором издании книгу, содержащую полигенетические жанровые формы (лирические обрядовые зарисовки, сказки, легенды, рассказы), аппаратом комментариев, ссылок на источники и даже рекомендаций, как читать вслух те или иные строки, писатель ориентируется на синтез трех дискурсивно-культурных парадигм, выстроенных по иерархическому принципу. Нижний уровень здесь — научно-этнографическое (с использованием работ Е. Аничкова, Д. Зеленина, П. Бессонова,

И. Сахарова и др.) и историко-культурное мета-описание, затем следуют реконструкции на его основе потенциальных фольклорных словесных форм. Наконец, на уровне макроцелого все это вершится созданием ритуально-словесного циклического единства, которое, собственно, и обладает самостоятельным мифопоэтическим жанровым качеством. Его основа — стирание грани между печатным и устным словом, словом и экстраречевой реальностью, но главное — между литературой и ритуалом. При этом, однако, обрядово-циклические схемы движения по календарному кругу («посолонь» — от весны к зиме) не подчиняют себе художественности словесной ткани, но сами становятся частью игрового, сугубо литературного пространства. Тем самым Ремизов предлагает литературную транскрипцию целостной национальной обрядово-мифологической системы, структурно завершенной, но внутри устойчивого хронотопа календарного круга на русском этническом пространстве принципиально открытой — и это особенно важно — к дальнейшему росту, пополнению и видоизменениям в перспективе жизни в «большом времени» культуры.

Важно, что цель своих опытов Ремизов видел в создании универсального произведения, запечатлевающего национальную мифологию в собственном смысле слова и так называемый *Volksgeist* («народный дух») в том понимании, какое вкладывалось в этот концепт Гердером и Шеллингом. А также постулировал принципиальную разомкнутость текста вовне, как генетическую (источники), так и актуальную, типологически родственную открытости и вариативности мифологических повествований — и этому принципу оставался верен до конца, во множестве реаранжируя композицию своих сочинений, перетасовывая в годы эмиграции их состав, включая отдельные малые произведения в корпус разных более крупных эпических форм.

В науке есть тенденция гипертрофировать игровой авангардизм в творческом сознании Ремизова³⁶⁹. Но при этом не принимается в расчет, что игровые интенции, направленные на деавтоматизацию застывших словесных форм, отнюдь не исключали постановки Ремизовым перед собой вполне «позитивных» и даже утопичных культуртрегерских задач, в т. ч. и в области мифопоэтической жанровой синкретики.

Особую проблему представляют собой «музыкально»-литературные синтетические жанровые образования — «Симфонии» А. Белого и сочинения, созданные под их влиянием.

В эстетике русского символизма ориентация на музыкальность делается средством выявления мифологического содержания в художественном тексте. Созидание словесного извода музыкальной формы (литературные «симфонии», «сонаты»

и т. п.) неизбежно подразумевает мифологическое переструктурирование композиции и художественного образа, при котором повторяемость событий, предопределенная базовой ритмизацией, задает циклическое время повествования, линейность сменяется полифонией эпизодов, а система мифологических трансформаций и отождествлений обеспечивает преобразование повествовательной горизонтали в вертикаль таким образом, что двигателем внутреннего сюжета становится не синтагматическая череда сцен и описаний, а их парадигма, воплощенная в аккордах, созвучиях, тематических вариациях и контрапунктах мотивов, топосов, тропов, символов и т. п.

В крупных повествовательных формах музыкальная симметричность, соответствующая символистским *correspondences*, постепенно усложняется и преобразуется в принцип проекции героя, образа, мотива в родственный семантический ряд, который в модернизме по большей части задается мифологическими схемами и моделями (Аполлон, Дионис, Орфей и т. п.; литературные мифологемы: маленький человек, Медный всадник, Дон Жуан, Дон Кихот и т. п.). Основным двигателем эпического сюжета в романах Белого, Мережковского, Сологуба при этом становятся полифоническое взаимодействие подобных проекционных моделей, разная степень успешности или трагедийное поражение персонажей в реализации заданных им ролей, поле напряжения между реальной фабулой и преобразующим ее мифологическим кодом, который предполагает определенный поведенческий канон героев.

Крупная модернистская эпика рубежа веков на безмерно расширившееся чувство индивидуального самостояния человека отвечает — и не без скрытой иронии — испытанием потенциального нарциссизма героя через его отражения в бесконечном ряду мифологических зеркал.

Пристального внимания заслуживает и вопрос о форме историософского романа, поскольку этот термин достаточно широко используется сейчас в критике и литературоведении, но обычно с очень туманным и размытым значением. Вместе с тем за подобным сочетанием скрывается вполне определенный литературный феномен, которому в то же время свойственны центробежные тенденции, структурное тяготение к выходу за пределы жанра. Историософский роман стремится к освобождению от вериг традиционной эпической формы, к постепенному преобразению в повествовательное явление более общего порядка — историософскую прозу. Но отправной точкой для этого динамического процесса служит все-таки роман.

При этом существенно, что историософский и историко-символистский романы — явления отнюдь не тождественные.

Наиболее характерный пример второго типа представляют собой «Огненный Ангел» и античная диалогия («Алтарь Победы» и «Юпитер поверженный») В. Брюсова.

С одной стороны, археологическая эмпирика в этих романах кажется подчиненной метаисторической рефлексии — иллюстрации тезы о борьбе в истории бесконечно друг друга сменяющих замкнутых и непроницаемых, подобно лейбницевским монадам, культурных эпох: языческой античности и новой христианской эры, средневековья и дерзновенного возрожденческого гуманизма. И все же не эта теза структурирует жанр брюсовских романов, а напряженное стягивание всех пружин художественной формы к единому центру — герою, пребывающему между конфликтующими культурно-историческими эпохами и разрешающему этот конфликт на пути напряженной авантурной интриги. С точки зрения бахтинского принципа трехмерности жанровой структуры (событие в повествовании, событие повествования, событие завершения)³⁷⁰ все три основные исторические романа Брюсова оказываются в конечном итоге обычными авантурными романами с элементами романа воспитания. Остов традиционного исторического романа здесь остался незыблем, несмотря на все модернистские вторжения.

Трудность в описании собственно историософских текстов прежде всего заключается в том, что как относительно самостоятельный литературный феномен они суть для этой эпохи явление хотя и в высшей степени характерное, но новое и в целом не оформившееся в единый канон. И все же господствующие — и во многом обратно пропорциональные друг другу — типы литературной обработки историософского материала в начале века можно связать с именами А. Белого как автора «Серебряного голубя», «Петербурга» и «Москвы» (младосимволистская ипостась жанра) и Д. Мережковского, сочинения которого обнаруживают структурную близость к сугубо позитивистской литературной историософии А. Амфитеатрова как автора четырехтомной эпопеи о Нероне и его эпохе «Зверь из бездны».

Этот тип прозы ориентирован на систематику, осложненную инвестициями из метафизической области, — систематику мистериальной историософии, высвечивающей религиозные, космологические, мистические, библейские, собственно исторические, социально-политические, профетические, культурологические и прочие пласты вне их традиционной разнесенности. Поэтика текстов такого рода определяется захваченностью образно-повествовательной материи метаисторическими кодами и переводом дискретного ряда философи-

ствования об истории на язык универсальных символов-мифологем.

Обеим разновидностям историософских сочинений свойственно стремление к преодолению традиционных жанрово-стилистических границ романа и эпопейной циклизации текстов. Однако сами способы преодоления романских пределов Белым, с одной стороны, и Амфитеатровым/Мережковским, с другой, прямо противоположны.

Смысловые и стилистические свойства художественного слова в экспериментально-мифологических «романах сознания» Белого бесконечно расширяются, в частности, за счет ассоциативно-концептуальной переработки историософского материала. Этот материал, во-первых, входит в текст не в форме доктрины, а в виде развернутых и иерархически организованных художественных символов и мифологических рядов (религиозных, оккультных, культурных, социально-публицистических, архетипических и т. д.). Во-вторых, он служит лишь инструментом изображения катастрофичных интуиций сознания, расширяющегося до пределов Вселенной, так что сочинения Белого могут быть описаны и как романы феноменологические. Взаимоотображение здесь истории и гипертрофированной субъективности резко контрастирует с антиперсонализмом романов Мережковского.

Что касается книги Амфитеатрова, то в ней мы встречаем ту же экспансивность рационально заданной идеологической концепции в ущерб чистой художественности, те же принципы работы с источниками, тот же квазинаучный аппарат ссылок и комментариев, тот же дрейф в сторону голой публицистики, что и у Мережковского. В отношении историософского жанра поздний Мережковский-символист заканчивает во многом тем, что еще в самом начале века создавал «массовый позитивист» Амфитеатров. Перед нами двойственное, пограничное литературное явление, обращенное одновременно и на модернистскую художественность, и на консервативные литературные шаблоны массово-позитивистской эстетики. Немаловажно и то, что постановка вопроса о жанровой самостоятельности историософской прозы дает возможность определить, по какому пути в русской литературе начала XX в., с ее тенденцией к синтетическому письму, шел процесс трансформации границ литературности и освоения литературным письмом нового интеллектуально-эстетического пространства.

В жанровых аспектах лирики мифопоэтика сказала прежде всего на уровне составных крупных структурных образований — цикла и книги стихов. Зачастую в них автобиографическое мифологи-

заторство оказывается подчиненно вписанным в более масштабную надындивидуальную мифоконструкцию. Наиболее яркий тому пример — книга Вяч. Иванова «*Cor ardens*» и его композиционный центр — «*Eros*», опыт возгонки в мифогенное качество сугубо личных лирических переживаний 1906 г. Однако как целое «*Cor ardens*» представляет собой сложнейшую систему контрапунктных созвучий и столкновений мифем, мифологем и мифологических мотивов в точке размыкания сюжета в вертикаль, когда одна событийная линия (например, любовь героя к двум женщинам с последующей разлукой в цикле «Золотые завесы») прочитывается на уровне индивидуальной, греческой, славянской, древнеегипетской, «ренессансной» мифологий, которые перекликаются друг с другом и в конце концов выводят к надындивидуальным космо-религиозным проекциям.

Подобные сложные жанровые образования, подразумевающие выведение обобщенного мифа из автобиографического ядра, плод младосимволистских жизнетворческих стратегий. Старшему символизму была свойственна иная установка — на создание сквозного для всего сборника (цикла) сверхобраза как следствие тотальной мифологизации поэтической «картины мира». Наглядный тому пример — сборник Бальмонта «Будем как Солнце», попытка построить законченную символистскую космогонию на основании четверогласия стихий, жизнетворящих символов Огня, Воды, Земли и Воздуха. Каждый из них в разных контекстах разлагается на образно-семантические дериваты: Огонь — это пожар, пламя, заря, молния, свеча, костер и т. п.; Вода — океан, море, вода, влага, дождь и т. п.; Земля — гора, вершина, пустыня, болото, пропасть, дерево, цветок и т. п.; Воздух — ветер, буря, гроза, покой и т. п. Все многообразие мировых связей слагается из взаимодействия производных четырех главных стихийных символов. Но сами эти символы целиком вмещаются в сверхсимвол, мифологему Солнца — начала начал, верховного божества.

Особого внимания заслуживает тот факт, что подобная мифопоэтизация подразумевала прямую закономерность между повышением подтекстуальной и парадигматической емкости лирического произведения и ослаблением синтагматических связей внутри него. Это вело к автономии части внутри целого, к возможности восстановить это целое по отдельной детали в любой точке текста (как то свойственно собственно мифологическим повествованиям), к свободному варьированию художественных элементов. Такими внутренними законами бальмонтской поэтики и обусловлена та необязательность заданной структуры произведения, которую первым отметил еще Л. Троицкий,

когда свою статью о поэте начал с показательного эксперимента: критик перепечатал стихотворение «Царство тихих звуков, ты опять со мной!..» в обратном порядке, от последней строчки — к первой. И пришел к выводу, что «пьеса... от этого только выиграла, во всяком же случае не потеряла ни одной йоты из своих поэтических красот»³⁷¹.

Что же касается собственно канонических лирических жанров в русской поэзии рубежа веков, которые находят воплощение не в циклах, а в отдельных стихотворениях, то в их судьбах мифопоэтические импульсы, судя по всему, существенной роли не сыграли. При общем возрождении в поэзии рубежной эпохи классических строгих строфических образований и жанров (сонет, рондо, мадригал и т. п.) относительно позднего (средневекового, ренессансного, барочного и т. п.) происхождения, жанры собственно архаичные по своей родословной встречаются в это время не столь часто. Но и в тех случаях, когда поэты, например В. Брюсов и Ю. Балтрушайтис, обращаются к той же элегической форме, перед нами либо традиционная романтическая рефлексия в соответствующей минорной тональности («Мысль в разлуке с вечным сном...», «Как дымный вечер скорбен я...» Балтрушайтиса), либо программно эпатажное воспоминание об эротических победах («Элегии» из книги Брюсова «*Urbi et orbi*»), которое ничего общего с мифологическим архетипом жанра не имеет.

Исключение представляет собой лишь творчество Вяч. Иванова, активно обкатывавшего возможности русского стиха по стилизации тех античных жанров, которые в плане исторической поэтики были непосредственно связаны с главной и наиболее «духоносной» для поэта мифодионисической формой — трагедией. Прежде всего имеется в виду стадийно предшествовавший ей дифирамб, который в творчестве Вяч. Иванова становится тем смысловым пределом, к которому тянутся все его опыты по испытанию мелоса на потенциальную трагедийную мистерияльность.

Примечателен и тот факт, что в модернистской поэзии мифологизация жанра, сопряженная с повышенной ролью подтекста и скрытого цитатного пространства, зачастую становилась инструментом литературной полемики и пародирования: Вяч. Иванов посредством дистиха «Изида» выступал в пику «идеалистическому символизму», М. Кузмин превратил в своей поздней поэзии ироничное использование элементов вагнеровской музыкальной поэтики в метод скрытой полемики с теургическим символизмом, а М. Волошин, обращаясь к максимально нормативной и структурно сложной форме венка сонетов («*Lunagia*»), пародировал эпатажно экспериментальный моностих В. Брюсова («О закрой свои бледные ноги!»).

В лирике рубежа веков пределы жанровой символистской мифопоэтизации текста были четко обозначены мелопеей Вяч. Иванова «Человек». Особенность этого сочинения — метаописательная (благодаря авторским комментариям) «проясненность» сложной и, на первый взгляд, герметичной структуры. Это, очевидно, обусловлено выходом текста из сферы чистой литературы через отсылку к синтетичным формам, несущим в себе обрядовую память жанра (композиционное деление на «мелосы» и «антимелосы», адресующее к хоровым партиям греческой трагедии), в область ритуального, где выявление во внешних формах глубинного («эзотерического») содержания — основной структурный закон. Велик соблазн по этой причине усмотреть в «Человеке» опыт обобщенно-лирического претворения феномена словесности в теургический, обрядово-«литургический» акт оргийной «новой соборности». Однако Иванов в «Человеке» останавливается на пороге чаемого «реальным символизмом» преображения эстетического творчества в ритуальное действие — но порога этого не переходит. И его непереходимость для поэта была принципиальна. Мелопея помогла ведущему теоретику теургических устремлений определить крайнюю и не пресекаемую грань, до которой может дойти символизм в попытках преодолеть литературу на путях мифопоэтизации.

В драме жанровая мифологизация была связана прежде всего с судьбой мистериальных и трагедийных форм. При этом важно отметить, что концепт мистерии в традиционной истории культуры имеет два принципиально разных толкования: это и ритуально-культовое действие, и конкретный средневековый площадный жанр разыгрываемых сценок из Священной истории. Второе значение термина учитывалось символистами и даже полемически пускалось в ход, когда им приходилось отводить упреки в мистических «темнотах» ссылками на жанровый прототип. Однако в своей непосредственной литературной и критико-эстетической деятельности они почти исключительно были ориентированы на первое его значение. Подобным образом понимаемая мистерия мыслилась глубинно наиболее родственной театру как таковому с его исконной культовой природой.

Основной энергией театра в младосимволистских трактовках становится мифологичность как инструмент тотального пересотворения реальности в сакральном действе.

Нерасчлененность значений в понятии «мистерия» во многом была обусловлена переносом в эстетику теургов метаописательного принципа

экстатико-дионисического преодоления устойчивых пределов, взаимообратимости, протеистичности объектов в область жанровой семантики, где двоились, троились и крайне расплывались границы между формами и подформами драматургического письма. Мистерия — плод дионисических смешений в сфере терминологии, благодаря чему в модернистской эстетике этим понятием могли обозначаться самые разные конкретные жанры.

По той же причине сама мистерия часто замещалась иными производными: «действием» (Вяч. Иванов), «литургией» (Ф. Сологуб), «русалией» (А. Ремизов) и т. п. В результате относительно четкой выявленностью на уровне жанра обладала лишь трагедия, да и то в основном в творчестве символистов, ориентированных на греческую архаику и классику. Значительно чаще мифопоэтизация составляла самых разных художников — от Блока («Король на площади», «Песня судьбы», «Роза и Крест») до Гумилева («Гондла»), не нацеленных непосредственно на археологизм и обработку освоенных традиционным театром мифов, двигаться в сторону лирических драм.

Наиболее последовательно и сознательно пытались сочленить свое осознание драматургических форм с мифологизмом художники, погруженные в осмысление и переработку античного материала, — Вяч. Иванов и И. Анненский, носители противоположных типов жанрового мышления.

В терминологии Иванова 1900–1910-х гг. Анненский — антипод «символическому реализму», в своем «символизме соответствий» не выходящий за грани «субъективного индивидуализма», исповедник принципа индивидуации в собственном неомифологическом творчестве, который оказывается не в состоянии подняться до катартического — а потому исконно трагического — разрешения диады и всегда остается в плену неизбывного дуализма, в т. ч. и мифопоэтического.

Что до Анненского, то он принципиально не приемлет ивановской концепции дионисизма как апологии чистого синкретизма, опыта психосоматического экстатического жертвенного исступления, размывающего границы индивидуации через приобщение к соборному единству «"я" вселенского в его волеии и страдании». Вектор культурологического мышления Анненского и как драматурга, и как филолога-классика, к примеру автора курса лекций по истории античной драмы на Высших женских курсах Н. П. Раева, направлен в обратную сторону: его художественная и научно-описательная модель работает по принципу дифференциации, партикуляции, дизъюнкции. Он вглядывается в точку распада синкретизма, единства явления, в становление феномена в истории на пути от «безответственно» общего

к «этически» осмысленному частному. Именно здесь, безусловно, пролегает принципиальный водораздел между эллинистами Ивановым и Анненским.

Подобная антитетичность концептуальных установок в отношении трагедии предопределила разнонаправленность эволюции их собственных драматургических опытов.

Иванов от «Тантала» через неоконченную «Ниобею» приходит к «Прометею», где едва ли не впервые в новоевропейской литературе драматургически выявляет мистериальное ядро трагедии — онтологическое отпадение личности, наказуемой и взыскующей искупления³⁷². Творческое оформление собственно искупительного этапа потребовало от автора выхода за границы жанра трагедии в синкретику мелопеи, в которой так и не произошло окончательного преодоления границ искусства в культовом действе.

Анненский же вообще мыслит свою драматургию вне мистериальной перспективы, за которой неизбежно просматривается дионисический след, и от относительно верной греческим жанровым образцам трагедии «Меланиппа-философ» движется к «Фамире-Кифарэду» с его героем — рефлексирующим гамлетиком, делающим «антидионисический» выбор, отказываясь от любви и расточения и сохраняя мучительную верность аполлонической грезам о недостижимой гармонии высших сфер. В решении автора дать своей самой «антидионисийской» пьесе жанровый подзаголовок вакхическая драма невозможно не усмотреть иронии. И прежде всего по отношению к мистериальным изводам трагедийного жанра.

Некоторым образом промежуточное положение между Вяч. Ивановым и Анненским занимает Белый. Конец 1890-х — начало 1900-х гг. ознаменованы в его творчестве стремлением заковать обуравляющий сознание хаос в художественном акте мистериального преобразования мира. Однако показательно, что попытки написать подобный текст (незавершенная мистерия «Антихрист») молодому поэту не удаются. Как литературный феномен мистерия у Белого оказывается несостоятельной даже на уровне эмпирического сюжета.

Драматические попытки преодолеть такое сопротивление материала заканчиваются ничем, и в результате художник вступает в резкую полемику с главным «мистагогом» — Вяч. Ивановым — и окончательно пересматривает свое отношение к мистериальным поискам, считая их изначально обреченным на провал, творчески лживым, духовно опасным и тупиковым занятием. В 1906 г. Белый констатировал логическую невозможность полного воплощения мистерии как жанровой мифопоэтической формы в пределах собственно драмы³⁷³. И в

перспективе исторической динамики русской литературы оказался прав.

Итак, при всей важности той роли, какую сыграла мифопоэтика в художественном преобразении русской литературы Серебряного века, в сфере именно жанровой эволюции ее новаторское воздействие оказалось более или менее локальным.

В области эпики оно предопределило актуализацию архетипических схем контрверсы космоса/хаоса, что в результате привело к снижению динамичности прозаических форм на уровне сюжетной синтагматики, но расширило парадигматическую объемность текста. При этом модернистская мифопоэтизация, как правило, подразумевала, серьезную семантическую корректировку исходных архетипических моделей.

В свое время происходящий на рубеже веков уникальный исторический слом, вызванный кризисом доверия к цельности человека и мира, Н. Бердяев связал с двумя разнонаправленными векторами исхода из лона классической эстетики. Оба они — добавим — подразумевали мифопоэтизацию художественной формы как актуальную задачу.

По первому пути двинулись те (прежде всего Вяч. Иванов), кто искал синтеза через «пассеизм», теургию, «проповедь соборности», «обращенную назад», которая потому оказывается «не имманентной нашему времени», а ему «совершенно трансцендентной»³⁷⁴. В жанровой перспективе пределом эстетических чаяний такого рода должна была стать возрожденная мистерия. Мифологизация текста здесь в общем была обречена на роль инструмента в утопико-археологическом проекте по реконструкции мистериальной формы в новых условиях. И хотя на этом пути русская литература обогатилась немалым числом замечательных сочинений, эксперимент в целом не удался: мистерия не состоялась, а сама эта задача свидетельствовала не только о кризисе классического канона, но и о глубокой от него зависимости.

Опыт «разложения», «распада», «распыления» «всякого органического синтеза и старого природного мира»³⁷⁵, открывающий путь к преодолению фигуративного искусства устойчивых материальных форм, был отражен второй эстетической тенденцией, по Н. Бердяеву, — тенденцией аналитической. И адекватным языком, воплощающим этот опыт в художественной эпике, становится вычленение архетипической схемы повествования, ее разложение и выворачивание наизнанку в прозе А. Белого. Именно на этом рубеже, между синтетизмом младосимволизма и аналитизмом авангарда, и в таком изводе — с инверсией архаичной модели —

мифологизация воздействовала на художественную систему и структуру прозаических жанров наиболее глубоко.

Последовательно мифопоэтизировались в литературе эпохи и неканонические формы, ориентированные на синтез словесной и музыкальной фактур — в силу структурной одномерности последних мифу. В то же время подобные прозаические сочинения по архитектонике своего внутреннего смыслового пространства оказались во многом тождественны модернистским лирическим циклам и циклическим новообразованиям (мелопея), построенным по мифопоэтическому принципу. А тем, в свою очередь, по глубинным законам организации художественной ткани оказываются родственны неомифологические лирические драмы, которые рождались вне теургических установок на созидающие мистериальные сочинения.

Таким образом, мифопоэтика, не посягая на внешние границы между разными типами письма, делает прозрачными и проницаемыми межжанровые и межродовые перегородки, выстраивая принципиально новую систематику литературных форм. В ее основе, как показывает драматичная история попыток русских модернистов воплотить в трагедии мистерию и «опыт современной души», будут лежать уже не аристотелевско-гегельянские категории классической эстетики, а гораздо более общие, интегральные семиотические оппозиции, в частности дифференциации и синтеза, которые, в свою очередь, зеркально соотносятся с архетипической антитезой космоса/хаоса.

Так смыкается смысловой круг мифопоэтики жанра в русской литературе рубежа конца XIX — начала XX в.

Гордиенко Э. А.

ЖИТИЯ ВАРЛААМА ХУТЫНСКОГО XV в. В СИСТЕМЕ АДАПТАЦИИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

В истории адаптации славянских культур особое место занимает период второго южнобалканского влияния, проходивший в течение XIV–XV вв. Тогда под давлением турецко-османских завоеваний на Русь устремился мощный культурный поток, обновивший духовную жизнь страны. Его воздействие ярко отразилось и в новгородской культуре, дальнейшему развитию которой способствовали сербские, болгарские и афонские книжники и живописцы.

Важнейшим вкладом в обновление духовной жизни Новгорода было создание нескольких комплектов служебных Миней, написанных в 1430–1470-х гг. по заказу владык Евфимия II, Ионы и Феофила для Софийского собора и других новгородских храмов и монастырей. Это было время наивысшего расцвета новгородской агиографии, когда с принятием Афоно-Иерусалимского устава месяцеслов пополнялся службами местных святых. Тогда были написаны жития Саввы Вишерского, архиепископов Моисея, Евфимия II, возможно, Иоанна и Ионы, похвальные слова и службы иконе «Богоматерь Знамение», празднику Покрова Богородицы. Но первым своим святым в обновляемом пантеоне был Варлаам Хутынский, в честь которого была составлена полная служба.

Древнейший ее список содержится в Минее 1438 г., написанной для Софийского собора

игуменом Перынского монастыря Дионисищем (Дионис ищем)³⁷⁶.

В послесловии рукописи (л. 307) названы имена великого князя Василия II Васильевича Темного, митрополита Исидора, архиепископа Евфимия II, посадника Федора Даниловича и тысяцкого Ивана Лукинича. Упоминание имени последнего позволяет уточнить дату создания рукописи — до августа 1438 г., т. е. до того, как Иван Лукинич Щока был избран посадником³⁷⁷ (рис. 11).

В том же послесловии Дионисище просит прощения за огрехи, которые мог допустить, когда, работая над рукописью, беседовал с другом или учил детей. Маргиналии с условным обозначением пропущенных мест в тексте свидетельствуют, что многие погрешности вскоре были устранены. Заметим, что подобная правка полностью отсутствует только в Службе Варлааму Хутынскому (л. 37–72 об.).

Обветшавшие, потертые и вставленные листы рукописи свидетельствуют, что позднее были сделаны более существенные дополнения, не изменившие тем не менее первоначального содержания.

Основной блок Миней писан полууставом светло-коричневыми чернилами на лощеном пергамене желтоватого цвета. Разлиновка в один столбец представляет собой двойную рамочку с тонко прографленными строками. В расположении текста в целом соблюдаются границы обрамления. Почерк

отличается отсутствием наклона, единообразием линий, небольшим размером слегка вытянутых по вертикали букв, изящной формой киноварных инициалов. Заглавные киноварные строки в начале служб написаны крупной вязью с весьма умеренным использованием лигатур и украшений, заголовки внутри служб выполнены полууставом в одном размере с текстом. Особенность первого почерка состоит в многообразии написания *З* в большинстве случаев узкого с длинным, иногда извилистым, свисающим вплоть до следующей строки хвостом, нередко с широкой закругленной верхней петлей и относительно коротким хвостом, реже в виде перевернутого *S*. Лежащая на строке пологая *Ж* с изогнутой высокой мачтой и длинными дугообразными усиками справа, высокие *Б*, *Т*, мягкие «арочные» титла и умеренное использование надстрочных знаков подчеркивают отличительные черты почерка Дионисища (рис. 12).

Своеобразие орфографии выражается в преобладании окончаний *Б* как варианта *Ь* и окончания *-aa*, так называемого зияния, написании *ИИ* вместо *ИИ*, введении *и* и *С* в буквенном значении, использовании букв *и* и *с*. Как полагал В. Н. Щепкин, это признаки времени, когда «громадное большинство русских рукописей кишит югославянскими особенностями»³⁷⁸. Но не исключено, что их значительное количество в Минее 1438 г. объясняется южнославянским происхождением Дионисища, называвшем себя шестником (л. 307), т. е. пришельцем. Он не оставляет своего акцента в письме, но, следуя усвоенным правилам русского языка, чередует окончания *Б* и *Ь*, избегает зияния *-aa* и наряду с *добраа*, *своа*, *моа* пишет *моя*³⁷⁹ (рис. 13).

Преодоление югославянского акцента происходит уже в рукописях 1460–1470-х гг. Для сравнения приведем несколько примеров разного написания одинаковых слов в Минеях 1438 г. и 1463 г.:

1438 г.³⁸⁰

позналь
сѣнаследникъ
бесовьскаа
потопиль
чюдесь
дшамъ
соушилъ
Усаломьскаа
вьистину

1463 г.³⁸¹

позналь
снаследникъ
бесовскаа
потопиль
чюдесь
дшамъ
соушилъ
псаломскаа
воистину

Вместе с тем в Октоихе 1436 г., написанном черноризцем Иовом по заказу архиепископа Евфимия³⁸², в Службе Варлааму около 1495 г.³⁸³, в Геннадиевской Библии 1499 г.³⁸⁴ в Минее XV в.³⁸⁵ признаки югославянского письма почти полностью отсутствуют. Из этого наблюдения следует, что югославянское влияние, во-первых, не было все-

объемлющим, а во-вторых, его представители, такие как Дионисище, были не только адаптивным, но и адаптирующим звеном культурного процесса. Участвуя в его преобразовании, они в конце концов слились с близкой для них средой, став неотъемлемой ее частью. Преодоление и окончательное исчезновение югославянских признаков в русской письменности свидетельствуют не только о начальной активности пришельцев, но и согласованном взаимодействии русских (новгородских) и афонских книжников, постепенном снижении роли последних и последующей полной их ассимиляции с той культурой, в которой они поначалу выступали наставниками и учителями.

Вместе с тем значение софийской Минеи как протографа для последующих ноябрьских Минеи несомненно, хотя именно эта роль послужила причиной неудовлетворительного состояния кодекса, сохраняющего множество следов его долгой и активной жизни не только в богослужебной практике, но и в деятельности скриптория, где хрупкие листы пергамента переворачивались нередко без особой бережности. Со временем в рукописи была утрачена целая тетрадь и два листа. В середине XVI в. она подверглась реставрации. Были восполнены два листа (66–66 об. — в Службе Варлааму Хутынскому и 110–110 об. — в Службе Феодору Студиту) и тетрадь со Службой иконе «Богоматерь Знамение» (л. 252 об.—272; 20 листов + оборотная сторона на старом пергамене, л. 252).

Вставки написаны черными чернилами на белом пергамене разной обработки (рис. 14, 15, 16). Поврежденный первоначальный текст на листе 252 об. (старый пергамен) был смыт и заново написан вторым почерком черными чернилами. Подобная операция была проведена и на л. 272. Вверху текст был смыт (видны потертости и следы первоначальных букв) и черными чернилами завершена Служба иконе Богоматери. В нижней части листа остались нетронутыми шесть строк Службы отцу Стефану и мученику Иринарху письма Дионисища (рис. 17). Наиболее убедительный пример плохой сохранности первоначального текста на старом пергамене можно видеть на л. 196, где строки едва просматриваются и многие уцелевшие слова обведены черными чернилами (см. также л. 58, 64 об., 67 и др.). Разлиновка на новых листах либо отсутствует, либо ограничивается небрежной боковой линией со стороны обреза, строки изредка обозначены тонкой чернильной линией. В расположении текста соблюдается только левое поле, справа строка нередко почти упирается в край листа, а последняя строка иногда заканчивается на нижнем поле.

Полуустав с тонкими и жирными линиями, киноварные инициалы вычурной формы, грузная вязь в заглавии, *В* в виде коробочки, строчное *З* в виде

цифры 3, лигатура «ук» с отлетевшей галочкой, обильное использование надстрочных букв, волнообразно изломанные титла определяют особенности второго почерка, письмо которого и лишенная югославянских признаков орфография подтверждают появление вставок не ранее середины XVI в.

Утраченные и обветшавшие первоначальные листы были восстановлены по ноябрьским Минеям XV в.³⁸⁶, и тем самым дополнения XVI в. восстановили содержание Минеи 1438 г., тексты которой переписывались в течение нескольких десятилетий. На новых листах засвидетельствовано и участие в создании рукописи известного писателя Пахомия Логофета, родом серба, инока Афонской горы. На л. 259 в самом тексте ирмосу 1-й песни канона предшествуют слова: «Творение священноинока Пахомия», на левом поле л. 259 об., перед ирмосом 8-й песни стоит лигатура «ЛГ » (рис. 18, 19).

Подобные удостоверения находятся во всех ноябрьских Минеях, восходивших к Минеи 1438 г. Это пергаменная рукопись из Хутынского монастыря³⁸⁷; бумажные из церкви Сергия Радонежского на Владычном дворе, около 1463 г., л. 351–351 об.³⁸⁸; из Никольского Гостинопольского монастыря, 1475 г., л. 382 об., 383 об.³⁸⁹; из Валаамского монастыря, около 1475 г., л. 344 об., 345³⁹⁰; неизвестного происхождения, 1470-е гг., л. 454, 435³⁹¹; Минеях XVI в. из Шилова монастыря, л. 326–326 об.³⁹²; из церкви Святого Образа (Преображения Господня у Новинских ворот), л. 345–345 об.³⁹³; из Васильевского монастыря, л. 405 об., 406 об.³⁹⁴; из церкви Апостола Иакова, листы 326–326 об.³⁹⁵; из церкви Евангелиста Марка, листы 312–312 об.³⁹⁶; из Варварина монастыря, листы 376–376 об.³⁹⁷

Таким образом, пребывание Пахомия в Новгороде в 1438 г. и сотрудничество его с игуменом Дионисищем находят убедительное, хотя и косвенное подтверждение. Пахомий, по его собственному свидетельству, прибыл в Новгород еще при архиепископе Евфимии, т. е. не ранее 1429 г. Незадолго до того в Новгород вернулся с Афона еще один путешественник — Савва. С собой он привез книги, а в 1418 г. основал Вишерский монастырь (умер около 1460 г.). Вместе они, очевидно, входили в тот круг людей, трудами которых происходило обновление устава новгородской церкви.

Вводимым тогда правилам Афоно-Иерусалимского устава следовали и тексты Минеи 1438 г., в состав которой вошли древнейшие уставные сочинения, посвященные памяти Варлаама Хутынского и иконе «Богоматерь Знамение».

Оригинальным сочинением, не имеющим предшествующих аналогов, является Служба Варлааму Хутынскому. Составленная по новым правилам, она начинается стихирами и славословием святому с малой вечерни, 5 ноября, т. е. накануне праздника

(л. 37–39). Затем следует великая вечерня (л. 39–44), на которой 4 стихиры, Слава и паремии положены Варлааму Хутынскому и 4 стихиры — его сподвижнику, непримиримому борцу с ересью Павлу Исповеднику.

6 ноября после короткой утрени служба начиналась чтением Памяти (Жития) Варлаама (л. 44 об.–52 об.). По определению В. О. Ключевского и Л. А. Дмитриева, в рукописи 1438 г. содержится Вторая редакция Жития Варлаама, в которой Проложная редакция начала XIV в. дополнена тремя прижизненными чудесами о благовестии родившегося княжеского сына, об утаенном рыбаками осетре, оживлении замерзшего отрока, и тремя посмертными чудесами о прозревшем слепом, спасенном утопшем и об исцелении князя Константина³⁹⁸.

Служба завершалась чтением Евангелия и полиелеем праздника, свидетельствами избранного почитания Варлаама³⁹⁹.

Особое место в службе занимает «Слово похвальное на пречистую память преподобного отца нашего Варлаама» (л. 53 об.–61 об.). «Слово...» предварено маргинальной заметкой: «На инога иудея», раскрывающей мысль о поклонении «целебным пречестным мощам» светильника, воссиявшего не от Иерусалима и не от Синая, но от Новгорода Великого, и житием своим исполнившего радостью «землю и самый воздух» (л. 56). Излагая вкратце жизненный путь Варлаама, преодолевшего все невзгоды, совершившего прижизненные и посмертные чудеса, автор «Слова...» противопоставляет неблагодарность «непокоривого иудейского народа» божественной благодати, дарованной преподобному исцелять недужных и претворять «солнечный воздух в водоточное естество». И «такой дождь доволен молитвами святого исходит, яко и дивится иже ту предстоящему народу» (л. 59). «Слово...» завершается многими благодарениями «неистоцимому источнику чудес» (л. 60 об.), «твердому основанию отечеству своему» (л. 61).

В заглавии «Слова...» нет имени Пахомия Серба (рис. 20). Между тем это сочинение традиционно относится афонскому ритору⁴⁰⁰. Отсутствие его имени в данной рукописи может быть объяснено забывчивостью, на которую ссылался Дионисище. Но скорее причина кроется в том, что служба, включая песнопения на вечерне и утрени, паремийные чтения из Премудрости Соломона и пр., была составлена одним человеком как единое произведение, в котором Память святому (Житие) и «Слово похвальное...» являются его неотъемлемой частью. Вторая редакция жития Варлаама также не считается произведением афонского мастера⁴⁰¹. Принятое в Минеи 1438 г. последование службы впоследствии стало образцом для самого Пахомия и для писцов ноябрьских Минеи XV в.

В бумажных ноябрьских Минеях XV–XVI вв. Софийского собрания, следующих структуре службы Варлааму, принятой в Минее 1438 г., Пахомий также не упоминается в «Слове...»⁴⁰².

Впервые его имя появляется в сборниках или отдельных рукописях службы, например в Службе Варлааму 1495 г. (?) из Троице-Сергиевой лавры⁴⁰³, где на нижнем поле л. 81 об. находится маргиналия: «Священноинока Пахомия Логофета». В сборнике второй половины XV в. из собрания Н. П. Лихачева имя Пахомия помещено непосредственно в заголовок «Слова...»⁴⁰⁴.

Возможно, в XV в., когда Пахомий Серб стал литературной знаменитостью, его имя, подчеркивая ценность сочинения, сопровождало службы, жития и похвальные слова, автором которых он не был, как, вероятно, не он писал и «Слово...» в Минее 1438 г.

Избегая окончательных выводов, предположим, что Миней 1438 г. была создана двумя писцами, один из которых, Пахомий Серб, написал для Службы иконе «Богоматерь Знамение» два канона Богородице (27 ноября), возможно, первое свое русское сочинение. Возникает вопрос. Мог ли игумен Перынского монастыря Дионисище быть автором Миней? Разумеется, эта сложнейшая проблема требует отдельного исследования. Но в пользу столь смелого предположения, возможно, свидетельствует и то, что Служба Варлааму Хутынскому в Минее 1438 г. отличается особым каллиграфическим изяществом и полным отсутствием ошибок и исправлений, как это и должно было быть, если Дионисище не только иногда невнимательно списывал текст, но и тщательно переписывал собственное сочинение.

Дионисище был игуменом и, следовательно, должен был прожить в Новгороде некоторое время, чтобы иметь право быть настоятелем древнейшего монастыря, где, наставляя братию, он учил детей грамоте и беседовал с другом. Уже в самом имени-прозвище Дионисище отражается не только облик человека внушительных размеров, но и рисуется значительная личность, оставившая по себе память написанием Миней, в которой впервые в исторической последовательности событий и мифологиче-

ских воплощениях посмертного жития был создан образ Варлаама Хутынского.

Как именно совершался этот труд, делает свое заключение текстолог. Но уже сейчас можно полагать, что авторство Пахомия Серба в создании «Слова Похвального... Варлааму Хутынскому» не бесспорно.

Свой вариант Жития Варлаама Пахомий создал несколько позднее, около 1440–1443 гг. Взяв за основу текст Второй редакции, он подвергнул его стилистической правке, дополнив нравоучительными сентенциями и четырьмя новыми рассказами о посмертных чудесах, исцелениях немого и трех бесноватых.

Известно несколько пахомиевских редакций Жития Варлаама⁴⁰⁵. Все они как самостоятельные произведения входят в состав житийных сборников, но ни одна из них не относится ко времени пребывания афонского ритора в Новгороде. Редакция, принятая за основной текст⁴⁰⁶, вошла в состав ноябрьского тома Софийского списка Великих Миней Четых 1529–1541 гг. (далее — ВМЧ).

Другая редакция⁴⁰⁷, возможно, более ранняя, входит в обширный сборник житий XVI в. и, оставаясь в целом близкой списку ВМЧ, отличается большей непосредственностью повествования. В ней отсутствует поздняя редакционная правка, придавшая житию требуемое благообразие. Прежде всего это касается начальной части, где Пахомий описывает жизнь святых отшельников, «в посте и подвизе просиявших». Показав свою «храбрую» победу, они, по словам Пахомия, «просто рещи» (попросту говоря), были оплеваны и обижены. Но, продолжает Пахомий, вся суть сего мира временна и суетна и подобна «сени и сну преходящему». Удалившись от мира и «ревнуя» о нем, отшельники, ходили «в овчинах и козьих кожах» и, «скорбя и злостраждуце в пустынях скитались, в горах и в вертепах и во пропастьх земных Господеви работающее». Эта выразительная и весьма реалистичная картина жизни отшельников резко отличается от «благовидной» редакции ВМЧ, в которой сказано только «неудобна яже о них (отшельниках. — *Примеч. авт.*) подробну написати ради тех високаго жития и любве яже к Богу».

Приведем два варианта из этого вступления.

Погод. 871. Л. 265–265 об.

Понеже убо о нем прежде бывшем великим и божественным мужем в посте и подвизе просиявших, иже толику и велику победу храбрски на врагы мужиски показавши, паче же просто рещи, преобидевша и оплеваша. Вся суть в мире сего временна поразумевша, бо яко вся суть суетная и без вести, аще мала подобна сени и сну преходящему, или рекшу, яко в торзе бывшу, и малу некую куплю деявшу и паки торгу несущу, расшедшюся, рекше человеческая жизнь изнеможа. Тем же таковая они рассмотревши изыдоша из мира и бяху ревнующее о нем древним ходившим в овчинах и ко//зиях кожах, бо вся дни лишаеми, скорбящи и злостраждуце в пустынях скитающася, в горах и в вертепах и во пропастьх земных Господеви работающее. Тем же убо тех святых кии язык человеческыи житие их и зрещи, возможет или по достоинству похвалити...

ВМЧ

Понеже убо о нем великимъ, иже в посте подвизе просиявших, иже толику велику победу на врагы мужиски показавши и мира сего вся краснаа и суетнаа, иже в мале услаждаемая, преобидевша, поразумевше, яко суетнаа вся суть и временнаа, потом без вести бываемаа, аще велика, аще мала подобна сени и сну преходящему, или цвету утренему, иже при вечере усыхаему и отпадающе, — техъ убо святыхъ жития же повести древнимъ // о нем писателемъ нужно бяху и неудобна яже о них подробну написати ради техъ високаго жития и любве яже к Богу. Ныне же последняго нашего рода кто житие техъ изрещи можетъ, или по достоинству похвалити...

Другие дополнения в погодинской рукописи также демонстрируют собственные черты творчества Пахомия, несправедливо упрекаемого в излишней риторике и витиеватости слога. Это мнение основывается на поздних списках, претерпевших редактуру, как это, возможно, произошло с редакцией Жития Варлаама, вошедшей в ноябрьский том ВМЧ. Между тем такие произведения, как исполненные реалий Житие архиепископа Евфимия, «Новейшее чудо о умершем отроке» (Григории Тумгане) и многие другие, убеждают в острой наблюдательности Пахомия, внимательно следившим за происходившими событиями и передававшим их подробности выразительным слогом.

Выполняя заказ архиепископа Евфимия II (1429–1458 гг.), разыскивая сведения о жизни Варлаама, Пахомий Логофет, по собственному выражению, объединял их «в едину пленицу» (корзину), которую он собирал в Хутынском монастыре, вопрошая старцев «много лета имуща»⁴⁰⁸. В устных преданиях, а также в хранившихся в монастыре «харатейных» и «письменных», «гораздо ветхих» книгах, указанных еще в Описи 1642 г., он мог найти и сообщение о недостроенном храме, что позволяет восстановить историческую последовательность событий. Заложенный в 1192 г. собор был освящен архиепископом Гавриилом на начальном этапе, и Варлаам, согласно летописному свидетельству умерший в 1193 г.⁴⁰⁹, не успел завершить строительство.

В данном случае мы затрагиваем дискуссию, в которой летописная дата смерти Варлаама в 1193 г. подвергается сомнению и принимается версия Проложной редакции жития, согласно которой преподобный умер около 1211 г., в момент возвращения Добрыни Ядрейковича (архиепископа Антония) в Новгород⁴¹⁰.

В Хутынской книгохранительнице могла быть найдена рукопись, послужившая еще одним источником для Пахомия. В предполагаемом памятнике возвратившийся в Новгород в 1210 г. архиепископ Антоний не только выступал свидетелем смертного часа своего друга, но и после его похорон («собора») продолжал с ним общение и стал свидетелем чуда Варлаама о двух осужденных на Великом мосту⁴¹¹. Рассказ об этом событии начинается сообщением о большой дружбе и любви Варлаама и Антония. Вероятно, он и послужил источником «Повести о сугубой любви...», известной по Распространенной редакции конца XVI в.

В отличие от автора Второй редакции (игумена Дионисища?), Пахомий не задается вопросом об историческом соответствии повествования. Между тем он был знаком с новгородскими летописями и мог избежать нарочитых анахронизмов⁴¹². Новая редакция, продолжавшая традицию Проложно-

го сказания, редакции 1438 г. и, возможно, других источников, была принята и архиепископом Евфимием, хотя кому, как не ему, была известна хронология новгородских святителей и скорее всего именно при нем в летопись было занесено известие о смерти Варлаама Хутынского в 1193 г.

Между тем владыка заказал, а Пахомий создал не историческое сочинение, но произведение, целью которого было следовать мифологической памяти с ее чудесными, происходившими вне времени превращениями. Развитие этих видов письменного творчества происходило относительно разных временных координат. Если летописец, пусть иногда с нашей точки зрения не точно, восстанавливал ход истории, то агиограф создавал житие чудес, возвращавших прошедшее время. Житийные повести, «преодолевая» волю писца, становились под его пером воплощением божественной воли. Созданные одновременно летопись и житие представляли своеобразный синтез историзма и поэтического вымысла, отражавший особенность двойственного мировосприятия средневекового человека.

Собирая свою «пленицу», Пахомий следовал принципу неприкосновенности святого предания. Не нарушая его завета, опираясь на собственный писательский опыт, он обогатил предшествующие тексты своими дополнениями и, развивая начатую еще в Проложной редакции жития тему дружбы двух друзей, усилил эзотерический характер житийного повествования. По его признанию, он, чужестранец, не видел их собственными глазами, но слышал о них «от многих поведаема бяху святого чюдеса». Одним из этих чудес было возвращение архиепископа Антония, заставшего смертный час своего товарища в 1211 г. и совершившего мистерию его второго захоронения. Тайна предания была сохранена в последующих редакциях Жития Варлаама, создатели которых не сомневались в достоверности необыкновенного события, подтвержденного агиографами прошлого.

Следующее, посвященное Варлааму Хутынскому творение Пахомия Логофета относится ко времени архиепископа Ионы (1458–1470) и связано с обострившимися отношениями между Новгородом и Москвой. Понимая необходимость привести в действие механизм Яжелбицкого договора 1456 г., по которому Новгород лишился многих традиционных властных и судебных полномочий, в январе 1460 г. великий князь Василий II Темный с большой свитой прибыл в Новгород. Не исключено, что в том же сопровождении был и Пахомий Логофет, в очередной раз посетивший Новгород.

Источники по-разному освещают это событие и, смешивая реальное с чудесным, достоверное с вымышленным, создают противоречивую картину,

в которой ситуация предстает такой, как она отразилась в сознании современников и поздних ее интерпретациях.

По свидетельству летописи Авраамки князь пожаловал «мирно», чтобы поклониться святым гробам в Софийском соборе и «чудотворному гробу великого Варлаама, игумена святого Спаса Хутынского»⁴¹³. Московский летописец изобличает «изменников новгородцев». «Ударив в вече», они собрались у Святой Софии и «совещались» убить великого князя и его детей⁴¹⁴. «Кроткому и тихому нравом» архиепископу Ионе пришлось приложить немало сил, чтобы унять свою строптивую паству и хотя бы ненадолго сохранить видимость добрых отношений⁴¹⁵.

Устранить противоречия во многом помогло свершившееся в Хутынском монастыре чудо исцеления княжеского постельничего Григория Тумгана. Краткий, но, возможно, самый ранний рассказ об этом событии находится в Строевском списке Н4Л, в котором чудо засвидетельствовано, как исцеление от «тяшка» болезни, когда «отрок князь» «мертв лежаше на много час; и сдрав бысть отрок Григорей молитвами святого Варлаама»⁴¹⁶.

Сказание о чуде 1460 г. в летописи Авраамки, как и весь отрывок 1447–1469 гг., А. Г. Бобров относит Пахомию Сербу⁴¹⁷. Есть основания согласиться с этим предположением. Лаконичный рассказ об умершем отроке боярского рода, «постельнике» великого князя, несет полную информацию о чуде, представляя собой краткий вариант созданного Пахომием Логофетом, сочинения, известного как «Новейшее чудо о умершем отроци» и, вероятно, включенного в некую «книгу чудес», о которой упоминается в летописи. Не исключено, что список этой «книги» сохранился в ноябрьском томе ВМЧ, где, как и в летописи Авраамки, указана точная дата свершившегося чуда о Григории Тумгане: 31 января, «на память святых чудотворец Кира, Иоанна».

В конце 1460-х гг. московский дьяк Родион Кожух написал свое Сказание о чуде с Григорием Тумганом⁴¹⁸. Л. А. Дмитриев, указывая на публицистический характер сочинения, в котором подчеркивалось «благорасположение новгородского святого к москвичам», полагает, что оно могло быть создано не ранее 1467 г. Этот вариант чуда был впоследствии присоединен к некоторым спискам Второй редакции Жития Варлаама, а в 1470-х гг. Пахомий Серб, используя, по мнению Л. А. Дмитриева, сочинение Родиона Кожуха, добавляет к своей редакции рассказ о чуде с Тумганом⁴¹⁹.

Между тем сочинение афонского ритора — самостоятельное произведение, и сходство его с московским может быть объяснено не только использованием принятых в агиографии штампов, необходимых при создании подобных сочинений,

но и наличием близких источников, среди которых мог быть упомянутый рассказ в летописи Авраамки.

Сочинение Пахомия значительно короче и кажется эмоционально более сдержанным. Вместе с тем оно отличается живостью, а иногда и простотой слога. Особенно выразителен эпизод с прибытием владыки в монастырь: «Доспе же преславное чудо во всем граде даже и самого Ионы, преосвященного архиепископа Великого Новгорода и Пскова. Той же, яко услыша преславные во дни его содеяшася, со всякою скоростью в монастырь грядяши...» Как будто и вправду владыка не ведал о предстоящих событиях и, ничего не зная, прибыл в обитель, как мы бы сказали, «на всех парусах». Осведомленность москвича Григория Тумгана о Варлааме Пахомий объясняет тем, что отрок «издавна имяше у себя житие преподобного и часто прочиташа того чудеса» и что, очевидно, является указанием на существование более раннего подобного сочинения. Пахомий ближе новгородским реалиям. Он не забывает имени своего современника, аркажского игумена Тихона. В Хутынском монастыре у него, согласно древней традиции, удерживаемой еще со времен Варлаама и архиепископа Антония, ударяют в било, а не звонят «в тяжкая», как в Сказании Родиона Кожуха. Завершая повествование о воскрешении княжеского постельничего, Пахомий обращает внимание на то, что это «преславное» чудо «не первое сие бысть, но паче второе. Первое убо сего блаженный Варлаам воскресил отрока умершее, еще сущю в сей жизни...»⁴²⁰.

Московский сочинитель также знает о подобных «преждебывших» чудесах, но напоминает не о чуде Варлаама, а о событии гораздо более далеком, времени византийского императора «великаго царя Феодосия», когда семь отроков, «почивавших» «300 и семьдесят два лета», скрывались таким образом «от злаго мучителя Декия царя во Ефесе граде». Пахомий в своем сочинении как бы скользко упоминает «благочестного великого князя Василия Васильевича» и лишь в заглавии называет его по отчеству. Родион Кожух по всем правилам этикета обращается к именам великого князя и его сыновей, прибывших в свою отчину в Великом Новгороде, где их встретили «с честью, с честными животворящими кресты, пред враты монастыря», где «веры ради благочестиваго самодержца благовернаго великаго князя Василия Васильевича всея Руси и с ним сынове его...» произошло воскрешение отрока, и великий князь «поручил» своих сыновей «во обет великому и преподобному чудотворцу Варламу». Говоря о кресте, которым Варлаам благословлял Григория Тумгана в его снах и видениях, Пахомий не уточняет его облик. В Сказании Родиона Кожуха Варлаам «знаменует Григория честным животворя-

щим нерукописанным крестом Киликиевским князя великаго». Для московского автора было важно привязать это действие к почитавшейся в великокняжеской семье реликвии.

Сказания завершаются по-разному. Пахомий создает краткий вариант восхваления Варлаама, «ничим от древних оних отец умаленного...». Завершая свое славословие, он восклицает: «И что много глаголю: вся сугуба чудеса и по преставлении бяху; почто убо к сим речем, коели похваление якоже лето есть, того главе венец сплести возможем или по достоинству похвалити». В сочинении Родиона Кожуха, которое он «возмогахом приложить по силе нашей...», особенно знаменательны слова: «Радуйся, страж крепок земли нашей и Великого Новагорода»⁴²¹.

В чуде о Григории Тумгане Пахомий как будто вспоминает о своем житии в Новгороде, когда вместе с Дионисищем писал Минею, или по велению архиепископа Евфимия сочинял свою редакцию жития Варлаама Хутынского. Теперь ему предстояло общаться с еще одним знаменитым новгородцем, архиепископом Ионой. Владыка высоко ценил творчество Пахомия, щедро одаривая риторика серебром и соболями за его сочинения. В Житии архиепископа Евфимия, Саввы Вишерского, а после смерти Ионы в Житии, посвященном его памяти, обосновавшийся в Троице-Сергиевой лавре афон-

ский инок затрагивает и раскрывает человеческие стороны и душевные струны из биографии этих людей. И если бы не сохранявшиеся в его автографах черты югославянской письменности, его можно было бы считать человеком, связанным самыми тесными узами с русской, прежде всего новгородской культурой.

Творчество Пахомия Логофета и Родиона Кожуха демонстрирует еще один аспект адаптации культур. В данном примере взаимодействуют две родственные, новгородская и московская традиции, на протяжении столетий стремившихся друг к другу и расходившихся в соответствии с социальной и политической ситуацией. Во второй половине XV в. их нерасторжимое взаимодействие было обусловлено одной глобальной целью — созданием единого Русского государства.

Привнося новые знания и навыки в корневую культуру, балканские мастера следовали сложившимся традициям. Легко усваивая родственный язык, согласовывая условия заказа со своими возможностями, они сочетали в своем творчестве адаптивную и адаптирующую функцию. В этом взаимно обогащающемся процессе они способствовали обновлению русской культуры и вместе с тем становились неотъемлемой ее частью, яркими фигурами которой были новгородский игумен, шестник Дионисище и афонский инок Пахомий Логофет.

Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.

СОВРЕМЕННАЯ НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА МЕЖГРАНИЧЬЯ БЕЛАРУСИ, РОССИИ И УКРАИНЫ

Мир современных восточнославянских народных литератур Беларуси, России и Украины — это огромный и пока непознанный мир литератур, имеющих свою традицию, своего многомиллионного читателя, особые механизмы формирования и системы распространения, большой авторский и трансляционный потенциал, но, увы, даже в общих своих очертаниях науке практически неизвестных.

Первое знакомство авторов настоящей статьи с произведениями такой литературы произошло совершенно неосознанно в раннем детстве полстолетия назад (в Москве и Подмосковье). Многочисленные поездки и экспедиции в разных странах в дальнейшем необычайно обогатили имевшиеся до того наблюдения и способствовали уже целенаправленному поиску собственно в восточнославянской среде и отчасти у окружающих восточных славян народов, прежде всего польского и литовского⁴²².

Оказалось также, что народные литературы весьма успешно развиваются сейчас и в целом ряде стран вдали от Европы, например в Бразилии, унаследовавшей многие черты европейской модели этого давнего социального института.

После многих лет наблюдений и поисков можно сказать, что этот литературный мир всегда оказывался под воздействием социальных изменений и вместе с тем сохранял свою традиционную основу, вбирая лучшее из произведений прежних времен, начиная с самых древних. За истекшие годы неузнаваемо преобразились основные его составляющие, главным образом коммуникативно-трансляционные. Всему этому авторы были прямыми свидетелями, как и очевидцами трансформации всех без исключения общественных групп, связанных с бытованием народной литературы. Сама она, прирастая количественно, обогатилась множеством новых произведений, точная детальная классифи-

кация которых, как, впрочем, и всего ее массива, весьма затруднительна.

В исследовании, проводившемся в рамках проекта «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», авторы данной статьи ограничили изучаемый регион Восточным Полесьем — уникальным межграницем трех народов и государств: Беларуси, России и Украины. Это межгранице — пространство активного многовекового взаимодействия восточнославянских народных культур и литератур — белорусской, русской, украинской, во многом единое по своим основным параметрам и характеристикам. Весь материал, приводимый в исследовании, был собран авторами в последние годы именно здесь: в Гомельской обл. Беларуси, Брянской обл. России и Черниговской обл. Украины — на землях, ставших центральной частью территорий ареала Чернобыльской техногенной катастрофы.

О «рукописной литературе простого народа» в России исследователи в полный голос заговорили в середине XIX в.⁴²³ Тогда же вопрос о ней вошел в «Программу для собирания образцов народного языка и словесности» И. И. Срезневского, призывавшего собирать «образцы местной словесности письменной»⁴²⁴. Во второй половине XIX в. в ученом сообществе России сам термин «народная литература» получил все права гражданства. Правда, почти одновременно народную литературу самого народа стали как бы «объединять» в единое целое с литературой «для простого народа», которая специально создавалась представителями более образованных слоев населения. Необходимо заметить, что подобное наблюдалось не только в России, но и в других странах, в т. ч. еще ранее в западноевропейских.

Крупнейшими культурными центрами восточнославянского межграницья являются города Чернигов и Гомель, расположенные в непосредственной близости от его срединной части. Помимо Чернигова и Гомеля в историко-культурном отношении для восточнославянского межграницья весьма важны такие малые его города российской стороны, как Клинцы, Новозыбков и Стародуб. То же самое, но уже в большей степени в ретроспективном значении, можно сказать и о целом ряде крупных православных религиозных центров межграницья, преимущественно монастырских, в т. ч. старообрядческих, таких как Лаврентьевский, Макаров, Покровский, Красноборский и другие монастыри. Не стоит забывать и то, что Черниговщина — родина древнерусского монашества, продолжает сохранять свое особое место в истории восточнославянского православия. Православные составляют абсолютное большинство ее населения, это самый

высокий показатель в Украине. На восточнославянском межграницье самая насыщенная конфессиональная картина на белорусской стороне. Как и на всем межграницье, здесь абсолютно доминируют православные, растет число общин протестантского толка, стабильны, но немногочисленны, старообрядцы, единичны еврейские общины и в то же время достаточно активны римско-католики, появились единичные греко-католики и представители так называемых новых религий.

Помимо восточных славян на восточнославянском межграницье в течение нескольких последних столетий обок с ними жило многочисленное еврейское население, причем в городах и местечках оно преваляло. Следы этой некогда богатейшей местной еврейской культуры сохранились повсюду, но потомков ее носителей сейчас живет здесь немного, почти все они находятся в крупнейших городах, растворяются в общей городской среде, в случае Гомеля и в меньшей степени Чернигова в основном русскоязычной. Группу западных славян, живущих на восточнославянском межграницье, представляют поляки, которых здесь раньше именовали «бендзуками». Число их также незначительно, но они есть не только в городах, но и в сельской местности. При ориентации только на вероисповедный критерий к ним часто причисляют белорусов-католиков, которых на Гомельщине совсем немного.

В течение всей своей истории население восточнославянского межграницья испытывало сильную культурную интерференцию. Вместе с тем за истекшее столетие произошел сильнейший урбанистический скачок, доля сельских жителей упала в несколько раз⁴²⁵. Особенно заметно это на примере Беларуси. И все же даже здесь по сей день «деревенский образ жизни и его модификации являются доминирующими в социокультурном пространстве», «главным исходным типом для большинства населения страны»⁴²⁶.

Восточное Полесье — родина одного из самых знаменитых славянских писателей древности святого Кирилла Туровского, произведения которого по сей день живут в народе. На восточнославянском межграницье его молитвенная поэзия распространена особенно широко⁴²⁷. К числу литераторов восточнославянского межграницья принадлежит целая плеяда известнейших писателей древности, связанных с северной Черниговщиной. Там творили Лазарь Баранович, Иоаникий Галатовский, Иоанн Максимович, святой Димитрий Ростовский и многие другие. Сохранилось немало местных книжных памятников более раннего времени, представляющих богатейшие книжно-литературные традиции здешнего края. К ним относятся, например, многочисленные синодики, различные сборники сложного состава.

Одновременно с книжностью прежних столетий в XIX в. переходят и литературные памятники XVIII в., который стал своеобразным культурным рубиконом в судьбах восточного славянства, временем существенного культурного разделения, обособления, формирования собственно народной литературы и книжности, заметно оппозиционной новым течениям, методично охватывавшим высшие, а затем и средние социальные круги.

Обосновавшиеся на восточнославянском межгранице русские старообрядцы постепенно перенимают в свою собственность здешнюю древнюю кириллографичную книжность, рукописную и печатную, создают свои литературные центры, среди которых хочется отметить такие крупные как, например, в нынешнем городке Ветка, полностью теперь утратившем свой староверческий облик, и в уничтоженном уже к середине XIX в. Лаврентьевском монастыре, что к западу от Гомеля⁴²⁸.

На восточнославянском межгранице все усложнялось еще и тем, что в разных его частях события эти совершались с различной скоростью и довольно долго ощущалось влияние польской культуры, когда даже на Черниговщине, уже давно входившей в состав Российской империи, польское продолжало занимать довольно прочные позиции, особенно в кругу местной шляхты и части духовенства, получившего образование в киевских и черниговских духовных школах⁴²⁹.

Как известно, статистика Российской империи первой половины XIX в. броско выделяет в общем объеме издательской продукции страны гигантский пласт литературы, который многие исследователи до сих пор называют «низовой». Эта мало изученная до сих пор литература создавалась различными писателями и обслуживала многочисленного читателя из самых разных социальных групп. Одновременно, по мере распространения грамотности и широкого развития школьного образования, в имперской России появляется самый массовый за всю ее историю книгочей — крестьянский. Ряд обстоятельств способствовал тому, что в обобщенном виде известны читательские предпочтения крестьян той и более ранней поры. Преимущественно они лежат в области религиозной литературы.

Со временем в крестьянской среде формируется довольно многочисленная прослойка наиболее грамотных и склонных к собственному творчеству, которые уже в начале XX в. значительно преобразуют общее литературное пространство России⁴³⁰, пока еще практически не изучавшееся наукой как единое целое. Крестьяне, создавая свои собственные произведения, формируя крестьянскую литературу, включают в нее наиболее выдающиеся религиозные произведения прошлых эпох, а также сочинения ряда своих современников из числа

лиц высшего круга. К ним относится, например, замечательный деятель на ниве народного просвещения С. И. Миропольский (1842–1907), автор множества произведений, вошедших в народный обиход и по сей день являющихся достоянием восточнославянских народных культур. Примечательно, что крестьяне не только могли очень точно и ясно определить свои читательские предпочтения, но и обосновать их с аксеологической точки зрения. Именно так они подходили и к проблеме народного образования, активно ставшей ими обсуждаться уже во второй половине XIX в. Религиозное, православное, по их мнению, должно было доминировать в нем⁴³¹.

В последнее время у нас начинают появляться работы, в которых ставится вопрос о языке русской «народной письменности» XVIII–XIX вв., когда «крестьяне легко читали Библию и испытывали затруднения при чтении текстов, написанных на русском литературном языке»⁴³². Подобное положение во многом существовало и позднее, по крайней мере еще в первые десятилетия XX в., когда церковнославянский язык и письмо продолжали сохранять свое значение в жизни некоторой части православного восточнославянского населения СССР, а для более позднего времени и Польши. Как ни парадоксально, но все эти вопросы остаются неизученными, о многом приходится говорить лишь вскользь, и, таким образом, так называемая картина мира восточнославянского крестьянства остается не только не полной, но, по существу, и неизвестной, а часто, что еще хуже, ложно представленной. В таких условиях говорить о научных исследованиях, например, языка собственно крестьянской литературы XIX–XX вв. особенно не приходится, несмотря на огромное количество существующих письменных источников, большая часть которых по-прежнему сберегается в личных частных собраниях как деревенских, так и городских жителей.

Межвоенный период, как и везде в СССР, оказался особенно губительным для крестьянства восточнославянского межграницья. Религиозный и околорелигиозный пласт народной литературы, по существу, объявляется вне закона, своего рода проявлением действия контрреволюционных сил.

С началом Великой Отечественной войны на восточнославянское межграницье широким потоком начинает проникать богатейшая православная печатная книжность и литература, создававшаяся и издававшаяся белорусами, русскими и украинцами в пределах межвоенной Польши⁴³³. Многое из этого тиражируется здесь с помощью переписки или с применением некоторых простейших копировальных средств, преимущественно пишущих машинок. Одновременно необычайно расширяется круг здешних народных писателей, живущих в сельской

местности и городах. Местная народная литература постепенно как бы выходит из подполья, вбирая в себя не только большое число произведений здешних авторов, но и особо любимые сочинения, созданные в разное время и вдали от восточнославянского межграницья.

Восточнославянское межграницье — родина многих выдающихся литераторов XX–XXI вв., еще в раннем детстве соприкоснувшихся с местной народной литературой, которая оказала на них огромное влияние, сформировала их. А они, в свою очередь, многое дали ей, включившей в себя большое число их произведений. Прежде всего это такие признанные авторитеты старообрядчества, как Ф. Е. Мельников и митрополит Иннокентий (И. Г. Усов), недавно погибший писатель и актер Н. А. Мельников — автор написанной с огромной любовью и болью поэмы «Русский крест», названной читателями «пронзительной», массово распространяемой ныне в основном путем электронно-сетевого самиздата.

Читатели народной литературы восточнославянского межграницья составляют весьма дифференцированное сообщество, в котором можно выделить ряд групп, ориентируясь прежде всего на их конфессиональные и социопознавательные предпочтения. При этом внутри каждой из групп существует собственная читательская иерархия, определяемая множеством факторов, в т. ч. степенью активности чтения и самими его способами и формами. Не стоит также забывать, что во многих случаях читатель народной литературы — это и ее активный транслятор, распространитель и даже соавтор. Одним словом, перед нами очень сложный и своеобразный литературный мир, живущий по своим достаточно быстро меняющимся законам, познать которые еще предстоит.

Тем не менее уже сейчас, учитывая содержание произведений и доминанты читательских предпочтений, можно выделить три основных крупных блока сочинений народной литературы восточнославянского межграницья: религиозные, светские историко-краеведческие и политические. В свою очередь, религиозные произведения, составляющие главный массив народной литературы, имеют в основном конкретную конфессиональную ориентацию. Впрочем, это почти не касается современной народной религиозной литературы православных межграницья, новообрядцев и старообрядцев, что является характерной особенностью данного региона и объясняется необычайной переплетенностью судеб его жителей, исконных и столетия назад пришедших сюда русских староверов.

Вместе с тем среди читателей народной религиозной литературы православных немало представителей протестантских групп и католиков,

свободно владеющих русским языком, давно ставшим для них, по сути, родным, а также в той или иной степени украинским и белорусским. В целом можно сказать, что произведения народной литературы различной христианской конфессиональной ориентации имеют очень широкое хождение среди всех групп местного населения. Однако всегда превалируют сочинения собственно православной ориентации — как идущие из веков, так и созданные в наши дни. Все это как нельзя лучше демонстрирует преемственность и традиционность многовекового процесса развития литературной культуры восточнославянского межграницья, осложненного многими вызовами различных эпох, прежде всего XX в.⁴³⁴

Специфической особенностью современной народной литературы является то, что сам читатель стал главным, а иногда и единственным ее распространителем. В отличие от совсем недавнего времени, когда в его арсенале были в основном личные письменные принадлежности, а в лучшем случае еще и пишущая машинка, ныне перечень форм и средств трансляции тех или иных произведений необычайно расширился. Массовая переписка в отдельных случаях все чаще уступает место ксерокопированию, взрывной характер носит распространение электронных технологий.

Буквально на наших глазах формируется народная киберлитература, в т. ч. развиваемая и в сегменте восточнославянского межграницья. Явление это совершенно необычное, своеобразное и динамичное, несомненно, достойное самого пристального внимания ученых-гуманитариев. Народная киберлитература — естественное продолжение традиционной народной литературы, произведения которой все чаще начинают распространяться самими ее читателями с помощью электронных носителей — как отчуждаемых, так и неотчуждаемых. В самое короткое время создаются целые своеобразные социально-информационные каналы, в т. ч. и выраженного регионального свойства, но одновременно имеющие, без преувеличения, глобальный охват, особенно, если вести речь об электронно-сетевой трансляции.

Активный обмен читателей электронными текстами народной литературы, записанными на различного рода дисках, картах памяти и т. д., значительно расширяет скорость и широту распространения местных современных произведений, что объясняет неизмеримо возросшую динамику бытования разноязычных произведений, глубину проникновения, например, украиноязычных сочинений на территорию Беларуси и России. Нужно сказать, что невольное вовлечение представителей молодого поколения, владеющего электронными технологиями, в своеобразное тиражирование про-

изведений народной литературы более старшими людьми, явно способствует их самостоятельному интересу к ней, а в отдельных случаях привлекает их к своего рода соавторству.

Подобное положение во многом начинает изменять наполненность тех или иных читательских групп. К настоящему моменту можно сказать, что в них присутствуют представители практически всех читательских возрастов, правда, количественное варьирование всегда будет заметным при рассмотрении бытования и чтения каждого конкретного произведения. По большей части произведения религиозного характера шире распространены среди читателей старшего и пожилого возраста, светские историко-краеведческие — и среди более молодых читателей, а политические — в кругу живущих в городах представителей в основном среднего поколения.

Появившиеся уже в последние годы произведения народной литературы восточнославянского межграницья написаны как сельскими жителями разного возраста, так и горожанами. У них разное образование, в основном среднее, полное и неполное, среднее специальное и высшее, светское и духовное. Они пишут стихотворные и прозаические сочинения религиозной направленности, рассчитанные как на дальнейшее распространение, так и исключительно для себя; создают различного рода краеведческие записки, которые охотно делают всеобщим достоянием. Наконец, выступают в роли своеобразных составителей и даже интерпретаторов уже существующих текстов, в т. ч. и историко-политического характера.

Языки этих произведений различны. На настоящий момент они пишутся в основном на русском литературном и украинском литературном языках, а также своеобразном местном языковом конгломерате, включающем и немало белорусских слов. Впрочем, есть среди них, а со временем становится все больше и больше, сочинения на белорусском литературном языке, чему в огромной степени способствуют именно электронные носители. Отдельные сочинения современной народной литературы восточнославянского межграницья созданы на местных диалектных формах белорусского языка, издавна испытывавших сильнейшее влияние украинского и великорусского языков, а отчасти и польского. Более ста лет назад гомельская помещица — этнограф З. Ф. Радченко писала: «В Гомельском уезде образовался свой говор, несколько отличающийся от Белорусского языка всего С.- Западного края, этот же говор слышен и в северных уездах Черниговской губернии»⁴³⁵, «...в нем можно проследить влияние как великорусское, так и малорусское»⁴³⁶. В то же время, чаще тогда, но нередко и теперь местные языковые особенности диктуют

некую лингвистическую адаптацию того или иного иноязычного произведения, что в случае с Гомельским уездом столетие назад Ф. М. Истомина назвал «переименованием на белорусский, специальный гомельский лад»⁴³⁷.

Наследие прошлого особенно масштабно присутствует в народной литературе православных восточнославянского межграницья, составляющих абсолютное большинство местного населения. В меньшем объеме оно видно в народной литературе немногочисленных местных католиков, а также единичных представителей греко-католиков, которые уже не имеют связи с прежней здешней, некогда достаточно мощной, униатской традицией, особенно если речь идет о Гомельщине. Кстати, для местных греко-католиков новые информационные технологии становятся значимыми, как ни для каких иных конфессиональных групп, в т. ч. для распространения произведений прежних эпох.

В обширной народной литературе православных восточнославянского межграницья наличествуют целые пласты произведений различных времен: наследие Средневековья, наследие XVIII в., наследие XIX в., народная печатная книжность XIX–XX вв., православное литературное наследие межвоенной Польши, наконец, поэтические и прозаические сочинения наших дней. Уместно также при этом выделить здесь отдельный корпус старообрядческих текстов, которые все более и более становятся киберпространственными, прежде всего если говорить о наследии прошлого.

Как ни странно, с точки зрения коммуникационных и трансляционных новаций, на восточнославянском межграницье самыми консервативными в настоящий момент являются католики и отчасти представители протестантских групп, правда, в пользовании последних в основном только современные сочинения или сильно адаптированные, почти исключительно русскоязычные тексты былых не столь давних времен, в т. ч. и переводные. Иными словами, весьма активные и достаточно многочисленные местные протестантские группы, имеющие хорошо налаженные связи со своими одноверцами не только в восточнославянских странах, но и на Западе, распространяют свою литературу в форме обычных печатных изданий, выходящих огромными тиражами в разных странах и на разных континентах. Переписывается ими сейчас на местах немного: полюбившиеся стихи (песни), фрагменты очень популярных некогда здесь сборников типа «книг мудрости», авторами которых были весьма почитаемые в их среде проповедники, такие, например, как И. З. Барчук.

Необходимо признать, что к историческим перипетиям, прежде всего XX в., губительно сказавшимся на ходе развития народной литерату-

ры восточнославянского межграницья, наиболее устойчивыми оказались православные, католики и представители протестантских групп. К последним, правда, в довоенный период советская власть относилась достаточно благосклонно, пытаясь внести как можно больший раскол в среду верующих. Об этом много писал, например, уроженец восточнославянского межграницья, известный христианский полемист, старообрядец Ф. Е. Мельников⁴³⁸. Многочисленные ранее последователи иудаизма различных его направлений — носители богатейшей когда-то местной вербальной идиш-культуры, ныне практически полностью утратили непосредственную связь с ней, а сама она ими забыта. Какое-то представление о народной литературной идиш-культуре в целом дают, увы, немногочисленные работы⁴³⁹; а также русский перевод⁴⁴⁰. Вместе с тем ее элементы, в т. ч. чисто языковые, до сих пор присутствуют даже в живой культуре здешних славян, например в современном так называемом черныбыльском фольклоре, изучать который удел ученых-фольклористов.

К настоящему моменту славяне составляют более 90 % населения восточнославянского межграницья. При этом, «по данным белорусских исследователей, 90 % населения русско-белорусского пограничья крещены в православие, причем 72 % белорусов и 69 % русских крещены во младенчестве, т. е. до исполнения года»⁴⁴¹, а «55 % белорусов и 43 % русских сами считают себя верующими»⁴⁴². «Колеблются в определении степени веры 27 %

белорусов и 36 % русских. Безразлично относятся к религии 11 % белорусов и 7 % русских. Считают себя неверующими 3 % белорусов и 5 % русских. Однако нельзя сказать, что они полностью отошли от православных традиций. Как показали данные опросов, среди неверующих или безразлично относящихся к религии многие соблюдают религиозные праздники, проявляют к религии лояльность и интерес»⁴⁴³. Так, например, «признают Пасху 85 % белорусов и 100 % русских»⁴⁴⁴. Аналогичная картина характерна и для Черниговщины, где общины Украинской православной церкви составляют более 63 % всех религиозных объединений области, Украинской православной церкви Киевского патриархата немногим более 10 %, баптистов — около 10 %, пятидесятников — около 4 %, адвентистов седьмого дня — немногим более 3 %.

Как видим, сильно преобразующаяся начиная с 1990-х гг. картина религиозно-духовной жизни населения восточнославянского межграницья, ее необычайно возросшие квантитативные характеристики позволяют не сомневаться в дальнейшей жизнеспособности прежде всего народной литературы православных⁴⁴⁵. Все это объясняет и современный успех народной литературы православных, завидную широту распространения ее произведений, когда отдельные из них, в т. ч. созданные местными авторами, нередко тиражируются народным самиздатом даже в большем числе экземпляров, нежели сочинения иных профессиональных авторов в провинциальных и столичных типографиях.

Самоделова Е. А., Сорокина С. П.

МЕХАНИЗМЫ ПОРОЖДЕНИЯ И ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ 2006–2008 гг.)

Фольклорные экспедиции, проводимые в 2006–2008 гг. в Вологодской, Новгородской, Московской, Рязанской и Липецкой областях, имели цель собрать всевозможный разножанровый материал, бытующий в современных селениях — областных и районных центрах, поселках городского типа, селах, погостах, деревнях и выселках. Одновременно экспедиции были ориентированы на изучение современных механизмов порождения разных фольклорных жанров, в первую очередь тех, где отчетливо видны следы их генезиса, сюжетостроения и схемообразования, типологии и своеобразия.

Современное состояние российского общества можно охарактеризовать как обращенное к возрождению религии, возвращению религиозного созна-

ния. Реставрируются разрушенные церкви и возводятся новые, возрождаются христианские святыни: святыне источники, поклонные кресты и др. В связи с этим наиболее активно возобновляется бытование жанров духовного фольклора, создаются новые тексты разных религиозно-фольклорных жанров, распространяются варианты. Заметны локальные особенности таких фольклорных произведений, их привязанность к конкретным духовно значимым локациям и отражение в текстах видоизменения объектов во времени. Также наблюдается разное функциональное наполнение событий, связанных с посещением православных святынь, у одних и тех же лиц, совершавших паломничества в одни и те же места в разные годы (например, в детстве и во взрос-

лом состоянии), под руководством какого-либо опытного наставника или по собственному желанию. Иначе говоря, личностная оценка рассказчиками «фольклоризованного события», совершенного в различные периоды их жизни, оказывается разной, несмотря на одинаковую (повторяемую) схему исходного реального действия. Это одна линия (точнее, одно направление) схематизации и структуризации фольклорного сюжета, порожденного действительным жизненным событием, имеющим отношение к сакральному объекту.

Другое направление схематизации развивается по разным сюжетным линиям, с использованием не только неодинаковой психологической мотивации, но и с применением совершенно различных фольклорных мотивов. Как правило, один необычный, поражающий внимание и потому вызывающий к себе повышенный интерес объект обрастает разными слухами и толками, на основе которых со временем формируется жанр предания. Неоднозначный мировоззренческий подход различных носителей фольклора (людей верующих или менее приверженных религии), их место жительства (по соседству с сакральным объектом или вдали от него), соответственная частотность (повторяемость) повествовательной формы о данной реалии, степень мастерства владения художественным словом, умение выстраивать сюжет повествования — словом, эти и многие другие факторы обуславливают формирование жанровых разновидностей вокруг жанра предания. Возникают генеалогическое и легендарное предания, циркулирующие в вариантах вокруг одного породившего их объекта, потенциально обладающего общим для них смысловым ядром. Также допустимо полагать, что разнообразные жанровые разновидности были изначально порождены единым синкретичным жанром, неразрешимым прежде структурно-семантическим единством, изначально не расчленимым, но позже под воздействием каких-то факторов распавшимся на родственные жанровые разновидности. К такому древнему жанровому единству можно отнести, условно говоря, предание-легенду.

Приведем характерный пример разнонаправленного развития сюжета о венцах. В г. Данков Липецкой обл. кресты на куполе Георгиевской церкви в Казаках и ее колокольни увенчаны коронами-венцами (рис. 21, 22). Естественно, люди обращают внимание на необычность крестов и ищут этому объяснение. В результате слагаются фольклорные произведения не только с разными сюжетами, но и относящиеся к разным жанрам, даже к разным разделам фольклора.

Итак, известны следующие сюжеты: 1) двое молодых людей — юноша с девушкой — полюбили друг друга и решили повенчаться; в момент венча-

ния пришло известие, что они являются родными братом и сестрой; в результате, чтобы не свершился грех, надетые на головы брачующихся венцы взлетели на церковные кресты; 2) когда юноша с девушкой встали под венцы, то свадебные венцы поднялись на церковные кресты, чтобы предупредить священника о недопустимости и невозможности брака; 3) когда повенчались юноша с девушкой и вдруг выяснилось, что они родные брат с сестрой, то новобрачные с горя взобрались на колокольню и бросились с нее вниз, а брачные венцы взлетели с них на церковные кресты⁴⁴⁶.

Разные смысловые акценты расставлены старожилыми различных населенных пунктов, находящихся в разной удаленности от церкви: жителями в самом Данкове, проживающими в пределах видимости церкви из окошек их домов; сельчанами окрестных сел и деревень, приезжающими в город и видевшими венцы на церковных крестах; их односельчанами, только слышавшими повествование о необычно увенчанных крестах. Не только знание «фольклорного события», но степень веры и полнота воцерковленности рассказчиков, общение с определенным кругом лиц влияют на владение каждым из них той или иной версией нарративного жанра.

Было интересно сопоставить народные устно-поэтические произведения с мнением священников, чтобы выяснить, знакомы ли они с этими разноречивыми версиями и что думают по этому поводу. Для этого задан один и тот же вопрос на счет необычных венцов на церковных крестах двум священникам: настоятелю данного храма и священнику, живущему напротив церкви, но служащему в другой церкви. Оба священника оказались выходцами с Украины, примерно одного возраста (около 30 лет), однако они совершенно по-разному истолковали необычный вид церковных венцов. Пастырь другого прихода — Богословской церкви, потомственный священник и любитель религиозного фольклора — отец Николай (Стаднюк) привел две фольклорные версии, высказав свою осведомленность в местном народном творчестве. Настоятель же Георгиевского храма объяснил венцы на крестах как украшение и знак царской милости, оказанной монаршей особой при возведении церкви, и тут же привел аналогию с увенчанными короной двуглавыми орлами на четырехгранных башенках на Иверских вратах около Московского Кремля⁴⁴⁷.

Показательно, что сама по себе вера и вообще иррациональное (склонность верить в чудесное) в сознании людей является одним из мощных стимулов фольклорного творчества, порождения рассказов разных типов — как христианской легенды или предания (о которых речь идет в данной статье), так и поверья, былички.

В с. Дёмкино Чаплыгинского р-на Липецкой обл. имеются две горы, называемые Шишками (рис. 23, а). Существует ряд преданий об их происхождении, внешнем виде и внутреннем содержании. По поводу происхождения версии таковы. Первая: был потоп (вероятно, имеется в виду Вселенский потоп, описанный в Библии), он все затопил, и в с. Дёмкино остались незатопленными лишь две горы. Вторая версия: была топь, и люди нанесли земли издалека и насыпали эти горы. Причем первоначально по любой из версий существовала одна гора, но со временем она распалась на две⁴⁴⁸.

О внутреннем содержании бытуют также две версии. Первая: в горе похоронен великан; это воин Чингисхана, который во время татаро-монгольского нашествия был убит здесь. Вторая версия относится то ли к Шишкам, то ли к соседней Барской горе. Суть ее такова: здесь жила монашка, она была святой и зажигала свечу или лампадку в горе, люди даже могли видеть огонек; и на месте зажигания огня гора раскололась на две — и образовались нынешние Шишки (рис. 23, б). По другим сведениям, монашка или сама барыня (имя ее неизвестно) жила на Барской горе (почему так она и называется — рис. 24), у нее был красивый деревянный дом с резными наличниками, который лишь недавно сгорел (в нем позднее располагался Дом ветеранов и затем Дом инвалидов); барыня заботилась о крестьянах, была очень добрая, почти святая, поэтому все с. Дёмкино располагается в святом месте.

Внешний вид Шишек объясняется их внутренним устройством. По первой версии, связанной с убитым воином, гора одна, это единое возвышение: у него имеется «голова» (это малая гора), «шея» (здесь проходит дорога между двумя Шишками) и «туловище» (большая гора); очертания двух гор действительно напоминают облик человека, если взобраться на большую Шишку и посмотреть вниз. По второй версии, проем в единой прежде горе образовался от святого огня лампадки или свечи, постоянно зажигаемой монашкой, молившейся о людях, почему с. Дёмкино и находится в благодатном месте⁴⁴⁹.

Как видно из приведенных сюжетов, их схемы относятся к разным историческим эпохам и совершенно по-разному трактуют генезис и суть единого объекта. Разница эта столь велика, что даже происхождение описываемого объекта объясняется двумя противоположными способами — природным и искусственным, рукотворным. Единое начало обнаруживается лишь в исходном пункте повествования: в спасительной силе горы от избыточной воды — потопа или болотной топи. Причем в последний источник спасения людей (избавление от болотной топи) легко поверить: рядом с гора-

ми действительно находятся сильно заболоченные места с озерами и проложенными между ними гатями и небольшими узкими, но длинными мостиками и мостками — разнотипными деревянными настилами (рис. 25). Несколько улиц-«порядков», расположенных недалеко от Шишек, построены в этих заболоченных местах: это Блыкóв порядок (или Блыкóвка, Балыкóвка), Птичий, Подгорный, Подгород ще и др. По рассказам местных жителей, здесь был торф, и в результате его выработки остались торфяные болотца, где и поселились люди.

Что послужило основой для возникновения преданий? На вопрос, жили ли когда-либо люди на горе, получен отрицательный ответ. Между тем название порядка Подгородище намекает на существование в далеком прошлом какого-либо городища по соседству. Может быть, какие-то раскопки, проводимые в этих местах, породили предания о великане, о захоронении воина. Однако совершенно очевидно, что сам ландшафт (горы и топи в низине, резко контрастирующие с равнинной местностью) способствовал возникновению преданий о первопоселенцах и воинах.

Заметим, что наименование гор Шишками корреспондирует с одноименным названием узора на полотенцах, «расшитых» красными и черными нитками и имеющихся у жителей с. Дёмкино. Безусловно, местный топоним Шишки сам по себе является типовым, а узор вышивки «шишки» (рис. 26, а, б) распространен и за пределами с. Дёмкино. Тем не менее переключка народных обозначений не связанных между собою реалий интересна.

Перенесемся теперь мысленным взором в соседнее село.

Близ с. Дубовóе Чаплыгинского района Липецкой области, в лугах, имеется святой источник. О нем также существует ряд легенд. Однако, в отличие от преданий о Шишках, все версии относятся к единой «биографии источника» (если можно так выразиться), т. е. обладают цикличностью и образуют замкнутое повествование, имеющее начало и конец, описывающее генезис и настоящее состояние источника. И все-таки это не единая легенда, но именно совокупность легенд, рассказанных различными людьми и повествующих о хронологически разных этапах «жизни» источника. Если выстроить легенды по «биографии» святого источника, то получится следующая картина.

Во-первых, имеется легенда о происхождении источника. Однажды пастух стерег овец на лугу близ с. Дубовóе и увидел икону, он пригляделся и понял, что это образ Николы Угодника. Он поднял икону (дальнейшее нахождение ее неизвестно), и в этом месте забил источник.

Во-вторых, бытует легенда о местонахождении иконы и рассмотрении ее в источнике. Для этого

нужно было прийти к колодцу, наклонить голову к деревянному срубу (обычно сразу несколько людей становились на колени, склонялись к колодцу и накрывались все одной шалью) и продолжительное время смотреть в глубину источника. Говорят, находились люди (иногда это были рассказчики легенды), которым посчастливилось увидеть фрагмент иконы (обычно ее угол, оправленный в золоченый оклад). Другие рассказчики не видели ничего, и в таком случае они говорили, что созерцать икону удастся лишь избранным Богом людям. В настоящее время икону увидеть нельзя из-за иного оформления источника (см. ниже версию о видоизменении внешнего вида «колодчика»).

В-третьих, функционирует легенда о сакральном воздействии святой воды источника на бесноватых. По легенде, у святого источника изгоняли бесов. Приводили духовно больного человека (имеются сведения о женщинах и девушках) и попа. Всех присутствующих просили взять в рот нателный крестик, чтобы закрыть рот как входное отверстие для нечистой силы. Поп начинал изгонять бесов словами о том, где они сидят — вверху или внизу человека, в ответ раздавались невразумительные речи, как бы исходящие из тела человека и похожие на стон: так велась «беседа» между попом и бесами. Некоторым рассказчикам легенды было интересно посмотреть на происходящее, они держали крестики во рту, т. к. боялись, что изгнанный бес войдет в них, и теперь могли сообщить об увиденном. Другие рассказчики сразу пугались возможных страшных событий и покидали место изгнания беса.

В-четвертых, существует легенда (ее вариантов достаточно много) о неуничтожимости святого источника. Согласно легенде, в советское время коммунисты неоднократно решали избавиться от культа святого источника и уничтожить колодец. Они пригоняли машины с цементом и пытались зацементировать источник, однако он пробивался в другом месте — рядом с прежним.

В-пятых, имеется легенда (по существу, весьма близкая к меморату), в которой описывается видоизменение внешнего оформления святого источника. Итак, сначала там просто бил родник с вкусной водой, которая не портится долгое время в отличие от обычной. Потом там построили «колодчик»: поставили деревянный сруб, как у обычного деревенского колодца, и люди приходили с ведром, черпали воду, снимали всю одежду и обливали себя с головы до ног — желательно три раза, но вода холодная, поэтому обливались кто сколько вытерпит, в основном все-таки один раз. Далее набирали воду в бидоны и уносили домой, где пили ее для здоровья, считая целебной водичкой. «Купались», т. е. обливались водой в логу — овраге, образованном естественным путем близ родника. И уже совсем не-

давно неизвестные добрые люди (вероятно, с благословения Церкви) обустроили «колодчик»: подвели бетонный круг к роднику, выстроили подходную площадку к нему (откуда вытекает вода самотеком) и закрыли в ней входное отверстие так, что можно видеть лишь небольшой фрагмент источника, а рассматривать икону в колодце стало уже невозможно. Рядом поставили специальные кабинки для купания (обливания), повесили иконы.

В-шестых, фигурирует легенда о целях посещения святого источника. Обычно в юности рассказчика колодец посещали все, и рассказчик в т. ч., чтобы просто познакомиться с достопримечательностью. Само паломничество к колодцу занимало два дня у жителей близлежащих селений (например, из с. Дёмкино надо пройти 9 км), с остановками в лугах и с ночевкой в с. Дубовом у родственников или знакомых, потому что колодец отстоял от села на несколько километров. Шли группками по несколько человек, дети с бабушками. Смотрели в колодец, чтобы увидеть икону, обливались водой и набирали ее в бидоны, несли домой. По праздникам совершался крестный ход к колодцу. В настоящее время рассказчики сами стали бабушками и ездят на машинах с внуками, чтобы их познакомить с колодцем и набрать «святой водички», которая не портится долгое время. Говорят, что местные жители из с. Дубового не используют воду из колодца для стирки белья, помня о ее святости⁴⁵⁰.

Все легенды о святом колодце близ с. Дубовое записаны не в этом селе, но в окрестных селениях. Рассказаны легенды как коренными местными жителями соседних деревень, так и выходцами из с. Дубовое, по разным причинам оказавшимися расселенными за его пределами. В связи с этим имеется изначальная разница в типе носителей фольклора (более узко — несказочной прозы), наблюдаемая при записи преданий о Шишках и легенд о святом колодце.

В первом случае все записи велись в с. Дёмкино, т. е. непосредственно в местности нахождения объекта предания. Однако фиксация предания производилась как от коренных дёмкинцев, так и от переселенцев сюда из соседних селений (например, из с. Колыбельское, граничащего с с. Дёмкино; из с. Дубовое, отстоящего от него на 9 км).

У фольклористов имелась возможность побывать на Шишках, визуально пронаблюдать изустно описываемый объект, сверить свои впечатления с повествованием местных жителей. Была поставлена задача: опросить как можно большее число жителей, живущих в непосредственной близости от Шишек — на порядках, расположенных у подножия двух гор. Далее важно было проследить, влияет ли непосредственное местожительство у Шишек на знание предания. Также производилось сравнение

тех сюжетов и самих текстов преданий о Шишках, которые записаны от дёмкинцев, живущих поблизости от двух гор и в отдалении от них.

Никаких закономерностей в сюжетике преданий и в самом их знании или незнании местными жителями, живущими поблизости и вдали от Шишек, и переселенцами не выявлено. Были случаи, когда жители порядков, расположенных у подножия гор, не знали преданий. И наоборот, переселенец из с. Дубовое, поселившийся на порядке Махонев вдали от Шишек, рассказал предание о воине Чингисхана, захороненном в горе, имеющей очертания человека. Следовательно, знание преданий основано на личном интересе рассказчика к местной легендарной истории.

Возраст носителей фольклора (в данном случае — предания) варьировался от 15 до 96 лет, причем бывали случаи, когда ожидание знаний от представителей старшего поколения не оправдывалось.

Внимание к Шишкам можно считать безусловным, поскольку даже те местные жители, которые не знают предания о нем, тем не менее описывают Шишки как место увеселений молодежи в весенне-летнюю пору, особенно в годовые и престольные праздники. По словам старожил, весь верх Шишек был заполнен гуляющей молодежью, «играющей» песни и распеваящей частушки и страдания под гармошку. В настоящее время молодежь также собирается на Шишках, однако в их подножии и в гораздо меньшем количестве, уже без гармошек. Действительно, фольклористы видели положенные под углом в 90 градусов бревна и кострище между ними в подножии одной Шишки, под сосной и березой (рис. 27).

Во втором случае записи легенды о святом колодце не делались в селении, прилегающем к описываемому объекту. Все фиксации производились в с. Дёмкино, расположенном в 9 км от с. Дубовое. Среди жителей с. Дёмкино, подвергшихся опросу, были коренные дёмкинцы и переселенцы, в т. ч. из с. Дубовое. Фольклористы не имели возможности посетить святой источник и сравнить фольклорные сведения о нем с личными визуальными впечатлениями.

Теперь, побывав на территории прежних уездов Рязанской губ., отправимся в центр Рязанщины. И продолжим изучение фольклора, уже взяв за основу не статический объект христианского поклонения, а динамичный: например, крестный ход в честь так называемого козырного (т. е. престольного) праздника, станем участниками этого важного события духовной жизни Рязанской епархии.

В с. Федотьево Спасского р-на Рязанской обл. 15 июля 2008 г. состоялся ежегодный крестный ход в честь местночтимой Федотьевской иконы Божьей Матери (Одигитрии), в котором фолькло-

ристы Е. А. Самоделова и М. А. Яковлева приняли участие и зафиксировали как порядок крестного хода, так и легенды и поверья о нем, правила поведения и прочие нормативы. Понятно, что все эти фольклорные жанры порождены крестным ходом и наличием святынь (как самой иконы, так и поклонного креста в месте явления иконы, а также церкви в ее честь). Актуализация фольклорных произведений народного православия произошла с началом возобновления крестного хода в 2000-е гг.

Схема крестного хода такова: 1) утренняя служба в церкви в с. Федотьево (с 8 до 11 часов); 2) лицезрение креста в церкви; 3) вынос Федотьевской иконы Божьей Матери (в народе она зовется Федотьевской) и пронесение ее над стоящим на коленях народом на украшенной цветами дорожке перед церковью (рис. 28, а, б); 4) крестный ход от церкви в с. Федотьево к поклонному кресту близ с. Тёрчино, находящемуся в нескольких километрах; 5) встреча с крестным ходом из с. Михал, также идущим к поклонному кресту; 6) молебен о водосвятии и само освящение воды у поклонного креста, наделение паломников святой водой (заранее принесенной к кресту) и брошюрой о Федотьевской иконе Божьей Матери (рис. 29, а, б); 7) обратный путь в с. Федотьево.

Это общий путь паломников, которые собрались у церкви в с. Федотьево из разных мест: из г. Спасска Рязанского, с. Новики и др. Добирались паломники разными способами: кто-то на рейсовом автобусе, кто-то на заказанном церковной общиной г. Спасска автобусе, кто-то на личной автомашине. Были приглашены священники из разных церквей Рязанской области (из Спасского р-на, Спасска и Рязани).

Общая схема ежегодного крестного хода варьируется в зависимости от обстоятельств. Так, в 2008 г. паломники из-за 30-градусной жары пронесли икону на специальных носилках лишь сотню метров от церкви по с. Федотьево (рис. 30), потом положили икону в автомашину священника, а сами проехали на паломническом автобусе 3 км до моста у покинутой жителями д. Малино (далее автобус пробраться не мог из-за плохой дороги) и далее 2 км прошли пешком, неся впереди маленькие бумажные иконки и исполняя церковные песнопения (рис. 31). Некоторые паломники высказывали неудовольствие тем, что настоятель церкви в с. Федотьево снизошел к слабости верующих (это были преимущественно бабушки) и не провел паству пешим крестным путем все 5 км с иконой во главе, как это было в 2007 г. (тоже в большую жару). Неудовольствие было высказано и по поводу того, что крестный ход из с. Федотьево не соединился с аналогичным крестным ходом из с. Михал и не прошел остаток пути совмест-

но, не совершил общий молебен с водосвятием у поклонного креста. Уже на обратном пути от креста паломники из Федотьева увидели в отдалении крестный ход из с. Михалы́, только направлявшийся к поклонному кресту (рис. 32). Тем не менее общее настроение паломников было приподнятое, и, несмотря на усталость, часть из них намеревалась на следующий день, 16 июля 2008 г., пойти с крестным ходом в честь св. Василия Рязанского в с. Старая Рязань (и осуществила это намерение).

Фольклорные жанры, воспроизводимые во время крестного хода, в основном сводятся к легендам, духовным стихам, поверьям, приметам.

Легенда бытует одна, главная, объясняющая необходимость постановки поклонного креста и совершения крестного хода к нему. Это легенда о чудесном явлении Богородицы. Суть легенды такова: в поле близ с. Тóрчино явилась икона Феодотьевской Божьей Матери, и тогда неподалеку от места явления поставили церковь в честь обретенной иконы, а саму икону перенесли в этот храм. Однако потом икону по какой-то причине унесли из храма (то ли он был разрушен при советской власти), но она вновь оказалась чудодейственным образом на первоначальном месте, где явилась. Это стержневая легенда, сюжетообразующая: вокруг нее концентрируются другие жанры — поверья и приметы, невозможные без легендарного контекста.

В свою очередь, поверья и приметы находятся в еще большей зависимости от совершения крестного хода. По сути, они не самостоятельны, по функции являются «дорожными» и контекстуально-связанными, вне действия богородичного сюжета их бытование невозможно. С каждым конкретным обстоятельством крестного хода соотносятся свои поверья, причем между собой они могут не согласовываться и, более того, принадлежать к разным семантическим полям. Например, когда шли к поклонному кресту и было очень жарко, кусали оводы, паломники утешали себя поверьем, связанным с Феодотьевской Божьей Матерью: «Нас Богородица ведет»⁴⁵¹. На обратном же пути они сначала рассуждали о трудностях возвращения, поскольку Богородица вроде бы уже привела к поклонному кресту, цель достигнута и дальнейшая забота о паломниках как бы снята. Однако за разговорами не заметили, как дорога пролетела, и тогда прозвучало высказывание о том, что «обратный путь всегда легче». Спектр мотивировок при этом был обширный и разноплановый — от сугубо христианского, приличествующего событию, до бытового. Так, рассуждали: нас, паломников, «осеняет благодать», полученная у поклонного креста или в ходе самого паломничества; «дорога к дому всегда легка»; обратный путь уже известный, проверенный⁴⁵².

Приметы звучали в основном метеорологические, однако также привязанные к сюжету крестного хода: в день ежегодного его свершения всегда стоит жара (что соответствует сезону).

Духовных стихов во время крестного хода не было, однако об их существовании и привязанности к заключительной части этого события фольклористы слышали из уст священников. Дело в том, что к обязательной части крестного хода добавляется необязательная часть, на которую приглашают особо избранных лиц: это обед, завершающий церемонию и как бы благодарственный. Обед организует благодетель, на чьи средства построена церковь в честь иконы Феодотьевской Божьей Матери. И вот за благодарственным обедом священники поют духовные стихи.

На обратном пути фольклористы высказали сожаление, что не удалось послушать духовных стихов, и на это сетование последовало приглашение от одной из паломниц зайти к ней в гости: она исполнит произведения этого жанра. Приняв с радостью приглашение и посетив паломницу, выяснилось, что она не поет народные духовные стихи, а читает авторские (хотя и безымянные) стихотворения духовного содержания. Словом, это оказались произведения совсем другого жанра и иной области художественной словесности. Непонятно, что же на самом деле исполняют местные священники за благодарственным обедом — духовные стихи или религиозные стихотворения? Зато было записано от гостеприимной паломницы поверье о том, что «ворота» (остатки разрушенной церкви 1913 г. на городище Старая Рязань) являются целебными для больных ног: нужно босяком пройти по церковному фундаменту (рис. 33)⁴⁵³.

В гостях у паломницы кроме фольклористов находились ее верующие подруги, вместе с ней совершившие второе паломничество в Старую Рязань. Все вместе они сообщили об этом святом путешествии и о разнице между двумя паломничествами, расценивая различия как положительный и вдохновляющий мировоззренческий момент. Данное сообщение ценно тем, что можно было увидеть мысленным взором и глазами реальных паломников все путешествие, хотя фольклористы не совершали его и, следовательно, не имели возможности сопоставить действительное событие с его словесным образом. Не менее важны были оценки паломников насчет успешности паломничества и самого центрального события — крестного хода. Отметим сразу: мысль о бесполезности совершенного паломничества или о неудачном проведении крестного хода (любого!) недопустима из-за религиозности рассказчиков.

Схема паломничества к памятному кресту в честь Василия Рязанского такова: 1) путь в несколько километров от Спасска в Старую Рязань

через «плошкóт» (понтонный мост), наведенный в теплое время года и заливаемый водой, являющийся определенным препятствием, для преодоления которого надо обладать твердым характером, физической выносливостью и терпением (например, необходимостью снимать обувь); 2) утренняя служба в церкви в честь Василия Рязанского (рис. 34); 3) крестный ход длиной в сотню метров — от церкви к поклонному кресту близ старой дороги (рис. 35); 4) праздничная трапеза в церкви; 5) возвращение домой.

Паломники особенно акцентировали первый и предпоследний пункты праздничного события, т. е. сложный путь и церковную трапезу, в отношении которой со всеми подробностями расписывались вкусные блюда и украшенность столов, общинный характер обеда и его проведение в самом храме, под церковными сводами. Указывалось, что вкусные кушанья были бескорыстно и с большой любовью приготовлены прихожанами храма, постаравшимися угостить всех паломников⁴⁵⁴.

На вопросы: «В чем заключалась сущность крестного хода?», «Преклоняли ли паломники колена пред иконой и проносили ли ее над их головами?», «Был ли там молебен с водосвятием?» — информанты отвечали, что они просто подошли с иконой к кресту и помолились там. По высказанному мнению, икону не проносили над распростертыми на земле паломниками потому, что церковный образ Василия Рязанского небольшого размера, его невозможно пронести над головами. Далее шло предположение, что если будет написана икона большого размера, то, вероятно, изменится и само ритуальное действие: святой образ будут проносить над склоненными в земном поклоне верующими, аналогично тому, как это происходит в Федотьеве. Это осознается как следование старинной церковной традиции, возрождение ее почти через сотню лет.

Интересна реакция собеседников на тезис о том, что размер иконы вряд ли является определяющим для манеры проведения крестного хода, поскольку и маленький образ вполне поместился бы на большую подставку с ручками, и его можно было бы пронести над головами верующих. После некоторого раздумья информанты пришли к единодушному выводу, что настоятели разных храмов стараются придумать свою изюминку храмового праздника, предложить прихожанам интересный собственный сценарий, варьирующийся в пределах церковной ритуальной традиции.

В данной версии церковного праздника хотя и отсутствовал молебен с водосвятием, однако концепт «святой воды» воплощался в образе святого источника, расположенного в небольшом отдалении (метрах в ста) от поклонного креста и связанного с именем Василия Рязанского.

По поводу Василия Рязанского в ходе фольклорной экспедиции было записано несколько вариантов версии о появлении этого местночтимого святого в Старой Рязани. Сюжет таков: Василий Святой жил в г. Муроме, подвергся навету горожан о сотворенном грехе и был изгнан из города. Тогда Василий Святой расстелил свой плащ и отправился на нем по реке, как на лодочке. Когда он подплыл к Старой Рязани, то плащ рассекал реку на две части, и до сих пор в Оке видна светлая линия, похожая на след и разделяющая воду на два цветовых оттенка.

Одна прихожанка храма в Спаске называла Василия Рязанского Богом и рассказывала, что по правой храмовой стене расположена его деревянная резная икона, где святой изображен на плаще-лодочке. Фольклористы специально посетили этот храм, но указанной иконы не обнаружили. Сотрудница храма показала икону Василия Рязанского на левой стене, но этот образ не имел ничего общего с описанным. Если внимательно приглядеться ко всем иконам по правой стене, то можно увидеть Богородичный образ «Неупиваемая чаша», примечательный тем, что плоскостное изображение Богородицы совмещено с горельефом чаши, действительно похожей на лодочку. Ею и имела в виду рассказчица. Вот таким путем соединения народной легенды, жития и иконы необычного вида укореняются новые представления о местночтимом святом, порождая своеобразные «легендарные мемораты» житийного характера.

Парадоксальным путем уживаются в мировоззрении одной воцерковленной учительницы рациональное и иррациональное отношение к фактам церковной жизни. Так, с одной стороны, учительница привела народное поверье о целебности церковного фундамента для ног, подкрепляемое реальным ритуализованным действием (см. выше). С другой стороны, в продолжение беседы о христианских святынях Старой Рязани она сообщила о том, что при долгом хранении любая святая вода тухнет, даже крещенская, и, согласно церковным правилам, ее нужно выливать в реку, как следует поступать с любой испорченной церковной атрибутикой⁴⁵⁵.

Здесь наблюдается совмещение рационального и иррационального отношения к реальному факту. Когда исполнительница осмысляет факт, пользуясь стереотипом из области христианских верований, она дает первое толкование; когда же руководствуется рациональным знанием, основанным на житейском опыте и наблюдении, она применяет второе толкование. Показательно, что сообщение об избавлении от испортившейся воды, практиковавшееся лично рассказчицей, вступает в противо-

речие с народным поверьем об исключительной сохранности святой воды, а ведь это поверье носит доминирующий характер!

Между тем рассказчица подчеркивает, что она выливала святую воду, излишне долго хранившуюся в храме, выливала по благословию священника; следовательно, распространителями поверья о сакральности и своеобразной «вечности» крещенской воды являются обычные прихожане, не сталкивавшиеся в реальности с действительными свойствами «святой воды». И именно они всячески расцвечивают удивительные качества крещенской и реже преполовенской воды, гиперболизируют, утрируют будто бы бесконечные сроки благодатного действия святой воды. Эти информанты называют разные хронологические периоды сохранности воды, проверенные на личном опыте; объединяющим стержнем их повествований оказывается преувеличение сроков хранения воды и сакральное число — год, реже 3 года.

Сакральное число «3» на Рязанской земле применяется к крестным ходам, служа организации двух самостоятельных ходов в единый крестный ход, исполняющийся в три дня и проводимый по маршруту: с. Федотьево (с заходом к поклонному кресту близ с. Тóрчино и с присоединением встречных паломников из с. Михал) — с. Старая Рязань (с поклонением кресту в честь св. Василия Рязан-

ского, приплывшего на плаще) — г. Рязань (с посещением кремля). С точки зрения священника с. Кутуково Спасского района, особенности проведения крестного хода продиктованы свойствами православных святынь, их количеством и расположением относительно друг друга⁴⁵⁶.

Итак, изучение фольклора в современных условиях показывает, что наиболее актуальными оказываются те устно-поэтические произведения, которые сосредоточены вокруг духовно-значимых реальных объектов православной архитектуры и наиболее заметных особенностей ландшафта. К таким культурным и природным объектам относятся церкви, часовни, поклонные кресты, иконы, святые колодцы и холмы, реки, овраги и т.п. Вокруг них аккумулируются фольклорные жанры — духовные стихи, легенды, предания, мемораты, поверья, приметы, представляющие целый раздел народной прозы и духовных песен христианского толка. Произведения этих жанров не только продолжают существовать в народной среде и пользоваться популярностью среди прихожан и далеких от религии местных жителей, но и активно создаются по известным типологическим моделям. Поводом для появления новейших народно-православных произведений становится возрождение утраченного или возведение нового духовного объекта.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Данилов С. Ю. История Канады. М., 2006; Клоков В. Т. Французский язык в Северной Америке. Саратов, 2005.
- ² Recueil des législations linguistiques dans le monde. Т. 1. Le Canada federal et les provinces canadiennes. Québec, 1994. С. 157–219.
- ³ Домашнев А. И. Европейский союз и проблемы языка общения // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. СПб., 2003; Крючкова Т. Б. Законодательное регулирование языковой жизни Швейцарии // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. СПб., 2003.
- ⁴ Биткеева А. Н. Калмыцкий язык в современном мире (социолингвистический аспект). М., 2006.
- ⁵ Кожемякина В. А. Калмыцкий язык // Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1. М., 2000. С. 159–174.
- ⁶ Калмыкия в цифрах. Элиста, 2004.
- ⁷ Закон Республики Калмыкия «О языках народов Республики Калмыкия» № 30-П-3 от 27.10.1999 г.
- ⁸ Там же. Ст. 3.
- ⁹ Там же. Ст. 7.
- ¹⁰ Закон о языках в Республике Марий Эл 1995 г. Ст. 2.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Гл. 2.
- ¹³ Там же. Гл. 3.
- ¹⁴ Там же. Гл. 4.
- ¹⁵ Там же. Ст. 38, 39.
- ¹⁶ Там же. Ст. 43, 46.
- ¹⁷ Отчеты Министерства образования РФ.
- ¹⁸ Марийский мир. Справочник. Йошкар-Ола, 1996.
- ¹⁹ Сибатрова С. С. О языковой ситуации и функционировании марийского языка в Республике Марий Эл // Проблемы и перспективы функционирования родных языков. Ижевск, 2006. С. 40.
- ²⁰ Там же. С. 41.
- ²¹ Там же. С. 4.
- ²² Лаллука С. К типологизации развития диаспорных идентичностей финно-угров России // Финно-угроведение. Йошкар-Ола. № 1. 1999. С. 48.
- ²³ Молотова Т. Л. Марийцы в этнически смешанных селениях Башкирии // Башкортостан и Марий Эл: исторический опыт и перспективы сотрудничества. Т. 2. Бирск; Йошкар-Ола, 2007. С. 170.
- ²⁴ Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998. С. 45.
- ²⁵ Марийский мир. Справочник. Йошкар-Ола, 2004. С. 20.
- ²⁶ Шеда-Зорина И. М. Удмуртская диаспора в субъектах федерации различного типа (на примере удмуртов Пермской и Кировской областей, республик Башкортостана, Татарстана и Марий Эл). Ижевск, 2007. С. 20.
- ²⁷ Кондрашкина Е. А. Индонезия: языковая ситуация и языковая политика. М., 1986. С. 97.
- ²⁸ Литовский курьер. 2005. № 8.
- ²⁹ Кипарский В. О балтизмах русского литературного языка. Baltistica, 1973. IX (1).
- ³⁰ Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках, Л., 1982.
- ³¹ Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Исчезающие языки и задачи лингвистов-североведов // Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документирования малых языков. Посвящается 75-летию акад. Вяч. Вс. Иванова / Под ред. А. Е. Кибрика. М., 2005. С. 46–47. См.: особенно сноску 3.
- ³² Так, А. П. Володиным были подготовлены к печати ительменские фольклорные тексты с русским переводом и комментариями. Подготовлены к печати «Энецко-русский словарь» (И. П. Сорокина в соавт. с Д. С. Болиной) и монография Е. В. Головкин, Н. Б. Вахтина, А. С. Асиновского «Язык командорских алеутов (диалект острова Беринга)». Продолжалась работа по созданию мультимедийных пособий по самодийским языкам. В 2006 г. М. Д. Люблинская выпустила CD-диск «Ненецко-нганасанский сопоставительный словарь» с переводами на русский и английский языки (в соавт. с Т. Ю. Шерстиновой), выпущены русская и английская версии. М. Д. Люблинская подготовила мультимедийную версию исполнения произведения «Ялямбертя вэсако» (дикторы Ольга Вануйто, Марианна Харючи). М. Д. Люблинской (в соавт. с Т. Ю. Шерстиновой) была также подготовлена демоверсия мультимедийного представления пособия М. Я. Бармич. «Лингафонный курс ненецкого языка». Изд-во РГПУ, 2001.
- Среди наиболее крупных публикаций участников проекта за последние три года можно указать следующие: Перехвальская Е. В. Русские пиджины. СПб., 2008; Вахтин Н. Б. Морфология глагольного словоизменения в юпикских (эскимосских) языках. РАН, Институт лингвистических исследований. СПб., 2007; Перехвальская Е. В. Русские пиджины. Учебное пособие для магистрантов, обучающихся по специальности «Социолингвистика. Этнолингвистика». СПб., 2006; Языковые изменения в условиях языкового сдвига. Сб. статей / Отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб., 2007; Проблемы исторического развития монгольских языков. Материалы Международной научной конференции СПб., 24–27 окт. 2007 г. / Отв. ред. П. О. Рыкин. СПб., 2007.

- ³³ См. подробнее: *Вахтин Н. Б.* Малые языки Российской Федерации: перепись, карта, музей. Сборник РГГУ. В печати.
- ³⁴ Доклад Российской Федерации Генеральной конференции ЮНЕСКО «О мерах по реализации Рекомендации “О развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству”». Москва 31 января 2007 года. <http://www.ifarcom.ru/files/News/Images/Doklad-mnogoyazychie-rus.pdf>
- ³⁵ То есть языками, носители которых (в т. ч. и природные носители) могут присутствовать на территории данного государства, но которые существуют в качестве основных (государственных, официальных или региональных) на территории другого государства. Из данного списка это: арабский, болгарский, вьетнамский, греческий, иврит, итальянский, киргизский, китайский, корейский, курдский, латышский, литовский, монгольский, польский, румынский, туркменский, финский, чешский, эстонский и японский.
- ³⁶ *Андерсон Д. Дж.* Тундровики: экология и самознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск, 1998.
- ³⁷ *Федорова Е. Г.* Традиционная культура народов Сибири на рубеже тысячелетий // Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России / Отв. ред. В. И. Молодин, В. А. Тишков. Сост. Е. А. Пивнева. М., 2006.
- ³⁸ *Лярская Е. В.* Культурная ассимиляция или два варианта культуры? (на примере ненцев Ямала) // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. Вып. 1. СПб., 2001. С. 36–55.
- ³⁹ *Беликов В. И.* Надежность советских этнодемографических данных // Малые языки Еразии: социолингвистический аспект. М., 1997. С. 22.
- ⁴⁰ См. подробнее: *Вахтин Н. Б.* Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига. СПб., 2001.
- ⁴¹ См. подробнее: *Vakhtin N.* The Language of Markovo Old Settlers: From a Communication System to a Demo Version // Marginal Linguistic Identities: Studies in Slavic Contact and Borderline Varieties / Ed. by Dieter Stern and Christian Voss. [Eurolinguistische Arbeiten. Herausgegeben von Uwe Hinrichs unter Mitarbeit von Uwe Buettner. Bd. 3] Harrassowitz Verlag: Wiesbaden. 2006. P. 135–147.
- ⁴² *Викторова К. В.* Языковой сдвиг как социолингвистическое явление // Языковые изменения в условиях языкового сдвига / Отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб., 2007. С. 59–85.
- ⁴³ См. подробнее: *Vakhtin N.* Language Death Prognosis: A Critique of Judgment // SKY Journal of Linguistics. Vol. 15. 2002. P. 239–250.
- ⁴⁴ Ср.: *Urciuoli B.* Language and Borders // American Review of Anthropology. 1995.
- ⁴⁵ *Головки Е. В.* Переключение кодов или новый код? // Труды факультета этнологии. Вып. 1. СПб., 2001. С. 298–316.
- ⁴⁶ Там же. С. 306.
- ⁴⁷ Статья основывается на исследованиях авторского коллектива, работавшего над проектом «Миноритарные языки Евразии: история и современность». Исследования выполнены в основном сотрудниками отдела индоевропейских языков Института языкознания РАН. Основные результаты работ, на которые ссылается автор статьи, изложены в коллективной монографии «Миноритарные языки — проблемы языковых контактов» (в печати); Миноритарные языки в условиях многоязычия. М., 2008; Миноритарные языки и проблемы нормирования. Материалы круглого стола (в печати). Материалы по романским языкам, приводимые без ссылок, принадлежат автору статьи.
- ⁴⁸ *Korhonen M.* Johdatus lapin kielen historiaan. SKST 370. Helsinki, 1981.
- ⁴⁹ Напр., *Aikio A.* On Germanic-Saami contacts and Saami prehistory // Journal de la Société Finno-Ougrienne 91. 2006. P. 44.
- ⁵⁰ *Saarikivi J.* Über die saamischen Substratennamen des Nordrusslands und Finnlands // Finnisch-Ugrische Forschungen 58. 2004. P. 162–234.
- ⁵¹ Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. SKST 556. Helsinki, 1992–2000.
- ⁵² См. карту: Энциклопедия «Карелия» в трех томах. Том 1. Петрозаводск, 2007. С. 26.
- ⁵³ *Кравченко А. В.* Конспект флоры Карелии. Петрозаводск, 2008.
- ⁵⁴ Karjalan kielen sanakirja. I–VI. LSFU XVI. Helsinki, 1968–1997.
- ⁵⁵ *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962.
- ⁵⁶ *Муллонен И. И.* Топонимия Заонежья. Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008. С. 150–162.
- ⁵⁷ *Она же.* Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 143.
- ⁵⁸ Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. Т. 4. Кн. 1–2. Официальное издание. М., 2004.
- ⁵⁹ *Дешериев Ю. Д.* О развитии языков народов СССР // Вопросы строительства коммунизма в СССР. М., 1959. С. 333.
- ⁶⁰ *Жирков Л. И.* Грамматика аварского языка. М., 1924. С. 1–2.
- ⁶¹ *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 23.
- ⁶² Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.
- ⁶³ Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.

- 64 Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.
- 65 Национальный состав населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1990.
- 66 Гацук В. М. Фольклор — память традиции (Уровни и формы этнопоэтической константности) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. Вып. 8. Махачкала, 2000. С. 95.
- 67 Пиралов А. С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа // Весь Кавказ. Баку, 1914. С. 225.
- 68 Труды первого съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа. Тифлис, 1902.
- 69 Магомедов А. Дж. Художественные промыслы Дагестана в XX веке: реалии практики и позиция власти. Махачкала, 2003. Глава 1.
- 70 Осокина Е. А. Предпринимательство и рынок в повседневной жизни первых пятилеток на примере рынка потребительских товаров // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 349–350.
- 71 Государственный архив Республики Дагестан. Ф. 168-р. Оп. 39. Д. 8. Л. 139–146.
- 72 Там же. Ф. 168-р. Оп. 63. Д. 16. Л. 6–7.
- 73 Мотус П. П. Кустарное производство // БСЭ. 3-е изд. Т. 54.
- 74 Собрание постановлений правительства СССР.: 1976. № 7.
- 75 Якубов М. Очерки истории дагестанской советской музыки. Т. I (1917–1945). Махачкала, 1974; Гамзатов Г. Г. Первый среди равных // Дагестанские художественные промыслы: Материалы научной сессии, посвященной 80-летию со дня рождения народного мастера Расула Алиханова. Махачкала, 2003. С. 3–10; Магомедов А. Дж. Художественные промыслы Дагестана в XX веке: Реалии практики и позиция власти. Якубов М. А. Мурад Кажлаев. М., 2003; и др.
- 76 Абдуллаева Э. Б. Музыкальный фольклор даргинцев: исследование и материалы. Махачкала, 2007; Султанова М. К. Традиционный женский костюм Дагестана. Махачкала, 2007; Фольклор и музыкальная культура Дагестана и Северного Кавказа / Сост. и отв. ред. А. Дж. Магомедов. Махачкала, 2007; Магомедов А. Дж. Традиционное искусство Дагестана в условиях социальных преобразований XX в. Махачкала, 2007; Фаттаиев Р. А. Музыкальный фольклор лакцев: Нотные расшифровки и комментарии. Махачкала, 2008; Султанова Г. А. Фольклор в драматургии и театральном искусстве Дагестана. Махачкала, 2008; Современное искусство Дагестана в контексте реалий новой России: Сборник научных статей / Сост. и отв. ред. А. Дж. Магомедов. Махачкала, 2008; Умаханова А. М. Сценическая интерпретация традиционного хореографического искусства Дагестана. Махачкала, 2008.
- 77 Гамзатов Г. Г. Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. М., 1996. С. 342, 365.
- 78 Алиев М. Г. Национальная культура — фактор укрепления государственности России. Выступление президента РД М. Г. Алиева на заседании Госсовета РФ // Дагестанская правда. 2006. 27 декабря.
- 79 Арутюнов С. А. Народы и культура. Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 187.
- 80 Новое дело. 2008. 18 июля / Репортаж С. Анохиной.
- 81 Материалы с сайта: <http://www.riadagestan.ru>
- 82 Муртузалиев С. И. Северный Кавказ с «изнанки» и «снаружи». Махачкала, 2007. С. 147; 153–154. Информация к. иск. Г. А. Султановой; Материалы с сайта: <http://www.riadagestan.ru>
- 83 Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика. М., 1976. С. 83.
- 84 Доклад МИД РФ «Русский язык в мире». М., 2003. С. 137.
- 85 Крючкова Т. Б. Русский и английский языки в России: сферы науки и образования // Вопросы филологии. 2006. № 1. С. 77.
- 86 Она же. Русский и английский языки в сфере российской науки в условиях глобализации // Человек: Образ и сущность. Ежегодник. Теории истины. Язык в контексте глобализации. М., 2005. С. 116.
- 87 Российский статистический ежегодник. 2003. М., 2004.
- 88 Печать в Российской Федерации в 2003 г. М., 2004.
- 89 Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. Теория. Проблемы. Методы. М., 1976. С. 71.
- 90 Там же. С. 75.
- 91 Гельб И. Е. Опыт изучения письма (основы грамматики). М., 1982. С. 22–30.
- 92 Гельб И. Е. Опыт изучения письма (основы грамматики). М., 1982; Фридрих И. История письма. М., 1979.
- 93 Mesopotamian epic literature. Oral or aural? Ed. By M. Vogelzang and Manstiphout. The Edwin Mellen Press. Lewiston, Queenston, Lampeter, 1992.
- 94 Порхомовский В. Я. Соотношение двух письменных традиций хауса в культурно-исторической перспективе // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов. Апрель 2002 г. М., 2002. С. 86–90.
- 95 Pilaszewicz S. Hausa Prose Writing in Ajami by Alhaji Umaru. Berlin, 2000.
- 96 См. подробно: Порхомовский В. Я., Суетина Ю. Г. Устные формы языка и литературная норма в хауса // Устные формы литературного языка. История и современность. М., 1999. С. 294–295.
- 97 Palmer H. R. The Kano Chronicle // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1908. Vol. XXXVII. С. 92–93.
- 98 Furniss G. Ideology in Practice. Hausa Poetry as Exposition of Values and Viewpoints. Cologne. 1995. P. 112–127.

- ⁹⁹ *Добронравин Н. А.* Арабографическая письменная традиция Западной Африки. СПб., 1999. С. 89–93.
- ¹⁰⁰ *Arnott D. W., Ak'ilu Aliyu.* Wordsmith: Some Aspects of the language of his poetry // «Studies in Hausa Language and Linguistics», ed. by G. Furniss and Ph. Jaggar. London; N. Y., 1988; *Pilaszewicz S.* Concern about Language in the Hausa Literature. In: «Language in education and society», ed. by S. Ajulo. Lagos, 2000.
- ¹⁰¹ *Порхомовский В. Я.* Соотношение двух письменных традиций хауса в культурно-исторической перспективе. С. 87–89.
- ¹⁰² *Порхомовский В. Я., Суетина Ю. Г.* Языковая норма и социокультурная парадигма // Литературный язык и культурная традиция. М., 1994. С. 14–54; *Они же.* Устные формы языка и литературная норма в хауса // Устные формы литературного языка. История и современность. М., 1999. С. 294–295; *Они же.* Литературная норма в условиях языковой неоднородности (язык хауса в Северной Нигерии) // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М., 2000. С. 178–190; *Они же.* Языковая норма и эстетический канон в младописьменном языке (Истории Иосифа и Моисея в переводах Библии и Корана на язык хауса: лингвостатистический анализ) // Языковая норма и эстетический канон. М., 2006. С. 312–322; *Porkhomovsky V., Suetina Yu.* Sprachnorm und sozio-kulturelles Paradigma am Beispiel des gegenwärtigen schriftlichen Standardhausa // Von Ägypten zum Tshadsee. Eine linguistische Reise durch Afrika. Würzburg. Ergon Verlag. 2001. С. 365–376.
- ¹⁰³ *Порхомовский В. Я., Суетина Ю. Г.* Языковая норма и эстетический канон в младописьменном языке (Истории Иосифа и Моисея в переводах Библии и Корана на язык хауса: лингвостатистический анализ). С. 312–322.
- ¹⁰⁴ Библия на языке хауса: LITTAFI MAI-TSARKI. The Holy Bible in Hausa. Lagos. The Bible Society of Nigeria. N.d.; Коран на языке хауса: ALKUR'ANI MAIGIRMA da kuma tarjaman ma'anoninsa zuwa ga harshen Hausa. Shekra ta 1407 higira. Manzo.
- ¹⁰⁵ *Порхомовский В. Я., Суетина Ю. Г.* Языковая норма и эстетический канон в младописьменном языке (Истории Иосифа и Моисея в переводах Библии и Корана на язык хауса: лингвостатистический анализ). С. 321–322.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 317–321 (См.: статистический анализ, таблицы).
- ¹⁰⁷ *Awagana A.* Die Hausa-Schrift // 5000 Jahre Schrift in Afrika. Entstehung – Funktionen – Wechse. Begleitband zur Ausstellung in der Universitäts- und Stadtbibliothek K ln von 7. November 2008 bis 8. Januar 2009. K ln, 2008.
- ¹⁰⁸ *Левин З. И.* Менталитет диаспоры. М., 2001. С. 10.
- ¹⁰⁹ *Aberle David F.* The Kinship system of the Kalmuck Mongols // University of New Mexico Publications in Anthropology. № 8. The University of New Mexico Press. Albuquerque, 1953; *Adelman Fred.* Kalmyk Cultural Renewal. Dissertation in Anthropology. University of Pennsylvania. 1960; *Rubel Paula G.* The Kalmyk Mongols. A study in continuity and change. Indiana University publications. Vol. 64. Of the Uralic&Altaic Series. 1967.
- ¹¹⁰ *Жуковская Н. Л.* Американские калмыки (К проблеме сохранения этнической специфика) // Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988–1990 гг. Часть 1. Алма-Ата, 1990; *Гучинова Э.-Б.* Улица «Kalmuk Road». СПб., 2004.
- ¹¹¹ *Борисенко И. В., Горяев А. Т.* Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста, 1998. С. 3.
- ¹¹² *Гучинова Э.-Б.* Язык и самосознание калмыков США // Языки народов России: перспективы развития: Материалы международного семинара. Элиста, 2000. С. 231–237.
- ¹¹³ *Балыков С.* Краткий обзор калмыцкой печати в эмиграции // Ковыльные волны. № 4. С. 14–20.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ *Aubin F.* Une societe d'emigres: la colonie des Kalmouks de France // L'annee sociologique. 1968. P. 3.
- ¹¹⁶ Ibid. P. 4.
- ¹¹⁷ *Левин З. И.* Менталитет диаспоры. С. 84.
- ¹¹⁸ Там же. С. 96.
- ¹¹⁹ *Aubin F.* Une societe d'emigres: la colonie des Kalmouks de France. P. 31.
- ¹²⁰ Ibid. P. 21–22.
- ¹²¹ Ibid. P. 62.
- ¹²² Русское слово, 15 октября 1965.
- ¹²³ *Левин З. И.* Менталитет диаспоры. С. 70–71.
- ¹²⁴ *Гучинова Э.-Б.* Язык и самосознание калмыков США. С. 224.
- ¹²⁵ *Aubin F.* Une societe d'emigres: la colonie des Kalmouks de France. P. 66–67.
- ¹²⁶ *Гучинова Э.-Б.* Язык и самосознание калмыков США. С. 219–220.
- ¹²⁷ *Левин З. И.* Менталитет диаспоры. С. 93.
- ¹²⁸ *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балкано-славянского ареала. М., 1996.
- ¹²⁹ Географическая сетка «Малого диалектологического атласа балканских языков» под редакцией А.Н. Соболева включает всего 12 пунктов на значительно большей территории, включающей Хорватию, Черногорию, Сербию, Македонию, Болгарию, Албанию, Грецию. См.: Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. 1. Лексика духовной культуры / Под ред. А. Н. Соболева. Мюнхен, 2005. С. 12–14.
- Этнолингвистический вопросник, активно используемый в последние годы после работы над атласом в Сербии, Болгарии, Македонии, значительно уплотнил первоначальную сетку пунктов этнолингвисти-

- ческих полевых исследований. См., напр., публикации собранных по вопроснику материалов в Болгарии: *Узенева Е. С.* Этнолингвистические материалы из Центральной Болгарии (с. Дылбоки, обл. Старой Загоры) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 10: Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян. М., 2004. С. 267–297; *Узенева Е. С.* Этнолингвистические материалы из Юго-Восточной Болгарии (с. Козичино (Еркеч), обл. Бургаса) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 12: Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006. С. 277–298; *Трефилова О. В.* Этнолингвистические материалы из с. Стакевцы, р-н Белоградчика (Северо-Западная Болгария) // Там же. Вып. 10: Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян. М., 2004. С. 354–398; *Она же.* Этнолингвистические материалы из с. Кралев-Дол, Перничская обл., община Перник, Средняя Западная Болгарии // Там же. Вып. 12: Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006. С. 228–276; в Македонии: *Плотникова А. А.* Этнолингвистические материалы из с. Теово в Македонии (обл. Велеса, регион Азота) // Там же. С. 192–227; в Сербии: *Якушкина Е. И.* Этнолингвистические материалы из Западной Сербии (с. Ставе, Валеvский край) // Там же. С. 299–323.
- ¹³⁰ Исключение представляет фрагмент в разделе «Народная мифология», где вопросы формулируются по принципу «от значения к слову» с целью выявить различные значения общей для ряда балканских языков лексики, например **blavor*: серб. *блavor*, *блавур*, *блаор*, *блор*, рум. *balaur*. 1) «крылатый змей, дракон»; 2) «демон непогоды, приносящий градовую тучу»; 3) «полоз» (вид змеи). См.: *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. С. 52–53.
- ¹³¹ С. Межиброды Сколивского р-на Львовской обл. было обследовано преподавателем Львовского государственного университета Н. В. Хобзей в 2006 г.
- ¹³² С. Устерики и Криворивня Ивано-Франковской обл. были обследованы Е. С. Узеновой (Институт славяноведения РАН); Устерики Верховинского р-на — в октябре 2007 г., Криворивня Косовского р-на — в июле 2008 г.
- ¹³³ С. Торунь с прилегающими к нему с. Титковцы Прислоп Межгорского р-на было обследовано в марте 2008 г. А. А. Плотниковой и Е. С. Узеновой.
- ¹³⁴ В этих регионах было проведено две экспедиции Е. С. Узеновой (2007–2008 гг.).
- ¹³⁵ Все эти экспедиции в Болгарию были осуществлены Е. С. Узеновой.
- ¹³⁶ По полевым исследованиям Олтении 2006 г. уже опубликованы материалы работы по этнолингвистическому вопроснику Н. Г. Голант в регионе Вылча, коммуна Мэлая. См.: *Голант Н. Г.* Этнолингвистиче-ские материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, обл. Олтения) // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой. М., 2008. С. 271–323.
- ¹³⁷ В октябре 2007 г. была проведена экспедиция в с. Сэрата-Монтеору (коммуна Мерей) с выездом в более удаленное с. Дара, относящееся к соседней коммуне Пьетроаселе. Собиратели материала — А. А. Плотникова (Институт славяноведения РАН) и К. Секара (Институт этнографии и фольклора Румынской академии).
- ¹³⁸ Коммуна Мынзэлешть вместе с ближайшим с. Меледик были исследованы в январе 2008 г. Н. Г. Голант (Российский этнографический музей, Санкт-Петербург).
- ¹³⁹ В плане реконструкции содержательного плана изучаемых традиций необходимо учитывать также и античное наследие у восточных романцев и южных славян. См.: *Златковская Т. Д.* К проблеме античного наследия у южных славян и восточных романцев // Советская этнография. 1978. № 3.
- ¹⁴⁰ Помета «олт.», указывающая на олтянскую традицию, здесь и далее относится к материалу, собранному в регионе Вылчи Н. Г. Голант и опубликованному в сборнике, обобщающем итоги работы над проектом. См.: *Голант Н. Г.* Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, обл. Олтения). С. 271–323.
- ¹⁴¹ Помета «мунт.», указывающая на мунтянскую традицию, здесь и далее относится к материалу, собранному в регионе Бузэу в с. Сэрата Монтеору (коммуна Мерей) и Дара (коммуна Пьетроаселе) А. А. Плотниковой и К. Секара.
- ¹⁴² В селах коммуны Мэлая — форма мужского рода, но с определенным артиклем женского рода. См.: *Голант Н. Г.* Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, обл. Олтения). С. 316.
- ¹⁴³ *Плотникова А. А.* Карпато-балканский диалектный ландшафт — новые перспективы: язык и культура во взаимодействии // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой. М., 2008.
- См., в частности, комментарий к терминологической лексике из сферы семейной обрядности, которая здесь уже подробно не рассматривается: Там же. С. 17–18.
- ¹⁴⁴ *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 420.
- ¹⁴⁵ *Зайковская Т., Зайковский В.* Этнолингвистические материалы из Северной Греции (с. Эратира, округ Козани) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 7: Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001. С. 159.
- ¹⁴⁶ *Филипова-Байрова М.* Гръцки заемки в съвременния български език. София, 1969. С. 161.

- ¹⁴⁷ Там же. С. 515–519.
- ¹⁴⁸ *Тодоров Т.* Относно произхода на *су рва*, *Су рва*, *сурва кам*, *су рвака*, *Су рваки* и на други производни от *су рва* // Български език. София, 1993/1994. Год. XLIII/XLIV. Кн. 4. С. 344.
- ¹⁴⁹ Там же.
- ¹⁵⁰ *Pamfile T.* S rb torile la Rom ni. Studiu etnografic. Bucure ti, 2005. P. 230–231.
- ¹⁵¹ Мифопоэтический анализ колядного текста «Плугушор» подробно исследован Т. В. Цивьян. См.: *Цивьян Т. В.* К мифологической интерпретации восточно-романского колядного текста «Плугушор» // Славянский и балканский фольклор. Этногенетическая общность и типологические параллели. М., 1984. С. 96–116.
- ¹⁵² Отмечаются лишь названия участников обряда — «пахари» (словен., хорв.), а также на западе и юге Чехии название всего обряда — *vora ky*, *vora ek*, связанное с именованьем пахаря — *ora*. См.: Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 2004. С. 657.
- ¹⁵³ Там же. С. 656–657.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 657.
- ¹⁵⁵ *Попович Ю. В.* Обряды с плугом у восточно-романских народов // Карпатский сборник. М., 1976. С. 113.
- ¹⁵⁶ *Цивьян Т. В.* К мифологической интерпретации восточно-романского колядного текста «Плугушор». С. 112.
- ¹⁵⁷ *Она же.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990. С. 67.
- ¹⁵⁸ *Mi lea I., Vrlea O.* Tipologia folklorului. Din r spunsurile la chestionarele lui V. P. Hasdeu. Bucure ti, 1970. С. 353.
- ¹⁵⁹ *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. С. 468.
- ¹⁶⁰ Эти полевые данные записаны в сентябре 2008 г. в с. Галичник (Юго-Западная Македония, собиратели — А. А. Плотникова, А. Н. Соболев, Е. С. Узенева).
- ¹⁶¹ *Голант Н. Г.* Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, обл. Олтения). С. 282–283.
- ¹⁶² *Гриценко П. Е.* Carpato-balcanica в свете «Общекарпатского диалектологического атласа» // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой. М., 2008. С. 26–57.
- ¹⁶³ *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. С. 716.
- ¹⁶⁴ *Юллы Дж., Соболев А. Н.* Албанский тоскский говор села Лешня (краина Скрапар): Синтаксис. Лексика. Этнолингвистика. Тексты. Marburg/Lahn, 2002. С. 404.
- ¹⁶⁵ *Hahn J. G.* Albanische Studien. В. 3. Jena, 1854. P. 102.
- ¹⁶⁶ *Ghinou I.* Comoara satelor: calendar popular. Bucure ti, 2005. P. 57.
- ¹⁶⁷ *Петреска В.* Пролетните обичаи, обреди и верувања кај Мијаците. Скопје, 1998. С. 46–47.
- ¹⁶⁸ *Зайковская Т., Зайковский В.* Этнолингвистические материалы из Северной Греции (с. Эратира, округ Козани). С. 161.
- ¹⁶⁹ *Пономарченко К. А.* Из материалов по этнолингвистической программе МДАБЯ с островов Родос и Карпатос (Южная Греция) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001. С. 161, 187.
- ¹⁷⁰ *Юллы Дж., Соболев А. Н.* Албанский тоскский говор села Лешня (краина Скрапар): Синтаксис. Лексика. Этнолингвистика. Тексты. С. 394.
- ¹⁷¹ Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. 1. Лексика духовной культуры. Соб. зап. с. Пештани, р-н Охрида.
- ¹⁷² Полевые данные из с. Галичник в Юго-Западной Македонии (записаны в сентябре 2008 г. А. А. Плотникова, А. Н. Соболевым, Е. С. Узенева).
- ¹⁷³ См. карту: *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. С. 714.
- ¹⁷⁴ *Ghinou I.* Comoara satelor: calendar popular. Bucure ti, 2005. P. 58.
- ¹⁷⁵ *Голант Н. Г.* Мартовский обрядовый комплекс румын и болгар в этнокультурной традиции карпато-балканского региона. Канд. дис. СПб., 2007. С. 117.
- ¹⁷⁶ *Она же.* Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, область Олтения). С. 291.
- ¹⁷⁷ *Кабакова Г. И.* Терминология восточнороманской календарной обрядности в сопоставлении со славянской. Канд. дисс. М., 1989. С. 195.
- ¹⁷⁸ Обряд известен и в Молдавии под названием *с лисени*. См.: *Кабакова Г. И.* Терминология восточнороманской календарной обрядности в сопоставлении со славянской.
- ¹⁷⁹ Там же. С. 195.
- ¹⁸⁰ Българска митология. Енциклопедичен речник. София, 1994. С. 302; *Маринов Д.* Избрани произведения. Т. 2. София, 1984. С. 151.
- ¹⁸¹ *Филиповић М.* Трачки коњаник. Студије из духовне културе. Београд, 1986.
- ¹⁸² См. карту: *Плотникова А. А.* Карпато-балканский диалектный ландшафт — новые перспективы: язык и культура во взаимодействии. С. 510–523.
- ¹⁸³ Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. 1. Лексика духовной культуры. С. 204–205.
- ¹⁸⁴ Мифологический словарь. М., 1991. С. 194.
- ¹⁸⁵ Другие его фиксации в регионе Бузэу. См.: *Mi lea I., Vrlea O.* Tipologia folklorului. Din r spunsurile la chestionarele lui V. P. Hasdeu. Bucure ti, 1970. P. 372.
- ¹⁸⁶ Помощь в расшифровке диалектных текстов — Н. Г. Голант.

- ¹⁸⁷ *Mu lea I., B rlea O.* Tipologia folklorului. Din r spunsurile la chestionarele lui B.P. Hasdeu. Bucure ti, 1970. P. 372–373.
- ¹⁸⁸ Българска митология. Енциклопедичен речник. С. 302; *Маринов Д.* Избрани произведения. Т. 2. С. 84.
- ¹⁸⁹ Закапывание куклы известно и в отдельных румынских селах, например на севере. См.: *Mu lea I., B rlea O.* Tipologia folklorului. Din r spunsurile la chestionarele lui B.P. Hasdeu. P. 372.
Л. Шэйняну в своем словаре отмечает лишь закапывание куклы в поле. См.: *ineanu L.* Dic ionar universal al limbei rom ne. Bucure ti, 1922. P. 94.
- ¹⁹⁰ Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. С. 499–500.
- ¹⁹¹ *Andrei D.* Monografia comunei Lipia. Jude ul Buz u. R mnicu S rat, 2007. С. 55–56.
- ¹⁹² Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 2004. С. 499.
- ¹⁹³ *Голант Н. Г.* Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, обл. Олтения). С. 316.
- ¹⁹⁴ У гуцулов это мужские демоны (*судци*), такие поверья зафиксировала Е. С. Узенева в исследованном по проекту с. Устерики. См.: *Узенева Е. С.* Этнолингвистические материалы с Юго-Западной Украины (с. Устерики, Верховинский р-н, Ивано-Франковская обл.) // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой. М., 2008. С. 325.
Это подтверждает наличие до сегодняшних дней поверий о 12 невидимых «судцах», определяющих судьбу ребенка. См.: *Шухевич В.* Гуцульщина. Ч. III. Верховина, 1999. С. 12.
- ¹⁹⁵ *Škok P.* Etimologijski rje nik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971–1974. Vol. 2. P. 544.
- ¹⁹⁶ См. карту: *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. С. 694.
- ¹⁹⁷ Обилие дериватов известно и в румынском (*a ursi* «предопределять», «предсказывать», *ursire* «предназначение» и т. д.), и в болгарском (*описвам* «предопределять будущее», *описия* «участь, судьба» и др.).
- ¹⁹⁸ *Голант Н. Г.* Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, обл. Олтения). С. 314.
- ¹⁹⁹ *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. С. 626–632.
- ²⁰⁰ *ineanu L.* Dic ionar universal al limbei rom ne. P. 302.
- ²⁰¹ См. карту: *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. С. 614.
- ²⁰² *ineanu L.* Dic ionar universal al limbei rom ne. P. 302.
- ²⁰³ *Gorovei A.* Credin i i supersti ii ale poporului Rom n. Bucure ti, 1915. P. 309.
- ²⁰⁴ См. карту: *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. С. 542–549.
- ²⁰⁵ *Caldwell R.* A comparative grammar of the Dravidian or South-Indian family of Languages. Madras, 1856.
- ²⁰⁶ *Grierson G. A.* Linguistic Survey of India. Calcutta, 1904–1928.
- ²⁰⁷ *Uhlenbeck C. C.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der Altindischen Sprache. Amsterdam, 1898–1899.
- ²⁰⁸ *Walde A.* Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, herausgegeben und bearbeitet von J. Pokorny. I–III. Berlin und Leipzig, 1927–1932.
- ²⁰⁹ *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. 1–4. Heidelberg, 1956–1980.
- ²¹⁰ *Bloch J.* Structure grammaticale des langues dravidiennes. Paris, 1946; *Burrow T.* Collected papers on Dravidian linguistics. Annamalainagar, 1968; *Burrow T.* Dravidian languages // Current Trends in Linguistics. 1969. Vol. 5. Pt. 2; *Emeneau M. B.* Brahui and Dravidian comparative grammar. Berkley; Los Angeles, 1962; *Emeneau M. B.* Dravidian linguistics, ethnology and folktales. Collected papers. Annamalainagar, 1968; *Emeneau M. B.* Dravidian comparative phonology. Annamalainagar, 1970; *Zvelebil K.* Dravidian linguistics: an introduction. Ponpicherry, 1990.
- ²¹¹ *Burrow T., Emeneau M. B.* A Dravidian etymological dictionary. Oxf., 1961–68.
- ²¹² *Андронов М. С.* Сравнительная грамматика дравидийских языков. М., 1994. Ч. 1–2; *Зограф Г. А.* Языки Южной Азии. М., 1990; *Krishnamurti Bh.* Dravidian languages. Cambridge, 2003.
- ²¹³ Оценка по: India 2004. A reference annual. New Delhi, 2004.
- ²¹⁴ *Bork F.* Elam (Sprache). Reallexicon der Vreageschichte Bd. III. Berlin, 1925; *Воробьев-Десятовский В. С.* К вопросу о роли субстрата в развитии индоарийских языков // Советское востоковедение. 1954. № 1; *Дьяконов И. М.* Языки Древней Передней Азии. М., 1967; *McAlpin D.* Towards Proto-Elamo-Dravidian // Language. 1974. Vol. 50.
- ²¹⁵ *Андронов М. С.* Дравидийские языки // Языки Азии и Африки. М., 1978. Т. II.
- ²¹⁶ *Krishnamurti Bh.* Review of M. B. Emeneau, Dravidian Comparative Phonology: a sketch // JAOS. 1975. Vol. 95.
- ²¹⁷ *Андронов М. С.* Дравидийские языки. Т. II.
- ²¹⁸ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрка. М., 2006; *Дыбо А. В.* Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период / Ин-т языкознания РАН. М., 2007. С. 12–65.
- ²¹⁹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции. М., 2002; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрка.
- ²²⁰ *Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.

- 221 *Старостин С. А.* Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М., 1989.
- 222 Там же. С. 468–469.
- 223 Там же. С. 469.
- 224 Там же. С. 476.
- 225 Там же. С. 711.
- 226 Там же. С. 468.
- 227 См. материалы сайта: www.starling.rinet.ru.
- 228 Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрка.
- 229 Датировки приводятся по: *Кляшторный С. Г.* Гуннская держава на востоке // История древнего мира. Упадок древних обществ. М., 1989; *Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983. Гл. 2: Древние китайцы и их соседи: этнорасовая характеристика. С. 56–104.
- 230 *Bailey H. W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge etc., 1979.
- 231 *Gharib B.* Sogdian Dictionary. Tehran, 1995.
- 232 *Стеблин-Каменский И. М.* Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999; *Рассторгуева В. С., Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. I. М., 2000; Т. II. М., 2003; Т. III. М., 2007.
- 233 *Gharib B.* Sogdian Dictionary. Tehran, 1995. P. 440.
- 234 *Севортыан Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на «Г», «Д». М., 1980. С. 150–151 (под ДАРГА-).
- 235 *Benveniste E.* Titres et noms propres en Iranien ancien. P., 1966. P. 31–33.
- 236 *Gharib B.* Sogdian Dictionary. P. 431.
- 237 *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.
- 238 *Adams D. Q.* A Dictionary of Tocharian. Amsterdam; Atlanta, 1999.
- 239 *Дыбо А. В.* Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период / Ин-т языкознания РАН. М., 2007.
- 240 См. подробности и литературу вопроса: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004. С. 62–68.
- 241 *Кляшторный С. Г.* Гуннская держава на востоке // История древнего мира. Упадок древних обществ. М., 1989.
- 242 *Хелимский Е. А.* Компаративистика, уралоистика. Лекции и статьи. М., 2000. С. 22.
- 243 *Старостин С. А.* Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник: Антропология. Этнография. Мифология. Лингвистика. Л., 1982.
- 244 *Он же.* Сравнительный словарь енисейских языков // Кетский сборник. М., 1995.
- 245 См. по адресу: <http://www.starling.rinet.ru>. По сравнению с «бумажной» публикацией, там, в частности, учитываются и обсуждаются этимологии из: *Werner G.* Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. 1–3. Wiesbaden, 2002.
- 246 *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.
- 247 *Joki A. J.* Die Lehnwörter des Sajan-Samojedischen. Helsinki, 1952 (MSFOu 103). P. 199.
- 248 Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье: Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 118.
- 249 См., напр.: *Хелимский Е. А.* Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. М., 1982.
- 250 *R na-Tas A.* Turkic Influence on the Uralic Languages // The Uralic Languages. Leiden, 1988. P. 749–751.
- 251 *Мудрак О. А.* Юкагиры и нивхи (проблема палеоазиатов) // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. М., 2000. С. 133–148; *Mudrak O. A., Nikolaev S. L.* Gilyak and Chukchi-Kamchatkan as Almosan-Keresouan Languages // Explorations in Language Macrofamilies. Bochum, 1989. P. 67–87.
- 252 *Дыбо А. В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). 1996. С. 243, 247, 251, 254, 261.
- 253 *Рассадин В. И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. 1. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста, 2007.
- 254 Там же.
- 255 *Грунтов И. А.* Общее наследие и заимствования. Древнейшие тюрко-монгольские заимствования: обязательны ли радикальные решения? // Проблемы исторического развития монгольских языков. СПб., 2007.
- 256 *Дыбо А. В.* К вопросу о пратюрко-монгольских контактах // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной юбилею Т. М. Гарипова. Т. I. Уфа, 2008.
- 257 *Sinor D.* The Problem of Ural-Altai relationship // The Uralic Languages: Description, History, and Foreign Influences. Brill, 1988.
- 258 *Castrén M. A.* Ueber die Personalaffixe in den altaischen Sprachen // *Castrén M. A.* Kleine Schriften. SPb., 1862; *Donner O.* Vergleichendes Wörterbuch der finnisch-ugrischen Sprache. Helsinki, 1874–1888.
- 259 *Winkler H.* Uralaltaische Völker und Sprachen. Berlin, 1884; *Winkler H.* Der Uralaltaische Sprachstamm, das Finnische und das Japanische. Berlin, 1909; *Winkler H.* Tungussisch und Finnischugrisch // JSFU XXX, 9. 1915.
- 260 Подробный анализ литературы см.: *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитские, картвельские, индоевропейские, уральские,

- дравидийские, алтайские): Введение. Сравнительный словарь / АН СССР.: М., 1971; *Stachowski M.* Uralistik und Türkologie — geschieden oder doch verliebt // *Vade mecum! A huszon t dik óra.* Szombathely, 2001.
- 261 *Collinder B.* Comparative Grammar of the Uralic Languages. Stockholm. 1960. 1965.
- 262 *Sinor D.* Le probleme de la parenté des langues ouralo-altaïques // *Revue de geographie et d'ethnographie.* № 1. 1948.
- 263 *Räsänen M.* Uralaltaische Wortforschungen. Helsinki, 1955.
- 264 Чрезвычайно интересный анализ лингвистических и экстралингвистических факторов, которые привели к отставанию в изучении тюркских языков по сравнению с уральскими, см.: *Stachowski M.* Uralistik und Türkologie — geschieden oder doch verliebt.
- 265 *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитские, картвельские, индоевропейские, уральские, дравидийские, алтайские): Введение. Сравнительный словарь.
- 266 В более поздних исследованиях принадлежность семито-хамитских языков к ностратическим была поставлена под сомнение. Ср.: *Старостин С. А.* Труды по языкознанию. М., 2006. С. 768–770.
- 267 *Старостин С. А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.
- 268 *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.
- 269 *Stachowski M.* Uralistik und Türkologie — geschieden oder doch verliebt.
- 270 *Pusztay J.* Sibirien — Schmelztiegel von Sprachen? // *Specimina Sibirica 1, Savariae,* 1988; *Pusztay J.* Zur Herausbildung des Protouralischen Sibirien // *Specimina Sibirica 3, Savariae,* 1990; *Pusztay J.* Diskussionsbeiträge zur Grundsprachenforschung (Beispiel: das Protouralische), Wiesbaden, 1995; *Pusztay J.* Zur Entwicklungsgeschichte des Ungarischen // *Uralic languages in European and Siberian linguistic context.* Tartu, 1996; *Pusztay J.* On the development of the Hungarian language // *Specimina Sibirica 14, Savariae,* 1998.
- 271 Подробную библиографию см.: *Stachowski M.* Uralistik und Türkologie — geschieden oder doch verliebt.
- 272 *R na-Tas A.* De hypothesi Uralo-Altaica // *Symposium saeculare Societatis Fenno-Ugricae (MSFOu 185),* 1983.
- 273 *Stachowski M.* Uralistik und Türkologie — geschieden oder doch verliebt.
- 274 Ср.: доклад А. В. Дыбо на конференции «Актуальные вопросы сравнительно-исторического языкознания и дальнее родство языков» (РГГУ, 24 марта 2006 г.), посвященный уточнению реконструкции аффрикат и фрикативных; доклад М. А. Живлова на конференции «Проблемы изучения дальнего родства языков» (РГГУ, 25–28 марта 2008 г.), посвященный соответствиям между срединными кластерами в уральской и алтайской реконструкциях и сочетаниями ларингал + С в индоевропейской реконструкции.
- 275 Создание EDAL, дальнейшие существенные дополнения к сравнительной фонетике и этимологии обеих семей. В первую очередь это касается реконструкции алтайской и уральской вокалических систем. Алтайский вокализм в общих чертах реконструирован С. А. Старостиным, А. В. Дыбо и О. А. Мудраком в EDAL. Но новые данные по реконструкции тюркского вокализма и вокально-консонантных сочетаний, полученные А. В. Дыбо и О. А. Мудраком (см.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка), по реконструкции тунгусо-маньчжурского вокализма с учетом морфонологии именных и глагольных основ и сложных развитий первоначально десингармонистических сочетаний (см.: *Дыбо А. В.* Ассимиляция и аккомодация гласных в сингармонистических потомках десингармонистического языка // *Евразийское пространство. Звук и слово.* М., 2000), по-видимому, позволят значительно уточнить общеалтайскую реконструкцию. Что касается уральской части, то объединение усилий, предпринимаемых в последнее время Ю. В. Норманской (см.: *Норманская Ю. В.* Реконструкция болгарской системы фонем на основании чувашских заимствований в марийском языке // *Сборник материалов конференции «Источники и периодизация истории чувашского языка».* Чебоксары, 2006; *Она же.* Реконструкция названий растений в уральских языках и верификация локализации прародин уральских языков (прауральского, прасамодийского, прафинноугорского, прафиннопермского, праугорского, прафинноволжского) // *Аспекты компаративистики.* III. М., 2008; *Она же.* Фонологические и этно-лингвистические характеристики языка — источника «чувашских» заимствований в марийском // *Восток (Oriens)* 2008. № 6; *Она же.* Происхождение спряжения в марийском языке и его связь с прамордовским ударением // *Вопросы филологии.* 2008. № 2; *Она же.* Марийские редуцированные гласные первого слога — современная инновация или прамарийский архаизм? // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета.* 2008; *Она же.* Развитие вокализма в мордовском языке и реконструкция прамордовского ударения // *Вопросы языкознания.* М., 2009), К. Ю. Решетниковым (см.: *Решетников К. Ю.* Дробление рефлексов прауральского *a в самодийском и венгерском // *Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К. Е. Майтинской. Тезисы и материалы.* М., 2007.) и М. А. Живловым (см.: *Живлов М. А.* Реконструкция праобскоугорского вокализма. Автореф. канд. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006) обеспечили устойчивый прогресс в разработке этой «вечной проблемы».
- 276 Ср.: в последние годы: экспедиция в д. Балыкча Кош-Агачского р-на (северный вариант теленгитского

- диалекта алтайского языка), 7–18 июля 2006 г. Руководитель А. В. Дыбо. Для настоящего проекта важен результат инструментально-фонетического обследования полного списка балыкчинских односложных основ. Независимо на трех информантах удалось выявить квазифонологические фонационно-тоновые противопоставления (просодического характера), в основном соответствующие фонационным противопоставлениям качинского диалекта хакасского языка (описанные в статье А. В. Дыбо. См.: Дыбо А. В. К вопросу о хакасской просодии // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986.
- Там же устанавливаются их связи с признаком, записанным как маргинальная долгота для чулымско-тюркского) и тоновым противопоставлением, установленным в тувинском языке экспедицией МГУ под руководством А. Е. Кибрика в 1989 г. и тогда же подтвержденным независимым обследованием информанта, проведенным А. В. Дыбо и О. А. Мудраком. Экспедиция в д. Казановка Аскизского р-на (сагайский диалект хакасского языка), 3–18 сентября 2007 г.
- ²⁷⁷ В частности, работа в лаборатории языков Сибири в Томском педагогическом университете с архивом, собранном АПДульзоном и последующими сибирскими исследователями.
- ²⁷⁸ *Норманская Ю. В.* Реконструкция прафинно-волжского ударения. М., 2008.
- ²⁷⁹ *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1989.
- ²⁸⁰ *Иванова Г. С.* Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении. Саранск, 2006. С. 127.
- ²⁸¹ *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977 (Castrenianumin toimitteita. 17).
- ²⁸² Селькупско-русский диалектный словарь / Под ред. В. В. Быконя. Томск, 2005. С. 63; Suomen Sanojen Alkuperä. Etymologien sanakirja, I. Helsinki, 1992. P. 323, 325; *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966. P. 620.
- ²⁸³ Suomen Sanojen Alkuperä. Etymologien sanakirja, I. Helsinki, 1992. P. 323.
- ²⁸⁴ *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1989. P. 53.
- ²⁸⁵ Ibid. P. 87.
- ²⁸⁶ *Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch, I–IV. Helsinki, 1994. P. 2488.
- ²⁸⁷ *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966. P. 2240.
- ²⁸⁸ *Munkácsi B.* Wogulisches Wörterbuch. Budapest, 1986. P. 53.
- ²⁸⁹ Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Bd. I–III. Budapest, 1992–1997. P. 336.
- ²⁹⁰ *Helinski E.* Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis – Grundzüge der Grammatik – Sprachgeschichte. Szeged, 1997. P. 331.
- ²⁹¹ Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Bd. I–III. Budapest, 1992–1997. P. 336.
- ²⁹² *Норманская Ю. В.* Развитие вокализма в мордовском языке и реконструкция прамордовского ударения // Вопросы языкознания. М., 2009.
- ²⁹³ *Helinski E.* Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis – Grundzüge der Grammatik – Sprachgeschichte. P. 331.
- ²⁹⁴ *Sammallahti P., Nickel K. P.* Saamisch-deutsches Wörterbuch. Oslo, 2006. P. 729.
- ²⁹⁵ *Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch, I–IV. Helsinki, 1994. P. 2450.
- ²⁹⁶ Ibid. P. 2452.
- ²⁹⁷ *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966. P. 85.
- ²⁹⁸ *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965. С. 409.
- ²⁹⁹ *Helinski E.* 2007. Селькупские словарные материалы на сайте: www.helinski.com
- ³⁰⁰ *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1989. P. 551.
- ³⁰¹ Ibid. P. 565.
- ³⁰² Ibid. P. 579.
- ³⁰³ Ibid. P. 211.
- ³⁰⁴ Suomen Sanojen Alkuperä. Etymologien sanakirja, I. Helsinki, 1992. P. 182.
- ³⁰⁵ *Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch, I–IV. P. 2242.
- ³⁰⁶ *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. P. 831.
- ³⁰⁷ Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Bd. I–III. P. 22.
- ³⁰⁸ *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. P. 104.
- ³⁰⁹ Там же. P. 219.
- ³¹⁰ *Sammallahti P., Nickel K. P.* Saamisch-deutsches Wörterbuch. Oslo, 2006. P. 81.
- ³¹¹ *Itkonen E.* Inarilappisches Wörterbuch, II. Helsinki, 1986–1991. P. 366.
- ³¹² *Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch, I–IV. P. 1606.
- ³¹³ *Васильев В. М., Саваткова А. А., Учаев З. В.* Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола, 1991.
- ³¹⁴ *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. P. 1155.
- ³¹⁵ *Munkácsi B.* Wogulisches Wörterbuch. P. 410.
- ³¹⁶ *Helinski E.* Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis – Grundzüge der Grammatik – Sprachgeschichte. P. 239.
- ³¹⁷ Suomen Sanojen Alkuperä. Etymologien sanakirja, I. Helsinki, 1992. P. 334.

- 318 Ibid.
- 319 *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. P. 1462.
- 320 *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977 (Castrenianumin toimitteita. 17). P. 149.
- 321 *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. С. 638.
- 322 Там же. С. 645.
- 323 Там же. С. 579.
- 324 *Helimski E.* Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte.
- 325 *Katzschmann M., Pusztay J.* Jenissej-Samojedisches (Enzisches) Wörterverzeichnis. (Fenno-Ugrika 5). Hamburg, 1978. P. 220.
- 326 *Donner K.* Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzüge der Grammatik. Helsinki, 1944. P. 71.
- 327 *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977 (Castrenianumin toimitteita. 17). P. 149.
- 328 Suomen Sanojen Alkuperä. Etymologien sanakirja, III. Helsinki, 1992. P. 334.
- 329 *Лыткин В. И., Гуляев Е. И.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
- 330 *Munkácsi B.* Wogulisches Wörterbuch. P. 484.
- 331 *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. P. 129.
- 332 *Janhunen J.* Uralilaisen kantakielen sanastosta // JSFOu, B. 77. 1981. P. 219–274.
- 333 *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. P. 34; *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. P. 33.
- 334 *Munkácsi B.* Wogulisches Wörterbuch. Budapest, 1986. P. 484.
- 335 *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. P. 347.
- 336 Ibid. P. 131.
- 337 *Богданов Е. В., Данилина Н. Р., Дюлидзе Э. В.* У северной границы Мордовии // Заповедные острова. М., 2005. № 88.
- 338 *Латин П. И.* (ред.) Деревья и кустарники СССР. М., 1966.
- 339 Там же.
- 340 *Напольских В. В.* Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997.
- 341 Подробную библиографию см.: *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch; *Напольских В. В.* Введение в историческую уралоистику.
- 342 *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. P. 541.
- 343 *Напольских В. В.* Введение в историческую уралоистику.
- 344 *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. P. 541.
- 345 Ibid. P. 563.
- 346 Ср.: *Напольских В. В.* Введение в историческую уралоистику.
- 347 *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. P. 614.
- 348 Ibid. P. 45.
- 349 Ibid. P. 17.
- 350 *Петренко А. Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984.
- 351 *Матюшин Г. Н.* Археологический словарь. М., 1996.
- 352 *Хелимский Е. А.* Компаративистика, уралоистика. Лекции и статьи. М., 2000.
- 353 *Дыбо А. В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. М., 2007.
- 354 *Хелимский Е. А.* Компаративистика, уралоистика. Лекции и статьи. С. 301–312.
- 355 *Терентьев В. А.* Древнейшие тюрко-самодийские языковые контакты // Aikakauskirja. JSFOu 88, 1999. С. 182–194.
- 356 *R na-Tas A.* Turkic Influence on the Uralic Languages // The Uralic Languages: Description, History, and Foreign Influences. Brill, 1988. P. 743–745.
- 357 Ср.: *Räsänen M.* Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki, 1920 (MSFOu 48); *Beke Ö.* Zu den tschuwassischen Lehnwörtern der tsche-remissischen Sprache // MSFOu 67, 1933; *Beke Ö.* Zur Lautgeschichte der tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen // ФУФ 23, 1935; *Федотов М. П.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи в историческом освещении. Таллин, 1968; *Мудрак О. А.* Обособленный язык и проблема реконструкции праязыка. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1994; *Bereczki G.* Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I, II // Studia Uralo-altaica, 34, 35, 1992–1994.
- 358 Ср.: *Мудрак О. А.* Обособленный язык и проблема реконструкции праязыка. *Bereczki G.* Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I, II // Studia Uralo-altaica, 34, 35, 1992–1994.
- 359 Ср.: *Räsänen M.* Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki, 1920 (MSFOu 48).
- 360 Ср.: *Bereczki G.* Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I, II.
- 361 Более подробное описание см.: *Норманская Ю. В.* Реконструкция болгарской системы фонем на основании чувашских заимствований в марийском языке.
- 362 *Федотов М. П.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары, 1996.
- 363 *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л., 1940. С. 51.
- 364 *Ханзен-Леве А.* Русский символизм: Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб., 1999. С. 11.
- 365 *Топоров В. Н.* Миф, ритуал, символ, образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 193.

- ³⁶⁶ *Мелетинский Е. М.* О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов // *Литературные архетипы и универсалии.* М., 2001. С. 83.
- ³⁶⁷ *Грифицов Б. А.* Теория романа. М., 1927. С. 28.
- ³⁶⁸ *Мелетинский Е. М.* О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов. С. 112.
- ³⁶⁹ *Грякалова Н. Ю.* От символизма к авангарду. Опыт символизма и русская литература 1910–1920-х годов (Поэтика. Жизнестроительство. Историософия): Автореф. ... докт. филол. наук. СПб., 1998.
- ³⁷⁰ *Медведев П. Н.* Формальный метод в литературоведении. М., 1993. С. 144–151.
- ³⁷¹ *Троцкий Л.* О Бальмонте // *Восточное обозрение.* 1901. 18 марта. № 61.
- ³⁷² *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 282 – 287.
- ³⁷³ *Бугаев Б.* (Андрей Белый). На Перевале. III. Искусство и мистерия // *Весы.* М., 1906. № 9. С. 45–48.
- ³⁷⁴ *Бердяев Н.* Кризис искусства. М., 1918. С. 5.
- ³⁷⁵ Там же. С. 7.
- ³⁷⁶ Российская национальная библиотека (далее – РНБ). Соф. 191.
- ³⁷⁷ *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 112.
- ³⁷⁸ *Щепкин В. Н.* Русская палеография. М., 1967. С. 131.
- ³⁷⁹ *Соболевский А. И.* Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках. СПб., 1894. С. 5, 8–16; *Щепкин В. Н.* Русская палеография. М., 1967. С. 131.
- ³⁸⁰ РНБ. Соф. 191.
- ³⁸¹ Там же. Соф. 268.
- ³⁸² Государственный исторический музей. (далее – ГИМ). Син. № 199; Савва, еп. Можайский. Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки веков. М., 1863. Табл. 36.
- ³⁸³ Российская государственная библиотека (далее – РГБ). Троиц. 631.
- ³⁸⁴ ГИМ. Син. 915; Савва, еп. Можайский. Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки веков. М., 1863. Табл. 38.
- ³⁸⁵ РНБ. Соф. 275.
- ³⁸⁶ Там же. Соф. 266, 267, 268.
- ³⁸⁷ Там же. Соф. 192, 90 об.–91.
- ³⁸⁸ Там же. Соф. 268.
- ³⁸⁹ Там же. Соф. 266.
- ³⁹⁰ Там же. Соф. 267.
- ³⁹¹ Там же. Соф. 276.
- ³⁹² Там же. Соф. 269.
- ³⁹³ Там же. Соф. 270.
- ³⁹⁴ Там же. Соф. 271.
- ³⁹⁵ Там же. Соф. 272.
- ³⁹⁶ Там же. Соф. 273.
- ³⁹⁷ Там же. Соф. 278; *Шварц Е. М.* Новгородские рукописи XV века: Кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. М.; Л., 1989.
- ³⁹⁸ *Ключевский В. О.* Жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 98–100; *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1971. С. 19–24.
- ³⁹⁹ *Никольский К.* Пособие к изучению Устава богослужения православной церкви. СПб., 1907. С. 280.
- ⁴⁰⁰ *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания: Биографический и библиографический литературный очерк. СПб., 1908. С. 114–119.
- ⁴⁰¹ *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. С. 19–25.
- ⁴⁰² РНБ. Соф. 266, 267, 268, 269, 270, 272, 273.
- ⁴⁰³ РГБ. Троиц. 631, 106 листов.
- ⁴⁰⁴ Архив СПб., ИИ РАН. Колл. 238. Оп. 1. № 323. Л. 216 об.
- ⁴⁰⁵ *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. С. 28–35, 275.
- ⁴⁰⁶ РНБ. Соф. 1319.
- ⁴⁰⁷ Там же (новая редакция) Погод. 871. Л. 265–287 об.
- ⁴⁰⁸ Великие Минеи Четьи 1529–1541 гг. Ноябрь. Стб. 199; *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. С. 28.
- ⁴⁰⁹ Новгородская четвертая летопись // *Памятники старинной русской литературы.* М., 2000. Т. 4. С. 176.
- ⁴¹⁰ *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 207–211; *Зализняк А. А., Янин В. Л.* Вкладная грамота Варлаама Хутынского // *Russian Linguistics.* 16 (1992/1993). № 2–3. С. 186–196; *Гордиенко Э. А.* Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в жизни и мистериях // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* М., 2004. № 2 (16). С. 18–23.
- ⁴¹¹ *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. С. 33–35.
- ⁴¹² *Бобров А. Г.* Новгородские летописи века. СПб., 2001. С. 229–233. Примеч. 56.
- ⁴¹³ Летописный сборник, именуемый Летописью Аврамки // *Памятники старинной русской литературы.* М., 2000. Т. 16. Стб. 200.

- ⁴¹⁴ Софийские летописи // Памятники старинной русской литературы. СПб., 1853. Т. 6. С. 182.
- ⁴¹⁵ Повесть о Ионе, архиепископе новгородском // Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 4. С. 31.
- ⁴¹⁶ РНБ. Погод. 2035; Новгородская четвертая летопись // Памятники старинной русской литературы. М., 2000. Т. 4. С. 445; *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. С. 25–28; *Бобров А. Г.* Новгородские летописи века. С. 167.
- ⁴¹⁷ Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки // Памятники старинной русской литературы. М., 2000. Т. 16. Стб. 200–201; *Бобров А. Г.* Новгородские летописи века. С. 229–233. Примеч. 56.
- ⁴¹⁸ Софийские летописи. С. 320–325.
- ⁴¹⁹ *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. С. 26–27.
- ⁴²⁰ Великие Минеи Четьи 1529–1541 гг. Ноябрь. Стб. 220–221.
- ⁴²¹ Софийские летописи. С. 320–325; *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. С. 27.
- ⁴²² *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Многовековая история литературной культуры Подляшья и Белорусского Полесья: результаты тридцатилетних экспедиционных исследований (1970–2000-е гг.) // Белорусско-российский диалог (Культура и литература Беларуси XX–XXI вв.). М., 2006. С. 206–225; *Они же.* Современная народная книжность Подляшья и Полесья // Здабыткі. Дакументальныя помнікі на Беларусі. Выпуск 8. Мінск: НББ, 2006. С. 155–167; *Они же.* Современная народная литература пограничья Беларуси, России и Украины // Народная литература восточных славян. М., 2007. С. 12–14; *Они же.* На пограничье белорусского: Из опыта изучения культурных традиций белорусов Польши // Питанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Выпуск 4. НАН РБ. ДНУ Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклора імя Кандрата Крапівы. Мінск, 2008. С. 348–352.
- ⁴²³ Библиографические записки. 1858. Т. 1. № 2. С. 49–55.
- ⁴²⁴ *Срезневский И. И.* Программа для собирания образцов народного языка и словесности. СПб., 1852.
- ⁴²⁵ *Эбэрхардт П.* Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1897–1989. Мінск, 1997; Численность и основные социально-демографические характеристики Республики Беларусь по данным переписи 1999 года. Минск, 1999; Миграция населения: Республика Беларусь. Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года. Минск, 2002.
- ⁴²⁶ *Озем Г. З.* Сельский менталитет как доминанта социокультурного пространства Беларуси // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: Материалы III Международной научной конференции. Гомель, 2003. С. 206.
- ⁴²⁷ *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Писания святителя Кирилла Туровского в народной среде Восточного Полесья: от времени открытий румянцевского кружка до современности // Н. П. Румянцев и его эпоха в контексте славянской культуры: Материалы Международной научно-практической конференции. Гомель, 2004. С. 25–28; *Они же.* Многовековая судьба евхографического цикла Кирилла Туровского (от пергаменных кодексов до электронных воплощений в сети интернет) // Текст в лингвистической теории и методике преподавания филологических дисциплин. Мозырь, 2005. Ч. 1. С. 139–140; *Они же.* Многовековое наследие святителя Кирилла Туровского: жизнь в веках // Десять веков христианства на Руси: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной тысячелетию Туровской епархии. Гомель, 2006. С. 25–30; *Они же.* Литературное наследие святителя Кирилла Туровского в народной среде пограничья Беларуси, России и Украины (XIX–XXI вв.) // Народная литература восточных славян: Тезисы докладов и сообщений на круглом столе 21.IX.2007. Москва. М., 2007. С. 17–19; *Они же.* Восточнославянская народная книжность XXI в.: И рукопись, и электронный текст // Държавата на духа. София, 2007. С. 247–262.
- ⁴²⁸ *Лабынцев Ю. А.* Книжное наследие Н. П. Румянцева М., 2004; *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Повествование о протопопе Аввакуме в современной народной книжности российско-белорусского пограничья // Книга в России. Сб. 1. М., 2006. С. 98–103; *Они же.* Старообрядческий Лаврентьевский монастырь и его библиотека // Старообрядчество: История. Культура. Современность. М., 2007. Т. 2. С. 143–147.
- ⁴²⁹ Часть черниговского православного духовенства вплоть до начала XIX в. довольно активно использовала польский язык в своей письменной практике. Записи на польском языке делались даже на кириллографических рукописях и печатных книгах. Ряд любопытных примеров тому можно видеть в современных московских собраниях. Так, на рукописной Кормчей XVI в. из фондов Российского государственного архива древних актов есть польскоязычная запись 1770 г. о бытовании этой книги в священническом кругу северной Черниговщины. См.: Российский государственный архив древних актов. Ф. 181. № 1594. Еще в большей степени польский язык и литература были тогда распространены среди шляхты и духовенства, в значительном числе униатского, гомельщины. Впрочем, проблема эта совершенно не изучена, и, не преувеличивая ее значения, говорим о ней, основываясь исключительно на наших личных многолетних наблюдениях, в т. ч. и анализе довольно объемного

- документального материала, собранного во время работы в архивах ряда стран и в процессе экспедиционных поисков, длящихся уже треть века.
- ⁴³⁰ *Рубакин Н. А.* Новые времена — новые веяния // Русская мысль. 1905. № 7. С. 111–127.
- ⁴³¹ *Бобров А. А.* Крестьянин и книга: Из личных наблюдений за 27 лет труда на пользу грамотного крестьянства. 1877–1905 гг. Владимир, 1908.
- ⁴³² *Кравецкий А. Г.* Альтернативные системы в истории русской письменности XVIII–XIX вв. // Славянское языкознание: Материалы конференции (Москва, июнь 2002 г.). М., 2003. С. 152.
- ⁴³³ *Лабытцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Всему православному миру: Православная литература межвоенной Польши. М., 1995; *Они же.* Православная литература межвоенной Польши. М., 1998; *Они же.* Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации по материалам экспедиции 1996 г. М., 1999; *Они же.* Православная литература Польши (1918–1939 гг.) Минск, 2001.
- ⁴³⁴ *Они же.* Народная книжность родины Винцеса Коротынского // Винцесь Каратынскі ў беларуска-славянскім літаратурным узаемадзеянні. Мінск, 2006. С. 35–42; *Лабытцев Ю. А.* Современная народная литература Восточного Полесья // Традыцыі матэрыяльная і духоўнай культуры Усходняга Палесся і праблемы вывучэння і захавання ў постчарнобыльскі час. Гомель, 2006. С. 152–155; *Щавинская Л. Л.* Тексты западнобелорусского «Богогласника» на Гомельщине // Традыцыі матэрыяльная і духоўнай культуры Усходняга Палесся і праблемы вывучэння і захавання ў постчарнобыльскі час. Гомель, 2006. С. 183–188; *Щавинская Л. Л.* Живая традиция массового народного чтения: многоязычная восточнославянская книга «Богогласник» // Чтение как стратегия жизни. М., 2006. С. 197–198.
- ⁴³⁵ *Радченко З.* Гомельские народные песни (белорусские и малорусские). СПб., 1888. С. IX.
- ⁴³⁶ Там же. С. IV.
- ⁴³⁷ *Истомин Ф.* Предисловие редактора // Радченко З. Гомельские народные песни (белорусские и малорусские). СПб., 1888. С. I.
- ⁴³⁸ *Мельников Ф. Е.* Сектантство и Церковь пред судом Священного Писания. Кишинев, 1934.
- ⁴³⁹ *Ben-Amos D.* Jewish Folk Literature // Oral Tradition. 1999. № 14/1. P. 140–274.
- ⁴⁴⁰ *Бен-Амос Д.* Еврейская народная культура. М., 2004.
- ⁴⁴¹ *Листова Т. А.* Современная ситуация // Белорусско-русское пограничье: Этнологическое исследование. М., 2005. С. 166.
- ⁴⁴² Там же. С. 155.
- ⁴⁴³ Там же.
- ⁴⁴⁴ Там же. С. 166.

⁴⁴⁵ Здесь хочется упомянуть об одной весьма заметной и значимой, особенно в самые трудные для верующих в СССР времена, категории населения, являвшейся в наиболее драматические и даже трагические моменты единственной надежной опорой в передаче и распространении традиционных духовных ценностей, в т. ч. произведений народной религиозной литературы, так называемых бабушках. Они составляли после первой трети XX в. своеобразную социально-культурную и религиозную корпорацию, оказавшую колоссальное влияние на поддержание в народе исконных духовных начал, традиционной культуры, веры в лучшее. Как и везде, были они и на восточнославянском междуграничье, а многие из них еще живы, продолжают свою прежнюю миссию, хотя уже не в таких масштабах, как прежде. Их деятельность и роль в истории народов СССР еще предстоит изучить.

Прочитываем слова авторитетного православного иерарха, епископа Саратовского и Вольского Лонгина, духовно вскормленного одной из таких бабушек: «Люди моего поколения, которые пришли в Церковь в 70-е годы, еще помнят битком набитые храмы и огромные толпы женщин в белых платочках, которые, кстати, не все тогда были бабушками. Если сегодня посмотреть на старые фотографии, то можно увидеть, что в белых платочках в храм приходили и женщины среднего возраста, и даже молодые девушки.

А бабушками были те, кто отчасти еще сохранил ощущение той России, которую мы потеряли и которую мы сегодня безуспешно ищем. Они прожили не просто тяжелую — страшную жизнь. Надо знать историю нашей страны в XX веке, чтобы представить себе жизненный путь такой "среднестатистической бабушки", которая родилась еще при царе, как, например, моя бабушка, пережила Первую мировую войну, на которой погиб ее родной брат, революцию и голод, во время которого умерли отец и мать... Представить себе весь этот страшный для нашего народа довоенный период, когда людям приходилось буквально выживать в нечеловеческих условиях.

Моя бабушка — ее звали Елена Сергеевна — была обычной крестьянкой из-под Рязани и одна воспитывала четырех детей. Ее муж ушел на войну, с которой не вернулся, а старший сын пришел смертельно больным туберкулезом и спустя два года после победы умер. И всю оставшуюся жизнь она воспитывала сначала детей, а потом — огромное количество внуков, никого не оставляя своим вниманием. И при этом, почти не умея читать и писать (она закончила два класса церковно-приходской школы), молилась каждый день, утром и вечером — у нее были общие тетради, в которых печатными буквами были переписаны утренние и вечерние молитвы и несколько акафистов. Я думаю, что она ни разу не читала Евангелие, потому что его тогда просто невозможно было достать, и могла только слышать его в церкви на богослужении.

Мое собственное воцерковление связано в основном с моей бабушкой. Именно она привела меня в пер-

вый раз в церковь и водила меня туда так же, как и всех своих внуков. Причем независимо от того, хотели этого ее дети или не хотели. Например, папа моих двоюродных братьев и сестер был членом партии и страшно боялся того, что кто-то узнает об этом. Но бабушка совершенно спокойно к этому относилась. И порой даже просила его переписывать акафисты или молитвы в свои тетрадки, чему он скрепя сердце подчинялся...

Моя бабушка и ее близкие, знакомые, родственницы и подруги были удивительными людьми, которых я до сегодняшнего дня вспоминаю не иначе как с огромной благодарностью. Это были люди, верившие необыкновенно просто и трезво. И весь ужас того, что было пережито ими, не лишил их чувства благодарности Богу, способности к радости, к веселью. Они не были мрачными и хмурыми людьми. Напротив — необыкновенно открытыми, свободными, могли и песни спеть, и пообщаться, не боялись ехать через полстраны для того, чтобы повидаться с родственниками, со своими детьми и внуками. Эти абсолютно забытые сегодня особенности характера делали их очень яркими и цельными людьми.

Мне довелось видеть еще несколько церковных старушек из другой, если можно так сказать, социальной сферы. Это московские интеллигентные бабушки, которые также всю свою жизнь ходили в церковь. Две из них — сестры Нина Александровна и Елена Александровна — ходили на подворье Троице-Сергиевой лавры с самого первого дня его открытия. Они жили рядом с подворьем, бывали в нем еще до его закрытия и даже видели патриарха, тогда еще митрополита Тихона. Всю свою жизнь эти две сестры прожили вместе и работали на достаточно крупных должностях (одна из них была, по-моему, заведующей поликлиникой, другая — врачом этой же поликлиники). Одна умерла, когда ей было 98, а другая — в 95. И я, когда они еще могли ходить и приходили на службу в храм, всегда радовался, видя их — таких чинных, опрятных и вежливых.

Они были необыкновенно тактичными и мудрыми. Для нас, людей, выросших в советское время, эта интеллигентность была совершенно удивительной. Необычными казались их манера говорить друг с другом, их манера общаться, язык, на котором они разговаривали... Когда я стал бывать у них дома, причащал их или просто навещал, то меня все в них поражало, до мельчайшей черточки быта. Я сравнивал их с моей бабушкой, и при том, что это были абсолютно разные люди: с одной стороны, бабушки с огромным кругозо-

ром, которые очень много знали и прочитали за всю свою жизнь столько, сколько я, наверное, никогда не прочитаю, сколько бы я ни прожил, и с другой стороны — моя бабушка, обычная крестьянка, которая писала печатными буквами — они были абсолютно одинаковыми. На каком-то внутреннем, глубоком уровне у них был абсолютно идентичный опыт и какое-то врожденное, христианское благородство, которое сегодня редко можно встретить.

Когда эти бабушки уже не смогли ходить в храм, то я поручал нескольким молодым людям из нашего прихода ходить к ним, помогать им по хозяйству. И делал я это не только для того, чтобы помочь им, но и для того, чтобы дать возможность молодым ребятам и девушкам увидеть настоящих людей. Думаю, что для тех, кто их помнит, общение с ними осталось не просто воспоминанием на всю жизнь, но и многое дало для их будущей жизни». См.: *Лонгин, ep.* Нам не надо оправдываться за наших бабушек // Православие и современность № 6, 2008; сетевой вариант См. на сайте: http://www.eparhiasaratov.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=5090&Itemid=4).

⁴⁴⁶ Запись Е. А. Самоделовой и С. П. Сорокиной в августе 2007 г. в г. Данков и Данковском р-не Липецкой обл.

⁴⁴⁷ Запись Е. А. Самоделовой и С. П. Сорокиной в августе 2007 г. в г. Данков.

⁴⁴⁸ Запись Е. А. Самоделовой и М. А. Яковлевой в августе 2008 г. в с. Дёмкино Чаплыгинского р-на Липецкой обл.

⁴⁴⁹ Там же.

⁴⁵⁰ Там же. Одна запись произведена от переселенца из с. Дубовое.

⁴⁵¹ Запись Е. А. Самоделовой 15 июля 2008 г. в с. Федотьево Спасского р-на.

⁴⁵² Там же.

⁴⁵³ Запись Е. А. Самоделовой и М. А. Яковлевой 19 июля 2008 г., г. Спасск Рязанской обл.

⁴⁵⁴ Запись Е. А. Самоделовой и М. А. Яковлевой 16 июля 2008 г. от Т. Г. Бавиной, около 60 лет, в г. Спасск Рязанской обл.

⁴⁵⁵ Запись Е. А. Самоделовой и М. А. Яковлевой 19 июля 2008 г., г. Спасск Рязанской обл.

⁴⁵⁶ Запись Е. А. Самоделовой 21 сентября 2008 г. от священника отца Вячеслава, 1983 г. р., в с. Кутуково Спасского р-на Рязанской обл.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Мария Алексеевна, д-р пед. наук, Институт философии и права Сибирского отделения РАН

Агаджанян Александр Карэнович — д-р биол. наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

Аксянова Галина Андреевна, канд. биол. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Анайбан Зоя Васильевна, д-р ист. наук, Институт востоковедения РАН

Аникович Михаил Васильевич, д-р ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН

Анойкин Антон Александрович, канд. ист. наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

Атаев Борис Махачевич, д-р филол. наук, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН

Бабич Ирина Леонидовна, д-р ист. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Базиева Гульфия Джамаловна, канд. филол. наук, Институт гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН

Балуева Татьяна Сергеевна, канд. ист. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Бгажноков Барасби Хачимович, д-р ист. наук, Институт гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН

Биткеева Айса Николаевна, д-р филол. наук, Институт языкознания РАН

Боковенко Николай Анатольевич, канд. ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН

Бужилова Александра Петровна, чл.-кор. РАН, Институт археологии РАН

Буркова Валентина Николаевна, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Бурова Наталья Дмитриевна, Институт истории материальной культуры РАН

Бутовская Марина Львовна, д-р ист. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Вахтин Николай Борисович, д-р филол. наук, Институт лингвистических исследований РАН

Веселовская Елизавета Валентиновна, канд. биол. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Винокурова Лилия Иннокентьевна, канд. ист. наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН

Волков Евгений Николаевич, канд. ист. наук, Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН

Волокитин Александр Васильевич, канд. ист. наук, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН

Вострецов Юрий Евгеньевич, канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН

Гаибов Васиф Абидович, канд. ист. наук, Институт археологии РАН

Гарковик Алла Викторовна, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН

Годовых Татьяна Владимировна, канд. мед. наук, Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН

Головнёв Андрей Владимирович, чл.-кор. РАН, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН

Гончарова Галина Савитовна, Институт философии и права Сибирского отделения РАН

Гордиенко Элиса Алексеевна, д-р ист. наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН

Григорьева Ольга Михайловна, канд. биол. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Гришкина Маргарита Владимировна, д-р ист. наук, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН

Гуляев Валерий Иванович, д-р ист. наук, Институт археологии РАН

Гуров Никита Владимирович, канд. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Данилко Елена Сергеевна, д-р ист. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

- Дементьев Вячеслав Николаевич**, канд. техн. наук, Институт геологии и минералогии Сибирского отделения РАН
- Дергачев Валентин Андреевич**, д-р физ.-мат. наук, Физико-технический институт им. А. Ф. Иоффе РАН
- Дервянко Анатолий Пантелеевич**, акад. РАН, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
- Дирксен Вероника Геннадиевна**, канд. геол.-минерал. наук, Институт вулканологии и сейсмологии Дальневосточного отделения РАН
- Длужневская Галина Вацлавна**, канд. ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН
- Добровольская Мария Всеволодовна**, д-р ист. наук, Институт археологии РАН
- Дубова Надежда Анатольевна**, д-р ист. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
- Дубянский Александр Михайлович**, канд. филол. наук, Институт стран Азии и Африки МГУ
- Дыбо Анна Владимировна**, чл.-кор. РАН, Институт языкознания РАН
- Евтеев Андрей Алексеевич**, Научно-исследовательский институт и Музей антропологии им. Д. Н. Анучина МГУ
- Жирумская Валентина Борисовна**, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН
- Журбин Игорь Витальевич**, д-р ист. наук, Физико-технический институт Уральского отделения РАН
- Зайцева Ганна Ивановна**, канд. хим. наук, Институт истории материальной культуры РАН
- Зах Виктор Алексеевич**, д-р ист. наук, Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН
- Зенин Анатолий Николаевич**, д-р ист. наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
- Зенин Василий Николаевич**, д-р ист. наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
- Зимина Оксана Юрьевна**, канд. ист. наук, Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН
- Зольников Иван Дмитриевич**, канд. геол.-минерал. наук, Институт геологии и минералогии Сибирского отделения РАН
- Иванова Маргарита Григорьевна**, д-р ист. наук, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН
- Ивлиев Александр Львович**, канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН
- Капитонов Игорь Николаевич**, канд. физ.-мат. наук, Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А. П. Карпинского
- Капустина Екатерина Леонидовна**, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
- Карманов Виктор Николаевич**, канд. ист. наук, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН
- Каштанова Ольга Сергеевна**, канд. ист. наук, Институт славяноведения РАН
- Килуновская Марина Евгеньевна**, канд. ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН
- Кирчо Любовь Борисовна**, канд. ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН
- Клюев Николай Александрович**, канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН
- Ковальчук Валентин Михайлович**, д-р ист. наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН
- Кожмякина Валентина Алексеевна**, канд. филол. наук, Институт языкознания РАН
- Комлева Евгения Владимировна**, канд. ист. наук, Институт истории Сибирского отделения РАН
- Кондрашкина Елена Алексеевна**, канд. филол. наук, Институт языкознания РАН
- Коробкова Галина Федоровна**, д-р ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН
- Коростелев Александр Дмитриевич**, канд. ист. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
- Косменко Марк Георгиевич**, канд. ист. наук, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Кошеленко Геннадий Андреевич, чл.-кор. РАН,
Институт археологии РАН

Крадин Николай Николаевич, д-р ист. наук,
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока Дальневосточного
отделения РАН

Красниенко Сергей Владимирович, Институт
истории материальной культуры РАН

Кратов Евгений Владимирович, канд. ист.
наук, Правительство Карачаево-Черкесской
Республики

Кратова Наталья Владимировна, канд. ист. наук,
Карачаево-Черкесский Институт гуманитарных
исследований

Крылов Павел Валентинович, канд. ист. наук,
Санкт-Петербургский институт истории РАН

Крючкова Татьяна Борисовна, д-р филол. наук,
Институт языкознания РАН

Кузьмин Ярослав Всеволодович, д-р геогр. наук,
Институт геологии и минералогии Сибирского
отделения РАН

Кулькова Марианна Алексеевна, канд. геол. наук,
Институт истории материальной культуры РАН

Лабынцев Юрий Андреевич, д-р филол. наук,
Институт славяноведения РАН

Лазаретов Игорь Павлович, канд. ист. наук,
Институт истории материальной культуры РАН

Лебедева Людмила Михайловна, Институт
истории материальной культуры РАН

Лисицын Сергей Николаевич, канд. ист. наук,
Институт истории материальной культуры РАН

Лохов Кирилл Игоревич, канд. геол.-минерал.
наук, Всероссийский научно-исследовательский
геологический институт им. А. П. Карпинского

Магомедов Амирбек Джалилович, д-р ист.
наук, Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра
РАН

Мамсик Тамара Семеновна, д-р ист. наук,
Институт истории Сибирского отделения РАН

Медникова Мария Борисовна, д-р ист. наук,
Институт археологии РАН

Михальченко Вида Юозовна, д-р филол. наук,
Институт языкознания РАН

Молотова Тамара Лаврентьевна, канд. ист. наук,
Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В. М. Васильева

Муллонен Ирма Ивановна, д-р филол. наук,
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН

Никитина Галина Аркадьевна, д-р ист. наук,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН

Норманская Юлия Викторовна, д-р филол. наук,
Институт языкознания РАН

Павлов Павел Юрьевич, д-р ист. наук, Институт
языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения РАН

Пестряков Александр Петрович, канд. ист.
наук, Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Питулько Владимир Викторович, канд. ист. наук,
Институт истории материальной культуры РАН

Плотникова Анна Аркадьевна, д-р филол. наук,
Институт славяноведения РАН

Полонский Вадим Владимирович, д-р филол.
наук, Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН

Попков Юрий Владимирович, д-р филос. наук,
Институт философии и права СО РАН

Попова Елена Васильевна, канд. ист. наук,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН

Порхомовский Виктор Яковлевич, д-р филол.
наук, Институт языкознания РАН

Прудникова Алеся Сергеевна, Научно-
исследовательский институт и Музей антропологии
им. Д. Н. Анучина МГУ

Пулькин Максим Викторович, канд. ист.
наук, Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН

Разумова Ирина Алексеевна, д-р ист. наук,
Филиал Кольского научного центра РАН – Центр
гуманитарных проблем Баренц региона

Рупасов Александр Иванович, д-р ист. наук, Санкт-
Петербургский институт истории РАН

Рыбин Евгений Павладьевич, канд. ист. наук,
Институт археологии и этнографии Сибирского
отделения РАН

Рыкушина Галина Викторовна, канд. ист. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Савинов Дмитрий Глебович, д-р ист. наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Садиков Ранус Рафикович, канд. ист. наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН

Самоделова Елена Александровна, канд. филол. наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Семенов Владимир Анатольевич, канд. ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН

Семенов Анатолий Александрович, канд. физ.-мат. наук, Институт истории материальной культуры РАН

Синицын Андрей Александрович, канд. ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН

Скочина Светлана Николаевна, Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН

Слепцов Игорь Юрьевич, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН

Соколовский Сергей Валерьевич, канд. ист. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Сорокин Алексей Николаевич, д-р ист. наук, Институт археологии РАН

Сорокина Светлана Павловна, канд. филол. наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Тишков Валерий Александрович, акад. РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Топорова Татьяна Владимировна, д-р филол. наук, Институт языкознания РАН

Тураев Вадим Анатольевич, канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН

Усачева Ирина Витальевна, канд. ист. наук, Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН

Филиппова Виктория Викторовна, канд. ист. наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН

Харитонова Валентина Ивановна, д-р ист. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Хартанович Валерий Иванович, канд. ист. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Хаховская Людмила Николаевна, канд. ист. наук, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения РАН

Худяков Юлий Сергеевич, д-р ист. наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

Цембалюк Светлана Ивановна, Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН

Чельшева Ирина Игоревна, д-р филол. наук, Институт языкознания РАН

Чикунова Ирина Юрьевна, канд. ист. наук, Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН

Чистиков Александр Николаевич, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН

Шелегина Ольга Николаевна, канд. ист. наук, Институт истории Сибирского отделения РАН

Широбоков Иван Григорьевич, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Шуников Михаил Васильевич, д-р ист. наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

Шутова Надежда Ивановна, д-р ист. наук, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН

Щавинская Лариса Леонидовна, канд. филол. наук, Институт славяноведения РАН

Ягафова Екатерина Андреевна, д-р ист. наук, Самарский государственный педагогический университет

Яншина Оксана Вадимовна, канд. ист. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ген.	генитив	др.	другой (ие)	с.	село (а), селение
вос.	вокатив	еп.	епископ	св.	святой
		ж.	женщина	с. ш.	северная широта
букв.	буквально	кн.	князь	собир.	собирательное
в. кн.	Великий князь	л. н.	лет назад	собств.	собственное
в. т. ч.	в том числе	Л.	лист (ы)	ср.	сравнить, сравним
в. д.	восточная долгота	млн	миллион	суф.	суффикс
в.	век	н. э.	нашей эры	т. д.	так далее
вв.	века	о.	остров	т. е.	то есть
г. р.	год рождения	обл.	область	т. к.	так как
г.	год	оз.	озеро	Тетр.	тетрадь
г.	город	ок.	около	тыс.	тысяча
га	гектар	Оп.	опись	ур. м.	уровень моря
гг.	годы	п-ов	полуостров	уч. г.	учебный год
губ.	губерния	пос.	поселок	уч.	учащийся (еся)
Д.	дело	пр.	прочий (ие)	Ф.	фонд
д.	деревня (и)	р.	река (и)	чел.	человек
диал.	диалектное	р-н	район		

Список основных аббревиатур

NP1	именительный падеж множественного числа	ОХ	общий холестерин
ВМЧ	Великие Минеи Четыи	ПД	половой диморфизм
ВУ	высота уха	ПЖЛ	повторножильные льды
ГЛЮ	глюкоза	ПИР	пируват
ДНК	дезоксирибонуклеиновая кислота	ПОЛ	перекисное окисление липидов
ДТ	длина тела	РВН	ранняя пора верхнего палеолита
ИАМТ	индекс активной массы тела	РФ	Российская Федерация
ИГК	индекс грудной клетки	СВА	Северо-Восточная Азия
ИК	индекс Кетле	СВП	средняя пора верхнего палеолита
ИКО	историко-культурные области	СЖК	свободные жирные кислоты
ИСС	измененное состояние сознания	СКС	социально-коммуникативная система
КА	коэффициент атерогенности	СМК	словарь Махмуда Кашгарского
КИС	кислородно-изотопная стадия	СПК	сельскохозяйственные производственные кооперативы
КМНС	коренные малочисленные народы Севера	СХ	свободный холестерин
КПД	коэффициент полового диморфизма	ТГ	триглицерид
КФХ	крестьянские фермерские хозяйства	ФВЛ	физиономическая высота лица
ЛАК	лактат	ХКТ	хозяйственно-культурные типы
ЛПВП	липопротеиды высокой плотности	ХС	холестерин
ЛПНП	липопротеиды низкой плотности	ХСА	хозяйствующие субъекты аборигенов
ЛПОНП	липопротеиды очень низкой плотности	ШМК	ширина между клыковыми точками
ЛПХ	личные подсобные хозяйства	ШМН-ГС	ширина между носогубными складками
МВЛ	морфологическая высота лиц	ШН	ширина носа
МОАМР	межколхозное объединение активного морского рыболовства	ШР	ширина рта
МТ	масса тела	ШФ	ширина фильтра
ОГК	окружность грудной клетки	ЭХ	этерифицированный холестерин
		ЯМО	язык межнационального общения

Список сокращений организаций и архивов

Архив ЛенВО	Архив Ленинградского военного округа
БСЭ	Большая Советская энциклопедия
ВИНИТИ	Всероссийский институт научной и технической информации
ГИМ	Государственный исторический музей
ИЛИ РАН	Институт лингвистических исследований Российской академии наук
ЛОГАВ	Ленинградский областной государственный архив в г. Выборг
НИА СПбИИ РАН	Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
РГАЭ	Российский государственный архив экономики
РГБ	Российская государственная библиотека
РГГУ	Российский государственный гуманитарный университет
РГПУ	Российский государственный педагогический университет
РНБ	Российская национальная библиотека
ХакНИИЯЛИ	Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории
ЦГАИПД СПб.	Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга

Список сокращений языков

DN	верхнедемьянский	булг.	булгарский
E	эрзянский	вахан.	ваханский
G	глазовский	венг.	венгерский
I	Инари	вост.-иран.	восточно-иранский
K	казанский	галт.	горно-алтайский
Kaz	казымский	др.-инд.	древнеиндийский
KB	козмо-демьянский	др.-исл.	древнеисландский
Kr	красноярский	др.-кит.	древнекитайский
KU	нижне-кондинский	др.-тюрк.	древнетюркский
LM	средне-лозьвинский	др.-уйг.	древнеуйгурский
LO	верхне-лозьвинский	зор. пехл.	зороастрийский пехлеви
Lu	нижне-лозьвинский	ИЕ	индоевропейский
M	мокшанский	индо-иран.	индоиранский
N	норвежско-саамский	иран.	иранский
N	северно-мансийский	ишк.	ишкашимский
Ni	низямский	камас.	камасинский
O	обдорский	кирг.	киргизский
P	пелымский	кл. перс.	классический персидский
P	пермяцкий	крх.-уйг.	караханидско-уйгурский
PO	восточно-пермяцкий	курд.	курдский
S	сысольский	лат.	латинский
S	сарапульский	латыш.	латышский
So	сосьвинский	макед.	македонский
Trj	тромъеганский	манс.	мансийский
V	ваховский	мар.	марийский
V	ветлужский	матор.	маторский
Vj	васюганский	морд.	мордовский
		мундж.	мунджанский
авест.	авестийский	ненец.	ненецкий
аз.	азербайджанский	нивх.	нивхский
англ.	английский	огуз.	огузский
барт.	бартагский	осет.	осетинский
болг.	болгарский	ОТ	общетюркский

ПАлт.	праалтайский	серб.	сербский
парф.	парфянский	серб.-хорв.	сербско-хорватский
ПЕн.	праенисейский	словен.	словенский
пехл.	пехлеви	совр. перс.	современный персидский
ПИЕ	праиндоевропейский	согд.	согдийский
ПИран.	праиранский	ср.-иран.	среднеиранский
ПМ	прамордовский	ср.-монг.	среднемонгольский
ПМонг.	прамонгольский	ср.-перс.	среднеперсидский
ПНивх.	пранивхский	тат.	татарский
поздн.-др.-кит.	позднедревнекитайский	тох.	тохарский
ПСам.	прасамодийский	тур.	турецкий
ПТ	пратюркский	тюрк.	тюркский
ПТМ	пратунгусо-маньчжурский	удм.	удмуртский
ПТох.	пратохарский	ФВ	финно-волжский
ПУг.	праугорский	фин.	финский
ПУр.	прауральский	ФП	финно-пермский
ПФУ	прафинно-угорский	ФУ	финно-угорский
ПЮСам.	праюжносамодийский	хак.	хакасский
рум.	румынский	хант.	хантыйский
рунич.	рунический	хорвт.	хорватский
руш.	рушанский	хсак.	хотаносакский
саам.	саамский	чаг.	чагатайский
сак.	сакский	чув.	чувашский
сангл.	санглечи	шугн.	шугнанский
сахал.	сахалинский	энец.	энецкий
сев.-греч.	северно-греческий	эст.	эстонский
селькуп.	селькупский	язг.	язгулямский

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. <i>Тишков В. А.</i>	5
Раздел 1. Археология и антропология	11
Древнейшие человеческие популяции на территории прикаспийской зоны Северного Кавказа: эволюция материальной культуры. <i>Деревянко А. П., Анойкин А. А., Зенин В. Н.</i>	11
Адаптации к природным условиям и социокультурная адаптация в верхнем палеолите Восточной Европы. <i>Ашикович М. В.</i>	18
Культурные и адаптивные различия палеолита Костенок. <i>Синицын А. А.</i>	26
Основные этапы освоения человеком северо-востока Европы в каменном веке. <i>Павлов П. Ю., Волокитин А. В., Карманов В. Н.</i>	31
Расселение и адаптация древнего человека на северо-востоке Азии в позднем неоплейстоцене. <i>Питулько В. В.</i>	38
Вариабельность палеолитических индустрий и природная среда позднего неоплейстоцена (Западно-Сибирская равнина и Горный Алтай). <i>Кузьмин Я. В., Зольников И. Д., Зенин А. Н., Рыбин Е. П., Дементьев В. Н.</i>	47
Адаптационные возможности древнейшего населения Алтая: развитие палеолитических традиций и динамика окружающей среды. <i>Деревянко А. П., Шуньков М. В., Агаджанян А. К.</i>	50
Климатическая перестройка на рубеже палеолита и мезолита как фактор культурогенеза на северо-западе Восточной Европы. <i>Лисицын С. Н.</i>	56
Пионеры Европейской России (по материалам исследований могильника Минино 2 в 2006–2007 гг.). <i>Сорокин А. Н.</i>	66
Заселение степной зоны Северной Евразии в эпохи бронзового — железного веков (2-е тысячелетие до н. э. — 1-е тысячелетие н. э.): проблемы хронологии, изменения окружающей среды и миграции. <i>Зайцева Г. И., Семенов А. А., Бурова Н. Д., Лебедева Л. М., Дергачев В. А., Дирксен В. Г., Лохов К. И., Капитонов И. Н.</i>	73
Адаптация населения Среднего Дона к природно-климатическим условиям V–IV вв. до н. э. <i>Гуляев В. И.</i>	83
Финальный неолит Приморья: к итогам разработки некоторых проблем. <i>Клюев Н. А., Гарковик А. В., Яншина О. В., Слепцов И. Ю.</i>	88
Адаптация, трансформация и взаимодействие культур в голоцене Тоболо-Ишимья в переходные периоды. <i>Зах В. А., Волков Е. Н., Зимина О. Ю., Скочина С. Н., Чикунова И. Ю., Усачева И. В., Цембалюк С. И.</i>	97
Технико-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе. <i>Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф.</i>	106
Развитие древних культур Центральной Азии в контексте климатических изменений (по материалам Минусинско-Хакасских котловин и Тувы). <i>Боковенко Н. А., Килуновская М. Е., Красниенко С. В., Кулькова М. А., Лазаретов И. П., Семенов Вл. А.</i>	114
Кроуновская археологическая культура: один из сюжетов земледельческой экспансии в железном веке в приморской зоне Восточной Азии. <i>Вострецов Ю. Е.</i>	123
Комплексные общества севера Центральной Азии и Южной Сибири в древнетюркскую эпоху (вторая половина 1-го — начало 2-го тысячелетия н. э.). <i>Длужневская Г. В., Савинов Д. Г.</i>	129
Воздействие природных аномалий и катастроф на этнокультурное развитие кочевников Центральной Азии в конце 1-го тысячелетия до н. э. — первой половине 1-го тысячелетия н. э. <i>Худяков Ю. С.</i>	138

Возникновение культа царей на эллинистическом Востоке. <i>Кошеленко Г. А., Гаибов В. А.</i>	141
Бохайцы в Монголии в эпоху Ляо. <i>Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л.</i>	146
Структура и этапы формирования городища Иднакар по результатам междисциплинарных исследований. <i>Иванова М. Г., Журбин И. В.</i>	152
Мировоззренческий комплекс — ключ к пониманию семантики эпического слова. <i>Топорова Т. В.</i>	158
Адаптационные процессы в древней и средневековой культуре Карелии. <i>Косменко М. Г.</i>	165
Об адаптации древнего населения Берингии. <i>Бужилова А. П., Добровольская М. В., Медникова М. Б.</i>	171
К проблеме формирования антропологического состава населения Обонежья. <i>Хартанович В. И., Широбоков И. Г.</i>	174
Становление и динамика облика населения Сибири и Казахстана. <i>Балуева Т. С., Веселовская Е. В., Григорьева О. М., Пестряков А. П.</i>	182
Анализ последствий адаптации у некоторых евразийских групп (по данным краниологии, соматологии и одонтологии). <i>Аксянова Г. А., Дубова Н. А., Евтеев А. А., Рыкушина Г. В.</i>	186
Социальная среда как фактор отбора адаптивных комплексов в современном обществе. <i>Бутовская М. Л., Веселовская Е. В., Буркова В. Н., Прудникова А. В.</i>	196
Примечания	203
Раздел 2. История и этнология	237
Локальные и магистральные культуры в антропологии движения. <i>Головинёв А. В.</i>	237
Экофутуризм и проблемы этической рационализации жизненной среды. <i>Бгажноков Б. Х.</i>	244
Традиционные культуры Северного Кавказа в условиях исламского всплеска и культурной глобализации. <i>Бабич И. Л., Базиева Г. Д., Кратов Е. В., Кратова Н. В., Соколовский С. В.</i>	255
Сезонные трудовые сельскохозяйственные сообщества: социальное устройство и общественный ресурс (на примере селения ХуштадаЦумадинского района, Дагестан). <i>Капустина Е. Л.</i>	263
Адаптационные механизмы и практики среди русского населения Сибири в XVI — начале XX в. <i>Шелегина О. Н., Мамсик Т. С., Комлева Е. В.</i>	270
Еврейское население Европейского Севера России в XIX — начале XX в. <i>Пулькин М. В.</i>	278
«Ушедшая Ингрия» и ингерманландские финны Ленинградской области в 1990–2000-е гг. <i>Крылов П. В.</i>	285
Миграционный опыт и формирование локальной идентичности жителей Кольского Севера. <i>Разумова И. А.</i>	290
Южная Сибирь: проблемы социальной и этнокультурной адаптации населения. <i>Анайбан З. В.</i>	298
Адаптация мигрантов в постсоветской Якутии. <i>Винокурова Л. И., Филиппова В. В.</i>	305
Социокультурная адаптация молодежи Севера (на примере г. Якутска). <i>Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Попков Ю. В.</i>	308
Адаптация коренных малочисленных народов Магаданской области в XX в. <i>Хаховская Л. Н.</i>	319
Эвенкийское село в условиях переходной экономики. <i>Тураев В. А.</i>	328
Опыт адаптации населения Камско-Вятского региона к природно-ландшафтной среде и социальным трансформациям. <i>Гришкина М. В., Никитина Г. А., Шутова Н. И.</i>	336
Опыт исследования взаимной социально-культурной адаптации в этнически смешанных селениях. <i>Коростелев А. Д., Данилко Е. С., Молотова Т. Л., Попова Е. В., Садиков Р. Р., Ягафова Е. А.</i>	344

Младенческая и детская заболеваемость и смертность в России в условиях глобальных экологических изменений. <i>Жиromская В. Б.</i>	350
Современные трансформации в сфере магико-мистической практики. <i>Харитоновa В. И.</i>	357
Адаптационные процессы детской популяции Северо-Востока России. <i>Годовых Т. В.</i>	365
Династические проекты конца XVIII – начала XIX в. как способ сохранения и реставрации государств Центральной и Юго-Восточной Европы (на примере представителей династии Романовых). <i>Каиштанова О. С.</i>	373
Ленинградцы в годы Великой Отечественной войны: адаптационные практики. <i>Ковальчук В. М., Рупасов А. И., Чистиков А. Н.</i>	380
Примечания	388
Раздел 3. Филология	402
Адаптация социальных функций языка к изменениям в социуме. <i>Михальченко В. Ю., Кожемякина В. А., Кондрашкина Е. А.</i>	402
Описание малых языков Российской Федерации на современном этапе. <i>Вахтин Н. Б.</i>	413
Некоторые ключевые аспекты в изучении миноритарных языков на современном этапе. <i>Чельшева И. И.</i>	418
Формирование этноязыковой карты Карелии (по материалам топонимического атласа). <i>Муллонен И. И.</i>	424
Русский язык и языки народов Дагестана: особенности функционирования в полиэтнической среде. <i>Атаев Б. М.</i>	427
Традиционное искусство Дагестана в контексте социальных преобразований XX в. <i>Магомедов А. Дж.</i>	434
Взаимоотношение языков России и иностранных языков в сфере науки. <i>Крючкова Т. Б.</i>	442
Традиционная культура и письменность. <i>Порхомовский В. Я.</i>	448
Динамика развития языка в условиях диаспоры. <i>Биткеева А. Н.</i>	454
Этнолингвистическое исследование румынских Карпат в балканской перспективе. <i>Плотникова А. А.</i>	460
Дравидийские языки: типологическое описание в контексте южноазиатского языкового ареала. <i>Гуров Н. В., Дубянский А. М.</i>	467
Ранние контакты тюркских народов по данным языка. <i>Дыбо А. В.</i>	473
Древнейшие урало-алтайские языковые контакты. <i>Норманская Ю. В.</i>	483
Мифопоэтика и жанровая эволюция русской литературы конца XIX – начала XX в. <i>Полонский В. В.</i>	491
Жития Варлаама Хутынского XV в. в системе адаптации славянских культур. <i>Гордиенко Э. А.</i>	500
Современная народная литература межграницья Беларуси, России и Украины. <i>Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.</i>	506
Механизмы порождения и воспроизведения фольклорных жанров (по материалам полевых экспедиций 2006–2008 гг.). <i>Самоделова Е. А., Сорокина С. П.</i>	511
Примечания	519
Сведения об авторах	534
Список сокращений	538

Научное издание

**Адаптация народов и культур к изменениям природной среды,
социальным и техногенным трансформациям**

Редактор *О. Ю. Румянцева*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *И. В. Кисилева*
Компьютерная верстка *Т. В. Хромцева*
Корректор *Н. П. Голубцова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 28.08.2009

Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 68. Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)

117393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82

Тел.: 8 (495) 334-81-87 (дирекция)

Тел./факс: 8 (495) 334-82-42 (отдел реализации)

Раздел 1. Археология и антропология

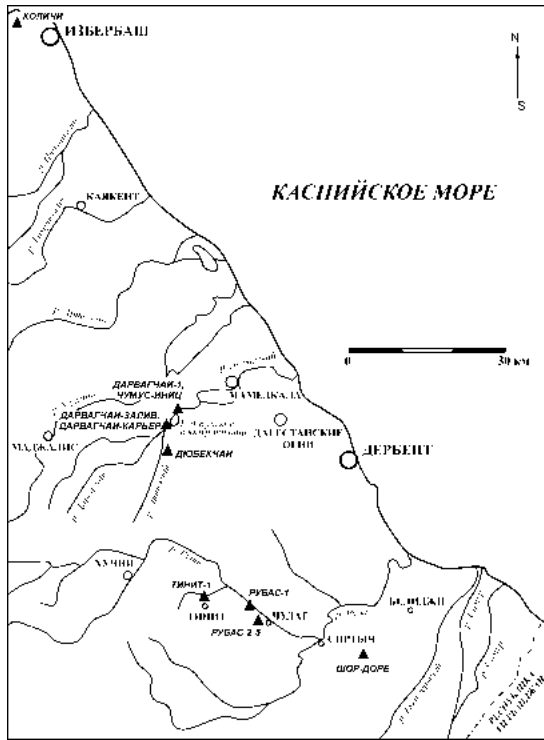

Рис. 1. Карта-схема расположения основных палеолитических памятников на территории равнинной и предгорной зон Южного Дагестана

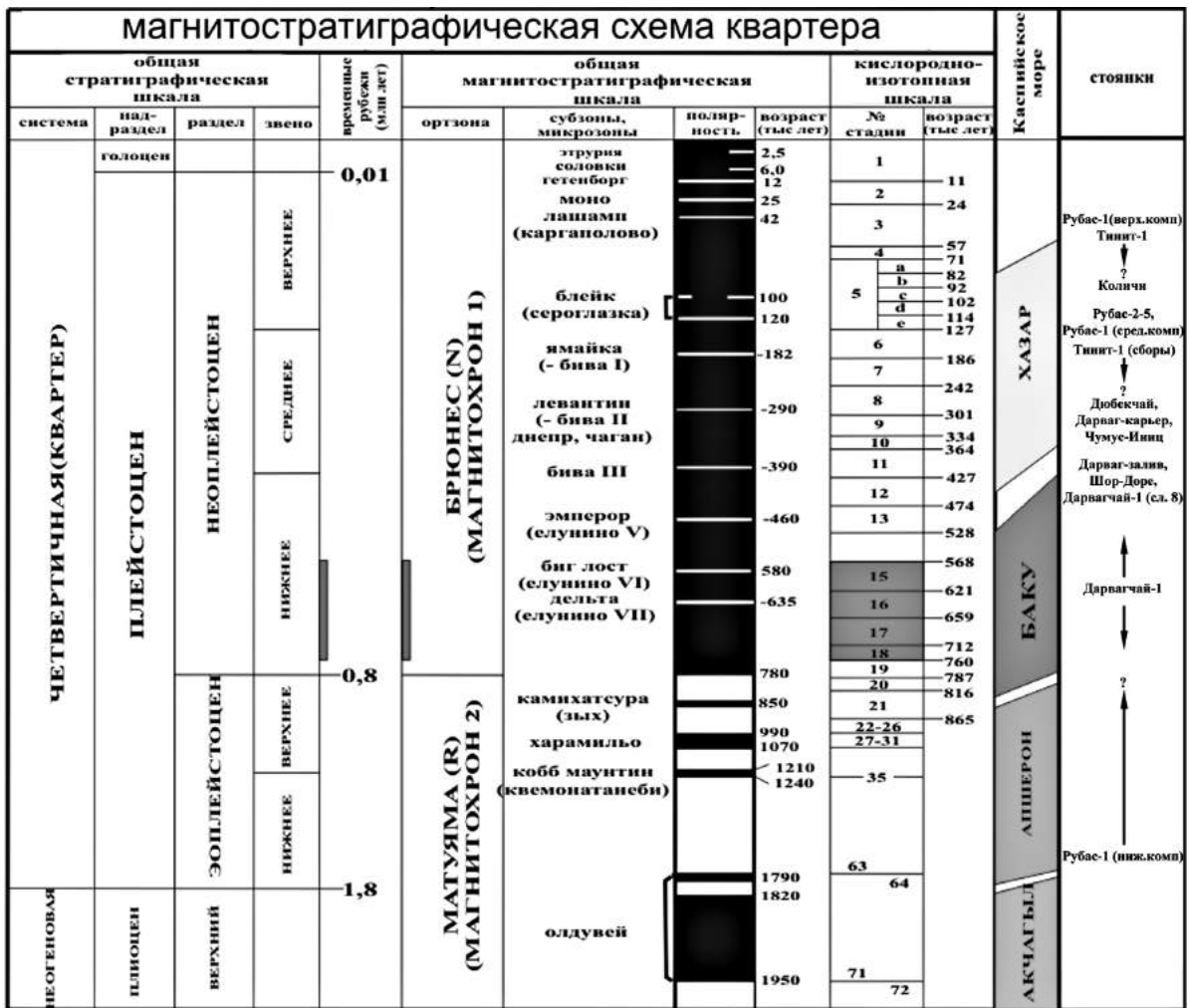

Рис. 2. Магнито-стратиграфическая схема квартера и относительная хронология основных палеолитических комплексов предгорной зоны Южного Дагестана

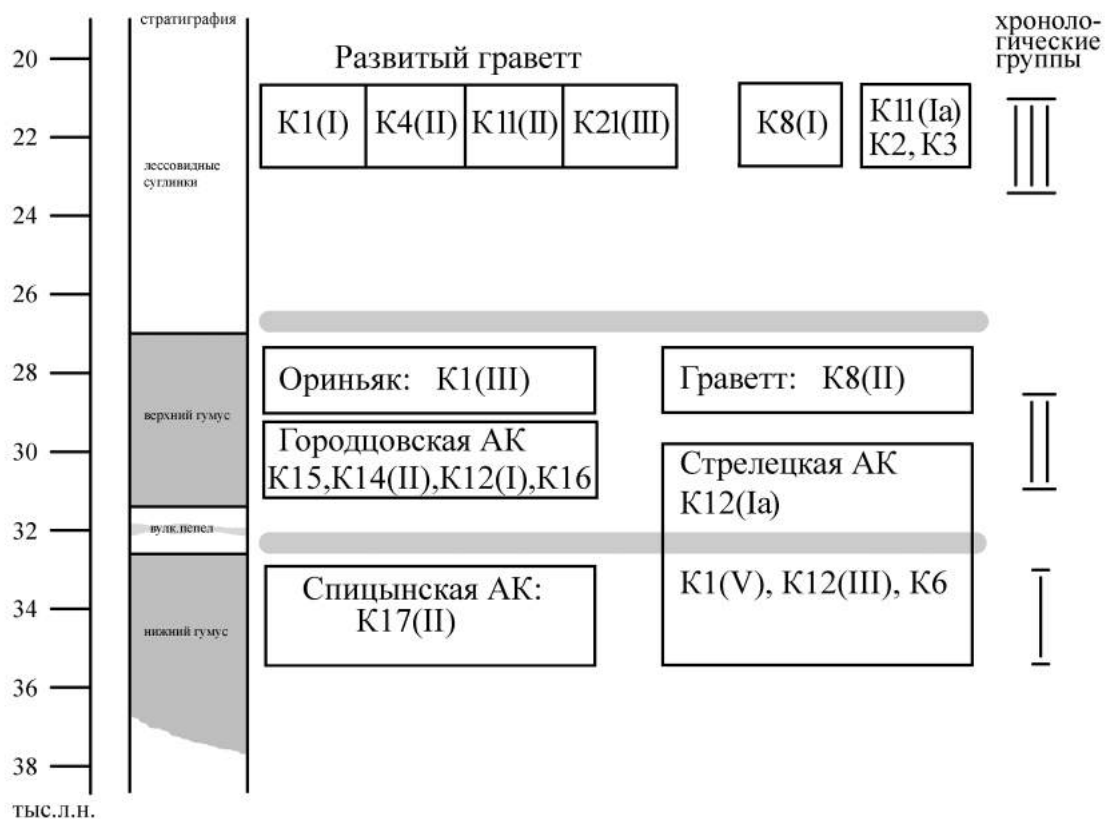

Рис. 3. Периодизация палеолита Костенок.

Обозначения памятников дано арабскими цифрами, нумерация слоев – римскими

Источник: Величко А. А., Рогачев А. Н. Позднепалеолитические поселения на Среднем Дону // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР (к VIII Конгрессу INQUA, Париж, 1969) /

Ред. И. П. Герасимов. М., 1969. С. 75–87

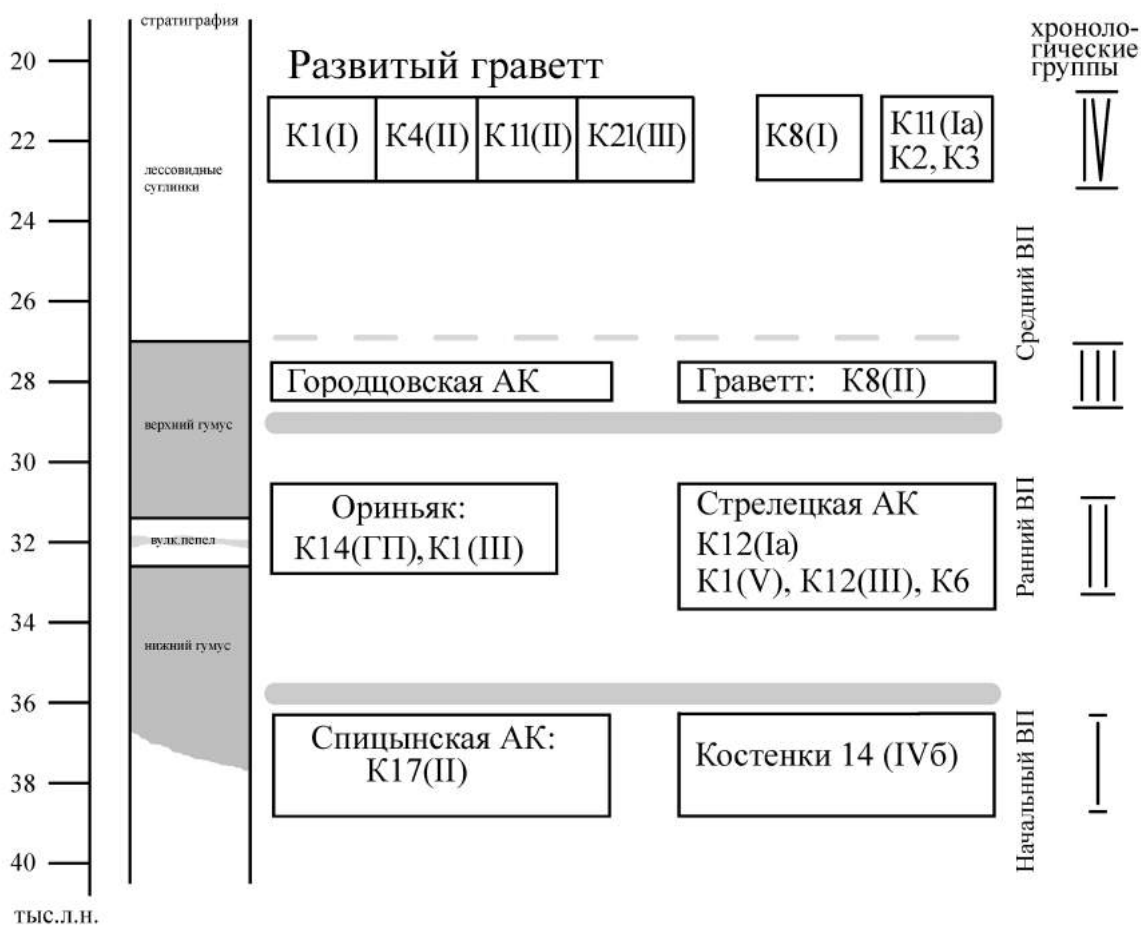

Рис. 4. Предполагаемая схема периодизации палеолита Костенок

тыс. л.н.	Западная Европа перигляциальная зона	ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА			
		ледниковая область	перигляциальная зона		южная область
10	Haesaerts et al., 2005 Allerod	Арсланов, 1987	Velichko et al., 2006	Сычева, 2007	Герасименко, 2004
12	Bolling	Аллерод	Валдайский лёсс III (алтыновский)	2-3 горизонта зачаточного почвообразования	Дофиновский этап (18 - 15 тыс. л.н.)
14		Средний дриас	Ярославский КГ		
16		Беллинг		Равнинский межстадиал Вепсовская стадия	Трубчевский горизонт
18		Нижний дриас			
20	Laugerie	Потепление	Валдайский лёсс II (деснинский)	Лесс, КГ	В н т а ч е в с к н и й э т а п
22		Бологовско-едровская стад	Владимирский КГ	Брянская почва	
24			Брянская почва	Лесс, криотурбации	27 - < 30 тыс. л.н.
26		Брянский (дунэвский) интэрстадиал	Лесс	Монастырская почва	
28	Denekamp II		Валдайский лёсс I (хотылёвский)	Лесс	лесс 36-30 тыс. л.н.
30	Denekamp I			Лесс	
32	Huneborg II	Равнинный ВП		Лесс + криотурбации	44-36 тыс. л.н.
34	Huneborg I	Ляшшиемское (михаллиновское) похолодание		Александровская почва	
36	Hengelo II	Начальный ВП			
38	Hengelo I	Межстад. Гражданский пр.			
40	Moershoofd	Шапкинское похолодание			
		Красногорский межстад.			

Рис. 5. Схема корреляции климато-стратиграфических подразделов позднего плейстоцена Западной и Восточной Европы

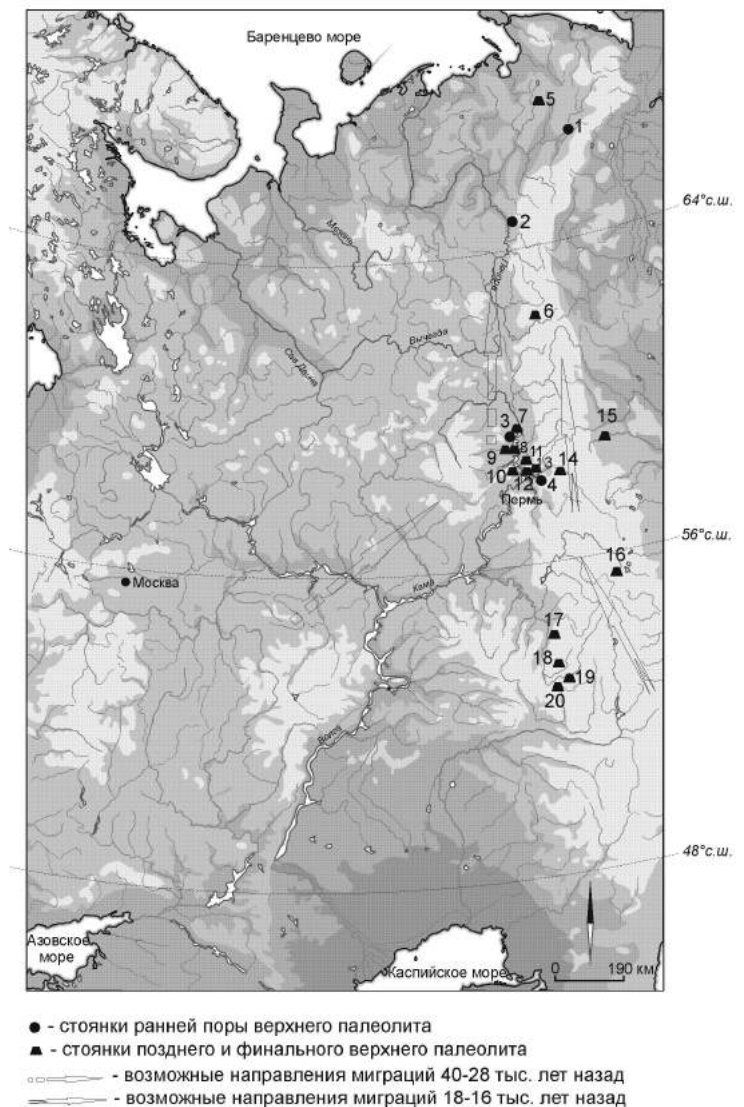

Рис. 6. Основные памятники верхнего палеолита северо-востока Европы:
 1 – Мамонтова Курья; 2 – Бызовая;
 3 – Гарчи-I; 4 – Заозерье; 5 – Пымва-Шор-I;
 6 – Медвежья пещера; 7 – Усть-Пожва;
 8 – Горка; 9 – Широфаново-II;
 10 – Ганичата-II; 11 – грот Столбовой;
 12 – стоянка Талицкого; 13 – Горная Талица;
 14 – грот Большой Глухой;
 15 – Гари; 16 – грот Бобылек;
 17 – Игнatieвская пещера; 18 – Кульюрттамак;
 19 – Капова пещера; 20 – Байсланташ

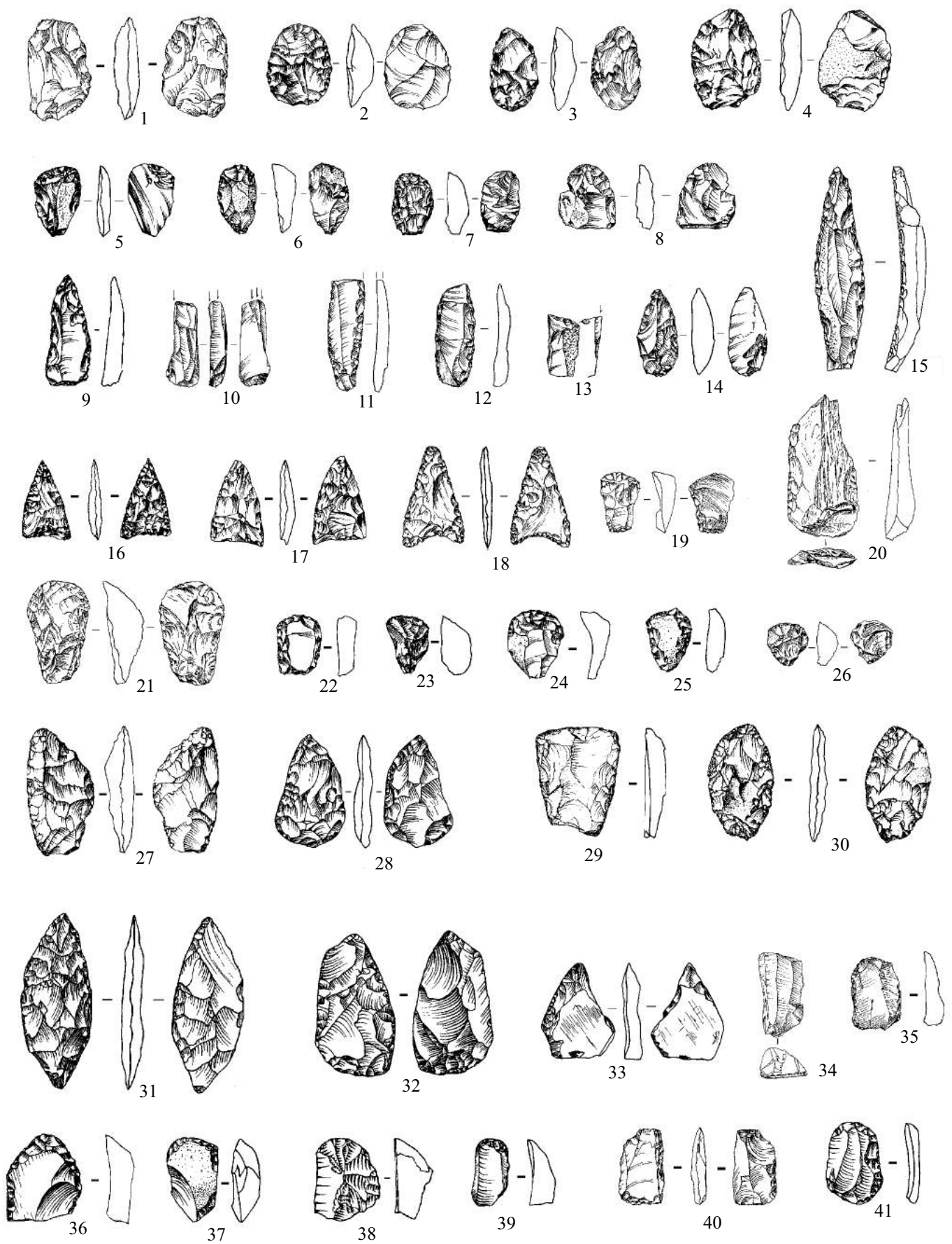

Рис. 7. Каменный инвентарь памятников начальной и ранней поры верхнего палеолита северо-востока Европы: 1 – Мамонтова Курья; 2–15 – Заозерье; 16–26 – Гарчи-I; 27–41 – Бызовая

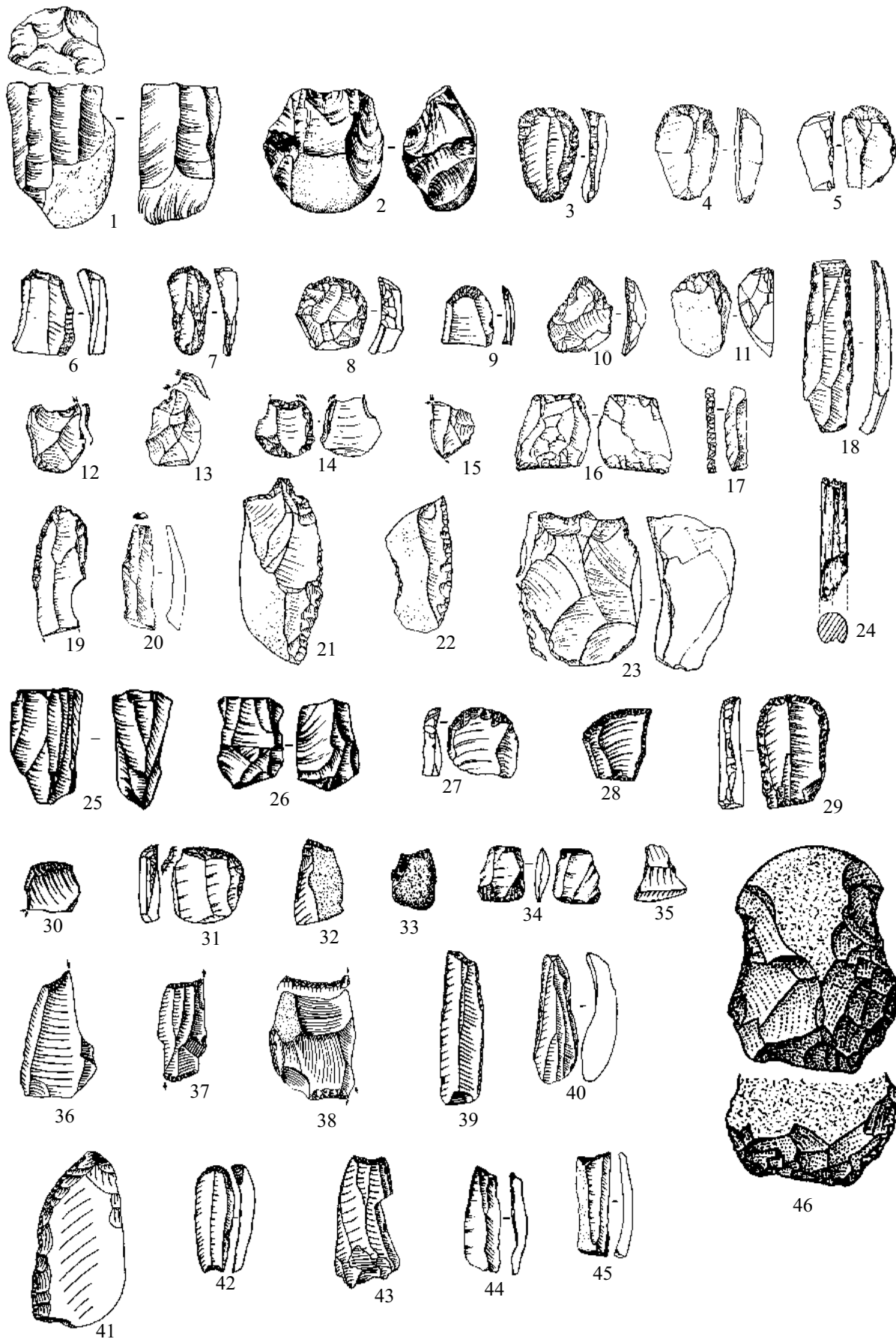

Рис. 8. Каменный и костяной инвентарь памятников позднего и финального палеолита северо-востока Европы: 1–2, 17 – Ганичата-II; 3–19, 21–23 – Шированово-II; 20, 24 – Медвежья пещера; 25–26, 34, 44–45 – Горная Талица; 27–33, 36–38, 46 – Усть-Пожва; 39–43 – Горка

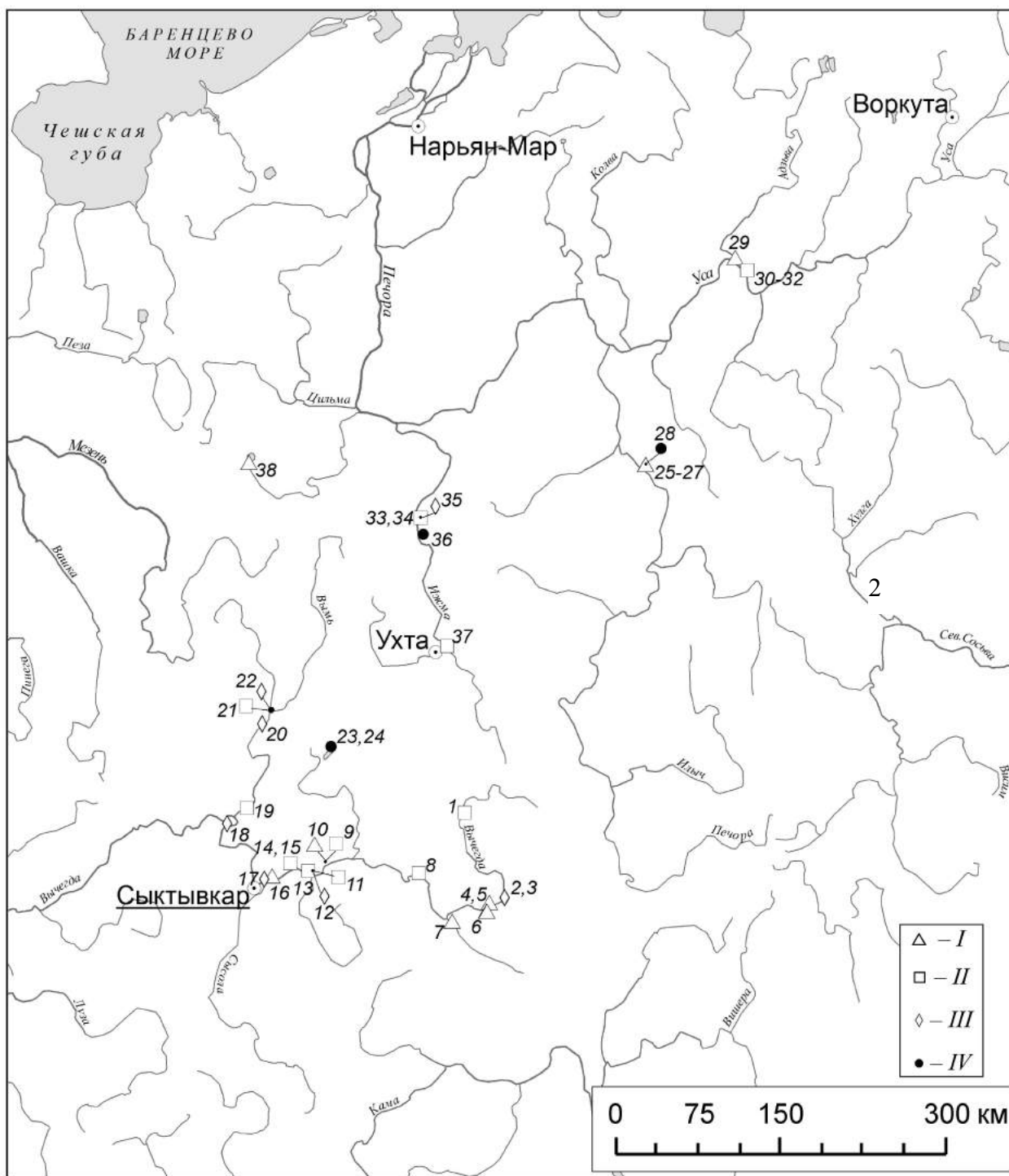

Рис. 9. Основные памятники мезолита северо-востока Европы:

1 – Кузьвомын; 2 – Чердыб-1; 3 – Чердыб-2; 4 – Парч-4; 5 – Парч-1; 6 – Парч-2; 7 – Себьяг-1; 8 – Ульяново; 9 – Чертас-II; 10 – Чертас-1; 11 – Пезмогты-6; 12 – Пезмогты-4; 13 – Пезмог-1; 14 – Курьядор-1; 15 – Курьядор-2; 16 – Озельская; 17 – Эньты-III; 18 – Ыджыд-ты; 19 – Ляльский бор; 20 – Ветью-2; 21 – Евдино-2 (пункт 4); 22 – Евдино-2 (пункт 1); 23 – Вис-1; 24 – Висский-1 торфяник; 25 – Топыд-Нюр-V; 26 – Топыд-Нюр-VI; 27 – Топыд-Нюр-VII; 28 – Зыбун-Нюр-II; 29 – Адзьва-1; 30 – Адак-1; 31 – Адак-2; 32 – Адак-3; 33 – Лек-Леса-1; 34 – Лек-Леса-2; 35 – Турун-нюр-1; 36 – Вылыс-Том-1; 37 – Усть-Ухта-1; 38 – Пижма-II.

Условные обозначения: I – памятники западной традиции; II – памятники приуральской традиции; III – памятники смешанной традиции; IV – памятники, культурная принадлежность которых не установлена

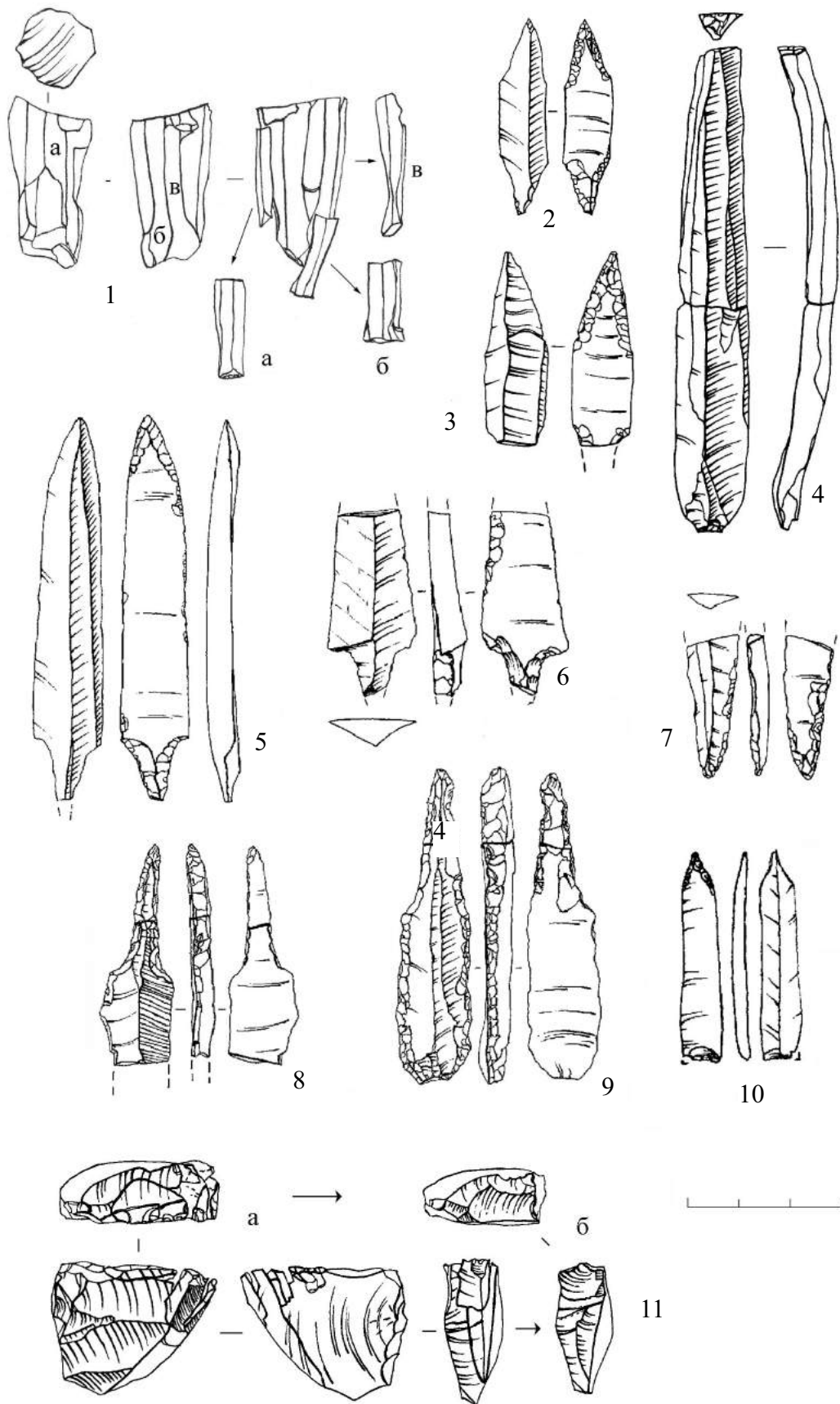

Рис. 10. 1-4 – Парч-1, комплекс по связям (ремонтаж и связи по сырью): 1 – нуклеус и (а, б, в) пластинки снятые с него, а также их негативы; 2-3 – наконечники стрел; 4 – микроскребок (составлен из двух фрагментов); 5-7 – Парч-1, наконечники стрел; 8-10 – Парч-1, остря; 11 – Парч-2, жилище 2, резец и подбирающиеся к нему резцовые сколы (а – ремонтж, б – без апплицированных сколов)

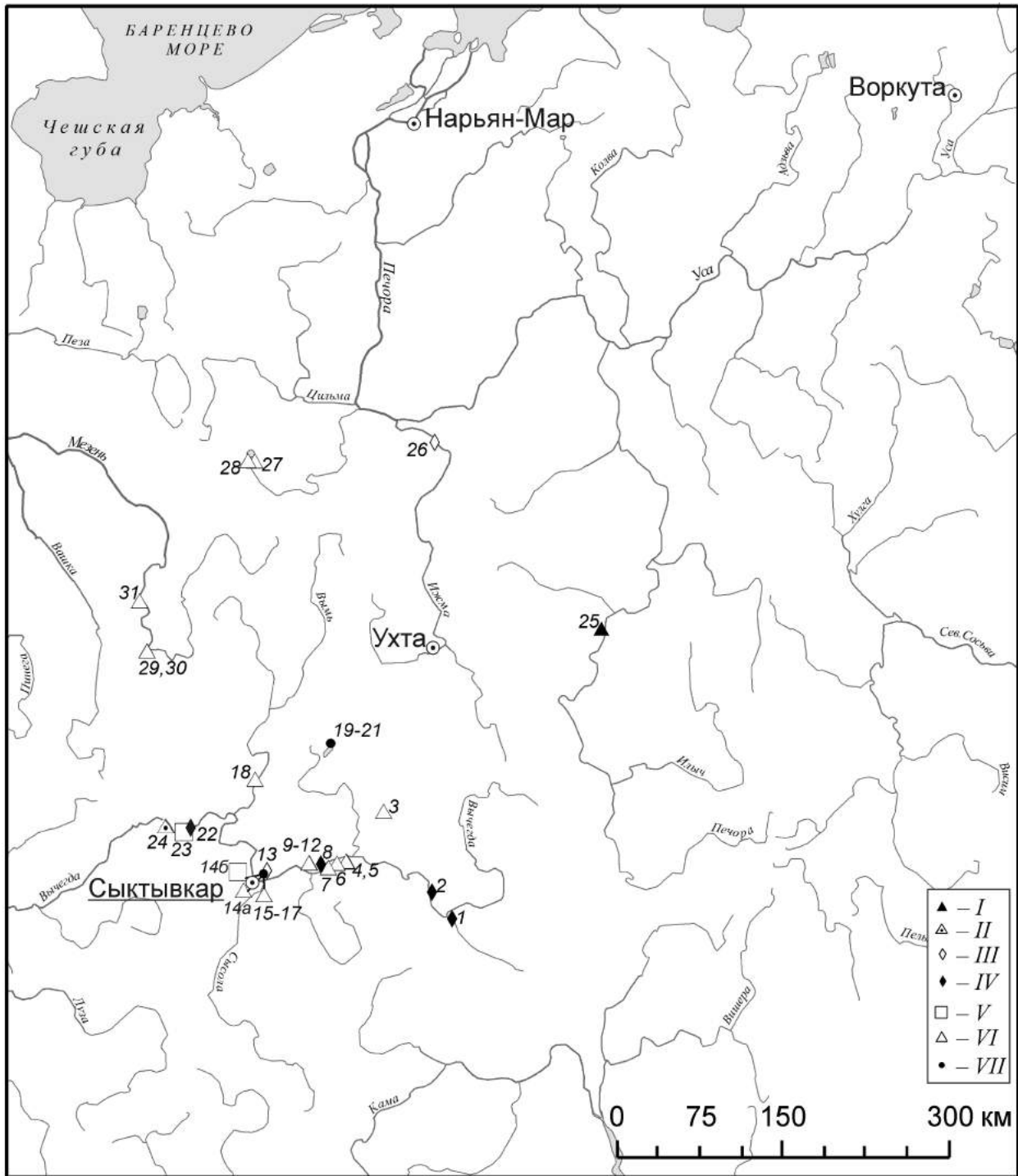

Рис. 11. Основные памятники неолита северо-востока Европы:

1 – Себьяг-I; 2 – Усть-Кулом-I; 3 – Юванаяг; 4 – Вад-I; 5 – Кыньтыяг-I; 6 – Угдым-I; 7 – Важкаяг-II; 8 – Пезмог-IV; 9 – Пезмогты-I; 10 – Пезмогты-3; 11 – Пезмогты-4; 12 – Пезмогты-5; 13 – Чудгудорьяг; 14 (а, б) – Эньты-I; 15 – Эньты-III; 16 – Эньты-IV; 17 – Эньты-VI; 18 – Половники-II; 19 – Вис-I; 20 – Вис-II; 21 – Вис-III; 22 – Кочмас; 23 – Ревью-I; 24 – Черная Вадья; 25 – Дутово-I; 26 – Черноборская-III; 27 – Пижма-I; 28 – Пижма-I; 29 – Усогорск-II; 30 – Усогорск-IV; 31 – Кыстырью.

Условные обозначения: I – памятники типа Дутово-I; II – памятники типа Черной Вадьи; III – черноборская группа памятников; IV – памятники типа Эньты-I; V – памятники камской культуры; VI – памятники льяловской культуры; VII – поликультурные памятники

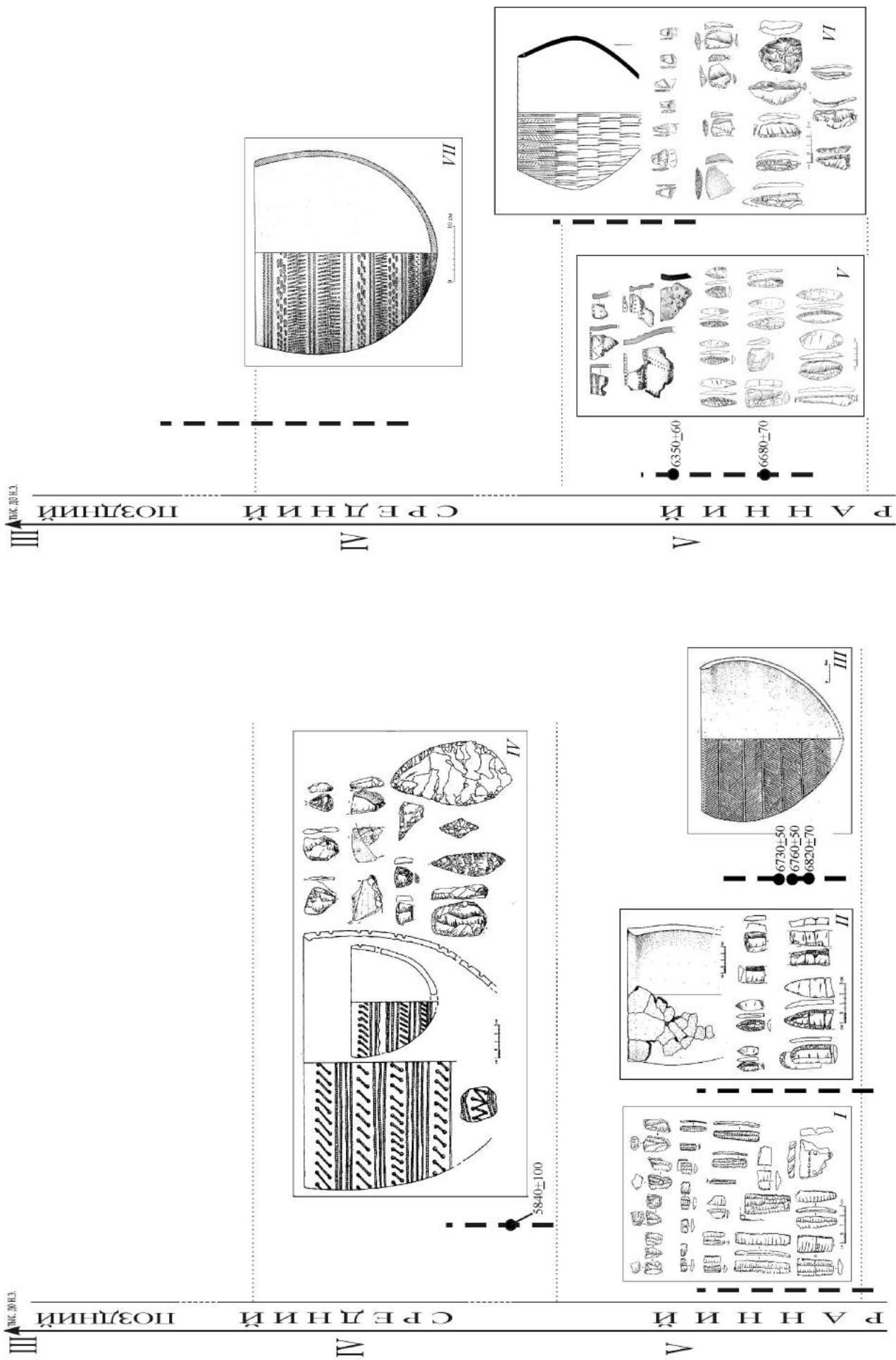

Рис. 12. Схема хронологии и периодизации неолита северо-востока. Европы:

I – Черная Вадья; II – Дутово-I; III – локальный вариант камской культуры; IV – памятники льяловской культуры; V – черноборская группа; VI – энгльгская группа; VII – памятники висского периода

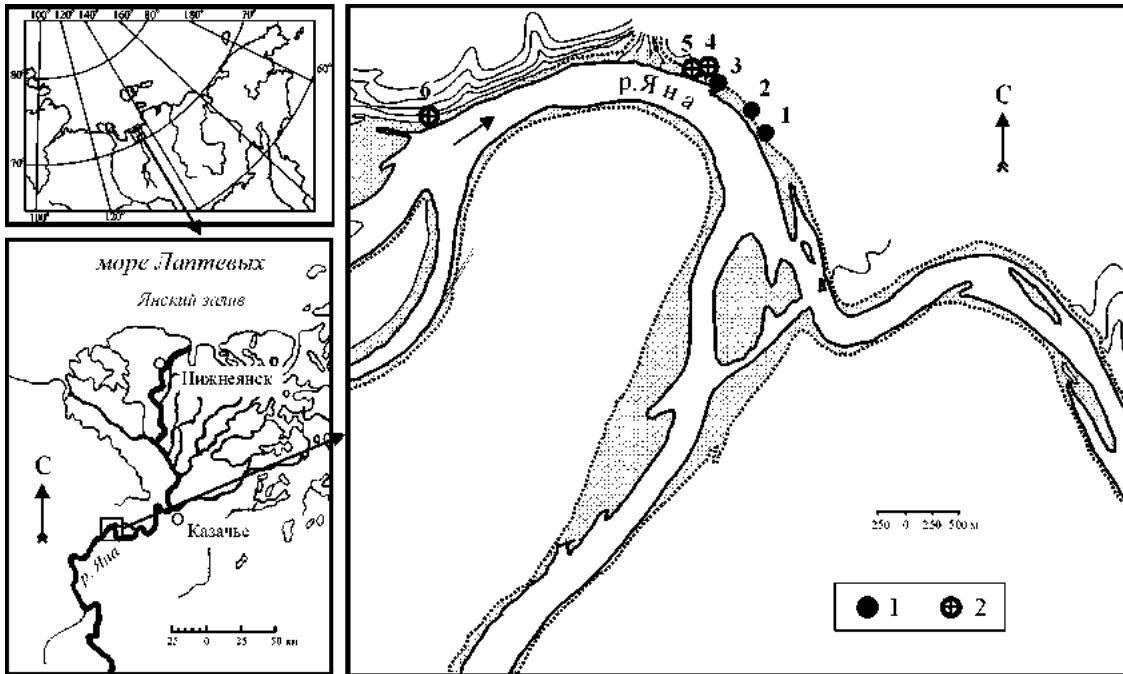

Рис. 13. Карта-схема расположения Янской археологической стоянки. Местоположение участков с археологическими находками: 1 – Тумс-1; 2 – Северный; 3 – Яна В; 4 – Южный; 5 – АСН; 6 – Верхний.

Условные обозначения: (1) участки с культурным слоем in situ; (2) пункты с переотложенным культурным материалом

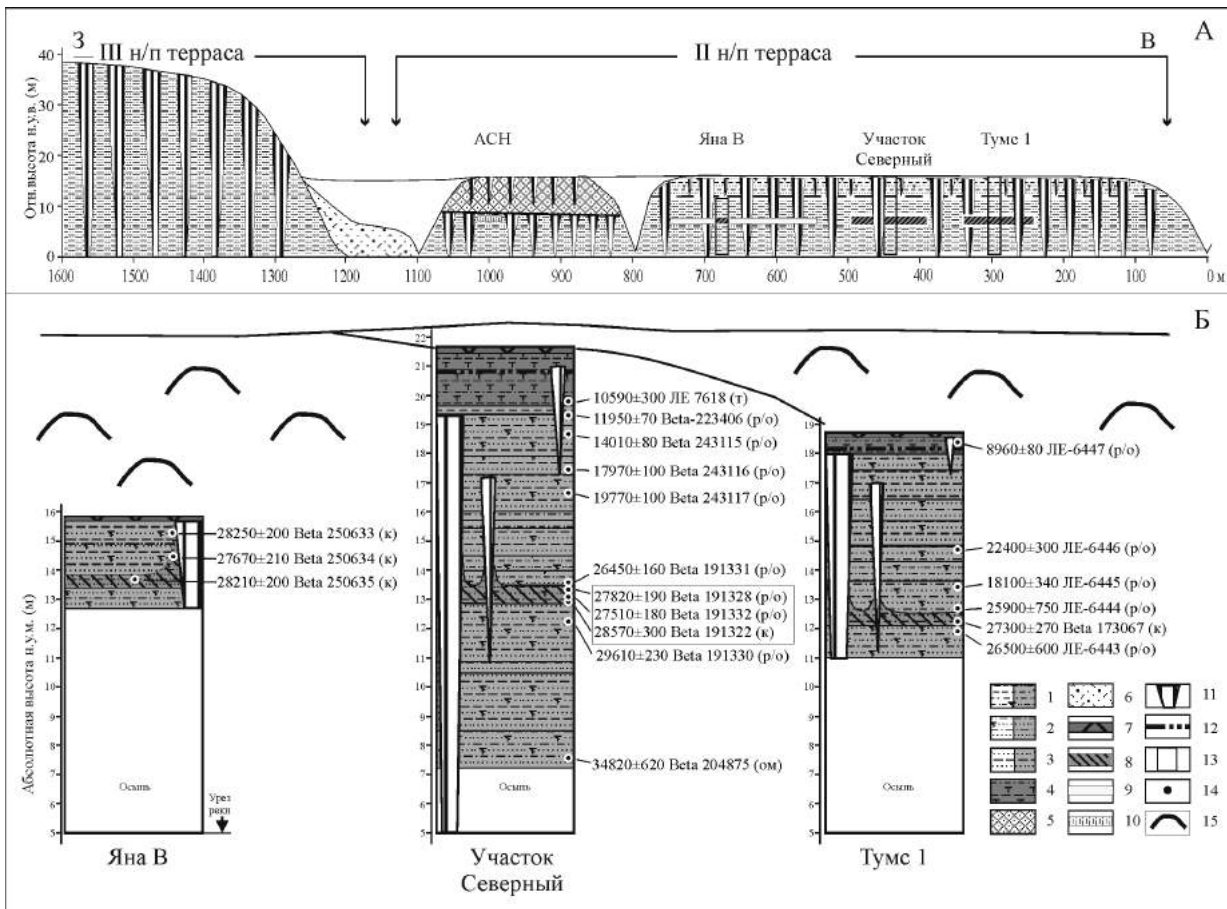

Рис. 14. Схематический геолого-геоморфологический разрез Янской стоянки (А) и стратиграфические разрезы участков с культурным слоем in situ.

Условные обозначения: аллювиальные отложения: 1 – глинисто-песчаный и песчаный алеврит; 2 – глинисто-песчаный алеврит; 3 – алеврит песчано-глинистый; 4 – толща переслаивания глинистого и песчано-глинистого алеврита с прослоями и линзами торфа; 5 – толща переслаивания супесей, суглинков и прослоев с органикой; 6 – современные склоновые и пролювиально-аллювиальные отложения; 7 – почвенно-растительный слой; 8 – установленное положение культурного слоя in situ; 9 – предполагаемое положение культурного слоя in situ; 10 – участки с переотложенным культурным материалом; 11 – повторно-жильный лед; 12 – граница сезонно-талого слоя; 13 – местоположение стратиграфических разрезов; 14 – местоположение образца, датированного по ^{14}C ; 15 – байджарахи (схематично)

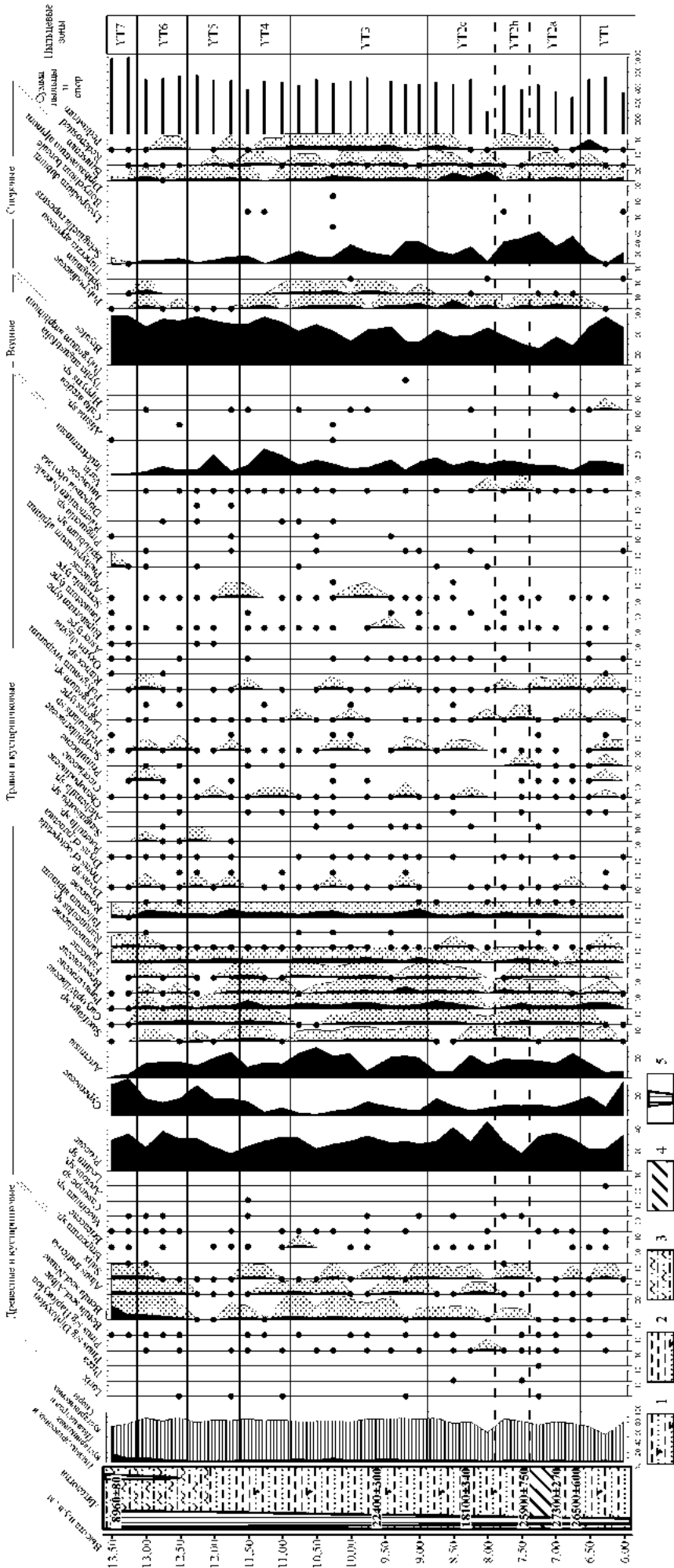

Рис. 15. Процентная спорно-пыльцевая диаграмма разреза YA02-Turns 1. Для кривых общего состава за 100 % принята сумма всей пыльцы и спор. Для кривых каждого таксона пыльцы за 100 % принята общая сумма пыльцы. Процентное содержание спор рассчитано отдельно в пределах своей группы. Условные обозначения: 1 – песчаный алеврит; 2 – глинисто-песчаный алеврит; 3 – песчано-глинистый алеврит; 4 – культурный слой; 5 – повторно-жильный лед

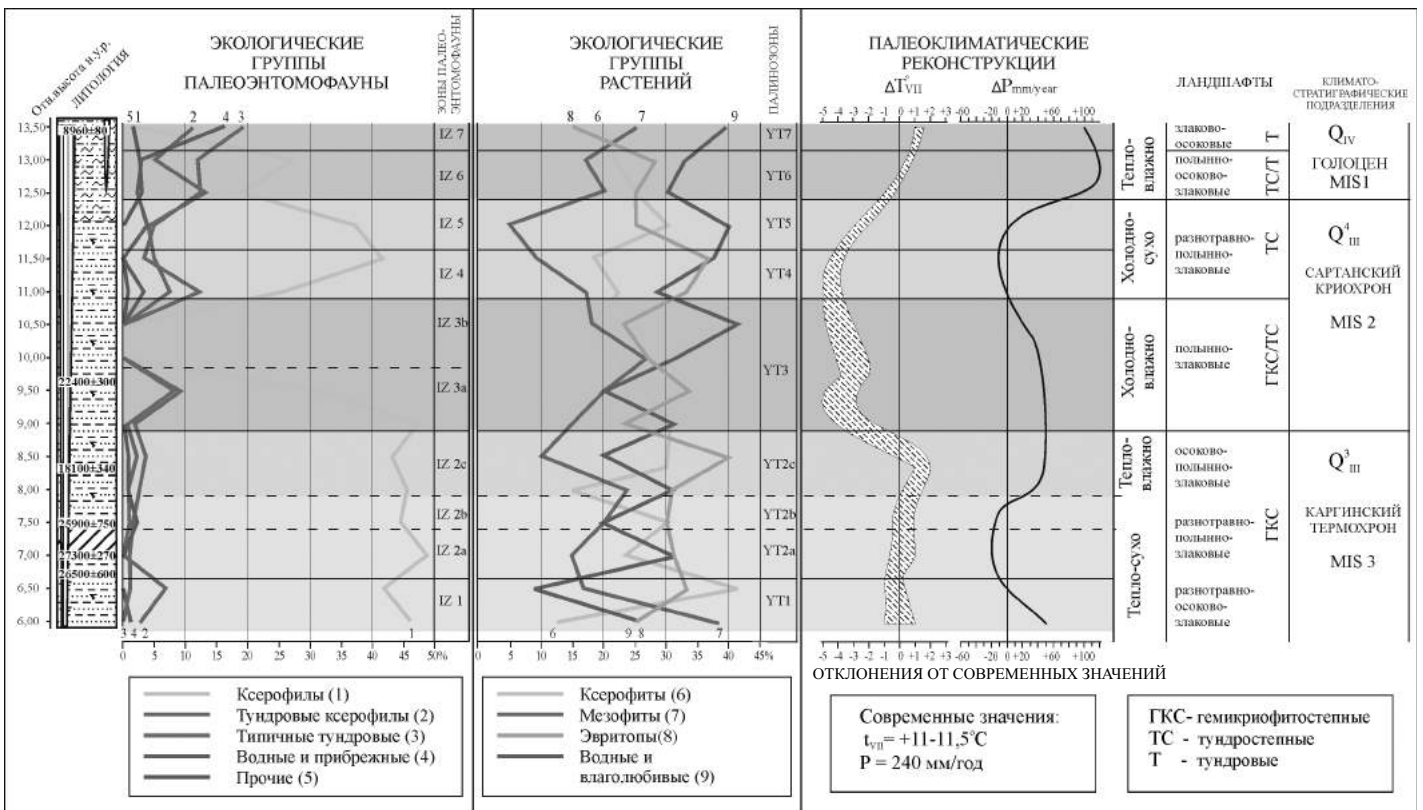

Рис. 16. Соотношение экологических группировок ископаемых насекомых, экологических групп сосудистых растений и палеоклиматические характеристики разреза YA02-Tums1

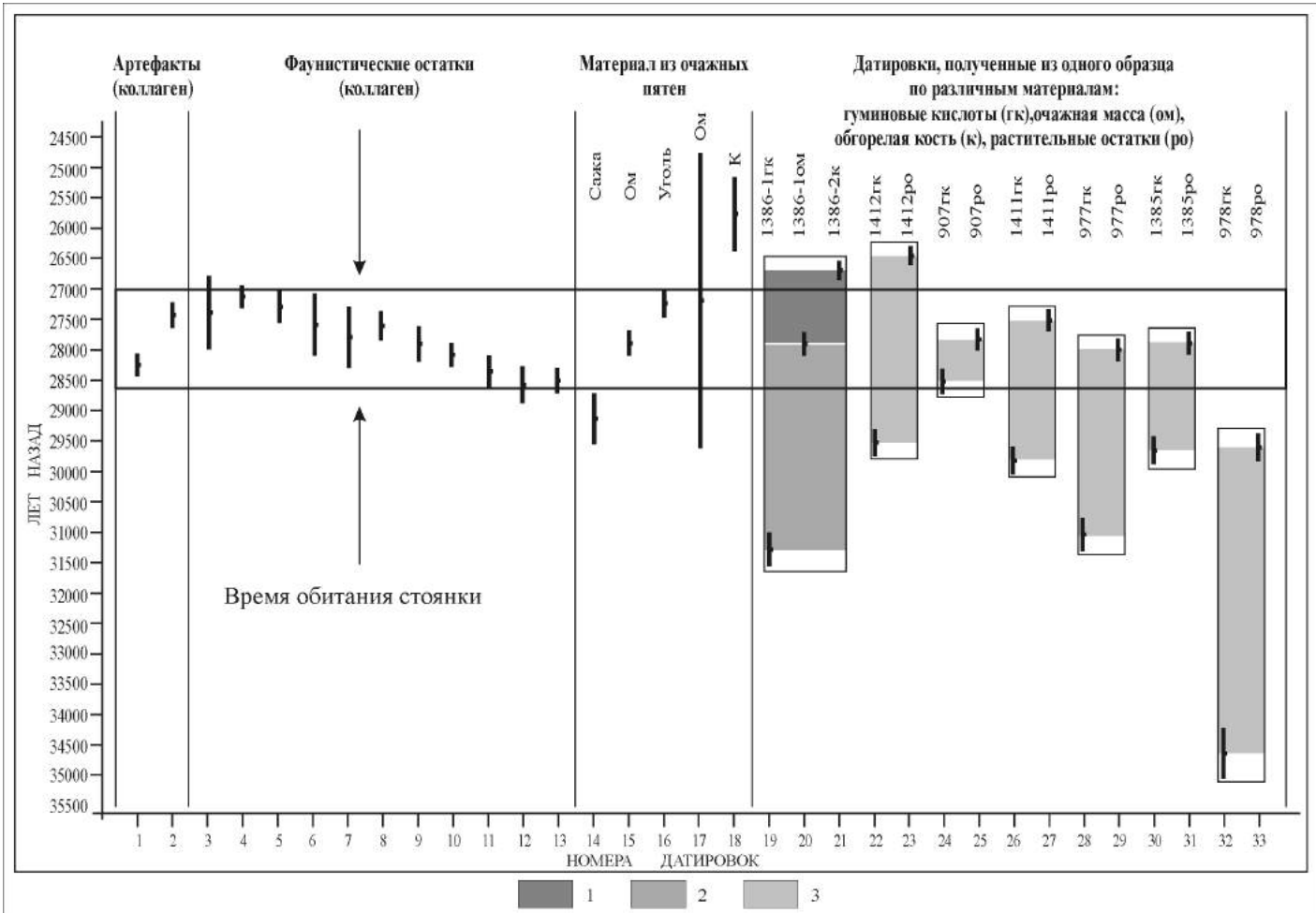

Рис. 17. График соотношения значений ¹⁴C и AMS датировок из культурного слоя Янской стоянки, полученных по различным материалам: коллаген (к); растительные остатки (р/о); гуминовые кислоты (г/к); очажная масса (ом); уголь; сажка. Условные обозначения: область расхождения значений датировок: (1) очажная масса – коллаген; (2) гуминовые кислоты – очажная масса; (3) гуминовые кислоты – растительные остатки

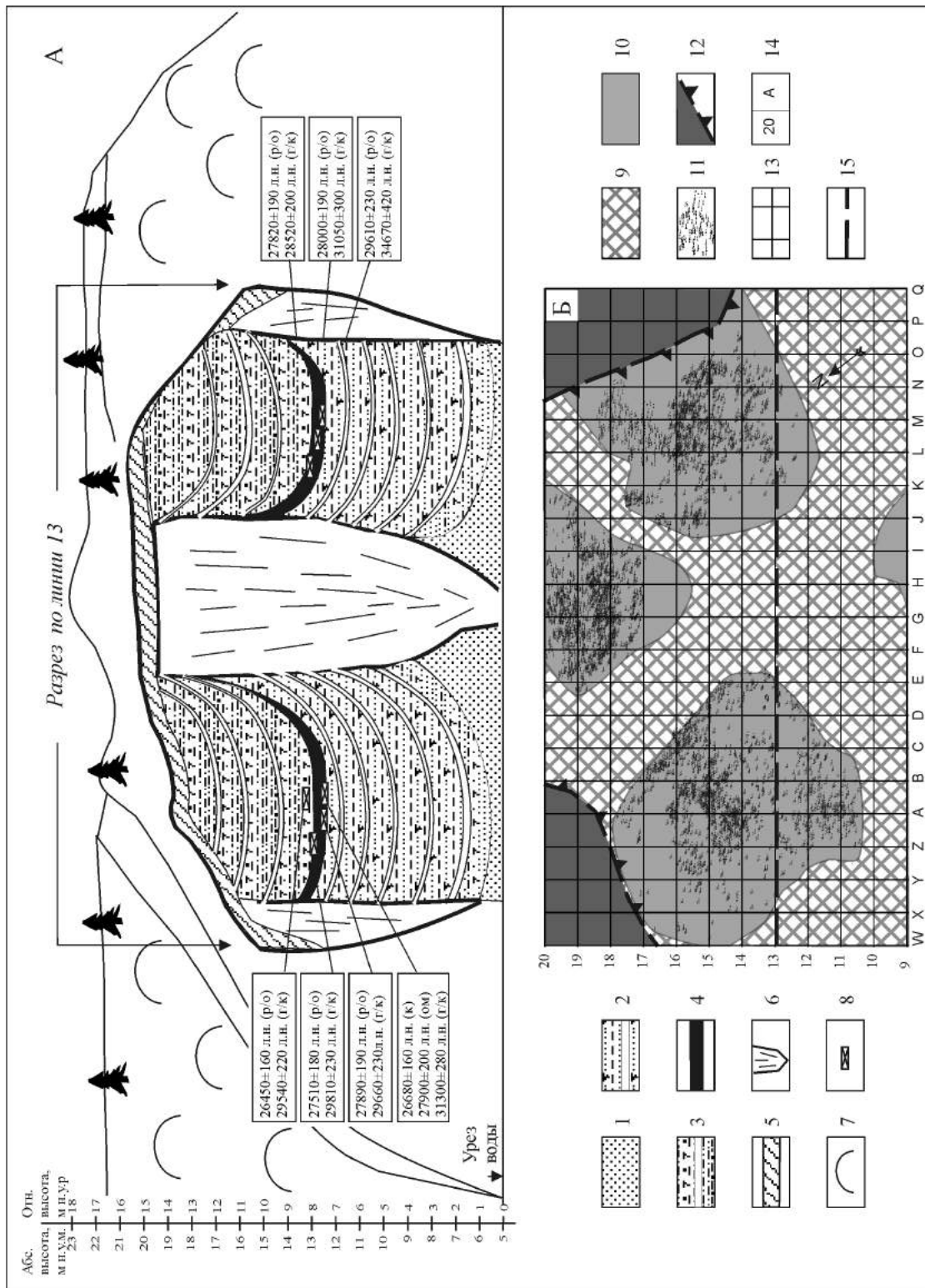

Рис. 18. Схематический стратиграфический разрез (А) и план (Б) раскопа Северный Янкой стоянки. Условные обозначения: для (А): 1 – тонкозернистый песок темно-серого цвета с отдельными частицами рассеянной органики, криогенная текстура – массивная; 2 – горизонтально-слоистый песчаный алеврит от темно-серого до буровато-серого цвета с тонкими корешками в прижизненном положении, криогенные текстуры преимущественно горизонтально-слоистые и горизонтально-сетчато-слоистые тонкошлировые с отдельными редкими шлирами льда толщиной 3–4 см; 3 – горизонтально-слоистый песчано-глинистый алеврит от коричнево-серого до серого цвета с тонкими прослоями растительного детрита, с редкими линзами торфа, с тонкими корешками в прижизненном положении; криогенные текстуры микро- и тонкошлировые с отдельными шлирами льда мощностью 2,5–4 см; 4 – местоположение культурного слоя; 5 – покровный слой: алеврит опесчаненный палево-серого цвета с рассеянными растительными остатками, линзами и прослоями торфа. Криогенная текстура слоисто-сетчатая. Верхние 60–70 см – сезонно-талый слой; 6 – сингенетический повторно-жильный лед, грязный, с пузырьками воздуха, вертикально полосчатый, ширина жилы – 5–7 м; 7 – байджарахи; 8 – ^{14}C датировки (датированный материал: р/о – растительные остатки; г/к – гуминовые кислоты; к – коллаген; ом – очажная масса). Для (Б): 9 – повторно-жильный лед; 10 – грунтовый столб; 11 – материал культурного слоя; 12 – бровка термоцирка; 13 – линии сетки квадратов с шагом 1 м; 14 – индексы линий сетки; 15 – линия 13, по которой показан вертикальный стратиграфический профиль

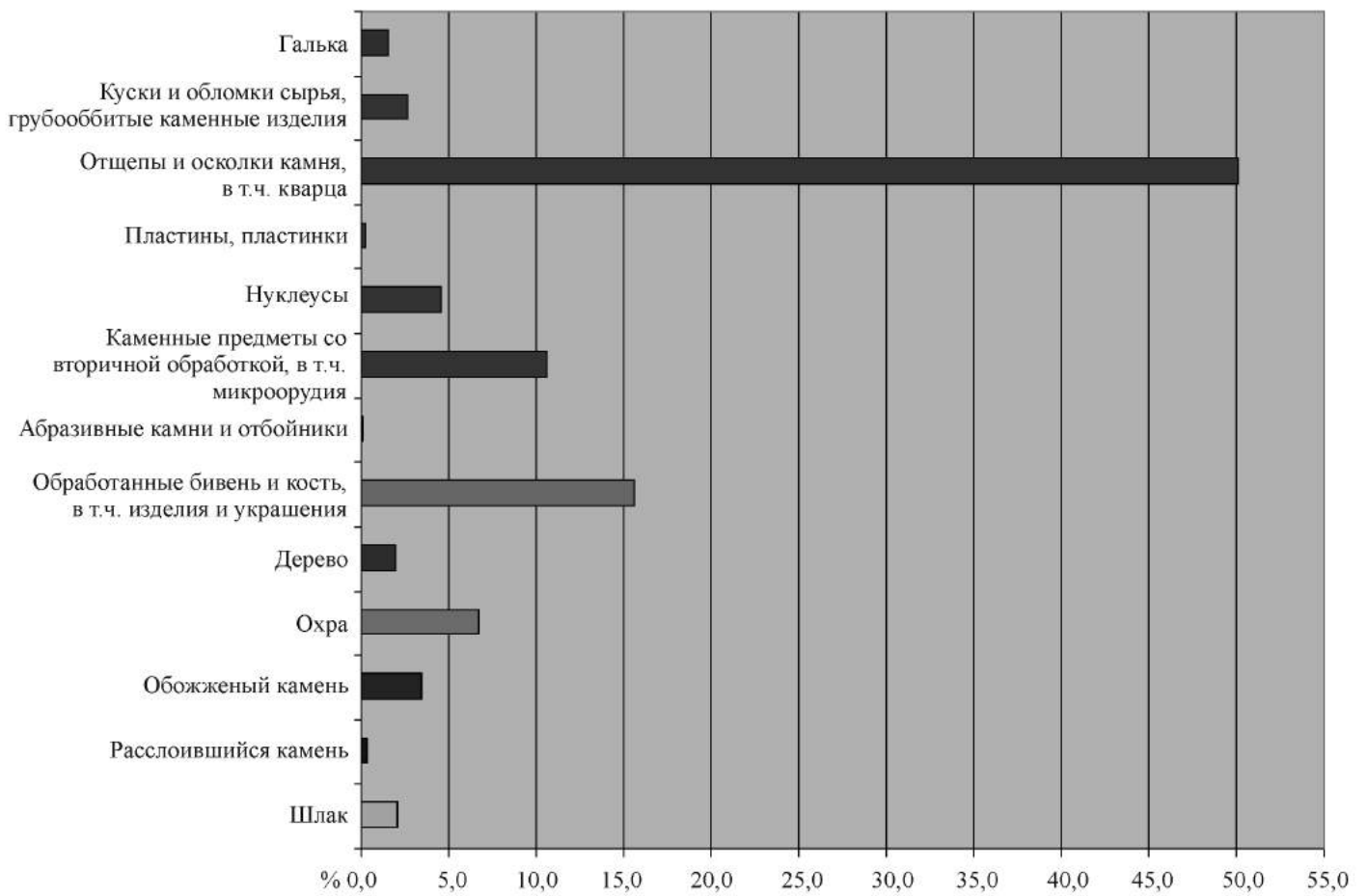

Рис. 19. Процентное соотношение находок из культурного слоя Янской стоянки без фаунистических остатков – собственно «культурная составляющая» (за 100 % принято число находок in situ без учета фаунистических остатков)

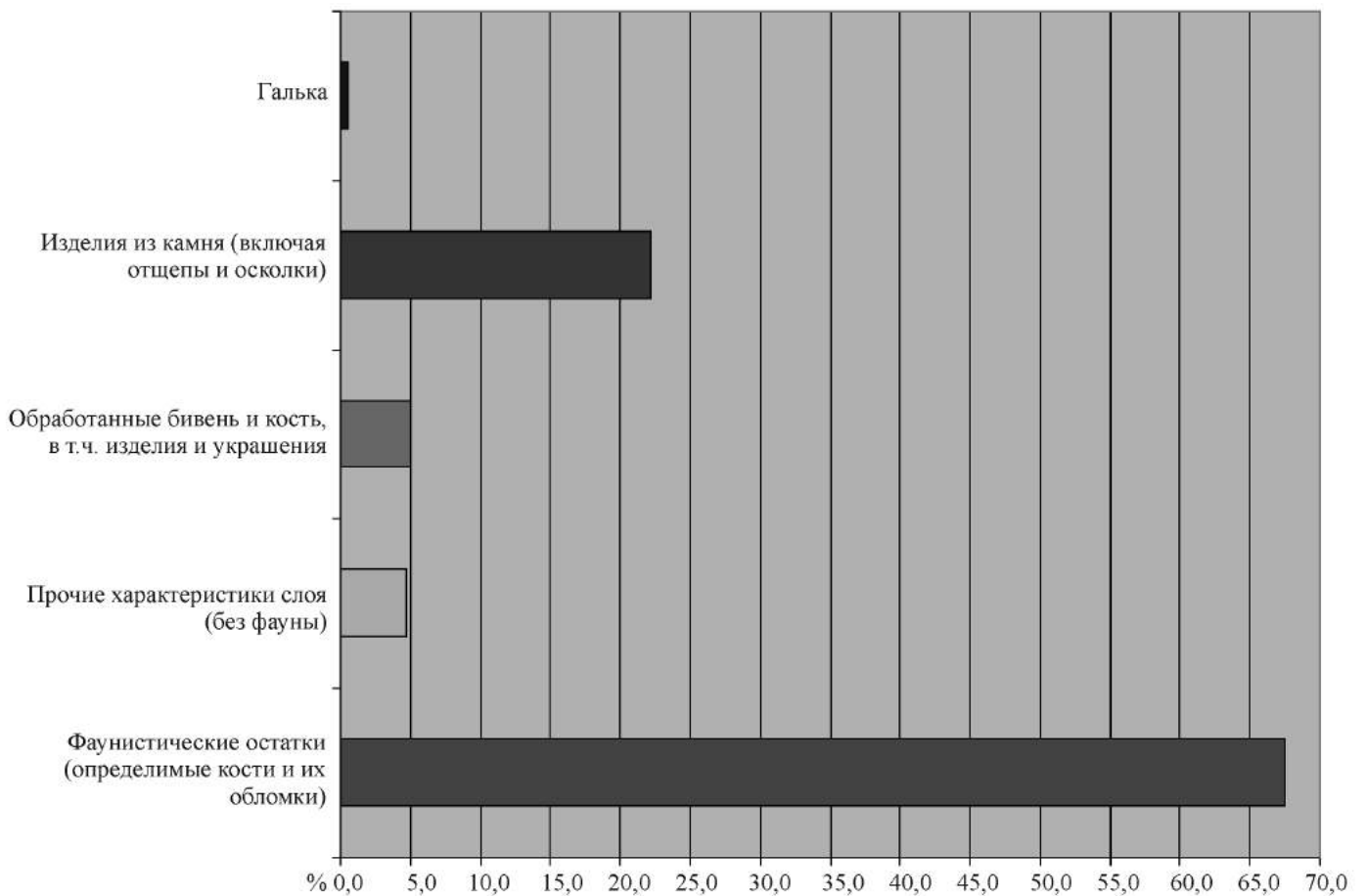

Рис. 20. Общее процентное соотношение находок из культурного слоя Янской стоянки (за 100 % принято общее число находок)

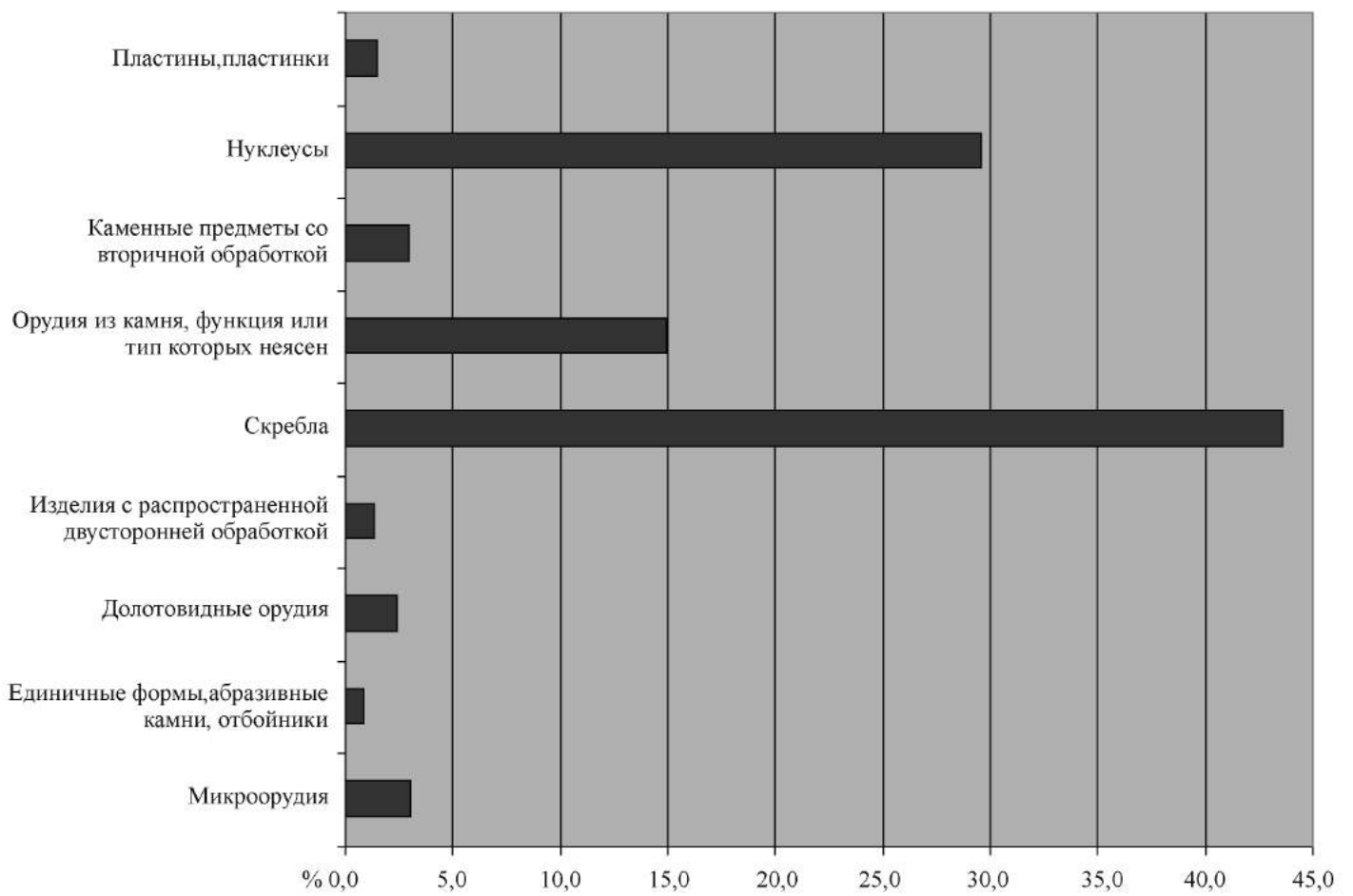

Рис. 21. Процентное соотношение изделий и предметов из камня, происходящих из культурного слоя Янской стоянки (за 100 % принято общее число изделий и предметов из камня, зафиксированных in situ)

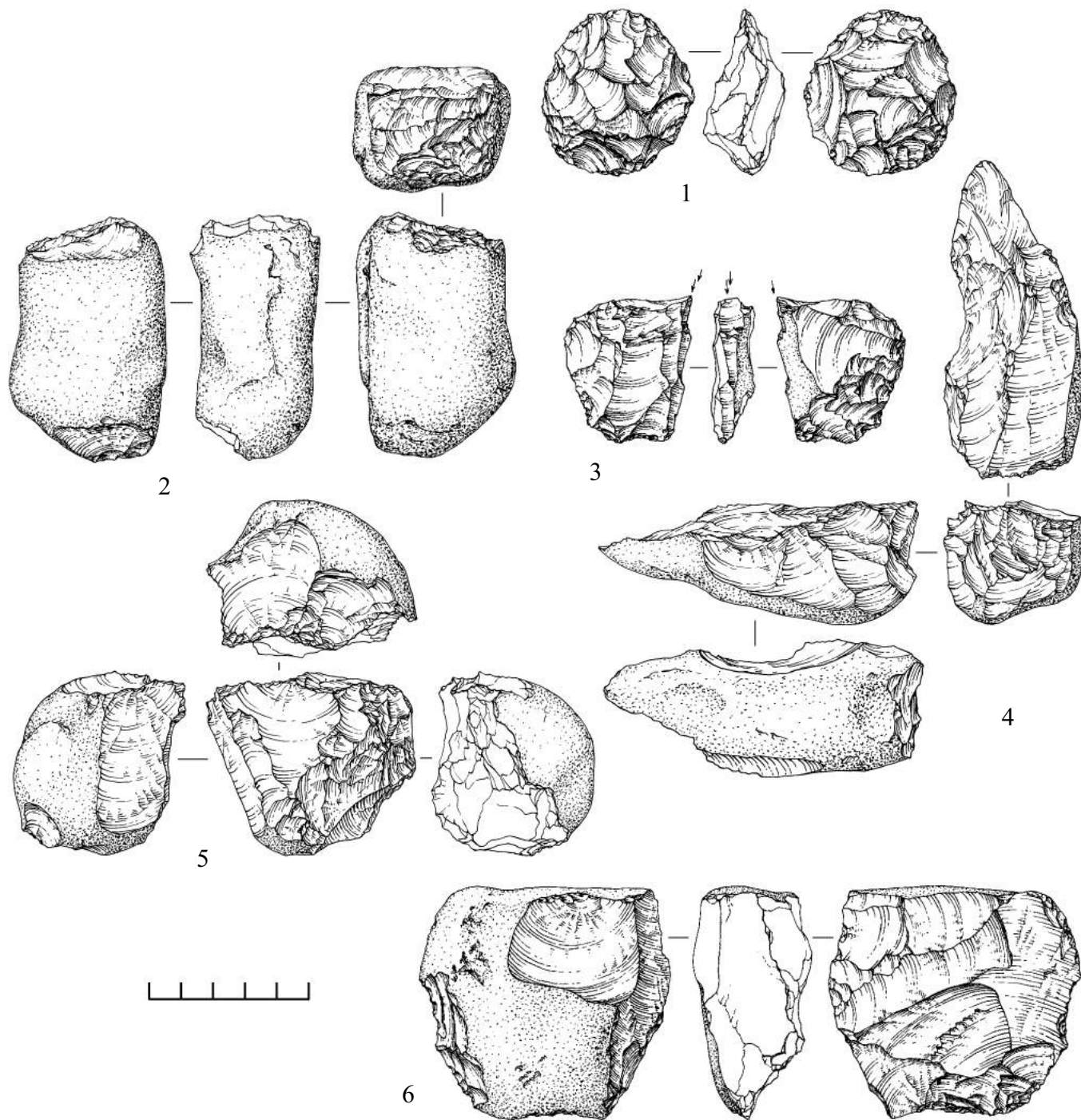

Рис. 22. Каменная индустрия Янской стоянки. Ядрища (1, 3–6) и «галька с усечением» (2):

1 – бифронтальное радиального принципа скальвания; 2 – галька с усечением; 3 – торцово-клиновидное; 4, 5 – ортогональные (4 – с возможной подготовкой к торцовому расщеплению); 6 – плоскостное

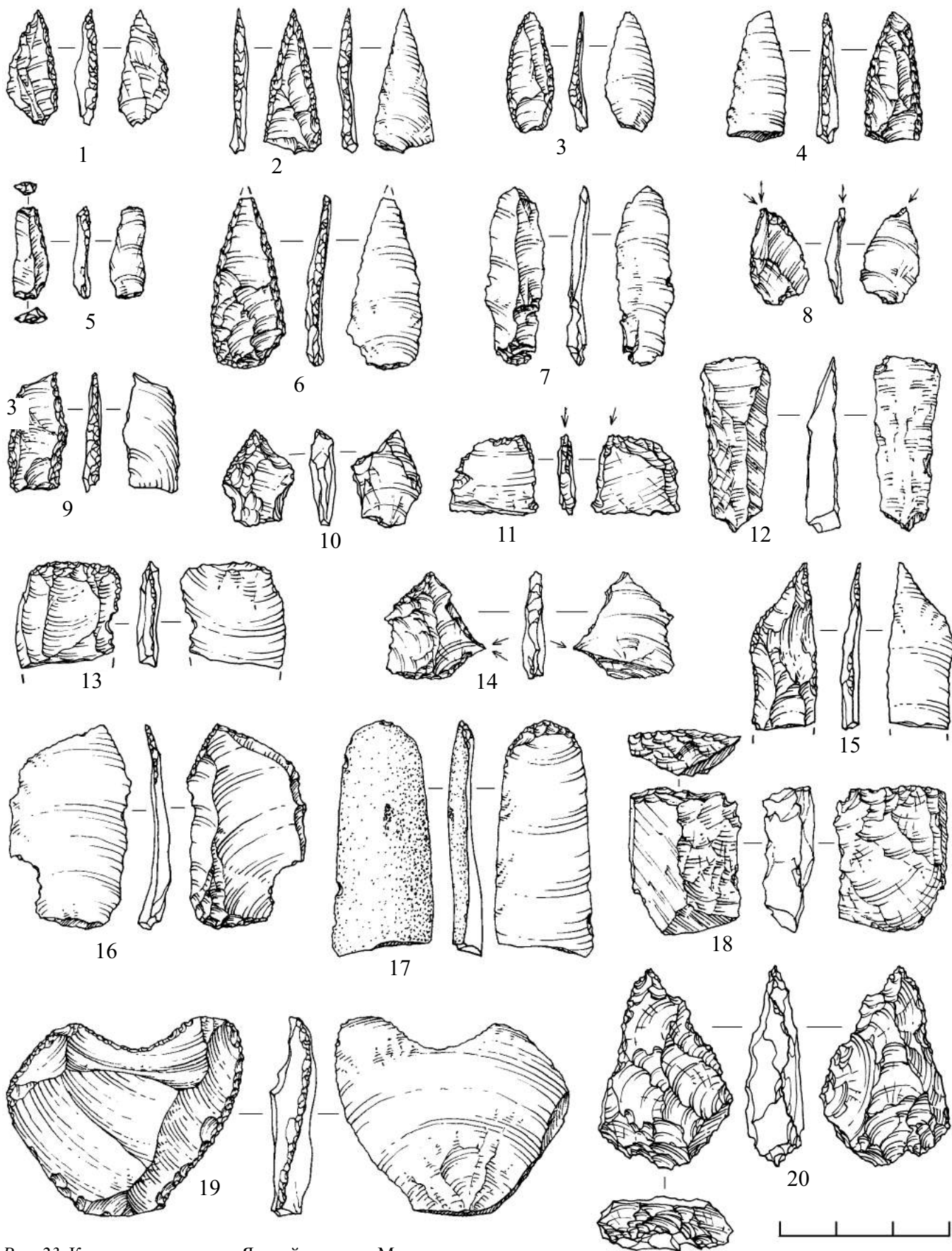

Рис. 23. Каменная индустрия Янкой стоянки. Микроорудия:

1–4, 6 – острия; 7, 13 – пластинчатые снятия (13 – фрагмент); 8, 11 – резцы; 5, 17 – микроскрепки (5 – из горного хрусталя, 17 – с лезвием на ударной площадке); 15, 16 – изделие со скошенным краем; 9 – изделие с притупленным краем; 10, 14 – развертки (14 – с боковым острием, оформленным резцовыми сколами); 12, 18 – долотовидные орудия (горный хрусталь); 19 – комбинированное орудие с ретушной выемкой (комбинация скребло + скребок + выемчатое орудие); 20 – бифронтальное ядрище радиального принципа скалывания (горный хрусталь)

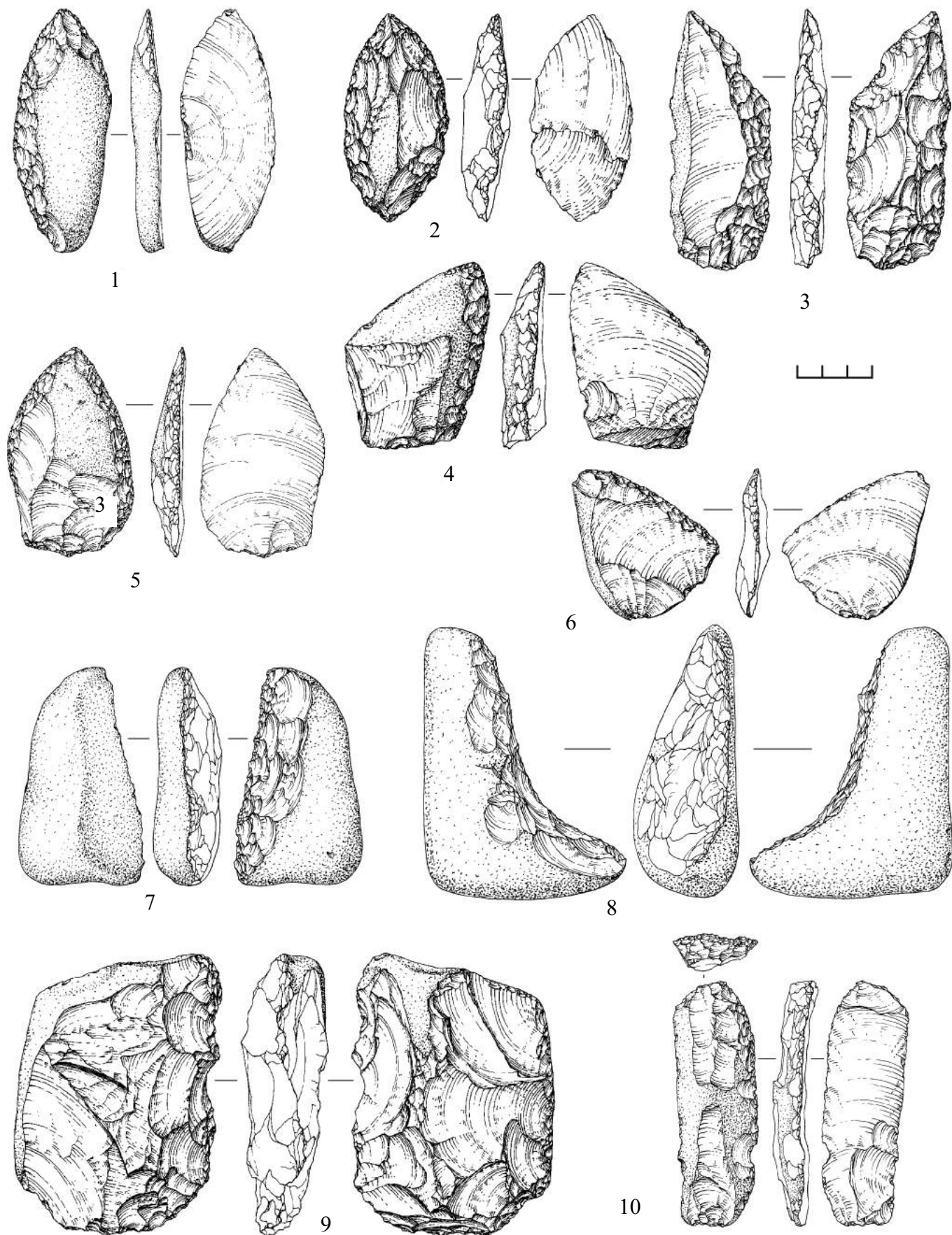

Рис. 24. Каменная индустрия Янской стоянки. Скребла (2, 4, 6, 7, 9, 10); остроконечники (1, 3, 5); двухконечное острие (2) и (8) – массивное выемчатое орудие.

Пояснения: 4, 6 – диагональные скребла с выделенным носиком; 7, 9 – простое с прямым лезвием и обушком (7 – с галечным, 9 – с ретушированным) на плоских отдельностях сырья; 8 – выемчатое орудие из уплощенной гальки; 10 – комбинированное орудие (простое прямое скребло с поперечным скребковым лезвием) на массивном удлиненном сколе

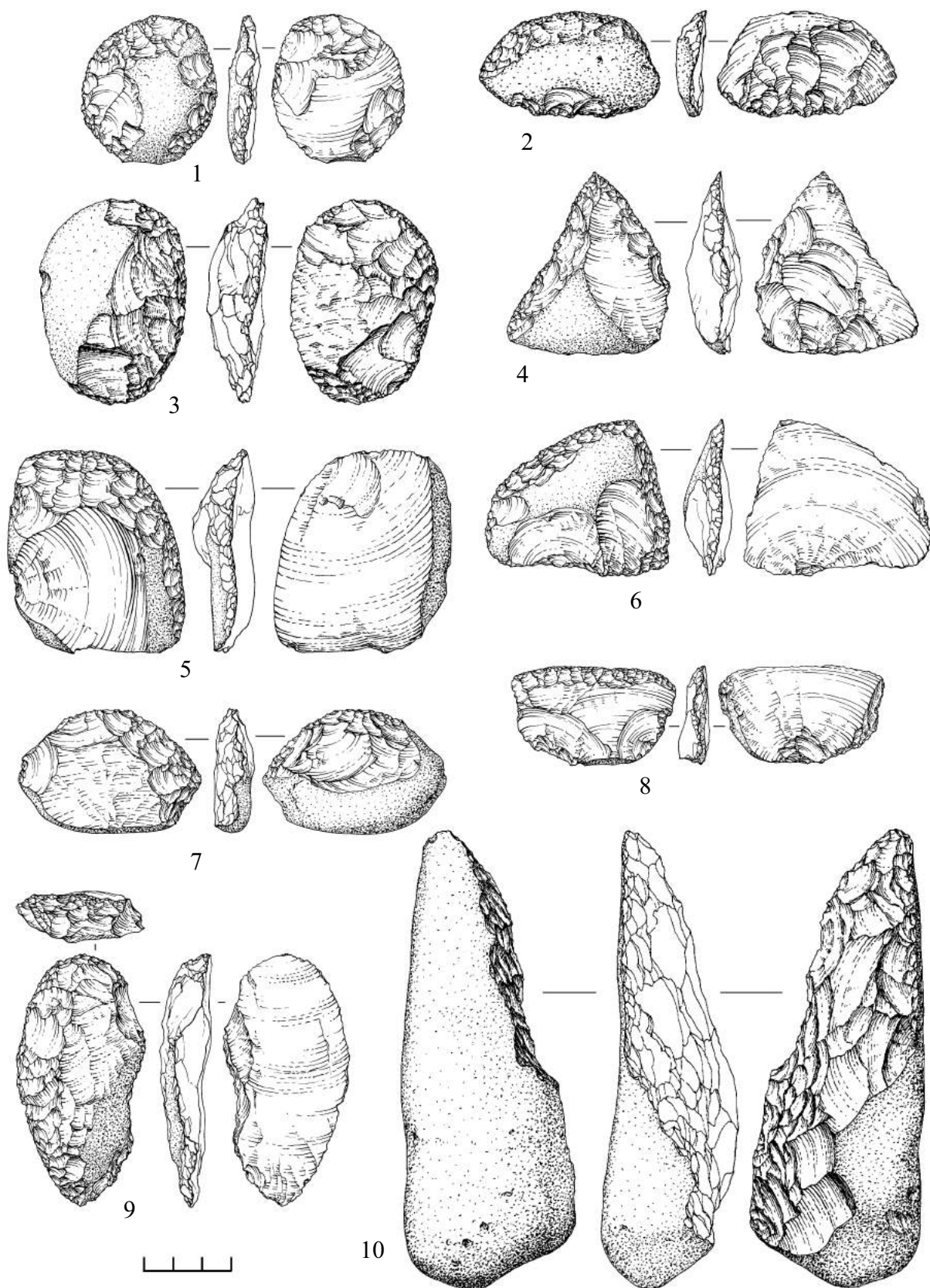

Рис. 25. Каменная индустрия Янсковой стоянки. Скребла (1–9) и «пикообразное» орудие (10):
 1–4; 7 – с двусторонней обработкой (1, 3, 7 – с вентральной подтеской лезвия; 2, 4 – с подтеской брюшковой поверхности, не затрагивающей лезвие; 4 – конвергентное со слабоогнутым краем; 5, 7, 9 – с галечным обушком); 5, 6, 8 – унифасиальные (5 – с дугообразным краем, 6 – угловатое, 8 – простое прямое поперечное); 9 – унифасиальное комбинированное скребло с дугообразным рабочим краем и поперечным скребковым лезвием; 10 – пикообразное орудие

Рис. 26. Костяные орудия Янской стоянки. Острия и их обломки: 1, 2 – проксимальные части игловидных наконечников из бивня мамонта; 3 – стержень из бивня мамонта (медиальная часть наконечника?); 4, 5 – игловидные острия с уплощенным основанием (бивень мамонта)

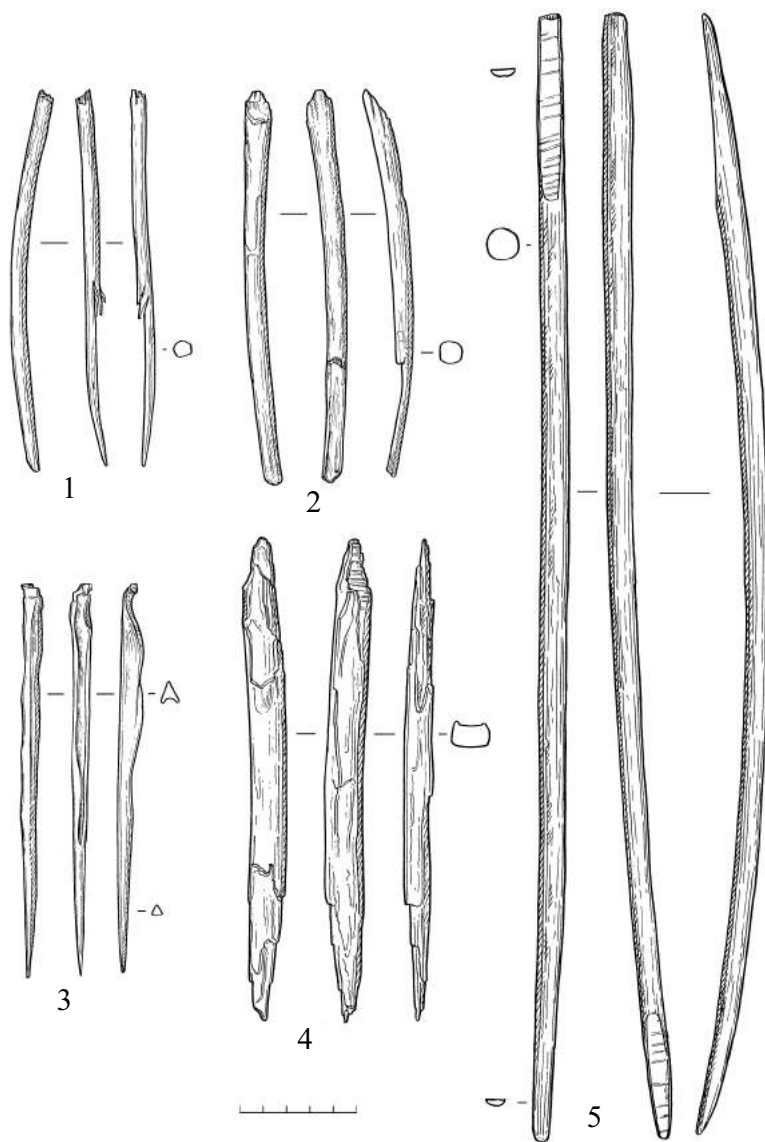

Рис. 27. Костяные орудия Янской стоянки. Обломки острий и стержни (foreshaft) с уплощением концов – форешафты: 1 – острие из бивня мамонта (фрагмент); 2 – обломок стержня из бивня мамонта; 3 – костяное шило; 4 – форешафт из бивня мамонта; 5 – форешафт из рога

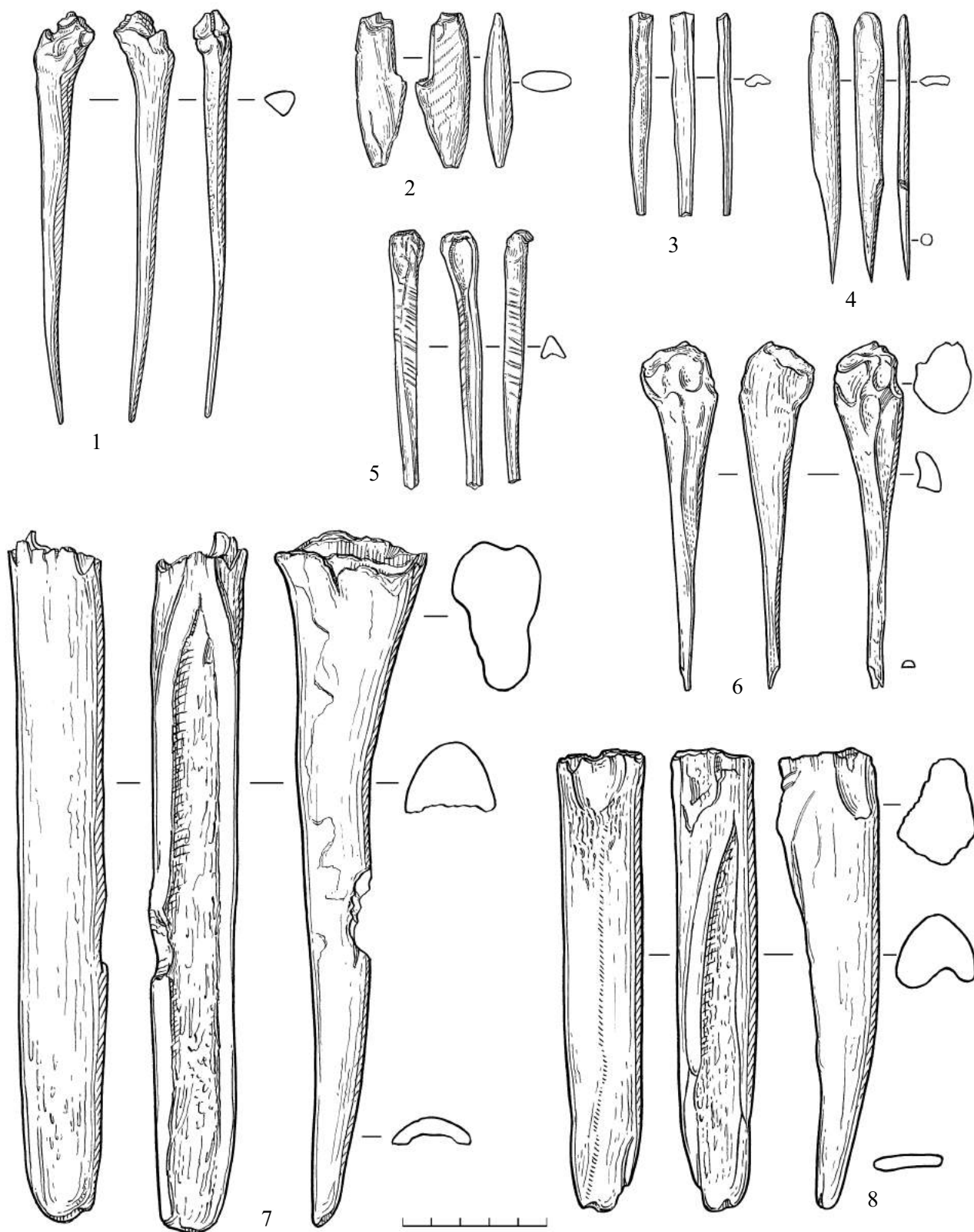

Рис. 28. Костяные орудия Янской стоянки. Обломки острий, шилья, проколки, клиновидные изделия:
 1, 3, 6 – костяные шилья; 4, 5 – проколки из кости; 2 – обломок базальной части наконечника (?);
 7, 8 – массивные клиновидные изделия из продольно расколотых длинных костей

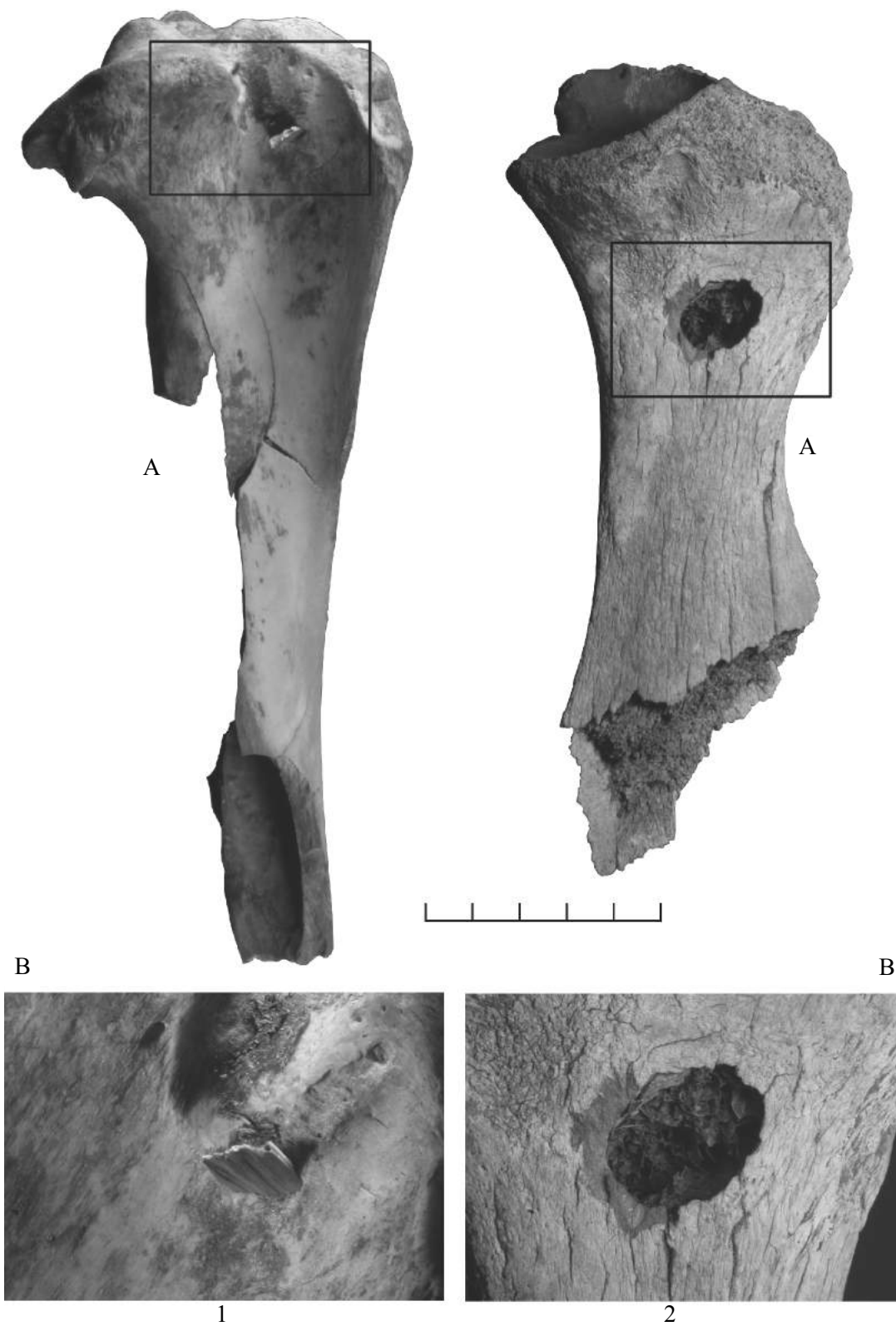

Рис. 29. Янская стоянка. Участок Северный, раскопки 2008 г. Кости северного оленя с пробоинами, оставленными охотничьим вооружением – игловидными острями из бивня мамонта (1, 2):

(1) – проксимальная часть большой берцовой кости (А) с застрявшим в ней обломком острия (В);
 (2) фрагмент тазовой кости (А) с пробоиной (В)

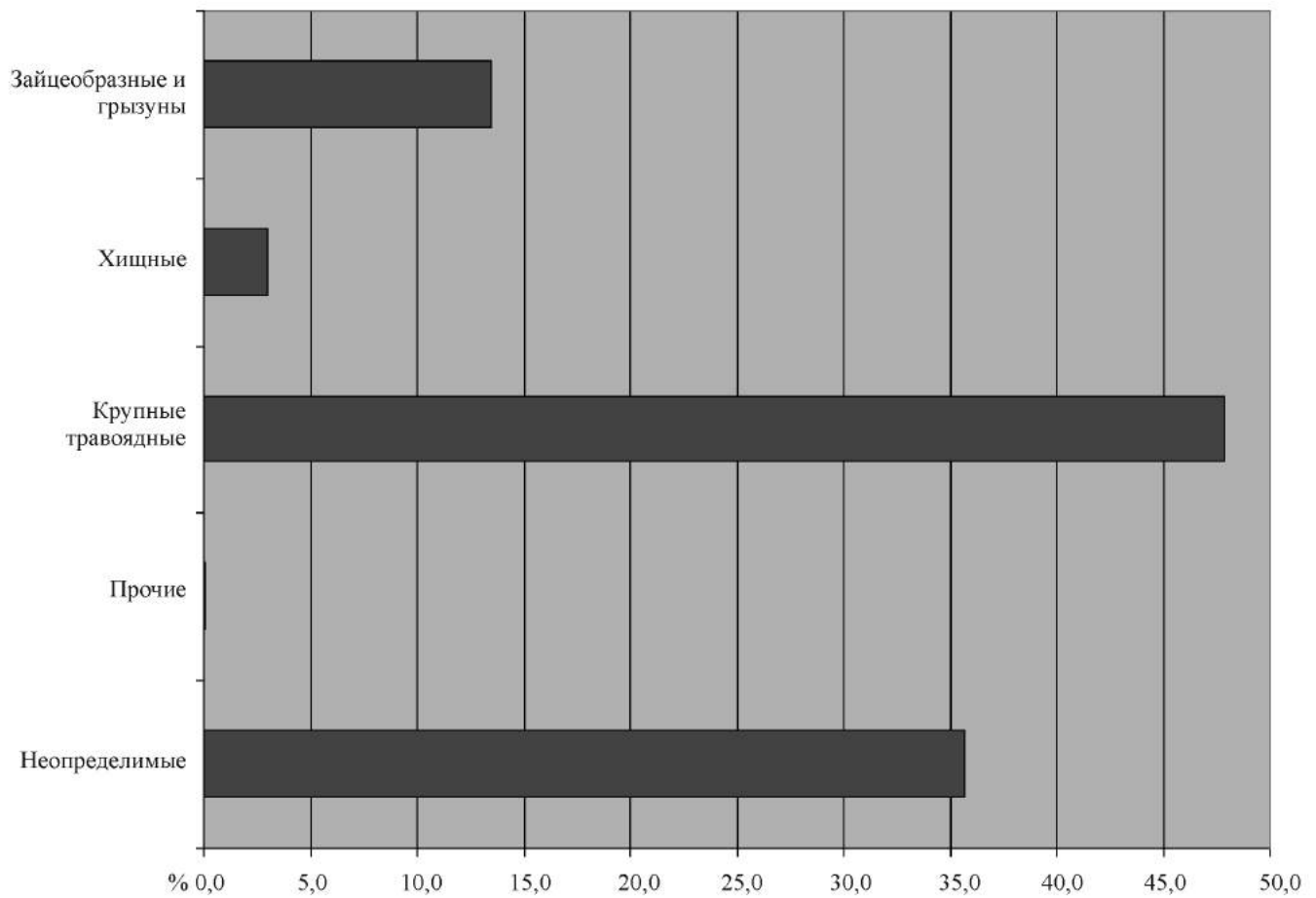

Рис. 30. Процентное соотношение групп фауны среди всех найденных фаунистических остатков (за 100 % принято общее число фаунистических остатков обработанной части коллекции)

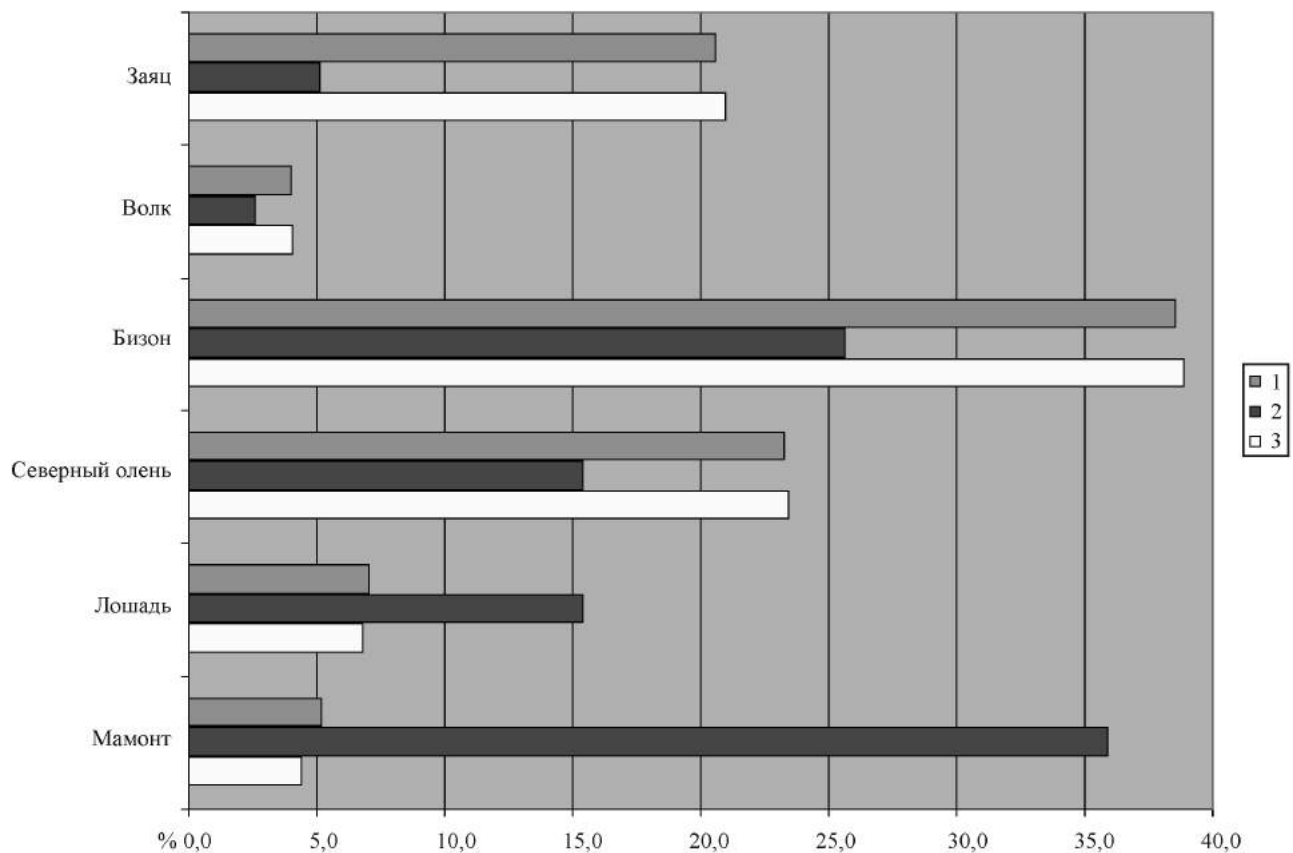

Рис. 31. Соотношение отдельных видов фауны Янской стоянки.

Условные обозначения: 1 – процентное соотношение видов фауны от общего числа определенных фаунистических остатков (за 100 % принято общее число определенных фаунистических остатков); 2 – процентное соотношение видов фауны в подъемных сборах (за 100 % принято общее число определенных фаунистических находок из подъемных сборов); 3 – процентное соотношение видов фауны из культурного слоя in situ (за 100 % принято общее число определенных фаунистических находок, зафиксированных in situ при раскопках)

Рис. 32. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины (выделены горизонтали 200 м, 400 м, 600 м и 1000 м)
 Источники: Составлено по данным: *Зенин В. Н.* Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // *Археология, этнография и антропология Евразии.* 2002. № 4(12). С. 22–44; *Макаров С. С.* Заселение и освоение Западно-Сибирской равнины в позднем плейстоцене (хронология и периодизация) // *Путь на Север: Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики.* М., 2008. С. 197; *Нехорошев П. Е.* Новые памятники начала верхнего палеолита в Западной Сибири // *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале.* Т. I. М., 2008. С. 152–157

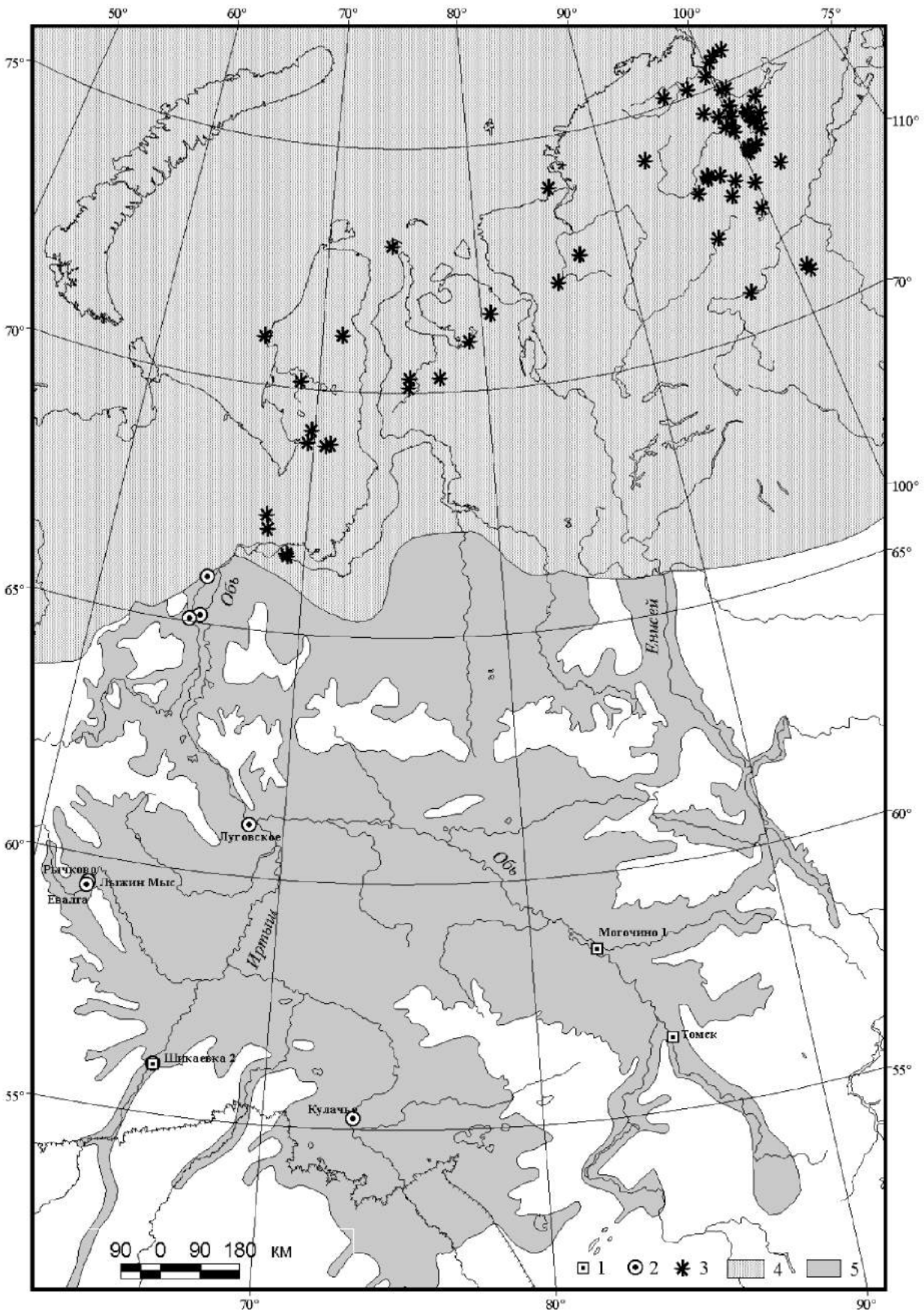

Рис. 33. Палеогеографическая реконструкция максимума последнего оледенения Западно-Сибирской равнины, 20–18 тыс. л. н.: 1 – палеолитические стоянки; 2 – местонахождения мамонтов в пределах Мансийского озера-моря; 3 – местонахождения мамонтов на севере Западной Сибири и в прилегающих районах, датированные радиоуглеродным методом в пределах 50–9,7 тыс. л. н. и не перекрытые ледниковыми отложениями; 4 – территория, занятая ледниковым покровом; 5 – акватория Мансийского озера-моря

Источники: Положение ледникового покрова и подрудных бассейнов дано по данным: *Архитов С. А.* Комплексная палеогеографическая реконструкция для эпохи 20–18 тыс. л. н. // Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. Поздний плейстоцен – голоцен: элементы прогноза. Вып. 1. Региональная палеогеография. М., 1993. С. 37–41; *Архитов С. А., Волков И. А., Волкова В. С.* Палеогеография // Палеогеография Западно-Сибирской равнины в максимум позднэзрянского оледенения. Новосибирск, 1980. С. 91–99

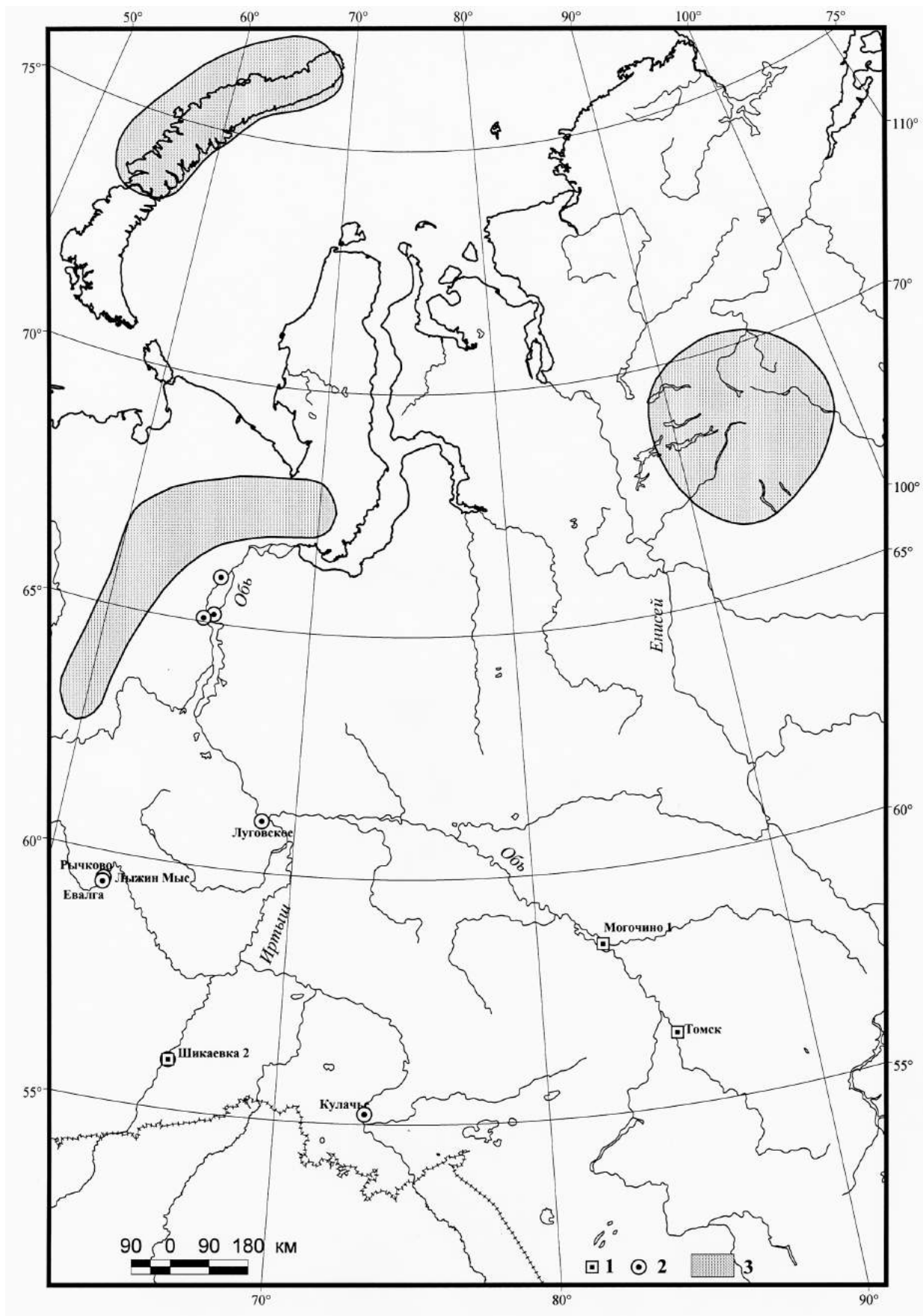

Рис. 34. Палеогеографическая реконструкция максимума последнего оледенения Западно-Сибирской равнины, 20–18 тыс. л. н.: 1 – палеолитические стоянки; 2 – местонахождения мамонтов; 3 – территория, занятая ледниковыми покровами
 Источник: Положение ледниковых покровов дано по данным: Величко А. А., Фаустова М. А., Кононов Ю. Н. Оледенения // Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130 000 лет. М., 2002. С. 13–23

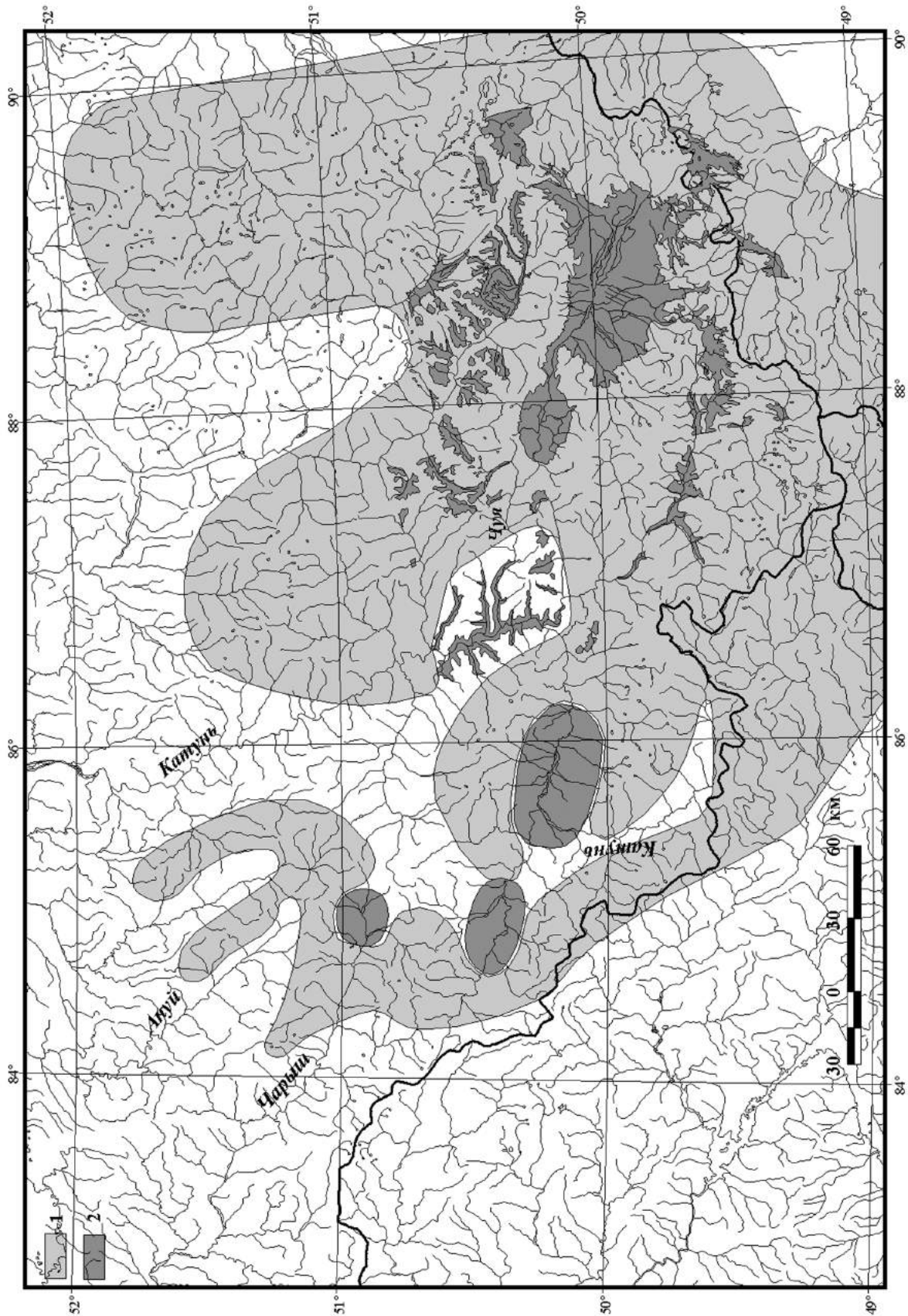

Рис. 35. Палеогеографическая реконструкция максимума последнего оледенения Горного Алтая, 20–18 тыс. л. н.:
 1 – ледники; 2 – подпрудные бассейны

Источники: Положение ледников и подпрудных бассейнов дано по данным: *Окшнев П. А.* Динамика оледенения Алтая в позднем плейстоцене и голоцене. Томск, 1982; *Бутвиловский В. В.* Палеогеография последнего оледенения и голоцена Алтая: событийно-катастрофическая модель. Томск, 1993; *Рудой А. Н.* Гигантская рябь течения (история исследований, диагностика, палеогеографическое значение). Томск, 2005; *Lemkuhl F., Klinge M., Stauch G.* The extent of Late Pleistocene glaciations in the Altai and Khangai Mountains // Quaternary glaciations – extent and chronology. Part III: South America, Asia, Africa, Australasia, Antarctica. Amsterdam: Elsevier, 2004. P. 243–254

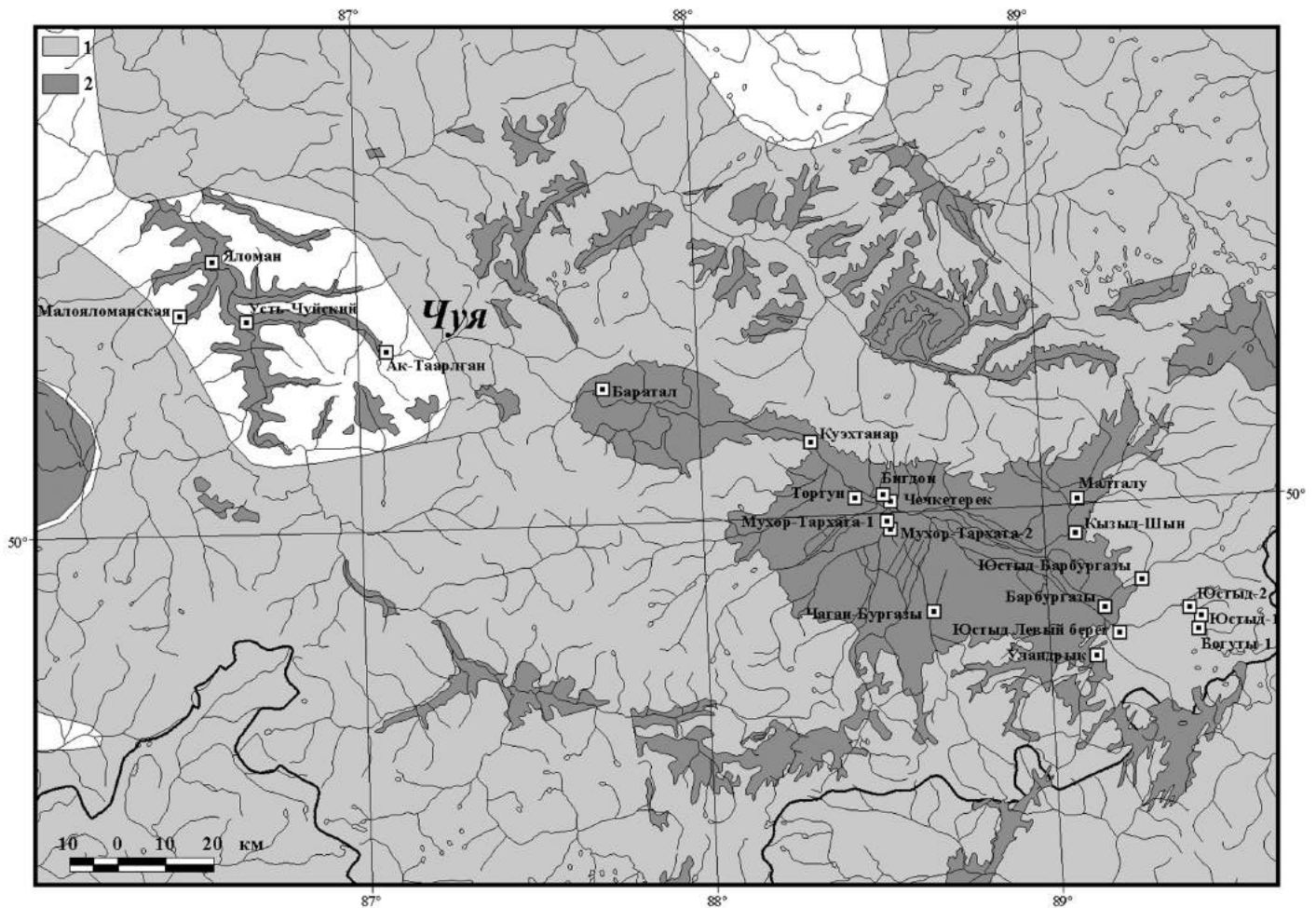

Рис. 36. Схема расположения палеолитических памятников в долине р. Чуя на фоне ледников и подпрудных бассейнов (см. рис. 35): 1 – ледники; 2 – подпрудные бассейны

Источник: Постнов А. В. и др. К вопросу о стратиграфическом положении палеолитических памятников вдоль Чуйского тракта в долинах Чуи и Катуня // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. Новосибирск, 2007. С. 149–155

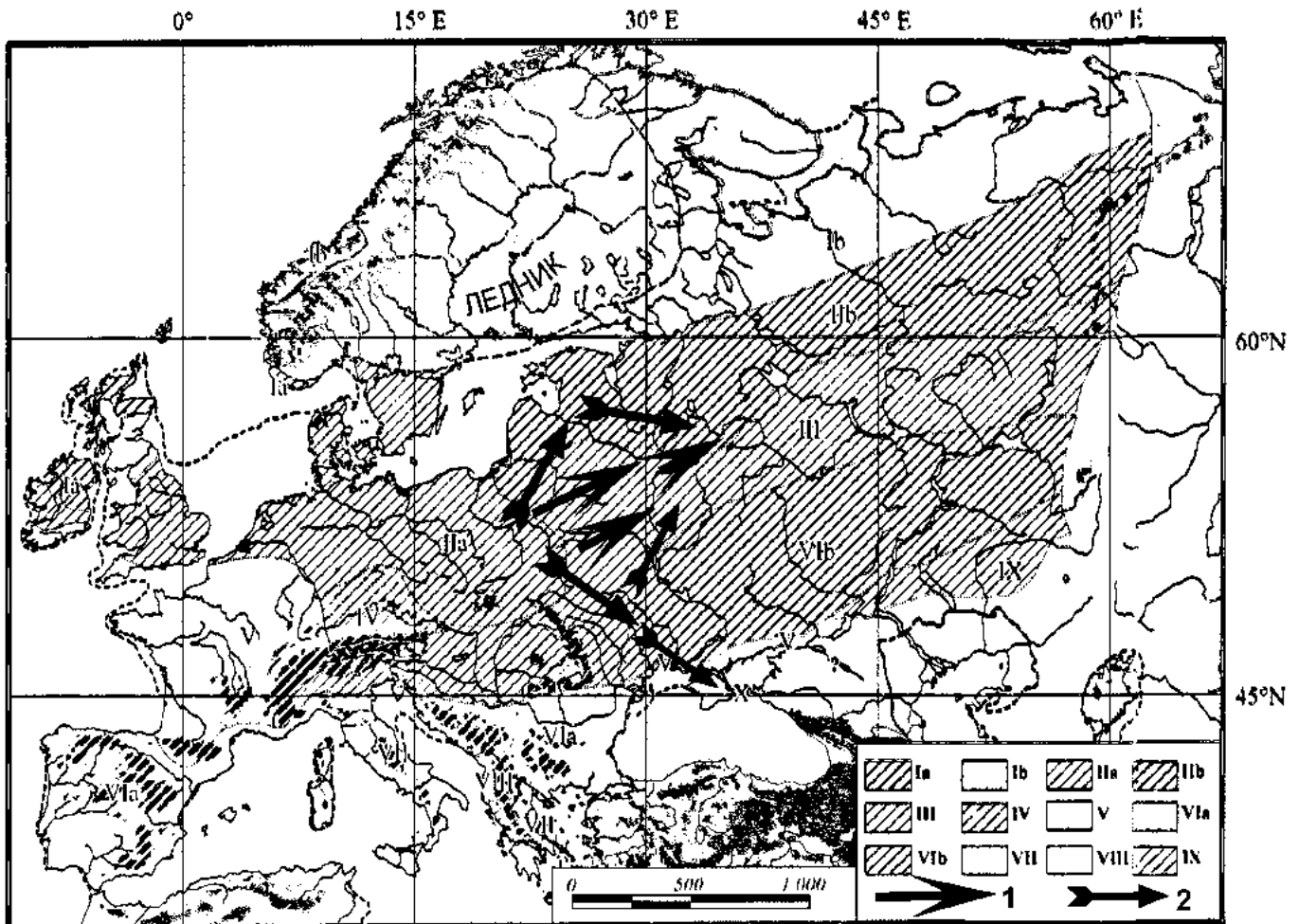

Рис. 37. Расселение финальнопалеолитических охотников на северо-западе Восточной Европы в позднем дриасе:

1 – население бромме; 2 – население свидер. Ia – перигляциальная кустарничковая тундра; Ib – кустарничковая тундра с элементами перигляциальной растительности; IIa – перигляциальная кустарничковая тундра с участием сосны и березы; IIb – разреженные сосново-березовые леса в сочетании со степными сообществами; III – хвойные леса с участием широколиственных пород; IV – горные сосновые леса с участием березы и степных ассоциаций; V – кустарничковая тундра с примесью ивы, можжевельника и березы; VIa – луговые и злаковые степи с сосновыми и березовыми лесами и участием широколиственных; VIb – бореальные сосновые леса со степными сообществами; VII – разреженные широколиственные леса в сочетании со степными сообществами; VIII – злаковые степи; IX – луговые и злаковые степи

Источник: Карта по: Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24–8 тыс. л. н.). М., 2008. С. 412

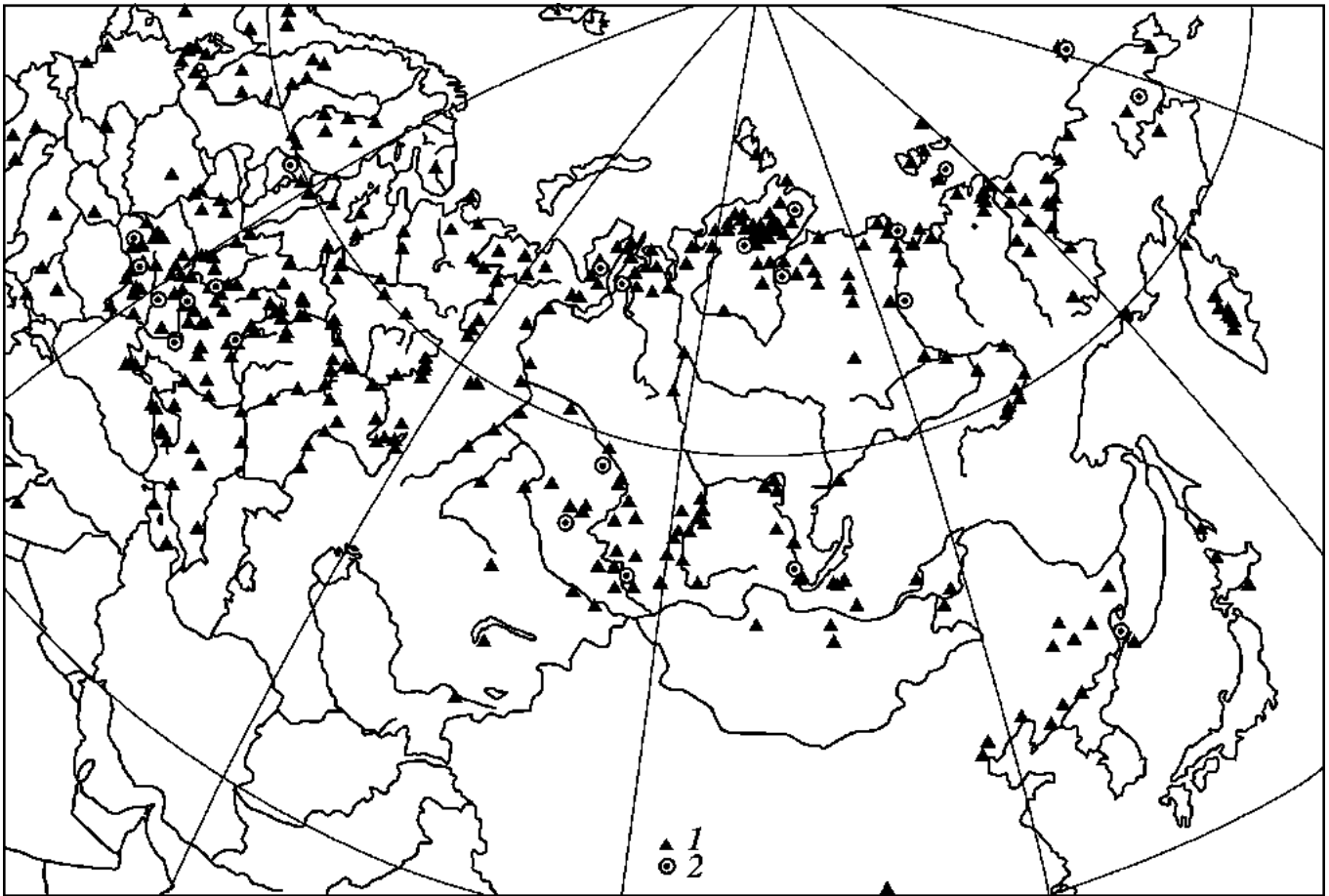

Рис. 38. Находки мамонта в Северной Евразии:

1 – плейстоцен, 2 – голоцен

Источник: Восточноевропейские леса: история в голоцене и современность. М., 2004. Т. 1

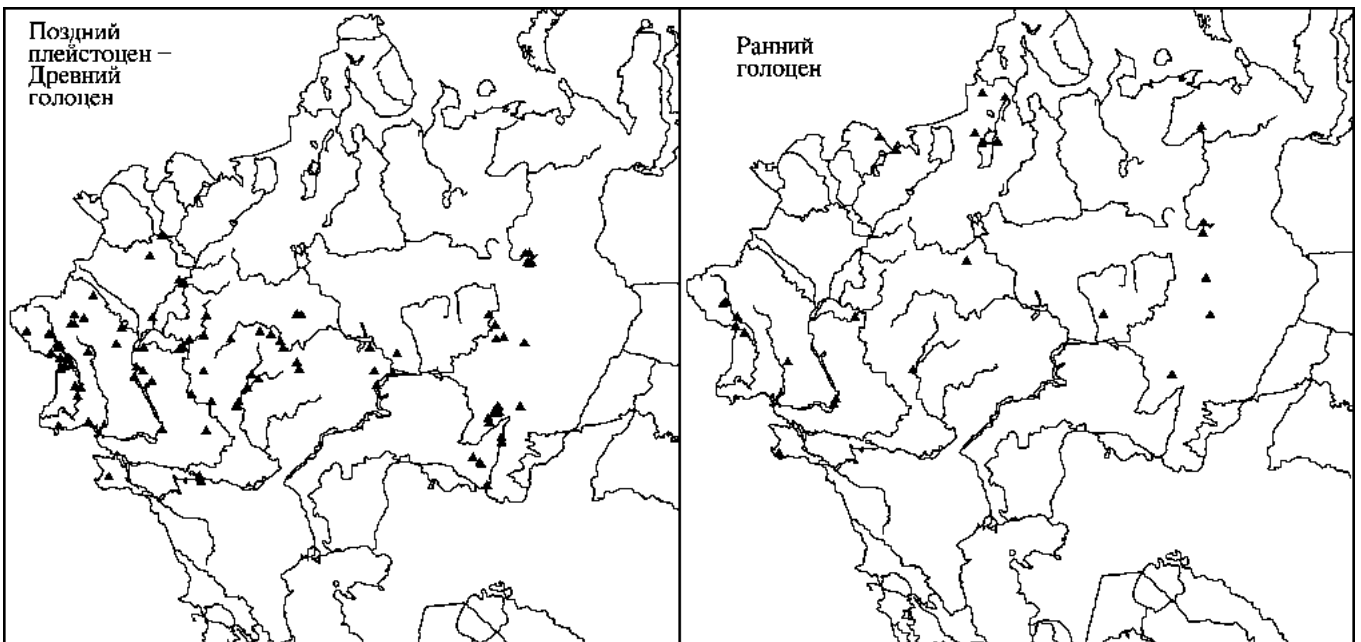

Рис. 39. Находки северного оленя в Восточной Европе на рубеже плейстоцена и голоцена

Источник: Восточноевропейские леса: история в голоцене и современность. М., 2004. Т. 1

Рис. 40. Раскопки Окской экспедиции ИА РАН под руководством д-ра ист. наук А. Н. Сорокина стоянки-могильника Ммино 2 в Сергиев-Посадском р-не Московской обл. Стрелкой указано место расположения раскопов. Вид памятника с северо-востока – востока. Фото 2002 г.

Рис. 41. Раскопки Окской экспедиции ИА РАН под руководством д-ра ист. наук А. Н. Сорокина стоянки-могильника Ммино 2 в Сергиев-Посадском р-не Московской обл. Начало раскопок. Вид с юга – юго-запада. Фото 2006 г.

Рис. 42. Раскопки Окской экспедиции ИА РАН под руководством д-ра ист. наук А. Н. Сорокина стоянки-могильника Ммино 2 в Сергиев-Посадском р-не Московской обл. Расчистка погребения № 3. Фото 2006 г.

Рис. 43. Раскопки Окской экспедиции ИА РАН под руководством д-ра ист. наук А. Н. Сорокина стоянки-могильника Ммино 2 в Сергиев-Посадском р-не Московской обл. Погребение № 3. Вид с юга. Фото 2006 г.

Рис. 44. Раскопки Окской экспедиции ИА РАН под руководством д-ра ист. наук А. Н. Сорокина стоянки-могильника Монино 2 в Сергиев-Посадском р-не Московской обл. Процесс разборки заполнения могильной ямы погребения № 4. Вид с востока. Фото 2007 г.

Рис. 45. Раскопки Окской экспедиции ИА РАН под руководством д-ра ист. наук А. Н. Сорокина стоянки-могильника Монино 2 в Сергиев-Посадском р-не Московской обл. Погребение № 4. Вид с востока. Фото 2007 г.

Рис. 46. Раскопки Окской экспедиции ИА РАН под руководством д-ра ист. наук А. Н. Сорокина стоянки-могильника Миныно 2 в Сергиев-Посадском р-не Московской обл. Погребение № 4 крупным планом. Фото 2007 г.

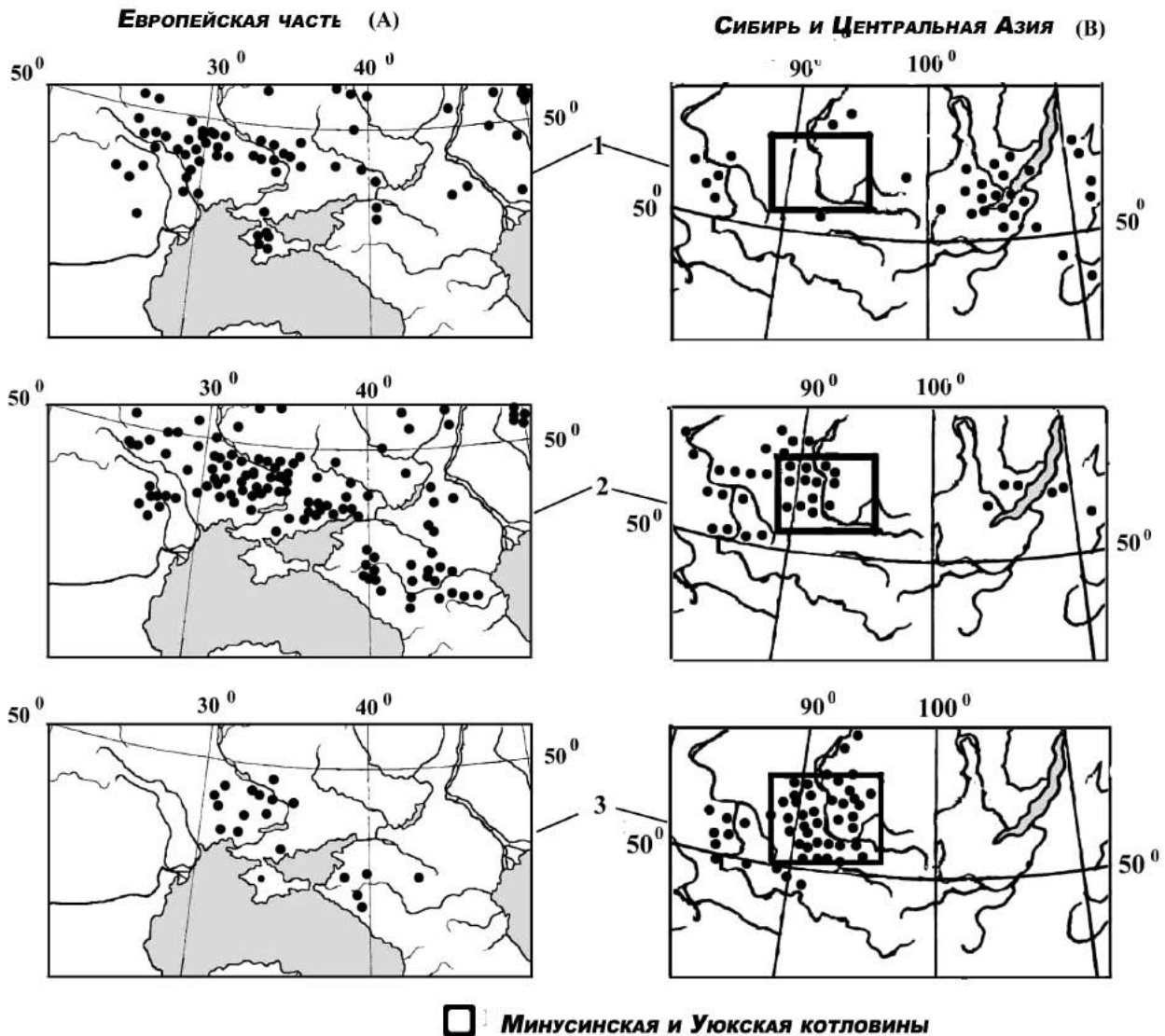

Рис. 47. Карта расположения датированных памятников мезолита – бронзового и железного веков Евразии: 1 – мезолит, неолит; 2 – бронзовый век; 3 – железный век (скифское время)

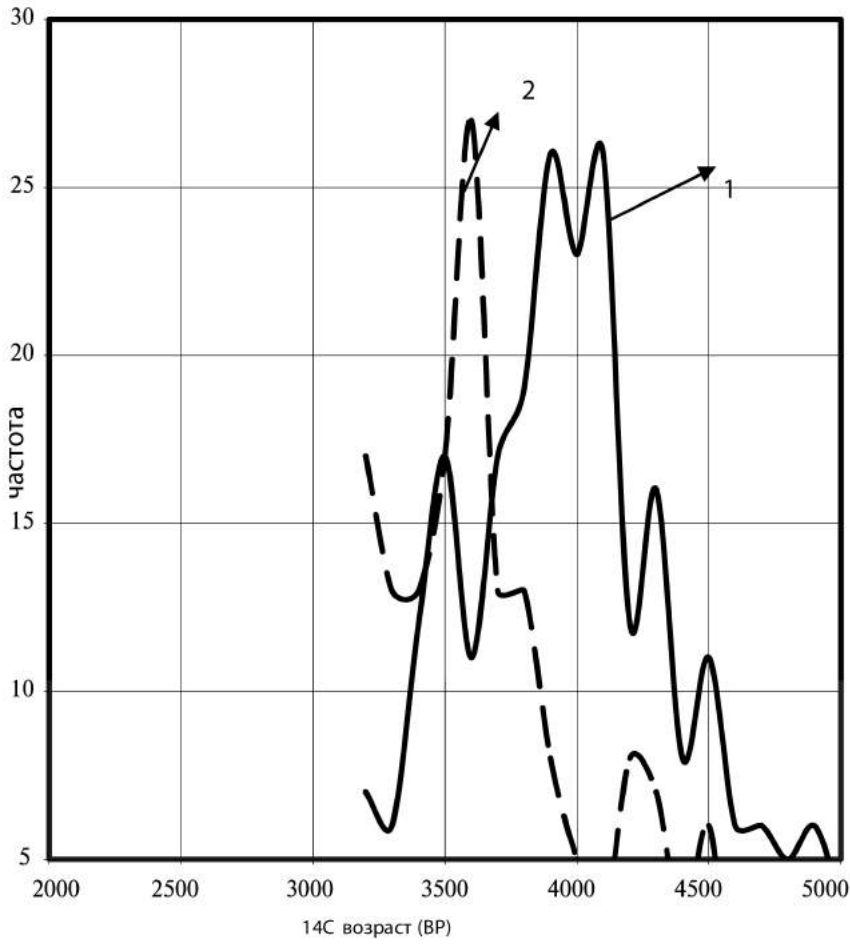

Рис. 48. Гистограмма распределения дат памятников бронзового века южных регионов Европы (1) и Азии (2)

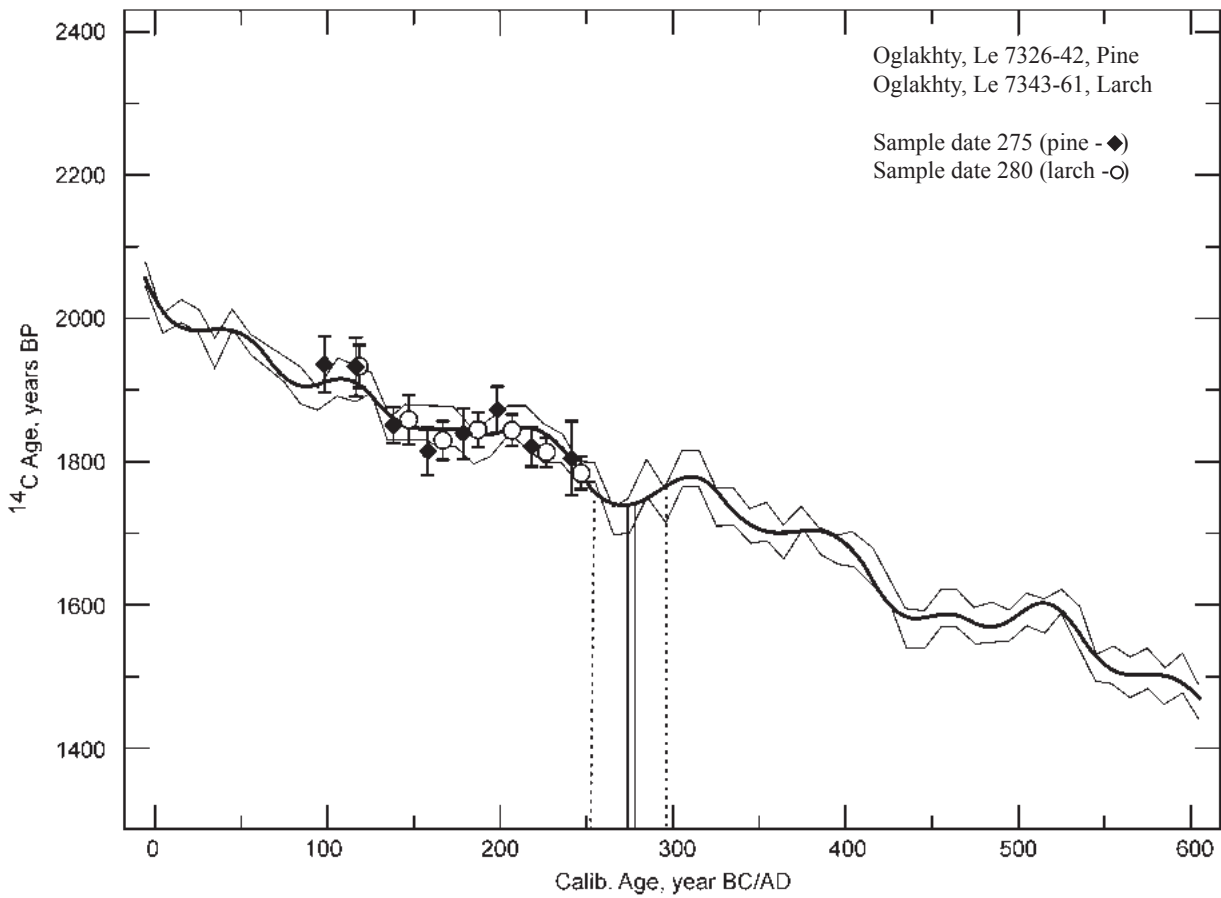

Рис. 49. Согласование радиоуглеродных данных совокупности годичных древесных колец (10 колец) с калибровочной кривой (ранний интервал)

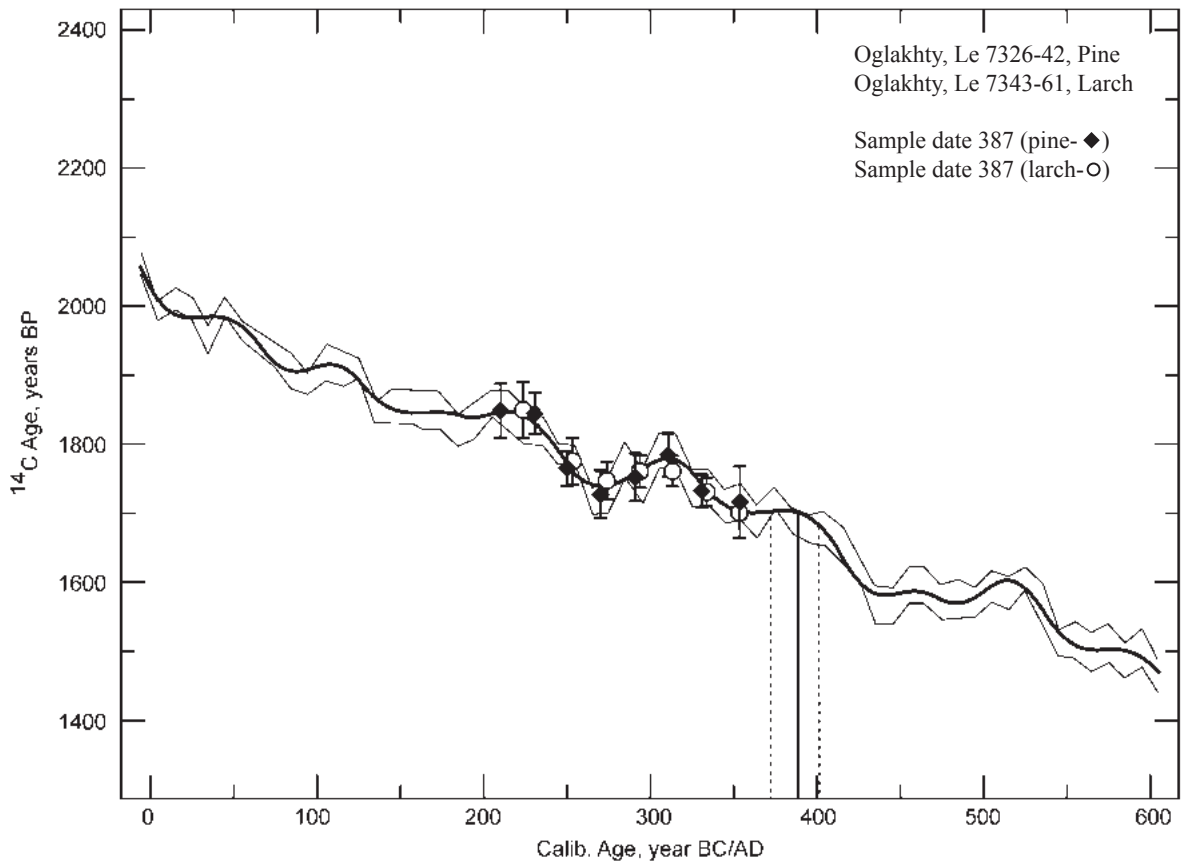

Рис. 50. Согласование радиоуглеродных данных совокупности годичных древесных колец (10 колец) с калибровочной кривой (поздний интервал)

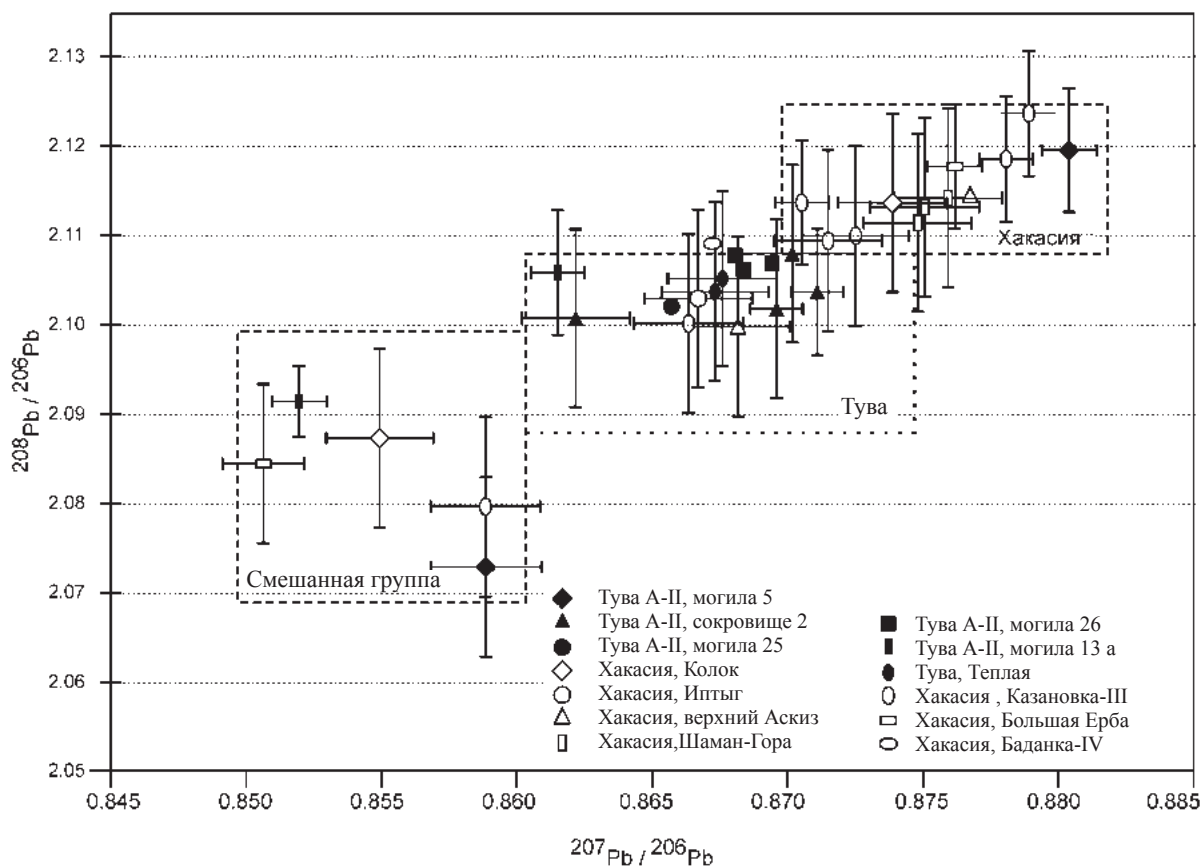

Рис. 51. Содержание изотопов свинца в бронзовых предметах памятников бронзового и железного веков Южной Сибири

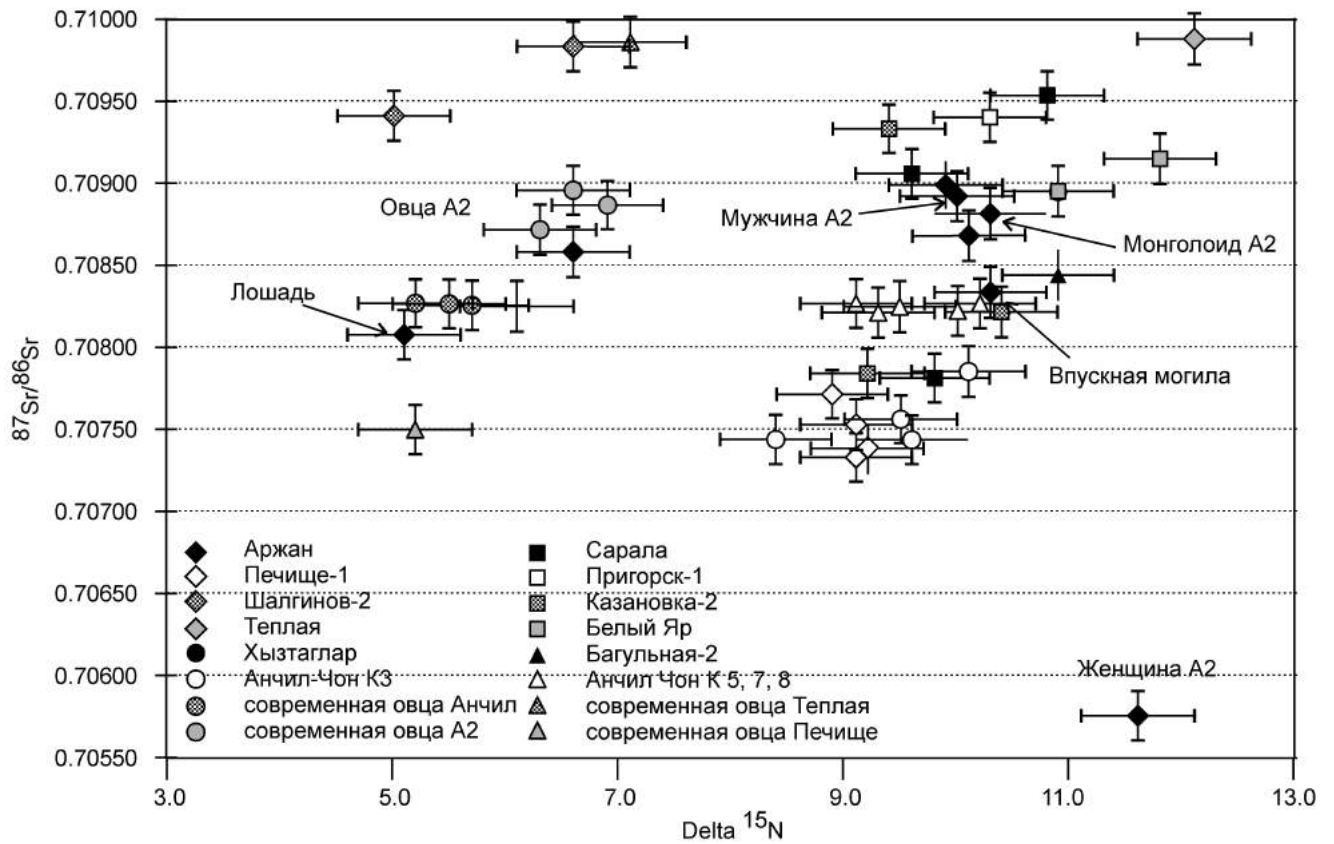

Рис. 52. Содержание изотопов стронция в костных остатках памятников бронзового и железного веков Южной Сибири

Рис. 53. Характеристика исследуемого региона по содержанию изотопов свинца в костях современных овец

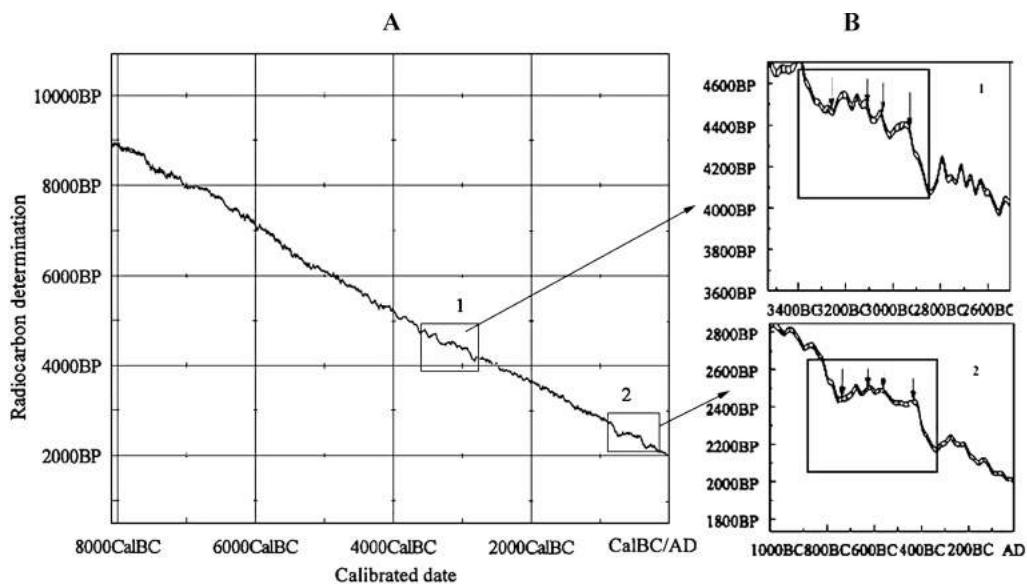

Рис. 54. Часть калибровочной кривой для голоцена (А) и для периодов бронзового века (В 1) и железного века (2). Участки с плато выделены квадратами

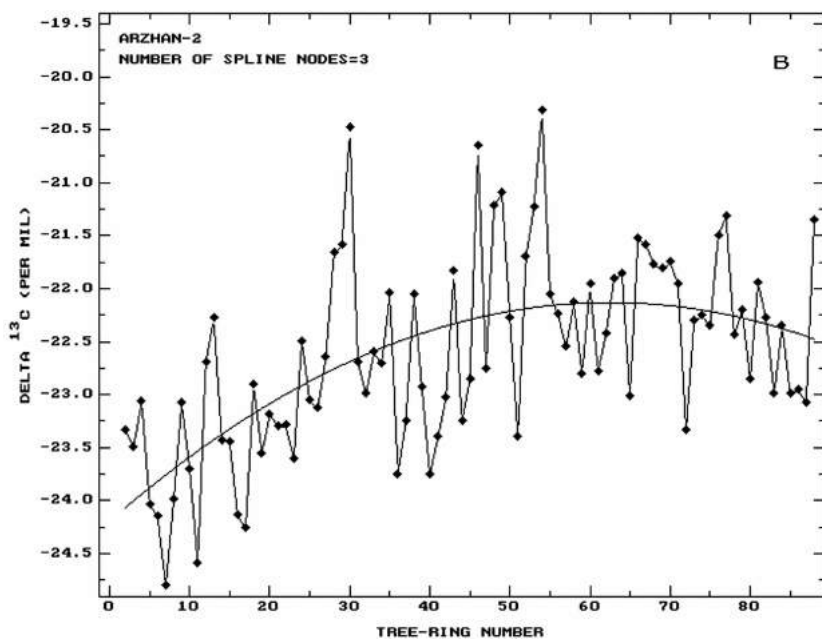
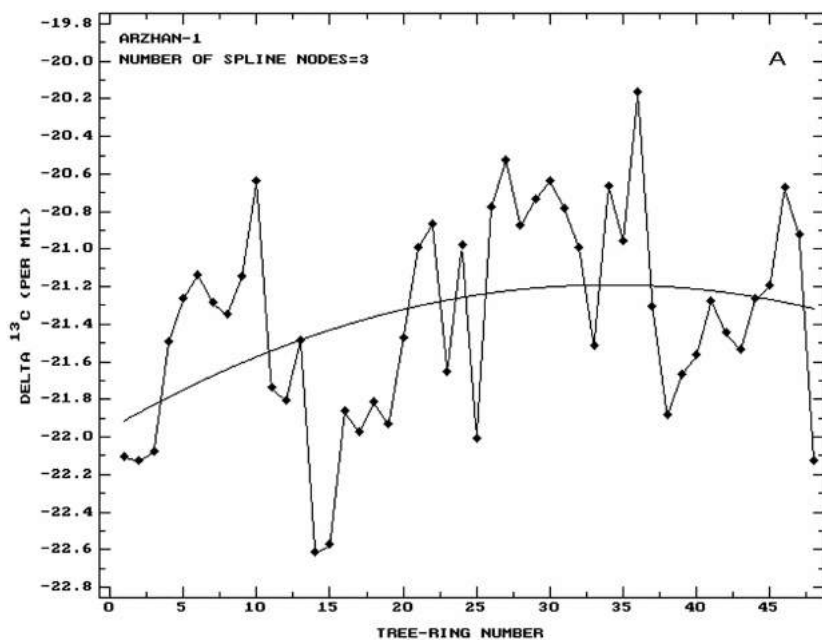

Рис. 55. Значения $\delta^{13}\text{C}$ в единичных годовых кольцах лиственницы постройки срубов Аржана-1 (А) и Аржана-2 (В)

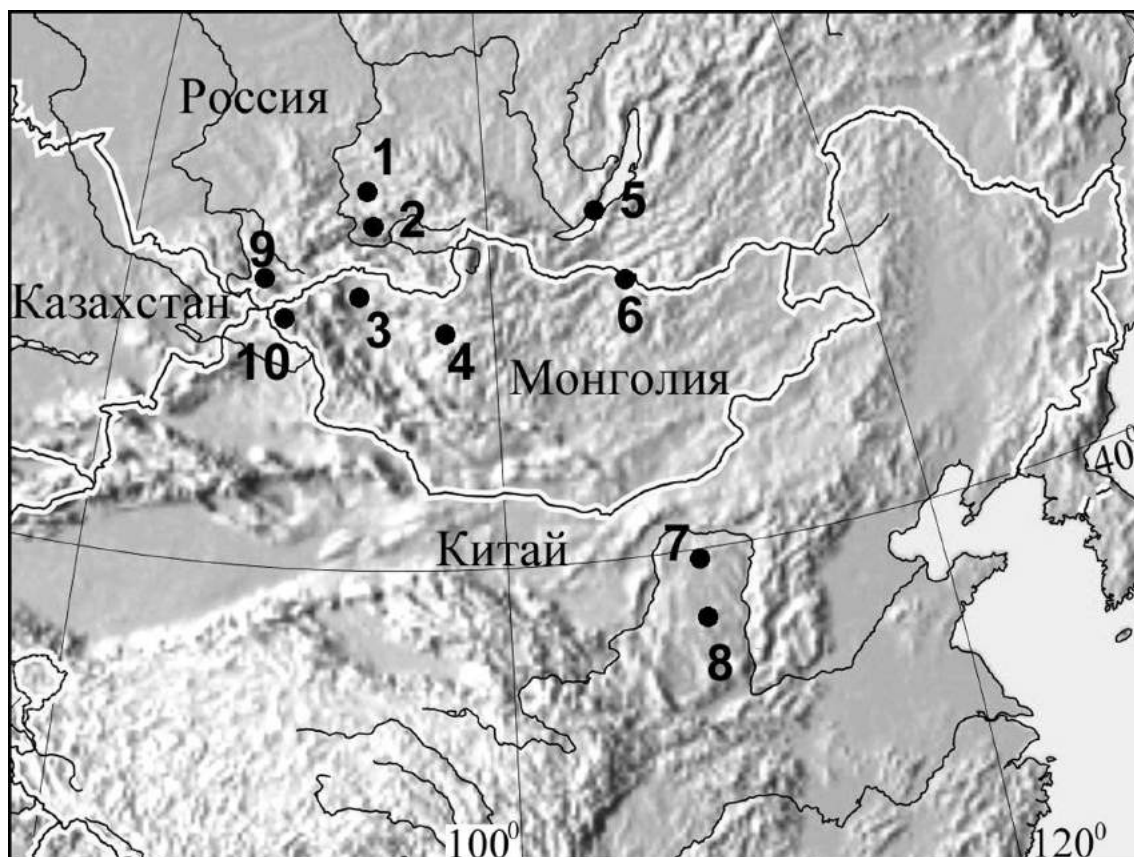
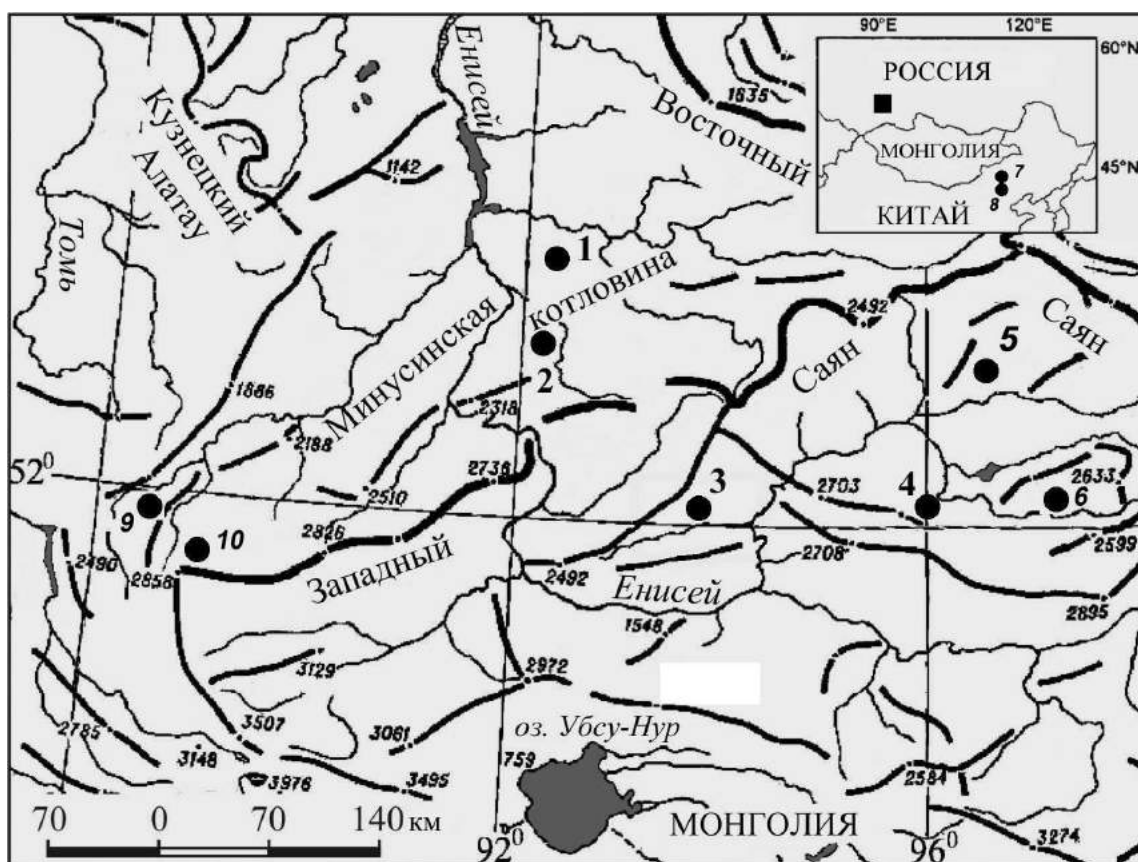

Рис. 5б. Местоположение разрезов, обсуждаемых в тексте.

Разрезы представляемой работы: 1 – Большое Кызыкульское озеро и Шушенское; 2 – Белое озеро.
 Разрезы других авторов: 3 – Grunert et al., 2000; 4 – Peck et al., 2002; 5 – Demske et al., 2005;
 6 – Feng, 2001; 7 – Chen et al., 2003; 8 – Xiaoqiang et al., 2003; 9 – Blyakharchuk et al., 2004;
 10 – Tarasov et al., 2000

Big Kyzukul Lake
pollen and microfossil diagram
(selected taxa)

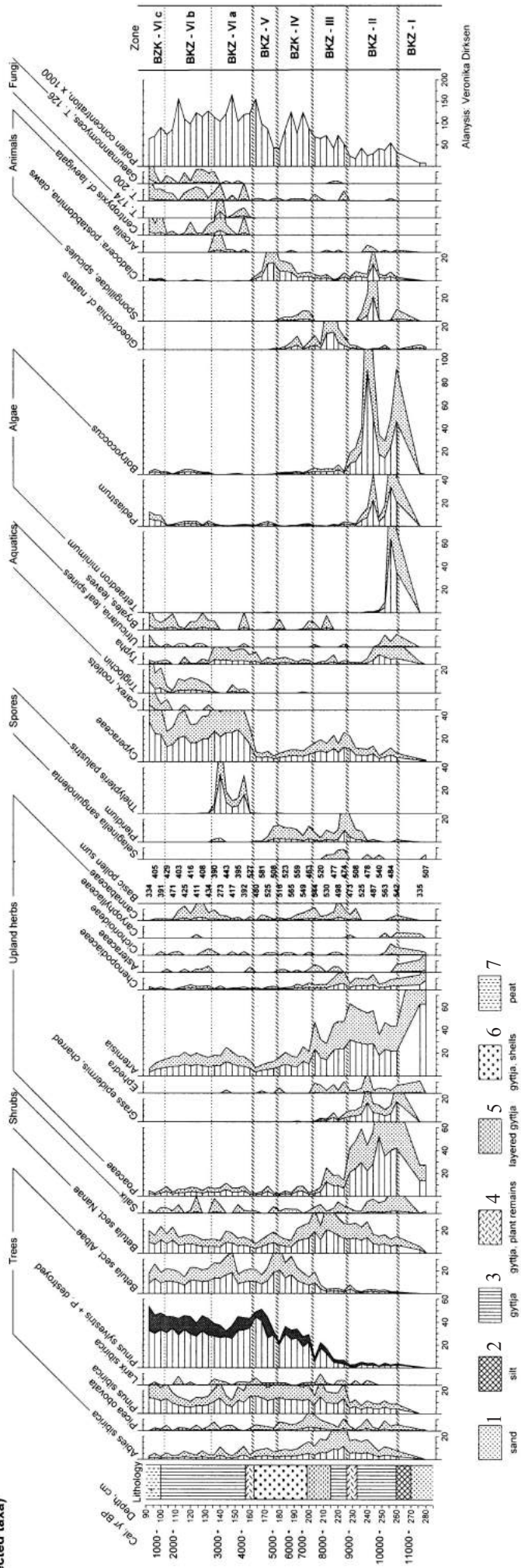

Рис. 57. Спорово-пыльцевая и микрофоссильная диаграмма колонки отложений Большого Кызыкульского озера (основные таксоны).
Условные обозначения: 1 – песок; 2 – суглинок; 3 – сапропель; 4 – сапропель с растительными макроостатками; 5 – сапропель с песчаными прослойками; 6 – ракушечный сапропель; 7 – торф. Хронологическая шкала следует соответствующей глубинно-возрастной модели на рис. 51

White Lake 2

Pollen diagram, selected taxa

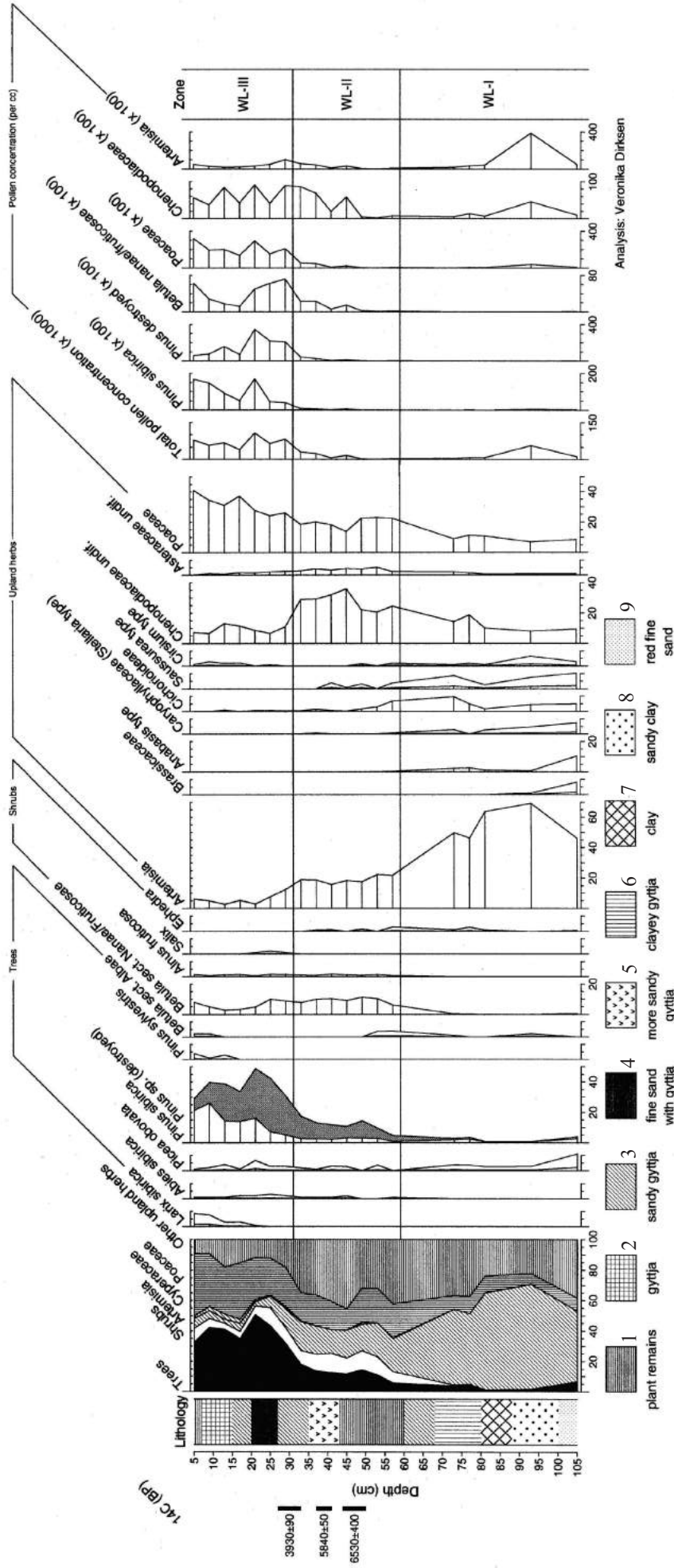

Рис. 58. Спорно-пыльцевая и микрофоссильная диаграмма озерной колонки Белого озера (основные таксоны).
 Условные обозначения: 1 – ил; 2 – водонасыщенный сапропель; 3 – песчаный сапропель; 4 – сапропель с примесью сапропеля; 5 – песок с примесью сапропеля; 6 – сапропель с песчаными прослойками; 7 – глинистый сапропель; 8 – глина; 9 – песчаная глина; 10 – песок

Мюн I
Календарный возраст, л.н.

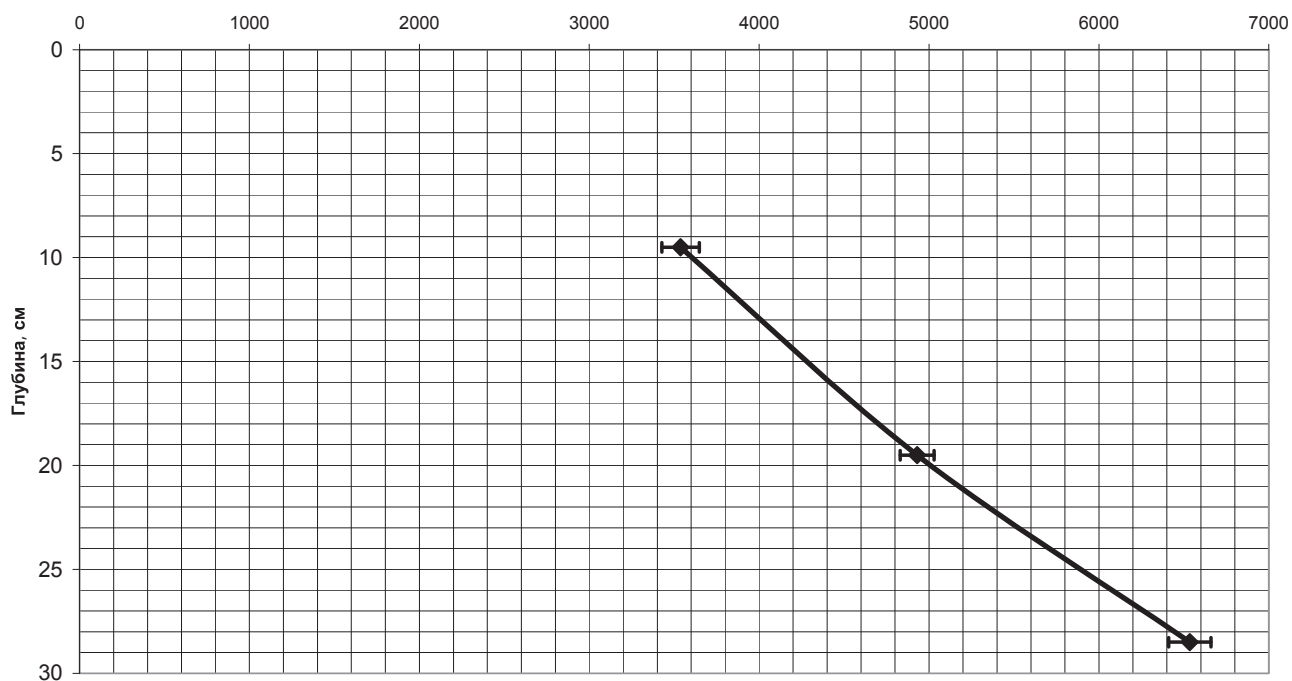

Рис. 60. Модели изменения возраста отложений озера Мюн-I в зависимости от глубины. Вертикальные линии на диаграммах обозначают интервалы глубин отбора проб, горизонтальные линии – интервалы календарного возраста, в соответствии с табл. 7

Мюн II
Календарный возраст, л.н.

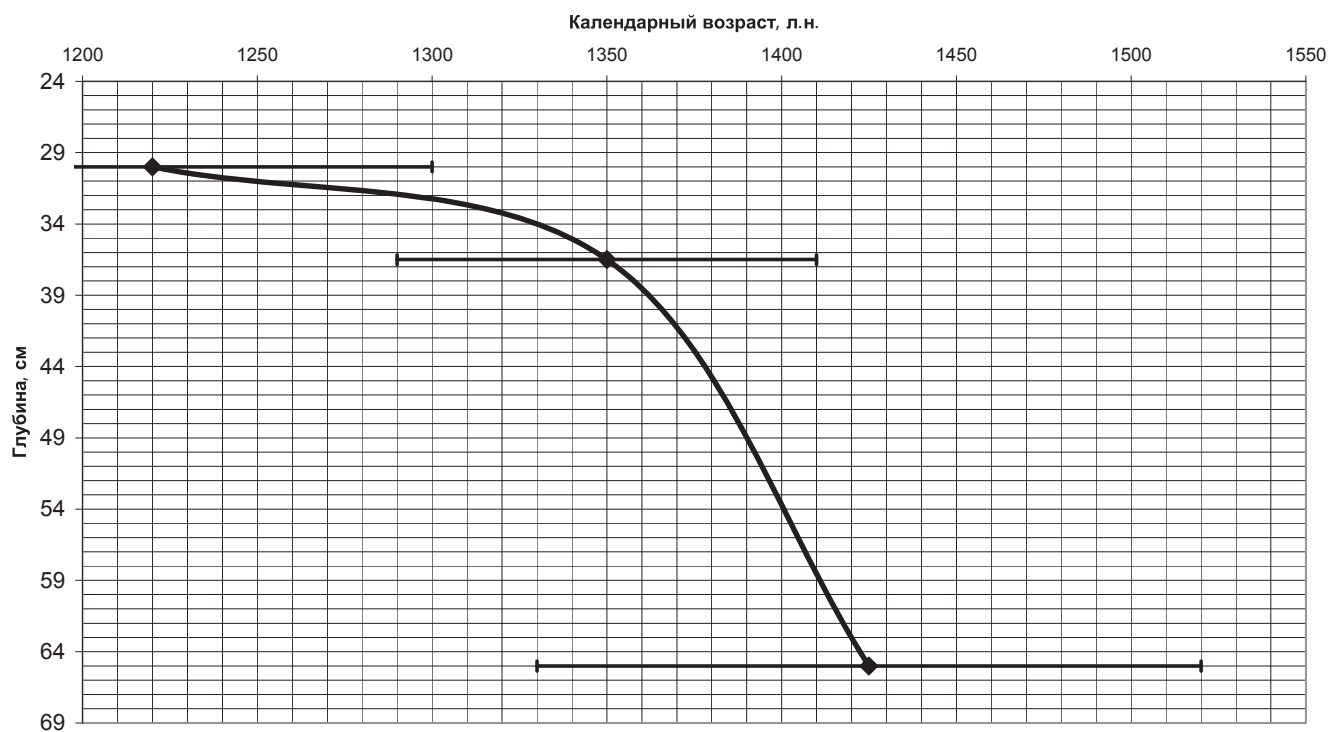

Рис. 61. Модели изменения возраста отложений озера Мюн-II в зависимости от глубины. Вертикальные линии на диаграммах обозначают интервалы глубин отбора проб, горизонтальные линии – интервалы календарного возраста, в соответствии с табл. 7

Рис. 63. Фотографии орудий и микрофотографии следов сработанности (микроскоп Olympus BX-51, увеличение 5х (кроме 6):

1 – следы в желобке «утюжка»,
2 – «утюжок»;
3 – галька; 4 – следы сработанности;
5 – керамический скребок;
6 – следы сработанности;
7 – фото эмали зуба;
8 – следы сработанности в желобке

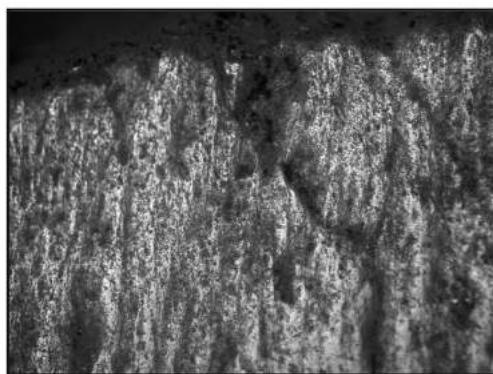
1

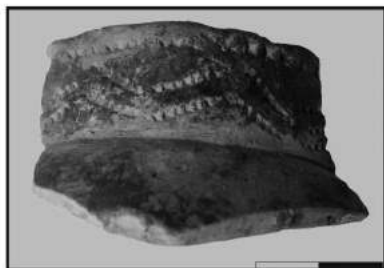
2

3

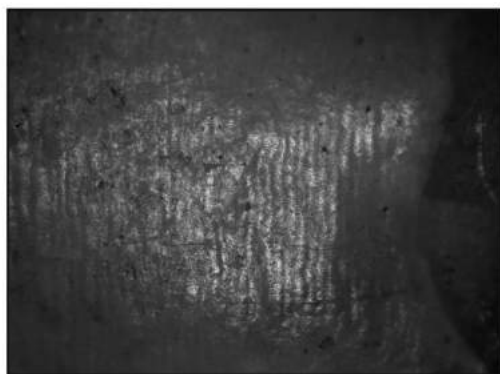
4

5

6

7

8

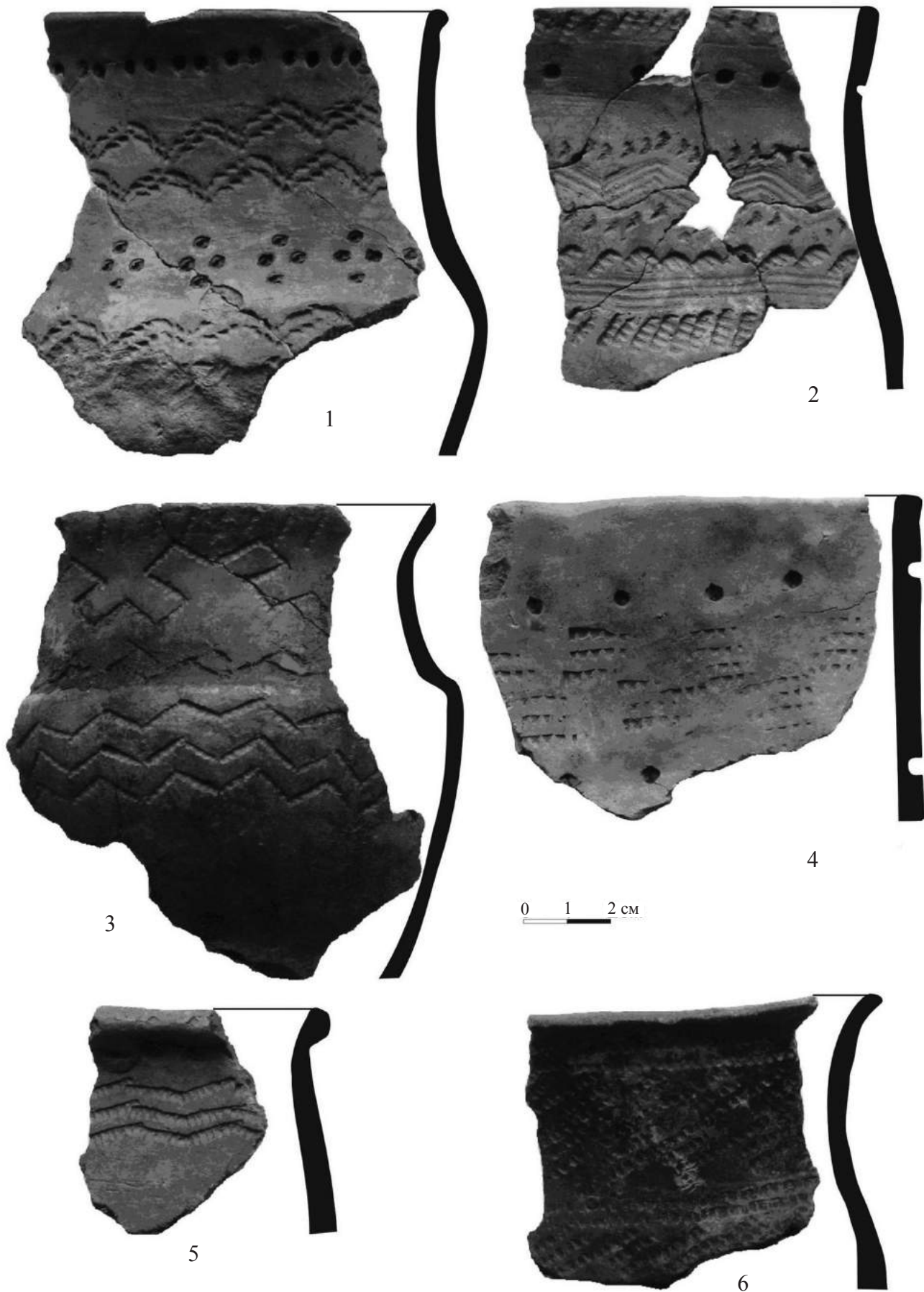

Рис. 64. Керамика коптяковской культуры эпохи бронзы поселения Чепкуль-5

Рис. 65. Этапы формирования территории поселения Алтын-депе:
 а – слои с керамикой раннего энеолита времени позднего Намазга-I; б – слои с керамикой ялангачского типа времени Намазга-II; в – слои с керамикой раннегеоксюрского типа времени позднего Намазга-II; г – слои с керамикой геоксюрского и постгеоксюрского типов времени Намазга-III

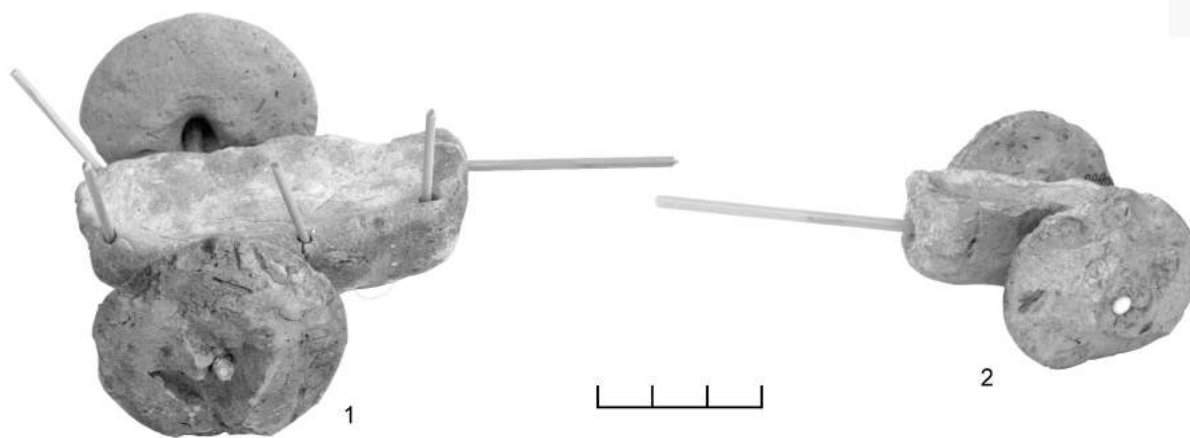
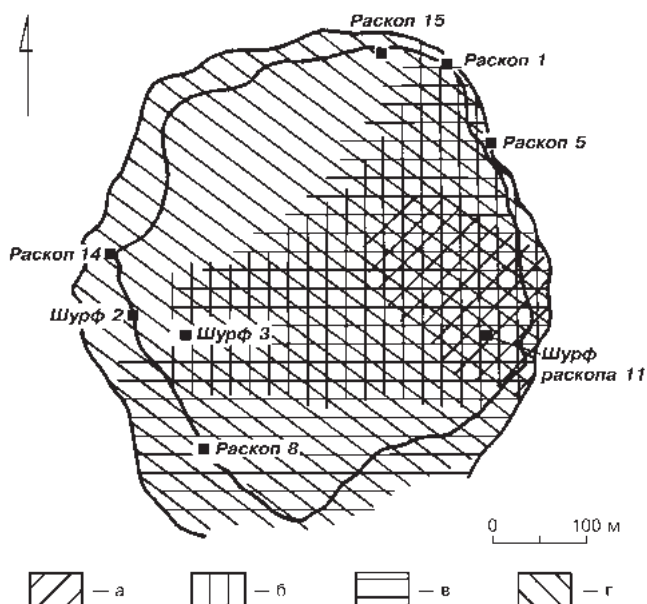
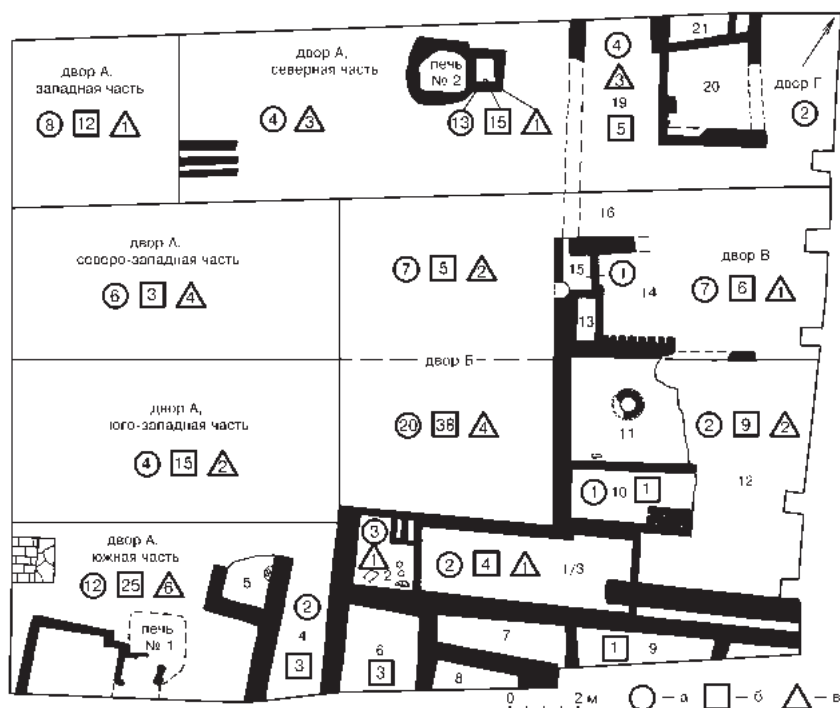

Рис. 66. Алтын-депе, раскоп 5, одноосные повозки периода позднего энеолита из глины (1) и терракоты (2)

Рис. 67. Алтын-депе, раскоп 5, 10-й горизонт, планиграфия находок каменных орудий труда конца периода позднего энеолита:
 а – орудия земледелия и зернообработки;
 б – орудия по обработке камня;
 в – орудия металлообработки. Цифры внутри условного значка обозначают количество орудий соответствующей группы без учета полифункциональных орудий

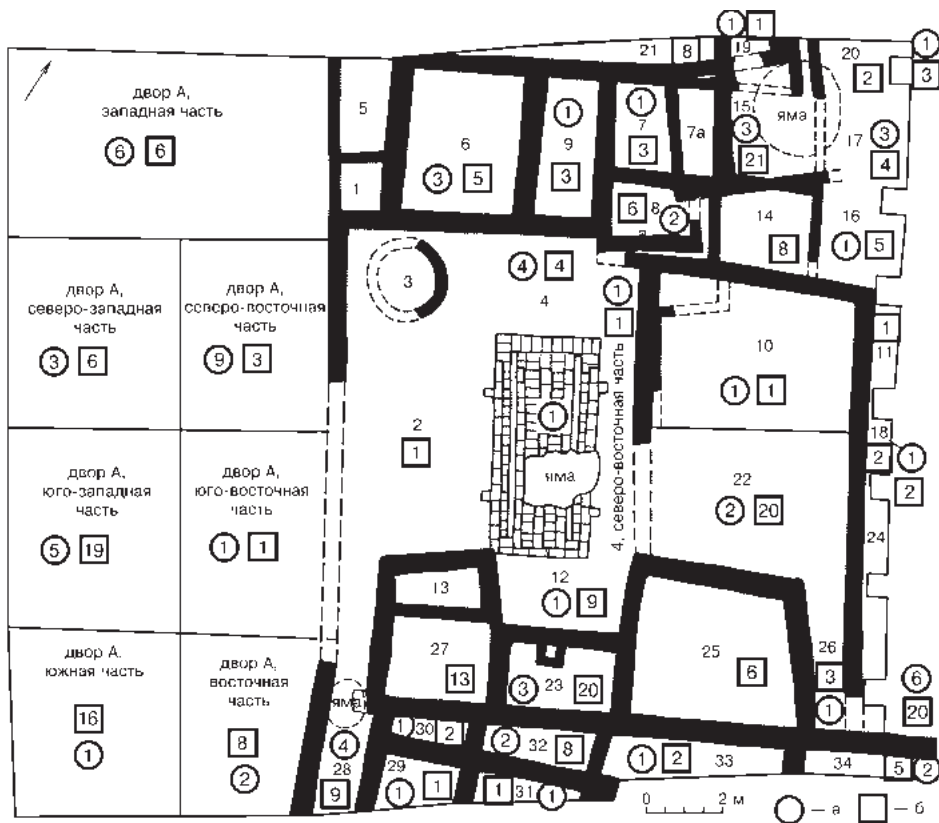

Рис. 68. Алтын-депе, раскоп 5, 9-й горизонт, планиграфия находок каменных орудий труда конца периода позднего энеолита: а – орудия земледелия и зернообработки; б – орудия по обработке камня. Цифры внутри условного значка обозначают количество орудий соответствующей группы без учета полифункциональных орудий

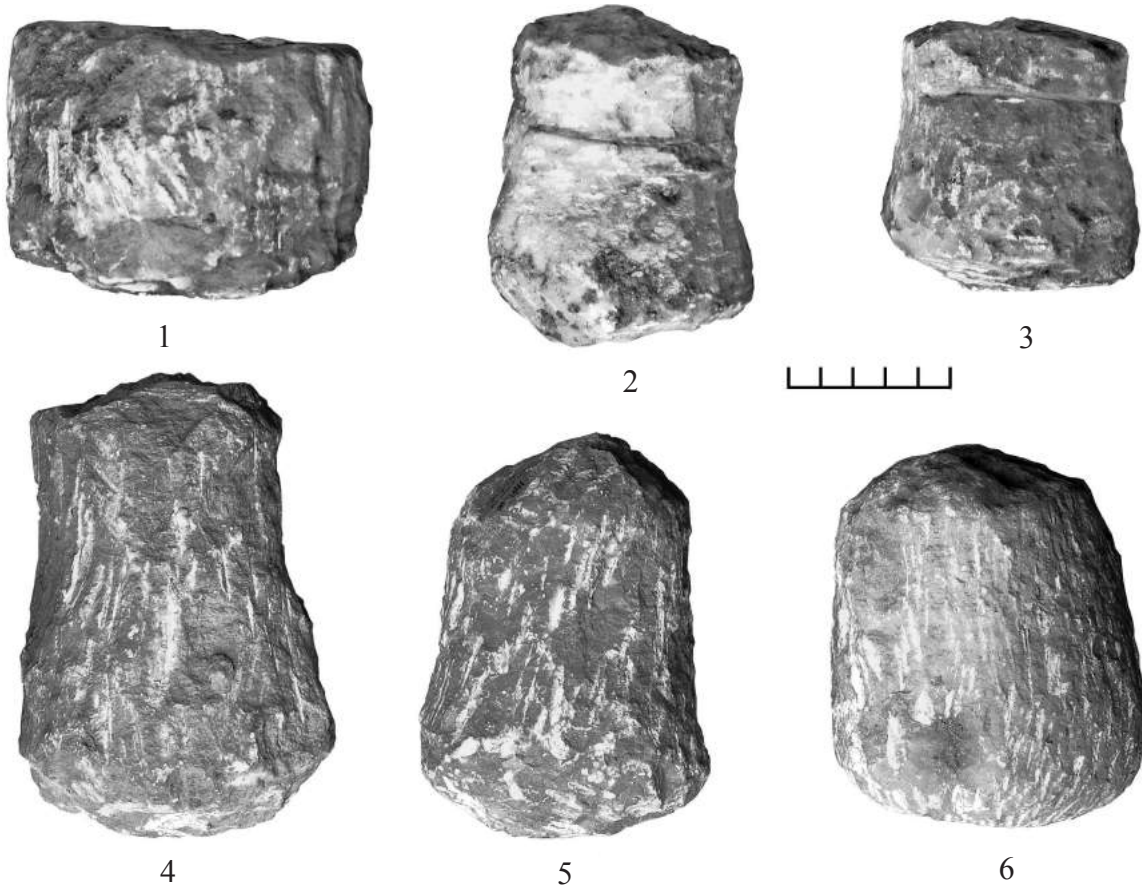

Рис. 69. Алтын-депе, раскоп 5, 9-й горизонт, заготовки сосудов из алебастра конца периода позднего энеолита

Рис. 70. Алтын-депе, раскоп 5, 9-й горизонт, планиграфия находок каменных орудий труда, связанных с металлургией и металлообработкой конца периода позднего энеолита: а – абразивы для шлифования и заточки металлических изделий; б – орудия для раскатки фольги и формовки ювелирных изделий (ковки и выбивания на матрице); в – орудия дляковки металла; г – орудия для измельчения руды. Цифры внутри условного значка обозначают количество орудий соответствующей группы без учета полифункциональных орудий

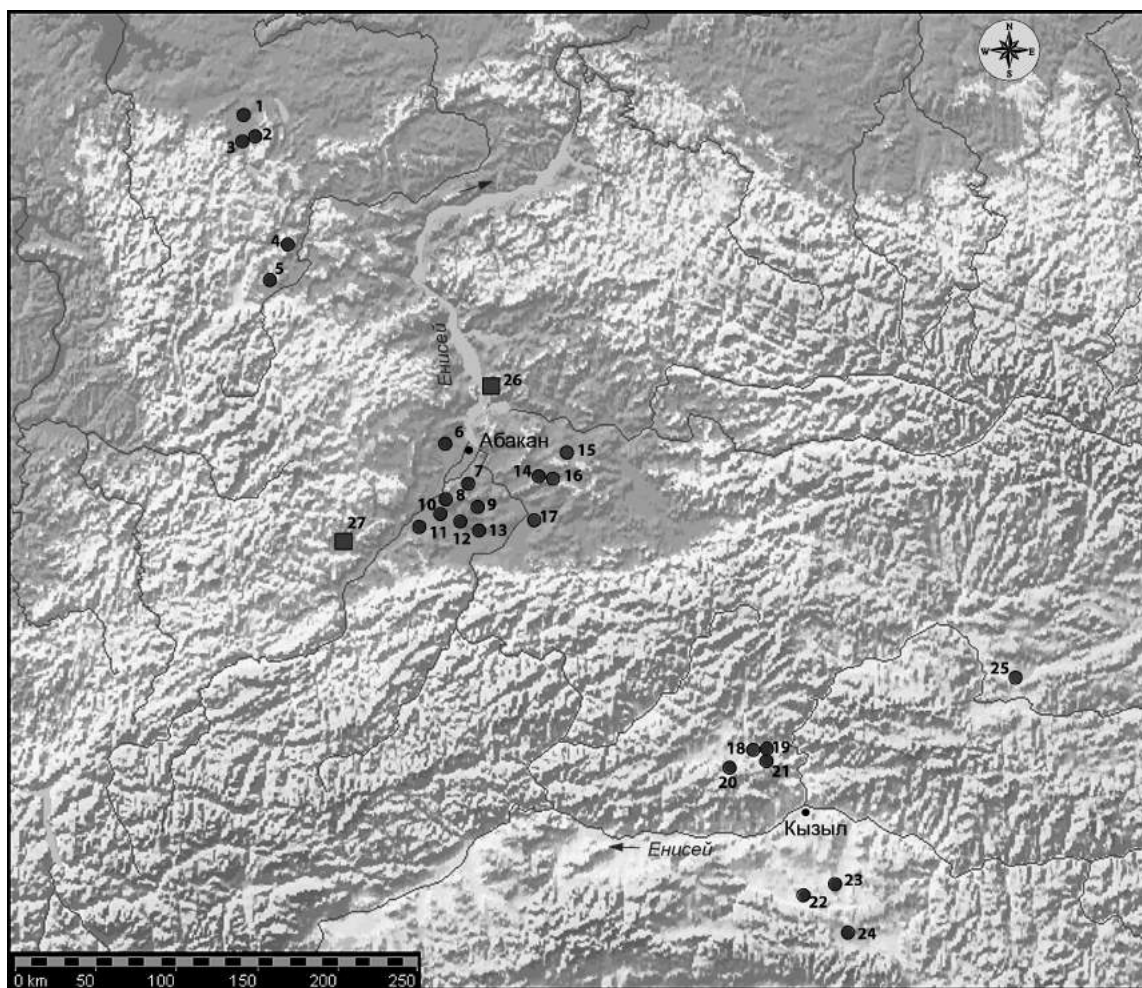
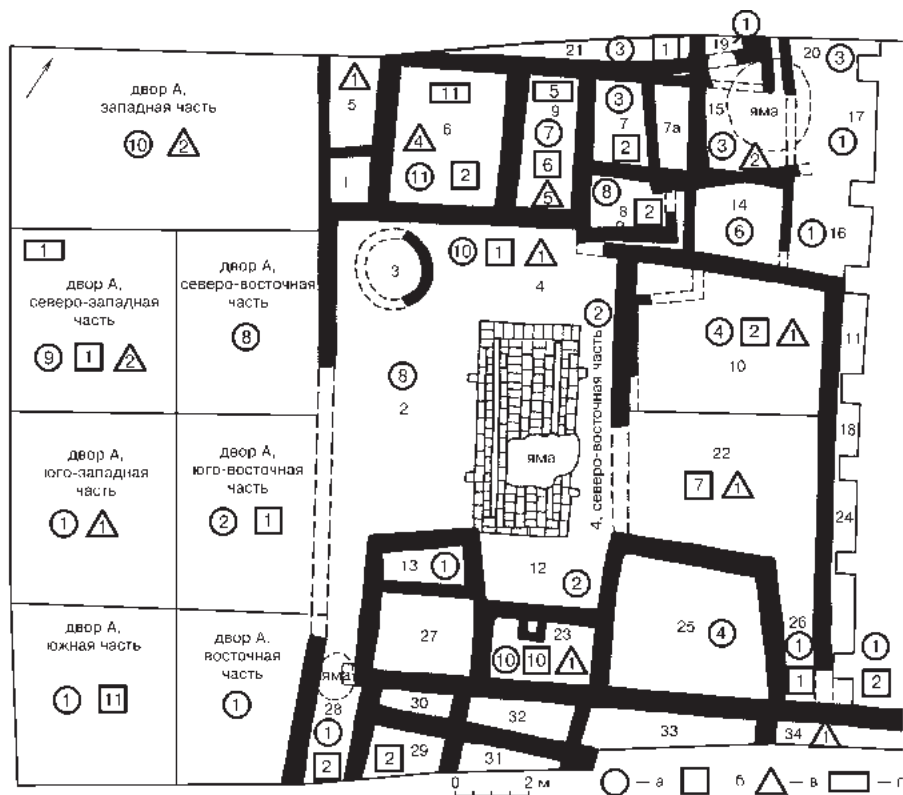

Рис. 71. Список обследованных озер и шурфов Центральной Азии: ● озера: 1 – Сергеева Яма; 2 – Попова; 3 – Стырьюво; 4 – Листвянки; 5 – Черное Озеро; 6 – Красное; 7 – Рыбное; 8 – Сартыков; 9 – Борки; 10 – Турланье; 11 – Сосновое; 12 – Черное; 13 – Бугаево; 14 – Сухое; 15 – Б. Кызыкульское; 16 – Кутужеково; 17 – Шушенское; 18 – Белое Озеро 1; 19 – Белое Озеро 2; 20 – Чероне; 21 – Шарлэнныг Холь; 22 – Хадын; 23 – Чеддер; 24 – Чагытай; 25 – Мюн. ■ разрезы: 26 – Тепсей; 27 – Усть-Кюг

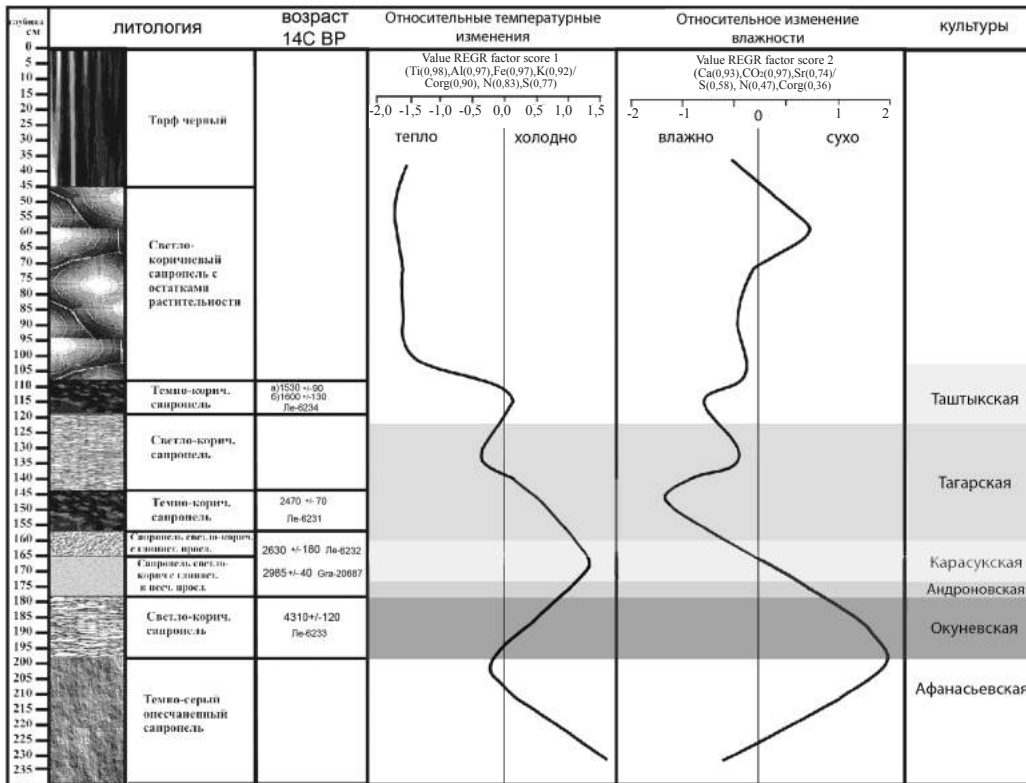

Рис. 72. Изменение климата по геохимическим данным (оз. Кутужекское)

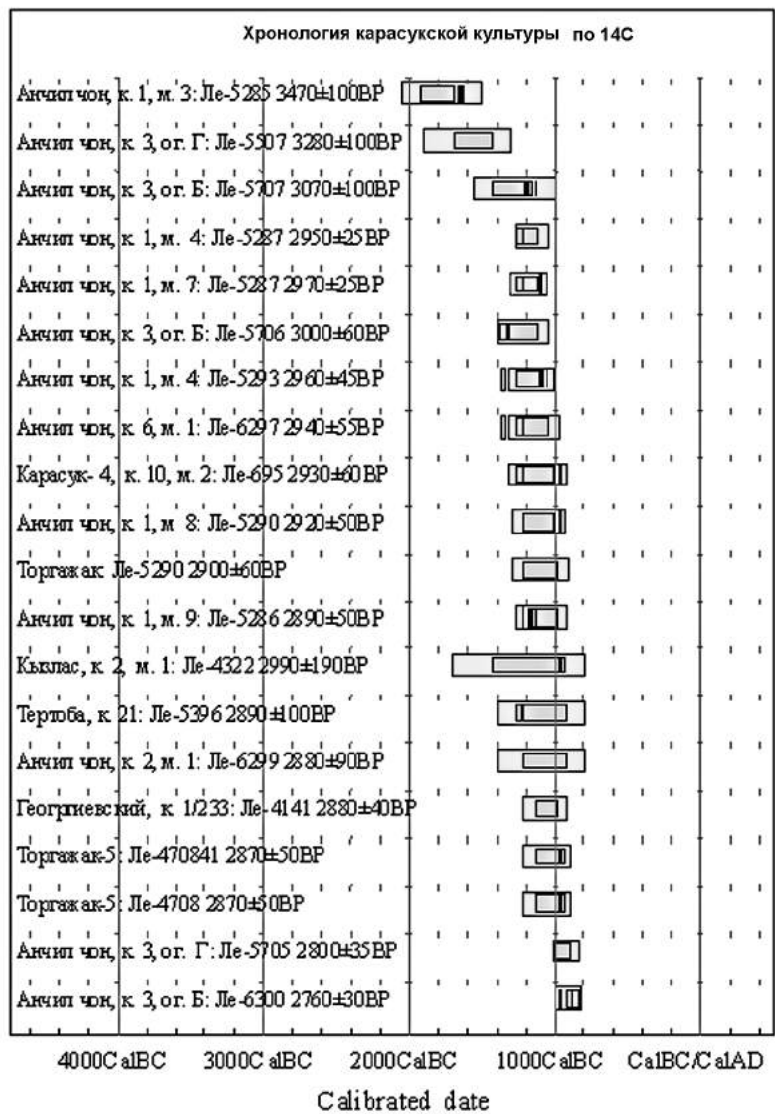

Рис. 73. Радиоуглеродные датировки карасукской культуры

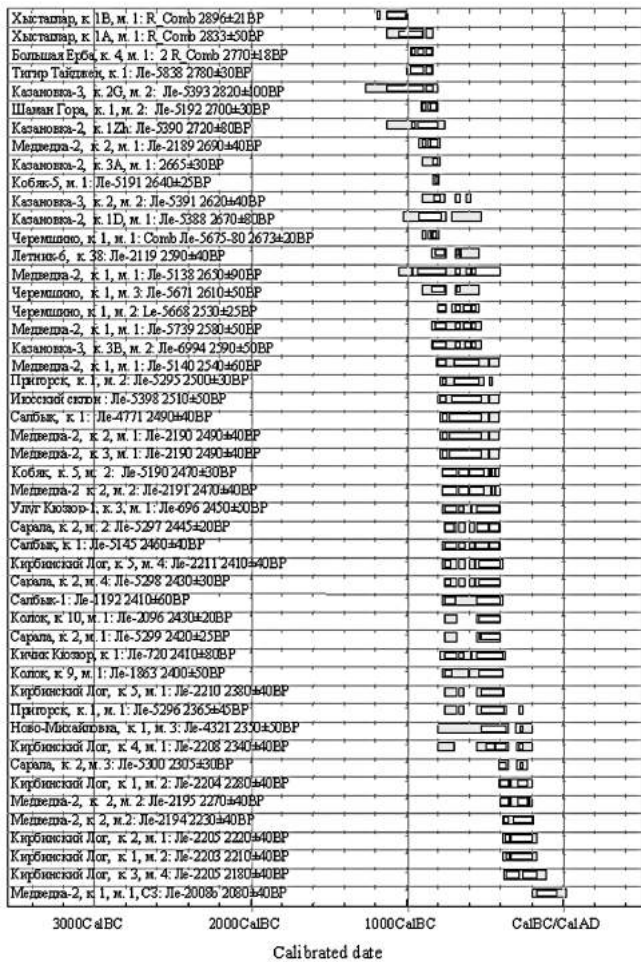

Рис. 74. Радиоуглеродные датировки тагарской культуры

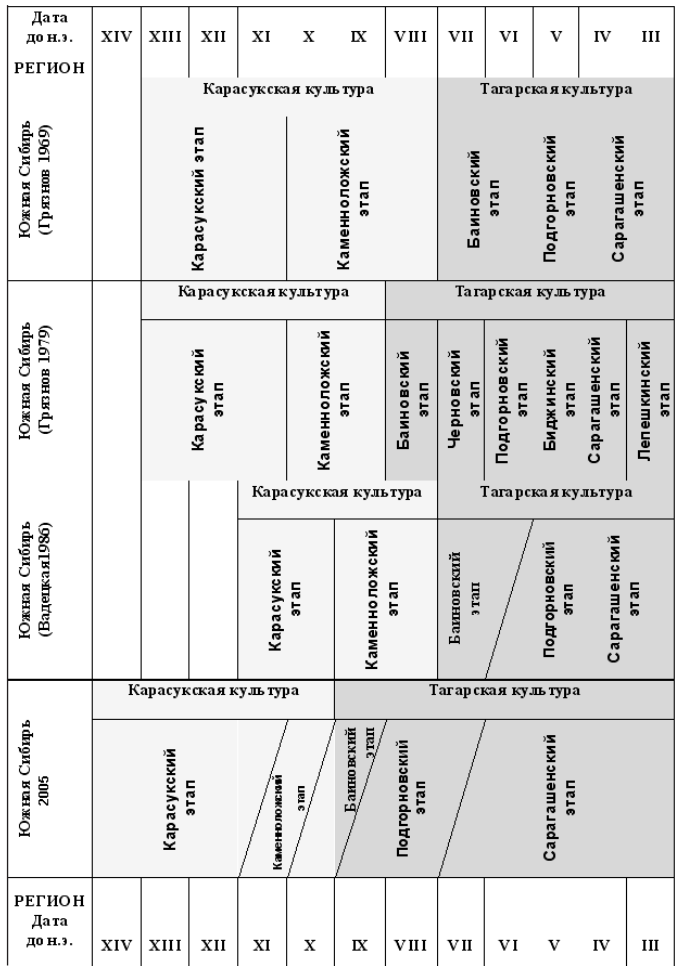
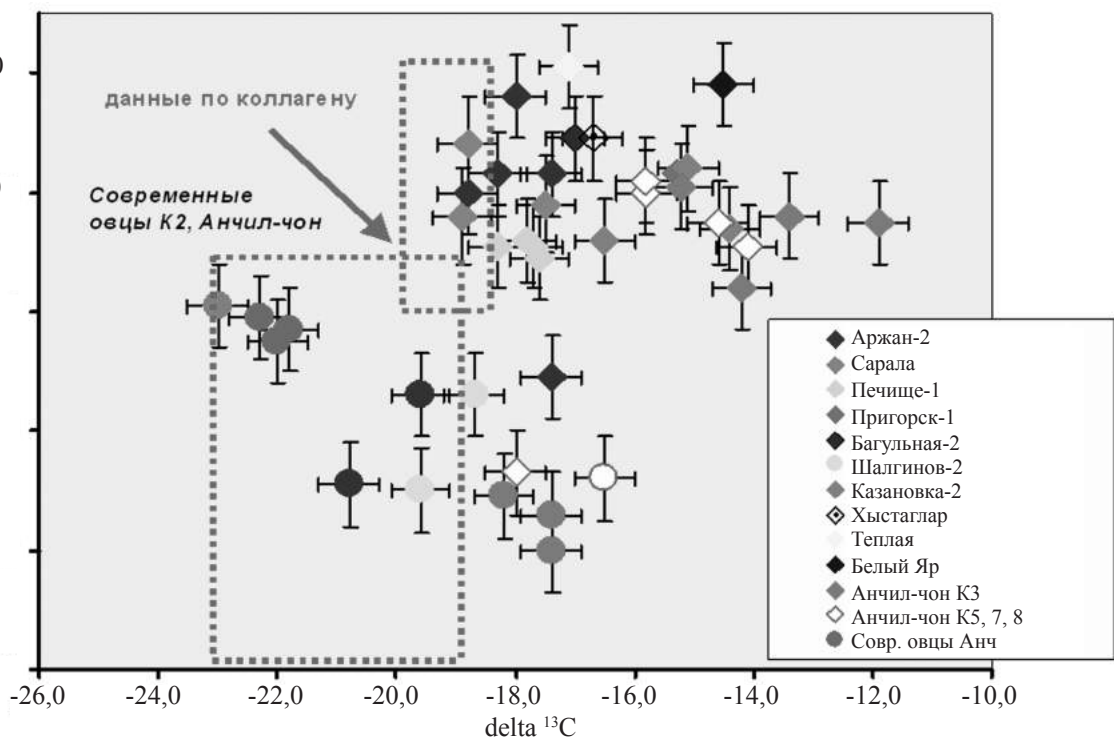

Рис. 75. Культурно-хронологические схемы эпохи поздней бронзы – скифского времени Среднего Енисея

Рис. 76. Изотопный состав углерода и азота в костных останках людей и животных

$^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$

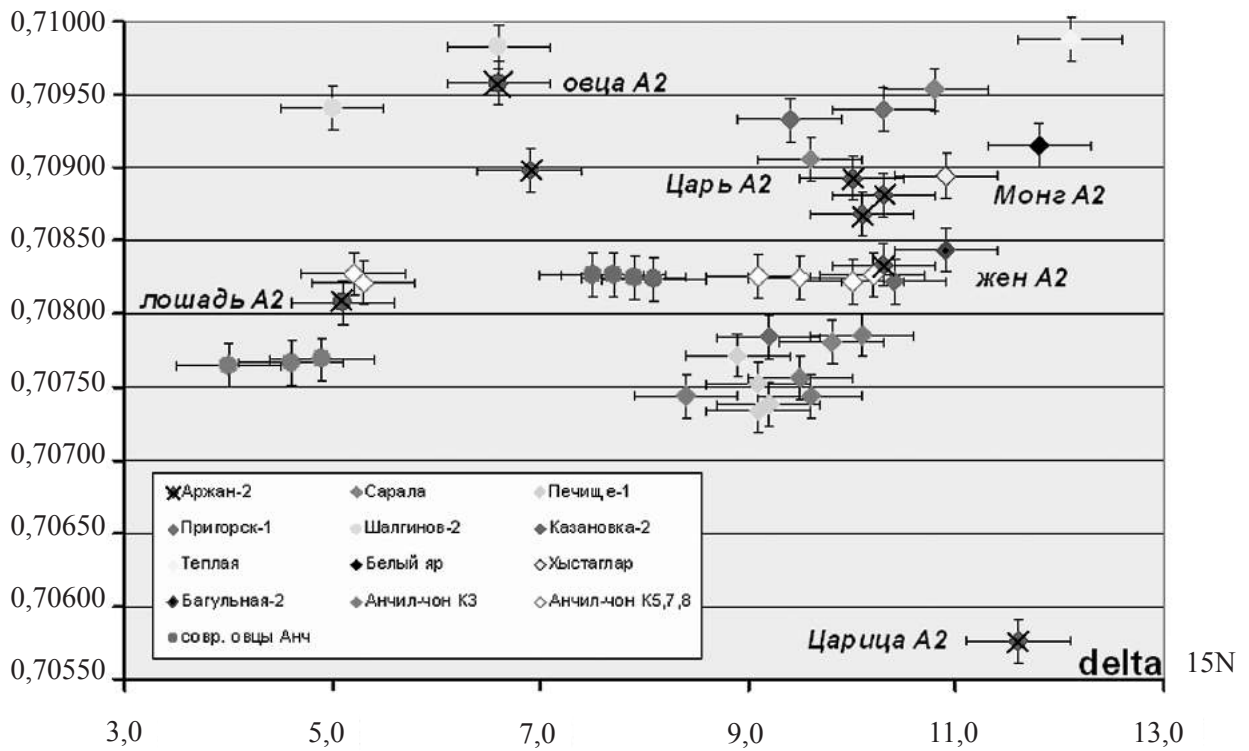

Рис. 77. Изотопный состав стронция и азота в костных останках людей и животных

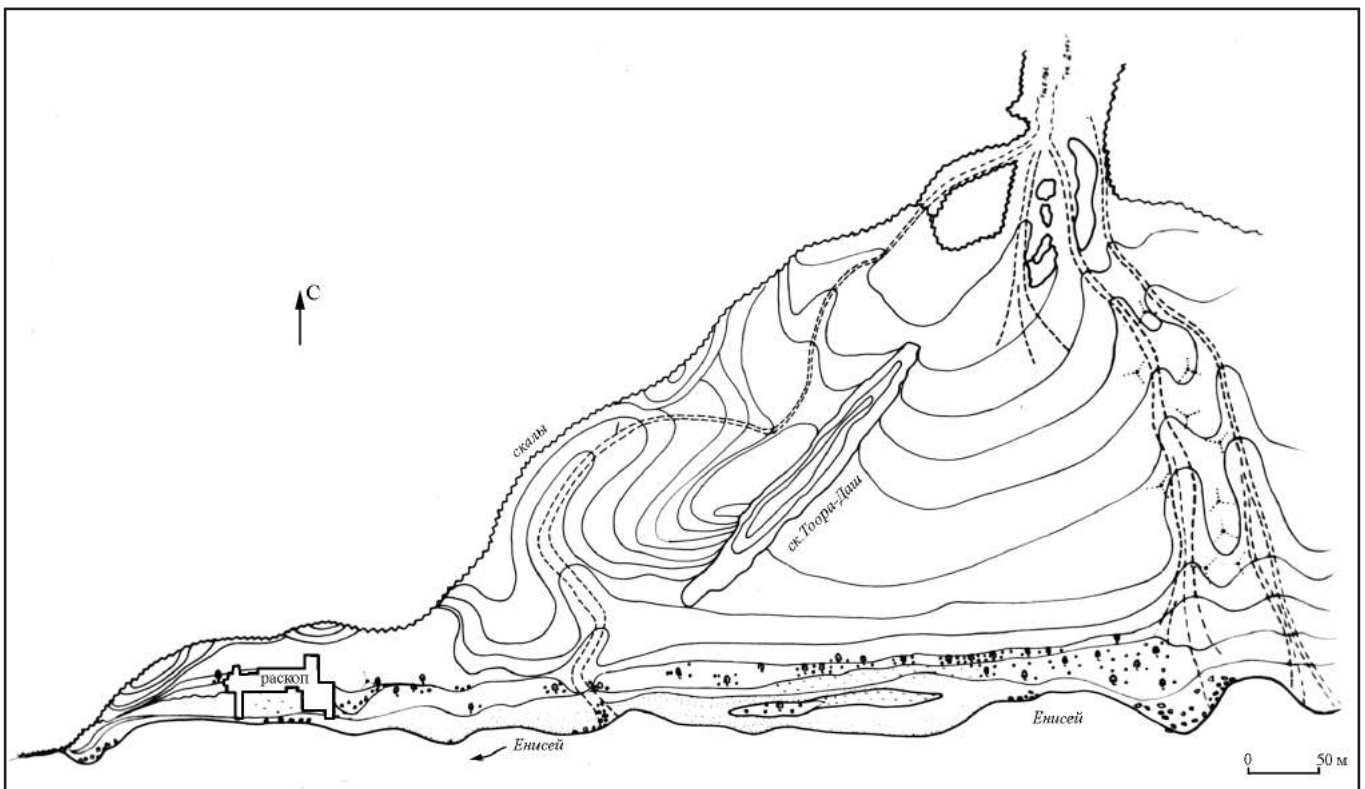

Рис. 78. Ситуационный план расположения стоянки Тоора-Даш. 1984

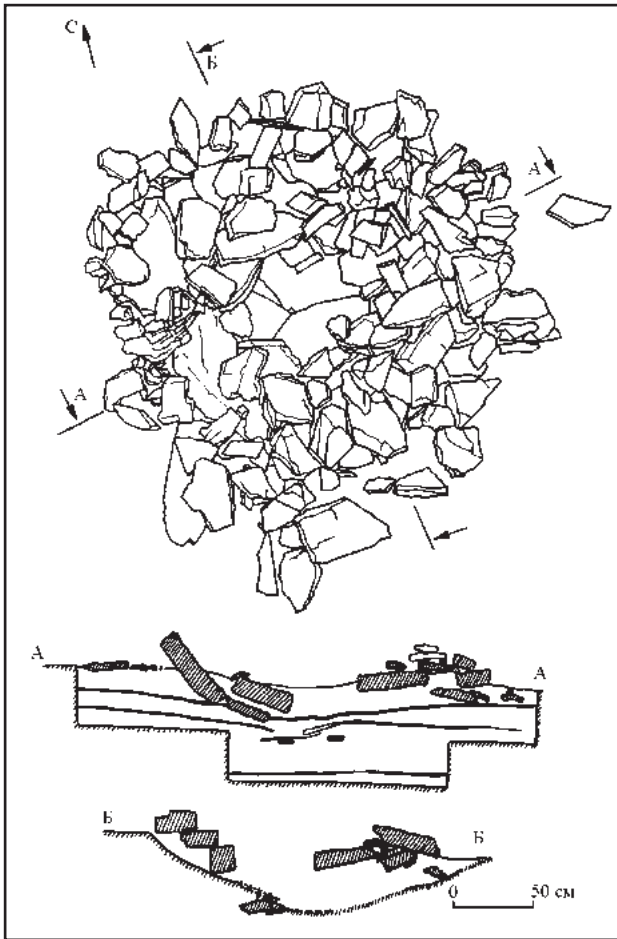

Рис. 79. Тоора-Даш. План сооружения № 1 в первом культурном слое

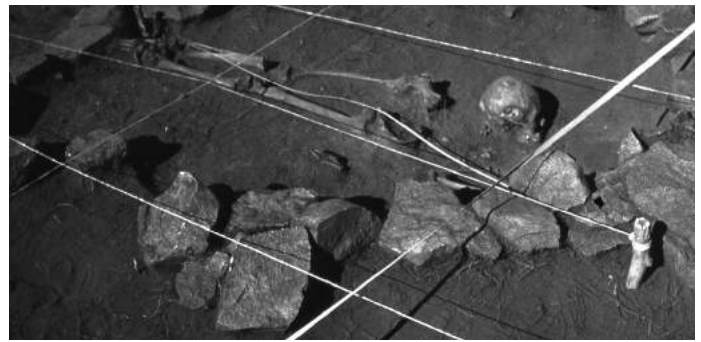

Рис. 80. Неолитическое погребение на стоянке Азас-2. Тоджа

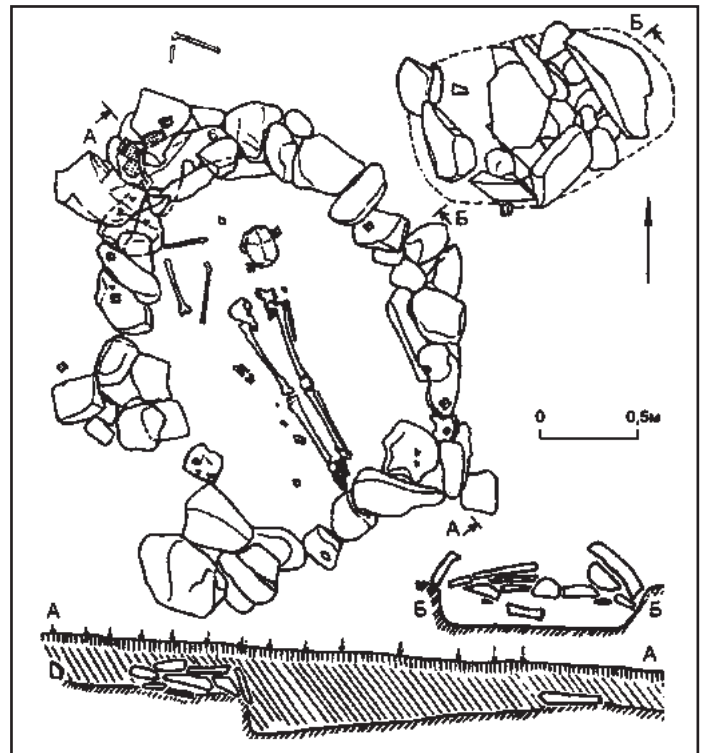

Рис. 81. План неолитического погребения на стоянке Азас-2. Тоджа

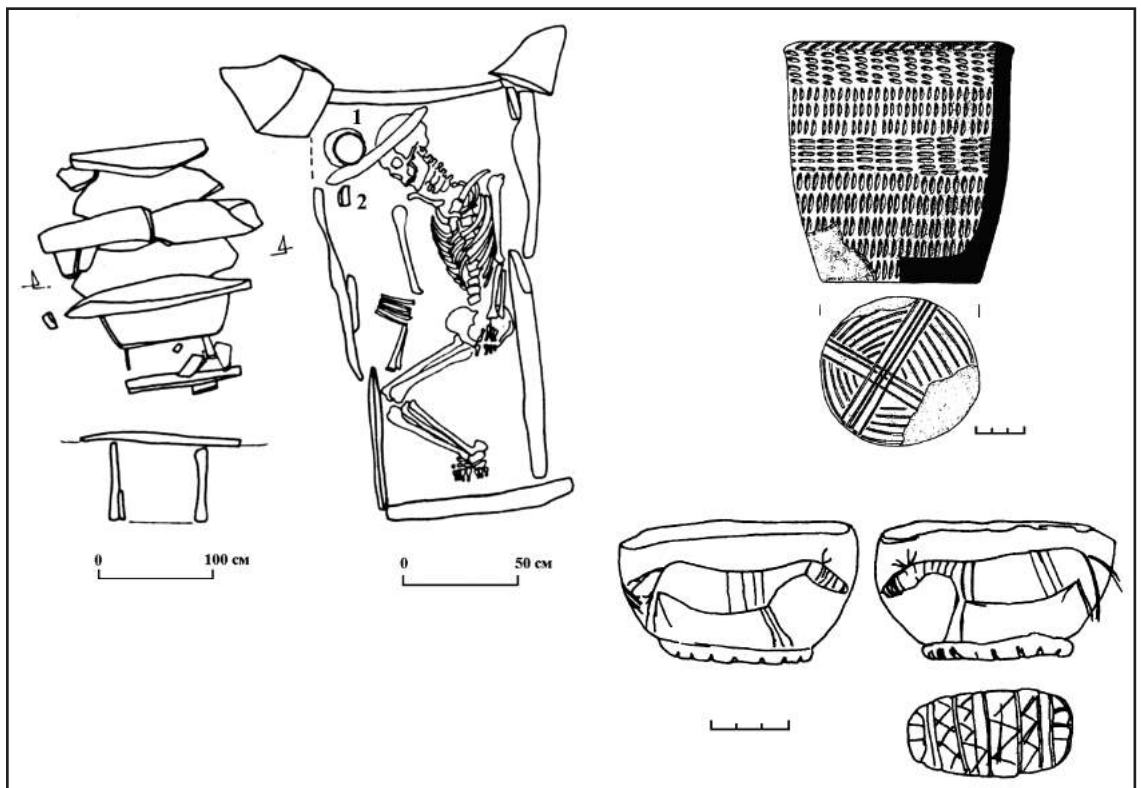
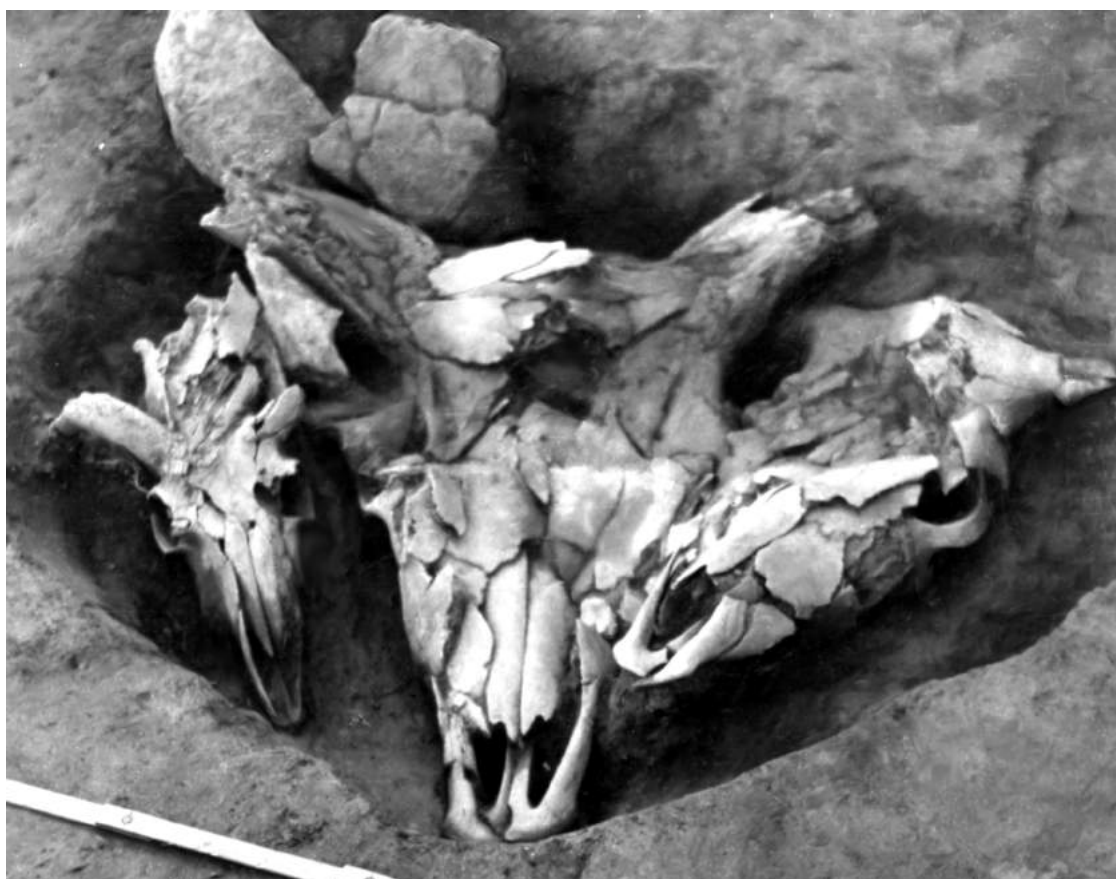

Рис. 82. Могильник Аймырлыг-ХIII, погребение 8: 1 – керамический сосуд; 2 – каменный сосуд

Рис. 83. Тоора-Даш.
7-й культурный слой.
План жилища

Рис. 84. Тоора-Даш.
7-й культурный
слой. Культурное
захоронение
черепов быков
и барана

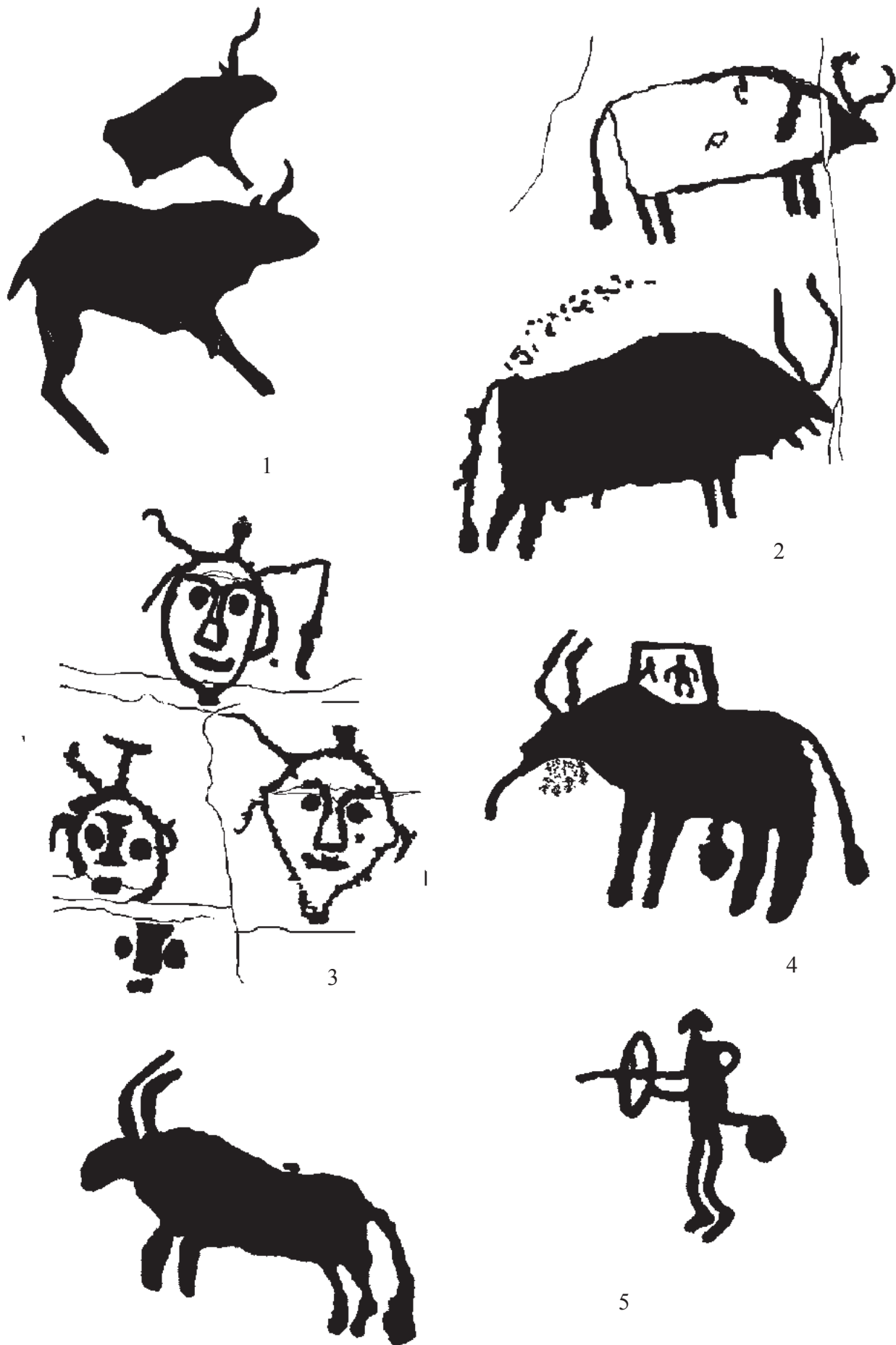

Рис. 85. Культ быка в наскальном искусстве Тувы: 1 – Ямалык; 2, 4, 5 – Саамчыыр; 3 – Алага

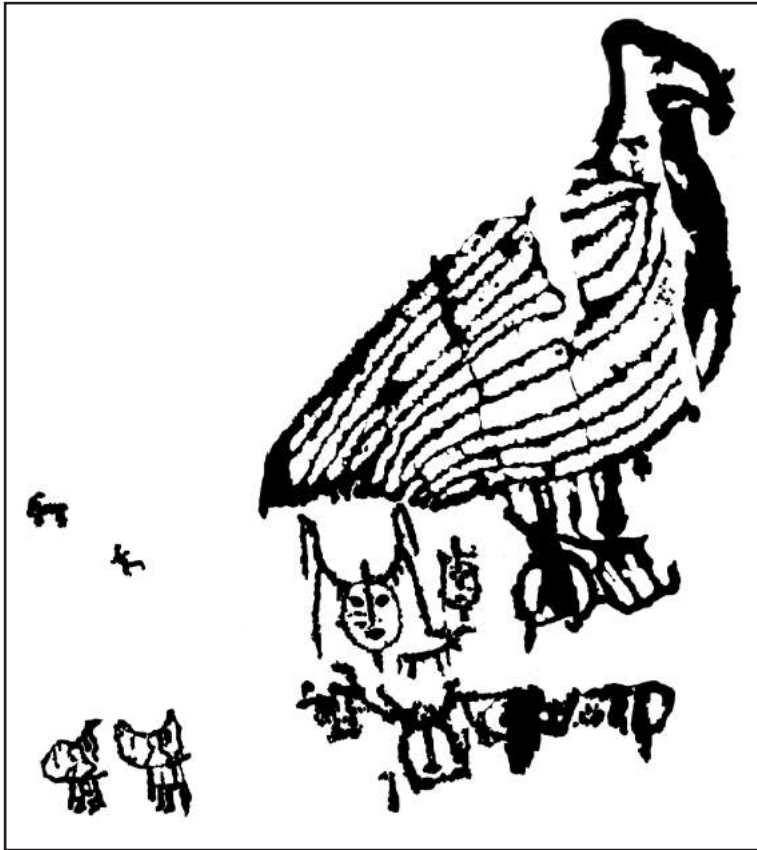

Рис. 86. Бижиктиг-Хая около Кызыл-Мажалыка. Западная Тува

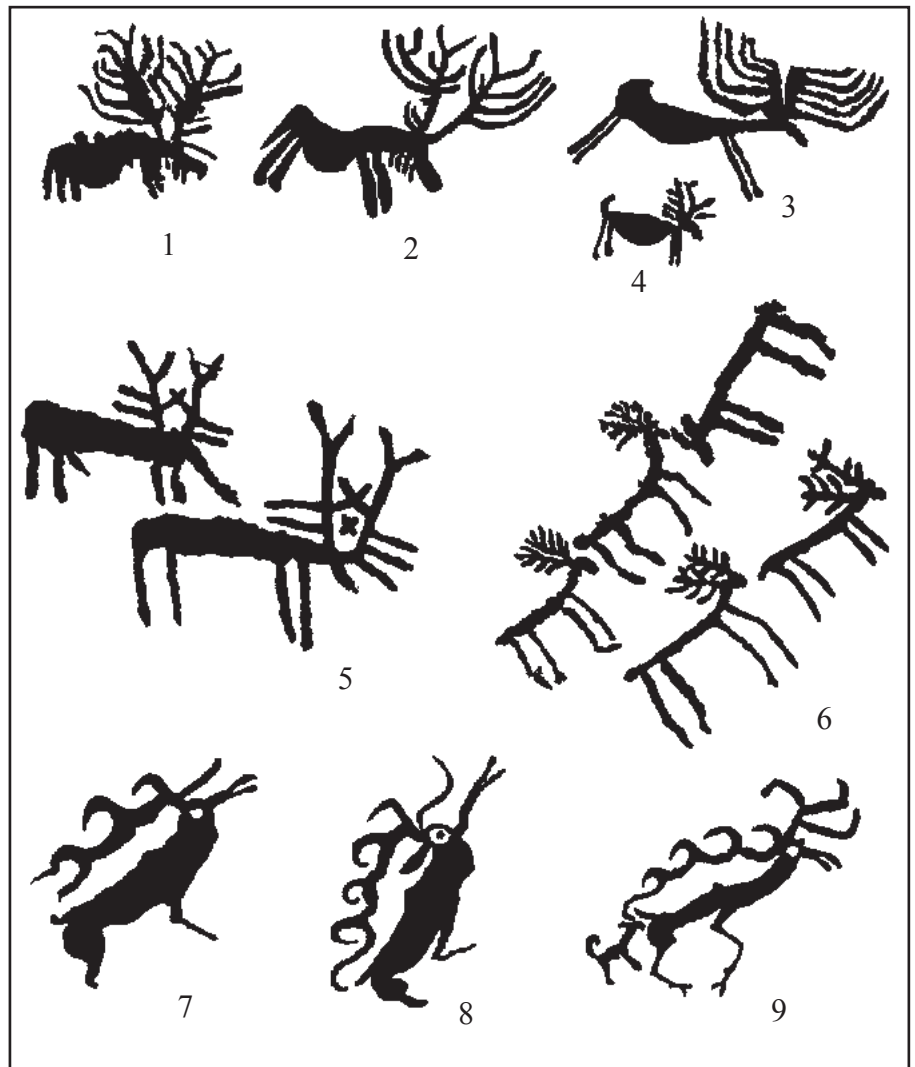

Рис. 87. Стили в наскальном искусстве Тувы эпохи бронзы: 1-4 – чайлагский стиль; 5 – чыргакский; 6 – варчинский; 7-9 – монголо-забайкальский

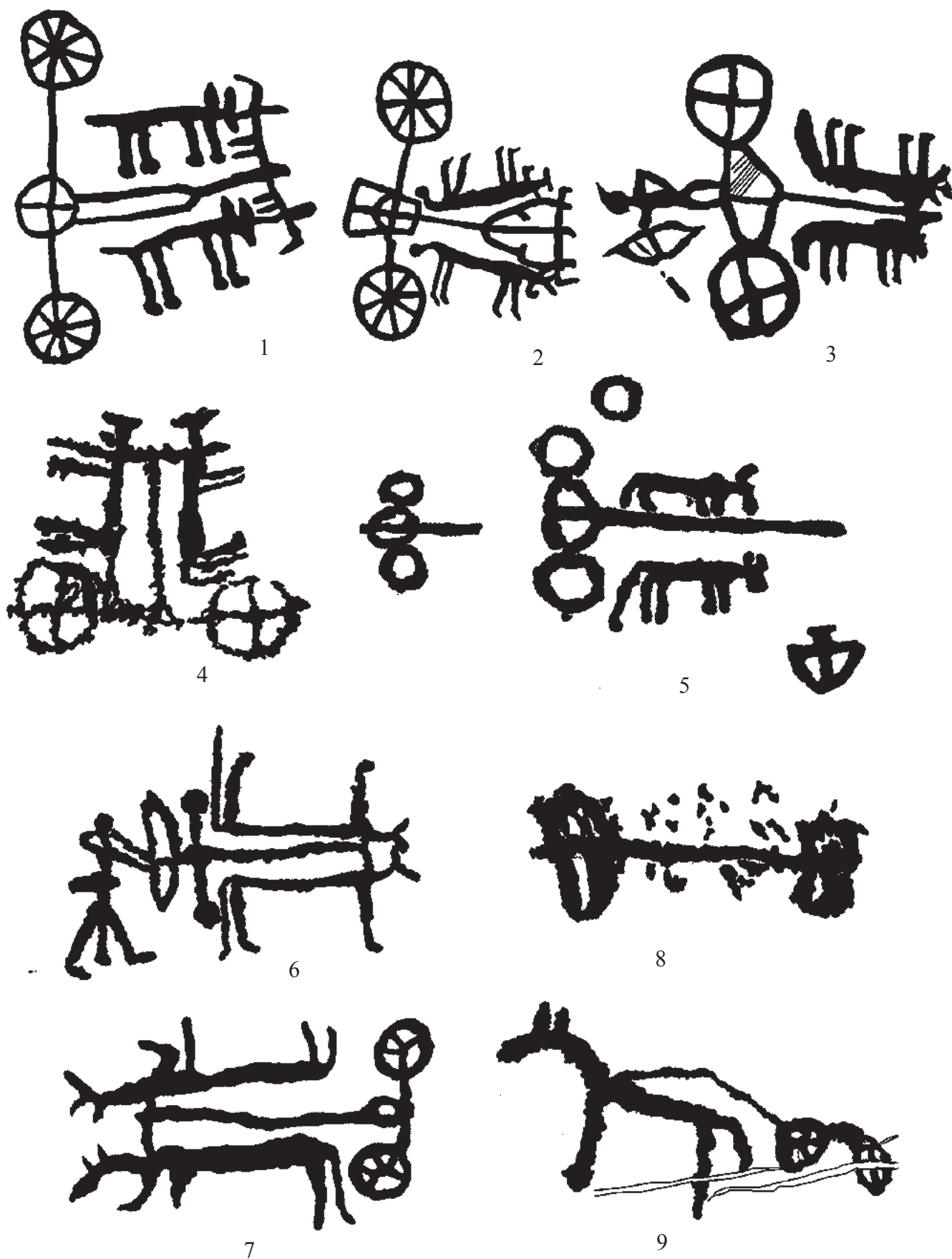
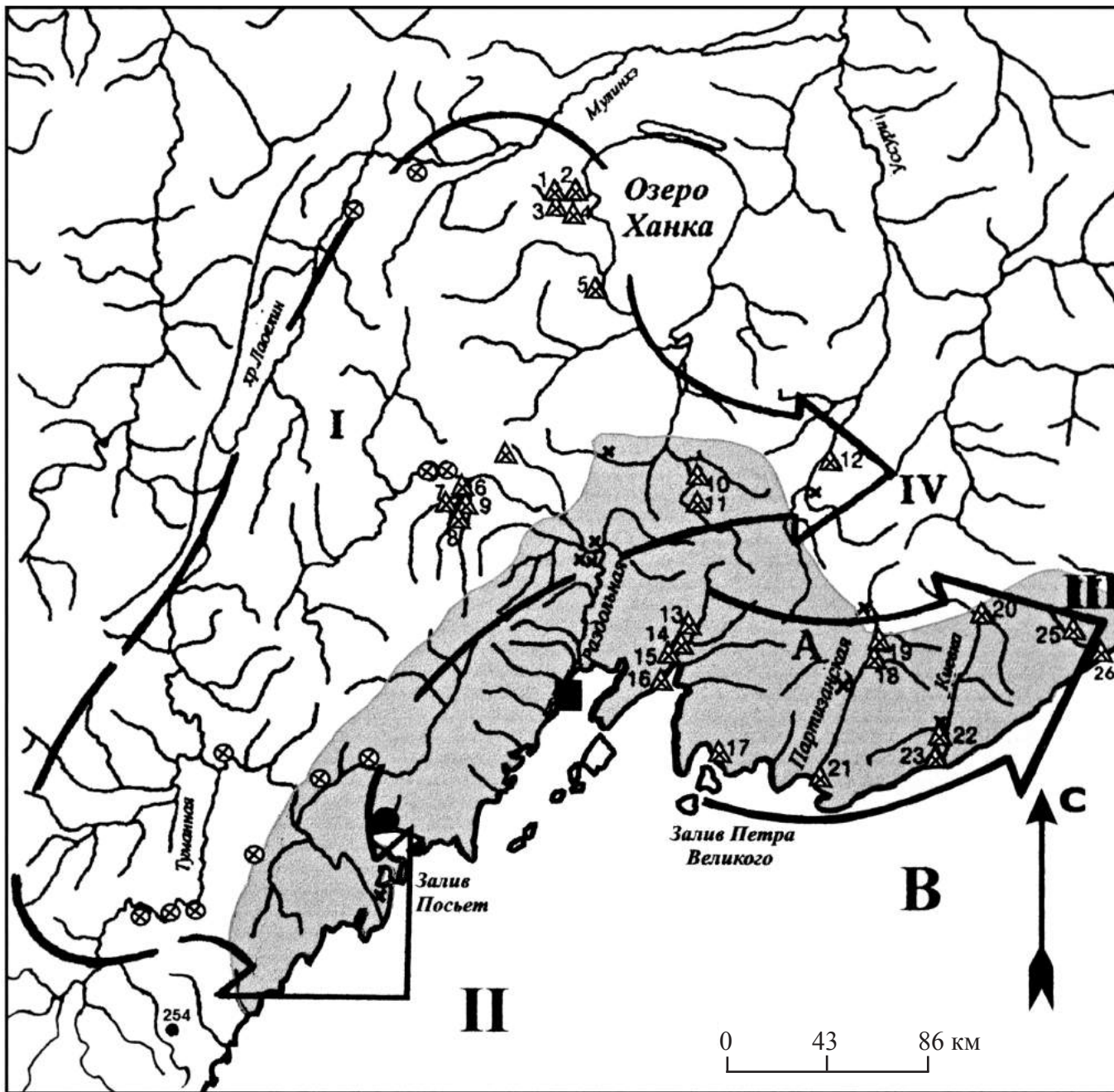

Рис. 88. Изображения колесниц в наскальном искусстве Тувы: 1, 2 – Алды-Мозага (по М. А. Дэвлет); 3 – «Каменный компас» (по М. А. Дэвлет); 4 – Сыын-Чюрек; 5 – Догээ-Баары; 6–8 – Чайлаг; 9 – Алды-Мозага

① - 1	× - 3	⊗ - 5	■ - 7
→ II-IV - 2	▲ - 4	■ - 6	● - 8

Рис. 89. Карта, иллюстрирующая распространение кроуновской культуры:

1 – нуклеарный район; 2 – направление миграции; 3 – поселения кроуновской культуры на территории Приморья; 4 – поселения кроуновской культуры на территории Приморья, где производились раскопки и оценка окружающего района; 5 – поселения культуры туаньцзе (Источник: *Линь Юнь*. Лунь Туаньцзе вэньхуа (О культуре Туаньцзе) // Бэйфан вэнью. 1985. № 1. С. 8–21. На кит. яз. (перевод А. Л. Ивлиева)); 6 – ареал янковской культуры; 7 – памятник Песчаный-1; 8 – памятник Зайсановка-2

Рис. 90. Пространственное распределение основных природных ресурсов населения кроуновской культуры на всех этапах существования

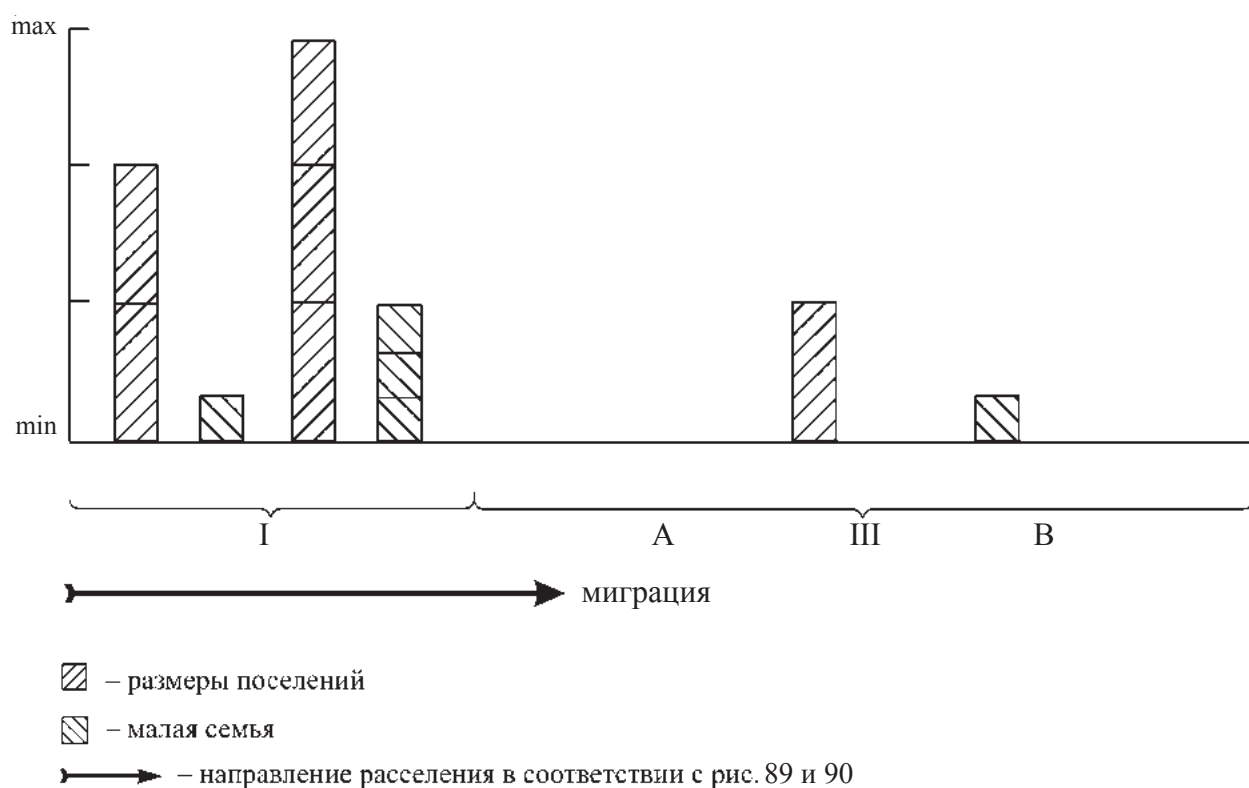

Рис. 91. Демографические показатели жилищ и поселений кроуновской культуры на всех этапах существования

Puc. 92

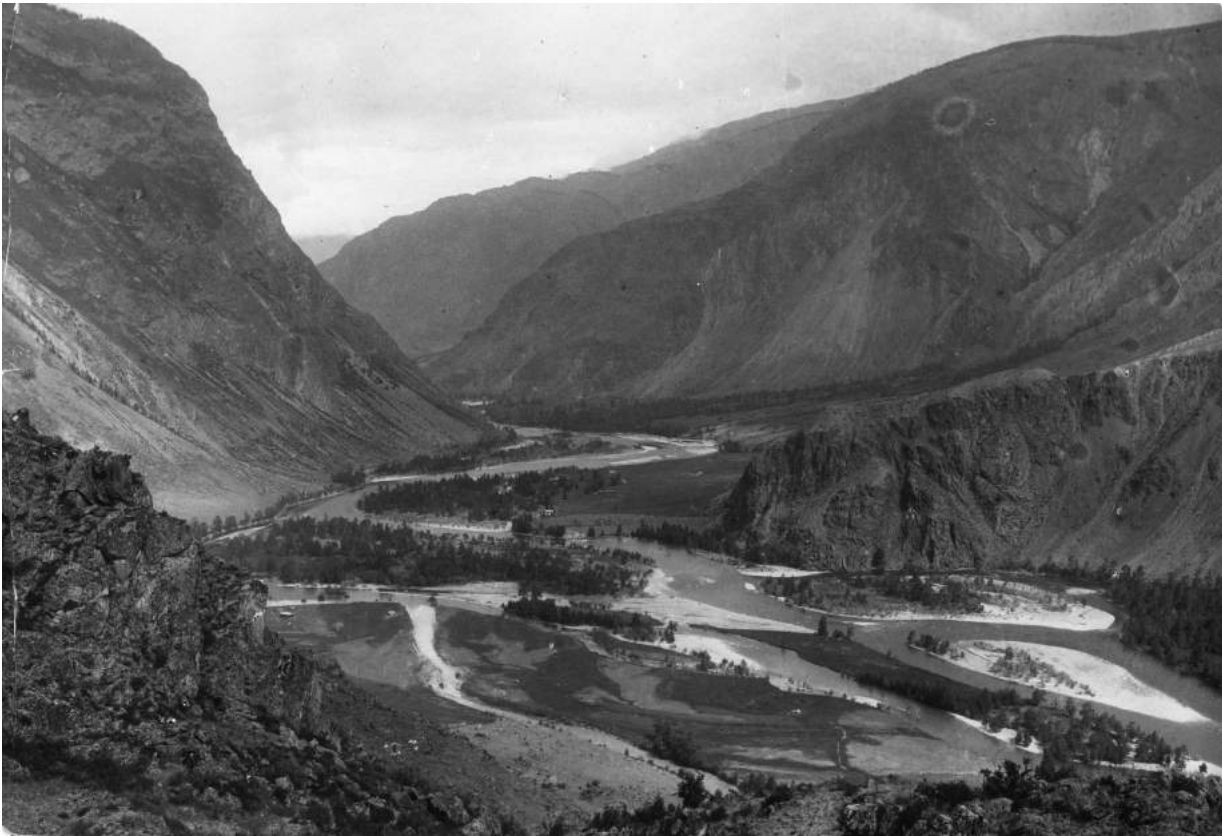
Puc. 93

Puc. 94

Puc. 95

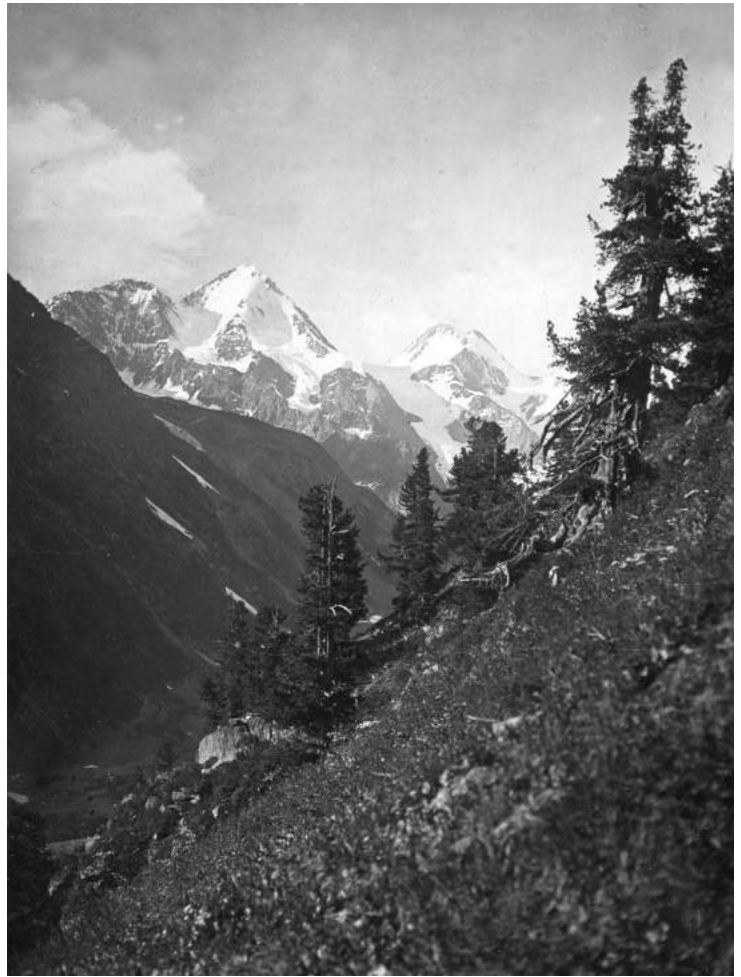

Puc. 96

Puc. 97

Puc. 98

Puc. 99

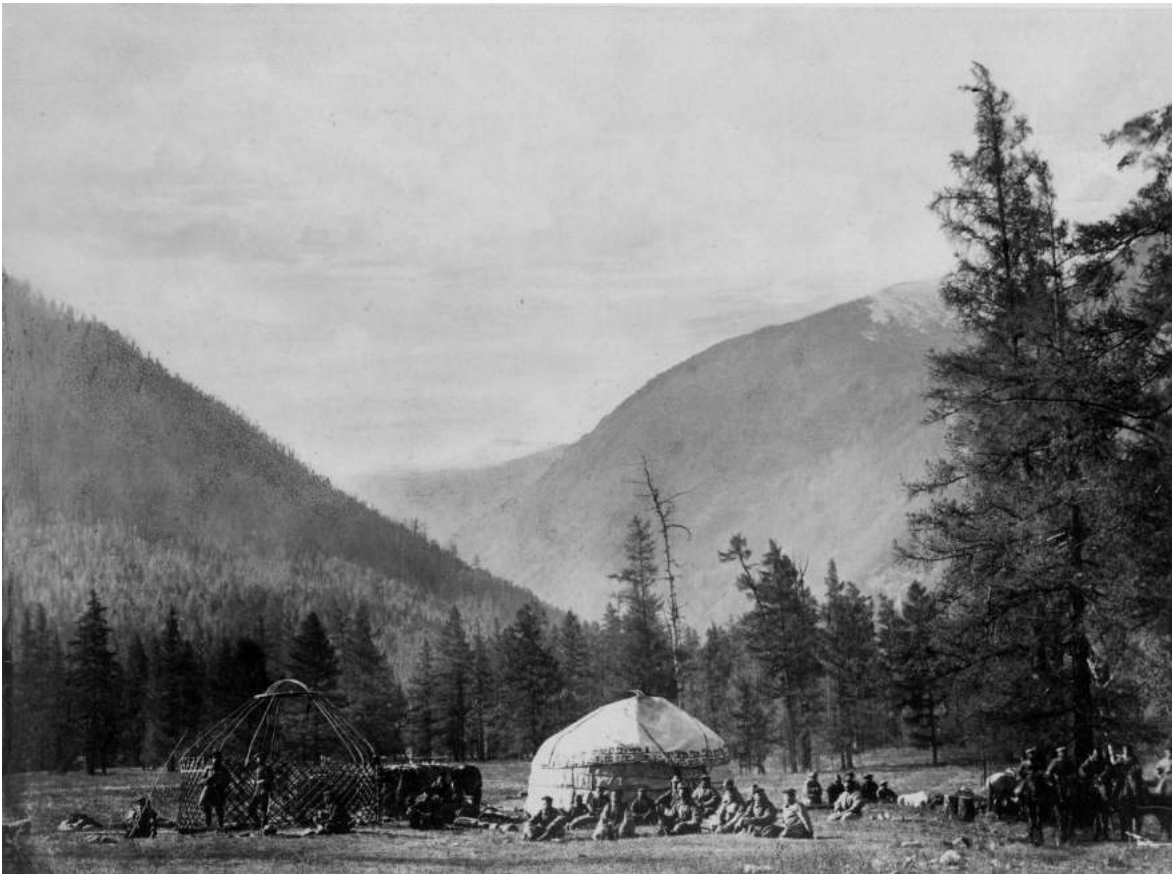

Рис. 92 – 103. Различные экологические ниши на территории Саяно-Алтае-Хангайского нагорья, занимаемые обществами со скотоводческой и присваивающей экономикой (материалы фотоархива ИИМК РАН)

Рис. 104. Реконструкция планировки центральной части городища Иднакар по результатам междисциплинарных исследований

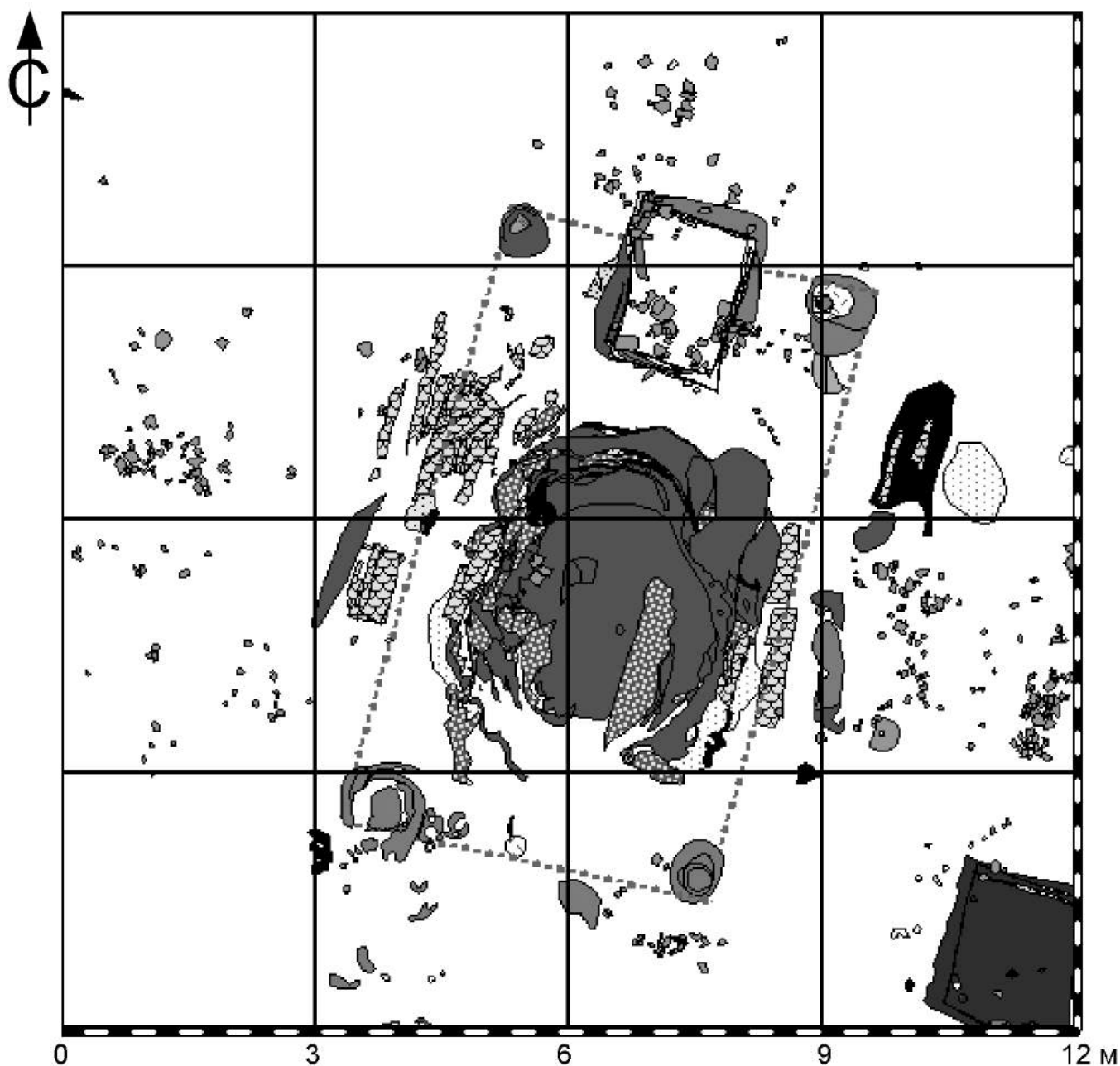

Рис. 105. Жилая постройка в центральной части городища Иднакар.
Поздний уровень планировки

Условные обозначения

- Прокаленная глина коричневых, красных, желтых и бурых тонов
- Глина с примесью песка коричневых, красноватых, желтых оттенков
- Глина коричневых, красных, желтых и бурых тонов
- Дерево, в т.ч. обугленное дерево, труха
- Камни
- Уголь, насыщенные углем слои
- Зола, насыщенные золой слои
- Предполагаемые границы объектов планировки (построек)

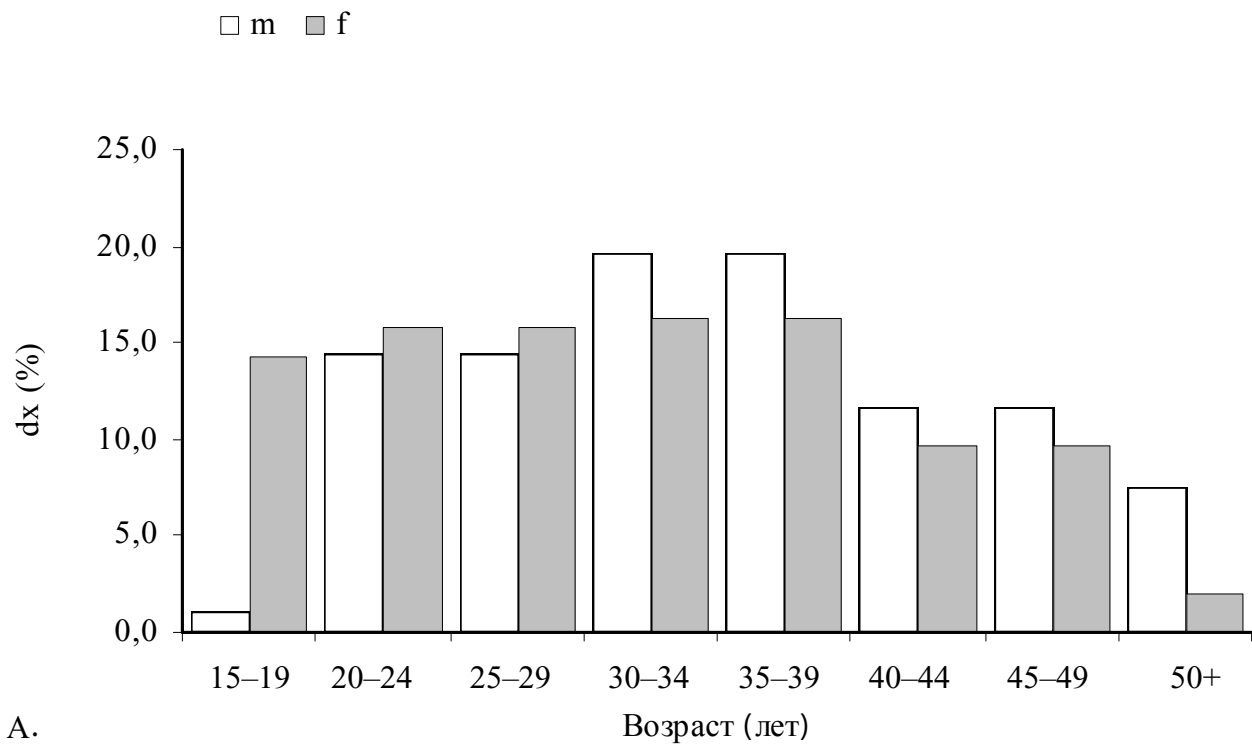

Рис. 106. Половозрастная структура индивидов из некрополя Эквен

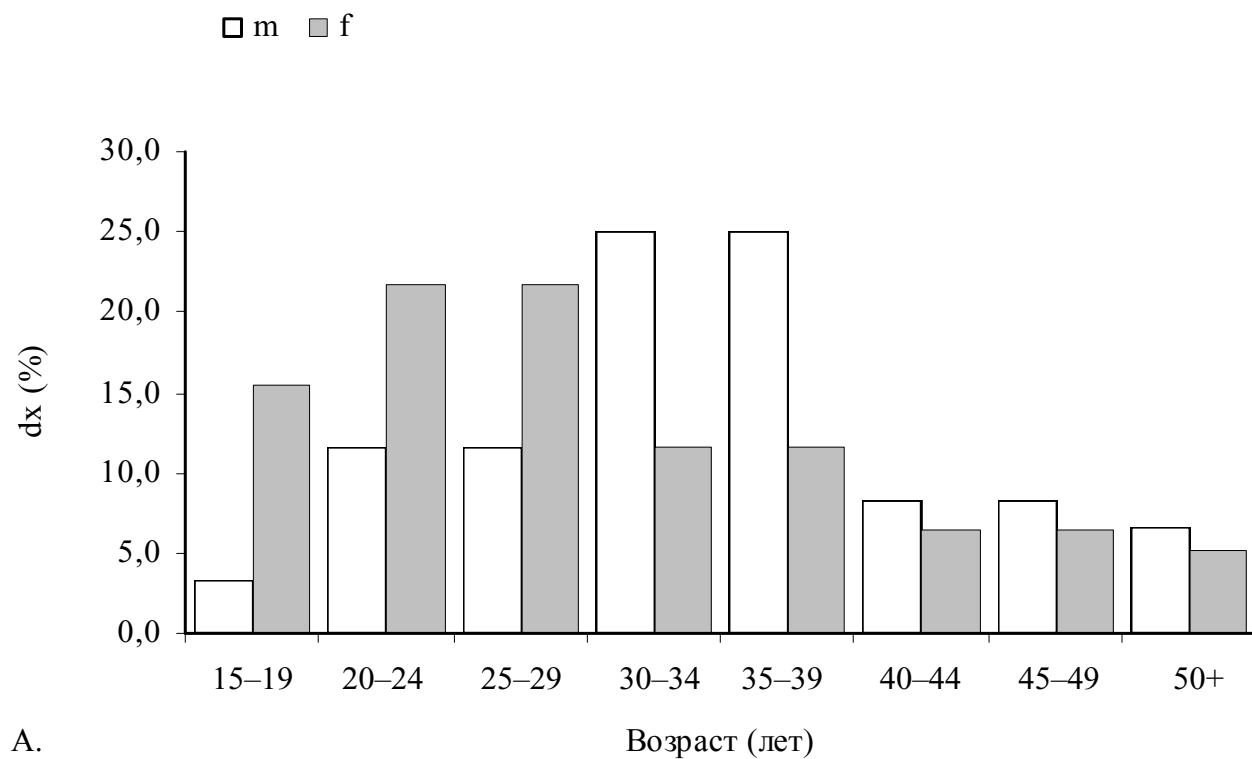

Рис. 107. Половозрастная структура индивидов из некрополя Уэлен

Рис. 108. Stribra orbitalia в группах из некрополей Эквен и Уэлен

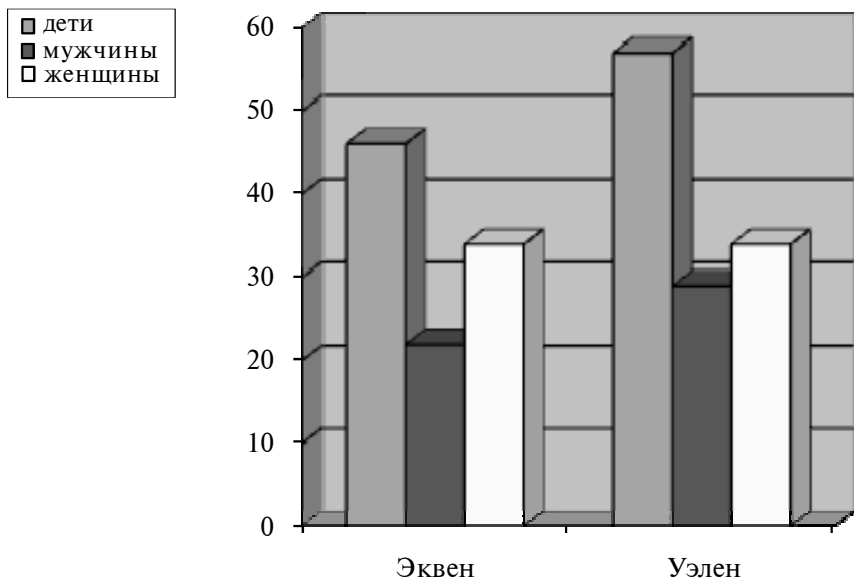

Рис. 109. Сосудистая реакция на костях черепа в группах из некрополей Эквен и Уэлен

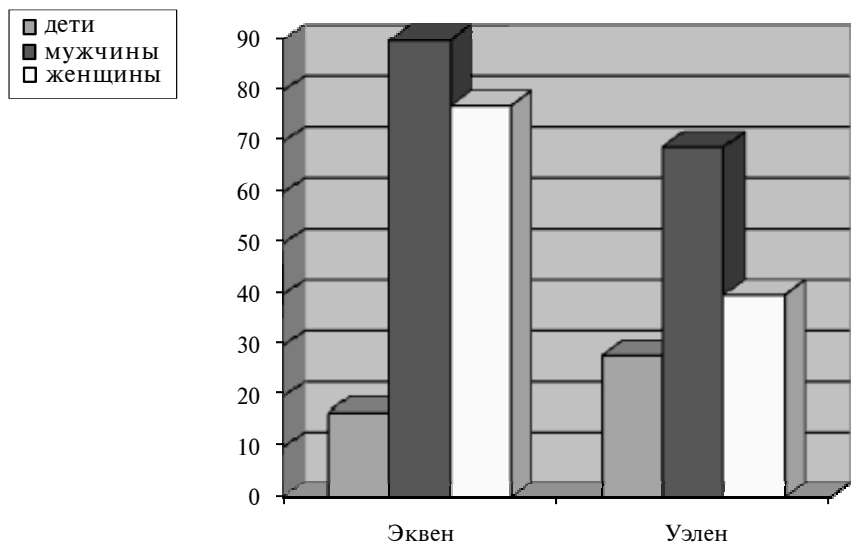

Рис. 110. Эмалевая гипоплазия на зубах в группах из некрополей Эквен и Уэлен

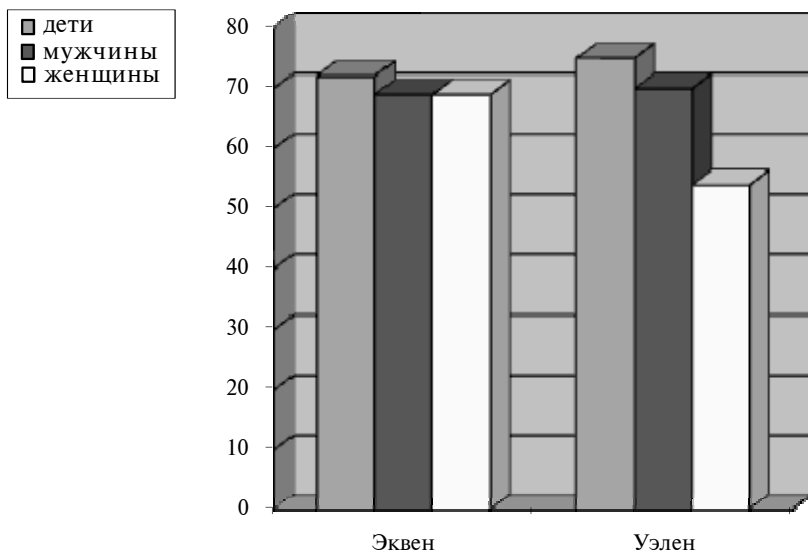

Рис. 111. Функциональная стертость зубной коронки

Рис. 112. Место разбивки Раскопа № II у северо-восточной стены Преображенского собора. Вид с севера

Рис. 113. Начало работ на Раскопе № III у северной стены Преображенского собора. Вид с северо-запада

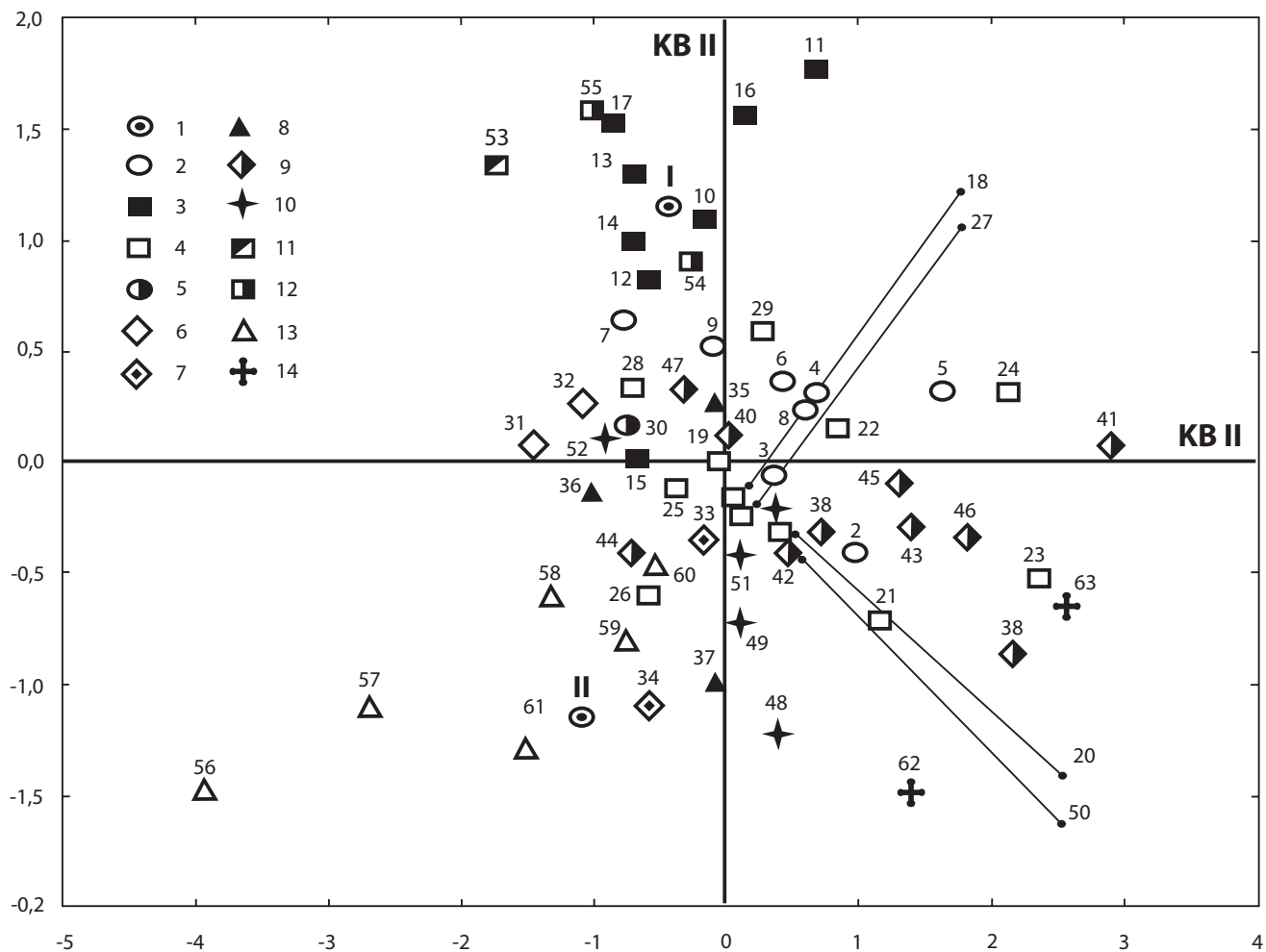

Рис. 114. Положение близких к современности краниологических серий с территории Восточной Европы в пространстве I и II канонических векторов:

I – «высокоголовая» серия с о. Кизи; II – «низкоголовая» серия с о. Кизи; 2 – русские; 3 – карелы; 4 – финны; 5 – коми-пермяки;

6 – удмурты; 7 – марийцы; 8 – мордва; 9 – латыши; 10 – эстонцы; 11 – ижора; 12 – коми-зыряне; 13 – саамы; 14 – шведы.

Нумерация групп соответствует принятой в табл. 14

Рис. 115. Скульптурная реконструкция по черепу женщины из могильника Эквен. Автор: Т. С. Балуева

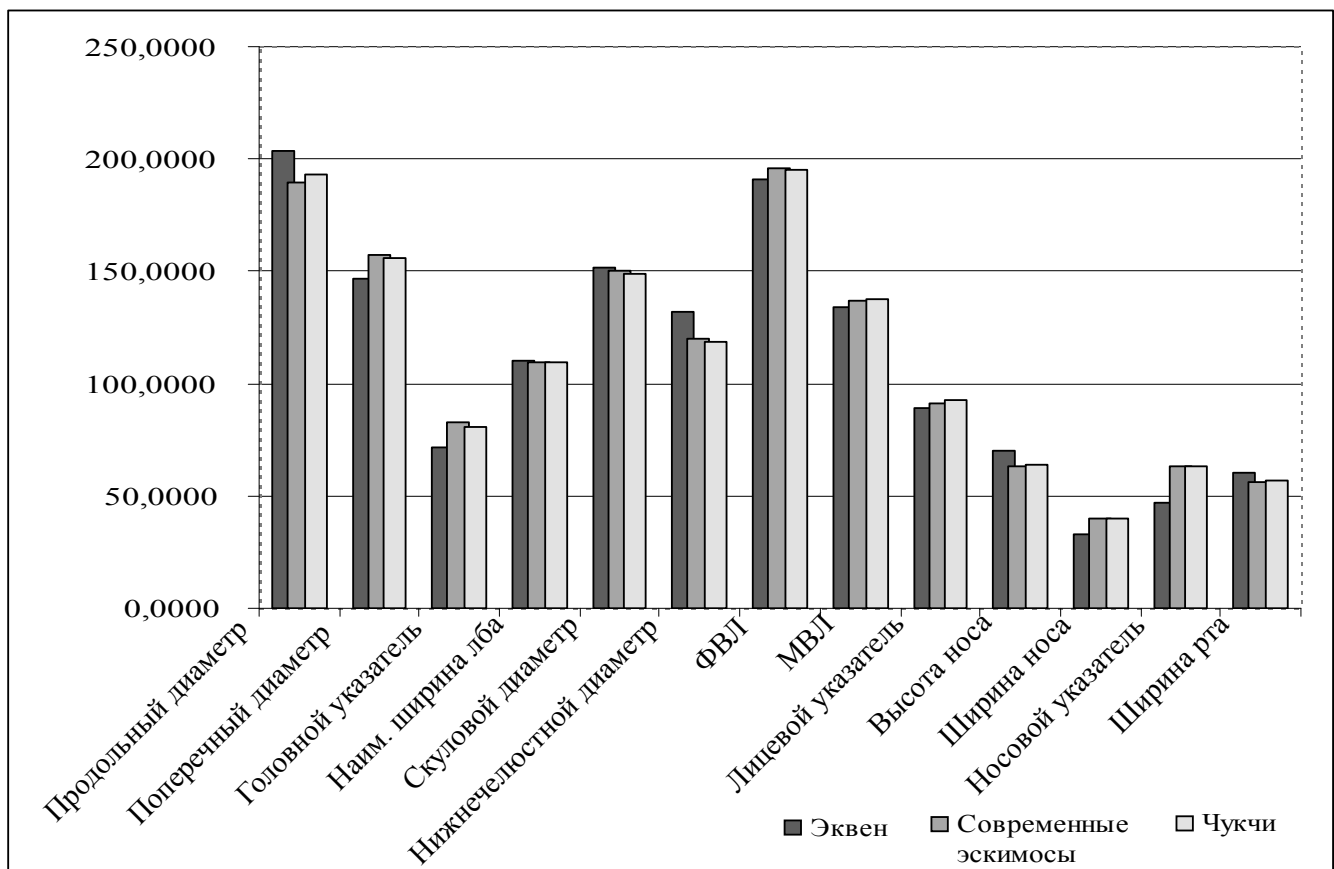

Рис. 116. Сопоставление реконструированной выборки с современными группами

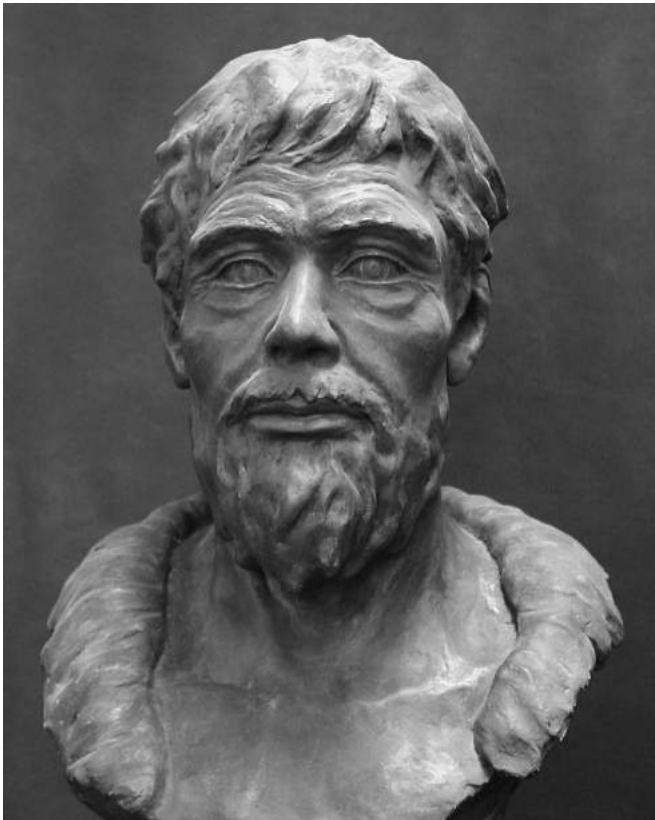

Рис. 117. Скульптурная реконструкция по черепу мужчины из могильника Коскудук.
Автор: Е. В. Веселовская

Рис. 118. Скульптурная реконструкция по черепу мужчины из Гумаровских курганов.
Автор: Т. С. Балужева

Рис. 119. Скульптурная реконструкция по черепу мужчины из Гумаровских курганов.
Автор: Т. С. Балужева

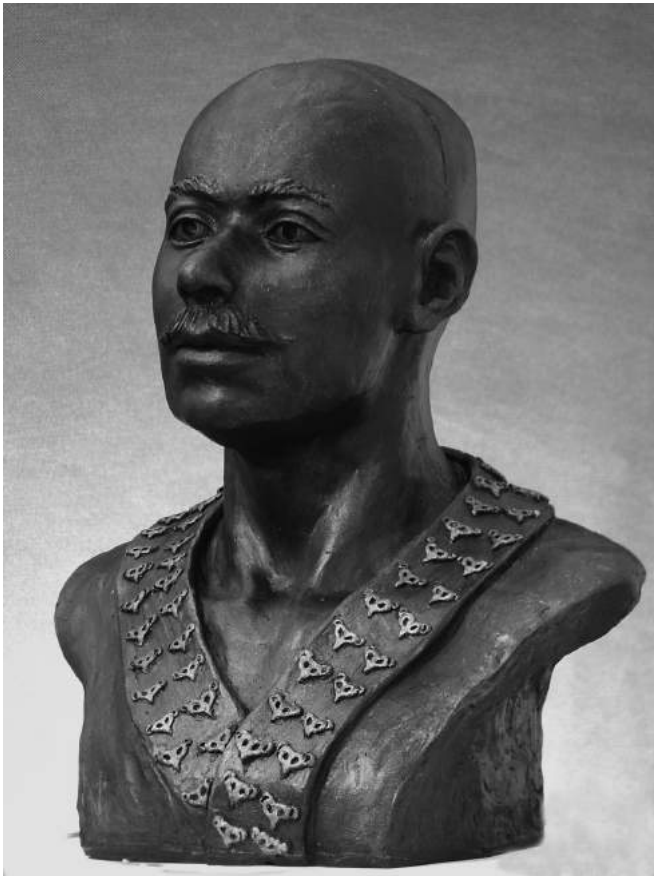

Рис. 120. Скульптурная реконструкция по черепу мужчины из могильника Чиликты. Авторы: Т. С. Балуева, Е. В. Веселовская

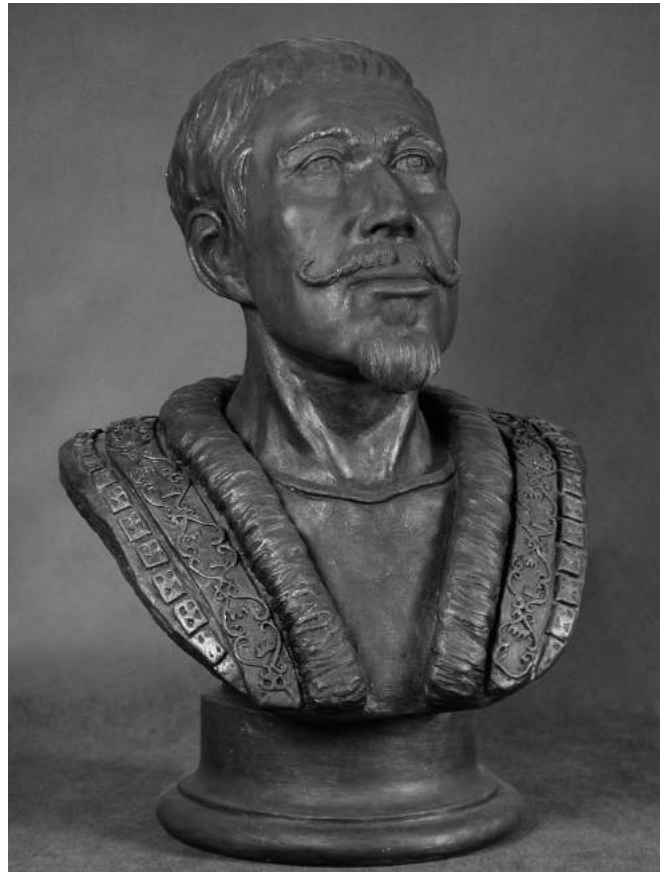

Рис. 121. Скульптурная реконструкция по черепу мужчины из могильника Берел. Автор: Е. В. Веселовская

Рис. 122. Скульптурная реконструкция по черепу мужчины из Филипповских курганов. Автор: Т. С. Балуева

Рис. 123. Скульптурная реконструкция по черепу женщины из Филипповских курганов.
Автор: Т. С. Балуева

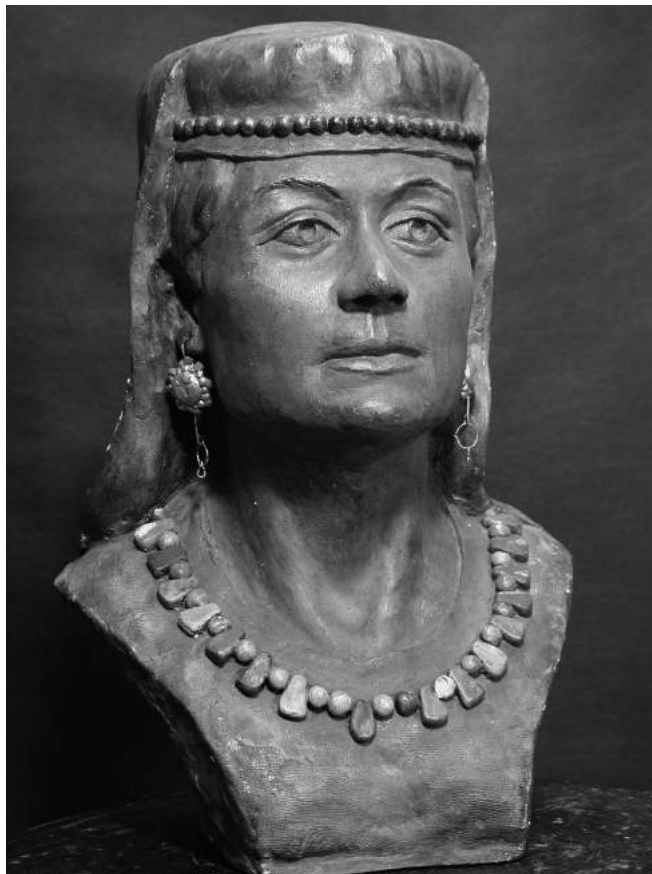

Рис. 124. Скульптурная реконструкция по черепу женщины из могильника Исаковка.
Автор: Т. С. Балуева

Рис. 125. Скульптурная реконструкция по черепу женщины из могильника Алтынасар.
Автор: Е. В. Веселовская

Рис. 126. Скульптурная реконструкция по черепу женщины из могильника Алтынасар.
Автор: О. М. Григорьева

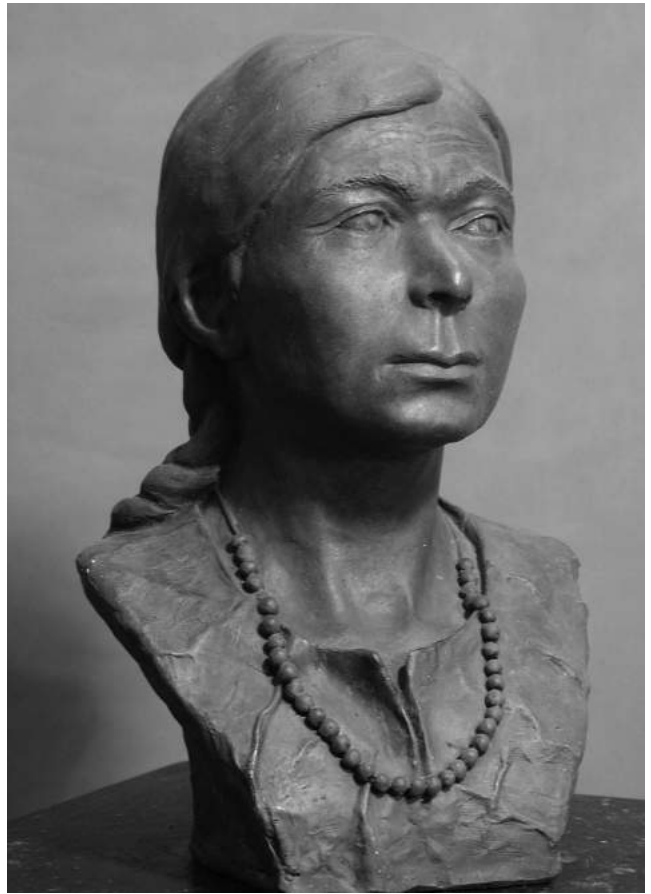

Рис. 127. Скульптурная реконструкция по черепу женщины из могильника Сары-Камыс.
Автор: Е. В. Веселовская

Рис. 128. Скульптурная реконструкция по черепу мужчины из могильника Каракыстак.
Авторы: Т. С. Балыева, Е. В. Веселовская

Рис. 129. Скульптурная реконструкция по черепу женщины из могильника Бозок. Авторы: Т. С. Балужева, Е. В. Веселовская

Рис. 130. Скульптурная реконструкция по черепу казахского бия Айтеке Би Байбекулы. Авторы: Т. С. Балужева, Е. В. Веселовская

Рис. 131. Скульптурная реконструкция по черепу казахского батыра Кобыланды. Авторы: Т. С. Балужева, Е. В. Веселовская

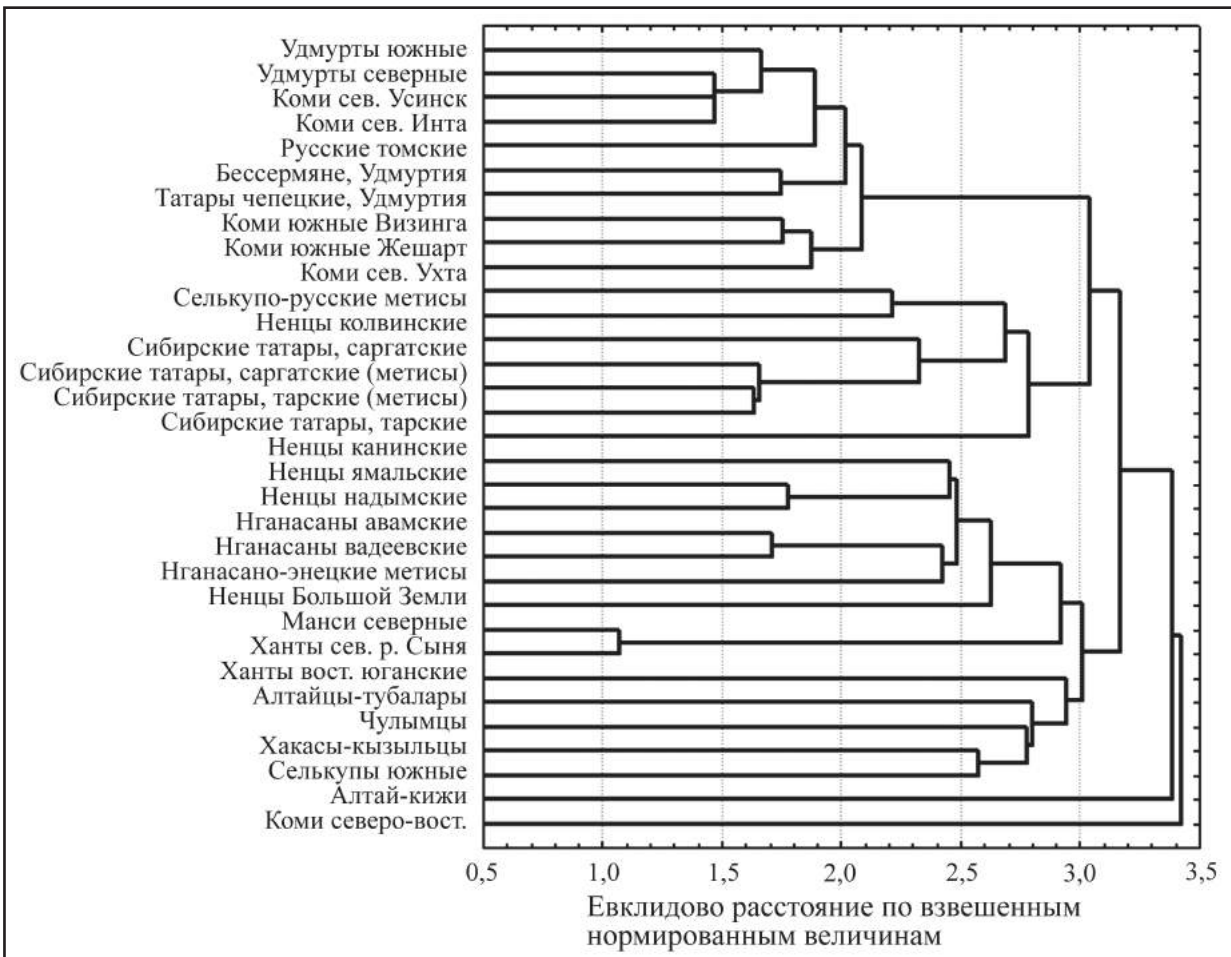

Рис. 132. Кластеризация групп по комплексу признаков физической внешности

Рис. 133. Семья назымских хантов в пос. Кышик

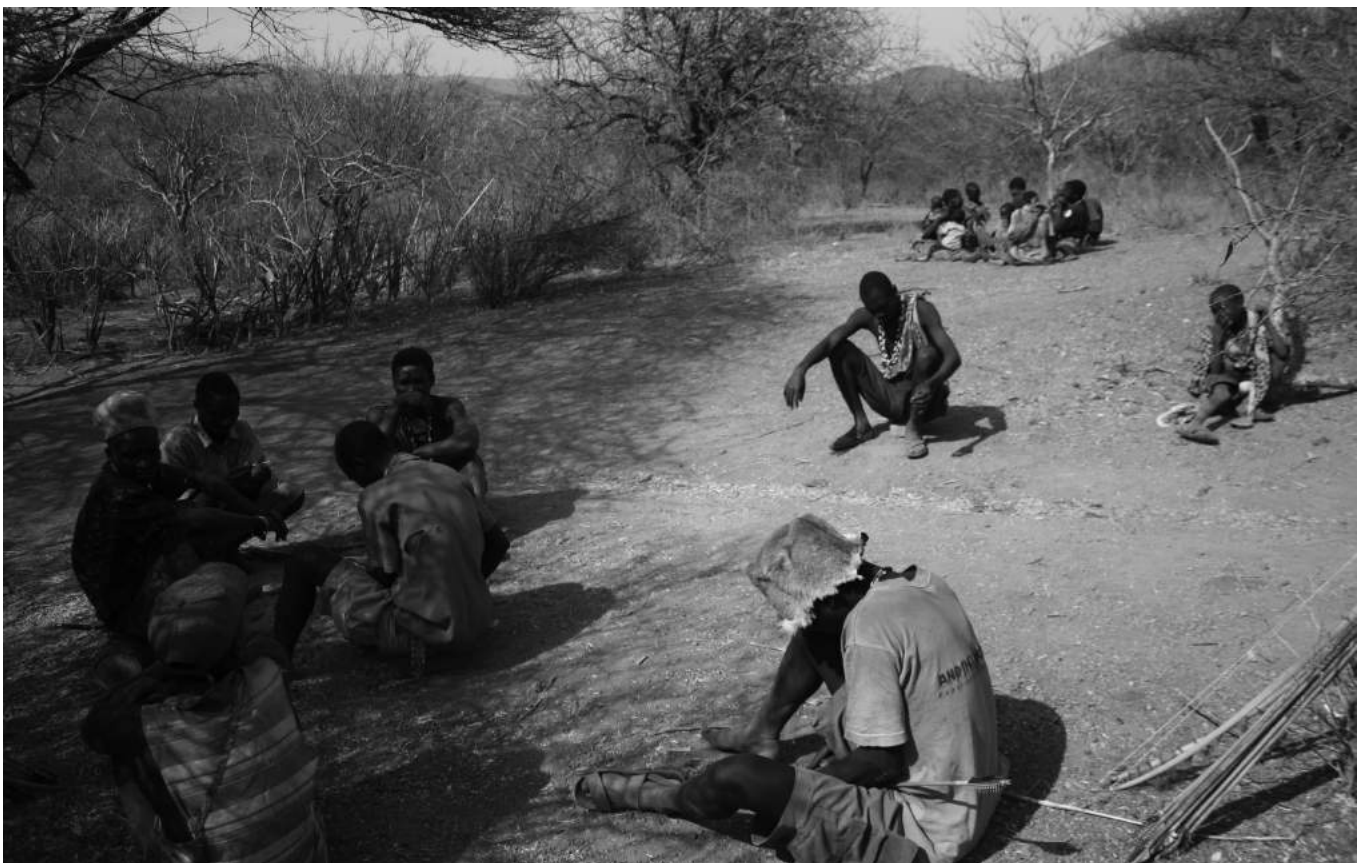

Рис. 134. Лагерь хадза (фото М. Л. Бутовской)

Рис. 135. Молодые мужчины датого (фото М. Л. Бутовской)

Рис. 136. Измерение пальцев у датого (фото М. Драмбян)

Рис. 137. Хозяин бомы Гевай с семьей (фото М. Драмбян)

Рис. 138. Лидер группы хадза Ньерере (фото В. Буркова)

Раздел 2. История и этнология

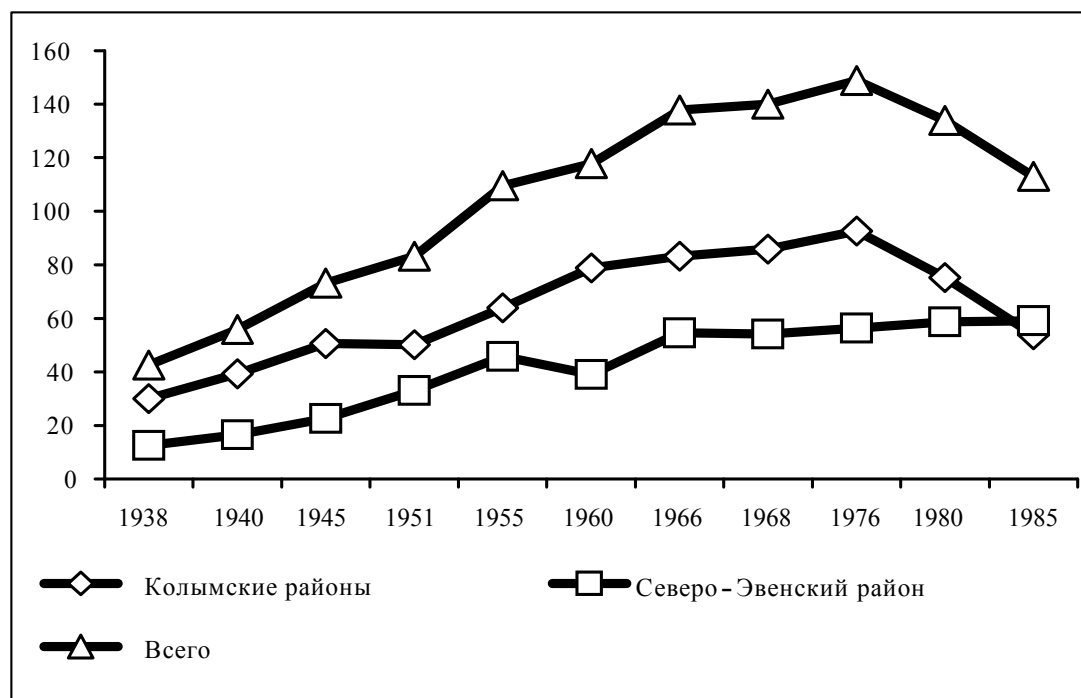

Рис. 1. Динамика оленепоголовья в Магаданской обл., тыс. голов

Источники: Составлено по: Бацаев И. Д. Сельское и промысловое хозяйство Северо-Востока России 1929–1953 гг. Магадан, 1997. С. 71; Бацаев И. Д. Агропромышленный комплекс Северо-Востока России 1954–1991 гг. (этапы развития, особенности, эффективность). Магадан, 2001. С. 112; Народное хозяйство Магаданской области. Статистический сборник. Магадан, 1960. С. 42; Народное хозяйство Магаданской области в девятой пятилетке. Краткий статистический сборник. Магадан, 1976. С. 52; Пантин О. А. Продовольственная программа КПСС, резервы оленеводства // Магаданский оленевод, 1986. С. 10; Устинов В. И. Развитие товарного оленеводства // Север Дальнего Востока. М., 1970. С. 10

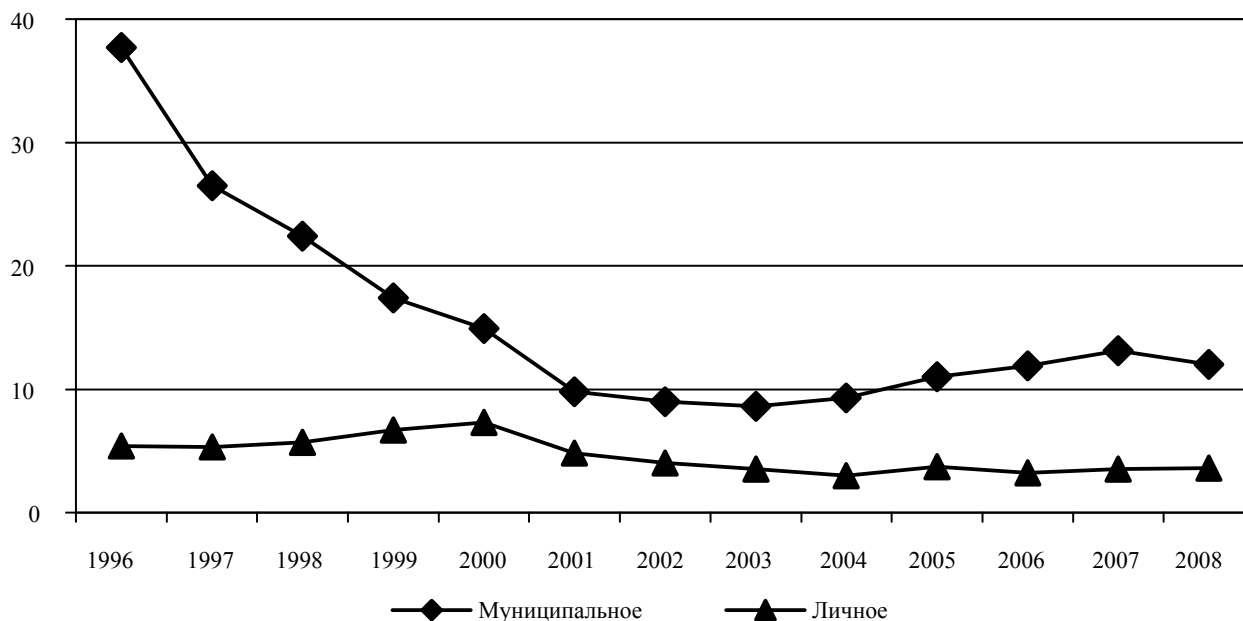

Рис. 2. Численность оленепоголовья Северо-Эвенского р-на, тыс. голов (данные на начало года)

Источники: Хаховская Л. Н. Оленеводство Магаданской области в рыночных условиях // Вестник ДВО РАН, 2007. № 3. С. 79; Полевые материалы автора: текущий архив администрации Северо-Эвенского района

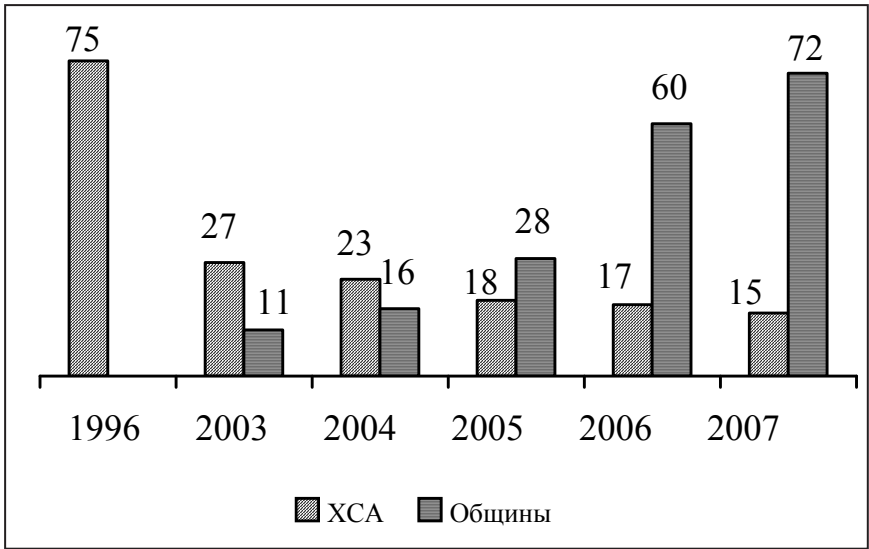

Рис. 3. Динамика аборигенных предприятий Магаданской обл., занятых в сфере рыбодобычи
 Источник: Полевые материалы автора: текущий архив администрации Ольского р-на и областной ассоциации КМНС

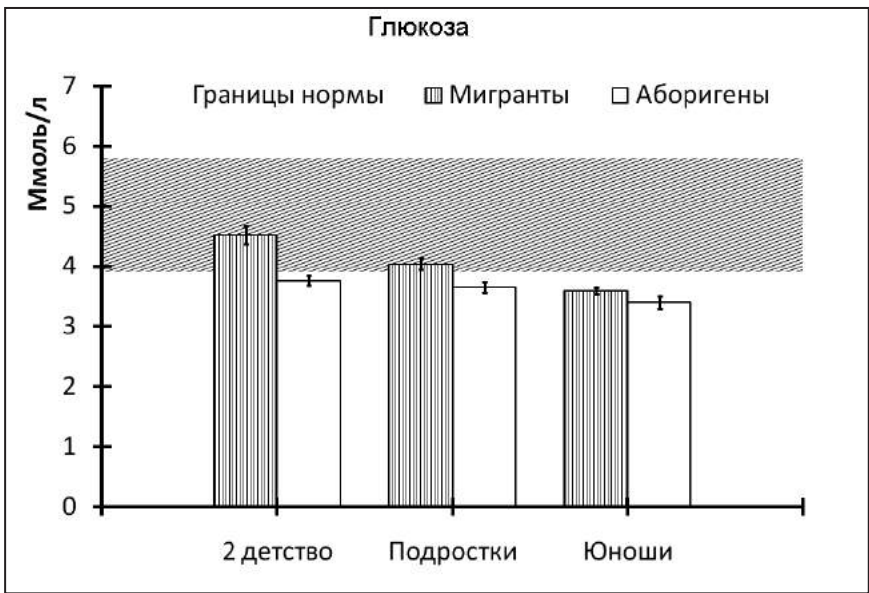

Рис. 4. Онтогенетическая динамика сывороточной глюкозы детей Северо-Востока России

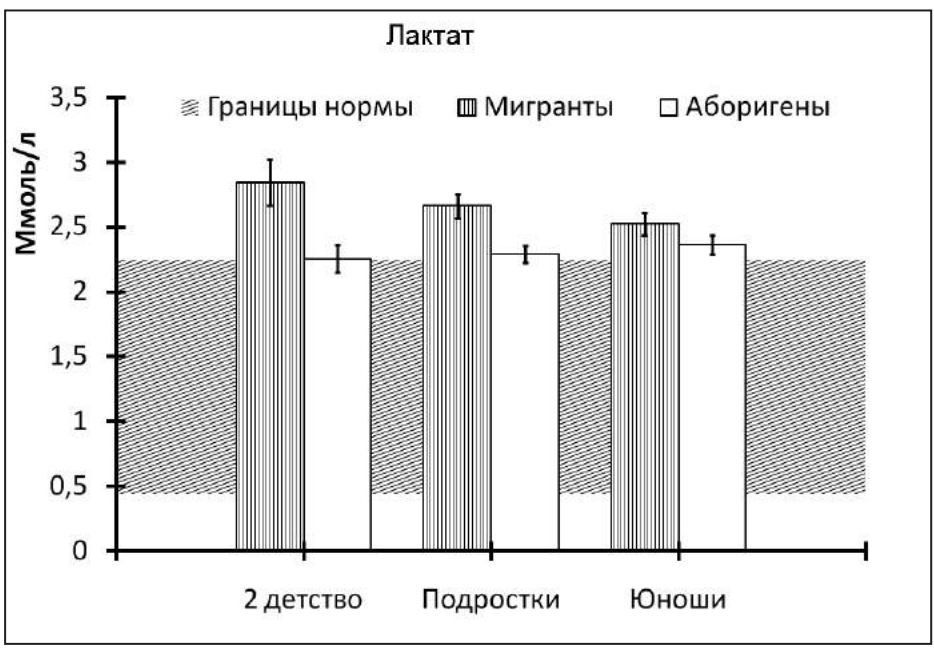

Рис. 5. Динамика лактата в процессе онтогенеза детской популяции Северо-Востока России

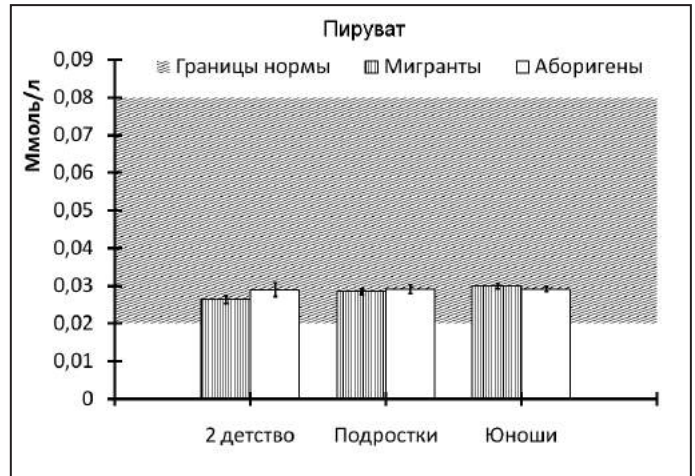
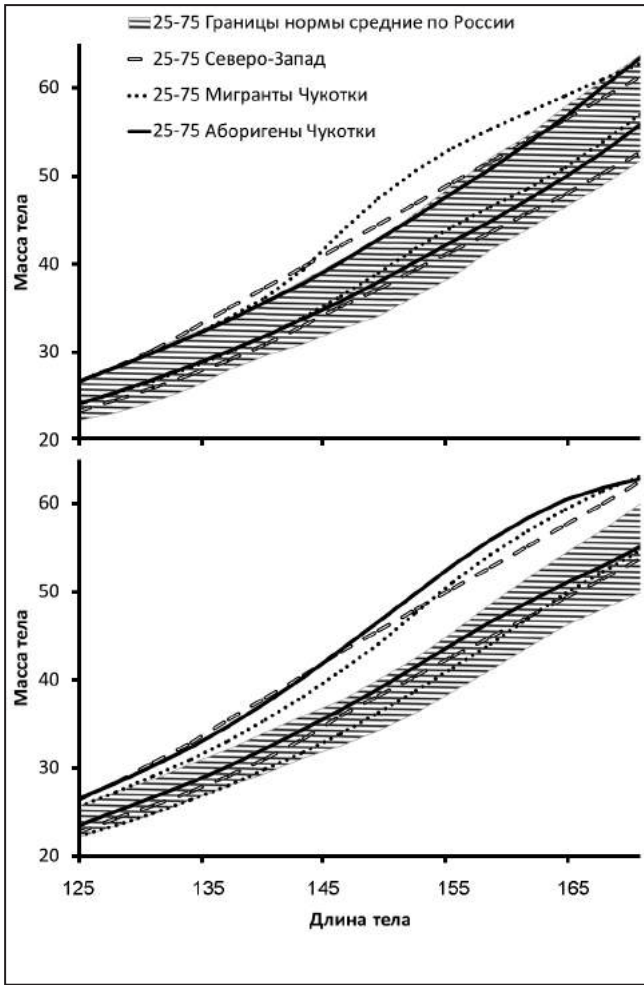
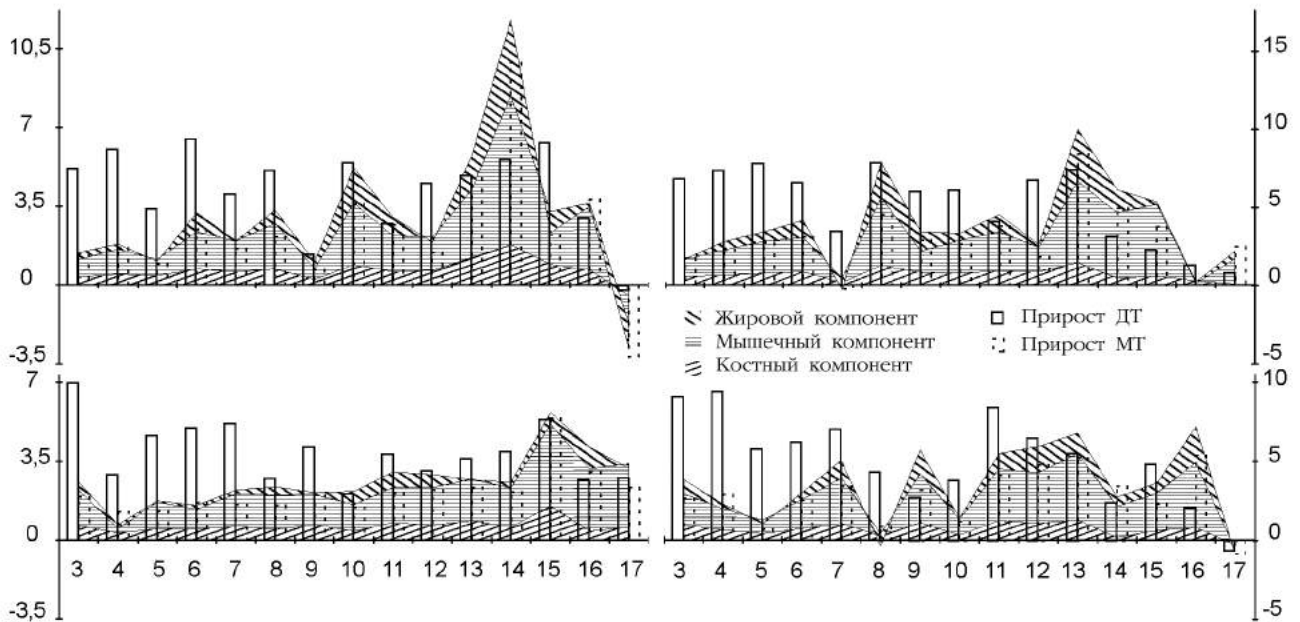

Рис. 6. Изменения пирувата в процессе онтогенеза детской популяции Северо-Востока России

Рис. 7. Центильное распределение массы тела в зависимости от длины тела детской популяции Северо-Востока и Северо-Запада России

Рис. 8. Динамика приростов длины и массы тела, компонентов сомы детской популяции Северо-Востока России

Раздел 3. Филология

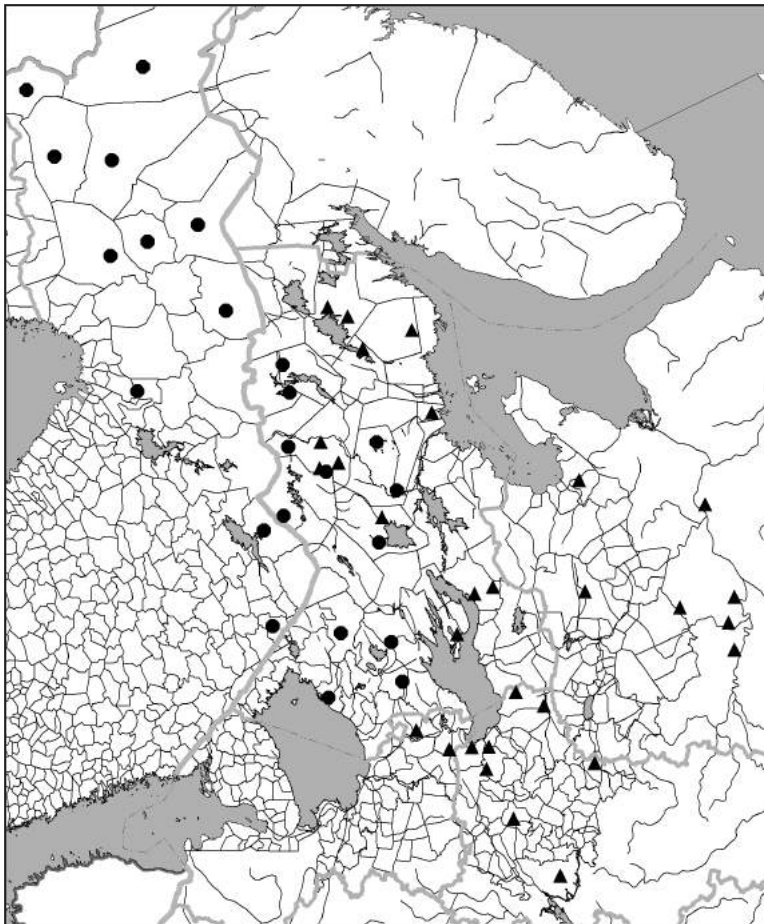

Рис. 1. Ареальная дистрибуция саамских топонимов Lusm-(●) и Čolm- (▲)

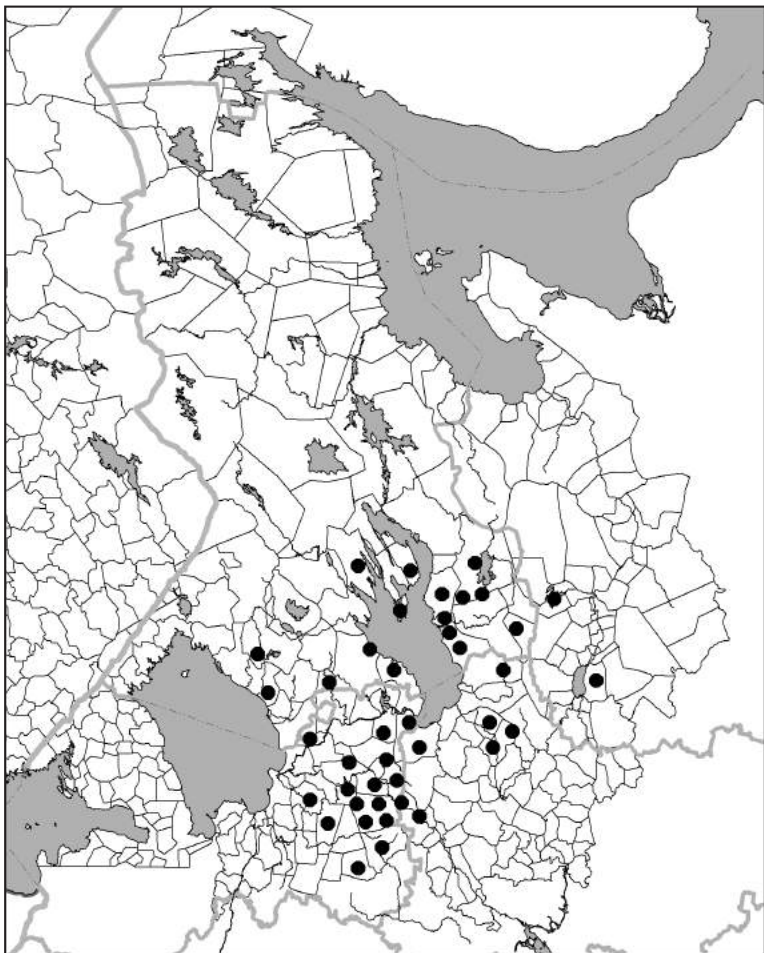

Рис. 2. Ареал вепсской топонимы Vadag'

Рис. 3. Северная граница распространения топоосновы Niini- ●, Лип- ▲ в Карелии

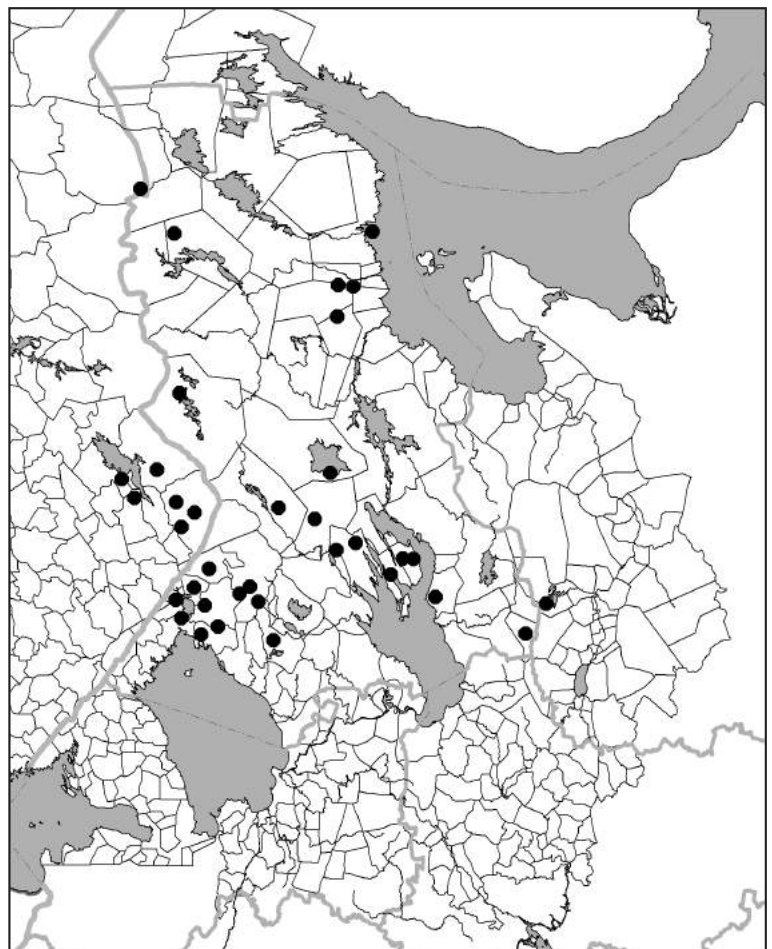
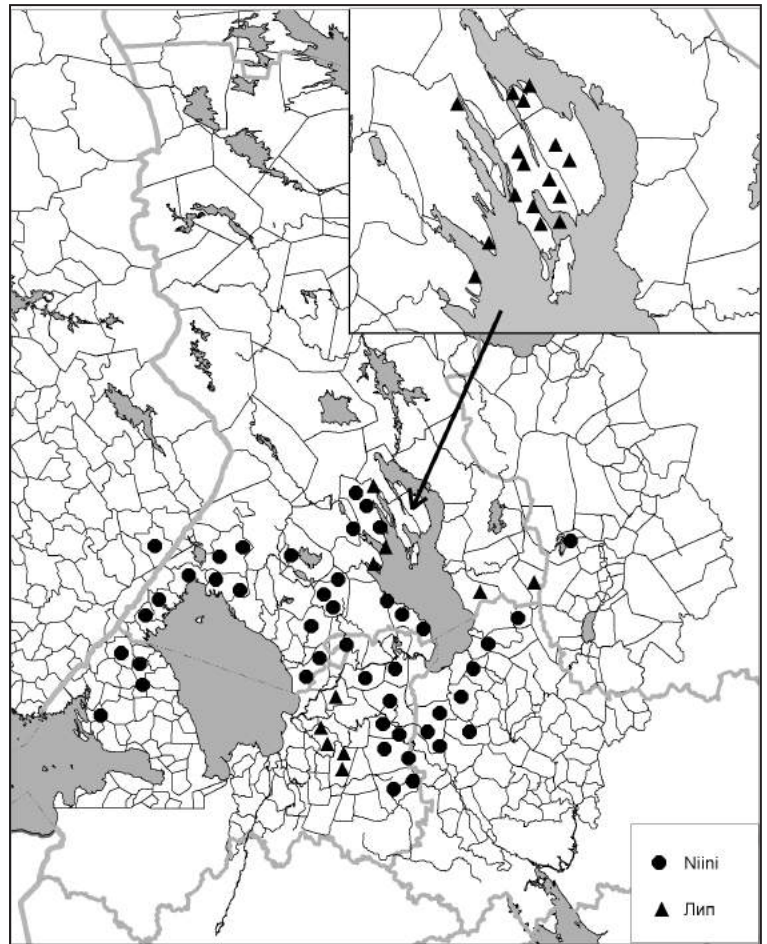

Рис. 4. Карельская модель Juymäkkö

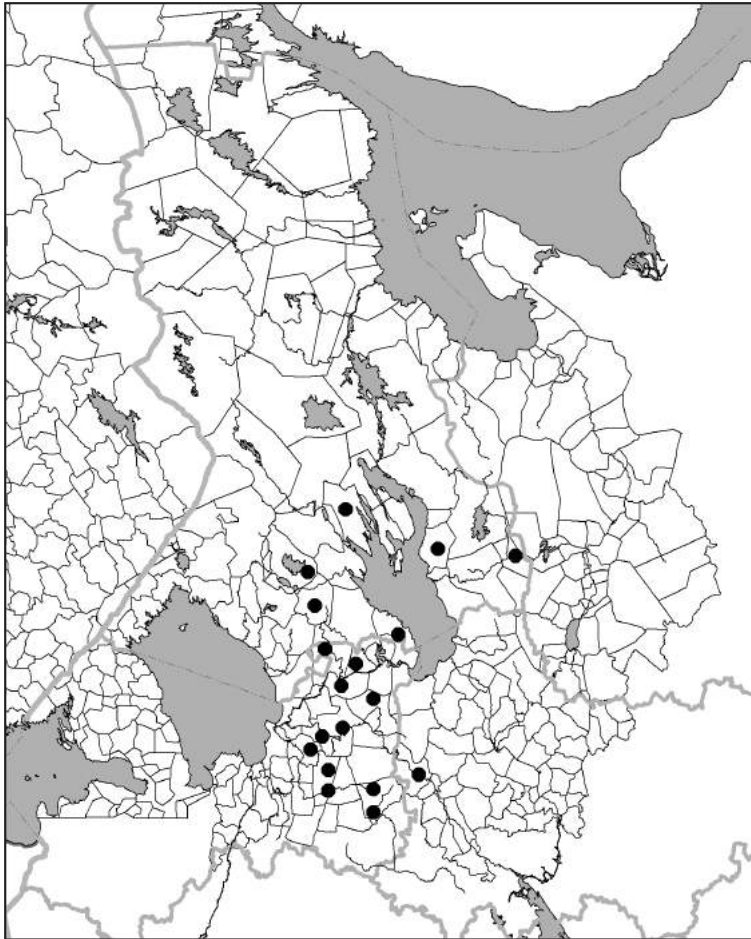

Рис. 5. Вепсская модель Kukoinharj «Петушиный гребень» как маркер ливвиковско-людиковской диалектной границы

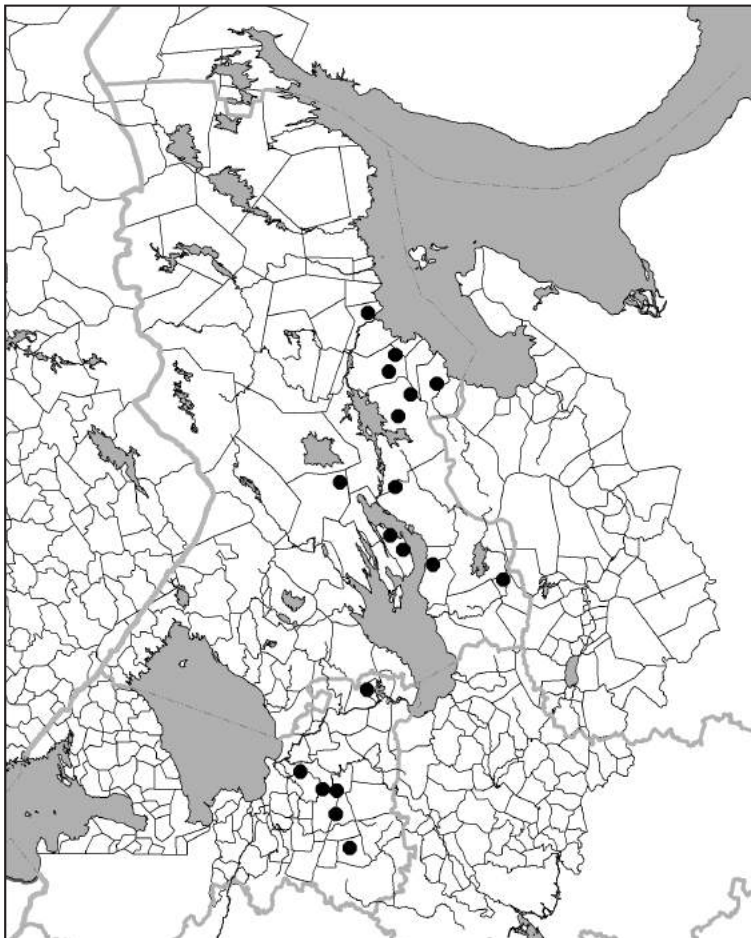

Рис. 6. Новгородская топооснова Острец-/ Остреч-, маркирующая продвижение новгородского освоения в Обонежье и Беломорье

Рис. 7. Выступление Народного хора русской песни «Волна» во время научной конференции «Фольклор и музыкальная культура Дагестана и Северного Кавказа», г. Махачкала, 2006 г.

Рис. 8. Выступление Карабудахкентского фольклорного ансамбля им. А. Капланова во время научной конференции «Фольклор и музыкальная культура Дагестана и Северного Кавказа», г. Махачкала, 2006 г.

Рис. 9. Изделия мастеров с. Унцукуль. Дерево с металлической инкрустацией. Витрина магазина «Умельцы Дагестана», г. Махачкала, 2007 г.

Рис. 10. Современная свадьба, с. Кубачи, 2007 г.

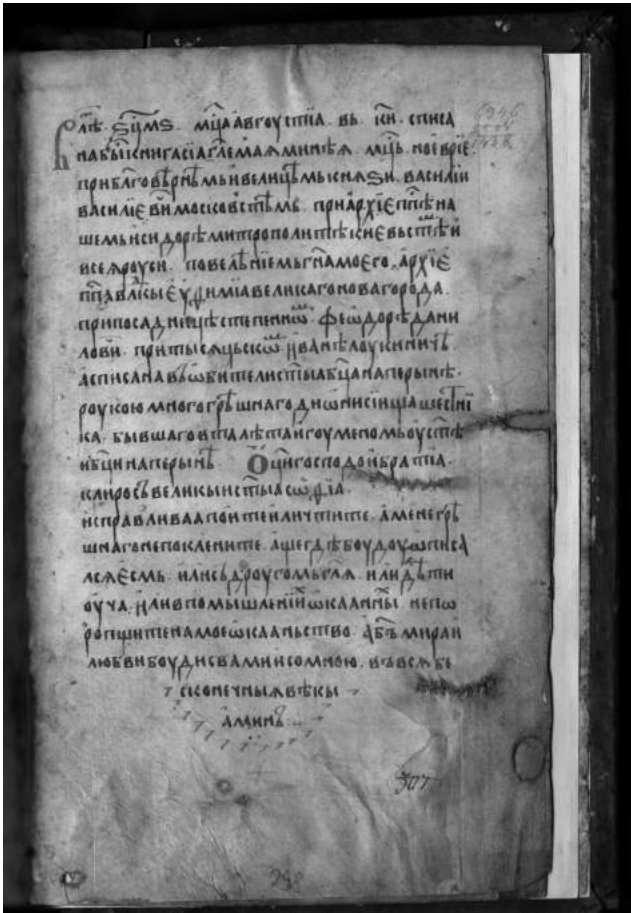

Рис. 11. Запись Дионисиша в Минее 1438 г. (РНБ. Соф. № 191. Л. 307)

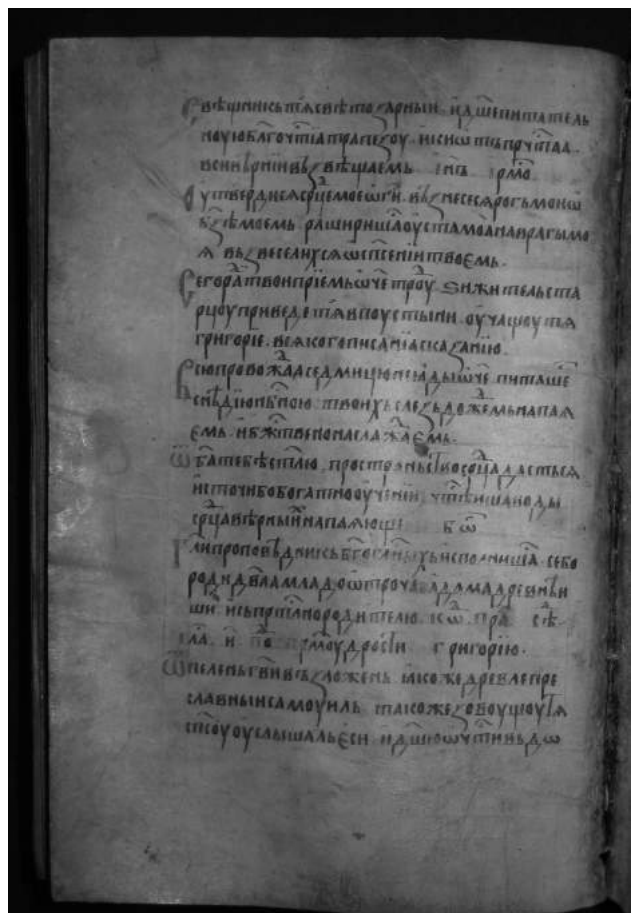

Рис. 12. Почерк Дионисиша в Минее 1438 г. (РНБ. Соф. № 191. Л. 220 об.)

Рис. 13. Почерк Дионисиша в Минее 1438 г. (РНБ. Соф. № 191. Л. 64 об.)

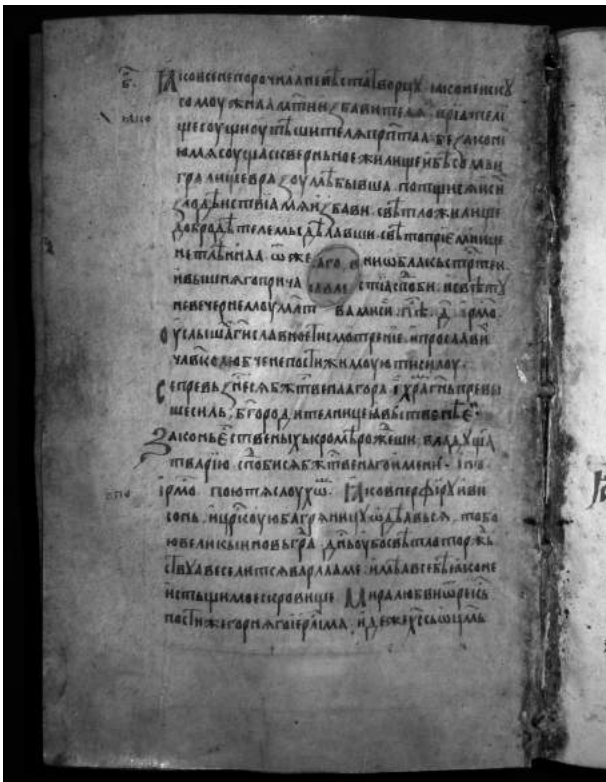
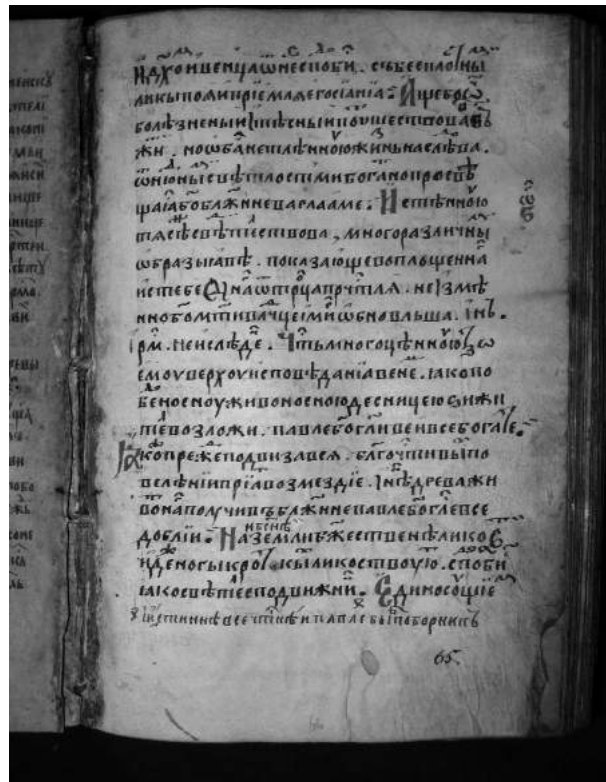

Рис. 14. Почерк писца XVI в. (РНБ. Соф. № 191. Л. 65)

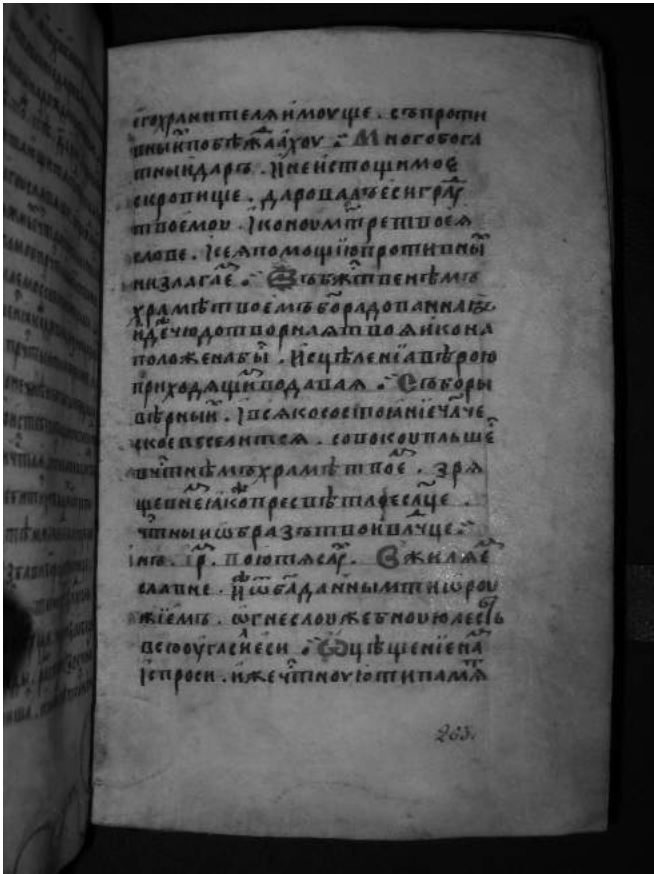

Рис. 15. Почерк писца XVI в. (РНБ. Соф. № 191. Л. 265)

Рис. 16. Почерк писца XVI в. (РНБ. Соф. № 191. Л. 252 об. – 253)

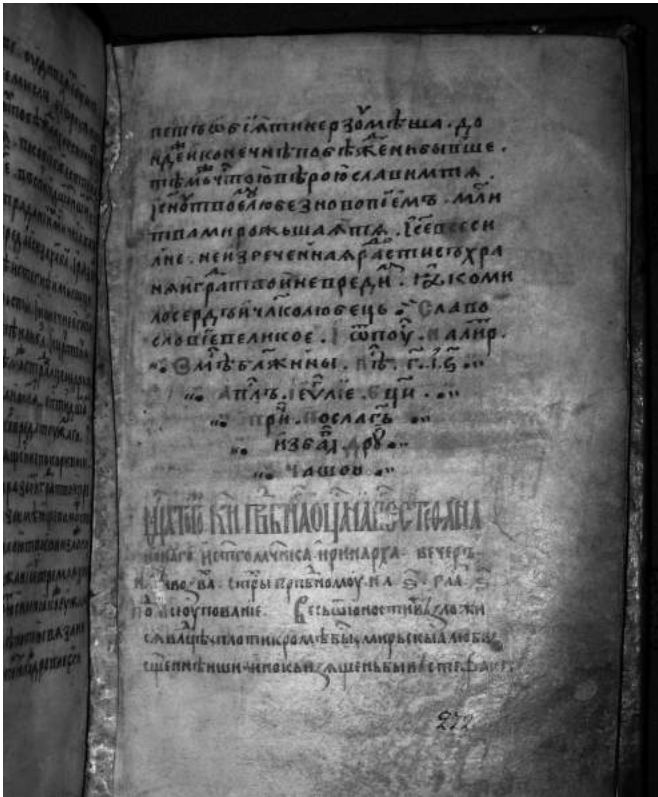

Рис. 17. Почерки Дионисиша и писца XVI в. (РНБ. Соф. № 191. Л. 272)

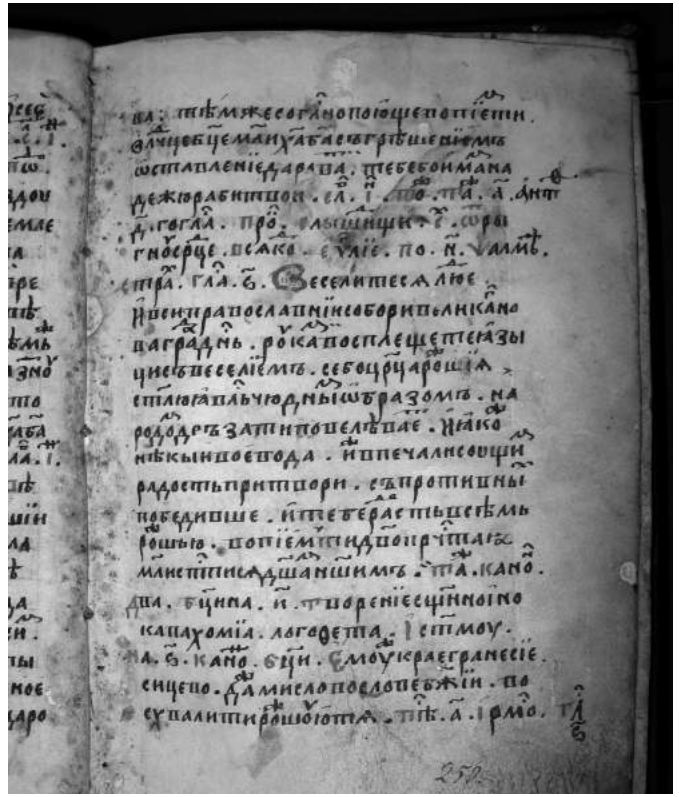

Рис. 18. Служба иконе «Богоматерь Знамение» с пометой о написании канонов Пахомием Логофетом (РНБ. Соф. № 191. Л. 259)

Рис. 19. Служба иконе «Богоматерь Знамение» с лигатурой имени Пахомия Логофета на левом поле (РНБ. Соф. № 191. Л. 259 об.)

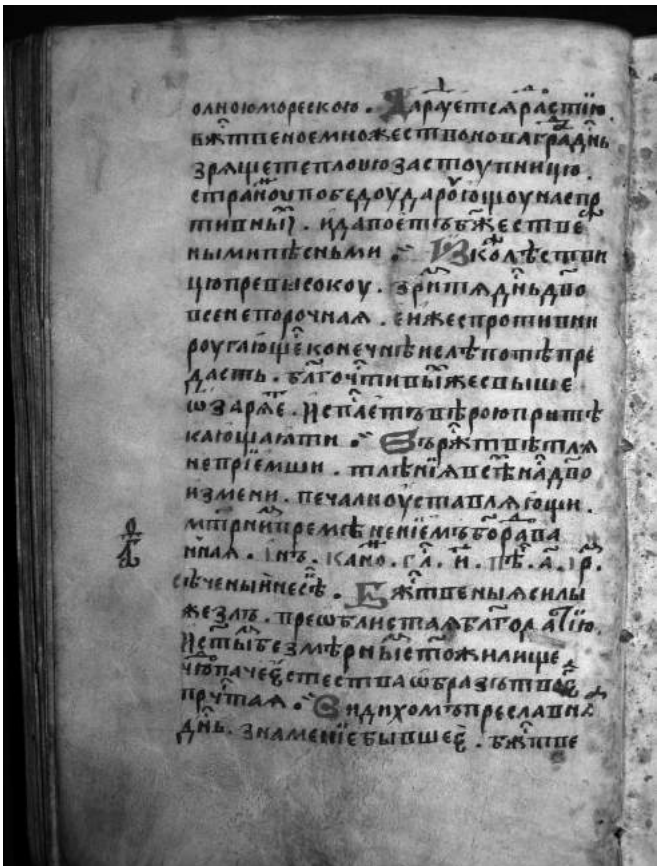

Рис. 20. Начальный лист «Слова похвального на пречистую память отца нашего Варлаама» в Минее 1438 г. (РНБ. Соф. № 191. Л. 53 об.)

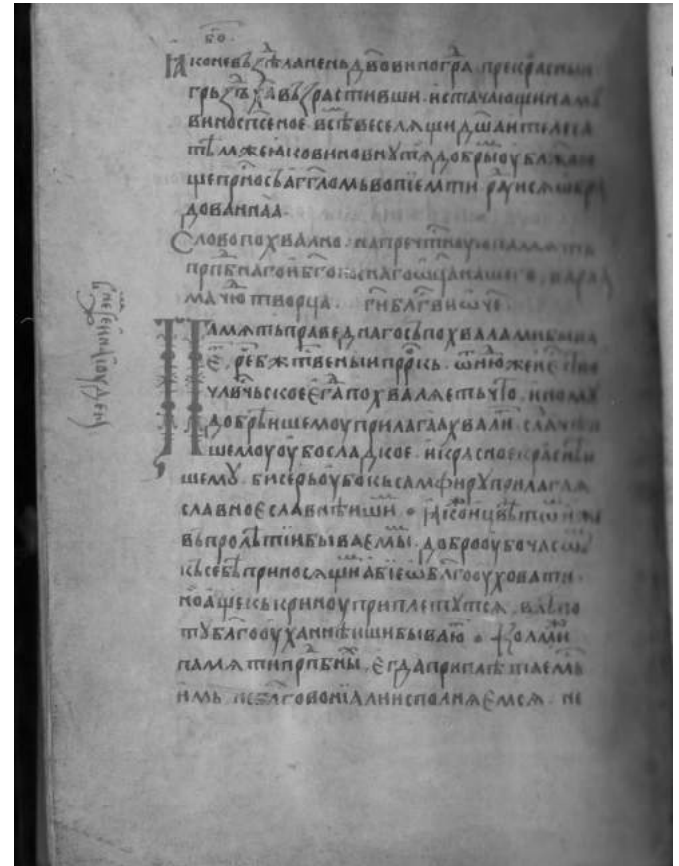

Рис. 21. Крест с венцом на куполе Георгиевской церкви в Казаках, г. Данков Липецкой обл.

Рис. 22. Георгиевская церковь в Казаках, г. Данков Липецкой обл.

Рис. 23. (а, б). Две горы Шишки, с. Дёмкино Чаплыгинского р-на Липецкой обл.

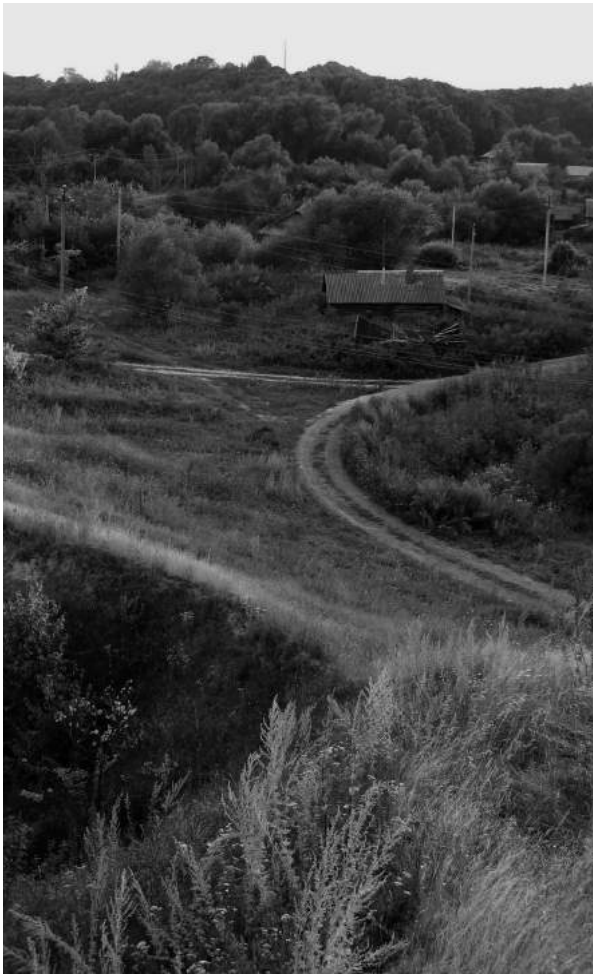

Рис. 24. Барская гора, с. Дёмкино Чаплыгинского района Липецкой обл.

Рис. 25. Небольшой узкий длинный мостик в виде деревянного настила в с. Дёмкино Чаплыгинского р-на Липецкой обл.

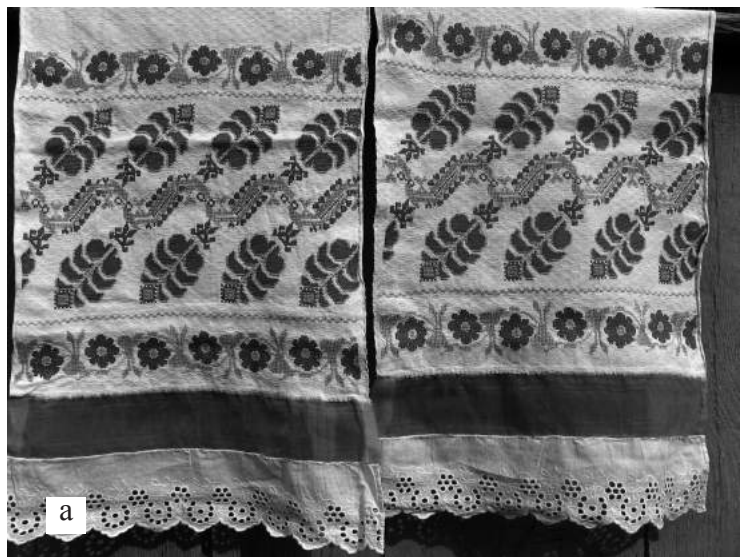

Рис. 26 (а, б). Узор вышивки на рушниках (полотенцах) «шишки» в с. Дёмкино Чаплыгинского р-на Липецкой обл.

Рис. 27. Положенные под углом в 90 градусов бревна и кострище между ними в подножии одной из гор Шишки, под сосной и березой

Рис. 28 (а, б). Вынос Феодотьевской иконы Божьей Матери (Феодотьевской) и пронесение ее над стоящим на коленях народом на украшенной цветами дорожке перед церковью в с. Федотьево Спасского р-на Рязанской обл.

а

б

Рис. 29 (а, б). Молебен о водосвятии и само освящение воды у поклонного креста, наделение паломников святой водой (заранее принесенной к кресту) и брошюрой о Феодотьевской иконе Божьей Матери

Рис. 30. Несение иконы Феодотьевской иконы Божьей Матери (Федотьевской) на специальных носилках в 2008 г. от церкви по с. Федотьево к поклонному кресту

Рис. 31. Паломники идут пешком к поклонному кресту, неся впереди маленькие бумажные иконки и исполняя церковные песнопения

Рис. 32. Крестный ход из с. Михалы Спасского р-на Рязанской обл., направлявшийся к поклонному кресту

Рис. 33. Остатки разрушенной церкви 1913 г. на городище Старая Рязань

Рис. 34. М. А. Яковлева беседует с начальником археологической экспедиции д-ром ист. наук А. В. Чернецовым около церкви у городища Старая Рязань

Рис. 35. Поклонный крест близ старой дороги и церкви у городища Старая Рязань

